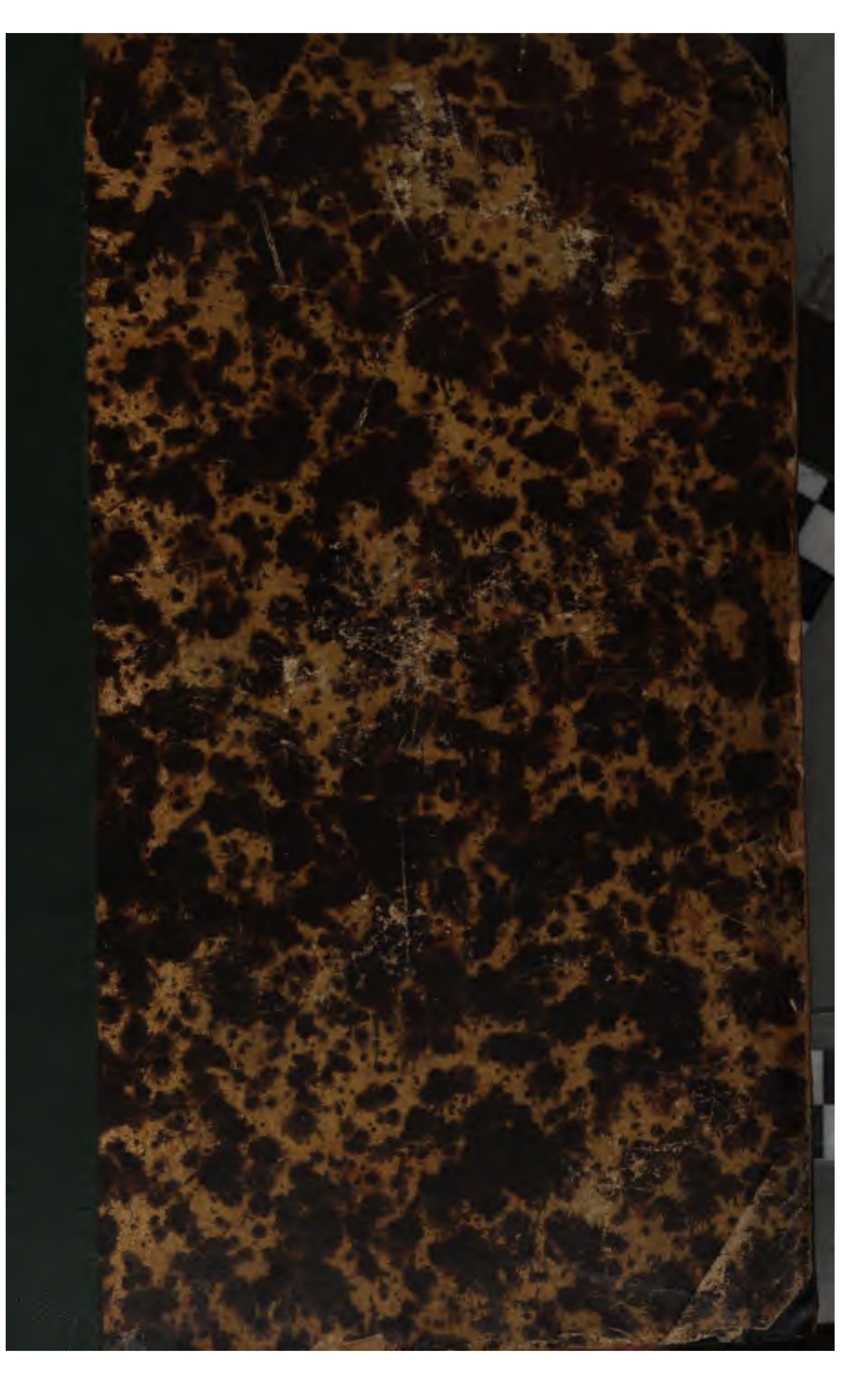
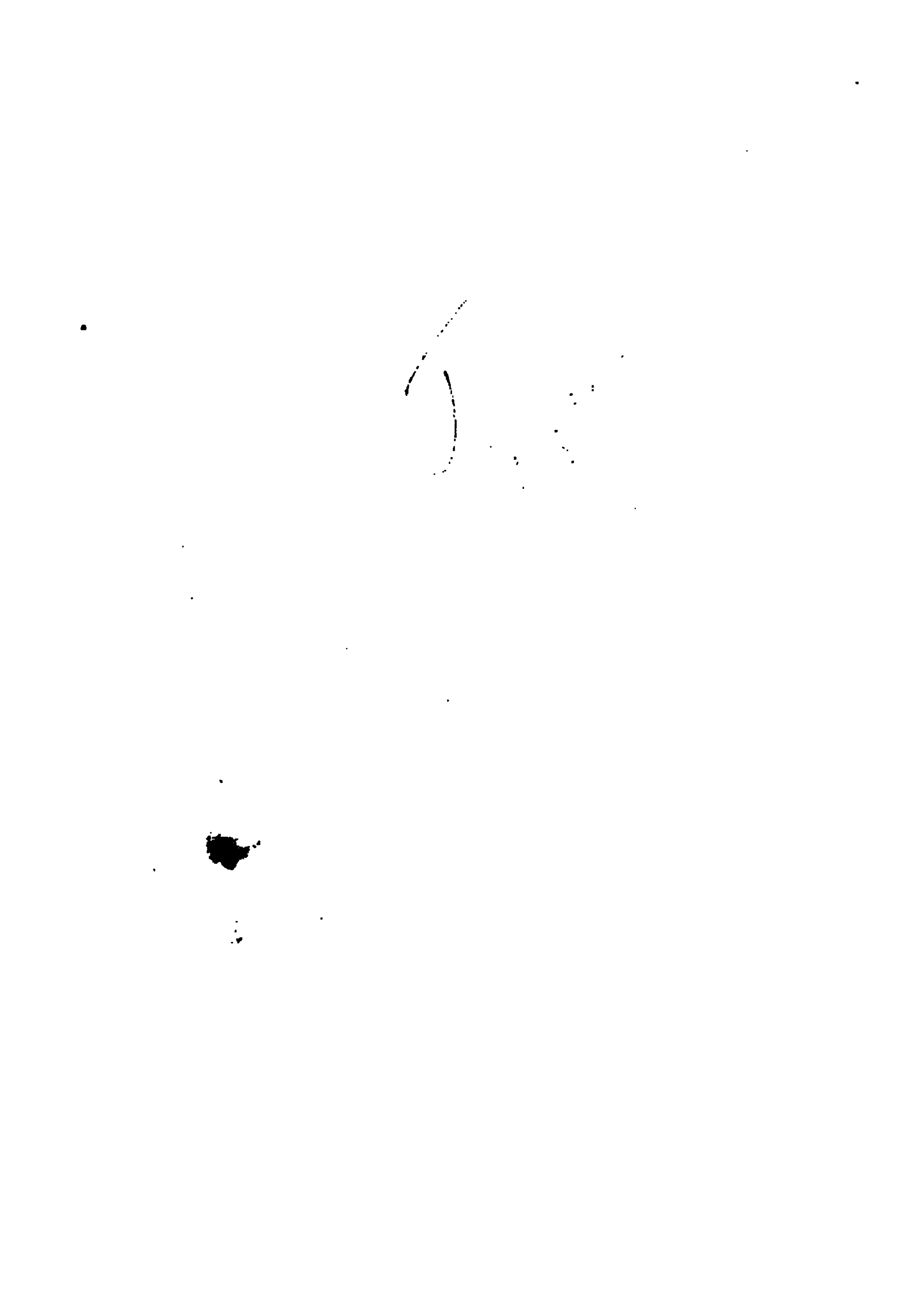

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ВСЕОБЩАЯ

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Korsh, V. F.

ВСЕОБЩАЯ
ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

СОСТАВЛЕНА ПО ИСТОЧНИКАМЪ И НОВѢЙШИМЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ,

ПРИ УЧАСТІИ

РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ И ЛИТЕРАТОРОВЪ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. Ѳ. Корша.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЯГО ВОСТОКА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КАРЛА РИККЕРА.
Невскій просп., д. № 14.

1880.

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
(548)

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ПЕРВАГО ТОМА.

стран.

СТРАН.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Если въ общественномъ и политическомъ отношеніи наше время можно назвать эпохой рѣшительнаго, подавляющаго преобладанія матеріальныхъ, промышленныхъ интересовъ, то въ отношеніи научномъ, теоретическомъ, оно безспорно есть время полнаго господства естественныхъ наукъ. Громадные успѣхи, сдѣланные въ этой области за послѣднія десятилѣтія, имѣли и продолжаютъ оказывать могущественное критическое вліяніе на всѣ другія области нашихъ знаній. Исторія человѣчества, какъ продолженіе естественной исторіи міра, не могла остаться внѣ этого всеобъемлющаго вліянія. И теперь, какъ въ другія характеристическія эпохи человѣческаго развитія, вліяніе духа времени, господствующихъ и руководящихъ идей, отразилось и на пріемахъ и результатахъ историческаго изслѣдованія. Новыя идеи, охватившія міръ, породили и потребность въ новомъ освѣщеніи фактовъ всемірной исторіи. Прежніе пріемы и воззрѣнія исторіографіи перестали удовлетворять мыслящихъ людей современнаго и подростающаго поколѣній. Все вниманіе обращено теперь на естественныя, соціальныя и экономическія условія жизни народовъ; изъ болѣе или менѣе связнаго сборника фактовъ, собственныхъ именъ и хронологическихъ данныхъ, исторія стремится стать вѣрнымъ отраженіемъ умственной жизни и вообще образованности человѣческихъ обществъ, исторіей культуры. Прослѣдить и объяснить нарожденіе историческихъ явленій, ихъ вліяніе на умы и нравы, уловить ихъ внутреннюю связь съ общими историческими теченіями, съ подъемомъ культурнаго и экономическаго уровня народныхъ массъ — такова нынѣ задача мыслящаго историка.

Лучшіе изслѣдователи историческаго процесса отправлялись до сихъ поръ отъ воззрѣній отвлеченныхъ, метафизическихъ или мистическихъ, и на нихъ строили системы развитія человѣчества.

Такъ-называемая философія исторіи занимала поэтому одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ господствовавшихъ доселѣ философскихъ школахъ. Въ наше время несостоятельность этихъ метафизическихъ и мистическихъ воззрѣній, въ ихъ прежней исключительности, признана наукой. Естествознаніе, показавъ ихъ шаткость и односторонность, поставило на первомъ планѣ точное сравнительное изслѣдованіе историческихъ явленій и фактовъ. Но исполненіе этой задачи, рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ жизнію и исторіей человѣка и человѣческихъ обществъ, еще далеко впереди. Конечно, область знанія и научныхъ гипотезъ широко раздвинута естествознаніемъ и его методомъ изслѣдованія; оно опрокинуло многія господствовавшія доселѣ теоріи и предположенія; заслуга его велика, и нельзя не преклониться передъ нею; но мы слишкомъ преувеличили бы эту заслугу, еслибъ пренебрегли трудами крупныхъ талантовъ, пролагавшихъ прежде новые пути, преслѣдовавшихъ раньше великія цѣли знанія и человѣчности, и оставившихъ по себѣ глубокій слѣдъ въ наукѣ и жизни. Предѣлы нашего знанія значительно расширены въ послѣднее время—это правда; но за ними все еще остается обширная область неизвѣданнаго, на которую нельзя махнуть рукой, какъ на нѣчто, до насъ не касающееся и не затрогивающее ни теоретическихъ, ни нравственныхъ нашихъ интересовъ. Высокую важность представляютъ въ наше время химическія и физіологическія изслѣдованія; наука обязана и еще будетъ обязана имъ многимъ; но то цѣльное органическое существо, котораго жизнь слагается изъ физическихъ, химическихъ и физіологическихъ процессовъ и которое называется человѣкомъ, не можетъ жить умственно и нравственно безъ вдохновенія, безъ идеаловъ, безъ отвлеченныхъ задачъ, безъ готовности трудиться и жертвовать собою для великихъ цѣлей будущаго. Все великое, все движущее, все обновляющее въ исторіи человѣческаго развитія было создано не однимъ только разсудкомъ, но совокупнымъ напряженіемъ и дѣятельностью всѣхъ природныхъ способностей человѣка. Нравственное и эстетическое чувство, воображеніе, страсть играли въ развитіи человѣчества огромную, то движущую, то задерживающую роль, которая прекращалась только съ наступленіемъ старческаго возраста для того или другого народа. Новые народы являлись тогда на смѣну устарѣвшимъ, изжившимъ свои силы, и продолжали начатое ими дѣло.

Этимъ-то цѣльнымъ человѣкомъ и занимается литература, въ которой выразился съ такою полнотой и такъ широко естественный процессъ умственнаго и эстетическаго роста человѣчества. Богатый матеріалъ подготовленъ и подготовляется въ этомъ направленіи главными западными литературами нашего времени. Мы старались по

возможности воспользоваться этимъ матеріаломъ, чтобы представить въ цѣльной и связной картинѣ исторію той отрасли человѣческой дѣятельности, которая такъ близко соприкасается съ движеніемъ политической и философской мысли, съ религіозными вѣрованіями народовъ, съ ихъ эстетическимъ развитіемъ. Руководствуясь для предлагаемой работы трудами западныхъ и русскихъ изслѣдователей, мы не сочли однакоже возможнымъ исключительно придерживаться какого-нибудь одного изъ немногихъ существующихъ сочиненій по общей исторіи литературы. Писанныя для иной публики, эти сочиненія едва ли удовлетворили бы русскихъ читателей, какъ не удовлетворили они и насъ самихъ. Одни явленія намъ пришлось изложить подробнѣе, другія короче; нѣкоторыя нуждались, по нашему мнѣнію, въ иномъ освѣщеніи, чѣмъ то, какое дано имъ въ томъ или другомъ сочиненіи по исторіи литературы.

Мы не имѣемъ притязанія на какія-нибудь самостоятельныя изысканія или открытія. Наша задача и безъ того не легка: мы поставили себѣ цѣлью познакомить читателей съ литературно-общественными идеалами въ ихъ историческомъ развитіи,—познакомить на основаніи литературныхъ памятниковъ прошлаго и новѣйшихъ изслѣдованій, принадлежащихъ спеціалистамъ. Исторія литературы съ полнымъ основаніемъ можетъ быть названа лучшимъ отраженіемъ стремленій, въ разное время двигавшихъ впередъ человѣчество. Политическая и общественная исторія знакомитъ насъ прежде всего съ тѣмъ, чтò дѣлало человѣчество: въ исторіи литературы ярко отражается то, чтò передумано и перечувствовано имъ съ тѣхъ поръ, какъ оно стало высказываться въ произведеніяхъ литературнаго творчества.

Нашихъ читателей, какъ и насъ самихъ, безъ сомнѣнія, всего болѣе интересуютъ европейскія литературы. Но это не давало намъ права оставить въ сторонѣ литературы Востока. Въ виду ихъ относительной важности, ихъ несомнѣннаго вліянія на литературы Европы, мы нашли необходимымъ пригласить оріенталистовъ къ участію въ настоящемъ изданіи. Извѣстно, какъ много обязано человѣчество первымъ труднымъ шагамъ восточныхъ народовъ на пути къ знанію и образованности; древнѣйшая культура и древнія литературы Востока остаются родоначальницами европейской образованности и европейскихъ литературъ. Востокъ былъ колыбелью всѣхъ господствующихъ въ настоящее время религій, религіозной поэзіи и морали. Наши языки, наша азбука, наши цифры, наши мѣры и вѣсъ, наше искусство, многія наши сказанія, даже сказки—все первоначально пришло къ намъ съ Востока; Европа много обязана ему тѣмъ, что стала свѣтиломъ міра. Но первыя проявленія свободной

и научной мысли, свободнаго творчества и свободныхъ учрежденій принадлежатъ уже европейской почвѣ. Со временъ гомерическаго эпоса и до нашего времени, въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ, Европа была и остается главной представительницей умственной, художественной и гражданской жизни человѣчества, и внѣ выработываемыхъ ею идей, внѣ поставляемыхъ ею общественныхъ задачъ, внѣ общихъ и главныхъ основаній ея гражданственности, народамъ нѣтъ историческаго спасенія. Таковъ основной, краеугольный выводъ, къ которому приводитъ изученіе исторіи вообще, и исторіи литературы въ особенности. Сначала въ древне-греческой и римской литературѣ, потомъ въ католической и феодальной литературѣ среднихъ вѣковъ, въ литературѣ возрожденія и реформаціи, въ могучемъ умственномъ движеніи XVIII вѣка, въ лучшихъ теоретическихъ задачахъ и стремленіяхъ нашей современности мы постоянно встрѣчаемся съ руководящими идеями и нитями историческаго развитія человѣчества. Говоря это, мы высказываемъ не личное наше мнѣніе, а историческую истину, глубоко отпечатлѣвшуюся на исторіи нашего собственнаго отечества и его литературы. Потомки одного и того же родоначальника, общаго намъ съ первенствующими европейскими народами древности и новыхъ временъ, связанные съ этими народами единствомъ происхожденія и коренныхъ начатковъ языка, мы были дважды пріобщены къ ихъ руководящему движенію: сначала въ религіи, съ принятіемъ христіанства, потомъ въ гражданственности—съ реформой геніальнѣйшаго изъ русскихъ историческихъ людей. Ошибки, и притомъ крупныя ошибки, этой великой реформы очевидны; на нее, какъ и на даровитаго ея виновника, легли густымъ слоемъ понятія, пріемы, нравы XVII вѣка; но только крайняя близорукость можетъ помѣшать изслѣдователю различить, за этими неизбѣжными наслоеніями, плодотворный историческій процессъ распространенія, усвоенія и претворенія общечеловѣческихъ идей и стремленій. Если тотъ или другой взглядъ на петровскую реформу съ полнымъ основаніемъ можетъ быть поставленъ пробнымъ камнемъ, мѣриломъ научнаго или ненаучнаго, историческаго или фантастическаго отношенія историка къ предмету его изслѣдованія, то тѣмъ болѣе долженъ онъ служить такимъ пробнымъ камнемъ, такимъ мѣриломъ для историка литературы. Знакомство съ другими литературами, древними и новыми, высвобождаетъ человѣка изъ тѣсныхъ, узкихъ границъ національности; новые горизонты раскрываются для нашей мысли по мѣрѣ ознакомленія съ новою, неизвѣстною намъ дотолѣ, литературой; своеобразныя формы, въ которыя каждый народъ облекаетъ свои чаянія, свои симпатіи и антипатіи, свое научное мышленіе, свои политическія надежды

и общественные идеалы, обогащают нашу мысль, нашу фантазію, и дѣлаются нашимъ достояніемъ. Ни одинъ народъ не можетъ идти дальше другихъ, не можетъ сказать своего слова, не усвоивъ себѣ, въ общихъ чертахъ, того, что̀ сказано и сдѣлано до него другими историческими народами. Вся будущность нашего отечества тѣсно связана, такимъ образомъ, съ судьбами европейскихъ идей, европейской литературы и образованности. Какъ бы ни преувеличивали иногда ходячаго сравненія западно-европейской образованности по отношенію къ Россіи съ греко-римской образованностью по отношенію къ давно минувшему западной Европы, мы точно также не можемъ безнаказанно чуждаться первой, какъ средневѣковая Европа не могла чуждаться второй. Между народами, призванными дѣйствовать на великомъ поприщѣ всемірной исторіи, существуетъ не внѣшняя только, но прежде всего умственная преемственность и солидарность, выражающіяся въ ихъ образованности и литературахъ. Эту-то преемственность и солидарность, которую могутъ отвергать только близорукіе или усталые умы, ищущіе покоя на лонѣ мнимой народной самобытности, мы и намѣрены прослѣдить въ нашемъ историческомъ трудѣ.

Предлагаемый трудъ не есть учебникъ. Ни размѣры его, ни принятый нами способъ изложенія не отвѣчаютъ такому назначенію. Мы назначаемъ его для общаго чтенія. Еще менѣе имѣемъ мы въ виду одну только область художественнаго творчества—такъ-называемой изящной словесности. Общая исторія литературы не есть только исторія этой словесности; въ нее неизбѣжно входитъ также область творчества теоретическаго, исторія человѣческой мысли. Въ нашихъ глазахъ Сократъ или Платонъ, Декартъ или Спиноза, Бэконъ или Юмъ, Нибуръ или Кантъ, Контъ или Дарвинъ, точно такъ же обладаютъ творческимъ геніемъ, хотя и въ другой литературной области, какъ Дантъ или Сервантесъ, Гёте или Шиллеръ, Шекспиръ или Гюго, Пушкинъ или Гоголь. Ни одно историческое явленіе, ни одно историческое лицо, къ какой бы области ни относилось ихъ значеніе и вліяніе, никогда не стояли внѣ общихъ философскихъ воззрѣній своего времени; лучшіе умы, самые видные двигатели науки и литературы въ бо̀льшей или меньшей степени платили дань этимъ воззрѣніямъ. Гомерическій эпосъ находится въ такой же зависимости отъ эллинскихъ идей десятаго столѣтія до нашей эры, онъ состоитъ въ такой же живой связи съ ними, въ какой ученіе Аполлонія Тіанскаго, мораль и философскіе трактаты Сенеки съ идеями перваго вѣка, или сочиненія Дарвина съ направленіями, господствующими въ современной наукѣ. Какъ политическій дѣятель, какъ художникъ, какъ ученый, какъ публицистъ, человѣкъ только тогда имѣетъ вліяніе

и значеніе, онъ только тогда по праву и съ честью носитъ историческое имя, когда служитъ извѣстнымъ общимъ идеямъ и стремленіямъ, когда является ихъ выразителемъ или противникомъ, оставляющимъ по себѣ слѣдъ и въ обществѣ, и въ литературѣ.

Исторія литературы, въ строгомъ смыслѣ, излагаетъ процессъ нарожденія, развитія, упадка и обновленія умственныхъ, нравственныхъ и художественныхъ идеаловъ человѣчества, по скольку они выражаются въ словѣ. По ней, черезъ самыя разнообразныя эпохи, проходитъ красною ниткой стремленіе человѣка къ истинѣ, знанію, къ нравственной и художественной правдѣ и красотѣ. Она обнимаетъ всѣ крупныя попытки и усилія ума, фантазіи и сердца стать выше данныхъ, будничныхъ условій жизни, осмыслить человѣческое существованіе, поставить ему широкія, просвѣтительныя, облагороживающія задачи, и въ этомъ смыслѣ она есть лучшая, полнѣйшая выразительница духовной исторіи человѣчества.

Оттого задача исторіи литературы не есть только эстетическая задача, и не одни только созданія художественнаго творчества входятъ въ кругъ ея изслѣдованій. Существенной ея частью является исторія умственнаго развитія человѣка вообще. Научная истина, теоретическія понятія, вся совокупность идей, господствующихъ въ данное время, оказываютъ, какъ мы увидимъ ниже, могущественное вліяніе на всякое творчество, художественное и теоретическое, давая ему содержаніе и направленіе.

Внимательное изученіе исторіи литературы неизбѣжно приводитъ къ тому общему выводу, научная вѣрность котораго, къ сожалѣнію, еще мало сознается въ наше время, что литература можетъ двигать общество только въ извѣстномъ, опредѣленномъ, ограниченномъ смыслѣ, что не она является причиной политическихъ и соціальныхъ переворотовъ, пережитыхъ народами въ разное время. Историкъ литературы не можетъ достаточно протестовать противъ такого грубаго предразсудка, причинившаго и продолжающаго причинять литературѣ и обществу большія невзгоды. Литература всегда была по преимущсству выразительницей такихъ идей и стремленій, которыя уже существовали и жили въ обществѣ и которыя только выяснялись ею въ художественныхъ образахъ или теоретическихъ изслѣдованіяхъ. Только разработкой и выясненіемъ ихъ двигала она общество. Героическая легенда древней Греціи и то первобытное міровоззрѣніе, которымъ проникнутъ гомерическій эпосъ, созданы совсѣмъ не Гомеромъ. Гомеръ нашелъ ихъ уже готовыми среди своего народа и явился геніальнымъ ихъ выразителемъ. Не сочиненія Лютера произвели реформацію XVI вѣка: великій нѣмецкій реформаторъ былъ только органомъ идей, уже назрѣвшихъ въ его отечествѣ въ

то время, когда онъ выступилъ съ своимъ переводомъ Библіи и своими сочиненіями, протестуя противъ авторитета римской церкви. Не французскіе энциклопедисты, не Вольтеръ и не Руссо создали великое движеніе XVIII вѣка; движеніе это существовало и безъ нихъ; они только облекли его въ живую форму, сдѣлали его болѣе осязательнымъ, и въ этомъ лишь смыслѣ способствовали его упроченію и распространенію. Оно продолжало бы существовать и безъ нихъ, и неизбѣжно вызвало бы другія литературныя силы, еслибъ не нашло себѣ полнаго выраженія въ этихъ писателяхъ. Литература безсильна навязать обществу мысли и стремленія, ему совершенно чуждыя, къ которымъ почва не подготовлена самымъ ходомъ общественной жизни.

Признаемся, мы не безъ опасенія приступали къ настоящему труду нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда общіе интересы какъ будто изсякли въ русскомъ обществѣ. Не разъ приходилось намъ ощущать на себѣ всю трудность идти противъ теченія. Попутный вѣтеръ не облегчалъ нашей работы. Насъ поддерживало только убѣжденіе, что близка реакція противъ того печальнаго, безъидейнаго и бездушнаго настроенія, которое приводитъ въ отчаяніе всякаго мыслящаго человѣка въ Россіи. Признаки спасительной реакціи уже даютъ себя знать, и мы надѣемся, что если намъ удалось удовлетворительно исполнить нашу задачу, то нашъ скромный трудъ не пропадетъ совсѣмъ безслѣдно.

Въ составъ нашего изданія войдутъ работы слѣдующихъ ученыхъ и литераторовъ:

В. Ѳ. Корша: Языкъ, какъ явленіе природы и орудіе литературы.

Его же: Происхожденіе и исторія писмености.

Его же: Общіе законы историческаго развитія литературъ.

Проф. В. П. Васильева: Очеркъ исторіи китайской литературы.

Проф. И. П. Минаева: Исторія санскритской литературы.

К. Г. Залемана: Исторія иранской литературы.

Проф. Эдуарда Мейера: Очеркъ исторіи литературъ египетской и ассирійско-вавилонской.

Проф. И. Ст. Якимова: Исторія древней еврейской литературы.

В. Ѳ. Корша: Исторія греческой литературы.

Проф. В. И. Модестова: Исторія римской литературы.

Проф. А. И. Кирпичникова: Исторія средневѣковыхъ литературъ западной Европы.

Проф. барона В. Р. Розена: Очеркъ исторіи арабской литературы въ средніе вѣка.

А. Я. Гаркави: Очеркъ исторіи средневѣковой и новой еврейской литературы.

П. О. Морозова: Очеркъ исторіи славянскихъ литературъ въ средніе вѣка.

В. Ѳ. Корша: Исторія литературъ западной Европы въ новое время, съ 16-го по 19-е столѣтіе включительно.

П. О. Морозова: Очеркъ исторіи славянскихъ литературъ въ новое время.

Все изданіе составитъ три большихъ тома. Въ первый томъ войдутъ введеніе (исторія языка и писмености, общіе законы развитія литературъ), исторія важнѣйшихъ литературъ древняго Востока, исторія греческой и римской литературы. Второй томъ будетъ посвященъ средневѣковымъ литературамъ Европы, арабовъ и евреевъ. Въ составъ третьяго и послѣдняго тома должны войти европейскія литературы новыхъ временъ, въ томъ числѣ славянскихъ, и очеркъ еврейской литературы за послѣднія столѣтія.

Къ сожалѣнію, нѣкоторыя непредвидѣнныя обстоятельства помѣшали В. П. Васильеву окончить свой трудъ къ предположенному первоначально сроку; трудъ этотъ будетъ оконченъ въ теченіе нынѣшняго года, и мы не замедлимъ издать его въ видѣ особаго, дополнительнаго выпуска, тѣмъ болѣе важнаго для настоящаго изданія, что проф. Васильевъ—едва ли не единственный въ Европѣ синологъ, котораго изслѣдованія обнимаютъ исторію китайской литературы въ цѣломъ. Китайская литература имѣла, къ тому же, свой совершенно особый районъ вліянія, мало соприкасающійся съ исторіей другихъ излагаемыхъ нами литературъ, такъ что относительно позднее ея появленіе въ печати не нарушаетъ исторической связи между частями настоящаго изданія.

ВВЕДЕНІЕ.

ЯЗЫКЪ, КАКЪ ЯВЛЕНІЕ ПРИРОДЫ И ОРУДІЕ ЛИТЕРАТУРЫ.

Литература: **Max Müller**. Vorlesungen ueber die Wissenschaft der Sprache. Leipzig. 1875.

Его же. Essays. Leipzig. 1869—76.

Steinthal. Der Ursprung der Sprache. Dritte Auflage. Berlin. 1877.

Curtius. Zur Chronologie der indo-germanischen Sprachforschung. Leipzig. 1873.

Ernest Renan. Histoire générale des langues semitiques. Paris. 1864.

Whitney: La vie du langage. Paris. 1875.

Geiger. Ursprung der Sprache. Stuttgart. 1870.

Его же. Zur Entwickelungsgeschichte der Menschheit. Zweite Auflage. Stuttgart. 1878.

Schleicher. Die Darwinische Theorie und die Sprachwissenschaft. Dritte Auflage. Weimar. 1873.

I.

Сравнительное языкознаніе, его успѣхи и новѣйшіе результаты. — Классификація языковъ по ихъ происхожденію. — Семейства языковъ арійскихъ и семитическихъ. — Классификація языковъ по общему ихъ строю. — Вопросъ объ историческихъ процессахъ, пережитыхъ человѣческою рѣчью. — Изслѣдованія Курціуса и Макса Мюллера по исторіи первоначальнаго арійскаго или индо-европейскаго языка.

Литература немыслима безъ слова, и мы остановимся прежде всего на языкѣ вообще и въ особенности на языкахъ тѣхъ народовъ, литературы которыхъ входятъ въ составъ нашего историческаго очерка.

Благодаря необыкновеннымъ успѣхамъ сравнительнаго языкознанія за послѣдніе полвѣка, древніе и новые языки европейскихъ народовъ и семитическіе языки Востока разработаны въ совершенствѣ. Глубокія изслѣдованія даровитѣйшихъ ученыхъ, сбросившихъ съ

языкознанія тѣсныя рамки формальнаго, безплоднаго буквоѣдства, сдѣлали эту новую отрасль нашихъ знаній живою и вмѣстѣ точною наукой, для которой лучшіе ея представители требуютъ почетнаго мѣста въ ряду естественныхъ наукъ. Съ помощью точныхъ пріемовъ научнаго изслѣдованія, они показали изумленному міру, что древнѣйшія лѣтописи человѣческаго развитія таятся прежде всего въ языкахъ, что въ нихъ, какъ естественной оболочкѣ человѣческой мысли, сохранились живые слѣды пережитыхъ ею первоначальныхъ историческихъ процессовъ. Подобно изслѣдованной геологами корѣ нашей планеты, языки представляютъ послѣдовательные ряды историческихъ наслоеній, подлежащихъ точному изслѣдованію сравнительнаго языкознанія. Значительная часть этихъ, непонятныхъ прежде, лѣтописей уже разобрана наукой. Освободившись отъ шаткихъ условій эмпирическаго блужданія, сдѣлавшись точною наукой, сравнительное языкознаніе уже имѣетъ дѣло не съ тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ языкомъ, не съ той или другой литературой въ отдѣльности; его задачи шире, чѣмъ задачи филологіи или простого языкознанія, изучающаго исключительно классическіе или исключительно восточные языки; предметъ его изслѣдованія — языкъ вообще, его происхожденіе, природа и общіе законы.

Начало сравнительному языкознанію положено Азіятскимъ Обществомъ, учрежденнымъ англичанами въ Калькуттѣ въ 1784 году. Благодаря трудамъ этого общества, изученіе санскрита вскорѣ привело къ открытію невѣдомыхъ прежде явленій въ области человѣческой рѣчи и вызвало примѣненіе сравнительнаго метода къ языкознанію. Призывъ даровитаго Фридриха Шлегеля, въ началѣ нашего вѣка, привлекъ вниманіе ученаго міра къ открывшейся новой научной задачѣ, и даровитѣйшіе филологи — Боппъ, Бюрнуфъ, Поттъ, Гриммъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Раскъ—трудились надъ нею, пока не разрѣшили ея, раскрывъ существованіе цѣлаго семейства индо-европейскихъ языковъ. За работами Боппа по сравнительной грамматикѣ этихъ языковъ, послѣдовали работы Якова Гримма по исторической грамматикѣ языковъ германскихъ, труды Цеусса по кельтійской грамматикѣ, Миклошича и Шлейхера по славянскимъ нарѣчіямъ и другіе, освѣщенные тѣмъ новымъ свѣтомъ, который былъ пролитъ на европейскіе языки изученіемъ санскрита и первыми успѣхами сравнительнаго языкознанія. Для живыхъ людей мысли и науки, языкъ и его грамматика перестали быть школьнымъ дѣломъ практическаго упражненія и механическаго заучиванія формъ, безплодною техническою забавой, игрой въ склоненія и спряженія; для нихъ языкъ и его грамматика стали живымъ предметомъ историческаго изслѣдованія, раскрывающимъ тайны историческихъ и до-

историческихъ судебъ человѣчества. «Мы смѣемся надъ людьми, которые еще вѣрятъ въ привидѣнія и вѣдьмъ» — съ ироніей говоритъ теперь объ устарѣвшей рутинѣ одинъ изъ даровитѣйшихъ представителей сравнительнаго языкознанія, Максъ Мюллеръ: «а вѣра въ неокончательныя наклоненія и супины не только терпима между нами, но даже и вдавливается въ лучшихъ нашихъ школахъ и университетахъ»....

Съ языкомъ, относительно раскрытія его исторіи и законовъ, произошло совершенно тоже, что и съ другими явленіями природы. Масса накопившагося матеріала потребовала научной провѣрки и классификаціи, а классификація въ филологіи, какъ и въ ботаникѣ, какъ въ зоологіи, можетъ быть только плодомъ сравнительнаго изученія. Возможность научной классификаціи языковъ была первымъ, важнѣйшимъ открытіемъ сравнительнаго языкознанія. До этого открытія еще можно было считать языки дѣломъ людскаго произвола или фантазіи, плодомъ случайнаго соглашенія между людьми. Сравнительное изслѣдованіе показало, что и въ этой области естественныхъ явленій господствуетъ законъ необходимости. Оно привело къ положительному выводу, что живые и мертвые языки представляютъ множество родственныхъ словъ и грамматическихъ формъ. Родство это выяснено теперь до очевидности и стало научной истиной. Географическое и историческое распаденіе народа всегда влекло за собой соотвѣтственное распаденіе народнаго языка на отрасли; чѣмъ древнѣе это распаденіе, тѣмъ рѣзче расходятся между собою вновь образовавшіяся отрасли нѣкогда общаго языка. Оказалось даже возможнымъ раздѣлить языки земнаго шара на семейства, и только недостаточная еще разработка всей массы лингвистическаго матеріала дѣлаетъ господствующую теперь классификацію несовершенною во многихъ частяхъ ея. Но прочное начало научной классификаціи языковъ уже положено, и самый путь къ ея усовершенствованію указанъ сравнительнымъ языкознаніемъ.

Первое мѣсто между языками земнаго шара, по ихъ великому историческому и литературному значенію, принадлежитъ семейству индо-европейскихъ языковъ, которое называютъ также индо-германскимъ, арійскимъ и санскритскимъ. Къ нему принадлежатъ отрасли: индійская, иранская (или персидская), греческая, италійская, кельтійская, германская (или тевтонская), славянская (или славяно-латышская). Происхожденіе этихъ отраслей отъ одного общаго первоначальнаго языка теперь уже не подлежитъ сомнѣнію. Несомнѣнно также, что старѣйшимъ языкомъ индійской отрасли былъ языкъ санскритскій, въ особенности та его форма, въ которую облечены древнѣйшія религіозныя пѣсни арійцевъ, составляющія, подъ именемъ

«Ведъ», индійскую Библію. За двѣ тысячи лѣтъ до христіанской эры, арійцы—народъ, говорившій по-санскритски, населяли долины Инда и его притоковъ, а потомъ спустились въ долину Ганга, оттѣсняя туземное дравидійское племя на югъ, въ Деканъ, гдѣ оно живетъ и доселѣ. Въ долинѣ Ганга окончательно сложился браманизмъ; санскритскій языкъ, языкъ пришлаго населенія, сталъ литературнымъ языкомъ индійцевъ; но живая рѣчь народа не окаменѣла въ древнихъ формахъ, завѣщанныхъ священнымъ преданіемъ. Впослѣдствіи, за нѣсколько вѣковъ до христіанской эры, она выработала новыя формы, такъ-называемый пракритъ, одна изъ отраслей котораго — пâли — стала въ свою очередь священнымъ языкомъ буддизма. Въ наше время Остъ-Индія представляетъ множество нарѣчій, изъ которыхъ иныя усвоили себѣ массу арабскихъ и персидскихъ словъ подъ вліяніемъ распространившагося магометанства.

Иранская, или персидская, отрасль индо-европейскаго семейства была первоначально роднымъ языкомъ западныхъ арійцевъ. Древнѣйшими представителями этой отрасли служатъ языки: древне-персидскій, на которомъ начертаны клинообразныя надписи, прочитанныя въ недавнее время, и зендскій или древне-бактрійскій, на которомъ написана «Авеста», священная книга Зороастра. Время и мѣсто этого памятника еще не могли быть опредѣлены съ полной достовѣрностью; но если нѣкоторыя части «Авесты» дѣйствительно принадлежатъ самому Зороастру, то зендскій языкъ восходитъ за тысячу слишкомъ лѣтъ до нашей эры. Къ иранской отрасли принадлежатъ также языки: курдскій, осетинскій, армянскій и афганскій.

Греческая отрасль семейства индо-европейскихъ языковъ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ въ исторіи литературы и вообще человѣчесвой образованности. Поэмы Гомера остаются древнѣйшими ея литературными памятниками. И въ древности, какъ мы увидимъ ниже, и въ настоящее время, она распадается на нѣсколько нарѣчій, но литературнымъ языкомъ Греціи въ наше время стало нарѣчіе новогреческое, болѣе сходное съ древне-греческимъ литературнымъ языкомъ, чѣмъ итальянскій языкъ съ латинскимъ.

Италійская отрасль, господствующимъ языкомъ которой былъ въ древности латинскій, оставила по себѣ глубокіе и живые слѣды въ новыхъ языкахъ. Отъ него произошли новые романскіе языки: итальянскій, провансальскій, нѣкогда имѣвшій богатую литературу, но нынѣ утратившій свое литературное значеніе, французскій, испанскій, португальскій. Въ теченіе двухъ-трехъ столѣтій, съ одиннадцатаго по тринадцатый вѣкъ, эти языки выработались изъ смѣшенія мѣстныхъ провинціальныхъ говоровъ съ латинскимъ литературнымъ языкомъ. Сюда же принадлежатъ румынское нарѣчіе Мол-

давіи и Валахіи, не имѣющее, впрочемъ, своей оригинальной литературы, и нѣкоторыя нарѣчія южной Швейцаріи.

Кельтійская отрасль нѣкогда преобладала въ западной и центральной Европѣ, но сохранилась нынѣ лишь въ нѣкоторыхъ западныхъ окраинахъ нашей части свѣта. Сохранившіяся вѣтви этой отрасли обыкновенно называются кимрійскою и гаэлическою. Къ первой относятъ вельшское нарѣчіе, имѣвшее свою литературу, начиная съ шестаго вѣка; корнишское, переставшее быть живымъ языкомъ въ концѣ прошлаго столѣтія и также оставившее по себѣ литературу, и арморическое въ Бретани, очень сходное съ предъидущими и, какъ полагаютъ, занесенное въ Бретань выходцами изъ Корнуэльса. Къ гаэлической вѣтви принадлежатъ ирландское нарѣчіе, памятники котораго восходятъ къ концу восьмаго вѣка, гаэлическое нарѣчіе Шотландіи, и неважное нарѣчіе острова Мэна.

Германская отрасль распалась на четыре главныя вѣтви. Единственнымъ письменнымъ памятникомъ одной изъ нихъ, уже давно вымершей—мезо-готской вѣтви, или нарѣчія готовъ Мезіи, остается отрывокъ перевода Библіи, сдѣланнаго готскимъ епископомъ Ульфилой въ четвертомъ столѣтіи христіанской эры. Другая—нижне-германская—вѣтвь еще осталась живымъ языкомъ сѣверной Германіи отъ Голштиніи до Фландріи, и обнимаетъ два важныхъ и обработанныхъ языка: голландскій и англійскій. Древнѣйшіе литературные памятники перваго относятся къ тринадцатому, второго — къ седьмому вѣку. Литературнымъ представителемъ третьей вѣтви—верхне-германской—служитъ теперь нѣмецкій языкъ, литературная обработка котораго началась въ эпоху реформаціи, въ шестнадцатомъ вѣкѣ, и которому предшествовали очень сходныя между собою старыя нарѣчія верхне-германской вѣтви, которыхъ письменные памятники восходятъ къ восьмому столѣтію. Четвертая вѣтвь—скандинавская—обнимаетъ языки датскій, шведскій, норвежскій и исландскій—древнѣйшій изъ живыхъ языковъ германской отрасли. Кромѣ литературныхъ памятниковъ этого языка, относящихся къ двѣнадцатому вѣку, слѣды его сохранились въ руническихъ надписяхъ, восходящихъ, какъ полагаютъ, къ третьему, даже ко второму вѣку нашей эры.

Славянская отрасль, которую называютъ также славяно-латышскою, потому что одною изъ вѣтвей ея считается языкъ латышскій съ его мѣстными говорами, получила историческое значеніе позже всѣхъ другихъ отраслей индо-европейскаго семейства. Къ ней принадлежатъ языки русскій, болгарскій, сербскій, хорватскій, славонскій, польскій, чешскій съ нарѣчіями словацкимъ и моравскимъ, лужицкій и полябскій.

Родословная классификація арійскихъ языковъ основана прежде всего на анализѣ и сравненіи грамматическихъ особенностей каждаго изъ нихъ. Сравнительная грамматика Боппа показала, что грамматическій строй языковъ санскритскаго, зендскаго, греческаго, римскаго, кельтійскаго, германскихъ и славянскихъ сложился одновременно, что онъ тожественъ во всѣхъ этихъ языкахъ и что кажущіяся отличія въ окончаніяхъ санскритскаго, греческаго и латинскаго объясняются свойственными каждому изъ нихъ законами, подъ вліяніемъ которыхъ первоначальный, общій имъ, арійскій типъ распался на многочисленные національные языки. Наши теперешнія грамматическія окончанія словъ первоначально были отдѣльными словами, каждое съ своимъ особымъ значеніемъ. Окончанія падежей были первоначально отдѣльными предлогами; въ глаголахъ окончанія, которыми обозначаются времена или лица, имѣли первоначально смыслъ и значеніе мѣстоименія. Такимъ образомъ весь, или почти весь, скелетъ арійскихъ языковъ разложенъ и сведенъ къ самостоятельнымъ словамъ путемъ научнаго анализа формальныхъ элементовъ языка, — анализа, основаннаго на сравненіи всѣхъ измѣненій, пережитыхъ одною и тою же формой въ многочисленныхъ языкахъ арійскаго семейства. Оказалось, что весь остовъ арійской грамматики—элементы словопроизводства, склоненія и спряженія—былъ уже оконченъ вчернѣ до разсѣянія арійскаго племени по Азіи и Европѣ. Оттого главныя очертанія грамматики одинаковы въ языкахъ санскритскомъ, греческомъ, латинскомъ и готскомъ; кажущіяся различія между ними объясняются звуковой порчей, которая въ свою очередь зависитъ отъ звуковыхъ особенностей каждаго отдѣльнаго языка. Въ общемъ и цѣломъ исторія всѣхъ арійскихъ языковъ есть не что иное, какъ непрерывный процессъ звуковыхъ перемѣнъ и превращеній. Сводя грамматическія окончанія этихъ языковъ къ ихъ первоначальной формѣ, можно опредѣлить и коренное ихъ значеніе. Періодъ времени, въ теченіе котораго составные элементы древнѣйшей арійской грамматики имѣли независимое, отдѣльное существованіе въ языкѣ и мысляхъ арійцевъ, уже истекъ тогда, когда санскритъ сталъ санскритомъ, или греческая рѣчь—греческою рѣчью; но существованіе этого періода такъ же несомнѣнно, говоритъ Максъ-Мюллеръ, какъ и существованіе папоротныхъ лѣсовъ, предшествовавшивъ образованію нашихъ угольныхъ залежей. Сравнивая тѣ слова, которыя имѣютъ одинаковую форму и одинаковое значеніе въ языкахъ санскритскомъ, греческомъ, латинскомъ, готскомъ, кельтійскомъ и славянскихъ, мы должны логически заключить, что эти общія имъ слова уже существовали прежде, чѣмъ разселились племена, ставшія впослѣдствіи крупными національностями арійскаго семейства. Такъ, напримѣръ,

глаголы древнѣйшей формаціи, или неправильные, сходны въ индоевропейскихъ языкахъ: славянское *есмь*, *еси*, *есть* тоже, что санскритское *асми*, *асы*, *асми*; санскритское *вâтара* перешло въ нашъ *вѣтръ*; санскритское *вêда*, знаніе, встрѣчается у насъ въ словѣ *вѣдать*. Эти слова, общія цѣлому семейству языковъ, до извѣстной степени раскрываютъ передъ нами непроницаемую, повидимому, тайну той степени культуры, на которой стояли эти племена до своего разселенія. Эти общія имъ слова и формы языка свидѣтельствуютъ неоспоримо, что арійцы вели жизнь кочевниковъ, занимающихся земледѣліемъ, какъ древніе германцы по описанію Тацита. Они знали землепашество, умѣли проводить дороги и строить суда и жилища, умѣли шить и ткать; они знали счетъ по меньшей мѣрѣ до ста; ими были приручаемы важнѣйшія животныя, напр. корова, лошадь, овца, собака; они были знакомы съ нѣкоторыми металлами и вооружены топорами. Они признавали узы родства и супружества, имѣли своихъ князей и свои власти; различіе между правомъ и насиліемъ было опредѣлено у нихъ закономъ и обычаемъ. Они признавали божество и взывали къ нему подъ разными именами.

Самое названіе арійцевъ есть санскритское слово. Въ позднѣйшемъ санскритѣ *аріа* значитъ *благородный*, изъ хорошей фамиліи; но первоначально, въ древнѣйшихъ памятникахъ, оно употребляется часто какъ обозначеніе паціональности и какъ почетное названіе, отличающее поклонниковъ браминизма отъ ихъ противниковъ. Въ политическомъ смыслѣ названіе *аріа* примѣнялось къ тремъ кастамъ —браминовъ, кшатріевъ и ваисіевъ, въ отличіе отъ четвертой, низшей касты—судровъ, которая не допускалась къ жертвоприношеніямъ. Персидскія клинообразныя надписи свидѣтельствуютъ, что названіе *аріецъ* было почетнымъ титуломъ и въ персидскомъ царствѣ. Этимъ именемъ величаетъ себя Дарій, и многія историческія имена персовъ содержатъ корень этого слова; сравнительно новыя слова Иранъ и Аріана не имѣютъ иного происхожденія. Мы встрѣчаемъ и въ германской исторіи знаменательное въ этомъ отношеніи имя Аріовиста.

Первенствующая историческая роль тѣхъ народовъ, которыхъ языки принадлежатъ къ индо-европейскому семейству, сдѣлала эти языки главнымъ предметомъ научнаго изслѣдованія, и ни одно другое семейство языковъ не изслѣдовано въ настоящее время такъ глубоко и полно, какъ индо-европейское. Изученіе это, какъ мы уже сказали, привело лингвистовъ къ тому научному выводу, что всѣ индо-европейскіе языки происходятъ отъ одного общаго языка, нѣкогда бывшаго живымъ языкомъ одного племени или одного народа, разселеніе котораго по землѣ, соединенное вѣроятно съ покореніемъ другихъ

племенъ, объясняетъ распространеніе этого семейства въ значительной части Азіи, почти во всей Европѣ и впослѣдствіи въ Америкѣ. Но какъ ни важно опредѣлить научнымъ образомъ то мѣсто, гдѣ жило это племя, то время, когда начались его переселенія,—это еще не могло быть сдѣлано за недостаткомъ данныхъ. Обыкновенно полагаютъ, что центральная Азія была колыбелью индо-европейскаго племени, такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ отдѣлились другъ отъ друга иранцы и индійцы, а языки этихъ двухъ народовъ признаны первобытнѣйшими, древнѣйшими языками индо-европейскаго семейства и, слѣдовательно, ближайшими къ общему ихъ родоначальнику. При всемъ томъ первоначальная исторія семейства арійскихъ языковъ такъ хорошо разработана, что главныя стадіи его прошлаго и главныя его особенности опредѣлены съ полною достовѣрностью. Научное, такъ сказать, химическое разложеніе словъ обнаружило, что въ индо-европейскихъ языкахъ нѣтъ такого слова, которое не было бы результатомъ послѣдовательнаго присоединенія одного односложнаго элемента къ другому. Всякій разъ, когда слово разлагалось на свои составныя части, въ результатѣ непремѣнно получались, во-первыхъ, звукъ или корень, обозначающій главное понятіе, и, во-вторыхъ, звукъ, видоизмѣняющій значеніе главнаго понятія, и оказывалось, что оба эти звука первоначально были вполнѣ независимы одинъ отъ другого. Отсюда прямой, и крайне важный выводъ: первоначальное существованіе односложныхъ корней, послужившихъ матеріаломъ для развитія индо-европейскихъ языковъ. Другими словами: всѣ корни этихъ языковъ односложны. Сложныя слова, формы склоненій и спряженій образовались уже впослѣдствіи, какъ и самыя части рѣчи. Дикому, первобытному состоянію племени соотвѣтствовали и стихійныя формы языка; грамматическія формы были уже плодомъ дальнѣйшаго развитія, которое шло параллельно съ умственнымъ развитіемъ племени и разнообразныхъ его отраслей, названныхъ нами выше. Но первоначальныя стихіи, изъ которыхъ образовались эти отрасли подъ вліяніемъ разнообразныхъ историческихъ и географическихъ условій, сохранились въ незамѣтныхъ для простаго глаза тайникахъ тѣхъ языковъ, на которыхъ говорятъ и пишутъ наши современники. Вся честь раскрытія этихъ тайниковъ принадлежитъ сравнительному языкознанію.

Послѣ индо-европейскихъ народовъ, семитическое племя было самымъ важнымъ въ исторіи человѣчества. Съ древнихъ временъ оно одно оспаривало у индо-европейцевъ умственное господство надъ человѣкомъ. Изъ трехъ первенствующихъ нынѣ религій, двѣ—христіанство и магометанство — возникли между семитами, хотя первое и получило свое полное развитіе и значеніе у индо-евро-

пейцевъ. Семейство семитическихъ языковъ распадается на три отрасли: арамейскую, или сѣверную, еврейскую и арабскую. Первая обнимала Сирію, Месопотамію и часть древнихъ царствъ—ассирійскаго и вавилонскаго; представителемъ второй былъ древній языкъ Палестины, гдѣ говорили и писали по-еврейски со временъ Моисея до Маккавеевъ, съ значительною примѣсью арамейскихъ формъ послѣ вавилонскаго плѣна и возниковенія цвѣтущей образованности въ сосѣдней Сиріи. Къ этой отрасли относятъ и языки древней Финикіи и Кареагена. Третья отрасль семитическаго семейства, арабская, возникла и продолжаетъ жить на аравійскомъ полуостровѣ; оттуда она перешла въ Африку, гдѣ къ ней принадлежитъ эѳіопскій или абиссинскій литературный языкъ. Древнѣйшіе литературные памятники арабскаго языка — большею частію народныя пѣсни, описывающія жизнь въ пустынѣ — принадлежитъ къ до-магометовскимъ временамъ. Со времени Магомета арабскій языкъ сталъ языкомъ побѣдоносной государственной религіи и распространился въ Азіи, Африкѣ и Европѣ.

Названныя три отрасли семитическаго семейства такъ родственны между собою, что общее происхожденіе ихъ несомнѣнно. Каждый корень въ этихъ языкахъ состоитъ изъ трехъ буквъ, и множество словъ образуются изъ этихъ корней простою перемѣной гласныхъ буквъ, причемъ согласныя по возможности остаются нетронутыми. Различіе семитическихъ и арійскихъ языковъ такъ рѣзко и глубоко, что знатоки сравнительнаго языкознанія считаютъ совершенно невозможнымъ происхожденіе какого-нибудь арійскаго языка отъ семитическаго, или семитическаго отъ арійскаго. Весь грамматическій строй этихъ семействъ совершенно различенъ. Это не исключаетъ однакоже предположенія, что оба семейства получили свое начало изъ одного источника, но развивались каждый въ своемъ направленіи; сравненіе между простѣйшими корнями арійскихъ и семитическихъ словъ не исключаетъ возможности предполагать, что матеріальные элементы, изъ которыхъ образовались оба семейства, могли быть первоначально одни и тѣже.

Съ меньшей достовѣрностью относятъ къ семитическимъ языкамъ варварійскія нарѣчія сѣверной Африки, отъ Египта до Атлантическаго океана, оттѣсненныя арабскимъ нашествіемъ внутрь страны, и языки древняго Египта, начиная съ древнихъ іероглифическихъ надписей до коптскаго языка, который послѣ седьмаго вѣка пересталъ быть живымъ языкомъ. Египетская цивилизація признана теперь древнѣйшею изъ всѣхъ, извѣстныхъ исторіи, цивилизацій. Современная историческая критика признаетъ существованіе древнеегипетской культуры за четыре тысячи лѣтъ до Р. Х. и несомнѣнное ея вліяніе на другіе народы. Совершенно затерянный ключъ къ

языку этого племени найденъ вновь въ текущемъ столѣтіи, и наука не перестаетъ раскрывать смыслъ загадочныхъ доселѣ памятниковъ глубокой египетской древности.

Сравнительное языкознаніе работаетъ въ томъ же направленіи и надъ другими семействами языковъ, и нѣтъ сомнѣнія, что рано или поздно они также будутъ сведены каждое къ одному общему первоначальному типу. Пока дознано только, путемъ того же химическаго разложенія, которому подвергнуты языки семействъ индо-европейскаго и семитическаго, что третье—алтайское, или туранское семейство языковъ обнимаетъ языки кочевыхъ племенъ средней и сѣверной Азіи, тунгузскій, монгольскій, тюркскій, самоѣдскій и финскій. Неприкосновенность корней составляетъ отличительную черту языковъ этого семейства; въ туранскихъ языкахъ, корень рѣзко выдѣляется среди придатковъ, видоизмѣняющихъ его значеніе въ словахъ производныхъ. Но самымъ типичнымъ въ этомъ отношеніи языкомъ остается и теперь китайскій, до сихъ поръ еще не отнесенный сравнительнымъ языкознаніемъ ни къ какому семейству, и состоящій меньше чѣмъ изъ пятисотъ самостоятельныхъ односложныхъ словъ. Различное произношеніе не увеличиваетъ этого числа самостоятельныхъ словъ и до полуторы тысячи. Это — не получившіе развитія корни, такіе же, какъ и открытые сравнительнымъ языкознаніемъ корни индо-европейскаго семейства, но застывшіе въ своей первоначальной формѣ. Къ китайскому языку примыкаютъ языки крайняго Востока — аннамскій (или кохинхинскій), сіамскій и бирманскій. Но китайскій занимаетъ между ними преобладающее положеніе, какъ языкъ образованнаго племени, имѣющій богатую литературу.

Языки народовъ, населяющихъ острова Тихаго океана отъ Формозы до Новой Зеландіи и на западъ до Мадагаскара, относятъ къ семейству малайско-полинезійскому; но они мало изслѣдованы. Языки эти также приближаются къ китайскому.

Наконецъ филологи относятъ къ особому семейству туземные языки Америки; но эта классификація еще далеко не окончательная. Она основана пока на общемъ строѣ этихъ языковъ, который называютъ полисинтетическимъ, или многосложнымъ. Всѣ части рѣчи въ этихъ языкахъ поглощаются глаголомъ, и потому всѣ правильно спрягаются. Понятіе *домъ* выражается словами: *они живутъ тамъ*, или *гдѣ они живутъ*. Отсюда чрезвычайно длинныя и сложныя слова, выражающія и то, что̀ въ европейскихъ языкахъ подразумѣвается. Американскіе языки очень бѣдны словами для выраженія отвлеченныхъ понятій. Всѣ попытки связать ихъ съ языками стараго свѣта до сихъ поръ были безуспѣшны; но представители сравнительнаго языкознанія не теряютъ надежды на достиженіе этой цѣли въ будущемъ.

Чѣмъ больше наука углубляется въ даль путемъ сравнительнаго метода, послѣдовательно нисходя отъ одного слоя рѣчи къ другому, тѣмъ болѣе приходится изумляться уже не запутанности грамматическаго строя хорошо обработанныхъ языковъ, а чудной простотѣ первоначальной ткани языка, сохранившейся, напримѣръ, въ младенческихъ формахъ китайской рѣчи. Въ этой непривычной для насъ рѣчи каждое слово односложно, каждое слово, не измѣняя своей формы, можетъ быть употребляемо какъ имя, какъ глаголъ, какъ прилагательное, какъ нарѣчіе или частица. Слово *да*, смотря по мѣсту, занимаемому имъ въ предложеніи, можетъ значить: *величина*, *рости*, *большой* и *очень*. Китайскіе языковѣды высказываютъ мысль, которая, по замѣчанію Макса Мюллера, раскрываетъ тайну всего роста человѣческой рѣчи отъ первобытнаго китайскаго до обратотаннаго англійскаго языка включительно. Когда какое-нибудь слово въ китайскомъ языкѣ употребляется въ смыслѣ имени или глагола, они называютъ его «полнымъ»; если это слово употреблено только какъ частица, или съ формальной лишь цѣлью, они даютъ ему названіе «пустаго слова». Научное изслѣдованіе болѣе развитыхъ арійскихъ языковъ показало, что слова съ теченіемъ времени дѣйствительно могутъ дѣлаться «пустыми» и въ болѣе широкомъ смыслѣ, что они часто теряютъ свое первоначальное полное значеніе, и что именно эти пустыя, или мертвыя слова наиболѣе подвержены звуковой порчѣ въ живомъ историческомъ процессѣ развитія языковъ, превращаясь въ утратившіе прежній смыслъ формальные звуки.

Въ этомъ отношеніи, историческое развитіе человѣческой рѣчи, по точнымъ изслѣдованіямъ сравнительнаго языкознанія, представляетъ три характерныя ступени. Въ однихъ языкахъ слова постоянно сохраняютъ свою первоначальную форму. Въ китайской рѣчи остаются неизмѣнными даже такія слова, которыя употреблены съ цѣлью обозначить то, что мы выражаемъ только окончаніями. *Человѣкъ* по китайски *жинъ*, *множество—ду*, и понятіе *люди*, *толпа*, передается словомъ *жинъ-ду*. Въ этомъ сложномъ словѣ и *жинъ* и *ду* сохраняютъ каждое свою самостоятельность, и однакоже *ду* стало пустымъ словомъ и служитъ только къ опредѣленію предшествующаго слова *жинъ*, человѣкъ, показывая, что рѣчь идетъ не объ одномъ человѣкѣ. Сложное *жинъ-ду* соотвѣтствуетъ, такимъ образомъ, нашему множественному числу, но самостоятельно въ своей первоначальной формѣ и отлично отъ множественнаго *люди*.

Въ другихъ языкахъ «пустыя» слова теряютъ свою самостоятельность, улетучиваются въ звуковомъ отношеніи и обращаются въ простыя окончанія. Множественное число образуется, напримѣръ, въ бирманскомъ языкѣ прибавленіемъ слова *то*, въ финскомъ, мордов-

скомъ и остякскомъ прибавленіемъ звука *т*. Какъ скоро *то* не употребляется болѣе какъ самостоятельное слово въ смыслѣ числа, оно дѣлается «пустымъ» словомъ, имѣющимъ лишь значеніе показателя множественнаго числа, и можетъ, наконецъ, сократиться только въ одну букву, которую мы и называемъ окончаніемъ множественнаго числа. На этой второй ступени человѣческой рѣчи, звуковое разложеніе можетъ совсѣмъ разрушать корпусъ пустого слова, но полныя слова, корни, еще не подвергаются этому разрушительному процессу.

Но звуковое искаженіе можетъ идти еще дальше. Полныя слова также теряютъ свою самостоятельность и подвергаются такому же разрушенію, какъ и первоначальныя формы окончаній. На этой третьей ступени часто бываетъ невозможно отличить корневые элементы словъ отъ формальныхъ.

Честь первой классификаціи языковъ на этомъ основаніи принадлежитъ извѣстному нѣмецкому ученому Вильгельму Гумбольдту. Онъ первый различилъ три ступени, или формаціи, въ разнообразныхъ слояхъ человѣческой рѣчи: односложную или изолирующую, обособляющую; терминаціонную или агглютинирующую (связующую), и флектирующую, органическую или спаивающую. Полнѣйшимъ представителемъ первой формаціи служитъ древне-китайскій языкъ, представителемъ второй—семейство туранскихъ языковъ, и третьей—языки арійскіе и семитическіе. Первая формація совсѣмъ исключаетъ звуковое измѣненіе или искаженіе корня; вторая исключаетъ его въ главномъ корнѣ, но допускаетъ во второстепенномъ, приставномъ, служебномъ, въ окончаніяхъ, для обозначенія лица, числа, времени, или вида; третья допускаетъ его и въ главномъ корнѣ, и въ окончаніяхъ.

На первой ступени каждое слово есть корень и имѣетъ свое самостоятельное значеніе. Тамъ, гдѣ мы по-русски говоримъ *палкой* или по латынѣ *baculo*, китаецъ говоритъ: *и гунь*, но *и* не есть предлогъ въ родѣ нѣмецкаго mit, а самостоятельный корень, который, будучи употребленъ въ видѣ глагола, значитъ *прилагать*. Поэтому *и гунь* значитъ по китайски буквально «прилагать палку». Когда нѣмецъ говоритъ zu Hause, мы—*дома*, а римлянинъ говорилъ domi, или грекъ oikoi, китаецъ говоритъ *у-ли*: *у* значитъ комната, *ли*—внутренность. По внѣшней формѣ китайскихъ словъ нѣтъ никакого различія между именами, глаголами, прилагательными, нарѣчіями или предлогами. Одинъ и тотъ же корень можетъ, смотря по своему мѣсту въ предложеніи, быть любою частью рѣчи. Въ китайскомъ языкѣ все зависитъ отъ вѣрнаго размѣщенія словъ въ предложеніи. *Во да ни*, значитъ: *я бью тебя*; *ни да во*, значитъ уже: *ты бьешь меня*. Но когда такіе

корни, какъ *ли* въ *у-ли* — дома, или *и* въ *и-гунь* — палкой, теряютъ свое этимологическое значеніе и становятся лишь знаками, показывающими падежъ, языкъ переходитъ во вторую ступень, терминаціонную. На этой ступени находится большинство существующихъ человѣческихъ языковъ. Вся масса такъ-называемыхъ туранскихъ языковъ, слѣдовательно, всѣ языки Европы и Азіи, за исключеніемъ арійскихъ и семитическихъ, и, быть можетъ, китайскаго, принадлежатъ къ этой ступени.

Но самыми гибкими и развитыми, какъ и самыми важными въ исторіи литературы, являются языки третьей ступени, органической, до того спаивающей корни, что они становятся неузнаваемыми безъ микроскопическаго анализа. Въ языкахъ второй ступени, какъ мы видѣли, рѣзко различаются на первый же взглядъ главный корень, придающій значеніе слову, и видоизмѣняющіе это значеніе элементы. Здѣсь, напротивъ, разнообразные элементы, изъ которыхъ составлены слова, такъ сливаются между собою, первоначальные звуки корней до того измѣняются или, какъ говорятъ лингвисты, искажаются, что только спеціалистъ-ученый можетъ раскрыть въ словахъ первоначальное различіе между корнемъ и окончаніемъ, и только знатокъ сравнительной грамматики замѣчаетъ связки между составными частями слова. Максъ Мюллеръ остроумно сравниваетъ различіе между языками второй и третьей формаціи съ различіемъ между хорошей и плохой мозаикой. Въ языкахъ третьей ступени, напримѣръ въ индо-европейскихъ, слова какъ будто сдѣланы изъ одного куска, тогда какъ въ туранскихъ ясно видны спайка и щели въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ камни приложены и приклеены одинъ къ другому. Во французскомъ словѣ je vivrai, я проживу, содержатся латинскія ego vivere habeo, я имѣю прожить, т. е. нѣсколько корней, грамматическая самостоятельность которыхъ почти разрушена въ немъ. Полученная при этомъ упрощенная и цѣльная форма можетъ служить образцомъ совершеннѣйшей лингвистической мозаики языковъ третьей ступени. Туранскіе языки не знаютъ подобныхъ словъ. Каждый языкъ долженъ быть понятенъ многимъ; необходимы преданіе, общественная жизнь и литература, чтобы сохранять такія слова, которыя не могутъ быть съ перваго взгляда разложены на свои составныя части. Такія слова рѣдко появляются въ языкахъ кочевниковъ, и, появившись, обыкновенно исчезаютъ съ тѣмъ поколѣніемъ, среди котораго они народились.

Эта классификація языковъ по внѣшнему ихъ строенію, или морфологическая классификація, имѣетъ громадную важность въ вопросѣ объ естественномъ происхожденіи языка вообще и историческомъ развитіи тѣхъ литературныхъ языковъ, которые наи-

болѣе двигали человѣчество, выражая его высшіе умственные и нравственные интересы, у народовъ, языки которыхъ достигли высшей, третьей формаціи. Состояніе науки сравнительнаго языкознанія еще не представляетъ достаточно данныхъ, чтобы предположеніе о постепенномъ прохожденіи языковъ черезъ три изложенныя нами формы стало научной истиной. Но предположеніе это остается, тѣмъ не менѣе, весьма правдоподобнымъ.

Въ этомъ вопросѣ мнѣнія лучшихъ знатоковъ сравнительнаго языкознанія рѣзко расходятся по двумъ направленіямъ. Поттъ и его школа убѣждены, что переходъ одного и того же языка съ низшей ступени на высшую, изъ обособляющей формаціи въ связующую, или изъ связующей во флектирующую, путемъ естественнаго историческаго развитія, совершенно невозможенъ, что языки навсегда остаются на одной изъ трехъ ступеней, что изолирующій языкъ никогда не можетъ сдѣлаться связующимъ, или связующій флектирующимъ. Другіе, въ томъ числѣ Максъ Мюллеръ, рѣшительно возстаютъ противъ этого мнѣнія. Нѣтъ того языка, говоритъ онъ, который былъ бы исключительно изолирующимъ, связующимъ или флектирующимъ не въ теоріи только, но и въ дѣйствительности. Передъ нами непрерывно совершаются переходы человѣческой рѣчи изъ одной формаціи въ другую. Даже и китайскій языкъ не свободенъ отъ связующихъ формъ, а болѣе развитые связующіе языки обнаруживаютъ самые явные признаки начинающейся флексіи. Оттого гораздо труднѣе провести рѣзкую черту между различными наслоеніями и формаціями рѣчи, чѣмъ доказать возможность перехода рѣчи изъ одной формаціи въ другую. Тоже затрудненіе, представившееся въ геологіи, побудило знаменитаго Лейалля придумать очень растяжимыя названія для смѣшанныхъ слоевъ земной коры. Классификація Вильгельма Гумбольдта вполнѣ достаточна для цѣлей сравнительнаго языкознанія, и причисленіе всякаго даннаго языка, согласно господствующимъ въ немъ формамъ, къ изолирующимъ, связующимъ или флектирующимъ, не представляетъ само по себѣ особенныхъ затрудненій; но внимательный анализъ языковъ приводитъ къ убѣжденію, что ни одинъ изъ нихъ не слѣдуетъ исключительно одному и тому же принципу — обособляющему, связующему или флектирующему. Способность человѣка составлять сложныя слова, проявляющаяся во всѣхъ формаціяхъ человѣческой рѣчи, постоянно ставитъ на одинъ уровень флектирующій языкъ съ обособляющимъ или связующимъ. Англійское New-town и греческое Nea-polis — сложныя слова связующей формаціи, къ которой можно отнести и имя великаго Ньюона, тогда какъ англійское или французское Naples должно быть отнесено къ формаціи флектирующей. Языки финскій, венгерскій,

турецкій и дравидійскіе принадлежатъ, по существу, къ связующей формаціи; но такъ какъ они въ значительной степени подверглись литературной обработкѣ, то всѣ они имѣютъ также и флектирующія формы. По мнѣнію Макса Мюллера, нѣтъ никакой возможности предполагать, чтобы любой языкъ принадлежалъ къ флектирующей формаціи, не прошедши предварительно черезъ обособляющую и связующую; невозможно, чтобы языкъ принадлежалъ къ формаціи связующей, не примыкая своими корнями къ лежащей подъ нею обособляющей формаціи. Все, что имѣетъ теперь лишь формальное значеніе въ языкѣ, первоначально имѣло матеріальное, самостоятельное значеніе. Такъ-называемые суффиксы нынѣшнихъ словъ, т.-е. окончанія, съ помощію которыхъ развивается корень слова для образованія изъ него разныхъ частей рѣчи, помимо склоненій и спряженій, были, по большей части, самостоятельными словами — существительными, глаголами, мѣстоименіями; фактически въ языкѣ и теперь нѣтъ ничего «пустаго», мертваго, формальнаго, что̀ не было бы прежде полно, живо и матеріально. Цѣль сравнительнаго языкознанія возсоздать каждый формальный, мертвый элементъ рѣчи въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ при жизни, и хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобныя попытки открыть живыя первоначальныя формы окаменѣлыхъ остатковъ въ нынѣшней рѣчи почти безнадежны, однако сравнительное языкознаніе уже владѣетъ достаточнымъ запасомъ данныхъ, научная разработка которыхъ даетъ полное основаніе утверждать, что въ третьей формаціи человѣческой рѣчи не существовало ничего такого, что̀ не имѣло бы своихъ причинъ и своего объясненія во второй или въ первой формаціи. Все это очень важно въ вопросѣ о томъ, возможно ли вообще родство между языками разныхъ семействъ въ глубокое до-историческое время. При сравненіи, напр., языка санскритскаго съ еврейскимъ, естественно рождалась мысль о томъ, были ли эти языки когда-нибудь частями одного и того же организма человѣческой рѣчи. Одни спеціалисты, и притомъ очень крупные, отрицаютъ всякое родство между этими двумя языками; другіе, напротивъ, собрали не мало матеріала, въ виду котораго трудно допустить, чтобы многочисленныя совпаденія между ними могли быть дѣломъ простой случайности. Языки арійскіе и семитическіе, по мнѣнію Макса Мюллера, конечно, не могли быть тожественны во второмъ, связующемъ періодѣ. Не только «пустыя» слова, служащія цѣлямъ словопроизводства, различны въ этихъ двухъ семействахъ, но и способы ихъ приложенія къ главнымъ словамъ совершенно иные. Въ арійскихъ языкахъ формальные элементы помѣщаются лишь въ концѣ словъ, въ семитическихъ мы находимъ ихъ и въ началѣ и въ концѣ. Весь строй арій-

скихъ языковъ совсѣмъ иной, чѣмъ строй языковъ семитическихъ. Остается, слѣдовательно, изолирующая, или обособляющая формація, въ которой могли быть тожественны эти два семейства, но и здѣсь сравнительное языкознаніе встрѣтило слѣдующее ограничительное обстоятельство. Всѣ арійскіе корни словъ односложны, всѣ семитическіе состоятъ уже изъ трехъ буквъ. На этомъ основаніи полагаютъ, что только то незапамятное время, когда семитическіе корни еще не получили своей трехбуквенной формы, могло быть временемъ тѣсной связи между семействами арійскимъ и семитическимъ. Несомнѣнно одно: всякій разъ, когда флексія, т.-е. измѣненіе, претерпѣваемое словомъ въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, могла быть подвергнута точному анализу, она оказывалась результатомъ предварительной агглютинаціи, и всегда, когда послѣдняя могло быть разложена на составныя части, она оказывалась послѣдствіемъ предварительнаго изолированія, или обособленія.

Даровитый лейпцигскій профессоръ Курціусъ идетъ дальше въ томъ же направленіи. Ему принадлежитъ серьозная попытка опредѣлить хронологически послѣдовательное развитіе арійскаго семейства. Имѣя въ виду общій арійскій языкъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ долженъ былъ существовать, прежде чѣмъ распался на національныя отрасли: санскритскую, греческую, латинскую и пр., Курціусъ различаетъ въ его исторіи семь послѣдовательныхъ періодовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой особенный характеръ. Мы не можемъ вдаваться въ подробности этого спеціальнаго изслѣдованія, вызвавшаго очень вѣскія возраженія знатоковъ сравнительнаго языкознанія, и приведемъ его результаты лишь въ очень немногихъ словахъ. Пользуясь всѣми данными сравнительнаго языкознанія, Курціусъ высказываетъ рядъ остроумныхъ и тонкихъ предположеній о первомъ періодѣ исторіи первоначальнаго общаго индо-германскаго языка. Корни—самые простые, неподлежащіе разложенію элементы языка, и, слѣдовательно, исторія всякаго языка начинается собственно созданіемъ этихъ простѣйшихъ элементовъ. Корни имѣли не фиктивное, не научное только, но вполнѣ реальное существованіе; они—первобытнѣйшія слова, сначала остающіяся неизмѣнными въ своихъ формахъ и крайне немногочисленныя. Курціусъ называетъ это время корневымъ періодомъ индо-европейскаго языка,—періодомъ, въ которомъ этотъ языкъ, подобно нынѣшнему китайскому, долженъ былъ состоять изъ односложныхъ словъ, не подвергавшихся никакимъ измѣненіямъ. То, что первоначально было словомъ, теперь стало для насъ корнемъ съ точки зрѣнія болѣе развитыхъ языковъ: древній индіецъ и древній грекъ, конечно, говорили уже не корнями; но общіе предки ихъ говорили корнями въ эпоху, лежащую далеко позади

извѣстной намъ теперь древне-индійской и древне-греческой рѣчи. Съ этой реальной точки зрѣнія, корни слова теряютъ тотъ таинственный, миеическій характеръ, который имъ нерѣдко придавали. Разумѣется, въ первомъ, корневомъ періодѣ индо-европейскаго языка не могло быть и помину о какомъ-нибудь различіи между именемъ и глаголомъ. Корень *да* могъ обозначать и дающаго, и даваемое, и самое дѣйствіе, но не могъ опредѣленно значить: давать, онъ даетъ, я даю. Соединеніе самостоятельнаго подлежащаго съ самостоятельнымъ сказуемымъ предполагаетъ согласованіе, синтезъ, который совершенно чуждъ голому корню, какъ показываютъ всѣ односложные языки, не имѣющіе граматическихъ формъ. Число корней не могло быть велико; всѣ они были односложны, всѣ съ короткими гласными. Сначала изъ простыхъ корней образовались сложные, производные, болѣе опредѣлено различавшіе предметы или дѣйствія, но безъ всякаго примѣненія граматическихъ формъ: это второй періодъ; потомъ, въ третьемъ періодѣ, сложились первичныя глагольныя формы; къ корнямъ, именующимъ предметъ или дѣйствіе, присоединилось личное мѣстоименіе, и составилось короткое предложеніе, первообразъ позднѣйшихъ, болѣе богатыхъ формъ и оборотовъ рѣчи. Глаголы дѣйствительные образовались прежде среднихъ. Присоединеніе мѣстоименія къ глаголу и тѣсная связь между ними положило основаніе флексіи, той измѣнчивой подвижности глагольныхъ формъ, которую мы встрѣчаемъ впослѣдствіи въ европейскихъ языкахъ. Но имя остается еще грамматически неизмѣннымъ въ этомъ третьемъ періодѣ индо-европейскаго языка,—періодѣ первичныхъ глагольныхъ формъ. Неравенство между именемъ и глаголомъ, изъ которыхъ послѣдній сталъ многосложнымъ отъ присоединенія къ нему окончаній, тогда какъ первое оставалось односложнымъ и неизмѣннымъ, изгладилось въ слѣдующемъ періодѣ. Выходя изъ среды чистыхъ корней, языкъ создалъ глагольныя и именныя коренныя слова прибавкою глагольныхъ и именныхъ окончаній—суффиксовъ—къ первичнымъ и производнымъ корнямъ. Суффиксы весьма многочисленны, и они-то дали арійскому языку возможность широко развиться изъ малочисленнаго запаса первоначальныхъ корней. Образованіе сложныхъ глагольныхъ формъ, сложныхъ корневыхъ словъ, временъ и видовъ отнесено Курціусомъ къ пятому періоду. Процессъ этотъ заключается въ соединеніи слова съ вспомогательнымъ глаголомъ, первоначально имѣвшимъ вполнѣ самостоятельное значеніе. Древнѣйшій языкъ не зналъ иного соединенія подлежащаго со сказуемымъ, кромѣ ихъ механической приставки одного къ другому. Въ пятомъ періодѣ, по системѣ Курціуса, впервые оказалась потребность въ различеніи прилагательнаго, аттрибута, и сказуемаго. Приставка одного слова къ другому осталась

выраженіемъ связи прилагательнаго съ существительнымъ, а сказуемая связь стала выражаться прибавкой глагола *ас*, быть, который мало по малу обратился въ связку. Отсюда дальнѣйшее образованіе всѣхъ сложныхъ глагольныхъ формъ.

Но падежи еще не существовали въ языкѣ. На первый взглядъ можетъ казаться страннымъ, говоритъ Курціусъ, что языкъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ уже развитый, еще не зналъ такихъ необходимыхъ, по нашимъ понятіямъ, формъ, какъ падежъ, даже не отличалъ единственнаго числа отъ множественнаго. Но менѣе развитые языки убѣждаютъ въ томъ, что многое, признаваемое нами теперь необходимымъ, не существовало вовсе или замѣнялось другими, менѣе выразительными пріемами. Происхожденіе падежей принадлежитъ къ числу самыхъ темныхъ вопросовъ въ исторіи индо-европейскаго языка. Анализъ многихъ глагольныхъ флексій исполненъ наукой и далъ вѣрные результаты; напротивъ, нѣкоторыя формы падежей доселѣ остаются необъясненными. По мнѣнію Курціуса, всѣ наши падежи не могли образоваться вдругъ. Сначала возникли болѣе простые: именительный, винительный и звательный. Другіе падежи составляютъ уже относительно позднѣйшее явленіе, которое Курціусъ относитъ къ шестому періоду—періоду образованія падежей. Наконецъ, послѣднимъ періодомъ въ исторіи индо-европейскаго языка до его распаденія на нѣсколько отраслей, Курціусъ считаетъ время, когда, по образованіи падежей, въ индо-европейской рѣчи появились начатки нарѣчій, не тѣ знакомыя намъ полныя нарѣчія, которыя образуются изъ прилагательныхъ, а вошедшія въ употребленіе приставки, изъ которыхъ сложились впослѣдствіи нарѣчія отдѣльныхъ языковъ того же семейства. Изслѣдованіе санскрита показало, что нарѣчія—не что иное, какъ окончательныя, обособившіяся формы падежей. Они предполагаютъ, слѣдовательно, предварительное существованіе послѣднихъ. Даже въ эпоху уже литературную, напр., въ языкѣ Гомера, обособившіяся формы падежей употребляются какъ нарѣчія. Только мало-по-малу стали тѣснѣе связывать ихъ съ глаголами и именами, вслѣдствіе чего они отчасти получили свойство префиксовъ, приставокъ въ началѣ словъ. Обычное намъ употребленіе предлоговъ, въ связи съ извѣстнымъ падежомъ, было уже результатомъ дальнѣйшаю развитія языка и употребленія этихъ частицъ.

Не всѣ спеціалисты сравнительнаго языкознанія раздѣляютъ соображенія Курціуса относительно историческаго процесса, пережитаго индо-европейскимъ языкомъ до распаденія его на отрасли санскритскую, греческую, латинскую, германскую, славянскую и кельтійскую. Возражая Курціусу, Максъ Мюллеръ находитъ, что нѣтъ возможности совер-

шенно ясно и доказательно различить болѣе трехъ періодовъ въ развитіи первоначальнаго языка арійцевъ. Въ одномъ изъ нихъ матеріалъ языка состоялъ изъ простыхъ, грамматически неизмѣнныхъ корней, подобно нынѣшнему живому и литературному языку китайцевъ. Во второмъ періодѣ преобладало совокупленіе корней, причемъ одинъ изъ связуемыхъ корней терялъ свою самостоятельность, и изъ полнаго и матеріальнаго элемента рѣчи становился «пустымъ» и формальнымъ. Къ этому періоду относится образованіе сложныхъ корней нѣкоторыхъ именныхъ и глагольныхъ корневыхъ словъ и необходимѣйшихъ формъ склоненія и спряженія. Въ немъ говорящій еще сознавалъ или чувствовалъ, что одна часть его слова есть корень или корпусъ слова, а все остальное—прибавка. Пріемъ комбинированія, связыванія словъ господствовалъ задолго до образованія флексіи—окончаній въ склоненіяхъ и спряженіяхъ. Флексія была уже дальнѣйшимъ результатомъ пріемовъ второго періода, и должна быть отнесена къ третьему періоду арійскаго языка, когда корневыя слова и видоизмѣняющіе ихъ элементы стали сростаться, такъ что говорящій уже терялъ сознаніе ихъ прежней самостоятельности. Таковы наши теперешніе языки, въ которыхъ только научный анализъ даетъ возможность различать корни, суффиксы и пр.

Максъ Миллеръ въ особенности настаиваетъ на томъ, что развитіе языка ускользаетъ отъ строгихъ хронологическихъ опредѣленій. Изъ всѣхъ силъ, дѣйствовавшихъ при образованіи человѣческой рѣчи, ни одна—говоритъ онъ—не исчезала и не исчезаетъ вдругъ, уступая мѣсто другой, но всѣ дѣйствуютъ непрерывно, только въ большей или меньшей степени. Флексія не влекла за собой внезапнаго исчезновенія комбинаціи корней, какъ послѣдняя не упраздняла обособленія. Если и въ такомъ обработанномъ языкѣ, каковъ, напр., англійскій, могутъ быть составляемы, путемъ одной только комбинаціи, такія слова какъ man-like, сокращаемое въ man-ly, то нельзя сказать, чтобы комбинирующія сила угасла, хотя она уже не такъ велика, чтобы создавать новые падежи или новыя личныя окончанія глаголовъ. Оттого три періода въ развитіи арійскаго языка, до распаденія его на отрасли, лежатъ въ исторіи языка не рѣзко разграниченными правильными наслояніями, а перемѣшаны между собою. Каждый изъ этихъ слоевъ только преобладалъ въ извѣстномъ періодѣ.

На этихъ выводахъ и соображеніяхъ, добытыхъ исключительно собственными средствами сравнительнаго языкознанія, застали его въ новѣйшее время чрезвычайные успѣхи естественныхъ наукъ.

II.

Сравнительное языкознаніе и естественныя науки. — Вопросъ о происхожденіи человѣческой рѣчи въ связи съ вопросомъ о происхожденіи организмовъ. — Изслѣдованія Іегера, Гейгера и Шлейхера по этому вопросу. — Гипотеза Шлейхера. — Возраженія Макса Мюллера. — Вѣрная постановка вопроса принадлежитъ физiологамъ-реалистамъ.

Сильное движеніе въ области естественныхъ наукъ шло на встрѣчу сравнительному языкознанію. Въ вопросѣ о происхожденіи и первоначальномъ развитіи человѣческой рѣчи сравнительное языкознаніе точно такъ же нуждалось въ помощи точныхъ наукъ, какъ и послѣднія въ научныхъ результатахъ, уже добытыхъ сравнительнымъ языкознаніемъ.

Извѣстно, что наша планета пережила множество измѣненій прежде, чѣмъ получила свой настоящій видъ, что она уже шесть тысячъ лѣтъ остается приблизительно въ одномъ и томъ же состояніи. Легко судить поэтому, какъ ничтоженъ, сравнительно, тотъ періодъ времени, который мы называемъ историческимъ и о которомъ до насъ дошли болѣе или менѣе положительныя свидѣтельства. Сотни тысячъ, милліоны лѣтъ могли пройти прежде, чѣмъ на землѣ сложились языки, явились писменость и лѣтописи; въ теченіе милліона лѣтъ земля могла переживать событія, о которыхъ мы знаемъ лишь по оставленнымъ ими смутнымъ слѣдамъ, раскрываемымъ естественными науками, археологіей и сравнительнымъ языкознаніемъ. Въ мѣстахъ, гдѣ нынѣ возвышается суша и возносятся горныя массы, прежде было море—и наоборотъ. Европа нѣкогда была покрыта ледниками. Новые организмы смѣнили до-историческихъ колоссальныхъ животныхъ, и только ископаемые остатки послѣднихъ, вмѣстѣ съ древнѣйшими слоями земной коры, свидѣтельствуютъ теперь о неизмѣримо долгомъ существованіи земли, превышающемъ всѣ прежнія человѣческія соображенія. Прежде полагали, что собирая и сопоставляя миѳическія сказанія древнихъ народовъ о происхожденіи міра, можно извлечь изъ нихъ болѣе и менѣе достовѣрныя свѣдѣнія о самомъ процессѣ міроазданія, къ которому эти народы будто бы стояли гораздо ближе насъ. Но эти сказанія, какъ дознано нынѣ, могутъ имѣть большую цѣну лишь какъ памятники первобытной народной поэзіи и не имѣютъ никакой цѣны для дѣйствительной исторіи мірозданія. Всѣ они носятъ такой рѣзкій отпечатокъ полнаго незнанія законовъ при-

роды, что основывать на нихъ историческіе выводы значило бы только плодить грубыя заблужденія. Не собиратели миѳовъ, не метафизики и даже не археологи пролили свѣтъ на до-историческіе періоды земли и человѣчества. Этимъ свѣтомъ наука обязана почти исключительно натуралистамъ и двигателямъ сравнительнаго языкознанія. Геологи, палеонтологи, анатомы раскрыли предъ нами нѣдра земли, по различнымъ слоямъ ея прослѣдили ея исторію, изслѣдовали найденные въ ней остатки организмовъ; дѣятели сравнительнаго языкознанія сдѣлали тоже самое по отношенію къ человѣческой рѣчи.

Но и тѣ, и другіе могли исполнить эти задачи лишь въ недавнее время. Еще Кювье былъ убѣжденъ, что нечего и думать о существованіи окаменѣлыхъ остатковъ человѣка между остатками вымершихъ животныхъ организмовъ. Человѣкъ считался младшимъ, новѣйшимъ, совершенно особеннымъ членомъ мірозданія, стоящимъ какъ бы внѣ общихъ законовъ природы. Только съ половины текущаго столѣтія стали внимательно присматриваться къ фактамъ, доказывавшимъ противное, къ ископаемымъ находкамъ, свидѣтельствующимъ о гораздо болѣе давнемъ существованіи человѣка на землѣ, чѣмъ вообще предполагали. Находки, между тѣмъ, быстро слѣдовали одна за другою, и теперь никто уже не сомнѣвается, что человѣкъ былъ современникомъ вымершихъ животныхъ организмовъ дилювіальнаго періода.

Фактовъ и до-историческихъ свидѣтельствъ, подтверждавшихъ это явленіе, было накоплено множество; но они не были связаны никакою общею идеей, никакою признанною научною гипотезой, на которой могло бы быть основано новое, цѣльное воззрѣніе, объясняющее эти факты, явленія и до-историческія свидѣтельства, и въ свою очередь подтверждаемое ими. Попытки дать такую гипотезу были сдѣланы въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но онѣ не имѣли успѣха, не только въ виду силы господствовавшихъ въ то время и общепринятыхъ мнѣній, но и по относительной скудости тогдашнихъ фактовъ и наблюденій. Опредѣляя виды растеній и животныхъ, натуралисты приходили къ различнымъ, иногда совершено противоположнымъ выводамъ по однимъ и тѣмъ же частнымъ вопросамъ, и, повидимому, не безъ крупныхъ опытныхъ основаній. Многіе виды организмовъ, наиболѣе близкіе другъ къ другу въ общемъ, существенно различаются въ частностяхъ; другіе, наименѣе сходные въ общемъ, поразительно сходны въ частностяхъ. Это загадочное явленіе навело французскаго ученаго Ламарка на мысль о возможности и необходимости постепеннаго развитія органическаго міра, въ противоположность господствовавшему мнѣнію о страшныхъ переворотахъ, постигавшихъ нашу планету и разомъ измѣнявшихъ ея состояніе. По мнѣнію Ламарка, организмы слагались подъ двумя главными влія-

ніями: наслѣдственности и способности примѣняться къ даннымъ условіямъ; онъ не остановился и передъ смѣлымъ предположеніемъ о происхожденіи человѣка отъ другого, низшаго млекопитающаго. Теорія эта, правда, не осталась и тогда безъ даровитыхъ защитниковъ. Жуффруа Сентъ-Илеръ во Франціи и Гете въ Германіи были за нее; извѣстный ученый Кетлэ высказывался въ смыслѣ, очень близкомъ къ гипотезѣ Ламарка. Но эта гипотеза не принялась. Признавая постепенное развитіе организмовъ, она не могла объяснить, *какъ* совершалось это развитіе. Ключъ къ этой загадкѣ предложенъ только въ недавнее время—англійскимъ натуралистомъ Дарвиномъ.

Глубокія и тонкія наблюденія привели его къ открытію процессовъ естественнаго и полового подбора и борьбы за существованіе между живыми организмами, какъ растительными, такъ и животными. Уже въ первомъ своемъ сочиненіи «О происхожденіи видовъ» геніальный ученый, съ свойственной ему основательностью и осторожностью, высказалъ убѣжденіе, что животные организмы происходятъ по большей мѣрѣ отъ четырехъ или пяти, растительные—отъ такого же или еще меньшаго числа первоначальныхъ видовъ. «Аналогія могла бы завести меня еще нѣсколько дальше,—прибавилъ онъ тогда же,—именно къ предположенію, что всѣ растительные и животные организмы происходятъ отъ одной первоначальной формы; но аналогія могла бы оказаться въ настоящемъ случаѣ обманчивой руководительницей». Даровитый и страстный представитель дарвинизма въ Германіи, іенскій профессоръ Геккель, не остановился на этомъ сдержанномъ выводѣ. Основываясь на собственныхъ изслѣдованіяхъ, которыми онъ стремился пополнить выводы своего учителя, онъ прямо высказалъ мысль, что и немногіе, допущенные Дарвиномъ, первоначальные виды животныхъ и растеній имѣютъ общее происхожденіе, что растительные и животные организмы находятся въ тѣснѣйшей естественной связи между собою, что старѣйшимъ организмомъ, родоначальникомъ всѣхъ послѣдующихъ видовъ долженъ быть признанъ организмъ монеры—простѣйшее органическое тѣло, безъ всякой опредѣленной формы, безъ всякихъ твердыхъ и окрѣпшихъ частей.

Гипотезы Дарвина и Геккеля произвели огромное впечатлѣніе и въ ученомъ мірѣ, и въ обществѣ. Онѣ были настоящимъ событіемъ въ наукѣ. Онѣ открыли выходъ умамъ, извѣрившимся въ метафизическія построенія, безпрерывно опровергаемыя фактами и наблюденіями. Множество ученыхъ и дилетантовъ пристали къ новой школѣ, логически объединявшей крупныя, повидимому разнороныя явленія природы, содержаніе и форму, природу физическую и духовную, и потому названной монизмомъ. Какъ ни нова эта школа, она

уже создала цѣлую литературу, особенно въ Германіи, гдѣ она насчитываетъ многочисленныхъ сторонниковъ. Возраженія, предъявленныя противъ нея учеными натуралистами, до сихъ поръ не могли поколебать ея основныхъ положеній, и едва-ли кто-нибудь станетъ отрицать теперь, что рядомъ съ понятными и неизбѣжными увлеченіями ея послѣдователей, въ ней лежитъ значительная доля истины. Во всякомъ случаѣ, основныя ея положенія не таковы, чтобы было легко разрушить ихъ и замѣнить другими, столь же простыми и естественными положеніями. Противники монизма сдѣлали, къ тому же, большую ошибку, ставъ на точку зрѣнія людского самолюбія и самообольщенія по отношенію къ научной гипотезѣ. Вопреки ихъ увѣреніямъ, въ этой гипотезѣ нѣтъ ничего безотраднаго, ничего унизительнаго для человѣка; она свидѣтельствуетъ только о чрезвычайной способности его къ развитію, благодаря которой онъ могъ подняться на нынѣшнюю степень культуры. Не бѣда, что она породила въ самомъ началѣ преувеличенія и односторонность въ умахъ, ослѣпленныхъ блестящими результатами опытныхъ знаній; какъ всякое крупное пріобрѣтеніе науки, какъ всякая новая фаза человѣческой мысли, какъ законная и вполнѣ понятная реакція противъ метафизическихъ блужданій, новая школа не могла не принять исключительнаго и страстнаго характера. Но эта односторонность, это самоупоеніе собственною силой, могутъ быть только временныя.

Противники Дарвина любятъ выставлять его гипотезу въ каррикатурномъ видѣ, взывая къ общепринятымъ мнѣніямъ и предразсудкамъ; сторонники его, напротивъ, охотно приравниваютъ его гипотезу открытію причины всѣхъ вещей, полному разоблаченію тайнаго доселѣ смысла природы. Но Дарвинъ, въ своихъ изысканіяхъ, шелъ медленнымъ и осторожнымъ путемъ точныхъ научныхъ наблюденій и выводовъ, и самъ, конечно, далекъ отъ мысли присвоивать себѣ все то, что̀ приписываютъ ему другіе. Можно раздѣлять мнѣніе монистовъ, что изъ монеры, какъ простѣйшаго организма, стоящаго по развитію ниже клѣточки, развились вся органическая жизнь, весь міръ животныхъ и растеній; можно признавать, что эта гипотеза сильно подвинула впередъ науку, и въ тоже время видѣть, что она даетъ ключъ къ одной изъ тайнъ природы—не болѣе. Происхожденіе вещества, самое зарожденіе монеры по прежнему остаются неразгаданной тайной. Наука познавала природу въ извѣстныхъ предѣлахъ; гипотеза Дарвина раздвинула эти предѣлы, дала направленіе дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, но не дала и не могла дать полнаго знанія. Человѣчество, по прежнему, остается въ раздумьѣ передъ вопросами: ка̀къ произошло вещество, предварительное существованіе котораго было необходимо для образованія монеры, откуда это стремленіе матеріи

къ міровому развитію, къ созданію организмовъ, къ безустанной выработкѣ высшихъ организмовъ при низшихъ? Наука также принуждена остановиться передъ этими загадочными вопросами и сказать, вмѣстѣ съ лучшими прежними и современными своими представителями, что отвѣчать на эти вопросы она еще не можетъ, что разрѣшеніе ихъ лежитъ внѣ предѣловъ современнаго положительнаго знанія, за которыми начинается область субъективныхъ воззрѣній, догадокъ и чаяній, область чувства и фантазіи, область вполнѣ понятная и законная, хотя и недающая точной, научной истины. Изслѣдованіе не упраздняетъ жизни, а только даетъ возможность познавать ее. Какъ бы ни были изслѣдованы, въ физіологическомъ отношеніи, чувство любви, играющее столь важную роль въ жизни человѣка и во всѣхъ литературахъ міра, способность человѣка приносить жертвы общему благу, наконецъ самый процессъ художественнаго и теоретическаго творчества, человѣкъ все-таки останется цѣльнымъ и живымъ организмомъ, стремящимся къ личному счастію, къ общему благу и творческой дѣятельности.

Дарвинизмъ не остался безъ вліянія на тѣ отрасли нашихъ знаній, которыя до сихъ поръ гордо величали себя высшими и съ снисходительной благосклонностью взирали на естественныя науки. Поставивъ и разрѣшивъ за̀-ново вопросъ о происхожденіи организмовъ, онъ въ тоже время далъ новый толчокъ и новое направленіе разработкѣ вопроса о происхожденіи и природѣ языка. Самъ Дарвинъ мало высказался объ этомъ вопросѣ. По его мнѣнію, люди, задолго до своего распространенія на землѣ, даже до распаденія на расы, или племена, уже достигли такого умственнаго развитія, которое невозможно безъ языка, и потому первый языкъ долженъ былъ образоваться до распаденія на племена; но языкъ этотъ, разумѣется, былъ далеко не такъ совершенъ, какъ любой изъ живыхъ современныхъ языковъ и не оставилъ по себѣ никакихъ слѣдовъ въ извѣстныхъ намъ языкахъ позднѣйшей формаціи. Не столько это мнѣніе Дарвина, сколько его геніальная гипотеза о постепенномъ развитіи высшихъ организмовъ изъ низшихъ навела его послѣдователей на новыя соображенія о постепенномъ и столь же естественномъ происхожденіи человѣческой рѣчи. «Что сдѣлалъ Лайелль для исторіи нашей планеты, то сдѣлано Дарвиномъ для исторіи человѣка, — говоритъ одинъ изъ лучшихъ совремменныхъ представителей сравнительнаго языкознанія, Шлейхеръ. Его теорія — явленіе не случайное, она не выдумка страннаго ума, а прямое и подлинное дитя нашего вѣка. Ученіе Дарвина — необходимость. Его объясненіе происхожденія видовъ животныхъ и растеній примѣняется, по крайней мѣрѣ въ своихъ главныхъ чертахъ, и къ организмамъ языковъ». То, что нату-

ралисты считаютъ родомъ (Gattung, genus), называется въ сравнительномъ языкознанiи семействомъ родственныхъ языковъ. Виды одного рода называются въ сравнительномъ языкознанiи языками одного корня; подраздѣленiя видовъ—дiалектами или нарѣчiями одного и того же языка; разновидностямъ и породамъ натуралистовъ соотвѣтствуютъ подраздѣленiя нарѣчiй, и наконецъ индивидамъ — рѣчь отдѣльныхъ людей. Какъ индивиды одного и того же вида никогда не бываютъ безусловно тожественны между собою, такъ и рѣчь индивидовъ, говорящихъ на одномъ и томъ же языкѣ, у разныхъ людей всегда носитъ болѣе или менѣе сильный личный отпечатокъ. Выясненная Дарвиномъ способность видовъ измѣняться съ теченiемъ времени, благодаря которой одна форма развѣтвляется на многiя, уже давно признана въ сравнительномъ языкознанiи. Тѣ языки, которые, выражаясь словами натуралистовъ, должны быть признаны видами одного рода, давно считаются дѣтьми одного общаго, основного языка, изъ котораго они произошли путемъ постепенныхъ измѣненiй. Сравнительное языкознанiе выработало точно такую же родословную изслѣдованныхъ имъ языковъ, какую предлагаетъ Дарвинъ для видовъ растенiй и животныхъ. Доказано, что почти всѣ языки Европы и нѣкоторые языки Азiи происходятъ отъ одного первоначальнаго, нынѣ уже не существующаго языка и потому составляютъ одно семейство такъ-называемыхъ индо-европейскихъ языковъ; тоже самое доказано и относительно языковъ семитическихъ; и нѣтъ сомнѣнiя, заключаетъ Шлейхеръ, что со временемъ, путемъ того же сравнительнаго метода, можно будетъ значительно усовершенствовать классификацiю другихъ языковъ, которая въ наше время еще оставляетъ желать весьма многаго.

Направленiе, господствующее теперь въ наукѣ и въ обществѣ, неудержимымъ потокомъ разлилось во всѣ стороны, и новая школа, поставляя и разрѣшая за-ново вопросъ о происхожденiи человѣка и его первоначальныхъ судьбахъ, давала такимъ образомъ новый толчокъ разработкѣ вопроса о происхожденiи человѣческой рѣчи. Даровитѣйшiе натуралисты подали свой вѣскiй голосъ въ этомъ вопросѣ; знатоки сравнительнаго языкознанiя занялись изученiемъ системы Дарвина и ея примѣненiемъ въ своей области. У тѣхъ и другихъ были, конечно, предшественники, уже дѣлавшiе смѣлыя попытки въ этомъ родѣ. Съ небольшимъ десять лѣтъ тому назадъ, извѣстный нѣмецкiй филологъ Гейгеръ, въ своемъ широко-задуманномъ, но, къ сожалѣнiю, прерванномъ смертью трудѣ, независимо отъ Дарвина высказалъ мысль о естественномъ происхожденiи языка въ связи съ физiологическимъ развитiемъ человѣческаго организма. Филологи-идеалисты, въ родѣ берлинскаго профессора Штейнталя, во многомъ измѣ-

нили свои мнѣнія подъ вліяніемъ изслѣдованій Гейгера и школы Дарвина, и имѣли завидное мужество высказать это сами, публично. Шлейхеръ, Фридрихъ Мюллеръ и Больцъ также подали голосъ въ смыслѣ новой школы. Всѣ они расходятся съ дарвинистами въ частностяхъ, но сходятся съ ними въ принципѣ. Въ послѣднемъ изданіи своего сочиненія о происхожденіи языка, Штейнталь обращаетъ вниманіе филологовъ на попытки натуралистовъ разрѣшить этотъ трудный и темный вопросъ, и въ особенности на замѣчательную попытку зоолога Іегера, который началъ свою ученую дѣятельность на поприщѣ естествознанія и потомъ перешелъ къ языку.

Іегеръ первый примѣнилъ къ языкознанію результаты своихъ зоологическихъ наблюденій и изслѣдованій. Въ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ журналѣ «Ausland» въ 1867 и 1868 гг., онъ исходитъ отъ той мысли, что такъ какъ языкъ есть физіологическая функція человѣческаго организма, такъ какъ и первый человѣкъ появился на землѣ не безъ родителей, и родился отъ существа, которое отличалось отъ него не больше, чѣмъ и теперь отецъ отличается отъ своего сына, то и языкъ первыхъ людей долженъ былъ гораздо больше походить на языкъ низшихъ организмовъ, чѣмъ на извѣстные теперь человѣческіе языки. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что въ отношеніи къ языку разница между сыномъ и отцомъ должна быть гораздо меньше, чѣмъ между людьми, раздѣленными длиннымъ рядомъ поколѣній. Оттого гораздо легче узнать характеръ языка первыхъ людей изъ языка другихъ организмовъ, чѣмъ изъ нынѣшнихъ языковъ, и зоологъ, занимавшійся изученіемъ языка животныхъ, находится въ лучшемъ положеніи, чѣмъ филологъ, по отношенію къ этому спеціальному вопросу. Наблюденія надъ пѣніемъ птицъ, которое онъ отнюдь не приравниваетъ членораздѣльнымъ звукамъ человѣческаго голоса, привели знаменитаго зоолога къ необходимости различать физіологическій и психологическій элементы языка, звукъ и то, что онъ выражаетъ. Первоначально звукъ есть нѣчто ненамѣренное, непроизвольное движеніе, вызываемое ощущеніемъ удовольствія подъ теплыми солнечными лучами или въ виду найденной пищи. Говоря *физіологически, самый первый и самый общій элементъ языка животныхъ есть вызываемый ощущеніемъ звукъ*. Но онъ не долго удерживаетъ это значеніе. Изданный звукъ не можетъ не оказывать вліянія на внѣшній міръ: издающее звукъ животное слышатъ другія, другъ и недругъ узнаютъ по этому звуку о мѣстѣ нахожденія животнаго. Если это обстоятельство подвергаетъ его опасности, то оно же доставляетъ ему большія выгоды, особенно въ важнѣйшемъ занятіи животныхъ— распложеніи. У издающихъ звукъ животныхъ легче встрѣчаются и сближаются оба пола. *Выражающій ощущеніе звукъ становится при-*

знвнымъ звукомъ для обоихъ половъ, средствомъ къ взаимному пониманію, а именно такова одна изъ существенныхъ особенностей языка. Одновременное развитіе голосовыхъ и половыхъ органовъ вполнѣ подтверждаетъ это мнѣніе, по словамъ Іегера. У человѣка голосъ измѣняется со вступленіемъ въ юношескій возрастъ; пѣтухъ начинаетъ кричать, птица пѣть лишь съ наступленіемъ половой зрѣлости. Но именно потому, что птицы и насѣкомыя пріобрѣтаютъ голосъ лишь въ этой порѣ своей жизни, а у человѣка голосъ есть и прежде, — именно поэтому изъ человѣческаго голоса выходитъ нѣчто гораздо большее, чѣмъ изъ голоса птицы.

Позвоночныя животныя — птицы и млекопитающія — способны издавать разнообразные звуки еще и подъ вліяніемъ голода, боли, страха и многихъ пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній. Страхъ передъ хищными животными выражается у зяблика въ нѣжномъ, протяжномъ свистѣ; таже птица выражаетъ свое безпокойство подъ вліяніемъ удушливой атмосферы передъ грозою жесткимъ, далеко слышнымъ кличемъ, похожимъ на звукъ «шютть», сильно радостное настроеніе звукомъ «пикъ». Эти звуки, издаваемые подъ вліяніемъ ощущеній, получаютъ смыслъ указаній, дѣлаются призывными или предохранительными возгласами, средствомъ къ взаимному пониманію организмовъ. Предохранительный кличъ лѣсныхъ птицъ понятенъ не только всему птичьему роду, но и четвероногимъ дикимъ животнымъ. Поэтому, говоритъ Іегеръ, нѣтъ ничего преувеличеннаго въ выраженіи: птицы говорятъ между собою. *Звуки, издаваемые животными подъ вліяніемъ ощущеній, прибавляетъ онъ, соотвѣтствуютъ отчасти пѣнію, отчасти восклицаніямъ человѣка.*

Дальнѣйшимъ шагомъ въ языкѣ животныхъ, впрочемъ весьма немногихъ, было *звукоподраженіе.* Нѣкоторыя птицы подражаютъ другимъ въ пѣніи и голосѣ, но ни одна изъ нихъ не пользуется этою способностью для взаимнаго пониманія; звукоподражаніе ихъ не болѣе какъ проявленіе удовольствія.

Тутъ мы касаемся самаго корня, изъ котораго идетъ дальнѣйшее развитіе языка,—говоритъ Іегеръ.—Языкъ не есть только физіологическая функція, онъ существенно зависитъ отъ развитія психическихъ способностей живого организма. Сокровищница словъ, которою располагаетъ человѣкъ, находится въ прямомъ соотношеніи съ многостороннимъ развитіемъ его духа, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что животныя довольствуются для своихъ бесѣдъ такимъ малымъ количествомъ звуковъ,—оно есть просто слѣдствіе ихъ ограниченнаго духовнаго горизонта. Для того, чтобы ярко освѣтить отношенія языка животныхъ къ языку человѣка, необходимо предварительно изслѣдовать душу человѣка и животныхъ. Разница между этими

языками такъ же велика, какъ и разница между душой человѣка и душой животнаго.

Животныя, въ особенности обезьяны, не говорятъ именно потому, что не ощущаютъ въ томъ сильной потребности, лишены музыкальнаго дара и способности къ звукоподражательному именованію. Глухонѣмые употребляютъ между собою только языкъ тѣлодвиженій, который не только удовлетворяетъ ихъ потребности, но и удобнѣе для нихъ, потому что движенія руки и тѣла видны на бо́льшемъ разстояніи, чѣмъ движенія рта. Обезьянѣ достаточно необыкновенно развитаго языка тѣлодвиженій, вмѣстѣ съ нѣкоторыми сильными манящими звуками голоса. Но, кромѣ потребности, нуженъ и даръ къ ея удовлетворенію. Есть люди, напоминаетъ Іегеръ, которые безусловно неспособны выучиться пѣнію. Они не лишены слуха, и въ горлѣ ихъ незамѣтно никакого порока, но имъ не достаетъ того, что̀ мы называемъ музыкальной способностью. Точно также нѣтъ ея у обезьяны.

Вотъ заключеніе Іегера: человѣческій языкъ возникъ тогда, когда отъ микрокефала, существа съ малымъ черепомъ, объяснявшагося только междометіями и тѣлодвиженіями, произошелъ человѣческій организмъ, отличавшійся отъ своихъ предковъ тѣлесно бо́льшимъ черепомъ, духовно бо́льшими умственными способностями, а относительно языка — даромъ звукоподражательнаго именованія, которымъ онъ воспользовался какъ средствомъ быть понятымъ ему подобными и понимать ихъ. Потребность въ языкѣ, потребность быть понятымъ другими и понимать другихъ ощущается въ сильной степени тѣми только организмами, которыя живутъ группами, обществомъ; животныя, у которыхъ только размноженіе временно и случайно сближаетъ два индивида, довольствуются однимъ средствомъ взаимнаго пониманія — призывомъ. Какъ семейная жизнь полагаетъ начало общественнымъ привычкамъ, такъ и у всѣхъ животныхъ, которыя заботятся о своихъ дѣтяхъ послѣ ихъ рожденія, къ половому призыву присоединяется материнскій кличъ, вто́рой элементъ языка, и появляется рядъ дальнѣйшихъ манящихъ звуковъ, при помощи которыхъ члены цѣлой стаи понимаютъ другъ друга. Звуки языка нарождаются тогда, когда наступаетъ практическая потребность во взаимномъ пониманіи.

Но самымъ труднымъ предметомъ изслѣдованія остается вопросъ о томъ, какъ развилась человѣческая рѣчь до той полноты и того совершенства, которыя далеко превышаютъ все, что̀ мы видимъ у животныхъ.

Іегеръ не обходитъ и этого вопроса. Предшественники человѣка употребляли главнымъ образомъ языкъ тѣлодвиженій. Подобно голосо-

вому языку, онъ служилъ сначала лишь для выраженія ощущеній; звуку голоса, выражающему ощущеніе, соотвѣтствуетъ извѣстное тѣлодвиженіе, и прежде всего нужно, чтобъ оно получило показательный смыслъ, чтобы съ нимъ, слѣдовательно, произошло тоже, что и съ выражающимъ ощущеніе звукомъ голоса, когда онъ дѣлается манящимъ звукомъ и средствомъ дать знать своимъ о присутствіи третьяго предмета, т. е. врага или пищи. Какъ скоро поводомъ къ сообщенію становится опредѣленный, на мѣстѣ пребывающій предметъ, на него указываютъ взглядомъ и движеніемъ всего тѣла. Указательныя тѣлодвиженія въ совершенствѣ выработаны у обезьяны: обезьяна указываетъ какъ человѣкъ. Сначала указываетъ глазъ; за зрѣніемъ слѣдуетъ осязаніе и указаніе рукой, т. е. осязаніе издали. Обезъяна протягиваетъ руку не только за рѣшотку клѣтки, чтобы брать яблоки и орѣхи зрителей, но и подходящему сторожу, отъ котораго ее ничто не отдѣляетъ. Языкъ человѣка сталъ вырабатываться тогда, когда болѣе высокая степень умственнаго развитія подняла потребность взаимнаго пониманія о предметахъ отсутствующихъ. Одно указаніе не удовлетворяло болѣе, нужно было создать новое средство взаимнаго пониманія. Изъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, три дѣйствуютъ въ даль, и какъ скоро организмъ достаточно развитъ, чтобъ ощущать потребность взаимнаго пониманія объ отсутствующихъ предметахъ, онъ пытается создать себѣ средство къ пониманію изъ чувственнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него формой видѣннаго предмета, изъ слышаннаго имъ звука и ощущеннаго запаха. А каждое изъ этихъ чувствъ можетъ говорить мимически. Мимика обонянія мало поддается специализаціи предметовъ; ею можно обозначать лишь зловонные и особенно благоуханные предметы. Глазъ можетъ двигаться для выраженія ощущеній, но, кромѣ глаза, употребляется въ дѣло указующая рука, чтобъ изобразить въ воздухѣ форму видѣннаго предмета. Наконецъ въ распоряженіи слуха находятся голосовые органы. Ухо есть регуляторъ глаза, какъ глазъ — регуляторъ руки. Когда одни восклицанія и тѣлодвиженія перестали удовлетворять потребность во взаимномъ пониманіи, организмы обратились къ указыванію, т.-е. глазъ обратился къ помощи другаго органа, состоящаго въ тѣснѣйшей физіологической связи съ нимъ, чтобъ обозначать присутствующій предметъ. Потребность понимать другъ друга и объ отсутствующихъ предметахъ развила, съ одной стороны, показаніе посредствомъ изображенія предмета рукою въ воздухѣ; съ другой—слухъ призвалъ на помощь непосредственно подчиненное ему орудіе движенія—голосъ—и создалъ голосовой образъ. Оттого языкъ человѣка первоначально не былъ такъ независимъ отъ тѣлодвиженій, какъ нынѣ наши обработанные языки. Слово и жестъ были нераз-

рывными составными частями одного и того же средства къ взаимному пониманію. Въ разговорѣ дикихъ народовъ мимика играетъ и теперь столь же существенную роль, какъ и слово. По мнѣнію Іегера, первоначальный языкъ первобытнаго человѣка долженъ былъ подпасть чрезвычайному дробленію, хотя онъ и состоялъ изъ однихъ свойственныхъ человѣку восклицаній и звукоподраженій. Въ первобытныя времена человѣчество жило небольшими группами, не сносившимися между собою. Въ каждой изъ нихъ слагались свои голосовые звуки, выражавшіе ощущенія. Отсюда множество первобытныхъ языковъ. Пока эти звуки, нынѣ имѣющіе лишь второстепенное значеніе, оставались важнѣйшимъ средствомъ къ взаимному пониманію, они мало по малу укоренялись въ данной группѣ. Звукоподражательные звуки также не могли быть вездѣ одинаковы; человѣкъ не могъ вѣрно воспроизводить голосовые звуки другихъ животныхъ, не примѣшивая къ нимъ ничего своего, ничего свойственнаго самому подражателю; онъ непремѣнно *человѣчилъ*, какъ выражается Іегеръ. Но для взаимнаго пониманія достаточно было и неточнаго звукоподражанія; голосовой образъ слагался такъ, какъ это было удобно для нашихъ голосовыхъ органовъ и доступно менѣе музыкальнымъ людямъ. Если голосовой образъ былъ удаченъ, то онъ передавался довольно вѣрно изъ рода въ родъ; напротивъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда звукоподражаніе было затруднительно и голосовой образъ съ самаго начала былъ невѣренъ, люди забывали его происхожденіе, и слова тѣмъ легче подвергались дальнѣйшимъ измѣненіямъ, утративъ разъ свою естественную основу.

Существованіе такого первоначальнаго языка несомнѣнно, по мнѣнію Іегера. Но этотъ первобытный языкъ долженъ былъ быстро разложиться. За исключеніемъ развѣ только нѣкоторыхъ междометій или звукоподражаній, единственными сохранившимися доселѣ остатками его могутъ быть только буквы; но и онѣ, какъ извѣстно, общи не всѣмъ людямъ, и нѣкоторыя изъ нихъ совсѣмъ не могутъ быть произносимы иными народами. Вопросъ о словарѣ первоначальнаго человѣческаго языка основанъ, поэтому, на неясномъ пониманіи природы и особенностей этого языка, и не можетъ быть разрѣшенъ пріемами сравнительной грамматики. Единственно возможнымъ путемъ къ разрѣшенію этого вопроса Іегеръ считаетъ возсозданіе лѣстницы звуковыхъ категорій въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ нарожденія. И онъ даетъ эту лѣстницу до той эпохи, когда началось грамматическое развитіе слова, предоставляя дальнѣйшую работу филологамъ. Вотъ эта лѣстница:

1. Періодъ голосовыхъ звуковъ и тѣлодвиженій, выражающихъ

ощущеніе: сюда относятся призывъ къ совокупленію, семейные крики; предостерегающій и призывающій къ пищѣ звукъ; общежительные крики.

2. Періодъ указыванія, когда главное чувство, дѣйствующее вдаль, т.-е. глазъ, не довольствуется болѣе собственными движеніями, но обращается къ помощи подручнаго ему орудія, съ цѣлью взаимнаго пониманія о предметахъ отсутствующихъ. Представителемъ этого періода въ наше время остаются только обезьяны.

3. Періодъ подражанія: воздушный и голосовой образы, первый какъ дальнѣйшее развитіе указыванія, второй какъ результатъ обращенія второго изъ нашихъ чувствъ, воспринимающихъ впечатлѣнія издали, т.-е. слуха, къ помощи подручнаго и соотвѣтственнаго ему орудія—голоса, съ цѣлью взаимнаго пониманія о предметахъ отсутствующихъ.

4. Періодъ, въ которомъ воздушные образы замѣняются голосовыми, подъ вліяніемъ потребности понимать другъ друга и въ тѣхъ случаяхъ, когда воздушный образъ не достигаетъ цѣли, т.-е. на сравнительно большомъ разстояніи, ночью и пр.

Тѣже четыре періода находитъ Іегеръ и у отдѣльнаго человѣка въ развитіи его языка. Первые звуки голоса, издаваемые ребенкомъ, его первыя тѣлодвиженія—тѣже непосредственныя проявленія ощущеній, и въ теченіе первыхъ недѣль жизни не служатъ ему даже средствомъ къ тому, чтобъ быть понятымъ. По наблюденіямъ Іегера, младенецъ только на четвертой недѣлѣ кричитъ намѣренно, прося пищи. На второмъ и на третьемъ мѣсяцѣ жизни ребенокъ начинаетъ дѣйствовать рукою, потомъ протягиваетъ ее къ отдаленнымъ предметамъ, и прежде чѣмъ начинается у него звукоподражаніе, указываніе уже развито вполнѣ. Только въ послѣдней четверти перваго года, рѣдко прежде, вступаетъ ребенокъ въ періодъ звукоподражанія, именно тогда, когда къ голосовому звуку, выражающему ощущеніе, присоединяются указывающія тѣлодвиженія. На звукоподражаніи ребенка всего лучше видно, какую роль играетъ практическая потребность въ процессѣ образованія языка. Ребенокъ подражаетъ сначала голосовымъ звукамъ кормилицы, и долго остается безучастнымъ ко всѣмъ другимъ.

Въ высшей степени любопытны наблюденія и изслѣдованія Іегера, посвященныя языку тѣлодвиженій. И онъ былъ первоначально лишь проявленіемъ ощущеній, потомъ указательнымъ средствомъ, потомъ подражаніемъ при помощи воздушнаго образа. Его-то, этотъ языкъ тѣлодвиженій, Іегеръ считаетъ вѣрнымъ снимкомъ съ первобытнаго языка человѣчества. Онъ развивается постоянно самъ

собою, когда нѣтъ другого средства къ взаимному пониманію, и остается всегда одинаковымъ: между индійцами Америки, между нашими глухонѣмыми и между монахами среднихъ вѣковъ. Онъ, слѣдовательно, не произвольное изображеніе предметовъ, а послѣдствіе физіологическаго и психическаго процессовъ, которые въ силу естественной необходимости всегда одинаковы. Въ такомъ положеніи находились первые люди, и одинъ и тотъ же физіологическій и психическій процессъ долженъ былъ привести ихъ къ одному и тому же результату. Поэтому на языкъ тѣлодвиженій у дикихъ и глухонѣмыхъ можно смотрѣть не только какъ на вѣрное подобіе первобытнаго языка человѣчества, но и какъ на мимическій остатокъ его. Языкъ тѣлодвиженій осязательно указываетъ на прямую связь человѣка съ другими живыми организмами. Голосовой языкъ человѣка постоянно развивался, тогда какъ языкъ тѣлодвиженій оставался неизмѣннымъ въ своемъ первобытномъ состояніи. Тѣлодвиженія, непосредственно выражающія ощущеніе, болѣе или менѣе общи человѣку и животному. Таковы, напримѣръ, тѣлодвиженія, вызываемыя боязнію, ужасомъ, изумленіемъ, отвращеніемъ; таково вытягиваніе губъ впередъ какъ знакъ вожделѣнія. Обезьяна вытягиваетъ такимъ образомъ губы не только въ тѣсномъ смыслѣ потребности въ пищѣ, но и тогда, когда она желаетъ обнять своего сторожа или кормильца, даже тогда, когда ея желаніе непріязненнаго свойства, когда она хочетъ вцѣпиться кому-нибудь въ волоса. Точно тоже дѣлаетъ и индіецъ. Чтобы сказать: иду въ лѣсъ, онъ указываетъ на себя, вытягиваетъ ротъ и изображаетъ лѣсъ въ воздухѣ; онъ, стало быть, говоритъ собственно: я желаю лѣса. Такимъ образомъ въ языкѣ тѣлодвиженій у человѣка, новымъ противъ обезьяны является только изображеніе предмета въ воздухѣ, недостающее у обезьяны; затѣмъ, между ними нѣтъ различія въ языкѣ тѣлодвиженій. Въ этомъ явленіи Іегеръ видитъ сильнѣйшее доказательство въ пользу мнѣнія, что языкъ человѣка есть дальнѣйшее развитіе языка низшихъ организмовъ.

Отвергая дальнѣйшія, уже собственно этимологическія соображенія Іегера, въ которыя мы вдаваться не будемъ, знатоки сравнительнаго языкознанія признаютъ за нимъ важную заслугу правильной постановки вопроса.

Такимъ образомъ естествознаніе явилось на помощь глубокимъ изслѣдованіямъ двигателей сравнительнаго языкознанія. Это новое направленіе имѣетъ теперь сильныхъ талантомъ и знаніемъ представителей науки о человѣческой рѣчи. Мы изложили попытку Іегера объяснить естественное происхожденіе нашей рѣчи. Мы упомянули также о мнѣніи Шлейхера, что процессъ образованія видовъ

изъ общаго имъ рода наблюдается съ полною достовѣрностью въ исторіи языка. Но если несомнѣнно, что виды произошли путемъ естественныхъ процессовъ отъ организмовъ родовыхъ, то какъ произошли самые родовые организмы въ области человѣческой рѣчи? Повторяется ли и тутъ тоже самое явленіе, что и съ языками одного и того же семейства, имѣющими общаго родоначальника? Происходятъ ли и эти семейства отъ меньшаго числа коренныхъ языковъ, а эти послѣдніе отъ одного общаго языка? Къ сожалѣнію, число родовыхъ языковъ такъ невелико, что научный отвѣтъ на этотъ важный вопросъ пока еще невозможенъ. Возможны только самыя осторожныя указанія въ этомъ направленіи, которыя, отчасти подъ вліяніемъ дарвинизма, сдѣланы въ послѣднее время многими первоклассными дѣятелями сравнительнаго языкознанія.

Всѣ языки высшей организаціи, каковъ, напр., родовой, первоначальный индо-европейскій языкъ, своимъ строеніемъ обнаруживаютъ до очевидности, что они произошли отъ формъ простѣйшихъ, путемъ постепеннаго естественнаго роста. Древнѣйшія формы всѣхъ языковъ были въ сущности одинаковы, были тѣ самыя, которыя и нынѣ сохранились въ нѣкоторыхъ простѣйшихъ языкахъ, напр., въ китайскомъ. Короче сказать, всѣ языки начали съ простѣйшихъ звуковыхъ знаковъ или образовъ, безъ всякихъ грамматическихъ формъ, безъ всего того, что отличаетъ у насъ глаголы отъ именъ, безъ склоненій и спряженій и пр. Шлейхеръ сравниваетъ корни языковъ съ клѣточками, у которыхъ еще не выработались особые органы для исполненія именныхъ, глагольныхъ и другихъ функцій; эти функціи (грамматическія отношенія) выдѣлились такъ же мало, какъ дыханіе и пищевареніе у простѣйшихъ одноклѣточныхъ организмовъ или въ зародышномъ состояніи организмовъ высшихъ. Онъ приписываетъ, поэтому, всѣмъ языкамъ формально одинаковое происхожденіе. Когда человѣкъ проложилъ себѣ путь отъ крика, подкрѣпленнаго тѣлодвиженіемъ, и звукоподражанія къ обозначающимъ звукамъ голоса, эти послѣдніе звуки были только простыми звуковыми формами безъ всякихъ грамматическихъ отношеній. По голосовому матеріалу, изъ котораго они возникли, и по выражаемому ими смыслу, эти простѣйшіе начатки языка были различны у разныхъ людей, какъ показываетъ самое разнообразіе языковъ, развившихся изъ этихъ начатковъ. Шлейхеръ допускаетъ, поэтому, несчетное множество первоначальныхъ языковъ, но приписываетъ имъ всѣмъ одну и туже первобытную форму. «Точно также происходятъ, вѣроятно, растительные и животные организмы, говоритъ онъ. Простая клѣточка есть, безъ сомнѣнія, ихъ общая первоначальная форма, какъ простой корень по отношенію къ языку.

Простѣйшія формы животной и растительной жизни, — клѣточки — вѣроятно произошли во множествѣ въ какомъ-нибудь періодѣ нашей планеты, какъ въ области языка простые обозначающіе звуки. Эти первоначальныя формы органической жизни, которыхъ еще нельзя назвать ни растеніями, ни животными, впослѣдствіи развились въ разныхъ направленіяхъ. Тоже самое было и съ корнями языковъ.»

Процессъ изчезновенія родовъ и видовъ, и замѣны ихъ другими, подмѣченный натуралистами въ органической природѣ, вполнѣ подтверждается совершенно точными наблюденіями сравнительнаго языкознанія. На глазахъ исторіи, не говоря уже о временахъ до-историческихъ, родовые и видовые языки погибали, уступая мѣсто другимъ формамъ человѣческой рѣчи. Довольно указать на распространеніе индо-европейскаго семейства и на гибель американскихъ языковъ. Въ первобытныя времена, когда народонаселеніе было относительно малочисленно и не существовало закрѣпляющаго языкъ вліянія литературы, формы человѣческой рѣчи должны были нарождаться и вымирать гораздо быстрѣе, чѣмъ впослѣдствіи. Въ до-историческое время, по мнѣнію Шлейхера, изчезло гораздо больше родовыхъ языковъ, чѣмъ сколько ихъ сохранилось до настоящаго времени. Этимъ объясняется и возможность большаго распространенія отдѣльныхъ семействъ, которыя широко развѣтвились на просторѣ. Такой же процессъ предполагаетъ Дарвинъ въ мірѣ животныхъ и растеній, и называетъ его борьбою за существованіе. Множество органическихъ формъ должно было погибнуть въ этой борьбѣ и уступить мѣсто относительно немногимъ, болѣе развитымъ организмамъ. По мнѣнію Шлейхера, таже борьба за существованіе происходитъ и между языками. Въ настоящемъ періодѣ человѣчества, языки индо-европейскаго семейства являются побѣдителями въ этой борьбѣ; они непрерывно распространяются и уже вытѣснили многіе другіе языки. О многочисленности ихъ видовъ и подвидовъ свидѣтельствуетъ вышеприведенная родословная языковъ этого семейства. Вмѣстѣ съ многими языками вымерли, разумѣется, и нѣкоторыя среднія формы; переселенія народовъ перемѣшали первоначальныя соотношенія языковъ, и въ наше время языки различной формаціи нерѣдко являются територіальными сосѣдями, безъ посредствующихъ между ними членовъ. Такъ сохранился въ горахъ, въ углу Бискайскаго залива, среди языковъ индо-европейскихъ, совершенно отличный отъ нихъ языкъ басковъ, этотъ обломокъ нѣкогда весьма распространоннаго языка, не принадлежавшаго ни къ индо-европейскому, ни къ семитическому семейству. Полагаютъ, что языкъ басковъ — остатокъ древняго иберійскаго языка, на которомъ говорило прежнее населеніе Испаніи,

до вторженія въ нее кельтовъ. Въ немъ даже находятъ нѣкоторое сходство съ туземными языками Америки.

Подобно естествознанію, которое уже не довольствуется однимъ описаніемъ родовъ и видовъ организмовъ по ихъ внѣшнимъ признакамъ, ихъ морфологическимъ и физіологическимъ изслѣдованіемъ въ нынѣшнемъ ихъ состояніи, сравнительное языкознаніе, давно изслѣдующее генеалогію языковъ, стремится не только свести жизнь языка къ извѣстнымъ законамъ, но и изслѣдовать языкъ, какъ историческое явленіе, во всемъ его послѣдовательномъ ростѣ. Задача эта еще не исчерпывается одними физіологическими данными. Они объясняютъ, правда, естественную связь между нашими ощущеніями и звуками голоса, но не даютъ ключа къ объясненію самыхъ корней и словъ. Попытки дарвинистовъ дать такой ключъ, представляя отдѣльныя, болѣе или менѣе цѣнныя указанія, еще не увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Штейнталь не безъ основанія указываетъ на то, что процессъ образованія языка необходимо совпадаетъ съ процессомъ сознанія и обобщенія. Не каждое созерцаніе или ощущеніе само по себѣ возводится въ сознательное представленіе; въ такомъ случаѣ каждое созерцаніе и ощущеніе было бы наименовано соотвѣтственнымъ рефлективнымъ звукомъ, и вышло бы столько же коренныхъ словъ, сколько было созерцаній или ощущеній. Дѣло было не такъ; созерцанія, ощущенія и представленія обобщались, и этотъ процессъ обобщенія прежде всего отразился въ языкѣ. Языкъ слагался изъ немногихъ основныхъ представленій, путемъ все бо̀льшихъ и бо̀льшихъ обобщеній. Звукоподражаніе могло быть самымъ первоначальнымъ источникомъ языка, но источникомъ очень неполнымъ; языкъ развивается только подъ вліяніемъ сознанія. Звукоподражаніе мало по малу уступало первенствующее мѣсто процессу сознательныхъ представленій о предметахъ и дѣйствіяхъ, дѣлаясь второстепеннымъ факторомъ въ жизни языка. Такимъ образомъ въ вопросѣ о происхожденіи человѣческой рѣчи главною задачей становится въ наше время, по мнѣнію Штейнталя, исторія сознательныхъ представленій, основанная на особенныхъ законахъ этого процесса, или исторія словъ, основанная на изученіи ихъ смысла.

Самымъ даровитымъ и свѣдущимъ противникомъ этихъ мнѣній о происхожденіи языка остается теперь оксфордскій профессоръ Максъ Мюллеръ. Онъ признаетъ языкъ непереходимою гранью между животнымъ и человѣкомъ, и отрицаетъ право натуралистовъ вторгаться съ рѣшительнымъ голосомъ въ доступную имъ лишь изъ вторыхъ рукъ область языкознанія. Соглашаясь отнести языкознаніе скорѣе къ естественнымъ наукамъ, чѣмъ къ историческимъ, такъ какъ ростъ языка не зависитъ отъ личной воли людей, а подчиненъ неизмѣннымъ естественнымъ законамъ, Максъ Мюллеръ предостере-

гаетъ однакоже противъ злоупотребленія этою мыслію. Онъ допускаетъ, что методъ изслѣдованія долженъ быть въ языкознаніи тотъ же самый, что и въ естественныхъ наукахъ, но отвергаетъ основныя положенія дарвинизма. Чудовищно или нѣтъ предположеніе, что животные организмы, такъ далеко отстоящіе одинъ отъ другого, какъ человѣкъ, обезьяна, слонъ, райская птичка, змѣя, лягушка и рыба, говоритъ онъ, происходятъ отъ однихъ и тѣхъ же предковъ— это совсѣмъ не касается насъ, филологовъ. Вопросъ въ томъ, вѣрно оно, или нѣтъ. Если оно вѣрно, то мы вскорѣ научимся переваривать эту истину; но вѣрность такого предположенія не доказана и, по мнѣнію Макса Мюллера, доказана быть не можетъ. Языкъ остается попрежнему специфическимъ отличіемъ человѣка отъ животнаго; благодаря языку, человѣкъ одаренъ способностью составлять общія и отвлеченныя понятія, онъ одинъ имѣетъ религіозныя представленія, и мы напрасно стали бы искать въ природѣ переходныя ступени между человѣкомъ и животнымъ по отношенію къ этому специфическому ихъ отличію. Безъ языка можно только желать, чувствовать, созерцать, но не мыслить. Человѣкъ говоритъ, потому что мыслитъ, но онъ мыслитъ непремѣнно въ словахъ. Напрасно ссылаются дарвинисты на дикарей, которыхъ языкъ не лучше клохтанія куръ или щебетанія птицъ; если взять у этихъ клохчущихъ и щебечущихъ дикарей новорожденное дитя и воспитать его вмѣстѣ съ дѣтьми высоко образованныхъ народовъ, онъ научится говорить по-англійски, по-французски и т. д., какъ англійскій или французскій ребенокъ. Сдѣлайте тотъ же опытъ съ дѣтенышемъ высшаго животнаго, двуногаго или четвероногаго, и опытъ окажется неудачнымъ. Положимъ, говоритъ Максъ Мюллеръ, что миріады лѣтъ тому назадъ, изъ миріадъ живыхъ существъ одно, и только одно, сдѣлало первый шагъ къ рѣчи, между тѣмъ какъ все прочее осталось нѣмымъ: что̀ значило бы это? Это значило бы, мнѣ кажется, что то единственное существо имѣло въ себѣ тогда, какъ нынѣ ребенокъ кудахтающихъ дикарей, нѣчто особенное — назовите это особенное какъ хотите: зародышемъ, даромъ, склонностью,—нѣчто такое, что̀ составляло видовую особенность его и всѣхъ его потомковъ. Скажемъ ли мы, что это нѣчто пришло само собою, что оно было результатомъ окружающихъ условій, или даромъ свыше,—для самаго дѣла, между этими мнѣніями не будетъ большой разницы. Съ человѣческой точки зрѣнія, все это будутъ различныя выраженія для невѣдомаго. Какое намъ дѣло до того, что этотъ зародышъ слова дѣйствительно долженъ былъ пройти черезъ тысячи формъ до Адама? Развѣ мы жалуемся на наши обстоятельства до рожденія? Чувствуемъ ли мы себя послѣ смерти? Слово было въ началѣ, въ зародышѣ, въ возможности, выражайтесь какъ хотите, и

именно потому, что оно было, оно проявляется тамъ, гдѣ было, въ человѣкѣ, никогда тамъ, гдѣ его не было,—въ животномъ, которое и осталось животнымъ отъ начала до конца,—по крайней мѣрѣ до настоящаго времени. Что въ человѣкѣ есть животная, скотская сторона — отрицать невозможно. Отрицая это, мы вынули бы изъ-подъ него основы всякой психологіи и морали. Мы не должны забывать, что матеріалъ всего нашего знанія одинаковъ у насъ съ животными, что мы, какъ и животныя, начинаемъ чувственными впечатлѣніями, и потомъ сами, одни, восходимъ до познанія общаго, сверхчувственнаго, идеальнаго. Максъ Мюллеръ сравниваетъ людей науки съ арміей, дѣйствующей противъ незнанія, но, по его словамъ, легкая кавалерія естественныхъ наукъ исполнила въ послѣднее время быстрое движеніе впередъ, слишкомъ отдѣлившись при этомъ отъ пѣхоты и тяжелой артиллеріи. Сначала все казалось очень простымъ и яснымъ. Начинали съ протоплазмы, которую каждый могъ видѣть на морскомъ днѣ, давали ей развиться до монеры и оканчивали двурукимъ млекопитающимъ, которое называется человѣкомъ. Но сдѣлавъ это выдающееся движеніе впередъ, пришлось остановиться и оглянуться назадъ. Представились неожиданныя затрудненія. Слово «протоплазма» имѣло сначала успокоительное дѣйствіе на изслѣдующіе умы; но когда представился вопросъ, откуда же присущая ей способность къ развитію, сдѣлавшаяся удѣломъ одной протоплазмы, перешедшей въ монеру, и отсутствующая въ другой, которая никогда не дѣлается органическою, тогда увидѣли, что задача развитія еще не рѣшена, а только получила иной видъ, что вмѣсто простой протоплазмы, нужны были совершенно особые виды ея, которые при однихъ условіяхъ дѣлаются и остаются монерами, при другихъ же могутъ развиться до человѣка и оставаться человѣкомъ. Если языкознаніе что-нибудь доказало, то именно невозможность производить наши слова прямо отъ подражательныхъ и восклицательныхъ звуковъ голоса. Всѣ наши слова происходятъ отъ корней, и каждый изъ этихъ корней есть выраженіе какого-нибудь общаго понятія. Безъ корней нѣтъ языка, безъ понятій нѣтъ корней— таковы двѣ основныя истины языкознанія, помимо которыхъ немыслимо научное объясненіе человѣческой рѣчи. Человѣкъ говоритъ, но ни одно животное никогда не создавало ни единаго слова. Языкъ есть нѣчто болѣе осязательное, чѣмъ какая-нибудь складка мозга или особенное очертаніе черепа. Онъ не допускаетъ никакихъ измышленій; никакой процессъ естественнаго подбора никогда не извлечетъ осмысленныхъ словъ изъ пѣнія птицы или крика животныхъ. Процессъ, посредствомъ котораго языкъ слагается и разлагается, соединяетъ въ себѣ оба противоположные элемента—необхо-

димости и свободной воли. Мы точно также не можемъ по желанію отмѣнять законы языка или придумывать новыя слова, какъ не можемъ передѣлывать законы кровообращенія. И тѣмъ не менѣе языкъ нарождается и живетъ только дѣятельностью человѣка. Новѣйшая философія отнюдь не стремится обособить человѣческую природу и отдѣлить ее непереходимыми преградами отъ природы въ широкомъ смыслѣ; она стремится, напротивъ, открыть мосты, ведущіе съ одного берега на другой, и обнажить скрытыя наслоенія, соединяющія оба берега глубоко подъ поверхностью. Языкознаніе можетъ быть отнесено къ естественнымъ наукамъ въ томъ только смыслѣ, что языки не создаются свободною волей отдѣльныхъ лицъ, что если они созданія искусства, то искусства, такъ-сказать, естественнаго и безсознательнаго, въ которомъ отдѣльное лицо хотя и является дѣятелемъ, но дѣятелемъ не свободнымъ, задерживаемымъ и руководимымъ необходимою помощью тѣхъ, къ кому обращена его рѣчь и безъ признанія которыхъ языкъ пересталъ бы быть языкомъ, потому что пересталъ бы быть понятенъ. Въ языкѣ несомнѣнно лежитъ переходъ отъ тѣлеснаго къ духовному. Сырой матеріалъ языка принадлежитъ природѣ, но форма языка, которая собственно и дѣлаетъ его языкомъ, принадлежитъ духу. Еслибъ можно было прямо свести человѣческую рѣчь къ естественнымъ звукамъ голоса, къ восклицаніямъ и звукоподражаніямъ, то это навсегда рѣшило бы споръ о томъ, принадлежитъ ли языкознаніе къ естественнымъ или историческимъ наукамъ. Но это воззрѣніе слишкомъ грубо, оно невозможно для филолога. Языкознаніе одно еще даетъ возможность положить предѣлы эволюціонной теоріи дарвинистовъ и рѣзко разграничить духъ и матерію, человѣка и животное. Убѣжденіе Локка, Шеллинга, Гегеля, В. Гумбольдта, Шопенгауера и другихъ великихъ ученыхъ, что́ существованіе понятія немыслимо безъ помощи слова, вполнѣ подтверждается языкознаніемъ. Сложившаяся мысль существуетъ только въ звуковой формѣ, и наоборотъ, каждый составной элементъ языка выражаетъ мысль. Безъ языка можно видѣть, ощущать предметы, грезить о нихъ; но безъ словъ невозможны даже простыя понятія о черномъ и бѣломъ.

Таковы два направленія, раздѣляющія въ настоящее время спеціалистовъ сравнительнаго языкознанія. Мы изложили существенныя черты того и другого направленія, чтобы наглядно показать, что и въ этой области нашихъ знаній идетъ въ настоящее время таже самая борьба, что и во всѣхъ другихъ. Въ этой борьбѣ погибло уже не одно метафизическое воззрѣніе, поставленное въ-тупикъ точными пріемами положительныхъ наукъ и запутавшееся въ противорѣчіяхъ, естественно вызываемыхъ желаніемъ согласовать и примирить преж-

нія воззрѣнія съ новыми. Внимательному читателю не трудно было подмѣтить серьозныя противорѣчія въ возраженіяхъ Макса Мюллера дарвинистамъ, какъ ни краснорѣчива та форма, въ которую онъ облекъ эти возраженія. Онъ и относитъ языкознаніе къ естественнымъ наукамъ, и не относитъ его къ нимъ; онъ и подчиняетъ языкъ закону необходимости, и признаётъ его дѣломъ свободной воли человѣка.

Во всякомъ случаѣ доводы оксфордскаго профессора не убѣдили приверженцевъ естественнаго происхожденія языка изъ восклицаній и звукоподражаній, не убѣдили даже такихъ солидныхъ спеціалистовъ, какъ Штейнталь и Шлейхеръ. Натуралисты, съ своей стороны, прямо отвергаютъ всякое апріористическое рѣшеніе въ такомъ вопросѣ, который прежде всего требуетъ точнаго изслѣдованія. Они не считаютъ возможнымъ сказать, что намъ нѣтъ дѣла до того, прошелъ ли «зародышъ словъ тысячи формъ до Адама». Они находятъ нужнымъ изслѣдовать эти формы и открыть въ нихъ законъ естественной послѣдовательности развитія. Психическая жизнь, говорятъ они, доступна и животнымъ, которыя безъ помощи языка способны имѣть если не понятія, то представленія. Вопреки мнѣнію Макса Мюллера, животнымъ доступны представленія о черномъ и бѣломъ; различіе между ними и человѣкомъ заключается въ степени сознанія, а не въ чемъ либо иномъ. Законы, примѣнимые ко всѣмъ другимъ живымъ организмамъ, примѣнимы и къ человѣку, какъ явленію природы. Происхожденіе языка есть уже потому предметъ естествознанія, что въ нашихъ современныхъ языкахъ совсѣмъ затерялись всякіе слѣды первобытнѣйшей человѣческой рѣчи. Какъ ни много сдѣлало сравнительное языкознаніе по отношенію къ исторіи языковъ, оно должно было остановиться на первыхъ начаткахъ предполагаемаго общаго индо-европейскаго языка, и не могло идти далѣе безъ помощи естествознанія. Помощь эта въ наукѣ, доселѣ такъ мало въ ней нуждавшейся, въ высшей степени знаменательна, и люди, бѣжавшіе въ филологію отъ заразы естественныхъ наукъ, въ концѣ концовъ должны будутъ убѣдиться, что они, все-таки, пришли къ естествознанію. Отъ одной науки нельзя спастись въ другую. Науки солидарны между собою: круговая порука между ними гораздо крѣпче и прочнѣе всякой другой.

III.

Значеніе языковъ въ исторіи человѣчества.—Законы и условія естественнаго роста языковъ.—Вліяніе отдѣльныхъ лицъ на языки.—Отношеніе литературнаго языка къ живой народной рѣчи.—Важность народныхъ языковъ для языковъ литературныхъ.—Историческій обзоръ новыхъ языковъ и ихъ значеніе въ исторіи языка вообще и литературы въ особенности.—Языкъ и нравы.

Языку принадлежитъ громадное значеніе въ исторіи человѣка. При помощи языка, болѣе или менѣе обработаннаго и приспособленнаго къ выраженію мысли и чувства, человѣкъ съ дѣтства легко усвоиваетъ массу понятій, выработанныхъ предшествовавшимими поколѣніями, и сразу становится въ уровень съ условіями и задачами своего времени и своей среды. При помощи словъ, мы научаемся съ дѣтства множеству вещей, надъ выясненіемъ, обобщеніемъ и различеніемъ которыхъ трудились наши предки въ теченіе тысячилѣтій. Мы съ дѣтства пользуемся словами, какъ готовыми знаками для выработанныхъ и накопленныхъ вѣками конкретныхъ и отвлеченныхъ понятій въ общежитіи и наукѣ, и въ короткое время становимся обладателями умственнаго и нравственнаго богатства, котораго мы никогда не могли бы пріобрѣсти одни, еслибъ были предоставлены собственнымъ силамъ. Благодаря языку, эти понятія даются человѣку почти даромъ, какъ воздухъ, какъ свѣтъ солнца. Умственная жизнь и работа человѣка влагаютъ въ готовыя формы языка новое содержаніе. Сначала человѣкъ даетъ наименованія однимъ только матеріальнымъ предметамъ; отвлеченныя понятія вырабатываются у него гораздо позже, и для наименованія ихъ человѣкъ прежде всего переноситъ на нихъ названія реальныхъ предметовъ, составляющихъ для него дѣло первой житейской необходимости. Все богатство земледѣльца заключается, главнымъ образомъ, въ хлѣбѣ, и нашъ крестьянинъ псковской или тверской губерніи, лаская кого-нибудь, называетъ его *зерномъ* или *зернушкомъ*, а дѣтей *сѣмячкомъ-дитяткомъ*. Оставить кого-нибудь въ живыхъ для крестьянина тоже, что *оставить на сѣмена*, сирота для него *усѣвокъ*, какъ посѣянный вдали хлѣбъ. Чѣмъ богаче и разнообразнѣе умственная жизнь народа, тѣмъ лучше обработанъ его языкъ, тѣмъ совершеннѣе его орудіе для выраженія мысли. Будучи въ этомъ смыслѣ лучшимъ отраженіемъ народныхъ способностей и народнаго развитія, языкъ оказываетъ въ свою очередь рефлективное вліяніе на народную мысль. Какъ все наслѣдственное, воспринимаемое чело-

вѣкомъ съ самаго рожденія, языкъ до извѣстной степени опредѣляетъ дальнѣйшее направленіе и складъ народной жизни.

Самыя формы языка никогда не остаются неподвижными. Онѣ такъ рѣзко различаются между собою въ разные періоды народной исторіи и литературы, что старѣйшія изъ нихъ часто бываютъ понятны однимъ спеціалистамъ. Новыя потребности и идеи постепенно вызываютъ новыя слова, новыя формы рѣчи и новыя ихъ сочетанія. Всѣ языки съ теченіемъ времени измѣняютъ (филологи говорятъ: искажаютъ) или совсѣмъ теряютъ свои этимологическія формы. Теперь уже никто не говоритъ и не пишетъ *та девять*, *ту десять*, т.-е. никто не употребляетъ числительнаго имени какъ существительное женскаго рода, и въ этомъ смыслѣ не согласуетъ съ нимъ мѣстоименій, прилагательныхъ и глаголовъ, а эта форма была употребительна въ нашихъ старыхъ юридическихъ актахъ. Мы говоримъ теперь *тѣ десять, десять пропали* или *пропало,* принимая числительныя имена въ отвлеченномъ смыслѣ числа вообще. Другія этимологическія формы совсѣмъ теряются, какъ, напр., утрачены въ нашемъ языкѣ двойственное число, мѣстный падежъ и пр. Утраченныя этимологическія формы замѣняются въ новѣйшихъ языкахъ формами синтаксическими, описательными. Первоначальное господство этимологіи уступаетъ мѣсто господству синтаксиса, и притомъ синтаксиса въ его позднѣйшемъ видѣ, когда онъ основывается уже не на первоначальной этимологической формѣ, а на отвлеченномъ понятіи, ею выражаемомъ.

Въ живомъ языкѣ происходитъ непрерывный процессъ упрощенія формъ рѣчи, отпаденія старыхъ словъ и грамматическихъ формъ, нарожденія новыхъ и существеннаго измѣненія первоначальнаго смысла словъ, подъ вліяніемъ измѣняющихся понятій и условій частной и общественной жизни. Этотъ процессъ такъ непрерывенъ, такъ силенъ, что съ теченіемъ времени въ новыхъ формахъ уже теряются самые слѣды ихъ происхожденія; онѣ все болѣе и болѣе получаютъ характеръ условныхъ и удобныхъ лингвистическихъ знаковъ. Наука открыла законы этого естественнаго, можно сказать, органическаго процесса, законы движенія и обновленія, разрушенія и созиданія человѣческой рѣчи. Отпадающая форма замѣняется другою, но непремѣнно однородною, съ постепеннымъ утонченіемъ физіологической работы органовъ произношенія. Въ новыхъ европейскихъ языкахъ германскаго семейства, звуковъ гораздо больше, чѣмъ ихъ было въ первоначальномъ общемъ, родовомъ языкѣ, отъ котораго они происходятъ. Недостававшіе ему звуки мало по малу создавались вновь, по мѣрѣ того, какъ органы рѣчи развивались упражненіемъ. Слова, выражающія отвлеченное понятіе, происходятъ отъ словъ, обозначавшихъ первоначально общія понятія о матеріальныхъ

предметахъ. Эта мысль, впервые высказанная Локкомъ, вполнѣ подтверждается сравнительнымъ языкознаніемъ. Всѣ корни словъ, т. е. первоначальные элементы человѣческой рѣчи, не что иное, какъ голосовые знаки для выраженія однихъ только чувственныхъ впечатлѣній. Всѣ способности человѣка прежде всего устремляютъ свою дѣятельность на внѣшній міръ; человѣкъ лишь впослѣдствіи обращается внутрь себя и, ощущая потребность выразить общія понятія о явленіяхъ своего внутренняго міра, по аналогіи пріурочиваетъ къ этимъ явленіямъ тѣ знаки, которыми онъ уже владѣетъ; аналогія есть законъ всякаго слагающагося и развитаго языка. Распространеніе имени одного предмета, которому оно принадлежало первоначально, на другой предметъ, производящій на насъ сходное впечатлѣніе, или такъ-называемая метафора, была однимъ изъ могущественныхъ двигателей языка, и трудно представить себѣ, чтобы языкъ могъ перешагнуть безъ нея за свои простѣйшіе элементы. Рядомъ съ этимъ явленіемъ въ исторической жизни языка, старыя слова или выходятъ изъ употребленія, или получаютъ новый смыслъ; новыя слова создаются вновь или заимствуются изъ другихъ, болѣе обработанныхъ языковъ, у болѣе развитыхъ народовъ. Живой языкъ, устная и литературная рѣчь постоянно обогащаются, при помощи разнообразнѣйшихъ средствъ и пріемовъ, новыми формами для выраженія постоянно работающей и развивающейся мысли. Появленію каждаго слова въ языкѣ естественно предшествуетъ появленіе понятія, имъ выражаемаго. Слово слагается и входитъ въ употребленіе тогда, когда въ немъ чувствуется надобность. Новое выраженіе, новая форма, данная новому понятію, окончательно закрѣпляетъ его въ общемъ сознаніи, и тѣмъ даетъ мысли возможность идти далѣе. Починъ отдѣльныхъ лицъ въ процессѣ совершенствованія человѣческой рѣчи очень важенъ; въ языкѣ, какъ и во всемъ, масса всегда дѣйствуетъ по почину отдѣльныхъ единицъ; но ихъ починъ только тогда приноситъ пользу, когда бываетъ поддержанъ тою средой, въ которой живутъ и дѣйствуютъ эти единицы. Языкъ прежде всего нуженъ людямъ для взаимныхъ между собою сношеній, для взаимнаго пониманія, и никакое измѣненіе его, вызванное личнымъ почином, не сохраняется надолго, если оно не принято обществомъ и литературой. Не присяжные судьи и знатоки, а народъ и общество, большинство рѣшаетъ судьбу всякаго нововведенія въ живой рѣчи. Подчиненный въ своемъ ростѣ, какъ и другія явленія природы, извѣстнымъ естественнымъ законамъ, языкъ вовсе не зависитъ отъ произвола отдѣльныхъ лицъ. Какъ ни велика измѣнчивость человѣческой рѣчи, какъ ни непрерывно переживаемые ею процессы, законы ея остаются неизмѣнными, и великіе писатели могутъ счи-

таться творцами языка лишь въ той мѣрѣ, въ какой они воспріимчивы и чутки къ его законамъ. Они могутъ способствовать его естественному росту своимъ творческимъ талантомъ, но безсильны измѣнить его духъ и законы. Писатель долженъ погрузиться въ живую рѣчь своего народа, чтобы явиться двигателемъ родного языка: новыя слова и формы, имъ создаваемыя, должны отвѣчать духу языка, или погибаютъ безслѣдно.

Люди, составляющіе извѣстную общественную среду, усвоиваютъ себѣ языкъ по преданію, получая его въ наслѣдство, и сами болѣе или менѣе способствуютъ его непрерывному измѣненію. Районъ этой среды можетъ быть малъ или великъ, смотря по обстоятельствамъ; въ одномъ и томъ же народѣ, въ одномъ и томъ же племени, нѣкогда говорившемъ или и теперь еще говорящемъ на одномъ общемъ языкѣ, извѣстныя видоизмѣненія живой рѣчи могутъ быть только мѣстными, могутъ быть усвоиваемы только средой относительно небольшого района, и составлять то, чтò мы называемъ мѣстнымъ нарѣчіемъ, мѣстнымъ говоромъ. Въ менѣе образованныхъ слояхъ народа старыя слова и обороты рѣчи, какъ и старыя понятія, держатся долѣе, чѣмъ въ слояхъ болѣе образованныхъ. Но эти мѣстныя уклоненія отъ первоначальнаго общаго типа не мѣшаютъ языку народа быть единымъ. Не понимая другъ друга въ однѣхъ вещахъ, люди разныхъ мѣстностей и различныхъ общественныхъ слоевъ понимаютъ другъ друга въ другихъ и могутъ сноситься между собою посредствомъ живой рѣчи. Именно возможность устныхъ сношеній и поддерживаетъ единство языка въ народѣ. Съ успѣхами культуры, это естественное, первобытное, можно сказать, несознаваемое единство языка переходитъ въ единство сознаваемое, литературное. Литература является, такимъ образомъ, могущественнымъ орудіемъ объединенія и обработки народнаго языка; въ исторіи языка ея вліяніе мало по малу дѣлается господствующимъ. Каждое видоизмѣненіе рѣчи, каждое нововведеніе въ языкѣ всегда становится, при посредствѣ литературы, общимъ достояніемъ читающихъ слоевъ, и литературный языкъ, какъ болѣе обработанный и совершенный, дѣлается общимъ языкомъ всего народа, всѣхъ мѣстностей заселенной имъ территоріи, какъ-бы ни были различны ихъ нарѣчія и говоры. Благодаря литературному языку, новыя идеи постоянно проникаютъ во всѣ слои народа и мѣстности страны, вмѣстѣ съ новыми, болѣе удобными и совершенными оборотами рѣчи. И по мѣрѣ того, какъ старыя понятія уступаютъ мѣсто новымъ, и расширяется народный кругозоръ, мѣстныя формы и особенности рѣчи сглаживаются подъ объединяющимъ и просвѣтительнымъ вліяніемъ литературы. Такъ было вездѣ, гдѣ существовала литература; зачатки того же явленія за-

мѣтны даже и тамъ, гдѣ литература была только въ зародышѣ и не получила дальнѣйшаго развитія.

Разумѣется, литературный языкъ, какъ живой организмъ, въ свою очередь постоянно нуждается въ питаніи, въ живительныхъ и обновляющихъ сокахъ, которые можетъ давать ему только живая народная рѣчь. Сравнительное языкознаніе прекрасно выяснило эту сторону исторической жизни языковъ, наблюдая дѣятельный и сильный процессъ видоизмѣненій языка въ нарѣчіяхъ и говорахъ. Процессъ этотъ особенно дѣятеленъ въ языкахъ, не имѣющихъ литературы, которая обыкновенно закрѣпляетъ установившіяся формы господствующаго нарѣчія и тѣмъ предохраняетъ языкъ отъ быстрыхъ перемѣнъ. Языки многочисленныхъ племенъ Средней Азіи, Африки, Америки и Полинезіи пребываютъ, такъ-сказать, въ дикомъ, первобытномъ состояніи, въ состояніи непрерывнаго броженія и превращенія. Въ своемъ естественномъ, устномъ состояніи, живая рѣчь плодитъ множество разнообразныхъ говоровъ, не сдерживаемая писменостью и литературой. Языкъ отца становится языкомъ семьи, языкъ семьи — языкомъ клана; каждый промыслъ можетъ имѣть свой особый говоръ. То, что мы привыкли называть языками — литературныя формы Индіи, Греціи, Рима и т. д. — скорѣе утонченныя и обработанныя умомъ и искусствомъ, чѣмъ непосредственныя формы человѣческой рѣчи. Настоящая и естественная жизнь языковъ бьется въ ихъ нарѣчіяхъ, и, несмотря на всю силу централизующаго вліянія классическихъ или литературныхъ языковъ, еще продолжаютъ существовать нарѣчія даже и такихъ классическихъ языковъ, какъ итальянскій и французскій,—нарѣчія, которыя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ богаче и разнообразнѣе литературныхъ языковъ. Есть множество русскихъ словъ, которыхъ не знаютъ наши писатели и которыя могли бы съ большою пользой обогатить собою литературный ихъ языкъ. Нарѣчія нерѣдко служатъ родниками, питающими литературный языкъ; они существовали гораздо прежде, чѣмъ одинъ изъ нихъ получалъ господствующее положеніе, благодаря своей литературной обработкѣ. Вся Индія не могла говорить однимъ санскритскимъ языкомъ въ ту отдаленную эпоху, когда авторы «Ведъ» слагали свои первые гимны. Въ Греціи, даже въ ея литературѣ, отразилось все разнообразіе ея нарѣчій; классическая латынь первоначально была не чѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ нарѣчій Лаціума, на которомъ говорили римскіе патриціи. Нарѣчія предшествуютъ образованію литературнаго языка, которымъ обыкновенно дѣлается одно изъ нихъ; когда это одно нарѣчіе пріобрѣтаетъ господствующее литературное значеніе, другія еще продолжаютъ жить и измѣняться, освѣжая и обновляя литературный языкъ, который въ

противномъ случаѣ утратилъ бы свои жизненные соки. Романскіе языки обыкновенно называются дѣтьми латинскаго; но это вовсе не значитъ, чтобъ они были совершенно новыми, самостоятельными языками. Къ латинскому языку не было прибавлено ни единаго элемента, ни единаго корня для образованія итальянскаго языка. Итальянскій языкъ есть тотъ же латинскій языкъ въ иномъ видѣ; его точно также можно назвать ново-латинскимъ языкомъ, какъ латинскій — древне-итальянскимъ. Это — двѣ различныя поры въ ростѣ одного и того же языка. Латинскій языкъ долго еще оставался живымъ языкомъ, когда уже существовалъ итальянскій. Формы классической латыни, установленныя и закрѣпленныя римскими писателями, стали языкомъ религіи, законодательства, литературы и общаго образованія; утративъ текучую подвижность нарѣчія, чуждаясь живой народной рѣчи, классическая латынь застыла въ классической правильности своихъ формъ; питаніе и ростъ ея прекратились. «Классическій или литературный языкъ можно сравнить съ замерзшею поверхностью рѣки, блестящею и зеркально гладкою, но неподвижною и холодною, говоритъ Максъ Мюллеръ, изслѣдованій котораго мы преимущественно придерживаемся въ настоящей главѣ. Эту ледяную поверхность выравненнаго и тонко обработаннаго языка разламываютъ бо̀льшею частью историческіе перевороты и уносятъ поднимающіяся изъ подъ нея воды. Такъ бываетъ въ тѣ времена, когда высшіе классы раздавлены религіозными или соціальными потрясеніями, или смѣшиваются вновь съ низшими слоями для отраженія нападающихъ чужеземныхъ враговъ, когда литературная дѣятельность парализована: тогда просачиваются наружу народныя или, какъ ихъ называютъ, низшія нарѣчія, дотолѣ струившіяся незамѣтно подъ ледяною поверхностью литературнаго языка, и съ силою весенняго разлива срываютъ стѣснительныя грани, возведенныя минувшими вѣками»..... Какъ скоро языкъ теряетъ подвижность и способность быстро удовлетворять всѣмъ потребностямъ ума и сердца, его естественная жизнь неизбѣжно переходитъ въ искусственное существованіе. Онъ вянетъ и, рано или поздно, отпадаетъ отъ ствола, давшаго ему жизнь. Источниковъ итальянскаго языка надо искать не въ римской классической литературѣ, а въ народныхъ нарѣчіяхъ Италіи. Языкъ, удаленный отъ своей родной почвы, оторванный отъ питающихъ его нарѣчій, останавливается въ своемъ естественномъ ростѣ. Нарѣчіе, занесенное на Исландію норвежскими бѣглецами, въ теченіи семи вѣковъ оставалось почти одинокимъ, тогда какъ на родной своей землѣ, окруженное мѣстными нарѣчіями, оно разрослось въ два отдѣльныхъ языка — шведскій и датскій. Обыкновенно полагаютъ, что въ одиннадцатомъ вѣкѣ языки

Швеціи, Даніи и Исландіи были еще одинаковы. Въ такомъ обновленіи живою народною рѣчью нуждается теперь и русскій литературный языкъ. Незнакомство нашихъ писателей, за весьма немногими исключеніями, съ живыми родниками литературнаго языка — народными нарѣчіями — заставляетъ ихъ испещрять русскую рѣчь множествомъ совсѣмъ ненужныхъ иностранныхъ словъ, которыя часто дѣлаютъ ее непонятною для людей нелитературнаго круга. Неумѣнье найти соотвѣтственныя русскія слова для выраженія тѣхъ или другихъ понятій, въ соединеніи съ небрежнымъ отношеніемъ въ литературной формѣ, заставляетъ весьма многихъ брать готовыя иностранныя слова и цѣликомъ переносить ихъ въ русскую рѣчь съ обычными русскими грамматическими окончаніями. Разумѣется, въ нашемъ литературномъ языкѣ это странное явленіе можетъ быть только временнымъ; русскій языкъ далеко еще не достигъ той законченной обработки, какою отличаются современные языки западной Европы, и очень далекъ еще отъ классическаго застоя; но все-же не мѣшаетъ и теперь обратить вниманіе на явленіе, которое портитъ русскую рѣчь безъ всякой надобности, вытѣсняя изъ нея народные элементы, и укореняя, если можно такъ выразиться, дурную писательскую привычку. Благодаря этой привычкѣ, укоренилось въ нашей литературѣ множество чужихъ словъ, не понятныхъ большинству и въ которыхъ не было никакой надобности. Еслибъ это явленіе продолжало разростаться, то въ Россіи образовались бы два разныхъ языка: съ одной стороны литературный — латинско-французско-русскій, пестрый и непонятный большинству языкъ, съ другой — народный, имѣющій съ нимъ очень мало общаго.

Спускаясь по исторической лѣстницѣ отъ словъ и формъ современныхъ европейскихъ языковъ къ соотвѣтственнымъ словамъ и формамъ минувшихъ временъ, сравнительное языкознаніе систематически прослѣдило ростъ германскихъ и романскихъ языковъ. Разлагая, напримѣръ, формы современнаго англійскаго языка, оно выяснило ихъ прямую связь съ формами англо-саксонскаго нарѣчія, жившими въ седьмомъ вѣкѣ христіанской эры, къ которому относятъ древне-англійскій эпосъ «Беовульфъ». Тщательный анализъ привелъ его, такимъ образомъ, къ саксамъ, англамъ и ютамъ, изъ нарѣчій которыхъ сложился англо-саксонскій языкъ и которые пришли на Британскіе острова съ европейскаго материка, гдѣ потомки ихъ, по сѣверному побережью Германіи, еще доселѣ говорятъ на нижне-нѣмецкомъ языкѣ. Послѣдній обнимаетъ многія нарѣчія сѣверной Германіи, но въ самой Германіи эти нарѣчія почти никогда не употреблялись для литературныхъ цѣлей. Къ нему принадлежатъ и фризское, и голландское, и фламандское нарѣчія, изъ

которыхъ фризское уже въ XII вѣкѣ имѣло свою литературу, голландское доселѣ остается національнымъ и литературнымъ языкомъ независимой страны, а фламандское нѣкогда, въ XVI вѣкѣ, было языкомъ фландрскаго и брабантскаго двора, но потомъ сильно оттѣснено оффиціальнымъ языкомъ Голландіи и Бельгіи. Древнѣйшимъ литературнымъ памятникомъ нижне-нѣмецкаго языка на материкѣ Европы остается христіанскій эпосъ «Геліандъ» («Спаситель»), сохранившійся въ двухъ рукописяхъ девятаго вѣка и написанный около того же времени для новообращенныхъ саксовъ. Съ этого времени, черезъ всѣ средніе вѣка, до самаго XVII столѣтія, продолжала существовать довольно значительная саксонская или нижне-нѣмецкая литература, отъ которой, впрочемъ, сохранилось очень немногое; переводъ Библіи Лютеромъ на верхне-нѣмецкое нарѣчіе окончательно порѣшилъ ея участь.

Литературнымъ языкомъ Германіи со временъ Карла Великаго былъ языкъ верхне-нѣмецкій, на которомъ говорили по всей Германіи съ нѣкоторыми мѣстными особенностями. Въ его исторіи различаютъ три періода: періодъ современнаго, новаго верхне-нѣмецкаго языка, начинающійся съ Лютера, который признанъ его основателемъ; средній періодъ—отъ XII в. до Лютера, и древнѣйшій—отъ VII до XII вѣка. Сравнительное языкознаніе могло такимъ образомъ, отправляясь отъ современнаго языка Англіи, прослѣдить верхне- и нижне-нѣмецкія вѣтви германскаго языка до седьмого вѣка нашей эры. Оно встрѣтилось тутъ съ замѣчательнымъ фактомъ, совершенно опрокидывающимъ ходячія ошибочныя представленія о жизни языковъ. Если въ седьмомъ вѣкѣ мы уже находимъ двѣ вѣтви германской отрасли языковъ, нижне- и верхне-нѣмецкую, то это еще не значитъ, что до седьмого вѣка всѣ германскія племена говорили однимъ нѣмецкимъ языкомъ. Общаго всѣмъ имъ, единообразнаго тевтонскаго языка никогда не существовало, какъ не существовало и единообразнаго для всѣхъ верхне- и нижне-германскихъ племенъ общаго верхне- или нижне-германскаго языка. Такой языкъ не болѣе какъ фикція изслѣдователей, какъ удобный пріемъ для грамматическаго анализа, — и только. Семейства, роды, союзы и племена существуютъ прежде, чѣмъ слагаются цѣлыя націи; мѣстныя нарѣчія и говоры предшествуютъ образованію народныхъ языковъ. Въ то время, когда германскія племена надвигались одно за другимъ съ Дуная и Балтійскаго побережья на югъ, на ветхую римскую имперію, они не могли говорить однимъ общимъ языкомъ, и еслибъ отъ тѣхъ временъ дошли до насъ какіе-нибудь литературные памятники, то мы, вѣроятно, встрѣтили бы въ нихъ множество различныхъ нарѣчій. Одно изъ нихъ дошло до насъ — готское нарѣчіе, на которое епископъ Ульфила перевелъ

въ IV вѣкѣ Библію; но это нарѣчіе было однимъ изъ многихъ тогдашнихъ германскихъ нарѣчій, ихъ братомъ, а не родоначальникомъ. По своему звуковому строенію, оно принадлежитъ къ нижне-нѣмецкой вѣтви; по своей грамматикѣ оно гораздо первобытнѣе, чѣмъ англосаксонское нарѣчіе «Беовульфа» или древнее верхне-нѣмецкое Карла Великаго, и остается единственнымъ изъ всѣхъ параллельныхъ германскихъ нарѣчій, доступнымъ точному изслѣдованію до IV вѣка.

Тотъ же методъ приложенъ сравнительнымъ языкознаніемъ къ другой отрасли новыхъ европейскихъ языковъ—романской, или новолатинской. Независимо отъ чисто мѣстныхъ нарѣчій этой отрасли, мы знаемъ въ настоящее время шесть литературныхъ видоизмѣненій латинскаго или древне-итальянскаго языка—языки итальянскій, французскій, испанскій, португальскій, валахскій и граубюнденскій (въ Швейцаріи). Провансальскій языкъ, рано поднявшійся на степень обработаннаго литературнаго языка, упалъ теперь на степень простого областного говора. Древнѣйшее провансальское стихотвореніе—пѣснь о Боэціи—обыкновенно относятъ къ десятому вѣку. Всѣ эти шесть романскихъ языковъ могутъ быть въ общихъ чертахъ произведены отъ латинскаго, но только—въ общихъ чертахъ; полное же объясненіе ихъ состава возможно только изъ древнихъ нарѣчій Италіи и принадлежавшихъ ей европейскихъ провинцій. Когда литературный языкъ Рима застылъ въ своихъ классическихъ формахъ, эти нарѣчія, на которыхъ говорили еще во время Данта, продолжали жить своею жизнію, подвергаясь, однако же, вліянію классической латыни. То, чтó называютъ испорченностью новыхъ языковъ по отношенію къ послѣдней, объясняется бóльшею частію тѣмъ естественнымъ обстоятельствомъ, что древне-латинскія мѣстныя нарѣчія были усвоены тевтонскими варварами, присоединившими къ нимъ не только тевтонскія слова, но и тевтонскій складъ рѣчи. Французскій языкъ былъ провинціальной латынью въ томъ видѣ, въ какомъ усвоило ее тевтонское племя франковъ; точно такимъ же образомъ получили отъ варваровъ новую окраску мѣстныя латинскія нарѣчія въ другихъ европейскихъ провинціяхъ римской имперіи. Первоначальнымъ стволомъ, изъ котораго выросли ново-латинскіе языки, была не классическая латынь, а народные, мѣстные, провинціальные говоры среднихъ и низшихъ классовъ въ римской имперіи. Многія слова, придающія итальянскому и французскому языкамъ классическій пошибъ и видъ, введены позднѣе учеными богословами и юристами среднихъ вѣковъ.

Продолжая процессъ химическаго разложенія новыхъ и древнихъ языковъ, сравнительное языкознаніе доказало, что и греческій языкъ отнюдь не можетъ быть признанъ отцомъ латинскаго; что,

напротивъ, многія формы послѣдняго первобытнѣе соотвѣтственныхъ формъ греческаго языка, и что господствовавшее прежде мнѣніе, будто пеласги были общими предками грековъ и римлянъ, есть не болѣе, какъ грамматическій миѳъ.

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, три отрасли семейства арійскихъ или индо-европейскихъ языковъ: германскую, латинскую и эллинскую. На западныхъ окраинахъ Европы сохранилась еще четвертая отрасль этого семейства — кельтійская. Повидимому, кельты пришли въ Европу раньше другихъ арійцевъ; напоръ послѣдующихъ пришельцевъ, преимущественно германскихъ племенъ, оттѣснилъ ихъ на дальній западъ и впослѣдствіи на острова Атлантическаго океана. На кельтійскихъ нарѣчіяхъ говорятъ и доселѣ; но кельты давно уже утратили самостоятельное національное значеніе. Нѣкогда они съ успѣхомъ отстаивали свою независимость противъ германцевъ и римлянъ. Галлія, Бельгія и Британія были кельтійскими государствами; ими же преимущественно была заселена сѣверная Италія. Во время Геродота кельты жили въ Испаніи; Швейцарія, Тироль и земли на югъ отъ Дуная нѣкогда были заняты ими. Кельтійскія слова встрѣчаются въ языкахъ германскихъ, славянскихъ и даже въ латинскомъ языкѣ; но гораздо бо̀льшее число латинскихъ и германскихъ словъ проникло въ новѣйшія кельтійскія нарѣчія, и это дало поводъ кельтійскимъ патріотамъ производить нѣмецкій и латинскій языки отъ кельтійскаго.

Пятая отрасль арійскихъ языковъ носитъ названіе славянской, зендской или славяно-латышской и подраздѣляется на двѣ вѣтви: славянскую и латышскую. Послѣдняя обнимаетъ языки, не представляющіе литературнаго интереса, но очень важные для сравнительнаго языкознанія. На латышскомъ языкѣ еще говорятъ теперь въ Курляндіи и Лифляндіи; на литовскомъ въ южной Пруссіи и сѣверо-западныхъ губерніяхъ Россіи. Нѣкоторыя грамматическія формы литовскаго языка первобытнѣе и ближе къ санскритскому, чѣмъ соотвѣтственныя формы греческаго или латинскаго. Славянская вѣтвь пустила двѣ дальнѣйшія отрасли: юго-восточную и западную. Къ первой принадлежитъ нарѣчія: болгарское или церковно-славянское, на которое переведено св. писаніе съ греческаго во второй половинѣ девятаго вѣка, сербское и русское, съ его подраздѣленіями на нарѣчія великорусское, малорусское и бѣлорусское. Ко второй отрасли относятся нарѣчія чешское, польское, словацкое, лужицкое и нынѣ вымершее — полабское нарѣчіе. Древнѣйшій литературный памятникъ восточнаго отпрыска есть такъ-называемый церковно-славянскій, т.-е. древне-болгарскій переводъ Библіи, исполненный Кирилломъ и Меѳодіемъ въ половинѣ девятаго вѣка. Этотъ памят-

никъ такъ же важенъ для славянскихъ языковъ, какъ готскій переводъ Библіи для языковъ германскихъ. Литературные памятники западной отрасли славянства, особенно чеховъ, восходятъ къ X вѣку. На лужицкомъ нарѣчіи еще говорятъ въ Германіи около полутораста тысячъ человѣкъ, носящихъ тамъ имя вендовъ.

Названными отраслями арійскаго семейства исчерпываются всѣ языки, на которыхъ говорятъ въ Европѣ. Мы не упомянули только объ албанскомъ языкѣ, который относятъ къ тому же семейству, хотя онъ не примыкаетъ прямо ни къ одной его отрасли. Онъ признается теперь единственнымъ живымъ представителемъ разныхъ такъ-называемыхъ варварскихъ языковъ, окружавшихъ греческія нарѣчія или смѣшавшихся съ ними.

Ходячее до сихъ поръ мнѣніе объ исключительной важности древнихъ языковъ передъ новыми теряетъ всякую почву въ виду изложенныхъ фактовъ и выводовъ. «Важность новыхъ языковъ для основательнаго познанія природы языка, для проникновенія въ нее, для вѣрнаго опредѣленія законовъ, по которымъ совершался ростъ языковъ древнихъ, еще никогда не была оцѣнена по достоинству», говоритъ Максъ Мюллеръ. «Такъ какъ древніе языки постоянно изучало лишь малое сравнительно меньшинство и вообще полагаютъ, что легче изучить новый языкъ, чѣмъ древній, то мы привыкли смотрѣть на такъ-называемые классическіе языки—санскритскій, греческій и латинскій—какъ на болѣе чистое и совершенное средство къ передачѣ мыслей, чѣмъ такъ-называемыя вульгарныя нарѣчія Европы. Мы не говоримъ теперь о литературѣ Греціи, Рима или древней Индіи сравнительно съ литературами Германіи, Англіи, Франціи или Италіи. Мы говоримъ только о языкѣ, какъ языкѣ, объ его корняхъ и словахъ, о склоненіяхъ, спряженіяхъ и конструкціяхъ, а по отношенію къ нимъ новые языки совершенно равны древнимъ. И можно ли допустить, что мы, постоянно двигаясь впередъ въ искусствѣ и наукѣ, въ философіи и религіи, даемъ языку, этому мощному орудію духа, нисходить съ его прежней чистоты, терять свою силу и благородство и дѣлаться простымъ жаргономъ? Если языкъ безпрерывно измѣняется, то это еще отнюдь не значитъ, что онъ постоянно склоняется къ упадку; то, что мы привыкли называть въ языкѣ порчей или искаженіемъ, есть въ сущности не что иное, какъ необходимое условіе его жизни. Различіе между древними и новыми языками исчезаетъ передъ судомъ сравнительнаго языкознанія. Какъ въ ботаникѣ не относятъ къ разнымъ классамъ старыхъ и новыхъ деревьевъ одного и того же вида, такъ и сравнительное языкознаніе погрѣшило бы противъ всѣхъ началъ научной классификаціи, еслибы стало дѣлать различіе между древними и новыми языками. Мы долж-

ны изучать дерево, какъ законченное цѣлое, начиная съ того времени, когда зерно положено въ землю, до того времени, когда дерево приноситъ плодъ; точно также должны мы изучать и языкъ, какъ цѣлое, безъ перерыва слѣдя за его жизнію отъ простѣйшихъ корней до самыхъ сложныхъ производствъ и звуковыхъ соотношеній. Кто не видитъ въ новыхъ языкахъ ничего иного, кромѣ порчи или аномаліи, тотъ мало понимаетъ истинную природу языка. Если древніе языки бросаютъ свѣтъ на происхожденіе новыхъ, то и многія тайны мертвыхъ языковъ могутъ быть раскрыты свидѣтельствомъ живыхъ. Независимо отъ всѣхъ другихъ соображеній, новые языки помогаютъ намъ опредѣлить, на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ, руководящія начала сравнительнаго языкознанія. Для изслѣдователя этой отрасли они тоже, что для геолога третичныя и даже новѣйшія формаціи. Труды Дица, его сравнительная грамматика романскихъ языковъ, во всѣхъ отношеніяхъ столь же цѣнны, какъ труды Боппа, Гримма, Цеусса и Миклошича; они, какъ предварительныя работы, наилучшимъ образомъ вводятъ насъ въ изученіе древнѣйшаго періода арійскихъ языковъ. Многое, что можетъ быть объяснено лишь путемъ индукціи по отношенію къ языкамъ санскритскому, греческому и латинскому, подкрѣпляется тутъ историческими доказательствами. Въ новыхъ романскихъ языкахъ мы имѣемъ передъ глазами болѣе полную и ясную картину (въ нѣкоторомъ родѣ — повторенный процессъ) происхожденія и роста языковъ, чѣмъ гдѣ либо во всей исторіи человѣческой рѣчи. Мы можемъ съ достовѣрностью прослѣдить исторію латинскаго языка со временъ первой сципіоновской надписи (283 г. до Рож. Хр.) до той поры, когда встрѣчаемъ первые слѣды новыхъ латинскихъ языковъ въ Сардиніи, Италіи, Испаніи и Франціи. Мы можемъ потомъ, въ теченіи тысячелѣтія, слѣдить за позднѣйшею исторіей новаго латинскаго языка въ шести его нарѣчіяхъ, имѣющихъ богатыя и памятниками засвидѣтельствованныя литературы. Если нѣкоторыя грамматическія формы французскаго языка представляются намъ сомнительными, то онѣ освѣщаются и выясняются для насъ соотвѣтственными формами итальянскаго или испанскаго. Если происхожденіе даннаго слова не ясно въ итальянскомъ языкѣ, намъ стóитъ только оглянуться на языки французскій и испанскій, чтобы получить полезныя указанія, служащія путеводною нитью въ нашихъ изслѣдованіяхъ. Гдѣ, если не въ этихъ новыхъ языкахъ, можемъ мы найти такое вполнѣ вѣрное мѣрило для всѣхъ возможныхъ измѣненій, которымъ подвергаются слова въ своей формѣ и своемъ значеніи, оставаясь однако же тожественными?».... «Совѣтъ Лейбница основать языкознаніе на изученіи новыхъ языковъ оставленъ безъ вниманія, и послѣдствія этого пре-

небреженія весьма замѣтны во многихъ трудахъ по сравнительному языкознанію»....

Не менѣе важно значеніе новыхъ языковъ въ исторіи литературы. Капитальнѣйшія созданія человѣческаго творчества въ наукѣ, поэзіи, беллетристикѣ и публицистикѣ принадлежатъ новымъ народамъ, въ высокой степени опередившимъ первостепенные народы древности. Никакая древняя литература не можетъ дать въ этомъ отношеніи и десятой доли того запаса художественныхъ и теоретическихъ произведеній, какой накопленъ въ литературахъ новой Европы. Еслибъ, по какимъ нибудь причинамъ, памятники древнихъ литературъ не дошли до нашего времени, мы все-таки могли бы заключить по новой культурѣ человѣчества объ его прежней образованности. Но древняя культура не можетъ дать ни малѣйшаго понятія о новой. Самое близкое знакомство съ греческими и римскими писателями не могло бы развить наши способности до современнаго уровня. Оно одно, помимо новыхъ литературъ, могло бы только сдѣлать насъ людьми иного міра, привить намъ чуждые интересы, заживо обратить насъ въ ископаемыхъ. Къ счастію, это невозможно, и современный человѣкъ никогда не утратитъ естественнаго, непреодолимаго стремленія больше знакомиться съ знаніями, задачами и интересами своего времени, чѣмъ переноситься мыслію и воображеніемъ въ отдаленное прошлое человѣчества.

Языку принадлежитъ еще и другая важная роль въ исторіи литературы. Онъ даетъ ключъ къ объясненію многихъ миѳовъ, созданныхъ народной фантазіей, изъ которыхъ литературы, особенно древнія, почерпали свои лучшіе сюжеты. Первый толчокъ въ этомъ направленіи данъ сравнительнымъ языкознаніемъ. Благодаря открытію древне-индійскаго языка, такъ-называемаго санскрита, благодаря раскрытію родства между этимъ языкомъ и языками главнѣйшихъ народовъ Европы, оказалось, что каждый изъ нихъ содержитъ въ себѣ элементы миѳологіи, также указывающіе на общее происхожденіе. Оказалось, что греческое слово Зевсъ, которое производили отъ zen— жить, есть тоже самое слово, что́ и санскритское Dyaus, ясное небо, что̀ Ju въ латинскомъ Jupiter, Jovis, и Tiu въ англійскомъ Tuesday, Zio въ древнемъ верхне-нѣмецкомъ. Тому же сравнительному процессу должны быть подвергнуты и миѳы. Теперь уже ясно, что миѳологическій языкъ «Ведъ», что ихъ первобытныя религіозныя представленія должны занять въ научномъ изслѣдованіи миѳологіи тоже самое мѣсто, какое принадлежитъ въ сравнительномъ языкознаніи санскриту, какъ древнѣйшему и прозрачнѣйшему изъ арійскихъ нарѣчій. Многія имена, которыя впослѣдствіи стали собственными, въ «Ведахъ» еще сохраняютъ и свое нарицательное значеніе. Въ этихъ

многочисленныхъ гимнахъ можно еще прослѣдить постепенный ростъ боговъ, медленный переходъ именъ нарицательныхъ (огонь, ignis — Агни, небо, — греческое Уранъ, — Варуна и пр.) въ собственныя, и первыя попытки къ олицетворенію явленій и силъ природы. Слово Dyaus, о которомъ мы упомянули выше, не было заимствовано греками у индійцевъ, или римлянами и германцами у грековъ. Оно уже существовало прежде, чѣмъ эти народы разъединились въ языкѣ и религіи, прежде, чѣмъ они покинули свои общія пастбища и разошлись въ разныя стороны. Но въ Индіи богъ свѣта и неба—Dyu, Dyaus—уступилъ мѣсто своему сыну, новому божеству Индрѣ, рожденному отъ него и земли на горизонтѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ небо какъ будто соприкасается съ землею, а Зевсъ всегда оставался въ Греціи верховнымъ божествомъ. Между тѣмъ какъ другія божества Греціи болѣе или менѣе принадлежали извѣстнымъ мѣстностямъ и племенамъ, Зевсъ былъ извѣстенъ въ каждой деревнѣ, въ каждомъ племени. Ему поклоняются на Идѣ, на Олимпѣ, въ Додонѣ. Небесныя явленія — громъ, молнія, дождь — его аттрибуты; но въ развитіи греческой миѳологіи Зевсъ получилъ бо̀льшее значеніе, чѣмъ видимое небо, даже бо̀льшее, чѣмъ олицетворенное небо. Онъ былъ для грековъ верховнымъ божествомъ. Небо всегда считалось мѣстопребываніемъ боговъ. У Гомера этотъ типъ божества еще не выработался въ идею о верховномъ, всемогущемъ и всевѣдущемъ существѣ, творцѣ и правителѣ міра. Въ гомерическомъ эпосѣ Зевсъ еще исполненъ противорѣчій. Онъ всевѣдущъ и все-таки даетъ себя обманывать; онъ всемогущъ, и ему все-таки противодѣйствуютъ; онъ вѣченъ, но имѣетъ смертнаго отца; онъ справедливъ, но за нимъ числится не одно преступленіе. Только немногіе, самостоятельно мыслившіе люди признавали, вмѣстѣ съ Сократомъ, что никакая легенда, никакой священный миѳъ не могутъ быть истинны, если они безчестятъ божество. Идея новыхъ народовъ о происхожденіи королевской власти отъ божества выражалась у древнихъ тѣмъ, что они считая царей потомками Зевса. Это простое представленіе породило множество сказаній. Крупные роды и цѣлыя племена приписываютъ себѣ происхожденіе отъ Зевса, и такъ какъ надо было въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ снабжать его супругой, то естественно выбирали названіе страны для пополненія этого звена въ священной родословной. Такъ объ Эакѣ, знаменитомъ царѣ Эгины, говорили, что онъ отрасль Зевса. Миѳологія не довольствовалась и такимъ указаніемъ на могущество, мудрость и справедливость этого царя. Она желала, чтобъ Эакъ дѣйствительно былъ сыномъ Зевса, и приписала послѣднему похищеніе Эгины, отъ которой у него и рождается Эакъ. Критскому царю Миносу нужно высокое происхожденіе, и онъ рождается отъ

Зевса и Европы. Все, что можно было сказать о небѣ, было приписано и Зевсу. Онъ располагаетъ дождемъ, громомъ, снѣгомъ, градомъ, молніей; онъ собираетъ тучи, выпускаетъ вѣтры и ставитъ радугу. Онъ учредитель дней и ночей, мѣсяцевъ и временъ года. Онъ посылаетъ богатую жатву и охраняетъ стада. Какъ небо, онъ пребываетъ на высочайшихъ горахъ; какъ небо, онъ объемлетъ землю; какъ небо, онъ вѣченъ и неизмѣненъ; онъ, наконецъ, высшее божество. Въ отношеніи ко всему доброму и злому, Зевсъ-небо и Зевсъ-божество нераздѣльны въ представленіи грека. Но какая разница съ грубыми представленіями первоначальной арійской миѳологіи о богахъ, какъ добрыхъ и злыхъ силахъ природы! Общіе зародыши арійской миѳологіи существовали еще до разселенія арійскихъ племенъ; они получили впослѣдствіи широкое развитіе въ Индіи, Греціи, Италіи; но народная фантазія грековъ оказалась наиболѣе свободною и поэтическою въ созданіи цѣльныхъ и пластическихъ божественныхъ образовъ изъ этихъ зародышей.

Нѣкоторые изслѣдователи, въ томъ числѣ Максъ Мюллеръ, придаютъ огромное, почти исключительное значеніе солнцу, предшествуемому утренней зарей и сопровождаемому вечерней, какъ источнику миѳическихъ воззрѣній глубокой до-исторической древности, по крайней мѣрѣ у арійскихъ народовъ. Правильная, постепенная смѣна дня и ночи, борьба свѣта и мрака, естественно порождала въ изумленномъ человѣкѣ мысль о таинственныхъ свѣтоносныхъ силахъ, ежедневно появлявшихся неизвѣстно откуда и ежедневно исчезавшихъ неизвѣстно куда, силахъ, которыя, въ виду измѣнчивости всего въ природѣ, представлялись человѣку безсмертными и божественными. Эта такъ-называемая солнечная теорія происхожденія миѳовъ признаетъ правильное повтореніе явленій природы необходимымъ условіемъ для миѳическаго признанія ихъ безсмертными, и отводитъ относительно-ограниченное мѣсто вліянію такихъ метеорологическихъ явленій, какъ тучи, громъ и молнія, которыя могутъ на нѣкоторое время сильно потрясать природу и человѣка, но не могутъ быть миѳически поставлены на ряду съ безсмертными свѣтоносными существами, и, напротивъ, должны казаться подчиненными послѣднимъ или даже ихъ врагами. Небо собираетъ тучи, небо гремитъ, небо испускаетъ дождь, и борьба между черною тучей и лучезарнымъ солнцемъ, на нѣкоторое время заслоненнымъ ею, есть лишь неправильное повтореніе многозначительной, ежедневно повторяющейся борьбы между мракомъ ночи и всеоживляющимъ утреннимъ свѣтомъ. Но большинство нѣмецкихъ миѳологовъ придерживается другой, метеорологической теоріи, развитой профессоромъ Куномъ. Тучи, буря, дождь, молнія и громъ, говорятъ сторонники этой тео-

ріи,—вотъ явленія, которыя прежде всего должны были подѣйствовать на древнѣйшихъ арійцевъ и навести ихъ на мысль о сравненіи земныхъ предметовъ съ постоянно измѣняющимся видомъ небесныхъ. Наблюдатели послѣднихъ были на землѣ у себя дома, они были относительно близко знакомы съ земными предметами; даже движеніе небесныхъ свѣтилъ, по его правильности, могло оставлять ихъ спокойными; но они должны были относиться съ живѣйшимъ интересомъ и вниманіемъ къ тѣмъ дивнымъ метеорологическимъ явленіямъ, которыя такъ быстро смѣняются, такъ неправильны и таинственны и оказываютъ такое осязательное вліяніе на жизнь и счастіе людей, въ хорошую и дурную сторону. Оттого эти явленія были наблюдаемы съ особенной бдительностью, возбуждая множество представленій, которыя стали главнѣйшею основой всѣхъ индоевропейскихъ миѳологій. Только впослѣдствіи, съ дальнѣйшими успѣхами мысли, солнце получило большое значеніе въ пониманіи природы и образованіи миѳовъ.

Въ первобытномъ, миѳологическомъ періодѣ исторіи языка и мысли, о которомъ мы упомянули выше, одни и тѣже имена присвоивались разнымъ предметамъ и, наоборотъ, одинъ и тотъ же предметъ получалъ нѣсколько именъ, и многое, чтó оставалось загадкой въ происхожденіи и распространеніи миѳовъ, становится понятнымъ, какъ скоро мы свяжемъ эти загадочныя явленія съ первоначальной исторіей языка и мысли. Метафора переноситъ слово отъ одного значенія къ другому по качеству, потому что разные предметы могутъ производить на насъ одинаковыя впечатлѣнія. Напр. слово *духъ*, имѣвшее прежде значеніе *дыханія*, перенесено на представленіе о существѣ безплотномъ. Такія метафорическія названія даны человѣкомъ большинству отвлеченныхъ понятій. «Какъ съ высокими и крѣпкими деревьями, напр. съ дубомъ,—говоритъ г. Буслаевъ, въ своей «Исторической Грамматикѣ русскаго языка»,—поэтическое преданіе сравниваетъ храбрыхъ витязей, согласно съ скандинавскимъ миѳомъ о первомъ человѣкѣ Ясени (Ascr); такъ, красивые и нѣжные цвѣты, кустарникъ и травы, фантазія народная примѣняетъ къ женщинамъ, давая имъ въ собственныя имена названія этихъ растеній. Такія названія встрѣчаются въ языкахъ не только нашего, но и прочихъ семействъ». Изъ славянскихъ нарѣчій особенно богато ими сербское, изъ котораго г. Буслаевъ приводитъ для примѣра нѣсколько женскихъ собственныхъ именъ, взятыхъ отъ растеній: *Перунка* (iris), растеніе, получившее свое названіе отъ божества Перуна, какъ у насъ миѳологическое имя *Купало* даетъ названіе растенію: *купальница*, *Смила* (gnaphalium arenarium), *Любица* (viola), *Конопла*, *Травица*, *Цвѣта*, *Малина*, *Вишня*, *Лоза*, *Грозда*, *Ягода*

и пр. Точно также имена, употребляемыя для обозначенія женщинъ, переносятся на растенія, напр. мать и мачиха, нѣмецкое Stiefmütterchen (flos trinitatis). Названіе извѣстной рѣки *Дунай* связано съ гибелью Владимірова богатыря Дуная въ этой рѣкѣ, отчего, по народному преданію, и дано ей это имя. Въ народной поэзіи собственное имя Дунай употребляется какъ нарицательное, означая всякую рѣку. Названіе рѣки *Волховъ* также находится въ связи съ мужескимъ именемъ Волхъ. Понятіе о царяхъ, какъ о пастыряхъ народа, создалось еще въ тѣ весьма отдаленныя времена, когда народы вели пастушескую жизнь, среди которой правитель назывался пастухомъ, а народъ—его паствой. Въ народѣ сохранились у насъ и до сихъ поръ названія нѣкоторыхъ болѣзней, произведенныя отъ слова: *богъ* въ смыслѣ языческаго божества, напр. въ тульской губерніи *божье*—нѣчто въ родѣ падучей болѣзни, въ казанской губерніи *божья*—вообще страшная болѣзнь, эпидемія. Въ названіяхъ созвѣздій до сихъ поръ сохранилась память о народныхъ повѣрьяхъ и миѳахъ или сказаніяхъ, напр. *утиное* или *утичье гнѣздо* (въ губерніяхъ: тверской, архангельской, псковской, и сибирскихъ), *желѣзное колесо*, *дѣвичьи зори*, *косари* (въ Тульской губерніи), даже *Батыева дорога* (въ тамбовской губерніи) и т. п. Иныя изобразительныя выраженія имѣютъ видъ краткаго сказанія, или миѳа, напр. *заря замыкается*—потухаетъ (въ тверской губерніи); *солнышко замолодѣло* — закрылось бѣлыми облаками (въ олонецкой губерніи). Въ Дофинѣ, близъ Гренобля, есть башня, извѣстная подъ именемъ «La tour sans venin», «Башня безъ яда». По преданію, ядовитыя животныя умираютъ, приближаясь къ этой башнѣ, и народъ вѣритъ въ чудесное дѣйствіе названнаго мѣста. Нѣкоторые допускаютъ, что башня утратила теперь свои чудесныя свойства, но стоятъ на томъ, что она была надѣлена ими въ старину. А между тѣмъ, настоящимъ названіемъ башни и близъ-лежащей часовни было San Vereno или Saint Vrain, изъ котораго сложилось San veneno и потомъ sans venin.

Многія изъ позднѣйшихъ поэтическихъ выраженій основаны на томъ же принципѣ метафоры, объ усиленномъ вліяніи котораго при первоначальномъ образованіи именъ мы упомянули выше, и вложены въ уста позднѣйшихъ поэтовъ поэтами гораздо болѣе древними, т.-е. именно слагателями языка. Названіе, данное пламени, именно vahni, употреблялось и для обозначенія коня. Есть и другія имена, общія коню и лучамъ свѣта. Отсюда сказанія о Геліосѣ, богѣ-солнцѣ, и его коняхъ. Золотистый цвѣтъ распростертыхъ солнечныхъ лучей породилъ представленіе о солнцѣ, какъ божествѣ, испускающемъ золото изъ рукъ своихъ. Представленіе объ утренней зорѣ, какъ о золотомъ свѣтѣ, и нѣкоторое сходство между aurum и

aurora, незамѣтно породило нѣмецкую пословицу: «у ранняго часа золото во рту». Многія пословицы имѣютъ столь же миѳологическій характеръ. Древнѣйшія философскія сочиненія о богѣ-солнцѣ повѣствуютъ, что онъ отрубилъ себѣ руку при жертвоприношеніи, и что жрецы замѣнили ее искусственною рукой, сдѣланной изъ золота. Впослѣдствіи тотъ же богъ, подъ именемъ Савитара, самъ дѣлается жрецомъ, и сказаніе гласитъ, какъ онъ обрѣзалъ себѣ руку и какъ другіе жрецы изготовили ему золотую.

Слова нерѣдко воздѣйствуютъ въ свою очередь на мысль, и, утрачивая свое первоначальное значеніе, порождаютъ миѳы даже и въ наше время. Современный человѣкъ, конечно, не станетъ говорить о солнцѣ, какъ о богѣ, потому только, что поэтъ назвалъ солнце небеснымъ конемъ; мы не станемъ разсказывать про луну, что она влюблена въ Эндиміона, потому только, что преданіе связало происхожденіе ночи съ нѣжными взорами Селены, обращенными къ заходящему солнцу. Но у насъ есть миѳы иного рода. Слова: природа, законъ, свобода, необходимость, тѣло, субстанція, матерія, церковь, государство, откровеніе, познаніе, вѣра, понимаются и употребляются въ самыхъ разнообразныхъ смыслахъ, дающихъ поводъ къ очень крупнымъ недоразумѣніямъ. Если коренная и поэтическая метафора была нѣкогда главнымъ источникомъ миѳовъ, то въ новыхъ языкахъ ее нерѣдко замѣняетъ звуковое искаженіе словъ. Таковъ примѣръ съ «башней безъ яда», la Tour sans venin. Таково нѣмецкое слово Sündfluth, которое многіе производятъ отъ Sünde, грѣхъ, тогда какъ оно есть лишь народное искаженіе формы Sinfluot, большой потопъ. Какъ легко образуются легенды изъ словъ, утратившихъ свое первоначальное значеніе, показываютъ всего лучше многія духовныя и свѣтскія легенды среднихъ вѣковъ. Св. Ѳома, умершій въ 1274 году, спросилъ Бонавентуру, откуда почерпнулъ онъ силу и святость, разлитыя въ его сочиненіяхъ. Бонавентура указалъ въ отвѣтъ на висѣвшее на стѣнѣ распятіе. «Этотъ образъ,— сказалъ онъ,—внушаетъ мнѣ всѣ мои слова». Отвѣтъ этотъ переходилъ изъ устъ въ уста, и въ народѣ сложилась легенда, что Бонавентура имѣетъ говорящее распятіе. Такихъ легендъ слагалось множество въ эпохи сильной, слѣпой вѣры и слабаго положительнаго знанія.

ПИСМЕНОСТЬ.

ЛИТЕРАТУРА: H. Wuttke: Die Enstehung der Schrift, die verschiedenen Schriftsysteme und das Schrifttum der nicht alfabetarischschreibenden Völker. Leipzig. 1872.
G. Maspero: Histoire ancienne des peupes de l'Orient. Paris. 1875.
C. Faulman: Das Buch der Schrift. Wien. 1878.
Lenormant: Introduction à un mémoire sur la proposoition de l'alphabet phénicien. Paris. 1866.
Lepsius: Das allgemeine linguistische Alphabet. Berlin. 1855.
A. J. Ellis: Universal Writing and Printing. London. 1856.
Ernst Brücke: Grundzüge der Physiologie und Systematik der Sprachlaute. Wien. 1856.

Значеніе писмености.—Ея вліяніе на языки.—Первоначальныя формы писмености.—Идеографическое писмо.—Начатки писма фонетическаго.—Мексиканское и китайское писмо.—Древне-египетское писмо: гіероглифы и скоропись.—Клинообразное писмо.—Финикійская азбука.—Ея происхожденіе и распространеніе.—Новѣйшія попытки объединить наши нынѣшнія фонетическія азбуки и современное писмо.

Тотъ же пріемъ точныхъ знаній — сравнительное изслѣдованіе явленій и ихъ классификація—который, какъ мы видѣли, примѣненъ съ такимъ успѣхомъ въ языкознаніи, привелъ къ новымъ результатамъ въ исторіи писма, и далъ уже нѣсколько прочныхъ основаній для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ той же области, занимающей очень крупное мѣсто въ общей исторіи культуры.

Человѣкъ общителенъ и по необходимости, и по психическимъ особенностямъ своей природы. Необходимость ограждать себя отъ разнообразныхъ враговъ — опасныхъ явленій природы, вредныхъ животныхъ и всякаго непріятеля—развило въ немъ общительность въ такой высокой степени, что общежитіе стало для него насущною

потребностью. Эта потребность жить въ общеніи съ другими, сначала только съ близкими людьми, развила въ немъ даръ слова; она же привела его къ заочной передачѣ своихъ мыслей и впечатлѣній писмеными знаками. Слово и писмо, а за писмомъ и печать, были и остаются поэтому самыми главными двигателями человѣческаго развитія. Обращенное сначала лишь къ собесѣднику, крылатое слово человѣка, закрѣпленное писмомъ, стало доступно болѣе многочисленнымъ членамъ общества, всему граматному міру, цѣлымъ народамъ, и не современникамъ только, но и потомству. Въ этомъ отношеніи оно до извѣстной степени упразднило разрозненность людей, пріобщая все человѣчество руководящимъ идеямъ и интересамъ времени. Оно сдѣлало намъ доступными научныя и художественныя произведенія разныхъ вѣковъ и народовъ, и способствовало разработкѣ и распространенію важнѣйшихъ религіозныхъ ученій міра. Отсюда многочисленныя въ исторіи попытки торжествующихъ партій истребить увѣковѣченныя писменостью работы мысли и фантазіи. Извѣстно, какъ туго развиваются безписменые народы, коснѣя долгое время въ застарѣлыхъ понятіяхъ, представленіяхъ, образѣ жизни, обычаяхъ и привычкахъ. Мы сами только потому не можемъ производить нѣкоторыхъ предметовъ древней промышлености, что до насъ не дошло никакихъ писменыхъ указаній на пріемы, при помощи которыхъ эти предметы производились народами древности. Но этому сравнительно маловажному обстоятельству соотвѣтствуетъ у насъ другое, гораздо болѣе крупное: дробленіе народовъ на слои, изъ которыхъ однимъ доступны чтеніе, писмо и ихъ плоды, другіе же — масса — остаются въ невѣжествѣ, далеко отставая отъ своего времени. Сближая людей, принадлежащихъ разнымъ временамъ и народамъ, писмо удвоиваетъ наши умственныя силы, расширяетъ нашъ кругозоръ, освобождаетъ насъ отъ необходимости тратить силы и время на то, что̀ раньше сдѣлано другими, и въ высшей степени облегчаетъ намъ дальнѣйшее движеніе впередъ на всѣхъ поприщахъ нашей дѣятельности. Платонъ справедливо называетъ писмо вѣчно слышнымъ, неизмѣримымъ голосомъ и, согласно своему міровоззрѣнію, приписываетъ его изобрѣтеніе божеству или богоподобному человѣку. Всѣ древніе народы приписывали писму таинственное, божественное происхожденіе, и въ наше время народы, незнающіе писма, приходятъ въ такое же изумленіе отъ этого способа передавать отсутствующимъ, посредствомъ писменыхъ знаковъ, свои намѣренія и мысли, въ какое повергаетъ, напр., телеграфъ современнаго простолюдина. Делавары и Ирокезы Сѣверной Америки, когда имъ прочитывали что-нибудь писаное или печатное, полагали, что или сама бумага, или духъ

говоритъ читающему, но такъ тихо, что онъ одинъ слышитъ ихъ голосъ. Индійцы Бразиліи считаютъ бумагу заколдованною, волшебною. Подобныхъ примѣровъ можно бы привести множество. Изъ того же источника объясняется слѣпое довѣріе необразованныхъ людей ко всему писаному и печатному.

Велико было также вліяніе писма на живые народные языки, эту естественную оболочку чувствъ и мыслей человѣка. Мы уже упоминали о томъ, какъ свойственно человѣческой рѣчи дробиться не только на отрасли и отдѣльные языки, но и на мѣстныя нарѣчія и говоры. Писмо является крѣпкою плотиной, сдерживающей это, если можно такъ выразиться, центробѣжное стремленіе живой рѣчи. Примѣръ американскихъ индійцевъ, у которыхъ чуть не каждое малочисленное племя имѣетъ свой особый языкъ, наглядно показываетъ, какая участь постигла бы другіе языки, еслибъ они не были сдержаны въ этомъ стремленіи писменостью. Писмо даетъ языку возможность осѣсть, кристаллизоваться; оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, является необходимымъ условіемъ его совершенствованія и обработки. Писменый языкъ создаетъ облагороженныя, тонкія формы рѣчи, дѣлая ихъ общимъ народнымъ достояніемъ. Благодаря писму, языки становятся богаче и красивѣе; оно объединяетъ разнообразныя мѣстныя нарѣчія и говоры и является могучимъ выразителемъ національнаго единства и общечеловѣческихъ идей. Оттого высшіе роды развитія доступны только тѣмъ языкамъ и тѣмъ народамъ, которые знали писмо и умѣли имъ пользоваться для своихъ умственныхъ и матеріальныхъ интересовъ.

Въ безписменомъ состояніи человѣку доступно только то, что могло быть устно передаваемо въ семьѣ или родѣ отъ отца къ сыну, и запоминаемо послѣднимъ. Кромѣ праотеческихъ наставленій, предметомъ подобной устной передачи могли быть и первобытныя представленія о явленіяхъ природы, о таинственныхъ существахъ, которыми они производятся. Шаманы и жрецы рано выдѣлились такимъ образомъ въ особый классъ людей, соприкасающихся съ добрыми и злыми духами, управляющими природой и судьбами человѣка. За отсутствіемъ писма, эти первобытныя представленія закрѣплялись сначала легкой для запоминанія пѣвучей формой изложенія, метрической или ритмической. Такимъ образомъ запоминались, переходя изъ рода въ родъ, миѳическія или религіозныя пѣсни и изреченія, правила житейской мудрости и т. д. Писмо явилось впослѣдствіи, сначала въ формахъ, намъ теперь совершенно чуждыхъ. Мы не будемъ распространяться о первобытнѣйшихъ начаткахъ письма въ грубомъ видѣ разрисовки собственнаго тѣла (татуированіе), очень распространенной въ древнѣйшее время у дикихъ народовъ, или въ видѣ нанизанныхъ,

разноцвѣтно разрисованныхъ раковинъ (у сѣверо-американскихъ индійцевъ). Для цѣлей литературныхъ писмо существуетъ съ того времени, какъ человѣкъ создалъ въ немъ средство передавать мысли и впечатлѣнія своимъ современникамъ и потомству.

Всѣ способы этой передачи или всѣ виды писмености сводятся къ двумъ главнымъ типамъ письма: идеографическому, передающему мысль и впечатлѣнія посредствомъ начертанія самаго предмета, и фонетическому, звуковому, изображающему звуки живой рѣчи. Между этими двумя крайними, можно сказать, противоположными типами писма, сложились способы смѣшанные, половинчатые, близко примыкающіе то къ одному изъ нихъ, то къ другому. Писмо было или чисто идеографическое, когда понятіе о предметѣ выражалось прямо начертаніемъ самаго предмета, напр. солнечнаго диска ⊙ для обозначенія солнца, или полумѣсяца ☽ для изображенія луны; или символическое, условное, когда, напр., начертаніемъ солнечнаго диска изображалось понятіе о днѣ. Точно также изображались двояко и звуки живой рѣчи: или начертаніемъ слоговъ, когда одинъ условный знакъ употреблялся для изображенія цѣлаго слога, состоящаго изъ нѣсколькихъ согласныхъ и одной гласной; или начертаніемъ буквъ, изъ которыхъ каждая изображаетъ одну согласную или гласную. Были, конечно, еще и другіе способы смѣшаннаго писма, но всѣ они могутъ быть съ бо́льшимъ или меньшимъ основаніемъ отнесены къ одному изъ этихъ четырехъ способовъ передавать писмомъ наши мысли.

Разумѣется, простѣйшій изъ этихъ способовъ былъ въ тоже время и древнѣйшимъ, и всѣ существовавшіе прежде и существующіе виды писмености первоначально прошли черезъ него, прежде чѣмъ образовалось писмо звуковое, т.-е. слоговое или буквеное.

Человѣкъ писалъ сначала совсѣмъ не такъ, какъ мы теперь пишемъ. Наша нынѣшняя азбука была плодомъ долгой предварительной работы. Сначала человѣкъ просто чертилъ самые предметы, а не звуки своей рѣчи, и много поколѣній смѣнилось на землѣ, прежде чѣмъ эти, повидимому столь многочисленные и разнообразные, звуки были сведены къ немногимъ основнымъ звукамъ и придуманъ способъ изображать ихъ прямо посредствомъ буквъ. Самый процессъ первоначальнаго писма и употреблявшіеся первоначально писменые матеріалы представляли большія трудности, требовали много времени для написанія немногихъ строкъ, и писмо было доступно только небольшой горсти избранныхъ, преимущественно духовенству, жрецамъ. Оно и считалось священнымъ дѣломъ избранныхъ. Въ тайны писмености первоначально были посвящены только правительства и жрецы, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи подготовленныхъ ими же

писцовъ. Первыми народами, имѣвшими не жреческое только, но и гражданское писмо, были китайцы и греки.

Человѣкъ началъ съ того, что желая высказаться о какомъ-нибудь предметѣ, намекалъ на него извѣстными фигурами. Самые грубые начатки такого писма найдены у охотничьихъ индійскихъ племенъ Сѣверной Америки. Три черты на гробовомъ камнѣ вождя означали три полученныя имъ раны; голова лося — выдержанную умершимъ борьбу съ этимъ животнымъ. Но этими скудными знаками можно было передавать лишь весьма ограниченное число представленій. Письмо это получило свое дальнѣйшее развитіе въ мексиканскихъ гіероглифахъ, отчасти соотвѣтствующихъ египетскимъ. И въ Египтѣ, обладавшемъ древнѣйшею изъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи культуръ, человѣкъ началъ съ матеріальнаго изображенія самыхъ предметовъ и понятій. Такова была также и древнѣйшая писменость вавилонянъ и китайцевъ. Въ сравнительномъ языкознаніи точное изслѣдованіе привело къ звукоподражанію, какъ одной изъ самыхъ первоначальныхъ формъ человѣческой рѣчи; сравнительная исторія писма также приводитъ къ тому заключенію, что подражаніе виду предметовъ было самой первоначальной формой писмености.

Это первоначальное писмо называютъ идеографическимъ. Частое употребленіе одной и той же фигуры на писмѣ естественно вело къ ея упрощенію и сокращенію. Фигура дома сокращалась въ фигуру четыреугольника, вода уже не рисовалась, а просто обозначалась нѣсколькими волнообразными линіями; вмѣсто цѣлаго лѣса изображалось одно дерево. Дѣйствительный образъ предмета замѣнялся мало по малу образомъ условнымъ или символическимъ. Вмѣсто всего глаза стали изображать одинъ только зрачокъ въ видѣ темнаго кружкà, вмѣсто цѣлаго быка — одну только голову быка, вмѣсто слѣдствія — причину, вмѣсто причины—слѣдствіе; орудіе—вмѣсто того, что̀ имъ дѣлается. Солнечный дискъ изображалъ понятіе: день, горящая жаровня изображала понятіе: огонь; кисть, чернилица и палитра писца понятіе: писмо. Изображеніе предмета замѣнялось также условнымъ изображеніемъ другого предмета, имѣющаго дѣйствительное или предполагаемое сходство съ нимъ, напр. переднія части льва изображали понятіе о первенствѣ; оса — понятіе о царской власти.

Въ своей извѣстной запискѣ о распространеніи финикійской азбуки, Ленорманъ приводитъ любопытный примѣръ изображенія священныхъ предметовъ и дѣйствій уже христіанской эпохи мексиканскими гіероглифами, напр. молитвы «Confiteor». Чтобы выразить слово: *исповѣдуюсь*, ацтеки изображали индійца, стоящаго на колѣнахъ передъ священникомъ; слова: *всемогущему Богу* изображались тремя коронованными головами, представлявшими Св. Троицу; слова:

и славной Дѣвѣ Маріи — ликомъ и бюстомъ Богородицы съ младенцемъ и т. д. Въ другихъ случаяхъ латинскія слова христіанскихъ молитвъ писали мексиканскими гіероглифами фонетически, т.-е. руководствуясь звуковымъ сходствомъ латинскихъ словъ съ мексиканскими. Каждое латинское слово изображалось какъ мексиканское, которое по звуку наиболѣе подходило къ нему. Такъ писалось у ацтековъ *Отче нашъ*, Pater noster. Наиболѣе близкимъ по звуку къ латинскому pater считалось мексиканское слово pantli, нѣчто въ родѣ значка, изображавшаго у ацтековъ число *двадцать*. Этотъ значокъ употребляли для выраженія латинскаго pater. Вмѣсто noster, — слова, сходнаго по звуку съ ихъ словомъ *нохтли*, фига, чертили изображеніе фиги.

Мексиканское писмо застыло на этой степени своего развитія, и уже не пошло дальше. Оно даетъ такимъ образомъ понятіе и о первоначальныхъ фазахъ, черезъ которыя прошли другія системы идеографическаго письма, выработавшія болѣе совершенные пріемы.

Само собою разумѣется, что этимъ первобытнымъ способомъ нельзя было выразить на писмѣ даже и многія матеріальныя понятія, не говоря уже объ отвлеченныхъ. Понятіе: *давать* еще можно было выразить изображеніелъ протянутой руки съ хлѣбомъ, понятіе *открыть* изображеніемъ двери, хожденіе — окоймленной деревьями дорогой и т. п., но гораздо труднѣе было передать на писмѣ, напр. понятіе жажды и голода. Египтяне, правда, придумали съ этою цѣлью изображать воду рядомъ съ бѣгущимъ къ ней теленкомъ, и руку, направленную въ ротъ, но таже рука означала и самый актъ ѣды. Всего труднѣе было передавать идеографическимъ писмомъ отвлеченныя понятія: право, справедливость, истина, добро, зло, жизнь и пр.; для ихъ изображенія нужно было прибѣгать къ сложнымъ и потому неудобнымъ фигурамъ, пониманіе которыхъ требовало особенныхъ и не всегда успѣшныхъ усилій. При такомъ писмѣ, исчезало всякое различіе между частями рѣчи, формами склоненія, спряженія и числа. Оно передавало нѣкоторые предметы и понятія, но не имѣло ничего общаго съ звуками человѣческаго голоса, съ живою рѣчью. Первымъ усовершенствованіемъ въ этомъ писмѣ была, поэтому, попытка прибавить къ изображенію понятій еще и изображеніе звуковъ рѣчи. Идеографическое писмо естественно могло заимствовать свои звуковые образы или знаки только въ области привычныхъ ему намекающихъ, условныхъ или символическихъ знаковъ, для тѣхъ понятій, которыхъ нельзя было писать этими послѣдними знаками. Звукъ *а* передавался изображеніемъ предмета, имя котораго начиналось съ этой буквы. Слова, сходныя по звуку, но имѣвшія различный смыслъ, изображались одинаковымъ образомъ. Изображеніемъ

змѣи—по египетски *хопъ*, выражалось понятіе *хепи* — преисподняя. Такимъ образомъ сложилась писменость смѣшанная, состоявшая изъ фигуръ, изображавшихъ частью матеріальные предметы и понятія, частію звуки того или другого слога. Для большаго уясненія такого письма, пришлось прибавить къ этимъ фигурамъ такъ-называемые опредѣлительные знаки, пояснявшіе самое слово. Къ предметному звуковому изображенію дня и часа прибавлялось изображеніе солнца, къ названіямъ странъ и рѣкъ — изображеніе земли или воды. Эти опредѣлительные знаки показывали также, къ какому роду предметовъ принадлежитъ такъ или иначе изображаемое слово: означаетъ ли оно животное, растеніе, камень или извѣстное дѣйствіе. Въ этой смѣшанной писмености все-таки трудно было отличить звуковое изображеніе отъ предметнаго; оттого гіероглифическій знакъ постепенно сокращался въ звуковой знакъ и сократился, наконецъ, въ букву. Отсюда основной законъ историческаго развитія писмености: постепенное высвобожденіе голосового звука, приданіе ему бо́льшей и большей самостоятельности на писмѣ. Такова была писменость древнихъ египтянъ, таковы были ихъ гіероглифы.

Въ языкахъ односложныхъ, каковъ, напр., китайскій, символическій способъ писма породилъ писменость, въ которой каждый идеографическій знакъ, взятый со стороны фонетической, изображалъ отдѣльный слогъ, слѣдовательно цѣлое слово. Въ китайскомъ писмѣ идеографическое изображеніе словъ, постоянно произносимыхъ одинаково, совпадало съ ихъ фонетическимъ значеніемъ. Число слоговъ, которые могутъ быть составлены изъ согласной буквы въ соединеніи съ гласною, разумѣется, ограничено, и китайцы насчитываютъ ихъ 450 въ своемъ языкѣ, увеличивая это число до 1,203 разнообразіемъ удареній. Но языкъ, обладающій обширною литературой и отвѣчающій значительно высокому уровню образованности, не можетъ довольствоваться такимъ скуднымъ числомъ словъ. Оттого, во всякомъ односложномъ языкѣ, особенно въ китайскомъ, много словъ однозвучныхъ, требующихъ болѣе или менѣе яснаго различенія на писмѣ. Отсюда столь свойственное китайскому языку и писму смѣшеніе идеографизма и фонетизма. Отсюда система ключей въ китайскомъ писмѣ, соотвѣтствующая опредѣлительнымъ знакамъ египетской писмености. Ея сложные знаки, на половину фонетическіе, на половину идеографическіе, выражаютъ: первые—звукъ слога, составляющаго въ односложномъ китайскомъ языкѣ цѣлое слово, вторые—ключи—показываютъ, къ какому разряду понятій относится этотъ звукъ. Значительное большинство китайскихъ писменыхъ знаковъ сложилось по этой системѣ. Слогъ или слово *па*

имѣетъ въ китайскомъ языкѣ восемь различныхъ значеній. Изображеніе его въ цѣлой фразѣ фонетическимъ знакомъ заставило бы читателя колебаться между этими его значеніями. Но съ помощью «ключей», или соединенія идеографизма съ фонетизмомъ, это огромное неудобство устраняется. Обыкновенно для фонетическаго изображенія слова *па* употребляется знакъ идеографическій, смыслъ котораго совершенно затерялся, какъ часто случается съ идеограммами, издавна получившими звуковое употребленіе. Присоединеніе къ этому знаку ключа растеній придаетъ ему смыслъ банановаго дерева, и т. п. Китайскій языкъ обладаетъ, такимъ образомъ, почти безграничной возможностью создавать новые сложные писменые знаки, на половину фонетическіе, на половину идеографическіе; число ихъ дѣйствительно огромно; но эти сложные знаки легко разлагаются на свои составныя части, которыя сведены къ 450-ти фонетическимъ и 214-ти опредѣлительнымъ идеографическимъ знакамъ, или ключамъ. Китайское письмо, въ свою очередь, застыло на этой ступени своего развитія.

Другіе народы пошли дальше въ томъ же направленіи. Въ языкахъ неодносложныхъ тотъ же способъ, который такъ тонко разработали китайцы, привелъ къ другимъ результатамъ. У египтянъ и народовъ, писавшихъ клинообразно, писмо не давало возможности сразу разложить многосложныя слова на слоги и изображать каждый изъ нихъ отдѣльно какимъ-нибудь опредѣленнымъ и неизмѣннымъ знакомъ. Для нихъ переходъ къ слоговому изображенію живой рѣчи былъ гораздо труднѣе. Но онъ тѣмъ не менѣе совершился и у египтянъ, и у народовъ, писавшихъ клинообразными знаками, съ той разницей, что первые пошли еще дальше, разложили самые слоги на согласные и гласные ихъ звуки, а писмо вторыхъ застыло на слоговой ступени.

Писмо этихъ послѣднихъ народовъ, перешедшее отъ туранцевъ къ семитамъ на Евфратѣ и Тигрѣ и обыкновенно называемое клинообразнымъ, также было первоначально идеографическимъ и перешло потомъ въ слоговое. Изъ Вавилоніи оно распространилось въ Арменію, Индію, Персію, и вышло изъ употребленія не раньше первыхъ вѣковъ христіанской эры. Съ тѣхъ поръ забытое, оно лишь въ послѣднія сто лѣтъ опять сдѣлалось предметомъ серьознаго вниманія и изученія. Подготовленный прежними работами ученыхъ, Гротефендъ первый прочелъ въ 1802 г. персидское клинообразное писмо и далъ азбуку его, впослѣдствіи исправленную и дополненную Бурнуфомъ во Франціи и Лассеномъ въ Германіи. Въ сороковыхъ годахъ англійскій ученый Раулинсонъ блистательно продолжалъ эти изслѣдованія. Разгадка древне-персидскаго писма повела къ раскрытію смысла памятниковъ писмености вавилонской, ассирій-

ской и мидійской. Открытіе Ниневіи французскимъ консуломъ въ Моссулѣ, Боттой, въ 1846 г., и раскопки, произведенныя въ 1849—51 гг. Лейардомъ въ Коюнджикѣ и Нимрудѣ, обогатили науку множествомъ новыхъ писменыхъ памятниковъ, окончательно разобранныхъ нынѣ англійскими и французскими учеными. Прочитавъ вавилонскія, ниневійскія и мидійскія надписи, ученые приступили къ изслѣдованію остатковъ древне-халдейской литературы. Менѣе чѣмъ въ тридцать лѣтъ—говоритъ о результатахъ этихъ изслѣдованій даровитый французскій египтологъ Масперо—новый міръ неизвѣстныхъ дотолѣ языковъ и народовъ сталъ доступенъ изученію, и тридцать вѣковъ исторіи человѣчества вышли изъ могилъ на свѣтъ Божій.

Въ основѣ всѣхъ системъ клинообразнаго писма лежитъ одинъ и тотъ же знакъ, имѣющій видъ гвоздя или клина, въ горизонтальномъ, вертикальномъ или ломаномъ положеніи (➤—, 𒁹, 𒌋). Отсюда и названіе самаго писма. Различная группировка этихъ трехъ знаковъ составила нѣчто въ родѣ нашей азбуки у народовъ, употреблявшихъ клинообразное писмо, и носитъ еще слѣды своего происхожденія отъ писма идеографическаго. Нѣкоторыя изъ этихъ знаковъ—настоящія идеограммы, но большинство ихъ выражаютъ уже слоги. Для простыхъ слоговъ, состоявшихъ изъ одной согласной и одной гласной, вавилонско-ассирійское клинообразное писмо имѣло до ста формъ, въ которыхъ различно групировались тѣже три знака; для слоговъ, состоявшихъ больше чѣмъ изъ одной согласной—нѣсколько сотъ такихъ же различно группированныхъ знаковъ.

Клинообразное писмо перешло отъ вавилонянъ къ семитамъ, Ассиріи, къ туранцамъ Мидіи и Сузіаны. Около шестого вѣка до христіанской эры, его усвоили иранцы (персы), выбравъ тѣ знаки, которые удобнѣе передавали звуки ихъ арійскаго языка. Ими была выработана система арійскаго клинообразнаго писма, самая простая изъ всѣхъ и самая легкая для чтенія. Большинство знаковъ этой системы имѣетъ азбучный характеръ, но нѣкоторые остались слоговыми или идеограммами. Система эта употреблялась только для надписей на иранскихъ нарѣчіяхъ Персіи и Мидіи во времена Ахеменидовъ. Она появилась при Кирѣ и вышла изъ употребленія два вѣка спустя, при Даріи Кодоманѣ. Покоренные персами народы продолжали придерживаться своего стараго клинообразнаго писма, которое употреблялось и самими персами въ ихъ правительственныхъ сношеніяхъ съ подвластными провинціями. Завоеваніе Персіи Александромъ Македонскимъ положило прочное начало распространенію греческаго, т.-е. азбучнаго писма, въ предѣлахъ обширной персидской имперіи. Это болѣе удобное писмо вытѣснило клинообразную

систему, которой смыслъ съ теченіемъ времени точно такъ же затерялся, какъ и смыслъ египетскихъ іероглифовъ.

Одни египтяне не остановились на слоговомъ писмѣ, они одни, какъ показали изслѣдованія Лепсіуса, Бунзена и Ружѐ, умѣли отдѣлять въ слогѣ согласную букву отъ гласной, и выработали, рядомъ съ идеограммами, слоговые и буквенные знаки. И египтяне, и тѣ семиты, которые послѣ египтянъ первые стали употреблять буквенные знаки, сначала упразднили начертаніе внутреннихъ гласныхъ буквъ, какъ наиболѣе измѣнчивыхъ, имѣвшихъ, такъ-сказать, характеръ дополненія къ согласнымъ. И тѣ и другіе ограничивались сначала начертаніемъ согласныхъ буквъ, какъ болѣе постоянныхъ и неизмѣнныхъ. Нѣсколько знаковъ для гласныхъ буквъ существовали и у нихъ, но употреблялись только для выраженія начальныхъ или конечныхъ гласныхъ, именно тѣхъ, которыя не служатъ дополнительными къ согласнымъ, и составляютъ сами по себѣ цѣлый слогъ.

Теперь все это разгадано и объяснено; но нужны были столѣтія упорнѣйшаго труда для достиженія этой цѣли. Со временъ Возрожденія, ученые тщетно доискивались прочесть египетскіе іероглифы, пока офицеру французской артиллеріи не посчастливилось найти, въ 1799 году, близь Розетты, одну и ту же надпись въ трехъ видахъ: іероглифическомъ, демотическомъ и греческомъ. Греческій текстъ показалъ, что это было торжественное заявленіе жрецовъ въ честь Птолемея V. Знаки демотической писмености были новостью для науки, и шведу Акербладу удалось разобрать нѣкоторые изъ нихъ; надъ ними не безъ успѣха трудился въ началѣ текущаго столѣтія англійскій ученый Юнгъ; но только Шампольону, съ дѣтства посвятившему себя изученію восточныхъ языковъ и въ особенности коптскаго, удалось окончательно разгадать непроницаемую тайну древнеегипетскаго писма. Его сочиненіе «Précis du Système hiéroglyphique», появившееся въ 1824 году, раскрыло эту тайну ученому міру. Розетская надпись была имъ прочитана, и на основаніи ея и другихъ памятниковъ составлена, хотя неточная сначала, азбука египетскаго писма. Дѣло его продолжали ученые Франціи, Италіи, Англіи и Германіи, и въ настоящее время задачи, еще недавно казавшіяся неразрѣшимыми, разработаны въ совершенствѣ.

Вотъ главные выводы этихъ многочисленныхъ и трудныхъ работъ.

Іероглифическое писмо употреблялось только на общественныхъ или частныхъ памятникахъ; для житейскаго обихода и распространенія литературныхъ произведеній употреблялась скоропись, образовавшаяся отъ іероглифовъ, и которую называютъ писмомъ іератическимъ. Сами древніе египтяне не различали рѣзко этихъ двухъ

способовъ писма,—такъ медленно выработался второй способъ изъ перваго. Но греки называли второй, простѣйшій способъ писмомъ гіератическимъ, т.-е. жреческимъ, потому что въ Египтѣ долгое время писали одни только жрецы. Слово «гіероглифы»,—буквально: священные, вырѣзанные знаки, преимущественно на камнѣ, противополагалось у нихъ писму на папирусѣ, которое они и назвали гіератическимъ. Гіероглифами писали безразлично отъ правой руки къ лѣвой и отъ лѣвой къ правой; гіератическими знаками писали всегда отъ правой руки къ лѣвой. Впослѣдствіи гіератическая система была еще больше упрощена, и образовалась третья система египетской писменности — народная, или демотическая, употреблявшаяся въ частныхъ сношеніяхъ, торговыхъ сдѣлкахъ и контрактахъ. И въ той и въ другой системѣ писменые знаки выражали и отдѣльныя буквы, и цѣлые слоги и предметы. Системы писмености идеографическая, слоговая и азбучная были въ нихъ перемѣшаны, и оставались перемѣшанными до конца, т.-е. до тѣхъ поръ, пока прямое соприкосновеніе съ греками и римлянами вытѣснило гіероглифы и ихъ позднѣйшія видоизмѣненія, давно устарѣвшія и даже утратившія свой первоначальный смыслъ, и мало по малу сложилась такъ-называемая контская или ново-египетская азбука. Параллельно упадку авторитета жреческой касты въ Египтѣ, подъ вліяніемъ греко-римскихъ идей и потомъ христіанства, клонилась къ упадку и древне-египетская писменость. Въ третьемъ столѣтіи нашей эры, число христіанъ въ Египтѣ было уже такъ велико, они такъ сильно чуждались всякихъ остатковъ древняго язычества, что вмѣстѣ съ языческими храмами было покинуто и жреческое писмо. Съ кастой египетскихъ жрецовъ затерялся даже и ключъ къ разумѣнію гіероглифовъ. Разрушительный вихрь событій пронесся съ тѣхъ поръ по Египту; арабы употребляли сохранившіеся древніе свитки исписаннаго папируса для своихъ хозяйственныхъ цѣлей: они жгли ихъ, какъ дрова, въ этой безлѣсной странѣ; только несокрушимыя древне-египетскія постройки и сооруженія—храмы, пирамиды и обелиски—не поддались разрушительному вліянію событій. На этихъ сооруженіяхъ сохранились тысячалѣтнія надписи, а подъ ними исписанные свитки, разобранные только въ текущемъ столѣтіи.

Отъ древне-египетскаго писма, которое уже умѣло разлагать слоги на составныя ихъ части, но еще оставалось смѣсью всѣхъ тѣхъ способовъ писма, черезъ которые оно прошло исторически, было далеко до полной, настоящей, исключительно фонетической азбуки, вполнѣ объединившей слово и писмо, освободившей умственную работу человѣка отъ путъ первобытнаго символизма, азбуки простой, ясной и доступной народнымъ массамъ. Такое писмо, по остро-

умному замѣчанію Ленормана, и не могло быть дѣломъ народовъ, уже создавшихъ разнообразныя формы идеографизма и символизма. Подъ вліяніемъ необходимости, они могли выработать нѣкоторые фонетическіе знаки, но идеографизмъ былъ имъ слишкомъ привыченъ, онъ слишкомъ органически сросся со всѣми ихъ, пережившими тысячелѣтія, міровоззрѣніями, особенно съ ихъ религіями. Всякое первобытное писмо, по своей символической природѣ и по своему характеру, имѣло, какъ мы уже замѣтили выше, существенно религіозный, священный характеръ. И египтяне, и халдеи считали свои писмена таинственнымъ даромъ божества. Гвоздь, или клинъ изображался на алтаряхъ, какъ эмблема бога Ао. Даже въ Индіи, получившей свои писмена изъ финикійскаго источника, примѣненіе ихъ къ санскриту получило названіе дѐванагâри, божественнаго писма, и изобрѣтеніе послѣдняго было приписано Брамѣ; а скандинавы и германцы считали свои руны, также имѣвшія финикійское происхожденіе, даромъ Одина и приписывали имъ волшебныя свойства. Удалить изъ своего писма идеографизмъ значило для халдея или египтянина отрѣшиться отъ самыхъ завѣтныхъ преданій, посягнуть на высокую мудрость своей тысячелѣтней религіи и ея учрежденій. Для такого переворота нуженъ былъ геній народа менѣе суевѣрнаго, чѣмъ египтяне, болѣе практическаго, болѣе нуждающагося въ удобномъ и легкомъ писмѣ, и находящагося съ Египтомъ въ давнихъ, частыхъ и дѣятельныхъ сношеніяхъ.

Такимъ народомъ были финикійцы, которымъ греки и римляне не безъ основанія приписывали изобрѣтеніе фонетической азбуки. Свидѣтельства греческихъ и римскихъ писателей вполнѣ подтверждаются въ настоящемъ случаѣ новѣйшими изслѣдованіями. До насъ не дошло ни одной азбуки, которая была бы древнѣе финикійской, и всѣ азбуки, дошедшія до насъ въ древнихъ памятникамъ, происходятъ болѣе или менѣе прямо отъ финикійской распространенной финикійцами по всему свѣту.

Вопросъ о томъ, откуда почерпнули свое писмо финикійцы, считается теперь окончательно рѣшеннымъ. Благодаря трудамъ французскаго египтолога Ружѐ и другихъ ученыхъ, высказанная еще Шампольономъ мысль о происхожденіи финикійской азбуки изъ египетскихъ гіероглифовъ подтвердилась вполнѣ; другое мнѣніе, принадлежащее Вутке, о прямомъ происхожденіи этой азбуки у вавилонскихъ семитовъ изъ клинообразнаго писма не имѣетъ теперь сторонниковъ и защитниковъ. Шампольонъ обратилъ вниманіе на сходство семитическаго писма съ египетскими гіероглифами. Какъ всякій составной элементъ языка, съ теченіемъ времени полу-

чившій совершенно формальное значеніе, смыслъ котораго раскрывается намъ только съ помощью глубокаго изученія исторіи языковъ, первоначально имѣлъ свое самостоятельное значеніе, точно также и всякій писменый знакъ первоначально былъ образомъ, фигурой, изображавшей извѣстное понятіе на письмѣ. По изслѣдованіямъ Ружѐ, финикійцы выбрали изъ разныхъ формъ египетской скорописи нѣсколько знаковъ, отвѣчавшихъ основнымъ звукамъ ихъ живой рѣчи. Финикійская азбука состоитъ изъ двадцати-двухъ буквъ, изъ которыхъ пятнадцать настолько сохранили свою первоначальную форму, что въ нихъ легко узнать сразу египетскій образецъ, а остальныя семь съ вѣроятностью могутъ быть подведены подъ типъ гіератическаго писма. Азбука эта, сначала употреблявшаяся въ Ханаанской землѣ, подверглась мѣстнымъ видоизмѣненіямъ и стала азбукой арамейскою, пальмирской и еврейской. Перенесенная изъ Сидона и Тира въ страны, съ которыми они имѣли торговыя сношенія, она была зерномъ, изъ котораго развились всѣ азбуки въ мірѣ, отъ Индіи и Монголіи до Галліи и Испаніи. Сами греки знали о финикійскомъ происхожденіи своей азбуки. Ихъ миѳическія преданія приписывали Кадму, Орфею, Лину, Музею или Паламеду первое распространеніе писма въ Европѣ. Права Паламеда на эту заслугу казались грекамъ до того несомнѣнными, что была сдѣлана попытка примирить эти права со славой, приписываемой Кадму. Греки нашли возможнымъ заключить, что Кадмъ перенесъ въ Грецію азбуку изъ шестнадцати или восемнадцати буквъ, которая потомъ была дополнена Паламедомъ. Но это были только одни гаданія. Такъ называемая Кадмова азбука состояла изъ двадцати-двухъ буквъ азбуки финикійской, болѣе или менѣе примѣненной, къ греческой рѣчи. Такимъ образомъ образовалась азбука, сохранившаяся доселѣ въ архаическихъ надписяхъ Ѳеры. Въ древнѣйшихъ текстахъ, греки писали этою азбукой отъ правой руки къ лѣвой, какъ и финикійцы; потомъ вошло въ употребленіе давать строкамъ направленіе, огибающее фигуры, которыми украшены памятники. Это направленіе напоминало древнимъ грекамъ движеніе быка, запряженнаго въ плугъ, поворачиваемый земледѣльцемъ въ противоположную сторону, чтобы провести вторую борозду, рядомъ съ первой; они дали этому направленію оставшееся за нимъ и послѣ названіе *бустрофедонъ*. Впослѣдствіи оно было замѣнено параллельными прямыми строками, изъ которыхъ первая писалась отъ правой руки къ лѣвой, вторая отъ лѣвой къ правой, третья опять отъ правой къ лѣвой и т. д. Бустрофедонъ былъ переходною формой между семитическими системами, гдѣ строки читаются отъ правой руки къ лѣвой, и системой европейской, въ которой всѣ строки читаются въ противоположномъ на-

правленіи. Кадмова азбука держалась въ Греціи до пятаго вѣка. Во второмъ году 96-й олимпіады (403 г. до Р. Х.), аѳиняне приняли такъ-называемую іонійскую азбуку, основанннную тоже на кадмовой, но значительно измѣненную и состоявшую изъ двадцати-четырехъ буквъ. Примѣру ихъ вскорѣ послѣдовала вся Греція.

Изъ Греціи кадмова азбука распространилась по всѣмъ сосѣднимъ странамъ, и перешла въ Италію. Еслибъ итальянскіе народы заимствовали свое письмо прямо у финикійцевъ, то въ этрусской азбукѣ не было бы буквъ не-финикійскаго происхожденія. И этруски, какъ полагалъ Тацитъ, и другіе народы Италіи получили свое писмо изъ Греціи. Занесенная въ Италію греческими колонистами Сициліи и Кампаніи, кадмова азбука подверглась видоизмѣненію у этрусковъ и латинцевъ. Латинская азбука состояла первоначально изъ двадцати-одной буквы и оканчивалась буквою x, которую Квинталіанъ называетъ «ultima nostrarum», т.-е. «послѣднею изъ нашихъ первоначальныхъ буквъ». Она впослѣдствіи была дополнена буквами y и z, и стала прототипомъ, по которому сложились, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, употребляемыя нынѣ азбуки народовъ семитическаго и арійскаго племени. Великое преимущество этого писма, которое много способствовало ихъ умственному росту, заключается въ немногочисленности писменыхъ знаковъ, легко доступныхъ изученію и крайне удобныхъ для чтенія. Азбучное писмо имѣетъ для каждаго звука одинъ только знакъ, тогда какъ гіероглифическое письмо, даже при фонетическомъ его уппотребленіи, требуетъ выбора между многими фигурами. Безъ сокращенія числа фонетическихъ гіероглифовъ до возможнаго minimum'а, наша азбука состояла бы изъ сотенъ буквъ, вмѣсто двухъ съ половиною десятковъ ихъ; именно это сокращеніе и было тѣмъ, что̀ представляется намъ изобрѣтеніемъ азбуки.

Древнѣйшій изъ сохранившихся памятниковъ азбучнаго писма относится къ одиннадцатому вѣку до христіанской эры. Онъ купленъ въ 1855 году герцогомъ Люинемъ и подаренъ парижскому Лувру. Это — надпись на гробѣ царя Апманоцара, найденная близь финикійскаго Сидона. Общій характеръ этой надписи заставляетъ предполагать, что изображаемые ею знаки были не первоначальными, а уже упрощенными знаками, и свидѣтельствуетъ о глубокой древности финикійской азбуки, а употребленные въ ней знаки — о своемъ прямомъ происхожденіи изъ египетскихъ писменыхъ знаковъ, которымъ финикійцы придали болѣе угловатое очертаніе. По мнѣнію Ленормана, это послѣднее обстоятельство объясняется различіемъ самыхъ орудій писма у египтянъ и финикійцевъ, которое всегда оказывало сильное вліяніе на формы писма при заимствованіи его однимъ народомъ у другого. Египтяне писали свои гіерати-

ческіе знаки палочкой или кистью на приготовленныхъ для того листахъ папируса. Мы не знаемъ, чѣмъ и на чемъ писали обыкновенно финикійцы; но, судя по угловатымъ формамъ ихъ буквъ, они, вѣроятно, писали первоначально остроконечнымъ орудіемъ на деревянныхъ дощечкахъ или на древесной корѣ.

Семиты-хананеи заимствовали у египтянъ не только основанія фонетической азбуки, но и очертаніе и звуковое значеніе буквъ, придавъ имъ свои финикійскія названія, т.-е. обозначивъ ихъ финикійскими словами, начинавшимися съ буквы, изображаемой заимствованнымъ знакомъ. Высказывая это послѣднее предположеніе, Ленорманъ подтверждаетъ его примѣромъ германскихъ и скандинавскихъ рунъ. Эти буквы, очертаніе и звуковое значеніе которыхъ заимствованы изъ финикійской азбуки, получили тѣмъ не менѣе германскія и скандиновскія названія. Тоже явленіе повторилось у славянъ съ церковно-славянскимъ фонетическимъ письмомъ (азъ, буки и пр.) и въ Ирландіи, когда христіанскіе миссіонеры занесли туда латинское писмо.

Сравнительное изученіе отжившихъ и существующихъ азбукъ даетъ возможность подвести ихъ, по степени родства съ общимъ первоначальнымъ ихъ прототипомъ, подъ нѣсколько отраслей, какъ это сдѣлано съ растеніями и животными въ ботаникѣ и зоологіи. Великое и плодовторное изобрѣтеніе финикійцевъ почти одновременно распространилось въ пяти различныхъ направленіяхъ и породило пять отраслей фонетической азбуки: семитическую; центральную, которая обнимаетъ Грецію, Малую Азію и Италію; западную или испанскую; сѣверную, обнимающую руны германскихъ и скандиновскихъ народовъ, и индійскую. Наша древнѣйшая церковно-славянская азбука перешла къ намъ изъ Греціи, вмѣстѣ съ христіанствомъ. Съ христіанствомъ же получили другіе славяне свои нынѣшнія латинскія азбуки. До тѣхъ поръ славяне писали «чертами» и «рѣзами», употребляя неизвѣстные намъ знаки.

Внѣ этихъ отраслей и семействъ стоитъ только персидская клинообразная азбука. Полагаютъ, что она сложилась изъ соединенія финикійскихъ знаковъ, значительно видоизмѣненныхъ употребленіемъ клинообразнаго писма, съ ассирійскимъ слоговымъ писмомъ, превращеннымъ въ чисто-азбучное.

Въ настоящее время, на всемъ западномъ полушаріи господтвуютъ три способа писма: китайско-японскій, при которомъ знаки пишутся сверху внизъ, а строки отъ правой руки къ лѣвой; семитическій, располагающій буквы отъ правой руки къ лѣвой, а строки одну подъ другою, и индо-европейскій, располагающій буквы отъ правой руки къ лѣвой, а строки точно такъ же, какъ и способъ семитическій. По мнѣнію физіологовъ, отъ физіологическихъ причинъ зависитъ только общая привычка писать правой рукой, соотвѣтствую-

щей лѣвому мозговому полушарію, которымъ мы говоримъ; напротивъ, самые способы писма зависятъ не отъ строенія мозга, а отъ причинъ и условій болѣе или менѣе случайныхъ, и переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію по привычкѣ и наслѣдству. И въ Азіи, и въ Европѣ, и въ Америкѣ, древніе прежде всего вырѣзывали свои подписи на камнѣ. Такими надписями испещрялись стѣны храмовъ, дворцовъ и другихъ общественныхъ зданій и сооруженій. Рядомъ съ камнемъ, нашу бумагу замѣняли у туземцевъ Америки буйволовая и оленья кожи, береста и деревянныя доски. Китайцы сначала писали рѣзцомъ на камнѣ, на тростникѣ, пальмовыхъ листахъ, древесной корѣ, деревянныхъ и металлическихъ доскахъ и тканяхъ. Ткань покрывалась, по бо́льшей части, красною краской, и на ней чертили писменые знаки. На ткани уже нельзя было выцарапывать знаки, и они писались на ней цвѣтною жидкостью, при помощи заостренной деревянной или бамбуковой палочки. Въ Египтѣ, гдѣ, по выраженію Вутке, древнѣйшею книгой былъ храмъ, и древнѣйшимъ писцомъ — жрецъ, писмо должно было начаться съ начертанія священныхъ предметовъ на камнѣ при помощи рѣзца. На нѣкоторыхъ надписяхъ глубина вырѣзанныхъ знаковъ доходитъ до половины фута. Для письма употреблялось также и дерево, на которомъ іероглифы или вырѣзывались, или чертились цвѣтною краской. Египтяне приписывали писму такое великое значеніе, что писали на всемъ, на чемъ только возможно было писать: на обожженной землѣ, на кирпичѣ, на сосудахъ, на палкахъ, на стеклѣ. Писецъ былъ рѣзчикомъ; онъ работалъ рѣзцомъ при помощи молота. Нашу бумагу замѣняли также кожа и ткани, которыя предварительно покрывались гладкимъ слоемъ древеснаго клея. Потребность въ писмѣ развилась такъ сильно, что подъ ея вліяніемъ была изобрѣтена, около двухъ тысячъ лѣтъ до нашей эры, настоящая бумага.

На берегахъ Нила, въ большихъ болотахъ, образуемыхъ ежегоднымъ разливомъ рѣки, родится тростниковое растеніе, достигающее вышины человѣческаго роста. Египтяне употребляли нѣкоторыя части его въ пищу, какъ овощь, въ сыромъ и вареномъ видѣ, дѣлали изъ него веревки, сѣти, покрывала, и стали дѣлать бумагу изъ корообразной оболочки его корня и внутренности его стебля. Кусты этого растенія назывались papyrus: отсюда, съ перемѣной *п* въ *б* и *р* въ *л*, чреческое βίβλος бумага, книга, и названіе бумаги на многихъ новыхъ языкахъ, сходное съ французскимъ papier. Лучшіе сорты папируса, на которомъ писали египтяне, были свѣтло-желтаго, другіе—темнаго цвѣта. Иногда исписывались обѣ стороны листа, но большею частью только та сторона, которой волокна имѣли горизонтальное, а не вертикальное направленіе. Папирусъ нельзя было складывать, какъ мы скла-

дываемъ бумагу, потому что онъ ломался. Оттого листы папирусы обыкновенно свертывались въ трубку. Прочность этой бумаги, трудно поддающейся порчѣ, изумительна, особенно въ сухомъ климатѣ Египта. Жидкость, обыкновенно употреблявшаяся для писма на папирусѣ, была чернаго цвѣта, и дѣлалась изъ тонко - растертаго угля и древеснаго клея, съ примѣсью воды. Твердый составъ изъ угля и клея растворялся въ водѣ для писма. Чернила приготовлялись также изъ папируснаго кустарника, котораго кора давала отличную черную краску. Для краснаго и желтаго писма египтяне употребляли окись свинца и охру. Изъ того же кустарника дѣлались и палочки для письма. Его заостренные стебли вбирали краску своими передними волокнами, походя такимъ образомъ на кисти. Употреблялись также и палочки съ надрѣзами, похожія на наши перья, и кисти изъ волосъ. На папирусѣ писали сначала колонообразно, начиная съ правой руки. Но скоропись, на распространеніе которой новая бумага, папирусъ, имѣла большое вліяніе, заставила потомъ отступить отъ этого писма и писать горизонтально.

Въ песчаной и болотистой Халдеѣ или Вавилоніи, на нижнемъ Эвфратѣ и Тигрѣ, не было своего камня, и камень, на которомъ чертилось клинообразное писмо, составлялся тамъ искусственно изъ земли и жирной глины, которыя при высокой температурѣ обращались въ твердую массу. Высушенная на солнцѣ глина и кирпичъ замѣняли тамъ бумагу. Такъ было и въ Ассиріи. На мягкой глинѣ легко писалось палочкой и, кажется, писцы начинали именно съ этой операціи, а потомъ сушили глину въ высокой температурѣ. Впослѣдствіи вавилоняне стали вырѣзывать свои писмена на деревѣ, которое они опускали потомъ въ мокрую глину. То была своего рода печать. Вавилоняне сильно берегли свой писменый матеріалъ, и глиняная ихъ бумага исписывалась обыкновенно съ обѣихъ сторонъ такъ мелко и сжато, что нужно увеличительное стекло, чтобы хорошо разобрать написанное.

Теперь уже никто не употребляетъ ни гіероглифовъ, ни клинообразнаго писма. Благодаря финикійцамъ и грекамъ, человѣчество издавна пользуется самымъ простымъ, легкимъ и скорымъ средствомъ передавать другимъ наши мысли и чувства—звуковою азбукой. Но она не одинакова у разныхъ народовъ, и очеркъ нашъ былъ бы не полонъ, еслибъ мы не упомянули о попыткахъ усовершенствовать и упростить наше нынѣшнее писмо. Попытки эти еще не увѣнчались успѣхомъ, но онѣ, тѣмъ не менѣе, заслуживаютъ серьознаго вниманія. Цѣль ихъ — свести звуки человѣческой рѣчи вообще, а не одного какого-нибудь языка, къ немногимъ основнымъ элементамъ и создать, на основаніяхъ чисто-физіологическихъ, общее для всѣхъ или по-крайней-мѣрѣ

для многихъ народовъ фонетическое письмо, вмѣсто существующихъ азбукъ, пригодныхъ каждая для одного только народа въ отдѣльности. Извѣстно, что на каждомъ отдѣльномъ языкѣ слова часто произносятся совсѣмъ не такъ, какъ они пишутся. Кто изучаетъ языки по книгамъ, тотъ изучаетъ ихъ по писменымъ знакамъ, и если эти знаки не передаютъ произношенія, то изученіе языка не приводитъ къ знанію живой рѣчи. Искомое звуковое писмо обыкновенно называютъ фонетической транскрипціей, разумѣя подъ нею такое писмо, которое изображало бы каждый звукъ рѣчи, а не каждую букву, и могло бы замѣнить наши условныя, не лишенныя пробѣловъ азбуки и нынѣшнее ихъ употребленіе—азбукой полной, каждый знакъ которой имѣлъ бы повсюду одно и тоже значеніе. Сдѣланныя въ этомъ направленіи попытки показали, что подобная задача не представляетъ непреодолимыхъ затрудненій; пока она распространяется только на языки индо-европейскіе, семитическіе и туранскіе. Лепсіусъ, Максъ Мюллеръ и другіе ученые предложили свои способы разрѣшенія этой трудной задачи, но она не можетъ быть рѣшена удовлетворительно во всемъ своемъ объемѣ безъ дѣятельной помощи натуралистовъ-физіологовъ, въ виду множества разнообразныхъ оттѣнковъ, представляемыхъ произношеніемъ очень близкихъ, даже одинаковыхъ звуковъ живой рѣчи разными народами.

Что касается общаго звукового писма для языковъ, сейчасъ нами названныхъ, то при исполненіи этой задачи изслѣдователямъ представились два пути, или два вопроса: слѣдуетъ ли держаться существующей условной системы писма и только пополнить ея пробѣлы, или надо создать совсѣмъ новую систему писменыхъ знаковъ? Первый путь считался прежде наилучшимъ. Полагали, что всякому будетъ легче найтись въ системѣ хорошо знакомой и привычной, чѣмъ въ совершенно новой, что изобрѣтеніе совершенно новаго писма—дѣло слишкомъ трудное, да и мало обѣщающее увѣнчаться практическимъ успѣхомъ, т.-е. общимъ признаніемъ. Въ пятидесятыхъ годахъ профессоръ физіологіи при вѣнскомъ университетѣ, Брюкке, показалъ ошибочность этого мнѣнія. Если изобрѣтеніе новаго писма вообще нужно или полезно, говоритъ онъ, то нельзя останавливаться передъ трудностью дѣла. Сравнительно бо̀льшая легкость усвоенія знакомыхъ знаковъ, пожалуй, несомнѣнна, но съ привычными и укоренившимися писмеными знаками обыкновенно бываютъ связаны болѣе или менѣе крупныя ошибки произношенія, зависящія отъ звуковаго смысла знаковъ на родномъ языкѣ, и которыя могутъ быть устранены только знаками, основанными единственно на физіологическихъ данныхъ. И какъ опредѣлить разъ навсегда звуки, напр., латинской азбуки, чтобы достигнуть соглашенія между филологами разныхъ націй, какъ скоро каж-

дый изъ нихъ будетъ требовать возможной близости писма къ его родному языку? Несогласныя между собою предложенія, сдѣланныя съ этою цѣлью до сихъ поръ, достаточно убѣждаютъ въ томъ, какъ далеки филологи до соглашенія въ этомъ дѣлѣ. Нельзя поэтому связывать себѣ руки окаменѣлыми формами стародавнихъ азбукъ, желая усовершенствовать письмо. Плоды прежняго писма общеизвѣстны. Европейцы, выучивавшіеся по книгамъ бѣгло и правильно писать по-англійски, въ самой Англіи не могутъ быть поняты никѣмъ, потому что произносятъ англійскія слова какъ свои родныя. Внѣшній видъ знаковъ безразличенъ для каждаго, какъ скоро они удобны и общепонятны. Пока не была создана десятичная система мѣръ и вѣса, до тѣхъ поръ нельзя было и думать о соглашеніи между народами въ этомъ дѣлѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ она изобрѣтена и примѣнена, національныя симпатіи и антипатіи уже не мѣшаютъ ей мало-по-малу распространяться повсюду.

Многіе англійскіе филологи, особенно Питменъ и Эллисъ, за тѣмъ Максъ Мюллеръ, Лепсіусъ, Чермакъ, Брюкке и другіе трудились надъ вопросомъ объ усовершенствованіи нашей нынѣшней системы писма, проектируя для этого новыя общія азбуки, изъ которыхъ иныя даже вошли въ употребленіе у миссіонеровъ. Но предложенныя системы все-таки не привели къ желанному практическому результату. Разнообразіе способовъ произношенія не подходило подъ созданную систему знаковъ и порождало несогласное ихъ примѣненіе. Задача, очевидно, была неразрѣшима безъ помощи естествознанія, въ особенности физіологіи. А физіологическая сторона ея исчерпана только въ недавнее время извѣстнымъ физіологомъ Гельмгольцемъ. Его классическое сочиненіе о звуковыхъ ощущеніяхъ, содержащее самыя обстоятельныя и тонкія изслѣдованія въ изящной и популярной формѣ, дало знатокамъ сравнительнаго языкознанія драгоцѣнныя данныя для разрѣшенія задачи о всеобщемъ фонетическомъ писмѣ. Лингвисты-идеалисты уже ссылаются теперь на изслѣдованія Гельмгольца, какъ на коренную основу дальнѣйшихъ работъ по вопросу о фонетическомъ писмѣ. Одинъ изъ нихъ, Максъ Мюллеръ, во второй серіи своихъ лекцій, съ свойственнымъ ему талантомъ и ясностью излагаетъ результаты этихъ изслѣдованій и благодаритъ англійскихъ натуралистовъ, которые помогли ему въ этомъ дѣлѣ и безъ содѣйствія которыхъ ему пришлось бы употребить много времени на преодолѣніе представляющихся филологу затрудненій.

Начало разрѣшенію трудной задачи уже положено. Остается ожидать новыхъ дружныхъ работъ естествознанія и сравнительной филологіи въ томъ же направленіи.

ОБЩІЕ ЗАКОНЫ ИСТОРИЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ ЛИТЕРАТУРЪ.

Литература: W. Wackernagel. Poetik, Rhetorik und Stilistik. Academische Vorlesungen. Halle. 1873.

R. Gottschall. Poetik. Die Dichtkunst und ihre Technik. Breslau. 1873.

Fr. Linnig. Vorschule der Poetik und Literaturgeschichte. Paderborn. 1878.

M. Carriere. Die Kunst im Zusammenhange der Culturentwickelung und die ideale der Menschheit. Leipzig. 1863—66. (Сочиненіе это, въ русскомъ переводѣ Е. Ѳ. Корша, издано г. Солдатенковымъ въ 1870—75 гг., въ пяти томахъ, подъ заглавіемъ: „Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества").

I. L. Klein. Geschichte des Dramas. I. Enleitung. Leipzig. 1865.

Erwin Kohde. Der griechische Roman und seine Vorlaüfer. Leipzig. 1876.

Поэзія старше прозы. — Эпическія пѣсни, какъ первоначальная поэзія въ литературномъ смыслѣ. — Миѳъ и сказка. — Животный эпосъ и басня. — Большая народная эпопея. — Эпосъ, какъ первообразъ другихъ, позднѣйшихъ формъ литературнаго творчества. — Эпосъ и лирика. — Эпосъ и драма. — Романъ, какъ эпосъ въ прозѣ. — Эпосъ и историческое повѣствованіе.

Три способности принимаютъ дѣятельное участіе въ актѣ литературнаго творчества: воображеніе, чувство и умъ. Въ первыя времена литературной исторіи, фантазія всегда преобладаетъ надъ другими психическими способностями человѣка. Никогда и нигдѣ умственная жизнь народа не начиналась съ отвлеченныхъ понятій и теоретическаго мышленія. Народъ всегда и вездѣ сначала облекаетъ свое міровоззрѣніе въ образы боговъ и героевъ, въ повѣствованія объ ихъ подвигахъ и приключеніяхъ, слагая миѳы и легенды, или сказанія. Народные герои этихъ первобытныхъ временъ являются посредствую-

щимъ звеномъ, связующимъ народъ съ его богами. Народъ олицетворяетъ въ нихъ преобладающія стороны своего національнаго характера, дѣлаетъ ихъ носителями своей еще младенческой мысли и своего чувства, своихъ радостей и своего горя. Мы передали въ общихъ чертахъ, какъ совершилось послѣдовательное развитіе человѣческой рѣчи и писменаго ея изображенія. Мы изложимъ теперь, въ главныхъ только очертаніяхъ, послѣдовательное развитіе литературъ, насколько оно изслѣдовано путемъ сравнительнаго метода.

Мы знаемъ, напримѣръ, что вездѣ поэзія была старше прозы, поэтическое творчество старше теоретическаго. Человѣкъ началъ жить воображеніемъ и чувствомъ. Онъ не столько понималъ, сколько ощущалъ и чувствовалъ природу, сколько воображалъ о ней. Литературы всѣхъ народовъ начались съ поэзіи; проза развилась позднѣе, по мѣрѣ того, какъ вырабатывалась теоретическая мысль, провѣряя и разлагая первоначальную работу воображенія, давнія преданія, общепринятыя вѣрованія и укоренившіяся представленія и понятія. Ритмическая, пѣвучая форма облегчала народу заучиваніе извѣстныхъ основныхъ положеній, въ которыхъ выражалась сущность его первобытныхъ вѣрованій, понятій и законовъ. И въ наше время еще живутъ народы, напр. сербы и литовцы, которыхъ поэзія несравненно богаче прозы, у которыхъ, можно сказать, проза едва народилась. Сильное развитіе воображенія и чувства на счетъ отвлеченной мысли вполнѣ объясняетъ это всеобъемлющее значеніе поэзіи на зарѣ народныхъ литературъ. Отсюда народное убѣжденіе, господствовавшее и на Востокѣ, и въ Греціи, у финновъ, скандинавовъ, германцевъ, что происхожденіе поэзіи и музыки совпадаетъ съ происхожденіемъ міра, что она внушена людямъ самими богами. Въ гомерическое время, поэзія и музыка были уже такъ тѣсно связаны между собою, что поэтъ былъ въ тоже время и пѣвцомъ. У Гомера они имѣютъ даже одно общее названіе: сочинять и пѣть, стихотвореніе и пѣсня, поэтъ и пѣвецъ носятъ одни и тѣ же названія: ἀείδειν, ἀοιδή, ἀοιδός. Впослѣдствіи, когда поэзія и музыка уже стали различаться, эти выраженія употреблялись лишь о пѣніи, и только слово: ᾠδή—ода, еще значило *пѣснь* въ смыслѣ особаго вида лирической поэзіи; для поэтическаго творчества были созданы иныя выраженія: ποιέω, ποιητής, ποίημα, ποίησις, отъ которыхъ произошли наши слова: *поэтъ, поэма, поэзія*. Эти выраженія были рано усвоены римлянами, у которыхъ, впрочемъ, рядомъ съ ними держались и свои выраженія: canere—пѣть, carmen—стихъ, vates—поэтъ. У древнихъ германцевъ актъ поэтическаго творчества выражается словами: singen und sagen, пѣть и сказывать. Эта связь пѣнія съ словомъ была у нихъ такъ неразрывна, что, по представленію древне-саксонскаго эпоса

«Спаситель», евангелисты сказывали и пѣли свои повѣствованія. Впослѣдствіи, когда и германцы стали отличать музыку отъ поэзіи, къ послѣдней, предназначенной только для чтенія, примѣнялось уже только выраженіе sagen, а слово singen—къ поэзіи, сопровождаемой пѣніемъ. Стихотвореніе, сопровождавшееся пѣніемъ, получило названіе sanc или liet (строфа), а назначенное только для чтенія — buoch (книга). Слово *бардъ* не было древнѣйшимъ народнымъ выраженіемъ для понятія: *поэтъ;* барды первоначально были только у галловъ (bardi — щитъ, бардъ — боевой пѣвецъ). Древнѣйшимъ германскимъ именемъ поэта было слово scof, отъ schaffen, творить, какъ ποιητής отъ ποιέω. У древнихъ скандинавовъ называли его skâld, отъ schelten, бранить, по сатирическому характеру поэзіи. Употребительныя нынѣ нѣмецкія слова: dichten, Dichter, Gedicht, въ древне-нѣмецкомъ Tihten, tihtaere, gethte, происходятъ отъ латинскаго dictare, dicere, а слово: dictare въ средневѣковой латыни значило писать, записывать, и употреблялось только въ примѣненіи къ написаннымъ произведеніямъ.

И такъ, поэзія древнѣе прозы. Творчество человѣка въ области слова началось съ эпоса. Какъ ни близки человѣку собственныя впечатлѣнія и чувства, онъ началъ жить не личною жизнію. Въ одиночествѣ онъ безсиленъ совладать и съ окружающею природой, и съ враждебными ему вліяніями жизни. Онъ терялся въ родѣ, въ племени, въ цѣломъ народѣ. Прежде чѣмъ осѣсть на одномъ мѣстѣ и создать себѣ необходимыя условія національнаго существованія, онъ долженъ былъ кочевать и бороться, и притомъ не въ одиночествѣ, а въ массахъ. Столкновенія между цѣлыми народными массами составляли всегда содержаніе первоначальныхъ созданій народнаго творчества. Таково содержаніе гомерическихъ поэмъ, индійской «Магабгараты», и другихъ памятниковъ древнѣйшей народной поэзіи. У народовъ, конечно, могли быть болѣе или менѣе распространены сначала краткія ритмическія изреченія и молитвы, но они намъ неизвѣстны, а еслибъ и были извѣстны, то имѣли бы для насъ больше археологическій, чѣмъ литературный интересъ. Эпосъ, какъ область творчества, въ которой сильно преобладаетъ воображеніе, вполнѣ отвѣчалъ умственному уровню и духовнымъ потребностямъ народовъ, съ ихъ первобытно-цѣльнымъ міровоззрѣніемъ, еще нетронутымъ теоретическою мыслію, еще не дававшимъ лицу возможности выдѣляться изъ общаго строя, изъ массы, которая была все. Оттого въ эпосѣ личность автора обыкновенно теряется въ народной массѣ, которая какъ бы сама создаетъ свои эпическія сказанія. Отсюда и народно-бытовой характеръ эпоса, отсюда и строго объективный характеръ его повѣствованій. Въ первобытной средѣ отдѣльное лицо еще

могло быть воспріимчиво къ чисто-личнымъ впечатлѣніямъ. Разлитое по всему міровоззрѣнію и быту народа религіозное чувство эпическихъ временъ, сильная вѣра въ чудесное, въ непрерывное вмѣшательство божества во всѣ событія общественной и частной жизни, религіозно-нравственная окраска всего народнаго прошлаго и настоящаго, всей исторіи народа — вотъ преобладающія черты эпоса, этого народнаго сказанія, этой былины, облеченныхъ въ поэтическую форму. Сказаніями начинается исторія всѣхъ народовъ, и народный эпосъ всегда получаетъ изъ нихъ свое содержаніе. Въ этомъ смыслѣ сказанія могутъ быть названы поэтическими начатками народной исторіографіи. Все религіозное и чудесное такъ сильно отвѣчаетъ тогда настроенію человѣка, что примѣшивается имъ и въ сказанія о событіяхъ недавнихъ или современныхъ. Фантазія, настроенная въ смыслѣ несвойственной намъ теперь склонности къ сверхъестественному и чудесному, создаетъ и миѳы о богахъ, и сказанія о народномъ прошломъ. Олицетворяя силы природы въ прекрасныхъ человѣческихъ образахъ, населяя Олимпъ идеальными людьми, первобытный грекъ ежеминутно ставилъ свою судьбу въ зависимость отъ ихъ воли и могущества. Поэзія всегда была и будетъ созерцаніемъ идеально-прекраснаго въ реальныхъ формахъ дѣйствительности, а дѣйствительность эпическихъ временъ была такою, какою представлялась она уму и фантазіи первобытнаго человѣка. Сказанія о богахъ до того перевиты въ эпосѣ съ сказаніями о герояхъ, что отдѣлить въ немъ эти его двѣ стихіи совершенно невозможно. Боги низводятся фантазіей на степень героевъ, герои возвышаются на степень боговъ, и возникаютъ цѣлыя космогоніи и теогоніи, сказанія о началѣ міра, боговъ и людей въ связи съ народной исторіей.

Всякій народъ начинаетъ свою исторію съ религіознаго миѳа въ повѣствовательной формѣ; на основаніи миѳа слагаются сказанія; исторія въ критическомъ смыслѣ является тогда, когда на смѣну фантазіи, ея ббразовъ и представленій пробивается критическая мысль, обращенная къ изслѣдованію явленій жизни. Отъ миѳическихъ и героическихъ сказаній остается тогда въ народной жизни только сказка. Изъ миѳовъ, говоритъ Вакернагель, улетучивается тогда все національное, все то, чтò дѣлало ихъ миѳами именно такого-то народа; они сохраняютъ только черты общечеловѣческія. Такая переработка миѳовъ служитъ для старой миѳологіи самымъ лучшимъ средствомъ упрочить себѣ дальнѣйшее существованіе. Связанная прежде съ народною религіей, она должна была пасть передъ новыми, извнѣ пришедшими вѣрованіями; утративъ свой національный характеръ, сдѣлавшись общечеловѣческою, она подвергалась меньшей опасности: новая вѣра была также человѣческая, и съ нею можно было, если не сродниться,

то по крайней мѣрѣ ужиться въ новой формѣ, добиться отъ нея терпимости. Таково происхожденіе всѣхъ сказокъ. Пока греки и римляне еще имѣли свои національныя сказанія, тѣсно связанныя съ греческими и римскими миѳами, пока они вѣрили этимъ сказаніямъ, у нихъ едва-ли были еще и сказки; впослѣдствіи, когда къ нимъ проникли другія языческія вѣрованія и, наконецъ, христіанство, ихъ миѳы превратились въ сказки. Точно также и у германскихъ народовъ сказки явились съ того времени, какъ они приняли христіанство. Имена прежнихъ боговъ исчезли, какъ и все, что̀ было исключительно германскаго въ ихъ миѳологіи; но все общечеловѣческое, все, что̀ выражало общія людямъ вѣрованія и суевѣрія, — все это живетъ и по-нынѣ рядомъ съ христіанствомъ въ народной и дѣтской сказкѣ Германіи. Мы едва-ли ошибемся, если припишемъ и русской сказкѣ такое же происхожденіе. Какъ и всякая другая, не-русская, сказка, она не только лишена національно-исторической основы, но и самаго отдаленнаго отношенія къ народной исторіи. То, о чемъ повѣствуетъ сказка, не отнесено, хотя бы произвольно, ни къ какому опредѣленному времени, ни къ какой опредѣленной мѣстности. Дѣйствующія въ ней лица и тѣ мѣста; гдѣ они дѣйствуютъ, обыкновенно не названы вовсе, а если и названы, то безъ всякаго историческаго основанія; лица носятъ общеупотребительныя, обычныя имена множества людей, или имена несуществующія вовсе. Оттого и самое содержаніе сказки часто бываетъ такъ сходно у разныхъ народовъ.

Кромѣ миѳа, былины и сказки, первоначальное эпическое міровоззрѣніе и настроеніе человѣка выразилось еще и въ такъ-называемомъ «животномъ эпосѣ». Первобытный человѣкъ относился къ міру животныхъ съ религіозно-поэтической точки зрѣнія. Миѳы и былины много разсказывали ему о добровольныхъ и невольныхъ превращеніяхъ боговъ и людей въ образы животныхъ, и самая вѣра въ переселеніе душъ не могла не ставить первобытнаго человѣка въ особенное, таинственное отношеніе къ животному. Животныя внушали ему чувство, близкое къ страху, какъ нѣчто загадочное и таинственное; чувство это рано должно было изгладиться по отношенію къ прирученнымъ домашнимъ животнымъ; но сильные и хитрые звѣри лѣсовъ, да непосѣдныя птицы долго внушали его народу. Имъ приписывали нѣчто высшее, чѣмъ животныя свойства; въ нихъ видѣли павшихъ людей, или существа столько же разумныя, какъ и человѣкъ, но языкъ которыхъ человѣку не понятенъ, или которыя сами не хотятъ входить въ общеніе съ ненавистнымъ человѣкомъ. Эзоповы басни, этотъ нравоучительный отпрыскъ древнѣйшаго «животнаго эпоса», часто начинаются словами: «въ то время, когда животныя

еще говорили». Первобытная фантазія очеловѣчивала не только боговъ, но и животныхъ. Все представлялось ей эпически оживленнымъ; приписывая боевые подвиги и любовныя похожденія своимъ богамъ, человѣкъ приписывалъ ихъ и животнымъ, давая имъ не видовыя названія волка, лисицы или медвѣдя, а собственныя имена Изенгрима, Рейнгарда, Брауна или Мишки. Не заключая въ себѣ никакой исторической и очень мало національной примѣси, животный эпосъ очень походилъ на сказку, и легко перешелъ въ нравоучительную басню общаго содержанія.

Эпическій періодъ въ литературной жизни народовъ еще не знаетъ писма, по крайней мѣрѣ еще не ощущаетъ потребности широко примѣнять его. Такъ было у грековъ, современниковъ Гомера, у галловъ временъ Цезаря, у германцевъ временъ Тацита и у древнихъ славянъ. Эпическія пѣсни передавались устно, сопровождаемыя пѣніемъ и игрою на струнномъ инструментѣ, а иногда и пляской. Въ виду общей народной потребности въ этомъ высшемъ украшеніи будничной жизни, мало-по-малу слагался у каждаго народа особый классъ людей, добывавшихъ свой хлѣбъ болѣе или менѣе искуснымъ исполненіемъ эпическихъ пѣсенъ и странствовавшихъ для этой цѣли. Пѣвцы исполняли нѣсни, переходившія изъ рода въ родъ, по преданію; они же слагали новыя или передѣлывали старыя. У славянъ кое-гдѣ сохранились онн и доселѣ; у галловъ они назывались бардами, Гомеръ называетъ ихъ ἀοιδοί, Гезіодъ — κιζαρισταί, по игрѣ ихъ на струнномъ инструментѣ; нерѣдко это были слѣпые.

Поэтому эпическій разсказъ не могъ быть длиненъ, не могъ превышать ни физическихъ силъ пѣвца, ни вниманія слушателей. Обстоятельство это очень важно въ вопросѣ о происхожденіи крупныхъ памятниковъ эпическаго творчества, напр. «Иліады», «Одиссеи», «Нибелунговъ». Эпическія пѣсни славянъ, новыхъ грековъ, которыхъ поэзія и теперь еще не совсѣмъ изжила свое эпическое прошлое, такъ не велики, что каждая изъ нихъ легко можетъ быть исполнена пѣвцомъ, прослушана и понята слушателями. Отдѣльныя пѣсни, изъ которыхъ сложилась «Нибелунги», были коротки; пѣснь объ Аресѣ и Афродитѣ, вложенная Гомеромъ въ уста Демодока, въ «Одиссеѣ», содержитъ не больше ста стиховъ. Также необходима была метрическая форма для устной передачи эпическихъ пѣсенъ, и притомъ простѣйшая, наиболѣе удобная для эпическаго повѣтствованія. Такія формы естественно выработывались у разныхъ народовъ въ эпическое время ихъ литературы. Таковъ шестнадцати-слоговой стихъ древне-индійскаго эпоса, вактра; таковы греческій гекзаметръ и сатурнинскій стихъ римлянъ; таковы стихи германской, романской и славянской эпической поэзіи.

Съ теченіемъ времени, требованія, предъявляемыя слушателями къ эпической пѣснѣ, ростутъ; ихъ вкусъ утончается; они относятся строже къ содержанію эпическихъ пѣсенъ, ищутъ въ нихъ бо́льшей полноты и бо́льшаго разнообразія. Этой потребности удовлетворяли въ Греціи рапсоды (отъ ῥάπτειν, слагать пѣсни). Изъ короткихъ эпическихъ пѣсенъ они слагали болѣе обширныя эпическія повѣствованія. Народный эпосъ, сложившись въ эпопеи, всегда является выразителемъ вполнѣ созрѣвшаго цѣльнаго міровоззрѣнія, охватившаго всѣ стороны народной жизни. Онъ возможенъ въ такомъ видѣ только тогда, когда это міровоззрѣніе достигло своего полнаго развитія и цвѣта, когда, слѣдовательно, ему уже предстоитъ спускаться, а не подниматься. Мы хотимъ сказать, что большимъ народнымъ эпопеямъ всегда предшествуетъ долгій процессъ завоеванія и установленія тѣхъ условій, при которыхъ цѣльное міровоззрѣніе можетъ безпрепятственно слогаться, наступленіе затишья въ народной жизни послѣ борьбы и кровавыхъ столкновеній, дѣйствительные или воображаемые герои которыхъ являются героями народной эпопеи. Эпопею можно сравнить съ ясною погодой послѣ бури. Таковы были поэмы Гомера, повѣствующія о троянской войнѣ и странствованіяхъ одного изъ ея героевъ; таковы были Нибелунги, повѣствующіе о переселеніи народовъ. Такова была отчасти и «Божественная Комедія» Данта, отраженіе полнаго развитія католической идеи. Аоды пѣли свои пѣсни, сопровождая пѣніе звуками струннаго инструменты; рапсоды произносили свои разсказы въ метрической формѣ, не сопровождая ихъ музыкой, потому что ихъ пѣсни стали разнообразнѣе и обширнѣе. Рапсоды уже вносятъ въ эпическое творчество больше своего, они самостоятельнѣе аодовъ. Между ходячими эпическими сказаніями одни особенно любимы народомъ, какъ болѣе близкіе его характеру, болѣе отражающіе его національныя свойства; другіе теряютъ свое прежнее значеніе. Народная фантазія всегда пріурочиваетъ все къ своимъ излюбленнымъ характерамъ и сюжетамъ; таковъ герой британской былины Артуръ, таковъ герой французской — Карлъ Великій, испанской—Сидъ, германской—Зигфридъ, таковы Ахиллъ и Одиссей греческой былины. Такъ сложились въ одно цѣлое разрозненныя прежде эпическія пѣсни въ обширныя эпопеи, «Иліада» и «Одиссея» въ Греціи, пѣснь о Ронсевальской битвѣ во Франціи, «Нибелунги» въ Германіи и т. п. Для такихъ крупныхъ эпопей требовалась уже значительная степень искусства и поэтическаго вдохновенія. Цѣлая эпопея слагалась изъ матеріала вовсе къ тому не подготовленнаго, изъ эпическихъ пѣсенъ, составлявшихъ каждая нѣчто законченное; надо было вносить въ нее то, что̀ когда либо разсказывалось и пѣвалось о томъ или другомъ

героѣ, и по возможности представить все это въ одной общей картинѣ. Ни «Иліада» и «Одиссея», ни большія эпическія поэмы новыхъ народовъ, конечно, не дошли до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ. Критическія изслѣдованія открыли въ нихъ несомнѣнныя позднѣйшія передѣлки и прибавленія. Но господствовавшее до сихъ поръ мнѣніе, что эти поэмы были только результатомъ механической приставки одной древней пѣсни къ другой, оспаривается въ наше время многими знатоками эпоса. Теорія возникновенія древнихъ эпическихъ поэмъ изъ отдѣльныхъ, разрозненныхъ пѣсенъ, созданная блестящими работами Вольфа надъ гомерическими поэмами и Лахмана надъ «Нибелунгами», утратила теперь свое исключительное господство.

Такимъ образомъ самостоятельность поэта стала все болѣе и болѣе выдѣляться въ процессѣ литературнаго творчества. Народное сказаніе уже начинало служить для нея только матеріаломъ. Когда греки уже имѣли «Иліаду» и «Одиссею», французы — поэму о ронсевальской битвѣ, новыя эпопеи стали слагаться во множествѣ, основанныя, правда, на старыхъ миѳахъ и былинахъ, въ старыхъ формахъ языка и метра, но уже не на основаніи однихъ только старыхъ пѣсенъ; привычная народу фабула излагалась болѣе самостоятельно, получала новую обработку. Таковы были эпическіе поэты Греціи послѣ Гомера, которыхъ называютъ кикликами, потому что произведенія ихъ обнимали весь циклъ, всю область миѳа и былины. Къ Гомеру и къ кикликамъ примкнули впослѣдствіи представители римскаго искусственнаго эпоса: Энній, Виргилій и другіе. Французы уже въ двѣнадцатомъ вѣкѣ имѣли много такихъ эпическихъ произведеній, перешедшихъ потомъ въ Германію. Личность автора, его субъективный, внутренній міръ все болѣе и болѣе вступали въ свои права. Онъ сталъ вносить въ свои эпическіе разсказы шутку и сатиру, сталъ слагать свои произведенія уже не для устнаго пересказа только, но и для чтенія. И по мѣрѣ того, какъ міръ эпическихъ представленій отходилъ въ прошлое въ общемъ историческомъ процессѣ народнаго развитія, эпическій разсказъ сталъ переходить въ историческое повѣствованіе, въ лѣтопись. Упадокъ эпической поэзіи вездѣ сопровождался появленіемъ лѣтопитей, хроникъ, біографій, сначала въ стихотворной, даже риѳмованной формѣ, потомъ и въ прозѣ. Разумѣется, и въ этихъ новыхъ литературныхъ явленіяхъ долго еще продолжали держаться эпическіе пріемы и слѣды эпическихъ преданій. Историческое повѣствованіе, или исторіографія, на первыхъ порахъ еще не умѣетъ различать исторію отъ сказаній; но по мѣрѣ того, какъ критическіе пріемы ума выдѣляютъ исторію изъ области поэтическаго творчества и фантазіи, нарождается новый родъ эпи-

ческой литературы—лѣтопись, и новый родъ эпической поэзіи, эпосъ въ прозѣ—романъ.

Эпосъ такъ тѣсно связанъ съ первобытными народными понятіями и вѣрованіями, онъ въ такой степени дитя народной фантазіи, отыскивающей чудесное даже въ обыденныхъ явленіяхъ жизни, что попытки возстановить его искусственно въ иныя времена не могли быть успѣшны. Невозможность искусственно вдохнуть жизнь въ изящную, но уже мертвую форму миѳологическаго эпоса была понятна еще древнимъ въ такъ-называемый александрійскій періодъ греческой литературы. Съ желчью и остроуміемъ относились тогдашніе критики къ попыткамъ Аполлонія Родосскаго воскресить эпопею первобытныхъ временъ. Эти попытки точно такъ же не удавались тогдашнимъ поэтамъ, какъ не удались они въ новыя времена. Подражая древнимъ эпикамъ, всегда почерпавшимъ свои сюжеты изъ сказаній, которымъ глубоко, искренно вѣрили нѣкогда и народы, и самъ пѣвецъ или поэтъ, позднѣйшіе эпики тоже наполняли свои произведенія высшими, неземными существами, почерпнутыми изъ языческихъ вѣрованій и суевѣрій, или созданныхъ собственной фантазіей. Эпики 17-го и 18-го столѣтій примѣшивали въ свои произведенія греческихъ боговъ и богинь; Виландъ пытался оживить древне-германскихъ фей и эльфовъ; Мильтонъ въ своемъ «Потерянномъ Раѣ» и Клопштокъ въ «Мессіадѣ» представили ангеловъ и бѣсовъ, произвольно раздѣленныхъ на ранги помимо всякаго библейскаго и церковнаго авторитета; Вольтеръ въ своей «Генріадѣ» вывелъ на сцену олицетворенныя добродѣтели и пороки. Они думали создать такимъ образомъ дѣйствительно эпическія произведенія и, разумѣется, впали въ грубую ошибку. Когда греки и римляне повѣствовали о своихъ богахъ, когда люди среднихъ вѣковъ разсказывали о феяхъ и эльфахъ, они обращались къ вѣрующимъ слушателямъ или читателямъ; образы боговъ и таинственныхъ духовъ были для ихъ публики живыми, реальными образами, точно такъ же подлежавшими художественному воспроизведенію, какъ и самъ человѣкъ, на котораго эти боги или духи дѣйствовали благотворно или непріязненно. Но публика послѣднихъ вѣковъ уже не вѣритъ ни въ Юпитера, ни въ фей; вольтеровы олицетворенія добродѣтелей и пороковъ никогда и нигдѣ не имѣли реальнаго существованія. Читателямъ приходится тутъ имѣть дѣло съ образами, въ которые они не вѣрятъ, въ которые совсѣмъ или почти не вѣрятъ сами поэты. Отсюда неудача всѣхъ подобныхъ попытокъ. *У* насъ нѣтъ теперь ни миѳологіи, ни цикла сказаній, способныхъ дать эпосу жизнь и содержаніе, и мы не можемъ искусственно довольствоваться тѣми представленіями и образами, которые въ свое время такъ много говорили воображенію, сердцу и уму на-

шихъ предковъ. Оттого ни одинъ изъ новыхъ эпиковъ не былъ въ такой степени народнымъ поэтомъ, какъ Гомеръ. Только Дантъ приблизился къ нему въ этомъ отношеніи, изобразивъ въ «Божественной Комедіи» нравственное величіе и пластическую красоту католицизма. Но блестящій успѣхъ, съ какимъ исполнилъ свою художественную работу великій итальянскій поэтъ тринадцатаго вѣка, объясняется не только силою его таланта, но и тѣмъ временемъ, когда онъ жилъ. Въ наше время таже задача не могла бы быть исполнена и первокласнымъ талантомъ съ такою глубиной и искренностью мысли и чувства, съ такимъ художественнымъ совершенствомъ.

Эстетическія потребности растутъ съ общимъ ростомъ народной мысли и жизни. Прежняя эпическая простота уступаетъ мѣсто болѣе сложнымъ задачамъ и пріемамъ литературнаго творчества. Не ограничиваясь спокойнымъ, объективнымъ созерцаніемъ внѣшняго міра и данной общественной среды, человѣкъ начинаетъ углубляться въ себя, въ свой внутренній міръ; онъ, такъ-сказать, обособляется. Переходя своею историческою стороной въ повѣствованіе, въ исторію и романъ, эпическая поэзія съ раннихъ временъ имѣла и другую, собственно лирическую сторону. Въ Греціи, напр., еще до гомерическихъ поэмъ, пѣлись гимны къ богамъ и трены по умершимъ. Лирическіе эпизоды этого рода вошли также въ составъ греческой эпопеи. Таковы, между прочимъ, жалобныя пѣсни Андромахи, Гекубы и Елены надъ трупомъ Гектора, въ «Иліадѣ»; таковы молитвы Одиссея и другія въ обѣихъ гомерическихъ поэмахъ. Этотъ слабый лирическій элементъ эпической поэзіи широко разросся потомъ въ отдѣльный самостоятельный видъ литературнаго творчества. Чѣмъ больше теряла подъ собою поэзія эпическую почву, чѣмъ больше становилась она дѣломъ личнаго таланта и вдохновенія, тѣмъ больше усиливался въ ней лирическій элементъ. Греческіе пеанъ и диѳирамбъ, сначала повѣствовавшіе о двухъ славимыхъ ими богахъ, Аполлонѣ и Діонисѣ, превратились въ чисто-лирическія пѣсни радости и страстнаго воодушевленія. То, чѣмъ были трены у грековъ, были у римлянъ неніи; евреи имѣли тоже свои пѣсни въ этомъ родѣ. Исполненіе этихъ пѣсенъ было и у евреевъ эпическое: оно сопровождалось звуками струннаго инструмента и пляской. И теперь еще мы видимъ народы, у которыхъ нѣтъ собственно лирики, а есть только эпическія и лирико-эпическія пѣсни. Первыя повѣствуютъ о событіяхъ внѣшнихъ; вторымъ эти событія служатъ только мотивомъ къ лирическому настроенію. Таковы литовцы и сербы. У германцевъ половины двѣнадцатаго вѣка, когда чистый эпосъ угасъ, а лирика еще не достигла своего цвѣта, тоже появились пѣсни въ родѣ нынѣшнихъ сербскихъ, эпическія по формѣ, лирическія по характеру, изъ которыхъ къ концу

того же столѣтія выработались и чистая лирика, и народная пѣсня. Народная пѣсня, какъ и пѣсни эпическія, не знаетъ авторовъ; она, какъ общее достояніе, тоже является безъименнымъ созданіемъ всего народа, измѣняясь съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ мѣстныхъ обстоятельствъ и, подобно эпосу, всегда сопровождается пѣніемъ. Въ Англіи такая лирико-эпическая пѣсня называется ballad, собственно плясовая пѣснь, тоже что провансальская balada и итальянская ballata, прямо указывающія на первоначальную связь поэзіи, музыки и пляски. Въ Испаніи таже полу-эпическая пѣсня носитъ, какъ и чисто-эпическая, имя романса. Romance, romanzo, называлось первона-начально у романскихъ народовъ всякое стихотвореніе на народномъ языкѣ, въ противоположность латинскому. Испанцы перенесли это названіе на народныя эпико-лирическія стихотворенія и на самый размѣръ ихъ—двухъ и трехъ-стопный трохей. Какъ въ англійской балладѣ, такъ и въ испанскомъ полу-эпическомъ романсѣ, лирическій элементъ, внесенный въ эпическое повѣствованіе, сказывается въ личныхъ мнѣніяхъ, чувствахъ и впечатлѣніяхъ еще не автора, а дѣйствующихъ лицъ баллады или романса. Поэтъ еще продолжаетъ эпически скрываться за своимъ повѣствованіемъ; но лирика уже пробивается наружу сквозь привычную форму эпическаго разсказа.

Изъ эпоса, какъ изъ плодотворнаго зерна, съ теченіемъ времени всегда и вездѣ выдѣлялись новые отпрыски поэтическаго творчества. Описательный его характеръ перешелъ въ поученіе и дидактику, когда чистый эпосъ пересталъ удовлетворять удовлетворять безпрерывно развивающуюся общественную среду. Диктатическій характеръ эпоса въ періодъ его упадка породилъ нѣсколько новыхъ видовъ литературнаго творчества. Идиллія, басня, парабола или притча, пословица и сатира, въ которыя входятъ и повѣствованіе и поученіе, выдѣлились изъ разлагавшагося эпоса, какъ литературныя формы, способныя пережить его и еще имѣющія будущность. Мы не можемъ, не выходя изъ предѣловъ нашей задачи, вдаваться въ подробности этого любопытнаго историческаго процесса. Мы предполагаемъ уже извѣстными значеніе идилліи, эпиграммы, параболы и т. п., и остановимся на одномъ только примѣрѣ, съ особенной наглядностью поясняющемъ этотъ естественный процессъ. Такъ-называемый животный эпосъ устарѣлъ раньше другихъ видовъ эпической поэзіи. Люди рано должны были утратить вѣру въ реальность фантастическихъ похожденій, приписанныхъ ими животнымъ. Но литературная форма была уже создана, и она сохранилась только какъ форма, какъ оболочка, пригодная для другого содержанія. Въ нее стали облекать поученіе, плодъ житейскаго опыта, и правила морали, и нѣкогда чисто-повѣствовательный животный эпосъ

превратился въ нравоучительную басню. Точно также имѣетъ свои корни въ эпосѣ и пословица. Пословицѣ всегда присущъ эпическій элементъ, она тѣмъ ярче изображаетъ какое нибудь конкретное явленіе, что объемъ ея чрезвычайно сжатъ и малъ. Ее, въ этомъ отношеніи, можно назвать микроскопическою басней.

На первобытныхъ ступеняхъ образованности, человѣкъ относится къ окружающей его дѣйствительности повѣствовательно, и потому объективно. Онъ весь принадлежитъ развитому въ народѣ цѣльному міровоззрѣнію, онъ только повѣствуетъ о томъ, что живетъ въ народной памяти, какъ священный миѳъ, какъ дорогое, завѣтное историческое преданіе, ему чужда мысль о возможности какой-нибудь розни между народнымъ чувствомъ и его личными впечатлѣніями. Ему незнакомо двоякое отношеніе къ дѣйствительности: описательное и субъективное. Онъ воспроизводитъ дѣйствительность въ томъ видѣ, въ какомъ находитъ ее готовою, для всѣхъ безспорно привлекательною, поэтически украшенною творчествомъ народной фантазіи. Но остановиться на этой ступени онъ не могъ. Естественный процессъ умственнаго и художественнаго роста долженъ былъ привести его къ воспроизведенію своего внутренняго міра, тѣхъ впечатлѣній, которыя вызываются дѣйствительностью въ его душѣ. Лирическій элементъ, какъ мы видѣли, мало по малу сталъ проникать въ эпическое повѣствованіе. Такимъ образомъ поэтическая форма для лирики была уже готова. Когда эпическія повѣствованія давно уже перестали сопровождаться пѣніемъ, когда они только пересказывались и читались, у всѣхъ народовъ лирическія пѣсни все еще пѣлись, и пѣлись очень долго—до самаго изобрѣтенія книгопечатанія въ Германіи, которое въ значительной степени упразднило необходимость устной передачи поэтическихъ произведеній. Пѣніе всегда сопровождалось, какъ мы видѣли, звуками струннаго инструмента, въ среднія вѣка—арфы, скрипки и т. п., у древнихъ грековъ большею частью звуками лиры, какъ инструмента болѣе совершеннаго, чѣмъ эпическая гитара и потому ее замѣнившаго. Отъ греческой λύρα и происходитъ самое названіе лирической поэзіи. Но съ пѣніемъ и звуками струннаго инструмента могли быть исполняемы только относительно небольшія пѣсни. Въ наше время лирическія произведенія, конечно, читаются, а не поются; но они, тѣмъ не менѣе, сохранили ту метрическую форму, которую лирика унаслѣдовала отъ эпической поэзіи, и которой она, по самому своему характеру, должна была придать больше разнообразія и подвижности. Въ переходныя эпохи отъ эпоса къ лирикѣ, еще преобладаетъ эпическій элементъ; о томъ или другомъ событіи еще повѣствуется, какъ о событіи прошломъ, какъ напр., въ древне-греческомъ гимнѣ и нѣмецкой пѣснѣ

двѣнадцатаго вѣка; но затѣмъ предметомъ лирико-эпическаго повѣствованія являются уже событія современныя, близко знакомыя автору и принимаемыя имъ къ сердцу, какъ напр. въ іонійской элегіи, которая—замѣтимъ кстати—вовсе не имѣла того заунывнаго характера, какой былъ приданъ ей впослѣдствіи, и въ дорійской хоровой лирикѣ. Во всѣхъ этихъ формахъ литературнаго творчества, авторъ еще продолжаетъ говорить какъ будто не отъ себя, какъ будто изъ народа. Но въ Греціи въ это время уже самый народъ, какъ и эпическое его міровоззрѣніе, пересталъ быть цѣльнымъ эллинскимъ народомъ, и распадался на племенныя, такъ сказать индивидуальныя особи—племена, замѣнявшія каждая своимъ особымъ говоромъ прежній общій языкъ народнаго эпоса. Въ богатой исторіи греческой литературы, этомъ прототипѣ литературной исторіи народовъ, мы имѣемъ лирику іонійскую, дорійскую, эолійскую.

Такъ выдѣлились изъ эпоса, или выросли на его обломкахъ, новыя формы литературнаго творчества: у грековъ элегія, лирическая эпиграмма, которую нельзя смѣшивать съ нашей, сатирической, ода и вообще національная лирика, представителемъ которой былъ у нихъ Пиндаръ; у новыхъ народовъ итальянскій сонетъ, провансальская, французская и нѣмецкая лирика среднихъ вѣковъ, испанскій романсъ, сѣверная баллада, духовная и народная пѣсня. На развалинахъ дидактическаго эпоса пустила корня такъ-называемая нравоучительная лирика, лирика разсудка, этой наименѣе поэтической изъ творческихъ способностей человѣка, но освѣжающей умы своимъ сатирическимъ отношеніемъ къ безобразнымъ явленіямъ дѣйствительности. Такова греческая сатира Архилоха, такова въ особенности римская сатирическая эпиграмма; таковы средневѣковыя нравоучительныя изреченія въ метрической формѣ, и наша современная сатирическая эпиграмма.

Въ древнемъ мірѣ у однихъ только грековъ чистая лирика достигла своего высшаго художественнаго разцвѣта. Историческій процессъ развитія ихъ литературы совершался съ рѣдкою послѣдовательностью и правильностью. За эпическою поэзіей, которая была общимъ достояніемъ эллинскаго народа, хотя и особенно процвѣтала у іонійцевъ, слѣдовала эпическая лирика: элегія у іонійцевъ, хоровая пѣснь у дорійцевъ; позднѣе расцвѣла чистая лирика, свободная отъ эпическихъ мотивовъ и отрѣшенная отъ всякой національности,—лирика эолійцевъ, въ которой настроеніе поэта, уже вполнѣ свободнаго и самостоятельнаго, создаетъ новые мотивы и новыя формы стиха. Подобный историческій процессъ пережили и новыя литературы, хотя и не съ такою рельефною послѣдовательностью, какъ литература древнихъ грековъ. И у новыхъ народовъ чистой лирикѣ, какъ

мы уже сказали, долгое время предшествовали переходныя, смѣшанныя формы, среднія между эпосомъ и лирикой. И у нихъ чистая лирика была плодомъ осложненія простѣйшихъ первоначальныхъ формъ политическаго общежитія, живого интереса не къ прошедшему только, но и къ настоящему, не къ внѣшнимъ только событіямъ, но и къ внутреннему міру человѣка, плодомъ сознанія правъ личности въ дѣлѣ литературнаго творчества, созданіемъ новой фазы общественнаго развитія. Понятно, что и содержаніе лирики гораздо сложнѣе и разнообразнѣе содержанія эпоса. Всякое явленіе жизни, всякое событіе, какъ и всевозможныя положенія человѣка вызываютъ въ поэтической душѣ лирика неисчерпаемое богатство мыслей и ощущеній. И если эпосъ отжилъ свое время, если народы достигшіе извѣстной степени развитія, уже не могутъ болѣе возвратиться къ этой первоначальной формѣ литературнаго творчества, предполагающей давно пережитое ими цѣльное, эпическое міровоззрѣніе, то лирика, способная отзываться на разнообразнѣйшія явленія дѣйствительности, обнимающая, какъ и человѣческое сердце, всѣ задачи и стороны жизни, поскольку онѣ отражаются въ душѣ поэта, остается и навсегда останется столько же современнымъ родомъ литературнаго творчества, сколько она была современна Анакреону или Сафо. Ея содержаніе и формы могутъ измѣняться, согласно духу времени; но пока человѣкъ остается человѣкомъ, пока онъ способенъ къ поэтическому творчеству, лирика всегда сохранитъ свой основной характеръ, вытекающій прямо изъ глубины его природы.

Народный эпосъ былъ поэтическимъ родоначальникомъ не только лирики: онъ былъ и радоначальникомъ драмы. Въ драмѣ (δρᾶμα — дѣйствіе) лирическое чувство переходитъ въ дѣйствіе, въ борьбу страстей, характеровъ, положеній, идей. Ей уже доступны высшія задачи человѣческой жизни, вопросы объ относительной свободѣ или необходимости воли и дѣйствій человѣка. Она уже не можетъ, какъ это дѣлалъ эпосъ, воспроизводить не-человѣческія силы и страсти: она знаетъ только человѣка и отраженіе на немъ, на его внутренней жизни и дѣйствіяхъ, всѣхъ вліяній данной дѣйствительности. Драма представляетъ такое органическое сочетаніе явленій внѣшняго и внутренняго міра, эпическихъ событій и лирическихъ ощущеній, которое невозможно безъ предварительнаго высокаго развитія эпоса и лирики. Эта простая истина неопровержимо доказана теперь и историческими данными. Древнѣйшая драма — греческая — выработалась изъ диѳирамба — торжественной хвалебной пѣсни въ честь Діониса, повѣствовавшей о дѣлахъ, страданіяхъ и чудесахъ этого божества, выражавшей то восторженную радость, то страданіе и жалобу. То была страстная пѣснь,

увлекавшая своимъ бурнымъ одушевленіемъ. Какъ и всѣ религіозно-торжественныя пѣсни, она исполнялась народнымъ хоромъ, который съ пѣніемъ и пляской обходилъ алтарь Діониса. При этомъ было въ обычаѣ переодѣванье: пѣвцы, составлявшіе хоръ, одѣвались въ козлиныя шкуры, чтобъ имѣть видъ сатировъ, спутниковъ воспѣваемаго божества. Во главѣ хора стоялъ запѣвало, сначала ничѣмъ другимъ не отличавшійся отъ хора; но впослѣдствіи роли раздѣлились: онъ сталъ представителемъ эпическаго повѣствованія о божествѣ, разсказывалъ дѣла и страданія божессва, а хоръ, какъ представитель лирическаго чувства, сопровождалъ его разсказъ пляской и мимикой, и прерывалъ его хвалебнымъ пѣніемъ. Диѳирамбъ получилъ затѣмъ болѣе разнообразное содержаніе: повѣствовательная часть его не остановилась на одномъ Діонисѣ, въ нее вошли и другіе миѳы и сказанія. Очень ясные слѣды своего эпическаго происхожденія сохранила также древне-индійская драма. Описательныя части ея нерѣдко поражаютъ и утомляютъ своею обстоятельною подробностью.

Таковы были первые начатки драматическаго искусства, прямо вытекшіе изъ соединенія эпоса съ лирикой. Дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ его въ Греціи было введеніе настоящей разговорной формы, сначала между главою хора и самымъ хоромъ, а потомъ и между главою хора и другими, введенными въ драму, лицами. А это послѣднее нововведеніе совершилось тогда, когда эпосъ перешелъ въ историческое повѣствованіе прозой, а чистая лирика эолійцевъ уже давно достигла своего роскошнаго расцвѣта, когда литературное творчество грека, по остроумному замѣчанію Вакернагеля, искало новыхъ путей и формъ. Историческое происхожденіе драмы изъ диѳирамба оставило по себѣ надолго глубокій слѣдъ въ самомъ составѣ и въ формѣ греческой драмы. Хоръ продолжалъ держаться въ ней больше по преданію, чѣмъ по внутренней необходимости его для самой драмы, и аттическая драма, требуя діалога на аттическомъ нарѣчіи, сохранила хору его первоначальную дорійскую рѣчь.

Точно такъ же произошла драма и у новыхъ народовъ. И у нихъ драматическая форма рѣчи была отчасти подготовлена эпическимъ повѣствованіемъ съ примѣсью діалога, разговора. И у нихъ начатки драматическаго творчества появились тогда, когда уже началось развитіе лирики въ формѣ полу-эпическихъ, полу-лирическихъ пѣсенъ. Но пора настоящей драмы пришла позднѣе, когда лирика была уже въ полномъ цвѣтѣ. Эпическая почва, на которой выросла драма новыхъ народовъ, была хотя и не чисто-національная, какъ у грековъ, но все же, какъ и у нихъ, религіозная, разумѣется, со всѣми особенностями мѣста и времени,—съ крайнимъ

преобладаніемъ церковнаго элемента и съ латинскою рѣчью вмѣсто родного языка. Страданія и воскресеніе Спасителя изображались въ лицахъ въ соотвѣтственные церковные дни. Таковы были средневѣковыя мистеріи, перешедшія потомъ и къ намъ, въ московское государство. Церковь, города и села принимали въ нихъ живѣйшее участіе. На первыхъ порахъ, въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ, начатки драмы представляютъ еще грубое, совсѣмъ необработанное, механическое смѣшеніе эпики и лирики. Дальнѣйшая исторія новой драмы была только развитіемъ этихъ первоначальныхъ лирико-эпическихъ задатковъ.

Драма, какъ извѣстно, распадается на два главныхъ вида, подъ которыя могутъ быть подведены всѣ драматическія произведенія литературы: трагедію и комедію. И оба эти вида имѣли одинаковое происхожденіе. Разнообразіе миѳовъ о Діонисѣ въ разное время и у разныхъ племенъ сообщало и его культу разнообразный характеръ. Онъ представлялся греку то веселымъ, радующимъ божествомъ виноградарей и пастуховъ, то существомъ сумрачнымъ, страждущимъ, терзаемымъ титанами. Трагедіей (τραγῳδία, пѣснь при закланіи козла) собственно назывался диѳирамбъ, потому что съ торжественнымъ поклоненіемъ Діоносу всегда соединялось закланіе козла; сначала, какъ мы уже замѣтили, самый хоръ, чтобы походить на сатировъ, одѣвался въ козлиныя шкуры. Но это общее названіе впослѣдствіи было усвоено одному только виду драматическихъ произведеній, потому что другой ихъ видъ получилъ названіе κωμῳδια. Съ веселой, радостной стороны, Діонисъ былъ преимущественно сельскимъ божествомъ; культъ его сопровождался полевыми обходами, тогда какъ память его страданій праздновалась больше въ храмахъ, у алтарей. Слово κωμῳδία можетъ, поэтому, происходить и отъ дорійскаго κώμη, деревня, открытое мѣсто, въ противоположность городу, и отъ κῶμος — радостное и торжественное шествіе съ пѣніемъ и пиромъ. Этотъ дѣйствительный характеръ культа былъ той почвой, на которой развилось трагическое или комическое отношеніе лирическаго чувства къ эпическому повѣствованію, къ данной дѣйствительности, къ тому неумолимому року, котораго человѣкъ не могъ избѣгнуть въ виду неотразимыхъ психическихъ и житейскихъ условій, охватывающихъ его съ несокрушимою силой. Въ эпосѣ лицо живетъ одною, цѣльною жизнію съ народомъ, оно тонетъ въ данныхъ средою понятіяхъ, чувствахъ и условіяхъ жизни. Въ трагедіи эта цѣльность жизни уже порвана. Трагизмъ заключается именно въ разладѣ, въ столкновеніи между личнымъ героизмомъ человѣка и тѣмъ, чтò считается героизмомъ народнымъ, эпическимъ. Трагедія уже не изображаетъ и не прославляетъ громкихъ дѣлъ героя; она воспроизводитъ разрывъ его

съ эпическою дѣятельностью подъ вліяніемъ роковыхъ обстоятельствъ, личныхъ его понятій, чувствъ, стремленій, и вызываемыя этимъ разрывомъ борьбу и страданія.

Сначала, напр. у грековъ и у новыхъ народовъ въ средніе вѣка, содержаніе трагедіи почерпается исключительно изъ миѳовъ, народныхъ сказаній и исторіи; преданіе, освященное вѣками народной жизни и поэзіи, пустившее глубокіе корни во всемъ міровоззрѣніи націи, въ ея вѣрованіяхъ и нравахъ, заставляетъ двигателей національной литературы крѣпко держаться миѳическихъ и историческихъ сюжетовъ. Гомерическія поэмы и эпопеи кикликовъ послужили исключительной и неисчерпаемой сокровищницей сюжетовъ для греческой трагедіи, и отчасти для драмы новыхъ народовъ. Такимъ же источникомъ для послѣдней служили въ средніе вѣка библейскія и національныя героическія сказанія. Драматическій писатель, конечно, не ограничивался при этомъ слѣпымъ и буквальнымъ воспроизведеніемъ миѳа и сказанія въ иной только формѣ; эпическое содержаніе миѳа и сказанія служило для него только матеріаломъ, который онъ обработывалъ, внося въ него и лирическій элементъ, внутреннія психическіе процессы, происходящіе въ человѣкѣ подъ вліяніемъ данныхъ эпическихъ событій, и драматическое развитіе характеровъ. Въ греческой литературѣ указываютъ только одинъ, и то не дошедшій до насъ примѣръ драмы, сюжетъ которой заимствованъ не изъ эпическаго матеріала, а основанъ на вымыслѣ: мы разумѣемъ «Цвѣтокъ», драму Агатона, одного изъ современниковъ Эврипида. У новыхъ народовъ, еще въ семнадцатомъ вѣкѣ, Шекспиръ исключительно черпалъ матеріалъ для своихъ драматическихъ произведеній изъ сказаній и исторіи. Чисто-бытовая трагедія—явленіе относительно новое, и, если можно такъ выразиться, демократическое. Она сняла съ героевъ трагедіи парчу и высокое общественное положеніе; она перенесла на человѣка вообще, на человѣка въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ и въ самомъ будничномъ костюмѣ тотъ живой интересъ, какой возбуждался прежде только героями народнаго эпоса и національной исторіи. И трудно согласиться съ тѣми теоретиками поэтическаго творчества, которые видятъ въ этомъ не дальнѣйшій шагъ искусства впередъ, не успѣхъ, а несомнѣнные признаки его упадка. Бытовая дѣйствительность есть также дѣйствительность историческая, и для борьбы съ нею часто нужно не меньше героизма, хотя и меньше торжественности, чѣмъ сколько обнаружили его величайшіе герои миѳа или сказанія. Сознаніе этой простой истины расширило на все человѣчество рамки драматическаго творчества, и мы не знаемъ теперь въ этой области ни избранниковъ, ни отверженныхъ.

Въ трагедіи, какъ извѣстно, разладъ воображенія, чувства или

ума съ данною эпическою дѣйствительностью порождаетъ страданіе; въ комедіи онъ возбуждаетъ насмѣшку, иронію, юморъ. Комедія беретъ, поэтому, свой матеріалъ и свои сюжеты преимущественно изъ настоящей, современной дѣйствительности. Она, по самому своему характеру, сразу стала тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась трагедія лишь въ сравнительно новѣйшее время, т.-е. бытовою. Въ драматической области комедія приблизительно тоже, что̀ сатира въ области эпоса. Римская національная комедія, напр., выработалась изъ римской сатиры. И сатирикъ, и комикъ одинаково почерпаютъ содержаніе своихъ произведеній изъ современной, бытовой дѣйствительности, а эта современная дѣйствительность, повторяемъ, есть также дѣйствительность эпическая и историческая. Эпическая сатира нашего Гоголя: «Мертвыя Души» съ такою же глубиною и живостью воспроизводятъ картину русской жизни тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, какъ и его комедія «Ревизоръ»; Аристофановы «Облака» столь же живая картина аѳинскихъ нравовъ пятаго вѣка, какъ Гомерова «Одиссея»—картина греческихъ нравовъ героической поры.

Изъ этихъ двухъ главныхъ видовъ драматическаго творчества—трагедіи и комедіи—вышли и тѣ смѣшанные виды новыхъ временъ, которымъ приданы были и придаются и теперь названія: драмы, траги-комедіи, мелодрамы, комедіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляется это имя новѣйшими французскими драматургами, водевиля, оперы и оперетки. Мы не будемъ распространяться о нихъ и ограничимся замѣчаніемъ, что выдающіяся драматическія произведенія новыхъ временъ, созданныя дѣйствительно сильными талантами, всѣ болѣе или менѣе близко примыкаютъ къ двумъ господствующимъ видамъ драматической поэзіи, къ трагедіи или комедіи, и что многія изъ нихъ соединяютъ трагическій элементъ съ комическимъ. Это соединеніе трагическаго съ комическимъ—явленіе не новое. Оно не было чуждо и греческой литературѣ. И тамъ были попытки къ сліянію двухъ видовъ того самаго диѳирамба, изъ котораго, какъ мы уже сказали, вышли трагедія и комедія грековъ, и очень можетъ быть, что эти попытки предшествовали окончательному раздвоенію и полному развитію двухъ главныхъ видовъ драматическаго творчества. Въ цвѣтущую пору греческой трагедіи, на состязаніяхъ въ драматической поэзіи въ праздникъ Діониса, авторъ по обычаю прибавлялъ къ тремъ представляемымъ имъ связнымъ трагедіямъ, или такъ-называемой трилогіи, еще четвертую—сатирическую, которая обращала трилогію въ тетралогію. Греческіе писатели, уступая народному вкусу, сохранили въ трагедіи хоръ древняго диѳирамба; они сохраиили, рядомъ съ трагедіей, еще древнее сатирическое представленіе, хотя и отодвинули его на задній планъ. У новыхъ народовъ тоже смѣ-

шеніе трагическаго съ комическимъ встрѣчается и въ средніе вѣка, когда уже существовала трагедія, но еще не выработалась самостоятельная комедія. Народный юморъ неудержимо проникалъ тогда въ духовную драму. Дьяволъ, продавцы елея и т. п. были предоставлены ему на жертву церковью, и этотъ юморъ мало по малу до того проникъ въ мистерію, что церковь была принуждена рѣшительно противодѣйствовать ему. Но сѣмя было уже брошено. Приставленныя къ священному содержанію духовныхъ драмъ комическія положенія и рѣчи уже не могли не породить комедію, какъ особый, самостоятельный видъ литературнаго творчества. Реформація шестнадцатаго вѣка оттолкнула протестантскіе народы отъ католическихъ мистерій. Отрицаніе стараго церковнаго авторитета привело къ бо̀льшей свободѣ мысли, но въ самой Германіи эта свобода не вызвала новыхъ драматическихъ талантовъ. За-то въ Англіи сильное литературное движеніе, порожденное церковною реформой, вскорѣ сказалось въ замѣнѣ эпическихъ церковныхъ сюжетовъ сюжетами мірскихъ сказаній и балладъ, подражаніями древнимъ и итальянцамъ временъ Возрожденія. Движеніе это, какъ извѣстно, породило величайшаго изъ драматическихъ писателей—Шекспира.

Выдѣливъ изъ себя лирику и драму, эпосъ перешелъ въ историческое или романическое повѣствованіе. Романъ не безъ основанія называютъ эпоосомъ новаго времени. Какъ и древній народный эпосъ, онъ рисуетъ въ живыхъ образахъ и правдивомъ повѣствованіи картины современности, со всѣми ея вопросами, задачами, помыслами и бытовыми особенностями. Первобытную борьбу между народами замѣняетъ въ немъ, согласно нынѣшнимъ, до крайности осложнившимся условіямъ жизни, борьба отдѣльныхъ лицъ между собою и съ окружающими обстоятельствами, развитіе личныхъ характеровъ подъ вліяніемъ этой борьбы, значеніе среды для человѣка. Элементъ чудеснаго, такъ наивно проникающій всѣ созданія древней эпической поэзіи, былъ сначала присущъ и роману, хотя и въ другомъ видѣ. Но въ наше время романъ принялъ вполнѣ реалистическое направленіе, и содержаніе его составляютъ уже всевозможныя нравственныя и соціальныя задачи и явленія современной жизни.

Старѣйшій изъ европейскихъ романовъ — греческій—выросъ на эпической почвѣ народныхъ эротическихъ легендъ, разумѣется, съ сильною примѣсью лирики. До сихъ поръ этому роману обыкновенно приписывали восточное или полу-восточное происхожденіе въ тотъ долгій періодъ, когда, послѣ завоеванія западной Азіи Александромъ Македонскимъ, греческая образованность пришла въ непосредственное соприкосновеніе съ Востокомъ и, подчинивъ его своему

вліянію во многихъ отношеніяхъ, сама подверглась потомъ вліянію его мистическихъ идей и стремленій. Это мнѣніе, высказанное еще во второй половинѣ семнадцатаго вѣка французскимъ изслѣдователемъ Гюэ, вызвало въ послѣднее время сильныя и полновѣсныя возраженія, прекрасно изложенныя въ недавнемъ изслѣдованіи іенскаго профессора Роде о греческомъ романѣ. Но какое бы изъ этихъ мнѣній мы ни предпочли, во всякомъ случаѣ повѣствовательный, эпическій характеръ греческаго романа не подлежитъ сомнѣнію, хотя предметомъ излагаемаго имъ повѣствованія являются уже не миѳы, не героическія дѣла предковъ, а любовь, какъ страсть, поглощающая всего человѣка и опредѣляющая всю его судьбу. То была единственная страсть, еще способная поэтически вдохновлять грека временъ упадка. Когда прежніе мотивы, воодушевлявшіе великихъ писателей Греціи въ лучшую пору ея исторической жизни и литературы, утратили свое живое, обаятельное значеніе, когда безотраднѣйшій скептицизмъ или разслабляющее суевѣріе овладѣли умами образованной части эллинскаго міра въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, и человѣкъ, смутно ощущая пустоту жизни, невольно обращался внутрь себя, одна только любовь давала ему отраду и счастіе. Еще крѣпко придерживаясь старыхъ литературныхъ образцовъ, онъ избралъ любимою темой для всѣхъ литературныхъ произведеній повѣствованіе о чистой, почти рыцарской любви, преодолѣвающей всѣ возможныя испытанія, и такимъ образомъ незамѣтно шелъ на встрѣчу христіанскимъ воззрѣніямъ средневѣкового человѣка. Собирая мѣстныя эротическія легенды, давая имъ литературную обработку, александрійскіе эротики передѣлывали ихъ въ элегическіе разсказы, въ элегію, переходный, смѣшанный, эпико-лирическій характеръ которой общеизвѣстенъ. Относительная краткость этихъ разсказовъ, облеченныхъ въ эпическій стихъ, сообщала имъ балладный тонъ, по счастливому выраженію Роде; обстоятельное и наглядное повѣствованіе эпоса о событіяхъ и дѣяніяхъ героическихъ предковъ замѣнялось въ такомъ эротическомъ разсказѣ отрывочнымъ изображеніемъ явленій жизни, поскольку они ярко освѣщали чувства и страсти, но прежде всего любовь дѣйствующихъ лицъ, потому что любовь, какъ страсть, стояла на первомъ планѣ у греческихъ поэтовъ александрійскаго періода, давно отбросившихъ вѣру въ божественные и героическіе миѳы.

Греческій романъ сложился, конечно, еще и изъ другихъ элементовъ, но эротическая элегія занимаетъ между ними положеніе кореннаго элемента, вбирающаго въ себя другіе и пользующагося ими какъ средствомъ для своей самостоятельной цѣли. Кромѣ эротическихъ разсказовъ, греческому роману предшествовала также сен-

тиментальныя, идиллическія утопіи, всегда вызываемыя разлагающеюся, перезрѣлою культурой и указывающія ложно направленной цивилизаціи на естественное, первобытное состояніе человѣчества, какъ на спасеніе отъ общей испорченности нравовъ; онѣ переносили воображеніе пресыщеннаго культурой человѣка изъ странъ, извѣстныхъ греку временъ упадка и принявшихъ греческую культуру, въ мало извѣстныя, отдаленныя земли, еще мало изслѣдованныя, о которыхъ доходили до тогдашняго образованнаго міра самыя фантастическія представленія и разсказы. Цѣлая литература сказочныхъ путешествій, съ идиллической или утопической тенденціей, возникла въ александрійскомъ періодѣ греческой литературы рядомъ съ разсказами эротическаго содержанія, и ея пріемы, вмѣстѣ съ пріемами эротиковъ, были впослѣдствіи усвоены первыми греческими романистами. Вымышленный сюжетъ и прозаическая форма этихъ фантастическихъ путешествій тѣсно связываютъ ихъ съ позднѣйшимъ романомъ; но имъ еще чуждо эротическое содержаніе послѣдняго, которое эротики облекали въ стихотворную форму и почерпали больше изъ мѣстныхъ сказаній, чѣмъ изъ собственной фантазіи.

Еще ярче выдѣляется тѣсная преемственная связь эпоса съ романомъ въ исторіи новыхъ европейскихъ литературъ. Эпосъ, и притомъ въ метрической формѣ, былъ господствующимъ явленіемъ средневѣковой поэзіи, первымъ выразителемъ средневѣковой культуры и искусства. Самое имя *романъ*, какъ и слово *романсъ*, собственно значило: повѣствовательное стихотвореніе на романскомъ народномъ языкѣ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ разложенія средневѣковыхъ идей, по мѣрѣ распространенія вкуса къ чтенію, упрощались пріемы литературнаго творчества, и метрическая форма повѣствованія мало-по-малу переходила въ прозаическую: первые романы четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтій — не болѣе какъ пересказы древнѣйшихъ эпическихъ памятниковъ въ прозаической формѣ. Во всѣхъ новыхъ литературахъ, исходною точкой въ исторіи романа было, поэтому, средневѣковое повѣствовательное стихотвореніе. Къ концу среднихъ вѣковъ, разлагавшаяся стихотворная рѣчь вездѣ уступала мѣсто прозѣ, въ то время еще только нарождавшейся, еще носившей слѣды прежнихъ стихотворныхъ формъ. По своему содержанію, эти рыцарскія повѣствованія въ прозѣ еще ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ они почерпнуты, т.-е. героической и рыцарской легенды. Таковы первые французскіе романы: все ихъ отличіе отъ сказаній, на которыхъ они основаны, сначала заключается лишь въ новыхъ, трудно вырабатывающихся формахъ прозаической рѣчи. Но вслѣдъ затѣмъ начинается уже болѣе самостоятельная обработка легендарныхъ сюжетовъ въ вольной про-

заической формѣ. Движеніе это началось во Франціи, и извѣстный французскій романъ «Амадисъ» можетъ быть названъ типическимъ представителемъ этого поворота въ литературѣ; по своему содержанію, хотя и основанному, какъ дознано теперь, на бретонскихъ сказаніяхъ сѣверной Франціи, онъ составляетъ переходъ отъ простого пересказа стихотворныхъ легендъ въ прозѣ къ новому французскому рыцарскому роману. Съ конца пятнадцатаго вѣка самостоятельная обработка средневѣковыхъ сюжетовъ въ прозѣ дѣлается уже явленіемъ всеобщимъ, число прозаическихъ разсказовъ постоянно растетъ, они читаются гораздо охотнѣе, чѣмъ старыя стихотворныя повѣствованія, и проза дѣлается господствующей формой литературнаго творчества. Писатели сами заявляютъ, что ихъ публика предпочитаетъ прозу устарѣвшей стихотворной формѣ, болѣе торжественной, болѣе условной и стѣснительной. Она такъ крѣпко срослась съ прежними средневѣковыми понятіями и представленіями, что уже не давала достаточнаго простора вновь нарождавшимся умственнымъ, нравственнымъ и художественнымъ потребностямъ руководящихъ общественныхъ слоевъ. Новое содержаніе вызывало къ жизни и новыя литературныя формы. Естественный ростъ литературнаго языка дѣлалъ старыя стихотворныя формы отчасти непонятными новой публикѣ; напротивъ проза, какъ новая форма литературной рѣчи, порожденная этими потребностями, приспособлялась къ нимъ и вполнѣ отвѣчала духу времени. Книгопечатаніе дало окончательный толчокъ этому движенію, подготовленному долгимъ процессомъ общественнаго развитія. Благодаря книгопечатанію, въ шестнадцатомъ столѣтіи было пущено входъ множество романическихъ повѣствованій въ прозѣ, очевидно отвѣчавшихъ вкусамъ тогдашней публики.

Упоминая о «тогдашней публикѣ», мы, конечно, имѣемъ въ виду не одинъ какой нибудь народъ западной Европы, а всю западную Европу. Международный характеръ романа сказался уже тогда съ полною очевидностью; новыя романическія повѣствованія быстро переходили отъ одного народа къ другому, исходя преимущественно изъ Франціи, и это великое значеніе его въ исторіи литературы осталось за нимъ до нашего времени. Сначала легендарный, любовный и аристократическій по своему содержанію, новый романъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, постоянно расширялъ свои задачи, по мѣрѣ того, какъ росли и усложнялись задачи общественной мысли, и въ наше время романъ уже обнимаетъ всѣ явленія человѣческой жизни, всѣ художественныя, нравственныя и соціальныя стремленія времени. Его непрерывно возрастающее значеніе во всѣхъ европейскихъ литературахъ объясняется именно его всесторонностью и международнымъ характеромъ.

Такъ совершалось, въ общихъ и главныхъ чертахъ, историческое развитіе поэзіи. Эпосъ, лирика, драма, романъ—вотъ тѣ стадіи, которыя послѣдовательно проходила поэзія всѣхъ двигавшихъ человѣчество литературъ, независимо отъ того, были ли ихъ художественныя созданія облечены въ стихотворную или прозаическую форму. Есть много высоко-поэтическихъ произведеній, написанныхъ прозой, какъ есть и много лишенныхъ всякаго поэтическаго достоинства и написанныхъ стихами. Тѣмъ не менѣе, мы можемъ принять за аксіому, что въ области литературнаго творчества проза моложе поэзіи. Въ литературномъ смыслѣ прозы совсѣмъ не существовало, когда уже слагались эпическія созданія народнаго творчества. Люди, конечно, говорили между собою не стихами, но ихъ разговоры—не литература. Въ смыслѣ одной изъ формъ литературнаго творчества проза явилась позднѣе стиха, была большимъ шагомъ впередъ, отвѣтомъ на новыя потребности непрерывно развивающагося человѣческаго сознанія. Существуютъ народы, и притомъ старые народы, до сихъ поръ не имѣющіе прозы, живущіе преимущественно фантазіей, незнающіе иной исторіи, кромѣ миѳа и сказанія,—народы, у которыхъ даже и кое-какіе ихъ законы изложены въ легко запоминаемой метрической формѣ, съ нѣкоторою фантастическою окраской. Великіе историческіе народы идутъ дальше; эпосъ, какъ созданіе народной фантазіи, перестаетъ удовлетворять ихъ; трезвая, критическая мысль вступаетъ мало по малу въ свои права и создаетъ изъ эпоса романъ и повѣствовательную, историческую прозу. Самое осложненіе ихъ государственной и общественной жизни уже не позволяетъ довольствоваться долѣе немногими старыми правилами мудрости и общежитія въ метрической формѣ, вызывая потребность въ болѣе подробномъ законодательствѣ, въ болѣе свободныхъ и точныхъ пріемахъ поученія. Дидактическая поэзія смѣняется дидактической прозой, первобытные законы—болѣе сложнымъ законодательствомъ въ прозаической формѣ. Удовлетворенію этой потребности обыкновенно отвѣчаетъ сравнительно большее распространеніе писмености въ переходныя эпохи между эпосомъ и прозаическимъ повѣствованіемъ. Послѣднее такъ прямо вытекло изъ эпоса, что оно первоначально было лишь продолженіемъ въ умственной сферѣ того, что давалъ эпосъ. Но здѣсь, какъ и въ поэзіи, какъ и вообще въ исторіи и въ природѣ, историческій переходъ изъ одной стадіи въ другую никогда не совершается вдругъ. И здѣсь мы можемъ наблюдать промежуточные, переходныя ступени. Первому историку Греціи предшествовали писатели, сочиненія которыхъ, правда, не дошли до насъ, но которые, судя по всему, что мы о нихъ знаемъ, еще давали большой просторъ фантазіи и съ полной вѣрой отно-

сились къ эпическимъ миѳамъ и сказаніямъ. Такія же переходныя формы въ исторіи новыхъ литературъ сохранились до нашего времени, и мы встрѣчаемъ между ними историческое повѣствованіе въ привычной эпической формѣ. Многочисленныя хроники, стихотворныя и риѳмованныя, начинаютъ появляться тогда, когда эпосъ еще живетъ, но склоняется къ упадку. На этихъ хроникахъ долгое время лежитъ глубокій слѣдъ преобладанія эпической фантазіи надъ изслѣдованіемъ, надъ провѣркой и критикой историческихъ явленій.

Въ историческомъ повѣствованіи, вышедшемъ изъ эпоса, критическое отношеніе къ явленіямъ народной жизни мало по малу вытѣсняетъ и замѣняетъ преобладавшее въ эпосѣ вліяніе фантазіи, за которою остается, но въ извѣстныхъ только предѣлахъ, широкая область романа. Отъ историческихъ явленій, умъ человѣка мало по малу переходитъ къ ихъ естественнымъ причинамъ, полагая основаніе научному изслѣдованію во всѣхъ его разнообразныхъ отрасляхъ. Въ романѣ этимъ новымъ путямъ историческаго повѣствованія соотвѣтствуетъ замѣна эпическихъ сюжетовъ, почерпнутыхъ изъ миѳа и сказанія, основаннымъ на реальной дѣйствительности вымысломъ. Древнѣйшіе романы еще придерживались народныхъ легендарныхъ преданій, но и романъ въ свою очередь мало по малу отрѣшается отъ этихъ преданій подъ вліяніемъ усиливающейся критической мысли, и переходитъ въ художественное изображеніе дѣйствительности, исторической или современной, ея общественныхъ идей и задачъ, ея типическихъ характеровъ. Съ этой исторической точки зрѣнія наши недавніе споры объ искусствѣ для искусства и о тенденціозности въ искусствѣ дѣлаются просто праздными спорами. Искусство для искусства не мыслимо въ наше время сильной умственной работы. Геніальнѣйшіе представители литературнаго движенія всѣхъ временъ и всѣхъ историческихъ народовъ были также и выразителями идей своего времени. Безъидейное искусство никогда не приходилось по мѣркѣ большимъ талантамъ, оставлявшимъ по себѣ глубокій слѣдъ въ общей исторіи литературы. Тѣмъ менѣе смысла имѣетъ оно теперь, когда соціальныя и психологическія задачи усложнились до крайности, когда мысль и ея изслѣдованія охватываютъ всѣ области человѣческой дѣятельности. Точно также немыслимо въ наше время искусство, понимаемое только какъ фотографическое изображеніе дѣйствительности, безъ высшихъ идеаловъ и движущихъ идей, то мнимое искусство, съ точки зрѣнія котораго новѣйшая школа французскихъ романистовъ громитъ безпощадно, но тупо, идеализмъ романовъ Жоржа Занда или лучшихъ произведеній Виктора Гюго. Въ романъ перешла изъ эпоса не одна только бытовая, описательная сторона послѣдняго; въ романъ перешла и поэтическая струя эпоса,

творческая дѣятельность фантазіи, которая такъ свойственна эпосу; дальнѣйшій умственный ростъ человѣка присоединилъ къ этимъ характеристическимъ чертамъ первобытныхъ созданій литературнаго творчества болѣе свободную, прозаическую форму, и крупныя нравственныя и соціальныя задачи.

То, что мы сказали о романѣ, болѣе или менѣе относится и къ менѣе крупнымъ видамъ повѣствовательной прозы: разсказу, повѣсти, новеллѣ. Собственно говоря, между этими употребительными видами повѣствованія нѣтъ никакого существеннаго различія. Новелла появилась у итальянцевъ въ тринадцатомъ вѣкѣ: такъ называлась у нихъ всякая повѣствовательная проза небольшого объема. Новелла значитъ собственно небольшая новинка, короткій разсказъ о томъ, что прежде не было разсказано никѣмъ или было разсказано иначе. Позднѣйшія, болѣе развитыя и пространныя новеллы, творцомъ которыхъ былъ въ Италіи Боккачіо, въ Испаніи Сервантесъ, не что иное, какъ эпическіе разсказы въ новомъ родѣ.

Параллельно развитію повѣствовательной прозы изъ эпоса, совершался процессъ развитія поучающей прозы изъ дидактической лирики. Этотъ послѣдній процессъ можно прослѣдить съ полною осязательностью на соотвѣтственномъ періодѣ греческой литературы. Начатки греческой философіи, и по формѣ и по содержанію, еще близко примыкаютъ къ поэзіи, и только впослѣдствіи, съ развитіемъ теоретической мысли, философія выдѣляется у грековъ въ особый видъ прозы. Точно также образовалась и проза ораторская. Это явленіе въ исторіи греческой литературы особенно важно потому, что оно уже не могло повториться у новыхъ народовъ. Вмѣстѣ съ христіанствомъ и церковной ученостью, новые народы получили готовую, поучающую прозу въ такое время, когда у нихъ еще не выработалась лирика. Но эта проза была не народная, а латинская; настоящая, своеобразная проза процвѣла и у новыхъ народовъ послѣ сильнаго развитія лирики.

Мы не будемъ перечислять всѣхъ разнообразныхъ видовъ поучительной прозы, существующихъ въ настоящее время. Сюда относятся всѣ формы прозаическаго изложенія мыслей, наблюденій, научныхъ изслѣдованій, философскихъ идей и системъ, вся та область нашей дѣятельности, которая можетъ быть названа умственною по преимуществу.

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ подвести подъ изложенные нами общіе законы историческое развитіе русской литературы. Причинъ тому много, и притомъ очень вѣскихъ и неустранимыхъ. Вопросъ о древнемъ русскомъ эпосѣ разработанъ еще очень мало. Затѣмъ мы приняли

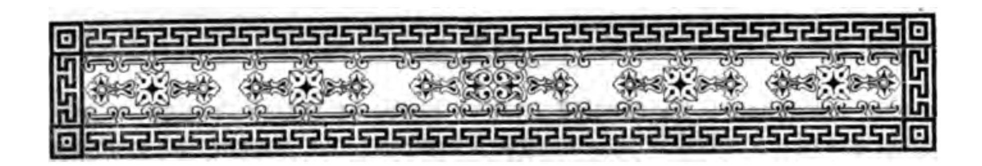
христіанство, съ которымъ проникли къ намъ духовная проза и духовное краснорѣчіе. Татарское нашествіе насильственно прервало историческую нить нашего естественнаго роста. Московское государство уже слагалось подъ очевидными вліяніями восточныхъ формъ жизни. Реформа Петра отворила намъ двери въ Европу, и въ эти двери къ намъ проникли и продолжають проникать всевозможные виды литературнаго творчества. Такой ходъ нашей исторіи естественно исключалъ ту историческую постепенность развитія, которая наглядно сказывается на исторіи литературъ, развивавшихся болѣе самостоятельно. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобъ эти народы ничего не заимствовали у другихъ. Теперь дознано, что въ глубокой древности греки многое получили съ Востока, римляне отъ грековъ, новые народы отъ древняго міра и другъ отъ друга. Но эти заимствованія и самостоятельная переработка ихъ на русской почвѣ были задержаны татарскимъ нашествіемъ и нѣкоторыми другими особенностями нашей исторіи. Намъ пришлось долго подражать и догонять, наверстывать потерянное время, цѣлые вѣка; мы и теперь еще только наверстываемъ и догоняемъ, задерживаемые путами трудно изгладимаго историческаго прошлаго. Необыкновенная даровитость русскаго народа сказалась, правда, въ крупныхъ талантахъ, выдвинутыхъ русскою литературой за послѣднія сто лѣтъ, несмотря на эти путы: но наша литература и теперь еще далеко уступаетъ во всѣхъ отношеніяхъ передовымъ литературамъ Запада. Тяжело признаться, но правда у всѣхъ насъ передъ глазами: наше широкое національное развитіе, послѣ тысячалѣтняго существованія Руси, все еще впереди, а съ нимъ еще впереди и полный расцвѣтъ русской литературы. Взятые пропорціонально историческому значенію другихъ европейскихъ литературъ, размѣры ея значенія пока еще очень скромны, и только поэтому должно быть очень скромно и ея мѣсто въ общей исторіи литературы.

Обыкновенно говорятъ, что литературное творчество грековъ представляетъ необыкновенно счастливое равновѣсіе между способностями, принимающими болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ этомъ творчествѣ: воображеніемъ, чувствомъ и разумомъ. Но явленіе это объясняется столько же прирожденными великими талантами греческаго народа, сколько и тѣмъ временемъ, когда онъ жилъ и создавалъ свои произведенія. Глубокій разладъ между внутреннимъ человѣкомъ и внѣшней природой, какой мы видимъ потомъ у новыхъ народовъ, былъ чуждъ сознанію грека цвѣтущихъ временъ. Греки могли быть цѣльнѣе, и потому объективнѣе. Въ этомъ смыслѣ, литературы новыхъ народовъ безспорно отличаются передъ древними своею относительной субъективностью, при которой личность писателя, въ особенности

поэта, выступаетъ на первый планъ. Вопросы жизни, науки и религіи стали съ тѣхъ поръ сложнѣе, направленія мысли и чувства разнообразнѣе, и потому разрозненнѣе. Преимущество грековъ передъ новыми народами несомнѣнно, но оно не таково, чтобъ можно было ему завидовать. Греки были цѣльнѣе и объективнѣе, потому что ихъ задачи были проще и элементарнѣе. Германская объективность Шекспира или Гёте несравненно разностороннѣе и шире объективности лучшихъ греческихъ писателей. Самое преобладаніе въ литературномъ творчествѣ новыхъ народовъ того или другого изъ трехъ названныхъ нами факторовъ творчества надъ двумя другими есть уже явленіе высшаго порядка. Умственное воспитаніе новыхъ народовъ началось съ рѣзкаго противопоставленія человѣческаго духа внѣшней природѣ. Такое раздвоеніе есть необходимое предварительное условіе всякаго широкаго развитія. Преобладаніе одного изъ факторовъ творчества надъ двумя другими у новыхъ народовъ дало этимъ факторамъ возможность развиться до уровня, невѣдомаго древнему міру. Довольно указать на романтическую поэзію среднихъ вѣковъ, на романъ, или на многочисленныя теоретическія изслѣдованія и произведенія даровитыхъ представителей науки и разныхъ отраслей знанія, которыя изумили бы древній міръ, еслибъ онъ могъ узнать объ ихъ существованіи. Новыя литературы Европы прошли черезъ всѣ направленія творчества, какъ и черезъ ихъ борьбу и гармоническое сочетаніе. Насмѣшка, иронія, юморъ, сатира, какъ проявленія глубокаго разлада между умомъ, чувствомъ и воображеніемъ по отношенію къ дѣйствительности, получили въ новыхъ литературахъ гораздо болѣе широкое развитіе, чѣмъ въ древнихъ. Самыя формы литературныхъ произведеній новаго времени достигли разнообразія, невиданнаго въ древности. Въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ, древніе довольствовались ритмомъ, смѣною слоговъ долгихъ и короткихъ. Новыя литературы пошли дальше и въ этомъ отношеніи. Формы новыхъ поэтическихъ произведеній богаче, обработаннѣе, благозвучнѣе. Довольно указать на одну риѳму, какъ на самое крупное усовершенствованіе въ стихотворныхъ формахъ новыхъ народовъ, и хотя риѳма уже была знакома позднѣйшимъ римлянамъ, но сами они никогда не могли освободиться отъ издавна усвоенныхъ греческихъ формъ, и только передали ее, какъ многое другое, новому міру.

Древнія литературы, которымъ и до сихъ поръ многіе продолжаютъ искусственно отводить первое мѣсто въ общей исторіи литературы, имѣютъ для насъ большое, но прежде всего—историческое значеніе.

ОЧЕРКЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ САНСКРИТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

И. П. Минаева.

I. Арійцы.

Подъ общимъ названіемъ языковъ арійскихъ въ новѣйшемъ языкознаніи принято подразумѣвать языки *иранскіе* и *индійскіе*. Въ грамматическомъ строѣ и въ словарѣ древнѣйшихъ представителей этихъ двухъ вѣтвей индо-европейскаго класса языковъ замѣчено и общепризнано самое тѣсное родство. Множество формъ, словообразованій и отдѣльныхъ словъ исключительно свойственны языкамъ: древне-иранскимъ и древне-индійскому, и не встрѣчаются въ родственныхъ европейскихъ языкахъ; слова и формы эти частью исчезли изъ языковъ на европейской почвѣ, частью, быть можетъ, явились въ языкахъ арійскихъ по отдѣленіи отъ азіатскихъ арійцевъ и постепенномъ откочеваніи европейскихъ родичей на дальній западъ.

Самое имя, которымъ древніе иранцы и индійцы называли себя въ глубокой древности, обнаруживаетъ ихъ ближайшее родство, а также несомнѣнно доказываетъ, что въ отдаленномъ періодѣ, лежащемъ за предѣлами документальной исторіи, и тѣ и другіе составляли одинъ народъ, одно цѣлое. Словомъ *âрья, арья* индіецъ искони обозначалъ нѣчто почтенное, священное, позднѣе же три высшихъ касты своего народа. Арійская страна, земля (арья деса, арья бхуми) имѣла для него значеніе страны чистой, имъ занятой; называя страну *арійскою*, онъ противопоставлялъ ее странамъ нечестивымъ, принадлежащимъ варварамъ. Тоже слово въ формѣ аирья находится у иранцевъ, и здѣсь, на иранской почвѣ, оно сохранило въ своемъ значеніи тотъ-же оттѣнокъ «высокаго», «почтеннаго».

Страны арійскія суть страны правыя, онѣ названы такъ въ отличіе отъ странъ не арійскихъ, или варварскихъ, нечестивыхъ. Съ гордостью указываетъ на свое арійское происхожденіе Дарій Гистаспъ. Арійцами, по свидѣтельству Геродота, называли себя всѣ персы, и слово *аирья* повторяется во множествѣ дошедшихъ до насъ древне-арійскихъ собственныхъ именъ.

Хотя тоже самое народное имя, принадлежащее самой глубокой древности, можно прослѣдить и далѣе на западѣ, но нигдѣ слово арья не удержалось въ такомъ частомъ употребленіи, какъ на иранской и индійской почвѣ, и наука сравнительнаго языковѣдѣнія, обозначая языки иранскіе и индійскіе общимъ терминомъ языковъ арійскихъ, въ данномъ случаѣ не отступила отъ древнѣйшаго ирано-индійскаго преданія.

Ближайшее родство древнихъ иранцевъ и индійцевъ съ убѣдительною ясностью выступаетъ въ древнѣйшихъ памятникахъ ихъ языка, и въ древнѣйшихъ фазахъ ихъ религіознаго міровоззрѣнія. Одного сравненія словарей зендскаго и санскритскаго уже вполнѣ достаточно, чтобы предположеніе о періодѣ совмѣстной жизни древнихъ иранцевъ и индійцевъ получило сильное вѣроятіе. Извѣстно напр., что множество именъ домашнихъ животныхъ общи всѣмъ индо-европейскимъ языкамъ; отсюда дѣлается несомнѣнно вѣрный выводъ, что животныя эти были знакомы индо-европейцамъ въ періотъ ихъ совмѣстной жизни; сомнительно, однакоже, дальнѣйшее предположеніе, что всѣ эти животныя были уже въ томъ отдаленномъ періодѣ домашними; этимологія самыхъ названій домашнихъ животныхъ нисколько не оправдываетъ такого предположенія. Въ періодѣ, послѣдовавшемъ за отдѣленіемъ европейскихъ родичей отъ азіатскихъ арійцевъ, число такихъ извѣстныхъ имъ животныхъ, нынѣ домашнихъ, увеличивается. Арійцы, живя вмѣстѣ, знали *верблюда* и *осла*. Въ различныхъ индо-европейскихъ языкахъ названія верблюда и осла не одинаковы. Только арійцы сходятся въ обозначеніи двухъ животныхъ. По-санскритски, верблюдъ называется: уштра, по-зедски устра; оселъ на томъ и другомъ языкѣ: кхара. Не замѣчено большаго сходства въ словахъ двухъ арійскихъ языковъ, обозначающихъ земледѣліе или земледѣльческія орудія; въ Иранѣ и въ Индіи, въ силу мѣстныхъ условій, должны были выработаться совершенно оригинальные, особые для каждой страны пріемы земледѣлія; различія же въ пріемахъ, весьма естественно, имѣли своимъ послѣдствіемъ несходство въ названіяхъ. Древнѣйшее имя для правителя въ арійскихъ языкахъ: скр. *пати*, зенд. *паити*, встрѣчается также и въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ; изъ доступнаго намъ матерьяла языка не вполнѣ ясно, каковъ былъ успѣхъ арійцевъ въ

политической области за періодъ ихъ совмѣстной жизни, отдѣльно отъ прочихъ родичей; такъ, напр., зендское *данку* значитъ *провинція* и этимологически вполнѣ соотвѣтствуетъ скр. *дасью*, но на индійской почвѣ послѣднее слово значитъ только: разбойникъ, врагъ. Слово: вис по-зендски значитъ кланъ, тоже слово въ Ведахъ: люди. Рядъ другихъ словъ, какъ напр. одинаковыя обозначенія моста, столба, различнаго оружія, битвы и т. д., несомнѣнно свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ успѣхѣ арійцевъ въ культурѣ за тотъ же до-исторической періодъ. Этотъ успѣхъ особенно убѣдительно подтверждается разсмотрѣніемъ числительныхъ въ арійскихъ языкахъ. Тысяча въ языкахъ индо-европейскихъ обозначается не одинаково; только арійскіе языки имѣютъ тожественное слово для обозначенія этого числительнаго: тысяча по-скр.—сахасра, зендское хазангра, распространенное во всѣхъ иранскихъ нарѣчіяхъ и даже у армянъ, этимологически вполнѣ сходно съ индійскомъ терминомъ. Весьма вѣроятно, что къ тому же отдаленному періоду слѣдуетъ отнести обозначеніе безконечной величины и что зендское слово аханкхста въ аодствѣ съ скр. асанкхья, неисчислимое. Наибольшее сходство словаря ррійскихъ языковъ выступаетъ въ терминахъ, относящихся къ религіи; обиліе именно такихъ выраженій и словъ, общихъ арійцамъ и неизвѣстныхъ въ другихъ родственныхъ языкахъ, заставляетъ предполагать, что ирано-индійцы въ періодъ совмѣстной жизни преимущественно вырабатавали религіозныя представленія. Бога и боговъ они призывали одинаковыми именами; одинаково называли священнослужителей, молитву и славословія, жертву. Кромѣ слова *дева—богъ*, распространеннаго почти у всѣхъ индо-европейцевъ и встрѣчающагося съ видоизмѣненнымъ значеніемъ на иранской почвѣ, въ скр. есть и другія названія для бога, напр.: јажата, т.-е. чтимый, святой; слово это употребляется весьма часто какъ эпитетъ различныхъ боговъ и этимологически вполнѣ соотвѣтствуетъ зендскому јазата. Названіе иранскаго бога ахура на индійской почвѣ сохранилось въ словѣ асура также точно, какъ иранскимъ *Хаома*, *Митра* соотвѣтствуютъ индійскія обозначенія тѣхъ же миѳическихъ представленій *Сома*, *Митра*. Имена эти дѣйствительно не обозначаютъ важнѣйшихъ боговъ арійской миѳологіи, чтò, впрочемъ, свидѣтельствуетъ объ ихъ древности. Уважая эти образы какъ память прошлаго, арійцы не рѣшались удалить ихъ вполнѣ изъ своего пантеона, и отвели имъ второстепенное мѣсто въ немъ. Тоже разительное сходство замѣчаемъ мы въ обозначеніи священно-служителей и различныхъ формъ священнодѣйствія. зендскому слову *атхраван* соотвѣтствуетъ скр. *ашхарван*; скр. слово значитъ «служитель бога огня» и встрѣчается также какъ собственное имя; иранское обозначаетъ представленія: «имѣющаго огонь» и за-

тѣмъ священно-служителя. Въ такомъ же отношеніи другое зендское названіе для священнослужителя: заотаръ, къ хотар—скр. слову съ тѣмъ же значеніемъ. Жертву, молитву, славословіе ирано-индійцы обозначали одинаково (срв. скр. зажна—зенд. засна, жертва, скр. прасасти, зенд. фрасасти, молитва, скр. мантра, зенд. мантхра—славословіе и т. д.). Самое жертвоприношеніе, хаомъ—сомъ, по всей вѣроятности совершалось одинаково, ибо въ позднѣйшихъ описаніяхъ обряда, иранскихъ и индійскихъ, подмѣчено много общихъ чертъ, и это сходство можетъ быть объяснено только какъ общее наслѣдіе отъ арійскаго періода. Въ тоже время должны были выработаться многіе образы героевъ, въ сказаніяхъ о которыхъ, какъ иранскихъ, такъ и индійскихъ, есть множество сходныхъ и древнихъ чертъ. (Срав. скр. Ману—зенд. Ману-читхра, скр. Трита — зенд. Тхрита, Тхраетаона и т. д.).

Изъ этихъ фактовъ, бѣгло намѣченныхъ, можно уже заключить, что матеріалъ для характеристики обще-арійскаго періода довольно значителенъ. Періодъ совмѣстной жизни ирано-индійцевъ несомнѣнно долженъ считаться историческимъ фактомъ, хотя и нѣтъ никакой возможности хронологически опредѣлить его. Индійцы и иранцы, послѣ того какъ отъ нихъ отдѣлились другіе индо-европейцы, продолжали еще жить нѣкоторое время вмѣстѣ. За это время у нихъ въ языкѣ, миѳѣ и религіи развилось многое, что̀ характеризуетъ азіатскихъ арійцевъ въ отличіе отъ прочихъ индо-европейцевъ. Обыкновенно принимаютъ, что религія была причиною разъединенія двухъ племенъ, и въ подтвержденіе подобнаго соображенія указываютъ на такіе факты: дева, говорятъ, въ Индіи значитъ существо благое, богъ, у иранцевъ же даева обозначаетъ злыхъ существъ; приводятся, кромѣ того, еще нѣсколько именъ съ подобнымъ видоизмѣненіемъ значенія; но такіе единичные примѣры, при той массѣ сходнаго, на что̀ было указано выше, едва ли могутъ придать большое вѣроятіе гипотезѣ. Оригинальныя представленія могли возникнуть въ Иранѣ совершенно случайно, по раздѣленіи племенъ, вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія религіознаго сознанія.

Такимъ образомъ нѣтъ положительныхъ данныхъ для опредѣленія хронологически арійскаго періода или его продолжительности, нѣтъ фактовъ, выясняющихъ тѣ причины, которыя побудили родственныя племена разойтись, или указывающихъ на ту мѣстность, гдѣ арійцы прожили этотъ періодъ. Жили ли они въ одной изъ тѣхъ странъ, гдѣ иранцевъ и индійцевъ застаетъ исторія, или же въ какой либо третьей, откуда арійцы вышли, раздѣлившись на двѣ вѣтви: индійскую и иранскую — для разрѣшенія послѣднихъ вопросовъ также нѣтъ данныхъ, и возможны только предположенія.

II. Арійцы въ Индіи.

Индійскіе арійцы считаютъ себя исконными туземцами въ Индіи; ни въ одной изъ ихъ книгъ не сохранилось прямого указанія или сознательнаго воспоминанія о стародавнемъ пребываніи внѣ Индіи, и исторія застаетъ индійцевъ или арійцевъ, какъ они сами называли себя въ то время, на сѣверо-западѣ теперешней Индіи, въ мѣстности между рр. Кабуломъ и Индомъ и въ части Пенжаба. Въ Ригъ-ведѣ есть много географическихъ указаній, и всѣ эти факты, за исключеніемъ весьма немногихъ, встрѣчающихся въ позднѣйшихъ вставкахъ, относятся къ странѣ, сейчасъ отмѣченной. Въ гимнахъ упоминаются, напр., священныя рѣки Кубха (Кофенъ, Кабулъ), Гомати (Гомалъ), Круму (Куррамъ), или сосѣдніе народы: Бахлика, т.-е. бактрійцы, Камбожа, (м. б. тоже чтò Камужъ, одно изъ племенъ въ нынѣшнемъ Кафиристанѣ), Гандхара и т. д. Словомъ, на основаніи географическихъ указаній ведическихъ гимновъ совершенно очевидно, что въ то время, когда слагались ведическія пѣснопѣнія, арійцы заселяли страну жаркую, тропическую, температура которой въ иные мѣсяцы достигаетъ 100° по Ф. и свыше того. Живя среди такихъ климатическихъ условій, арійцы считаютъ годы по *зимамъ*. Они молятъ своихъ боговъ о благополучной жизни для себя и для своего потомства въ продолженіи *ста зимъ*—çатам химах, употребляя такое выраженіе, которое позднѣе было ими совсѣмъ оставлено, какъ выраженіе понятія года, потому что арійцы въ индійскихъ равнинахъ естественно должны были забыть зиму болѣе сѣверныхъ широтъ; въ Ведахъ-же *годъ* обозначается еще словомъ, которое значитъ и зима, и холодно. Слово это распространено въ индо-европейскихъ языкахъ: скр. хима, хема, хеманта тоже что зенд. зим., зима, или греч. χειμών, δύς-χιμος, или наше зима. Такое употребленіе слова хима могло имѣть мѣсто въ Индіи у арійцевъ только потому, что прежде они жили въ странахъ, гдѣ дѣйствительно бывало холодно, гдѣ наступленіе холодовъ и временное умираніе природы было явленіемъ на столько поразительнымъ, что съ него начиналось счисленіе времени.

Древне-индійскія преданія о странѣ святыхъ и раѣ, а также о потопѣ, допускаютъ подобное же толкованіе: и въ нихъ какъ бы сохранились намеки на то, что къ сѣверу, въ странахъ внѣ-индійскихъ, слѣдуетъ искать прародину арійцевъ.

Памятники, правда, не столь древніе какъ Ригъ-веда, но еще полные старинныхъ воспоминаній, упоминаютъ о странѣ Уттаракуру; въ нихъ описывается эта страна населенною людьми безстрастными, блаженствующими; кто владѣетъ этою страной, тому при-

надлежитъ вся земля. Это страна боговъ; вѣчно счастливъ живущій тамъ, и нѣтъ предѣла его бытію. Смертный не можетъ достигнуть этой страны, лежащей къ сѣверу отъ Гималаевъ.

Память о странѣ Уттара-куру, т.-е. странѣ сѣверныхъ Куру, пережила многія столѣтія. Въ «Махабхаратѣ» и въ «Рамаянѣ» эта страна живописуется разнообразными миѳическими чертами. Но въ основаніи миѳическаго представленія лежитъ реальный фактъ. Этимъ именемъ въ древности называлась дѣйствительно существовавшая страна. Значеніе названія совершенно ясно: уттара значитъ—сѣверный; слово же куру родственно съ древне-персидскимъ собственнымъ именемъ Курушъ-Киръ и происходитъ отъ корня кр—дѣлать. Страна сѣверныхъ Куру была извѣстна греческимъ географамъ. По опредѣленію Птоломея, городъ Οττοροχόρρας лежитъ у восточнаго конца Емодскаго хребта. Ктезій, сохранившій намъ столько чисто индійскихъ вымысловъ, говоритъ, что эта страна заселена святыми людьми. Птоломей, кромѣ того, знаетъ народъ отторокорровъ, жившій на в. отъ Касійскихъ горъ. Эти указанія несомнѣнно убѣждаютъ, что подъ именемъ Уттара-куру разумѣлась страна, дѣйствительно существовавшая гдѣ-то внѣ Индіи, быть можетъ на в. отъ нынѣшняго Кашгара. Въ миѳическихъ представленіяхъ древнихъ индійцевъ о раѣ, о міровомъ потопѣ сохранились также неясныя указанія на страны къ с. отъ Гималаевъ. Въ преданіяхъ о міровомъ потопѣ разсказывается, что Ману, индійскій прародитель, приплылъ въ индустанскія равнины изъ-за Гималаевъ. Въ этомъ воззрѣніи древнихъ индійцевъ на страны къ с. отъ Гималаевъ, какъ на область вѣчнаго блаженства, нельзя не видѣть смутныхъ преданій объ арійской прародинѣ. Въ нѣкоторыхъ, болѣе позднихъ нежели ведическіе гимны, памятникахъ сами индійскіе арійцы разсказываютъ, какъ они мало по малу заселяютъ и завоевываютъ Индустанъ. Такъ въ Сатапатха-брахманѣ есть легендарное повѣствованіе о распространеніи культа огня на востокѣ Индустана; преданія же о рапространеніи арійцевъ на югъ главнымъ образомъ сохранились въ классическомъ санскритскомъ эпосѣ.

III. Санскритъ и арійскія нарѣчія въ Индіи.

Арійцы, заселивъ сѣверо-западъ Индіи и страны по Инду, не знали еще кастъ; въ то отдаленное время у нихъ не было рѣзкихъ сословныхъ различій, не было общественныхъ слоевъ, стоявшихъ на различныхъ ступеняхъ культурнаго развитія; въ ихъ средѣ еще не существовали тѣ условія, въ силу которыхъ развиваются различные

способы говоренія. Нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, что уже тогда существовалъ языкъ образованныхъ людей рядомъ съ народною рѣчью. Были, можетъ быть, различные говоры и нарѣчія, но по всей вѣроятности арійскій языкъ не видоизмѣнялся сильно по этимъ нарѣчіямъ.

Въ этотъ періодъ арійскаго пребыванія на берегахъ Инда возникли тѣ древнѣйшія пѣсни, которыя дошли до насъ въ сборникѣ подъ названіемъ Ригъ-веда. Языкъ этотъ есть древнѣйшій образецъ арійской рѣчи въ Индіи, и его принято называть ведическимъ.

За этимъ древнѣйшимъ періодомъ послѣдовали эпоха развитія кастъ и брахманскаго преобладанія въ индійскомъ обществѣ, и выработка брахманскаго міросозерцанія. Распаденіе народа на высшій и низшій слои отразилось также и на языкѣ. Въ низшемъ слоѣ, въ языкѣ народа, быстро развивались фонетическія измѣненія, слѣдствіемъ которыхъ было паденіе и обѣдненіе формальной стороны языка. Въ силу этого образовались народныя нарѣчія. Въ языкѣ ученыхъ, въ рѣчи высшаго слоя, сказалось напротивъ консервативное стремленіе удержать фонетику и морфологію языка неизмѣнною. Такимъ образомъ развился санскритъ. Санскритъ (въ переводѣ: рѣчь изящная) есть языкъ высшаго индійскаго общественнаго слоя, это рѣчь школы и литературы; по своему искусственному образованію, онъ моложе ведическаго языка и старше древнѣйшихъ индійскихъ нарѣчій, ибо несомнѣнно, санскритъ, какъ всякій языкъ, есть естественное созданіе народнаго генія, искусственно задержанное въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, хотя и не вполнѣ, такъ какъ даже въ самомъ санскритѣ, при искусственной косности формальной стороны языка, въ синтаксисѣ замѣчаются различныя фазы развитія. Древнѣйшими образцами народныхъ нарѣчій были: 1) нарѣчія надписей Асоки (III в. до Р. Х.); 2) пали, нарѣчія жайнскихъ и буддійскихъ сочиненій; 3) пракритскія нарѣчія индійскихъ драмъ.

Всѣ эти нарѣчія, вмѣстѣ съ санскритомъ, можно считать принадлежащими ко второму періоду арійской рѣчи въ Индіи. Памятники, писанные на различныхъ нарѣчіяхъ, являлись неодновременно; нѣкоторыя изъ нихъ древнѣе санскритскихъ, другіе явились въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи. Такіе же поздніе памятники извѣстны также и на санскритѣ.

Къ третьему періоду относятся новѣйшія арійскія нарѣчія Индіи, распространенныя главнымъ образомъ между Гималаями на сѣверѣ и горами Виндья на югѣ. Насчитываютъ семь главныхъ нарѣчій и нѣсколько второстепенныхъ.

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ, какъ сказано въ самомъ заглавіи, будетъ обращено почти исключительное вниманіе на санскрит-

скіе памятники, и при обзорѣ памятниковъ, насколько возможно, будетъ соблюдена хронологическая послѣдовательность.

Давно извѣстно, однакожъ, что всѣ вопросы объ индійской хронологіи сопряжены съ большими трудностями и могутъ быть разрѣшаемы только съ приблизительною точностью; извѣстно также, что въ богатой древне-индійской литературѣ мы едва находимъ немногочисленные зародыши исторіографіи, и притомъ по времени появленія весьма поздніе. Отсутствіе этого рода литературныхъ памятниковъ можетъ быть объяснено особенностями древне-индійскаго народнаго генія и само по себѣ представляется весьма любопытнымъ и оригинальнымъ явленіемъ.

Въ странѣ философовъ и отшельниковъ лучшіе умы весьма рано, еще на зарѣ своего національнаго историческаго бытія, пришли къ убѣжденію въ томъ, что все случающееся съ человѣкомъ въ земной жизни не можетъ называться ни добромъ, ни зломъ; въ Индіи мыслители, за немногими и невыдающимися исключеніями, утверждали, что конечная цѣль философіи — научить человѣка равнодушію къ явленіямъ жизни, безразличному отношенію къ ея скорби и радости. Этотъ пассивный, отвлеченный складъ ума уже былъ подмѣченъ тѣми немногими греками, сказанія которыхъ о древнихъ индійцахъ дошли до насъ; еще рельефнѣе и ярче отражается онъ во всѣхъ литературныхъ памятникахъ, непосредственно слѣдующихъ за первыми ведическими пѣснопѣніями. Индійцы были по преимуществу націей философовъ въ этомъ смыслѣ, и нигдѣ такія философскія воззрѣнія не пустили болѣе глубокихъ корней, чѣмъ въ Индіи; въ области религіи и метафизики индійскій умъ творилъ безустанно; прошедшее для индійца существовало, но исключительно какъ непонятная и вызывающая на глубокое размышленіе задача о міроизданіи; на будущее онъ смотрѣлъ, какъ на вопросъ о бытіи неземномъ; среди борьбы изъ-за метафизическихъ доктринъ, древній индіецъ никогда не обращалъ вниманія на настоящее, ускользавшее отъ его ума, постоянно занятаго вопросами внутренняго міра и отвлеченной мысли. Едва ли въ исторіи найдется другой примѣръ такого своеобразнаго многовѣковаго бытія.

Слѣдуетъ припомнить, сверхъ того, еще одну выдающуюся оригинальную черту древне-индійской культуры: съ глубокой древности всякій индіецъ принадлежалъ къ какой-либо кастѣ; сознаніе своей принадлежности къ кастѣ заглушало въ немъ національное чувство; онъ не имѣлъ національныхъ интересовъ, у него не было національнаго прошедшаго, какъ общенароднаго достоянія.

При отсутствіи національной исторіографіи и недостовѣрности

національныхъ преданій, установить періоды въ исторіи древне-индійской литературы и излагать ее въ связи съ національной исторіей представляется пока, при современной разработкѣ санскритской филологіи, задачей невыполнимой.

Возможно, однако же, различить и теперь двѣ эпохи въ исторіи санскритской литературы и дневне-индійской исторіи: *древнѣйшую*, которая предшествуетъ появленію буддизма, и *новѣйшую*—съ года смерти Будды (534 г. до Р. Х. или около того времени). Спеціальныя изслѣдованія о каждомъ родѣ памятниковъ и о каждомъ отдѣльномъ памятникѣ должны выяснить, къ какой изъ этихъ пеохъ они должны быть отнесены; но и эта задача, къ сожалѣнію, до сихъ поръ невсегда выполнима.

IV. Веды.

Литература: H. T. Colebrooke: On the Vedas, or sacred writings of the Hindus. См. его Miscellaneous essays, vol. II, стр. 8 и сл.

R. Roth: Zür Litteratur und Geschichte des Weda. Stuttgart, 1846.

Albrecht Weber: Akademische Vorlesungen über indische Literaturgeschichte. Berlin. 1876.

Max-Müller: A. History of ancient Sanskrit-literature.

Ригъ-веда издана нѣсколько разъ: 1) Максомъ Мюллеромъ вмѣстѣ съ комм. Саяны (6 vols in 4°, London, 1849—73). 2) Его же изданіе полнаго текста безъ комм. (London, 1873). 3) Часть текста была имъ же издана еще ранѣе (Leipzig, 1856—7, in 4°). 4) Изданія Розена (London, 1838, in 4-to) и 5) Д-ра Рöера (Calcutta, 1849) не были доведены до конца. 6) Вполнѣ текстъ Ригъ-веды, но безъ комм. и латинскимъ шрифтомъ, былъ изданъ д-ромъ Ауфрехтомъ (Indische Studien, vols VI, VII. Berlin, 1861—3).

Изъ переводовъ Ригъ-веды, кромѣ старинныхъ Ланглюа на французскій и Розена на латинскій (при его изданіи текста), слѣдуетъ упомянуть о появившихся въ послѣднее время переводахъ: 1) *Вильсона*, по смерти его издается Коуэлемъ (London, 1866), 2) *Бенфея* (Orient und Occident. Göttingen, 1860—65)—не полный, 3) Макса Мюллера—не полный (одинъ томъ, London, 1869), 4) Гроссмана и 5) Людвига.

Весьма много отдѣльныхъ гимновъ явилось въ переводахъ въ разныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ. См. напр. Muir's Original Sanskrit Texts (5 vols).

Текстъ Сâма-веды изданъ: 1) *Стивенсономъ* (London, 1843), 2) *Бенфеемъ* (Leipzig, 1848) и 3) въ Bibliotheka Indica (1871—74). Бенфей вполнѣ перевелъ эту веду.

Кромѣ того, дополнительный отдѣлъ, принадлежащій школѣ Найдея, былъ изданъ *Гольдшмидтомъ*, см. Monatsberichte d. Berliner Akademie, April, 1868.—*Ф. Фортунатовъ*: Sama veda aranyaka-samhita. Москва, 1875.

Важасанея Яжуръ-веда издана Веберомъ. Танттирія Самхита въ Bibl, Indica, съ комм. Саяны, и Веберомъ въ Ind. Studien, т. XI. XII, безъ комм. Майтраяни-самхита найдена Гаусомъ и до сихъ поръ еще не издана.

Атхарва-веда издана Ротомъ и Уитнеемъ. Отдѣльныя части этой веды были переведены Ауфрехтомъ (Ind. Stud., vol. 1), Веберомъ (тамъ же и въ Monatsberichte d. Berliner Ak., 1870) и мн. др. Полнаго перевода этой веды нѣтъ пока.

Веда, по понятіямъ правовѣрныхъ индійцевъ, есть откровеніе Брахмы: долгое время она хранилась въ преданіи, и въ предлежащій намъ видъ была приведена мудрецомъ Вьяса или Ведавьяса. Онъ распредѣлилъ откровенія Брахмы на четыре части, именуемыя Ригъ-веда, Яжуръ-веда, Сама-веда, Атхарва-веда.

Каждая изъ Ведъ дѣлится на двѣ части: *мантра* и *брахмана*, или на молитвы и правила. Собраніе гимновъ, молитвъ, воззваній, принадлежащихъ къ одной ведѣ, носитъ названіе самхитâ. Остальныя части индійскаго священнаго писанія озаглавлены общимъ именемъ *брахмана*, чтò можно передать словомъ: богословіе.

Каждая изъ самхитъ хранилась устно въ различныхъ брахманскихъ школахъ: тексты, принятые въ этихъ школахъ, отличались другъ отъ друга распредѣленіемъ молитвъ и варіантами въ отдѣльныхъ частяхъ; всѣ такія отличія образуютъ çâкхи и разнообразныя тексты Ведъ по различнымъ школамъ. Число ихъ, судя по преданію, въ древности было значительно, но до насъ дошли весьма немногія çâкхи.

Самхиты (въ особенности Ригъ-веда) — древнѣйшіе памятники индійской литературы; онѣ отличаются отъ послѣдующихъ произведеній и по языку, и содержаніемъ. Эти собранія гимновъ можно по справедливости считать краеугольнымъ камнемъ всей позднѣйшей индійской литературы, въ которой находится дальнѣйшее развитіе того, чтò въ гимнахъ читателю представляется какъ бы въ зародышѣ. Отсюда высокое значеніе Ведъ для уразумѣнія всѣхъ созданій индійскаго народнаго генія, часто совершенно непонятныхъ безъ помощи Ведъ.

Но Веды имѣютъ еще болѣе широкое значеніе: въ нихъ сохранилась полная картина древней первобытности индо-европейской расы; здѣсь мы находимъ многочисленныя и весьма важныя данныя для объясненія языка, религіи, миѳологіи и культуры всего индо-европейскаго племени.

Ригъ-веда-самхита состоитъ изъ гимновъ, главнымъ образомъ хвалебныхъ. *Ригъ* есть имя молитвы или гимна, въ которомъ восхваляется какое-либо божество.

Собраніе этихъ гимновъ дѣлится на восемь частей (аштана); каждая изъ восьми частей подраздѣляется на восемь чтеній (адхьяя). Каждое чтеніе далѣе дѣлится на отдѣлы (обыкновенно по пяти стиховъ); всѣхъ такихъ отдѣловъ въ Ригъ-ведѣ 2006.

По другому дѣленію, Ригъ-веда распадается на 10 книгъ (мандала), 85 главъ (анувака), 1017 гимновъ (сукта) и содержитъ 10,580 стиховъ.

Гимны отдѣльныхъ книгъ принадлежатъ различнымъ поэтамъ: такъ въ первой и десятой книгѣ встрѣчаются произведенія разныхъ авторовъ. Вторая книга содержитъ произведенія Гритсамады, третья —Висвамитры, четвертая—Вамадевы, пятая—Атри, шестая—Бхарадважи, седьмая—Васиштхвы, восьмая—Канвы, девятая—Ангираса.

Весьма вѣроятно, что гимны, приписываемые единичнымъ поэтамъ, создавались въ родахъ этихъ мудрецовъ (*риши*).

Въ книгахъ гимны распредѣлены въ опредѣленномъ порядкѣ: сперва слѣдуютъ гимны, обращенные къ богу огня, затѣмъ гимны къ Индрѣ и наконецъ къ другимъ богамъ. Такова послѣдовательность въ восьми первыхъ книгахъ. Девятая посвящена Сомѣ и одна треть Сама-веды заимствована отсюда, десятая же книга, наиболѣе поздняя, находится въ тѣсной связи съ Атхарва-ведой.

Самхита Ригъ-веды, по справедливости, считается болѣе древнею, нежели остальныя самхиты, которыя — не болѣе, какъ сборники молитвъ, необходимыхъ при разныхъ жертвоприношеніяхъ. Содержаніе Ригъ-веды гораздо разнообразнѣе, и это собраніе гимновъ никогда исключительно не назначалось для жертвоприношеній.

Для правильнаго опредѣленія древности Ригъ-веды необходимо строго различать редакціи ведическихъ гимновъ, раннія и позднія пѣснопѣнія. Конечно, современное изученіе этого памятника даетъ весьма шаткіе критеріи для точнаго опредѣленія, какія части въ сборникѣ болѣе древни, какія явились позднѣе; въ самомъ языкѣ нѣтъ данныхъ для удовлетворительнаго рѣшенія подобнаго вопроса, такъ какъ языкъ, вслѣдствіе долговременной устной передачи ведическихъ пѣснопѣній, сталъ однообразенъ во всѣхъ частяхъ. Объ относительной древности гимновъ можно судить только на основаніи ихъ содержанія, по тѣмъ миѳологическимъ, географическимъ и эпическимъ датамъ, какія даютъ самые гимны.

Древнѣйшія пѣснопѣнія возникли въ то время, когда жертвоприношенія совершались очень просто, безъ сложной и запутанной обрядности, были актомъ простой благодарности великому неизвѣстному, прямо и непосредственно внушенной сердцемъ. Поэтъ, славословившій бога, былъ въ тоже время вождемъ и священнодѣйствующимъ въ своей семьѣ или родѣ; его словамъ внимали съ вѣ-

рой, и толпа, повторяя его изреченія и пѣсни, видѣла въ немъ существо необыкновенное, высшее и болѣе близкое къ богамъ. Въ этихъ пѣсняхъ нѣтъ еще глубокой мудрости или высокаго полета фантазіи; религія пѣвцовъ проста и можетъ быть передана въ немногихъ словахъ. Но въ этихъ древнѣйшихъ образцахъ индійской поэзіи есть высокая прелесть непосредственности, оригинальности и искренности.

Въ пѣсняхъ есть много данныхъ для опредѣленія мѣста, гдѣ онѣ слагались, и тѣхъ условій, среди которыхъ тогда жилъ индійскій народъ.

Индійцы въ то время засѣли по берегамъ Инда; они дѣлились на множество родовъ, которые враждовали между собою, были частью кочевниками, частью земледѣльцами.

Каждый глава семьи былъ священнодѣйствующимъ; онъ возжигалъ священный огонь, совершалъ домашніе обряды, возсылалъ хвалы и молитвы къ богамъ. Случались и большія жертвоприношенія, совершавшіяся по волѣ царей; тутъ являлись особые священнослужители, отличавшіеся въ общемъ мнѣніи болѣе глубокою мудростью и необходимыми познаніями въ обрядахъ. Но кастъ индійцы еще не знали въ то время: народъ составлялъ одно единое цѣлое и именовался вис, а вождь назывался виспати.

Женщины пользовались полною свободой; въ числѣ творцовъ ведическихъ пѣснопѣній называются нѣсколько женскихъ именъ —поэтессъ и царевенъ.

Бракъ считался священнымъ: мужъ и жена оба были владыками дома и возсылали къ богамъ общее моленіе.

Религіозное сознаніе выражалось въ чувствѣ зависимости отъ различныхъ явленій природы, понимаемыхъ какъ существа многомощныя. Но зависимость человѣка не всегда сознавалась какъ полная. Индіецъ въ тотъ періодъ весьма часто склоненъ былъ думать, что его богъ нуждается и въ его славословіяхъ, и въ его приношеніяхъ.

Хотя древнѣйшія части Ригъ-веды возникли въ отдаленную эпоху, онѣ записаны гораздо позднѣе и самая редакція этихъ пѣснопѣній, распредѣленіе ихъ по книгамъ и т. д., принадлежитъ позднѣйшему времени; задача научной критики должна состоять въ опредѣленіи, какія части Ригъ-веды явились позднѣе, какія — ранѣе. Несомнѣнно, что собираніе гимновъ Ригъ-веды для составленія изъ нихъ одной самхиты началось въ то время, когда брахманы образовали уже одну вліятельную касту; но этотъ сборникъ молитвъ не имѣетъ еще характера обрядника,—порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ гимны, совершенно независимъ отъ хода жертвоприношеній; кромѣ того, въ самхитѣ есть множество гимновъ, никогда не употреблявшихся при

жертвоприношеніяхъ. И этими признаками Ригъ-веда отличается отъ самхитъ Сама и Яжуръ-веды; каждый гимнъ, каждый стихъ, каждое воззваніе въ двухъ послѣднихъ употреблялись священно-дѣйствующими при совершеніи различныхъ жертвоприношеній. Отсюда можно было бы заключить, что самхита Ригъ-веды редактировалась въ періодъ индійской исторіи, когда обрядовая сторона религіи не была еще преобладающей; но въ самыхъ гимнахъ есть косвенныя указанія на то, что вся эта масса поэзіи не принадлежитъ одной эпохѣ; есть пѣснопѣнія, въ которыхъ часто намекается на обряды, на различные чины священно-дѣйствующихъ и, наконецъ, прямо называются старые и новые пѣвцы.

Молитвенные гимны Ригъ-веды главнымъ образомъ обращены къ слѣдующимъ богамъ: Агни — богу огня, Индрѣ — громовержцу, Сурьѣ—солнцу. Рядомъ съ этими тремя важнѣйшими богами упоминаются многіе другіе: Варуна и Митра, Маруты, спутники Индры, Рудра, Сома и т. д.

На характеръ остальныхъ самхитъ было уже указано выше. Такъ Сама-веда есть антологія, выбранная изъ Ригъ-веды, и содержитъ въ себѣ тѣ стихи послѣдняго сборника, которые распѣвались при жертвоприношеніяхъ Сомѣ. Она содержитъ 1549 стиховъ, изъ которыхъ только 78 не отысканы въ Ригъ-ведѣ; большинство стиховъ взяты изъ восьмой и девятой книгъ. Стихи распредѣлены сообразно съ ходомъ обряда, и связь между ними выясняется при разсмотрѣніи самаго обряда.

Въ Яжуръ-ведѣ собраны изреченія и молитвы, необходимыя для всей совокупности ведическихъ обрядовъ. Эта веда дѣлится на двѣ части: *черную* и *бѣлую*, Тайттирія и Важасанея. Содержаніе обѣихъ частей одинаково, но распредѣленіе матеріала различно. Въ черной Яжуръ-ведѣ за изреченіями непосредственно слѣдуетъ догматическое толкованіе ихъ, а также описаніе обряда; въ бѣлой Яжуръ-ведѣ то и другое отдѣлено, и мы имѣемъ здѣсь совершенно отдѣльную самхиту отъ брахманы, въ которой излагаются догматическія объясненія и ритуалъ. Обѣ части Яжуръ-веды имѣютъ самостоятельныя, отдѣльныя послѣдующія литературы.

Самхита Атхарва-веды содержитъ до 760 гимновъ, или около 6000 стиховъ. Атхарва-веда не есть обрядникъ подобно двумъ вышеупомянутымъ самхитамъ. По своему болѣе широкому содержанію, она можетъ быть сближаема съ Ригъ-ведою, отъ которой она, впрочемъ, сильно отличается по духу. Въ Атхарва-ведѣ мы имѣемъ изреченія и заговоры противъ враждебныхъ человѣку силъ, противъ болѣзней, вредныхъ звѣрей; воззванія къ цѣлебнымъ травамъ, заговоры на разные случаи обыденной жизни, противъ враговъ и т. д. Только

отдѣльные гимны этой веды употреблялись при совершеніи различныхъ домашнихъ обрядовъ.

Какъ образецъ ведическихъ пѣснопѣній, помѣщаемъ слѣдующія три гимна. По содержанію они должны быть отнесены къ произведеніямъ болѣе поздней ведической эпохи;

1.

Отхарва-веда, IV. 16. Гимнъ къ Варунѣ.

1. Міровъ этихъ великій правитель видитъ все вблизи
И того, кто мнитъ, что дѣйствовалъ въ тайнѣ. Боги все это знаютъ.
2. И того, кто стоитъ, кто двигается, кто, прячась, ходитъ, и кто ползкомъ.
Если двое, сойдясь, совѣщаются, то знаетъ третій—царь Варуна.
3. Земля эта царя Варуны, и его же это обширное небо — съ далекими предѣлами.
Варуны чрево—два океана (небесное и земное). Онъ сокровенъ и въ этой малой водѣ.
4. Не убѣжитъ отъ царя Варуны тотъ, кто далеко по небу полетитъ,
Его небесные соглядатаи тысячеокіе исходятъ всю землю и видятъ все на ней.
5. Все, что на землѣ, въ небѣ и все, что внѣ, все то зритъ царь Варуна.
Имъ сочтены морганья человѣка...

2.

Ригъ-веда, VII, 89.

1. Да не взойду я, о царь Варуна, въ глиняный домъ. Смилосердись, Могучій смилосердись!

2. Трепеща, если я пойду какъ облако вѣтромъ гонимое, смилосердись, Могучій, смилосердись!

3. О Боже сильный и свѣтлый, въ дѣлахъ слабъ я, заблудился. Смилосердись, Могучій, смилосердись!

4. Возжаждалъ Тебя славящій, стоя въ водѣ. Смилосердись, Могучій, смилосердись!

5. О Варуна, если мы, смертные, передъ лицомъ небожителей совершаемъ преступленіе, и въ невѣдѣніи твой законъ нарушаемъ, не наказуй насъ за грѣхъ, о Боже!

3.

Ригъ-веда, VII. 103.

1. Словно брахманы, соблюдающіе обѣты, цѣлый годъ лежали лягушки, и вотъ, возбужденные дождемъ, онѣ заголосили.

2. Когда небесныя воды коснулись лягушекъ, возлежащихъ подобно пузырю сухому въ прудѣ, поднялось ихъ кваканіе, словно мычаніе коровъ съ телками.

3. Омоченныя при наступившемъ дождѣ, онѣ, жаждущія и алчущія, словно сынъ къ отцу, другъ другу голосили: акх-халъ!

4. Ликуя подъ ливнемъ, другъ друга хватали. Окрапленная лягушка подпрыгивала и кваканіе рыжей смѣшивалось съ кваканіемъ зеленой.

5. Какъ ученикъ за учителемъ, другъ за другомъ онѣ повторяли и при бойкомъ кваканіи подъ водою, каждый членъ лягушки полнѣлъ.

6. Одна мычала по-коровьи, другая какъ коза блеяла, одна рыжая, другая зеленая, другъ на друга не похожи, но именемъ однимъ называясь, тамъ и сямъ онѣ многообразно квакали.

7. Какъ брахманы при жертвѣ Сомы, полноводный прудъ окруживъ и квакая, вы, лягушки, славьте сей день года, въ оньже ливень начался.

8. Сказали свое слово брахманы съ Сомою, совершая свое годичное моленіе. показались наружу, потѣя, съ горячими чашами жрецы адхварью, что прятались

9. Соблюдали богами указанное, не нарушали того, чтó въ свое время должно совершаться, и при наступленіи годичнаго ливня, лягушки, бывшія сами подобно горячимъ чашамъ, теперь освобождены.

10. Та, чтó какъ корова мычитъ, или блеетъ подобно козѣ, рыжая или зеленая, лягушки, даруйте намъ богатство, подайте намъ коровъ сотню, продлите жизнь!

V. Главный составъ брахманической литературы.

Литература: Для знакомства съ литературой о ритуалѣ важны многочисленныя статьи Вебера, въ его Indische Studien, особенно же томъ X, 321—396.

M. Haug: The Aitareya Brahmanam of the Rigveda. Bombay, 1863.

Для упанишадовъ, см. также Indische Studien, статью Вебера.

Лучшее популярное изложеніе философскихъ системъ принадлежитъ Колебруку, см. его Miscellaneous Essays, vol. 2 и 3.

Грихья сутра Асвалâяны, Параскары были изданы и переведены Штенцлеромъ въ Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, vol. IV, V.

О грамматической литературѣ см. Benfey, Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland.

Пѣснопѣнія ведическія у правовѣрныхъ индійцевъ носятъ названіе *срути*, т.-е. откровенія; но подъ именемъ откровенія разумѣются не только самхиты или часть Ведъ *мантра*, но тоже имя распространяется и на другія сочиненія послѣдующей эпохи, хотя и тѣсно связанныя съ частью мантра. Сюда относятся: *брахманы*, или предписанія о ритуалѣ,—сочиненія, писанныя въ прозѣ; *упанишады*—содержащія мистическія ученія и писанныя отчасти прозой, отчасти стихами.

Каждая самхита имѣетъ свои брахманы. Такъ Ригъ-веда имѣетъ двѣ брахманы. Сатапатха брахмана, принадлежащая къ Ажуръ-ведѣ, можетъ почитаться самымъ интереснымъ образцомъ этого рода литературы. Сама-веда имѣетъ восемъ брахманъ. Брахмана, принадлежащая къ Атхарва-ведѣ, носитъ названіе гопатха.

Упанишады содержатъ въ зародышѣ тѣ философскія ученія, которыя впослѣдствіи развились въ цѣлыя системы. Число ихъ

очень значительно и болѣе полутораста извѣстны по имени. Нѣкоторые изъ упанишадовъ изданы и переведены на англійскій языкъ.

Изъ мистическаго ученія упанишадовъ развились слѣдующія шесть главнѣйшихъ философскихъ системъ: 1. Ньяя — авторомъ этой системы считаютъ мудреца Гаутаму; 2. Вайсешика — авторъ по преданію Канада; 3. Санкхья—авторъ Капила; 4. Іога—авторъ Патанжали; 5. Миманса—авторъ Жаймини; 6. Веданта—авторъ Бадараяна или Вьяса.

Другой отдѣлъ санскритской литературы, по своему содержанію тѣсно примыкающій къ Ведамъ, носитъ общее названіе *смрити*, или священнаго преданія.

Смрити, или преданіе, состоитъ изъ шести главныхъ отдѣловъ Первый отдѣлъ составляетъ шесть *ведангъ*, т.-е. шесть отраслей знанія, необходимыхъ для чтенія, пониманія Ведъ и для правильнаго употребленія ихъ при жертвоприношеніяхъ. Отрасли этихъ знаній слѣдующія: 1. Калпа, руководство къ ритуалу. Собранія правилъ для правильнаго совершенія жертвоприношеній носятъ названіе Сраута-сутра; 2. Сикша, или ученіе о правильномъ произношеніи; 3. Чхандасъ, или метрика; 4. Нирукта—объясненіе трудныхъ мѣстъ и словъ ведическихъ пѣснопѣній; 5. Вьякарана, или грамматика; 6. Жютишъ, или астрономія.

Къ второму отдѣлу преданія относятся: смарта-сутра, т.-е. правила для совершенія домашнихъ обрядовъ (грихья-сутра), и изложеніе обычаевъ и ежедневныхъ обязательныхъ обрядовъ (самаячарика-сутра); къ третьему отдѣлу — книги законовъ (дхармасастра); къ четвертому — эпическія поэмы (итихаса); къ пятому — 18 главныхъ пуранъ и столько же малыхъ (упапуранъ), или собраній старинныхъ легендъ и преданій; къ шестому — сочиненія этическаго и дидактическаго характера (нитисастра). Не всѣ эти сейчасъ поименованные виды древне-индійскихъ литературныхъ памятниковъ могутъ быть въ одинаковой степени любопытны для неспеціалиста, но нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ и общій интересъ и даже нѣкоторое значеніе для европейской науки; такъ, напр., книги древне-индійскихъ законовъ, несомнѣнно, имѣютъ немаловажное значеніе для сравнительнаго правовѣдѣнія; глубокій интересъ, связанный съ изученіемъ юридическихъ памятниковъ древней Индіи, не разъ и весьма обстоятельно разъяснялся современными юристами и историками, напр., сэромъ Г. С. Мэномъ. [1]) — Результаты грамматическихъ разъясненій древнихъ индійцевъ также не потеряли своей цѣны по настоящее время; таковы ихъ изслѣдованія по фоне-

[1]) См. напр. European views of India, by Sir Herry Sumner Maine.

тикѣ, о происхожденіи и классификаціи звуковъ; ихъ точное описательное изложеніе грамматики одного изъ древнѣйшихъ и богатѣйшихъ индо-европейскихъ языковъ, т.-е. санскрита.

Древность индійской астрономіи и оригинальность ея пріемовъ уже давно возбуждали любопытство многихъ европейскихъ спеціалистовъ. Несомнѣннымъ остается, что индійцы уже въ глубокой древности достигли весьма важныхъ и точныхъ результатовъ въ своихъ астрономическихъ наблюденіяхъ. Также точно въ ариѳметикѣ, и особенно въ алгебрѣ, ими сдѣланы были важныя открытія. Но и въ этой области народный геній сказался со всѣми своими недостатками, и тутъ къ остроумію и оригинальности пріемовъ примѣшались излишекъ фантазіи и постоянное стремленіе жертвовать земнымъ для заоблачныхъ цѣлей, а потому и въ индійской астрономіи, рядомъ съ точнымъ наблюденіемъ, встрѣчается баснословный жреческій вымыселъ.

Шесть важнѣйшихъ древне-индійскихъ философскихъ школъ, несмотря на различіе въ частностяхъ, имѣютъ много общаго и родственнаго между собою.

Всѣ онѣ преслѣдуютъ одну главную цѣль, напр., средство къ спасенію отъ узъ жизни, и всѣ одинаково признаютъ, что важнѣйшая причина узъ или мученій есть невѣденіе. Невѣденіе же состоитъ въ томъ, что душа, отличная отъ разума, чувствъ и тѣла, отожествляетъ себя съ ними.

Отъ этого отожествленія происходитъ то, что душа сознаетъ нѣкоторые предметы своими собственными, другіе какъ чуждые, принадлежащіе другимъ, что черезъ посредство тѣла она получаетъ удовольствіе отъ однихъ предметовъ и мученія отъ другихъ.

Отсюда въ ней возникаетъ желаніе удовольствія или стремленія къ тому, что доставляетъ его, и отвращеніе отъ того, что причиняетъ скорбь. Эти желанія и отвращенія побуждаютъ ее къ различнымъ дѣламъ, добрымъ и злымъ, отъ которыхъ происходятъ грѣхъ и заслуга; смотря по грѣхамъ и заслугамъ, душа идетъ или въ адъ, или въ рай, или переживаетъ различныя перерожденія.

Такимъ образомъ отъ невѣденія происходятъ мученія или узы, и спасеніе отъ нихъ составляетъ кардинальную задачу всѣхъ философскихъ школъ Индіи.

Эта задача придаетъ характерный, національный оттѣнокъ философскимъ системамъ Индіи.

Но при внимательномъ изученіи особенностей древне-индійскихъ философскихъ ученій, въ нихъ открывается многое, что напоминаетъ ученія далекаго запада. Въ этой обширной литературѣ мы сталкиваемся съ вопросами вѣчными для человѣчества: о причинѣ всѣхъ при-

чинъ, объ отношеніи духа къ матеріи, о созданіи міра, о судьбѣ и т. д. Различныя ученія о вѣчности матеріи, объ ея эманаціи отъ божества, о бытіи высшаго существа, о происхожденіи душъ отъ бога и конечномъ сліяніи ихъ съ нимъ, ученія объ атомахъ, о міровыхъ катаклизмахъ и т. д.—всѣ эти доктрины сближаютъ въ частностяхъ философскія ученія древней Индіи съ нѣкоторыми западными доктринами и придаютъ особый интересъ изученію древне-индійской философіи, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, далеко недостаточно разработанной.

VI. Буддизмъ.

Литература: Burnouf: Introduction à l'histoire du Bouddhisme indien.
Васильевъ: Буддизмъ, томы 1 и 3.
Koeppen: Die Religion des Buddha, 2 vol.

Ведическія пѣсни и содержаніе древнѣйшихъ изъ вышеупомянутыхъ сочиненій, трактующихъ о ритуалѣ, т.-е. брахманъ, принадлежатъ эпохѣ, предшествующей буддизму, начало котораго относится къ VI — V вѣку до Р. Х. Въ это время, по преданію, въ Индіи выступилъ проповѣдникъ изъ царскаго рода Сакьевъ; около великаго мудреца, ставшаго съ самаго начала своей дѣятельности въ антагонизмъ съ тогдашнимъ брахманскимъ строемъ общества, собралась толпа учениковъ, которымъ онъ завѣщалъ свое ученіе.

Это ученіе, по убѣжденію истинно вѣрующихъ буддистовъ, содержится въ ихъ каноническихъ книгахъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ: «Три питаки» (три сосуда).

Три питаки, по объему, формѣ и языку, не имѣютъ и отдаленнаго сходства съ священными книгами другихъ вѣроученій.

Онѣ извѣстны намъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ и на нѣсколькихъ языкахъ. И во всѣхъ редакціяхъ и на всѣхъ языкахъ три питаки не одна книга, даже не нѣсколько книгъ, а масса ихъ, цѣлая библіотека сочиненій, самыхъ разнообразныхъ по содержанію, начиная отъ сказокъ комическаго и эротическаго содержанія и кончая трактатами, излагающими разные вопросы самой отвлеченной метафизики. По разнообразію своего содержанія, три питаки могутъ быть названы энциклопедіей буддійскихъ свѣдѣній. Обширно и многообразно содержаніе буддійскаго канона въ палійской редакціи, но три питаки на тибетскомъ и китайскомъ языкахъ (переводы съ большею частью утраченныхъ санскритскихъ подлинниковъ) превосходятъ палійскую редакцію какъ количествомъ сочиненій, такъ и пестротою ихъ содержанія. Очевидно, эта масса сочиненій самаго калейдоскопическаго содержанія, писанныхъ прозою и стихами разнообразнаго

размѣра, не сходныхъ весьма часто по стилю, языку и нарѣчіямъ, не могла исходить отъ одного лица, ни даже принадлежать одной эпохѣ. Самый вопросъ о томъ, есть-ли въ трехъ питакахъ что-либо, какое-нибудь изреченіе или сочиненіе, несомнѣнно исходившее отъ великаго учителя-мудреца изъ рода Сакьевъ, или принадлежавшее ему—пока вызываетъ скорѣе отрицательный, нежели положительный отвѣтъ. Три питаки, говоритъ буддійское преданіе, есть слово Будды, но слово это многія столѣтія не было записано, хранилось въ памяти его вѣрующихъ поклонниковъ, и потомъ записано почти черезъ пять столѣтій по его смерти.

Весьма естественно, что въ виду такихъ туземныхъ преданій, только непоколебимая вѣра въ буддійскій догматъ: три питаки—слово Будды, а не строго научная критика, можетъ помочь отыскать въ буддійскихъ сочиненіяхъ собственныя слова великаго учителя VI—V вѣка до Р. Х.

Хотя и надо отказаться отъ надежды отыскать въ буддійскомъ канонѣ собственныя слова учителя, но это обстоятельство нисколько не уменьшаетъ ни высокаго научнаго значенія буддійской литературы, ни интереса, связаннаго съ ея изученіемъ.

Еще до начала нашей эры, сдѣлавшись достояніемъ многихъ народовъ центральной Азіи, буддійскіе литературные памятники, буддійскія воззрѣнія разными, не вполнѣ пока извѣданными, путями успѣли проникнуть на дальній европескій западъ. Еще болѣе важно изученіе буддійскихъ памятниковъ для разумѣнія древне-индійской жизни.

Въ нихъ мы находимъ данныя, которыя представляютъ намъ эту жизнь съ новой стороны, не съ исключительно брахманической точки зрѣнія, знакомимся съ инымъ міросозерцаніемъ и иными объясненіями вѣковыхъ задачъ, по-нынѣ занимающихъ человѣческій умъ: вопросовъ о началѣ и конечной цѣли міровой жизни.

Широкій гуманизмъ и высокая идеальная нравственность, проповѣдуемые почти на каждой страницѣ буддійскаго канона, придаютъ этимъ памятникамъ общечеловѣческое, не исключительно индійское значеніе, и въ тоже время представляютъ народный индійскій геній въ иномъ, болѣе яркомъ и болѣе симпатичномъ свѣтѣ.

Таковъ общій характеръ буддійскихъ трехъ питакъ, разроставшихся въ продолженіи многихъ столѣтій и неизвѣстно когда получившихъ окончательную редакцію: въ нихъ есть сочиненія, принадлежащіе IV и III столѣтіямъ до Р. Х. и есть памятники (напр., тантры), появившіеся не ранѣе X в. по Р. Х.

Санскритскіе подлинники буддійскихъ сочиненій извѣстны въ весьма небольшомъ количествѣ и были открыты въ началѣ нынѣш-

няго столѣтія Ходжсономъ въ Непалѣ. Большинство непальскихъ памятниковъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ, принадлежитъ весьма поздней эпохѣ: болѣе древніе памятники сохранились въ палійской редакціи трехъ питакъ на островѣ Цейлонѣ.

Буддійскій канонъ на языкѣ пали дѣлится на три части, именуемыя тремя сосудами (три питаки).

Первая часть — Виная — содержитъ въ себѣ правила монашеской жизни; правила эти излагаются въ связи съ легендами, объясняющими поводы и описывающими событія, при которыхъ явились правила. Эта часть заключаетъ въ себѣ пять обширныхъ отдѣловъ:

1. Параджика, или изложеніе грѣховъ, за которыми слѣдуетъ исключеніе изъ монашеской общины.

2. Пачитти: описаніе грѣховъ, влекущихъ за собою временное отлученіе и затѣмъ прощеніе.

3 и 4. Махавагга и Чулавагга, въ которыхъ излагаются ежедневныя обязанности буддійскихъ монаховъ. Изложеніе прерывается множествомъ легендъ.

5. Паривира есть краткое обозрѣніе содержанія первыхъ четырехъ книгъ.

Вторая часть состоитъ изъ пяти отдѣловъ и называетѣя Сутта питака. Сутта питака, по преданію, содержитъ въ себѣ проповѣди великаго учителя. Въ этой части находится наибольшее число легендъ, рисующихъ древне-индійскую жизнь, а также буддійскія представленія о дѣятельности учителя. Вотъ названія отдѣловъ второй части:

1. Дигха-никая состоитъ изъ 34 довольно длинныхъ трактатовъ. Изъ нихъ нѣкоторые только были изданы и переведены.

2. Мажжхима-никая состоитъ изъ 152 трактатовъ меньшаго объема.

Таково же содержаніе 3 Самьютта-никай и 4 Ангуттара-никай. Послѣдній отдѣлъ весьма обширенъ.

5. Кхуддака-никая состоитъ изъ короткихъ трактатовъ и имѣетъ пятнадцать подраздѣленій, содержащихъ краткія чтенія; изреченія въ стихахъ, лирическія воззванія, произнесенныя великимъ учителемъ при разныхъ обстоятельствахъ его жизни, изрѣченія великаго учителя, 70 краткихъ поэмъ, сообщенія о жилищахъ, божествъ, о привидѣніяхъ, стихи святыхъ монаховъ и монахинь, сказанія о перерожденіяхъ Будды—драгоцѣнный источникъ для сказокъ и басенъ, о первыхъ вѣщихъ, предшествовавшихъ Сакьямуни, и пр.

Третья часть—Абхидхарма питака, или высшая будійская метафизика—состоитъ изъ семи отдѣловъ; изъ нихъ особенно важенъ дла исторіи буддизма третій отдѣлъ—Катхаваттху, въ которомъ излагаются ученія различныхъ буддійскихъ сектъ.

Тоже ученіе, но съ разнообразными видоизмѣненіями и дополненіями, излагается и въ другихъ редакціяхъ трехъ питакъ; при этомъ названія отдѣловъ и подраздѣленій совершенно иныя.

Кромѣ того, въ санскритской буддійской литературѣ есть множество сочиненій, не вошедшихъ въ первоначальный канонъ и не имѣющихъ ничего аналогичнаго въ палійской литературѣ: таковы различныя позднѣйшія махаяническія сутры и другія сочиненія, или тантры. Ничего подобнаго имъ до сихъ поръ неизвѣстно на языкѣ пали, точно также какъ, съ другой стороны, на санскритскомъ языкѣ, или въ тибетскихъ и въ китайскихъ переводахъ не найдены обширныя толковательныя сочиненія Буддхагхоси, извѣстныя на палійскомъ языкѣ.

Въ тѣсной связи съ буддійской литературой находится обширная жайнская литература, до сихъ поръ весьма мало изслѣдованная. Жайнская литература, родственная буддизму по духу ученія, по своей этикѣ и метафизикѣ, сохранила также массу историческихъ легендъ и преданій; эта послѣдняя ея особенность, а также обиліе сказочнаго матеріала, придаютъ исключительное значеніе жайнской литературѣ. Несомнѣнно, что источники и объясненіе многихъ позднѣйшихъ брахманическихъ сочиненій найдутся въ буддійской или жайнской литературѣ.

Изъ книги Пиритъ.

Пиритъ есть небольшой сборникъ древнѣйшихъ буддійскихъ изреченій. Повсюду на Цейлонѣ, въ ночи полнолунія, монахи читаютъ его передъ собравшимся въ храмѣ народомъ.

О высшемъ благѣ.

1. Много боговъ и много людей, спасенія алча, о высшемъ благѣ размышляли Скажи мнѣ благо высшее.

2. Съ глупцомъ не знайся, и за мудрымъ слѣдуй; чти того, кто почестей достоинъ. Вотъ высшее благо.

3. Живи въ странѣ благословенной; заслуги имѣй въ прошломъ; храни въ себѣ правдивое стремленіе. Вотъ высшее благо.

4. Обиліе правды и знаніе, самообладаніе вполнѣ усвоенное и рѣчь пріятная. Вотъ высшее благо.

5. За отцомъ и матерью ухаживай, будь нѣженъ къ дѣтямъ и женѣ; въ дѣлахъ не смущайся. Вотъ благо высшее.

6. Даянія и добродѣтель, къ роднымъ любовь, и дѣла нехулимыя. Вотъ благо высшее.

7. Отъ грѣха отвратись и удались; отъ пьянства воздержись; къ закону прилежи. Вотъ благо высшее.

8. Почтеніе и смиреніе, довольство и благодарность, служеніе закону вò-время. Вотъ благо высшее.

9. Терпѣніе и незлобіе, посѣщеніе подвижниковъ, благочестивые разговоры. Вотъ благо высшее.

10. Подвижничество и цѣломудріе, святыхъ истинъ созерцаніе, Нирваны уразумѣніе. Вотъ благо высшее.

11. Мысль, что отъ соприкосновенія съ мірскими явленіями не колеблется, безпечаліе, безстрастіе, благополучіе. Вотъ благо высшее.

12. Неодолимы всюду тѣ, кто такое все творилъ, тѣ грядутъ всюду на спасеніе. Ихъ—благо высшее.

Гимнъ къ Авалокитесварѣ.

Авалокитесвара есть имя буддійскаго бога, особенно чтимаго въ Непалѣ, Тибетѣ и Китаѣ. Гимнъ написанъ по-санскритски и въ большомъ употребленіи между непальскими буддистами:

1. У ногъ твоихъ боги, люди и асуры, нерождающійся, не старѣющій, безболѣзненный и безсмертный, владыка міра, меня беззащитнаго охрани. Милосердый, смилосердись!

2. Въ мірскомъ океанѣ утопающаго, волнами мученій разбитаго, меня вопіющаго поддержи. Спаси меня, многомилосердый. Тебѣ я поклоняюсь.

3. Воззри на меня, о Господи, и охрани трепещущаго отъ страха смерти, и отъ тьмы вождельнія ослѣпшаго, да не гряду я въ адъ скорбный!

4. Увлекалъ я женъ чужихъ многажды, въ невѣдѣніи живое убивалъ тысячами. Не уничтожилъ я безслѣдно, о владыка, грѣха въ себѣ. Уничтожь теперь во мнѣ плотской грѣхъ.

5. Для жизни и ради почета, въ мірѣ постоянно я лгалъ; о, владыка міра, успокой тотъ адъ великій, что за грѣхъ слова опредѣленъ.

6. Во вредъ существамъ, себѣ-ли, или другому въ утѣху, что мною помышлялось, и этотъ мой грѣхъ помысла теперь извергни. О вождь! къ тебѣ взываю.

7. Не твой-ли былъ мнѣ завѣтъ: все сущее, и въ небѣ, и между людьми, и асуровъ и звѣря, и адъ, и духовъ бродячихъ, всѣхъ, что мучатся, ты охраняешь!

8. И надо мною смилосердись. Воззри на мое одряхлявшее тѣло! Внемли мнѣ, о Господи! Молю: да не войду я во адъ.

9. За ничто творишь ты милость. О Господи, спаси же меня, недостойнаго.

10. Видимо-ли было, чтобы, однимъ памятованіемъ не удовлетворившись, ты отвергъ грѣшнаго. О Господи, на пользу людей мудрый, не отвергай и охрани меня.

11. Слоновъ, коней, сыновъ и женъ, царствъ благоденствіе и домы пестрые, мясо, кости, главу и жилы—все, о Господи, ты многожды давалъ алчущимъ.

. . . .

13. Безрукіе, хромые, слѣпые, многострождущіе, устрашенные — коль ты доволенъ, зацвѣтутъ здоровьемъ, они многодобродѣтельные возликуютъ, исцѣленные.

14. Демоны успокоятся, и вѣстникъ смерти не придетъ въ домъ того, кѣмъ ты доволенъ!

VII. Эпосъ.

Литература: Махабхарата издавалась нѣсколько разъ въ Индіи: въ Калькуттѣ, въ Бомбаѣ, въ Бардванѣ.

Отдѣльные эпизоды изъ нея переводились очень часто. Для знакомства съ ея содержаніемъ важны слѣдующія сочиненія:

Lassen: Indische Alterthumskunde. Band I.
Monier Williams: Indian epic poetry.
Его же: Indian Wisdom.
Рамаяна имѣетъ также нѣсколько изданій и прекрасно переведена на англійскій языкъ (Griffith's. Benares 1870 — 75, 5 vols). Weber: Ueber das Râmâyana, и Kashinath Trimbak Telang: Was the Râmâyana copied from Homer (Bombay 1873).

Въ ведическій періодъ силы природы созерцались индійцемъ какъ сознательные дѣятели съ свободною волей; всѣ поразительныя явленія природы онъ старался объяснить съ антропоморфической точки зрѣнія. Ведическіе гимны особенно важны потому, что они могутъ считаться единственнымъ литературнымъ памятникомъ, въ которомъ такая фаза развитія мысли и чувства выступаетъ съ полною ясностью и рельефностью; въ западной литературѣ нѣтъ ничего аналогичнаго Ведамъ, и Веды дѣйствительно восполняютъ пробѣлъ въ исторіи человѣчества; смотря на нихъ съ этой точки зрѣнія, можно утвердительно сказать, что онѣ незамѣнимы никакимъ другимъ извѣстнымъ литературнымъ памятникомъ. Веды переносятъ насъ къ такимъ отдаленнымъ временамъ, о которыхъ нѣтъ другихъ документальныхъ свѣдѣній; въ нихъ мы имѣемъ слово того поколѣнія, о которомъ безъ пѣснопѣній Ведъ мы должны бы были составлять гадательныя предположенія. Здѣсь передъ нами открывается вѣкъ метеорологическихъ миѳовъ, исчезнувшихъ въ памятникахъ слѣдующаго періода.

Въ періодѣ героическомъ, въ литературныхъ памятникахъ на мѣсто метеорологическихъ миѳовъ выступаютъ герои-полубоги. Періодъ этотъ всего нагляднѣе отразился въ эпическихъ сказаніяхъ «Махабхараты» и «Рамаяны».

Махабхарата болѣе похожа на энциклопедію, нежели на эпическую поэму. Въ ней мы имѣемъ разновременные пласты легенды, описаніе вѣрованій, чувствъ, размышленій различныхъ эпохъ и поколѣній. Главное содержаніе Махабхараты несомнѣнно древнѣе содержанія Рамаяны. Рамаяна болѣе цѣльна; въ ней есть и посторонніе эпизоды, но она ими не переполнена.

Пока обѣ поэмы весьма мало изучены критически: не опредѣлено, какія части въ нихъ древни, какія явились позднѣе, напр., послѣ буддизма, или же были передѣланы позднѣйшими авторами и редакторами. Въ обѣихъ поэмахъ несомнѣнно есть очень древнія преданія и ведическія легенды. Имена многихъ героевъ встрѣчаются уже въ ведической литературѣ; но главные герои и главное содержаніе обѣихъ поэмъ совершенно отличны по характеру отъ героевъ и содержанія ведическихъ памятниковъ. Преданіе ведическаго пе-

ріода не было вполнѣ забыто въ то время, когда создавались впервые эпическія поэмы, и жило даже среди народа въ ту эпоху, когда части эпоса собирались въ одно цѣлое, именуемое Махабхаратою.

Сравненіе тѣхъ же самыхъ легендъ въ ведическихъ памятникахъ съ редакціями, встрѣчающимися въ Махабхаратѣ, Рамаянѣ или въ Пуранахъ, убѣждаетъ, что ведическія редакціи обыкновенно проще, первичнѣе и болѣе ясны, нежели эпическія. Изъ этого однакоже никакъ не слѣдуетъ, чтобы въ глубокой древности между арійцами не было народныхъ эпическихъ пѣсенъ о герояхъ и богахъ: только онѣ дошли до насъ въ эпическихъ созданіяхъ измѣненными и передѣланными. О существованіи этихъ народныхъ эпическихъ пѣсенъ мы узнаёмъ изъ ведической литературы, гдѣ есть образцы такихъ эпическихъ созданій подъ различными названіями: гатха (пѣснь), итиха (эпическое сказаніе), акхьяна (разсказъ) и т. д.

Махабхарата — героическая поэма въ 18 книгахъ, или пѣсняхъ (парва). Число двустишій (çлока) въ ней превышаетъ сто тысячъ. Первоначальная поэма была гораздо менѣе значительнаго объема. Многіе изъ эпизодовъ, встрѣчающихся въ поэмѣ, были прибавлены къ ней очень поздно и не состоятъ въ тѣсной связи съ главнымъ ея содержаніемъ; другіе вытекаютъ весьма естественно изъ главнаго разсказа и должны считаться очень древними.

Авторомъ поэмы индійцы считаютъ Кршну Двайпаяну. Онъ передалъ свое произведеніе своему ученику Ваисампаянѣ, который прочелъ его при одной большой жертвѣ, совершенной Жанамежаей, внукомъ Аржуны, одного изъ героевъ поэмы. Затѣмъ Саути, сынъ Ломахаршаны, повторилъ ее мудрецамъ, собравшимся для совершенія жертвы въ Наймишскомъ лѣсу.

Содержаніе Махабхараты есть повѣствованіе о войнѣ за верховное преобладаніе надъ Индіей между сыновьями двухъ братьевъ— Панду и Дхритараштры.

У перваго было пять сыновей: отъ жены Притхи три сына—Юдхиштхира, Бхима, Аржуна, и отъ другой, Мадри, два сына—Накула и Сахадева.

У Дхритараштры было сто сыновей и одна дочь. Старшій его сынъ, Дурьодхана, отличался особенною ненавистью къ своимъ двоюроднымъ братьямъ.

Старшій братъ Панду (блѣдный), несмотря на свои права, вслѣдствіе болѣзни былъ устраненъ отъ престолонаслѣдія; онъ удалился въ Гималайскія горы, гдѣ у него родились сыновья и гдѣ онъ самъ умеръ. По смерти его, сыновья его были приведены къ дядѣ въ Хастинапуръ. Сперва при ихъ появленіи возникаютъ нѣкоторыя сомнѣнія въ томъ, дѣйствительно-ли они сыны Панду. На самомъ

дѣлѣ они были его сыновьями только по имени и родились отъ женъ Панду и различныхъ боговъ: такъ Юдхиштхира родился отъ бога справедливости—Дхармы, Бхима отъ бога вѣтра—Ваю, Аржуна былъ сыномъ Индры, Накула и Сахадева отъ Асвиновъ. Но Панду признавалъ ихъ своими; они были приняты подъ опеку дяди и воспитывались вмѣстѣ съ его сыновьями.

Въ Махабхаратѣ всѣ дѣйствующія лица характеризуются типичными чертами, напр. всѣ сыны Панду рисуются умѣренными, великодушными, справедливыми; сыновья же Дхритараштры, напротивъ, являются завистливыми, высокомѣрными и злонамѣренными. Эти противоположныя черты проявляются еще въ дѣтствѣ и уже тогда порождаютъ между родственниками враждебныя чувства.

Содержаніе первой книги (Ади-парва) составляетъ генеалогія двухъ семей, повѣствованіе о рожденіи и воспитаніе царевичей, ихъ юношескихъ похожденіяхъ и ссорахъ. Здѣсь же разсказывается затѣя сыновей Дхритараштры погубить своихъ двоюродныхъ братьевъ. Они поджигаютъ домъ, гдѣ жила Прихта съ сыновьями. Предупрежденные во-время, Пандавы убѣгаютъ подземнымъ ходомъ. Разносится слухъ. что Пандавы погибли въ томъ пожарѣ, но они укрываются въ лѣсу, гдѣ живутъ переряженные брахманами. Живя въ лѣсу, Пандавы услышали, что Друпада, царь сѣверныхъ Панчаловъ, устроилъ для своей дочери Драупади сваямвару, т.-е. созвалъ жениховъ для избранія.

Сваямвара есть свободный выборъ царевною супруга и весьма часто описывается въ древней и новѣйшей индійской поэзіи. Царевичи торжественно собираются въ какомъ либо общественномъ мѣстѣ; туда же является царевна и обходитъ кругъ соискателей; тотъ, на комъ останавливается ея выборъ, получаетъ отъ нея гирлянду цвѣтовъ. За тѣмъ совершается брачный обрядъ.

Когда Пандавы явились на сваямвару къ царю Друпаду, вѣсть о томъ, что они не погибли въ пожарѣ, а живы, тотчасъ разнеслась повсюду и дошла до Дхритараштры.

Царь Дхритараштра послалъ за племянниками и, по настоянію своихъ министровъ, раздѣлилъ свое царство между ними и своими сыновьями.

Юдхиштхира вмѣстѣ съ братьями сталъ царствовать въ Индрапрастхѣ на р. Жамнѣ, Дурьодхана-же съ братьями въ Гастинапурѣ на Гангѣ. Но раздѣленіе царства не ослабило вражды между соперничающими сторонами. Юдхиштхира задумалъ совершить ражасую, т.-е. жертвоприношеніе, при которомъ другіе царевичи исполняютъ служебныя роли и приподносятъ совершающему жертвоприношеніе различные подарки въ знакъ вассальныхъ отношеній къ нему. Все

это разсказывается во второй книгѣ, или Сабха-парва. Передъ совершеніемъ ражасуи, Юдхиштхира вмѣстѣ съ братьями покоряетъ большую часть Индіи. Глава, въ которой разсказывается о странахъ, побѣжденныхъ Пандавами, и даняхъ, принесенныхъ послѣднимъ различными областями, содержитъ въ себѣ много любопытнаго.

Во время жертвоприношенія, среди различныхъ увеселеній, сыновья Дхритараштры предлагаютъ своимъ двоюроднымъ братьямъ поиграть въ кости. Игра въ кости издревле и по сихъ поръ самая распространенная игра въ Индіи.

Счастье не повезло Юдхиштхирѣ; онъ проигрываетъ Дурьодханѣ свой дворецъ, свое богатство, царство, жену, братьевъ и, наконецъ, самого себя.

Тогда вмѣшивается въ дѣло старый дядя, царь Дхритараштра, и возвращаетъ братьямъ свободу и имущество. Но Юдхиштхира вновь увлекается и начинаетъ опять играть, хотя и на другихъ условіяхъ. Въ случаѣ проигрыша онъ обѣщаетъ удалиться вмѣстѣ съ братьями на двѣнадцать лѣтъ въ лѣсъ и провести тринадцатый инкогнито; если же онъ будетъ узнанъ въ продолженіи тринадцатаго года, то первое условіе, т.-е. изгнаніе на двѣнадцать лѣтъ, вновь возобновляется. Юдхиштхира проигрываетъ. Вмѣстѣ съ братьями и женою Драупади онъ удаляется въ лѣсъ. Ихъ жизнь въ лѣсу описана въ третьей книгѣ (Вана-парва), въ которой весьма много различныхъ эпизодовъ.

По истеченіи двѣнадцатаго года, Пандавы, переряженные, отправляются на службу къ царю Виратѣ. Ихъ приключенія тамъ описаны въ книгѣ Вирата-парва—четвертой. Пребывая у царя Вираты, Пандавы пріобрѣтаютъ его уваженіе, и когда по истеченіи тринадцатаго года, они объявляютъ ему, кто они такіе, царь Вирата становится ихъ вѣрнымъ союзникомъ.

Въ пятой книгѣ (Удіога-парва) описаны приготовленія двухъ сторонъ къ войнѣ; здѣсь же перечисляются ихъ союзники. Четыре слѣдующихъ книги посвящены описанію битвъ. Въ девятой (Сальяпарва) разсказывается о борьбѣ Дурьодханы съ Бхимою, о пораже-и убіеніи перваго.

Въ десятой (Сауптика-парва) разсказана попытка союзниковъ Дурьодханы напасть ночью на лагерь Пандавовъ. Нападеніе это успѣшно. отражено послѣдними.

Въ книгѣ «Женщинъ» (Стри-парва) описаны скорбь и плачь женъ враждующихъ ратей надъ убитыми, скорбь и плачъ царя Дхритараштры. Самъ Юдхиштхира скорбитъ о случившемся.

Въ слѣдующей книгѣ—Утѣшеніе (Санти-парва)—разсказывается объ обязанностяхъ царя, о добрыхъ слѣдствіяхъ щедрости, о средствахъ къ спасенію.

Тринадцатая книга—Анусасана-парва—содержитъ изложеніе различнаго рода обязанностей. Всѣ слѣдующія книги кратки. Четырнадцатая—Асвамедхика-парва—содержитъ описаніе жертвоприношенія коня — «асвамедха»; въ пятнадцатой — Асрама-парва—разсказывается, какъ царь Дхритараштра съ женою и совѣтниками удаляется въ уединенную обитель, гдѣ и умираетъ. Въ шестнадцатой—Маусала-парва — описано истребленіе Ядавовъ. Въ семнадцатой—Махапрастханика—Юдхиштхира отказывается отъ престола и вмѣстѣ съ братьями и женою Драупади отправляется въ Гималаи, къ святой горѣ Меру. По дорогѣ туда, всѣ его спутники умираютъ, и при немъ остается одна собака.

Тогда ему является Индра и предлагаетъ провести царя къ себѣ на небо.

Юдхиштхира требуетъ, чтобы и его вѣрная собака была также допущена туда съ нимъ вмѣстѣ. Индра снисходитъ на это требованіе.

Въ восемнадцатой книгѣ—Сваргарохана—разсказывается о томъ, какъ Юдхиштхира, придя на небо, находитъ тамъ Дурьодхану съ братьями, а своихъ братьевъ съ Драупади не видитъ. Онъ спрашиваетъ, гдѣ они находятся, и отказывается оставаться на небѣ. Тогда ему показываютъ, гдѣ и среди какихъ ужасовъ находятся его близкіе. Онъ рѣшается быть вмѣстѣ съ ними, и не хочетъ возвращаться на на небо; тутъ исчезаютъ всѣ ужасы; вмѣстѣ съ родными онъ возвращается на небо, гдѣ всѣ они становятся богами, чѣмъ были искони: въ людской образъ они облекались только на-время.

Въ приложеніи къ Махабхаратѣ, въ калькутскомъ изданіи, находится Хариванса, или генеалогія Кришны. Въ этой поэмѣ болѣе 16,000 двустишій; она несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія, нежели большинство эпизодовъ Махабхараты; въ ней разсказывается генеологія Кришны (или Хари) и множество легендъ, подтверждающихъ необходимость чтить это божество.

Изъ Махабхараты.

I.

Какъ Драупади была проиграна.

1.

„Пусть такъ! На стройную жену изъ страны Панчалійской, на красавицу Драупади стану играть!“

Сказалъ такое слово разумный и добрый царь. У старцевъ въ собраніи вырвался вопль отчаянія.

Взволновалось собраніе; скорбью исполнились цари. У Бхишмы, у Дрона и пр. выступилъ холодный потъ.

За голову схватился Видура и замеръ; голову опустивъ, въ раздумьи сидѣлъ онъ, дыша какъ змѣй.

Не видя ничего, обрадованный Дхритараштра опять и опять спрашивалъ: „Побѣдилъ?“ „побѣдилъ?“

Громко смѣялся Карна съ своими, а у другихъ показались слезы на глазахъ.

Кичась побѣдой, Саубалъ кинулъ кости и крикнулъ: „Побѣдилъ!“

2.

„Иди, привратникъ, говорилъ Дурьодхана, приведи Драупади милую, чествуемую жену Пандавовъ.

„Пусть торопится сюда полъ мести. Съ рабынями станетъ жить, безчестная!“

Видура: „Злое слово ты сказалъ, и скоро уразумѣешь его, узами связанный! Не во-время ты гнѣвенъ; словно серна, надъ пропастью вися, ты тигра не замѣчаешь

„У тебя надъ головою змѣи злые, ядовитые! Глупецъ, не гнѣвайся, дабы въ царство смерти не идти!

„Рабынею не можетъ быть несчастная Драупади. Не владѣя собою, царь игралъ на нее. Вотъ что я мыслю!....“

„Да погибнетъ привратникъ!“ въ кичливомъ опьяненіи говорилъ Дурьодхана. Призовите слугу!“ И въ собраніи почтенныхъ онъ сказалъ слугѣ:

„Приведи сюда Драупади, и Пандавовъ не страшись. Споритъ этотъ привратникъ, нашимъ счастьемъ не дорожа!“.....

II.

Драупади въ собраніи.

Жалостно причитая, стройная гнѣвныхъ братьевъ увидѣла. И гнѣвомъ исполненныхъ взоръ ея спалилъ.

Отнятыя царство, богатство и драгоцѣнности не причинили такой скорби, какъ взоръ, позоромъ и гнѣвомъ вызванный.

На жалкихъ мужей брошенный взглядъ подмѣтивъ, быстро повлекъ ее Духсасана. „Рабыня!“ громко смѣялся онъ, безчувственный.

Слово такое заслышавъ, обрадовался Карна. Громко смѣясь, привѣтствовалъ ее. Сынъ Саубала, царь Гандхары, возликовалъ слову Духсасана.

Но другіе, что были тутъ въ собраніи, видя Драупади влекомую, сильно скорбѣли.

III.

Вмѣшательство слѣпаго отца.

У царя Дхритараштры во дворѣ, при совершеніи жертвы, завылъ громко шакалъ, и въ отвѣтъ ему заржалъ оселъ, птицы страшныя закричали.

Видура, что истину вѣдалъ, и Саубала сынъ звуки страшные слышали, и Бхишма, и Дрона, и Гаутама многознающій: „Свято! свято!“ громко говорили.

Знаменіе страшное увидѣвъ, Видура мудрый царю повѣдалъ о томъ, и сказалъ Дхритараштра слово такое:

„Погибъ Дурьодхана глупецъ! Ты, въ сонмѣ нашихъ храбрецовъ, рѣчью обезчестилъ жену добродѣтельную—Драупади!

Такъ сказалъ мудрый, родичамъ благожелающій. О примиреніи въ умѣ размысливъ, разумный къ Драупади рѣчь держалъ:

„Чего желаешь, о жена Панчалійской страны, отъ меня то проси! Межъ женъ ты лучшая, добродѣтельная, святая.

Драупади.

Попрошу у тебя, коль даруешь: да не будетъ рабомъ Юдхиштхира, законы исполняющій, знаменитый.

Разумнаго не зная, да не говорятъ царевичи о сынѣ моемъ: раба этотъ сынъ! Ему ли быть рабомъ, кто царевичемъ былъ прежде, какъ никто нигдѣ, и кого цари няньчили.

Дхритараштра.

По слову твоему да будетъ, прекрасная! Дарую тебѣ другой даръ, выбирай!

Драупади.

Для всадниковъ двоихъ, двоихъ стрѣлковъ, для близнецовъ Бхимасена и Дхананжая не рабства, свободы прошу!

Дхритараштра.

Да будетъ такъ, какъ ты желаешь, прекрасная. Третій даръ выбирай: двумя ты не почтена! Ты изъ всѣхъ снохъ — лучшая, добродѣтельная!

Драупади.

Правда гибнетъ отъ жадности, о царь! Не смогу я третьяго, незаслуженнаго дара принять!

Говорятъ, одинъ даръ — для вайсья, два дара — для воина и женъ, три — для царя, сотня — для брахмана.

Увлеченные, согрѣшили мои мужья; да познаютъ они, о царь, чрезъ добрыя дѣла благоденствіе.

IV.

Пандавы удаляются.

Юдхиштхира.

Что намъ дѣлать, царь! Научи, ты нашъ владыка! О Бхаратъ! вѣчно повиноваться тебѣ желаемъ.

Дхритараштра.

„Да благо будетъ тебѣ! Добрый путь! Отпускаю васъ всѣхъ съ богатствомъ; царствомъ правьте.

Мой-же старческій завѣтъ разумѣйте: слово, сказанное мною, хорошо и благо. Узкій путь закона, милый, познай. Будь смиренъ и разуменъ. Старцевъ чти ...

Злобы къ Дурьодхану въ сердцѣ не питай. На Гандхари какъ на мать, и изъ доброжелательства смотри на меня, слѣпаго, какъ на отца“......

Выслушавъ рѣчь, добродѣтельный Юдхиштхира, вмѣстѣ съ братьями, отправился въ путь.

На колесницы съ Драупади забравшись, радостные направились они къ Индрапрастхѣ, славному городу.

Рамаяна—героическая поэма, до сихъ поръ самая популярная въ Индіи; въ ней описываются великія дѣянія и приключенія Рамы царя Аіодхьи, нынѣ Ауда.

Поэма состоитъ изъ семи пѣсенъ; число ея двустишій, или слокъ, достигаетъ двадцати-четырехъ тысячъ. Въ содержаніи Рамаяны весьма ясно различаются три главныхъ отдѣла: 1) описаніе царства, принадлежавшаго отцу Рамы, юность героя, его бракъ и помазаніе, какъ престолонаслѣдника; 2) несчастныя обстоятельства, имѣвшія послѣдствіемъ изгнаніе героя, и описаніе изгнанія; 3) война съ чудовищами и возвращеніе героя на престолъ предковъ.

На престолѣ Аіодхьи въ продолженіи многихъ поколѣній сидѣлъ царь Дасаратха. У него были три жены: одна называлась Каусалья, другая Кайкея, третья Сумитра. Кромѣ этихъ трехъ главныхъ женъ, у него былъ еще обширный гаремъ, но судьба не благословила его сыномъ. Чтобы помочь этому горю и вымолить у боговъ сына, Дасаратха задумалъ совершить «асвамедху», т.-е. продолжительное и трудное жертвоприношеніе коня.

Жертва удалась, и у Дасаратхи родились сыновья: отъ Каусальи родился Рама, отъ Кайкеи — Бхарата, отъ Сумитры — Сатругхна и Лакшманъ. Всѣ сыновья были воплощеніями божествъ, нисшедшихъ на землю для уничтоженія безбожныхъ чудовищъ. Всѣ они были добродѣтельны, но между ними выдавался Рама, герой поэмы. Рама есть олицетвореніе всѣхъ возможныхъ человѣческихъ совершенствъ: самообладанія, самоотреченія и слѣпой преданности обычной этикѣ.

Во время юности царевичей, ко двору Дасаратхи является святой Висвамитра. Многіе годы трудныхъ подвижничествъ возвысили его изъ кшатріевъ въ брахманы. Висвамитра уводитъ въ свою обитель Раму и Лакшмана, несмотря на нежеланіе и опасенія самого царя Дасарахти. Висвамитра задумалъ принести великую жертву, и царевичи ему нужны для предотвращенія нападенія Ракшасовъ. Съ помощью подареннаго ему небеснаго оружія. Рама изгоняетъ Ракшасовъ изъ обители Висвамитры.

Затѣмъ братья вмѣстѣ съ мудрецомъ отправляются въ Митхилу, къ царю Жанакѣ, задумавшему совершить жервоприношеніе. По дорогѣ туда Висвамитра разсказываетъ много легендъ о прошломъ. Наконецъ, они достигаютъ Митхилы.

У царя Жанаки былъ знаменитый большой лукъ; счастливцу, способному натянуть его, была назначена въ награду дочь царя, Сита. Рама натягиваетъ лукъ и получаетъ руку Ситы. На свадьбу въ Митхилу является Дасаратха съ своими сынами Бхаратой и Сатругхной. Лакшманъ женится на Урмилѣ, сестрѣ Ситы; Бхарата и Сатругхна на дочеряхъ Кусадхважи, брата царя Жанаки; затѣмъ всѣ они возвращаются домой въ Аіодхью.

Отсюда начинается второй отдѣлъ поэмы. Рядомъ лукавствъ Кайкея добивается отъ Дасаратхи исполненія поспѣшно даннаго послѣд-

нимъ обѣщанія: Бхарата долженъ быть помазанъ на царство, а Рама изгнанъ.

Рама отправляется въ четырнадцати-лѣтнее изгнаніе въ лѣсъ Дандака; за нимъ слѣдуетъ Лакшманъ, и Сита выражаетъ также настойчивое желаніе сопутствовать супругу.

Изгнаніе Рамы было задумано и приведено въ исполненіе во время отсутствія изъ дому Бхараты. Узнавъ, что Рама изгнанъ, Бхарата отказывается занять его мѣсто на престолѣ, отправляется въ лѣсъ Дандака отыскивать Раму и рѣшается подвергнуться четырнадцати-лѣтнему изгнанію. Но увѣщанія Бхараты, а также сенсуалиста Жабали не подѣйствовали на Раму: онъ хочетъ исполнить обѣщаніе, данное отцомъ женѣ Кайкеѣ. Бхарата принимаетъ царство на-время и поселяется внѣ Аіодхьи.

Въ лѣсу Рама, Лакшманъ и Сита переживаютъ многія приключенія. Здѣсь Рама встрѣчается съ ракшаси Сурпакха; эта ракшаси, сестра ракшасскаго царя Раваны, влюбляется въ него. Ея искательства отвергнуты, и тогда она нападаетъ на Ситу. Пораненная Лакшманомъ, Сурпакха отправляется къ брату Равану, на островъ Цейлонъ. По внушенію сестры, Раванъ похищаетъ Ситу и скрываетъ ее на Цейлонѣ.

Рама, въ сопровожденіи брата Лакшмана, отправляется отыскивать супругу.

Вѣрнаго союзника они пріобрѣтаютъ въ Суживѣ, царѣ обезьянъ; его войско помогаетъ имъ напасть на слѣдъ Ситы; они пробираются на островъ Ланку по мосту, построенному Наломъ, братомъ Висвакармана, божественнаго архитектора. Происходятъ многія битвы, и наконецъ Раванъ падаетъ, пораженный небесною стрѣлой Рамы.

Царемъ Ланки объявленъ Вибхишана, братъ убитаго. Сита отыскана, но, страдая отъ ложнаго подозрѣнія Рамы, она бросается въ огонь. Пламя не касается ни ея, ни ея украшеній, доказывая тѣмъ самымъ ложность подозрѣнія Рамы.

Съ женою и братомъ, послѣ того, Рама возвращается въ Аіодхью, гдѣ Бхарата передаетъ ему власть. Рама торжественно вѣнчается на царство.

Изъ „Рамаяны".

Сватовство Рамы.

Рама, въ сопровожденіи Висвамитры и брата, приходитъ къ царю Митхилы, и желаетъ видѣть знаменитый царскій лукъ (см. выше).

I.

Висвамитра.

Эти два сына Дасаратхи — оба воины въ мірѣ славные; видѣть лукъ отмѣнный, что у тебя находится, оба они пожелали.

Покажи его. Да благо будетъ тебѣ. Увидѣвъ этотъ лукъ, оба царевича, исполненные желанія, до желаннаго дойдутъ.

Въ отвѣтъ на такую рѣчь, отвѣчалъ великому мудрецу царь Жанака: — Слушайте, почему этотъ лукъ здѣсь находится.

Былъ царь, Деваратъ по имени, старшій въ родѣ Ними. Въ руки героя этотъ лукъ былъ залогомъ данъ.

Въ древности при жертвѣ, приносимой Дакшою, Рудра богъ натянулъ этотъ лукъ и, другихъ боговъ разогнавъ, въ гнѣвѣ посмѣиваясь, говорилъ имъ:

Не дали вы мнѣ части и разнесу я лукомъ ваши члены красивые, многоцѣнные.

Обезумѣвъ, боги за владыкою стали ухаживать. И смилостивился владыка. Ихъ члены онъ исцѣлилъ.

И вотъ этотъ-то чудный лукъ великаго бога въ нашъ родъ тогда же былъ отданъ старѣйшему.

Разъ, когда я на полѣ пахалъ, изъ подъ плуга возстала дѣва. Дали ей имя Сита, ибо поле я тогда пахалъ.

Изъ земли рожденная, росла моя дочь. И рѣшилъ я, что моя дѣва, не изъ чрева рожденная, станетъ наградою за геройство.

Какъ росла она, дочь моя, отъ земли возникшая, приходили и сватались за нее царевичи.

Всѣмъ приходившимъ царевичамъ женихамъ объявилъ я: „Награда за геройство она!“ И не отдалъ я дочери.

Собрались всѣ царевичи и въ Митхилу сошлись, пожелавъ узнать въ чемъ геройство.

Бога лукъ принесли имъ, геройство пожелавшимъ узнать. Не смогли они ни взять его, ни поднять.

Малую силу храбрецовъ узнавъ, отвергъ я царевичей.

Въ великомъ гнѣвѣ царевичи, въ слабости заподозрѣнные, осадили мой городъ.

Смутился мой духъ, и, какъ узнали это царевичи, въ великомъ гнѣвѣ много бѣдствій городу причинили.

Исполнился годъ, и всѣ запасы изсякли. Тяжко я скорбѣлъ.

Подвижничествомъ я умилостивилъ боговъ, и они даровали мнѣ сильное войско.

Разбѣжались въ разныя стороны цари, разбитые и преслѣдуемые, не храбрые и въ слабости заподозрѣнные, грѣшные съ своими совѣтниками.

Таковъ-то этотъ лукъ много-блестящій. Покажу его Рамѣ и Лакшману, добродѣтельный!

И если, о мудрецъ, этотъ лукъ Рама натянетъ, я отдамъ сыну Дасаратхи дочь мою Ситу, не изъ чрева рожденную.

II.

Выслушалъ Висвамитра царскую рѣчь. „Покажи этотъ лукъ Рамѣ!“ говорилъ онъ царю.

Отдалъ царь приказъ совѣтникамъ: „Принесите лукъ божественный, благоухающими цвѣтами украшенный!“

Царскому приказу внявъ, въ городъ пошли совѣтники. Предшествуемые тѣмъ лукомъ, изъ города вышли многосильные.

Въ коробѣ, на восьми колесахъ, полтораста храбрыхъ силачей кое-какъ везли тотъ лукъ.

Съ коробомъ желѣзнымъ, гдѣ тотъ лукъ хранился, царю богоподобному представъ, говорили царскіе совѣтники:

„Вотъ тотъ лукъ отмѣнный, о царь, всѣми царями чествуемый, тотъ лукъ прекрасный, что ты желалъ".

Рѣчи ихъ внявъ, говорилъ царь, поднявъ руку, Висвамитрѣ, Рамѣ, Лакшману:

„О брахманъ! Этотъ лукъ отмѣнный въ нашемъ родѣ чествовался и тѣми храбрыми царями, что не могли его натянуть!

„Боги всѣ и всѣ демоны: ракшасы, якшасы, гандхарвы, киннары и змѣи, не могутъ лука натянуть.

„Гдѣ же людямъ этотъ лукъ натянуть, соединить и, поднявъ, потрясти!

„Отмѣнный изъ луковъ покажи обоимъ царевичамъ."

Слушалъ Висвамитра рѣчь царя вмѣстѣ съ Рамою, и сказалъ ему: „Взгляни на лукъ, Рама, дорогое дитя!"

По слову мудреца, подошелъ Рама къ коробу, гдѣ лукъ хранился; открывъ коробъ и взглянувъ на лукъ, говорилъ Рама:

„Лука отмѣннаго и божественнаго рукою я касаюсь. Попытаюсь поднять и натянуть его!"

„Славно!" рекъ царь, а за нимъ и мудрецъ.

По слову мудреца, играя, схватилъ тотъ лукъ царевичъ.

Тысяча людей смотрѣли, какъ, играя, поднялъ лукъ Рама.

Поднялъ и тетиву натянулъ; пополамъ переломилъ лукъ лучшій изъ людей, многославный.

Какъ бури вой, такой пронесся звукъ; потряслась земля, словно горы треснули.

Шумомъ оглушенные, попадали люди, но царь, мудрецъ и два царевича устояли.

Какъ вздохнулъ народъ, успокоившись, говоритъ къ мудрецу царь, въ словѣ искусный:

„Позналъ я мощь Рамы, Дасаратхи сына. Чудно, немыслимо и невообразимо для меня все это.

„Дочь моя, Сита, родъ нашъ прославитъ, за Раму, сына Дасаратхи, замужъ выходя.

„За храбрость награда"—истинное прозвище далъ я ей. Ситу, въ людяхъ чествуемую, дарую я Рамѣ."

VIII. Кавья, или искусственный эпосъ.

Сочиненія Калидасы были изданы нѣсколько разъ какъ въ Индіи, такъ и въ Европѣ. Лучшіе переводы принадлежатъ Steuzler'у и Griffth'у. Первый приложенъ къ изданію текста, второй вышелъ отдѣльно.

Содержаніе Махабхараты и Рамаяны служило матеріяломъ для поэтическаго творчества индійскихъ поэтовъ болѣе поздней эпохи. Эти произведенія искусственной эпики въ санскритской литературѣ носятъ спеціальное названіе **кавья**.

Древнѣйшими образцами искусственнаго эпоса нужно считать

произведенія Калидасы, время котораго опредѣляется различно. По нѣкоторымъ (Веберъ, Лассенъ), онъ жилъ между вторымъ и четвертымъ столѣтіями нашей эры. По другимъ, онъ жилъ въ шестомъ и даже въ восьмомъ вѣкѣ.

Изъ эпическихъ произведеній Калидасы наиболѣе замѣчательны двѣ поэмы «Рагхуванса» и «Кумарасамбхава». «Рагхуванса» принадлежитъ къ числу произведеній санскритской литературы, наиболѣе любимыхъ туземцами. Въ этой поэмѣ разсказывается исторія Рамы, его предшественниковъ и наслѣдниковъ, начиная отъ Дилипы, отца Рагху, и кончая Агниварною. Въ первыхъ восьми пѣсняхъ главнымъ образомъ разсказываются о Рагху, объ его отцѣ Дилипѣ и сынѣ Ажѣ. Въ слѣдующихъ восьми изложена исторія Рамы, его отца Дасаратхи и сыновей Кусы и Лавы. Заключительныя пѣсни посвящены потомкамъ Кусы.

Исторія Рамы разсказывается поэтомъ почти такъже, какъ въ Рамаянѣ или въ Пуранахъ, но съ большими поэтическими прикрасами и съ выборомъ однихъ важнѣйшихъ событій его жизни.

Вторая поэма Калидасы—«Кумарасамбхава»—по преданію состояла изъ двадцати-двухъ пѣсенъ; до насъ дошли только семь; недавно открытыя, за исключеніемъ, быть можетъ, одной восьмой, врядъ ли принадлежатъ самому Калидасѣ.

Хотя поэма называется «Происхожденіе Кумары» (т.-е. бога войны), но разсказъ въ седьмой книгѣ прерывается на описаніи свадьбы богини Парвати, дочери Гималая. Въ поэмѣ описывается рожденіе богини, подвижничества, предпринятыя ею съ цѣлью пріобрѣсти въ супруги бога Сиву, послѣ того какъ Кандарпу, индійскому богу любви, не удалось возбудить у Сивы страсть къ Парвати.

Всѣ дѣйствующіе предметы въ поэмѣ, не исключая снѣжныхъ горъ, описываются какъ люди, съ людскими нравами и ὁбразами.

Поэма «Сисупалабадха» носитъ также другое названіе—Магхакавья, по имени автора Магха. По преданію, однакоже, Магха было имя не поэта, а его патрона. Поэма состоитъ изъ двадцати пѣсенъ. Въ первой описывается, какъ Индра посылаетъ Нараду къ Кришнѣ, для побужденія послѣдняго къ войнѣ съ его родственникомъ и врагомъ, царемъ Чедіевъ, Сисупалою. Во второй пѣснѣ Кришна собираетъ совѣтъ для рѣшенія вопроса, слѣдуетъ ли начинать тотчасъ же войну, или надо сначала присутствовать при жертвоприношеніи Юдхиштхиры. На совѣтѣ приходятъ къ послѣднему рѣшенію, и въ третьей пѣснѣ Кришна отправляется къ Юдхиштхирѣ.

Затѣмъ, въ слѣдующихъ пѣсняхъ до тринадцатой, описывается путешествіе Кришны съ его влюбленными супругами; въ тринадцатой

его прибытіе въ Индрапрастху и привѣтствія Пандавовъ. Въ четырнадцатой описано жертвоприношеніе; въ слѣдующей разсказывается, какъ Сисупала, разгнѣваный почестями, оказываемыми Кришнѣ, оставляетъ мѣсто торжества вмѣстѣ съ своими сторонниками. По этому поводу возникаютъ переговоры, которые однакоже не приводятъ къ умиротворенію, и обѣ стороны готовятся къ войнѣ. Описанію приготовленій посвящены двѣ пѣсни. Въ восьмнадцатой пѣснѣ оба войска выступаютъ на битву, и борьба начинается. Описанію битвы и пораженія посвящена слѣдующая пѣснь. Въ послѣдней разсказано единоборство Кришны и Ѳисупалы, а также убіеніе послѣдняго.

Содержаніе поэмы «Киратаржунія», соч. Бхаирави, взято изъ Махабхараты. Здѣсь разсказывается, какъ Аржуна получилъ отъ Сивы, Индры и другихъ боговъ небесное оружіе для борьбы съ Дурьодханомъ. Онъ достигъ своей цѣли въ началѣ рядомъ великихъ, тяжелыхъ подвижничествъ, и затѣмъ храбростью въ единоборствѣ съ богомъ Сивою.

«Рагхава-пандавія», соч. Кавиражи, написана разнообразными метрами и съ замѣчательно выдержанною искусственностью: одними и тѣми же словами разсказывается исторія Рамы и Юдхиштхиры и другихъ сыновъ Панду.

Въ поэмѣ «Найшадхія», соч. Срихарши, разсказываются въ двадцати-двухъ пѣсняхъ свадьба царя Нала и Дамаянти, и его послѣдующія приключенія. Таковоже содержаніе поэмы «Налодая», приписываемой Калидасѣ и написанной съ риѳмами и съ аллитераціей.

«Бхатти-кавья» разсказываетъ исторію Рамы. Поэма написана съ главною цѣлью—научить санскритской грамматикѣ.

Всѣ сейчасъ названныя поэмы носятъ названіе маха-кавья, т.-е. великихъ поэмъ, и не принадлежатъ одному времени; такъ Бхатти-кавья весьма вѣроятно относится къ VI или VII вѣку нашей эры, Найшадхія къ XII; остальныя написаны раньше.

Кромѣ такъ-называемыхъ «великихъ поэмъ», равною съ ними популярностью пользуются въ индійскомъ обществѣ поэмы нѣсколько меньшаго объема, напр.: «Мегхадута», «Ритусамхара», «Гитаговинда» и проч.

Двѣ первыя приписываются Калидасѣ и могутъ по справедливости считаться великими образцами мастерства въ описательной поэзіи.

Содержаніе «Мегхадуты» хотя и несложно, но весьма оригинально. Якша, одно изъ низшихъ божествъ, находящихся въ услуженіи у бога богатствъ Куверы, прогнѣвилъ своего владыку и былъ осужденъ послѣднимъ на двѣнадцати-мѣсячное изгнаніе.

Проводя дни въ уединенномъ лѣсу, Якша находится подъ гне-

томъ одной тяжелой заботы: ему хочется сообщить своей женѣ вѣсть о себѣ и въ тоже время утѣшить ее. Отчаянная скорбь внушаетъ ему странную фантазію: онъ мнитъ, что открылъ дружественнаго вѣстника въ мимолетящемъ облакѣ, и обращается къ нему, ввѣряя ему свое посланіе къ женѣ. Онъ описываетъ то направленіе, по которому должно слѣдовать облако—направленіе, намѣченное вѣчными законами природы, и при этомъ, пользуясь случаемъ, указываетъ на разныя мѣста, гдѣ происходили событія изъ индійской миѳологіи или упоминаемыя индійскимъ преданіемъ. Образы, живо начерченные нѣсколькими штрихами, смѣняются передъ читателемъ.

Въ концѣ тонко и правдиво описано состояніе любящей и тоскующей въ разлукѣ супруги.

Вся поэма отличается, по формѣ и содержанію, необыкновенными изяществомъ и выразительностью. Въ описательной части собраны указанія и намеки на множество важныхъ фактовъ изъ индійской исторіи.

«Ритусамхара» посвящена описанію временъ года.

Эротическая поэма «Гитаговинда», описывающая любовныя похожденія Кришны съ пастушками, по туземнымъ комментаторамъ имѣетъ миѳическій смыслъ.

Изъ эротическихъ произведеній наболѣе извѣстна поэма «Чаурапанчасика», или пятьдесятъ станцовъ поэта Чауры. Поэтъ, пойманный въ интригѣ съ царскою дочерью, идя на казнь, предается воспоминаніямъ о счастливыхъ мгновеніяхъ, проведенныхъ съ возлюбленной. Изреченія Амару, Бхартрихари и пр.—отдѣльные станцы, посвященные эротикѣ.

Болѣе шести тысячъ поэтическихъ изреченій о разныхъ предмематахъ собрано въ антологіи Сарнгадхары. Число поэтовъ и сочиненій, приводимыхъ здѣсь, превышаетъ 260.

Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ этого сборника:

Врачъ.

1. Привѣтъ тебѣ, царь врачей, бога смерти родной братецъ! Души Яма (богъ смерти) похищаетъ, души и богатства — врачъ!

2. Вредными травами, микстурами, что лизнуть невозможно, и не нужными маслами врачи — эта стая обманщиковъ и лжецовъ — брюхо наполняетъ.

3. У врача элементовъ незнаніе и полное невѣдѣніе ихъ; онъ сущности болѣзни не позналь и веществъ свойства не уразумѣлъ. И вотъ эти-то цѣлители заставляютъ глупцовъ трепетать; какъ вѣстники смерти дыханіе, такъ они у недужныхъ богатство похищаютъ.

4. Коль отъ микстуры или поста человѣкъ выздоровѣетъ, врачъ объявитъ, что отъ травы его исцѣленіе—и деньги унесетъ.

5. Какъ цѣпей смерти, избѣгай издали сѣтей врача, смысла книги не постигшаго и отъ книги зависящаго [1]).

Странствующіе монахи.

1. Много доблестей у монаха: онъ громко распѣваетъ, и много старинныхъ побывальщинъ помнитъ, съ женами поговоритъ, ребятъ поняньчитъ, мужей похвалитъ и отъ стряпни придетъ въ неискренній восторгъ. Жесты проповѣдника ему извѣстны, онъ ученъ, и писать, и гадать, и молиться мастеръ.

2. На утро глаза промывъ, разводками украситъ лицо [2]) и, потрясая въ рукѣ вѣтками священной травы, каждый день безъ перерыва на радостяхъ онъ бываетъ: родился-ли кто, умеръ-ли, гдѣ поминки — ему все радость.

3. Онъ первый за ѣдою, и послѣдній въ хвостѣ на молитвѣ; въ кухнѣ же ораторъ, лишь бы кухаркѣ угодить [3]).

Факиры.

Блаженъ, по истинѣ, нагой факиръ: словами святыми онъ наслаждается, ѣдой, что изъ милости дана ему, и въ сердцѣ безскорбенъ.

Блаженъ, по истинѣ, нагой факиръ: подъ древомъ онъ живетъ, есть-ли пригоршня на ѣду, о томъ не помышляетъ, и славу, и счастіе презираетъ.

Блаженъ, по истинѣ, нагой факиръ: плотскія и другія ощущенія смѣняются, а онъ свой духъ созерцаетъ, и не помнитъ ни конца, ни средины, ни начала.

Блаженъ, по истинѣ, нагой факиръ: доволенъ въ сознаніи своего блага, чувствами невозмущенными удовлетворенъ, и днемъ и ночью онъ въ богѣ радостенъ.

Блаженъ, по истинѣ, нагой факиръ: молитву святую читаетъ, въ сердцѣ о богѣ мыслитъ; милостыней питаясь, онъ по міру бродитъ!

Честный человѣкъ.

На западѣ солнце взойдетъ, и на вершинѣ горы лотусъ расцвѣтетъ, гора Меру потрясется и огонь охладѣетъ — но слово честнаго не поколеблется.

IX. Сказки, басни и романы.

Литература: Benfey, Pantscha tantra, 2 bd.
Wilson, Works, vol. III, IV.

Наиболѣе старымъ сборникомъ индійскихъ басенъ считается Панчатантра, при Сасанидахъ переведенный на такъ-называемый пехлевійскій языкъ, и затѣмъ на всѣ почти языки передней Азіи и Европы.

По новѣйшимъ розысканіямъ Бенфея, можно признать за непреложно доказанное, что первичныхъ источниковъ этого сборника слѣдуетъ искать въ памятникахъ буддійской литературы.

---

1) Сарнгадхара, стр. 101.

2) Подвижники въ Индіи рисуютъ на лбу различныя черты (тилака), знаменующія, къ какой сектѣ они принадлежатъ.

3) Тамъ-же, стр. 113.

Равной извѣстностью съ Панча-тантрой пользуется еще другой сборникъ басенъ «Хитопадеса», который есть не болѣе какъ извлеченіе изъ Панча-тантры.

Оба сборника изобилуютъ дидактическими изреченіями въ стихахъ. Этотъ родъ литературы былъ излюбленнымъ въ древней Индіи. Извѣстны нѣсколько сборниковъ исключительно такихъ изрѣченій, напр. приписываемый знаменитому индійскому дипломату Чанакьѣ.

Въ непосредственной связи съ баснями находятся сказки и романы. Намъ извѣстны одни позднѣйшіе образцы и тѣхъ, и другихъ, напр., «Приключенія десяти принцевъ» (Дасакумарачарита), соч. Дандина, VI-го вѣка, «Васавадатта», соч. Субандху, и «Кадамбари», соч. Баны, оба относятся къ VII вѣку, «Катхасаритсагара», соч. Сомадевы—XII вѣка.

Вотъ содержаніе романа «Васавадатта», наиболѣе знаменитаго изъ упомянутыхъ выше:

Кандарпакету, молодой и храбрый царевичъ, сынъ царя Чинтамани, увидѣлъ во снѣ дѣвушку-красавицу, въ которую тогда же влюбился.

Твердо вѣря, что существо, подобное приснившемуся, должно существовать въ дѣйствительности, молодой царевичъ, въ сопровожденіи друга Макаранды, отправляется искать свою желанную.

На пути онъ засыпаетъ подъ деревомъ въ лѣсу, у горъ Виндхья. Макаранда въ это время подслушиваетъ разговоръ двухъ птицъ.

Изъ ихъ разговора онъ узнаётъ, что нѣкая царевна Васавадатта отвергла исканія всѣхъ жениховъ. Царевна, увидѣвъ во снѣ царевича Кандарпакету, влюбилась въ него.

Наперсница царевны, Тамалика, была отправлена царевною въ поиски за Кандарпакету и случайно пришла въ тотъ же лѣсъ. Тамалика передаетъ царевичу письмо своей госпожи и ведетъ его къ ней во дворецъ.

Объяснившись въ любви, Кандарпакету увозитъ царевну, но по дорогѣ теряетъ ее въ лѣсу. Послѣ долгихъ тщетныхъ поисковъ, царевичъ достигаетъ моря и здѣсь рѣшается на самоубійство; но въ ту минуту, когда онъ хочетъ броситься въ волны, съ неба раздается голосъ, обѣщающій, что онъ вновь найдетъ свою желанную, и указывающій средства къ достиженію этой цѣли.

Спустя нѣкоторое время, Кандарпакету находитъ мраморную статую, разительно похожую на Васавадатту. Эта статуя оказывается Васавадаттою, превращенною въ камень. Она оживаетъ и разсказываетъ свое превращеніе и свое прошлое.

Найдя любезную, царевичъ возвращается въ свой городъ, гдѣ долго и счастливо живетъ.

Ближайшее изученіе буддійской и жайнской литературы, безъ сомнѣнія, откроетъ источники и этихъ произведеній.

X. Драма.

Литература: Wilson's Select Specimens of the theatre of the Hindus.
Fitz Edward Hall: The Dasarûpa or Hindu canons of Dramaturgy (изд. въ Bibliotheca Indica).

Однимъ изъ первыхъ произведеній, переведенныхъ съ санскрита на европейскіе языки, была драма Калидасы «Сакунтала». Въ 1789 г. вышелъ англійскій переводъ В. Джонса, а въ 1791-мъ Форстеръ переложилъ Сакунталу съ англійскаго на нѣмецкій. Выборъ, сдѣланный Джонсомъ, былъ весьма удаченъ и не мало способствовалъ возбужденію интереса къ изученію древне-индійской литературы. Впечатлѣніе, произведенное переводомъ, несомнѣнно было сильно. Гете отозвался извѣстнымъ четверостишіемъ, въ которомъ онъ очень характерно оцѣнилъ красоты древне-индійскаго поэтическаго созданія. Гердеръ, Фр. Шлегель, Шеллингъ еще обстоятельнѣе характеризовали поэтическія достоинства «Сакунталы».

Драматическія произведенія въ санскритѣ имѣютъ общее названіе **натака**: этимологія этого слова (отъ корня *нат*, плясать), а также названіе актера—**ната** (собст. плясунъ)—указываютъ на то, что въ Индіи драма развилась изъ пляски. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ Индіи драма получила начало совершенно самостоятельно, безъ внѣшняго, иноземнаго вліянія; зародыши драматическихъ представленій въ формѣ діалоговъ мы можемъ прослѣдить весьма рано: такъ уже въ Ведахъ встрѣчаются діалоги, напр. извѣстный діалогъ Ямы и Ями (Ригъ-веда, X, 10), брата и сестры, прототипъ очень распространенныхъ сказаній о кровосмѣсителяхъ; діалогами сопровождались многія жертвоприношенія, и вообще извѣстно, что танцы, пѣніе и мимика уже входили въ культъ въ ранній періодъ его развитія.

Все это объясняетъ появленіе въ Индіи зародышей драматическаго искусства и не устраняетъ возможности посторонняго иноземнаго, именно греческаго, вліянія на дальнѣйшее развитіе индійской драмы. Вопросъ о греческомъ вліяніи на развитіе индійской драмы поднимался нѣсколько разъ, особенно извѣстнымъ берлинскимъ санскритологомъ Веберомъ, высказавшимся за греческое вліяніе. Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ только поднятъ и, за не-

имѣніемъ достаточныхъ фактовъ, не рѣшенъ ни въ отрицательномъ, ни въ положительномъ смыслѣ.

Сами индійцы о происхожденіи своего драматическаго искусства разсказываютъ миеъ: по однимъ сказаніямъ, оно обязано своимъ началомъ легендарному мудрецу Бхаратѣ; по другимъ, самъ богъ Брахма извлекъ это искусство изъ Ведъ и передалъ его мудрецу Бхаратѣ, которому приписывается древнѣйшая драматургія.

До насъ дошли только позднѣйшіе образцы индійскаго драматическаго искусства; изъ нихъ старѣйшею драмой считается «Мричхакатика». Авторомъ этого произведенія называютъ Судраку, по преданію жившаго до Р. Х., до эпохи царя Викрамадитьи. Есть, однакоже, нѣсколько данныхъ, заставляющихъ не вѣрить этому преданію; такъ, напр., въ драмѣ упоминается монета нанака, а этимъ именемъ называются монеты Канишки, царствовавшаго въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. Народныя нарѣчія, приводимыя въ драмѣ, несомнѣнно должны быть отнесены къ болѣе поздней эпохѣ. Тѣмъ не менѣе, древнѣе «Мричхакатики» пока не отыскано драмъ.

Три произведенія Калидасы: «Сакунтала», «Урваси», «Малавикагнимитра»—принадлежатъ болѣе поздней эпохѣ. Еще позднѣе явились остальныя изъ извѣстныхъ въ настоящее время драмъ, напр. три драмы Бхавабхути (VIII в. по Р. Х.), драмы Хармадевы, Мударакшаса и Прабодхачандродая (XII в.).

Позднѣйшія драматическія произведенія заимствуютъ свое содержаніе изъ легендъ Махабхараты и Рамаяны, а также изъ исторіи Кришны, и чѣмъ позднѣе эти произведенія, тѣмъ болѣе они походятъ на средневѣковыя мистеріи. Произведенія съ комическимъ содержаніемъ и драмы философскаго содержанія, въ которыхъ философскія системы являются дѣйствующими лицами, принадлежатъ также поздней эпохѣ.

Число открытыхъ или напечатанныхъ въ Индіи драмъ въ настоящее время очень значительно и постоянно увеличивается.

Въ санскритской литературѣ есть нѣсколько сочиненій по драматургіи. Древнѣйшее—«Натья-састра»—приписывается Бхаратѣ, и часть этого сочиненія издана; теоріи драмы посвящена и «Дасарупа», соч. Дхананжаи, а также отдѣльныя главы въ сочиненіяхъ по риторикѣ, напр. въ «Кавья-дарсѣ», «Кавья-пракасѣ» и «Сахитья-дарпанѣ».

Индійскіе писатели имѣютъ свою оригинальную классификацію драматическихъ произведеній: они различаютъ десять главныхъ видовъ драматическихъ произведеній и восемнадцать второстепенныхъ. Въ основаніэ этой классификаціи положены три главныхъ признака: драматическое дѣйствіе, характеръ главнаго героя и выражаемыя въ произведеніи чувства; несходство въ очень тонкихъ и даже ме-

лочныхъ оттѣнкахъ этихъ трехъ главныхъ признаковъ порождаетъ различные виды драматическихъ произведеній, разнообразно именуемыхъ въ туземныхъ драматургіяхъ.

О внѣшнемъ устройствѣ древне-индійской сцены туземные писатели сообщаютъ очень мало. Изъ нѣкоторыхъ драмъ извѣстно однакоже, что въ царскихъ дворцахъ устраивались особыя залы пѣнія, гдѣ давались концерты и балеты; представленія эти давались только въ исключительныхъ случаяхъ, напр. во время вѣнчанія на престолъ, ярмарокъ, при какихъ либо религіозныхъ торжествахъ и т. п. необыденныхъ явленіяхъ или семейныхъ празднествахъ, а потому весьма вѣроятно, что въ древней Индіи не было особыхъ постоянныхъ зданій для театра.

По описанію одного туземнаго источника, сцена должна была имѣть такой видъ: для представленія выбиралась обширная и изящная комната, которую покрывали богатымъ балдахиномъ на роскошно изукрашенныхъ и цвѣтами увитыхъ столбахъ; въ центрѣ, подъ балдахиномъ, на тронѣ, занималъ мѣсто тотъ, кто устраивалъ театральное представленіе; по лѣвую его сторону помѣщались его домашніе, по правую — почетные гости. Сзади садились государственные чины; въ центрѣ помѣщались поэты, звѣздочеты, врачи, ученые. Красивая женская прислуга, вооруженная опахалами, окружала хозяина. Въ разныхъ мѣстахъ залы разставлялась стража для поддержанія внѣшняго порядка.

Когда всѣ приглашенные размѣщались по своимъ мѣстамъ, входилъ оркестръ и исполнялъ нѣсколько пьесъ.

Затѣмъ появлялась главная танцовщица: поклонившись присутствующимъ, она разсыпала между ними цвѣты,—съ этого начиналось представленіе.

Образцомъ древне-индійскихъ драматическихъ произведеній можетъ быть выбрана драма «Малати и Мадхава». Вотъ ея содержаніе.

Бхуривасу, министръ царя Падмавати, и Деварата, состоящій на службѣ у царя страны Видарбха, задумали скрѣпить свою долголѣтнюю дружбу бракомъ своихъ дѣтей. Когда еще эти дѣти были очень малы, отцы порѣшили, что Малати, дочь одного изъ нихъ (Бхуривасу), должна выдти замужъ за Мадхаву, сына другого (Девараты). Царь же Падмавати вознамѣрился выдать Малати за своего любимца, Нандину—безобразнаго старика.

Вхуривасу, не желая ни оскорбить царя открытымъ отказомъ, ни оставить свое излюбленное намѣреніе, съ согласія своего друга Девараты пускается на хитрости: оба задумали свести молодыхъ людей и устроить тайный бракъ; въ свой заговоръ они привлекаютъ одну старую жрицу. Мадхаву посылаютъ учиться въ тотъ городъ,

гдѣ царитъ Падмавати, и здѣсь старая жрица, съ помощью сестры героини Малати, устраиваетъ свиданіе молодымъ людямъ.

Молодые люди видятся и взаимно влюбляются.

Съ этого момента начинается драматическое дѣйствіе. Въ первомъ явленіи діалогъ между старой женщины и ея ученицей выясняетъ всѣ предыдущія событія и приготовляетъ зрителя къ появленію дѣйствующихъ лицъ.

Являются Мадваха, его наперстникъ Макаранда и слуга Калаханса. Мадваха разсказываетъ о своемъ свиданіи съ Малати и о глубокомъ впечатлѣніи, вынесенномъ изъ этого свиданія. Его спутникъ въ тоже время показываетъ ему портретъ, нарисованный героиней и полученный черезъ ея служанокъ. Мадваха на томъ же листѣ чертитъ образъ Малати и внизу пишетъ страстные стихи.

Въ такомъ видѣ портретъ возвращается къ Малати.

Въ нѣсколькихъ послѣдующихъ сценахъ, передъ зрителемъ раскрывается развитіе взаимной любви героя и героини.

Между тѣмъ царь заявляетъ свое желаніе отцу, а тотъ, какъ истый царедворецъ, отвѣчаетъ, что царь можетъ распоряжаться его дочерью, какъ ему заблагоразсудится.

Влюбленные, узнавъ объ этомъ, впадаютъ въ отчаяніе.

Устроивается новое свиданіе, во время котораго происходитъ нѣчто ужасное. Изъ храма бога Сивы вырывается тигръ и нападаетъ на молодую сестру Нандины. Макаранда бросается ей на помощь и дѣйствительно спасаетъ ее невредимой. Все это происходитъ за сценой.

На сцену же является сперва спасенная сестра Нандины, затѣмъ приносятъ безчувственнаго Макаранду; его приводятъ въ себя, и спасенная имъ дѣвушка влюбляется въ него.

Въ это время возвѣщаютъ о приготовленіяхъ къ свадьбѣ Нандины и Малати. Всѣ уходятъ; остается одинъ Мадхава. Онъ въ отчаяніи и рѣшается на самоубійство, но въ индійской формѣ. Герой задумалъ продать свое тѣло духахъ и отправляется съ этою цѣлью на кладбище.

Появляется новое дѣйствующее лицо—ученица одного жреца и волшебника, задумавшаго принести въ жертву богинѣ Кали какую-нибудь юную дѣвушку. Въ то время, какъ Мадхава на кладбищѣ тщетно ищетъ покупщика своему тѣлу, онъ слышитъ крикъ отчаянія и узнаётъ голосъ своей возлюбленной.

Въ слѣдующей сценѣ является Малати въ видѣ жертвы. Волшебникъ и его ученица приготовлвютъ священнодѣйствіе.

Врывается Мадхава, и героиня падаетъ на руки къ своему воз-

любленному. Происходитъ битва между Мадхавой и волшебникомъ. Послѣдній убитъ, а Малати возвращается въ родительскій домъ.

Приготовленія къ ея свадьбѣ съ Нандиномъ продолжаются. Съ помощью хитростей старой жрицы устраивается, однакоже, такъ, что за Нандину выдаютъ не Малати, и переодѣтаго Макаранду. Макаранду въ одѣяніяхъ Малати приносятъ въ домъ Нандины, и здѣсь, неузнанный новобрачнымъ, онъ отталкиваетъ его отсутствіемъ женственности. Нандина, гнѣваясь на молодую жену, отсылаетъ къ ее своей сестрѣ.

Макаранда открывается здѣсь передъ влюбленной въ него дѣвушкой и вовлекаетъ ее въ заговоръ своего друга.

Дѣйствіе заканчивается соединеніемъ Малати и Мадхавы. Передъ тѣмъ Малати еще разъ похищаетъ волшебница, но опять чудесно освобождаютъ друзья.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ДРЕВНЕ-ПЕРСИДСКОЙ ИЛИ ИРАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

К. Г. Залемана.

Литература: Erânische Alterthumskunde von Fr. Spiegel. Bd. III. Leipzig 1878. 8. p. 734: Buch VII: Wissenschaft und Kunst. Cap. III. Die altéranische Literatur. Das Avesta. Cap. IV. Die Uebersetzungen des Avesta und die spätere Literatur.
Essays on the sacred language, writings, and religion of the Parsis. By Martin Haug. 2-d. ed. edit. by E. W. West. London 1878. 8.
Die altpersischen Keilinschriften. Im Grundtexte mit Uebersetzung. Grammatik und Glossar von Fr. Spiegel. Leipzig. 1862. 8.
Einleitung in die traditionellen Schriften der Parsen, von Fr. Spiegel, II. Die traditionelle Literatur der Parsenin ihrem Zusammenhange mit den angraenzenden Literaturen dargestellt. Wien. 1860. 8.
Avesta, die heiligen Schriften der Parsen.—Aus dem Grundtexte übersetzt, mit aller Rucksicht auf die Tradition, von Frederik Spiegel. I. Vendidad. II. Vispered und Yaçna. III. Khorda-Avesta. Leipzig, 1852—63. 8.
Avesta, livre sacré des sectateurs de Zoroastre, traduit du texte par C. de Harlez. I—III. Liège. 1875—77. 8.
Études Avestiques. Par C. de Harlez. Paris. 1877. 8.
К. Коссовича: Четыре статьи изъ Зендавесты, съ присовокупленіемъ транскрипціи, русскаго и латинскаго переводовъ, объясненій, критическихъ примѣчаній, санскритскаго перевода и сравнительнаго глоссарія. С.-пб. 1861. 8.

Въ близкомъ родствѣ съ индійцами стоитъ *иранское* племя, главными представителями котораго считаются у насъ персіяне. Но это названіе болѣе историческое или политическое, чѣмъ этнографическое. Обозначая первоначально только жителей области Парса (нынѣ Фарсъ), это имя со временъ Кира, учредителя персидской монархіи, было перенесено греками на всѣ иранскія племена, входившія въ составъ этого государства. И еще въ настоящее время оно употре-

бляется нами въ такомъ же смыслѣ, хотя сами персіяне называютъ свое государство Иранъ, а самихъ себя иранцами (ирâни).

Уже одно это названіе указываетъ на тѣсную связь между обоими азіятскими представителями индо-европейскаго племени: Иранъ (прежде *арьяна*) только второобразная форма древняго имени арья, которое давали себѣ индійцы, и которое несомнѣнно было общимъ названіемъ индусовъ и иранцевъ въ тѣ незапятныя времена, когда они составляли еще одно цѣлое. Но родственная связь обоихъ племенъ выразилась также и въ языкѣ, вѣрованіяхъ, миѳахъ, обычаяхъ.

Тѣмъ не менѣе въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи эти два племени рѣзко расходятся между собою. По истеченіи героической поры, обусловленной борьбою новыхъ пришельцевъ съ туземцами и совершеннымъ покореніемъ послѣднихъ, индійскіе арійцы предались исключительно религіозному созерцанію и литературнымъ занятіямъ. Политическаго вліянія на сопредѣльныя народности они почти не имѣли и, презирая тщету міра, утратили въ концѣ-концовъ даже и воспоминанія о своей исторіи. Иранцы, напротивъ, занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между племенами, принимавшими дѣятельное участіе въ политическомъ и умственномъ развитіи восточнаго міра. Ихъ вліяніе перешло далеко за предѣлы странъ, носящихъ собственно имя Ирана, въ области, населенныя разными, чуждыми имъ по происхожденію, народностями. Нѣсколько разъ въ историческое время, вся политическая власть надъ западною Азіей сосредоточивалась въ Иранѣ, именно при Ахеменидахъ, Сасанидахъ и Махмудѣ Газневидскомъ. Въ высшей степени замѣчательны то глубокое чувство національности и та упругость народнаго духа, благодаря которымъ иранцы все возрождались съ новыми силами, перетерпѣвъ такія тяжкія пораженія, какъ вторженіе Александра Македонскаго и арабское завоеваніе. Не менѣе выдающуюся роль играетъ Иранъ въ исторіи религій: мусульманство водворилось въ Индіи чрезъ посредничество персіянъ; въ первые вѣка христіанства разныя гностическія секты возникали въ предѣлахъ государства Сасанидовъ изъ смѣси христіанскихъ и зороастрическихъ элементовъ. Сасанидскіе цари покровительствовали всѣмъ ересямъ, враждебнымъ господствовавшему въ Римской имперіи ученію. Притомъ еще въ глубокой древности иранцы создали высокую по своимъ нравственнымъ идеаламъ религію. Это—ученіе Зороастра, достигшее новаго блеска и новаго процвѣтанія въ государствѣ, возрожденномъ стараніями Сасанидовъ.

Упомянутыя выше двукратныя покоренія Ирана иноземцами не остались безъ кореннаго вліянія и на внутреннюю жизнь самого народа. Именно этими двумя событіями опредѣляются главныя эпохи

какъ политической исторіи иранцевъ, такъ и исторіи ихъ языка и литературы: эпохи древняя, средняя и новая. И въ дошедшихъ до насъ памятникахъ каждой изъ этихъ трехъ эпохъ преобладаетъ особый языкъ. На-ряду со скудными письменными памятниками Ахеменидовъ стоятъ только немного болѣе обширныя книги зороастрійцевъ— такъ-называемая Зендавеста, написанная на *зендскомъ* языкѣ, который вѣрнѣе назвать языкомъ *авестскимъ*. Второй періодъ, средне-иранскій, обнимаетъ сохранившіеся до сихъ поръ памятники періода Сасанидовъ, когда при дворѣ и въ литературѣ господствовалъ таинственный *пехлевійскій* языкъ, раскрытіе котораго составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ восточной филологіи. Но этотъ періодъ не легко отдѣлить отъ перваго, такъ какъ сохранившіеся памятники этого времени состоятъ въ самой тѣсной связи съ Зендавестою, частью объясненяя ее, частью объясняясь только ею.— Третій, ново-иранскій періодъ называется ново-персидскимъ, такъ какъ изъ всѣхъ иранскихъ племенъ, по принятіи ими ислама, только персіяне развили, вмѣстѣ съ литературнымъ языкомъ, самостоятельную, богатую словесность, передъ которой блѣднѣютъ слабыя литературныя попытки курдовъ и афганцевъ.

I. Памятники иранской литературы до Александра Македонскаго.

Сохранившіеся до насъ памятники древне-иранской эпохи написаны на двухъ нарѣчіяхъ, близкое родство которыхъ между собою подтверждается сообщеніемъ греческихъ писателей, что говоры различныхъ иранскихъ племенъ были почти одинаковы. Обыкновенно полагаютъ, что одно изъ этихъ нарѣчій (такъ-называемое древне-персидское) принадлежитъ западу, а другое (такъ-называемое древне-бактрійское) востоку Ирана; въ послѣднее время стали пріурочивать первое нарѣчіе къ югу, второе къ сѣверу Ирана; но ни то, ни другое предположеніе не можетъ считаться неоспоримымъ.

Единственные памятники западнаго нарѣчія—надписи, вырѣзанныя вмѣстѣ съ другими изображеніями, частью на скалахъ, частью на стѣнахъ развалившихся дворцовъ ахеменидскихъ царей, съ такъ-называемыми клинообразными, или гвоздеобразными письменами. Этихъ надписей, разумѣется, нельзя считать литературными памятниками; но, имѣя въ виду неоспоримую ихъ важность въ отношеніяхъ историческомъ и филологическомъ, мы считаемъ не лишнимъ посвятить имъ нѣсколько словъ.

Такъ какъ всѣ эти надписи относятся къ временамъ царей ахеменидской династіи, начиная съ Кира до Артаксеркса III, а боль-

шинство ихъ найдено въ предѣлахъ древней Персиды и Мидіи, то о времени и мѣстѣ, къ которымъ онѣ относятся, не можетъ быть сомнѣнія. Давно уже было высказано предположеніе, что языкомъ, на которомъ писали Ахемениды, было именно то нарѣчіе, которое жило въ устахъ народа, населявшаго древнюю Персиду. Въ виду разнообразія народовъ и языковъ въ обширномъ своемъ государствѣ, Ахемениды прибавляли къ большинству надписей еще и переводы на два языка, изъ которыхъ одинъ тожественъ съ языкомъ ассирійскихъ и вавилонскихъ гвоздеобразныхъ надписей, а другой, не смотря на усердныя старанія оріенталистовъ, все еще остается тайной.

Здѣсь не мѣсто излагать подробно исторію разбора гвоздеобразныхъ надписей *). Достаточно сказать, что слава первыхъ успѣховъ разбора этихъ писменъ безспорно принадлежитъ Гротефенду, который разъяснилъ ихъ характеръ и прочелъ имена Дарія и Ксеркса. Послѣ него, Роулинсонъ, подготовленный совершенно самостоятельными изслѣдованіями, открылъ и скопировалъ знаменитую Бисутунскую надпись. Онъ съумѣлъ воспользоваться этимъ богатымъ матеріаломъ съ такимъ успѣхомъ, что слѣдовавшимъ за нимъ толкователямъ—Бенфею, Опперту, Шпигелю и др.—оставалось только дополнять и провѣрять его результаты.

О содержаніи надписей довольно сказать, что большинство ихъ относится къ основанію и постройкѣ зданій. Общій интересъ представляютъ только надписи Дарія Гистаспа, такъ какъ въ нихъ встрѣчаются важныя историческія и географическія данныя. Важнѣйшая изъ нихъ Бисутунская. Она высѣчена на обтесанной скалѣ, недалеко отъ нынѣшняго города Керманшаха. Уже Діодоръ Сицилійскій знаетъ Βαγίσταvον ὄρος и говоритъ о надписяхъ будто бы Семирамиды, вырѣзанныхъ на этой скалѣ, отъ которой однако нынѣ не сохранилось и слѣда. Гора Бисутунъ круто поднимается изъ окружающей ее равнины до высоты 1,700 ф. На ней найдены отлично сохранившіяся скульптурныя произведенія, по искусству стоящія ниже персепольскихъ. Девять лицъ, съ петлею на шеѣ и со связанными на спинѣ руками, приближаются къ величественной фигурѣ, поднимающей руку и лѣвою ногой попирающей распростертаго врага. Это Дарій, окруженный нѣсколькими провожатыми; предъ нимъ стоятъ побѣжденные враги, а надъ всѣми въ высотѣ паритъ Аурамазда. Самая надпись сдѣлана подъ этими скульптурными изображеніями на

*) Желающіе ближе познакомиться съ нею, могутъ обратиться къ статьѣ проф. Шпигеля: о географическихъ и этнографическихъ результатахъ разбора гвоздеобразныхъ надписей, въ книгѣ: „Иранъ, К. Риттера, ч. I. Перевелъ и дополнилъ Н. В. Ханыковъ. Изд. И. Р. Геогр. Общ. Спб. 1874. 8.

высотѣ около 300 футовъ отъ земли. Тѣмъ не менѣе она не уцѣлѣла. Нижнія ея части повреждены фанатическими мусульманами, а конецъ, именно пятая таблица, страшно испорчена ручьемъ, протекавшимъ по ней уже съ давнихъ временъ.

Бисутунская надпись не только объемомъ, но и важностію содержанія превосходитъ всѣ остальныя. Въ ней Дарій провозглашаетъ свою родословную, исчисляетъ подчиненныя ему страны и—главное—разсказываетъ смуты, происходившія въ Персіи со смерти Камбиза, возстаніе Смердиса (Бардія), восшествіе свое на престолъ и походы противъ другихъ самозванцевъ въ разныхъ областяхъ монархіи. Конца надписи, къ сожалѣнію, недостаетъ. Разумѣется, всѣ эти свѣдѣнія изложены сухимъ оффиціальнымъ языкомъ; тѣмъ не менѣе подлинный документъ такого рода, утверждающій и дополняющій извѣстія классическихъ писателей, неоцѣнимъ для историка.

Эти свѣдѣнія нѣкоторымъ образомъ дополняются еще и накширустемскою надписью, находящеюся близъ Персеполиса на крутой скалѣ, въ которой высѣчены четыре гроба, нынѣ совершенно пустые. Надъ гробомъ скульптурныя изображенія и надписи. Самая длинная изъ нихъ относится, кажется, къ послѣднимъ годамъ царствованія Дарія. По географическимъ даннымъ, которыя въ ней гораздо полнѣе чѣмъ въ остальныхъ надписяхъ, можно заключить, что она написана раньше мараѳонской битвы, т. е. раньше 490 г. до Р. Х.

И въ Персеполисѣ сохранились нѣсколько надписей Дарія и сына его Ксеркса, но онѣ не особенно замѣчательны. Еще короче и незначительнѣе надписи Артаксеркса I и Дарія II, содержащія почти только ихъ имена. Немного длиннѣе надпись Артаксеркса II Мнемона въ Сузѣ, и надпись Артаксеркса III Оха. Но въ нихъ уже сказывается значительный упадокъ граматическаго строя языка, свидѣтельствующій о томъ, что составители этихъ надписей не владѣли древнимъ языкомъ, который, какъ иные предполагаютъ, и во время Дарія, быть можетъ, уже не соотвѣтствовалъ живой народной рѣчи. Но при отсутствіи всѣхъ другихъ данныхъ, трудно составить себѣ положительное мнѣніе въ этомъ вопросѣ.

Чтобы дать читателямъ наглядное и точное понятіе объ этихъ надписяхъ, приводимъ важнѣйшую изъ нихъ.

Бехистанская надпись.

Таблица I.

§ 1. Я, Дарій (Дараявушъ), царь великій, царь царей, царь Персиды, царь областей, сынъ Виштаспа, внукъ Аршама, Ахеменидъ (Ахаманишія). 2. Говоритъ Дарій царь: Мой отецъ Виштаспъ, отецъ Виштаспа Аршамъ, отецъ Аршама Арія-

рамнъ, отецъ Аріярамна Чайшпи, отецъ Чайшпи Ахаманишъ *). 3. Говоритъ Дарій царь: Того ради мы Ахеменидами называемся, издавна мы отличились, издавна нашъ родъ былъ царями. 4. Говоритъ Дарій царь: Восьмеро моего рода были прежде царями, я девятый, съ давныхъ временъ мы цари. 5. Говоритъ Дарій царь: Волею Аурамазды я царь, Аурамазда передалъ мнѣ царство. 6. Говоритъ Дарій царь: Вотъ области, подчиненныя мнѣ, волею Аурамазды я сдѣлался ихъ царемъ: Персія, Сусіана, Вавилонъ, Ассирія, Аравія, Египетъ, [страны] Приморскія, Спарда, Іонія, Мидія, Арменія, Каппадокія, Пареія, Дрангіана, Арія (т.-е. Гератъ), Хоарезмія, Бактрія, Согдіана, Гандара, Саки, Саттагуды, Арахозія, Мака, всего 23 области. 7. Говоритъ Дарій царь: Вотъ области, которыя подчинены мнѣ, волею Аурамазды онѣ сдѣлались моими слугами, платили мнѣ дань; что мною было приказано имъ, ночью и днемъ, то было исполнено. 8. Говоритъ Дарій царь: Въ этихъ областяхъ какой мужъ былъ послушенъ, того я берегъ, кто былъ враждебенъ, того я строго наказывалъ. Волею Аурамазды эти области были сберегаемы (?) по сему моему закону; какъ было имъ повелѣваемо мною, такъ дѣлалось. 9. Говоритъ Дарій царь: Аурамазда передалъ мнѣ царство, Аурамазда приносилъ мнѣ помощь, пока я не завладѣлъ этимъ царствомъ; волею Аурамазды я владѣю этимъ царствомъ.

§ 10. Говоритъ Дарій царь: Это сдѣлано мною, когда я сталъ царемъ. Кто-то Камбуджій по имени, сынъ Куру, изъ нашего рода, былъ прежде здѣсь царемъ; у этого Камбуджія былъ братъ Бардій (Смердисъ) по имени, отъ того-же отца и той-же матери, какъ Камбуджій. Потомъ Камбуджій убилъ того Бардія. Когда Камбуджій убилъ Бардія, то войску не было извѣстно, что Бардій былъ убитъ. Потомъ Камбуджій пошелъ въ Египетъ. Когда Камбуджій пошелъ въ Египетъ, то войско возстало, потомъ ложь умножилась въ областяхъ, и въ Персіи, и въ Мидіи, и въ остальныхъ областяхъ. 11. Говоритъ Дарій царь: Вотъ былъ мужъ, магъ, Гауматъ по имени, изъ [страны] Пишіяувады, онъ возсталъ, [гдѣ] гора Аракадри по имени, оттуда. Мѣсяца Віяхна 14-й день тогда былъ, когда онъ возсталъ; такъ онъ вралъ: я Бардій, сынъ Куру, братъ Камбуджія. Потомъ все государство возстало противъ Камбуджія, перешло къ нему [Гаумату], и Персія, и Мидія, и остальныя области. Онъ завладѣлъ царствомъ; мѣсяца Гармапада 9-й день тогда былъ, когда онъ завладѣлъ царствомъ. Потомъ умеръ Камбуджій, убивъ самого себя. 12. Говоритъ Дарій царь: Это царство, которое магъ Гауматъ отнялъ у Камбуджія, это царство издавна было при нашемъ родѣ. Потомъ магъ Гауматъ отнялъ у Камбуджія и Персію, и Мидію, и остальныя области, онъ усвоилъ (?) ихъ себѣ, онъ былъ царемъ. 13. Говоритъ Дарій царь: Не было мужа, ни Перса, ни Мида, ни кого изъ нашего рода, кто бы отнималъ царство у мага Гаумата; народъ боялся его за жестокость [думая:] „[пожалуй] много народа убилъ бы, знавшаго прежняго Бардія"; по сему убилъ бы людей, „чтобы не знали меня, что я не Бардій, сынъ Куру". Никто не смѣлъ говорить что-либо о магѣ Гауматѣ, пока я не пришелъ. Потомъ я воззвалъ къ Аурамаздѣ, Аурамазда принесъ мнѣ помощь, мѣсяца Багаяди 10-го дня это было, когда я съ немногими мужами убилъ этого мага Гаумата и тѣхъ, кто были главные его приверженцы. Есть крѣпость Сикатаувати по имени, область Нисая по имени, въ Мидіи, тамъ я его убилъ, я отнялъ у него царство, волею Аурамазды я сталъ царемъ, Аурамазда передалъ мнѣ царство. 14. Говоритъ Дарій царь: Царство, отнятое у нашего рода, я возстано-

*) Ср. у Геродота, VII, 11, гдѣ Ксерксъ говоритъ: „ибо я не былъ бы сыномъ Дарія, сына Истаспа, сына Арсама, сына Аріарамна, сына Теиспа (сына Кира, сына Камбиза, сына Теиспа), сына Ахемена". Слова, поставленныя въ скобкахъ, попали сюда, вѣроятно, вслѣдствіе ошибки переписчика.

магъ, я его поставилъ на свое мѣсто, каково прежде [было], такъ я сдѣлалъ. Мѣста богослуженія, которыя магъ Гауматъ разрушилъ, я сохранилъ для народа, пастбища (?), стада, жилища по кланамъ, все, что магъ Гауматъ отнялъ у нихъ. Я поставилъ народъ на свое мѣсто, Персію, Мидію и остальныя области. Какъ прежде было, такъ я возвратилъ отнятое, волею Аурамазды я сдѣлалъ это, я старался, пока не поставилъ этого нашего клана на свое мѣсто; какъ прежде было, такъ я устроилъ, когда магъ Гауматъ еще не ограбилъ нашего клана. 15. Говоритъ Дарій царь: Вотъ что я сдѣлалъ, когда я сталъ царемъ.

§ 16. Говоритъ Дарій царь: Когда я убилъ Гаумата мага, то былъ мужъ Атринъ по имени, сынъ Упадарма: онъ возсталъ въ Сусіанѣ; онъ такъ сказалъ народу: Я царь Сусіаны. Потомъ Сусіанцы взбунтовались, они перешли къ тому Атрину; онъ былъ царемъ въ Сусіанѣ. Тоже былъ мужъ вавилонянинъ Надитабиръ, сынъ Айнири (?), онъ возсталъ въ Вавилонѣ, такъ онъ вралъ: Я Набукудрачаръ, сына Набунита. Потомъ народъ Вавилонскій весь перешелъ къ тому Надитабиру; Вавилонъ взбунтовался, царствомъ въ Вавилонѣ онъ завладѣлъ. 17. Говоритъ Дарій царь: Потомъ я послалъ въ Сусіану, этотъ Атринъ былъ привезенъ ко мнѣ въ оковахъ (буквально: связаннымъ), я убилъ его. 18. Говоритъ Дарій царь: Потомъ я пошелъ въ Вавилонъ противъ того Надитабира, который назывался Набукудрачаромъ. Войско Надитабира заняло Тигръ, тамъ оно выстроилось и было на судахъ. Аурамазда принесъ мнѣ помощь, волею Аурамазды я переправился чрезъ Тигръ, тамъ я сильно поразилъ войско Надитабира. Мѣсяца Атріядія 27-й день тогда былъ, когда мы дали сраженіе. 19. Говоритъ Дарій царь: Потомъ я пошелъ въ Вавилонъ. Когда я подошелъ къ Вавилону, есть городъ Зазанъ по имени на Евфратѣ, туда пошелъ этотъ Надитабиръ, который назывался Набукудрачаромъ, съ войскомъ, чтобъ дать противъ меня сраженіе. Потомъ мы дали сраженіе, Аурамазда принесъ мнѣ помощь, волею Аурамазды я сильно поразилъ войско Надитабира. Врагъ былъ (прогнанъ) въ воду, вода его унесла: мѣсяца Анамака 2-й день тогда былъ, когда мы дали сраженіе.

Таблица II.

§ 1. Говоритъ Дарій царь: Потомъ Надитабиръ съ немногими воинами пошелъ въ Вавилонъ; потомъ я пошелъ въ Вавилонъ, волею Аурамазды я взялъ Вавилонъ и взялъ того Надитабира, потомъ я убилъ того Надитабира въ Вавилонѣ.

§ 2. Говоритъ Дарій царь: Пока я былъ въ Вавилонѣ, отъ меня отпали области Персія, Сусіана, Мидія, Ассирія, Арменія, Пареія, Маргіана, Саттагуды, Саки.

§ 3. Говоритъ Дарій царь: Былъ мужъ Мартій по имени, сынъ Чичихри, есть Куганака по имени, городъ въ Персіи, тамъ у него было имѣніе. Онъ возсталъ въ Сусіанѣ, такъ онъ сказалъ народу: я Имани, царь Сусіаны. 4. Говоритъ Дарій царь: Потомъ я отправился (?) противъ Сусіаны, потомъ меня (устрашились?) Сусіанцы, захватили того Мартія, который былъ ихъ начальникомъ, и убили его.

§ 5. Говоритъ Дарій царь: Былъ мужъ Фраварти по имени, Мидъ, онъ возсталъ въ Мидіи, такъ онъ говорилъ народу: я Кшатритъ, изъ рода Увахшатара. Потомъ мидійскій народъ отступилъ отъ меня, перешелъ къ тому Фраварти, онъ былъ царемъ въ Мидіи. 6. Говоритъ Дарій царь: Войско персидское и мидійское, бывшее у меня, осталось вѣрнымъ мнѣ; потомъ я отправилъ войско; Видарна по имени, Перса моего слугу, я сдѣлалъ ихъ начальникомъ, такъ сказалъ я имъ: ступайте, поразите то мидійское войско, которое моимъ не называется. Потомъ отправился сей Видарнъ съ войскомъ. Когда онъ пришелъ въ Мидію, Мару по

имени, городъ въ Мидіи, тамъ онъ далъ сраженіе съ Мидійцами. Тотъ, кто у Мидійцевъ былъ начальникомъ, не выдержалъ....., Аурамазда принесъ мнѣ помощь, волею Аурамазды войско Видарна сильно поразило то войско мятежниковъ. Анамака мѣсяца 6 (28?)-й день тогда былъ, когда имъ дано сраженіе. Кампадъ по имени, область въ Мидіи, тамъ меня ожидало (?) войско, пока я пришелъ въ Мидію.

§ 7. Говоритъ Дарій царь: Потомъ Дадарши по имени, Армянина, моего слугу, я послалъ въ Арменію, такъ я ему сказалъ: ступай, порази войско мятежниковъ, которое моимъ не называется. Потомъ Дадарши отправился; когда онъ пришелъ въ Арменію, мятежники собрались и выступили противъ Дадарши дать сраженіе. (Зузу?) по имени жилище въ Арменіи, тамъ они дали сраженіе. Аурамазда принесъ мнѣ помощь, волею Аурамазды войско мое сильно поразило то войско мятежниковъ. Тураваара мѣсяца 8-й (?) день тогда былъ, когда имъ дано сраженіе. 8. Говоритъ Дарій царь: Во второй разъ собрались мятежники и выступили противъ Дадарши дать сраженіе. Тигръ по имени, крѣпость въ Арменіи, тамъ они дали сраженіе. Тураваара мѣсяца 18-й день тогда былъ, когда имъ дано было сраженіе. 9. Говоритъ Дарій царь: Въ третій разъ собрались мятежники и выступили противъ Дадарши дать сраженіе. Ухьяма (?) по имени, крѣпость въ Арменіи, тамъ они дали сраженіе. Аурамазда принесъ мнѣ помощь, волею Аурамазды войско мое сильно поразило то войско мятежниковъ. Тайгарчи мѣсяца 9-й день тогда былъ, когда имъ дано сраженіе. Тогда Дадарши ожидалъ меня, пока я пришелъ въ Мидію.

§ 10. Говоритъ Дарій царь: Ваумиса по имени, Перса, моего слугу, я отправилъ въ Арменію; такъ я сказалъ ему: ступай, порази войско мятежниковъ, которое моимъ не называется. Потомъ Ваумисъ отправился; когда онъ пришелъ въ Арменію, мятежники собрались и выступили противъ Ваумиса дать сраженіе. Атчиту (?) по имени, область въ Арменіи, тамъ дали сраженіе. Аурамазда принесъ мнѣ помощь, волею Аурамазды войско мое сильно поразило то войско мятежниковъ. Анамака мѣсяца 15-й день тогда былъ, когда имъ дано сраженіе. 11. Говоритъ Дарій царь: Во второй разъ собрались мятежники и выступили противъ Ваумиса дать сраженіе. Аутіяръ по имени, область въ Арменіи, тамъ дали сраженіе. Аурамазда принесъ мнѣ помощь, волею Аурамазды войско мое сильно поразило войско мятежниковъ. Тураваара мѣсяца послѣдній [день] тогда былъ, когда имъ дано сраженіе. Потомъ Ваумисъ меня ожидалъ въ Арменіи, пока я пришелъ въ Мидію.

§ 12. Говоритъ Дарій царь: Потомъ я вышелъ изъ Вавилона и отправился въ Мидію. Когда я пришелъ въ Мидію, Кудуру по имени, городъ въ Мидіи, тамъ этотъ Фраварти, который въ Мидіи царемъ назывался, вышелъ противъ меня съ войскомъ дать сраженіе. Потомъ мы дали сраженіе. Аурамазда принесъ мнѣ помощь, волею Аурамазды я сильно поразилъ войско Фраварти. Адукани мѣсяца 26-й день тогда былъ, когда мы дали сраженіе.

§ 13. Говоритъ Дарій царь: Потомъ этотъ Фраварти съ немногими воинами отправился туда, гдѣ Рага по имени, область въ Мидіи. Потомъ я отправилъ войско противъ нихъ; Фраварти былъ схваченъ и приведенъ ко мнѣ, я отрѣзалъ ему носъ, уши и языкъ, я повелъ его... У моего двора онъ содержался въ оковахъ, весь народъ видѣлъ его. Потомъ я его распялъ въ Ангматанѣ (Экбатанахъ), и мужей, которые были главными его приверженцами, я посадилъ въ Ангматанѣ въ крѣпость.

§ 14. Говоритъ Дарій царь: Мужъ Читратахмъ по имени, Сагартіецъ, возмутился противъ меня; такъ онъ говорилъ народу: Я царь въ Сагартіи, изъ семейства Увахшатара. Потомъ я отправилъ войско персидское и мидійское; Тахмаспада

по имени, Мида, моего слугу, я сдѣлалъ ихъ начальникомъ, такъ я говорилъ имъ: ступайте, поразите войско мятежниковъ, которое моимъ не называется. Потомъ Тахмаспадъ отправился съ войскомъ, и далъ сраженіе Читратахму. Аурамазда принесъ мнѣ помощь, волею Аурамазды войско мое сильно поразило войско мятежниковъ, захватило Читратахма и привезло его ко мнѣ. Потомъ я отрѣзалъ ему носъ и уши, и повелъ его... У моего двора онъ содержался въ оковахъ, весь народъ видѣлъ его. Потомъ я распялъ его въ Арбирѣ (Арбелахъ).

§ 15. Говоритъ Дарій царь: Вотъ что мною сдѣлано въ Мидіи.

§ 16 *) Говоритъ Дарій царь: Парѳяне и Варканцы отстали отъ меня и перешли къ Фраварти. Виштаспъ, мой отецъ, былъ въ Парѳіи, его оставилъ народъ и возмутился. Потомъ Виштаспъ взялъ людей вѣрныхъ ему и отправился. Виспаузати по имени, городъ въ Парѳіи, тамъ было дано сраженіе съ мятежниками. Аурамазда принесъ мнѣ помощь, волею Аурамазды Виштаспъ сильно поразилъ мятежниковъ. Віяхна мѣсяца 22-й день тогда былъ, когда дано сраженіе.

Таблица III.

§ 1. Говоритъ Дарій царь: Потомъ я отправилъ персидское войско къ Виштаспѣ, изъ Раги. Когда это войско дошло до Виштаспа, то Виштаспъ отправился съ этимъ войскомъ. Патиграбана по имени городъ—въ Парѳіи, тамъ онъ далъ сраженіе съ мятежниками. Аурамазда принесъ мнѣ помощь, волею Аурамазды Виштаспъ сильно поразилъ то войско мятежниковъ. Гармапада мѣсяца 1-й день тогда былъ, когда имъ дано сраженіе. 2. Говоритъ Дарій царь: Потомъ область стала моею. Вотъ что мною сдѣлано въ Парѳіи.

§ 3. Говоритъ Дарій царь: Маргу по имени область, она отпала отъ меня. Мужа, Фрада по имени, сдѣлали начальникомъ. Потомъ я послалъ Дадарши по имени, Перса, моего слугу, сатрапа въ Бактріи, противъ него; такъ я сказалъ ему: Ступай, порази то войско, которое моимъ не называется. Потомъ Дадарши отправился съ войскомъ и далъ сраженіе съ Маргинцами. Аурамазда принесъ мнѣ помощь, волею Аурамазды войско мое сильно поразило войско мятежниковъ. Атріядія мѣсяца 23-й день тогда былъ, когда имъ дано сраженіе. 4. Говоритъ Дарій царь: Потомъ область стала моею. Вотъ что сдѣлано въ Бактріи.

§ 5. Говоритъ Дарій царь: Мужъ Вахьяздатъ по имени, въ городѣ по имени Тарава, тамъ у него было имѣніе. Онъ второй возсталъ въ Персіи; такъ говорилъ онъ народу: я Бардій, сынъ Куру. Потомъ народъ персидскій, находящійся въ кланахъ, оставилъ пастбища (?). Онъ отступилъ отъ меня, перешелъ къ тому Вахьяздату, онъ былъ царемъ въ Персіи. 6. Говоритъ Дарій царь: Потомъ я отправилъ войско персидское и мидійское, бывшее у меня. Перса, Артавардія по имени, моего слугу, я сдѣлалъ ихъ начальникомъ. Остальное персидское войско пошло за мною въ Мидію; Артавардій съ войскомъ отправился въ Персію. Когда онъ пришелъ въ Персію, Раха по имени—городъ въ Персіи, туда выступилъ тотъ Вахьяздатъ, называвшійся Бардіемъ, съ войскомъ противъ Артавардія, дать сраженіе. Потомъ дали сраженіе, Аурамазда принесъ мнѣ помощь, волею Аурамазды войско мое сильно поразило войско Вахьяздата. Турававара мѣсяца 12-й день тогда былъ, когда дано сраженіе. 7. Говоритъ Дарій царь: Потомъ Вахьяздатъ съ немногими воинами пошелъ въ Пишіяуваду, оттуда онъ съ войскомъ еще разъ выступилъ противъ Артавардія, дать сраженіе. Парагъ по имени гора, тамъ дали сраженіе, Аурамазда принесъ мнѣ помощь, волею Аурамазды, войско мое сильно поразило то

*) Этотъ параграфъ въ персидскомъ текстѣ совсѣмъ испорченъ; переводъ сдѣланъ по второму (т.-н. скиѳскому) тексту.

войско Вахьяздата. Гармапада мѣсяца 6-й день тогда былъ, когда имъ дано сраженіе, и они захватили Вахьяздата и мужей, бывшихъ главными его приверженцами. 8. Говоритъ Дарій царь: Потомъ я распялъ Вахьздата и мужей, бывшихъ главными его приверженцами, Увадайдай по имени, городъ въ Персіи, тамъ.

§ 9. Говоритъ Дарій царь: Этотъ Вахьяздатъ, называвшій себя Бардіемъ, отправилъ войско въ Арахозію; Виванъ по имени, Персъ, мой слуга, сатрапъ въ Арахозіи, — противъ него. И сдѣлалъ одного мужа ихъ начальникомъ; такъ сказалъ онъ имъ: ступайте, поразите Вивана и войско, которое называется (войскомъ) Дарія царя. Потомъ войско, посланное Вахьяздатомъ, выступило противъ Вивана, дать сраженіе. Капишакани по имени, крѣпость, тамъ дали сраженіе. Аурамазда принесъ мнѣ помощь, волею Аурамазды войско мое сильно поразило войско мятежниковъ. Анамака мѣсяца 13-й день тогда былъ, когда имъ дано сраженіе. 10. Говоритъ Дарій царь: Во второй разъ собрались мятежники и выступили противъ Вивана, дать сраженіе, Гандитавъ по имени—область, тамъ дали сраженіе. Аурамазда принесъ мнѣ помощь, волею Аурамазды, войско мое сильно поразило войско мятежниковъ. Віяхна мѣсяца 7-й день тогда былъ, когда имъ дано сраженіе. 11. Говоритъ Дарій царь: Мужъ, бывшій начальникомъ того войска, которое Вахьяздатъ отправилъ противъ Вивана, — этотъ начальникъ отошелъ съ немногими воинами: Аршада по имени, крѣпость въ Арахозіи, противъ нея онъ пошелъ. Потомъ Виванъ съ войскомъ пошелъ вслѣдъ за нимъ, тамъ захватилъ онъ его и убилъ мужей, бывшихъ главными его приверженцами. 12. Говоритъ Дарій царь:Потомъ область была моею. Вотъ что мною сдѣлано въ Арахозіи.

§ 13. Говоритъ Дарій царь: Пока я былъ въ Персіи и Мидіи, вторично вавилонцы отпали отъ меня. Мужъ Арахъ по имени, Армянинъ, сынъ Андита, тотъ возсталъ въ Вавилонѣ. Дубанъ по имени, область, оттуда онъ возсталъ; такъ онъ лгалъ: Я Набукудрачаръ, сынъ Набунита. Потомъ вавилонцы отпали отъ меня и перешли къ этому Араху, онъ взялъ Вавилонъ, онъ былъ царемъ въ Вавилонѣ. 14. Говоритъ Дарій царь: Потомъ я отправилъ войско въ Вавилонъ. Виндафру по имени, Мидійца, моего слугу, я сдѣлалъ начальникомъ, такъ я имъ сказалъ: ступайте, поразите войско въ Вавилонѣ, которое моимъ не называется. Потомъ Виндафра съ войскомъ отправился въ Вавилонъ, Аурамазда принесъ мнѣ помощь, волею Аурамазды Виндафра взялъ Вавилонъ [и войско]. [Марказана] мѣсяца 2-го дня это было. . . . . (Конецъ таблицы уничтоженъ).

Таблица IV.

§ 1. Говоритъ Дарій царь: Вотъ что мною сдѣлано въ Вавилонѣ.

§ 2. Говоритъ Дарій царь: То, что я сдѣлалъ, было волею Аурамазды всячески. Когда цари возмутились, я далъ 19 сраженій, волею Аурамазды я ихъ поразилъ, 9 царей я взялъ въ плѣнъ. Одинъ, Гауматъ по имени, Мидіецъ, онъ лгалъ; такъ говорилъ онъ: я Бардій, сынъ Куру, онъ возмутилъ Персію. Одинъ, Атринъ по имени, въ Сусіанѣ, онъ лгалъ; такъ онъ говорилъ: я царь въ Сусіанѣ, онъ возмутилъ Сусіану противъ меня. Одинъ, Надитабиръ по имени, вавилонецъ, онъ лгалъ, такъ онъ говорилъ: я Набукудрачаръ, сынъ Набунита, онъ возмутилъ Вавилонъ. Одинъ, Мартій по имени, Персъ, онъ лгалъ; такъ говорилъ онъ: я Имани, царь въ Сусіанѣ, онъ возмутилъ Сусіану. Одинъ, Фраварти по имени, Мидіецъ, онъ лгалъ; такъ онъ говорилъ: я Хшатритъ, изъ рода Увахшатара, онъ возмутилъ Мидію. Одинъ, Читратахмъ по имени, Сагартіецъ, онъ лгалъ; такъ говорилъ онъ: я царь въ Сагартіи, изъ рода Увахшатара; онъ возмутилъ Сагартію. Одинъ, Фрадъ по имени, Маргіанецъ, онъ лгалъ; такъ говорилъ онъ: я царь въ Маргіанѣ, онъ

возмутилъ Маргіану (Маргу). Одинъ, Вахьяздатъ по имени, Персъ, онъ лгалъ; такъ онъ говорилъ: я Бардій, сынъ Куру, онъ возмутилъ Персію. Одинъ, Арахъ по имени, Армянинъ, онъ лгалъ; такъ онъ говорилъ: я Набукудрачаръ, сынъ Набунита, онъ возмутилъ Вавилонъ. 3. Говоритъ Дарій царь: Этихъ 9 царей я взялъ въ плѣнъ въ тѣхъ сраженіяхъ.

§ 4. Говоритъ Дарій царь: Эти области, которыя измѣнили мнѣ, ложь сдѣлала ихъ измѣнниками, такъ что онѣ народъ оболгали. Потомъ Аурамазда далъ ихъ въ мою руку; какова была моя воля, такъ съ ними [сдѣлалось]. 5. Говоритъ Дарій царь: Ты, кто послѣ будешь царемъ, твердо берегись лжи; мужа, который будетъ лжецомъ, строго наказывай, если думаешь такъ: „да будетъ моя область невредимой". 6. Говоритъ Дарій царь: То, что я сдѣлалъ, я сдѣлалъ волею Аурамазды всячески. Тебѣ, кто послѣ будешь читать эту надпись, да возвѣститъ она то, что я сдѣлалъ, не считай это ложью. 7. Говоритъ Дарій царь: Да засвидѣтельствуетъ (?) Аурамазда, что я сдѣлалъ это истинно, а не ложно всячески.

§ 8. Говоритъ Дарій царь: Волею Аурамазды мною сдѣлано еще много другого, оно не написано въ этой надписи; потому оно не написано, чтобы тотъ, кто послѣ будетъ читать эту надпись . . . . не считалъ ложью. 9. Говоритъ Дарій царь: Прежніе цари, пока (?) были, не сдѣлали [подобнаго тому], какъ волею Аурамазды я сдѣлалъ всячески.

§ 10. Говоритъ Дарій царь: Да возвѣститъ тебѣ [эта надпись] то, что я сдѣлалъ, такъ [какъ оно было?]. Поэтому не скрывай этого указа; если не скроешь этого указа, провозгласишь его народу, то пусть Аурамазда будетъ тебѣ другомъ, да будетъ многочисленнымъ твой родъ и проживешь долго. 11. Говоритъ Дарій царь: Если утаишь этотъ указъ и не провозгласишь народу, да убьетъ тебя Аурамазда, и не будетъ у тебя потомства.

§ 12. Говоритъ Дарій царь: То, что я сдѣлалъ, я всячески сдѣлалъ волею Аурамазды, Аурамазда принесъ мнѣ помощь, и остальные существующіе боги. 13. Говоритъ Дарій царь: Потому Аурамазда принесъ мнѣ помощь, и остальные существующіе боги, что я не былъ враждебенъ [имъ], ни лжецъ, ни деспотъ, [ни я, ни] мой родъ... Кто моихъ родственниковъ поддерживалъ, тому я сильно покровительствовалъ, кто ихъ [обижалъ?], того я строго наказывалъ. 14. Говоритъ Дарій царь: Ты, кто послѣ будешь царемъ, къ мужу, который будетъ лжецомъ или мятежникомъ, не будь благосклоненъ, его наказывай строго.

§ 15. Говоритъ Дарій царь: Ты, кто послѣ увидишь эту [таблицу], написанную мною, или эти картины... не порти, но сберегай ихъ, пока живешь. 16. Говоритъ Дарій царь: Если увидишь эту таблицу или эти картины и не уничтожишь ихъ, а будешь беречь пока живешь, да будетъ Аурамазда тебѣ другомъ, и родъ твой многочисленнымъ. Живи долго и во всемъ, что предпринимаешь, да дастъ Аурамазда..... тебѣ успѣхъ (?). 17. Говоритъ Дарій царь: Если увидишь эту таблицу или эти картины, и уничтожишь, не сбережешь ихъ мнѣ, пока твой родъ существуетъ, да поразитъ тебя Аурамазда, да исчезнетъ родъ твой, да уничтожитъ тебѣ Аурамазда все, что предпримешь.

§ 18. Говоритъ Дарій царь: Вотъ мужи, которые тогда тамъ были, когда я убилъ Гаумата мага, называвшаго себя Бардіемъ; тогда содѣйствовали мнѣ эти мужи, мои приверженцы: Виндафрана по имени, сынъ Ваяспара, Персъ; Утанъ по имени, сынъ Тухра, Персъ; Гаубарувъ по имени, сынъ Мардунія, Персъ; Видарнъ по имени, сынъ Багабигна, Персъ; Багабухшъ по имени, сынъ Дадухья, Персъ; Ардумани по имени, сынъ Ваука, Персъ. (Конецъ таблицы не сохранился).

Пятая таблица такъ испорчена потокомъ, что переводъ ея невозможенъ.

Приводимъ также два образца персепольскихъ надписей:

(H). Аурамазда великій, величайшій изъ боговъ, онъ Дарія сдѣлалъ царемъ, онъ ему передалъ царство, милостію Аурамазды Дарій—царь. Говоритъ Дарій царь: Эта область Персія, которую мнѣ даровалъ Аурамазда, которая прекрасна, богата конями, богата народомъ, волею Аурамазды и моею, Дарія царя, никакого врага не боится. Говоритъ Дарій царь: Да принесетъ мнѣ помощь Аурамазда съ родовыми богами, и сбережетъ Аурамазда эту область отъ войскъ, отъ неурожая, отъ лжи. Да не придетъ врагъ къ этой области, ни войска, ни неурожай, ни ложь. Объ этомъ я молюсь Аурамаздѣ съ родовыми богами, да даруетъ мнѣ это Аурамазда съ родовыми богами.

(D). Богъ великій—Аурамазда, который сотворилъ эту землю, который сотворилъ это небо, который сотворилъ человѣка, который сотворилъ удовольствіе для человѣка, который Ксеркса (Хшаярша) сдѣлалъ царемъ, единымъ царемъ многихъ, единымъ повелителемъ многихъ. Я Ксерксъ, великій царь, царь царей, царь областей, состоящихъ изъ многихъ племенъ, царь этой великой земли и далѣе, сынъ Дарія царя, Ахеменидъ. Говоритъ Ксерксъ, великій царь: Милостію Аурамазды я построилъ эти ворота Висадахью [по имени, т.-е. входъ изъ всѣхъ странъ или во всѣ страны]. Много еще другихъ прекрасныхъ зданій въ Персіи, которыя я построилъ, и которыя мой отецъ построилъ. Какое только зданіе является прекраснымъ, все это мы сдѣлали волею Аурамазды. Говоритъ Керксъ царь: Да стережетъ меня Аурамазда, и мое царство, и что я сдѣлалъ, и что мой отецъ сдѣлалъ, все это да стережетъ Аурамазда.

Другихъ писменыхъ памятниковъ древнихъ Персовъ не сохранилось, и едва ли еще найдутся новые. Но мы знаемъ, что они нѣкогда существовали. По крайней мѣрѣ греческій историкъ Ктезій говоритъ о царскихъ лѣтописяхъ персовъ, увѣряя, что онъ пользовался ими самъ. Допуская вѣрность этого извѣстія, нельзя сомнѣваться, что лѣтописи были большею частію миѳическаго содержанія; можно даже предполагать, что часть миѳовъ сохранилась въ народныхъ преданіяхъ, на которыхъ основаны всѣ написанныя впослѣдствіи сочиненія по исторіи древняго Ирана, преимуществено же въ лѣтописяхъ арабскаго историка Табари и въ «Книгѣ царей» Фирдуси, хотя и въ передѣланномъ видѣ.

Гораздо обширнѣе, сравнительно, литературный памятникъ восточнаго нарѣчія, такъ-называемая «Зендавеста», или священное писаніе парсовъ (огнепоклонниковъ), послѣдніе потомки которыхъ въ настоящее время живутъ въ Гузератѣ. Ознакомленіемъ съ этою литературой Европа обязана знаменитому французу Анкетилю дю-Перронъ, романтическое путешествіе котораго въ Индію для отысканія Зороастровыхъ книгъ было предпринято и исполнено съ необыкновенною энергіей, и повело за собою очень крупныя открытія. Рѣшившись, во что бы то ни стало, пріобрѣсти для своего отечества всѣ книги Зороастра, изъ которыхъ иныя, какъ онъ зналъ, имѣлись уже въ Англіи, и не владѣя достаточными средствами для такой дальней

экспедиціи, Анкетиль въ 1754 г. завербовался въ солдаты на корабль французской Компаніи Восточныхъ Индій, отправлявшійся въ Бомбей. Прибывъ въ Суратъ, онъ былъ освобожденъ отъ служебныхъ обязанностей по ходатайству вліятельныхъ покровителей и совершенно предался достиженію своей цѣли. Онъ познакомился съ однимъ изъ ученѣйшихъ дестуровъ (парсійскихъ священниковъ), дестуромъ Дарабомъ, который обѣщалъ доставить ему желаемыя рукописи и выучить его языку. Но дестуръ сначала старался обмануть Анкетиля, пока наконецъ не былъ вынужденъ исполнить свои обѣщанія. Въ 1759 г. Анкетиль былъ въ состояніи приступить къ переводу «Зендавесты» на французскій языкъ, подъ руководствомъ дестура, а въ 1761 г., претерпѣвъ въ этотъ семилѣтній періодъ всѣ возможныя неудачи и затрудненія, наконецъ возвратился въ Европу. Главной своей цѣли онъ достигнулъ: онъ везъ съ собою значительное количество парсійскихъ рукописей. Онъ сличилъ ихъ съ находящимися въ Англіи и дотолѣ никому не понятными, и, убѣдившись въ ихъ тожествѣ, передалъ всѣ свои сокровища въ Парижскую Королевскую Библіотеку, гдѣ они носятъ названіе Fonds Anquetil. Въ 1772 г. вышелъ изъ печати его переводъ «Зендавесты», противъ котораго, какъ и противъ подлинности самой книги, въ началѣ было высказано много сомнѣній и нападокъ. Въ наше время ни подлинность самой книги, ни добросовѣстность Анкетиля не могутъ подлежать сомнѣнію. Онъ сдѣлалъ для объясненія этихъ темныхъ текстовъ все, что было возможно въ его время и съ его пособіями. Послѣ Анкетиля, другія рукописи были привезены въ Европу датскимъ ученымъ Раскомъ и нѣмецкимъ Гаугомъ; надъ толкованіемъ самыхъ текстовъ и разборомъ ихъ языка трудились съ успѣхомъ Боппъ, Бюрнуфъ, Шпигель, Вестергордъ и Гаугъ. Замѣчательно, что въ послѣднее время и между самими парсами обнаруживается дѣятельное стремленіе къ изученію древнихъ памятниковъ ихъ религіи, благодаря преимущественно вліянію Гауга. Въ короткій періодъ пребыванія своего въ Индіи, Гаугъ пріобрѣлъ довѣріе парсовъ и пользовался у нихъ большимъ авторитетомъ даже въ вопросахъ, близкихъ къ религіознымъ.

Священное писаніе парсовъ обыкновенно называется «Зендавестой», но нынѣшнее употребленіе этого слова не совсѣмъ соотвѣтствуетъ первоначальному его значенію. Слово «Авеста» первоначально обозначало самый текстъ священныхъ писаній, сочиненныхъ на языкѣ, собственнаго имени котораго мы не знаемъ. Его называютъ зендскимъ, древне-бактрійскимъ и авестскимъ. Съ названіемъ «Авеста» часто соединяется еще слово «зендъ», и говорятъ: «Зендавеста» въ упомянутомъ только смыслѣ. Но слово «Зендъ» въ языкѣ парсійскихъ памятниковъ имѣетъ смыслъ «толкованія», и обозначаетъ ком-

ментаріи и переводы «Авесты». Такимъ образомъ «Зендавеста» или, какъ правильнѣе говорятъ на Востокѣ, «Авеста и Зендъ», въ буквальномъ переводѣ значитъ: текстъ и толкованіе. Наша привычка называть языкъ «Авесты» зендскимъ лишена всякаго основанія, и правильнѣе называть этотъ языкъ просто авестскимъ.

Древніе классики и самое преданіе парсовъ утверждаютъ, что религіозная литература древнихъ иранцевъ была значительнаго объема, хотя «Зендавеста», въ нынѣшнемъ ея видѣ, небольшая книга. Ясно, что священная литература зороастрійцевъ потерпѣла много серьёзныхъ потерь, главнымъ виновникомъ которыхъ у парсовъ считается Александръ Великій. Они разсказываютъ, что онъ велѣлъ перевести изъ книгъ «Авесты» все то, что̀ относилось къ звѣздословію и врачебной наукѣ, а потомъ сжечь ихъ. Впослѣдствіи дестуры соединили на соборѣ все, что̀ они еще знали наизусть изъ священныхъ текстовъ, но не могли возстановить все потерянное. Это преданіе встрѣчается и у многихъ восточныхъ историковъ. Но такой вандализмъ не соотвѣствуетъ нашимъ свѣдѣніямъ о характерѣ и политикѣ Александра Македонскаго. Извѣстно, что послѣ паденія ахеменидской монархіи, онъ самъ сталъ играть роль «великаго царя», принялъ персидскіе нравы, ввелъ при дворѣ персидскій церемоніалъ и окружилъ себя персами, чуть не пренебрегая своими македонцами. Онъ не могъ преслѣдовать вѣроученіе персовъ. Во всякомъ случаѣ, кромѣ оффиціальныхъ копій, существовали еще другія копіи многихъ частей священнаго писанія, преимущественно въ рукахъ жрецовъ, и если часть книгъ пропала въ смутное время вторженія македонцевъ, то остававшихся все еще было достаточно для той редакціи «Авесты», которая составлена въ Персіи вскорѣ послѣ смерти Александра Македонскаго. Вообще въ то именно время, въ разныхъ религіозныхъ общинахъ сказалось стремленіе собирать въ одно цѣлое священныя писанія: такъ, напр., евреи на западѣ и буддисты на востокѣ отъ Ирана составили каноны своихъ священныхъ книгъ. Но въ какомъ отношеніи стояла эта редакція «Авесты» къ нынѣшнему тексту—вопросъ, для рѣшенія котораго мы лишены всякихъ данныхъ. У самихъ парсовъ сохранилось извѣстіе объ измѣненіяхъ въ первоначальной ея редакціи. Такъ, въ царствованіе Ардешира Бабегана, основателя Сасанидской династіи (226—241 по Р. Х.), Арда-Вирафъ предпринялъ новый пересмотръ текста, а при Шапурѣ II (309—379), который прославился многочисленными войнами съ только-что принявшими христіанство римскими императорами, Адербаду, сыну Мараспанда, приписывается новый пересмотръ. На этой-то Адербадовой редакціи, по всему вѣроятію, основанъ нынѣшній текстъ «Авесты». Разница главнымъ образомъ должна быть та, что текстъ впослѣдствіи былъ

переписанъ съ древняго алфавита на тотъ, который употреблялся въ рукописяхъ. Кромѣ того, во время Сасанидовъ было извѣстно гораздо бóльшее число книгъ, если вѣрить дошедшимъ до насъ извѣстіямъ о содержаніи этихъ книгъ въ то время. Оттого гораздо правдоподобнѣе приписать потерю бóльшей части религіозной литературы древнихъ персовъ не Александру Великому, а преслѣдованіямъ, которымъ мусульмане подвергали поклонниковъ зороастрова ученія.

По преданію парсовъ, «Авеста» первоначально состояла изъ 21 книги, которыя назывались *насками* и составляли каждая особое сочиненіе. Въ нихъ говорилось о вѣрѣ, о догматахъ и богослуженіи, о законахъ гражданскихъ и политическихъ и о всѣхъ извѣстныхъ въ то время знаніяхъ. Но въ достовѣрности этого извѣстія можно сомнѣваться: самое число 21 придумано для того, чтобы имѣть столько же *насковъ*, сколько словъ въ священнѣйшей молитвѣ зороастрійцевъ: «Аунаварья». Изъ всѣхъ этихъ книгъ только одна (20-я) соотвѣтствуетъ сохранившейся еще книгѣ «Вендидадъ», но отрывки изъ другихъ вѣроятно сохранились въ остальныхъ текстахъ, можетъ быть и въ пехлевійскихъ переводахъ.

Кромѣ «Вендидада», у парсовъ есть еще другія книги, имена которыхъ не упоминаются въ спискахъ насковъ, именно «Ясна» и «Виспередъ», и собраніе литургій и болѣе короткихъ молитвъ, по имени «Хорда-Авеста» (Малая Авеста). Что касается «Ясны» и Виспереда», то эти книги, кажется, никогда не входили въ составъ насковъ. А внѣшняя форма и содержаніе «Хорда-Авесты» указываютъ на время, очень отдаленное отъ временъ Зороастра.

Текстъ «Авесты», въ томъ видѣ, въ какомъ мы его имѣемъ, принадлежитъ не одному и тому же автору, не одному и тому же времени, можетъ быть даже не одной и той же странѣ. Онъ представляетъ смѣсь разныхъ элементовъ, такъ какъ съ первоначальнымъ текстомъ слилось множество вставокъ и прибавленій. Одни изъ этихъ дополненій вызваны измѣненіями въ самой жизни иранцевъ, другія объясняются невѣжествомъ компиляторовъ.

Но можно ли, по крайней мѣрѣ, приписать Зороастру первоначальную часть «Авесты», относящуюся ко времени происхожденія этихъ книгъ? На этотъ вопросъ нельзя отвѣчать удовлетворительно при настоящемъ уровнѣ нашихъ свѣдѣній. Съ полнымъ основаніемъ можно утверждать только, что происхожденіе этихъ книгъ относится къ глубокой древности. Общество является въ нихъ еще въ первобытномъ состояніи; народъ дѣлится только на три сословія: жрецовъ, воиновъ и земледѣльцевъ; нѣтъ городовъ, нѣтъ торговли; деньги еще неизвѣстны; одежда, нравы, отношенія людей между собою,—все это

носитъ характеръ самой первобытной простоты. Часть народа состоитъ еще изъ кочевниковъ, и въ «Авестѣ» есть мѣста, въ которыхъ весь народъ является кочующимъ.

Такъ какъ различные отрывки «Авесты» принадлежатъ разнымъ эпохамъ, то было бы желательно опредѣлить хоть съ нѣкоторою точностью хронологическое отношеніе ихъ между собою. Но предпринятыя до сихъ поръ изслѣдованія только отчасти привели къ желаннымъ результатамъ. Оказалось, что древнѣйшіе отрывки почти всѣ написаны въ стихахъ, размѣръ которыхъ очень похожъ на размѣръ ведическихъ гимновъ. Но, съ другой стороны, не всѣ метрическія части «Авесты» древнѣе остальныхъ.

Рукописи передаютъ «Авесту» въ двухъ редакціяхъ. Одна редакція, назначенная для изученія текста, дѣлитъ «Авесту» на книги и приводитъ каждую книгу съ пехлевійскимъ переводомъ, раздѣляя ее на главы, называющіяся въ «Яснѣ» *ха*, въ «Виспередѣ» *кардэ*, и въ «Вендидадѣ» *фаргардъ*. Отдѣльныя главы опять дѣлятся на параграфы, и каждый параграфъ текста немедленно сопровождается переводомъ. Другая редакція, назначенная для употребленія при богослуженіи, сливаетъ всѣ три книги въ одно цѣлое и распредѣляетъ главы ихъ по порядку чтеній и церемоній, прибавляя въ концѣ каждой главы молитвы, предписанныя литургіею. Она никогда не содержитъ перевода, и потому этотъ сборникъ называется *Вендидадъ Саде* (Вендидадъ чистый, безъ примѣси).

Что касается «Ясны», то она состоитъ изъ двухъ частей, отличающихся одна отъ другой значительными особенностями языка и содержанія. Части эти обозначаются названіями: «Старшая» и «Младшая Ясна».

Старшая Ясна написана на особомъ нарѣчіи (гатскомъ), и дѣлится на «Гаты» и «Ясну Хаптангати» (семиглавую). Эти тексты считались священными уже во время сочиненія остальныхъ частей «Авесты», и многіе полагаютъ, что они древнѣе всей остальной «Авесты».

«Гаты»—религіозныя стихотворенія, гимны, числомъ 17, распредѣленные въ пяти группахъ. «Гаты» можно считать особою книгой, состоящею, однако, болѣе изъ отдѣльныхъ отрывковъ (даже въ одномъ и томъ же гимнѣ), чѣмъ составляющей одно цѣлое. Въ нихъ говорится о различныхъ предметахъ, и притомъ характеръ изложенія часто мѣняется. Эти различія указываютъ на то, что «Гаты» не могутъ быть произведеніемъ одного и того же лица. Къ сожалѣнію, смыслъ многихъ мѣстъ еще не объясненъ настолько, чтобы можно было рѣшить вопросъ, одинаково ли ученіе «Гатъ» съ ученіемъ остальной «Авесты». Но онѣ, во всякомъ случаѣ, не расходятся въ главныхъ чертахъ, и

слѣдующій обзоръ важнѣйшихъ вѣроученій «Гатъ» почти вполнѣ можетъ относиться и ко всей «Авестѣ».

Искони было двое духовъ, совершенно противоположныхъ по своей природѣ; одинъ—доброе начало, другой—причина всего зла. Добрый духъ, Спента-Манью, или Аура-Мазда (Ормуздъ), есть источникъ жизни и блаженства; злой духъ, Ангра-Манью (Ахриманъ), — источникъ разоренія и тмы. Эти два духа сотворили міръ сообразно природѣ каждаго изъ нихъ, и всѣ творенія принадлежатъ или Ормузду, или Ахриману. Равнымъ образомъ и люди дѣлятся на поклонниковъ того или другого. У Аурамазды, господа и творца міра и свѣта, солнца и т. д., шесть помощниковъ, которые впослѣдствіи получили названіе амшаспандовъ (безсмертныхъ святыхъ). Имена этихъ духовъ, значущія собственно добрый духъ, святость, мудрость, власть и т. д., указываютъ на то, что они первоначально были олицетвореніями отвлеченныхъ понятій, какими они еще являются въ «Гатахъ». Враждебны Маздѣ и его геніямъ самъ Анграманью и его злые геніи, между которыми духъ лжи, Друджъ, занимаетъ первое мѣсто. Имъ подчинено значительное число людей, и въ этомъ мірѣ зло часто одерживаетъ верхъ, но въ концѣ-концовъ всѣ люди будутъ судиться, и добрые будутъ награждены, между тѣмъ какъ злыхъ ожидаетъ страшная кара. Аурамазда далъ людямъ законъ, и слѣдующіе этому закону—добрые, ашава или маздаясна (поклонники Мазды). Этотъ законъ предписываетъ чтить Аурамазду, его геніевъ и все доброе твореніе, и бороться со зломъ. Люди обязаны блюсти чистоту или безпорочность (аша) въ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ, стараться о распространеніи закона, обработывать землю и заботиться о полезныхъ животныхъ, исполнять священные обряды. О возстаніи мертвыхъ въ «Гатахъ», кажется, еще нѣтъ рѣчи, но понятія о жизни за гробомъ и безсмертіи имъ уже не чужды.

Политическое состояніе иранскихъ странъ въ «Гатахъ» почти одинаково съ тѣмъ, какимъ оно представляется въ остальной «Авестѣ». Онѣ раздѣляются на области (дахью), роды или кланы (занту), села (вись) и жилища, дома (демана или нмана). Сословій было три, но сословіе земледѣльцевъ въ «Гатахъ» имѣетъ болѣе характеръ пастушескій и кочевой.

Болѣе всего поражаетъ въ «Гатахъ», такъ-сказать, историческій ихъ характеръ. Напрасно было бы искать въ нихъ легенды о Зороастрѣ. Онъ еще не является въ нихъ пророкомъ, разговаривающимъ съ Аурою, а, напротивъ, простымъ смертнымъ, съ трудомъ проповѣдывающимъ свое ученіе, и окруженнымъ только немногими учениками. Въ нихъ встрѣчаются указанія на попытки сдѣлать народъ осѣдлымъ и распространить въ немъ земледѣльческія занятія; намеки на рели-

гіозную и политическую борьбу съ кочевыми племенами, иранскими и туранскими, и на другія обстоятельства, свидѣтельствующія о глубокой древности «Гатъ».

Существенныя черты ученія «Гатъ» повторяются и въ остальной «Авестѣ», только въ болѣе опредѣленномъ и развитомъ видѣ, особенно въ догматическомъ отношеніи. Поэтому можно думать, что ученіе Гатъ очень близко къ тому, какое исповѣдывали персы ахеменидскихъ надписей, и что остальныя части «Авесты» содержатъ ученіе маговъ, уже подчинившееся, можетъ быть, чужестраннымъ вліяніямъ.

Ясна XXX.

(Гата Аунавати III).

1. Провозглашу, о пришедшіе! хвалы тебѣ, Аура-Мазда! всевѣдущему, и пѣсни Доброму Духу (Воумано); мудрая Праведность (Аша)! молюсь, чтобы чрезъ небесныя свѣтила вы показывали свою милость.

2. Внемлите ушами лучшему, узрите душою явное, чтобы для себя самого каждый выбиралъ вѣру. До великаго дѣла, да явятся возбуждающіе насъ къ этому.

3. Тѣ два первобытныхъ духа, будучи близнецами, считаются противоположными (?) другъ-другу въ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ. Они—добро и зло, и между ними вѣрно различали добродѣтельные, но не грѣшные.

4. Когда эти два духа сошлись впервые, они создали жизнь и тлѣнность, и [назначили ихъ], когда будетъ конецъ міра, Лукавый — для грѣшниковъ, а для праведниковъ — Добрѣйшій Духъ.

5. Изъ этихъ двухъ духовъ выбралъ Лукавый худшія дѣла, праведность же [выбрали] Святѣйшій Духъ, облаченный въ твердѣйшія небеса, и тѣ, которые удовлетворяютъ Аура правдивыми дѣлами, вѣруя въ Мазду.

6. Между ними не съумѣли различить поклонники дайвовъ, такъ что они, совѣтуясь между собою, попали въ обманъ, выдуманный Лукавымъ Духомъ, и помчались къ Аишму (демону гнѣва), чтобы мучить болѣзнями жизнь человѣка.

7. И ему достались богатства, и добрыя мысли, и праведность, а тѣлу его дала крѣпкость вѣчная Арамати: изъ нихъ тебѣ [одному] досталось, что ея дарами ты полонъ (богатъ).

8. А когда наступитъ наказаніе этихъ злодѣевъ, — о Мазда! твое царство достигается добрыми мыслями, пріобрѣтается тѣми, Ауръ! которые даютъ Друджъ (ложь) въ руку Ашѣ (правдѣ), —

10. Тогда, именно вслѣдствіе того, наступитъ пораженіе пагубной Друджи. Но, сдѣлавшись вѣчными, соберутся въ прекрасное обиталище Добраго Духа, Мазды и Праведности тѣ, которые вели себя достойно лучшей славы.

9. Итакъ, да постараемся мы поспѣшествовать этому міру твоему, о Мазда Аура и дающая благодать Праведность! чтобы мудрый пребывалъ тамъ, гдѣ обитаетъ премудрость.

11. Если вы повѣрите въ эти откровенія, которыя далъ Мазда, о люди, во счастіе и славу, и которыя — долгая бѣда для грѣшниковъ, а польза для праведника, то ими вы достигнете блаженства *).

*) Седьмой стихъ заимствованъ, кажется, изъ другого гимна; а перестановка стиховъ девятаго и десятаго требуется смысломъ, на что указалъ Гюбшманъ.

Остальная, или «Младшая Ясна» далеко не такъ интересна по содержанію, какъ «Гаты», и состоитъ бо̀льшею частью изъ литургическихъ воззваній къ разнымъ божествамъ. Только нѣкоторыя главы ея заслуживаютъ болѣе вниманія. Такъ, напр., Хомъ Яштъ (гл. IX), восхваленіе Хомы, въ которомъ упоминается о нѣсколькихъ миѳическихъ личностяхъ иранскихъ сказаній. Хомъ—собственное имя растенія и его сока, которымъ пользовались при жертвоприношеніяхъ, а также олицетвореніе или духъ этого растенія. Слово «хаомъ», перс. «хомъ», по звуку и значенію тожественно съ индійскимъ «сома».

„Ясна" IX.

I. 1. Около утренняго времени Хаомъ подошелъ къ Заратуштру, 2. снаряжавшему огонь (для жертвоприношенія) и пѣвшему гимны. 3. Его спросилъ Заратуштръ: Кто ты, о мужъ, 4. котораго я увидѣлъ какъ самаго прекраснаго во всемъ тѣлесномъ мірѣ, по твоей наружности блестящей, безсмертной. II. 5. И отвѣтствовалъ ему Хаомъ праведный, устраняющій смерть: 6. Я есмь, Заратуштръ, Хаомъ праведный, устраняющій смерть. 7. Собирай меня, Спитама, выжимай меня въ снѣдь, 8. воспѣвай меня для воспѣванія, какъ воспѣвали меня другіе спасители.

III. 9. И молвилъ Заратуштръ: Поклоненіе Хаому! 10. Кто былъ первымъ человѣкомъ, Хаомъ, кто выжималъ тебя для тѣлеснаго міра? Какое благо постигло его, какая прибыль дошла до него? IV. 11. И отвѣтствовалъ мнѣ онъ, Хаомъ праведный, устраняющій смерть: 12. Вивангвантъ былъ первымъ человѣкомъ, который выжималъ меня для тѣлеснаго міра; то благо постигло его, та прибыль дошла до него, 13. что ему родился сынъ, Іимъ, могучій (или блестящій), богатый стадами, 14. свѣтлѣйшій между рожденными, солнце-подобный между людьми. 15. Ибо онъ сдѣлалъ, въ свое царствованіе, безсмертными животныхъ и людей, не засыхающими воды и растенія, 16. такъ что кушали неувядаемую пищу. V. 17. Въ царствованіе быстраго Іима не было ни мороза, ни зноя, 18. не было ни старости, ни смерти, ни зависти, созданной дайвами. 19. Пятнадцатилѣтними, по наружности, расхаживали тотъ и другой, какъ отецъ, такъ и сынъ, 20. доколѣ царствовалъ Іимъ, богатый стадами, сынъ Вивангванта.

VI. 21. Кто былъ вторымъ человѣкомъ, Хаомъ, который выжималъ тебя для тѣлеснаго міра? Какое благо постигло его, какая прибыль дошла до него? VII. 22. И отвѣтствовалъ мнѣ онъ, Хаомъ праведный, устраняющій смерть: 23. Атвій былъ вторымъ человѣкомъ, который выжималъ меня для тѣлеснаго міра; то благо постигло его, та прибыль дошла до него, 24. что у него родился сынъ Трайтаонъ изъ богатырскаго дома, VIII. 25. который убилъ змѣя Дахака, имѣвшаго три пасти, три головы, шесть глазъ, тысячу силъ; 26. пресильнаго дайвскаго Друджа, злого, опаснаго твореніямъ, 27. котораго, пресильнаго Друджа, произвелъ Анграманью во вредъ тѣлесному міру, на гибель существъ праведности.

IX. 28. Кто былъ третьимъ человѣкомъ, Хаомъ, который выжималъ тебя для тѣлеснаго міра? Какое благо постигло его, какая прибыль дошла до него? X. 29. И отвѣтствовалъ мнѣ онъ, Хаомъ праведный, устраняющій смерть: 30. Тритъ, лучшій изъ Самовъ, былъ третьимъ человѣкомъ, который выжималъ меня для тѣлеснаго міра; то благо постигло его, та прибыль дошла до него, 31. что у него родились два сына, Урвахшай и Кересаспъ; 32. одинъ блюститель вѣры и законодатель, 33. другой — высокій ростомъ юноша Гайсу, носящій палицу, 34. который убилъ змѣя Срувара, XI. глотавшаго коней, глотавшаго людей, ядовитаго,

зеленаго, 35. по которому зеленый ядъ протекалъ толщиною въ большой палецъ; 36. на которомъ Кересаспъ варилъ въ котлѣ пищу, 37. въ полуденное время. И загорѣлся змѣй и взвился [?]; 38. онъ вскочилъ изъ-подъ котла, разлилъ шипящую воду. 39. Назадъ отскочилъ, испугавшись, мужественный Кересаспъ.

XII. 40. Кто былъ четвертымъ человѣкомъ, Хаомъ, который выжималъ тебя для тѣлеснаго міра? Какое благо достигло его, какая прибыль дошла до него? XIII. 41. И отвѣтствовалъ мнѣ онъ, Хаомъ праведный, устраняющій смерть: 42. Порушаспъ былъ четвертымъ человѣкомъ, который выжималъ меня для тѣлеснаго міра; то благо постигло его, та прибыль дошла до него, 43. что у него родился ты, праведный Заратуштръ въ домѣ Порушаспа, врагъ дайвовъ, поклонникъ Аура, XIV. 44. славный въ Арьяна-Вайджѣ. Ты первый, Заратуштръ, произнесъ [молитву] Аунаварья, съ паузами между стихами, четыре раза, 45. каждый разъ болѣе громкимъ воспѣваніемъ. XV. 46. Ты заставилъ укрыться подъ землю всѣхъ дайвовъ, Заратуштръ, рыскавшихъ прежде по этой землѣ въ человѣческомъ образѣ; 47. (ты), который былъ сильнѣйшимъ, крѣпчайшимъ, дѣятельнѣйшимъ, быстрѣйшимъ, наипобѣдоноснѣйшимъ изъ твореній обоихъ духовъ.

XVI. 48. Тогда молвилъ Заратуштръ: Поклоненіе Хаому! 49. добръ Хаомъ, хорошо сотворенъ Хаомъ, правильно сотворенъ Хаомъ, 50. добръ, раздаватель, изцѣлитель, 51. красивъ, добродѣтеленъ, 52. побѣдоносенъ, златоцвѣтенъ, съ свѣжими вѣтвями, чтобъ (его) кушалъ лучшій, и для души припасъ на дорогу [въ тотъ міръ].

XVII. 53. Въ тебя, о желтый, я влагаю своимъ словомъ [силу дать] мудрость, 55. и мощь, и побѣду, 56. и здоровье, и цѣлебность, 57. и успѣхъ, и ростъ, 58. и крѣпость всему тѣлу, и разумѣніе разнообразное. 59. Въ тебя я влагаю ту силу, чтобы я ходилъ на свѣтѣ свободно, одолѣвая ненависти, поражая Друджь.

XVIII. 60. И то, чтобы я одолѣвалъ ненависти всѣхъ ненавистниковъ, дайвовъ и людей, 61. колдуновъ и колдуній, притѣснителей, кавіевъ и карапановъ [вѣроятно разные роды идолопоклонниковъ], 62. злодѣевъ двуногихъ, ашемаоговъ [еретиковъ] двуногихъ и волковъ четвероногихъ, 63. и войска съ широкимъ фронтомъ, шумящаго, летучаго.

XIX. 64. На этомъ первомъ обходѣ, Хаомъ, я молюсь тебѣ, устраняющій смерть, о лучшемъ мірѣ блестящемъ, повсюду сіяющемъ. 65. На этомъ второмъ обходѣ, Хаомъ, я молюсь тебѣ, устраняющій смерть, о здоровьи для сего тѣла. 66. На этомъ третьемъ обходѣ, Хаомъ, я молюсь тебѣ, устраняющій смерть, о долгой жизни души. XX. 67. На этомъ четвертомъ обходѣ, Хаомъ, я молюсь тебѣ, устраняющій смерть, о томъ, чтобы я вольнымъ, сильнымъ, довольнымъ ходилъ по землѣ, одолѣвая ненависти, поражая Друджь. 68. На этомъ пятомъ обходѣ, Хаомъ, я молюсь тебѣ, устраняющій смерть, о томъ, чтобы я ходилъ по землѣ побѣдоноснымъ, поражающимъ въ битвѣ, одолѣвая ненависти, поражая Друджь. XXI. 69. На этомъ шестомъ обходѣ, Хаомъ, я молюсь тебѣ, устраняющій смерть, о томъ, чтобы мы замѣчали впередъ вора, разбойника, волка. 70. Да не замѣтитъ ихъ кто раньше насъ, да замѣтимъ всѣ мы впередъ.

XXII. 71. Хаомъ жалуетъ силу и твердость тѣмъ, которые быстро гонятъ конскую напряжь. 72. Хаомъ даетъ рождающимъ блестящихъ дѣтей и праведное потомство. 73. Хаомъ жалуетъ славу и мудрость всѣмъ тѣмъ, которые изучаютъ наски. XXIII. 74. Хаомъ тѣмъ, которыя сидѣли долго дѣвицами незамужними, жалуетъ настоящаго супруга, какъ скоро ему молятся, мудрому.

XXIV. 75. Хаомъ низвергъ съ царства того Кересâни, который росъ властолюбіемъ, 76. который говорилъ: Да не придетъ въ мои области Âтрава (жрецъ),

чтобъ исполнить (произносить) Апамъ авишти *). 77. Онъ поразилъ бы всѣ успѣхи, уничтожилъ бы всѣ успѣхи (?).

XXV. 78. Слава тебѣ, который собственною силой свободно царствуешь, Хаомъ! 79. Слава тебѣ, знающему много словъ правильно сказанныхъ. 80. Слава тебѣ, не лишнимъ спрашиваніемъ [спрашиваешь, но] спрашиваешь правильно сказанное слово.

XXVI. 81. Тебѣ приподнесъ Мазда плеядный поясъ, украшенный звѣздами, сдѣланный духами: добрую маздаясническую вѣру. 82. А имъ ты опоясанъ на вершинахъ горъ, для удлинненія словъ и звуковъ священнаго текста (?).

XXVII. 83. Хаомъ, царь дома, царь селенія, царь деревни, царь области, по полезности царь мудрости! 84. О силѣ и о побѣдѣ для меня молюсь къ тебѣ, для тѣла, и о достиженіи многаго наслажденія. XXVIII. 85. Выведи насъ изъ ненавистей ненавистниковъ, отними разумъ у аритѣснителей. 86. Кто [только] въ этомъ домѣ, въ этомъ селеніи, въ этой деревнѣ, въ этой области—человѣкъ враждебный [намъ], 87. отними у его ногъ силу, 88. омрачи его разумъ, 89. сокруши его умъ! XXIX. 90. Да не будетъ онъ крѣпокъ ногами, да не будетъ онъ силенъ руками; 91. да не видитъ онъ глазами земли, да не видитъ онъ глазами природы! 92. тотъ, кто обижаетъ нашу душу, кто обижаетъ наше тѣло.

XXX. 93. На змѣя желтоватаго, темноватаго, изрыгающаго ядъ, 94. чтобъ уничтожить тѣло праведника, на него, Хаомъ желтый, направляй оружіе! 95. На разбойника злодѣйственнаго, враждебнаго, мучащаго, 96. чтобъ уничтожить тѣло праведника, на него, Хаомъ желтый, направляй оружіе! XXXI. 97. На человѣка злаго, угнетателя, имѣющаго . . . . . . на головѣ, 98. чтобъ уничтожить тѣло праведника, на него, Хаомъ желтый, направляй оружіе. 99. На ашемаога **) безбожнаго, разрушающаго міръ этой вѣры предложеніемъ мыслей и словъ, но не исполненіемъ ихъ, 100. чтобъ уничтожить тѣло праведника, на него, Хаомъ желтый, направляй оружіе. XXXII. 101. На блудницу волшебную, причиняющую сладострастіе, предлагающую ложе, душа которой шатается какъ туча, гонимая вѣтромъ, 107. чтобъ уничтожить тѣло праведника, на нее, Хаомъ желтый, направляй оружіе. 103. На все, что служитъ къ уничтоженію тѣла праведника, Хаомъ желтый, направляй оружіе.

Глава X.

I. 1. Да падутъ здѣсь воды, противъ дайвовъ, противъ дайвій (женскаго р.). 2. Да ударитъ ихъ добрый Сраошъ. 3. Да придетъ сюда Аши добрая, да дастъ счастіе Аши добрая этому дому, священному, принадлежащему Хаому, очень сильному.

II. 4. Первое твое изготовленіе я прославляю словомъ, о мудрый, когда жрецъ беретъ вѣтви. 5. Всѣ прочія твои изготовленія я прославляю словомъ, о мудрецъ [церемоніи изготовленія], въ которыхъ ты будешь убиваемъ силою мужа.

III. 6. Я прославляю и облако, и дождь, которые даютъ рости твоему тѣлу на вершинахъ горъ. 7. Я прославляю высокія горы, на которыхъ ты выросъ, Хаомъ! IV. 8. Я прославляю землю широкую, обширную, производительную, безграничную, твою мать, Хаомъ праведный. 9. Я прославляю поле земли, гдѣ ты ростешь, благовонный, 10. и маздаическимъ ростомъ ростешь, Хаомъ, на горѣ. 11. И чтобы ты выросъ по пути птицъ, и былъ явно источникомъ праведности. V. Рости, моимъ словомъ, 12. по всѣмъ стволамъ, по всѣмъ вѣтвямъ, по всѣмъ сучьямъ!

*) По Гаугу, это намекъ на чтеніе Атхарва-Веды, начинавшейся въ прежней редакціи подобными словами.

**) Злой духъ.

VI. 13. Хаомъ ростетъ, будучи прославляемъ. И такъ мужъ, прославляющій его, дѣлается болѣе побѣдоноснымъ. 14. Малѣйшаго выжиманія Хаома, малѣйшаго прославленія Хаома, малѣйшаго вкушенія Хаома достаточно для уничтоженія тысячи (злыхъ духовъ). VII. 15. Изгоняется оскверненіе, причиненное (ими) изъ того дома, 16, куда его привезутъ, гдѣ его прославляютъ, Хаома цѣлебнаго, 17. явную цѣлительную силу и пребываніе его въ селеніи. VIII. 18. Ибо всѣ другіе напитки сопровождаются [дайвомъ] Айшмомъ [„Гнѣвомъ"], страшнымъ, 19, но то питье, которое отъ Хаома, сопровождается праведностью возвышающей: увеселяетъ сокъ Хаома......

О «Виспередѣ» достаточно сказать, что эта книга содержитъ только дополнительныя къ «Яснѣ» молитвы, и, безъ сомнѣнія, одна изъ позднѣйшихъ, по сочиненію, часть «Авесты».

Гораздо бо́льшаго вниманія заслуживаетъ «Вендидадъ». Какъ мы видѣли выше, преданіе считаетъ его единственнымъ изъ насковъ, сохранившихся до настоящаго времени. Но и эта книга не составляетъ одного цѣлаго: она скорѣе собраніе отдѣльныхъ отрывковъ, почти безъ всякой системы. Несравненно бо́льшая часть «Вендидада» состоитъ изъ предписаній о томъ, какъ избавиться отъ оскверняющаго вліянія дайвовъ, и какія церемоніи отъ нихъ очищаютъ. Другія главы говорятъ о погребеніи мертвыхъ, которыхъ парсы выставляютъ на высокихъ башняхъ (дахма) птицамъ, чтобы трупами не осквернять ни земли, ни огня. Въ другихъ главахъ опять опредѣляются наказанія за извѣстные грѣхи. Наравнѣ съ этими религіозными предписаніями стоятъ другія, которыя мы назвали бы гражданскими законами; но извѣстно, что въ древности законы религіозный и гражданскій были тѣсно связаны между собою. Поэтому «Вендидадъ» — лучшій источникъ для ознакомленія съ религіознымъ и гражданскимъ бытомъ древнихъ иранцевъ.

Другая часть «Вендидада», обнимающая всего нѣсколько главъ, совершенно легендарнаго характера. Такъ, напримѣръ, первая глава содержитъ знаменитое исчисленіе иранскихъ странъ, созданныхъ Аурамаздою, на которыхъ Анграманью постепенно распространялъ вредное свое вліяніе; вторая разсказываетъ легенду объ Іимѣ (Джемшидѣ), которая очень напоминаетъ встрѣчающіяся у стольких народовъ сказанія о потопѣ и золотомъ вѣкѣ; девятнадцатая говоритъ объ искушеніи Зороастра дайвами, и т. д.

Отрывочный характеръ всей книги сказывается еще въ томъ, что въ одной и той же главѣ трактуется о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, и недостаетъ ни начала, ни конца. Въ одномъ «Вендидадъ» рѣзко отличается отъ другихъ книгъ «Авесты»: ученіе его съ начала до конца изложено въ видѣ разговора между Аурамаздою и Зороастромъ.

Приводимъ нѣсколько отрывковъ изъ этой книги:

Вендидадъ II.

(Миѳъ объ Іимѣ, золотомъ вѣкѣ и потопѣ).

1. Спросилъ Заратуштръ Аурамазду: Аурамазда, духъ святѣйшій, творецъ міровъ [существъ] тѣлесныхъ! Кому изъ людей ты впервые открылся, кромѣ меня, Заратуштра? кого ты училъ вѣрѣ аурійской заратуштрійской?

2. Сказалъ Аурамазда: Іима прекраснаго, богатаго стадами, о праведный Заратуштръ; ему первому изъ людей я открылся, кромѣ тебя, Заратуштра; его я училъ вѣрѣ аурійской заратуштрійской.

3. И сказалъ ему, о Заратуштръ, я, Аурамазда: Будь мнѣ, Іимъ прекрасный, Вивангватовъ сынъ, ученикомъ и учителемъ вѣры. Но онъ мнѣ возразилъ, Іимъ прекрасный, о Заратуштръ: Не способенъ я, не опытенъ быть ученикомъ и учителемъ вѣры.

4. Ему сказалъ, о Заратуштръ, я, Аурамазда: Если мнѣ, Іимъ, не будешь ученикомъ и учителемъ вѣры, то споспѣшествуй моимъ созданіямъ, то возрости мои созданія, то будь для моихъ созданій покровителемъ, защитникомъ, надзирателемъ.

5. И отвѣтилъ мнѣ онъ, Іимъ прекрасный, о Заратуштръ: Я буду поспѣшествовать твоимъ созданіямъ, я возрощу твои созданія, я буду для твоихъ созданій покровителемъ, защитникомъ, надзирателемъ. Не будетъ въ моемъ царствѣ ни холоднаго вѣтра, ни знойнаго, ни болѣзни, ни смерти.

6. [Глосса, смыслъ которой не ясенъ].

7. Тогда я, Аурамазда, передалъ ему два орудія: палку золотую и рожонъ, украшенный золотомъ [другіе переводятъ „кинжалъ и орало", „рожонъ и перстень"]. Іимъ есть въ правленіи царства [?].

8. И въ царствованіе Іима исполнились триста лѣтъ. И земля его была полна животными, и скотомъ, и людьми, и псами, и птицами, и огнями красными пылающими. Не находили себѣ мѣста животныя, скотъ и люди.

9. А я извѣстилъ Іима: Іимъ прекрасный, Вивангватовъ сынъ! Наполнилась эта земля животными и скотомъ, и людьми, и псами, и птицами, и огнями красными пылающими. Не находятъ себѣ мѣста животныя, скотъ и люди.

10. И Іимъ выступилъ къ свѣтиламъ, на встрѣчу пути солнца [т. е. на востокъ; глосса прибавляетъ, однако, „на югъ"]. Онъ толкнулъ эту землю золотою палкой и ударилъ ее рожномъ, такъ говоря: Милая, святая Арамати [геній земли]! выдвинься, раздвинься, кормилица животныхъ, скота и людей!

11. И Іимъ раздвинулъ эту землю, на одну треть больше того, чѣмъ она прежде была. Тамъ нашли обиталище животныя, скотъ и люди, по своему удовольствію и желанію, каково бы ни было желаніе каждаго.

12—15. И въ царствованіе Іима исполнились шестьсотъ лѣтъ и т. д. [какъ въ § 8—11].

16—19. И въ царствованіе Іима исполнились девятьсотъ лѣтъ, и т. д.

20. Вотъ конецъ перваго тысячелѣтія; Іима творилъ праведность. [Слѣдуютъ непонятныя глоссы].

21. Собраніе устроилъ создатель Аурамазда съ небесными язатами въ знаменитой родинѣ арійцевъ (Арьяна Вайджа) на доброй [рѣкѣ] Датьѣ. Собраніе устроилъ Іимъ блестящій (Іима Хшайта, ново-перс. Джемшидъ), богатый стадами, съ лучшими людьми, въ знаменитой родинѣ арійцевъ, на доброй Датьѣ. Къ этому собранію пришелъ создатель Аурамазда съ небесными язатами, въ знаменитой родинѣ арійцевъ, на доброй Датьѣ. Къ этому собранію пришелъ Іимъ блестящій,

богатый стадами, съ лучшими людьми, въ знаменитой родинѣ арійцевъ, на доброй Датьѣ.

22. И сказалъ Аурамазда Іиму: Іимъ прекрасный, Вивангватовъ сынъ! Міръ тѣлесный, грѣшный, уничтожатъ зимы, вслѣдствіе чего [наступитъ] сильный, суровый морозъ; міръ тѣлесный, грѣшный, уничтожатъ зимы, отчего выпадетъ много снѣгу на высочайшихъ горахъ и въ низменностяхъ [рѣки] Ардви.

23. И поспѣшно [или „по тремъ частямъ"] да спасется тогда скотъ, находящійся и въ опаснѣйшихъ мѣстахъ, и на вершинахъ горъ, и въ глубинахъ долинъ въ крѣпкихъ загородяхъ.

24. До этой зимы у страны были богатыя пастбища: ее затопитъ обильная вода послѣ таянія снѣга, и тамъ, о Іимъ, для тѣлеснаго міра явится озеро, гдѣ теперь видны слѣды мелкаго скота.

25. А ту ограду сдѣлай длиною въ лошадиный бѣгъ по всѣмъ четыремъ сторонамъ. Туда снеси сѣмена животныхъ, скота, людей, псовъ, птицъ и огней красныхъ, пылающихъ. И ту ограду сдѣлай длиною въ лошадиный бѣгъ по всѣмъ четыремъ сторонамъ жилищемъ для людей; длиною въ лошадиный бѣгъ по всѣмъ четыремъ сторонамъ, загономъ для скота.

26. Туда проведи воду по пути длиною въ хатръ; тамъ построй улицы [глосса: пища постоянно златоцвѣтная вообще вкушается, неисчерпаемая]. Тамъ построй жилища, домъ и столбъ [по другимъ „ровъ и стѣну, или портикъ"], и окружи [ихъ] валомъ.

27. Туда снеси сѣмена всѣхъ мужей и женъ, которые на этой землѣ величайшіе, лучшіе и прекраснѣйшіе. Туда снеси сѣмена всѣхъ породъ животныхъ, которыя на этой землѣ величайшія, лучшія и прекраснѣйшія.

28. Туда снеси сѣмена всѣхъ растеній, которыя на этой землѣ высочайшія и благовоннѣйшія. Туда снеси сѣмена всѣхъ снѣдей [плодовъ?], которыя на этой землѣ сладчайшія и благовоннѣйшія. Ихъ сдѣлай четами, на все время, пока тѣ люди остаются въ оградѣ.

29. Да не будетъ тамъ ни спорливости, ни навѣтливости, ни невѣжливости, ни невѣрія, ни бѣдности, ни обмана, ни низкаго роста, ни уродливости, ни выломанныхъ зубовъ, ни чрезмѣрнаго тѣла, и никакого изъ другихъ пятенъ, которыя суть пятна [клейма] Анграманью, на людей наложенныя.

30. А въ передней части построй девять мостовъ, въ средней шесть, въ задней три. И въ переднюю снеси чрезъ мосты сѣмена тысячи людей, въ среднюю шести сотъ и въ заднюю трехъ-сотъ. И *введи* (?) ихъ золотою палкой, и запри ворота, и ограду, и окно, впускающее солнце въ середину.

31. Но Іимъ задумался: Какимъ образомъ мнѣ сдѣлать для тебя эту ограду такъ, какъ приказалъ мнѣ Аурамазда? А сказалъ Аурамазда Іиму: Іимъ прекрасный, Вивангватовъ сынъ! участокъ этой земли отдѣли стопами, выдѣли руками, подобно тому, какъ и нынѣ люди мотыкою отрѣзаютъ землю (?).

32. И Іимъ такъ сдѣлалъ, какъ велѣлъ ему Аурамазда: участокъ этой земли онъ отдѣлилъ стопами, выдѣлилъ руками, подобно тому, какъ и нынѣ люди мотыкою отрѣзаютъ землю (?).

33. И Іимъ сдѣлалъ ограду длиною въ лошадиный бѣгъ по всѣмъ четыремъ сторонамъ. Туда онъ снесъ сѣмена животныхъ, скота, людей, псовъ, птицъ и огней красныхъ, пылающихъ. И Іимъ сдѣлалъ ту ограду длиною въ лошадиный бѣгъ, по всѣмъ четыремъ сторонамъ, жилищемъ для людей; длиною въ лошадиный бѣгъ по всѣмъ четыремъ сторонамъ, загономъ для скота.

34. Туда онъ провелъ воду по пути, длиною въ хатръ; тамъ построилъ улицы, тамъ построилъ жилища, домъ и столбъ, и окружный валъ.

35—38, см. 27—30. И вогналъ ихъ золотою палкой, и заперъ ворота въ ограду и окно, впускающее солнце въ середину.

Здѣсь кончается этотъ отрывокъ; слѣдующіе затѣмъ параграфы составляютъ другой фрагментъ, совершенно другого содержанія.

Вендидадъ XIX.

(Испытаніе Заратуштра, написанное отчасти еще въ стихахъ).

XIX. 1. Отъ сѣверной страны, отъ сѣверныхъ странъ, примчался Анграманью, полный смерти, дайвъ дайвовъ. Такъ сказалъ онъ, злодѣйскій Анграманью, полный смерти: Друджь! ступай, умори праведнаго Заратуштра! Друджь окружила его, дайвъ Бути, гибель коварная, злобная.

2. Заратуштръ прочелъ [молитву] Аунаварья: „Такъ какъ есть лучшій міръ, такъ-же и Господь, изъ-за праведности, законодатель дѣяній добраго духа (т.-е. благочестивой жизни); [и сего] міра царство принадлежитъ Аурамаздѣ, въ него онъ послалъ для нищихъ пастыря“ *). Славьте благія воды добраго созданія, исповѣдуйте вѣру маздаясническую! Пораженная, Друджь умчалась назадъ, дайвъ Бути, гибель коварная, злобная.

3. Друджь сказала ему: Мучитель Анграманью! не обрѣтаю для него гибели, для Спитàма Заратуштра: полонъ блеска праведный Заратуштръ. Заратуштръ узрѣлъ въ душѣ: Дайвы злые, злодѣйскіе, совѣщаются о моей гибели. Возсталъ Заратуштръ, выступилъ Заратуштръ, не уязвленный злымъ духомъ, жестокостью вражескихъ умысловъ, держа въ рукахъ камни, — они величиною въ *катъ*, праведный Заратуштръ, взывая къ творцу Аурамаздѣ: Гдѣ бы ты ни поддерживалъ эту землю, широкую, круглую, съ дальними предѣлами, склонись въ поддержку дома Порушаспова (Поурушаспъ—отецъ Заратуштра).

5. Возвѣстилъ Заратуштръ Анграманью: Злодѣйскій Анграманью! поражу я творенія, дайвами сотворенныя, поражу *насу* [мертвыя тѣла и причиненное ими оскверненіе], дайвами сотворенную, поражу *парику* [злую фею] Хнантати, пока не родится Саошьянтъ побѣдоносный изъ озера Кансу **), отъ восточной страны, отъ восточныхъ странъ.

6. Ему возразилъ злокачественный Анграманью: Не истребляй моихъ созданій, праведный Заратуштръ! Ты [вѣдь] сынъ Порушасповъ, отъ [смертной] матери ты родился. Отрекись отъ доброй вѣры маздаяснической, и обрѣтешь счастье, какое обрѣлъ Вадаганъ царь.

7. Ему возразилъ Спитамъ Заратуштръ: Не отрекусь я для него отъ доброй вѣры маздаяснической, ни если бы даже и кости, и жизнь, и душа пошли врозь.

8. Ему возразилъ злокачественный Анграманью: Чьимъ словомъ поразишь, чьимъ словомъ прогонишь, какимъ оружіемъ.... мои созданія [сотворенныя мною], Анграманью?

9. Ему сказалъ Спитамъ Заратуштръ: Ступкою, чашею, хаомомъ и словомъ, изреченнымъ Маздою! Вотъ мое оружіе, самое лучшее! Этимъ словомъ поражу,

*) Переводъ Рота; но Гаугу, эта темная формула значитъ: Подобно тому, какъ слѣдуетъ избрать небеснаго Господа, такъ и наставника въ этомъ мірѣ, ради праведности, [для того, чтобъ онъ былъ] подателемъ добрыхъ мыслей, и дѣяній жизни [ведущихъ] къ Маздѣ; а царство принадлежитъ Ауру, которое онъ далъ въ защиту бѣднымъ. Это главная молитва маздаясновъ.

**) Въ озерѣ Кансу хранится сѣмя Заратуштра; въ концѣ міра дѣвица Эрдадфедри, купаясь въ этомъ озерѣ, родитъ послѣдняго изъ пророковъ Саошьянта (исл. Сосіошъ).

этимъ словомъ прогоню, этимъ оружіемъ..... твои созданія, о злодѣйскій Анграманью! Сотворилъ [это оружіе] Святой Духъ, сотворилъ [онъ его] въ безпредѣльное время; сотворили [его] Амешаспенты, благовластвующіе, благодѣтельные.

10. Заратуштръ произнесъ [молитву] Аунаварья.

11. Спросилъ Заратуштръ Аурамазду: Аурамазда, духъ святѣйшій, творецъ міровъ тѣлесныхъ, праведный!.....

12. Какъ мнѣ это сдѣлать [чтобъ освободиться] отъ этой друджи, отъ злодѣйскаго Анграманью! Какъ мнѣ устранить оскверненіе непосредственное, какъ оскверненіе посредственное, какъ *насу*, отъ этой деревни маздаяснической? Какъ мнѣ очистить мужа праведнаго, какъ дать очищеніе женщинѣ праведной?

13. И сказалъ Аурамазда: Молись ты, Заратуштръ, доброй вѣрѣ маздаяснической; молись ты, Заратуштръ, невидимымъ Амешаспентамъ на землѣ, раздѣленной на семь *каршваровъ* [климатовъ]; молись ты, Заратуштръ, самосозданному небосводу, безпредѣльному времени, воздуху, дѣйствующему въ вышинѣ; молись ты Заратуштръ вѣтру сильному, сотворенному Маздою, святой прекрасной дочери Аурамазды [т.-е. Арамати = землѣ].

14. Молись ты, Заратуштръ, фраваши [генію] моей, [фраваши] Аурамазды, ей величайшей, добрѣйшей, твердѣйшей, мудрѣйшей, благовиднѣйшей и по праведности высочайшей, душа которой есть Святая молитва (мантра спента). Самъ отъ себя молись, о Заратуштръ, этому творенію Аурамазды.

15. Рѣчь мою исполнилъ Заратуштръ [говоря]: Молюсь Аурамаздѣ, творцу праведнаго творенія. Молюсь Митру, имѣющему широкія пастбища (т.-е. далеко господствующему), носящему отличное оружіе, самое блестящее изъ оружій, самое побѣждающее изъ оружій. Молюсь Сраошу праведному, съ прекраснымъ станомъ, держащему въ рукахъ оружіе, направленное на головы дайвовъ. Молюсь святой молитвѣ чрезвычайно славной; молюсь самосозданному небосводу, безпредѣльному времени, воздуху, дѣйствующему въ высотѣ. Молюсь вѣтру сильному, сотворенному Маздою, [и] святой прекрасной дочери Аурамазды. Молюсь доброй вѣрѣ маздаяснической, закону противо-дайвовскому (Вендидаду), Заратуштрскому.

43. Помышляли и размышляли, обдумывали и раздумывали Анграманью полный смерти, дайвъ дайвовъ, дайвъ Индра, дайвъ Сару, дайвъ Наонгатій, дайвы Тарви и Зари, Айшмъ страшный, злодѣятельный дайвъ, зима, созданная дайвами, гибель коварная, старость злая....., дайвъ Бути, дайвъ Дриви (нищенство), дайвъ Дави (обманъ), дайвъ Касви (малость), дайвъ Патишъ, самый дайвовскій дайвъ изъ дайвовъ.

44. Такъ сказалъ злодѣйскій Анграманью, полный смерти: Что на сходкѣ постановили дайвы подлые, злодѣйскіе, у вершины Арзура *)?

45. Прибѣжали, совѣтовались дайвы подлые, злодѣйскіе; кричали, разсуждали дайвы подлые, злодѣйскіе. Злой обманъ выдумали дайвы подлые, злодѣйскіе: Это мы постановили на своей сходкѣ у вершины Арзура.

46. Родился, увы! праведный Заратуштръ изъ дома Порушаспова. Гдѣ ему мы найдемъ гибель? онъ—пораженіе дайвовъ, онъ—сопротивленіе дайвамъ, онъ—противо-дайвъ дайвамъ, низвергающій поклонниковъ дайвовъ, *насу*, сотворенную дайвами, ложь притворную.

47. Раздумали, умчались дайвы подлые, злодѣйскіе, ко дну мрака ужаснаго, обманчиваго.

Содержаніе «Хорда-Авесты» не такъ строго установлено преда-

*) Арзуръ,—названіе миѳической горы, на вершинѣ которой дайвы собираются будто-бы при пещерѣ. Эта пещера, вѣроятно, соотвѣтствуетъ аду. Ср. Венд., III. 7.

ніемъ, какъ содержаніе другихъ книгъ. Кромѣ текстовъ на авестскомъ языкѣ, въ составъ ея вошли еще молитвы на пехлевійскомъ и парсійскомъ языкахъ, и списки ея очень расходятся между собою. «Хорда-Авеста»—преимущественно собраніе молитвъ, относящихся къ разнымъ случаямъ и положеніямъ въ жизни; всѣ міряне имѣютъ ее въ качествѣ молитвенника. Для насъ интересны только зендскіе ея тексты, носящіе названіе яштъ, африганъ, ніяишъ, гахъ и сирозэ.

Яшты—собраніе молитвъ и восхваленій, отличающихся отъ молитвъ «Ясны» и «Виспереда» преимущественно тѣмъ, что каждый яштъ посвящается одному только божеству, между тѣмъ какъ въ «Яснѣ» и «Виспередѣ» всѣ божества призываются сплошь. Эти восхваленія нерѣдко очень поэтичны и часто написаны въ стихахъ. Для легендарной исторіи древнихъ иранцевъ и для критическаго изслѣдованія миѳовъ, разсказываемыхъ въ «Шахнамэ», яшты, безъ сомнѣнія, важнѣйшая часть «Авесты».

Къ яштамъ прибавлены еще нѣкоторые отрывки, заимствованные по преданію изъ потерянныхъ насковъ, напримѣръ, разсказъ о судьбѣ души послѣ смерти, причисляемый къ «Хадохтънаску», 20-му изъ потеряныхъ насковъ. Вотъ переводъ этого разсказа:

Яштъ XXII.

(Судьба души послѣ смерти).

Хадохтъ Наскъ II.

1. Спросилъ Заратуштръ Аурамазду: Аурамазда, духъ святѣйшій, творецъ міровъ тѣлесныхъ, праведный! Когда умираетъ праведникъ, гдѣ въ ту ночь находится душа его?

2. И сказалъ Аурамазда: Около головы она возсѣдаетъ, произнося Гату Уштавати, взывая о блаженствѣ [со словами, заимствованными изъ упомянутой Гаты]: „Блаженъ тотъ, блаженъ, кому вольноцарствующій Аура Мазда пожалуетъ [оба вѣчныя могущества и т. д.]“. Въ эту ночь столько удовольствія испытываетъ душа, сколько все [удовольствіе, испытываемое] живымъ міромъ.

3. Во вторую ночь,—гдѣ въ эту ночь находится душа его?

4. И сказалъ Аурамазда: (какъ въ § 2).

5. Въ третью ночь,—гдѣ въ эту ночь находится душа его?

6. И сказалъ Аурамазда: (какъ въ § 2).

7. По истеченіи третьей ночи, на разсвѣтѣ, душа праведника носится надъ растеніями и благовоніями. Ей на встрѣчу является вѣтерокъ, вѣющій съ южной страны, съ южныхъ странъ, благовонный, благовоннѣе иныхъ вѣтровъ.

8. И воспринимая этотъ вѣтеръ ноздрями, душа праведника разсуждаетъ: Откуда этотъ вѣтеръ вѣетъ, самый благовонный (изъ всѣхъ), какіе я когда-либо воспринималъ?

9. Въ сопровожденіи этого вѣтра является собственная его вѣра, съ тѣломъ дѣвицы прекрасной, блестящей, бѣлорукой, плотной, стройной, статной, великорослой, съ выдающимися грудями и славнымъ станомъ, благородной, съ сіяющимъ

лицемъ, пятнадцатилѣтней по возрасту, и столь прекрасной тѣломъ, какъ прекраснѣйшія изъ созданій.

10. И ей сказала, спрашивая, душа праведника: Кто ты, о дѣвица, которую я узрѣлъ прекраснѣйшею по тѣлу изъ дѣвицъ?

11. А ему отвѣтила его собственная вѣра: Я, о юноша благомыслящій, благоговорящій, благодѣйствующій, благовѣрный, собственная твоя вѣра въ настоящемъ [ея] видѣ. Всякій любилъ тебя за такое величіе, доброту, красоту, благовоніе, побѣдоносную силу и противоборство, какія ты замѣчаешь во мнѣ.

12. Ты меня любилъ, о юноша благомыслящій, благоговорящій, благодѣйствующій, благовѣрный за такое величіе, доброту, красоту, благовоніе, побѣдоносную силу и противоборство, какія я замѣчаю въ тебѣ.

13. Когда ты видѣлъ какъ другой совершалъ сожженіе [мертвыхъ тѣлъ] и идолопоклонство, и притѣснялъ, и срубалъ деревья: ты сидѣлъ тогда, произнося гаты, чествуя благія воды и огонь Аурамазды, и стараясь удовольствовать праведниковъ, изблизка приходящихъ и издалека.

14. И меня, бывшую милой—[ты сдѣлалъ еще] болѣе милой, бывшую прекрасной — болѣе прекрасной, бывшую вожделѣнной — болѣе вожделѣнной, и сидѣвшую на высокомъ мѣстѣ ты посадилъ на [еще] болѣе высокое мѣсто, этими [твоими] добрыми мыслями, этими добрыми словами, этими добрыми дѣлами. А впослѣдствіи люди будутъ чествовать меня и Аурамазду, давно чествуемаго и призываемаго.

15. Первый шагъ сдѣлала душа праведника, и стала на Хуматѣ (добрыхъ мысляхъ); второй шагъ сдѣлала душа праведника и стала на Хухтѣ (добрыхъ словахъ); третій шагъ сдѣлала душа праведника и стала на Хуварштѣ (добрыхъ дѣлахъ); четвертый шагъ сдѣлала душа праведника и стала на вѣчныхъ свѣтилахъ *).

16. Ей сказалъ, спрашивая, праведникъ прежде умершій: Какъ, о праведникъ, умеръ ты? какъ, о праведникъ, вышелъ ты изъ обиталищъ, полныхъ скотомъ, и отъ птицъ понимающихъ другъ друга [? можетъ быть „одаренныхъ таинственною мудростью"]? изъ тѣлеснаго міра въ духовный міръ, изъ тлѣннаго міра въ нетлѣнный міръ. Сколь долговременно будетъ твое блаженство!

18. Да поднесутъ ему пищу изъ желтоватаго масла! Вотъ пища для юноши благомыслящаго, благоговорящаго, благодѣйствующаго, благовѣрнаго послѣ смерти. Вотъ пища для женщины очень благомыслящей, очень благоговорящей, очень благодѣйствующей, очень благовѣрной, наученной добру, покорной супругу, праведной послѣ смерти.

Хадохтъ Наскъ III.

19. Спросилъ Заратуштръ Аурамазду, и т. д.: Когда издыхаетъ грѣшникъ, гдѣ въ ту ночь находится душа его?

20. И сказалъ Аурамазда: Тамъ же, праведный Заратуштръ, около головы она шатается, произнося Гату Камъ-немой-замъ: „Въ какую направлюсь я страну, о Аурамазда, куда пойду обратиться?" Въ эту ночь столько неудовольствія испытываетъ душа, сколько весь живой міръ.

21 — 22. Во вторую ночь и т. д.

23 — 24. Въ третью ночь и т. д.

25. По истеченіи третьей ночи, праведный Заратуштръ, на разсвѣтѣ, душа грѣшника носится надъ ужасами и зловоніями. Ей на встрѣчу является вѣте-

*) Эти четыре степени соотвѣтствуютъ четыремъ отдѣламъ неба.

рокъ, вѣющій съ сѣверной страны, изъ сѣверныхъ странъ, зловонный, зловоннѣе иныхъ вѣтровъ.

26. И, воспринимая этотъ вѣтеръ ноздрями, душа грѣшника разсуждаетъ: откуда этотъ вѣтеръ вѣетъ, самый зловонный (изъ всѣхъ), какіе я когда-либо воспринималъ?

27 — 33. [Эти параграфы утрачены въ подлинномъ текстѣ, и выпущены во всѣхъ рукописяхъ, но довольно точный ихъ переводъ сохранился въ пазендскомъ „Минохиредѣ", гдѣ читается слѣдующее (Манно-и-Хардъ, II, § 167 — 182.

И потомъ дѣва, на дѣвицъ вовсе не похожая, идетъ ей на встрѣчу. Говоритъ душа грѣшника скверной дѣвѣ: Ты кто, сквернѣе и отвратительнѣе которой я на свѣтѣ никогда не видалъ скверной дѣвы?

И ему въ отвѣтъ говоритъ эта скверная дѣва: Я не дѣва, а — злыя твои дѣла, о грѣшникъ зломыслящій, злоговорящій, злодѣйствующій и зловѣрный. Ибо когда ты видѣлъ на свѣтѣ, что служатъ Богу, ты сидѣлъ тогда, поклоняясь дайвамъ. И когда ты видѣлъ, что доброму мужу, пришедшему издалека или изблизи, даютъ пристанище, оказываютъ гостепріимство и даютъ милостыню, тогда ты добраго мужа унижалъ и обижалъ, и не давалъ милостыни, а запиралъ дверь. И когда ты видѣлъ, что творятъ правосудіе, не берутъ взятокъ, даютъ вѣрное свидѣтельство и говорятъ правдивыя рѣчи, ты сидѣлъ тогда, творя несправедливость, лжесвидѣтельствуя и ведя дурныя рѣчи. На! я — твои злыя мысли, злыя рѣчи и злыя дѣла, которыя ты мыслилъ, говорилъ и дѣлалъ. И бывшая безъ чести, я чрезъ тебя еще болѣе обезчещена; бывшая презрѣнной, я чрезъ тебя сдѣлалась еще болѣе презрѣнною, и сидѣвшая на позорномъ мѣстѣ, я чрезъ тебя еще болѣе опозорена.

Потомъ [душа] шатаясь подается впередъ, дѣлая первый шагъ на Душматъ (злыя мысли), и второй шагъ на Дужухтъ (злыя рѣчи), и третій шагъ на Дужварештъ (злыя дѣла).

[Возвращаемся къ подлинному, зендскому тексту].

33. Четвертый шагъ сдѣлала душа грѣшника въ безпредѣльный мракъ *).

34. Ей сказалъ, спрашивая, грѣшникъ, прежде издохшій: Какъ, о грѣшникъ, издохъ ты? какъ, о друджь, вышелъ ты изъ обиталищъ полныхъ скотомъ, и отъ птицъ понимающихъ другъ друга? изъ тѣлеснаго міра въ духовный міръ, изъ тлѣннаго міра въ нетлѣнный міръ? Сколь долговременно будетъ твое мученіе!

35. Сказалъ Анграманью: Не спрашивай его; кого спрашиваешь, прошедшаго страшный, ужасный, гибельный путь: рознь тѣла и души.

36. Да поднесутъ ему пищу изъ яда и вонючаго яда! Вотъ пища для юноши зломыслящаго, злоговорящаго, злодѣйствующаго, зловѣрнаго послѣ издыханія. Вотъ пища для бабы очень зломыслящей, очень злоговорящей, очень злодѣйствующей, очень зловѣрной, наученной злу, непокорной супругу, грѣшной, послѣ издыханія.

Исчисленные выше остальные тексты «Хорда-Авесты»—коротенькія молитвы безъ особеннаго интереса. Только о Сирозэ (30 дней) стоитъ сказать, что это—календарь, исчисляющій имена и прозвища тридцати духовъ, изъ которыхъ каждый начальствуетъ надъ однимъ изъ тридцати дней мѣсяца.

Языкъ «Авесты» вообще отличается простотой и безъискуственностью. Легенды, молитвы, гимны, содержащіеся въ ней, по сущности ихъ, можно было бы сравнить съ священными пѣснями древней

*) Эти четыре степени ада соотвѣтствуютъ четыремъ небесамъ, упомянутымъ въ § 15.

Индіи; но съ точки зрѣнія литературной они совсѣмъ не похожи на послѣднія. Напрасно было бы искать въ «Авестѣ» той живости воображенія, того блеска поэтическихъ картинъ, того величественнаго языка, которые характеризуютъ «Ригведу». Авторъ «Вендидада», «Виспереда», «Ясны» не былъ поэтомъ, восторженно воспѣвающимъ красоты вселенной или подвиги героевъ своего народа. Онъ былъ жрецомъ, писавшимъ для потребностей культа, или реформаторомъ, излагавшимъ основныя мысли новаго закона. «Старшая Ясна» содержитъ однако нѣсколько гимновъ, носящихъ всѣ признаки настоящаго вдохновенія. Но трудно судить о поэтическихъ качествахъ текстовъ, толкованіе и самый смыслъ которыхъ подлежатъ еще сомнѣнію, какъ это бываетъ съ «Гатами». Большинство пѣсней и молитвъ «Авесты» страдаетъ отъ недостатка единства и поэзіи, жизни и блеска. Другія части, правда, не лишены поэтической красоты, но онѣ искажены интерполяціями, мѣшающими послѣдовательности мыслей и изяществу впечатлѣнія. Кромѣ того, составители этихъ текстовъ, желая быть ясными, опредѣленными и полными, не удерживаются отъ длинныхъ исчисленій и постоянныхъ повтореній, которыми такъ изобилуетъ «Авеста». Тѣмъ не менѣе и другимъ книгамъ ея, кромѣ «Гатъ», нельзя совсѣмъ отказать въ литературныхъ достоинствахъ. Даже въ «Вендидадѣ» встрѣчаются отрывки, поражающіе поэтическими мыслями, блестящими и изящными картинами, изображеніями живыми и вѣрными. А гимны яштовъ, иногда содержащіе въ себѣ довольно древніе элементы, навсегда останутся драгоцѣнными памятниками древне-иранской поэзіи.

Н. Иранская литература отъ Александра Македонскаго до мусульманскаго вторженія.

О литературной дѣятельности Иранцевъ послѣ Александра Македонскаго до насъ дошло очень мало извѣстій, а большинство литературныхъ памятниковъ пропало безвозвратно. Мы знаемъ, что во время Арсакидовъ греческій элементъ все еще первенствовалъ, и склонность ко всему иностранному, сказывающаяся въ Иранѣ этого періода, заставляетъ предполагать, что и словесность его состояла болѣе изъ переводовъ, чѣмъ изъ самостоятельныхъ произведеній. Даже и при Сасанидахъ не было иначе: восточные историки разсказываютъ, что Хосровъ I Аноширванъ занимался греческою философіей и велѣлъ перевести индійскую книгу «Калилу и Димну» (Панчатантра). Во всякомъ случаѣ подобное настроеніе умовъ преобладало болѣе въ высшихъ слояхъ общества, чѣмъ въ самомъ народѣ, у котораго древнія сказанія и пѣсни все еще оставались живыми. Преданіе повѣствуетъ, что Хосровъ Аноширванъ велѣлъ собирать

изъ всѣхъ областей имперіи народныя сказанія про древнихъ царей, и что послѣдній царь сасанидской династіи, Іездегердъ, поручилъ дихкану (сельскому дворянину) Данишверу привести въ порядокъ и дополнить эти матеріалы. Сочиненіе Данишвера, содержащее исторію Персіи отъ Гаюмерса до Хосрова II Парвеза (или, по другимъ, до Іездегерда III), было написано на пехлевійскомъ языкѣ и носило названіе «Ходай-Намакъ» (т.-е. Книга Царей). До нашего времени она не сохранилась, и въ числѣ извѣстныхъ до сихъ поръ пехлевійскихъ памятниковъ находится только нѣсколько отрывковъ, говорящихъ о древнихъ царяхъ Ирана. Такова, напримѣръ, Кар-Намаки-Артахшири Пâпакâнъ, «Исторія дѣяній Ардешира, Бабекова сына», историческій романъ, изданный недавно въ нѣмецкомъ переводѣ *).

Всѣ остальные памятники средне-иранской писмености относятся къ богословской литературѣ, и написаны, какъ обыкновенно говорятъ, на двухъ языкахъ: пехлевійскомъ и парсійскомъ. Но пехлеви, или узварешъ, въ сущности тожественъ съ языкомъ пâрси или пазендъ, и эти названія обозначаютъ только два различныхъ способа писать тотъ же самый языкъ. Какіе были къ тому поводы, мы не знаемъ; но фактъ тотъ, что пехлевійскіе тексты, будучи чисто персидскими, тѣмъ не менѣе писались бóльшею частью словами какого-то семитскаго нарѣчія, играющими роль идеограммъ. Изобрѣтатели этого способа писали по-семитски, а читали по-персидски. Но такъ какъ правильное произношеніе идеограммъ этого письма требовало значительной подготовки, то стали сопровождать пехлевійскіе тексты транскрипціей на персидскій языкъ. Нарѣчіе этихъ транскрипцій есть именно такъ-называемый парсійскій, или пазендскій, языкъ, и представляетъ собою только болѣе старинный видъ ново-персидскаго языка.

Одна часть пехлевійскихъ сочиненій состоитъ изъ переводовъ трехъ книгъ «Вендидада», «Ясны» и «Виспереда», и нѣкоторыхъ яштовъ. Переводы сдѣланы какъ нельзя болѣе буквально и, преимущественно въ «Вендидадѣ», дополнены длинными комментаріями. Разумѣется, они бóльшею частью не могутъ приносить много пользы выясненію первоначальнаго смысла древняго текста. Со временемъ, когда изученіе пехлеви сдѣлаетъ болѣе успѣховъ, изъ этихъ переводовъ можно будетъ узнать, какъ толковали «Авесту» во времена Сасанидовъ.

Другая самостоятельная часть пехлевійской литературы сравнительно объемиста. Но и она такъ пропитана схоластическимъ духомъ и жреческимъ педантизмомъ, что занятіе ею не очень привлека-

*) Geschichte des Artachsir i Papakan aus dem Pehlewi uebersetzt, von Th. Noldeke, въ Beitr. zur Kunde der indogerm. Sprachen, IV (1878).

тельно. Большинство этихъ книгъ пока еще не издано, и о содержаніи ихъ имѣются только неполныя свѣдѣнія. Кромѣ спеціалистовъ, врядъ-ли кто интересуется этою литературой. Достаточно упомянуть книги: «Динкартъ», многотомное изложеніе религіозныхъ предметовъ; «Арда-Вирафъ Намакъ», разсказывающую видѣнія благочестиваго главнаго жреца Арда-Вирафа на небесахъ и въ аду; «Миноки-Хратъ» (Минохирадъ), излагающую религіозные вопросы въ видѣ разговора между мудрецомъ и духомъ божеской мудрости; и наконецъ «Бундихешнъ», парсійскую космологію. Послѣдняя книга была переведена Анкетилемъ, но она, вѣроятно, довольно поздняго происхожденія, такъ какъ въ ней упоминается о паденіи Сасанидской монархіи.

Приводимъ три главы книги «Арда-Вирафъ Намакъ»:

I.

Такъ говорятъ, что однажды благочестивый Заратуштръ распространилъ въ мірѣ вѣру, полученную имъ [отъ Бога]. И въ продолжзніе трехъ-сотъ лѣтъ, вѣра была въ чистотѣ, и люди безъ сомнѣнія. Но потомъ, чтобы сдѣлать людей сомнѣвающимися въ вѣрѣ, проклятый Злой Духъ, лукавый, возбудилъ проклятаго Александра Румскаго, жившаго въ Египтѣ, такъ что онъ пришелъ въ страну Иранскую съ жестокою свирѣпостію, войною и опустошеніемъ. Онъ убилъ государя иранскаго, и разрушилъ столицу и государство, и опустошилъ ихъ.

А эта вѣра [т. е. религіозныя писанія], именно вся Авеста и Зендъ, писанная на приготовленныхъ коровьихъ кожахъ и золотыми чернилами, была уложена въ архивы (?), въ Стахръ-Папаканѣ. И вражда несчастнаго, лукаваго Ахрмока *), злодѣя, привела Александра Румскаго, жившаго въ Египтѣ, и онъ сжегъ ихъ. И онъ убилъ многихъ дестуровъ, и судей, и хербадовъ, и мобадовъ, и сберегателей вѣры, и благоразумныхъ, и мудрыхъ людей иранской страны. И онъ бросилъ ненависть и раздоръ одного съ другимъ между вельможъ и хозяевъ иранской страны, и, уничтоживъ самъ себя, бѣжалъ въ адъ.

А потомъ были смуты и ссоры между народомъ иранской страны, одного съ другимъ, такъ что у нихъ не было ни государя, ни правителя, ни начальника, ни дестура, свѣдущаго въ вѣрѣ, и они сомнѣвались относительно Бога. И разнообразныя религіи, и различныя вѣры, и невѣріе, и разные сборники законовъ, провозглашались въ мірѣ, до того времени, пока не родился блаженный и безсмертный Атарпат-и-Мараспанданъ, на грудь котораго, по разсказу въ „Динкартѣ“, была вылита расплавленная мѣдь. И много [различныхъ] законовъ и правъ соблюдалось, смотря по различнымъ религіямъ и вѣрамъ; и народъ этой вѣры (т. е. священныхъ книгъ, хранящихся) въ Шаспиканѣ, былъ въ сомнѣніи.

А потомъ были другіе маги и дестуры вѣры, и изъ ихъ числа были набожные и разумные. И съѣздъ ихъ былъ созванъ въ храмъ [собств.—дворецъ, столицу] побѣдоноснаго огня Фробака; и велись рѣчи и высказывались мысли разнообразныя о томъ, что „необходимо для насъ отыскать средство кому-либо изъ насъ отправиться и принести свѣдѣніе отъ духовъ, чтобы люди нынѣшняго вѣка узнали, доходятъ ли до Бога, или же къ демонамъ эти [обряды и молитвы, называемыя] Язишнъ, и Дронъ, и Афринганъ, и Ниренгъ, и омовенія, и очищенія, совершаемыя нами; и служатъ ли они къ спасенію нашихъ душъ, или нѣтъ?“

*) Собственно „еретикъ“, но обозначаетъ также Злого Духа, Ахримана.

Потомъ, съ участіемъ дестуровъ вѣры, созвали весь народъ къ храму огня Фробака. И изъ всего числа выдѣлили семерыхъ мужей, не имѣющихъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ Богѣ и вѣрѣ, и которыхъ мысли, слова и дѣла были самыя порядочныя и правильныя, и сказали имъ: „Сядьте и выберите изъ васъ одного, который болѣе годенъ для этого порученія и самый безвинный и уважаемый".

И потомъ, эти семеро мужей сѣли, и изъ семерыхъ были выбраны трое; а изъ троихъ только одинъ, по имени Вирафъ; а нѣкоторые называютъ его Нихшапуромъ. Этотъ же Вирафъ, услышавъ такое рѣшеніе, всталъ на ноги, сложилъ руки на груди, и сказалъ такъ: „Если вамъ угодно, то не давайте мнѣ нежелаемаго усыпительнаго лекарства, доколѣ вы не бросили жребія о маздаяснахъ и обо мнѣ; и если жребій падетъ на меня, то я готовъ идти къ тому мѣсту благочестиваго и злого, и исполнить это посольство правильно, и принести вѣрный отвѣтъ".

И потомъ бросили жребій о маздаяснахъ и обо мнѣ (sic), въ первый разъ со словомъ „добрая мысль", и во второй разъ со словомъ „доброе слово", и въ третій разъ со словомъ „доброе дѣло": и всѣ три жребія пали на Вирафа.

II.

А у того Вирафа было семь сестеръ, и всѣ онѣ были ему женами; онѣ выучили вѣру наизусть, и умѣли читать молитвы. И когда онѣ узнали объ этомъ, то стали такъ печалиться, что рыдая и крича прибѣжали въ собраніе маздаясновъ, и встали, и поклонились, и сказали: „Не дѣлайте такъ, о маздаясны; ибо насъ семь сестеръ да онъ единый братъ, и мы, всѣ семь сестеръ, жены этому брату. Какъ у двери дома, въ которой укрѣплены семь бревенъ и одинъ столбъ снизу: если отодвинуть этотъ столбъ, уронятъ эти бревна,—такъ и для насъ, семи сестеръ, этотъ единый братъ—наша жизнь и опора; отъ Бога происходитъ все добро, дѣлаемое [намъ] имъ. Если вы отправите его до его вѣка изъ этого царства живыхъ въ обиталище умершихъ, то безъ причины совершите противъ насъ несправедливость".

И потомъ тѣ маздаясны, услышавъ эти слова, усмирили этихъ семь сестеръ, говоря такъ: „Мы возвратимъ вамъ Вирафа цѣлымъ и здоровымъ черезъ семь дней, и счастіе такой славы останется за этимъ мужемъ!" Потомъ онѣ согласились.

И потомъ, тотъ Вирафъ сложилъ руки на груди предъ маздаяснами и сказалъ такъ: „Таковъ обычай, чтобы я молился умершимъ душамъ, и ѣлъ пищу, и сдѣлалъ завѣщаніе; послѣ этого вы мнѣ дадите вино и усыпительное лекарство". Дестуры повелѣли: „Такъ и дѣлай".

Потомъ тѣ дестуры выбрали въ жилищѣ небеснаго [огня Фробака] мѣсто, отстоящее отъ добраго на тридцать шаговъ. И Вирафъ обмылъ себѣ голову и тѣло, и надѣлъ новое платье; онъ окуривалъ себя благоуханіями и разостлалъ новый опрятный коверъ на приготовленномъ диванѣ. Во-время онъ сѣлъ на опрятный коверъ, освятилъ дронъ, поминалъ умершія души и ѣлъ пищу. И потомъ эти дестуры вѣры наполнили три золотыхъ кувшина виномъ и усыпительнымъ лекарствомъ Виштаспа; и они дали Вирафу одинъ кувшинъ, говоря: „добрая мысль", и другой говоря „доброе слово", и третій говоря „доброе дѣло". И онъ выпилъ вино съ лекарствомъ, и восхвалилъ бога, пока еще былъ въ памяти, и заснулъ на коврѣ.

А эти дестуры вѣры и семь сестеръ были, въ теченіе семи дней и ночей, при вѣчногорящемъ огнѣ и [заняты] куреніями; и читали Авесту и Зендъ и обрядныя молитвы, и повторяли наски, и пѣли гаты, и стерегли въ темнотѣ. И эти семь сестеръ сидѣли вокругъ ковра Вирафа, и въ теченіе семи дней и ночей

повторяли „Авесту". Эти семь сестеръ, вмѣстѣ съ дестурами, и хербадами, и мобедами вѣры маздаяснической, никоимъ образомъ не переставали стеречь.

III.

А душа Вирафа, вышедши изъ тѣла, отправилась къ мосту Чинваду и Чикати-Даитика, и возвратилась на седьмой день и вошла обратно въ тѣло. Вирафъ всталъ, какъ будто просыпаясь отъ пріятнаго сна, думая о Воуманѣ [т.-е. вдохновленный добрыми мыслями] и радостный.

А эти сестры, вмѣстѣ съ дестурами вѣры и маздаяснами, увидя Вирафа, обрадовались и восхитились, и сказали такъ: „Привѣтъ тебѣ, Вирафъ, посолъ отъ насъ, маздаясновъ, пришедшій изъ обиталища умершихъ въ это обиталище живыхъ". И эти хербады и дестуры вѣры поклонились предъ Вирафомъ. И Вирафъ, увидя ихъ, выступилъ впередъ и поклонился, и сказалъ такъ: „Для васъ есть благословеніе отъ Аухармазда Господа, и отъ Амшаспандовъ, и благословеніе отъ благочестиваго Заратуштра Спитама, и благословеніе отъ Сроша праведнаго и Атара Изеда и отъ славной вѣры маздаясновъ, и благословеніе отъ остальныхъ праведныхъ, и благословеніе отъ остальныхъ духовъ райскихъ, пребывающихъ въ блаженствѣ и покоѣ".

И потомъ дестуры вѣры сказали такъ: „Вѣрный слуга ты, Вирафъ, посолъ отъ насъ, маздаясновъ, и да будетъ твое благословеніе и для самого тебя. Все, что ты видѣлъ, разскажи намъ по совѣсти".

Потомъ Вирафъ сказали такъ: „Во-первыхъ нужно сказать, что голоднымъ и жаждущимъ сперва дать пищу, а потомъ спрашивать ихъ, значитъ дѣло дѣлать".

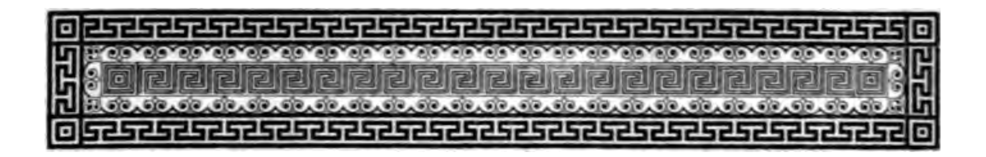
Потомъ дестуры вѣры приказали такъ: „Хорошо и ладно". И принесли хорошо вареную и благоухающую пищу, и хлѣба, и холодной воды, и вина. Они освятили также Дронъ, и Вирафъ благодарилъ и ѣлъ пищу и, окончивъ священный пиръ, благодарилъ. И произнесъ восхваленіе Аухармаздѣ и Амшаспандамъ, и благодареніе Хордаду и Амурдаду, амшаспандамъ; и произносилъ афринганы (благословенія).

И онъ приказалъ такъ: „Приведите писца мудраго и ученаго". И опытный писецъ, ученый, былъ приведенъ ими и сѣлъ передъ нимъ; и все, что Вирафъ говорилъ, онъ написалъ исправно, ясно и подробно.

Нѣкоторыя изъ названныхъ книгъ имѣются также и въ парсійской, или пазендской, редакціи, но самостоятельно на этомъ языкѣ сочинены только немногія молитвы и короткіе трактаты.

Въ виду этихъ скудныхъ остатковъ средне-иранской писмености, нельзя удержаться отъ глубокаго чувства сожалѣнія, читая извѣстія арабскихъ и другихъ авторовъ о тѣхъ многочисленныхъ книгахъ персіанъ, часто наиболѣе интереснаго и важнаго содержанія, отъ которыхъ ничего не осталось, кромѣ заглавій. Сколько свѣдѣній почерпнули бы мы въ нихъ, сколько свѣта распространили бы эти памятники на самую темную эпоху въ исторіи Персіи и западной Азіи!

ИСТОРІЯ ЕГИПЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

д-ра Эд. Мейера.

Литература: Lepsius: Denkmaeler aus Aegypten, Nubien und Aethiopen. 12 Bde
The cuneiform Inscriptions of Western Asia. До сихъ поръ вышли 4 тома.
Select papyri of the British Museum — собраніе важнѣйшихъ гieратическихъ папирусовъ.
Lepsius: Das Todtenbuch der alten Aegypter. Berlin, 1845.
Lepsius: Alteste Texte des Todtenbuchs. Berlin, 1866.
De Rougé: Recherches sur les monuments qu'on peut attribuer aux six premières dynasties de Manethon. Въ Mémoires de l'Acad. des inscriptions. Tome XXVIII. 2-e partie. Paris. 1866.
Chabas: Voyage d'un Égyptien au XIV-me siècle avant notre ère. Châlons s. S. 1866.
G. Ebers: Papyros Ebers, das hermetische Buch über die Arzeneimittel der alten Aegypter. Leipzig, 1875.
Maspero: Du genre épistolaire chez les Egyptiens de l'epoque Pharaonique. Paris, 1872 (Biblioth. de l'École des hautes études, fasc. 12).
H. Brugsch-Bey: Geschichte Aegyptens unter den Pharaonen, 2-te Aufl. Leipzig, 1877
Records of the Past. London, 1873 и слѣд.; 12 томовъ, съ переводами египетскихъ и ассирійскихъ текстовъ.
Mélanges d'archéologie égyptienne et assyrienne. Paris.
Recueil des travaux relatifs à la philologie et à l'archeologie égyptiennes et assyriennes. Paris.
Zeitschrift für aegyptische Sprache und Alterthumskunde, herausgegeben von R. Lepsius. Berlin, 1864 и слѣд..
Journal of the Society of Biblical Archeology. London. 1873 и слѣд..

I. Общій характеръ египетской исторіи, письменности и литературы.

Едва прошло пятьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ геніальная проницательность Шампольона нашла ключъ къ загадочнымъ фигурнымъ писменамъ, которыми были покрыты на обоихъ берегахъ Нила безчисленные памятники, стѣны храмовъ, статуи, гробницы, и которыя не поддавались прежде никакимъ объяснительнымъ попыткамъ. Наукѣ открылась совершенно новая область: начало достовѣрной исторіи, которое можно было относить лишь за тысячу лѣтъ до христіанской эры, было отодвинуто еще на двѣ тысячи лѣтъ назадъ. Взору наблюдателя представилась картина своеобразной государственной и духовной жизни; древніе цари, извѣстные лишь въ туманныхъ образахъ легенды, сами разсказывали теперь свои дѣла на собственномъ языкѣ. Гробницы Мемфиса и Ѳивъ воспроизвели передъ нами жизнь давно угасшихъ временъ; древніе свитки папируса, положенные въ гробницы усопшихъ, раскрыли намъ цѣлую литературу, которой цвѣтущая пора относится къ тѣмъ отдаленнымъ вѣкамъ, когда еще не было извѣстно самое имя древнихъ эллиновъ.

Разсказывать, какимъ путемъ удалась, благодаря неимовѣрнымъ усиліямъ, разгадка этихъ писменъ—не входитъ въ нашу задачу; но читателю интересно будетъ познакомиться съ самымъ способомъ, при помощи котораго слова и цѣлыя предложенія изображались писмено почерпнутыми изъ жизни фигурными знаками, или іероглифами.

Исходную точку писма составляетъ непосредственное фигурное изображеніе предмета: фигура крокодила обозначала это животное (ад); вѣтка —кусокъ дерева (ха). Слово *ха* значитъ также «вещь», и это понятіе могло быть также изображено вѣткой. Точно также, наоборотъ, фигура человѣка обозначала и понятіе «человѣкъ» *(ротъ)*, и такое-то лицо, и мѣстоимѣніе «я» (а, или куа). Такимъ образомъ образовались два главныхъ разряда іероглифовъ: звуковые знаки (напр. вѣтка *ха*, дерево *ам*), выражающіе опредѣленный звукъ, совершенно независимо отъ изображаемаго ими предмета, и идеограммы (напр. фигура человѣка, вооруженная ножомъ рука , обозначавшая насиліе), которыми выражалось извѣстное понятіе, совершенно независимо отъ звука. Къ этимъ двумъ главнымъ родамъ іероглифовъ присоединялся еще третій—знаки, служившіе для изображенія собственно буквъ, и происхожденіе которыхъ объясняютъ тѣмъ, что извѣстные знаки получили

смыслъ начальной буквы слова, ими изображаемаго. Такъ, сова означала букву *м*, орелъ или тростниковый листъ —букву *а*, рука букву *д*.

Замѣчательно, что эти три разряда знаковъ перемѣшаны въ египетскомъ писмѣ, и что такая пестрота, такое разнообразіе писменыхъ знаковъ существенно обусловливается обстоятельствами чисто-внѣшними, напр. предоставленнымъ писцу мѣстомъ. Чтобы написать слово *ад* — крокодилъ — достаточно изображенія этого животнаго; но обыкновенно писали сначала буквы *а* (орелъ) и *д* (рука), и затѣмъ уже слѣдовало изображеніе крокодила въ видѣ такъ-называемаго опредѣлительнаго знака, во избѣжаніе недоразумѣній: Также писали слово *сау*—пить, сначала фонетически— с, а, у, затѣмъ прибавляли волнообразныя линіи, изображающія воду, и ставили человѣческую фигуру съ поднятой ко рту рукой, въ смыслѣ опредѣлительнаго знака:

Другую особенность гіероглифическаго писма составляетъ такъ-называемое фонетическое дополненіе. Такъ, слово «нутеръ»—богъ— передавали изображеніемъ топора; но обыкновенно, для большей ясности, изображеніе это сопровождали еще буквами т, р,—и, какъ опредѣлительный знакъ, прибавляли еще фигуру бога: Пастушескій посохъ выражаетъ понятіе «властвовать»—*хек*; къ нему обыкновенно прибавляли букву *к*, а когда хотѣли выразить слово «властелинъ», то изображали еще фигуру царя:

Чисто гіероглифическое писмо рѣдко употреблялось въ папирусныхъ рукописяхъ; имъ исключительно писались такъ-называемыя граматы усопшихъ, потому что преданіе требовало употребленія «священнаго письма» въ этихъ граматахъ; обыкновенно-же употреблялась скоропись, образовавшаяся вслѣдствіе упрощенія и сокращенія знаковъ и получившая названіе гіератическаго писма.

Съ девятаго вѣка до нашей эры, когда и народный языкъ уже значительно измѣнился, образовался третій, еще болѣе сокращенный способъ писма—демотическій, который сначала употреблялся въ частныхъ рукописяхъ и договорахъ, затѣмъ въ литературныхъ произведеніяхъ и, наконецъ, во время Птолемеевъ, и на памятникахъ.

Египтяне писали частью на своихъ зданіяхъ, стѣны которыхъ украшались тщательно выполненными гіероглифами, частью на каменныхъ плитахъ и глыбахъ. Рядомъ съ этимъ матеріаломъ, уже съ древнѣйшихъ временъ была въ употребленіи бумага, приготовляв-

шаяся изъ волоконъ папируса. На ней писались книги, писма, судебные протоколы, дневники и т. п. Лѣтописи писались иногда на мягкой, выдѣланной кожѣ (пергаментѣ). Частные договоры нерѣдко писались на черепищахъ и т. п. матеріалѣ.

Національная исторія Египта распадается на три главныхъ періода. Первый, называемый обыкновенно «періодомъ древняго царства», обнимаетъ время отъ начала египетской исторіи (около 3500 лѣтъ до Р. Х.) до нашествія гиксовъ. Уже древнѣйшіе памятники — пирамиды Мемфиса и ихъ гробницы (при четвертой династіи *), за 3000 лѣтъ до Р. Х.)—развертываютъ передъ нами картину вполнѣ развившейся государственной жизни, не объясняя однако ея происхожденія. Сначала центромъ страны является Мемфисъ, затѣмъ центръ передвигается на югъ, и начиная съ 11-й династіи, страною правятъ ѳиванскіе цари. Цвѣтущаго состоянія достигаетъ Египетъ въ царствованіе Аменемхата Узертеза (12-ая династія, около 2000 лѣтъ до Р. Х.). Съ этого времени цѣпь памятниковъ вдругъ обрывается, и почти полное молчаніе покрываетъ послѣдующія столѣтія. Иноземный, семитическій кочевой народъ, предводимый «царемъ-пастухомъ» (гиксомъ), вторгается въ Египетъ и уничтожаетъ древній блескъ египетскаго царства. Только послѣ долгой борьбы удалось туземнымъ ѳиванскимъ царямъ пріобрѣсти власть и прогнать врага. 500 лѣтъ продолжалось иноземное иго, разсказываетъ жрецъ Манеѳонъ, написавшій при Птолемеѣ II, на греческомъ языкѣ, исторію своей страны, и хотя такое продолжительное время не согласуется съ свидѣтельствами памятниковъ, указывающихъ на болѣе короткій промежутокъ между «древнимъ» и «новымъ» царствами, тѣмъ не менѣе завоеваніе Египта азіятами кореннымъ образомъ измѣнило всю исторію Египта. Съ тѣхъ поръ, сношенія Египта съ сосѣдними народами Азіи уже не прекращались; династія освободителей тотчасъ переноситъ свое оружіе въ Сирію и Финикію. Техутмесъ III взимаетъ дань съ ассирійскихъ и вавилонскихъ царей, а Сети I и Рамзесъ II сокрушаютъ могущество сильнаго хетскаго народа, которому повиновалась лучшая часть Сиріи. Такимъ образомъ Египетъ не только пріобрѣтаетъ могущество и славу, но и переноситъ въ Азію свою культуру. Остатки финикійскаго и даже ассирійскаго искусства **) показываютъ, какъ глубоко было вліяніе египетскаго владычества.

---

*) Египетскихъ царей, начиная съ Менеса до Александра В., по Манеѳону дѣлятъ на 31 династію.

**) Такъ, напр., окрыленный солнечный дискъ, символически украшавшій египетскіе храмы, былъ принятъ финикійцами и встрѣчается, въ очень мало измѣненномъ видѣ, и у ассирійцевъ. Наконецъ персы употребляли его для изображенія великаго бога свѣта Аурамазды (Ормузда).

Свое писмо финикійцы также получили отъ египтянъ, но значительно переработавъ египетское писмо. Изъ знаковъ египетскаго писма они составили двадцать-двѣ буквы, и отбросили всѣ слоговые знаки и идеограммы. Такимъ образомъ они первые создали чисто-фонетическое писмо.

Въ этомъ второмъ періодѣ египетской исторіи—періодѣ 18-й и 19-й династій,—возникли громадныя сооруженія (храмы и гробницы ѳиванскихъ царей) и многіе, дошедшіе до насъ, каменные и папирусные памятники. Свѣжая непосредственность жизни въ это время уже изсякла; во всемъ господствовали обрядность и мертвое преданіе; передъ нами уже древняя, завершившая свой кругъ культура, носящая характеръ застоя и умиранія. Съ 20-й династіи (1200 до Р. Х.) наступаетъ время упадка. Правители бездѣйствуютъ, литературная дѣятельность замираетъ, и страну начинаютъ сильно тѣснить внѣшніе враги. Ассирійцы разрушаютъ столицу царства—Ѳивы, хотя и не до основанія (673 до Р. Х.). 26-й династіи (Псамметиху) удается временно возстановить древне-египетское царство, но въ 525 г. оно подпадаетъ владычеству Камбиза, и съ этого времени, несмотря на постоянныя возстанія противъ персидскихъ царей, не можетъ освободиться отъ чужеземнаго ига. При Птолемеяхъ и Римлянахъ древне-египетская національность погибаетъ, и только языкъ ея сохраняется у коптовъ, составляющихъ уже не народъ, а только христіанскую секту.

Характеристическою особенностью египетской культуры былъ своего рода матеріализмъ. Духъ народа во всѣхъ отношеніяхъ скованъ преданіемъ и обрядомъ, какъ историческимъ матеріаломъ, и не въ силахъ изъ него выбиться. Хотя въ искусствѣ египтянамъ и удается преодолѣть удивительныя техническія трудности, а въ наукѣ поразительно разрѣшать практическіе вопросы, они никогда не могли освободиться въ языкѣ отъ формальныхъ путъ слова и фигурнаго изображенія живой рѣчи, въ религіи и умозрѣніи—отъ оковъ миѳическаго символизма, не могли возвыситься въ искусствѣ до свободнаго отношенія къ формѣ, въ наукѣ—до теоретической постановки и теоретическаго рѣшенія вопросовъ. Въ то время, какъ греческій умъ стремится разрѣшить труднѣйшія задачи и достигнуть полной свободы, умъ египтянина постоянно опутанъ даннымъ ему матеріаломъ. Этимъ объясняется характеръ всей египетской культуры. Нигдѣ не выступаетъ отдѣльное лицо съ новыми задачами, никогда не рѣшается оно стать въ противорѣчіе съ толпой и преданіемъ. Когда такая культура достигаетъ высшей точки своего развитія, дальнѣйшая жизнь ея останавливается, укоренившіяся понятія и преданія, какъ результатъ прежняго развитія, остаются неизмѣнными, вѣч-

ными правилами іератическаго канона, связываютъ отдѣльное лицо, предписываютъ ему въ точности, кáкъ должно оно думать, какъ и что̀ дѣлать. Этой высшей точки развитія достигла египетская культура въ началѣ «новаго царства» (за 1500 лѣтъ до Р. Х.). Съ этого времени наступаетъ застой, который скоро приводитъ къ регрессу и, наконецъ, къ паденію націи и культуры. Во времена пирамидъ, художникъ еще могъ работать свободно и брать за образецъ природу, что̀ доказываютъ живо и художественно исполненныя изображенія усыпальницъ въ Саггарахѣ и превосходныя статуи Рахотепа и Неферты въ Мейдумѣ, а также статуя Хефрена, строителя второй пирамиды. Въ «новомъ царствѣ» художникъ былъ строго связанъ уставами преданія, и жизнь ускользала изъ его произведеній. Тоже самое можно сказать о литературѣ и политической жизни египтянъ. Вездѣ исчезала умственная и нравственная самостоятельность лица, и разлагались самыя основы культуры.

Египетская исторія служитъ для всѣхъ временъ предостерегающимъ примѣромъ, объясняя тотъ великій законъ всякаго развитія, по которому тамъ, гдѣ прекращается движеніе, гдѣ преданіе и обрядность нераздѣльно овладѣваютъ умами,—неизбѣжны регрессъ и паденіе націи.

Самую важную и интересную для насъ отрасль египетской литературы составляютъ сочиненія религіознаго содержанія, по своему богатству превышающія всѣ другіе виды литературнаго творчества египтянъ. Мы изложимъ сначала исторію этой духовной литературы, потомъ перейдемъ къ остальной литературѣ «древняго царства», къ литературѣ ѳиванскаго періода и, наконецъ, къ литературѣ временъ упадка и паденія египетской національности.

II. Духовная литература египтянъ.

Ни одна первобытная религія не представляетъ выработанной богословской системы; въ нихъ всегда соприкосаются самыя разнообразныя религіозныя, миѳическія и философскія воззрѣнія, ничѣмъ не связанныя между собою, въ рѣзкомъ противорѣчіи одно съ другимъ, и только сглаживаемыя позднѣйшими толкователями и богословами.

Тоже самое было и съ египетской религіей: и здѣсь философская цѣльность овоззрѣній была результатомъ долгой работы жрецовъ а точки отправленія были крайне разнообразны.

Предлагая бѣглый очеркъ образованія этихъ воззрѣній, мы просимъ читателя не забывать, что разчленяемые нами элементы въ

дѣйствительности существовали не отдѣльно одинъ отъ другого, а всегда были тѣсно связаны между собой.

Въ религію древнихъ египтянъ входятъ три главныхъ составныхъ элемента: фетишизмъ, поклоненіе предкамъ и высоко-развитый культъ природы. Эти три элемента встрѣчаются во всѣхъ первобытныхъ религіяхъ, но въ очень разнообразныхъ сочетаніяхъ и съ различною степенью обработки каждаго изъ нихъ.

Подъ именемъ фетишизма разумѣется такое религіозное воззрѣніе, по которому преимущественно неодушевленные предметы (камни, деревья), а также и одушевленные (животныя), представляются обладающими сверхъестественною силой, и человѣкъ, или по крайней мѣрѣ жрецъ, можетъ вызывать сверхъестественную силу фетиша посредствомъ извѣстныхъ заклинаній и обрядовъ, имѣть на нее вліяніе и переносить на себя ея могущество. Это воззрѣніе господствовало надъ всѣми представленіями египтянъ. Они, какъ извѣстно, считали животныхъ олицетвореніями боговъ и духовъ. Весь Египетъ чтилъ корову, птицу ибиса (видъ цапли), кошку; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ поклонялись крокодилу, въ другихъ—собакѣ, рыбѣ и т. д. Въ Мемфисѣ, надѣленный особыми признаками быкъ—аписъ—считался воплощеніемъ городскаго главнаго бога Пта-Сокара, возрожденнымъ Пта, и культъ его распространился впослѣдствіи по всему Египту. Птолемеи вознесли его, въ образѣ Сераписа, на степень государственнаго божества, подобно тому, какъ прежде ѳиванскіе цари—ѳиванскаго бога Аммона. И вообще вся египетская религія проникнута фетишизмомъ. Амулеты и талисманы, волшебныя заклинанія и боязливыя предписанія обо всемъ, что̀ должно дѣлать каждый день и чего избѣгать, сохранили до нашего времени цѣлый календарь счастливыхъ и тяжелыхъ дней, полный самаго безсмысленнаго суевѣрія. Жертвоприношенія и молитвы преслѣдовали египтянина со дня его рожденія до самой смерти, а когда онъ умиралъ, получали, если можно, еще большее значеніе.

Вѣра въ безсмертіе души, корни которой лежатъ въ первыхъ начаткахъ человѣческаго мышленія, встрѣчается у всѣхъ народовъ земного шара. Со смертью какъ бы выдѣлялось что-то изъ человѣка, высвобождалось изъ его тѣла и продолжало существовать, а потомъ являлось потомкамъ во снѣ и видѣніяхъ, оказывая большое вліяніе на судьбу ихъ. Это нѣчто, эту душу представляли себѣ въ образѣ усопшаго, въ смутномъ человѣческомъ образѣ, съ человѣческими желаніями и потребностями, какъ-то особенно связанною съ трупомъ умершаго. Казалось, она можетъ двигаться свободнѣе человѣка, очень рѣдко видимая или совсѣмъ невидимая, но сама не можетъ заботиться о себѣ, своей одеждѣ и пищѣ. На потомкахъ ле-

жала обязанность принять эту заботу на себя—и отсюда рядъ воззрѣній и обрядовъ, гдѣ душа и тѣло, отъ заботливаго охраненія и правильнаго погребенія которыхъ зависитъ благополучіе, даже самое существованіе души, то различаются, то перемѣшиваются въ сознаніи. Съ разнообразными видоизмѣненіями, эти воззрѣнія встрѣчаются у индійцевъ и китайцевъ, у персовъ и грековъ. Но нигдѣ не развились они такъ исключительно, какъ у египтянъ. Тѣло усопшаго должно быть, по возможности, защищено отъ разрушенія, и поэтому его подвергаютъ бальзамированію. У кого есть средства, тотъ строитъ себѣ великолѣпный склепъ, въ которомъ можетъ навѣки успокоиться и на стѣнахъ котораго онъ разсказываетъ о своихъ дѣлахъ и заслугахъ потомкамъ, собирающимся по праздникамъ на веселый пиръ въ склепѣ. По свидѣтельству надписей на стѣнахъ, дѣти и слуги умершаго приносили туда многочисленныя жертвы усопшему, охраняемому богомъ Анубисомъ, даже отожествляемому съ этимъ божествомъ. Изображаемый съ головой шакала, потому-что шакалы стадами бродятъ вокругъ кладбищъ въ пустынѣ и считаются охранителями послѣднихъ, этотъ богъ зовется «Анубисомъ въ божественномъ жилищѣ мертвыхъ, владыкой погребенія, царемъ подземнаго міра». Другіе боги также охраняютъ покойника, отъ его имени приносятся имъ жертвы, и они даютъ ему «хлѣбъ, питье, быковъ и гусей, одежду, все доброе и чистое, посылаютъ благополучное успокоеніе на Западѣ, глотокъ чистой нильской воды и дуновеніе сладкаго сѣвернаго вѣтра».

Таковы простѣйшія формы культа усопшихъ, съ которыми насъ знакомятъ надписи безчисленныхъ гизегскихъ и саггарахскихъ гробницъ, построенныхъ древними фараонами. Онъ сталъ потомъ гораздо сложнѣе, когда религіозныя представленія тѣсно связали его съ богами свѣта.

Между естественными божествами, которыхъ чтили египтяне, выдающееся положеніе занималъ Гапи, богъ рѣки Нила; два папируса, принадлежащихъ Британскому Музею, сохранили намъ прекрасный гимнъ къ этому божеству, которое посылаетъ Египту наводненіе и жизнь,—гимнъ, записанный переписчикомъ Анной въ царствованіе Мернефты. Но еще большее значеніе имѣютъ главные боги Египта—мужскіе солнечные и женственныя божества свѣтлаго неба. Солнце представлялось египтянину въ самыхъ разнообразныхъ миѳологическихъ образахъ: то въ видѣ быстраго копчика со свѣтящимися глазами (Хоръ), то въ видѣ быка, творящаго жизнь съ своею собственною матерью, богиней неба (Хемъ, Аммонъ), то въ видѣ царя (Ра, Тумъ), переплывающаго небо въ своей ладьѣ, или, выражаясь миѳологически, на спинѣ своей матери Нутъ, то въ мистическомъ видѣ чу-

деснаго жука скарабея, катящаго свое яйцо передъ собою (Хепера). Богиня неба называется Нутъ, «океанъ» (въ мужской формѣ *Нунъ*, первичное существо, матерія, «отецъ всѣхъ боговъ»), Изида, Хаторъ, царица сикоморы, т.-е. небеснаго дерева, Нейтъ, царица Саиса, Мутъ, «божественная мать». Рядомъ съ этими божествами стоятъ лунныя божества—Аахъ, Хунсу и Техути (Тотъ), богъ, установляющій мѣсяцы, творецъ мѣръ и порядка, сдѣлавшійся вскорѣ богомъ ума, изобрѣтателемъ писма и авторомъ священныхъ книгъ (Гермесъ Трисмегистъ грековъ). Далѣе богини губительнаго солнечнаго зноя, львиноголовая Тафнутъ, «царица часа», Сехетъ, Бастъ, богъ земли Себъ, богъ воздуха Шу, на котораго опирается солнце въ своемъ движеніи, Маатъ,—приносящая освѣжительный сѣверный вѣтеръ, и потому впослѣдствіи богиня ясности и правды, справедливости и суда. Къ нимъ примыкаютъ многія другія божества, первоначальное значеніе которыхъ менѣе ясно: вепреголовый Хнумъ, съ своими подругами Сатетъ и Анугатъ, богинями водопадовъ, и въ особенности загадочный Пта (называемый также Сокаромъ), исконный богъ Мемфиса, богъ «съ прекраснымъ ликомъ», представляемый въ образѣ муміи со всѣми принадлежностями власти, который, разбивъ яйцо міра, далъ форму всѣмъ вещамъ. Какъ образчикъ позднѣйшаго космогоническаго умозрѣнія египтянъ, приводимъ гимнъ, обращенный къ этому богу Рамзесомъ III (за 1200 лѣтъ до нашей эры) и записанный на большомъ папирусѣ Гарриса, хранящемся въ Британскомъ Музеѣ:

„Хвала тебѣ, могучій, древній, Таму, отецъ боговъ, царь изначала, строитель людей и создатель боговъ, возникшій въ началѣ творенія какъ первичная сущность, отъ которой произошло все остальное. Онъ сдѣлалъ небо, создавъ свое сердце и повѣсивъ его на подпоркахъ Шу (воздуха); онъ положилъ основаніе землѣ, воздвигнувъ самого себя и окруживъ ее Нуномъ (океаномъ) и Великимъ (Средиземнымъ) моремъ; онъ сотворилъ подземный міръ, куда тѣла переходятъ на покой, и повелѣлъ Ра (богу солнца) нисходить туда, заботиться объ ихъ благополучіи, ему, живущему и блаженствующему тамъ вѣчно властелину. Царь жизни, открывающій гортани и вливающій дыханіе въ ноздри, все живетъ тѣмъ, что исходитъ изъ устъ его. Въ образѣ Нуна (небесный океанъ) онъ посылаетъ миръ всѣмъ богамъ. Князь вѣчности, вселяющій духъ жизни въ людей, возводящій царя на тронъ, какъ царь округовъ. Я (Рамзесъ III) твой сынъ, помазанный въ цари на сѣдалищѣ отца моего.“

Подобные эпитеты и свойства присвоивались, впрочемъ, и большинству другихъ главныхъ божествъ Египта, но обыкновенно съ большею примѣсью миѳологическихъ воззрѣній.

Мы считали необходимымъ сказать нѣсколько словъ о главнѣйшихъ богахъ Египта, чтобы дать читателямъ приблизительное представленіе о необыкновенной обширности египетскаго пантеона, въ который входитъ еще и множество второстепенныхъ боговъ и ду-

ховъ, и о близкомъ сходствѣ между главными ихъ богами. Само собою разумѣется, что не вездѣ поклонялись всѣмъ этимъ божествамъ; Египетъ распадался болѣе чѣмъ на сорокъ округовъ, и въ каждомъ изъ нихъ были свои святилища, свои боги, свои обряды и миѳы. Округи часто относились другъ къ другу даже враждебно изъ-за религіозныхъ воззрѣній, и даже во времена римской имперіи, поклонники священной собаки вели формальную войну съ поклонниками священной рыбы оксиринха. Боги Пта, Аписъ, Нейтъ совсѣмъ неизвѣстны въ Верхнемъ, боги Аммонъ, Хунсу, Хнумъ—въ Нижнемъ Египтѣ. Обыкновенно мѣстныя божества соединяются въ тріады, состоящія большею частью изъ двухъ боговъ и одной богини. Бóльшіе циклы заключаютъ въ себѣ обыкновенно девять божествъ. Собственно національными божествами, общими всему Египту, признаются Ра и Хоръ (съ своей матерью Изидой), а представителемъ ихъ на землѣ съ древнѣйшихъ временъ считается царь, величаемый поэтому «побѣдоноснымъ Хоромъ» и «сыномъ Ра»; рядомъ съ ними стоятъ богъ солнца Тумъ, съ центральнымъ культомъ въ Геліополѣ, и божества Озирисова цикла, съ центральными культами въ Абидосѣ, Гермонолѣ и Мендесѣ.

Къ главнымъ солнечнымъ богамъ Ра и Туму, съ одной стороны, Озирису и Хору—съ другой, примыкаютъ многочисленные миѳы. Восходъ солнца очевидно считался его «рожденіемъ на горизонтѣ». Побѣдносно и торжественно шествуетъ юный богъ по голубому океану своей небесной матери, пока не склонится вечеромъ къ закату. Закатъ считался удаленіемъ бога на покой, чтобы на слѣдующій день снова начать свое лучезарное шествіе. Въ сказаніяхъ о Ра и Тумѣ, богъ спускается въ страну мертвыхъ, въ обширную палату подземнаго міра, чтобъ и тамъ властовать и освѣщать, даже оружіемъ завоевать себѣ доступъ въ это царство у тучъ и мрака (злой змѣи Апепъ), преграждавшаго ему путь на западъ. Въ миѳахъ объ Озирисѣ закатъ солнца считался его смертью, богъ погибалъ отъ преслѣдованій своего врага и брата Сета, бога мрака и злыхъ дѣлъ, который сталъ вскорѣ покровителемъ всѣхъ враговъ Египта, сатаной египетской религіи, и въ этомъ званіи пользовался великимъ почетомъ, хотя вѣрующіе и страшились произносить его имя. «Добрый богъ» Озирисъ погибалъ отъ его козней; онъ удалялся на поля западнаго царства, чтобы тамъ мирно властвовать надъ блаженными, какъ «богъ съ покоющимся сердцемъ», какъ пребывающій внѣ міра царь истины и добра, обожаемый въ образѣ муміи.

Мощно сіяя на небѣ, онъ прижилъ съ небесной богиней Изидой сына Хора, юное солнце слѣдующаго дня. На слѣдующее утро Хоръ возносится на горизонтѣ, «истребляетъ мракъ», побѣждаетъ Сета.

Техути, богъ справедливости и ума, помогаетъ ему, защищаетъ его дѣло передъ великими богами и въ правовомъ спорѣ доставляетъ ему побѣду надъ Сетомъ. Торжественно плыветъ Хоръ по небу, чтобы властвовать вѣчно, оставаясь вѣчно юнымъ, самовозрождающимся богомъ, «отмстившимъ за отца».

Миѳу свойственно превращать первобытное и вполнѣ понятное сначала представленіе о явленіяхъ природы въ представленіе народной массы объ однократныхъ историческихъ событіяхъ сѣдой старины, такъ что первоначальный смыслъ миѳа окончательно теряется. Такъ, свѣтоносные боги древняго индо-германскаго миѳа, поразившіе молніей страшную тучевую змѣю, похитительницу дождоносныхъ коровъ и небесной дѣвы свѣта, превратились впослѣдствіи въ греческихъ героевъ, разрушающихъ Трою и освобождающихъ Елену. Точно такъ и у египтянъ—Озирисъ первоначально умираетъ каждый день, и Хоръ каждое утро мститъ за него врагамъ, а потомъ тоже дѣйствіе Хора мало по малу становится однократнымъ. Борьба давно кончена, Озирисъ мирно царствуетъ на западѣ, Хоръ становится свѣтлымъ богомъ Египта, а Сету достается въ удѣлъ господство надъ странами, враждебными Египту *). Наконецъ, эти древнѣйшіе боги: Озирисъ и Хоръ, Сетъ и Техути, превращаются въ историческихъ царей, правившихъ Египтомъ цѣлыя тысячелѣтія прежде, чѣмъ явились цари изъ людей. Въ такомъ именно видѣ дошло до насъ это сказаніе въ греческихъ извѣстіяхъ. Первоначальное значеніе миѳа также было забыто, и стали подыскивать ему новый смыслъ. Такъ, Озириса стали принимать за Нилъ, Сета—за пустыню; или самое сказаніе признавали таинственной, мистической оболочкой вѣчной борьбы добраго начала съ злымъ,—толкованіе хотя и очень древнее, но совершенно чуждое первоначальному миѳу.

Хоръ для Египтянъ не только сынъ Озириса, но и занимаетъ подлѣ него самостоятельное мѣсто, какъ братъ Озириса, какъ «старшій Хоръ» по позднѣйшей системѣ. Какъ братъ Озириса, онъ находится въ вѣчной борьбѣ съ Сетомъ. Солнечное затмѣніе — «часъ ужаса»—породило въ этомъ смыслѣ болѣе крупный миѳъ. Сетъ, представляемый тутъ въ образѣ свиньи, старается вырвать у свѣтоноснаго бога блестящій его глазъ, и Хоръ погибъ бы въ страшной борьбѣ, если бъ опять не вмѣшался Техути, богъ луны, участіе котораго въ солнечныхъ затмѣніяхъ рано было замѣчено египтянами, и не возстановилъ ему вырваннаго глаза. Такова борьба двухъ братьевъ вра-

*) По другому толкованію, Хоръ и Сетъ подѣлили между собою даже и Египетъ, и первый царствуетъ въ Верхнемъ, второй въ Нижнемъ Египтѣ. Это объясняется тѣмъ, что Сетъ, какъ главный богъ гиксовъ, „иноземцевъ", господствовавшихъ долгое время въ Нижнемъ Египтѣ, сталъ представителемъ этой страны.

говъ, въ которой Хоръ зашелъ такъ далеко, что отрубилъ голову своей матери Изидѣ, сестры Сета, принявшей его подъ свою защиту. Въ замѣнъ этой головы, Техути потомъ приставилъ ей голову коровы.

Множество миѳовъ было, разумѣется, связано и съ именами другихъ боговъ; но мы не будемъ говорить о нихъ въ виду ихъ относительно меньшаго значенія. Замѣтимъ только, что мы до нѣкоторой степени привели воззрѣнія египтянъ въ систему, чтобы сдѣлать ихъ понятными читателю, тогда какъ въ дѣйствительности самые разнообразные миѳы и соображенія были перемѣшаны и перепутаны у египтянъ. Теперь читателю будутъ доступенъ смыслъ египетскихъ миѳологическихъ текстовъ.

Судьбѣ свѣтоносныхъ боговъ было придано поразительное сходство съ судьбой человѣка. И человѣкъ рождался для жизни, полной труда, борьбы, радостей и наслажденій; и онъ погибалъ въ старости отъ вражескихъ силъ, чтобъ отойти въ мѣсто упокоенія на западѣ, и тамъ вести мирную жизнь сверхъ-человѣческаго, божественнаго существа, которое уже только наслаждалось, а не страдало больше. Поэтому съ незапамятныхъ временъ стали прямо отожествлять человѣка съ богами, переносить на него судьбу послѣднихъ, и обѣщать ему въ будущемъ жизнь боговъ. Подъ конецъ человѣкъ дѣлался самимъ Ра и Тумомъ, Озирисомъ и Хоромъ; все, что относилось къ нимъ, относилось и къ нему; по смерти онъ соединялся съ ними, принималъ участіе въ ихъ блескѣ, въ ихъ величіи, въ приносимыхъ имъ жертвахъ, или же пребывалъ «среди ихъ спутниковъ въ божественной ладьѣ». Первоначально усопшаго отожествляли въ разныхъ религіозныхъ центрахъ съ разными богами: въ Геліополѣ съ Ра и Тумомъ, въ Абидосѣ съ Хоромъ, въ другихъ мѣстахъ съ Хемомъ, Ту, Себакомъ, даже Сетомъ *). Съ другой стороны, все это ученіе съ самаго начала носило характеръ тайной мудрости, мистеріи, сообщаемой только «посвященнымъ», и, очевидно, могло распространяться лишь мало по малу. Въ эпоху пирамидъ мы находимъ его еще мало распространеннымъ, но потомъ новое ученіе проникаетъ всюду и становится всеобщимъ, вытѣсняя или поглощая древніе обряды и тексты, а въ концѣ «древняго царства» оно является уже совершенно законченнымъ. Въ древнѣйшее время преобладало отожествленіе усопшихъ съ Ра и Тумомъ, высокими, непобѣдимыми и вѣчными богами свѣта. Но оно еще не было проведено такъ грубо матеріально; усопшій еще назывался «во всѣ дни преданнымъ Ра или Туму, великому богу и владыкѣ», и человѣкъ только радовался тому, что по

*) Большое вліяніе на развитіе египетской теологіи имѣли обширныя жреческія школы Геліополя, Саиса и Мемфиса, въ Верхнемъ Египтѣ, и Абидоса въ Нижнемъ.

смерти будетъ лицезрѣть величіе бога, принимать участіе въ его радостяхъ и находиться среди его приближенныхъ. Впослѣдствіи, напротивъ, уподобленіе Озирису стало всеобщимъ, и самое ученіе понималось гораздо грубѣе и чувственнѣе. Усопшій прямо назывался во всѣхъ текстахъ «Озирисомъ NN» съ прибавленіемъ: «слово его — истина», — какъ было истиной слово самого Озириса въ его борьбѣ съ врагами.

Параллельно съ этимъ процессомъ происходила и иная переработка египетской религіи. Мы видѣли, какъ близко стояли боги другъ къ другу: что́ говорилось объ одномъ изъ нихъ, то можно было сказать и про другого; мы видѣли также, что подъ вліяніемъ мѣстныхъ культовъ, разные боги состояли между собою въ противорѣчіи, даже во враждѣ. Отсюда не политическая только, но и умственная потребность внести въ эту область единство, создать государственную религію, и жрецамъ удалось разрѣшить эту задачу. Различныя божества были сравнены; сначала были внѣшнимъ образомъ слиты ихъ аттрибуты и образы, и мы встрѣчаемъ уже въ очень раннее время бога Пта-Сокаръ-Озириса, Ра-Хора-Тума, Хема-Хора и т. д. Или всѣхъ боговъ стали признавать лишь различными формами и именами единаго первоначальнаго божества, «превратившаго свои члены въ боговъ», отца всѣхъ боговъ, «владыки вѣчности и безконечности», или, выражаясь миѳологически, «супруга своей матери», рожденнаго «своею матерью», или бога, который «самъ воздвигъ себя ея именемъ». Этотъ единый богъ обыкновенно называется Ра, въ Геліополѣ Тумомъ, въ Мемфисѣ Пта, въ Гермополѣ Техути, въ книгахъ мертвыхъ то Ра или Тумомъ, то Озирисомъ, воплощеніемъ котораго считался сынъ его Хоръ. Для таинственнаго ученія жрецовъ всѣ эти боги были тожественны, и уже въ очень древнее время говорили, не называя никакого имени, о «великомъ богѣ», «владыкѣ», «о томъ, кто пребываетъ въ западномъ царствѣ», «о томъ, чье имя сокровенно» (амонъ ренефъ). Съ того времени, какъ Ѳивы стали во главѣ Египта, такимъ «богомъ всѣхъ боговъ» былъ признанъ Аммонъ. Но на практикѣ народъ, конечно, оставался грубымъ политеистомъ, перенося аттрибуты того или другого божества на всякое другое, тогда какъ въ теоріи выработалось въ высшей степени своеобразное, на половину монотеистическое, вѣроученіе.

Къ этимъ умозрѣніямъ присоединялись другія—о существѣ міра и человѣка. Египетская космогонія была выяснена очень скоро, послѣ того какъ изслѣдователи убѣдились, что египетскіе боги тожественны между собою, что человѣкъ только отпрыскъ боговъ, съ которыми онъ опять соединяется по смерти. Матеріи—Нукъ (первоначально небесному океану), великому яйцу міра, изъ котораго Пта

сотворилъ все, приписывалось, правда, условное существованіе рядомъ съ вѣчнымъ духомъ; но послѣдній вполнѣ господствуетъ надъ матеріей своимъ словомъ, волшебнымъ заклинаніемъ, и она безсильна создать что-нибудь изъ себя самой. Въ самомъ человѣкѣ различались различныя субстанціи, соединявшіяся съ тѣломъ при жизни и разлучавшіяся съ нимъ по смерти: субстанцію *ка*, «сущность», «индивидуальность» лица, духовный образъ тѣла; субстанцію *ба*, живую душу, которую египтяне представляли въ образѣ птицы, и субстанцію *ху*—божественный разумъ. Для умершаго было очень важно снова пріобрѣсти эти составныя части, и многочисленные отдѣлы погребальной литературы говорятъ о возвращеніи умершимъ особенно *ба*, души, потомъ о возобновленіи дыханія, способности двигаться, говорить, чувствовать и т. д. Вообще назначеніе человѣка—жить по смерти, его настоящая родина—въ царствѣ Озириса; для «просвѣщенныхъ знаніемъ» земная жизнь представляетъ лишь нѣчто несущественное и приготовительное къ будущей.

Съ культомъ свѣтоносныхъ боговъ соединялось у всѣхъ народовъ болѣе высокое развитіе нравственныхъ понятій. Богъ свѣта дѣлается добрымъ началомъ, богъ мрака—началомъ зла. Тоже и въ Египтѣ. Сетъ становится богомъ всего враждебнаго, губительнаго и злаго; названія «добрый богъ», «богъ правды» (или «справедливости») становятся принадлежностью каждаго божества. Поклоненіе свѣтоноснымъ богамъ ставитъ человѣку нравственныя требованія чистоты и непорочности. Но при этомъ понятіе о нравственномъ добрѣ очень медленно выдѣляется изъ понятія о личной пользѣ, и поставляемыя человѣку требованія относятся большею частью къ внѣшности, къ соблюденію обрядовъ, наружной чистоты и т. д.

Исторія религій показываетъ, что хотя поклоненіе свѣтоноснымъ богамъ и вызываетъ къ жизни болѣе чистые нравственные идеалы, но затѣмъ грубые и суевѣрные элементы фетишизма опять пробиваются наружу, пересиливаютъ умозрѣніе и часто дѣлаютъ невозможнымъ всякое дальнѣйшее движеніе впередъ. Это явленіе особенно замѣтно въ индійской, персидской и египетской религіи. Въ эпоху пирамидъ мы еще встрѣчаемъ въ Египтѣ простой и свѣтлый политеизмъ; земная жизнь еще можетъ развиваться широко, и самыя веселыя сцены украшаютъ собою стѣны гробницъ. Новыя воззрѣнія вызываютъ болѣе высокій полетъ мысли, отразившійся въ нѣкоторыхъ «книгахъ усопшихъ» и особенно въ гимнахъ къ Ра и Аммону; но эти новыя воззрѣнія вскорѣ совсѣмъ вытѣсняются обрядностью и волшебными заклинаніями. Въ гробницахъ уже не достаетъ мѣста для жизненныхъ сценъ: въ нихъ едва умѣщаются безконечные тексты, необходимые для благополучія умершихъ. Тутъ предусмо-

трѣнъ каждый возможный случай; измышленія самой утонченной фантазіи получаютъ тутъ опредѣленную форму. Привидѣнія и духи, подстерегающіе боговъ и людей при жизни и по смерти, ужасы, ожидающіе душу и которыхъ она можетъ избѣжать лишь посредствомъ таинственныхъ заклинаній, блага, которымъ она идетъ на встрѣчу, если «знаетъ истину», описываются все подробнѣе, все болѣе или болѣе вещественно. Ни одинъ народъ не вѣрилъ такъ глубоко въ безсмысленные призраки, какіе только могла создать самая безумная фантазія, ни одинъ не относился къ нимъ такъ реально, какъ египтяне. Умственная жизнь при такихъ условіяхъ совершенно глохнетъ; надъ жизнію и смертью властвуютъ волшебство и призраки, правила и внушенія жрецовъ. Въ литературѣ еще встрѣчаются отдѣльные гимны, отдѣльныя, сравнительно болѣе высокія мысли; но они бо̀льшею частью сложены по древнимъ образцамъ, и то, что̀ въ нихъ есть новаго, заботливо облечено въ покровы сѣдой старины и выдается за древнее откровеніе боговъ.

При жизни египтянинъ старается защититься отъ злыхъ духовъ, дикихъ звѣрей, несчастныхъ случаевъ; по смерти каждый желаетъ не только слиться съ божествомъ, но даже—здѣсь представленія еще спутаннѣе, древнія и новыя воззрѣнія страшно перемѣшаны—мирно жить въ обители запада, возвращаться на землю, чтобы принимать произвольные образы, и т. п. Всего этого человѣкъ достигаетъ только точнымъ исполненіемъ священныхъ предписаній, амулетами, магическими заклинаніями. Ему кладутъ въ гробъ расписанныя куклы, чтобъ у него были помощники для обработки его поля; затѣмъ и живой и мертвый увѣшиваются амулетами съ волшебными надписями; въ особенности исписываются его гробъ или усыпальница, и онъ долженъ заучить эти надписи, чтобы жить безопасно и счастливо въ царствѣ мертвыхъ. Усопшему обыкновенно клали въ гробъ заклинанія, написанныя на папирусѣ. До насъ дошло множество экземпляровъ «Книги мертвыхъ», называвшейся у египтянъ книгой о появленіи усопшаго Озириса NN *) на свѣтъ божій; самый обширный изъ нихъ, принадлежащій временамъ 26-й династіи, хранится въ Туринѣ.

Содержаніе «Книги мертвыхъ» было совсѣмъ закончено раньше того времени, когда ѳиванскія династіи достигли владычества надъ Египтомъ,—приблизительно за 2400 лѣтъ до нашей эры, потому что въ ней не упоминается ни о великомъ ѳиванскомъ богѣ Аммонѣ, ни о городѣ Ѳивахъ. Но она подверглась потомъ дальнѣйшей обработкѣ, толкованіямъ и дополненіямъ. Она состоитъ изъ многихъ

*) Здѣсь вставлялось имя покойнаго.

главъ, служащихъ большею частью для спеціальныхъ цѣлей: «о возвращеніи покойному сердца», «о неумираніи и негніеніи въ подземномъ мірѣ», «объ избавленіи отъ змѣи, червей, крокодиловъ»; о превращеніи въ копчика, въ птицу, въ Сетову змѣю, въ князя боговъ, во всякій желанный образъ, о познаніи духовъ запада, востока, священныхъ мѣстъ, о «воротахъ обители Аалу (рая), о разныхъ амулетахъ и т. д. Каждая глава содержитъ необходимые волшебные тексты и въ концѣ нерѣдко стоитъ увѣреніе въ родѣ слѣдующаго: «Кто знаетъ эту главу въ подземномъ царствѣ, или велитъ написать ее на гробѣ, тотъ—совершенный духъ въ подземномъ мірѣ; онъ не умираетъ снова, онъ появляется на свѣтъ, онъ принимаетъ какіе угодно образы, получаетъ пищу и питье» и т. д., или «кто все это знаетъ на землѣ, тотъ подобенъ Техути». Какъ образчикъ воззрѣній книги мертвыхъ въ болѣе чистой ихъ формѣ, мы приведемъ одинъ изъ древнѣйшихъ текстовъ, который долгое время пользовался особеннымъ уваженіемъ и былъ не разъ переработанъ; позднѣйшія редакціи даютъ къ каждой фразѣ три или четыре комментарія. Мы приводимъ только древній текстъ съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ характерныхъ объясненій:

«Преданный Богу Ра ежедневно, NN [1]), говорится въ главѣ о появленіи умершаго на свѣтъ божій въ подземномъ мірѣ. Рѣчь начинается такъ:

Я Тумъ, я Единый (богъ).

Я Ра въ его первомъ блескѣ [2]).

Я великій богъ, создающій самого себя,

Дающій себѣ имя „властителя сонма боговъ“, не останавливаемый никѣмъ изъ боговъ.

Я былъ вчера, мнѣ знакомъ завтрашній день [3]).

По моему приказанію, было приготовлено боевое поле боговъ; я знаю имя великаго бога, пребывающаго тамъ [4]).

Я въ своей странѣ, я прихожу къ себѣ въ домъ [5]), уничтожая враговъ, убивая злыхъ.

Я омываюсь въ обоихъ великихъ озерахъ въ Гаченсу (Гераклеополѣ) [6]).

Шествуя стезею, я знаю, что голова моя пребываетъ въ странѣ праведныхъ [7]).

---

[1]) Въ позднѣйшее время: „Озирисъ NN, изрекающій истину“.

[2]) «Т.-е. при его утреннемъ восхожденіи на горизонтѣ; позднѣйшая редакція: «въ началѣ его царскаго господства», гдѣ такимъ образомъ нельзя уже распознать намека на проходимый солнцемъ путь.

[3]) Уже древнѣйшій комментаторъ относитъ это къ Озирису, о которомъ нѣтъ и рѣчи въ первоначальномъ текстѣ, упоминавшемъ только о ежедневномъ движеніи солнца.

[4]) «Хвала Ра»—таково его имя (въ позднѣйшемъ текстѣ Озирисъ). Рѣчь идетъ о закатѣ солнца, которое должно сначала завоевать себѣ доступъ въ «царство запада».

[5]) «Т.-е. на солнечную гору моего отца Тума (на западѣ).

[6]) Дальше слѣдуетъ не совсѣмъ ясный намекъ на праздничные обычаи въ Гераклеополѣ. Подобныя указанія на мѣстные обряды очень часты.

[7]) Текстъ говоритъ здѣсь о солнечномъ пути въ подземный міръ.

Я достигаю страны обитателей горизонта и выхожу изъ великихъ воротъ *).
О сотоварищи (бога-солнца въ его шествіи), дайте мнѣ ваши руки, потому что я одинъ изъ васъ.

Здѣсь заканчивается первоначальный текстъ, прозрачно описывающій миѳологическимъ языкомъ суточное движеніе солнца и отожествляющій умершаго съ солнцемъ (или его товарищами). Сюда приставлялись еще другія многочисленныя отожествленія, особенно съ Хоромъ, и подъ конецъ воззванія къ богамъ о защитѣ противъ злыхъ духовъ, напр. противъ «того бога таинственныхъ обрядовъ, котораго брови—рычаги вѣсовъ, о защитѣ въ день истребленія, когда злыхъ поведутъ на закланіе». Главное средство защиты противъ злыхъ духовъ и чудовищъ, мучителей и крокодиловъ, главное средство къ открытію воротъ неба и подземнаго царства, заключается въ «знаніи», въ томъ, что имена ихъ извѣстны, въ томъ, что умершій называетъ себя Ра, Озирисомъ, Хоромъ и т. д., что онъ совершилъ всѣ дѣянія этихъ боговъ. Это дѣлаетъ злыхъ духовъ безсильными; они уже не могутъ вредить душѣ, знающей и посвященной въ тайны обрядовъ и волшебныхъ заклинаній.

Самая извѣстная глава «Книги мертвыхъ»—125-ая, содержащая знаменитое «отрицательное оправданіе» египтянъ. Это единственная глава, предъявляющая человѣку извѣстныя нравственныя требованія, которыя однако перемѣшаны съ самымъ грубымъ суевѣріемъ и формализмомъ. Принадлежащее къ ней изображеніе—вся «Книга мертвыхъ» украшена рисунками—представляетъ «чертогъ справедливости», куда вступаетъ умершій, гдѣ онъ исповѣдуетъ свою непорочность и молитъ о допущеніи его къ Озирису, «доброму существу, владыкѣ западнаго царства». Сначала встрѣчаетъ его Маатъ, богиня правды со страусовымъ перомъ, и допускаетъ его въ это царство. Затѣмъ Хоръ и Анубисъ взвѣшиваютъ его сердце, которое при бальзамированіи клалось въ особый сосудъ. Въ качествѣ гири, на чашкѣ вѣсовъ лежитъ маленькая фигура Маатъ. Техути, «владыка божественнаго слова», отмѣчаетъ итогъ, отдаетъ усопшему его сердце и позволяетъ ему явиться передъ Озирисомъ, возсѣдающимъ на своей ладьѣ, охраняемой псомъ, который «разрываетъ и проглатываетъ враговъ». Съ Озирисомъ возсѣдаютъ въ высшей степени фантастическія фигуры 42 судей надъ умершими, такъ какъ для каждаго смертнаго грѣха поставленъ особый судья.

Въ текстѣ, сопровождающемъ это изображеніе, умершій говоритъ:

„Привѣтъ вамъ, боги правосудія, привѣтъ тебѣ, великій богъ, владыка справедливости (Озирисъ).

---

*) «Ворота, черезъ которыя проходитъ мой отецъ Тумъ къ восточному горизонту» при восхожденіи на слѣдующій день.

Я предсталъ передъ тобою, мой владыка, лицезрѣть красоту твою.

Я просвященъ, я знаю твое имя, я знаю имена тѣхъ 42 боговъ, которые съ тобою въ чертогѣ правосудія, которые живутъ борьбою со злыми, и пьютъ ихъ кровь въ день взвѣшиванія словъ передъ добрымъ существомъ (Озирисомъ).

Рѣчь продолжается въ томъ же духѣ, умершій перечисляетъ еще много ему извѣстныхъ именъ и заклинаній, много соблюденныхъ имъ обрядовъ, напр., онъ разулъ одну ногу, чтобы перейти чистымъ черезъ порогъ. Ясно, что главное значеніе придается «знанію» заклинаній и мистерій; исповѣди отведено второстепенное мѣсто, она лишь простая формальность; всего важнѣе при каждомъ признаніи привести имя соотвѣтственнаго судьи.

Вотъ отрывокъ изъ исповѣди умершаго:

О пришелецъ изъ Геліополя, я не грѣшилъ.
О разверзающій уста изъ града борьбы, я не грабилъ.
О пламенное око изъ Сетополя, я не обманывалъ.
О кровопійца изъ обители закланія злыхъ, я не убивалъ священнаго скота.
О большая голова изъ храма, я не развязывалъ пелены мумій и т. д.

Умершій увѣряетъ далѣе, что онъ не убивалъ, не обманывалъ, не лгалъ, не заставлялъ другихъ плакать, не «пожиралъ своего сердца», т. е. не предавался отчаянію, не подслушивалъ, не болталъ, не проклиналъ, не огорчалъ своего царя, своего отца, бога. Онъ не похищалъ ничего изъ храма, не нарушалъ супружеской вѣрности, не тратилъ пустыхъ словъ, не клеветалъ на ближняго передъ его начальникомъ, не внушалъ страха, не презиралъ бога въ своемъ сердцѣ, не вредилъ ему за деньги. Видно, что нравственныя воззрѣнія египтянъ были очень развиты—на это указываютъ многія надписи; жаль только, что они затерты мистическою обрядностью.

Кромѣ книги мертвыхъ, сохранилось еще много другихъ погребальныхъ текстовъ, отчасти принадлежащихъ позднѣйшему времени. Таковы, напр., «Книга о возвращеніи къ жизни», «Книга о подземномъ мірѣ», въ которой описано прохожденіе солнца черезъ двѣнадцать воротъ ночи, и которая находится въ Лондонѣ, на превосходномъ алебастровомъ саркофагѣ царя Сети I (около 1400 г. до нашей эры); далѣе многочисленные тексты царскихъ гробницъ, въ особенности хвалы солнцу. Сюда принадлежатъ также обыкновенные тексты кладбищъ, нѣкоторые съ прекрасными, поэтическими гимнами къ свѣтоносному богу. Волшебныя заклинанія и отожествленіе умершаго съ божествомъ отходятъ здѣсь на задній планъ, о нихъ упоминается лишь въ концѣ, тогда какъ главный текстъ славословитъ Ра или Тума, «божественнаго юношу, отпрыскъ вѣчности, самого себя творящаго и рождающаго, царя неба и земли». «Всѣ люди», говорится тамъ, «радуются твоимъ лучамъ, сонмъ боговъ словословитъ твое вос-

хожденіе. Красивый богъ, лучи котораго сіяютъ, ты—обдающій землю серебрянымъ блескомъ, украшенный юноша, владыка могучій, никогда не отдыхающій, быстро шествующій крылатыми шагами».

До насъ дошли еще двѣ книги, изъ которыхъ одна подробно описываетъ обрядъ бальзамированія, другая—обрядъ погребенія.

Крупному измѣненію, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, подверглась египетская религія въ то время, когда ѳиванскіе цари (за 2200 лѣтъ до Р. Х., при 12-ой династіи) возвели Аммона, ѳиванскаго бога, на степень высочайшаго государственнаго божества. Въ прежнее время о немъ почти не упоминалось. И хотя не доказано, чтобъ онъ былъ только созданіемъ жреческаго умозрѣнія, тѣмъ «богомъ съ сокровеннымъ именемъ (амонъ-ренефъ), какимъ «Книга мертвыхъ» такъ часто обозначаетъ истинное, предвѣчное и единое божество, но тѣмъ не менѣе его прозвище «сокровенный»и самое существо его впослѣдствіи постоянно объяснялись такимъ образомъ.

Онъ занялъ мѣсто высочайшаго божества, мѣсто, которымъ не могли исключительно завладѣть ни Ра, ни Тумъ, ни Озирисъ, и съ тѣхъ поръ «Аммонъ-Ра, царь боговъ», сталъ владыкою египетскаго пантеона, направляющимъ царей къ побѣдѣ, которому ставятъ храмы въ новой столицѣ государства, котораго непрерывно славословятъ жрецы и ученые. Надписи и папирусные свитки сохранили намъ многочисленные гимны въ честь Аммона-Ра; самый знаменитый и самый обширный изъ нихъ, написанный во время 19-й династіи, сохраняется въ булакскомъ музеѣ, близъ Каира, и мы приводимъ отрывокъ изъ него *). Гимнъ, какъ и всѣ подобные тексты, раздѣленъ на строфы. Замѣтимъ однако, что всѣ аттрибуты, приписываемые въ немъ Аммону, при случаѣ переносятся также на Ра, на Тума, на Озириса и на Пта:

Единственный между богами,
Прекрасный быкъ въ сонмѣ боговъ,
Князь всѣхъ боговъ.
Владыка правды, отецъ боговъ,
Творецъ людей, создатель животныхъ,
Владыка жизней, творецъ плодоносныхъ деревъ,
Создатель травъ, кормилецъ скота,
Божество, рожденное отъ Пта, чудный возлюбленный юноша, чтимый богами,
Творецъ верхняго и подземнаго міра, свѣточъ земли,
Мирно плывущій по небу...
Хвала тебѣ, Ра, богъ правды.
Чья ладья сокрыта, владыка боговъ;

*) Разумѣется, сохранились гимны и въ честь другихъ боговъ, напр. гимны къ Нилу и гимнъ въ честь Ра Гармахиса въ одномъ берлинскомъ папирусѣ, далѣе многіе гимны въ честь Техути и т. д.

Хепера [1]) въ солнечной ладьѣ,
Велѣніемъ котораго созданы боги;
Тумъ, творецъ людей.
Опредѣляющій ихъ образъ, посылающій имъ жизнь;
Различающій цвѣта людей,
Внимающій бѣдному, когда онъ въ нуждѣ;
Мягкосердечный, когда его молятъ...

Подобнымъ образомъ славословятъ Аммона-Ра многочисленные тексты такъ-называемаго новаго царства. Въ царскихъ надписяхъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ національное божество, дарующее властелину побѣды и покоряющее ему враговъ; онъ принимаетъ участіе въ битвахъ, ему достается богатая добыча. Въ одной побѣдной надписи въ Карнакѣ, онъ говоритъ великому завоевателю Тутмесу III (около 1500 лѣтъ до Р. Х.):

„Я прихожу и допускаю тебя (царя) покорить великихъ Сиріи; я повергаю ихъ къ твоимъ стопамъ вмѣстѣ съ ихъ странами; я допускаю ихъ лицезрѣть величіе твое, владыки свѣта, который, какъ мое подобіе, озаряетъ ихъ лики.

Я прихожу и допускаю раздавить азіатовъ, взять въ плѣнъ предводителей народовъ Рутенну [2]); пусть лицезрятъ они твое величіе, твоимъ нарядомъ украшенное, когда ты берешься за оружіе и сражаешься на боевой колесницѣ.

Я прихожу и допускаю тебя раздавить жителей острововъ въ самомъ сердцѣ океана [3]); они падаютъ передъ твоимъ ревомъ; пусть созерцаютъ они твое величіе какъ мстителя, стоящаго въ сіяніи на спинѣ своей жертвы“ и т. д.

Вскорѣ послѣ Тутмеса III, къ концу 18-й династіи, произошла въ высшей степени своеобразная реакція противъ поклоненія Аммону. Царь Амонхотепъ IV объявилъ умозрительной религіи своихъ предшественниковъ открытую войну и ввелъ чистый культъ солнца. Съ этихъ поръ богъ-солнце уже не былъ чтимъ подъ какимъ нибудь древнимъ именемъ, но, во избѣжаніе всякихъ сверхъ-чувственныхъ представленій, подъ именемъ Атена, солнечнаго диска. Сообразно съ этимъ, царь перемѣнилъ и свое собственное имя на Хуенатенъ—«отблескъ солнечнаго диска». Въ то время какъ новому богу былъ возведенъ въ Тель-эль-Амарнѣ великолѣпно-разукрашенный храмъ, древніе боги, въ особенности Аммонъ, подверглись безпощадному преслѣдованію, имена ихъ были стерты, статуи разрушены. Но новый культъ не пережилъ своего основателя; по смерти его, повлекшей за собой продолжительныя смуты, древніе боги были окончательно возстановлены, и имя царя-еретика уничтожено въ государственныхъ лѣтописяхъ. Съ тѣхъ поръ до паденія Ѳивъ (около 700 л.

[1]) Кажется, это лишь теологическая форма бога-солнца, какъ творца вселенной, представляемаго въ видѣ человѣка съ головой скарабея. Аммонъ отожествляется здѣсь съ важнѣйшими солнечными божествами.

[2]) Названіе одной части Сиріи.

[3]) Средиземнаго моря.

до Р. Х.), даже до греческихъ временъ, Аммонъ оставался главнымъ богомъ Египта.

Частью монотеистическое, частью пантеистическое ученіе египтянъ было, конечно, тайной жрецовъ, доступной лишь посвященнымъ. Масса народа пребывала по прежнему въ фетишизмѣ и многобожіи, храмы отдѣльныхъ боговъ расширялись, обрядность все больше и больше вырабатывалась и укоренялась, и сами цари всюду поклонялись мѣстнымъ богамъ. Замѣчательно, что именно въ это время цари ревностно поклонялись злому богу Сету, чтобы черезъ него пріобрѣсти побѣду и власть надъ чужими странами, состоявшими въ его подданствѣ. Цари не затруднялись при случаѣ называть себя его сыновьями, какъ и сыновьями Аммона-Ра, Пта и т. д.

Оборотной стороной религіознаго умозрѣнія египтянъ было развитіе очень сложной магіи. Какъ по смерти, такъ и при жизни египтянина, магическія заклинанія примѣнялись постоянно, и чѣмъ безсмысленнѣе они были, тѣмъ лучше. Совершенно-безсмысленныя сопоставленія буквъ, напр. «папарука», «шахабута» и т. д., казались особенно дѣйствительными и встрѣчаются даже въ медицинскихъ книгахъ. Впрочемъ, и здѣсь необходимо было отожествленіе съ богами и знаніе таинственныхъ именъ. До насъ дошли многія древнія магическія книги, между которыми замѣчателенъ въ особенности папирусъ Гарриса *), содержащій «превосходныя заклинанія отъ воды» (и отъ водныхъ животныхъ, напр. крокодиловъ), а на оборотной сторонѣ—магическія заклинанія противъ туземныхъ дикихъ звѣрей. Другіе тексты говорятъ объ изгнаніи злыхъ духовъ, о защитѣ отъ болѣзней и т. д. Тексты эти показываютъ также, что волшебныя средства примѣнялись и для другихъ цѣлей, напр. противъ жизни царя и т. п. Въ подобныхъ случаяхъ волшебство, разумѣется, строго наказывалось. Сохранились отрывки судебныхъ протоколовъ о многихъ преступникахъ эпохи Рамзеса III (1200 до Р. Х.), преданныхъ за свое колдовство великой смертной казни, о которой священныя книги говорятъ: «соверши это надъ нимъ», т.-е. преступникомъ.

Въ жреческое время египтяне раздѣляли съ халдеями славу тайной мудрости, и считались основательными знатоками любовной магіи, искусства богатѣть, подвергать опасности жизнь человѣка, даже отнимать ее; оттого «жрецы Изиды» не разъ были изгоняемы изъ Рима, отчасти и вслѣдствіе преступленій, которыя они совершали или въ которыхъ помогали другимъ. Эта «тайная наука», которую древній египтянинъ ставилъ выше всѣхъ знаній, имѣла большое вліяніе на магію среднихъ вѣковъ. Въ Берлинскомъ Музеѣ есть два

*) Какъ извѣстно, папирусы носятъ имя перваго, нашедшаго ихъ, ученаго.

гностически раскрашенныхъ папируса, писанныхъ на греческомъ языкѣ въ IV столѣтіи нашей эры: между прочими изреченіями, они содержатъ «въ высшей степени дѣйствительное магическое заклинаніе, чтобы дѣлаться невидимымъ», составленное изъ обрывковъ древне-египетскаго языка и именъ древнихъ египетскихъ боговъ.

Духовная литература египтянъ подъ конецъ уже не слѣдовала за дальнѣйшими перемѣнами въ религіи и теологіи. Въ началѣ такъ-называемаго новаго царства, жрецы повсемѣстно завершили всякое развитіе, окончательно оформили свои воззрѣнія и обряды, и въ теченіе полуторы тысячи лѣтъ ничего не измѣняли въ нихъ. Всѣ позднѣйшіе тексты—не что иное какъ переписка или переработка прежнихъ. И мы знаемъ изъ одного письма, относящагося къ эпохѣ Рамессидовъ, что уже тогда древніе мистическіе тексты считались книгой за семью печатями и потому не были понятны. «Они заслонены валомъ, котораго никто проломить не въ силахъ», говоритъ о нихъ писавшій. Между тѣмъ воззрѣнія должны же были развиваться, и въ греческихъ источникахъ мы находимъ многое, чего совсѣмъ нѣтъ въ священныхъ текстахъ, напр. ученіе о судѣ надъ умершими, который рѣшалъ, достоинъ или нѣтъ покойный погребенія въ западномъ царствѣ, и ученіе о переселеніи душъ. Памятники ничего не говорятъ объ этомъ, но достовѣрно, что во время Геродота жрецы уже проповѣдывали послѣднее ученіе. Оно было, конечно, дальнѣйшимъ развитіемъ древняго ученія о тожествѣ человѣческой души съ божествомъ и о возвращеніи ея къ божеству. Извѣстно, что египетскимъ жрецамъ удалось прослыть у грековъ обладателями древней таинственной мудрости, будто-бы почерпнутой ими изъ откровенія. Въ сущности греки научились у нихъ немногому; но жрецы умѣли отвѣчать на ихъ вопросы многозначительно и сдержанно, и именно такъ излагать свои ученія, какъ могли того желать ихъ греческіе собесѣдники. Впослѣдствіи высокое почтеніе послѣднихъ къ египетской мудрости постепенно понижалось, и лишь въ то время, когда эллинизмъ уже клонился къ упадку, когда Плутархъ написалъ свое сочиненіе объ Изидѣ и Озирисѣ, содержащее многочисленныя толкованія древней легенды эллинизированными египетскими жрецами и склонными къ мистицизму греческими философами, египтянамъ удалось снова пріобрѣсти значительное вліяніе на развитіе греческой философіи, именно неоплатонизма. Этому времени принадлежатъ и сочиненія по вопросамъ психологіи и космологіи на тему о Гермесѣ Трисмегистѣ (древнемъ Техути), сочиненія, въ которыхъ остатки египетской мудрости перемѣшаны съ греческими идеями. Они пользовались глубокимъ уваженіемъ не только у грековъ, но и у арабовъ, какъ древнѣйшее откровеніе божества.

Египетская религія подверглась новымъ измѣненіемъ также и съ внѣшней стороны. Послѣ паденія Ѳивъ, культъ Аммона также палъ съ той высоты, на которой онъ такъ долго держался. Мѣстные культы опять пріобрѣли самостоятельность, и Мемфисъ сдѣлался снова средоточіемъ національной религіи. Культъ Аписа все больше и больше усиливался здѣсь при послѣднихъ независимыхъ фараонахъ; поклоненіе воздавалось въ особенности усопшему Апису, возвратившемуся къ божеству, «Озирису-Апису», или Серапису. Птолемеи возвели его по старому на степень государственнаго божества, и богословы признавали его тожество съ греческимъ Зевсомъ-Гадесомъ. Культъ его былъ распространенъ у грековъ и въ египетскомъ народѣ, но жрецы чуждались его, и только немногія гіероглифическія надписи упоминаютъ объ этомъ культѣ. Жрецы уже ограничивали свои заботы охраненіемъ древняго культа, который однакоже не остался свободнымъ отъ примѣси чужеземныхъ элементовъ; такъ напр. греческое слово *Гадесъ* встрѣчается въ надписяхъ на храмахъ; въ составъ прежняго культа, въ императорскую эпоху, вошла также греко-вавилонская астрологія, хотя египтяне, разумѣется, стали выдавать ее за плодъ собсобственной мудрости. Для стѣнъ большихъ храмовъ, построенныхъ Птолемеями и римскими императорами въ Карнакѣ и другихъ мѣстахъ, необходимы были многочисленныя надписи. Оттого духовные тексты позднѣйшихъ временъ многочисленны и обширны, но зато и крайне однообразны. Новыя воззрѣнія встрѣчаются въ нихъ такъ же рѣдко, какъ и историческія свѣдѣнія; напротивъ, воззванія къ свѣтоносным ь богамъ, утратившимъ теперь свой отличительный характеръ, къ Хору, Изидѣ и Хатхору, безпрестанно повторяютъ одно и тоже. Въ тоже время жрецы сообщаютъ намъ многое объ обрядахъ, о тайнахъ храмовъ и культа, и только это обстоятельство придаетъ позднѣйшимъ надписямъ большую цѣну для изученія египетскихъ древностей. Имъ мы обязаны напр. свѣдѣніями о древнемъ раздѣленіи Египта на округи. Встрѣчаются также болѣе подробные миѳологическіе тексты, но значительно разнящіеся отъ древнихъ. Событіямъ приданъ сплошь вполнѣ историческій, почти евгемеристическій характеръ, вездѣ вставлены замѣчанія, долженствующія объяснить древніе обряды, миѳическія имена и т. д. Такъ напр. одинъ текстъ, найденный въ Эдфу, описываетъ борьбу Ра Хармахиса, царя вселенной съ его врагами. Самъ богъ сидитъ спокойно на своей ладьѣ какъ настоящій египетскій фараонъ: онъ опредѣляетъ только, чтò должно случиться. Его совѣтникъ—Техути, а дѣйствующій богъ, напротивъ,—его сынъ Хоръ-Хутъ, «Хоръ Эдфу», отъ времени до времени поддерживаемый Хоромъ, сыномъ Изиды (и Озириса). Боги плывутъ вмѣстѣ изъ одного египетскаго округа въ другой, что-

бы побѣдить и убить «злыхъ», «мяжежныхъ враговъ», особенно Сета и его товарищей. Это даетъ поводъ прибавлять вездѣ мѣстныя легенды, дѣлать замѣчанія, объясняющія мѣстные обычаи; но первоначальный смыслъ сказаній почти совсѣмъ утраченъ.

III. Литература древняго Мемфисскаго царства.

Писменость съ древнѣйшихъ временъ достигла въ Египтѣ высокаго развитія. Уже въ старѣйшихъ надписяхъ слово: «граматный» встрѣчается какъ очень обыкновенный титулъ; между придворными чиновниками мы встрѣчаемъ «царскихъ писцовъ», «тайныхъ секретарей», «секретарей для прошеній, стекающихся со всей страны къ сердцу его величества», затѣмъ «смотрителей книжнаго дома (библіотеки) его величества». Это званіе показываетъ, что въ то время существовала довольно обширная литература, хотя существенную часть «книжнаго дома», быть можетъ, составляли лѣтописи и оффиціальныя бумаги. По свѣдѣніямъ древнихъ египтянъ въ сохранившихся остаткахъ ихъ литературы и по свидѣтельству греческихъ источниковъ, замѣчательнѣйшія сочиненія, вѣроятно, были написаны при первыхъ царяхъ. Царь Сета или Атотисъ, преемникъ Мены, основателя египетскаго царства, оставилъ сочиненія по медицинѣ и анатоміи. Для матери его, царицы Шешъ, былъ изготовленъ, по свидѣтельству Эберсова папируса, рецептъ для усиленія роста волосъ *). При пятомъ царѣ Хузапти (Узафаисѣ), по свидѣтельству многихъ папирусовъ, у подножія статуи Анубиса въ сехемскомъ храмѣ, нашли «почтенную» книгу «объ изгнаніи болѣзней изъ всѣхъ членовъ человѣческаго тѣла», которая сохранилась и до насъ. При томъ же царѣ нашли въ расщелинѣ скалы одну главу изъ «Книги мертвыхъ», при царѣ Менкарѣ (Микеринѣ), строителѣ третьей гизехской пирамиды—другую. Еще одно медицинское сочиненіе было найдено въ свѣтлую лунную ночь въ залѣ одного храма при царѣ Хуфу (Хеопсѣ), строителѣ величайшей пирамиды. Видно, что египтяне любили относить свои священныя книги къ эпохѣ первыхъ, впослѣдствіи высоко чтимыхъ царей. При всемъ томъ многіе изъ этихъ извѣстій могутъ быть исторически вѣрны.

Но и въ другихъ наукахъ, кромѣ медицины и богословія, египтяне рано сдѣлали большіе успѣхи, особенно въ математикѣ: безъ математическихъ знаній немыслимо выполненіе колоссальныхъ древнѣйшихъ построекъ. Вѣроятно, существовали также руководства къ архитектурѣ, скульптурѣ и живописи, если эти искусства не распро-

*) Что эти данныя не всегда исторически вѣрны, видно уже изъ того, что другой рецептъ, по словамъ того же папируса, былъ приготовленъ Изидой для больного Ра.

странялись исключительно посредствомъ устнаго обученія. Египтяне уже очень рано производили астрономическія наблюденія и рано вычислили, что годъ состоитъ изъ 365 дней. Вскорѣ оказалось, что этотъ годъ въ 365 дней черезъ каждые четыре года отстаетъ на одинъ день отъ дѣйствительнаго солнечнаго года, установленнаго путемъ наблюденія ранняго восхожденія Сиріуса, «божественнаго Сотиса». Но египтяне все-таки сохранили годъ въ 365 дней, чтобы вставками не запутывать календаря. Такъ произошли большіе періоды египетской исторіи—такъ-называемые періоды Сотиса, состоящіе изъ 1,460 неизмѣнныхъ лѣтъ, по прошествіи которыхъ звѣзда Сиріусъ восходитъ опять въ день новаго года и къ принятому счету времени долженъ быть прибавленъ одинъ годъ (1461). Египтяне сдѣлали еще другія астрономическія наблюденія, и до насъ дошло множество таблицъ ежечаснаго восхожденія звѣздъ, составленныя, впрочемъ, довольно поверхностно. Но съ дѣйствительно научной астрономіей египтяне были такъ же мало знакомы, какъ и съ обработанной астрологіей: родиной обѣихъ былъ Вавилонъ.

Памятники этой научной литературы, по крайней мѣрѣ въ первоначальномъ ея видѣ, не дошли до насъ. Но мы имѣемъ въ папирусѣ Присса, въ Луврѣ, сочиненіе, принадлежащее очень древнему времени. Самая рукопись писана въ началѣ двѣнадцатой династіи (около 2,000 л. до Р. Х.) и есть древнѣйшая рукопись на землѣ; но самое сочиненіе было составлено гораздо раньше, въ такое время, которое такъ же далеко отъ эпохи Софокла и Эврипида, какъ послѣдняя отъ настоящаго времени. Первую часть рукописи составляютъ наставленія Кагемны своему сыну. Въ сочиненіи есть строки: «Скончался его величество царь Хуни, и царь Снефру провозглашенъ добрымъ царемъ всей страны». Царь Снефру—первый царь, отъ котораго сохранились до насъ памятники и надписи. Вторая часть папируса заключаетъ въ себѣ «наставленія Птахотепа», одного царевича пятой династіи. Птахотепъ былъ дряхлымъ старикомъ, когда написалъ свое сочиненіе.

„О богъ Ханханъ", начинаетъ онъ, „богъ глубокой старости, со старчествомъ наступаетъ безсиліе и снова возвращается слабость. Старецъ лежитъ цѣлый день въ страданіяхъ. Его глаза слѣпнутъ, его слухъ притупляется, силы истощены: въ сердцѣ нѣтъ больше покоя. Уста нѣмѣютъ, они не говорятъ болѣе. Въ сердцѣ мракъ, оно уже не помнитъ вчерашняго дня. Кости также страдаютъ... Старчество дѣлаетъ человѣка жалкимъ во всѣхъ отношеніяхъ. Носъ замыкается, теряетъ обоняніе. Одинаково тяжко и стоять, и сидѣть. Что же дѣлать другому старику въ моемъ положеніи? Слѣдуетъ ли мнѣ передать ему слова тѣхъ, кто слышалъ исторію прежнихъ временъ, кто внималъ самимъ богамъ?"

Богъ увѣщеваетъ его «наставлять старцевъ въ словахъ прошлаго», чтобъ они могли распространять знаніе, и Птахотепъ начи-

наетъ высказывать рядъ нравственныхъ соображеній и правилъ. При крайне-древнемъ характерѣ языка и краткости изреченій, невозможно проникнуть въ смыслъ этого сочиненія отъ начала до конца; но французскому египтологу Шаба̀ удалось разобрать сущность его содержанія. Птахотепъ преподаетъ житейскія правила о добрыхъ нравахъ; онъ совѣтуетъ быть кроткимъ съ подчиненными, любить жену, изучать науки. Кто разбогатѣлъ и сталъ извѣстенъ людямъ благодаря своему богатству, тотъ не долженъ былъ высокомѣрнымъ и презирать ближнихъ. Слѣдующее изреченіе характеризуетъ образъ мыслей и склонность древнихъ египтянъ къ веселой жизни: «Пусть сіяетъ радостью твое лицо, пока ты живешь; развѣ кто нибудь покидалъ гробъ послѣ того, какъ былъ туда уложенъ?»

Надписи мемфисскаго періода,—за немногими исключеніями, къ числу которыхъ принадлежатъ надписи мѣдныхъ рудниковъ Синайскаго полуострова, сообщающія о тамошнихъ битвахъ фараоновъ,— исключительно надгробныя надписи. Мы узнаёмъ изъ нихъ, что Египетъ уже въ древнѣйшія времена имѣлъ вполнѣ бюрократическое устройство, подобно многимъ современнымъ государствымъ. Во главѣ управленія стоялъ многочисленный придворный штатъ фараоновъ, и ему принадлежатъ великолѣпныя гробницы, окружающія гизехскія и саггарахскія пирамиды. Стѣнная живопись и скульптура представляютъ живо и прекрасно выполненныя сцены ежедневной жизни: обработку полей, сборъ винограда, птицеловство, судоходство и рыбную ловлю, скотоводство и охоту, между прочимъ веселыя сцены изъ жизни людей и животныхъ, праздники и пирушки, гимнастическія упражненія и пляску. Рисунки постоянно сопровождаются краткими объяснительными надписями, но иногда встрѣчаются и болѣе подробные тексты. Съ однимъ изъ нихъ, найденнымъ въ гробницѣ въ Элькабѣ, изъ временъ 18-й династіи, читателю небезъинтересно будетъ познакомиться. Рисунокъ, между прочими сельскими сценами, изображаетъ также молотьбу хлѣба, производившуюся въ Египтѣ, какъ и вездѣ на Востокѣ, съ помощью быковъ. Подлѣ надпись:

Молотите для себя, молотите для себя,
Быки, молотите для себя.
Солому на кормъ,
Зерно для вашихъ господъ,
Ну, не прохлаждайтесь!

Не безъ основанія называютъ этотъ текстъ остаткомъ древнеегипетскихъ народныхъ пѣсенъ, изъ которыхъ ни одна не дошла до насъ.

Обширныхъ историческихъ текстовъ, которые такъ часто встрѣчаются въ позднѣйшее время, не сохранилось отъ древнѣйшихъ

временъ. Самый древній текстъ, описывающій историческія событія, найденъ въ грабницѣ Уны, возвысившагося изъ званія пажа и смотрителя запаснаго магазина на степень перваго министра царя Тепи. Этотъ царь принадлежитъ уже къ шестой династіи, пребывавшей не въ Мемфисѣ, а преимущественно въ Абидосѣ и сосѣднихъ съ нимъ городахъ. Вскорѣ по смерти Тепи, вдругъ прерываются свидѣтельства памятниковъ о судьбахъ Египта. Сохранилось лишь нѣсколько царскихъ именъ, принадлежащихъ седьмой и послѣдующимъ династіямъ. Повидимому, то была эпоха внутренняго и внѣшняго броженія. Честолюбивые претенденты и враждебные сосѣдніе народы, вѣроятно, воевали между собою изъ за-власти.

IV. Цвѣтущая пора древне-египетской литературы.

Когда возобновляются свидѣтельства памятниковъ и надписей, еще скудныхъ при одиннадцатой династіи, но очень многочисленныхъ при двѣнадцатой, Ѳивы уже стоятъ во главѣ государства, ихъ божество Аммонъ уже возведено на степень національнаго божества. Въ тоже время распространяется по всему Египту пантеистически-умозрительная религія, поклоненіе Озирису. Могущественные цари двѣнадцатой династіи простираютъ свои попеченія на всю страну, поощряютъ землепашество, регулируютъ теченіе Нила, слѣдятъ за ежегодной высотой наводненія, и одинъ изъ нихъ, Аменемхатъ III, кладетъ основаніе знаменитому озеру Мёрису. Въ тоже время имъ удается покорить Нубію. По всей странѣ возводятся великолѣпныя постройки; вмѣсто того, чтобы заботиться главнымъ образомъ, какъ дѣлали цари Мемфиса, о возведеніи гигантскихъ пирамидъ, служившихъ этимъ царемъ гробницами *), цари ѳиванскіе строютъ храмы въ честь своего отца Аммона или другихъ боговъ, но обыкновенно въ честь нѣсколькихъ боговъ вмѣстѣ.

Это время можно назвать и цвѣтущей порой египетской литературы. Правда, отъ этой поры дошло до насъ гораздо меньше сочиненій, чѣмъ изъ временъ Рамессидовъ, и большинство ихъ въ позднѣйшихъ спискахъ; но уже то обстоятельство, что ихъ списывали, показываетъ, какимъ уваженіемъ они пользовались. Быть можетъ, многія другія сочиненія, которыя мы относимъ къ позднѣйшему времени, не что иное, какъ переписка или переработка сочиненій цвѣтущей поры. Многія изъ нихъ очень трудно понимаются, не только потому, что они писаны сжатымъ, древнимъ языкомъ, но еще и потому, что сохранившіяся рукописи обыкновенно богаты пробѣлами и сильно попорчены.

*) Пирамиды-гробницы еще строили себѣ, конечно, и цари двѣнадцатой династіи.

Мы упомянемъ прежде всего о «Наставленіяхъ царя Аменемхата I своему сыну Узертезену I». Аменемхатъ I, основатель двѣнадцатой династіи, принадлежалъ къ числу лучшихъ царей Египта, и небольшое сочиненіе его, можетъ быть написанное и не имъ, но во всякомъ принадлежащее его времени, считалось впослѣдствіи классическимъ. Сохранились отрывки изъ шести его списковъ, относящихся ко временамъ Рамессидовъ, въ томъ числѣ изъ двухъ, писанныхъ на черепицахъ.

„Внимай моимъ словамъ нынѣ, когда ты уже царь", писалъ Аменемхатъ своему преемнику. „Поддерживай согласіе между твоими подданными и тобою, чтобъ они не предавались страху. Не будь одинокимъ между ними, да не будутъ твоими друзьями лишь богатые и знатные; но не допускай къ себѣ никого, чья дружба не была долгое время испытана. Старайся укрѣпить твое сердце, потому что нѣтъ слугъ въ годину нужды."

Царь кратко описываетъ далѣе свои дѣла, борьбу, которую онъ долженъ былъ выдержать, чтобъ утвердить свое господство, тайный заговоръ, вспыхнувшій ночью, когда онъ спалъ; какъ безстрашно боролся онъ со всякимъ врагомъ и всякою опасностью, какъ потомъ возстановилъ миръ и спокойствіе, какъ заботился о земледѣліи и довольствѣ «отъ Элефантины до Дельты, насыщалъ голодныхъ и поилъ жаждущихъ», какъ построилъ себѣ большой дворецъ съ тайными ходами, извѣстными только ему одному.

Отъ времени царя Узертезена уцѣлѣлъ свитокъ изъ кожи — свѣдѣніе о сооруженіи храма въ Геліополѣ, расширеннаго царемъ. Сохранился также одинъ изъ большихъ обелисковъ, поставленныхъ царемъ при входѣ въ храмъ. Въ кожаномъ свиткѣ описано поэтическимъ языкомъ, какъ царь созываетъ собраніе совѣтниковъ, славитъ передъ ними свое происхожденіе и могущество и объявляетъ свою волю — увѣковѣчить свое имя великолѣпными постройками въ честь боговъ. Сейчасъ же принимаются мѣры къ исполненію царскаго рѣшенія.

Еще большій интересъ представляетъ «Исторія Санехи», сохраненная намъ папирусомъ, большая часть котораго была разобрана англійскимъ ученымъ Гудвиномъ. Къ сожалѣнію, начало ея потеряно. Авторъ Санеха, бѣжавшій вслѣдствіе неизвѣстныхъ причинъ отъ Аменемхата I, разсказываетъ свои приключенія во время бѣгства къ кочевому народу Синайскаго полуострова. Описавъ, какъ счастливо онъ пробрался мимо пограничныхъ укрѣпленій на востокѣ, онъ продолжаетъ: «На пути одолѣла меня жажда; горло мое пересохло, и я сказалъ: это предвкушеніе смерти. Тутъ я услышалъ сладкій голосъ скота и увидѣлъ варвара». Послѣдній далъ ему воды и молока, и провелъ его къ своему племени. Князь небольшого туземнаго госу-

дарства Сенну приглашаетъ его къ себѣ: «Останься у меня, здѣсь ты можешь слышать и египетскую рѣчь». Онъ разспрашиваетъ странника объ его судьбѣ, о могуществѣ Аменемхата, и Санеха восхваляетъ великолѣпіе Египта, богатство, храбрость, прекрасное правленіе царя. Долго прожилъ Санеха при дворѣ князя Сенну, сражался за него и былъ награжденъ землею и скотомъ, женами и рабами. Одинъ туземный храбрецъ изъ зависти вызываетъ его на поединокъ и погибаетъ отъ его руки. Но сердце Санехи стремится на родину, въ Египетъ; онъ старѣетъ и хочетъ отойти на вѣчный покой въ отечествѣ. Аменемхатъ и Узертезенъ, его соправитель, обѣщаютъ ему прощеніе, если онъ присягнетъ на вѣрности имъ. Они пишутъ ему, чтобъ онъ возвратился въ Египетъ и жилъ при дворѣ въ качествѣ ихъ совѣтника. Санеха возвращается, падаетъ ницъ передъ царемъ и не можетъ выговорить ни слова: «Мой языкъ былъ нѣмъ, мои члены безсильны; сердце выпорхнуло изъ моего тѣла, я не зналъ, живъ ли я, или мертвъ». Царь велитъ поднять его, дружески бесѣдуетъ съ нимъ, приглашаетъ и его говорить, хвалитъ добытую имъ славу, показываетъ его своей супругѣ и дѣтямъ, и богато одаряетъ его. «Я жилъ до самой смерти у царя въ милости» — такъ заключаетъ Санеха свой разсказъ.

До насъ дошла и поэтическая литература этого времени, между прочимъ небольшая повѣсть, отрывки которой сохранились въ двухъ берлинскихъ папирусахъ. Одинъ чиновникъ укралъ осла у крестьянина, въ правленіе древнѣйшаго царя Небкары. По царскому повелѣнію, судья отказываетъ крестьянину въ его жалобѣ, чтобъ испытать его правдивость. Къ сожалѣнію, отрывокъ оканчивается сѣтованіями крестьянина о сдѣланной ему несправедливости.

Другая рукопись содержитъ «Пѣснь изъ дома блаженнаго царя Антефа», написанную для арфиста. Царь Антефъ—одинъ изъ царей двѣнадцатой династіи; самая пѣснь въ высшей степени характеризуетъ воззрѣнія египтянъ. Она напоминаетъ свидѣтельство Геродота, что на пирахъ у богатыхъ египтянъ разносили гробъ и совѣтовали пирующимъ пользоваться наслажденіями жизни прежде, чѣмъ самимъ придется лежать въ немъ. Вотъ отрывокъ изъ этой пѣсни:

Все, что живетъ, должно умереть, даже древніе боги *) и мудрецы покоются въ своихъ могилахъ.
Кто строитъ себѣ домъ и у кого его нѣтъ,
Смотри, чѣмъ они становятся!
Я слышалъ слова Имхотепа и Хордедефа **).

*) Уже въ то время боги считались древнѣйшими царями Египта, которые только по смерти стали богами, какъ дѣлались богами люди.

**) Имхотепъ, богъ врачеванія, Хордедефъ—царевичъ пятой династіи, которому приписываютъ открытіе одной главы книги мертвыхъ и составленіе митическихъ изреченій.

Вотъ что сказано въ ихъ изреченіяхъ:
Что такое итогъ всякаго счастія?
Ихъ (счастливыхъ) стѣны рушатся,
Ихъ дома какъ будто никогда и не существовали.
. . . .
Оттого насыщай твои вожделѣнія, пока живешь;
Одѣвайся въ полотно съ драгоцѣннымъ украшеніемъ,
Исполняй желанія твоего сердца.
Наступитъ и для тебя день,
Когда не слышно будетъ твоего голоса,
Когда лежащій въ гробу не слышитъ голоса плачущихъ.
Жалобы не освобождаютъ никого, кто лежитъ въ гробу.
Наслаждайся спокойно,
Ибо никто не уноситъ своихъ благъ съ собою.
Во-истину никто, идущій въ тотъ міръ, не возвращается назадъ.

Совершенно такая же «Пѣснь арфиста» найдена въ гробницѣ Аммонова жреца Ниферхотепа, жившаго при 18-й династіи. Она предназначалась для пировъ въ честь умершихъ. Приводимъ изъ нея небольшой отрывокъ:

Люди уходятъ отсюда съ самаго начала дней Ра,
И молодые занимаютъ ихъ мѣсто.
Какъ Ра появляется снова каждое утро,
И Тумъ заходитъ на горизонтѣ *),
Такъ мужи оплодотворяютъ и жены пріемлютъ (оплодотвореніе),
Каждый носъ вдыхаетъ сладость утра,
Но и каждый, рожденный отъ жены, возвращается въ свое жилище.

Затѣмъ пѣвецъ обращается къ покойному (изображенному передъ нимъ вмѣстѣ съ своей сестрой и супругой), какъ будто онъ еще живъ:

Устрой праздникъ, святой отецъ,
Повѣсь вѣнокъ лотоса на руку и на сестру,
Призови пѣснь и музыку,
Отгони тяжкія заботы!
Отдайся радости, пока не наступилъ день странствія,
Когда мы приближаемся къ странѣ, что любитъ молчаніе.

Къ сожалѣнію, ограниченныя рамки нашего очерка не позволяютъ привести весь прекрасный текстъ, въ заключеніе совѣтующій человѣку быть справедливымъ и щедрымъ, чтобъ оставить по себѣ добрую память.

Гробницы двѣнадцатой династіи живо рисуютъ намъ жизнь того времени, благосостояніе и трудолюбіе египтянъ, ихъ безчисленныя постройки и ремесла. Онѣ восхваляютъ справедливость и благодѣянія вельможъ, и въ тоже время разсказываютъ, какъ сгоняли крѣ-

*) Тумъ, отожествляемый сначала съ Ра, въ позднѣйшее время является преимущественно олицетвореніемъ заходящаго солнца.

постной народъ на работу бранью и палкой. Одно сочиненіе этого времени, сохранившееся въ нѣсколькихъ спискахъ,—письмо Дауфсехруты къ своему сыну Тепи, учившемуся въ высшей школѣ въ Хенну (Сильсилисѣ), т.-е. главнымъ образомъ изучавшему трудное искусство писма, рисуетъ намъ своеобразную картину тогдашняго состоянія страны. Онъ пишетъ: «Я видѣлъ насилія, и потому отдайся наукѣ. Я наблюдалъ рабочихъ, но по истинѣ наука выше всего». Авторъ поясняетъ далѣе своему сыну, желая удержать его на ученомъ поприщѣ, что ученому не нужно работать на себя, что онъ можетъ жить спокойно, питаемый другими:

Писмо важнѣе всякаго другого призванія; кто посвятитъ себя ему, тотъ въ почетѣ, того посылаютъ исполнять порученія; кто не отдается ему, тотъ въ жалкомъ положеніи. Я видѣлъ кузнеца за работой; его пальцы сморщены, какъ кожа крокодила, онъ зловоннѣе рыбьяго яйца... Каменотесъ ищетъ работы изъ разнаго жесткаго камня. Когда онъ кончаетъ работу, руки его въ разслабленіи; когда онъ отдыхаетъ, его руки и спина искривлены, потому что онъ скорчившись сидитъ съ восхода солнца.... Ткачу въ домѣ еще хуже, чѣмъ женщинѣ. Его колѣна подняты въ уровень съ сердцемъ. Онъ никогда не пользуется свѣжимъ воздухомъ. Если онъ хотя одинъ день не представитъ достаточнаго количества ткани, его вяжутъ какъ лотосъ въ болотѣ. Онъ долженъ дарить привратнику хлѣбъ, чтобы взглянуть на свѣтъ божій.

Подобнымъ же образомъ описываетъ авторъ нужду рабочаго, обдѣлывающаго металлы, каменьщика, цирульника, матроса, рыбака, птицелова, оружейника, гонца и т. д., и превозноситъ счастіе писца. Затѣмъ авторъ даетъ своему сыну совѣты о поведеніи, о вѣжливости къ начальству и старшимъ. Сынъ долженъ также сдерживать свой гнѣвъ, чтить свою мать и быть умѣреннымъ. «Если ты укротишь свой желудокъ, тебѣ будутъ повиноваться. Если ты, съѣвъ три хлѣба и выпивъ двѣ кружки пива, еще не насытился, то приневоль себя». Авторъ въ особенности совѣтуетъ своему сыну повиновеніе и усердіе къ службѣ.

Для критической оцѣнки этого писма, многочисленныя подражанія которому встрѣчаются въ позднѣйшей литературѣ, надо имѣть въ виду, что знаніе писма, требовавшее долголѣтняго изученія, открывало доступъ къ высшимъ должностямъ. Поэтому египетскіе чиновники и полководцы всегда носятъ, вмѣстѣ съ другими званіями, еще и званіе «царскаго писца». Для обученія писму и наукамъ существовало нѣсколько высшихъ школъ, кромѣ школы въ Хенну, именно въ Ѳивахъ, Мемфисѣ, Геліополѣ и Саисѣ Сочиненіе Дауфсехруты знакомитъ насъ и съ тогдашнимъ состояніемъ Египта. Масса народонаселенія, хотя и лучше обставленная матеріально, чѣмъ теперь, въ сущности находилась въ такомъ же зависимомъ и приниженномъ положеніи, тогда какъ «ученые» и рядомъ съ ними жрецы

надменно возносились надъ нею, чванясь своими божественными познаніями и своимъ привилегированнымъ положеніемъ. Но и у нихъ единственнымъ стимуломъ для занятій было матеріальное благосостояніе; они не стремились расширить область знанія, двигать науку. Главное вниманіе было обращено на внѣшность, на технику, на изученіе того, что укоренилось какъ преданіе. Отсюда неизбѣжный умственный застой *).

Преемники могущественныхъ царей двѣнадцатой династіи не могли удержать Египетъ на прежней высотѣ могущества и благосостоянія. Отъ тринадцатой династіи сохранились лишь немногіе разрозненные памятники. Кажется, въ это время страну терзали раздоры изъ-за престола и нападенія внѣшнихъ враговъ. Наконецъ семитическимъ кочевымъ племенамъ—«гиксамъ», т.-е. «царямъ пастуховъ», удалось завоевать Нижній Египетъ и подчинить себѣ ѳиванскихъ царей. По одному, вѣроятно сильно преувеличенному, свидѣтельству, они властвовали надъ Египтомъ около пятисотъ лѣтъ, по истеченіи которыхъ ѳиванскіе цари, именно Аахимесъ I, основатель 18-й династіи, освободилъ и весь Египетъ отъ иноземнаго ига (за 1600—1500 лѣтъ до Р. Х.).

Въ это бѣдственное время египетская цивилизація, вѣроятно, завершилась окончательно. Въ «новомъ царствѣ» государственныя, литературныя и, какъ мы видѣли, религіозныя воззрѣнія египтянъ являются совершенно застывшими, неподвижными. Въ долгій періодъ отъ двѣнадцатой до семнадцатой династіи, редакція текстовъ «Книги мертвыхъ» вполнѣ установилась, религіозныя заклинанія получили свой окончательный стереотипный видъ, съ тѣхъ поръ неизмѣнно сохраняемый ими, и самая каноническая литература приняла окончательныя формы. По свидѣтельству ученаго отца церкви Климента Александрійскаго, египтяне имѣли 42 каноническихъ сочиненія, авторомъ которыхъ считался богъ Гермесъ Трисмегистъ, т.-е. великій Техути, «владыка божественнаго слова», и которыя поэтому назывались «гермесовыми, или герметическими, книгами». Изъ нихъ 36 были посвящены культу, обрядамъ жертвоприношеній, теологическимъ и космогоническимъ тайнымъ ученіямъ и священной географіи. Они заключали въ себѣ также и гимны къ богамъ, исполнявшіеся по праздникамъ, законы, правила жизни царей—какъ извѣстно, цари состояли, по

*) По свидѣтельству памятниковъ, только-что приведеннаго писма и многочисленныхъ позднѣйшихъ текстовъ, въ Египтѣ не было такого дѣленія на касты, какое изображаютъ греческіе писатели: всякій могъ выбирать себѣ поприще. Но было въ обычаѣ, что сынъ продолжалъ занятіе отца. Даже и въ греческое время это, вѣроятно, не было предписано закономъ. Въ Египтѣ было много знатныхъ и богатыхъ фамилій, но и они не были вполнѣ замкнуты отъ другихъ сословій.

крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, подъ надзоромъ жрецовъ, ежечасно управлявшихъ ихъ дѣйствіями, хотя и здѣсь самыя лучшія теоретическія ученія, конечно, не вполнѣ примѣнялись на практикѣ *). Остальныя шесть книгъ содержали медицинскія ученія, діагнозы, рецепты и т. д., такъ какъ и медицинское поприще занималъ одинъ только классъ жрецовъ. Одна изъ герметическихъ книгъ, сочиненіе «О лекарствахъ», вѣроятно сохранилась въ большомъ медицинскомъ папирусѣ Эберса.

Этотъ папирусъ, второй по величинѣ, дошелъ до насъ вполнѣ. Это большой свитокъ, изъ 108 перенумерованныхъ страницъ, по 21 — 22 строки въ каждой, и написанный очень красиво гіератическими знаками. По астрономическимъ даннымъ дознано, что онъ писанъ между 1553 и 1550 годами до Р. Х. Къ сожалѣнію, приведенное въ немъ имя царя до сихъ поръ неизвѣстно, и такъ какъ египетская хронологія того времени отличается бо́льшою шаткостью, то и нельзя сказать, принадлежитъ ли оно ко времени, предшествовавшему 18-й династіи, т.-е. къ концу владычества гиксовъ, или къ концу этой династіи. Вѣроятнѣе первое. Папирусъ писанъ въ Нижнемъ Египтѣ.

Сочиненіе это—сборникъ, состоящій почти сплошь изъ древнѣйшихъ произведеній, частью изъ самой древней поры египетскаго царства, какъ видно по ихъ старинному языку и нѣкоторымъ указаніямъ. Между вошедшими въ сборникъ статьями находится упомянутое нами средство царицы Шешъ для рощенія волосъ, другіе рецепты для глазъ по указанію *одного финикійца изъ Библоса*—замѣчаніе, очень важное для исторіи культуры, древняя книга «объ исцѣленіи недуговъ» и т. д. Въ одномъ только отдѣлѣ авторъ названъ по имени—въ «Тайной книгѣ врача, наукѣ о движеніи сердца, и наукѣ о сердцѣ», писанной жрецомъ и врачемъ Нёбзехтомъ. «Сердце, утверждаетъ онъ, есть средоточіе сосудовъ всего тѣла». Куда ни приложишь палецъ: на голову, на затылокъ, на руки, на ноги, вездѣ касаешься сердца. Далѣе перечисляются сосуды, выходящіе изъ сердца въ отдѣльныя части тѣла, и доказывается, что сердце есть вмѣстилище душевныхъ состояній, горя, гнѣва и т. д. Египтяне съ древнѣйшихъ временъ считали сердце вмѣстилищемъ души; обыкновенно говорили: «Мое сердце полно», т. е. я радуюсь; мое «сердце въ покоѣ», т.-е. я

*) Обѣтованной землей египетской теократіи было царство Напатское, или Мерое, устроенное совершенно по египетскому образцу, гдѣ, какъ передаютъ греки и поразительнымъ образомъ подтверждаютъ надписи, цари находились въ полномъ подчиненіи у жрецовъ. Непріятный имъ царь самъ убивалъ себя безпрекословно по повелѣнію жрецовъ, пока, во время втораго Птолемея (за 260 л. до Р. Х.), царь Эргаменесъ не положилъ конца такому порядку вещей.

спокоенъ. Потому-то сердце и играетъ такую большую роль въ мистическихъ и магическихъ текстахъ.

Папирусъ начинается такъ:

Начало книги о приготовленіи лекарствъ для всѣхъ частей больного тѣла. Я [книга] вышла изъ Геліополя вмѣстѣ съ вельможами храма, господами защиты. Я вышла изъ Саиса съ божественными матерями, даровавшими мнѣ свою защиту. Я обладаю изреченіями владыки вселенной, чтобъ устранять страданія каждаго божества и каждаго смертнаго.

Слѣдуютъ воззванія къ богамъ и магическія изреченія, причемъ встрѣчаются намеки на исцѣленіе Хора и Сета отъ полученныхъ ими ранъ. Потомъ «начинается книга лекарствъ».

Она перечисляетъ отдѣльныя болѣзни, иногда съ ихъ діагнозомъ. При каждой болѣзни есть рецептъ, съ указаніемъ вѣса составныхъ частей лекарства и способа приготовленія. Очень подробно описано леченіе глазныхъ болѣзней. Египтяне недаромъ слыли глазными врачами. Въ книгѣ есть и средства противъ гадовъ, рецепты для красоты, для приготовленія ладона и пилюль. Есть и «правила узнавать (судьбу) ребенка въ день его рожденія: если онъ скажетъ *ни*, то останется въ живыхъ, если *бу*, то онъ умретъ». Въ книгѣ помѣщены и магическія заклинанія; одно изъ нихъ, которое придавало дѣйствительность рвотному, гласитъ такъ: «О демонъ, живущій въ тѣлѣ NN, сына NN, ты, отецъ котораго зовется отсѣкателемъ головъ, котораго имя смерть, имя котораго—мужъ смерти, котораго имя—проклятый на вѣки» *). Въ другихъ случаяхъ употребляются, какъ и въ магическихъ книгахъ, совершенно безсмысленныя соединенія буквъ для заклинаній.

Къ папирусу Эберса примыкаютъ другія медицинскія сочиненія, въ особенности одинъ берлинскій папирусъ, также составленный изъ очень древнихъ частей. Наука въ Египтѣ не двигалась впередъ; нѣсколько новыхъ магическихъ изреченій—вотъ все, что она могла создать съ теченіемъ времени. «Врачи», говоритъ Діодоръ, «лечатъ больного по писменымъ правиламъ, составленнымъ нѣсколькими извѣстными врачами древности. Если они лечатъ больного по правиламъ священной книги и не могутъ спасти его, то освобождаются отъ всякой отвѣтственности; но если они дѣйствуютъ противъ предписанныхъ правилъ, то могутъ подвергнуться обвиненію въ томъ, что уморили больного. Законодатель предполагалъ, что очень рѣдко можно придумать что нибудь лучшее, чѣмъ порядокъ леченія, установленный самыми свѣдущими, по его мнѣнію, людьми и примѣняв-

*) Это заклинаніе взято собственно изъ другаго медицинскаго папируса. Но и папирусъ Эберса содержитъ точно такія же изреченія.

шійся такъ долго. При этомъ, конечно, не могло быть и рѣчи о какомъ нибудь дальнѣйшемъ развитіи науки.

Почти одновременно съ папирусомъ Эберса, въ правленіе одного изъ гиксовъ, было написано, «по древнему образцу», руководство къ математикѣ, хранящееся въ Британскомъ Музеѣ. Оно заключаетъ въ себѣ ариѳметическія задачи, именно вычисленія съ дробями, способы измѣренія площадей, въ особенности пирамидъ и важнѣйшихъ мѣръ вмѣстимости, и практическія задачи. Въ вычисленіяхъ много ошибокъ. Въ папирусѣ нѣтъ теоретическихъ разсужденій; теоретическіе пріемы были вообще чужды египтянамъ, которые никогда не могли стать выше практическихъ, житейскихъ соображеній. Если греки научились чему нибудь у египтянъ въ математикѣ, какъ утверждаютъ позднѣйшіе писатели, то развѣ только самымъ первымъ ея начаткамъ. Греки заимствовали у египтянъ гораздо больше медицинскихъ познаній, которыя были лучше разработаны египтянами: между сочиненіями, приписываемыми Гиппократу, находятся дословные переводы египетскихъ рецептовъ. Греки познакомились также въ Египтѣ съ дѣйствительною (по крайней мѣрѣ приблизительною) продолжительностью солнечнаго года. Чтобы подвести окончательный итогъ египетской мудрости, прибавимъ, что на практическомъ поприщѣ египтяне сдѣлали много, но ихъ консерватизмъ, могущество жрецовъ и магія лишили ихъ способности идти далѣе. Несмотря на ихъ, повидимому, чисто духовную, а въ дѣйствительности крайне матеріалистическую теологію, они никогда не могли освободиться отъ путъ внѣшней природы и словеснаго формализма.

V. Литература такъ-называемаго новаго царства.

Время, наступившее по изгнаніи гиксовъ, было цвѣтущей порой египетскаго государства, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны. Безпрерывныя и удачныя войны въ Сиріи и Эѳіопіи, построеніе великолѣпныхъ храмовъ, множество частныхъ памятниковъ отличаютъ правленіе 18-ой и 19-й династій, Аменхотеповъ и Техутмесовъ, Сети I и Рамзеса II, къ которымъ присоединяется послѣдній крупный фараонъ Рамзесъ III, основатель 20-й династіи (Рампсенитъ грековъ, около 1200 до Р. Х.). Отъ этого періода сохранились безчисленные памятники, историческіе и религіозные, надгробныя и другія надписи, и папирусы. Между ними есть дневники, списки чиновниковъ, счеты, прошенія, карты мѣстностей, строительные планы и многочисленныя судебныя бумаги. Затѣмъ слѣдуютъ писма, найденныя еще запечатанными или завернутыми въ пелена мумій, сообщающія о происшествіяхъ и заботахъ ежедневной жизни, о

собакахъ, лошадяхъ, рабахъ, о постройкахъ, о здоровьѣ домочадцевъ; далѣе оффиціальные отчеты, въ особенности объ инспекціонныхъ поѣздкахъ—устройство Египта, какъ мы уже сказали выше, было вполнѣ бюрократическое, и каждый чиновникъ находился подъ контролемъ, что, конечно, отнюдь не исключало злоупотребленій, подкуповъ и т. д. Мы имѣемъ также перечисленіе богатыхъ даровъ, поднесенныхъ царемъ Рамзесомъ III богамъ и храмамъ Египта, причемъ этотъ царь разсказываетъ дѣла свои и своего отца. Этотъ большой Гаррисовъ папирусъ Британскаго Музея, первый по величинѣ изъ всѣхъ египетскихъ рукописей, вполнѣ сохранился, какъ и папирусъ Эберса. Если прибавить еще многочисленные тексты мертвыхъ и вышеупомянутое неисчерпаемое количество надписей, надгробныхъ памятниковъ и т. д., то можно составить себѣ такую наглядную картину египетской жизни, какая возможна лишь для немногихъ періодовъ древней исторіи.

Литература также процвѣтала въ это время. Если сообразить, какія благопріятныя условія необходимы для того, чтобы вообще могъ дойти до насъ какой нибудь папирусъ тѣхъ отдаленныхъ временъ, и при этомъ имѣть въ виду все сохранившееся до настоящаго времени, то станетъ ясно, что въ то время писали такъ же много, какъ и во время Ксенофонта и Платона *). И однакоже, по своему значенію, эта литература едва ли можетъ быть поставлена наряду съ древнѣйшей литературой Египта. Насколько можно судить до сихъ поръ, научное развитіе египтянъ остановилось, и только магія, которой посвящены многочисленныя, дошедшія до насъ, сочиненія этого и послѣдующаго времени, положительно продолжала развиваться.

Очень сомнительно, чтобъ египтяне имѣли свою историческую литературу, въ собственномъ смыслѣ слова. При жизни, цари сами возвѣщали въ высокопарныхъ надписяхъ о своихъ дѣяніяхъ современникамъ и потомкамъ; для практическихъ цѣлей достаточно было вести списки именамъ правителей. Несомнѣнно, что существовали такіе полные списки, съ показаніемъ лѣтъ каждаго царствованія. Но остается еще большимъ вопросомъ, сохранились ли они въ подлинномъ видѣ, и вѣрны ли хронологическіе итоги, показываемые этими списками, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣсколько правителей одновременно царствовали въ разныхъ частяхъ страны. Даже во времена Птолемеевъ было трудно установить совершенно точный списокъ египетскихъ царей. Египтянамъ былъ незнакомъ точный счетъ годовъ, какъ твердое основаніе для хронологіи; времясчисленіе производилось по годамъ правленія ца-

*) Разумѣется, въ александрійскомъ періодѣ было написано несравненно больше.

рей. Къ тому же исторія страны съ раннихъ поръ была тѣсно связана съ именами героевъ и боговъ, и, повидимому, распредѣлена по цикламъ (такъ-называемымъ періодамъ Сотиса).

Отрывки изъ полнаго списка правленій боговъ и царей, съ показаніемъ числа царствованій и ихъ продолжительности до начала новаго царства, сохранились въ знаменитомъ туринскомъ папирусѣ. Къ сожалѣнію, онъ такъ попортился отъ времени, распавшись на сотню обрывковъ, что по немъ едва ли можно возстановить египетскую хронологію. Впослѣдствіи жрецъ Манееонъ очевидно пользовался подобнымъ сочиненіемъ для своей исторіи Египта, написанной на греческомъ языкѣ; мемфисскіе и еиванскіе жрецы сообщили Гекатею, Геродоту и Эратосеену длинные списки царей. Но одинъ только папирусъ (Sallier I) Британскаго Музея содержитъ отрывки историческаго повѣствованія, да и этотъ папирусъ—не историческая книга, а популярное, полусказочное повѣствованіе, народная книга. Въ немъ говорится о важнѣйшемъ событіи египетской исторіи—объ изгнаніи гиксовъ. Разсказывается, какъ царь гиксовъ Апепи могущественно правилъ на Дельтѣ, тогда какъ Верхній Египетъ имѣлъ одного только «князя» Раскенена, какъ царь Апепи одинъ служилъ богу Сету и устраивалъ въ честь его празднества, точно онъ Ра; какъ онъ отправилъ посольство къ повелителю южной страны и требовалъ уступки одного источника; какъ южный князь Раскененъ, не зная что дѣлать, созвалъ на совѣщаніе знатныхъ и воиновъ своей страны. Къ сожалѣнію, въ этомъ мѣстѣ памятникъ обрывается на полуфразѣ.

Изъ поэтической литературы новаго царства сохранились значительные отрывки. На первомъ планѣ стоятъ многочисленные гимны къ богамъ; съ содержаніемъ этихъ гимновъ мы уже познакомили читателей. За ними слѣдуютъ такіе же гимны въ честь царя, который и самъ былъ богомъ, воплощеніемъ и подобіемъ своего отца Ра. Вотъ отрывокъ изъ одной такой пѣсни:

Лучи твои проникаютъ въ пещеры,
Нѣтъ мѣста, гдѣ бы не было твоей благости.
Слова твои—законъ для всей страны.
Покоясь во дворцѣ своемъ,
Ты слышишь слово всей земли,
У тебя милліоны ушей,
Глазъ твой блеститъ ярче небесныхъ звѣздъ,
Онъ можетъ смотрѣть на солнце.
Когда въ пещерѣ произносится слово,
Оно и тогда достигаетъ твоего слуха.
Что творится втайнѣ, все видитъ твое око.
О царь Менефта, милосердый владыка, творецъ дыханія.

Особенной извѣстностью пользовалось стихотвореніе, описывающее подвиги царя Рамзеса II на войнѣ съ хетитянами, могущественнымъ сирійскимъ племенемъ, и часто встрѣчаемое на стѣнахъ храмовъ и въ рукописяхъ. Переписчикомъ его, а можетъ быть и авторомъ, папирусы называютъ извѣстнаго и по другимъ памятникамъ писца Пентаура. Стихотвореніе описываетъ, какъ народы Азіи заключаютъ союзъ противъ Египта, какъ фараонъ выступаетъ противъ нихъ съ своими народами, какъ онъ бросается въ середину враговъ на боевой колесницѣ, подобно своему отцу Монту, богу войны, подобно Ваалу (Ваалу) въ часъ ужаса. Народы покидаютъ его, онъ одинъ среди рукопашной схватки:

„Около меня не было ни одного князя, ни одного военачальника, ни одного предводителя стрѣлковъ или боевыхъ колесницъ; мои солдаты покинули меня, мои всадники скрылись, и никого не осталось подлѣ меня, чтобы биться". Тогда его величество сказалъ: „Гдѣ ты, отецъ мой Аммонъ? Можетъ ли отецъ забыть своего сына? Дѣлалъ ли я что-нибудь безъ тебя?... Я никогда не нарушалъ твоихъ велѣній... Что передъ тобою эти азіаты! Аммонъ можетъ обезсилить этихъ злодѣевъ. Не приносилъ ли я тебѣ безчисленныя жертвы? Я наполнялъ твою священную обитель моими плѣнниками, я воздвигъ тебѣ храмъ на милліоны лѣтъ, я расточалъ мое достояніе для твоихъ житницъ". Царь сѣтуетъ, что онъ одинъ, что окруженъ вражескими народами, что никто изъ близкихъ не слышитъ его зова. „Я же думаю: Аммонъ сильнѣе милліона воиновъ, ста тысячъ всадниковъ, миріады братьевъ и юныхъ сыновей". „Призывъ дошелъ до Гермонтиса, Аммонъ идетъ на мой голосъ, онъ даетъ мнѣ руку. Я испускаю крикъ радости, онъ говоритъ позади меня: Спѣшу къ тебѣ, царь Рамзесъ, я съ тобой. Это я, твой отецъ, моя рука съ тобой, я для тебя сильнѣе сотни тысячъ". Царь избавляется отъ опасности, устрашенные враги бѣгутъ, они говорятъ другъ другу: „Это не человѣкъ, это — Сетъ могущественный, это самъ Ваалъ".

Битва выиграна, царь созываетъ своихъ воиновъ, упрекаетъ ихъ въ трусости и славитъ свои подвиги.

Стихотвореніе Пентаура—быть можетъ лучшее изъ всѣхъ остатковъ древне-египетской литературы. Оно глубоко прочувствовано, полно жизни и поэзіи и отличается наглядною ясностью повѣствованія. Оно крайне выгодно выдѣляется въ массѣ обычныхъ тяжелыхъ и надутыхъ текстовъ, особенно царскихъ надписей.

Повѣствовательная литература была, повидимому, очень развита у египтянъ. Ниже мы будемъ говорить объ одномъ демотическомъ романѣ. Отъ времени Рамессидовъ у насъ есть отрывки изъ двухъ любовныхъ романовъ (дѣйствіе однаго изъ нихъ происходитъ въ «цвѣточномъ саду») и двѣ сказки. Одна сказка—«повѣсть о заколдованномъ царевичѣ» — къ сожалѣнію, сохранилась лишь въ отрывкахъ, и разсказываетъ приключенія царевича, которому было предсказано при его рожденіи, что онъ умретъ отъ крокодила,

отъ змѣи или отъ собаки. Другая сказка—исторія двухъ братьевъ, написанная писцомъ Анной, «господиномъ писменыхъ свитковъ», для «смотрителя серебрянаго дома фараона», Кагабу. Она сохранилась въ папирусѣ д'Орбинэ и крайне интересна не только какъ самая древняя сказка, но и по своему сходству съ исторіей Іосифа и жены Потифара (Пентефрія). Она написана въ простомъ и бойкомъ сказочномъ тонѣ:

„Жили два брата отъ одной матери и одного отца. Старшаго звали Анепу, младшаго—Батау. У Анепу были домъ и жена, и младшій братъ жилъ у него, будто сынъ его. Онъ работалъ для Анепу въ полѣ и пасъ скотъ; онъ понималъ языкъ животныхъ и они процвѣли подъ его попеченіемъ. Жена Анепу дивилась его силѣ и звала его къ себѣ: „Приходи. проведемъ весело часокъ". Онъ же съ ужасомъ отклонилъ ея предложеніе: „Развѣ ты мнѣ не вмѣсто матери, а твой мужъ не вмѣсто отца?" Онъ возвращается въ поле, а жена обвиняетъ его передъ мужемъ, будто онъ хотѣлъ употребить противъ нея насиліе. Анепу хочетъ убить брата, но его предостерегаетъ объ этомъ корова, ходившая во главѣ стада, и онъ спасается бѣгствомъ. Анепу преслѣдуетъ его, и уже настигаетъ, но Ра, по просьбѣ Батау, ставитъ между ними озеро, наполненное крокодилами. Батау клянется въ своей невинности, разсказываетъ какъ было дѣло, и говоритъ, что хочетъ идти на гору кедровъ, вырѣзать свое сердце и положить его въ цвѣтъ кедра. Когда Анепу возьметъ въ руки кружку пива, и оно запѣнится само собой, онъ долженъ спѣшить къ нему на помощь. Анепу возвращается домой, убиваетъ невѣрную жену и бросаетъ ея мясо собакамъ; Батру идетъ на гору кедровъ и исполняетъ задуманное. Сказка говоритъ о томъ, какъ встрѣчаются Батау великіе боги и, чтобъ утѣшить его въ одиночествѣ, создаютъ ему прекрасную жену; какъ море приноситъ къ египетскому берегу локонъ ея волосъ, и этотъ локонъ придаетъ благоуханіе одеждѣ фараона, которую въ это время полоскали; какъ фараонъ велитъ привести къ себѣ красавицу и по ея совѣту срубить кедръ, въ которомъ лежитъ сердце Батау; какъ Батау падаетъ мертвымъ; но Анепу, у котораго вдругъ запѣнилось пиво, спѣшитъ ему на помощь и возвращаетъ ему жизнь; какъ Батау превращается въ священнаго быка и велитъ привести себя ко двору фараона, открывается невѣрной женѣ, теперь уже царицѣ, и она приказываетъ заколоть его. Батау превращается потомъ въ дерево и, наконецъ, когда это дерево срубаютъ по желанію царицы, одинъ листокъ его влетаетъ въ ротъ послѣдней: Батау возрождается въ образѣ ея сына, дѣлается царемъ по смерти старшаго фараона и казнитъ вѣроломную жену.

Но любимой формой египетской беллетристики въ эпоху Рамессидовъ были писма. Мы имѣемъ множество писемъ совсѣмъ недѣлового характера: это просто брошюры въ формѣ писемъ. Эти литературные памятники—большею частью довольно обширные сборники, въ которыхъ нерѣдко повторяются тѣже самыя статьи. Любимая ихъ тема—восхваленіе занятій писца и ученаго, и совѣты учителей ученикамъ ревностно предаться ученію. Такова и тема пользовавшихся особенною популярностью писемъ «старшаго библіотекаря» Аменемапета къ Пентауру, уже извѣстному намъ писцу и поэту, и

къ писцу Пенбезѣ: «Мнѣ говорятъ, что ты небрежно относишься къ наукѣ, что ты убѣгаешь отъ нея быстрѣе коней; что ты бродишь изъ одной улицы въ другую, чтобъ напиваться пивомъ». И авторъ увѣщеваетъ не предаваться пьянству и удовольствіямъ, быть прилежнымъ, объясняя выгоды ученаго поприща. Авторъ грозитъ даже палкой. «Пусть рука твоя постоянно занята писаніемъ; не давай себѣ ни одного дня покоя, иначе тебя будутъ бить». Въ другомъ мѣстѣ говорится: «Ты стоишь передо мной какъ оселъ, котораго колотятъ каждый день; ты стоишь передъ мной какъ негръ, котораго уводятъ какъ дань. Коршуна учатъ вить гнѣздо и копчика летать: я изъ тебя сдѣлаю человѣка. Замѣть себѣ это хорошенько». Писцы особенно стараются отклонять отъ военнаго поприща, которое многимъ могло казаться привлекательнымъ въ тѣ времена постоянныхъ битвъ и побѣдъ: «Почему утверждаешь ты, что пѣхотный офицеръ счастливѣе писца! Я разскажу тебѣ его судьбу, всѣ его бѣдствія». «Ребенкомъ запираютъ его въ казармы, всюду ранятъ, словомъ — колотятъ какъ свитокъ папируса». «Дай разсказать тебѣ объ его походахъ въ Сирію, въ далекія страны: свой хлѣбъ и свою воду онъ долженъ нести на плечахъ какъ ослиную ношу, его члены искривляются, онъ пьетъ испорченную воду.... При встрѣчѣ съ врагомъ, онъ трясется какъ гусь, потому что уже нѣтъ силы въ его членахъ..... Заболѣетъ онъ,—его тащатъ на ослѣ; воры крадутъ его дѣтей, его слуги отъ него убѣгаютъ.»

Въ сборникахъ писемъ есть и гимны, особенно въ честь Техути, покровителя писцовъ, хвалы царямъ, описанія построекъ и городовъ. Одинъ сборникъ писемъ, связь которыхъ между собой, къ сожалѣнію, крайне неясна, описываетъ путешествіе въ Сирію и Палестину. Кромѣ того, найдены въ большомъ количествѣ писма, касающіяся частныхъ отношеній. Повидимому, это образцы, по которымъ сочинялись письма, или опыты хорошаго стиля. Перечисливъ всѣ титулы того, къ кому адресовано письмо, авторъ призывалъ боговъ, молилъ послать ему здоровье и долгую жизнь, выражалъ большую радость, что получилъ писмо отъ своего корреспондента. Если это послѣднее писмо содержало какіе нибудь вопросы или порученія, то они повторялись, и потомъ уже слѣдовалъ отвѣтъ. Затѣмъ авторъ переходилъ прямо или поставивъ слово: «другое», отъ одного предмета къ другому. Вотъ образчикъ подобныхъ писемъ:

„Я прочелъ твое сообщеніе о полицейскомъ чиновникѣ Нехтзетѣ: „Полицейскій чиновникъ Нехтзетъ одержимъ чахоткой, онъ слабъ какъ дерево, онъ похожъ на человѣка, котораго побилъ Ра“. Если Аммону будетъ угодно сохранить меня въ живыхъ и я буду въ состояніи поѣхать на югъ, то я возьму съ собой этого человѣка, спишусь съ тобой, увижу что можно для него сдѣлать, и сдѣлаю. Что касается

порученія относительно твоей покойной матери, а именно: „пусть дадутъ колесницу, которою она пользовалась въ своихъ поѣздкахъ, моей сестрѣ, овдовѣвшей годъ тому назадъ“, то я, когда пріѣду туда, посмотрю, что можно сдѣлать для нея, и сдѣлаю“ и т. д.

Очевидно, эти писма писаны большею частью не для практическихъ цѣлей, а были просто стилистическими упражненіями или брошюрами. Нѣкоторыя, можетъ быть, диктовались въ школахъ, и вѣроятно поэтому встрѣчаются во многихъ рукописяхъ.

Языкъ писемъ не только крайне вычуренъ, но писцы, кромѣ того, старались употреблять побольше иностранныхъ словъ, особенно изъ сирійскаго языка, хорошо знакомаго египтянамъ вслѣдствіе постоянныхъ войнъ съ Сиріей. Вмѣсто обыкновенныхъ словъ охотно употреблялись семитическія выраженія, напр. для того, чтобы выразить понятія: лошадь и повозка, домъ и стѣна, войско и воинъ. Эта особенность отлично характеризуетъ съ внѣшней стороны богатую и изящную, а въ сущности довольно безсодержательную литературу того времени.

VI. Упадокъ египетской литературы.

Рамзесъ III былъ послѣднимъ египетскимъ царемъ, давшимъ могуществу государства полное развитіе. При его недѣятельныхъ преемникахъ, оно мало по малу падаетъ, внутреннія смуты окончательно ослабляютъ его, и оно становится, наконецъ, добычей ассирійскихъ и эѳіопскихъ завоевателей, которые борятся за него между собой. Псамметиху Саисскому, основателю 26-ой династіи, удается еще разъ возстановить независимость Египта. Но его преемники подпадаютъ владычеству персовъ. Мы не будемъ распространяться о томъ, какъ часто египтяне возставали противъ персовъ и какъ подавлялись эти возстанія, пока Александръ Великій не явился спасителемъ Египта; какъ потомъ удалось хитрому Лагиду Птолемею основать въ Египтѣ греческое государство, которое, достигнувъ высокой степени развитія, стало добычей римлянъ.

Самымъ вѣрнымъ мѣриломъ египетскаго могущества во всякое данное время служатъ великолѣпіе и количество оставленныхъ этимъ временемъ памятниковъ. Хотя въ періодъ упадка послѣдніе не такъ рѣдки, какъ во времена гиксовъ или въ періодъ отъ седьмой до двѣнадцатой династіи, но ихъ очень мало въ сравненіи съ эпохой Рамессидовъ. Отъ періода упадка до насъ не дошло ни одного литературнаго произведенія, если не считать магическихъ текстовъ. Даже отъ 26-ой династіи сохранилось сравнительно очень немногое. Правда, резиденціями Псамметиха и его преемниковъ стали снова, какъ въ началѣ египетской исторіи, Мемфисъ и Саисъ, а Ѳивы въ это время пришли

въ упадокъ, отчасти даже были разрушены ассирійцами. Но и эти города, если не считать мемфискихъ гробницъ, не оставили по себѣ почти никакихъ памятниковъ. Песокъ пустыни не заносилъ и не охранялъ здѣсь великолѣпныхъ сооруженій, какъ это было въ Верхнемъ Египтѣ; они развалились на рыхлой почвѣ Дельты, и самые камни ихъ были растасканы; едва можно отыскать мѣсто древнихъ исполинскихъ городовъ. Затѣмъ надписи и памятники возрожденія при 26-ой династіи ясно обличаютъ общее стремленіе возстановить старину въ ея чистотѣ, дать новую жизнь давно застывшимъ формамъ искусства, языка и мысли: создать что нибудь новое египтяне уже не могли.

Въ теченіе тысячелѣтій египетской исторіи, языкъ народа сильно измѣнился. Въ надписяхъ, особенно въ религіозныхъ текстахъ, еще старались, конечно, сохранить древній «священный» языкъ и писать такъ, какъ говорили при двѣнадцатой династіи. Но свѣтская литература слѣдовала за движеніемъ народной рѣчи, и языкъ папирусовъ временъ Рамессидовъ значительно разнится отъ болѣе древнихъ сочиненій. Языкъ, разумѣется, продолжалъ измѣняться и послѣ; упрощалось также и писмо. Такъ возникли въ періодъ упадка демотическій, т. е. народный, языкъ и демотическое писмо. Сначала ихъ употребляли только въ ежедневномъ обиходѣ, сохраняя священный языкъ и древнія его формы для надписей и литературныхъ произведеній. Но демотическій языкъ мало по малу вошелъ въ общее употребленіе; во времена Птолемеевъ онъ сталъ уже народнымъ языкомъ Египта, и употреблялся рядомъ съ греческимъ въ надписяхъ, контрактахъ и офиціальныхъ бумагахъ. Только въ священныхъ текстахъ преобладали еще древнія, теперь уже едва-ли понятныя формы языка, часто искаженныя. Постановленія жрецовъ въ честь царей писались теперь на трехъ языкахъ: іероглифическомъ, демотическомъ и греческомъ, напр. состоявшееся въ 238 году постановленіе Канопы, въ которомъ царь Птолемей III Эвергетъ дѣлаетъ попытку ввести въ Египтѣ времячисленіе (названное впослѣдствіи юліанскимъ), опредѣлявшее годъ въ $365^1/_4$ дней, или розетское постановленіе въ честь Птолемея V Эпифана (въ 197 г. до Р. Х.), которое, какъ извѣстно, послужило точкой отправленія для разгадки іероглифовъ.

До насъ дошло множество демотическихъ текстовъ, писемъ, договоровъ (встрѣчаются и брачные договоры, но въ особенности договоры купли-продажи), протоколовъ, судебныхъ актовъ, прошеній, оффиціальныхъ донесеній, надгробныхъ памятниковъ и текстовъ, которые вручались мертвымъ. Къ нимъ присоединяются столь же многочисленные греческіе памятники на папирусѣ, на камняхъ и черепи-

цахъ. Все это даетъ возможность составить ясное представленіе о томъ, какъ управлялась страна, какія мнѣнія въ ней господствовали, и какъ вообще жили египтяне въ періодъ упадка.

Въ позднѣйшее время даже священные тексты, вручаемые мертвымъ, писались демотически; сохранилось, кромѣ того, и нѣсколько литературныхъ произведеній. Мы имѣемъ отрывки изъ одной хроники, описывающей персидское владычество. Другой папирусъ содержитъ въ себѣ нравственныя правила *), напр. «Не дѣлайся товарищемъ злодѣя; не дѣйствуй по совѣту глупца; не обращайся дурно съ подчиненнымъ и уважай своихъ начальниковъ; не проклинай своего господина; не приноси другого въ жертву для спасенія своей жизни» и т. д. Затѣмъ басни изъ жизни животныхъ, напр., басня о львѣ, поймавшемъ мышь, но освободившемъ ее по ея просьбѣ, и въ свою очередь освобождаемомъ ею изъ тенетъ охотника. Сначала искали въ этихъ басняхъ источника греческихъ басенъ Езопа; но вѣроятнѣе всего, что, наоборотъ, египетскія басни заимствованы у грековъ. Сохранились два папируса (въ Лондонѣ и Туринѣ) съ юмористическими рисунками, но какому времени принадлежатъ они — опредѣлить съ точностью нельзя. Животныя представлены здѣсь съ человѣческими занятіями, и вездѣ съ такими, которыя не соотвѣтствуютъ ихъ характеру. Оселъ играетъ со львомъ въ шашки, кошка пасетъ гусей, зайцы сражаются на стѣнахъ крѣпости, лиса сидитъ въ колесницѣ, везомой волкомъ, и стрѣляетъ изъ лука. Свинья сидитъ на вѣткѣ плодоваго дерева, на которое влѣзаетъ по лѣстницѣ орелъ; оселъ брѣетъ собакѣ голову (по извѣстному восточному обычаю); заяцъ распоряжается въ кухнѣ, словомъ передъ нами нѣчто въ родѣ нынѣшняго иллюстрированнаго листка.

Сохранился также одинъ демотическій романъ, или по крайней мѣрѣ, значительная его часть: «Повѣсть о Сетнау Хамѣ и Птанеферкѣ». Дѣйствіе происходитъ во времена Рамессидовъ, но царской резиденціей, согласно позднѣйшимъ воззрѣніямъ, названъ Мемфисъ. Романъ наполненъ преимущественно описаніемъ разныхъ магическихъ дѣйствій и любовныхъ похожденій. Птанеферкѣ удается добыть великую книгу, «которая написана собственноручно Техути», и посредствомъ которой можно заклинать небо, землю и адъ, горы и моря, и узнавать тайны боговъ. Книга хранится въ Коптѣ въ золотомъ ящикѣ, положенномъ въ серебряный, который въ свою очередь лежитъ въ ящикѣ изъ слоновой кости и т. д. Ее охраняетъ змѣя, которую Птанеферкѣ посчастливилось убить; сначала змѣя все оживаетъ, но когда онъ разрубаетъ ее на двѣ части и насыпаетъ между ними

*) Отъ цвѣтущей поры новаго царства также сохранился папирусъ съ нравственными размышленіями и изреченіями.

песокъ, она околѣваетъ. Съ исторіей Птанеферки связаны приключенія царевича Сетнау. Романъ разсказываетъ, какъ онъ влюбляется въ знатную даму, встрѣтивъ ее на улицѣ. Она назначаетъ ему свиданіе, успѣваетъ выманить у него все его состояніе, заставляетъ его убить собственныхъ дѣтей, и когда наконецъ соглашается ему отдаться, Сетнау вдругъ просыпается одинъ. Оказывается, что все это — чары Птанеферки. Конецъ этой исторіи не совсѣмъ понятенъ, такъ какъ потеряно ея начало, на которое авторъ ссылается въ концѣ.

Послѣ завоеванія страны Александромъ Великимъ, оффиціальнымъ языкомъ Египта сдѣлался греческій, изученіе котораго стало необходимостью для высшихъ классовъ. Египтяне сами пошли на встрѣчу грекамъ, стараясь обратить ихъ вниманіе на исторію и мудрость своей страны. Уже въ 280 году до Р. Х. жрецъ Манееонъ составилъ на греческомъ языкѣ исторію Египта по старымъ спискамъ царей, хроникамъ и сказаніямъ, въ трехъ книгахъ. Но Птолемеи держали себя крайне исключительно въ отношеніи къ египтянамъ; они опирались исключительно на грековъ и македонянъ, египтяне не допускались къ высшимъ должностямъ. При этомъ Птолемеи, разумѣется, удержали все прежнее бюрократическое управленіе страною и теологическій его характеръ, придававшій царямъ божественное достоинство. Нѣсколько разъ возставали египтяне противъ иноземнаго ига, въ Ѳивахъ долгое время даже царствовали туземные фараоны (за 200 лѣтъ до Р. Х.); но возстанія подавлялись, и страна все болѣе и болѣе эллинизировалась. Древняя религія еще держалась, но ключъ къ пониманію священнаго языка и литературы все болѣе и болѣе терялся. Жилища и школы жрецовъ и ученыхъ въ Геліополѣ пустѣли. Уже во время Страбона въ (20 г. по Р. Х.) древнѣйшіе города: Геліополь, Абидосъ, Ѳивы превратились въ деревушки; въ надписяхъ и другихъ памятникахъ преобладающимъ языкомъ сталъ греческій, и при римскихъ императорахъ мы уже встрѣчаемъ греческихъ писателей чисто египетскаго происхожденія. Египетская національность исчезла бы теперь, еслибъ христіанство не придало ей новыя силы.

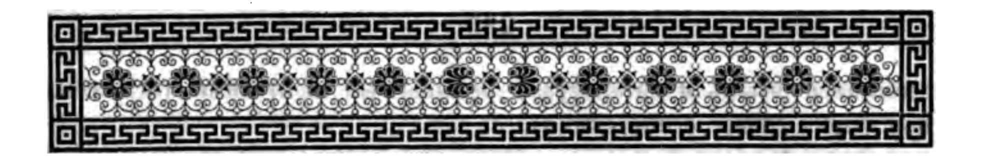
Проповѣдники христіанства обратились къ низшимъ классамъ населенія. Они проповѣдовали преимущественно на туземномъ языкѣ, перевели на него священное писаніе и создали народамъ Востока новыя національныя литературы. Съ побѣдой христіанства всюду погибали греческіе языкъ и культура. Тоже самое было и въ Египтѣ. Но для написанія перевода Библіи было избрано уже не древнее письмо, а нѣсколько измѣненная греческая азбука. Такъ какъ при этомъ употреблялся однакоже народный языкъ, уже значительно измѣнившійся въ сравненіи съ демотическимъ, то подъ вліяніемъ христіанства

сложились языкъ и литература, называемыя коптскими (искаженная форма слова: египетскими).

Одна часть египетскаго народа упорно продолжала держаться древней религіи, другая же съ одушевленіемъ обратилась къ новой. Какъ и древняя, новая религія была воспринята египтянами съ тѣмъ же пристрастіемъ къ теологическимъ тонкостямъ. Какъ извѣстно, Египетъ—родина монашества; здѣсь происходила ожесточенная борьба изъ-за догматовъ и опредѣленій; здѣсь развился впервые фанатизмъ въ борьбѣ противъ иновѣрцевъ и еретиковъ.

Съ разрушеніемъ колоссальной статуи Сараписа въ Александріи епископомъ Ѳеофиломъ въ 389 году, кончается исторія Египта. Остатки язычниковъ бѣгутъ въ пустыню и въ разрушившіеся города, гдѣ они держатся еще цѣлыя столѣтія. Копты же достигаютъ національной самостоятельности. Принявъ монофизитское ученіе, они ссорятся съ константинопольскимъ дворомъ, и съ распростертыми объятіями принимаютъ арабовъ, появившихся на границахъ Египта подъ начальствомъ Амру для всемірнаго распространенія ислама, но находятъ въ нихъ еще болѣе суровыхъ повелителей, чѣмъ были византійцы. Копты оставили обширную богословскую литературу; но число ихъ мало по малу сокращалось, а языкъ былъ совсѣмъ вытѣсненъ арабскимъ. Остатки языка, прежде другихъ языковъ записаннаго человѣчествомъ, употребляются теперь потомками строителей пирамидъ только въ молитвахъ и богослуженіи....

ИСТОРІЯ ВАВИЛОНСКО-АССИРІЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

д-ра Эд. Мейера.

Литература: George Smith: The chaldaean account of Genesis.
Lenormant: Etudes assyriologiques.
Многочисленныя работы Опперта, Смита, Шредера, Делича и др.

I. Нѣсколько предварительныхъ свѣдѣній и соображеній.

Между Евфратомъ и Тигромъ, въ той низменности, гдѣ эти два могучихъ потока приближаются другъ къ другу на нѣсколько миль и, связанные множествомъ естественныхъ и искусственныхъ каналовъ, устремляются къ морю, жилъ въ древнѣйшія времена народъ съ замѣчательной культурой. Ни одному изъ сосѣднихъ народовъ, ни арабамъ, ни персамъ, ни сирійцамъ, онъ не приходился сродни *); одно время предполагали его родство съ племенами, населявшими сѣвероазіатскія степи, турками и финнами, но не могли доказать его. Самъ онъ называлъ свою страну «Сумеръ»—ветхозавѣтный Синеаръ; свой языкъ—сумерійскимъ. Мы будемъ придерживаться туземнаго имени, будемъ называть этотъ народъ сумерійцами, вмѣсто неопредѣленныхъ и неподходящихъ именъ, какія давали ему въ новѣйшее время, напр. протохалдеевъ, кукситовъ **) и т. д.

Сумерійцы выработали свою значительную культуру. Ихъ государственныя и религіозныя воззрѣнія достигли высокаго развитія, они уже въ древнѣйшее время обладали писмомъ. Послѣднее, какъ и въ Египтѣ, сначала было гіероглифическимъ. Такъ

*) Только древніе обитатели Мидіи и Сузіаны, кажется, были ему родственны.

**) Одно время англійскіе и нѣмецкіе ученые называли его аккадійскимъ народомъ.

для написанія слова *ан*—звѣзда, небо, и слова *дингир*, богъ—служило изображеніе звѣзды, слова *ха*, рыба,—изображеніе рыбы *).

Матеріалъ, употреблявшійся тамъ для писма, былъ своеобразнаго свойства. Почва вавилонскаго царства состоитъ изъ песковъ пустыни и изъ наносной земли; камня въ ней совсѣмъ нѣтъ. Поэтому, строительнымъ матеріаломъ могъ служить только кирпичъ; дерево на постройки не употреблялось, и въ то время, когда египтяне высѣкають въ твердомъ гранитѣ своихъ построекъ фигуры своего гіероглифическаго писма, стараясь быть по возможности вѣрными природѣ, на вавилонскихъ кирпичахъ эти изображенія мало по малу обращаются въ простые штрихи, въ которыхъ уже нельзя узнать ихъ первоначальнаго вида. Бумага или замѣняющіе ее матеріалы, напр. пергаментъ, также не были изобрѣтены въ Вавилоніи, такъ что для написанія литературныхъ произведеній и актовъ приходилось употреблять тѣже кирпичи. Въ Вавилоніи, поэтому, не могло развиться стройное и закругленное писмо, въ родѣ гіератическаго писма египтянъ. Вавилонское писмо всегда сохраняло монументальный, угловатый характеръ; оно выцарапывалось желѣзнымъ грифелемъ на мягкомъ кирпичѣ. Кирпичъ, употребляемый для писма, обжигали по начертаніи на немъ писменъ, чтобъ онъ не ломался и писмена дольше сохранялись. Штрихи, которыми вавилоняне изображали гіероглифическія фигуры, большею частью прямолинейны; одинъ конецъ ихъ, гдѣ грифель нажимался сильнѣе, былъ утолщенъ, другой—заостренъ, чтó придавало имъ форму гвоздя или клина. Сначала еще старались сохранить первоначальное изображеніе; слово «звѣзда» писали знакомъ ; но скоро, путемъ сокращеній, изъ этого и подобныхъ знаковъ образовались сходные съ ними знаки, напр. для написанія слова «звѣзда».

Законы клинообразнаго писма тожественны съ законами египетскихъ гіероглифовъ. И здѣсь мы имѣемъ многозвуковые знаки для слоговъ и идеограммы **), а рядомъ съ ними фонетическія дополненія. У сумерійцевъ нѣтъ только чисто-буквенныхъ знаковъ, какіе употреблялись въ египетскомъ писмѣ.

Сумерійцы обладали обширной литературой. На ихъ языкѣ дошли до насъ сборники законовъ, астрономическія и астрологическія

*) Генетическая связь между египетскими и вавилонскими гіероглифами не доказана, но въ принципѣ и тѣ и другія писмена сложились одинаково; точно также образовалось и китайское писмо.

**) Особенно важенъ для чтенія этого писма перпендикулярный клинъ, стоящій передъ каждымъ собственнымъ именемъ, и стоящая передъ каждымъ именемъ божества идеограмма божества, образовавшаяся изъ знака, который изображалъ звѣзду.

сочиненія, религіозные гимны и миѳическіе разсказы. Въ южной части Вавилоніи были основаны многочисленные города, изъ которыхъ *Уръ*, «Халдейскій Уръ» ветхаго завѣта, *Эрехъ* (Орхоэ, Варка) и *Ларса* были царскими резиденціями. Развалинамъ этихъ городовъ, которые, впрочемъ, еще мало изслѣдованы, мы обязаны знаніемъ именъ древнѣйшихъ вавилонскихъ царей, правившихъ до и около 2,000 до Р. Х. Но развитіе языка и литературы сумерійцевъ было прервано вторженіемъ иноземнаго народа—халдеевъ—народа семитическаго племени, родственнаго арабамъ, сирійцамъ, хананеямъ и евреямъ. Вѣроятно, это былъ сначала народъ кочевой; теперь онъ осѣлъ въ сѣверной Вавилоніи, въ странѣ Аккадъ, и принялъ культуру сумерійцевъ, съ которыми мало по малу слился въ одну національность, по крайней мѣрѣ политически. Такъ возникла позднѣйшая вавилонская народность.

Семитическіе пришельцы приняли и сумерійское писмо, какъ японцы усвоили себѣ китайское. Слоговые знаки стали употреблять сначала для изображенія семитическихъ словъ, идеограммы для изображенія понятій; потомъ пришельцы усвоили себѣ цѣлыя группы сумерійскихъ писменыхъ знаковъ, чтобы писать—такъ сказать идеографически—соотвѣтственныя семитическія слова, хотя фонетически эти знаки изображали нѣчто совсѣмъ другое. Такъ, напр., для написанія слова: «ротъ» халдеи изображали сумерійское слово: *ка*, а читали *пу*; для изображнія понятія: «царская власть» писали *надсиду*, а читали *сарруту*. При этомъ идеограммы могли быть употребляемы и фонетически, какъ въ египетскомъ писмѣ. Тогда онѣ уже имѣли слоговое значеніе не только сумерійскаго, но и соотвѣтственнаго семитическаго слова, такъ что, напр. ⟨клинописный знак⟩ богъ, небо, читалось не только по-сумерійски: *анъ* и *динирра*, но и по-семитически: *илю* богъ, и *самэ*, небо; ⟨клинописный знак⟩, «рыба»—не только *ха*, но и *нуну*. Разобраться въ этой путаницѣ помогала нѣсколько приставка фонетическаго дополненія; чтобы показать, что въ извѣстномъ случаѣ знакъ ⟨клинописный знак⟩ нужно читать не *анъ* или *илю*, а *самэ*, прибавляли еще знакъ ê и писали: ⟨клинописные знаки⟩ и т. п. Тѣмъ не менѣе это писмо остается въ высшей степени сложнымъ, и изучить его гораздо труднѣе, чѣмъ египетское. Уже въ очень раннее время явилась потребность въ вспомогательныхъ средствахъ, способныхъ облегчить изученіе писма, и были составлены списки, въ которыхъ по одну сторону знаки объяснялись въ ихъ фонетическомъ, по другую—въ ихъ идеографическомъ значеніи, затѣмъ списки сумерійскихъ и соотвѣтствующихъ имъ семитическихъ словъ, расположенные согласно ихъ смыслу, съ прибавленіемъ идеограммъ; наконецъ граматиче-

скія таблицы, по одну сторону которыхъ стояли сумерійскія, по другую —соотвѣтственныя семитическія формы *). Большая часть этихъ объяснительныхъ списковъ и таблицъ, такъ-называемыхъ силлабаровъ, сохранилась въ библіотекѣ царя Ассурбанипала въ Ниневіи. Безъ этого драгоцѣннаго вспомогательнаго средства, далеко еще не исчерпаннаго, наши познанія въ ассирійско-вавилонскихъ языкѣ и литературѣ, вѣроятно, не были бы такъ велики, какъ въ настоящее время. Семиты, основавшіе на Евфратѣ свою столицу Вавилонъ, «Ворота (бога) Иля», мало по малу соединили всю низменность между Тигромъ и Ефратомъ въ одно государство, устроенное въ главныхъ чертахъ по образцу древнихъ сумерійскихъ государствъ. Они усвоили право и учрежденія последнихъ, прибавивъ къ нимъ мало новаго; они приняли также и существенныя черты религіи древняго культурнаго народа, замѣнивъ лишь имена боговъ другими, и придавъ имъ кое-что изъ своихъ семитическихъ воззрѣній. Вся духовная и свѣтская литература симерійцевъ была переведена на семитскій языкъ, и въ городахъ Сиппарѣ и Борзиппѣ, близь Вавилона, были основаны большія жреческія школы, на подобіе школъ въ древнемъ сумерійскомъ Эрехѣ, ревностно занимавшіяся астрономическими наблюденіями и долго процвѣтавшія еще и въ греческое время. Произвели ли халдеи что-нибудь новое и самостоятельное, создали ли новую литературу, объ этомъ еще нельзя произнести окончательнаго сужденія; по всей вѣроятности, они ограничились усвоеніемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ древнихъ сумерійскихъ ученій.

Изъ Вавилоніи семиты распространились по теченію Тигра на сѣверъ. Здѣсь возникли (приблизительно между 2,000 и 1,500 г. до Р. Х.), на границѣ месопотамской пустыни, на западномъ берегу Тигра, города: Ассуръ, названный такъ въ честь бога Ассура «милостиваго» **), и Сингаръ. Впослѣдствіи центръ тяжести передвинулся на восточный берегъ Тигра и на склоны иранскаго плоскогорья. Здѣсь были построены города: Арбела, «городъ четырехъ боговъ», Калахъ и Ниневія, могущественная столица позднѣйшаго всемірнаго царства, которую цари ея украсили крѣпкими стѣнами и великолѣпными дворцами. Но и страна и народъ заимствовали свое имя отъ древнѣйшей столицы Ассуръ; ея божество стало національнымъ божествомъ, и такъ какъ народъ былъ воинственный и все болѣе и болѣе предавался завоеваніямъ, то и Ассуръ, «великій повелитель», «царь всего сонма боговъ», пріобрѣлъ вполнѣ характеръ бога войны.

*) За дальнѣйшими разъясненіями отсылаемъ читателя къ такой таблицѣ, приложенной къ настоящему очерку. Подобныя таблицы найдены также и въ Вавилоніи.

**) Собственно прозваніе древняго божества Иля.

Ассирійскіе цари рано стали распространять свои владѣнія на западъ и на югъ. Тукульти-Нинипъ I (около 1275 г.) первый завоевалъ вавилонское царство и назначилъ туда намѣстника. Тиглатъ—Пилесеръ I (около 1125 г.) покорилъ сѣверную Сирію и восточную часть Малой Азіи. При его преемникахъ могущество ассирійскаго царства понижалось до паденія стараго царскаго рода (около 1000 л. до Р. Х.). Тукульти-Нинипъ II (889—883) возобновилъ завоеванія въ Вавилоніи, Арменіи и Сиріи, и при его преемникахъ могущество ассирійскаго царства все усиливалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ росли великолѣпіе и блескъ столицъ Калаха и Ниневіи. Но знаменитѣйшіе цари вышли изъ новой династіи, воцарившейся, въ лицѣ Саргона, завоевателя Самаріи, въ 721 году. Саргонъ (721—704) и его преемники Санхерибъ (704—680), Ассархаддонъ (680—667) и Ассурбанипалъ (у грековъ Сарданапалъ, 667—635) присоединили къ ассирійскому царству большую часть передней Азіи. Вавилонія, Сузіана, Арменія, не смотря на свои безпрерывныя возстанія, оставались въ зависимости отъ ассирійскаго царя; была завоевана часть Мидіи и Ирана, покорены Сирія и восточная часть Малой-Азіи. Но по смерти Ассурбанипала его могучая имперія все-таки рухнула. Покоренные народы возмутились, мятежные цари Увакшатра (Кіаксаръ) мидійскій и Набополассаръ вавилонскій соединили свои силы для нападенія на столицу. Послѣ продолжительной борьбы, Ниневія и соединенный съ нею Калахъ были взяты приступомъ и сравнены съ землей. Вмѣстѣ съ ними исчезло изъ исторіи и самое имя ассирійцевъ *).

Побѣдители раздѣлили ассирійское царство между собой; мидійскому царю достались сѣверныя и восточныя страны, вавилонскому Месопотамія и Сирія. При сынѣ Набопалассара, Навуходоносорѣ, завоевателѣ Іерусалима (604—561), Вавилонъ возстановилъ на короткое время свой прежній блескъ. Но вскорѣ Киръ персидскій разрушилъ мидійское царство и началъ завоеваніе всей передней Азіи. Въ 538 г., послѣ продолжительнаго сопротивленія, Вавилонъ былъ покоренъ имъ и съ той поры сталъ одною изъ резиденцій персидскихъ царей. Нѣсколько разъ онъ возставалъ противъ послѣднихъ, но никогда не могъ на-долго сбросить чужеземное иго. Персидскіе цари намѣренно предоставляли городу, его стѣнамъ и храмамъ разрушаться; Александръ Великій хотѣлъ возстановить его въ полномъ блескѣ и

*) Время разрушенія Ниневіи (между 625 и 580 г.) нельзя опредѣлить съ точностью. Изъ ниневійскихъ памятниковъ мы, конечно, ничего не узнаёмъ объ этомъ событіи; быть может, развалины Вавилона, еще ожидающія раскопокъ, дадутъ намъ точныя свѣдѣнія о немъ.

сдѣлать его своей резиденціей. Но преемники его владычества надъ Азіей, Селевкиды, поняли, какъ опасно можетъ быть для греческаго господства возстановленіе древнѣйшаго исполинскаго города, и рѣшили сдѣлать его безопаснымъ мирными средствами. Селевкъ I основалъ (около 310 г.) на Тигрѣ новый всемірный городъ, устроенный по греческому образцу, Селевкію, въ который онъ старался привлечь населеніе Вавилона, чтобы пріучить его къ греческой городской жизни и греческому господству. Такимъ образомъ Вавилонъ пустѣлъ все болѣе и болѣе; и хотя древнія школы жрецовъ существовали тамъ еще долго, и въ развалинахъ Вавилона встрѣчаются черепицы съ клинообразнымъ писмомъ, содержащія протоколы и договоры купли и продажи вплоть до I столѣтія по Р. Х., но городъ постепенно пришелъ въ упадокъ. На его мѣстѣ осталось, наконецъ, лишь нѣсколько жалкихъ деревушекъ. Постройки развалились, камни были расхищены; отъ цѣлаго города, который никогда не былъ разрушенъ рукой непріятеля, до нашего времени не сохранилось ни одной значительной руины. Одни только громадныя кучи мусора, которыми засыпаны развалины построекъ, и упомянутыя черепицы покрываютъ мѣсто, гдѣ нѣкогда стоялъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ городовъ Азіи.

Безвозвратно погибли также вавилонскій языкъ и вавилонская національность. Правда, греческая культура не могла удержаться на Тигрѣ и Евфратѣ: съ того времени, какъ эти земли были завоеваны Арзакидами (130 г. до Р. Х.), эллинизмъ малу по малу совсѣмъ исчезъ тамъ. Но вслѣдствіе долговременнаго чужеземнаго господства, древняя національность тоже была уничтожена; новые народы, сначала сирійцы, затѣмъ арабы, заняли ея мѣсто. При Сассанидахъ ядро населенія составляли сирійцы. Магометанское завоеваніе доставило господство арабскимъ языку и національности и, за исключеніемъ незначительныхъ остатковъ, сирійскій языкъ исчезъ съ вавилонской почвы *).

Вавилонско-ассирійская культура распространила свое вліяніе далеко за предѣлы Вавилоніи и Ассиріи. Она сильно повліяла на религіи и сказанія персовъ, сирійцевъ, евреевъ; Вавилонъ былъ родиной астрологіи, звѣздопоклонства и магіи. — Вавилонскія мѣры и вѣсъ и шести-десятичная система счета господствовали во всей передней Азіи и въ Греціи, и если мы еще дѣлимъ кругъ на 360 градусовъ, часъ на 60 минутъ, минуту на 60 секундъ, то корен-

*) Вообще сирійскій языкъ почти совсѣмъ вымеръ.—Селевкія оставалась главнымъ городомъ вавилонскаго царства и, по всей вѣроятности, величайшимъ городомъ Азіи до разрушенія ея римлянами въ 164 г. Ее замѣнили Ктезифонъ, резиденція Сассанидовъ, какъ разъ противъ Селевкіи, на лѣвомъ берегу Тигра, а при калифахъ Багдадъ, въ нѣсколькихъ миляхъ на сѣверъ отъ Селевкіи.

ная причина такого дѣленія та, что вавилоняне положили число 60 въ основу своей счетной системы. Вавилонско-ассирійское искусство проникло въ Сирію и Финикію, гдѣ оно слилось съ египетскимъ; персы строили и писали совершенно по ассирійскому образцу; всѣ памятники Малой Азіи, принадлежащіе до-греческому періоду, также носятъ слѣды ассирійскаго стиля. Отсюда искусство перешло въ Грецію: древнѣйшія греческія скульптурныя произведенія и картины напоминаютъ ассирійскіе образцы, а изображенія львовъ, грифовъ и другихъ миѳическихъ существъ ясно свидѣтельствуютъ о заимствованіяхъ изъ Ассиріи. Лишь мало по малу удалось греческому искусству достигнуть болѣе свободнаго отношенія къ природѣ, особенно въ изображеніи лица и волосъ, и отбросить старозавѣтныя, угловатыя формы.

Клинообразное писмо, несмотря на его неудобства, также широко распространилось въ Азіи. Армяне, мидійцы, элимеи (населеніе Сузы) употребляли его съ небольшими измѣненіями. Персы тоже заимствовали у вавилонянъ типъ ихъ писма, но значительно измѣнили его, отбросивъ составные слоговые знаки, идеограммы и т. д. и составивъ такимъ образомъ простую азбуку, сохранившую лишь немногіе слѣды своего сложнаго происхожденія. Послѣ паденія персидскаго царства, писмо это вышло изъ употребленія; на персидскомъ языкѣ писали взятыми изъ сирійскаго буквами, а современъ магометанскаго владычества, какъ извѣстно, стали писать арабскими знаками.

До сихъ поръ систематическія раскопки съ успѣхомъ произведены только въ Ниневіи и Каллахѣ. Ботта, Лейярдъ, Смитъ открыли здѣсь не только двѣнадцать царскихъ дворцовъ, безчисленныя надписи на цилиндрахъ, обелискахъ, черепицахъ и т. д., но и библіотеку царя Ассурбанипала. Въ ней найдено свыше десяти тысячъ черепичныхъ, значительно попорченныхъ, дощечекъ, большею частью хранящихся теперь въ Британскомъ Музеѣ: этой библіотекѣ мы обязаны всѣмъ, что знаемъ до сихъ поръ объ ассирійско-вавилонской литературѣ. Но всѣ эти черепицы—исключительно копіи частью съ историческихъ документовъ, частью съ древнихъ переводовъ сумерійскихъ сочиненій; сохранились также копіи съ сумерійскихъ оригиналовъ и упомянутыя выше слоговыя и граматическія таблицы. Теперь почти съ увѣренностью можно сказать, что въ Ассиріи литература развилась очень мало или не развилась совсѣмъ, что̀ и не удивительно при чистовоенномъ характерѣ ассирійскаго государства *).

---

*) Въ развалинахъ Ниневіи, конечно, найдено множество историческихъ и религіозныхъ надписей, оффиціальныхъ документовъ, договоровъ, протоколовъ, оффиціальныхъ от-

Не такова была Вавилонія. Здѣсь существовали обширныя школы жрецовъ, въ Сиппарѣ, Борзиппѣ и Эрехѣ, изъ которыхъ, въ греческое время, вышли многіе писавшіе по-гречески математики, астрологи и географы. Множество найденныхъ памятниковъ удостовѣряютъ, что въ этихъ и другихъ вавилонскихъ городахъ существовали обширныя библіотеки. Астрономическія наблюденія производились здѣсь все съ большею и большею точностью. Великій александрійскій астрономъ Птоломей обязанъ вавилонскимъ жрецамъ древнѣйшими точными наблюденіями затменій. Наконецъ здѣсь-же, около 290 г. до Р. X., жрецъ Берозъ написалъ для царя Антіоха I, на греческомъ языкѣ, сочиненіе, содержащее сказанія и политическую исторію его страны. До насъ дошли многочисленныя выдержки изъ этого сочиненія, вновь подтвержденныя найденными памятниками. Сочиненіе Бероза по меньшей мѣрѣ такъ же важно для ассиріологіи, какъ для египтологіи сочиненіе Манеѳона.

При всемъ томъ, мы пока еще знаемъ очень мало вавилонскую исторію и литературу изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ. Хотя на поверхности кургановъ, которыми покрыты развалины Вавилона и Борзиппы, Ура и Эреха и встрѣчаются многочисленные кирпичи съ царскими именами (въ видѣ штемпелей), черепицы съ памятниками чисто-частнаго характера (договоры и проч.), особенно изъ позднѣйшаго времени, черепицы съ историческими замѣтками и принадлежавшія библіотекамъ, но эти остатки древности еще не изслѣдованы систематически, и многочисленныя сокровища несомнѣнно еще остаются пока подъ землею. Раскопки, предпринятыя французской экспедиціей подъ руководствомъ Опперта и Френеля (1854 г.) въ Вавилонѣ, къ несчастію, начаты въ такихъ мѣстахъ, гдѣ почти не оказалось надписей, и дали важные результаты только по топографическимъ вопросамъ. Поэтому еще нельзя судить окончательно о позднѣйшей вавилонской литературѣ. И вообще, такъ какъ библіотека Ассурбанипала еще далеко не исчерпана, нельзя дать полнаго очерка сумерійской и вавилонско-ассирійской литературы и образованности. На многіе вопросы и задачи, изъ которыхъ иные представились лишь въ самое послѣднее время, отвѣчать еще невозможно; всякая попытка разрѣшить ихъ была бы преждевременна, тѣмъ болѣе что каждый день можетъ принести съ собою неопровержимое, основанное на памятникахъ, рѣшеніе. Еще долго ближайшей задачей ассиріологіи останутся прочтеніе и обработка постоянно притекающаго новаго матеріала. Поэтому мы ограничимся обзоромъ того, что найдено до сихъ поръ. Сначала мы кос-

четовъ, печатей съ короткими и длинными надписями и т. д., но все это не относится къ литературѣ.

немся религіозной и миѳической, а потомъ же и остальной литературы.

II. Духовная литература и сказанія.

Чтобы не вдаваться въ подробности, мы сопоставимъ главныя черты религіозныхъ воззрѣній семитическихъ народовъ, въ особенности арабовъ и хананеевъ. Воззрѣнія семитовъ на жизнь первобытны и просты, и вполнѣ соотвѣтствуютъ положенію народа, который живетъ въ пустынѣ скотоводствомъ, грабежомъ и войной, въ нуждѣ и опасности, рѣдко имѣетъ возможность заняться земледѣліемъ въ благопріятныхъ для того мѣстностяхъ, а большею частью перекочевываетъ съ мѣста на мѣсто. Судьба мало благопріятствовала семитамъ; она представлялась имъ мрачною, всемогущею силой, рѣшенія которой начертаны заранѣе, которая, подобно небеснымъ свѣтиламъ, идетъ своимъ предопредѣленнымъ, неумолимымъ путемъ. Имъ извѣстны, правда, и добрыя силы, проливающія дождь, дарующія защиту страннику, посылающія плодамъ зрѣлость; но эти силы творятъ добро по собственной волѣ, и ихъ владычество недолговѣчно. Оттого у семитовъ мы встрѣчаемъ во главѣ пантеона великихъ боговъ, напр. Иля «сильнаго» и жену его Илятъ, богиню природы, къ которымъ присоединяются у сѣверныхъ семитовъ, хананеевъ, сирійцевъ и вавилонянъ, Ваалъ или Бель, «господинъ», жена его Ваалтисъ или Белитъ. Рядомъ съ ними стоятъ: богъ солнца (впрочемъ, Иль и Ваалъ тоже главнымъ образомъ проявляютъ свое могущество въ дѣйствіи и блескѣ солнца), богъ луны и нѣкоторые другіе. Но поклонялись семиты преимущественно второстепенныя божествамъ и духамъ, духамъ пустыни, рѣкъ, деревъ, священымъ камнямъ. Каждое племя, каждая семья имѣла своихъ боговъ-покровителей, направлявшихъ ихъ судьбу, помогавшихъ имъ пріобрѣтать силу и значеніе, и потому враждебно относившихся къ богамъ другихъ племенъ. Отсюда особенность семитическихъ религій — ихъ строгая исключительность. Божество, какъ господинъ и покровитель племени, ему подвластнаго, требуетъ исключительнаго поклоненія: отсюда семитское, напр. арабское, единобожіе. При всемъ томъ, практическая жизнь всецѣло поглощаетъ семита. Хитрость, тѣлесная и умственная ловкость—выдающіяся черты семита; онъ не знаетъ смѣлаго полета фантазіи, характеризующаго индо-европейское племя, рѣдко доступно ему и полное искреннее увлеченіе: въ семитической поэзіи они нерѣдко замѣняются остроумною наблюдательностью и вычурною тонкостью оборотовъ. Семитъ совсѣмъ лишенъ смысла къ искусству; въ этой области онъ постоянно подражаетъ созданіямъ другихъ народовъ. Семиты не сдѣ-

лали также ничего самостоятельнаго, оригинальнаго въ наукѣ, но всюду умѣли усвоивать себѣ чужое. У нихъ была сильная склонность къ торговлѣ, къ посредничеству, къ международной передачѣ идей и знаній. Сами они изобрѣли мало новаго, но взамѣнъ того познакомили Западъ съ древнѣйшими культурами Востока.

Настоящей родиной семитовъ была обширная пустынная Аравія, къ которой примыкаютъ на сѣверѣ пустыни Сиріи и Месопотаміи. Гдѣ они пріобрѣтали осѣдлость, напр. въ плодоносной южной Аравіи, въ Сиріи и Финикіи, тамъ, конечно, значительно измѣнялись ихъ воззрѣнія и нравы, тамъ они дѣлались въ высокой степени доступными чужимъ вліяніямъ. Если въ занятой ими странѣ народъ уже обладалъ развитой культурой, они усвоивали изъ нея очень многое. Такъ было и въ Вавилоніи.

Весь строй жизни сумерійцевъ сильно разнился съ семитическимъ. Сумерійцы были народомъ земледѣльческимъ, способнымъ къ государственной жизни; искусство, литература, изобрѣтательность были у нихъ развиты въ высокой степени. Они создали свою миѳологію, мало уступающую индійской въ богатствѣ и многосторонности, представляющую первыя попытки къ разрѣшенію вопросовъ бытія; у семитовъ мы едва находимъ первые начатки миѳологіи. Хотя искусство сумерійцевъ и уступало египетскому въ тщательной обработкѣ деталей, оно имѣло однако то большое преимущество передъ египетскимъ, что сумерійскій художникъ свободнѣе относился къ своей задачѣ; ассирійско-вавилонское искусство не знало обязательнаго гіератическаго канона. О научномъ значеніи сумерійцевъ мы будемъ говорить ниже.

Смѣшеніе сумерійскихъ и семитическихъ воззрѣній породило религію, съ которой мы знакомимся изъ памятниковъ Ассиріи и Вавилоніи. Семиты сохранили имена своихъ боговъ; они отожествили своего Беля съ сумерійскимъ Иномъ, свою Белиту (Ваалтисъ) съ сумерійскою Истаръ (Астартой). Но весь миѳологическій аппаратъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ многія божества, изъ которыхъ ни одно не соотвѣтствовало ихъ богамъ, были усвоены ими безъ всякихъ измѣненій. Нѣкоторые изъ этихъ культовъ и связанныхъ съ ними сказаній, напр. культъ Истаръ-Астарты, распространились далеко въ Сиріи и Палестинѣ, даже въ южной Аравіи

Семитическія воззрѣнія сильнѣе сказились въ Ассиріи, чѣмъ въ Вавилоніи. Въ каждой ассирійской надписи восхваляются, правда, великіе боги, дарующіе царю защиту и побѣду, но миѳическія воззрѣнія отступаютъ на задній планъ, боги почти заслоняются отвлеченностями. Замѣчательно, что въ то время какъ въ Египтѣ храмы были единственными сооруженіями, неподдавшимися разрушительно-

му дѣйствію временъ, и величайшей достопримѣчательностью Вавилона былъ храмъ Беля, въ Ниневіи храмы значительно уступаютъ дворцамъ. Затѣмъ выдающеюся чертой ассирійчевъ была ужасающая жестокость, съ которой они относились къ побѣжденнымъ врагамъ и мятежникамъ и которою хвалились ихъ цари въ своихъ надписяхъ и скульптурныхъ произведеніяхъ: она превосходитъ даже жестокость, выказанную евреями въ Ханаанѣ.

Сумерійцы очень рано установили связь между своими богами и звѣздами. Совершенно ровная Вавилонія была какъ нельзя болѣе удобна для астрономическихъ наблюденій, и здѣсь зародилась мысль, что судьба человѣка непремѣнно связана съ небесными явленіями. Вавилоняне наблюдали движеніе планетъ; отмѣчали состояніе неба въ минуту рожденія человѣка, судьбу котораго желали узнать; въ относительномъ положеніи планетъ между собою и къ неподвижнымъ звѣздамъ, видѣли вѣрныя предзнаменованія событій его жизни. Такимъ образомъ, одновременно съ астрономіей, возникла астрологія. Въ самыхъ планетахъ усматривали знаменія и проявленія великихъ боговъ: солнце и луна съ самаго начала были божествами, Юпитера считали звѣздою Беля-Меродаха, Венеру—звѣздою богини Истаръ и т. д. Дни и часы также находились подъ защитой планетъ; названія нашихъ семи дней недѣли имѣютъ вавилонское происхожденіе, какъ и вѣра въ святость числа семь. Со времени завоеванія Вавилона Александромъ Великимъ, вавилонская астрологія распространилась по всему свѣту: Берозъ былъ первымъ основателемъ астрологической школы на греческой землѣ, на островѣ Косѣ. Сначала греки относились къ халдейской мудрости скептически и уклончиво; но во времена римской имперіи она проникла во всѣ кружки, во всѣ философскія системы. Ея вліяніе видно даже въ позднѣйшихъ надписяхъ на египетскихъ храмахъ и въ священныхъ книгахъ индійцевъ. Всѣмъ извѣстно ея господство въ Европѣ до прошедшаго столѣтія.

Въ вавилонскомъ пантеонѣ важнѣйшія божества были слиты въ одинъ циклъ, состоящій изъ двѣнадцати великихъ боговъ, къ которымъ ассирійцы присоединили своего національнаго бога Ассура, въ качествѣ самаго главнаго. Во главѣ ихъ стоитъ Ану, богъ неба, «господь небеснаго воинства», первоначальное существо, поднявшееся изъ моря и потому изображаемое въ видѣ рыбы-человѣка. Рядомъ съ ними стоитъ Белъ «возвышенный, отецъ боговъ»; Хеа, «царь глубины, направитель судебъ»; Раману, богъ воздуха и грозы, и др. Сохранились многочисленные гимны въ честь этихъ боговъ, частью только въ ассирійскомъ переводѣ, частью въ сумерійскомъ подлинникѣ. Вотъ что говорится о Меродахѣ, могучемъ божествѣ, сразившемъ молніей великаго дракона:

Твое велѣніе—могучій мечъ, простираемый тобою надъ землею и небомъ.
Оглядываюсь на море, но море опускается;
Оглядываюсь на цвѣтокъ, но цвѣтокъ увядаетъ;
Оглядываюсь на приливъ Евфрата,
Но велѣніе Меродаха опустошаетъ русло его.
О, господь! Ты великъ! Кто равенъ тебѣ?

Гимнъ къ богу-солнцу Самасу:

О, господь! освѣтитель мрака, ...
Милосердый богъ, выпрямляющій согбенныхъ, защищающій слабыхъ!
Къ твоему свѣту обращены взоры великихъ боговъ,
Духи земли, всѣ они созерцаютъ свѣтлый твой образъ. . . .
О, богъ, на тебя взираютъ и радуются далеко живущіе люди!

И дальше:

Ты—праведный въ небесахъ, неизмѣнный,
Ты—тотъ, кто опредѣляетъ положеніе странъ.
Ты—господь живыхъ существъ, милостивецъ земель,
О Самасъ, освѣти въ этотъ день царя
Сына своего бога!

Болѣе длинный гимнъ обращенъ къ богу-лунѣ Сину, богу древняго города Ура. Приводимъ его въ извлеченіи:

О Господь, вождь боговъ, ты одинъ великъ въ небесахъ и на землѣ.
Отецъ Наунаръ, владыка небеснаго воинства, предводитель боговъ,
Богъ Синъ, владыка вѣнца, предводитель боговъ и т. д.
Милосердый, творецъ всего, возводящій у живыхъ существъ ярко-свѣтлую обитель,
Ты, призывающій на царство, дарующій скипетръ, опредѣляющій судьбу на отдаленные дни,
Свѣтло возносящійся изъ глубины неба до величайшей высоты, открывающій небесныя ворота.
Кто великъ въ небесахъ? Ты одинъ великъ.
Кто великъ на землѣ? Ты одинъ великъ.
Твое велѣніе возвѣщается въ небесахъ—
Небесные ангелы повергаются ницъ;
Твое велѣніе возвѣщается на землѣ—
Земные ангелы лобызаютъ землю . . . .
Царь царей, незнающій надъ собою судьи, божество, которому нѣтъ равнаго,
Защити мѣсто твоего царства,
Будь милостивъ къ твоему храму, будь милостивъ къ городу Уру!

И здѣсь, какъ у всякаго другаго народа, границы власти и атрибуты божествъ еще мало разграничены. Каждый богъ, тамъ, гдѣ ему поклоняются, и для того, кто ему молится, есть величайшій, единый, творецъ свѣта, приносящій добро и наказующій зло. Обыкновенно теологическая система гораздо позже опредѣляетъ кругъ власти отдѣльныхъ божествъ и почти нигдѣ не проводитъ своихъ опредѣленій вполнѣ.

Приводимъ образцы другихъ гимновъ и молитвъ:

Кто не страшится бога своего,
Тотъ срѣзывается какъ тростникъ.
Кто не почитаетъ Истаръ,
Тотъ изнемогаетъ тѣлесно.
Какъ звѣзда ночи теряетъ онъ свой блескъ *).
Онъ изчезаетъ, какъ влага ночи.
О Бель, много моихъ прегрѣшеній,
Велики грѣхи мои;
Бель въ гнѣвѣ своего сердца
Покрылъ меня позоромъ,
Богъ въ строгости своего сердца
Осилилъ меня.
Истаръ сошла на меня,
Послала мнѣ тяжкое горе.
Я упалъ на землю,
Никто не поддержалъ меня за руку;
Я громко закричалъ,
Никто меня не услышалъ.

Вотъ молитва за царя:

Дальніе дни
Вѣчные годы
Сильное оружіе,
Долгую жизнь,
Много дней чести,
Главенство надъ царями,
Даруй царю, господину,
Принесшему этотъ даръ
Своимъ богамъ.
Даруй его царству жителей
Въ великомъ, безчисленномъ множествѣ!
Да принадлежитъ ему
Владычество надъ царями,
Господство надъ народами.
Пусть достигнетъ онъ глубокой старости.

По формѣ вавилонская поэзія очень близка къ еврейской. И въ той и въ другой преобладаетъ такъ-называемый параллелизмъ членовъ какъ при повтореніи одной и тойже мысли въ различныхъ оборотахъ, такъ и въ томъ случаѣ, когда два одинаково построенныхъ члена противополагаются одинъ другому. Отдѣльные стихи часто раздвояются цезурой. Таковы въ сущности и формы египетской поэзіи.

Подлѣ великихъ боговъ стоятъ и многочисленныя второстепенныя божества. Къ нимъ принадлежатъ демоны, злые духи, «блуждающіе по городу и ищущіе истреблять людей». Этимъ особенно за-

*) Т. е как потухаетъ звѣзда при наступленіи утренней зари.

няты семь злыхъ духовъ, часто упоминаемыхъ въ текстахъ. Вотъ что говорится о нихъ:

Ихъ семеро, ихъ семеро,
Ихъ семеро въ глубинѣ водъ,
Ихъ семеро въ небесномъ эѳирѣ.
Они выросли въ глубинѣ подводныхъ ямъ,
Они не мужескаго, они не женскаго пола,
Нѣтъ у нихъ ни женъ, ни сыновъ,
Имъ невѣдомы почтеніе и благія дѣла,
Они не внемлятъ мольбамъ и молитвамъ.

Противъ злодѣяній этихъ демоновъ или и для того, чтобъ заставить ихъ служить людямъ, направлены магическія заклинанія, сохранившіяся въ большомъ числѣ, но которыя понять очень трудно. Мы приведемъ для примѣра одно изъ такихъ заклинаній, но переводъ нашъ далеко не точенъ:

Пусть злая женщина сядетъ на правую сторону,
Лѣвая пусть будетъ свободна.
Завяжи узелъ семерыхъ духовъ,
Оберни голову больного,
Оберни бокъ больного
И его члены какъ оковами,
Сядь на его ложе
И омочи его живою водой.

Мы имѣемъ подобныя заклинанія отъ огня и воды, въ которыхъ призываются прежде всего духъ земли и духъ неба. Защитникомъ отъ злыхъ духовъ былъ главнымъ образомъ богъ Меродахъ, который послѣ борьбы съ дракономъ побѣдилъ и злыхъ духовъ, и уничтожилъ ихъ господство на землѣ.

Что магія развилась именно въ Вавилонѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Она имѣла сильное вліяніе на позднѣйшій составъ персидской религіи, и персидскіе жрецы, маги, навсегда передали свое имя этой таинственной наукѣ.

Съ вавилонскими богами связано множество сказаній. До сихъ поръ мы имѣемъ ихъ только въ ассирійскомъ переводѣ. Между тѣмъ, по ихъ характеру, по встрѣчаемымъ въ нихъ именамъ и самому изложенію несомнѣнно, что подлинники написаны на сумерійскомъ языкѣ. Притомъ въ библіотекѣ Ассурбанипала, какъ сообщаетъ мнѣ профессоръ Фр. Деличъ, найдены отрывки, очевидно подготовительные къ такимъ переводамъ. По одну сторону стоятъ сумерійскія фразы, по другую ассирійская редакція, — совершенно такая же, какую мы находимъ въ сохранившихся текстахъ. Къ сожалѣнію, черепицы, содержащія эти разсказы, большею частью такъ сильно по-

порчены, что нельзя передать ихъ въ послѣдовательномъ переводѣ; во многихъ мѣстахъ можно только угадывать смыслъ. Поэтому мы ограничимся тѣми отрывками, которые лучше сохранились и содержатъ исторію сотворенія міра, сказанія о потопѣ и сошествіи Истаръ въ адъ.

Исторія сотворенія міра начинается описаніемъ первоначальнаго хаоса:

Нѣкогда небо наверху не давало о себѣ знать,
Внизу земля еще не произносила никакого имени *),
И океаны еще не открыли своихъ предѣловъ.
Мумму-Чаматъ (хаосъ) создалъ ихъ всѣ
И ихъ воды обнимали (вселенную),
Ни одно растеніе не поднималось, ни одинъ цвѣтокъ не распускался,
Изъ боговъ не произошелъ еще ни одинъ,
Имена ихъ не произносились, ихъ свойства были неизвѣстны.
Тогда были созданы древнѣйшіе боги:
Лахму и Лахаму были рождены и выросли . . .
Саръ и Киссаръ были тогда рождены.
Прошло много дней . . .

Къ сожалѣнію, здѣсь и кончается отрывокъ. Онъ совершенно согласуется съ свидѣтельствомъ позднѣйшихъ греческихъ писателей о вавилонской космогоніи.

Другіе отрывки подробнѣе описываютъ сотвореніе міра, распредѣленіе звѣздъ, происхожденіе животныхъ и т. д. Но и они очень неполны; смыслъ ихъ неясенъ въ самыхъ важныхъ мѣстахъ, и нѣтъ возможности передать ихъ въ точномъ переводѣ или окончательно рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли вавилонское сказаніе, какъ утверждали не одинъ разъ, очень сходно съ еврейскимъ ветхозавѣтнымъ повѣствованіемъ о сотвореніи міра. Къ счастію, вавилонское сказаніе о потопѣ сохранилось почти вполнѣ, и смыслъ его не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Оно такъ согласно съ библейскимъ разсказомъ, что нельзя сомнѣваться въ непосредственной связи между ними.

Вавилонское сказаніе о потопѣ составляетъ эпизодъ въ повѣствованіи о дѣлахъ великаго вавилонскаго героя Издубара. Удрученный тяжкою болѣзнію и заботами, онъ хочетъ обратиться къ Газисадрѣ, отцу людей, который одинъ пережилъ великій потопъ и за свое благочестіе допущенъ въ страну блаженныхъ.—Послѣ многихъ приключеній, Издубаръ приходитъ къ водамъ смерти; Урхамза перевозитъ его черезъ потокъ въ обиталище блаженныхъ. Здѣсь онъ встрѣчаетъ Газисадру, который на его распросы разсказываетъ, какъ богъ

*) Т.-е. не было ни неба, ни земли. „Имя“ здѣсь, какъ и у египтянъ, тоже, что сущность вещей; что не имѣетъ или не объявляетъ своего имени, то и не существуетъ.

Илеа велѣлъ ему построить большое судно для себя, для жены, дѣтей, домочадцевъ и скота. Боги хотѣли наказать людей за ихъ грѣхи. Газисадра перенесъ въ ковчегъ все свое имущество, съѣстные припасы и скотъ.

Самасъ (богъ-солнце) приготовилъ потопъ и сказалъ вечеромъ: „Я хочу послать сильный дождь съ неба; войди въ ковчегъ и запри его двери". Газисадра входитъ въ ковчегъ, и потопъ начинается. „Раману (богъ грозы) гремѣлъ посреди неба, Небо и Сарру шли впередъ, шагая черезъ горы и долины. Разрушитель Нергаль опрокидывалъ, Нинипъ выступалъ и повергалъ на землю. Духи несли истребленіе, въ своемъ величіи они очищали землю. Воды Раману поднялись до неба, плодоносная земля обратилась въ пустыню". Всякая жизнь уничтожена, и Истаръ, богиня плодородія, оплакиваетъ гибель людей. „Шесть дней и ночей протекли среди вихря, бури и потопа. На седьмой день буря улеглась, и потопъ, опустошительный, какъ землетрясеніе, сталъ спадать. Я плылъ по бушующему морю, а все человѣчество обратилось въ илъ; какъ тростникъ, плавали трупы. Я открылъ окошко, и на мое лицо упалъ свѣтъ; я содрогнулся, сѣлъ и заплакалъ; по моему лицу текли слезы". Ковчегъ присталъ къ горѣ Низиръ и оставался тамъ шесть дней. „На седьмой день я выпустилъ ласточку (?); она улетѣла, но не нашла себѣ покойнаго мѣста и возвратилась". Затѣмъ онъ выпустилъ ворона, и тотъ уже не возвратился. Тогда онъ самъ покинулъ ковчегъ и принесъ жертву богамъ. Но боги сожалѣютъ о томъ, что истребили всѣхъ людей, какъ праведныхъ, такъ и грѣшныхъ. Они рѣшаютъ впредь не возобновлять потопа, а наказывать злыхъ посредствомъ дикихъ звѣрей, голода и мора.

Мы имѣемъ еще много другихъ сказаній, сохранившихся въ болѣе или менѣе полномъ видѣ, напр. сказаніе о дѣяніяхъ бога моровой язвы Диббары, которому поклоняются всѣ люди, чтобъ онъ не повторялъ своихъ опустошительныхъ нашествій на землю; разказъ о битвѣ Бель-Меродаха съ дракономъ, а въ особенности обширный циклъ сказаній о подвигахъ великаго героя и царя Издубара. Мы ограничимся изложеніемъ одного изъ интереснѣйшихъ миѳовъ— сказанія о сошествіи Истаръ въ адъ:

Въ страну, откуда нѣтъ возврата, въ страну смерти,
Направилась Истаръ, дочь Сина,
Въ домъ отверженія, въ жилище Иркаллы,
Въ домъ, входъ котораго безъ выхода,
На дорогу, по которой нѣтъ возврата,
Въ домъ, гдѣ питаются прахомъ и насыщаются иломъ.
Гдѣ не видать свѣта и живутъ во мракѣ,
Гдѣ двери и запоры посыпаны прахомъ.
Истаръ, достигнувъ воротъ подземнаго міра,
Изрекла привратнику приказъ:
„Стражъ водъ, открой твои ворота!
Открой твои ворота, я хочу войти.
Если не откроешь воротъ и не впустишь меня,
Я раздроблю запоры, разломаю дверь,
Я выведу мертвыхъ, дамъ имъ пищу и жизнь,
Пусть мертвые соединятся съ живыми".

Привратникъ открылъ уста и заговорилъ,
Онъ сказалъ богинѣ Истаръ:
„Остановись, владычица, такъ не поступай,
Я пойду и возвѣщу о тебѣ царицѣ Аллатъ“.

Аллатъ, царица подземнаго міра, негодуетъ и велитъ привратнику впустить Истаръ и относиться къ ней, какъ ко всякому другому посѣтителю. Стражъ впускаетъ ее:

Онъ далъ ей пройти въ первыя ворота
И снялъ съ ея головы великую корону.
„Зачѣмъ, о стражъ, великую корону
Ты снялъ съ моей головы?“
„Войди, царица: богиня подземнаго міра
Поступаетъ такъ съ своими гостями“.

Такъ у каждыхъ вородъ она лишается или какой нибудь одежды, или отличительнаго знака, и когда она предстала богинѣ Аллатъ, то была уже безсильна. Аллатъ насылаетъ на нее болѣзнь и держитъ ее въ плѣну; плодородіе на землѣ прекратилось, и великіе боги признали, что необходимо освободить Истаръ. По требованію посла боговъ, Аллатъ должна исцѣлить и освободить ее. При каждыхъ воротахъ Истаръ получаетъ одну изъ своихъ одеждъ обратно; по возвращеніи ея изъ подземнаго міра, жизнь и радость возвращаются на землю.

Читателю не трудно догадаться, что это сказаніе сходно съ греческой легендой о Деметрѣ и Персефонѣ. Истаръ—великая богиня природы, жизни и плодородія. Но осенью природа замираетъ, Истаръ спускается къ мертвымъ, возвращаясь весной къ новой жизни.

Много другихъ сказаній должны быть еще скрыты подъ развалинами Ниневіи и городовъ Вавилоніи. Мы знаемъ, напримѣръ, вавилонское происхожденіе знаменитаго сказанія объ Истаръ (Астартѣ, греческой Афродитѣ) и ея любимцѣ Яммузѣ (Адонисъ), погибающемъ отъ зависти боговъ. Библейское повѣствованіе о раѣ описываетъ также вавилонскую землю. Если сообразить, что тексты, о которыхъ мы говоримъ, стали намъ доступны только въ послѣднемъ десятилѣтіи, что раскопки постоянно продолжаются, то можно себѣ представить, насколько расширятся къ концу текущаго столѣтія наши теперешнія познанія въ вавилонско-ассирійской литературѣ и миѳологіи.

Приведенныхъ текстовъ достаточно для того, чтобы составить представленіе о религіи и миѳологіи вавилонянъ и ассирійцевъ. Замѣтимъ только, что у нихъ, въ противоположность египтянамъ, поклоненіе усопшимъ и воззрѣнія на загробную жизнь отходятъ на задній планъ. Дѣйствительная жизнь предъявляетъ здѣсь всѣ свои права; фантастическія представленія, которыя все болѣе и болѣе вырабатывались у египтянъ въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, и изобра-

жались въ ихъ гробницахъ, далеко не имѣли такого значенія у вавилонянъ. Гробницы ихъ просты, на нихъ нѣтъ украшеній. Загробная жизнь представлялась имъ жизнію тѣней, какъ и грекамъ въ гомерическихъ поэмахъ. По всей вѣроятности, они допускали вознагражденіе добрыхъ и наказаніе злыхъ на томъ свѣтѣ; до насъ дошли поэтическіе памятники, описывающіе, какъ спокойно можетъ праведникъ ожидать будущей жизни и готовиться къ загробному суду.

III. Научная литература.

Хотя вавилонскіе жрецы потратили много силъ на астрологію и магію, они тѣмъ не менѣе сдѣлали большіе успѣхи въ астрономіи. Особенное значеніе имѣли ихъ наблюденія надъ солнечными и лунными затменіями. Частыя упоминанія ассирійскихъ историческихъ надписей объ этихъ затменіяхъ много помогли опредѣленію хронологіи событій. Греческіе писатели также много пользовались этими наблюденіями. Начиная съ 747 года до Р. Х., когда воцарился Набонассаръ, мы находимъ ихъ въ большомъ астрономическомъ сочиненіи Птолемея.

Вѣроятно и математика была болѣе развита у вавилонянъ, чѣмъ въ Египтѣ. Между черепичными таблицами, содержащими математическія вычисленія, наибольшій интересъ представляютъ, быть можетъ, вычисленія квадратныхъ и кубическихъ чиселъ. Мы уже упоминали, что даже и въ греческое время вавилонскіе ученые писали о математикѣ и астрономіи.

Изъ научныхъ сочиненій вавилонянъ и ассирійцевъ до насъ дошли остатки большихъ собраній Ассурбанипала, въ которыхъ было также и по нѣскольку экземпляровъ одного и того-же сочиненія, и многочисленныя черепицы и глиняные цилиндры изъ вавилонскихъ библіотекъ. Вмѣстѣ съ названными выше науками, они посвящены еще и географіи (списки городовъ, земель и рѣкъ), естественно-историческимъ свѣдѣніямъ о растеніяхъ и животныхъ и лексическимъ сборникамъ, служившимъ преимущественно для сопоставленія суммерійскихъ и семитическихъ словъ и формъ, и для объясненія идеографическихъ знаковъ. Изъ медицинскихъ сочиненій сохранился только одинъ небольшой отрывокъ.

Сюда-же относятся большіе сборники законовъ, изъ которыхъ сохранились многочисленные отрывки. Всѣ подлинники ихъ, безъ исключенія, написаны на сумерійскомъ языкѣ и большею частью сохранились. Мы приведемъ изъ нихъ два закона, дошедшіе до насъ на языкахъ аккадійскомъ и ассирійскомъ:

Если дитя скажетъ своему отцу: „ты мнѣ не отецъ“, то отецъ сбриваетъ ему волосы, опредѣляетъ его на полевыя работы, и продаетъ его за деньги.

„Если жена обращается дурно съ своимъ мужемъ и говоритъ ему: „ты мнѣ не мужъ“, то ее бросаютъ въ рѣку.

Копіи съ многочисленныхъ историческихъ надписей, съ исписанныхъ глиняныхъ цилиндровъ и призмъ, которые часто употреблялись для надписей и лѣтописей, также встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ библіотекахъ, служившихъ, по всей вѣроятности, еще и архивами. Берозъ несомнѣнно пользовался подобнымъ матеріаломъ для своей исторіи. Но очень сомнительно, чтобы до него существовала вавилонская или ассирійская историческая литература. За-то хронологія была точно установлена въ ассирійскомъ государствѣ; какъ въ Аѳинахъ и въ Римѣ, каждый годъ получалъ имя сановника, занимавшаго въ этомъ году высшее званіе въ государствѣ. Сохранилось нѣсколько такихъ именныхъ списковъ, въ которые вносились и важнѣйшія событія каждаго года. Въ Вавилонѣ, какъ и въ Египтѣ, время считали годами правленія царей.

При изложеніи вавилонской литературы, какъ и при изложеніи египетской, мы не касались публичныхъ и частныхъ документовъ, царскихъ и храмовыхъ надписей, оффиціальныхъ донесеній, писемъ и т. д., такъ какъ они собственно не принадлежатъ къ литературѣ. Мы упомянемъ только объ одной надписи, потому что она, очевидно, носитъ характеръ сказанія и напоминаетъ разсказы о Кирѣ, Ромулѣ и др. основателяхъ государствъ. Сказаніе это повѣствуетъ о древне-вавилонскомъ царѣ Саргонѣ I (около 1600 г.), но дошло до насъ только въ ассирійскомъ спискѣ, и неизвѣстно, дѣйствительно ли оно написано самимъ царемъ. Въ этой надписи мы читаемъ:

Я Саргонъ, могущественный царь, царь Аккадіи (въ Вавилоніи). Мать моя была царицей, отца своего я не зналъ. Братъ моего отца царствовалъ въ странѣ. Въ городѣ Азупирану, на берегу Евфрата, родила меня мать моя, царица, въ трудномъ положеніи; она уложила меня въ тростниковую корзинку, залѣпила ее смолой и опустила въ рѣку. Но рѣка не поглотила меня, а принесла меня къ Акки, водоносу. Акки, водоносъ, поднялъ меня изъ состраданія, воспиталъ какъ своего сына и сдѣлалъ меня своимъ управителемъ. Во время моего управительства, мнѣ принесла счастіе Истаръ.

Къ сожалѣнію, не разсказано, какъ достигнулъ Саргонъ царской власти, а прямо слѣдуетъ повѣствованіе его о подвигахъ своего 45-ти-лѣтняго царствованія, которое онъ ставитъ въ примѣръ своимъ преемникамъ.

Мы уже не разъ упоминали о великой заслугѣ, которую оказалъ исторіи Ассурбанипалъ учрежденіемъ своей библіотеки. Большая часть исписанныхъ черепицъ, какъ свидѣтельствуютъ подписи,—«точныя копіи съ сумера и аккада», т.-е. съ сумерійскихъ и аккадій-

скихъ подлинниковъ. Нѣкоторые сумерійскіе тексты, повидимому, переведены назначенными для того Ассурбанипаломъ учеными, которымъ принадлежитъ и часть силлабаровъ. Таблицы, составляющія продолженіе одна другой, тщательно обозначены и перенумерованы. Обыкновенно на нихъ подписано: «собственность Ассурбанипала, царя народовъ, царя ассурскаго». Часто Ассурбанипалъ прославляетъ себя и болѣе подробно; вотъ одинъ изъ такихъ текстовъ:

Дворецъ Ассурбонипала, царя народовъ, царя ассурскаго, которому Небо (богъ прорицанія) и Тасмитъ (богиня науки) даровали открытыя уши; который получилъ просвѣтленныя очи, чтобы ввести писаніе на черепицахъ. Тѣ, которые жили во времена царей до меня, не обладали подобнымъ средствомъ къ ученію. Неизчерпаемую мудрость Небо, длинный рядъ расположенныхъ столбцами словъ, множество полезныхъ вещей написалъ я на черепицахъ, далъ имъ форму и вырѣзалъ на нихъ [писменнымъ рѣзцомъ], и поставилъ ихъ какъ даръ моему учрежденію въ моемъ дворцѣ".

Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ основанія библіотеки внезапно рухнуло ассирійское царство, и кучи мусора покрыли безчисленныя черепицы. Ей было однако же предназначено судьбою сохранить для отдаленнаго потомства подлинныя свѣдѣнія о томъ, какъ думали и писали древніе вавилоняне, во что они вѣровали и въ чемъ заключалась ихъ мудрость.

Набросанная г. Мейеромъ характеристика древнихъ семитовъ вполнѣ примѣняется и къ финикійцамъ *). Вмѣстѣ съ Вавилоніей и Ассиріей, вошла въ составъ персидскаго государства и юго-западная часть Сиріи, такъ-называемая Ханаанская земля, имѣвшая огромное значеніе въ исторіи. Между бассейнами Евфрата и Тигра и Средиземнымъ моремъ сначала медленно поднимается, потомъ круто спускается къ морю высокая равнина Сиріи, перерѣзываемая съ сѣвера на югъ, отъ Тавра до сѣверо-восточной оконечности Чермнаго моря, долиной такъ-называемой низменной Сиріи на двѣ половины: восточную и западную. Двумъ родственнымъ народамъ, населявшимъ, вмѣстѣ съ другими народами, западную половину этой равнины,—финикійцамъ и евреямъ—суждено было оказать сильное вліяніе на общее развитіе человѣчества, хотя и въ различныхъ направленіяхъ. Пришедшіе съ востока финикійцы, съ незапамятныхъ временъ заняли восточное побережье Средиземнаго моря, но были потомъ оттѣснены позже пришедшими народами и изгнанными изъ Египта семитами къ самому

*) Желающимъ ближе ознакомиться съ исторіей и образованностью финикійцевъ мы укажемъ на изслѣдованія Моверса, на статьи его о финикійцахъ въ извѣстной „Энциклопедіи" Эрша и Грубера, и на указанія, встрѣчаемыя въ трудахъ Ренана и египтологовъ: Лепсіуса, Эберса и Масперо.

берегу, гдѣ земледѣліе и скотоводство были уже невозможны и гдѣ имъ пришлось искать иныхъ средствъ къ существованію.

Въ составъ Финикіи входили многочисленные города, которые рано стали очень важными промышленными и торговыми центрами, добывъ себѣ право продавать въ Египтѣ иноземные товары, а въ другихъ странахъ—египетскіе. Благодаря этому праву и своей необычайной прдпріимчивости, финикійцы стали первымъ торговымъ, промышленнымъ и мореходнымъ народомъ глубокой древности. Торговля ихъ съ другими народами производилась одновременно сухимъ путемъ и моремъ, при помощи каравановъ и судовъ. Всѣ дороги отъ главныхъ рынковъ дальняго востока въ западномъ направленіи сходились въ финикійскихъ городахъ Сидонѣ и Тирѣ. Когда еще не существовало греческаго мореходства, финикійцы первые завязали торговыя сношенія по берегамъ Средиземнаго моря, проникая даже въ Атлантическій океанъ, и основали многочисленныя колоніи. Было время, когда Средиземное море могло бы быть названо финикійскимъ озеромъ. Исторія этой колонизаціи извѣстна намъ очень мало; архивы Тира и Сидона не сохранились; погибли также и сочиненія греческихъ и римскихъ писателей о Финики, основанныя на историческихъ документахъ. Все, что мы знаемъ объ этой колонизаціи, дошло до насъ въ видѣ миѳовъ. Въ древности сложилось сказаніе, что тирскій Гераклъ, Мелькартъ, собралъ многочисленную рать и много кораблей, чтобы завоевать Иберію. По пути онъ покорилъ Африку, водворилъ тамъ земледѣліе и основалъ баснословный городъ Гекатомпилы, переплылъ проливъ, которому далъ свое имя, построилъ городъ Гадесъ и проникъ въ Иберію. Похитивъ миѳическихъ быковъ иберійскаго царя, онъ возвратился въ Азію черезъ Галлію, Италію, Сардинію и Сицилію. Къ этому сказанію, рисующему въ общихъ чертахъ финикійскую колонизацію, примыкало множество мѣстныхъ преданій, о Кинарѣ на Кипрѣ и Мелосѣ, о похищенной Зевсомъ Европѣ, о Кадмѣ, отыскивающемъ свою сестру, посѣщающемъ Кипръ, Родосъ, Циклады, строющемъ Ѳивы въ Беотіи и умирающемъ въ Иллиріи. Всюду, куда ни проникали финикійцы, ихъ предпріимчивость оставляла глубокіе слѣды въ памяти и воображаніи народовъ. Ихъ имя, ихъ боги и память объ ихъ владычествѣ дѣлались предметомъ сказаній, на основаніи которыхъ ученымъ приходится теперь возстановлять съ большимъ трудомъ утраченную исторію ихъ морскихъ открытій.

Финикійцы рано заселили островъ Кипръ; огибая берега Средиземнаго моря въ сѣверо-западномъ направленіи, они умѣли воспользоваться естественными богатствами побережья Малой Азіи, хлѣбороднаго, изобилующаго виноградомъ, оливами, мраморомъ, металлами и

хорошими портами. Древнѣйшее туранское населеніе Малой Азіи не устояло противъ соединенныхъ нападеній арійцевъ и семитовъ. Арійцы Малой Азіи населяли все пространство отъ горъ Арменіи до Тавра и Архипелага. Главная часть арійскаго племени была скучена въ западной части этой высокой равнины, омываемой на сѣверѣ Сангаромъ, на югѣ Меандромъ. Благодаря исключительно благопріятнымъ климатическимъ условіямъ, эта страна, получившая названіе Фригіи, вскорѣ стала могущественнымъ и богатомъ царствомъ. Фригійскій языкъ очень близокъ къ греческому и прямо указываетъ на племенное родство фригійцевъ съ греками. Отдѣленные отъ моря народами того же семейства, фригійцы замкнулись въ своихъ предѣлахъ, и образованность ихъ получила по этому совершенно своеобразный характеръ. По фригійскимъ сказаніямъ, могущественнѣйшіе цари фригійскаго народа имѣли свое пребываніе у истоковъ Сангара. Тамъ жили Гордій и Мидасъ, сынъ Гордія и богини Цибелы. Мидасъ былъ царь богатый и воинственный, считавшійся основателемъ городовъ Примнеза и Мидайона. Нѣсколько могилъ, развалины крѣпостей и не объясненные еще барельефы—вотъ все, что сохранилось отъ времени фригійскихъ царей, столь славившихся въ древнихъ греческихъ сказаніяхъ своимъ богатствомъ, страстью къ лошадямъ и фанатическимъ поклоненіемъ матери боговъ и Діонису.

На сѣверѣ отъ Фригіи арійскіе народы заняли берега Чернаго моря подъ именемъ пафлагонцевъ; влѣво отъ нихъ, ѳракійцы занимали оба побережья Босфора; еще лѣвѣе жили мизійцы и родственные имъ тевкры, кебрены, дарданы. Сказаніе повѣствовало о Дарданѣ, что онъ основалъ, подъ божественномъ покровительствомъ Зевса горы Иды, городъ Дарданію и сталъ родоначальникомъ Дардановъ. Потомъ нѣкоторые изъ дѣтей его спустились на берега Скамандра и постоили городъ на крутомъ холмѣ, далеко господстующемъ надъ долиной и моремъ. Это крѣпость Иліона, или Трои. На югъ отъ Троады и Мизіи жили лидійцы, лелеги, ликійцы и карійцы, народы частью родственные грекамъ, частью смѣшаннаго происхожденія, игравшіе крупную роль въ древнѣйшей исторіи и сказаніяхъ Греціи. Въ древнѣйшихъ сказаніяхъ лидійцевъ сохранилось воспоминаніе о могущественномъ нѣкогда государствѣ на склонахъ горы Сипила, между долиной Гермоса и Смирнскимъ заливомъ. Столицей его была Магнезія, древнѣйшій изъ городовъ, мѣсто-пребываніе друга боговъ Тантала, отца Ніобы и Пелопидовъ.

Семиты рано проникли въ Малую Азію съ моря и крѣпко утвердились на южномъ его побережьѣ, въ Киликіи, Каріи и отчасти въ Ликіи. Сначала, это стоило имъ большого труда. Арійцы отнеслись враждебно къ этимъ пришельцамъ-морякамъ, которые предлагали

имъ издѣлія восточной промышленности и пользовались дурною славой плутовъ и грабителей. Ликійцы не позволяли имъ селиться и заводить колоніи. Но карійцы поступили иначе; они дали имъ занять три порта на Родосѣ, вступали въ браки съ финикійцами и такъ перемѣшались съ ними, что и ихъ землѣ иногда давали имя Финикіи. Вкусивъ финикійской образованности, карійцы получили большое, хотя и недолгое, образовательное значеніе. При ихъ содѣйствіи, финикійцы заняли и заселили многіе острова, проникли во Ѳракію, на Черное море и основали свои поселенія на всемъ протяженіи его побережья отъ Босфора до Колхиды. Продолжая свои плаванія и открытія съ торговыми цѣлями, они заняли, въ другомъ направленіи, Критъ и Цитеру, при входѣ въ Лаконскій заливъ, въ небольшомъ разстояніи отъ материка. Они поселились на Цитерѣ и построили храмъ Астарты, быть можетъ первый подобный храмъ въ Греціи. Отсюда они проникли въ Пелопоннесъ и другія части Греціи, въ Иллирію и Италію. Арійцы Малой Азіи, которыхъ можно назвать восточными греками, тоже не устояли противъ образовательнаго вліянія финикійцевъ, и заимствовали у нихъ болѣе совершенные способы плаванія. Благодаря этимъ способамъ и тѣмъ зачаткамъ образованности, которые приносили съ собою всюду финикійцы, греки впослѣдствіи стали ихъ дѣятельными и счастливыми соперниками. Вытѣсненные ими съ Крита и Цикладовъ, финикійцы тѣмъ ревностнѣе направили свою колонизацію на западъ и тѣмъ охотнѣе платили дань египетскимъ фараонамъ за предоставленную имъ монополію торговли съ Египтомъ.

Стекло, металическія издѣлія, ткани и красильныя вещества финикійцевъ славились въ древнемъ мірѣ, независимо отъ тѣхъ товаровъ, которые они привозили изъ близкихъ и дальнихъ странъ. И на Востокѣ, и въ Европѣ этотъ даровитый народъ вездѣ являлся въ глубокой древности настоящимъ піонеромъ той образованности, какая была доступна въ то время человѣчеству. Мы уже имѣли случай говорить о первой фонетической азбукѣ, выработанной имъ изъ древнеегипетскаго писма и имъ же распространенной между другими народами. Но дошедшіе до насъ памятники образовательнаго вліянія финикійцевъ крайне отрывочны и скудны. Отъ литературы ихъ, впрочемъ едва ли богатой, сохранились лишь немногочисленные обрывки, и то изъ вторыхъ рукъ; памятники ихъ искусства погибли за исключеніемъ немногихъ гробницъ и саркофаговъ. Финикійцы говорили на языкѣ, очень близкомъ къ еврейскому, и имѣли свою литературу; ихъ космогонія и вѣроученія въ существенныхъ чертахъ сходны съ космогоніей и вѣроученіемъ вавилонянъ.

Какъ и другіе семиты, финикійцы первоначально поклонялись благотворнымъ, производительнымъ небеснымъ свѣтиламъ и силамъ

природы, проявляющимъ свое могущество въ смѣнѣ дня и ночи, плодородныхъ и безплодныхъ временъ года. И у финикійцевъ главнымъ божествомъ было собственно солнце; но ихъ первоначальное представленіе о доброй силѣ, приносящей человѣку счастіе и довольство, и о силѣ враждебной и карательной, посылающей ему бѣды и нищету, разрослось впослѣдствіи, подъ вліяніемъ мѣстныхъ культовъ миѳическихъ сказаній о финикійскихъ плаваніяхъ и заимствованій изъ Египта, въ довольно пеструю религію, которая одной своей стороной соединилась съ крайнимъ изувѣрствомъ восточнаго фанатизма, а съ другой напоминала миѳы древней Греціи.

Финикійцы хвалились древностью своихъ священныхъ книгъ, писанныхъ однимъ изъ ихъ боговъ, Эсмуномъ, или вдохновенными свыше жрецами. Сочиненія, приписанныя одному изъ такихъ жрецовъ, Санхуніатону, были переведены на греческій языкъ Филономъ Библосскимъ, жившимъ въ первой половинѣ второго вѣка нашей эры. Изъ этого перевода, если онъ дѣйствительно переводъ, дошли до насъ лишь скудные отрывки, показывающіе, что Филонъ смотрѣлъ на свою задачу подъ угломъ современаго ему понятій, стремленія грековъ къ искусственной систематизаціи и произвольному толкованію древнихъ миѳовъ, а не ограничился простою передачей древнѣйшихъ религіозныхъ воззрѣній финикійцевъ. Какъ и вавилоняне, финикійцы и вообще хананеи поклонялись производящей и воспринимающей силамъ природы, т.-е. Ваалу, какъ богу неба и благодѣтельнаго солнца, женственному его подобію—богинѣ плодородія Ваалтисъ, или Белитъ, госпожѣ, которую греки приравнивали своей Афродитѣ. Во славу этой богини дѣвицы Библоса собирались на площадь, чтобъ отдаваться мущинамъ, какъ отдавались во славу ея и дѣвицы Вавилона. О дѣвушкахъ Кипра сообщаютъ, что онѣ спускались на берегъ моря, чтобъ отдаваться пристающимъ къ берегу морякамъ. Мы знаемъ также, что мущины и женщины, обрекавшіе себя такой жертвѣ, стояли въ храмахъ этой богини, что между ними были даже замужнія женщины. Белитѣ приносили жертвы въ тѣнистыхъ рощахъ, на зеленыхъ холмахъ, на покрытыхъ лѣсомъ вершинахъ Ливана. Ей принадлежали вѣчно зеленая пихта, кипарисъ и гранатное дерево, какъ символъ плодородія. Баранъ, козелъ, голубь, въ особенности бѣлый голубь, животныя наиболѣе плодовитыя, были посвящены ей и считались самыми пріятными для нея жертвами. Ей были посвящены и рыбы, размноженіе которыхъ ей приписывали. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Белиту даже изображали на половину женщиной, на половину рыбой.

Рядомъ съ богами, олицетворявшими собою благодѣтельныя силы природы, стояли въ представленіи хананеевъ мрачныя божества, враж-

дебныя жизни, плодородію и размноженію людей: Молохъ и Астарта. Хананейскій Молохъ—богъ войны, палящаго, жгучаго, всеизсушающаго солнца, огня въ его разрушительной, но и очистительной силѣ. Его изображали въ видѣ быка или съ бычачей головой. Для его умилостивленія, ему приносились въ жертву не только плѣнные послѣ удачной войны, но и соотечественники. Такія жертвы считались самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ отклоненію угрожавшей всѣмъ бѣды на немногихъ. Во время засухи, мора или большихъ военныхъ неудачъ очистительными жервами Молоху обязательно избирались соотечественники ханаанскихъ народовъ. Существа чистыя, еще не запятнанныя дѣторожденіемъ, считались наилучшими жертвами. Любимыя дѣти, первородный или единственный сынъ приносились въ жертву грозному божеству, какъ выкупъ, какъ искупленіе. Когда Агаѳоклъ Сиракузскій, высадившись въ Африкѣ, разбилъ карѳагенское войско и подошолъ къ стѣнамъ финикійскаго Карѳагена, послѣдній, по мнѣнію его жителей, навлекъ себѣ гнѣвъ божества тѣмъ, что вмѣсто сыновей знатнѣйшихъ гражданъ приносилъ ему въ жертву тайно купленныхъ и подставныхъ дѣтей. И это дѣйствительно случалось. Въ искупленіе такой тяжкой вины, двѣсти мальчиковъ знатнѣйшихъ фамилій были принесены въ жертву грозному богу, а семейства, заподозрѣнныя въ томъ, что они обманывали его, подставляя чужихъ дѣтей, теперь добровольно выставили триста мальчиковъ. Въ Карѳагенѣ, прибавляетъ Діодоръ, у котораго мы беремъ этотъ разсказъ, есть мѣдная статуя Кроноса (т.-е. Молоха), простирающая руки въ наклонномъ положеніи, такъ что жертвы, положенныя на эти руки, падали въ огнемъ наполненную яму. Стоны жертвъ, по словамъ Плутарха, заглушались звуками литавръ и флейтъ; матери должны были присутствовать при жертвоприношеніи, не вздыхая, не печалясь. Если мать вздыхала или плакала, она навлекала себѣ безчестье, а сынъ ея все-таки погибалъ.

«Великая Астарта», «дѣвственная богиня», была женственнымъ подобіемъ Молоха. Сидонцы считали ее божествомъ, особенно расположеннымъ къ ихъ городу; она рѣшала судьбу битвъ; она—царица войны, несчастій и смерти. На сидонскихъ монетахъ Астарта изображена съ копьемъ въ рукѣ. Въ храмѣ древней части города Карѳагена она сидѣла на львѣ, и тоже держала копье; рука вавилонской и ассирійской богини Истаръ была вооружена лукомъ. Жрецы Астарты были осуждены на воздержаніе и безбрачіе; отъ жрицъ «небесной дѣвы» требовалось цѣломудріе; въ ея храмахъ, какъ и въ храмахъ Молоха, горѣлъ неугасаемый огонь. Ей приносили въ жертву юношей, дѣвушекъ и женщинъ. Культъ ея требовалъ умерщвленія плоти. Въ честь

ея фанатики оскоплялись и истязали свое тѣло, предаваясь дикимъ тѣлодвиженіямъ и пляскѣ.

Такимъ образомъ религіозное сознаніе финикійцевъ противопоставляло благотворныя и производящія силы силамъ враждебнымъ и разрушающимъ. Но эти противоположныя силы соприкасались и сливались, въ ихъ представленіи, въ одни и тѣ же божества, попеременно дарующія благо или гибель, преодолѣвающія разрушительную сторону въ своей собственной природѣ. Такое соединеніе противоположныхъ свойствъ сказалось въ образѣ тирскаго Ваала, котораго жители Тира призывали какъ царя, какъ защитника своего города, подъ именемъ Мелькарта, котораго греки называли Меликертомъ и отожествляли съ своимъ Геракломъ. Ваалъ-Мелькартъ былъ для финикійцевъ божествомъ трудящимся, одолѣвающимъ, создающимъ изъ разрушенія новую жизнь, возвращающимъ благотворное дѣйствіе солнца, которое прообразуетъ его жизнь своимъ теченіемъ. Когда солнце удалялось, думали, что тирскій Ваалъ засыпаетъ. Весною онъ возвращался къ новой дѣятельности, къ новой жизни. Въ концѣ февраля и въ началѣ марта праздновалось пробужденіе бога. Финикійскія сказанія приписывали ему укрощеніе дальнихъ дикарей, основаніе финикійскихъ городовъ на западнихъ берегахъ Средиземнаго моря. Точно также сливались въ представленіи финикійцевъ въ одинъ образъ богиня размноженія и плодородія съ разрушительной дѣвой, съ богиней войны. Въ этомъ дѣвственномъ образѣ она поперемѣнно посылала людямъ благо и бѣду, счастіе и войну, рожденіе и смерть. Какъ Ваалъ былъ богомъ-солнцемъ, такъ Астарта была богиней-луною. Оттого она представлялась непосѣдною, постоянно блуждающей. Съ убылью луны, она погружалась въ мракъ запада, туда, гдѣ заходитъ солнце.

Боги, которыхъ отдѣльные города Финикіи считали своими покровителями и защитниками, съ теченіемъ времени были признаны равноправными и стали въ своей совокупности предметомъ общаго поклоненія. Финикійскіе жрецы мало по малу привели эти божества въ систему, обнимавшую, съ примѣненіемъ священнаго числа семь, семерыхъ великихъ боговъ, получившихъ общее названіе кабировъ. Это были: Хузоръ, изобрѣтатель обработки желѣза, котораго Филонъ называетъ Гефестомъ, и который изображался на финикійскихъ монетахъ съ кожанымъ фартукомъ, молоткомъ и щипцами; за нимъ богиня Хузартисъ или Туро (торахъ—законъ), которую греки называли Гармоніей, богиня луны, тоже что Астарта, но съ прибавленіемъ новаго призванія—охранять порядокъ и законъ; тирскій Ваалъ-Мелькартъ, извѣстный грекамъ подъ именемъ Кадма, изобрѣтатель горнаго дѣла и писма, скитавшійся въ поискахъ за Гармоніей, нашедшій ее и отпраздновавшій священную свадьбу съ нею. Но особен-

нымъ почетомъ пользовалось присоединенное къ семи кабирамъ божество—Эсмунъ, т.-е. восьмой. Повидимому, въ Эсмунѣ соединялись свойства всѣхъ семи великихъ боговъ. Греки называли его Асклепіемъ, но отличали его отъ собственнаго Асклепія. Вѣроятно, онъ былъ и божествомъ исцѣляющимъ, умиротворяющимъ. Эсмуна сравнивали также съ греческимъ Гермесомъ и египетскимъ Техути (Тотъ); по преданію онъ, подобно Техути, тоже далъ финикійцамъ свое откровеніе въ ихъ священныхъ книгахъ. Эсмуна изображали со змѣей въ рукѣ, съ головой, окруженной восемью лучами. Финикійскіе города вырѣзывали изображенія этихъ восьми главныхъ боговъ на передней части своихъ военныхъ судовъ, считая ихъ изобрѣтателями кораблестроенія. Такъ какъ греки, заселяя Лемносъ, Имбросъ, Самоѳракію и Родосъ, уже застали тамъ поклоненіе кабирамъ и приняли его, разумѣется, подвергнувъ этотъ культъ коренной переработкѣ, то можно полагать, что финикійскіе жрецы привели свое вѣроученіе въ систему раньше чѣмъ за тысячу лѣтъ до нашей эры.

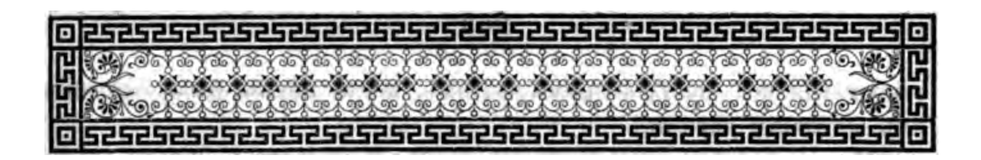
За кабирами слѣдовали въ финикійскомъ вѣроученіи подчиненные имъ духи.. Составился циклъ изъ трижды семи, т.-е. двадцати-одного или, точнѣе, двадцати-двухъ божествъ, такъ какъ къ семи кабирамъ былъ прибавленъ еще восьмой. Всѣ сни были распредѣлены согласно двадцати-двумъ знакамъ финикійской азбуки. На основаніи этого числа боговъ, ихъ различныхъ именъ и принятаго для нихъ распорядка, придумывались системы ихъ происхожденія, системы теогоніи и космогоніи, остатки которыхъ дошли до насъ въ сохранившихся отрывкахъ изъ сочиненія Филона.

Нѣчто въ высшей степени своеобразное представляла Финикія въ политическомъ отношеніи. Какъ страна промышленная и торговая, она рано должна была сбросить съ себя цѣпи восточнаго деспотизма. Евреи не даромъ говорили о финикійскомъ Тирѣ, что «его купцы—настоящіе цари». Какъ народъ исключительно промышленный и торговый, финикійцы избѣгали войнъ, постоянно откупались отъ опасностей уплатою дани, а въ случаяхъ крайней необходимости содержали иноземныхъ наемниковъ для своихъ сухопутныхъ экспедицій. Финикійцы были единственнымъ народомъ Востока, которому въ глубокой древности уже было знакомо относительно свободное общинное устройство. Промышленность и торговля, требуя необыкновенной предпріимчивости и личнаго почина, не дали развиться въ Финикіи подавляющей военной тираннія. Но окруженные съ сѣвера, востока и юга могущественными военными державами, финикійцы съ своей маленькой территоріей и относительно малочисленнымъ населеніемъ рано или поздно должны были подпасть иноземному владычеству, хотя держались долго и отчаянно

сопротивлялись наступавшимъ врагамъ, когда нельзя было смягчить ихъ богатыми дарами.

Политическій и общественный строй финикійской жизни былъ, вѣроятно, аристократическій, основанный на крови и богатствѣ. Во главѣ ихъ небольшихъ государствъ, между которыми существовало нѣчто въ родѣ федераціи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторые періоды финикійской исторіи, стояли наслѣдственные правители съ болѣе или менѣе ограниченною властью, иногда выборные старшины или судьи. Завоеватели—сначала вавилоняне, потомъ персы—требовали отъ нихъ дани и морской службы, а затѣмъ предоставляли имъ управляться по-своему. Возростающее могущество ихъ учениковъ, грековъ, нанесло сильный ударъ ихъ торговлѣ. Но финикійцы, тѣмъ не менѣе, оказали большія услуги человѣчеству, его образованности и литературѣ своимъ огромнымъ вліяніемъ на грековъ въ тѣ отдаленныя времена, когда еще не существовали всемірно-историческая образованность и литература Греціи. Въ тѣ времена финикійцы передали грекамъ многое, созрѣвшее сначала на Востокѣ, пробуждая ихъ мысль, наталкивая ихъ своимъ примѣромъ на новые пути. Они передали грекамъ и свои религіозныя представленія. Семиты уже тогда имѣли большое вліяніе на религіозное сознаніе арійцевъ. Объ этомъ, какъ мы увидимъ ниже, свидѣтельствуетъ рядъ прекрасныхъ народныхъ сказаній, широко разработанныхъ впослѣдствіи искусствомъ и литературой Грековъ. *Ред.*

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ДРЕВНЕ-ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Священная литература древнихъ евреевъ, съ неканоническими къ ней прибавленіями, и Новый Завѣтъ.

Ив. Ст. Якимова.

Литература: Русскій переводъ священныхъ книгъ древнихъ евреевъ, въ изданіи св. синода русской церкви, началъ являться съ 1868 г. Послѣдняя, 4-я, часть его вышла въ 1875 г. Новый Завѣтъ на русскомъ языкѣ св. синодомъ въ первый разъ изданъ въ 1864 г.

A. Hausrath. Geschichte der alttestamentlichen Literatur in Aufsätzen. Heidelberg 1864.

Его-же: Neutestamentliche Zeitgeschichte. Heidelberg. 1868—74.

Th. Nöldeke. Die alttestamentliche Literatur in einer Reihe von Aufsätzen dargestellt. Leipzig. 1868.

Jul. Fürst. Geschichte der biblischen Literatur und des judisch-hellenistischen Schriftthums. 2 Bände. Leipzig. 1867—1870.

Новоз. свящ. книгамъ посвящено много весьма цѣнныхъ параграфовъ въ Ph. Schaff's Geschichte der apostolischen Kirche 2 Aufl. Leipzig 1854.

I. Характеръ и призваніе древнихъ евреевъ. Формы древне-еврейской литературы.

Писменыя произведенія древнихъ евреевъ, сохранившіяся до нашего времени, всѣ носятъ болѣе или менѣе религіозный характеръ. И въ этомъ религіозномъ характерѣ есть черты, существенно отличающія произведенія еврейской писмености отъ религіозныхъ произведеній писмености другихъ древнихъ семитскихъ народовъ. Между тѣмъ какъ вавилоняне, ассиріяне, финикійцы и арабы до Магомета были многобожники, евреи являются представителями чистаго единобожія. Памятники древне-еврейской писмености, въ извѣстномъ смыслѣ,—свидѣтельства той борьбы, которую должно было выдержать

единобожіе съ многобожіемъ въ средѣ самого еврейскаго народа. Единобожіе было знаменемъ, съ которымъ выступаетъ въ исторіи первый патріархъ народа, Авраамъ. Онъ передалъ своимъ потомкамъ то имя единаго Бога, подъ которымъ они Его знали, какъ своего Хранителя и Покровителя—имя: *Іегова*. Но уже въ семействѣ Якова, внука Авраамова, замѣтны признаки отступленія отъ понятія о единомъ Богѣ (Быт. 35, 2). Вовремя путешествія по пустынѣ, большая часть народа обнаружила склонность ко многимъ богамъ, которые будто бы вывели его изъ Египта. Въ странѣ ханаанской эта же склонность не переставала проявляться между евреями до самаго вавилонскаго плѣна. И не смотря на то, мысль о единомъ Богѣ не только не ослабѣвала среди того же народа, не только воодушевляла великихъ умомъ и сильныхъ духомъ людей, но и одержала полную побѣду надъ многобожіемъ. Послѣ вавилонскаго плѣна, евреевъ иногда принуждали къ уклоненію отъ единобожія, но они уже не обнаруживали склонности къ такой перемѣнѣ.

Причина такого исхода борьбы единобожія съ многобожіемъ въ средѣ еврейскаго народа лежала, по крайней мѣрѣ отчасти, въ характерѣ самаго народа, въ его наклонностяхъ. Если извѣстныя лица являлись ревностными послѣдователями и горячими борцами за идею о единомъ Богѣ, то, конечно, ихъ природныя наклонности согласовались съ отвлеченными и практически-нравственными началами, отвѣчавшими этой идеѣ. По свидѣтельству памятниковъ священной письменности евреевъ, Іегова избиралъ проповѣдниками своего ученія, своей воли только такихъ людей, нравственныя качества которыхъ онъ зналъ и находилъ соотвѣтствующими предназначенной имъ дѣятельности. «Прежде нежели Я образовалъ тебя во чревѣ»,— говоритъ Іегова одному изъ пророковъ, призывая его проповѣдать свою волю, свое ученіе,—«Я позналъ тебя» (Іер. 1, 5). Если евреи, правда послѣ неоднократныхъ, болѣе или менѣе чувствительныхъ вразумленій, стали рѣшительными приверженцами единобожія, то въ природныхъ качествахъ этого народа должны были существовать задатки, требовавшіе только дальнѣйшаго развитія для того, чтобы достигнуть такого результата.

Сущность закона, даннаго исповѣдникамъ единаго Бога, заключается въ любви къ Богу и ближнему. Такъ какъ Богъ невидимъ, то любовь къ ближнему имѣла значеніе не только сама по себѣ, но и какъ выраженіе любви къ Богу. Обращая вниманіе на народъ, которому дана заповѣдь этой любви, мы не можемъ не замѣтить въ немъ такихъ чертъ нравственнаго характера, которыя свидѣтельствуютъ объ его способности къ усвоенію и исполненію этой заповѣди. Припомнимъ слѣдующія обстоятельства. Вступивъ въ обѣтованную землю, евреи нашли здѣсь многочисленныхъ языческихъ туземцевъ. Богъ повелѣлъ евре-

ямъ истребить этихъ язычниковъ, чтобы не заразиться ихъ языческимъ образомъ мыслей. Язычники-туземцы Палестины были, однакоже, истреблены не всѣ: евреи пощадили ихъ. Позднѣе, Саулъ пощадилъ амаликитскаго царя Агага, также вопреки повелѣнію Іеговы. И еще позднѣе, во время израильскаго царя Ахава, сирійцы говорятъ о царяхъ израильскихъ, что они—«цари милостивые». Ахавъ встрѣчаетъ побѣжденнаго имъ сирійскаго царя Бен-адера, какъ своего брата. Ниже будутъ указаны постановленія закона, которыми Моисей хотѣлъ направить и утвердить естественные порывы любви еврея къ ближнему. Замѣчательно, что и въ моисеевомъ законѣ предписывается извѣстная степень состраданія къ язычникамъ, даже въ случаѣ войны съ ними: не позволяется портить плодовыхъ деревьевъ въ осажденномъ городѣ и его окрестностяхъ, и даже людямъ, находящимся въ городѣ, слѣдуетъ позволить выдти изъ него, если они пожелаютъ; можно убивать только людей, взявшихся за оружіе. Если наряду съ такими постановленіями мы находимъ въ моисеевомъ законѣ и постановленіе объ истребленіи языческихъ туземцевъ Палестины, то послѣднее было, конечно, только временною и случайной мѣрой. Язычники были опасны для евреевъ, пока сами евреи еще не были тверды въ единобожіи.

Евреи вели войны не столько для того, чтобы распространить свое господство, сколько для того, чтобъ обезопасить свое положеніе въ странѣ. О наступательныхъ войнахъ евреевъ можно было бы говорить развѣ въ царствованіе Давида. Но войны и этого царя были только продолженіемъ войнъ, счастливо начатыхъ при Іисусѣ Навинѣ, съ перемѣннымъ счастіемъ тянувшихся весь періодъ судей, не прекращавшихся и при Саулѣ; при Давидѣ онѣ имѣли только болѣе рѣшительный и прочный успѣхъ. При Іисусѣ Навинѣ израильтяне воевали собственно за право жительства на землѣ. Освободившись изъ Египта, они имѣли право и на извѣстное мѣсто для свободнаго и независимаго существованія. Палестина была мѣстомъ странствованія ихъ отцовъ. Войны Іисуса Навина были борьбою израильтянъ за наслѣдіе отцовъ. Давидъ только кончилъ то, начатое Іисусомъ Навиномъ, дѣло, успѣхъ котораго въ періодъ судей и отчасти при Саулѣ колебался вслѣдствіе недостойнаго поведенія народа и его перваго царя. Замѣчательно, однакожъ, что и Давидовы побѣдоносныя войны, возвысившія еврейское царство надъ сосѣдними, отнесены однимъ изъ пророковъ скорѣе къ темнымъ сторонамъ дѣятельности Давида, чѣмъ къ свѣтлымъ, безукоризненнымъ. Давидъ хотѣлъ построить храмъ единому, святѣйшему Іеговѣ, и это не было ему позволено, потому что онъ «пролилъ много крови». Царь Соломонъ представляется сознанію еврея мудрѣйшимъ царемъ, лучше другихъ умѣвшимъ управлять своимъ народомъ. А въ мирное цар-

ствованіе этого царя не только «Іуда и Израиль жили спокойно, каждый подъ виноградникомъ своимъ и подъ смоковницею своею», но даже и возстанія нѣкоторыхъ сосѣднихъ народовъ противъ Израиля не были подавляемы миролюбивымъ царемъ. Позднѣе Соломона, цари іудейскіе и израильскіе не разъ вели войны съ сосѣдями, желая возстановить власть свою въ тѣхъ предѣлахъ, до которыхъ распространилъ ее Давидъ. Но и тогда іерусалимскіе пророки утѣшаютъ народъ обѣщаніемъ ему времени, когда народы «перекуютъ мечи свои на орала, и копья свои на серпы»,—когда «не подниметъ народъ на народъ меча, и не будутъ болѣе учиться воевать» (Ис., 2, 3. Мих., 4, 3). Предсказаніемъ такого будущаго можно было утѣшать только глубоко миролюбивый народъ, нерадовавшійся никогда необходимости браться за оружіе.

О проявленіяхъ любви въ общественныхъ отношеніяхъ между евреями, пока эти отношенія были еще независимы отъ моисеева закона, трудно составить понятіе по тѣмъ малочисленнымъ даннымъ, которыя сохранила намъ Библія. Изъ патріарховъ мы знаемъ только объ Авраамѣ и Лотѣ, что они были гостепріимны, объ Яковѣ, что онъ искалъ и успѣлъ достигнуть примиренія съ своимъ братомъ Исавомъ. Только въ Египтѣ потомки Авраама стали многочисленнымъ народомъ, и только тамъ могли обнаружиться ихъ общественныя свойства. Угнетенное положеніе, при совокупной жизни въ одной небольшой области, должно было соединить народъ такъ, что нужды одного еврея не могли быть чуждыми и другому. Что евреи могли выдти изъ Египта всѣ вмѣстѣ—свидѣтельствуетъ о живости общественнаго, народнаго сознанія у нихъ уже въ то время. Путешествіе по пустынѣ, гдѣ они были всѣ вмѣстѣ, составляя какъ-бы одну большую семью, должно было развить въ нихъ чувство преданности къ общественному интересу, заботы о благѣ ближнихъ, съ которыми каждаго связывали одинаковое положеніе, общія нужды, иногда общія опасности. Изданные Моисеемъ въ пустынѣ законы, какъ извѣстно, далеко не всѣ съ одинаковою точностью исполнялись народомъ съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ жить въ землѣ ханаанской. Но замѣчательно, что одинъ изъ законовъ, имѣвшихъ въ виду пользу бѣдныхъ, именно законъ, не позволявшій жнецамъ подбирать случайно упадающія на землю колосья, а предписывавшій оставлять ихъ бѣднымъ, исполнялся во время судей совершенно естественно (см. кн. Руѳь), исполнялся въ то время, когда напр. заповѣдь о цѣломудріи и поклоненіи единому невидимому Іеговѣ еще часто нарушалась. Очевидно заповѣдь, предписывающая заботиться о бѣдныхъ, была одною изъ наиболѣе близкихъ сердцу еврея.

Въ болѣе тѣсномъ кругу семейныхъ отношеній, еврей отличался тѣми качествами, которыя составляли основу его общественныхъ и

и международныхъ свойствъ. Привязанность еврея къ семейной жизни извѣстна и теперь, и исторически можно прослѣдить ее до перваго праотца еврейскаго народа, Авраама. Когда Іегова сказалъ еще бездѣтному, но уже пожилому, Аврааму: «Не бойся!.. Я твой щитъ; награда твоя весьма велика», то Авраамъ возразилъ: «Владыка Господи! что Ты дашь мнѣ? я остаюсь бездѣтнымъ»... Первое желаніе, которое высказываетъ Авраамъ предъ своимъ всесильнымъ Покровителемъ, есть желаніе потомства. Іегова утѣшаетъ его: «Посмотри на небо и сосчитай звѣзды, если ты можешь счесть ихъ. И сказалъ ему: столько будетъ у тебя потомковъ». И, не ожидая отъ своей жены дѣтей, Авраамъ сталъ жить съ своей служанкой, Агарью, какъ съ женою, и имѣлъ отъ нея Измаила. Послѣ смерти Сарры, родившей ему одного только сына Исаака, онъ имѣлъ еще много дѣтей отъ второго брака съ Хеттурой. Многоженство у самыхъ благочестивыхъ, извѣстныхъ изъ Библіи, людей объясняется единственно желаніемъ ихъ имѣть возможно больше дѣтей. «Жена твоя какъ плодовитая лоза, въ домѣ твоемъ, поетъ одинъ изъ псалмопѣвцевъ; сыновья твои, какъ масличныя вѣтви, вокругъ трапезы твоей. Такъ благословится человѣкъ, боящійся Господа!» Рахиль, младшая жена Якова, пока не рождала ему дѣтей, считала себя покрытою позоромъ. Только родивъ Якову Іосифа, она сказала: «Снялъ Іегова позоръ мой!»

Дѣти, рожденіе которыхъ привѣтствовалось, какъ благословеніе божіе, а отсутствіе оплакивалось, какъ позоръ, естественно, составляли для родителей предметъ любви и попеченій, считавшихся для нихъ обязательными. Моисей, во время путешествія евреевъ по пустынѣ, выслушивая неоднократный ропотъ ихъ на тяжелыя лишенія, испытываемыя ими будто-бы по его винѣ, говоритъ Іеговѣ: «Для чего Ты мучишь раба Твоего?... Развѣ я носилъ во чревѣ весь этотъ народъ, и развѣ я родилъ его, что Ты говоришь мнѣ: неси его на рукахъ твоихъ, какъ нянька носитъ ребенка?».. (Числ. 11, 11.12). Родители не только заботились о воспитаніи дѣтей, но и давали имъ извѣстныя доли своего имущества, когда дѣти становились способными къ самостоятельной жизни. Такъ поступилъ Авраамъ съ своими дѣтьми. Завѣщаніе Якова дѣтямъ, съ которымъ мы познакомимся ниже, составлено въ томъ же духѣ. Моисей, давая народу законы объ обезпеченіи дѣтей изъ отцовскаго имущества, поступалъ согласно обычаямъ, установившимся между евреями еще раньше. Вспомнимъ при этомъ, что, напримѣръ, у грековъ, литературныя произведенія которыхъ такъ много вліяли на развитіе ново-европейскихъ народовъ, слабыхъ физически дѣтей даже убивали, не считая нужнымъ заботиться объ ихъ воспитаніи. У древнихъ римлянъ дѣти до смерти отца считались рабами. У тѣхъ и у другихъ, у грековъ и римлянъ, дѣти считались собственностію государ-

ства, которое и воспитывало или не воспитывало ихъ, смотря потому, считало оно ихъ, или нѣтъ, способными приносить пользу государству. Подобный же взглядъ на дѣтей былъ у древнихъ персовъ. У евреевъ дитя цѣнилось само по себѣ, какъ отдѣльная живая личность. Объ исключеніяхъ не было и рѣчи. Напротивъ, законъ старался оградить дѣтей отъ несправедливости родителей, напр. не позволялъ сыну любимой жены, но не первородному у отца, давать предпочтеніе предъ первенцемъ, сыномъ нелюбимой.

Мягкое, человѣчное отношеніе евреевъ къ дѣтямъ, къ ближнимъ изъ евреевъ-же и къ чужестранцамъ, даже къ врагамъ, соединялось съ сознаніемъ ихъ собственнаго достоинства, могло быть даже слѣдствіемъ этого сознанія. Неувѣренный въ себѣ, въ своихъ силахъ, не сознающій своего достоинства обыкновенно бываетъ склоненъ и къ самоуниженію, а при благопріятныхъ обстоятельствахъ къ преувеличенію своихъ силъ, своихъ правъ. Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, соединеніе у евреевъ любви къ свободѣ съ готовностью подчиниться достойному лицу. Припомнимъ Саула, пользовавшагося царскою властью въ народѣ, пока онъ умѣлъ поддерживать честь еврейскаго оружія. Припомнимъ, какъ успѣлъ Давидъ еще въ царствованіе Саула обратить на себя вниманіе народа счастливою борьбой съ врагами евреевъ, и какъ уже тогда его подвиги ставились выше подвиговъ правящаго царя. Припомнимъ, какъ послѣ смерти Соломона большинство не признало надъ собою власти его сына, не хотѣвшаго исполнить желаніе народа объ облегченіи налоговъ, а грозившаго, вмѣсто того, увеличить подати, и объявило своимъ царемъ Іеровоама, выдвинувшагося своею распорядительностью еще при Соломонѣ. Извѣстно, какъ часто мѣнялись владѣтельныя династіи въ царствѣ израильскомъ по волѣ народа. Даже въ іудейскомъ царствѣ, гдѣ память о великомъ Давидѣ поддерживала въ народѣ преданность его потомкамъ, даже здѣсь народъ находилъ иногда возможность заявлять свое самостоятельное мнѣніе о томъ, кому царствовать. Была свергнута Гоѳолія, незаконно завладѣвшая престоломъ, и объявленъ царемъ Іоасъ, воспитанный первосвященникомъ. Позднѣе Іоахазъ, сынъ Іосіи, возводится на престолъ по волѣ народа, помимо старшихъ его братьевъ.

Положеніе и значеніе, принадлежавшія въ еврейскомъ обществѣ пророкамъ, служатъ также доказательствомъ болѣе или менѣе яснаго пониманія евреями достоинства тѣхъ лицъ, которымъ они ввѣряли руководительство. Извѣстно значеніе пророка Самуила въ еврейскомъ обществѣ не только до избранія Саула въ цари, но и послѣ этого избранія. Пророки, вышедшіе изъ школъ, основанныхъ Самуиломъ, или были въ числѣ вліятельныхъ царскихъ совѣт-

никовъ, или являлись обличителями царскихъ пороковъ, и всегда пользовались большимъ уваженіемъ въ народѣ. Къ ихъ словамъ всѣ прислушивались, желая найти въ нихъ или отвѣтъ на затруднительный вопросъ, или назидательный урокъ, или, наконецъ, просили ихъ помолиться Іеговѣ за народъ. Всѣ признавали, что пророки лучше другихъ понимаютъ нужды народа и могутъ научить удовлетворенію этихъ нуждъ, и потому ихъ вліяніе иногда обнаруживалось больше, чѣмъ вліяніе священниковъ, которымъ принадлежало по закону право народнаго руководительства въ духовно-нравственномъ отношеніи.

Народъ хотѣлъ знать и болѣе или менѣе зналъ, кому онъ ввѣрялъ свою судьбу. Владыки, по своимъ достоинствамъ, по своему образу мыслей и дѣйствій не возбуждавшіе къ себѣ его сочувствія, владыки, отъ которыхъ онъ не могъ ожидать уваженія его правъ, или были свергаемы, или по крайней мѣрѣ евреи медлили признавать надъ собою власть ихъ до послѣдней крайности. Вспомнимъ, съ какимъ ожесточеніемъ боролись евреи за свою независимость съ халдеями и еще позднѣе съ римлянами.

Древній еврей заботился и о своемъ образованіи. Пророки были въ извѣстномъ смыслѣ народными учителями, и ихъ вліяніе на народъ было бы трудно понять, еслибъ ихъ уроки не удовлетворяли существенной нуждѣ народа. Образованіе, основанное на чтеніи и изученіи моисеева закона, не ограничивалось только колѣномъ левіинымъ—священическимъ. Священики и левиты въ извѣстные дни обязаны были читать законъ предъ всѣмъ народомъ. Когда, съ теченіемъ времени, народъ разселился по Палестинѣ и не имѣлъ возможности собираться къ храму, чтобъ слушать законъ, левиты и священники иногда путешествовали по городамъ сами, чтобы учить народъ закону. Но въ качествѣ народныхъ учителей гораздо болѣе священниковъ трудились пророки. Въ училищахъ, основанныхъ Самуиломъ, учились не священническія только дѣти, но и дѣти изъ всей массы народа. Пророческія училища такимъ образомъ распространяли образованіе въ народѣ равномѣрнѣе, чѣмъ это было возможно для священниковъ. И какъ священники, посвящая мало вниманія образованію народа, тѣмъ самымъ умаляли свое вліяніе, такъ пророки упрочивали свое вліяніе на народъ своею учительскою дѣятельностію. Народъ учился съ полною готовностью, и послѣ того, какъ не стало пророковъ, явились синагоги, въ которыхъ всякій могъ слушать чтеніе и объясненіе закона, учиться. Не всегда, правда, учители народа были одинаково ревностны въ своемъ дѣлѣ; но, безъ сомнѣнія, въ массѣ своей народъ хотѣлъ учиться, въ образованіи видѣлъ свое благо, если въ одинъ изъ темныхъ, бѣдственныхъ момен-

товъ его исторіи пророкъ утѣшалъ его обѣщаніемъ, что наступитъ время, когда «земля будетъ наполнена вѣдѣніемъ Іеговы, какъ воды наполняютъ море». Знаніе Іеговы было сущностью образованія, къ которому стремился древній еврей.

Іеговой указана была этому народу задача—стать святымъ народомъ. Любовь къ ближнему была одною изъ существеннѣйшихъ чертъ этой святости. Но любовь къ ближнему требуетъ самоограниченія, самоотверженія, и нѣтъ любви больше той, которая полагаетъ душу за друга своего. Если древній еврей былъ добръ и великодушенъ, то его сознаніе собственнаго достоинства, его свободолюбіе часто принимало видъ того «упорства сердца злого», которое такъ часто порицали пророки. Чтобы быть святымъ, онъ долженъ былъ смирить свою «гордость». «Смиряйте души ваши», «обрѣжьте крайнюю плоть сердца вашего»—вотъ заповѣди, въ которыхъ для еврея опредѣлялась заповѣдь о святости. Для того, чтобъ исполнить указанную ему Іеговой задачу, Израиль долженъ былъ обратить все свое вниманіе на внутреннюю свою жизнь, долженъ былъ ограничивать свои желанія, направляя ихъ только къ добру и отвлекая отъ зла. Ему даны были заповѣди о жертвахъ, вообще о внѣшнемъ богослуженіи; но ему сказано было также, что настоящая, достойная Іеговы, жертва есть духъ сокрушенный, сердце смиренное. Не жертвы и всесожженія, какъ внѣшнія дѣйствія, сами по себѣ, должны были имѣть смыслъ, но послушаніе велѣніямъ Іеговы, касавшимся нравственнаго настроенія, искренней преданности добру.

Древне-еврейская писменость, отличающаяся, какъ уже сказано, по преимуществу религіознымъ характеромъ, носитъ на себѣ, въ частности, печать борьбы, происходившей во внутренней, духовно-нравственной жизни древняго еврея. Вдохновенные пророки, авторы произведеній древне-еврейской писмености, были призваны руководить этой борьбой; ихъ долгомъ было направить ее къ цѣли, указанной Іеговой. Послѣ вышесказаннаго о сферѣ, въ которой развивалась эта борьба, ясно, что древне-еврейскіе писатели вращались всего больше въ области внутренней, духовной жизни народа, въ мірѣ его религіозныхъ чувствъ и мыслей. Они были проповѣдниками тѣхъ идей, тѣхъ уроковъ духовно-нравственной жизни, которые долженъ былъ усвоить народъ, подавляя въ себѣ языческій образъ жизни и мыслей, побѣждая то, что было въ немъ противнаго идеѣ святости, народному призванію. Эти люди, будучи проповѣдниками и учителями народа, сами принадлежали къ народу. Они были тѣмъ лучшими его наставниками, что благо народа было для нихъ дорого, какъ ихъ собственное благо. Будучи достойнѣйшими представителями народа, они были не только выразителями, но и руководителями его мыслей и чувствъ. Въ произведеніяхъ

древне-еврейской писмености отражается такимъ образомъ умственная и нравственная жизнь древнихъ евреевъ съ ея ошибками, заблужденіями и увлеченіями, съ ея раскаяніями, съ тѣмъ вліяніемъ, какое имѣли на нее наставленія пророковъ.

Характеръ нравственно-духовнаго развитія еврейскаго народа отразился и на формѣ его писменыхъ произведеній. Какъ и другіе культурные народы, евреи имѣли прозу и поэзію. Прозаическія произведенія ихъ имѣютъ предметомъ или законодательство, или исторію народа. И то и другая имѣютъ въ виду не столько внѣшнюю, сколько внутреннюю жизнь народа, или, вѣрнѣе, говорятъ о внѣшнихъ дѣйствіяхъ, насколько они выражаютъ или могутъ выражать вѣрность народа или отдѣльнаго лица въ народѣ тому идеалу святости, который былъ для него обязателенъ. И законъ постоянно мотивируетъ свои заповѣди указаніемъ на величіе Іеговы Законодателя: «Я Господь Богъ вашъ! Святы будьте, какъ святъ Я Господь Богъ вашъ!» И историческія книги, характеризуя эпохи и лица, обыкновенно замѣчаютъ: «Сыны израилевы дѣлали или опять стали дѣлать злое въ очахъ Господа», или: «дѣлалъ (такой-то царь) угодное или не угодное предъ очами Господними». Дѣла лицъ, жизнь народа, ихъ успѣхи или неудачи, ихъ благоденствіе или бѣдствія ставятся въ зависимость отъ того, насколько этотъ народъ или эти лица въ своей жизни удовлетворяли начертанному въ законѣ идеалу святости.

Что касается поэзіи, то, кромѣ дидактической, соотвѣтствующей прозаическимъ законодательнымъ книгамъ, евреи имѣли только лирическую поэзію. Слѣдуя тому же основному взгляду, который проведенъ въ книгахъ историческихъ, по которому Богъ, царь вселенной, управляетъ человѣчествомъ, награждая исполняющихъ его законъ и карая ослушниковъ, еврейскіе пророки отъ имени народа воспѣваютъ величіе и силу Іеговы, проявляющіяся въ твореніи и храненіи міра, его правду и милость въ попеченіи о благѣ человѣчества. Далѣе, въ наибольшей своей части, ихъ произведенія посвящены описанію или лучше воспроизведенію различныхъ моментовъ духовно-нравственной жизни еврейскаго народа. Требованія правды божіей если и забывались народомъ, то были напоминаемы ему пророками, были и имъ самимъ вспоминаемы по поводу тѣхъ или другихъ постигавшихъ его бѣдствій, въ которыхъ онъ видѣлъ вразумительныя мѣры божественнаго правосудія и милости. Усвоеніе закона, умѣнье жить по заповѣдямъ пріобрѣтались евреями путемъ тяжелыхъ испытаній, были, можно сказать, выстраданы ими. Ощущенія народа во время подобныхъ испытаній и составляютъ главнѣйшій мотивъ лирической поэзіи древнихъ евреевъ. Но въ ней же выражались и тѣ помышленія и ощущенія, которыми жилъ еврейскій народъ въ болѣе спо-

койные моменты своей исторической жизни. Личная жизнь еврея, конечно, не менѣе общественной представляла поводовъ къ сопоставленію своего духовнаго настроенія, своей духовно-нравственной жизни съ идеалами, указанными въ законѣ. Отсюда тѣже раскаянія, тѣже усилія измѣнить свое духовно-нравственное настроеніе, свою жизнь, усвоить себѣ законъ, сдѣлать его дѣйствительнымъ правиломъ своей жизни. Безъ сомнѣнія, нужно отнести къ высокимъ качествамъ народа, что онъ обращалъ вниманіе на духовно-нравственную свою жизнь, только въ ней видѣлъ причины своего благополучія или несчастія. Онъ не считалъ, какъ языческіе народы, Бога существомъ, котораго можно умилостивить жертвою и которое за одну жертву можетъ спасти человѣка. Въ лицѣ своихъ лучшихъ людей, этотъ народъ находилъ, что онъ самъ—причиной своего несчастія. Іегова показалъ ему путь истинно-достойной жизни, и уже отъ него самого зависѣло, найти-ли на этомъ пути счастіе или бѣдствовать, уклонившись отъ него. Онъ зналъ, что онъ самъ долженъ улучшать свою жизнь, побѣждать свои дурныя наклонности. Божья воля должна стать его волею, и только въ такомъ случаѣ Іегова поможетъ ему. Вотъ почему достойнѣйшіе представители народа, авторы поэтическихъ произведеній, вводятъ насъ въ ту область внутренней, духовной жизни народа, въ которой наиболѣе проявлялась эта духовно-нравственная его самодѣятельность, направленная къ усвоенію идеала святости.

Поэтическая рѣчь у всѣхъ народовъ облекается въ особенную, своеобразную форму, характеристическою чертой которой служитъ обыкновенно мѣрность рѣчи. У большей части народовъ, имѣвшихъ и имѣющихъ свою писменость, мѣра рѣчи поэтической выражается въ дѣленіи ея на равныя части, при которомъ она музыкально дѣйствуетъ на слухъ. Равномѣрность частей выражается въ одинаковомъ количествѣ слоговъ или удареній для каждой части, называемой стихомъ. Изъ нѣсколькихъ стиховъ слагаются иногда большіе или меньшіе отдѣлы, называемые строфами. Строфы были и у древнихъ евреевъ и состояли обыкновенно не болѣе какъ изъ двѣнадцати стиховъ. Но равномѣрность стиховъ выражалась у нихъ не въ одинаковомъ количествѣ слоговъ или удареній въ каждомъ стихѣ, а въ томъ или иномъ соотвѣтствіи между частями стиха по ихъ содержанію. Мысль стиха выражается рѣдко въ одномъ простомъ предложеніи, обыкновенно же выраженіе ея распадается на двѣ, на три и болѣе части. Одночастные или одночленные стихи обыкновенно стоятъ въ началѣ поэтическаго произведенія. Напр. псаломъ 17-й начинается слѣдующимъ одночленнымъ стихомъ:

«Возлюблю Тебя, Господи, крѣпость моя».

Самый обыкновенный и наиболѣе характеристическій составъ еврейскаго стиха—двучастный, причемъ между двумя частями наблюдается различное отношеніе: или синонимическое, отношеніе подобія, или антитетическое, отношеніе противоположности, или синтетическое отношеніе, состоящее въ томъ, что вторая часть стиха выражаетъ продолженіе мысли, начатой въ первой половинѣ, или, наконецъ, отношеніе тожественности, когда вторая часть стиха заключаетъ въ себѣ повтореніе первой части вполнѣ или отчасти, съ прибавленіемъ одного или нѣсколькихъ новыхъ словъ. Всѣ эти различныя отношенія между двумя частями стиха принято называть параллелизмомъ членовъ.

Вотъ примѣры различнаго построенія еврейскихъ стиховъ, различнаго «параллелизма членовъ».

Параллелизмъ синонимическій.

Буду славить тебя, Господи, всѣмъ сердцемъ моимъ,
Возвѣщать всѣ чудеса твои (Пс. 9, 2).

Параллелизмъ антитетическій:

Мудрая жена устроитъ домъ свой;
А глупая разрушитъ его своими руками (Причт., 14, 1).

Параллелизмъ синтетическій:

Гласомъ моимъ взываю къ Господу,
И онъ слышитъ меня съ святой горы своей (Пс., 3, 5).

Параллелизмъ тожественный:

Съѣстъ члены тѣла его,
Съѣстъ члены его первенецъ смерти (Іов., 18, 13).

Примѣры многочленнаго параллелизма:

1) Правды твоей я не скрывалъ въ сердцѣ моемъ,
Возвѣщалъ вѣрность твою и спасеніе твое,
Не утаивалъ милости твоей и истины твоей предъ собраніемъ великимъ (Пс., 39, 11).

2) Хотя бы не расцвѣла смоковница,
И не было плода на виноградныхъ лозахъ,
И маслина измѣнила,
И нива не дала пищи;
Хотя бы не стало овецъ въ загонѣ
И рогатаго скота въ стойлахъ:
Но и тогда я буду радоваться о Господѣ
И веселиться о Богѣ спасенія моего (Аввак., 3, 17).

Такимъ образомъ, въ своей поэтической рѣчи евреи, не считая количества слоговъ или удареній, соблюдали только равномѣрность мыслей. Ихъ поэзія, по формѣ, отличалась равномѣрнымъ теченіемъ (ритмомъ) мыслей, а не словъ. Оттого внѣшняя форма ихъ поэтическихъ произведеній находится въ болѣе или менѣе полномъ

соотвѣтствіи съ характеромъ ихъ содержанія и со степенью воодушевленія автора. Оттого она не отличается однообразіемъ иногда даже въ одномъ и томъ же произведеніи. Напр., въ пророческихъ книгахъ, гдѣ пророки воодушевлены пламенною ревностью за истину и добро при видѣ общества, погрязшаго въ невѣжествѣ и нравственной распущенности, или увлечены святыми надеждами на будущее нравственное обновленіе и возстановленіе благоденствія человѣчества, рѣчь этихъ пророковъ обыкновенно отличается поэтическимъ построеніемъ, ритмическимъ теченіемъ. Но въ тѣхъ же пророческихъ книгахъ нѣкоторые отдѣлы по внѣшней формѣ ничѣмъ не отличаются отъ прозаическихъ произведеній еврейской писмености: это не только историческія части, повѣствованія о тѣхъ или другихъ событіяхъ, но и нѣкоторыя изъ пророческихъ рѣчей. Книга Іова въ средней, главной своей части содержащая высокопоэтическія рѣчи, облеченныя въ искусственно-мѣрную форму, въ прологѣ и эпилогѣ—историческихъ частяхъ—представляетъ рѣчь прозаическую. Только чисто-лирическія произведенія, псалмы, служащіе выраженіемъ чувствъ человѣка, болѣе или менѣе самостоятельно относящагося къ внѣшнимъ событіямъ, только эти лирическія произведенія, обнаруживающія творческія отношенія вдохновенной мысли и чувства къ предметамъ, которыхъ онѣ касаются, послѣдовательно отличаются и искусственно-мѣрною формой.

II. Евреи и туранцы.—Евреи въ Египтѣ.—Моисей.—Еврейскій алфавитъ.—Изслѣдованія протестантовъ и ученіе православной церкви о происхожденіи Пятикнижія.—Содержаніе этого памятника.

По священному преданію, родоначальникъ евреевъ, Авраамъ, повинуясь призванію Іеговы, пришелъ въ ханаанскую страну изъ халдейскаго города Уръ. Древнѣйшая часть населенія Халдеи въ то время стояла на относительно высокой, по тогдашнему, степени умственнаго и гражданскаго развитія, хотя въ политическомъ отношеніи и подпала уже власти другого народа. Авраамъ принадлежалъ не къ тому древнѣйшему народу кушитскаго или туранскаго племени, не къ сумерійцамъ, какъ называлъ себя этотъ народъ, но къ семитамъ, позднѣйшимъ пришельцамъ. Такъ какъ семитская часть населенія Халдеи поселилась здѣсь позднѣе и умственно была менѣе развита, чѣмъ сумерійцы, то она не могла не подвергнуться вліянію послѣднихъ. Достаточно указать одинъ весьма значительный слѣдъ вліянія первоначальныхъ жителей Халдеи на пришельцевъ-семитовъ, въ томъ числѣ и на родоначальника евреевъ. Части ветхозавѣтныхъ священ-

ныхъ книгъ и цѣлыя книги ветхаго завѣта, написанныя стихотворнымъ языкомъ, по своей внѣшней формѣ отличаются «параллелизмомъ членовъ», съ характеромъ и примѣрами котораго мы познакомились выше.

Такая форма древне-еврейскаго стихосложенія не представляетъ сходства съ формами стихосложенія ни одного изъ другихъ семитскихъ народовъ, кромѣ вавилонянъ и ассиріянъ. Но ассирійско-вавилонскія стихотворенія на семитскомъ языкѣ, подобныя по формѣ еврейскимъ, оказываются всѣ переводами съ древнѣйшихъ оригиналовъ, составленныхъ первоначальными жителями Халдеи, сумерійцами. Стихотворенія эти всѣ религіознаго содержанія—молитвы, или гимны богамъ. Въ томъ владыкѣ, къ которому обращались съ молитвою древнѣйшіе жители Халдеи, не трудно признать солнце *). Рядомъ съ нимъ представляются существующими другіе великіе боги и земные духи. Первоначальные жители Халдеи были язычники. И въ Библіи Іегова говоритъ народу израильскому устами Іисуса Навина: «За рѣкою (Евфратомъ) жили отцы ваши издревле, Ѳарра, отецъ Авраама... и служили инымъ богамъ. Но Я взялъ отца вашего Авраама изъ-за рѣки» (Іис. Нав., 24, 2. 3) «Пойди изъ земли твоей, отъ родства твоего и изъ дома отца твоего, (и иди) въ землю, которую Я укажу тебѣ» (Быт., 12, 1), такъ говорилъ ему Іегова, призывая его. Онъ взялъ Авраама изъ среды многобожниковъ и самъ «водилъ его по землѣ ханаанской», какъ своего преданнаго служителя и «друга».

«Переходя отъ народа къ народу, изъ царства къ иному племени» (Пс., 104, 13), Авраамъ и его ближайшіе потомки оставались вѣрными Іеговѣ, призвавшему ихъ и обѣщавшему умножить, возвеличить и благословить ихъ. Неизбѣжныя сношенія съ различными народами, такими же многобожниками, какъ и обитатели Халдеи, укрѣпляли вѣрныхъ служителей единаго Бога въ ихъ преданности своему руководителю и хранителю. Вкрадывавшееся даже въ домы патріарховъ идолопоклонство было ими ревностно устраняемо, чтобы тѣмъ ревностнѣе и безраздѣльнѣе могло продолжаться ихъ служеніе Богу истинному и единому (см. Быт., 35, 2 и сл.).

Особенно серьезная опасность для единобожія потомковъ Авраама наступила въ то время, когда, къ концу ихъ продолжительнаго пребыванія въ Египтѣ, они размножились и стали значительнымъ народомъ. Управляемый чуждою, языческою властью, многочисленный народъ не имѣлъ силы сплотиться для охраны своей вѣры. Самъ

*) См. выше, Исторію вавилонско-ассирійской литературы, г. Мейера, стр. 247. *Ред.*

мало развитой въ умственномъ и гражданскомъ отношеніяхъ, еврейскій народъ стоялъ въ Египтѣ лицомъ къ лицу съ народомъ высокообразованнымъ. Многія стороны египетской жизни, ея удобства, были такъ привлекательны для евреевъ, что въ сознаніи послѣднихъ затмили собою великую и высокую мысль объ единомъ Богѣ. На пути въ обѣщанную Іеговой землю, текущую молокомъ и медомъ, испытывая различныя непріятности, неизбѣжныя въ пустынѣ, народъ говорилъ: «Кто накормитъ насъ мясомъ? Мы помнимъ рыбу, которую въ Египтѣ мы ѣли даромъ, огурцы и дыни, и лукъ, и рѣпчатый лукъ, и чеснокъ. А нынѣ душа наша изнываетъ; ничего нѣтъ, только манна въ глазахъ нашихъ» (Числ., 11, 4—6). «О, еслибы мы умерли отъ руки Господней въ землѣ египетской, когда мы сидѣли у котловъ съ мясомъ, когда мы ѣли хлѣбъ до-сыта!» (Исх., 16, 3). Тѣмъ ревностнѣе вождь евреевъ, Моисей, исполнялъ повелѣніе Іеговы—вывести народъ изъ Египта.

Іегова говорилъ еще Аврааму: «Я твой щитъ (Быт., 15, 1). Весьма, весьма распложу тебя, и произведу отъ тебя народы... И поставлю завѣтъ Мой между Мною и тобою и между потомками твоими послѣ тебя... Я буду Богомъ твоимъ и потомковъ твоихъ... И дамъ тебѣ и потомкамъ твоимъ... землю... ханаанскую во владѣніе вѣчное (тамъ же, 17, 6—8). И Іегова не только сохранилъ самого Авраама и его ближайшихъ потомковъ во время ихъ странствованій по землѣ ханаанской, но и защитилъ народъ отъ насилія и погибели, угрожавшихъ ему въ Египтѣ. За-то и народъ обязанъ былъ соблюдать условія завѣта, т.-е. договора своего съ Іеговой. Онъ долженъ былъ стать святымъ, какъ святъ Господь Богъ его (Лев. 19, 2; 20, 7). Слушаясь голоса, т.-е. закона, божія, онъ долженъ былъ стать у Іеговы царствомъ священниковъ и народомъ святымъ (Исх. 19, 5. 6), т.-е. стать въ нравственномъ отношеніи достойнымъ народомъ и за это нравственное достоинство получить право посредничества и ходатайства предъ Іеговой за все человѣчество.

Призваніе, указавшее еврейскому народу такую высокую цѣль, и отношенія этого народа къ другимъ народамъ должны были повліять на самое сознаніе народа развивающимъ и укрѣпляющимъ образомъ. Сознавъ достоинство усвоенныхъ идей по сравненію ихъ съ образомъ мыслей другихъ народовъ, народъ, естественно, хотѣлъ сохранить эти идеи неповрежденными. Пока евреи были немногочисленны, сохраненіе идей вполнѣ обезпечивалось устнымъ преданіемъ. Но когда въ Египтѣ евреи размножились, устное преданіе перестало быть вѣрнымъ средствомъ для сообщенія идей отъ одного поколѣнія къ другому, писменость стала необходима, какъ выраженіе народнаго самосознанія.

Неизвѣстно, кому принадлежитъ изобрѣтеніе того алфавита, ко-

торымъ писали древніе евреи. Судя по названію буквъ (алефъ—быкъ; бетъ—домъ; гимель—верблюдъ) можно только сказать, что онъ изобрѣтенъ кочующимъ народомъ. Что изобрѣтатели его были семиты, народъ родственный по языку евреямъ, это, судя по свойствамъ алфавита, очевидно. Еслибъ изобрѣли его евреи, то у нихъ, вѣроятно, не только сохранилось бы преданіе объ этомъ, но и было бы написано въ ихъ книгахъ. Вѣроятно, евреи воспользовались готовымъ алфавитомъ, который вошелъ между ними въ употребленіе со времени Моисея. Можетъ быть, изобрѣтеніе его было дѣломъ одной изъ тѣхъ народностей, которыя извѣстны подъ общимъ именемъ гиксовъ и которыя, владѣя продолжительное время Египтомъ, могли въ египетскомъ письмѣ найти элементы, которые были ими приспособлены къ изображенію звуковъ ихъ собственнаго, совершенно разнороднаго съ египетскимъ, языка.

Моисей, предводитель евреевъ въ первые годы независимой ихъ жизни (1491—1451 до Р. Хр.), былъ и первымъ ихъ писателемъ. Священныя книги прямо приписываютъ Моисею написаніе не только нѣкоторыхъ отдѣловъ, но и всего объема тѣхъ *пяти книгъ*, которыя теперь извѣстны подъ именемъ *Моисеевыхъ*. Послѣ описанія побѣды израильскихъ войскъ надъ амаликитянами, въ книгѣ Исходъ (17, 14) есть слѣдующее свидѣтельство: «Сказалъ Господь Моисею: напиши сіе для памяти въ книгу и внуши Іисусу, что Я совершенно изглажу память амаликитянъ изъ поднебесной». И другія обстоятельства путешествія израильтянъ по пустынѣ описаны также Моисеемъ по прямому свидѣтельству (Числ. 33, 2): «Моисей, по повелѣнію Іеговы, описалъ путешествіе ихъ по станамъ ихъ». Повелѣнія Іеговы, принятыя Моисеемъ на горѣ Синаѣ, были также записаны имъ послѣ предварительнаго устнаго объявленія ихъ народу (Исх., 24, 4). Наконецъ, къ написанію всего Моисеева закона могутъ быть отнесены слова Второзаконія (31, 24): «Моисей вписалъ въ книгу всѣ слова этого закона до конца».

Этими прямыми указаніями Пятикнижія подтверждается принятое нашею церковью преданіе о Моисеѣ, какъ писателѣ этого Пятикнижія—преданіе, котораго мы будемъ придерживаться въ нашемъ изложеніи. Въ настоящемъ столѣтіи, особенно въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, пріобрѣло себѣ многихъ послѣдователей мнѣніе, начатки котораго обнаруживались уже въ первые вѣка христіанства и которое рѣшительнѣе стало высказываться въ новой Европѣ со времени реформаціи, мнѣніе, что Моисей или совсѣмъ не принималъ участія въ составленіи Пятикнижія, или же принималъ въ немъ болѣе или менѣе ограниченное участіе.

Сужденія изслѣдователей въ этомъ направленіи обыкновено на-

чинаются съ указанія такихъ мѣстъ въ Пятикнижіи, которыя, по ихъ мнѣнію, заключаютъ въ себѣ признаки позднѣйшаго времени, чѣмъ когда жилъ Моисей. Напр., въ книгѣ Бытія (36, 31 и сл.) перечисляются «цари, царствовавшіе въ землѣ Эдома, прежде царствованія царей у сыновъ Израилевыхъ». Упоминать о царяхъ сыновъ израилевыхъ можно было, по мнѣнію тѣхъ же изслѣдователей, никакъ не раньше царствованія Саула. Но царская власть у эдомитянъ могла приближаться къ патріархальной власти старшаго въ родѣ и въ такомъ смыслѣ могла существовать у нихъ очень рано. Число эдомскихъ царей (восемь) представляется болѣе вѣроятнымъ при томъ предположеніи, что счетъ ведется отъ древнѣйшаго времени только до современнаго Моисею царя эдомскаго, чѣмъ еслибы въ этомъ числѣ были поставлены и цари позднѣйшіе Моисея. Объ израильскихъ царяхъ могъ говорить уже и Моисей: такъ какъ, давая израильскому народу законы благоустроенной жизни, онъ естественно надѣялся, что благоустройство этой жизни кончится и можетъ кончиться только подъ руководствомъ сильной власти, какою представлялась царская власть, примѣры которой Моисей несомнѣнно видѣлъ въ Египтѣ, зналъ въ Вавилонѣ. Всѣхъ основаній, на которыхъ покоится мнѣніе о позднѣйшемъ происхожденіи извѣстныхъ мѣстъ Пятикнижія, не возможно изслѣдовать въ предѣлахъ настоящей статьи. Замѣтимъ вообще то, важное въ этомъ вопросѣ, обстоятельство, что положительныя сужденія о времени происхожденія и авторахъ различныхъ частей Пятикнижія были замѣчательно различны. Часто сужденія даже одного и того же изслѣдователя измѣнялись съ теченіемъ времени существенно. Есть, впрочемъ, нѣкоторыя общія черты въ направленіи этихъ различныхъ сужденій. И въ исторіи такихъ общихъ чертъ можно указать два существено различныхъ періода. Именно, до шестидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія преобладало между независимыми изслѣдователями вопроса о происхожденіи Пятикнижія мнѣніе, что книга Второзаконія, стоящая теперь на послѣднемъ мѣстѣ между пятью книгами, написана послѣ всѣхъ другихъ. Происхожденіе ея обыкновенно ставилось въ связь съ возобновленіемъ истиннаго богослуженія въ храмѣ соломоновомъ въ царствованіе Іосіи, царя іудейскаго (639—609 до Р. Хр.). То открытіе первосвященникомъ Хелкіею книги закона Моисеева въ храмѣ, о которомъ говорится въ книгахъ историческихъ, какъ о событіи, случившемся въ 18-мъ году Іосіи, отожествлялось съ изданіемъ въ свѣтъ книги Второзаконія, дополнившей собою остальныя части Пятикнижія, въ различное время явившіяся раньше. Это время написанія четырехъ первыхъ книгъ Пятикнижія опредѣлялось весьма различно, колебалось именно между временемъ вскорѣ послѣ смерти Іисуса Навина (1426 г. до Р. Хр.) и временемъ, предшествовавшимъ

болѣе или менѣе паденію израильскаго царства (720 г. до Р. Хр.). Писателей, постепенно трудившихся надъ составленіемъ этихъ четырехъ книгъ, насчитывали отъ двухъ до четырехъ. Важнѣйшимъ и первымъ признакомъ, по которому думали распознавать различныхъ писателей, признано было употребленіе въ однѣхъ частяхъ Пятикнижія имени *Элогимъ*—Богъ, въ другихъ имени *Іегова*—Господь. Части, отличающіяся употребленіемъ имени *Элогимъ*, признавались древнѣйшими по происхожденію, а части съ именемъ *Іегова*—позднѣйшими. Автора или авторовъ, употребляющихъ исключительно или предпочтительно первое имя божіе, назвали элогистомъ, или элогистами. Автора тѣхъ частей первыхъ четырехъ книгъ, въ которыхъ употреблялось имя Іегова, назвали іеговистомъ. Писателя книги Второзаконія считали и окончательнымъ издателемъ Пятикнижія въ его настоящемъ видѣ. Однимъ изъ существенныхъ признаковъ, отличающихъ этого послѣдняго писателя-издателя отъ писателей первыхъ четырехъ книгъ, признана была заповѣдь, въ силу которой богослуженіе могло совершаться только на одномъ мѣстѣ, указанномъ самимъ Богомъ. Въ первыхъ четырехъ книгахъ, напротивъ, патріархи представляются совершающими молитву на различныхъ мѣстахъ. Въ книгѣ Исходъ (20, 24) Богъ говоритъ Моисею даже слѣдующее: «Сдѣлай мнѣ жертвенникъ изъ земли, и приноси на немъ всесожженія твои и мирныя жертвы твои, овецъ твоихъ и воловъ твоихъ; на всякомъ мѣстѣ, гдѣ Я положу (по связи рѣчи представляется болѣе правильнымъ чтеніе сирскаго перевода, именно: гдѣ ты положишь) память имени Моего, Я приду къ тебѣ и благословлю тебя». Ту же точку зрѣнія приложили, наконецъ, къ книгѣ Іисуса Навина: замѣтили и въ ней не только попеременное употребленіе то того, то другого имени божія, но и въ разныхъ мѣстахъ различный взглядъ на мѣсто, гдѣ можетъ быть совершаемо истинное богослуженіе. Израильтяне то совершаютъ богослуженіе между горами Гаризиномъ и Гевалομъ и въ Силомѣ, то возстаютъ противъ за-іорданскихъ колѣнъ, когда тѣ строятъ свой жертвенникъ.

Но это различіе въ воззрѣніяхъ на мѣсто богослуженія не на столько существенно, чтобы можно было объяснить его лишь происхожденіемъ различныхъ воззрѣній отъ различныхъ писателей. Скинія была подвижнымъ мѣстомъ богослуженія, но мѣстомъ, устроеннымъ по божьему указанію. Съ нею израиль могъ совершать богослуженіе въ различныхъ мѣстахъ—и около Синая, и около Гаризина и Гевала, и въ Силомѣ. Безъ нея богослуженіе (у заіорданскихъ племенъ) становилось преступленіемъ противъ того же самаго закона, въ силу котораго можно было совершать богослуженіе въ какомъ угодно мѣстѣ. Скинія была памятникомъ имени божія, знаме-

ніемъ присутствія божія среди народа израильскаго, въ ней Іегова открывалъ себя народу, давалъ ему знать о себѣ. О богослуженіи патріарховъ въ различныхъ мѣстахъ, очевидно, могъ говорить тотъ же писатель, который потомъ объявляетъ законъ о единствѣ богослужебнаго мѣста. Онъ не могъ считать обязательнымъ для патріарховъ законъ, позднѣе изданный. Впрочемъ, патріархи «призывали Іегову», молились, служили ему тамъ, гдѣ онъ являлся имъ, т.-е. гдѣ они видѣли то или иное знаменіе его существа, его имя.—Различныя имена божіи употребляются въ различныхъ частяхъ Пятикнижія большею частію такъ, что значеніе имени соотвѣтствуетъ содержанію мѣста, гдѣ имя употреблено. Имя *Элогимъ* значитъ Богъ вообще, какъ творецъ и управитель вселенной. И такъ какъ понятіе о богѣ въ этомъ общемъ смыслѣ имѣли и язычники, то *элогимъ* можетъ означать и языческаго бога. Имя же Іегова было собственнымъ именемъ исключительно еврейскаго Бога, который прилагалъ особенное попеченіе объ израилѣ, хранилъ и спасалъ его. Что Іегова могъ быть названъ и Элогимъ—это ясно изъ только-что сказаннаго. Что имена *Іегова* и *Элогимъ* могутъ быть иногда употребляемы одно вмѣсто другого, это можно понять. Но что одинъ писатель зналъ и могъ употреблять только одно имя божіе *Элогимъ*, а другой другое—*Іегова*, этого доказать нельзя, да послѣдователи мнѣнія о различныхъ писателяхъ Пятикнижія и не говорятъ этого. Такимъ образомъ употребленіе одного имени божія не можетъ непремѣнно указывать на одного писателя, употребленіе другого имени на другого. Напр. въ гл. 3 кн. Бытія, въ исторіи перваго грѣхопаденія людей, Богъ называется большею частію *Іегова Элогимъ*; но въ ст. 1 б—5, въ разговорѣ Евы со зміемъ, онъ называется только именемъ *Элогимъ*. Это совсѣмъ не значитъ, что стихи, въ которыхъ употреблено имя *Элогимъ*, написаны другимъ писателемъ, чѣмъ кому принадлежитъ остальная часть исторіи, по существу не раздѣльная съ этой.

Укажемъ еще одинъ признакъ, который считается весьма важнымъ въ смыслѣ доказательства мнѣнія о томъ, что Пятикнижіе составлено различными писателями. Въ книгѣ Второзаконія повторяются нѣкоторые законы, содержащіеся и въ предыдущихъ книгахъ, но повторяются съ нѣкоторымъ измѣненіемъ противъ этихъ книгъ. Это обстоятельство считаютъ возможнымъ объяснить только предположеніемъ, что книга Второзаконія написана другимъ лицомъ, а не составителемъ предъидущихъ книгъ. Но повтореніе законовъ вполнѣ естественно могъ сдѣлать и Моисей предъ вступленіемъ въ землю обѣтованную, гдѣ народная жизнь имѣла устроиться въ другой обстановкѣ, чѣмъ въ пустынѣ, вслѣдствіе чего и законы должны были видоизмѣниться. Въ историческихъ частяхъ Пятикнижія обращаютъ

вниманіе на нѣкоторыя значительно сходныя одно съ другимъ событія, относящіяся, однакоже, въ одномъ мѣстѣ къ обстоятельствамъ жизни одного лица, а въ другомъ—другого. Напр. въ Быт. 20 гл. разсказано, какъ царь герарскій Авимелехъ взялъ къ себѣ Сарру, жену Авраама, полагая, что она сестра Авраама, и какъ Богъ вразумилъ царя не прикасаться къ ней. Почти тоже, съ незначительнымъ измѣненіемъ, разсказывается въ гл. 26 объ Исаакѣ и женѣ его Ревеккѣ во время ихъ пребыванія въ томъ же Герарѣ. По мнѣнію критической школы, это значитъ, что два различныхъ писателя записали двѣ варіаціи одного и того же преданія, изъ которыхъ въ одной преданіе относится къ жизни Авраама, а въ другой—къ жизни Исаака. Но возможно было и повтореніе въ жизни Исаака того же, что случилось съ Авраамомъ. Царь герарскій могъ слѣдовать обычаямъ своего народа, не считая нужнымъ щадить честь жены странника, искавшаго пріюта въ его странѣ. Былъ ли Авимелехъ, о которомъ упоминается въ исторіи Исаака, тоже лицо, съ которымъ имѣлъ дѣло и Авраамъ, или это были разныя лица, во всякомъ случаѣ можно понять, что и Сарра и Ревекка подвергались одинаковой опасности безчестія.

Съ шестидесятыхъ годовъ, въ вопросѣ о происхожденіи Пятикнижія совершается поворотъ въ томъ смыслѣ, что Второзаконіе считается не самою позднею по происхожденію частью этого памятника. Происхожденіе его и теперь отожествляютъ съ тѣмъ же открытіемъ книги закона Моисеева въ царствованіе Іосіи; но полагаютъ, что раньше Второзаконія составлены только тѣ части Пятикнижія, которыя прежде приписывались такъ-называемому іеговисту. И теперь различаются части съ употребляемымъ въ нихъ именемъ божіимъ—*Іегова* и части съ именемъ божіимъ *Элогимъ*, причемъ идетъ рѣчь и о другихъ признакахъ іеговистскихъ и элогистскихъ частей. Но замѣчательно, что элогистскія части Пятикнижія только отчасти считаются древнѣйшими и Второзаконія и іеговиста. Значительную же часть книги Исходъ, всю книгу Левитъ и большую часть Числъ считаютъ теперь составленными позднѣе Второзаконія, именно уже послѣ плѣна вавилонскаго. Ихъ называютъ при этомъ священническимъ кодексомъ, и происхожденіе ихъ ставятъ въ связь съ возстановленіемъ богослуженія при Эздрѣ. Характеристика различныхъ частей, изъ которыхъ постепенно составилось Пятикнижіе, представляется въ слѣдующихъ короткихъ словахъ: «Іеговистъ и элогистъ (который изъ нихъ древнѣе—не рѣшаютъ положительно, но ни того, ни другого не считаютъ древнѣе Соломона), ничего не знаютъ о единствѣ богослуженія; Второзаконіе узаконяетъ его, какъ новое, доселѣ не существовавшее учрежденіе; священническій кодексъ предпола-

гаетъ его издавна существующимъ со всѣми его послѣдствіями». Изъ этой сравнительной характеристики различныхъ писателей, трудившихся надъ составленіемъ Пятикнижія, ясно, какого мнѣнія авторы этой характеристики и о времени происхожденія различныхъ частей Пятикнижія. Полагая, что законъ о единствѣ богослуженія возникъ только въ царствованіе Іосіи, съ появленіемъ книги Второзаконія, они опираются при этомъ на изслѣдованіе историческихъ книгъ ветхаго завѣта, въ которыхъ засвидѣтельствовано, что и послѣ Моисея, не только до него, богослуженіе иногда совершалось лицами не левитскаго происхожденія и не всегда въ томъ мѣстѣ, гдѣ указано было Богомъ совершать богослуженіе (см. ниже). Законъ не исполнялся; слѣдовательно онъ не существовалъ: такъ полагаютъ новѣйшіе изслѣдователи вопроса о происхожденіи Пятикнижія. Но существующій законъ не всегда и не всѣми непремѣнно исполняется. Сущность закона о богослуженіи заключалась не въ заповѣдяхъ о жертвоприношеніяхъ, не во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, а въ заповѣди о преданности единому Іеговѣ и самой идеѣ святости. И пока человѣкъ не научился ощущать эту идею въ различныхъ богослужебныхъ дѣйствіяхъ, онъ относился къ послѣднимъ болѣе или менѣе равнодушно, иногда предпочиталъ даже покланяться и совершать жертвы другимъ богамъ. «Смирить свою душу» передъ Іеговою, покориться его требованію внутренней нравственной чистоты и правдиваго и милосерднаго отношенія къ ближнимъ — вотъ задача, поставленная человѣку закономъ, и составлявшая сущность послѣдняго. Вниманіе къ ней должно было стать душою и богослуженія. Пока эта задача не была понята,—а еще пророки, по раздѣленіи царствъ, находили нужнымъ разъяснять ее,— народъ «хромалъ на оба колѣна» (по выраженію одного изъ пророковъ); совершая жертвоприношенія въ скиніи или храмѣ Бога истиннаго, онъ поклонялся или тому же Богу истинному въ другихъ мѣстахъ, или даже инымъ богамъ. Не понимая основной заповѣди о чистотѣ и святости, онъ не былъ особенно привязанъ и къ тѣмъ обрядамъ, которые должны были напоминать эту заповѣдь. Что удивительнаго въ этомъ, если еще ап. Павелъ говоритъ о себѣ, что онъ «находитъ удовольствіе въ законѣ божіемъ», слѣдовательно, понимаетъ его, но, въ своихъ членахъ видитъ иной законъ, дѣлающій его плѣнникомъ (невольнымъ исполнителемъ) закона грѣховнаго». Законъ необходимо было дать, чтобы евреи знали и не забывали своего долга. Но если этотъ законъ оставался долгое время мертвою буквой, то это значитъ только, что имъ трудно было исполнить весь законъ, а не то, что законъэтотъ не существовалъ *).

*) Само собою разумѣется, что въ своемъ сравнительно короткомъ очеркѣ авторъ, какъ онъ уже заявилъ въ началѣ, не могъ изложить всѣ результаты изслѣдованій но-

Естественно, что выводя евреевъ на путь самостоятельной народной жизни, Моисей говорилъ ему объ его происхожденіи и о происхожденіи всего міра, о Виновникѣ бытія вообще и человѣческой и еврейско-народной жизни въ особенности. Въ связи съ этими внушеніями должны были находиться представленія евреевъ объ ихъ нравственномъ долгѣ, объ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ Богу и къ людямъ.

Первая изъ пяти Моисеевыхъ книгъ, книга Бытія, начинается повѣствованіемъ о твореніи неба и земли изъ ничего единымъ Богомъ, который вслѣдствіе того и есть Владыка всей вселенной. И человѣкъ, сотворенный Богомъ изъ земли и одушевленный дыханіемъ жизни, происшедшимъ отъ дуновенія Божія, описывается пребывающимъ въ блаженномъ состояніи до тѣхъ поръ, пока онъ повиновался заповѣди Божіей относительно плодовъ дерева познанія добра и зла. Но когда жена, прельстившись тѣми плодами, ѣла не только сама, но и дала мужу, который также ѣлъ ихъ: то этимъ самымъ человѣкъ перестаъ признавать волю божію обязательнымъ закономъ своей жизни и обнаружилъ склонность слѣдовать влеченіямъ своихъ чувствъ вопреки волѣ божіей, быть самому себѣ богомъ. Возстаніе противъ закона божія и упорство злого сердца въ своихъ влеченіяхъ—вотъ сущность грѣха, вошедшаго въ міръ съ нарушеніемъ божіей заповѣди первыми мужемъ и женою. Обрекая Адама и Еву со всѣмъ ихъ потомствомъ на изнурительный трудъ, болѣзни и смерть, Іегова, однакоже, подаетъ и надежду грѣшникамъ. Обольщенные зміемъ, люди получаютъ право надѣяться, что «сѣмя», т.-е. одинъ изъ потомковъ, «жены раздавитъ голову змія»,—т.-е. что будетъ уничтожена главная и первичная причина грѣха и его послѣдствій. За возстаніемъ противъ Іеговы слѣдуетъ возстаніе противъ брата: въ Авелѣ, младшемъ сынѣ Адама, Каинъ, старшій, не хочетъ признать высшаго нравственнаго достоинства и убиваетъ его. Самъ Каинъ и его потомки заботятся объ удобствахъ и даже о роскоши; Каинъ «построилъ городъ, и назвалъ городъ по имени сына своего: Энохъ». «И взялъ себѣ Ламехъ (пятый отъ Каина) двухъ женъ: имя одной: Ада, и имя второй: Цилла. Ада родила Іавала: онъ былъ отецъ живущихъ въ шатрахъ со стадами. Имя брату его Іувалъ: онъ былъ отецъ всѣхъ играющихъ на гусляхъ и свирѣли. Цилла также родила Тувалкана (Ѳовела), который былъ ковачемъ всѣхъ орудій изъ мѣди и желѣза». Какъ мало было во всѣхъ этихъ улучшеніяхъ жизни матеріальной и въ этомъ удовлетвореніи чувственности (въ двоеженствѣ)—какъ мало было мысли объ Іеговѣ,

вѣйшей критической школы, и по необходимости ограничился лишь немногими указаціями. Ред.

видно изъ рѣчи, съ которою Ламехъ обращается къ своимъ женамъ: «Ада и Цилла! Послушайте голоса моего, жены Ламеховы! внимайте словамъ моимъ: я убью мужа за язву мнѣ и отрока за рану мнѣ. Если за Каина отмстится всемеро, то за Ламеха семьдесятъ разъ всемеро». Ламехъ припоминаетъ угрозу божію за Каина: «всякому, кто убьетъ Каина, отмстится всемеро» (Быт., 4, 15). Та угроза направлена была не къ облегченію, а къ отягченію наказанія, наложеннаго на Каина. Онъ былъ осужденъ стать изгнанникомъ и скитальцемъ на землѣ, и смерть была бы для него желаннымъ благомъ. Ламехъ извращаетъ смыслъ словъ Іеговы о Каинѣ, усматривая въ нихъ именно обѣщаніе охранить жизнь братоубійцы, какъ благо, какъ сокровище. Кощунственно объявляетъ онъ для себя самого ненужною помощь Іеговы: онъ самъ убьетъ всякаго, кто осмѣлится прикоснуться къ нему. Онъ чувствуетъ себя довольно сильнымъ для этого съ мечомъ, выкованнымъ его сыномъ Тувалкаиномъ. Но какъ въ одно время съ карой согрѣшившимъ людямъ, Іегова обѣщалъ и милость—побѣдоносную борьбу сѣмени жены съ сѣменемъ змія, такъ и рядомъ съ племенемъ Каина, въ своей средѣ давшимъ мѣсто развитію грѣха, выводится благочестивая отрасль Адама—Эносъ, котораго Іегова далъ ему вмѣсто Авеля и при которомъ «начали призывать имя Господа».

Исторія блаженнаго состоянія первой четы въ раю, происхожденія въ мірѣ зла, исторія грѣшныхъ потомковъ Каина и краткое свидѣтельство объ Эносѣ озаглавлено въ книгѣ Бытія словами: «Вотъ происхожденіе (или исторія) неба и земли» (2, 4). Происхожденіе или исторія выражается еврейскимъ словомъ, которое первоначально значитъ: потомство, родъ, потомъ исторія семейства и исторія въ болѣе обширномъ смыслѣ слова. Такихъ «исторій», за исторіей неба и земли, въ книгѣ Бытія слѣдуетъ еще девять. Исторія или списокъ потомства, *родословіе Адама* (5, 1 и сл.) у каждаго изъ 10 потомковъ называетъ по имени только одного старшаго сына, который, въ свою очередь, «жилъ» столько-то лѣтъ «и родилъ» сына такого-то; по рожденіи его «жилъ» столько-то лѣтъ «и родилъ сыновей» и дочерей. Всѣхъ же дней его жизни было столько-то; «и онъ умеръ». Эта исторія подтверждаетъ, съ одной стороны, исполненіе воли божіей, выраженной въ словахъ: «плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю» (1, 28), а съ другой осуществляетъ божій приговоръ надъ согрѣшившимъ человѣкомъ: «прахъ ты, и въ прахъ возвратишься» (3, 19). Размноженіе человѣчества повело къ увеличенію въ немъ зла. Сыны божіи, т.-е. люди, сохранившіе преданность волѣ Іеговы, увлеклись красотою дочерей грѣшныхъ людей и какъ сами забывали Іегову ради злыхъ женщинъ, такъ особенно дѣтямъ своимъ предоставляли подпадать

вліянію дурныхъ матерей. «И увидѣлъ Господь, что велико развращеніе людей на землѣ, и что всѣ мысли и помышленія сердца ихъ были зло во всякое время. И раскаялся Господь, что создалъ человѣка на землѣ,... и сказалъ...: Истреблю съ лица земли людей, которыхъ Я сотворилъ... Ной же обрѣлъ благодать предъ очами Господа». Изъ размножившагося потомства Адамова, такимъ образомъ, выдѣляется одинъ человѣкъ, который «ходилъ предъ Богомъ», т.-е. представлялъ себя въ постоянномъ присутствіи святѣйшаго существа и стремился стать нравственно достойнымъ этого присутствія.

Исторія Ноя (6, 9 и сл.) есть исторія лица, съ которымъ Іегова заключилъ завѣтъ свой въ то время, какъ пришолъ погубить остальное человѣчество. Въ этомъ лицѣ и въ его семействѣ сохранилось сѣмя новаго человѣчества. Но уже между тремя сыновьями Ноя одинъ увлекся зломъ, оказавъ неуваженіе своему отцу. И праведный Ной, благословивъ Бога Симова, т.-е. призвавъ благословеніе Іеговы на Сима и съ молитвою къ тому же Іеговѣ пожелавъ распространенія, слѣдовательно и размноженія Іафету, поразилъ проклятіемъ потомство Хама въ лицѣ его сына Ханаана: «проклятъ Ханаанъ; рабъ рабовъ будетъ онъ у братьевъ своихъ».

Послѣ *родословія*, т.-е. списка потомковъ, всѣхъ *трехъ сыновей Ноя* и послѣ описанія событія, положившаго начало раздѣленію человѣчества на народности,—событія извѣстнаго подъ именемъ смѣшенія языковъ, священный писатель обращается къ *родословію* единственнаго благословеннаго Богомъ изъ сыновей Ноевыхъ *Сима* (11, 10 и сл.) и между потомками послѣдняго отличаетъ своимъ особеннымъ вниманіемъ Ѳарру съ его сыномъ Аврамомъ, впослѣдствіи переименованнымъ въ Авраама (*родословіе Ѳарры* съ 11, 27). Ѳарра вышелъ изъ халдейскаго Ура только съ Авраамомъ и его женою и Лотомъ, сыномъ Арана, умершаго еще въ Халдеѣ. Третій сынъ Ѳарры, Нахоръ, остался на своей родинѣ. Послѣ смерти Ѳарры въ Харранѣ, Авраамъ остался только съ своимъ племянникомъ; но, отправившись въ землю ханаанскую, онъ скоро нашелъ необходимымъ разлучиться и съ нимъ. Такимъ образомъ и здѣсь повѣствователь остается вѣрнымъ выдѣленію и уединенію избранныхъ Іеговой людей изъ остальной массы человѣчества.

Странствуя по землѣ ханаанской, Авраамъ не вступаетъ въ близкія сношенія съ языческими туземцами. Онъ считаетъ себя дотого чуждымъ для нихъ, что не хочетъ принять клочка земли, предлагаемаго ими въ даръ, а хочетъ непремѣнно заплатить за этотъ клочокъ (Быт., 23 гл.). Онъ относится къ нимъ только какъ покупатель къ продавцамъ и не допускаетъ мысли о какомъ-либо большемъ сближеніи. Въ различныхъ мѣстахъ страны онъ ставитъ жертвенники

Іеговѣ и призываетъ его имя, т.-е. молится ему. Оставаясь до старости бездѣтнымъ, онъ по естественному закону думаетъ, что не будетъ имѣть другого наслѣдника, кромѣ домочадца, т.-е. раба, родившагося въ его домѣ. Но когда Іегова сказалъ ему: «Не онъ (не этотъ домочадецъ) будетъ твоимъ наслѣдникомъ, но тотъ, кто произойдетъ изъ чреслъ твоихъ», т.-е. родится отъ тебя самого, то «Авраамъ повѣрилъ Господу». И чрезъ годъ у него дѣйствительно былъ сынъ. Сынъ, чрезъ котораго могла осуществиться поданная Іеговой надежда на многочисленное потомство, возрасталъ. Но Іегова говоритъ ему: «Возьми сына твоего, единственнаго твоего, котораго ты любишь, Исаака, и пойди въ землю Морія, и тамъ принеси его во всесожженіе на одной изъ горъ, о которой Я скажу тебѣ». И Авраамъ безпрекословно отправляется заклать свою надежду: онъ увѣренъ, что божественное слово о многочисленномъ потомствѣ все-таки такъ или иначе исполнится. Такъ вѣренъ былъ Іеговѣ Авраамъ. И Іегова, съ своей стороны, не только обѣщалъ сдѣлать его собственностью землю, по которой ходилъ Авраамъ, не только увѣрялъ его, что его потомство будетъ многочисленно, какъ звѣзды небесныя и какъ песокъ на берегу моря, но и продолжалъ увѣрять его, что въ сѣмени его—въ его потомствѣ—получатъ благословеніе всѣ народы земли. Еще не настало время для полнаго осуществленія этого обѣтованія: у Авраама былъ еще только одинъ сынъ; въ странѣ ханаанской онъ былъ пришельцемъ между народами, обладавшими ею. Богъ даже предупреждалъ его, что потомкамъ его, прежде чѣмъ овладѣть этою страною, предстоитъ испытать 400-лѣтнее рабство въ чужой землѣ (Быт., 15, 13). Со стороны Авраама и его потомковъ требовалась вѣра слову Іеговы. Чтобы дать этой вѣрѣ какую-нибудь видимую помощь, Богъ установляетъ обрядъ обрѣзанія въ знакъ того, что онъ не забываетъ и не забудетъ своихъ обѣтованій.

Измаилъ, родившійся Аврааму отъ служанки его жены, вмѣстѣ съ матерью былъ удаленъ изъ родительскаго дома вскорѣ послѣ того, какъ выросъ Исаакъ. Старшій Измаилъ началъ обижать младшаго Исаака. Рожденный по плоти не долженъ былъ вносить раздоръ и непріязнь въ семью, на которой почивало благословеніе Іеговы и въ которой Исаакъ былъ сыномъ обѣтованія. *Родословіе Измаила* (Быт., 25, 12—18) предлагаетъ писатель какъ бы для того только, чтобы затѣмъ навсегда оставить линію Измаила. Вниманіе писателя обращено на *родословіе*, или исторію семейства, *Исаака* (Быт., 25, 19 и сл.). Женившись на дочери Ваѳуила арамеянина изъ Месопотаміи, потому что не хотѣлъ вступать въ родство съ хананеями, Исаакъ хранилъ такую же преданность Іеговѣ, какою отличался и его отецъ. Въ Вирсавіи (на южной границѣ позднѣйшей Палестины) онъ поставилъ

жертвенникъ и призвалъ Іегову, т.-е. молился ему тамъ. Когда въ глубокой старости, потерявъ зрѣніе, онъ вмѣсто первенца Исава благословилъ подобающимъ первенцу благословеніемъ Якова, то увидѣлъ въ этомъ божественное указаніе. И въ самомъ дѣлѣ; и Исааку и Ревеккѣ «были въ тягость» двѣ жены, взятыя Исавомъ изъ племени хеттеевъ—языческихъ туземцевъ Палестины. Языческій образъ мыслей и жизни, нравившійся Исаву, естественно возбуждалъ къ себѣ отвращеніе въ его родителяхъ. Первый сынъ Исаака не могъ быть вѣрнымъ хранителемъ вѣры въ единаго истиннаго Бога и достойнымъ наслѣдникомъ обѣтованій Іеговы. Яковъ, второй сынъ Исаака, по желанію родителей, отправился искать себѣ жены въ Харранъ, на родину своей матери. «Яковъ послушался отца своего и матери своей, и пошелъ въ Месопотамію» (Быт., 28, 7). Онъ желалъ и надѣялся, что Іегова будетъ съ нимъ (см.—20. 21). И Іегова увѣрялъ его: «Я съ тобою и сохраню тебя вездѣ, куда ты ни пойдешь; и возвращу тебя въ эту землю;... не оставлю тебя доколѣ не исполню того, что Я сказалъ тебѣ. И будетъ потомство твое какъ песокъ земной.... и благословятся въ тебѣ и въ сѣмени твоемъ всѣ племена земныя. Землю, на которой ты лежишь, Я дамъ тебѣ и потомству твоему» (ст. 15 13. 14). Яковъ дѣйствительно былъ сохраненъ и отъ разсчетливаго тестя Лавана, и отъ мстительнаго брата Исава. Второй внукъ Авраама первый имѣлъ утѣшеніе видѣть въ своихъ двѣнадцати сыновьяхъ и ихъ дѣтяхъ начало исполненія обѣтованія Іеговы о потомствѣ многочисленномъ какъ песокъ земной и какъ звѣзды небесныя. Въ Сихемѣ, раздѣляя съ своими сыновьями негодованіе на поступокъ Сихема евеянина съ дочерью Якова—Диной, Яковъ однакоже говоритъ Симеону и Левію, предложившимъ сихемлянамъ обрѣзаться, чтобы стать достойными вступленія въ родство съ Яковомъ, и потомъ избившимъ сихемлянъ во время болѣзни ихъ послѣ обрѣзанія: «Вы возмутили меня, сдѣлавъ меня ненавистнымъ для (всѣхъ)жителей этой земли... Въ совѣтъ ихъ (этихъ братьевъ, избившихъ сихемлянъ) да не внидетъ душа моя, и къ собранію ихъ да не пріобщится слава моя». Убійство сихемлянъ онъ признавалъ не только безполезною, но и опасною жестокостью. Онъ хотѣлъ жить въ мирѣ туземцами, чтобы не подвергать опасности своего еще юнаго семейства и рода. Вѣруя въ Іегову, своего хранителя, онъ полагалъ, что вѣрующій не долженъ своимъ безразсудствомъ вызывать ненужныя опасности: иначе онъ искушалъ бы Іегову.

Исторія Якова и отчасти Исава носитъ заглавіе исторіи или *родословія Исаака* до смерти этого послѣдняго, какъ старшаго въ то время хранителя божественнаго завѣта. За извѣстіемъ о смерти Исаака слѣдуетъ *родословіе Исава*, онъ же Эдомъ (гл. 36). Обходя мол-

чаніемъ подробности судьбы потомковъ перваго сына Исаакова, оказавшагося недостойнымъ благословенія Божія, писатель тѣмъ больше вниманія посвящаетъ судьбѣ семейства Якова.

Жизнь Якова (Быт., 37, 2 и сл.), въ первой ея половинѣ, есть, въ сущности, исторія Іосифа, проданнаго братьями въ Египтѣ, но явившагося здѣсь спасителемъ всего семейства Якова. Во время голода въ странѣ ханаанской Яковъ съ своимъ семействомъ сначала получалъ хлѣбъ изъ Египта, гдѣ Іосифомъ сдѣланъ былъ запасъ хлѣба на семь лѣтъ, а потомъ переселился въ Египетъ на житье. Во второй своей половинѣ (съ гл. 46), «жизнь Якова» есть исторія его послѣднихъ дней. На пути въ Египетъ, въ Вирсавіи, онъ видѣлъ въ ночномъ видѣніи Іегову, который сказалъ ему: «Я Богъ, Богъ отца твоего; не бойся идти въ Египетъ; ибо тамъ произведу отъ тебя великій народъ. Я пойду съ тобою въ Египетъ; Я и выведу тебя обратно» (46. 3. 4). Получивъ такимъ образомъ подверждевіе прежде данныхъ ему обѣтованій, Яковъ передъ смертью въ благословеніи или пророчественномъ завѣщаніи своимъ дѣтямъ, собравшимся вокругъ его ложа, передаетъ обѣщанныя ему самому милости. Прежде другихъ дѣтей явился къ Якову за благословеніемъ Іосифъ съ двумя своими сыновьями, Манассіей и Ефремомъ. Въ лицѣ послѣднихъ Яковъ благословлялъ самого Іосифа. Онъ говорилъ: «Богъ, предъ которымъ ходили отцы мои, Авраамъ и Исаакъ, Богъ, пасущій меня съ тѣхъ поръ какъ я существую до сего дня, Ангелъ, избавляющій меня отъ всякаго зла, да благословитъ этихъ отроковъ, да будетъ на нихъ наречено имя мое и имя отцовъ моихъ, Авраама и Исаака, и да возрастутъ они во множество посреди земли» (48, 15. 16). Такимъ образомъ, одинъ изъ сыновей Якова, въ лицѣ двоихъ своихъ сыновей, получилъ по завѣщанію своего отца двойную часть наслѣдства. Не будучи старшимъ сыномъ, Іосифъ воспользовался въ этомъ случаѣ правомъ первороднаго. Дѣйствительный первенецъ Якова по рожденію, Рувимъ, былъ лишенъ своимъ отцомъ правъ первородства. «Ты крѣпость моя и начатокъ силы моей, верхъ достоинства и верхъ могущества (т.-е. тебѣ, какъ первенцу моему, принадлежало бы между братьями первенство какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ смыслѣ). Но ты бушевалъ какъ вода, не будешь преимуществовать. Ибо ты взошелъ на ложе отца твоего; ты осквернилъ постелю мою». Слѣдующіе по старшинству два брата, Симеонъ и Левій, также не получили правъ первородства. Припоминая вышеупомянутую жестокость ихъ по отношенію къ сихемлянамъ, Яковъ говоритъ: «Симеонъ и Левій—братья, орудія жестокости мечи ихъ... Проклятъ гнѣвъ ихъ, ибо жестокъ; и ярость ихъ, ибо свирѣпа; раздѣлю ихъ въ Яковѣ, и разсѣю ихъ въ израилѣ». Послѣ того какъ право перво-

роднаго на двоякую долю въ матеріальномъ наслѣдствѣ отца предоставлено Іосифу, первенство въ смыслѣ нравственномъ переходитъ къ Іудѣ. «Іуда! тебя восхвалятъ братья твои. Рука твоя на хребтѣ враговъ твоихъ; поклонятся тебѣ сыны отца твоего. Молодой левъ Іуда, съ добычи сынъ мой поднимается. Преклонился онъ, легъ какъ левъ и какъ львица: кто подниметъ его? Не отойдетъ скипетръ отъ Іуды и жезлъ отъ чреслъ его, пока не придетъ Примиритель, и ему покорность народовъ. Онъ привязываетъ къ виноградной лозѣ осленка своего, и къ лозѣ лучшаго винограда—сына ослицы своей. Моетъ въ винѣ одежду свою, и въ крови гроздовъ одѣяніе свое. Блестящи очи (его) отъ вина, и бѣлы зубы его отъ молока». Другимъ сыновьямъ своимъ онъ указалъ мѣсто жительства ихъ потомства, предопредѣлилъ естественныя богатства ихъ мѣстъ жительства, предсказалъ ихъ отношенія или къ сосѣднимъ народамъ или къ своимъ единоплеменникамъ. «Завулонъ при берегѣ морскомъ будетъ жить, и у пристани корабельной... Иссахаръ—оселъ крѣпкій, лежащій между протоками водъ. И увидѣлъ онъ, что покой хорошъ и что земля пріятна: и преклонилъ плеча свои для ношенія бремени и сталъ работать въ уплату дани». Данъ рожденъ былъ Якову служанкой Рахили, Валлой, и какъ сынъ рабыни, не могъ бы имѣть участія въ наслѣдствѣ отца. Однако, «рожденный на колѣна» Рахили, которая и дала ему имя, какъ своему собственному сыну, Данъ благословляется Яковомъ, какъ одинъ изъ сыновей его законной жены. Намекая на нарицательное значеніе его имени (отъ *дин* судить, управлять), Яковъ говоритъ о Данѣ: «Данъ будетъ судить народъ свой, какъ одно изъ колѣнъ Израиля» (т.-е. будетъ управлять людьми, отъ него самого происшедшими, не будетъ подъ чужою властью, какъ племя рабское). Объ отношеніяхъ его къ другимъ колѣнамъ и сосѣднимъ народамъ Яковъ прибавилъ: «Данъ будетъ змѣемъ на дорогѣ, аспидомъ на пути, уязвляющимъ ногу коня, такъ что всадникъ его упадетъ назадъ». Смотря на Гада и имѣя въ виду созвучіе его имени съ глаголомъ *гадад*—тѣснить, Яковъ говоритъ: «Гадъ, толпа будетъ тѣснить его, но онъ оттѣснитъ ее по пятамъ». Асиръ съ своихъ тучныхъ и плодоносныхъ полей «будетъ доставлять царскія яства». Веніаминъ хищный волкъ, утромъ будетъ ѣсть ловитву, и вечеромъ будетъ дѣлить добычу». Такимъ образомъ, Яковъ передъ смертью раздѣлилъ своимъ сыновьямъ наслѣдованное имъ самимъ и утвержденное за нимъ Іеговой право на землю ханаанскую, предоставивъ колѣну іудину духовное преимущество колѣна, чрезъ которое благословятся всѣ народы земли.

Вторая Моисеева книга—«Исходъ»—въ первой своей части содержитъ исторію исполненія обѣтованія Іеговы, даннаго Аврааму въ

слѣдующихъ словахъ: «Знай, что потомки твои будутъ пришельцами въ землѣ не своей, и поработятъ ихъ и будутъ угнетать ихъ четыреста лѣтъ. Но я произведу судъ надъ народомъ, у котораго они будутъ въ порабощеніи; послѣ того они выйдутъ»... Событія, о которыхъ говорится въ началѣ книги «Исходъ», происходили въ концѣ тѣхъ четырехсотъ лѣтъ рабства, о которыхъ Iегова говорилъ Аврааму. «Сыны израилевы расплодились и размножились, и возрасли и усилились чрезвычайно, и наполнилась ими земля та. И возсталъ въ Египтѣ новый царь, который не зналъ Іосифа. И сказалъ народу своему: Вотъ, народъ сыновъ израилевыхъ многочисленъ и сильнѣе насъ. Перехитримъ же его, чтобы онъ не размножался; иначе, когда случится война, соединится и онъ съ нашими врагами... И поставили надъ нимъ начальниковъ работъ, чтобы изнуряли его тяжкими работами... Но чѣмъ болѣе изнуряли его, тѣмъ болѣе онъ умножался»... Царь египетскій велѣлъ повивальнымъ бабкамъ, помогавшимъ еврeянкамъ при родахъ, убивать ихъ дѣтей мужескаго пола; «но повивальныя бабки боялись Iеговы», и «народъ умножался и весьма усиливался». Тогда приказано было всякаго новорожденнаго у евреевъ сына бросать въ рѣку. Спасенный въ тростниковой корзинкѣ, пущенной на воду Нила, воспитанный при царскомъ дворѣ, Моисей услышалъ при Хоривѣ изъ куста, объятаго пламенемъ, слѣдующія слова: «Я увидѣлъ страданіе народа моего въ Египтѣ, и услышалъ вопль его отъ приставниковъ его; Я... иду избавить его отъ руки египтянъ, и вывести его изъ этой земли въ землю хорошую и пространную, гдѣ текутъ молоко и медъ... И такъ поди: Я пошлю тебя къ фараону, и выведи изъ Египта народъ мой... Скажи фараону: такъ говоритъ Iегова (Богъ еврейскій): Израиль есть сынъ мой, первенецъ мой. Я говорю тебѣ: отпусти сына моего, чтобы онъ совершилъ мнѣ служеніе»... «Но фараонъ сказалъ: кто такой Iегова, чтобы я послушался голоса его... я не знаю Iеговы, и израиля не отпущу» (Исх., 5,2). «И сказалъ Iегова Моисею: Теперь увидишь ты, что̀ Я сдѣлаю съ фараономъ; по дѣйствію руки крѣпкой онъ отпуститъ ихъ; но дѣйствію руки крѣпкой даже выгонитъ ихъ изъ земли своей» (6,1). Казни египетскія — тѣ бѣдствія, которыя послалъ Iегова на Египетъ, были именно дѣйствіями крѣпкой руки, проявленіями силы Iеговы. Смерть собственнаго фараонова первенца и всѣхъ египетскихъ первенцевъ вынудила у фараона позволеніе отправиться израильтянамъ изъ Египта; но скоро онъ пожалѣлъ о данномъ позволеніи и захотѣлъ возвратить евреевъ въ ихъ рабское состояніе, при чемъ погибъ съ своимъ войскомъ въ волнахъ Чермнаго моря, погнавшись за евреями. Эта погибель, вмѣстѣ съ чудеснымъ переходомъ евреевъ черезъ Чермнее море,

были послѣдними событіями въ исторіи освобожденія евреевъ изъ Египта. Воспоминаніе объ этомъ освобожденіи было увѣковѣчено въ установленномъ тогда-же праздникѣ Пасхи. Переходъ евреевъ черезъ море и погибель египтянъ воспѣты въ пѣснѣ, составленной Моисеемъ и повторявшейся за нимъ всѣмъ израилемъ—и мужчинами, и женщинами:

„Пою Господу, ибо онъ высоко превознесся; коня и всадника его ввергнулъ въ море. Господь крѣпость моя и слава моя, онъ былъ мнѣ спасеньемъ... Колесницы фараона и войско его ввергнулъ онъ въ море, и избранные военачальники его потонули въ Чермномъ морѣ... Величіемъ славы твоей ты низложилъ возставшихъ противъ тебя. ты послалъ гнѣвъ твой, и онъ попалилъ ихъ, какъ солому. Отъ дуновенія твоего разступились воды, влага стала, какъ стѣна, огустѣли пучины въ сердцѣ моря. Врагъ сказалъ: погонюсь, настигну, раздѣлю добычу; насытится ими душа моя, обнажу мечъ мой, истребитъ ихъ рука моя. Ты дунулъ духомъ твоимъ, и покрыло ихъ море: они погрузились, какъ свинецъ, въ великихъ водахъ. Кто, какъ ты, Господи, между богами?.. Ты ведешь милостью твоею этотъ народъ, который ты избавилъ; провожаешь силою твоею въ жилище святыни твоей. Услышали народы и трепещутъ... Да нападетъ на нихъ страхъ и ужасъ; отъ величія мышцы твоей да онѣмѣютъ они, какъ камень, доколѣ проходитъ народъ твой, Господи, доколѣ проходитъ этотъ народъ, который ты пріобрѣлъ. Введи его и насади его на горѣ достоянія твоего, на мѣстѣ, которое ты сдѣлалъ жилищемъ себѣ, Господи“...

Вторая половина книги «Исходъ» заключаетъ въ себѣ исторію исполненія обѣщанія Іеговы, даннаго Аврааму: «Поставлю завѣтъ мой между мною и между... потомками твоими..., завѣтъ вѣчный въ томъ, что Я буду Богомъ... потомковъ твоихъ послѣ тебя» (Быт., 17,7). При горѣ Синаѣ Іегова говорилъ Израилю: «Вы видѣли, что̀ Я сдѣлалъ египтянамъ, и какъ Я носилъ васъ (какъ-бы) на орлиныхъ крыльяхъ, и принесъ васъ къ себѣ. Итакъ, если вы будете слушаться голоса моего, и соблюдать завѣтъ мой, то будете моимъ удѣломъ изъ всѣхъ народовъ; ибо моя вся земля. А вы будете у меня царствомъ священниковъ и народомъ святымъ» (Исх., 19, 4—6). «И весь народъ отвѣчалъ единогласно, говоря: все, что сказалъ Іегова, исполнимъ» (ст. 8). Сущность божественнаго «завѣта», соблюдать который народъ обѣщалъ, заключается въ десяти заповѣдяхъ закона, изложенныхъ въ 20-й гл. кн. «Исходъ» и для которыхъ остальныя части закона Моисеева служатъ только подробнѣйшимъ разъясненіемъ.

„И написалъ Моисей всѣ слова Господни и... поставилъ подъ горою жертвенникъ и двѣнадцать камней, по числу двѣнадцати колѣнъ израилевыхъ. И послалъ юношей изъ сыновей израилевыхъ, и принесли они всесожженія, и заклали тельцовъ въ мирную жертву Іеговѣ. Моисей, взявъ половину крови, влилъ въ чаши, а другою половиною окропилъ жертвенникъ. И взялъ книгу завѣта, и прочиталъ вслухъ народу, и сказали они: все, что сказалъ Господь, сдѣлаемъ, и будемъ по-

слушны". И взялъ Моисей крови, и окропилъ народъ, говоря: вотъ кровь завѣта который Господь заключилъ съ вами (24, 4—8).

Такъ заключенъ былъ завѣтъ между Іеговой и народомъ израильскимъ. Выслушивая заповѣди и обѣщая исполнять ихъ, народъ тѣмъ самымъ принималъ имя народа божія, народа святого. Повелѣвая устроить скинію, т.-е. палатку для совершенія въ ней богослуженія, посвятить Аарона и сыновей его, «чтобъ они священнодѣйствовали», Іегова говорилъ: «Тамъ (въ скиніи собранія) буду открываться сынамъ израилевымъ, и освятится это мѣсто славой моей. И освящу скинію собранія и жертвенникъ; и Аарона и сыновъ его освящу, чтобы они священнодѣйствовали мнѣ. И буду обитать среди сыновъ израилевыхъ, и буду имъ Богомъ» (Исх., 29, 43—45). И когда окончено было устройство скиніи со всѣми ея богослужебными принадлежностями, и Ааронъ съ его сыновьями приступили къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей, то «покрыло облако скинію собранія, и слава Іеговы наполнила скинію». Іегова открылъ свое присутствіе среди израиля, «сталъ его Богомъ».

Сущность закона, который народъ израильскій долженъ былъ исполнять, чтобы стать «народомъ святымъ», содержится въ десяти заповѣдяхъ. Книга «Исходъ» прибавляетъ къ этимъ основнымъ положеніямъ закона лишь немногія, болѣе частныя, предписанія (гл. 21—23).

Книга «Левитъ» посвящена вся этимъ болѣе частнымъ предписаніямъ. Существенная мысль, объединяющая ихъ, содержится въ заповѣди: «будьте предо мною святы, ибо Я святъ Іегова (Богъ вашъ), и отдѣлилъ васъ отъ народовъ, чтобы вы были мои (Лев., 20, 26). Соблюдайте всѣ уставы мои и всѣ законы мои, и исполняйте ихъ. Я Господь» (— 19, 37). Книга «Левитъ» начинается законами о жертвахъ, изъ которыхъ одни предписывается приносить, какъ «благоуханіе пріятное Іеговѣ», какъ изъявленіе преданности Іеговѣ,—другія, какъ свидѣтельство раскаянія человѣка въ грѣхѣ: «когда узнанъ будетъ имъ (человѣкомъ) грѣхъ, которымъ онъ согрѣшилъ, пусть приведетъ онъ въ жертву» тельца или козла... «и такъ очиститъ его священникъ отъ грѣха его передъ Іеговой, и прощено будетъ ему» (Лев. 4, 20. 26. 31; 5, 6. 10. 13. 18; 6, 7). Другими словами, въ жертвахъ должно было выражаться со стороны израильтянъ или признаніе, что Іегова есть ихъ Богъ и они—его народъ, или стремленіе сдѣлаться достойнымъ благоволенія божія, обѣщаннаго народу. Посвященіе Аарона и сыновей его (гл. 8 и 9) уполномочивало особыхъ лицъ приносить жертвы и благословлять народъ. Священники являлись посредниками между Іеговой и народомъ, будучи представителями послѣдняго предъ первымъ. Но они

и сами должны быть не только безъ тѣлесныхъ недостатковъ, но и хранить свою чистоту особенно строго (гл. 10. 21). Законы о чистомъ и нечистомъ (гл. 11—16) имѣли цѣлью и тѣлесное благо евреевъ и «предохраняли ихъ отъ нечистоты, чтобы они не умерли въ нечистотѣ своей, оскверняя жилище Господне, которое среди нихъ» (15, 31). Эти законы своею сущностью внушали народу мысль о высокой святости Іеговы, который присутствовалъ среди израиля и къ которому могъ достойно приближаться только чистый. Забота о нравственной чистотѣ народа легла въ основу учрежденія великаго дня очищенія: «въ седьмой день, въ десятый (день) мѣсяца смиряйте души ваши... въ этотъ день очищаютъ васъ, чтобы сдѣлать васъ чистыми отъ всѣхъ грѣховъ вашихъ, чтобы вы были чисты предъ лицомъ Господнимъ» (16, 29. 30). У народа божія все должно дѣлаться съ мыслію объ Іеговѣ: кто хотѣлъ заколоть тельца или овцу или козу, тотъ долженъ былъ «привести ихъ передъ Іегову ко входу скиніи собранія, къ священнику, и заколоть ихъ въ жертвы мирныя». Иначе онъ пролилъ бы кровь, которая была назначена Іеговой для жертвенника, «чтобы очищать души ваши».

Законы, направленные противъ кровосмѣшенія (гл. 18) и другіе разнороднаго содержанія (гл. 19. 20), имѣютъ слѣдующій общій мотивъ: «Я Господь Богъ вашъ. По дѣламъ земли египетской, въ которой вы жили, не поступайте, и по дѣламъ земли ханаанской, въ которую Я веду васъ, не поступайте, и по установленіямъ ихъ не ходите. Мои законы исполняйте и мои постановленія соблюдайте, поступая по нимъ. Я Господь Богъ вашъ» (18, 2—4). Законы о чистотѣ, необходимой для лицъ, касающихся «святынь сыновъ израилевыхъ», т.-е. жертвъ, и о качествахъ животныхъ, приносимыхъ въ жертву (гл. 22), мотивируются слѣдующею заповѣдью: «не безчестите святаго имени моего, чтобы Я былъ святымъ среди сыновъ израилевыхъ» (22, 32, ср. ст. 2). Законы о праздникахъ (гл. 23) — законы о священныхъ временахъ, въ которыя не слѣдовало дѣлать никакой работы и заповѣдано было только «приносить жертвы Іеговѣ» или «смирять души передъ Іеговой». Не только сами евреи, но и земля ихъ должна была имѣть времена покоя: «въ седьмой годъ суббота покоя земли, суббота Господня; поля твоего не засѣвай, и виноградника твоего не обрѣзывай... И будетъ это въ продолженіе субботы земли всѣмъ вамъ въ пищу, тебѣ и рабу твоему, и рабѣ твоей, и наемнику твоему, и поселенцу твоему, поселившемуся у тебя... И освятите пятидесятый годъ и объявите свободу на землѣ всѣмъ жителямъ ея; да будетъ это у васъ юбилей; и возвратитесь каждый во владѣніе свое». Въ субботній годъ произведенія земли становились общимъ достояніемъ народа: и бѣдный могъ питаться

ими, какъ своею собственностью. Юбилейный же годъ возвращалъ не только бѣдному проданную имъ собственность, но и продавшему себя еврею—его свободу. «Они (евреи)—мои рабы, которыхъ Я вывелъ изъ земли египетской; не должно продавать ихъ, какъ продаютъ рабовъ. Не господствуй надъ нимъ съ жестокостью, и бойся Бога твоего» (25, 42—43). Книга заключается обѣтованіями на случай исполненія народомъ заповѣдей и угрозами на случай ихъ неисполненія:

„Если вы будете поступать по уставамъ моимъ... то Я дамъ вамъ дожди въ свое время, и земля дастъ произрастенія свои, и дерева полевыя дадутъ плодъ свой... И будете ѣсть хлѣбъ свой досыта... Пошлю миръ на землю (вашу)... И будете прогонять враговъ вашихъ и падутъ они предъ вами отъ меча... призрю на васъ... и поставлю жилище мое среди васъ, и душа моя не возгнушается вами... и буду вашимъ Богомъ, а вы будете моимъ народомъ... Если же не послушаете меня и не будете исполнять всѣхъ этихъ заповѣдей... то Я... пошлю на васъ ужасъ, чахлость и горячку, отъ которыхъ истомятся глаза и измучится душа, и будете сѣять сѣмена ваши напрасно, и враги ваши съѣдятъ ихъ. Обращу лице мое на васъ, и падете предъ врагами вашими, и будутъ господствовать надъ вами... Если и при всемъ томъ не послушаете меня; то Я всемеро увеличу наказаніе за грѣхи ваши... небо ваше сдѣлаю, какъ желѣзо, и землю вашу, какъ мѣдь... пошлю на васъ звѣрей полевыхъ... пошлю на васъ язву, и преданы будете въ руки врага... будете ѣсть плоть сыновъ вашихъ и плоть дочерей вашихъ... города ваши сдѣлаю пустыней... опустошу землю вашу... а васъ разсѣю между народами... Тогда признаются они въ беззаконіи своемъ... и Я вспомню завѣтъ мой съ Яковомъ... Исаакомъ и... Авраамомъ... вспомню для нихъ завѣтъ съ предками, которыхъ вывелъ Я изъ земли египетской предъ глазами народовъ, чтобы быть ихъ Богомъ. Я Господь“.

Такимъ образомъ и наказать народъ свой Іегова хочетъ только для того, чтобы снова помиловать его, и остаться Богомъ его до конца.

Исторія путешествія израильтянъ отъ горы Синая до полей Моавитскихъ (на восточномъ берегу Іордана, у впаденія послѣдняго въ Мертвое море) составляетъ предметъ книги «Числъ». Имя это книга получила оттого, что и начинается она «исчисленіемъ всего общества сыновъ израилевыхъ по родамъ ихъ, по семействамъ ихъ, по числу именъ, всѣхъ мужескаго пола поголовно», и продолжается перечисленіемъ «жертвъ освященія жертвенника», которыя были принесены начальниками двѣнадцати колѣнъ израилевыхъ (гл. 7),—и законы о жертвахъ повторяются въ ней съ точнымъ указаніемъ количества животныхъ или веществъ, потребныхъ для той или другой жертвы (гл. 15. 28. 29). Послѣднія главы книги заключаютъ въ себѣ новое исчисленіе израиля послѣ пораженія «людей, прилѣпившихся къ (языческому богу) Ваал-Фегору» (26—27 гл.), исчисленіе добычи, взятой израильтянами у пораженныхъ ими мадіанитянъ

(31 гл.), отчисленіе за-іорданской, уже завоеванной израилемъ, части Палестины во владѣніе колѣнамъ—Рувимову, Гадову и половинѣ Манасіина (32 гл.), перечисленіе всѣхъ остановокъ, сдѣланныхъ израильтянами въ теченіе сорокалѣтняго ихъ путешествія по пустынѣ (гл. 33), перечисленіе пограничныхъ пунктовъ, т.-е. точное указаніе границъ будущихъ владѣній израиля въ Палестинѣ и, наконецъ, перечисленіе городовъ-убѣжищъ, назначенныхъ для убійцъ ненамѣренныхъ въ за-іорданскихъ колѣнахъ (гл. 34. 35).

Іегова остался вѣренъ клятвенному слову, данному имъ Аврааму. Онъ размножилъ потомство праведнаго патріарха и не погубилъ этого потомства до конца даже послѣ того, какъ оно согрѣшило противъ него. Завоеваніе за-іорданской области было началомъ исполненія обѣтованія, даннаго патріархамъ о дарованіи ихъ потомству земли, по которой они странствовали. Для евреевъ началась жизнь самостоятельно-народная, и было установлено управленіе народа чрезъ старѣйшинъ и священниковъ. Остался-ли, съ своей стороны, вѣренъ слову завѣта и народъ? Книга «Числъ» содержитъ извѣстія о неоднократномъ ропотѣ народа на Іегову. «Народъ сталъ роптать въ слухъ Господа... Сыны израилевы сидѣли и плакали, и говорили: Кто накормитъ насъ мясомъ?... Нынѣ душа наша изнываетъ; ничего нѣтъ, только манна въ глазахъ нашихъ» (11, 1. 4. 6). Изъ пустыни Фаранъ Моисей послалъ двѣнадцать человѣкъ осмотрѣть землю, въ которую Іегова велъ народъ. И соглядатаи говорили: въ землѣ той «подлинно текутъ молоко и медъ...; но народъ живущій» тамъ «силенъ, и города укрѣпленные весьма большіе». Халевъ, одинъ изъ соглядатаевъ, «успокоивалъ народъ передъ Моисеемъ», говоря: «мы можемъ одолѣть ее»—эту землю; но другіе «распускали худую молву» о землѣ и ея жителяхъ. «И подняло все общество вопль и плакалъ народъ», говоря: «Для чего ведетъ насъ Іегова въ эту землю, чтобы мы пали отъ меча? Жены наши и дѣти наши достанутся въ добычу врагамъ: не лучше-ли намъ возвратиться въ Египетъ?» На равнинахъ моавитскихъ, въ Ситтимѣ, вошедши въ сношенія съ моавитянками и мадіанитянками, евреи стали поклоняться языческому божеству Ваалъ-Фегору (гл. 25). Недовѣріе къ обѣтованіямъ достигло здѣсь высшей степени. Поражая народъ за это недовѣріе, за это отступничество, Іегова хранитъ однако-же извѣстную часть народа—достойное сѣмя Авраама, Исаака и Якова. Ради этой части онъ продолжаетъ ограждать народъ отъ нападеній языческихъ сосѣдей. Особенно знаменательно въ этомъ отношеніи пребываніе израиля на равнинахъ моавитскихъ. Моавитскій царь Валакъ, не надѣясь силою своего народа одолѣть израиля, обратился къ содѣйствію силы сверхъ-естественной. Валаамъ, сынъ Веоровъ, во 2-мъ посланіи ап.

Петра (2, 16) названъ «пророкомъ». И книга «Числъ», не давая ему прямо этого названія, говоритъ однако, что онъ «не можетъ преступить повелѣнія Господа, Бога» своего (22, 18). «Могу-ли я что отъ себя сказать? Что вложитъ Богъ въ уста мои, то и буду говорить»: такъ объявляетъ Валаамъ. Царь-язычникъ «знаетъ, что кого Валаамъ благословитъ, тотъ благословенъ, и кого онъ проклянетъ, тотъ проклятъ». Его устами говорилъ Богъ, который «скажетъ, и развѣ не сдѣлаетъ? будетъ говорить, и развѣ не исполнитъ?» Къ этому Валааму послалъ Валакъ сказать: «Вотъ народъ вышелъ изъ Египта, и покрылъ лице земли, и живетъ онъ подлѣ меня. Итакъ, приди, прокляни мнѣ этотъ народъ; ибо онъ сильнѣе меня, можетъ быть, я тогда буду въ состояніи поразить его и выгнать его изъ земли». Валаамъ произноситъ, вмѣсто проклятія, благословеніе: «Какъ прокляну я? Богъ не проклинаетъ его. Какъ изреку зло? Господь не изрекаетъ (на него) зла... Не видно бѣдствія въ Яковѣ, и незамѣтно несчастія въ израилѣ; Господь, Богъ его, съ нимъ, и трубный царскій звукъ у него. Вотъ, народъ какъ львица встаетъ, и какъ левъ поднимается; не ляжетъ, пока не съѣстъ добычи и не напьется крови убитыхъ... Вижу его, но нынѣ еще нѣтъ; зрю его, но не близко. Восходитъ звѣзда отъ Якова и возстаетъ жезлъ отъ израиля, и разитъ князей Моава...» Въ своей внутренней жизни народъ не разъ уклонялся съ пути къ высокому призванію; но онъ былъ все-таки избраннымъ народомъ.

Самому Моисею не дано было войти въ землю обѣтованную (Числ., 20, 12; Второз., 1, 37). За Іорданомъ, въ землѣ моавитской, законодатель почувствовалъ близость кончины и нашелъ необходимымъ дать наставленіе народу относительно сущности закона, даннаго Іеговой, указать способы исполненія этого закона «въ землѣ, которую Господь Богъ даетъ во владѣніе» народу (Второз., 21, 1). Это наставленіе составляетъ сущность содержанія книги «Второзаконія». «Вотъ, я научилъ васъ постановленіямъ и законамъ, какъ повелѣлъ мнѣ Господь, Богъ мой, дабы вы такъ поступали въ той землѣ, въ которую вы вступаете, чтобъ овладѣть ею! Итакъ, храните и исполняйте ихъ, ибо въ этомъ мудрость ваша, и разумъ вашъ предъ глазами народовъ» (4, 56). Сущность Моисеева ученія о Богѣ состоитъ въ томъ, что Богъ есть невидимое и духовное существо, что онъ единъ. Выводъ изъ этого ученія, существенно важный для евреевъ во время предстоявшей имъ жизни въ землѣ обѣтованной, выводъ тотъ, что народъ не долженъ дѣлать себѣ изображеній своего Бога и не долженъ считать за боговъ различные предметы видимаго міра—животныхъ или небесныя свѣтила. Припоминая откровеніе Іеговы на Синаѣ, Моисей говоритъ:

„Гласъ словъ (его) вы слышали, но... твердо держите въ душахъ вашихъ, что вы не видѣли никакого образа въ тотъ день... дабы вы не развратились и не сдѣлали себѣ изваяній, изображеній какого-либо кумира, представляющихъ мужчину или женщину, изображенія какого-либо скота, который на землѣ, изображенія какой-либо птицы крылатой.... изображенія какого-либо (гада), ползающаго по землѣ, изображенія какой-либо рыбы.., и дабы ты, взглянувъ на небо и увидѣвъ солнце, луну и звѣзды (и) все небесное воинство, не прельстился и не поклонился имъ и не служилъ имъ“ (4, 12, 15—19). „Господа Бога твоего бойся и ему (одному) служи... Не послѣдуйте инымъ богамъ, богамъ тѣхъ народовъ, которые будутъ вокругъ васъ“ (6, 13, 14). „Слушай, Израиль, Господь, Богъ нашъ, Господь единъ есть“ (ст. 4).

Чтобы мысль о единомъ Богѣ сохранилась въ народѣ неприкосновенною, заповѣдуется не щадить многобожниковъ:

„Когда... Господь Богъ твой... изгонитъ отъ лица твоего многочисленные народы, хеттеевъ, гергесеевъ, аморреевъ, хананеевъ, ферезеевъ, евеевъ и іевусеевъ... и предастъ ихъ тебѣ Господь Богъ твой... тогда предай ихъ заклятію, не вступай съ ними въ союзъ и не щади ихъ. И не вступай съ ними въ родство; дочери твоей не отдавай за сына его, и дочери его не бери за сына твоего: ибо они отвратятъ сыновъ твоихъ отъ меня, чтобы служить инымъ богамъ... (7, 1—4). Предай ихъ заклятію..., дабы они не научили васъ дѣлать такія же мерзости, какія они дѣлали для боговъ своихъ, и дабы вы не грѣшили предъ Господомъ Богомъ вашимъ“ (20, 18).

Іегова благоволилъ заключить съ израилемъ завѣтъ. Моисей, самъ бывшій посредникомъ при этомъ заключеніи завѣта, предъ смертью увѣряетъ народъ: «Господь Богъ твой есть Богъ милосердый; Онъ не оставитъ тебя и не погубитъ тебя, и не забудетъ завѣта съ отцами твоими, который онъ клятвою утвердилъ имъ» (4, 31). «Только отцовъ твоихъ принялъ Господь и возлюбилъ ихъ, и избралъ васъ, сѣмя ихъ послѣ нихъ, изъ всѣхъ народовъ» (9, 15). И евреи, съ своей стороны, должны были хранить вѣрность завѣту Іеговы. «Господь хранитъ завѣтъ (свой) и милость» только «къ любящимъ его и сохраняющимъ заповѣди его» (7, 9). Многочисленныхъ заповѣдей, содержащихся въ книгахъ «Исходъ», «Левитъ» и «Числъ», Моисей не повторяетъ на поляхъ моавитскихъ, но съ особенной настойчивостью заповѣдуетъ то, о чемъ мало говорено было въ тѣхъ книгахъ: внутреннее, искреннее, сердечное участіе въ дѣлѣ исполненія заповѣдей. «Люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всѣми силами твоими. И да будутъ слова эти, которыя Я заповѣдую тебѣ сегодня, въ сердцѣ твоемъ» (6, 5, 6). «О если бы сердце ихъ было у нихъ таково, чтобы бояться меня и соблюдать всѣ заповѣди мои во всѣ дни, дабы хорошо было имъ и сынамъ ихъ во вѣкъ» (5, 29). Съ внѣшнимъ исполненіемъ заповѣдей должно было непремѣнно соединяться внутреннее, душевное послушаніе закону божію. «Заповѣдь эта, которую я заповѣдую

тебѣ сегодня, не недоступна для тебя и недалека. Она не на небѣ, чтобы можно было говорить: кто взошелъ бы для насъ на небо и принесъ бы ее намъ, и далъ бы намъ услышать ее, и мы исполнили бы ее? И не за моремъ она, чтобы можно было говорить: кто сходилъ бы для насъ за море и принесъ бы ее намъ, и далъ бы намъ услышать ее, и мы исполнили бы ее! Но весьма близко къ тебѣ это слово; оно въ устахъ твоихъ и сердцѣ твоемъ, чтобы исполнить его» (30, 11—14). Внѣшнее исполненіе заповѣдей было бы тѣломъ безъ души. Нужно было «обрѣзывать крайнюю плоть сердца», соблюдать не плотское только обрѣзаніе.

Послушаніе Іеговѣ, привязанность, любовь къ нему человѣкъ можетъ оказывать только дѣлая добро ближнему. Въ предсмертномъ завѣщаніи Моисея израилю заповѣдь о любви къ Іеговѣ поясняется многочисленными заповѣдями о любви къ ближнему. Проповѣдуется вниманіе и уваженіе къ матеріальнымъ и нравственнымъ нуждамъ ближняго. Когда народъ будетъ созванъ на войну съ врагомъ, то надзиратели должны объявлять народу, говоря: «кто построилъ новый домъ и не обновилъ его, тотъ пусть идетъ и возвратится въ домъ свой, дабы не умеръ на сраженіи, и другой не обновилъ его». Такая же льгота объявлялась и тому, «кто насадилъ виноградникъ и не пользовался имъ» и кто обручился съ женою и не взялъ ее (20, 5—7). Съ особенною настойчивостью законодатель стремится оградить права бѣднаго и слабаго отъ насилія со стороны богатыхъ и сильныхъ:

„Не ожесточи сердца твоего и не сожми руки твоей предъ нищимъ братомъ твоимъ. Но открой ему руку твою и дай ему взаймы, смотря по его нуждѣ... Берегись, чтобы не вошла въ сердце твое беззаконная мысль: приближается седьмой годъ, годъ прощенія, и чтобы... ты не отказалъ ему... Дай ему, и когда будешь давать ему, не должно скорбѣть сердце твое“ (15, 7—10). „Если продается тебѣ братъ твой, еврей, или еврянка, то шесть лѣтъ долженъ быть рабомъ тебѣ, а въ седьмой годъ отпусти его отъ себя на свободу. Когда же будешь отпускать его..., не отпусти его съ пустыми руками... дай ему, чѣмъ благословилъ тебя Господь... Помни, что (и) ты былъ рабомъ въ землѣ египетской и избавилъ тебя Господь“ (15, 12—15). „Никто не долженъ брать въ залогъ верхняго и нижняго жернова, ибо таковой беретъ въ залогъ душу... Если ты ближнему своему даешь что-нибудь взаймы, то не ходи къ нему въ домъ, чтобы взять у него залогъ; постой на улицѣ, а тотъ, которому ты далъ взаймы, вынесетъ тебѣ залогъ свой на улицу. Если же онъ будетъ человѣкъ бѣдный, то... возврати ему залогъ при захожденіи солнца, чтобы онъ легъ спать въ одеждѣ своей, и благословилъ тебя... Не обижай наемника..., въ тотъ же день отдай плату его..., ибо онъ бѣденъ и ждетъ ея душа его“... (24, 6. 10—15). „Въ седьмой годъ дѣлай прощеніе. Прощеніе же состоитъ въ томъ, чтобы всякій заимодавецъ, который далъ взаймы ближнему, прощалъ долгъ и не взыскивалъ съ ближняго своего или съ брата своего“ (15, 1. 2).

Указывается даже способъ помогать ближнему, щадя его чувство собственнаго достоинства, не заставляя его просить о помощи:

„Когда будешь жать на полѣ твоемъ, и забудешь снопъ на полѣ: то не возвращайся взять его; пусть онъ остается пришельцу (нищему), сиротѣ и вдовѣ, чтобы Господь Богъ твой благословилъ тебя во всѣхъ дѣлахъ рукъ твоихъ. Когда будешь обивать маслину свою, то не пересматривай за собою вѣтвей; пусть остается пришельцу, сиротѣ и вдовѣ. Когда будешь снимать плоды въ виноградникѣ твоемъ, не обирай остатковъ за собою; пусть остается пришельцу, сиротѣ и вдовѣ. И помни, что ты былъ рабомъ въ землѣ египетской"... (24, 19—22). Законъ беретъ подъ свою защиту жену оклеветанную мужемъ въ томъ, что будтобы онъ не нашелъ у ней дѣвства: „Отецъ отроковицы и мать ея пусть возмутъ и вынесутъ признаки дѣвства отроковицы къ... воротамъ... и разстелютъ одежду предъ старѣйшинами города... Тогда старѣйшины... наложатъ на него сто сиклей серебра пени, и отдадутъ отцу отроковицы...; она же пусть останется его женою, и онъ не можетъ развестись съ нею во всю жизнь свою" (22 13—19). Плѣнница, взятая евреемъ въ жены, еслибы не понравилась ему потомъ, должна быть отпущена, куда она захочетъ; „но не продавай ея за серебро и не обращай ея въ рабство" (21, 14). Если изъ двухъ женъ, любимой и нелюбимой, первенецъ родится отъ послѣдней: то мужъ, „при раздѣлѣ сыновьямъ своимъ имѣнія своего, не можетъ сыну жены любимой дать первенство..., но первенцемъ долженъ признать сына нелюбимой" (16. 17).

Проповѣдуя правду, Моисей, завѣщаетъ отдѣлить сначала три, а потомъ и больше городовъ: ненамѣренно убившій ближняго

„пусть убѣжитъ въ одинъ изъ городовъ тѣхъ, чтобъ остаться живымъ; дабы мститель за кровь въ горячности сердца своего не погнался за убійцею... дабы не проливалась кровь невиннаго среди земли твоей... и чтобы не было на тебѣ (вины) крови" (19, 3—10). „Правды, правды ищи, дабы ты былъ живъ и овладѣлъ землею, которую Господь, Богъ твой, даетъ тебѣ" (16, 20). „Не суди превратно пришельца, сироту; и у вдовы не бери одежды въ залогъ. Помни, что и ты былъ рабомъ въ Египтѣ, и Господь (Богъ твой) освободилъ тебя оттуда" (24, 17—18). Даже врагу, на котораго евреи пошли бы войною, нужно предложить сначала миръ. „Если онъ согласится на миръ съ тобою и отворитъ тебѣ ворота, то весь народъ, который найдется въ немъ, будетъ платить тебѣ дань и служить тебѣ". Обнажать мечъ и проливать кровь въ такомъ случаѣ не позволяется. „Если долгое время будешь держать въ осадѣ городъ, чтобы завоевать его и взять его, то не порти деревъ его, отъ которыхъ можно питаться, и не опустошай окрестностей... Только тѣ деревья, о которыхъ ты знаешь, что они ничего не приносятъ въ пищу, можешь портить и рубить"... (20, 10 и сл. 19 20).

Такъ училъ Моисей евреевъ быть вѣрными завѣту. Но онъ «зналъ упорство и жестоковыйность» народа. Онъ помнилъ, сколько израиль «раздражалъ Господа, Бога своего, въ пустынѣ» (2, 7). Онъ зналъ, что и по смерти его они «развратятся и уклонятся отъ пути, который онъ заповѣдалъ имъ» (31, 27 29). Памятникомъ глубокой скорби Моисея о невѣрности народа завѣту и благоговѣйнаго изумленія предъ вѣрностію Іеговы своимъ обѣтованіямъ служитъ пѣснь Моисея, въ 32 гл. книги Второзаконія:

„Внимай, небо; я буду говорить; и слушай, земля, слова устъ моихъ. Польется, какъ дождь, ученіе мое, какъ роса, рѣчь моя, какъ мелкій дождь на зелень, какъ

ливень на траву. Имя Господа прославляю; воздайте славу Богу нашему. Онъ твердыня; совершенны дѣла его, и всѣ пути его праведны. Богъ вѣренъ, и нѣтъ неправды (въ немъ), онъ праведенъ и истиненъ: но они развратились предъ нимъ, они не дѣти его по своимъ порокамъ, родъ строптивый и развращенный. Это ли воздаете вы Господу, народъ глупый и несмысленный? Не онъ ли отецъ твой, который усвоилъ, создалъ и устроилъ тебя?... Часть Господа народъ его; Яковъ наслѣдственный удѣлъ его. Онъ нашелъ его въ пустынѣ, въ степи печальной и дикой; ограждалъ его, смотрѣлъ за нимъ, хранилъ его, какъ зѣницу ока своего. Какъ орелъ вызываетъ гнѣздо свое, носится надъ птенцами своими, распростираетъ крылья свои, беретъ ихъ и носитъ ихъ на перьяхъ своихъ: такъ Господь одинъ водилъ его, и не было съ нимъ чужаго бога. Онъ вознесъ его на высоту земли, и кормилъ произведеніями полей, и питалъ его медомъ изъ камня, и елеемъ изъ твердой скалы, масломъ коровьимъ и молокомъ овечьимъ и тукомъ агнцевъ и овновъ васанскихъ и козловъ, и тучной пшеницей, и ты пилъ вино, кровь виноградныхъ ягодъ. И (ѣлъ Яковъ, и) утучнѣлъ израиль, и сталъ упрямъ; утучнѣлъ, отолстѣлъ и разжирѣлъ, и оставилъ онъ Бога, создавшаго его, и презрѣлъ твердыню опасенія своего. Богами чуждыми они раздражили его, и мерзостями (своими) разгнѣвали его... Господь увидѣлъ (и вознегодовалъ), и въ негодованіи пренебрегъ сыновъ своихъ и дочерей своихъ, и сказалъ: сокрою лице мое отъ нихъ... Соберу на нихъ бѣдствія, и истощу на нихъ стрѣлы мои... Но Господь будетъ судить народъ свой, и надъ рабами своими умилосердится, когда онъ увидитъ, что рука ихъ ослабѣла... Тогда скажетъ: гдѣ боги ихъ, твердыня, на которую они надѣялись?... Пусть они возстанутъ и помогутъ вамъ... Видите нынѣ, что это Я, Я—и нѣтъ Бога, кромѣ меня: Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и исцѣляю, и никто не избавитъ отъ руки моей... Онъ отмститъ за кровь рабовъ своихъ, и воздастъ мщеніе врагамъ своимъ, и очиститъ землю свою и народъ свой“.

Смотря на будущность народа съ точки зрѣнія неизмѣннаго съ нимъ завѣта Іеговы, Моисей благословилъ народъ по двѣнадцати его колѣнамъ. Благословеніе это, содержащееся въ 33 гл. «Второзаконія», отличается отъ благословенія Якова дѣтямъ въ томъ отношеніи, что у Якова рѣчь о судьбѣ столькоже его потомства, сколько и его сыновей лично, между тѣмъ какъ Моисей говоритъ о судьбѣ только потомства Якова, о судьбѣ наслѣдниковъ обѣтованій. Между тѣмъ какъ изъ устъ Якова слышались и упреки нѣкоторымъ его сыновьямъ и ограниченія ихъ правъ, Моисей высказываетъ болѣе свѣтлый взглядъ на будущность колѣнъ израилевыхъ:

„Да живетъ Рувимъ, и да не умираетъ, и Симеонъ да не будетъ малочисленъ! Объ Іудѣ сказалъ: услыши, Господи, гласъ Іуды, и приведи его къ народу его; руками своими да защититъ онъ себя, и ты будь помощникомъ противъ враговъ его. И о Левіи сказалъ: туммимъ твой и уримъ твой на святомъ мужѣ твоемъ, котораго ты искусилъ въ Массѣ, съ которымъ ты препирался при водахъ Меривы, который говоритъ объ отцѣ своемъ и матери своей: я на нихъ не смотрю, и братьевъ своихъ не признаетъ, и сыновей своихъ не знаетъ. Ибо они, левиты, слова твои хранятъ и завѣтъ твой соблюдаютъ, учатъ законамъ твоимъ Якова, и заповѣдямъ твоимъ израиля, возлагаютъ куреніе предъ лице твое и всесожженія на жертвенникъ твой. Благослови, Господи, силу его, и о

дѣлѣ рукъ его благоволи, порази чресла возстающихъ на него и ненавидящихъ его, чтобы они не могли стоять... Израиль живетъ безопасно, одинъ; око Якова видитъ предъ собою землю обильную хлѣбомъ и виномъ, и небеса его каплютъ росу. Блаженъ ты, Израиль! кто подобенъ тебѣ, народъ хранимый Господомъ, который есть щитъ охраняющій тебя, и мечъ славы твоей. Враги твои раболѣпствуютъ тебѣ, и ты попираешь выи ихъ".

III. Книга «Іисусъ», или «Іисусъ Навинъ» — «Книга: «Судіи».—Пѣснь пророчицы Девворы.—Книга «Руѳь».

Еще при жизни Моисея преемникомъ ему назначенъ былъ Іисусъ Навинъ (Числ., 27, 15—23; Второз., 3, 28). По смерти Моисея Іегова сказалъ этому Іисусу:

„Встань, перейди чрезъ этотъ Іорданъ, ты и весь этотъ народъ, въ землю, которую Я даю имъ, сынамъ израилевымъ. Всякое мѣсто, на которое ступятъ стопы ногъ вашихъ, Я даю вамъ... Отъ пустыни и этого Ливана до рѣки великой рѣки Евфрата, всю землю хеттеевъ; и до великаго моря къ западу солнца будутъ предѣлы ваши. Никто не устоитъ предъ тобою во всѣ дни жизни твоей, и какъ Я былъ съ Моисеемъ, такъ буду и съ тобою, не отступлю отъ тебя и не оставлю тебя... этому народу передамъ во владѣніе землю, которую Я клялся отцамъ ихъ дать имъ... Только... тщательно храни и исполняй весь законъ, который завѣщалъ тебѣ Моисей, рабъ мой... Да не отходитъ эта книга закона отъ устъ твоихъ, но поучайся въ ней день и ночь... не страшись и не ужасайся: ибо съ тобою Господь, Богъ твой, вездѣ, куда ни пойдешь".

Эти слова составляютъ программу дѣятельности Іисуса Навина (1451—1426 до Р. Хр.) и могутъ быть разсматриваемы, какъ планъ, по которому составлена книга, носящая названіе: «Іисусъ» (по еврейской Библіи) или «Іисусъ Навинъ» (по греч. Библіи). Названіе книги можно понимать какъ указаніе не на писателя ея, а на главный предметъ ея содержанія (такъ понимали его въ древне-христіанской церкви блаж. Ѳеодоритъ и авторъ «Обозрѣнія священнаго писанія»). Впрочемъ, кто бы ни былъ ея писатель, онъ писалъ совершенно согласно съ духомъ Моисеева закона, нравственно обязательнаго для всякаго израильтянина вообще и главы израиля въ особенности. Сверхъ того, онъ писалъ, очевидно, если не какъ личный свидѣтель описываемыхъ событій, то по крайней мѣрѣ на основаніи свидѣтельства современниковъ и отчасти личныхъ участниковъ тѣхъ событій. Въ одномъ мѣстѣ (5, 1) писатель говоритъ: «Мы переходили» Іорданъ. Географическое описаніе удѣловъ каждаго колѣна, между прочимъ содержащееся въ книгѣ, по своему происхожденію можетъ относиться только къ первымъ годамъ по завоеваніи земли ханаанской израилемъ и могло имѣть значеніе только до царствованія Саула, при которомъ обособленность колѣнъ начинаетъ терять свой смыслъ и потому ослабѣваетъ.

По переходѣ черезъ Іорданъ и по взятіи Іерихона (гл. 6), евреи подверглись испытанію: при первомъ нападеніи на Гай они потерпѣли пораженіе; и открылось, что нѣкто Ахань «согрѣшилъ предъ Господомъ», утаивъ въ свою пользу нѣкоторую часть добычи, взятой въ Іерихонѣ. Преступникъ, нарушившій заповѣдь, былъ побитъ камнями (гл. 7) и «утихла ярость гнѣва Господня». Гай былъ взятъ новымъ приступомъ (8, 1—29). Торжественное произнесеніе проклятій нарушителямъ закона на Гевалѣ (8, 30—35) было всенароднымъ исправленіемъ Аханова грѣха. Израиль имѣлъ затѣмъ новые успѣхи: въ союзѣ, котораго искали у него Гаваонитяне (9 гл.), и въ борьбѣ съ двумя коалиціями южно-палестинскихъ (гл. 10) и сѣверопалестинскихъ царей (гл. 11). Была взята вся страна; побѣждены тридцать одинъ царь или владѣтельный князь Палестины. Одна часть программы была исполнена Іисусомъ.

Вторая часть книги (съ гл. 13) заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ актъ раздѣла земли ханаанской между колѣнами, съ подробными списками городовъ, доставшихся каждому колѣну (13—21 гл.) Вступивъ во владѣніе страной обѣтованной послѣ тяжелой, но побѣдоносной, благословенной Іеговою, борьбы, народъ выказываетъ свое ревностное вниманіе къ закону. Рувимово, гадово и половина манассіина колѣна, поселившіяся въ за-іорданской странѣ, «соорудили жертвенникъ подлѣ Іордана». Тогда «собралось все общество сыновъ израилевыхъ въ Силомъ»—тогдашнее мѣстопребываніе скиніи Моисеевой и законнаго богослуженія,—собралось идти войною противъ нарушителей закона, по которому только въ одномъ мѣстѣ можно было приносить жертвы Іеговѣ (Второз., 12 гл.). Построившіе жертвенникъ объяснили, что они сдѣлали это не для жертвоприношеній, «но для того, чтобъ онъ былъ свидѣтелемъ, что мы можемъ служить Господу нашими всесожженіями, жертвами и благодареніями, и чтобъ въ послѣдующее время не сказали намъ: нѣтъ вамъ части въ Господѣ». И ревнители закона отвѣчали: Сегодня мы узнали, что Господь среди насъ, что вы не сдѣлали предъ Господомъ преступленія того (гл. 22.). Іисусъ съ своей стороны заботился, чтобы и въ будущемъ народъ хранилъ вѣрность завѣту. Въ завѣщаніи, съ которымъ онъ обращается къ народу, онъ говоритъ:

Господь прогналъ отъ васъ народы великіе и сильные.... Онъ самъ сражается за васъ. Потому всячески старайтесь любить Господа Бога вашего. Если же вы отвратитесь и пристанете къ оставшимся изъ этихъ народовъ, которые остались между вами, и вступите въ родство съ ними..., то знайте, что... они будутъ для васъ петлею и сѣтью, бичемъ для реберъ вашихъ и терномъ для глазъ вашихъ... если вы преступите завѣтъ Господа“ (гл. 23). Не считая своего личнаго авторитета достаточнымъ для обезпеченія вѣрности народа, Іисусъ собираетъ всѣ колѣна израилевы въ Сихемъ передъ Господа“, т.-е. передъ скинію Моисееву, и бе-

реть съ нихъ клятву, что они будутъ „бояться Господа и служить ему въ чистотѣ и искренности“ и „отвергнутъ чужихъ боговъ, которымъ служили отцы ихъ за рѣкою (Евфратомъ) и въ Египтѣ. И заключилъ Іисусъ съ народомъ завѣтъ въ тотъ день... И вписалъ Іисусъ эти слова въ книгу закона божія и взялъ большой камень и положилъ его тамъ... и сказалъ: вотъ этотъ камень будетъ намъ свидѣтелемъ... чтобы вы не солгали предъ Господомъ, Богомъ вашимъ“ (гл. 24).

По смерти Іисуса Навина, израильтяне успѣшно воевали съ оставшимися еще народами Палестины, которыхъ Іисусъ «раздѣлилъ имъ по жребію (Іис. Нав., 23, 4). Но побѣдители не исполнили предсмертной воли своего вождя, желавшаго, чтобъ они «не сообщались съ этими народами, не поминали имени боговъ ихъ, не клялись ими, не служили имъ и не покланялись имъ» (тамъ же, ст. 7). Въ областяхъ колѣнъ манассіина, ефремова, завулонова и асирова хананеи хотя и принуждены были платить дань израилю, но не были изгнаны и жили вмѣстѣ съ своими побѣдителями (Суд., 1 гл.).

„Тогда сыны израилевы стали дѣлать злое предъ очами Господа и стали служить... другимъ богамъ народовъ, окружавшихъ ихъ... и раздражили Господа... И воспылалъ гнѣвъ Господенъ на израиля и предалъ ихъ въ руки грабителей, и грабили ихъ, и предалъ ихъ въ руки враговъ, окружавшихъ ихъ, и не могли уже устоять передъ врагами своими... И имъ было весьма тѣсно. И воздвигалъ (имъ) Господь судей, которые спасали ихъ отъ рукъ грабителей ихъ... Самъ Господь былъ ихъ судьей, и спасалъ ихъ отъ враговъ ихъ во всѣ дни судьи... Но какъ скоро умиралъ судья, они опять дѣлали хуже отцовъ своихъ, уклоняясь къ другимъ богамъ“...

Въ этихъ словахъ кратко выраженъ общій взглядъ писателя книги, извѣстной подъ именемъ: «Судіи», на исторію израиля въ періодъ судей. Кто былъ этотъ писатель, мнѣнія различны за отсутствіемъ прямыхъ или косвенныхъ свидѣтельствъ въ самой книгѣ. Въ древне-христіанской церкви было мнѣніе (Дороѳея мученика, IV в.), что при скиніи существовали писцы, обязанные описывать особенно важныя событія изъ народной жизни. Еврейское преданіе называетъ писателемъ (или издателемъ) книги пророка Самуила (около 1100 г. до Р. Хр.), и съ этимъ показаніемъ, повидимому, согласно то обстоятельство, что самое позднее событіе, о которомъ упоминается въ книгѣ, плѣненіе ковчега завѣта *), произошло во время первосвященства Илія, когда Самуилъ служилъ при скиніи.

Историческое содержаніе книги Судей имѣетъ предметомъ от-

*) Суд., 18, 30. Послѣднія слова этого стиха съ общеупотребительнаго еврейскаго текста слѣдовало бы перевести: «до дня переселенія земли». До паденія израильскаго царства (въ 6 году царствованія Езекіи) существовало идолослуженіе съ жрецами изъ левитовъ въ колѣнѣ дановомъ! Болѣе понятное чтеніе сохранилось въ одной еврейской рукописи Императорской Публичной Библіотеки, по которой идолослуженіе продолжалось тамъ «до дня плѣненія *ковчега*»,

части отношенія евреевъ къ сосѣднимъ иноплеменникамъ, отчасти нравственно-религіозное состояніе израиля. Мы уже говорили выше о взглядѣ писателя книги «Судей» на отношенія евреевъ къ сосѣдямъ. Для характеристики нравственно-религіознаго состоянія народа въ періодъ судей важны особенно послѣднія пять главъ книги. Ихъ можно назвать комментаріемъ къ словамъ, такъ часто повторяющимся въ книгѣ «Судей»: «Сыны израилевы дѣлали злое предъ очами Господа». Нѣкто Миха изъ серебра, посвященнаго Іеговѣ его матерью, сдѣлалъ истуканъ и литой кумиръ,—сдѣлалъ, повидимому, во славу Божію и показалъ такимъ образомъ, какъ ошибочны были его представленія объ Іеговѣ и его волѣ. Но такъ какъ «въ тѣ дни каждый дѣлалъ то, что ему казалось справедливымъ», то Миха «посвятилъ одного изъ сыновъ своихъ, чтобы онъ былъ у него священникомъ», сдѣлавъ ему сначала ефодъ и терафимъ. Полагая, что у него «домъ божій», онъ пригласилъ къ себѣ одного юношу-левита, шедшаго изъ Виѳлеема іудейскаго, пожить, гдѣ случится, и сказалъ ему: останься у меня, и будь у меня отцомъ и священникомъ... Левитъ... согласился остаться у этого человѣка. Миха посвятилъ левита... и сказалъ: «Теперь я знаю, что Господь будетъ мнѣ благотворить, потому что левитъ у меня священникомъ» (гл. 17). Этотъ левитъ-священникъ былъ отнятъ потомъ у Михи данитами, которые, овладѣвъ Лаисомъ (на крайнемъ сѣверѣ Палестины), хотѣли имѣть тамъ своего священника изъ племени левіина. Вмѣстѣ со священникомъ похищены были у Михи и истуканъ, литой кумиръ, эфодъ и терафимъ. Законъ запрещалъ какое бы то ни было изображеніе Іеговы: истуканъ и литой кумиръ не были позволены ни въ какомъ случаѣ. Терафимъ въ Библіи упоминается только какъ языческое изображеніе, имѣвшее, повидимому, значеніе оракула. Только ефодъ былъ одною изъ одеждъ, узаконенныхъ Моисеемъ для первосвященника, но именно для первосвященника. Священникъ не имѣлъ права надѣвать его. Желая вмѣстѣ съ священникомъ-левитомъ имѣть и эфодъ, и литой кумиръ, и истуканъ, и терафимъ, даниты смѣшали понятія, несомнѣнно имѣвшія основаніе въ законодательствѣ Моисея, съ понятіями чисто языческими.—Исторія, описанная въ 19—22 гл., началась въ Гивѣ, городѣ, находившемся въ предѣлахъ веніаминова колѣна. Одинъ левитъ съ горы Ефремовой по дорогѣ изъ Виѳлеема ночевалъ въ Гивѣ. Мѣстные жители, «люди развратные, окружили домъ» съ безстыднымъ намѣреніемъ нанести путешественнику противуестественное безчестіе. Левитъ, не видя возможности избѣгнуть зла, хотѣлъ только ограничить его мѣру. Онъ вывелъ къ злодѣямъ свою наложницу, и они «ругались надъ нею всю ночь до утра». Утромъ левитъ нашелъ ее у дверей дома мертвою. Весь израиль воз-

сталъ на Веніамина за «беззаконное и срамное дѣло». Возникла ожесточенная, но неравная борьба одного колѣна со всѣми остальными...

Въ тѣ дни «каждый дѣлалъ то, что ему казалось справедливымъ»,—эти слова могутъ быть признаны вообще вѣрною характеристикой внутренняго состоянія израиля въ періодъ судей. Не было такой власти, которую признавалъ бы весь израиль. Большая часть судей въ книгѣ представляется имѣющею власть только въ области одного какого либо или нѣсколькихъ колѣнъ, не во всемъ израилѣ. Аодъ, веніамитянинъ, по видимому, не простиралъ своего вліянія далѣе Ефремовой горы. Когда израильтяне предложили Гедеону царскую власть, наслѣдственную въ его родѣ, онъ отказался, говоря: «Ни я не буду владѣть вами, ни мой сынъ не будетъ владѣть вами; Іегова да владѣетъ вами!» И въ самомъ дѣлѣ народъ имѣлъ еще слишкомъ мало единодушія, чтобы можно было одному человѣку надѣяться надолго удержать власть надъ нимъ въ своемъ родѣ. Противъ самого Гедеона возставали ефремляне, зачѣмъ онъ не пригласилъ ихъ идти противъ мадіанитянъ. Съ притязаніями тѣхъ же ефремлянъ долженъ былъ бороться Іефеай. Самсона, такъ много вредившаго филистимлянамъ, тогдашнимъ притѣснителямъ израиля, іудеи связываютъ и отдаютъ въ руки его враговъ (15, 11 и слѣд.). Только общественныя бѣдствія, какъ иноземное вторженіе и господство въ странѣ, соединяли на-время, и то повидимому не всегда, всѣ колѣна. И такой подъемъ общественнаго духа въ народѣ сопровождался успѣшною борьбой съ врагами, и выразился однажды въ произведеніи, которое свидѣтельствуетъ о живучести, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ умахъ, какъ сознанія необходимости общественнаго единенія, такъ и мысли объ Іеговѣ, душѣ этого единенія. Произведеніе это, имѣющее въ подлинникѣ всѣ признаки глубокой древности, есть пѣснь пророчицы Девворы, составленная ею во славу Іеговы, соединившаго колѣна израилевы подъ властію Варака и ея—Девворы—и спасшаго израиля отъ асорскаго царя Явина; пѣснь эта исполнялась въ сопровожденіи игры на струнномъ инструментѣ. Слова ея слѣдующія:

„Израиль отмщенъ, народъ показалъ рвеніе; прославьте Господа! Слушайте, цари, внимайте, вельможи: я Господу, я пою, бряцаю Господу, Богу израилеву. Когда выходилъ ты, Господи, отъ Сеира, когда шелъ съ поля Едомскаго, тогда земля тряслась, и небо капало, и облака проливали воду; горы таяли отъ лица Господа, даже этотъ Синай отъ лица Господа Бога израилева.

Описавъ въ такихъ чертахъ сопровождавшееся чудесами путешествіе израиля чрезъ пустыню въ ханаанскую землю, пророчица переходитъ къ состоянію израиля подъ игомъ иноплеменниковъ и къ объясненію причинъ этого состоянія:

„Во дни Самегара, сына Анаѳова“ (судьи, правившаго въ израилѣ непосредственно передъ Варакомъ), во дни Іаили (современницы Варака, убившей Сисару, полководца асорскаго), были пусты дороги, и ходившіе прежде путями прямыми ходили тогда окольными дорогами. Нестало обитателей въ селеніяхъ у израиля, не стало, доколѣ не возстала я Девора, доколѣ не возстала мать въ Израилѣ. Избрали новыхъ боговъ, отъ того война у воротъ. Видѣнъ ли былъ щитъ и копье у сорока тысячъ израиля? Сердце мое къ вамъ, начальники израилевы, къ ревнителямъ въ народѣ: прославьте Господа! Ѣздящіе на ослицахъ бѣлыхъ, сидящіе на коврахъ и ходящіе по дорогѣ, пойте пѣснь! Среди голосовъ, собирающихъ стада при колодезяхъ, тамъ да воспоютъ хвалу Господу, хвалу вождямъ израиля! Тогда выступилъ къ воротамъ народъ господень. Воспрянь, воспрянь Деввора, воспрянь, воспрянь! воспой пѣснь! Возстань, Варакъ! и веди плѣнниковъ твоихъ, сынъ Авиноамовъ! Тогда немногимъ изъ сильныхъ подчинилъ онъ народъ; Господь подчинилъ мнѣ храбрыхъ. Отъ Ефрема пришли укоренившіеся въ землѣ Амалика; за тобою Веніаминъ, среди народа твоего; отъ Махира шли начальники, и отъ Завулона владѣющіе тростью писца. И князья Иссахаровы съ Девворою, и Иссахаръ такъ же, какъ Варакъ, бросился въ долину пѣшій. Въ племенахъ рувимовыхъ большое разногласіе. Что сидишь ты между овчарнями, слушая блеяніе стадъ? Въ племенахъ рувимовыхъ большое разногласіе. Галаадъ живетъ спокойно за Іорданомъ, и Дану чего бояться съ кораблями? Асиръ сидитъ на берегу моря, и у пристаней своихъ живетъ спокойно. Завулонъ—народъ, обрекшій душу свою на смерть, и Нефаалимъ на высотахъ поля.

Изобразивъ такимъ образомъ то быстрое и рѣшительное, то медленное и послѣ предварительныхъ совѣщаній послѣдованіе колѣнъ призыву Варака, то полное къ нему невниманіе (со стороны Галаада, Дана и Асира), Деввора обращается къ самой борьбѣ израильтянъ съ хананеями и къ послѣдствіямъ ея:

„Пришли цари, сразились, тогда сразились цари ханаанскіе въ Ѳаанахѣ у водъ Мегиддонскихъ, но не получили нимало серебра. Съ неба сражались, звѣзды съ путей своихъ сражались съ Сисарою. Потокъ Киссонъ увлекъ ихъ, потокъ Кедумимъ, потокъ Киссонъ. Попирай, душа моя, силу! Тогда ломались копыта конскія отъ побѣга, отъ побѣга сильныхъ его. Прокляните Мерозъ, говоритъ ангелъ господень, прокляните, прокляните жителей его, за то что не пришли на помощь Господу съ храбрыми. Да будетъ благословенна между женами Іаиль, жена Хевера, кенеянина, между женами въ шатрахъ да будетъ благословенна! Воды просилъ онъ (Сисара), молока подала она, въ чашѣ вельможеской принесла молока лучшаго. (Лѣвую) руку свою протянула къ колу, а правую свою къ молоту работниковъ; ударила Сисару, поразила голову его, разбила и пронзила високъ его. Къ ногамъ ея склонился, палъ и лежалъ, къ ногамъ ея склонился, палъ; гдѣ склонился, тамъ и палъ сраженный. Въ окно выглядываетъ и вопитъ мать Сисарина сквозь рѣшетку: что́ долго нейдетъ конница его, что́ медлятъ колеса колесницъ его? Умныя изъ ея женщинъ отвѣчаютъ ей, и сама она отвѣчаетъ на слова свои: вѣрно, они нашли, дѣлятъ добычу, по дѣвицѣ, по двѣ дѣвицы на каждаго воина, въ добычу полученная разноцвѣтная одежда Сисарѣ, полученная въ добычу разноцвѣтная одежда, вышитая съ обѣихъ сторонъ, снятая съ плечъ плѣнника. Такъ да погибнутъ всѣ враги твои, Господи! любящіе же его да будутъ какъ солнце, восходящее во всей силѣ своей!“

Въ книгѣ «Судей» описываются отношенія большинства еврейскаго народа къ окружающему его языческому міру. Евреи не тверды въ вѣрѣ въ Iегову, въ преданности его закону. Ихъ нужно вразумлять бѣдствіями, чтобы они возвратились на путь истины и добра. Iегова помнитъ свои обѣтованія, не даетъ своему народу погибнуть; но народъ то и дѣло увлекается примѣромъ язычниковъ.

За книгою «Судей» по греческой и русской Библіи слѣдуетъ книга «Руѳь», посвященная событіямъ, совершившимся также «въ тѣ дни, когда управляли судьи». Лица, принимающія участіе въ этихъ событіяхъ, хранятъ неизмѣнную преданность Iеговѣ и не только не соблазняются примѣромъ языческаго многобожія, но и привлекаютъ къ единобожію достойнѣйшихъ изъ язычниковъ.

Ноеминь, іудеянка изъ Виѳлеема, отправившаяся во время голода въ страну моавитскую, лишилась тамъ и мужа, и двоихъ сыновей, и захотѣла возвратиться въ родной Виѳлеемъ. Жены умершихъ ея сыновей, по происхожденію моавитянки, были приглашены ею остаться на ихъ родинѣ. Но младшая изъ нихъ, Руѳь, сказала своей свекрови: «Куда ты пойдешь, туда и я пойду, и гдѣ ты жить будешь, тамъ и я буду жить; народъ твой будетъ моимъ народомъ, и твой богъ моимъ богомъ... Смерть одна разлучитъ меня съ тобою»... Въ Виѳлеемѣ двѣ возвратившіяся женщины были на первыхъ порахъ «съ пустыми руками»:

По праву бѣдной, Руѳь отправилась на поле подбирать оброненные колосья позади жнущихъ. Поле, на которое она пришла, принадлежало Воозу, богатому и доброму человѣку. Онъ не только приказалъ своимъ жнецамъ оставлять побольше колосьевъ для бѣдной женщины, но и пригласилъ ее къ столу. Ноеминь сказала Руѳи по возвращеніи ея домой: „человѣкъ этотъ изъ нашихъ родственниковъ"; и Руѳь поступила такъ, какъ научила ее свекровь „Воозъ наѣлся и напился, и развеселилъ сердце свое, и пошелъ и легъ спать подлѣ скирда. И она пришла тихонько, открыла у ногъ его, и легла. Въ полночь онъ содрогнулся, приподнялся, и вотъ у ногъ его лежитъ женщина". На вопросъ: кто ты? она отвѣчала: „Я Руѳь, раба твоя, простри крыло твое на рабу твою; ибо ты родственникъ. Воозъ сказалъ: Благословенна ты отъ Господа, дочь моя.... что ты не пошла искать молодыхъ людей... Не бойся, я сдѣлаю тебѣ все, что ты сказала"... Такъ какъ болѣе близкій родственникъ Руѳи, чѣмъ Воозъ, отказался жениться на ней, снявъ въ подтвержденіе того сапогъ свой, то Воозъ объявилъ у воротъ старѣйшинамъ и всему народу: „Вы теперь свидѣтели тому, что я покупаю у Ноемини все", принадлежавшее ея мужу и сыновьямъ. „Также и Руѳь, моавитянку... беру себѣ въ жену, чтобы оставить имя умершаго въ удѣлѣ его... И сказалъ весь народъ...: Мы свидѣтели, да содѣлаетъ Господь жену, входящую въ домъ твой, какъ Рахиль и какъ Лію, которыя обѣ устроили домъ израилевъ.... И взялъ Воозъ Руѳь, и она сдѣлалась его женою... и родила сына. И говорили женщины Ноемини: благословенъ Господь, что онъ не оставилъ тебя нынѣ безъ наслѣдника! И да будетъ славно имя его въ израилѣ!... И нарекли ему имя: Овидъ. Онъ отецъ Iессея, отца Давидова."

IV. Пророки.—Пророкъ и послѣдній судья Самуилъ.—Пророческія училища.—Двѣ первыя книги «Царствъ».—Царскіе лѣтописцы.—3-я и 4-я книги «Царствъ».

Послѣднимъ, о комъ говорится, что онъ «судилъ израиля», былъ Самуилъ. Онъ былъ вмѣстѣ и пророкъ. Быть пророкомъ не значило только обладать даромъ прозрѣнія въ будущее и предсказанія о будущемъ. Уже то названіе, которое усвоено было Самуилу его современниками, «прозорливецъ», столько же указывало на даръ прозрѣнія въ будущее, сколько могло указывать и на высшую степень просвѣщенія, которая давала ему возможность лучше другихъ понимать нравственныя нужды народа и руководить его на пути къ ихъ удовлетворенію. Народу данъ былъ законъ черезъ Моисея, этотъ законъ и служилъ для израиля руководствомъ въ его жизни. Но въ частныхъ случаяхъ личной и общественной жизни могло возникать множество недоумѣній относительно способа, какъ исполнить законъ. Могли быть случаи, непредусмотрѣнные въ законѣ. Что угодно Іеговѣ въ этихъ случаяхъ? Какъ исполнить его волю? Законъ Моисеевъ не могъ быть признанъ полнымъ выраженіемъ воли божіей. Чувствовалась потребность въ новыхъ откровеніяхъ этой воли, откровеніяхъ непрерывныхъ, поскольку жизнь народа не переставала обнаруживать новыя его нужды, приводить къ новымъ недоумѣніямъ. Чрезъ пророка Іеремію, незадолго до плѣна вавилонскаго, Іегова говорилъ Іудеямъ: «Съ того дня, какъ отцы ваши вышли изъ земли египетской, до сего дня Я посылалъ къ вамъ всѣхъ рабовъ моихъ—пророковъ, посылалъ всякій день съ ранняго утра (т.-е. непрестанно и неусыпно). Но они (іудеи) не слушались меня», который говорилъ къ нимъ черезъ пророковъ. И такъ пророки были посредниками откровенія еврейскому народу, руководителями народа. Когда Самуила называли «прозорливцемъ» или буквально съ еврейскаго и по славянскому переводу—«видящимъ», то разумѣли при этомъ, что онъ знаетъ, чего хочетъ Іегова въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Съ теченіемъ времени «прозорливцевъ» точнѣе стали называть еврейскимъ именемъ *наби*, и это имя указывало на состояніе возбужденія, въ которомъ человѣкъ начинаетъ говорить съ воодушевленіемъ, живо, рѣчь его льется потокомъ. Греческіе переводчики, извѣстные подъ именемъ «семидесяти», обыкновенно переводятъ слово *наби* греческимъ προφήτης, а у грековъ этимъ именемъ назывались тѣ жрецы, которые, состоя при оракулахъ, толковали народу ихъ изреченія. Въ примѣненіи къ еврейскому наби, это имя значитъ: вѣстникъ и толкователь откровенія воли божіей. Къ такому значенію приближается и тотъ смыслъ, который дается пророчествованію въ новомъ завѣ-

тѣ: «Кто говоритъ на незнакомомъ языкѣ, тотъ говоритъ не людямъ, а Богу, потому что никто не понимаетъ его, онъ тайны говоритъ духомъ. А кто пророчествуетъ, тотъ говоритъ людямъ въ назиданіе, увѣщаніе и утѣшеніе». Эти слова апостола Павла (1 Кор., 14, 2, 3) можно приложить и къ ветхозавѣтнымъ пророкамъ: получаемое послѣдними новое откровеніе, еще неизвѣстное дотолѣ народу, есть тоже, что «рѣчь на незнакомомъ языкѣ», а изложеніе его предъ народомъ—«пророчество».

Самуилъ началъ «судить» израиля по смерти первосвященника Илія (около 1107 г. до Р. Хр.). Онъ хотѣлъ положить конецъ тому печальному состоянію, въ которомъ каждый дѣлалъ, что казалось ему справедливымъ. Исторія Илія и его сыновей можетъ дать основаніе къ той мысли, что печальное нравственное состояніе народа находилось въ зависимости отъ нерадиваго отношенія первосвященника и его сыновей къ ихъ обязанностямъ. Не хотѣли учить народъ, разъяснять ему законъ, сами подавали ему примѣръ безнравственной жизни (1 Цар., 2, 12—17, 22): «люди негодные, они не знали Іеговы и долга священниковъ въ отношеніи къ народу, отвращали» народъ «отъ жетвоприношеній Іеговѣ». Хотя изъ левіина колѣна, но не первосвященникъ и не священникъ, не обязанный служить при скиніи, Самуилъ старался исправить народъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи, переходя изъ города въ городъ, совершая тамъ богослуженіе и «судя израиля». О подробностяхъ этого «суда» священныя книги ничего не говорятъ намъ; но объ общемъ свойствѣ его можно составить понятіе на основаніи свидѣтельства 1-й книги «Царствъ» (7, 2, 3): «Прошло... лѣтъ двадцать» съ тѣхъ поръ, какъ возвратился ковчегъ завѣта божія отъ филистимлянъ и еще больше лѣтъ послѣ того, какъ «узналъ весь израиль отъ Дана до Вирсавіи, что Самуилъ удостоенъ быть пророкомъ господнимъ», и послѣ того какъ онъ началъ проповѣдывать всему израилю. «И обратился весь домъ израилевъ къ Господу». И сказалъ Самуилъ всему дому израилеву, говоря: «Если вы всѣмъ сердцемъ своимъ обращаетесь къ Господу, то удалите изъ среды себя боговъ иноземныхъ и Астартъ, и расположите сердце ваше къ Господу, и служите ему одному». Судъ, которымъ судилъ Самуилъ израиля, былъ такимъ образомъ направленъ къ возстановленію въ народѣ значенія закона божія. Это былъ сколько судъ или управленіе въ обыкновенномъ смыслѣ этихъ словъ, столько же и ученіе, вразумленіе народа относительно существа и воли Іеговы.

Первая книга «Царствъ» упоминаетъ уже о цѣломъ сонмѣ пророковъ съ Самуиломъ во главѣ (10, 10, 19, 20 и сл.). Къ этому сонму принадлежали, можетъ быть, Наѳанъ и Гадъ, близкіе къ Давиду во время его царствованія. Съ тѣхъ поръ рядъ пророковъ не пре-

рывается и записи о царствованіяхъ различныхъ царей іудейскихъ, о которыхъ упоминается въ книгахъ «Царствъ» и «Паралипоменонъ», приписываются обыкновенно пророкамъ. «Сыны пророческіе», которые упоминаются въ исторіи Иліи и Елисея, являются какъ разъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ бывалъ для «суда» и Самуилъ,—въ Веѳилѣ и Галгалѣ. Это можетъ значить, что Самуилъ основалъ пророческія училища, не прекращавшія своего существованія не только при Давидѣ, но и въ царствованіе Іосафата. Если Наѳанъ, Гадъ и многіе другіе пророки, составители записей о царствованіяхъ различныхъ царей іудейскихъ, вышли изъ этихъ же училищъ, то естественно предположить, что въ послѣднихъ учили, между прочимъ, и писать. Тѣ многочисленные писцы изъ левитовъ, которые назначены были Давидомъ къ дѣлу царскому (1 Пар., 26, 29 30), могли получить образованіе въ этихъ же пророческихъ училищахъ. Будучи разсадниками образованія, пророческія училища, естественно, могли стать разсадниками и писменаго искусства и писменой производительности. Самуилъ, своею проповѣдью и при помощи учениковъ своихъ пророческихъ училищъ, основалъ и утвердилъ въ этихъ училищахъ силу, способную удерживать народъ на религіозномъ пути, силу вліянія на народъ посредствомъ писмености.

Между произведеніями древне-еврейской священной писмености пророку Самуилу еврейское преданіе приписываетъ двѣ (по нынѣшнему ихъ дѣленію) книги, первоначально составлявшія одно цѣлое. Въ греческой Библіи тѣже книги носятъ другое названіе (1 и 2-ая книги «Царствъ»), соотвѣтствующее ихъ содержанію—исторіи первыхъ двухъ царей израиля. Самуилъ можетъ быть признанъ писателемъ только первой изъ этихъ книгъ, и то не всей, а по 27-ю главу включительно. Событія, совершившіяся уже по смерти Самуила, естественно, могли быть описаны другими лицами: по свидѣтельству первой книги «Паралипоменонъ» (29, 29), это были Наѳанъ и Гадъ. Но 1 и 2 книги «Царствъ» на основаніи сказаній трехъ пророковъ были изданы въ настоящемъ своемъ видѣ, вѣроятно, уже послѣ раздѣленія царствъ (975 г. до Р. Хр.). Въ первой книгѣ «Царствъ» (27, 6), послѣ извѣстія объ уступкѣ Анхусомъ, царемъ геѳскимъ, города Секелага Давиду, прибавлено: «Поэтому Секелагъ и остался за царями іудейскими донынѣ». О царяхъ іудейскихъ можно было говорить только послѣ раздѣленія царствъ.

Первосвященникъ Илій, которому Іегова возвѣстилъ черезъ Самуила наказаніе за слабость къ дѣтямъ, былъ, вѣроятно, старшимъ современникомъ Самсона. Борьба съ филистимлянами, въ которой у израильтянъ былъ взятъ въ плѣнъ ковчегъ завѣта, была продолженіемъ той же борьбы, которую со стороны колѣна данова велъ Сам-

сонъ. Страданія народа отъ филистимлянъ представлялись послѣдствіемъ безнравственнаго поведенія сыновей Иліи, соблазнявшихъ народъ, который приходилъ къ скиніи. Іегова открылъ Самуилу, что онъ сдѣлаетъ такое дѣло въ израилѣ, о которомъ кто услышитъ, у того зазвенитъ въ обоихъ ушахъ». Плѣненіе ковчега—святыни, которая служила средоточіемъ для израиля и его колѣнъ—это плѣненіе было большимъ униженіемъ для народа. Самуилъ своею пророческою, т.-е. прежде всего и главнымъ образомъ—учительной, дѣятельностью, «обратилъ всего израиля къ Іеговѣ». У израильтянъ стали происходить молитвенныя собранія (7, 5). Филистимляне почуяли опасность для себя въ этомъ мирномъ сплоченіи израиля. Чтобы не дать ему упрочиться, они пошли воевать съ нимъ. Соединенный израиль «усмирилъ филистимлянъ, и они не стали болѣе ходить въ предѣлы израилевы». Но сыновья Самуила, «поставленные имъ судьями надъ израилемъ», «не ходили путями» своего отца, «а уклонились въ корысть, и брали подарки, и судили превратно». Тогда «собрались всѣ старѣйшины израиля» и сказали Самуилу: «Поставь надъ нами царя, чтобы онъ судилъ насъ, какъ у прочихъ народовъ». Они хотѣли, чтобы у нихъ была постоянная и единоличная власть, которая соединяла бы ихъ для борьбы съ врагами. Они боялись, вѣроятно, что судьи, радѣвшіе больше о своихъ выгодахъ, чѣмъ о благѣ народа, что эти судьи опять доведутъ народъ до рабства иноплеменникамъ. По смыслу отвѣта Самуилова, народъ не долженъ забывать, что въ сущности самъ Іегова царствуетъ надъ нимъ, что, избирая царя, онъ не долженъ отвергать Іегову, и что данный Богомъ законъ долженъ остаться для него непреложнымъ правиломъ жизни: «Если будете бояться Господа и служить ему, и слушать голоса его, и не станете противиться повелѣніямъ Господа, и будете и вы и царь вашъ, который царствуетъ надъ вами, ходить въ слѣдъ Господа Бога вашего, то рука Господа не будетъ противъ васъ. Если же будете дѣлать зло, и вы и царь вашъ погибнете».

Послѣдними словами очерчена судьба царствованія Саула (1095—1055 г. до Р. Хр.) и опредѣляется основной взглядъ писателя книги «Царствъ» на это царствованіе. Въ первую половину своего царствованія, Саулъ старается слѣдовать совѣтамъ Самуила, въ которыхъ выражалась для него воля божія. И Богъ «спасалъ» израиля отъ филистимлянъ (13 и 14 гл.) и отъ амаликитянъ (гл. 15). Побѣда надъ амаликитянами была одержана Сауломъ послѣ того, какъ онъ уже получилъ предостереженіе отъ Самуила исполнять повелѣнія божіи, несмотря ни какія препятствія. А Саулъ, получивъ повелѣніе «поразить Амалика» и истребить у него все «отъ мужа до жены, отъ отрока до груднаго младенца, отъ вола до овцы, отъ верблюда до

осла», оставилъ въ живыхъ не только царя амаликитскаго, но и лучшихъ овецъ, и воловъ, и откормленныхъ ягнятъ. «Тогда сказалъ Самуилъ: нынѣ отторгъ Господь царство израильское отъ тебя и отдалъ его ближнему твоему, лучшему тебя. И не скажетъ неправды и не раскается Вѣрный израилевъ».—Вторая половина царствованія Саула наполнена, съ одной стороны, терзаніями его подъ вліяніемъ злаго духа, гоненіями душевно больного царя противъ невиннаго Давида. Между тѣмъ какъ этотъ послѣдній, будучи уже помазанъ на царство, пріобрѣтаетъ себѣ большее и большее расположеніе народа своими побѣдами надъ внѣшними врагами, Саулъ, при всей своей подозрительности къ Давиду, вынужденъ отдавать справедливость его заслугамъ и великодушію. Сознаніе своей вины и униженія предъ Давидомъ разстроиваетъ Саула окончательно и, оставленный Іеговой, онъ ищетъ отвѣта на свои недоумѣнія у волшебницы. Война съ филистимлянами, объ исходѣ которой онъ спрашивалъ тѣнь Самуила, вызванную чрезъ волшебницу, кончилась пораженіемъ израиля и гибелью самого Саула.

Царствованіе Давида (1055—1015 до Р. Хр.) составляетъ предметъ второй книги «Царствъ». По смерти Саула, Давидъ не тотчасъ былъ признанъ царемъ всего израиля. Въ царствѣ оставалось еще много приверженцевъ Саулова дома, представляемаго тогда Іевосѳеемъ, сыномъ умершаго царя. «Была продолжительная распря между домомъ Сауловымъ и домомъ Давидовымъ. Давидъ все болѣе и болѣе усиливался, а домъ Сауловъ болѣе и болѣе ослабѣвалъ». Наконецъ, Авениръ, полководецъ Іевосѳея, недовольный своимъ повелителемъ, перешелъ на сторону Давида, обѣщая «собрать къ господину своему (Давиду) весь народъ израильскій». Рихавъ и Бесана, другіе полководцы Іевосѳея, убили его самого и принесли голову его къ Давиду:

„И пришли всѣ колѣна израилевы къ Давиду въ Хевронъ и сказали: Вотъ мы—кости твои и плоть твоя. Еще вчера и третьяго-дня, когда Саулъ царствовалъ надъ нами, ты выводилъ и вводилъ израиля. И сказалъ Господь тебѣ: ты будешь пасти народъ мой, израиля, и будешь вождемъ израиля. И пришли всѣ старѣйшины израиля къ царю въ Хевронъ, и заключилъ съ ними царь Давидъ завѣтъ въ Хевронѣ передъ Господомъ; и помазали Давида въ царя надъ (всѣмъ) израилемъ". Взявши затѣмъ Сіонскую крѣпость, „Давидъ преуспѣвалъ и возвышался, и Господь Саваоѳъ (Господь воинствъ) былъ съ нимъ: поразилъ филистимлянъ отъ Гаваи до Газера" (5 гл.), перенесъ къ себѣ въ городъ Іерусалимъ ковчегъ завѣта, причемъ „принесъ всесожженія предъ Господомъ и мирныя жертвы и благословилъ народъ именемъ Господа Саваоѳа". Богъ чрезъ пророка Наѳана открываетъ Давиду, что онъ „успокоитъ его отъ всѣхъ враговъ" его, а послѣ него „возставитъ его сѣмя и упрочитъ царство его". „Онъ (это сѣмя, этотъ потомокъ) построитъ домъ имени моему (продолжаетъ говорить Господь), и Я утвержу престолъ царства его на вѣки, Я буду ему отцомъ, и онъ будетъ мнѣ сыномъ; и если онъ согрѣшитъ, Я

накажу его жезломъ мужей и ударами сыновъ человѣческихъ; но милости моей не отниму отъ него... И будетъ непоколебимъ домъ твой и царство твое на вѣки предъ лицемъ моимъ, и престолъ твой устоитъ во вѣки" (7, 11—16). „Давидъ поразилъ филистимлянъ и смирилъ ихъ"; „моавитяне сдѣлались у Давида данниками, платящими дань"; таже участь постигла сирійцевъ и идумеевъ (8 гл.); аммонитяне не видѣли возможности сражаться съ израильтянами одни, когда поражены были ихъ союзники—сирійцы (гл. 10).

Но вторая половина царствованія и для Давида полна тяжелыхъ испытаній. Урія хеттеянинъ погибъ по волѣ царя, который захотѣлъ завладѣть его женой:

И пророкъ Наѳанъ возвѣстилъ Давиду слово Господа: „Не отступитъ мечъ отъ дома твоего во вѣки за то, что ты пренебрегъ меня, и взялъ жену Уріи хеттеянина, чтобы она была тебѣ женою".

Возмущеніе Авессалома было первымъ тяжелымъ ударомъ Давиду за хрѣхъ его (11—19 гл.). Возмущеніе Савея, сына Бихри, увлекшаго за собою всѣ колѣна, кромѣ Іудина, было вторымъ несчастіемъ для Давида (20 гл.). Затѣмъ слѣдовала новая война Давида съ филистимлянами, кончившаяся благополучно, благодаря геройству сподвижникомъ Давида (гл. 21).

Пѣсня Давида, которая въ книгѣ «Царствъ» слѣдуетъ непосредственно за извѣстіемъ объ этихъ геройскихъ подвигахъ воиновъ Давидовыхъ, можетъ быть отнесена вмѣстѣ и ко всѣмъ боевыхъ успѣхамъ Давида. Вотъ нѣкоторыя строфы изъ нея:

„Господь—твердыня моя и крѣпость моя, и избавитель мой. Богъ мой—скала моя; на него я уповаю; щитъ мой, рогъ спасенія моего, огражденіе мое и убѣжище мое; спаситель мой, отъ бѣдъ ты избавилъ меня!... Въ тѣснотѣ моей я призвалъ Господа, и къ Богу моему воззвалъ, и онъ услышалъ изъ (святаго) чертога своего голосъ мой, и вопль мой дошелъ до слуха его... Простеръ онъ руку съ высоты, и взялъ меня, и извлекъ меня изъ водъ многихъ, избавилъ меня отъ врага моего сильнаго, отъ ненавидящихъ меня, которые были сильнѣе меня. Они возстали на меня въ день бѣдствія моего; но Господь былъ опорою для меня и вывелъ меня на пространное мѣсто, избавилъ меня; ибо онъ благоволитъ ко мнѣ... Богъ препоясываетъ меня силою, устрояетъ мнѣ вѣрный путь... Я гонюсь за врагами моими и истребляю ихъ, и не возвращаюсь, доколѣ не уничтожу ихъ... Я разсѣваю ихъ, какъ прахъ земной, какъ грязь уличную мну ихъ, и топчу ихъ. Ты избавилъ меня отъ мятежа народа моего; ты сохранилъ меня, чтобы быть мнѣ главою надъ иноплеменниками; народъ, котораго я не зналъ, служилъ мнѣ. Иноплеменники ласкательствуютъ предо мною; по слуху обо мнѣ повинуются мнѣ. Иноплеменники блѣднѣютъ и трепещутъ въ укрѣпленіяхъ своихъ. Живъ Господь и благословенъ защитникъ мой!... Я буду славить тебя, Господи, между иноплеменниками, и буду пѣть имени твоему, величественно спасающій царя своего, и творящій милость помазаннику своему, Давиду, и потомству его во вѣки".

Давидъ захотѣлъ исчислить подданныхъ своего государства; пророкъ Гадъ обличилъ его по этому поводу въ самомнѣніи и предложилъ на выборъ три казни, изъ которыхъ Давидъ избралъ трехдневную моровую язву, говоря: «Пусть впаду я въ руки Господа,

ибо велико милосердіе его». Давидъ страдалъ, какъ благочестивый царь. Онъ «соорудилъ жертвенникъ Іеговѣ и принесъ всесожженія и мирныя жертвы» на томъ мѣстѣ, гдѣ «увидѣлъ ангела, поражавшаго народъ». «И умилостивился Іегова надъ страною, и прекратилось пораженіе израильтянъ».

Со времени царствованія Давида писменость между евреями продолжаетъ больше и больше развиваться—вѣроятно, главнымъ образомъ благодаря вліянію пророческихъ училищъ, основанныхъ пророкомъ Самуиломъ. Въ исторіи царствованія Соломона упоминаются уже не только двое «писцовъ», т.-е. государственныхъ секретарей, Елихоревъ и Ахія, сыновья Сивы, но и «Іосафатъ, сынъ Ахилуда, дѣеписатель» (3 Цар., 4, 3). Другой лѣтописецъ (по-славянски «воспоминаяй») упоминается въ исторіи царя Езекіи (4 Цар., 18, 18. 37). Это были, очевидно, сановники, служившіе при царскомъ дворѣ и обязанные записывать для памяти важнѣйшія событія въ государственной жизни. До насъ не дошли труды этихъ лѣтописцевъ, рядъ которыхъ, по крайней мѣрѣ въ царствѣ іудейскомъ, со времени Соломона вѣроятно не прерывался. Отъ ихъ трудовъ нужно, во всякомъ случаѣ, отличать тѣ «Лѣтописи царей іудейскихъ», о которыхъ много разъ упоминается въ 3 и 4 книгахъ «Царствъ» и которыя «могли быть составлены только однимъ лицомъ, жившимъ, притомъ, незадолго до вавилонскаго плѣна. Такъ какъ на нихъ неоднократно ссылается писатель 3 и 4 книгъ «Царствъ», то въ нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ этихъ послѣднихъ мы имѣемъ право видѣть буквальныя выдержки изъ «Лѣтописей». Такими выдержками нужно признать напр. слова кн. «Царствъ» (3 8, 8): «И покрывали херувимы сверху ковчегъ и шесты его. И выдвинулись шесты такъ, что головки шестовъ видны были изъ святилища... они тамъ и до сего дня». Послѣднія слова могли быть сказаны только до разрушенія Іерусалима и храма халдеями. Замѣчаніе 4 кн. «Царствъ» (8, 22): «выступилъ Эдомъ изъ-подъ руки Іуды до сего дня», могло быть сдѣлано также еще прежде паденія іудейскаго царства (588 до Р. Хр.). Между тѣмъ 3 и 4-я книги «Царствъ», вошедшія въ Библію и дошедшія до насъ, получили свой настоящій видъ не раньше второй половины вавилонскаго плѣна: книги оканчиваются извѣстіемъ объ освобожденіи Іехоніи изъ темницы Евильмеродахомъ, послѣдовавшемъ на 26-й годъ по разрушеніи Іерусалима, и въ послѣдней строкѣ книги упоминается даже обо «всѣхъ дняхъ жизни» Іехоніи.

3-я и 4-я книги «Царствъ», также какъ и книги Самуила, составлявшія нѣкогда одну книгу, начинаются исторіей послѣднихъ дней Давида. Еще при жизни своей Давидъ велѣлъ провозгласить царемъ, своимъ наслѣдникомъ, Соломона, «ибо отъ Іеговы было это», какъ

согласился и Адонія—старшій сынъ Давида, претендовавшій также на престолъ.

Передъ смертію отецъ завѣщалъ Соломону: „Будь твердъ и мужественъ. И храни завѣтъ Господа, Бога твоего, ходя путями его и соблюдая уставы его... чтобы Господь исполнилъ слово свое, которое онъ сказалъ обо мнѣ, говоря: не прекратится мужъ отъ тебя на престолѣ израилевомъ... И возлюбилъ Соломонъ Господа, ходя по уставу Давида“. Онъ просилъ себѣ у Господа только „сердца разумнаго, чтобы судить народъ „божій“ и различать, что добро и что зло“. Онъ показалъ вскорѣ затѣмъ свою разсудительность, рѣшивъ споръ между двумя женщинами, присвоивавшими себѣ одного живого ребенка, послѣ того какъ другой былъ нечаянно задушенъ своею матерью. И „увидѣли, что мудрость божія въ немъ, чтобы производить судъ“. „И была мудрость Соломона выше мудрости всѣхъ сыновъ Востока и всей мудрости египтянъ... и имя его было въ славѣ у всѣхъ окрестныхъ народовъ“. Онъ исполнилъ волю божію, открытую еще Давиду, о постройкѣ храма, въ которомъ Господь благоволитъ „услышать моленіе раба“ своего—царя „и народа“ своего „израиля, когда они будутъ молиться на мѣстѣ томъ“. И къ самому народу во время освященія храма Соломонъ обратился съ словами: „Да будетъ сердце ваше вполнѣ предано Господу, Богу нашему, чтобы ходить по уставамъ его и соблюдать заповѣди его“...

Подъ конецъ жизни своей «Соломонъ сталъ служить Астартѣ, божеству сидонскому, и Милхому, мерзости аммонитской». Онъ дѣлалъ это, угождая своимъ многочисленнымъ женамъ-иноплеменницамъ:

И сказалъ Господь Соломону: „За то, что такъ у тебя дѣлается, и ты не сохранилъ завѣта моего и уставовъ моихъ, которые я заповѣдалъ тебѣ, я отторгну отъ тебя царство, и отдамъ его рабу твоему“.

Пророкъ Ахія возвѣстилъ Іеровоаму, ефремлянину, его избраніе на царство въ колѣнахъ, имѣвшихъ отторгнуться отъ іерусалимскихъ царей. По смерти Соломона, сынъ его Ровоамъ, воцарившійся вмѣсто отца, «не послушалъ народа», просившаго облегчить тяжкое иго, которое наложилъ на подданныхъ Соломонъ. И «за домомъ Давидовымъ не осталось никого, кромѣ колѣна іудина и веніаминова».

Храмъ Соломоновъ въ Іерусалимѣ былъ центромъ, къ которому стремилось сердце каждаго благочестиваго израильтянина. Когда «на горѣ Ефремовой, въ Сихемѣ» образовался новый политическій центръ, враждебный Іерусалиму — іудейской столицѣ, изъ сѣвернаго царства перешли въ южное не только священники и левиты изъ колѣна левіина (2 Пар. 13, 9), но и многіе изъ народа (—15, 9). Іеровоамъ старался удержать своихъ подданныхъ отъ переселенія, поставивъ двухъ золотыхъ тельцовъ — одного на сѣверной, другого на южной границѣ своего царства, и сказалъ: «Не нужно вамъ ходить въ Іерусалимъ: вотъ боги твои, израиль, которые вывели тебя изъ земли египетской». Къ этимъ богамъ были поставлены священ-

ники изъ народа. Безъ священниковъ, которые имѣли обязанность учить народъ закону, подданные израильскаго царства болѣе и болѣе забывали Іегову. О царяхъ израильскихъ повторяется о каждомъ одинаково: «Дѣлалъ неугодное предъ очами Господа и ходилъ путемъ Іеровоама и въ грѣхахъ его, которыми тотъ ввелъ въ грѣхъ израиля». Къ грѣхамъ Іеровоама Ахавъ прибавилъ грѣхъ поклоненія финикійскому божеству Ваалу. Начались гоненія на служителей Іеговы, и число израильтянъ, не преклонившихъ колѣна предъ Вааломъ, уменьшилось наконецъ до семи тысячъ во всемъ царствѣ израильскомъ. Іиуй, избившій все семейство Ахава, прекратилъ и служеніе Ваалу въ царствѣ, но не прекратилъ богослуженія при золотыхъ тельцахъ въ Веѳилѣ и Данѣ, и это богослуженіе, хотя вѣроятно относившееся къ Іеговѣ, но запрещенное закономъ, не прекращалось до самаго паденія израильскаго царства. Ради не преклонившихъ колѣна предъ Вааломъ, ради обѣтованій, данныхъ отцамъ израильтянъ, не хотѣлъ Іегова оставить ихъ безъ вразумленія. Великіе пророки, Илія и Елисей, обращали свое слово обличенія, увѣщанія и угрозы къ царямъ и народу израильскимъ. Илія всю свою ревность обращалъ противъ Ахава и его жены Іезавели за то, что они «презрѣли повелѣнія Господни и пошли въ слѣдъ Вааламъ». Предложивъ всенародно сравнить силу Бога истиннаго съ силою Ваала, Илія получилъ «отвѣтъ отъ Іеговы посредствомъ огня» и показалъ народу, что Ваалъ безсиленъ дать такой же отвѣтъ своимъ жрецамъ. Съ помощью народа пророкъ избилъ затѣмъ всѣхъ жрецовъ вааловыхъ и самъ долженъ былъ искать спасенія отъ убійцъ, посланныхъ Іезавелью. Елисей, ученикъ Иліи, старался возстановить въ царствѣ израильскомъ законъ другимъ путемъ: сыны пророческіе, т.-е. ученики пророческихъ училищъ, пользуясь его наставленіями, учили народъ. Даромъ чудесъ, совершаемыхъ именемъ Іеговы, онъ укрѣплялъ вѣрныхъ въ ихъ вѣрѣ.

Дѣятельность Иліи и Елисея не встрѣчала ни малѣйшей поддержки со стороны израильскихъ царей. Іиуй, помазанный на царство Елисеемъ, избилъ семейство Ахава только потому, что видѣлъ въ его средѣ наслѣдниковъ власти, имъ самимъ захваченной. Династіи быстро смѣнялись одна другою, и новая династія обыкновенно принимала власть руками, обагренными кровью прежней династіи. Наватъ, сынъ Іеровоама, былъ убитъ Ваасою, котораго сынъ, Ила, былъ умерщвленъ въ свою очередь Замвріемъ, начальникомъ колесницъ. Замврій овладѣлъ престоломъ въ Ѳирцѣ, тогдашней столицѣ израильскаго царства; а войско израильское, осаждавшее въ то время Гаваѳонъ филистимскій, провозгласило царемъ Амврія, своего военачальника. Амврій осадилъ столицу царства, Ѳирцу, и Замврій сжегъ

себя вмѣстѣ съ дворцомъ, въ которомъ жилъ. Но Амврій и послѣ этого не тотчасъ былъ признанъ царемъ, такъ какъ половина народа желала провозгласить царемъ Ѳамнія. Наконецъ «одержалъ верхъ народъ, который за Амврія... и умеръ Ѳамній». Родъ Амврія былъ перебитъ въ третьемъ колѣнѣ Іиуемъ, котораго династія держалась до четвертаго колѣна. Захарія былъ свергнутъ и убитъ Селлумомъ, котораго также убилъ Менаимъ, оставившій царство сыну своему Факіи. Но противъ послѣдняго составилъ заговоръ и умертвилъ его Факей, павшій также отъ руки Осіи, съ которымъ пали уже и Самарія, и все царство израильское. Овладѣвая престоломъ путемъ насилія и убійства, а не по праву, цари и сами становились жертвами узурпаціи. Личныя достоинства нѣкоторыхъ изъ нихъ упрочивали за ними власть на извѣстное время; но всѣ они были послѣдовательны въ томъ, что болѣе или менѣе «дѣлали неугодное предъ очами Іеговы».

Сосѣднія государства не оставляли въ покоѣ израильскаго царства, можетъ быть потому, что знали непрочность власти большей части его царей. Понятно, что іудейскіе цари не могли смотрѣть спокойно на царей израильскихъ, такъ какъ послѣдніе были въ ихъ глазахъ узурпаторами. Іеровоамъ воевалъ съ Ровоамомъ и его сыномъ Авіею. Со времени Ваасы израильское царство начинаютъ безпокоить постоянно и болѣе или менѣе вредить ему цари сирійскіе. Только Іеровоаму II удается возвысить свое царство, и то лишь благодаря тому, что сирійцы начали въ то время сами страдать отъ ассиріянъ. Но ассиріяне скоро пришли и въ израильское царство. Второй походъ ихъ сюда, подъ предводительствомъ сначала Салманассара, потомъ Саргона, кончился паденіемъ Самаріи.

Въ царствѣ іудейскомъ престолонаслѣдіе правильно держалось въ родѣ Давида и Соломона. Воспоминаніе о величіи этихъ царей поддерживало въ народѣ привязанность къ ихъ потомкамъ и не позволяло сановникамъ изъ подданныхъ дѣлать престолъ игрушкой своего честолюбія. Домъ Давида былъ непоколебимъ и престолъ его былъ проченъ: Іегова не забывалъ обѣтованія, даннаго Давиду. Но и въ домѣ Давидовомъ были цари, «сердца которыхъ не были преданы Господу, какъ сердце Давида, отца ихъ». Большая часть царей іудейскихъ если не сама устроивала, то позволяла народу устраивать у себя «высоты, и статуи, и капища, на всякомъ высокомъ холмѣ и подъ всякимъ тѣнистымъ деревомъ». Уже о Соломонѣ говорится, что до построенія храма «онъ приносилъ жертвы и куренія на высотахъ» и позволялъ дѣлать тоже и народу. Въ Гаваонѣ, гдѣ была тогда скинія Моисеева, по замѣчанію писателя 3-й книги «Царствъ», былъ только «главный жертвенникъ». Такимъ выраженіемъ скинія Моисеева, какъ мѣсто богослуженія, приравнивается

къ высотамъ. Значитъ, и на этихъ послѣднихъ «приносили жертвы и куренія» тому же Іеговѣ, которому посвящена была скинія Моисеева. Только этимъ предположеніемъ и можно объяснить замѣчаніе писателя 3-й и 4-й книгъ «Царствъ»: «Возлюбилъ Соломонъ Іегову, ходя по уставу Давида, отца своего; но и онъ приносилъ жертвы и куренія на высотахъ». Только при такомъ предположеніи можно понять, что писатель, говоря объ Асѣ и Іосафатѣ, что они «дѣлали угодное предъ очами Іеговы», прибавляетъ въ слѣдъ затѣмъ: «Только высоты не были отмѣнены; народъ еще совершалъ жертвы и куренія на высотахъ». Если писатель, считая справедливымъ говорить о преданности Іеговѣ царей, приносившихъ, или позволявшихъ приносить жертвы на высотахъ, представляетъ однакоже эти жертвоприношенія не вполнѣ совмѣстными съ духомъ полной преданности, то это значитъ, что жертвоприношенія Іеговѣ въ другихъ мѣстахъ, кромѣ скиніи Моисеевой, позднѣе храма Соломонова, были запрещены закономъ. Писатель признаетъ противозаконность жертвоприношеній на высотахъ, но онъ не можетъ и осуждать ихъ безусловно, какъ скоро они относятся къ единому истинному Богу. Требовать отъ каждаго іудея, чтобы онъ даже съ самаго крайняго предѣла страны, съ каждою изъ многочисленныхъ жертвъ, предписанныхъ закономъ, являлся въ Іерусалимъ, значило бы налагать на народъ неудобоносимое бремя. Жертвоприношенія на высотахъ были облегченіемъ для народа, вѣрнаго закону вдали отъ іерусалимскаго храма. Но они отучали народъ отъ руководства священниковъ. Впрочемъ, священники въ царствѣ іудейскомъ стоятъ въ зависимости отъ государственной власти и дѣлаютъ иногда, по волѣ послѣдней, положительно запрещенное закономъ. Получая установленную закономъ десятину, отчасти живя въ своихъ городахъ, имѣя при нихъ свою землю, «священники не говорили: гдѣ Іегова? и учители закона не знали» Бога-законодателя (Іер. 2, 8). И вотъ, вліяніе священниковъ, какъ стражей закона божія, пало до того, что въ храмѣ, мѣстѣ ихъ служенія Іеговѣ, поставлены были (царемъ Манассіею) жертвенники всему небесному воинству, истуканъ Астарты. Гоѳолія, жена Іорама іудейскаго и дочь Ахава, ввела служеніе Ваалу и въ Іерусалимѣ, построивъ здѣсь капище финикійскому божеству. Въ долинѣ сыновей Гиннома еще со времени Ахава стали «проводить сыновей своихъ и дочерей своихъ чрезъ огонь» въ честь Ваала и Молоха.

Поступая такимъ образомъ, потомки Давида навлекали на себя «жезлъ мужей и удары сыновъ человѣческихъ» (2 Цар., 7, 14). Кромѣ борьбы съ царями израильскими и съ египетскимъ фараономъ, принявшимъ сторону Іеровоама противъ Ровоама, начиная современи Іосафата, іудеи не перестаютъ по временамъ вести войну съ си-

рійцами, которые становятся опасными особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда вступаютъ въ союзъ съ израильскимъ царствомъ. Противъ союзныхъ царей сирійскаго и израильскаго Ахазъ просилъ помощи у ассирійскаго царя, который смирилъ, правда, сирійскаго царя, но заставилъ и Ахаза платить ему дань. Езекія пересталъ «служить», т.-е. платить дань царю ассирійскому; но послѣдній, правда, испыталъ неудачу подъ Іерусалимомъ, однакожъ преемника Езекіи, Манассію, взялъ въ плѣнъ и увелъ въ Вавилонъ. Внукъ Манассіи, Іосія, дружилъ съ ассирійскимъ царемъ, но за то не хотѣлъ содѣйствовать замысламъ египетскаго фараона, соперничавшаго съ ассирійскимъ царемъ. Іосія палъ, оружіемъ стараясь остановить движеніе фараона противъ Ассиріи. Побѣдитель Іосіи пріобрѣлъ такое вліяніе на дѣла іудейскаго государства, что свергнулъ съ іерусалимскаго престола воцареннаго іудеями Іоахаза и воцарилъ Іоакима. Іоакимъ сохранялъ преданность египетскому фараону не только потому, что былъ ему обязанъ престоломъ, но и потому, что Набопаласcаръ, разрушивъ въ союзѣ съ мидійскимъ царемъ Кіаксаромъ Ниневію, могъ безпрепятственно двинуться и на западъ. Опасность отъ Вавилона увеличилась для Іудеи послѣ того, какъ Навуходоносоръ, сынъ Набополассара, поразилъ египетское войско при Кархамисѣ. Преданность египетскому фараону навлекла на Іоакима гнѣвъ халдейскаго царя, и іудейское царство подверглось разрушительному нашествію Навуходоносора. Іоакимъ умеръ, кажется, во время осады Іерусалима халдеями. Его преемникъ, Іехонія, былъ уведенъ въ плѣнъ съ своимъ семействомъ и множествомъ войска, ремесленниковъ и знатныхъ лицъ. Седекія, «дѣлая неугодное въ очахъ Господнихъ», не старался угождать и царю вавилонскому, не избѣгалъ подвергнуться гнѣву грознаго владыки. Вѣроятно, за то, что онъ вступилъ въ союзъ съ египетскимъ фараономъ (ср. Іер. гл. 37), желая защитить себя со стороны Вавилона, Іудея подверглась новому нашествію халдеевъ, и городъ Іерусалимъ былъ разрушенъ, а жители его, также какъ и другихъ іудейскихъ городовъ, уведены въ плѣнъ въ Вавилонію. Такъ «гнѣвъ Господень былъ надъ Іерусалимомъ и надъ Іудою до того, что онъ отвергъ ихъ отъ лица своего» (4 Цар., 24, 20).

V. Лирическая поэзія евреевъ.—Псалмопѣніе.—Пѣсни Давида.—Кѣмъ и какъ онѣ исполнялись.—«Начальники хоровъ».—Псалмы Асафа.—Псалмопѣвцы «сыны Кореевы», и представитель ихъ Эманъ.—«Пѣснь пѣсней» царя Соломона.—Ея смыслъ по ученію православной церкви.

Немного позднѣе Самуила, подъ вліяніемъ того же пророческаго духа, который одушевлялъ и учениковъ Самуила, между ев-

реями начинается писательская дѣятельность другого рода. Давидъ (1055—1015 до Р. Х р.), помазанный Самуиломъ на царство, положилъ начало, не прерывавшемуся съ тѣхъ поръ, *псалмопѣнію*. Пѣсни во славу Бога, хранителя израиля, составлялись въ народѣ еврейскомъ и до Давида. Мы уже знаемъ двѣ изъ такихъ пѣсней: пѣснь, которую пѣла Маріамь, сестра Моисея, съ другими женами израильскими по переходѣ евреевъ черезъ Чермное море, и пѣснь пророчицы Деворы по случаю побѣды Варака надъ асорскимъ царемъ Іавиномъ. Пѣсни, при ихъ исполненіи, сопровождались въ обоихъ случаяхъ игрою на музыкальныхъ инструментахъ. Въ пророческихъ училищахъ, основанныхъ Самуиломъ, были также употребительны псалтирь, тимпанъ, свирѣль и гусли; игрою на этихъ инструментахъ сопровождалось иногда и пророчествованіе. Давидъ съ юныхъ лѣтъ усвоилъ себѣ искусство играть на «гусляхъ», несомнѣнно струнномъ инструментѣ. Ради этого искусства онъ былъ взятъ ко двору Саула, котораго, во время его припадковъ умопомѣшательства, онъ долженъ былъ развлекать своей игрой. Игрою на своемъ инструментѣ Давидъ наполнялъ, вѣроятно, свои досуги въ то время, когда пасъ стада отца и потомъ, когда, преслѣдуемый подозрительнымъ Сауломъ, скитался по іудейской пустынѣ. Вдохновеніе онъ почерпалъ и въ воспоминаніяхъ о жизни Якова и Іуды,—воспоминаніяхъ особеннно живыхъ между жителями Виѳлеема, его отечественнаго города (сравн. Руѳь, 4, 11 и сл.), и въ явленіяхъ природы, такъ открытыхъ для человѣка въ пустынѣ или на пастбищѣ. Свои мысли о величіи божіемъ и о смиренномъ положеніи человѣка въ мірѣ, являвшіяся у него подъ впечатлѣніемъ грозныхъ явленій природы или величественныхъ картинъ горной пустыни іудейской,—эти мысли свои Давидъ уже въ это время униженнаго своего состоянія выражалъ въ строфахъ, которыя тутъ же и распѣвалъ въ сопровожденіи игры на гусляхъ.

„Когда взираю я на небеса твои—поетъ онъ, обращаясь къ Богу—дѣло твоихъ перстовъ, на луну и звѣзды, которыя ты поставилъ: то что есть человѣкъ, что ты помнишь его, и сынъ человѣческій, что ты посѣщаешь его?"—„Небеса проповѣдаютъ славу божію, и о дѣлахъ рукъ его возвѣщаетъ твердь. День дню передаетъ рѣчь, и ночь ночи открываетъ знаніе. Нѣтъ языка, и нѣтъ нарѣчія, гдѣ не слышался бы голосъ ихъ. По всей землѣ проходитъ звукъ ихъ, и до предѣловъ вселенной слова ихъ. Онъ поставилъ въ нихъ жилище солнцу. И оно выходитъ, какъ женихъ изъ брачнаго чертога своего, радуется, какъ исполинъ, пробѣжать поприще. Отъ края небесъ исходъ его, и шествіе его до края ихъ, и ничто не укрыто отъ теплоты его".

Природа была для Давида великой книгой божества. «Мужъ по сердцу божію» ощущалъ уже въ природѣ біеніе пульса божественной силы. Вліяніе этой силы на его личную нравственную жизнь,

естественно, было для него еще ощутительнѣе. Побѣда надъ Голіаѳомъ внушаетъ ему слѣдующую восторженную пѣснь, въ которой онъ воспѣваетъ помощь, оказанную Богомъ ему лично и всему народу израильскому:

„Благословенъ Господь, твердыня моя, научающій руки мои битвѣ и персты мои брани... Господи! Приклони небеса твои, и сойди, коснись горъ, и воздымятся. Блесни молніею и разсѣй ихъ; пусти стрѣлы твои, и разстрой ихъ. Простри съ высоты руку твою, избавь меня и спаси меня отъ водъ многихъ, отъ руки сыновъ иноплеменныхъ, которыхъ уста говорятъ суетное, и которыхъ десница—десница лжи. Боже! новую пѣснь воспою тебѣ, на десятострунной псалтири воспою тебѣ, дарующему спасеніе царямъ и избавляющему Давида, раба своего, отъ лютаго меча!“

Гоненіе Саула причинило Давиду столько горя, что онъ недоумѣвалъ иногда, не оставила ли его сила божія своею помощію. Горячая вѣра тѣмъ настойчивѣе, однако же, борется съ этимъ недоумѣніемъ. Ко времени скитальческой жизни Давида въ іудеской пустынѣ относятся, по своему происхожденію, нѣкоторые изъ тѣхъ псалмовъ, или пѣсней, которые составляютъ нашу псалтирь:

„Доколѣ, Господи, будешь забывать меня въ конецъ, доколѣ будешь скрывать лице твое отъ меня? Доколѣ мнѣ слагать совѣты въ душѣ моей, скорбь въ сердцѣ моемъ день и ночь? Доколѣ врагу моему возноситься надо мною? Призри, услышь меня, Господи, Боже мой! Просвѣти очи мои, да не усну я сномъ смертнымъ... Я уповаю на милость твою; сердце мое возрадуется о спасеніи твоемъ“. „Отъ твоего лица судъ мнѣ да изойдетъ; да воззрятъ очи твои на правоту. Ты испыталъ сердце мое, посѣтилъ меня ночью, искусилъ меня и ничего не нашелъ... Къ тебѣ я взываю, ибо ты услышишь меня, Боже“.

Страданіе, вмѣстѣ съ сознаніемъ своей правоты, исторгаютъ у Давида вопль такой скорби и въ тоже время сопровождаются выраженіями такого упованія на Бога, что этотъ вопль и эти выраженія повторилъ Спаситель, не по своей винѣ страдавшій на крестѣ. И въ самомъ дѣлѣ, одна изъ молитвъ Давида, во время его бѣгства отъ Саула, рядомъ съ словами скорби и упованія страдальца, содержитъ въ себѣ указанія на такія послѣдствія страданій, которыхъ въ обыкновенномъ порядкѣ жизни не могутъ имѣть страданія простого человѣка.

„Боже мой! Боже мой! [внемли мнѣ]; для чего ты оставилъ меня? Далеки отъ спасенія моего слова вопля моего. Боже мой! я вопію днемъ, и ты не внемлешь мнѣ; ночью, и нѣтъ мнѣ успокоенія... Я червь, а не человѣкъ, поношеніе у людей и презрѣніе въ народѣ. Всѣ видящіе меня ругаются надо мною; говорятъ устами, кивая головою: онъ уповалъ на Господа; пусть избавитъ его, пусть спасетъ, если онъ угоденъ ему... Но ты, Господи, не удаляйся отъ меня; сила моя! поспѣши на помощь мнѣ... Буду возвѣщать имя твое братіямъ моимъ, посреди собранія восхвалять тебя... Да благоговѣетъ предъ нимъ все сѣмя израиля! Ибо онъ не презрѣлъ и не пренебрегъ скорби страждущаго, не скрылъ отъ него лица своего, но услышалъ его, когда онъ воззвалъ къ нему. О тебѣ хвала моя въ собраніи вели-

комъ; воздамъ обѣты мои предъ боящимися его... Вспомнятъ и обратятся къ Господу всѣ концы земли, и поклонятся предъ тобою всѣ племена язычниковъ. Ибо Господне есть царство, и онъ владыка надъ народами.

Послѣ того, какъ не только погибъ Саулъ въ войнѣ съ филистимлянами, но и всѣ приверженцы павшаго царя и династіи его были побѣждены Давидомъ, первымъ дѣломъ признаннаго теперь всѣмъ народомъ царя было перенесеніе ковчега завѣта изъ Каріаѳіарима въ Сіонскую крѣпость. Въ торжественномъ шествіи народа съ святыней принимали участіе и левиты, исполнявшіе при этомъ, въ сопровожденіи игры на музыкальныхъ инструментахъ, псалмы, сложенные на этотъ случай Давидомъ. Эти псалмы поютъ не о наружной готовности человѣка къ молитвѣ въ скиніи божіей, но о внутренней его чистотѣ, какъ необходимомъ условіи достойнаго участія въ молитвѣ:

Кто взойдетъ на гору Господню, или кто станетъ на святомъ мѣстѣ его? Тотъ, у котораго руки неповинны и сердце чисто, кто не клялся душою своею напрасно, и не божился ложно [ближнему своему]; тотъ получитъ благословеніе отъ Господа, и милость отъ Бога спасителя своего [Пс. 23; ср. 14].

Поставивъ ковчегъ завѣта въ новоустроенной скиніи, Давидъ занялся устройствомъ торжественнаго богослуженія. Онъ раздѣлилъ всѣхъ левитовъ на четыре отдѣла, изъ которыхъ самый многочисленный (24,000) назначенъ былъ «для дѣла въ домѣ господнемъ», т.-е. для помощи священникамъ при жертвоприношеніяхъ, одинъ (6,000) назначенъ былъ служить писцами и судьями, и еще одинъ (4,000) для прославленія Бога на музыкальныхъ инструментахъ. Мы уже сказали выше, что левиты - писцы получали образованіе въ училищахъ, устроенныхъ Самуиломъ, который самъ былъ изъ левитовъ. Игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ левиты могли отчасти учиться въ тѣхъ же училищахъ, гдѣ занимались и музыкой. Давидъ ввелъ музыку въ богослуженіе, какъ его непремѣнную составную часть. Слова псалмовъ, сопровождаемыя музыкой, стали съ этихъ поръ тою измѣняемою частью богослуженія, въ которой левиты-пѣвцы давали выраженіе своимъ мыслямъ и чувствамъ по поводу тѣхъ или другихъ событій нравственной личной или народной жизни. Примѣромъ для левитовъ, какъ составителей псалмовъ, былъ самъ Давидъ. По описаніи торжественнаго перенесенія ковчега завѣта, въ первой книгѣ «Паралипоменомъ» (16,7) сказано: «Въ этотъ день Давидъ, въ первый разъ, далъ псаломъ для славословія Господу чрезъ Асафа и братьевъ его». Асафъ былъ одинъ изъ трехъ начальниковъ, поставленныхъ надъ пѣвцами-левитами Давидомъ. Каждый изъ нихъ начальствовалъ надъ пѣвцами— своими сыновьями. Отсюда такъ часто повторяющееся въ надписаніяхъ псалмовъ еврейское слово, переводимое по-русски обыкновенно: «на-

чальнику хора». Асафъ, Эманъ и Эѳанъ, поставленные Давидомъ надъ пѣвцами, первые, конечно, носили названіе «начальниковъ хора». Давидъ передавалъ составленные имъ самимъ псалмы тому или другому «начальнику хора» для исполненія въ сопровожденіи игры на томъ или другомъ музыкальномъ инструментѣ. Эти инструменты нерѣдко также называются въ надписаніяхъ псалмовъ, хотя мы не знаемъ въ точности, что это были за инструменты. Мы не знаемъ также, на чемъ основывалось дѣленіе пѣвцовъ-музыкантовъ на три хора. Оно, во всякомъ случаѣ, было признакомъ правильной организаціи пѣвцовъ, распредѣленія обязанностей между отдѣльными пѣвцами. Эта организація ведетъ начало отъ Давида, и именно со времени послѣ перенесенія ковчега завѣта въ Іерусалимъ.

Изливая передъ Богомъ свою душу скорбящую или радующуюся, Давидъ надѣялся, что и весь народъ будетъ скорбѣть или радоваться съ нимъ. Согрѣшивъ съ Вирсавіей и обличенный пророкомъ Наѳаномъ, онъ высказалъ свою скорбь и преданность волѣ божіей въ псалмѣ, который и въ христіанской церкви составляетъ обычное выраженіе раскаянія вѣрующаго грѣшника.

„Помилуй меня, Боже, по великой милости твоей, и по множеству щедротъ твоихъ, изгладь беззаконія мои... Ибо беззаконія мои я сознаю, и грѣхъ мой всегда предо мною. Тебѣ, тебѣ единому согрѣшилъ я, и лукавое предъ очами твоими сдѣлалъ, такъ что ты праведенъ въ приговорѣ твоемъ, и чистъ въ судѣ твоемъ... Отврати лице твое отъ грѣховъ моихъ, и изгладь всѣ беззаконія мои. Сердце чистое сотвори во мнѣ, Боже, и духъ правый обнови внутри меня. Не отвергни меня отъ лица твоего и духа твоего святаго не отними отъ меня. Возврати мнѣ радость спасенія твоего, и духомъ владычественнымъ утверди меня“ (Пс. 50).

Первая половина царствованія Давида, какъ уже сказано выше, наполняется, между прочимъ, счастливыми войнами израиля съ сосѣдними народами. Народъ израильскій былъ удѣломъ божіимъ, и всякій народъ, враждовавшій съ израилемъ, тѣмъ самымъ враждовалъ и противъ Бога израилева. Съ другой стороны, и израиль не своею силою боролся и побѣждалъ враговъ. Самъ Богъ сражался съ нимъ и за него. Послѣ этихъ замѣчаній понятна «пѣснь», съ которою Давидъ водилъ полки свои къ побѣдамъ:

„Да воскреснетъ Богъ, и расточатся враги его, и да бѣгутъ отъ лица его ненавидящіе его. Какъ разсѣвается дымъ, такъ разсѣй ихъ; какъ таетъ воскъ отъ огня, такъ нечестивые да погибнутъ отъ лица божія, а праведники да возвеселятся, да возрадуются предъ Богомъ, и восторжествуютъ въ радости“ (Пс. 67).

По 2-й книгѣ «Царствъ», время торжества Давида надъ врагами было временемъ, когда Богъ обѣщалъ его потомству вѣчное царство и вѣчную свою милость. Давидъ зналъ человѣческія слабости, онъ не могъ представить себѣ человѣка, на которомъ могло бы осуще-

ствиться божіе обѣтованіе. Пѣснь, въ которой онъ выражаетъ свои мысли о вѣчномъ царствѣ и торжествѣ своего потомка, имѣетъ отношеніе больше чѣмъ къ простому человѣку. Царь израилевъ самъ преклоняется предъ этимъ вѣчнымъ царемъ, какъ предъ своимъ Господомъ:

„Возстаютъ цари земли, и князья совѣщаются вмѣстѣ противъ Господа и противъ помазанника его... Живущій на небесахъ посмѣется, Господь поругается имъ. Тогда скажетъ имъ во гнѣвѣ своемъ...: Я помазалъ царя моего надъ Сіономъ, святою горою моею (Пс. 2). Этому царю Господь говоритъ тѣже слова, что и вѣчному царю, потомку Давида: „Ты сынъ мой, я нынѣ родилъ тебя". И Давидъ съ благоговѣніемъ говоритъ о Немъ: „Сказалъ Господь Господу моему: сѣди одесную меня, доколѣ положу враговъ твоихъ въ подножіе ногъ твоихъ:... Въ день силы твоей (твоего торжества надъ врагами) народъ твой готовъ во благолѣпіи святыни" (Пс. 109).

За грѣхомъ съ Вирсавіей послѣдовали для Давида тяжелыя испытанія. Возстаніе Авессалома, любимаго его сына, было первымъ для него ударомъ. Но любовь отца къ сыну не позволяетъ царю произнести ни одного жесткаго слова по отношенію къ Авессалому. Въ псалмахъ, составленныхъ Давидомъ во время бѣгства отъ Авессалома, онъ сѣтуетъ на другихъ враговъ своихъ, которые вѣроятно только прикрывались именемъ Авессалома, но были въ сущности главными противниками законнаго царя. Имъ, можетъ быть, принадлежалъ и починъ въ возстаніи. «Господи! какъ умножились враги мои! Многіе возстаютъ на меня; многіе говорятъ душѣ моей: нѣтъ ему спасенія въ Богѣ. Но ты, Господи, щитъ предо мною, слава моя, и ты возносишь голову мою. Гласомъ моимъ взываю къ Господу, и онъ слышитъ меня съ святой горы своей» (Пс. 3). Вынужденный удалиться изъ Іерусалима, онъ особенно томится невозможностью бывать въ домѣ божіемъ. «Боже! Ты Богъ мой; тебя отъ ранней зари ищу я; тебя жаждетъ душа моя, по тебѣ томится плоть моя въ землѣ пустой, изсохшей и безводной, чтобы видѣть силу твою и славу твою, какъ я видѣлъ тебя въ святилищѣ» (Пс. 62).

Тѣ начальники хоровъ, которые названы выше, какъ исполнители псалмовъ Давида, отчасти и сами составляли псалмы. Асафу, напр., принадлежатъ псалмы, изъ которыхъ мы упомянемъ два, содержащіе въ себѣ историческія воспоминанія объ отношеніи народа израильскаго къ Богу за все время отъ выхода его изъ Египта до царствованія Давида. Авторъ хочетъ напомнить народу уроки исторіи, хочетъ, чтобы, слушая псаломъ около жертвенника, онъ никогда не забывалъ этихъ уроковъ:

„Открою уста мои въ притчѣ, и произнесу гаданія изъ древности. Что слышали мы, и узнали, и отцы наши разсказали намъ, не скроемъ отъ дѣтей ихъ,

возвѣщая роду грядущему славу Господа, и силу его, и чудеса его, которыя онъ сотворилъ". „Чтобы зналъ грядущій родъ", какъ „возлагать надежду свою на Бога", псалмопѣвецъ напоминаетъ, какъ часто народъ „раздражалъ всевышняго въ пустынѣ", не смотря на то, что Богъ „творилъ предъ глазами ихъ чудеса". Онъ „привелъ ихъ въ область святую свою, на эту гору, которую стяжала десница его. Прогналъ отъ лица ихъ народы, и землю ихъ раздѣлилъ въ наслѣдіе имъ... Но они... отступали и измѣняли, какъ отцы ихъ, обращались назадъ, какъ невѣрный лукъ". И вотъ „онъ отринулъ жилище въ Силомѣ, скинію въ которой обиталъ онъ между человѣками; и отдалъ въ плѣнъ крѣпость свою и славу свою въ руки врага... Но какъ бы отъ сна воспрянулъ Господь, какъ бы исполинъ, побѣжденный виномъ, и поразилъ враговъ его въ тылъ; вѣчному сраму предалъ ихъ... И избралъ колѣно Іудино, гору Сіонъ, которую возлюбилъ... И избралъ Давида, раба своего, и взялъ его отъ дворовъ овчихъ, и отъ доящихъ привелъ его, пасти народъ свой, Іакова, и наслѣдіе свое, Израиля" (Пс. 77).

Эманъ, какъ составитель псалмовъ, является представителемъ цѣлой группы псалмопѣвцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ «сыновъ кореевыхъ». Можетъ быть, одни изъ первыхъ учениковъ тѣхъ пророческихъ училищъ, которыя были основаны Самуиломъ, тоже потомкомъ Корея, сыны кореевы, съ Эманомъ во главѣ, черезъ Самуила вступили въ близкія отношенія къ Давиду еще въ то время, когда его преслѣдовалъ Саулъ (ср. I Пар. 12, 1—6). Научившись тогда дѣлить съ Давидомъ горе, эти левиты не хотѣли оставить его и въ тѣ позднѣйшіе дни его скорби, когда онъ, спасаясь отъ возмутившагося сына, долженъ былъ оставить столицу. Подобно Давиду, выразившему въ 62-мъ псалмѣ свою тоску по святилищѣ, сыны кореевы высказываютъ тоже искреннее чувство:

„Какъ лань желаетъ къ потокамъ воды, такъ желаетъ душа моя къ тебѣ, Боже! Жаждетъ душа моя къ Богу крѣпкому, живому: когда приду и явлюсь предъ лице божіе? Слезы мои были хлѣбомъ для меня день и ночь, когда говорили мнѣ всякій день: гдѣ Богъ твой?" Въ слезахъ, псалмопѣвецъ вспоминаетъ, какъ онъ „въ многолюдствѣ вступалъ въ домъ божій съ гласомъ радости и славословія празднующаго сонма". Но онъ исполненъ упованія на милость божію: „Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога; и я буду еще славить его, спасителя моего и Бога моего. Унываетъ во мнѣ душа моя; потому я воспоминаю о тебѣ съ земли іорданской, съ Ермона, съ горы Цоаръ" (Пс. 41). „Какъ вожделѣнны жилища твои, Господи силъ! Истомилась душа моя, желая во дворы Господни; сердце мое и плоть моя восторгаются къ Богу живому. И птичка находитъ себѣ жилье, и ласточка гнѣздо себѣ, гдѣ положить птенцовъ своихъ, у алтарей твоихъ, Господи силъ, царь мой и Богъ мой!... Господи Боже силъ! услышь молитву мою, внемли, Боже Яковлевъ! Боже, защитникъ нашъ! приникни и призри на лице помазанника твоего" (Пс. 83).

Сыны кореевы, поступивъ на службу при скиніи во время Давида въ качествѣ пѣвцовъ, были преданы и Соломону. Эта преданность основывалась на убѣжденіи, что сынъ и избранникъ Давида есть вмѣстѣ и наслѣдникъ и залогъ исполненія даннаго Давиду обѣтованія. Одинъ изъ псалмовъ, написанныхъ сынами кореевыми (44),

названный въ заглавіи «Пѣснью любви», есть пѣснь о царѣ и его невѣстѣ. Вѣроятно, этотъ царь есть, прежде всего и ближайшимъ образомъ, самъ Соломонъ; но онъ представляется «прекраснѣйшимъ изъ сыновъ человѣческихъ», котораго «Богъ благословилъ во вѣкъ», который царствуетъ вѣчно «ради истины, кротости и правды». Онъ представляется такимъ, какъ лицо, въ которомъ для израиля олицетворялась надежда имѣть въ грядущіе дни истиннаго царя правды во вѣкъ. И невѣста, вступая въ домъ царя израильскаго, приглашается «забыть народъ свой и домъ отца своего», т.-е. представляется не израильскаго происхожденія. Она есть «дщерь царя», слѣдовательно, повидимому, дочь египетскаго фараона, на которой былъ женатъ Соломонъ. Но, войдя въ чертогъ царя, она находитъ въ своихъ сыновьяхъ, въ своемъ потомствѣ, утѣшеніе, перестаетъ скорбѣть о домѣ отца. Она «сдѣлаетъ памятнымъ имя» царя «въ родъ и родъ», такъ что «народы будутъ славить его во вѣки и вѣки». Въ этой невѣстѣ царя, ревнующей о его славѣ и распространяющей ее между народами, утѣшающейся своими дѣтьми, полагающей въ нихъ свою душу, можно видѣть больше, чѣмъ дочь фараона. Этими народами, славящими царя вѣчно, наша церковь признаетъ тѣ народы, покорность которыхъ обѣщана одному изъ потомковъ Іуды еще Яковомъ. Эта невѣста царя есть та церковь, та мать вѣрующихъ, которая, со Христомъ во главѣ, объемлетъ все человѣчество подъ своимъ кровомъ (ср. Ис., 54 гл.). Впрочемъ, и самъ царь Соломонъ, помышляя о вѣчномъ царствѣ, обѣщанномъ сѣмени Давида, не отожествлялъ этого царства съ своимъ собственнымъ. Въ 71-мъ псалмѣ, приписываемомъ обыкновенно Соломону, этотъ царь утѣшается мыслію о другомъ царѣ, котораго «имя благословено во вѣкъ; доколѣ пребываетъ солнце, будетъ передаваться имя его. И благословятся въ немъ всѣ племена земныя, всѣ народы ублажатъ его». Самъ имѣвшій слабости, невыдержавшій борьбы съ своими страстями, онъ хотѣлъ обратить чаянія народа къ будущему, спасти ему его надежду.

Послѣ раздѣленія царствъ, сыны кореевы оставались вѣрны дому Давида. Времена испытаній для царства іудейскаго, для этого наслѣдія потомковъ Давида, возбуждали религіозное чувство этихъ псалмопѣвцевъ, и благополучный исходъ испытаній побуждалъ ихъ славить Іегову. Однимъ изъ такихъ испытаній было нашествіе сосѣднихъ народовъ въ царствованіе Іосафата. По свидѣтельству 2-й книги «Паралипоменонъ», моавитяне, аммонитяне и нѣкоторые изъ страны маонитской пошли войною на Іосафата и были уже въ Энгадди (почти на одной параллельной линіи съ Хевраномъ и въ одинаковомъ съ послѣднимъ разстояніи отъ Іерусалима), когда іудейскій царь и не думалъ еще о защитѣ своего государства. Съ

войскомъ, которое поспѣшно было собрано, пошли и левиты «въ благолѣпіи святыни, выступая впереди вооруженныхъ и славословя Господа». «И въ то время, какъ они стали восклицать и славословить, Господь возбудилъ несогласіе между аммонитянами, моавитянами и обитателями горы Сеира.... и стали они истреблять другъ друга». Между левитами, славословившими тогда Бога, упоминаются въ книгѣ «Паралипоменонъ» и сыны кореевы. На четвертый день послѣ погибели враговъ, іудеи «благословили Господа» и пошли «въ Іерусалимъ съ псалтирями, цитрами и трубами къ дому Господню». Слова этого славословія не внесены въ книгу «Паралипоменонъ», но они сохранились въ Псалтири. Псалмы 45—47, составленные сынами кореевыми,—именно торжественно-благодарственныя пѣсни народа по случаю торжества его надъ союзными врагами:

„Богъ намъ прибѣжище и сила, скорый помощникъ въ бѣдахъ. Потому не убоимся, хотя бы поколебалась земля, и горы двинулись въ сердце морей... Возшелъ Богъ при восклицаніяхъ, Господь при звукѣ трубномъ... Богъ въ жилищахъ его вѣдомъ, какъ заступникъ. Ибо вотъ, сошлись цари, и прошли всѣ мимо; увидѣли, и изумились, смутились и обратились въ бѣгство“...

Къ пѣснямъ во славу Іеговы относятъ и «Пѣснь Пѣсней», хотя она была составлена первоначально не для исполненія при богослуженіи, а стала читаться въ религіозныхъ собраніяхъ уже въ послѣ-библейское время. По смыслу своему, «Пѣснь Пѣсней» имѣетъ сходство съ «Пѣснію любви» сыновъ кореевыхъ. По своему буквальному содержанію, она воспѣваетъ союзъ двухъ существъ, которыя пламенѣютъ любовью другъ ко другу, но къ соединенію которыхъ долгое время существовали препятствія. Одно изъ этихъ существъ—самъ Соломонъ; другое—Суламита, называемая такъ, вѣроятно, какъ подруга Соломона (евр. *Шуламит*—женское прилагат. притяж. отъ *Шеломо*—Соломонъ). По формѣ изложенія, книга представляетъ драму, въ которой дѣйствующимъ, кромѣ Соломона и Суламиты, является еще хоръ, состоящій изъ «дочерей Іерусалимскихъ».

Дѣйствіе открывается словами, въ которыхъ Суламита, и за нею хоръ дочерей іерусалимскихъ выражаетъ желаніе привлечь къ себѣ ласки царя. Царь, являясь, обращаетъ все свое вниманіе на Суламиту. „Кобылицѣ моей въ колесницѣ фараоновой я уподобилъ тебя, возлюбленная моя. Прекрасны ланиты подъ подвѣсками, шея твоя въ ожерельяхъ. О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна“!... На эту похвалу возлюбленная отвѣчаетъ: „Доколѣ царь былъ за столомъ своимъ, нардъ мой издавалъ благовоніе свое. Мирровый пучекъ—возлюбленный мой у меня; у грудей моихъ пребываетъ. Какъ кисть кипера, возлюбленный мой у меня въ виноградникахъ энгедскихъ... О, ты прекрасенъ, возлюбленный мой, и любезенъ! и ложе у насъ—зелень; кровли домовъ нашихъ—кедры, потолки наши—кипарисы“. Послѣднія слова вводятъ насъ въ обстановку сельской жизни среди сада, среди деревьевъ. Возлюбленный съ возлюбленною испытываютъ счастіе взаимнаго союза

въ этой обстановкѣ. Повидимому, въ объясненіе этой обстановки, въ концѣ книги замѣчено: „Виноградникъ былъ у Соломона въ Ваалъ-Гамонѣ“. „Мой виноградникъ у меня при себѣ“,—заявляетъ „жительница садовъ“—Суламита. Но она не сберегла виноградника, порученнаго ея надзору.—Во второмъ актѣ драмы Суламита ночью на ложѣ своемъ ищетъ того, котораго любитъ душа ея“,—ищетъ и не находитъ. Идетъ по улицамъ и площадямъ и, нашедши своего возлюбленнаго, приводитъ его въ домъ своей матери.—Слѣдующія затѣмъ сцены представляютъ царя Соломона на богато украшенныхъ носилкахъ, въ „вѣнцѣ, которымъ увѣнчала его мать въ день его бракосочетанія, въ день радостный для сердца его“. Царь осыпаетъ похвалами красоту своей возлюбленной, которая „плѣнила его сердце“: „Глаза твои голибиные подъ кудрями твоими; волоса твои, какъ стадо козъ, сходящихъ съ горы Галаадской, зубы твои, какъ стадо выстриженныхъ овецъ, выходящихъ изъ купальни, изъ которыхъ у каждой пара ягнятъ, и безплодной нѣтъ между ними; какъ лента алая, губы твои, и уста твои любезны; какъ половинки гранатоваго яблока ланиты твои подъ кудрями твоими. Шея твоя, какъ столпъ Давидовъ, сооруженный для оружій, тысяча щитовъ виситъ на немъ—все щиты сильныхъ. Два сосца твои, какъ двойни молодой серны, пасущіяся между лиліями... Запертый садъ—сестра моя, невѣста... Поднимись, вѣтеръ, съ сѣвера и принесись съ юга, повѣй на садъ мой,—и польются ароматы его“. Невѣста отвѣчаетъ: „Пусть придетъ возлюбленный мой въ садъ свой и вкушаетъ сладкіе плоды его“.—Третій актъ представляетъ возлюбленную опять въ разлукѣ съ милымъ Она спитъ, а сердце ея бодрствуетъ. Во снѣ она слышитъ голосъ возлюбленнаго: „Отвори мнѣ, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя!“ Еще не совсѣмъ проснувшись, она въ нерѣшительности думаетъ, что она не одѣта. Но возлюбленный чрезъ скважину двери рукой своей касается ея. „И внутренность моя взволновалась отъ него... Я встала, отперла возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушелъ. Души во мнѣ не стало, когда онъ говорилъ; я искала его и не находила, звала его и онъ не отзывался мнѣ“. Она не находитъ его, но тѣмъ болѣе горячо восхваляетъ его достоинства предъ дочерьми іерусалимскими. И возлюбленный говоритъ о ней: „Единственная она, голубица моя, чистая моя“.—Четвертый актъ начинается выраженіемъ изумленія дочерей іерусалимскихъ: „кто это блистающая какъ заря, прекрасная какъ луна, свѣтлая какъ солнце, грозная какъ полки съ знаменами?“ Она сходитъ въ орѣховый садъ и приглашаетъ туда же друга своего. Но ихъ союзъ все еще не можетъ состояться. „О, еслибъ ты былъ мнѣ братъ, сосавшій грудь матери моей! тогда я, встрѣтивъ тебя на улицѣ, цѣловала бы тебя, и меня не осуждали бы. Повела бы я тебя, привела бы тебя въ домъ матери моей. Ты училъ бы меня, а я поила бы тебя ароматнымъ виномъ, сокомъ гранатовыхъ яблоковъ моихъ“...—Пятый актъ драмы могъ бы быть озаглавленъ: „торжество любви“. Хоръ возглашаетъ: „Кто это восходитъ отъ пустыни, опираясь на своего возлюбленнаго?“ Радость возсоединенія нечужда опасенія новой разлуки; но это опасеніе вызываетъ тѣмъ болѣе горячее желаніе прочности союза. „Положи меня, какъ печать, на сердце твое, какъ перстень на руку твою: ибо крѣпка, какъ смерть, любовь; люта какъ преисподняя ревность; стрѣлы ея—стрѣлы огненныя; она пламень весьма сильный“.

Въ послѣ-библейское время евреи стали читать книгу «Пѣснь Пѣсней» въ праздникъ пасхи, установленной въ память выхода народа изъ Египта и заключенія завѣта между Богомъ и народомъ. Ее стали читать въ этотъ день, очевидно, потому, что видѣли связь между

содержаніемъ книги и вспоминаемымъ въ праздникъ событіемъ. Мнѣніе, что книга воспѣваетъ союзъ Бога съ человѣкомъ, установленный для спасенія и прославленія послѣдняго, возникло не въ послѣбиблейское только время, а основано на сопоставленіи содержанія книги съ другими мѣстами ветхозавѣтной писмености, смыслъ которыхъ яснѣе, чѣмъ въ книгѣ «Пѣснь Пѣсней». Уже въ моисеевыхъ книгахъ объ идолопоклонствѣ евреевъ говорится, какъ о «блудномъ хожденіи» ихъ вслѣдъ другихъ боговъ (Лев., 17, 7; 20, 5, 6). Финикійское идолопоклонство, какъ и вообще хананейское, часто сопровождалось чувственнымъ развратомъ, который сталъ до такой степени характеристиченъ для этого идолопоклонства, что поклоняться, напр., Ваалу и блудить вслѣдъ Ваала—эти два выраженія стали тожественны по смыслу. Напротивъ, служеніе народа истинному Богу представлялось евреямъ, какъ законное сожитіе жены съ мужемъ. «Я сочетался съ вами», говоритъ Богъ еврейскому народу чрезъ пророка Іеремію. Оттого въ книгѣ «Пѣснь Пѣсней» видятъ описаніе союза, которымъ Богъ «сочетался» съ своимъ народомъ. Когда народъ, вышедши изъ Египта, послѣдовалъ руководству Іеговы и пошелъ чрезъ пустыню въ неизвѣстную ему страну, то—по выраженію пророка—онъ обнаруживалъ «дружество и любовь невѣсты», восторженное настроеніе первой любви. Но, поселившись въ обѣтованной землѣ, онъ не разъ «удалялся» отъ Іеговы и «ходилъ за суетою», т.-е. покланялся идоламъ. И Богъ «скрывалъ лице свое отъ него въ тотъ день за всѣ беззаконія его, которыя онъ дѣлалъ, обращаясь къ инымъ богамъ» (ср. Второз., 31, 18). Онъ прекращалъ на время свое попеченіе о благѣ народа, и народъ страдалъ или отъ внѣшнихъ враговъ—сосѣднихъ народовъ, или отъ внутреннихъ бѣдствій—засухи и т. п. Тогда народъ вспоминалъ Іегову и говорилъ словами псалмопѣвца: «для чего скрываешь лице твое, забываешь скорбь нашу и угнетеніе наше?» (Пс. 43, 25). Но покаяніе не было глубоко и продолжалось недолго. Торжество союза между Іеговой и народомъ отдалялось. Оно не стало еще совершившимся событіемъ не только во время Соломона, но и въ теченіе всего ветхозавѣтнаго періода. «Пѣснь Пѣсней» считается въ православной церкви пророчественною пѣснью въ томъ смыслѣ, что союзъ Бога съ его народомъ представляетъ укрѣпившимся, наконецъ, послѣ неоднократныхъ временныхъ разрывовъ.

VI. Высокое нравственное значеніе и вліяніе пророковъ.—Формы и содержаніе пророческихъ рѣчей.—Пророки Іоиль и Амосъ.—Книга пророка Авдія.—Пророки Іона и Осія.

Дѣятельность учениковъ пророческихъ училищъ, основанныхъ пророкомъ Самуиломъ, не ограничивалась ихъ участіемъ въ состав-

леніи исторіи еврейскаго народа и священныхъ пѣсней. Гораздо болѣе вліянія имѣли они на жизнь народа въ качествѣ учителей, являвшихся съ словомъ утѣшенія или угрозы, какъ передъ отдѣльными лицами, такъ и передъ народными собраніями. Въ этомъ отношеніи они слѣдовали примѣру Самуила, который не разъ упрекалъ и царя и народъ въ непослушаніи заповѣдямъ. Чтобы явиться такимъ общественнымъ дѣятелемъ, нужно было непреклонное убѣжденіе въ своемъ призваніи къ тому, сознаніе въ себѣ достаточныхъ къ тому силъ,—необходимо было, наконецъ, большое мужество. Какъ самъ Самуилъ первоначально былъ призванъ Іеговой возвѣстить первосвященнику Илію наказаніе за его слабость къ дѣтямъ, и только послѣ того, по дѣйствіямъ Самуила, узналъ весь израиль, что онъ «удостоенъ быть пророкомъ господнимъ»: такъ и позднѣйшіе пророки сохраняютъ сознаніе, что Іегова самъ призвалъ ихъ возвѣщать его волю. Это призваніе принималось не безъ борьбы съ сознаніемъ человѣческой слабости, которымъ проникнуты пророки. «Я человѣкъ съ нечистыми устами»,—сознается пророкъ Исаія. «О Господи Боже! Я не умѣю говорить, ибо я еще молодъ»,—восклицаетъ пророкъ Іеремія. Но тотъ же Іеремія позднѣе уже исповѣдуется передъ Іеговой: «Ты влекъ меня, Господи, и я увлеченъ; ты сильнѣе меня, и превозмогъ; и я каждый день въ посмѣяніи, всякій издѣвается надо мною... И подумалъ я: не буду... болѣе говорить во имя его; но было въ сердцѣ моемъ, какъ бы горящій огонь, заключенный въ костяхъ моихъ, и я истомился, удерживая его, и не могъ». Не отъ своего имени и не своею силой говорили пророки. Они увѣрены, что «съ ними Господь, какъ сильный ратоборецъ» (Іер. 20, 11). И эта увѣренность придаетъ имъ столько мужества, что они переносятъ заключеніе подъ стражу, томятся въ грязныхъ ямахъ и т. под., и все-таки не перестаютъ говорить ту правду, за которую такъ страдаютъ. Находясь подъ вліяніемъ невидимой, но непреодолимой силы, пророки приравнивались иногда народомъ къ «неистовствующимъ людямъ» (Іер. 29, 26). Значитъ, они и во внѣшнемъ своемъ видѣ и во внѣшнихъ своихъ дѣйствіяхъ обнаруживали особенное возбужденіе. Проникнутые сознаніемъ важности тѣхъ мыслей, которыя они передаютъ народу, пророки нерѣдко сопровождаютъ свои слова тѣми или другими необыкновенными, поразительными, дѣйствіями. Пророкъ Исаія, ходя нагой и босой въ теченіе трехъ лѣтъ, говорилъ: «Такъ поведетъ царь ассирійскій плѣнниковъ изъ Египта и переселенцевъ изъ Эѳіопіи, молодыхъ и старыхъ, нагими и босыми и съ обнаженными чреслами въ посрамленіе Египту». Пророкъ Іеремія, разбивая глиняный сосудъ въ долинѣ сыновей Енномовыхъ, говорилъ сопровождавшимъ его старѣйшинамъ: «Такъ говоритъ Господь Саваоѳъ: такъ сокрушу я этотъ

народъ и этотъ городъ»... Притчи—весьма обыкновенная также форма, въ которой пророки выражаютъ свои мысли о любви Іеговы къ народу, о заботливости, съ которою онъ охраняетъ свой народъ, о гнѣвѣ, которымъ онъ поражаетъ его. Предметы и явленія природы даютъ пророкамъ краски для наиболѣе понятнаго и нагляднаго выраженія ихъ мыслей. Такъ или иначе они выражаютъ свои мысли, но всегда говорятъ, что это мысли и слова Іеговы. «Было слово господне ко мнѣ», «такъ сказалъ Господь»—таково обыкновенно начало пророческихъ рѣчей.

Что касается предмета пророческихъ рѣчей, то онѣ касаются судьбы какъ евреевъ, такъ и всѣхъ прочихъ народовъ, особенно тѣхъ, которые находились въ какихъ либо сношеніяхъ съ евреями. И между пророками продолжаетъ сохранять значеніе мысль, что въ сѣмени Авраама, Исаака и Іакова благословятся всѣ народы земли. Іегова прольетъ свой гнѣвъ на народы, не знающіе его; онъ накажетъ ихъ за то, что они въ евреяхъ не хотѣли почтить избранный народъ и хотѣли совсѣмъ уничтожить его. Но съ теченіемъ времени всѣ эти народы станутъ искать того пути истины, который указанъ въ законѣ божіемъ. Они обратятся къ Богу Израилеву и рѣшатся неизмѣнно слѣдовать его закону.

Старшій изъ пророковъ, рѣчи которыхъ въ Библіи составляютъ отдѣльныя книги, былъ Іоиль. Поводомъ къ произнесенію его рѣчи послужило страшное бѣдствіе, постигшее Іудею, именно нашествіе саранчи. Въ восточныхъ странахъ извѣстны главнымъ образомъ два вида саранчи, одинъ $1\frac{1}{2}$ дюйма длиною, другой 2 дюйма. Тотъ и другой видъ выходятъ изъ яичекъ, которыя самка кладетъ съ осени въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ. Въ концѣ апрѣля или началѣ мая слѣдующаго за тѣмъ года изъ яичекъ выходятъ насѣкомыя, сначала не имѣющія крыльевъ. Движеніе ихъ впередъ по прямому направленію продолжается съ страшною настойчивостію, не можетъ быть ничѣмъ задержано. Они перелѣзаютъ чрезъ заборы, движутся по дорогамъ, не отступая ни предъ людьми, ни предъ скотомъ, ни предъ колесницами. «Какъ борцы бѣгутъ они, и какъ храбрые воины влѣзаютъ на стѣну, и каждый идетъ своею дорогой, и не сбивается съ путей своихъ. Не давятъ другъ друга, каждый идетъ своей стезей, и падаютъ на копья, но остаются невредимы. Бѣгаютъ по городу, поднимаются на стѣны, влѣзаютъ на дома, входятъ въ окна, какъ воръ». Такъ описываетъ пророкъ Іоиль это движеніе еще безкрылой саранчи, особенно прожорливой, такъ какъ она находится въ состояніи роста. Въ 4—5 недѣль насѣкомыя выростаютъ совершенно, и у нихъ образуются крылья, съ помощію которыхъ они начинаютъ летать. Поднявшись къ верху, они составляютъ густыя тучи, заслоняющія со-

бою свѣтъ небесный и распространяющія на землѣ мракъ. «День тьмы и мрака, день облачный и туманный... Предъ ними потрясется земля, поколеблется небо; солнце и луна помрачатся, и звѣзды потеряютъ свой свѣтъ». Ползая или летая, саранча истребляетъ все, что зелено и не слишкомъ твердо. Такихъ злачныхъ растеній, какъ полевыя нивы, послѣ саранчи какъ не существовало. «Пришелъ на землю мою народъ сильный и безчисленный; зубы у него—зубы львиные, и челюсти у него какъ у львицы. Опустошилъ онъ виноградную лозу мою, и смоковницу мою обломалъ, ободралъ ее до гола, и бросилъ; сдѣлались бѣлыми вѣтви ея... Опустошено поле, сѣтуетъ земля; потому что истребленъ хлѣбъ, высохъ виноградный сокъ, завяла маслина. Краснѣйте отъ стыда, земледѣльцы, рыдайте, виноградари, о пшеницѣ и ячменѣ, потому что погибла жатва въ полѣ. Засохла виноградная лоза, и смоковница завяла; гранатовое яблоко, пальма и яблонь, всѣ дерева въ полѣ посохли»... Словомъ, «передъ нимъ (предъ саранчею) земля какъ садъ эдемскій, а позади его будетъ опустошенная степь, и никому не будетъ спасенія отъ него».

Въ дни такого бѣдствія является пророкъ съ своимъ увѣщаніемъ къ народу:

Вострубите трубою на Сіонѣ, назначьте постъ, и объявите торжественное собраніе... Между притворомъ и жертвенникомъ да плачутъ священники, служители господни, и говорятъ: пощади, Господи, народъ твой, не предай наслѣдія твоего на поруганіе, чтобы не издѣвались надъ нимъ народы"... „И тогда возревнуетъ Господь о землѣ своей, и пощадитъ народъ свой". Вѣтеръ унесетъ саранчу въ море частію восточное (Мертвое), частію западное (Средиземное). Ниспосланный Богомъ дождь возбудитъ производительную силу земли, и она дастъ плодъ свой. Но прекращеніе временнаго бѣдствія не составляетъ всего, чего желаетъ пророкъ для своего народа. Онъ не перестаетъ думать о духовно-нравственномъ благѣ этого народа, о его вѣчномъ благословеніи отъ Бога, о его спасеніи и о спасеніи вмѣстѣ съ нимъ всѣхъ народовъ. „Будетъ послѣ того, говоритъ Господь, излію отъ духа моего на всякую плоть, и будутъ пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцамъ вашимъ будутъ сниться сны, и юноши ваши будутъ видѣть видѣнія. И также на рабовъ и на рабынь въ тѣ дни излію отъ духа моего... И будетъ, всякій, кто призоветъ имя Господне, спасется; ибо на горѣ Сіонѣ и въ Іерусалимѣ будетъ спасеніе, какъ сказалъ Господь, и у остальныхъ, которыхъ призоветъ Господь".

Но прежде чѣмъ совершится это всеобщее спасеніе, произведетъ Господь судъ надъ народами „за наслѣдіе свое, израиля". Пророкъ вспоминаетъ страданія іудеевъ отъ различныхъ ихъ сосѣдей. „Тиръ, Сидонъ и всѣ округи филистимскіе... взяли серебро" Господне „и золото, и наилучшія драгоцѣнности внесли въ капища" свои „и сыновъ Іуды и сыновъ Іерусалима продавали сынамъ эллиновъ". „Пусть" же „воспрянутъ народы, и низойдутъ въ долину Іосафата; ибо тамъ я (Господь) возсяду, чтобы судить всѣ народы отвсюду."

Страданія іудеевъ отъ сосѣднихъ народовъ, которымъ Іегова угрожаетъ за то своимъ судомъ, относятся, вѣроятно, ко времени между-

царствія, послѣ умерщвленія Амасіи и до восшествія на іерусалимскій престолъ Озіи или Азаріи. Враги Іуды воспользовались безначаліемъ, продолжавшимся въ Іудеѣ лѣтъ двѣнадцать. Въ то время, какъ іерусалимскіе вельможи оспаривали другъ у друга власть, филистимляне, финикіяне, эдомитяне и египтяне, одни за другими или всѣ вмѣстѣ, сдѣлали нападеніе на Іудею. Если такъ, то Іоиль являлся съ своею проповѣдью въ первые годы царствованія Озіи (809—757 г. до Р. Хр.).

Къ тому же несомнѣнно времени относится пророческая дѣятельность и Амоса. По мѣсту своего происхожденія, этотъ пророкъ принадлежалъ Іудеѣ. Родомъ изъ Ѳекои, одного изъ тѣхъ небогатыхъ пастбищъ, которыя оазисами разсыпаны по плоской возвышенности Іудейской пустыни, Амосъ пасъ первоначально скотъ, притомъ вѣроятно чужой скотъ. Онъ былъ бѣдный человѣкъ и велъ жизнь самую простую и исполненную лишеній. По его собственнымъ словамъ, онъ питался сикоморами, растительными плодами, требующими большого ухода для того, чтобы имъ стать удобоснѣдаемыми, и послѣ того все-таки крайне неудобоваримыми. Онъ говоритъ также о себѣ, что не былъ и пророкомъ или сыномъ пророческимъ, т.-е. не учился въ какомъ-либо изъ пророческихъ училищъ, которыя вели свое начало отъ Самуила. Живя среди природы, онъ предавался мыслямъ объ Іеговѣ и его отношеніи къ человѣчеству вообще и избранному народу въ частности, о могуществѣ и любви божіихъ. Наблюдая явленія природы и картины сельской жизни, онъ видѣлъ въ этихъ явленіяхъ и картинахъ намеки и напоминанія тѣхъ истинъ, которыя узнавалъ, или слушая левитовъ, иногда путешествовавшихъ по Іудеѣ съ книгой закона, или присутствуя при чтеніи закона по праздникамъ, или, наконецъ, путемъ устнаго преданія, жившаго въ извѣстной части народа со временъ Моисея. На оазисѣ среди пустыни, поверхность которой весьма гориста, — среди пустыни, восточныя части которой были мѣстомъ происхожденія горячаго вѣтра, чувствительнаго и томительнаго особенно на открытыхъ мѣстахъ пастбищъ, подобныхъ Ѳекоѣ, Амосъ думалъ о томъ Іеговѣ, который образуетъ горы, и творитъ вѣтеръ... и шествуетъ превыше земли. Любуясь звѣзднымъ небомъ, особенно свѣтлымъ въ темныя южныя ночи, онъ съ благоговѣніемъ помышлялъ о «томъ, кто сотворилъ семизвѣздіе и Оріонъ, и претворяетъ смертную тѣнь въ ясное утро». О немъ же помышлялъ ѳекойскій пастухъ Амосъ и во время тѣхъ ливней, которые рѣдко падаютъ въ пустынѣ іудейской, но производятъ тѣмъ большее впечатлѣніе. «Кто призываетъ воды морскія и разливаетъ ихъ по лицу земли?—Господь имя ему».

Принадлежа по происхожденію къ іудейскому царству, пророкъ

Амосъ былъ призванъ проповѣдывать сначала въ израильскомъ царствѣ. Взявъ его отъ овецъ, Iегова сказалъ ему: «Иди, пророчествуй къ народу моему, израилю». Явившись въ Самарiю, строгiй, суровой жизни, пастухъ, питавшiйся сикоморами, пораженъ былъ роскошною жизнiю самарянъ. Онъ увидѣлъ, гдѣ начало этой роскоши, кто ея главный виновникъ и какiя тяжкiя послѣдствiя для народа влечетъ за собой эта роскошь. «Слушайте слово это, телицы васанскiя, которыя на горѣ самарiйской, вы, притѣсняющiя бѣдныхъ, угнетающiя нищихъ, говорящiя господамъ (т.-е. мужьямъ) своимъ: подавай, и мы будемъ пить». Онъ узналъ, что мужья, желая удовлетворить страсть своихъ женъ къ роскоши, «продаютъ праваго за серебро и бѣднаго за пару сандалiй», «попираютъ бѣднаго и берутъ отъ него подарки хлѣбомъ», «насилiемъ и грабежомъ собираютъ сокровища въ чертоги свои»...«судъ превращаютъ въ отраву, и правду повергаютъ на землю». Iеровоамъ II, израильскiй царь изъ династiи Амврiя, не оставлялъ грѣха, въ которой ввелъ израиля Iеровоамъ I. На южной границѣ царства, въ Веѳилѣ, не только продолжалось поклоненiе золотому тельцу, но этотъ телецъ былъ объявленъ «царскою святыней». Самъ царь любилъ тамъ бывать и построилъ себѣ тамъ домъ. Зная, какъ много политика израильскихъ царей была виновна въ поклоненiи израильтянъ золотому тельцу, Амосъ не щадитъ самого Iеровоама въ его резиденцiи:

„Возстану съ мечемъ и противъ дома Iеровоамова", грозитъ Iегова его устами. Народъ, охотно слѣдовавшiй за своими царями по пути грѣха, „непремѣнно отведенъ будетъ плѣннымъ изъ земли своей". „Непрiятель" наводнитъ страну, „низложитъ могущество твое, и ограблены будутъ чертоги твои". Женщины, изъ страсти къ роскоши побуждавшiя своихъ мужей къ неправдамъ и насилiю, — и на нихъ „придутъ дни, когда повлекутъ ихъ крюками... И сквозь проломы стѣнъ выйдете, каждая, какъ случится, и бросите все убранство чертоговъ, говоритъ Господь". Народъ будетъ истерзанъ, какъ терзается домашнее животное хищнымъ звѣремъ: „какъ иногда пастухъ исторгаетъ изъ пасти львиной двѣ голени или часть уха, такъ спасены будутъ сыны израилевы".... Избѣгнетъ рукъ непрiятельскихъ и рабства въ плѣну самая незначительная часть. „Городъ, выступавшiй тысячею, останется только съ сотнею, и выступившiй сотнею, останется съ десяткомъ у дома израилева". Жившiй обыкновенно внѣ города, болѣе чѣмъ съ городами знакомый съ полями и виноградниками, отъ которыхъ зависѣли жизнь и благосостоянiе жителей всей страны, Амосъ не могъ не говорить о впечатлѣнiи, какое будутъ производить эти поля и виноградники послѣ нашествiя непрiятеля. „На всѣхъ улицахъ будетъ плачъ, и на всѣхъ дорогахъ будутъ восклицать: увы, увы! и призовутъ земледѣльца сѣтовать и искусныхъ въ плачевныхъ пѣсняхъ плакать. И во всѣхъ виноградникахъ будетъ плачъ, ибо я пройду среди тебя, говоритъ Господь"... „Приготовься къ срѣтенiю Бога твоего, израиль!" Наказанiе „алчущихъ поглотить бѣдныхъ и погубить нищихъ" близко. „Такое видѣнiе открылъ мнѣ Господь Богъ,—объясняетъ Амосъ:—вотъ корзина съ спѣлыми плодами. И сказалъ онъ: что ты видишь, Амосъ? Я отвѣтилъ: корзину съ спѣ

лыми плодами. Тогда Господь сказалъ мнѣ: Приспѣлъ конецъ народу моему израилю; не буду болѣе прощать ему".

Въ царствованіе Іеровоама II израильское царство процвѣтало и расширялось только благодаря военнымъ доблестямъ царя. Нравственная жизнь народа не стояла ни въ какой связи съ этими процвѣтаніемъ и расширеніемъ. Ничтожный сынъ Іеровоама, Захарія, палъ отъ руки заговорщика Селлума, съ котораго начинается рядъ царей, овладѣвавшихъ самарійскимъ престоломъ чрезъ убійство предшественниковъ. Сосѣди воспользовались этою непрочностью власти въ Самаріи, и наиболѣе сильные изъ нихъ — ассиріяне—скоро сдѣлали то дѣло, которымъ угрожалъ израильскому царству Амосъ.

Веѳильскій жрецъ, Амасія, находя, что Амосъ своею проповѣдью производитъ возмущеніе противъ израильскаго царя среди дома израилева, сказалъ пророку: «Провидецъ, пойди и удались въ землю Іудину; тамъ ѣшь хлѣбъ, и тамъ пророчествуй». Въ Іудеѣ Амосъ увидѣлъ между жителями городовъ туже роскошь, соединенную съ наклонностью къ насилію надъ слабыми и бѣдными, которая поразила его и въ Самаріи:

„Вы, которые день бѣдствія считаете далекимъ, и приближаете торжество насилія; вы, которые лежите на ложахъ изъ слоновой кости, и нѣжитесь на постеляхъ вашихъ; ѣдите лучшихъ овновъ изъ стада и тельцовъ съ тучнаго пастбища... пьете изъ чашъ вино, мажетесь наилучшими мастями... Горе безпечнымъ на Сіонѣ!.. Клянется Господь Богъ самимъ собою и такъ говоритъ:.. гнушаюсь высокомѣріемъ Якова, и ненавижу чертоги его"... Но Іудино колѣно было избраннымъ между колѣнами; на немъ по преимуществу почивало благословеніе Іеговы. Когда страну его пожирала саранча и томила засуха, пророкъ молился: „Господи Боже! останови; какъ устоитъ Яковъ? онъ очень малъ". На Іудею, въ междуцарствіе послѣ смерти Амасіи и до воцаренія Озіи, напали враги—сосѣдніе народы: Эдомъ, бывшій при Амасіи подъ властію Іуды, свергъ теперь съ себя его иго, „преслѣдовалъ брата своего мечомъ, подавилъ чувства родства"... Филистимляне вывели всѣхъ въ плѣнъ, чтобы передать ихъ Эдому. Финикіяне, торговый народъ, также „не вспомнили братскаго союза" съ Іудою и принимали участіе въ торговлѣ плѣнными іудеями; покупая ихъ отъ филистимлянъ, перепродавали тому же Эдому. Всѣмъ этимъ врагамъ Іуды угрожаетъ Іегова черезъ Амоса, каждый разъ начиная свои угрозы одними и тѣми же словами: „За три преступленія Дамаска (Газы, Азота, Тира, Эдома, сыновъ Аммоновыхъ, Моава) и за четыре не пощажу его"... „Очи Господа Бога" даже на грѣшное „царство" израильское; и „домъ израилевъ разсыплетъ" Господь по всѣмъ народамъ, „какъ разсыпаютъ зерна въ рѣшетѣ". „Но домъ Якова не совсѣмъ истреблю, говоритъ Господь". „Я возстановлю скинію Давидову падшую, задѣлаю трещины въ ней, и разрушенное возстановлю, и устрою ее какъ въ дни древніе". Подается надежда и разсѣянному израилю: „Возвращу изъ плѣна народъ мой, израиля, и застроятъ опустѣвшіе города, и поселятся въ нихъ; насадятъ виноградники, и будутъ пить вино изъ нихъ, разведутъ сады, и станутъ ѣсть плоды изъ нихъ. И водворю ихъ на землѣ ихъ, и они не будутъ болѣе исторгаемы изъ земли своей, которую я далъ имъ, говоритъ Господь Богъ",

События междуцарствія, происходившія послѣ смерти Амасіи (809 г. по Р. Хр.) до воцаренія Озіи, подали поводъ къ написанію маленькой книги, извѣстной подъ именемъ пророка Авдіи. Изъ книги Амоса, отчасти также изъ книги Іоиля, видно, что въ то время, какъ іерусалимскіе вельможи спорили между собою за власть послѣ смерти убитаго ими Амасіи, идумеи не только свергли съ себя иго іудеевъ, наложенное на нихъ Амасіею, но и приняли участіе въ обидѣ, которая нанесена была іудеямъ ихъ сосѣдями. Пророкъ Авдія угрожаетъ Эдому: «За притѣсненіе брата твоего, Якова, покроетъ тебя стыдъ... Въ тотъ день, когда чужіе уводили войско его въ плѣнъ, и иноплеменники вошли въ ворота его, и бросали жребій о Іерусалимѣ, ты былъ какъ одинъ изъ нихъ». Народъ не столько воинственный, сколько торговый, идумеи приняли участіе въ раздѣлѣ добычи, которую получили враги іудеевъ, дѣйствовавшіе мечомъ. Можетъ быть, они оказали этимъ врагамъ іудеевъ какія-либо услуги мирнаго свойства; можетъ быть, они деньгами купили себѣ право участія въ раздѣлѣ добычи. Во всякомъ случаѣ, къ этому участію влекла ихъ не одна матеріальная выгода, но главнымъ образомъ злорадство несчастію недавнихъ господъ своихъ. «Не слѣдовало-бы тебѣ злорадно смотрѣть на день брата твоего.... не слѣдовало-бы радоваться о сынахъ Іуды въ день гибели ихъ, и расширять ротъ въ день бѣдствія... ни стоять на перекресткахъ для убиванія его, ни выдавать уцѣлѣвшихъ его въ день бѣдствія». Можетъ быть, пиршество идумеевъ на «святой горѣ», о которомъ говоритъ также Авдія, сопровождало тотъ же раздѣлъ добычи, полученной иноплеменниками въ Іудеѣ. «Гордость сердца твоего обольстила тебя,—упрекаетъ пророкъ Эдома отъ лица Іеговы; — ты живешь въ разсѣлинахъ скалъ, на возвышенномъ мѣстѣ, и говоришь въ сердцѣ твоемъ: кто низринетъ меня на землю? Но хотя-бы ты какъ орелъ поднялся высоко, и среди звѣздъ устроилъ гнѣздо твое; то и оттуда я низрину тебя, говоритъ Господь»... «А на горѣ Сіонѣ будетъ спасеніе, и будетъ она святынею; и домъ Якова получитъ во владѣніе наслѣдіе свое»... Симпатіи пророка всѣ на сторонѣ Іудеи, называемой у него, какъ и у пророка Амоса, «домомъ Якова» или «Яковомъ». Якову обѣщается вся полнота благословенія и господство не только надъ сосѣдями иноплеменными, но и надъ Ефремомъ. По всему видно, что Авдія принадлежалъ къ іудейскому царству и что его невозможно отожествлять съ тѣмъ Авдіею, который былъ «строителемъ» или управителемъ Ахавова дворца въ Самаріи. Авдія, домостроитель Ахава, и жилъ притомъ въ такое время, когда трудно указать событія, въ которыхъ можно было-бы найти поводъ къ рѣчи, содержащейся въ пророческой книгѣ Авдіи.

До сихъ поръ пророки, обѣщая израильскому народу полноту благословенія, язычникамъ угрожаютъ только гнѣвомъ Іеговы за ихъ вражду къ израилю. Но въ царствованіе Іеровоама II (825—784 до Р. Хр.) пророчествовалъ въ израильскомъ царствѣ Іона, сынъ Амаѳiинъ, наученный однимъ событіемъ своей жизни, что если израиль есть первенецъ Іеговы, то и другіе народы не чужія дѣти въ семьѣ божіей. Событіе это описано въ книгѣ, носящей въ заглавіи имя Іоны. Сущность содержанія книги состоитъ въ слѣдующемъ: Іона получилъ отъ Іеговы повелѣніе пойти «въ Ниневію, городъ великій», и проповѣдывать въ немъ: «еще сорокъ дней, и Ниневія будетъ разрушена». Іона предвидѣлъ, что ниневитяне, выслушавъ такую угрозу, покаются, и что Іегова помилуетъ ихъ. Онъ зналъ, какую грозу составляло для сосѣднихъ государствъ военное могущество Ассиріи. Еще въ 9 в. до Хр. ассирійскіе цари дѣлали походы на западъ, воевали съ Сиріей и брали дань съ городовъ финикійскихъ. Израильтяне не могли не находить ассиріянъ опасными и для себя. Ахавъ въ союзѣ съ сирійскимъ царемъ Бенадеромъ (по еврейскому произношенію — Венададомъ) потерпѣлъ даже пораженіе отъ ассирійскаго царя Салманассара II (858—829 до Р. Хр.). Предчувствіе израильтянами бѣды со стороны Ассиріи съ теченіемъ времени оправдалось и гораздо болѣе существеннымъ образомъ. Любя свой народъ, Іона уклоняется отъ исполненія повелѣнія Іеговы; онъ боится, что Ниневія сохранитъ свое существованіе на бѣду израилю. На морѣ, по которому пророкъ хотѣлъ уѣхать на кораблѣ, поднялась буря, и корабельщики жребіемъ узнаютъ въ Іонѣ человѣка, за котораго гнѣвается Богъ. Брошенный въ море и поглощенный большою рыбой, пророкъ кается и обѣщаетъ исполнить данное ему Іеговой повелѣніе. Спасенный, Іона идетъ въ Ниневію:

„И повѣрили ниневитяне Богу и объявили постъ, и одѣлись во вретища.... И пожалѣлъ Богъ о бѣдствіи, о которомъ сказалъ, что наведетъ на нихъ, и не навелъ". „Іона сильно огорчился" спасеніемъ враговъ его родного народа и просилъ себѣ смерти у Бога. За городомъ, около палатки, которую онъ построилъ себѣ тамъ, выросло необыкновенно скоро растеніе, дававшее Іонѣ отрадную тѣнь,— выросло, но и погибло также скоро. Іона изнемогалъ отъ зноя безъ тѣни, и опять огорчился. Господь сказалъ ему тогда: „Ты сожалѣешь о растеніи, надъ которымъ ты не трудился.... Мнѣ ли не пожалѣть Ниневіи, города великаго, въ которомъ болѣе ста двадцати тысячъ человѣкъ, не умѣющихъ отличить правой руки отъ лѣвой, и множество скота?"

Въ царствованіе іудейскаго царя Озіи (809—758 г. до Р. Хр.) началъ пророчествовать Осія, продолжавшій свою пророческую дѣятельность и въ три слѣдующія царствованія—Іоаѳама, Ахаза и Езекіи. Съ своею рѣчью онъ обращался по преимуществу къ сѣверному, израильскому царству. Его книга, входящая въ составъ Библіи вет-

хаго завѣта, содержитъ въ себѣ только сущность произнесенныхъ въ различное время рѣчей его къ народу. Іеровоамъ II, царствовавшій въ Самаріи въ то время, когда Осія началъ пророчествовать, своими военными успѣхами усилилъ и расширилъ израильское царство. Но онъ поддерживалъ также всею силой своего вліянія и идолопоклонство. Это идолопоклонство, несмотря на обличенія и угрозы Амоса, не только не прекращалось, но и развивалось болѣе и болѣе. Младшій современникъ Амоса, Осія, уже говоритъ: «На вершинахъ горъ они приносятъ жертвы, и на холмахъ совершаютъ кажденіе, подъ дубомъ и тополемъ и теревинѳомъ, потому что хороша отъ нихъ тѣнь; поэтому любодѣйствуютъ дочери ваши, и прелюбодѣйствуютъ невѣстки ваши. Я оставлю наказывать дочерей вашихъ, когда онѣ блудодѣйствуютъ, и невѣстокъ вашихъ, когда онѣ прелюбодѣйствуютъ, потому что вы сами на сторонѣ блудницъ, и съ любодѣйцами приносите жертвы»... Финикійское поклоненіе Астартѣ, при Ахавѣ поощрявшееся между израильтянами Іезавелью, женой Ахава, теперь снова входитъ въ обычаи народа. Дѣвушки жертвуютъ своею невинностью, замужнія женщины нарушаютъ долгъ супружеской вѣрности, желая такимъ образомъ угодить богинѣ. Этотъ оттѣнокъ идолопоклонства своихъ современниковъ пророкъ Осія указываетъ особенно характернымъ дѣйствіемъ, съ котораго началась его пророческая дѣятельность:

„Сказалъ Господь Осіи: Иди, возьми себѣ жену блудницу и дѣтей блуда; ибо сильно блудодѣйствуетъ эта земля, отступивъ отъ Господа". Называя идолослуженіе блудомъ, незаконнымъ сожительствомъ, Осія представляетъ союзъ народа съ Іеговой подъ образомъ законнаго супружества. Народъ, какъ одно цѣлое, представляется женщиной, о которой Господь говоритъ: „Она не жена моя и я не мужъ ея; пусть она удалитъ блудъ отъ лица своего и прелюбодѣяніе отъ грудей своихъ".... „Когда же ты обратишься ко мнѣ — продолжаетъ Господь свою рѣчь уже прямо къ народу, — и будешь звать меня: мужъ мой, и не будешь болѣе звать меня: Ваали"...: то „обручу тебя мнѣ на вѣкъ, и обручу тебя мнѣ въ правдѣ и судѣ, въ благости и милосердіи". Но между тѣмъ какъ это обрученіе дѣло еще будущихъ дней, въ настоящее время,—говоритъ Осія,—„судъ у Господа съ жителями этой земли; потому что нѣтъ ни истины, ни милосердія, ни богопознанія на землѣ. Клятва и обманъ, убійство и воровство и прелюбодѣйство крайне распространились и кровопролитіе слѣдуетъ за кровопролитіемъ". Исполняя повелѣніе божіе, пророкъ „пошелъ и взялъ Гомерь, дочь Дивлаима; и она зачала, и родила ему сына. И Господь сказалъ ему: Нареки ему имя Изреель, потому что еще немного пройдетъ, и я взыщу кровь Изрееля (кровь, пролитую въ Изреели Іиуемъ, когда послѣдній, овладѣвая самарійскимъ престоломъ, перебилъ всѣхъ членовъ династіи Амврія) съ дома Іиуева, и положу конецъ царству дома израилева". Родилась дочь и наречена именемъ: Лорухама (непомилованная); „ибо я,— сказалъ Господь, — уже не буду болѣе миловать дома израилева, чтобы прощать имъ". Родился еще сынъ и нареченъ: Лоамми (не мой народъ); „потому что вы не мой народъ, и я не буду вашимъ Богомъ",—объяснилъ Іегова.

Со смертью Іеровоама II не стало довольно сильной руки, которая съумѣла бы прекратить интриги партій. Захарія, сынъ Іеровоама, чрезъ шесть мѣсяцевъ по вступленіи на престолъ, былъ свергнутъ и убитъ Селлумомъ, который былъ царемъ только одинъ мѣсяцъ и убитъ Менаимомъ.

„Поставляли царей сами, безъ меня; ставили князей, но безъ моего вѣдома", говоритъ Іегова Осіи объ этомъ времени. „Они говорятъ: нѣтъ у насъ царя; ибо мы не убоялись Господа, а царь—что онъ намъ сдѣлаетъ?... Всѣ цари ихъ падаютъ, и никто изъ нихъ не взываетъ ко мнѣ". „Они пошли къ Ассуру... Ефремъ пріобрѣталъ подарками расположеніе къ себѣ... Заключаютъ они союзъ съ Ассуромъ, и въ Египетъ отвозится елей". Въ самомъ дѣлѣ, когда царь ассирійскій Фулъ пришелъ въ землю израильскую, то Менаимъ заплатилъ ему большія деньги, чтобы, руки его были за него" (4 Цар.ос 15, 19). Но, восклицаетъ Богъ устами Осіи, „погубилъ ты себя, израиль; ибо только во мнѣ опора твоя". „Горе имъ, что они удалились отъ меня; гибель имъ, что они отпали отъ меня!"

При Факеѣ, свергнувшемъ съ престола Менаимова сына и воцарившемся вмѣсто него, Феглаѳфелассаръ, царь ассирійскій, овладѣлъ сѣверною частію царства израильскаго. Лѣтъ чрезъ двадцать послѣ того Салманассаръ началъ осаду Самаріи, а Саргонъ взялъ окончательно столицу царства израильскаго. Такъ исполнялось слово Осіи объ израилѣ: «Ассуръ—онъ будетъ царемъ его, потому что они не захотѣли обратиться» къ Іеговѣ. Предсказывая такую участь израильскому царству, Осія исполненъ однакоже самаго трогательнаго сочувствія къ народу. Іегова говоритъ его устами:

„Когда израиль былъ юнъ, я любилъ его, и изъ Египта вызвалъ сына моего". Но они „приносили жертву Вааламъ, и кадили истуканамъ. Я самъ пріучалъ Ефрема ходить, носилъ его на рукахъ своихъ, и они не сознавали, что я врачевалъ ихъ. Узами человѣческими влекъ я ихъ, узами любви; и былъ для нихъ какъ бы поднимающій ярмо съ челюстей ихъ, и ласково подкладывалъ пищу имъ". Во имя этой любви божіей, Осія убѣждаетъ израиля обратиться къ Іеговѣ. Когда „Ассуръ не будетъ уже спасать" этотъ народъ, но наложитъ на него свое тяжкое ярмо: то „обратятся сыны израилевы, и взыщутъ Господа Бога своего... и будутъ благоговѣть предъ Господомъ и благостью его въ послѣдніе дни". И вотъ, „повернулось во мнѣ сердце мое; возгорѣлась вся жалость моя... Я буду росою для израиля; онъ разцвѣтетъ какъ лилія, и пустить корни свои, какъ ливанъ. Расширятся вѣтви его, и будетъ красота его, какъ маслины, и благоуханіе отъ него, какъ отъ ливана".

Іудейское царство также обращаетъ на себя, хотя и меньше, вниманіе пророка. Идолопоклонство, установленное въ израильскомъ царствѣ Іеровоамомъ I и поощряемое Іеровоамомъ II, не осталось чуждымъ и іудеямъ:

„Если ты, израиль, блудодѣйствуешь, то пусть не грѣшилъ бы Іуда, и не ходите въ Галгалъ, и не восходите въ Беѳ-авенъ, и не клянитесь: живъ Господь!" И вотъ, „и съ Іудою у Господа судъ, и онъ посѣтитъ Якова по путямъ его, воздастъ ему по дѣламъ его". „Я, говоритъ Господь, — какъ левъ для Ефрема

и какъ скименъ для дома Іудина; я, я растерзаю, и уйду; унесу и никто не спасетъ. Пойду, возвращусь въ мое мѣсто, доколѣ они не признаютъ себя виновными, и не взыщутъ лица моего". И „въ скорби своей они съ ранняго утра (неусыпно) будутъ искать меня и говорить: пойдемъ, и возвратимся къ Господу"... „И соберутся сыны іудины и сыны израилевы вмѣстѣ, и поставятъ себѣ одну главу, и выйдутъ изъ земли" переселенія. Союзъ израиля и Іуды состоится сколько во имя Господа, столькоже и подъ скипетромъ древней династіи избраннаго Іеговой Давида.

Повидимому, Осія не чуждъ мысли, что и отъ нападеній иноземцевъ могло бы спасти израиля его возсоединоніе съ Іудою. Но это возсоединеніе непремѣнно должно было бы значить возвращеніе къ узаконенной древней святынѣ.

VII. Книга пророка Исаіи.

На судьбу и нравственное состояніе іудейскаго царства въ то время, какъ въ царствѣ израильскомъ пророчествовалъ Осія, проливаетъ яркій свѣтъ книга пророка Исаіи. Осія началъ пророчествовать еще при Іеровоамѣ II, слѣдовательно раньше 38-го года царствованія іудейскаго царя Озіи, когда умеръ Іеровоамъ; а Исаія началъ пророческую дѣятельность только въ годъ смерти царя Озіи (758 г. до Р. Хр.), слѣдовательно, больше чѣмъ четырнадцать лѣтъ спустя послѣ Осіи.

Въ храмѣ, при торжественныхъ звукахъ священныхъ славословій, среди ѳиміама, поднимавшагося съ кадильнаго жертвенника, Исаія „увидѣлъ Іегову, сидящаго на престолѣ высокомъ и превознесенномъ, и края ризъ его наполняли весь храмъ. Вокругъ его стояли серафимы; у каждаго изъ нихъ по шести крылъ; двумя закрывалъ каждый лицо свое, и двумя закрывалъ ноги свои, и двумя леталъ. И взывали они другъ къ другу и говорили: Святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѳъ! вся земля полна славы его! И сказалъ я", говоритъ Исаія:—горе мнѣ, погибъ я! ибо я человѣкъ съ нечистыми устами, и живу среди народа также съ нечистыми устами,—и глаза мои видѣли царя, Господа Саваоѳа". Тогда одинъ изъ серафимовъ взялъ клещами горящій уголь съ жертвенника и „коснулся устъ моихъ и сказалъ: вотъ... беззаконіе твое удалено отъ тебя, и грѣхъ твой очищенъ". И Господь послалъ тогда Исаію говорить къ народу іудейскому, огрубѣвшему сердцемъ, ослѣпшему глазами и оглохшему ушами, не помышляющему обратиться къ Господу, чтобы онъ исцѣлилъ ихъ.

Самая ранняя изъ рѣчей, сохранившихся отъ пророка Исаіи въ книгѣ его имени, отражаетъ въ себѣ состояніе іудейскаго общества, опредѣлившееся подъ вліяніемъ событій столько же Озіина, сколько и Іоаѳамова царствованій. Озія, устроивъ у себя постоянную армію, счастливо воевалъ противъ филистимлянъ и аравитянъ, аммонитянъ безъ войны заставилъ платить себѣ дань, укрѣпилъ наконецъ Іерусалимъ; занимаясь много земледѣліемъ и поощряя его, онъ способствовалъ развитію благосостоянія народа. Овладѣвъ Элаѳомъ, горо-

домъ на берегу Эланитскаго залива Чермнаго моря, онъ открылъ для себя и іудеевъ возможность ѣздить въ Офиръ (вѣроятно, въ нынѣшней Остъ-Индіи) и привозить оттуда золото и серебро. Притокъ этихъ металловъ въ Іудею чрезъ Элаѳъ прекратился уже при Ахазѣ, когда Элаѳомъ овладѣлъ сирійскій царь Рецинъ. При Іоаѳамѣ, сынѣ и преемникѣ Озіи, не только обогащалось такимъ образомъ іудейское общество, но и продолжались счастливыя войны (съ аммонитянами) и укрѣпленіе городовъ. Военное могущество Іудеи способствовало развитію самомнѣнія, гордости въ іудеяхъ. Богатство повело къ роскоши, къ которой стали склоняться и здѣсь, какъ въ израильскомъ царствѣ, особенно женщины. Угрожая «днемъ Господа Саваоѳа», униженіемъ «всему гордому и высокомѣрному», пророкъ Исаія всего болѣе останавливается на тщеславіи іудейскихъ женщинъ, подробно описывая ихъ роскошный и сложный нарядъ:

За то, что дочери Сіона надменны, и ходятъ поднявъ шею и обольщая взорами, и выступаютъ величавою поступью, и гремятъ цѣпочками на ногахъ, оголитъ Господь темя дочерей Сіона, и обнажитъ Господь срамоту ихъ. Въ тотъ день отниметъ Господь красивыя цѣпочки на ногахъ, и звѣздочки, и луночки, серьги и ожерелья, и опахала, увясла и запястья, и пояса, и сосудцы съ духами, и привѣски волшебныя, перстни и кольца въ носу, верхнюю одежду и нижнюю, и платки и кошельки, свѣтлыя тонкія епанчи, и повязки, и покрывала. И будетъ вмѣсто благовонія зловоніе, и вмѣсто пояса будетъ веревка, и вмѣсто завитыхъ волосъ плеть, и вмѣсто широкой епанчи узкое вретище, вмѣсто красоты клеймо. Мужи твои падутъ отъ меча, и храбрые твои на войнѣ. И будутъ воздыхать и плакать ворота столицы, и будетъ она сидѣть на землѣ опустошенная. И ухватятся семь женщинъ за одного мужчину въ тотъ день, и скажутъ: свой хлѣбъ будемъ ѣсть, и свою одежду будемъ носить, только пусть будемъ называться твоимъ именемъ, сними съ насъ позоръ".

Другая рѣчь пророка, произнесенная въ тоже царствованіе Іоаѳама, начинается притчей, въ которой опредѣляется глубокая порча всей нравственной жизни іудейскаго народа.

Богъ насадилъ виноградникъ, окружалъ его самымъ тщательнымъ уходомъ, „и ожидалъ, что онъ принесетъ добрые грозды, а онъ принесъ дикія ягоды."— „Отниму у него ограду, грозитъ Господь, и будетъ онъ опустошаемъ... И оставлю его въ запустѣніи; не будутъ ни обрѣзывать, ни вскапывать его; и заростетъ онъ тернами и волчцами, и повелю облакамъ не проливать на него дождя". „Виноградникъ Господа Саваоѳа, объясняетъ Исаія, есть домъ израилевъ, и мужи Іуды—любимое насажденіе его. И ждалъ онъ правосудія, но вотъ—кровопролитіе; ждалъ правды, и вотъ вопль". Пророкъ предсказываетъ „горе прибавляющимъ домъ къ дому, поле къ полю, такъ что другимъ не остается мѣста", тѣмъ, которые „съ ранняго утра ищутъ сикеры, и до поздняго вечера разгорячаютъ себя виномъ",— тѣмъ, которые „влекутъ на себя беззаконіе вервями суетности, и грѣхъ какъ бы ремнями колесничными", тѣмъ, которые „зло называютъ добромъ, и добро зломъ, тьму почитаютъ свѣтомъ и свѣтъ тьмою, горькое почитаютъ сладкимъ, и сладкое горькимъ",—„тѣмъ, которые за подарки оправдываютъ виновнаго, и правыхъ лишаютъ законнаго"... „За то возгорится гнѣвъ Іеговы на народъ его, и простретъ

онъ руку свою на него, и поразитъ его. И подниметъ знамя народамъ дальнимъ, и дастъ знакъ живущему на краю земли, и вотъ онъ легко и скоро придетъ. Не будетъ у него ни усталаго, ни изнемогающаго; ни одинъ не задремлетъ, и не заснетъ, и не снимется поясъ съ чреслъ его, и не разорвется ремень у обуви его. Стрѣлы его заострены и всѣ луки его натянуты; копыта коней его подобны кремню, и колеса его какъ вихрь. Ревъ его какъ ревъ львицы; онъ рыкаетъ подобно скимнамъ, и зареветь и схватитъ добычу, и унесетъ, и никто не отниметъ. И зареветь на него въ тотъ день какъ бы ревъ разъяреннаго моря; и взглянетъ онъ на землю, и вотъ тьма, горе, и свѣтъ померкъ въ облакахъ".

Въ этомъ описаніи «народовъ дальнихъ» не трудно узнать ассиріянъ, хотя Исаія и не называетъ національности. При Іоаѳамѣ сила ассиріянъ была, конечно, извѣстна въ Іудеѣ; но ближайшая опасность предстояла пока еще не съ этой стороны. При Ахазѣ государство стало испытывать ударъ за ударомъ. Прежде всего на Іудею напали сиріяне и израильтяне. Сирійскій царь Рецинъ и израильскій Факей пошли на Іудею, замышляя овладѣть ею и поставить надъ нею царемъ Тавеилова сына. Подражая царямъ израильскимъ изъ династіи Амврія, Ахазъ ввелъ въ своемъ царствѣ поклоненіе Молоху, которому, по убѣжденію его поклонниковъ, нужно было приносить въ жертву дѣтей. Когда сиріяне расположились на горѣ Ефремовой, чтобы соединиться съ израильтянами и идти на Іерусалимъ, то «всколебалось сердце Ахаза и сердце народа его, какъ колеблются отъ вѣтра деревья въ лѣсу». Можетъ быть, этотъ именно страхъ внушилъ Ахазу принести своего сына въ жертву Молоху. Въ раскаленныя объятія мѣдной статуи божества положили ребенка, и онъ погибъ тутъ; но опасность отъ враговъ не уменьшалась.

Тогда является предъ царемъ пророкъ Исаія и увѣряетъ: „Не состоится и не сбудется" замыселъ сиріянъ и израильтянъ. Государи, выступившіе на войну, возвратятся съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пришли; и „если вы не вѣрите", то и не утвердитесь въ безопасности. Въ подтвержденіе „проси себѣ знаменія у Господа, Бога твоего, проси или въ глубинѣ или на высотѣ". Пророкъ указывалъ въ надеждѣ на Іегову единственное средство къ спасенію отъ враговъ. Между тѣмъ Ахазъ уже отправилъ пословъ къ Ѳеглатфелассару, царю ассирійскому, говоря: „рабъ твой и сынъ твой я, приди и защити меня отъ руки царя сирійскаго и отъ руки царя израильскаго". Надѣясь на помощь сильнѣйшаго въ то время царя, Ахазъ уклончиво отвѣтилъ на слова пророка: „Не буду просить и не буду искушать Господа". Тогда сказалъ Исаія: „Слушайте же, домъ Давидовъ! развѣ мало для васъ затруднять людей, что вы хотите затруднять и Бога моего?.. Итакъ, самъ Господь дастъ вамъ знаменіе: се Дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ сына, и нарекутъ имя ему: Эммануилъ... Прежде нежели этотъ младенецъ будетъ разумѣть отвергать худое и избирать доброе, земля та, которой ты страшишься, будетъ оставлена обоими царями ея."

Желая, повидимому, оказать помощь вѣрѣ, Исаія указываетъ такое знаменіе, которое само требуетъ къ себѣ вѣры. Но событіе, имѣющее послужить не для одного Ахаза, а для всего дома Давидова

знаменіемъ, составляло предметъ самыхъ древнихъ обѣтованій, хранителемъ которыхъ были патріархи еврейскаго народа, передавшіе ихъ потомъ въ наслѣдство дому Давидову. Эммануилъ значитъ: съ нами Богъ. Для дома Давидова, къ которому непосредственно обращается Исаія, знаменіе, указываемое имъ, значило, что милости, обѣщанной Давиду и его потомству, Іегова не отниметъ отъ послѣдняго. Если «сѣмя Давида» Іегова обѣщалъ утвердить на престолѣ его на вѣки (2 Цар. 7, 13), то Ахазъ долженъ былъ только вѣрить этому обѣщанію, чтобы считать себя совершенно безопаснымъ отъ замысловъ сиріянъ и израильтянъ. Іегова не дастъ овладѣть престоломъ Давидовымъ кому-либо не изъ рода Давидова. Не замедлитъ возстать въ этомъ родѣ лицо, которое спасетъ израиля отъ усиливающейся подавить его языческой силы.

Сирійскій и израильскій цари были вынуждены отступить отъ Іерусалима, получивъ извѣстіе о нападеніи на ихъ земли царя ассирійскаго. Враговъ Іудеи отвлекъ царь ассирійскій; но пророкъ Исаія не ожидалъ отъ царя ассирійскаго ничего добраго и для самой Іудеи. Рѣчь, въ которой онъ высказывается по этому предмету, представляетъ нѣкоторыя своеобразныя черты, понятныя только жителю такой, почти тропической страны, какъ Палестина. Въ сухія времена года не только ручьи, но и небольшія рѣки высыхаютъ, и вода становится сколько необходимою и желанною для утоленія усиливающейся отъ зноя жажды, столько же и рѣдкою. За-то въ дождливыя времена не только рѣки, но и ручьи превращаются въ бурные потоки и производятъ нерѣдко значительныя разрушенія. Для жителя Палестины небольшой ручей, не высыхающій и въ сухое время года, могъ служить понятнымъ символомъ своевременной и желанной помощи, а бурный потокъ—символомъ разрушительной силы. Миріады насѣкомыхъ, наполняющія воздухъ послѣ дождей и не дающія людямъ покоя, также могли быть понятнымъ символомъ многочисленнаго непріятельскаго войска, вторгающагося въ страну. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, понятны будутъ слѣдующія слова, произнесенныя пророкомъ Исаіей объ іудеяхъ, только-что проводившихъ изъ своей страны Рецина и Факея, которымъ притомъ нѣкоторые іудеи изъявили даже свою преданность:

„За то, что этотъ народъ пренебрегаетъ водами Силоама, текущими тихо, и восхищается Рециномъ и сыномъ Ремаліинымъ, наведетъ на него Господь воды рѣки бурныя и большія — царя ассирійскаго со всею славою его; и поднимется она во всѣхъ протокахъ своихъ, и выступитъ изъ всѣхъ береговъ своихъ; и пойдетъ по Іудеѣ, наводнитъ ее, и высоко поднимется, дойдетъ до шеи, и распростертіе крыльевъ ея будетъ во всю широту земли твоей, Эммануилъ"…. „И будетъ въ тотъ день, дастъ знакъ Господь мухѣ, которая при устьѣ рѣки египетской, и пчелѣ, которая въ землѣ ассирійской. И прилетятъ, и усядутся всѣ онѣ по доли-

намъ опустѣлымъ, и по разсѣлинамъ скалъ, и по всѣмъ колючимъ кустарникамъ, и по всѣмъ деревамъ. Въ тотъ день обрѣетъ Господь бритвой, нанятою по ту сторону рѣки, царемъ ассирійскимъ, голову и волоса на ногахъ, и даже отниметъ бороду. И будетъ въ тотъ день, кто будетъ содержать корову и двухъ овецъ, по изобилію молока, которое онѣ дадутъ, будетъ ѣсть масло; масломъ и медомъ будутъ питаться всѣ, оставшіеся въ этой землѣ. И будетъ въ тотъ день, на всякомъ мѣстѣ, гдѣ росла тысяча виноградныхъ лозъ на тысячу сребренниковъ, будетъ терновникъ и колючій кустарникъ.... Вся земля будетъ терновникомъ и колючимъ кустарникомъ".

Въ такихъ чертахъ представлялось пророку состояніе страны іудейской послѣ того, какъ уйдутъ изъ нея сиріяне и израильтяне, и царь ассирійскій, приглашенный Ахазомъ на помощь, вмѣсто того «будетъ ему въ тягость». Къ этой «тягости» должно было присоединиться нападеніе народцевъ, сосѣднихъ съ Іудеей, радовавшихся кровавымъ раздорамъ двухъ одноплеменныхъ государствъ.

„Слово посылаетъ Господь на Якова, и оно нисходитъ на израиля, чтобы зналъ весь народъ Ефрема и жители Самаріи, которые съ гордостью и надменнымъ сердцемъ говорятъ: кирпичи пали, построимъ изъ тесанаго камня; сикоморы вырублены, замѣнимъ ихъ кедрами. И воздвигнетъ Господь противъ него.... Эдома*) съ востока, и филистимлянъ съ запада; и будутъ они пожирать израиля полнымъ ртомъ. При всемъ этомъ не отвратится гнѣвъ его, и рука его еще простерта. Но народъ не обращается къ біющему его, и къ Господу Саваоѳу не прибѣгаетъ. И отсѣчетъ Господь у израиля голову и хвостъ, пальму и трость въ одинъ день (старый и знатный -это голова, а пророкъ - лжеучитель есть хвостъ). И вожди этого народа введутъ его въ заблужденіе, и водимые ими погибнутъ.... Ибо беззаконіе какъ огонь разгорѣлось; пожираетъ терновникъ и колючій кустарникъ, и пылаетъ въ чащахъ лѣса, и поднимаются столбы дыма. Ярость Господа Саваоѳа опалитъ землю, и народъ сдѣлается какъ бы пищею огня; не пощадитъ человѣкъ брата своего. И будутъ рѣзать по правую сторону, и останутся голодны; и будутъ ѣсть по лѣвую, и не будутъ сыты; каждый будетъ пожирать плоть мышцы своей, Манасія Ефрема и Ефремъ Манасію, оба вмѣстѣ Іуду. При всемъ томъ не отвратится гнѣвъ его, и рука его еще простерта."

Пророкъ говоритъ объ израилѣ и іудѣ вмѣстѣ и показываетъ, какъ будетъ гибельна для нихъ обоихъ ихъ междоусобная вражда, какъ ослабляя себя взаимно, они навлекаютъ на себя еще бо́льшую бѣду отъ сосѣднихъ народовъ.

Первая глава книги пророка Исаіи, входящей въ составъ нашей Библіи, содержитъ въ себѣ рѣчь, въ которой объ опустошеніи, произведенномъ въ іудейской странѣ сирійцами, израильтянами, ассиріянами эдомитянами и филистимлянами, говорится уже какъ о совершившемся событіи:

„Во что васъ бить еще, продолжающіе свое упорство? Вся голова въ язвахъ, и все сердце исчахло. Отъ подошвы ноги до темени головы нѣтъ у него здоро-

*) Имя Эдома стоитъ здѣсь по сирійскому переводу *пешито*, чтеніе котораго въ этомъ случаѣ оказывается согласнымъ съ показаніемъ 2 Пар. 28, 17.

ваго мѣста; язвы, пятна, гноящіяся раны, неочищенныя и необвязанныя, и не смягченныя елеемъ. Земля ваша опустошена; города ваши сожжены огнемъ; поля ваши въ вашихъ глазахъ съѣдаютъ чужіе; все опустошено, какъ послѣ разоренія чужими. И осталась дочь Сіона, какъ шатеръ въ виноградникѣ, какъ шалашъ въ огородѣ"...

Однажды приглашенный въ Палестину, царь ассирійскій хотѣлъ упрочить въ ней свое политическое вліяніе и даже утвердить надъ ней свою верховную власть. Малодушный Ахазъ пошелъ самъ на встрѣчу его замысламъ. Взявъ сокровища изъ храма, изъ своего дворца и даже у своихъ вельможъ, онъ отправился лично со всѣмъ этимъ въ Дамаскъ, гдѣ былъ тогда Ѳеглатфелассаръ. Принявъ подарки, ассирійскій царь принудилъ Ахаза платить ему постоянную дань. Такой большой цѣны стоила Іудеѣ помощь Ѳеглатфелассара, который смирилъ прежде всего Сирію—одного врага Іудеи. Преемникъ Ѳеглатфелассара, Салманассаръ, прежде чѣмъ двинуться на югъ съ сирійскаго плоскогорья, хотѣлъ обезпечить себѣ тылъ, овладѣвъ главнымъ городомъ финикіянъ—Тиромъ. Пророкъ Исаія, такъ энергически порицавшій страсть іерусалимскихъ женщинъ къ роскоши, зналъ, что эта страсть поддерживалась торговлей финикіянъ, привозившихъ въ Палестину разные предметы роскоши. Онъ не могъ благословлять виновниковъ развитія въ Іудеѣ расточительности, которая повела къ разнаго рода неправдѣ и насилію въ отношеніяхъ богатыхъ и знатныхъ людей къ бѣдному и низшему классу народа. Когда Салманассаръ съ своимъ войскомъ подступилъ къ Тиру и началъ осаждать его, пророкъ говорилъ въ Іерусалимѣ:

„Рыдайте корабли Ѳарсиса (корабли, плававшіе къ западнымъ берегамъ Испаніи), ибо онъ разрушенъ; нѣтъ домовъ, и некому входить въ домы. Такъ имъ возвѣщено изъ земли киттійской. Умолкните, обитатели острова, который наполняли купцы сидонскіе, плавающіе по морю. По великимъ водамъ привозились въ него сѣмена Сихора, жатва большой рѣки, и былъ онъ торжищемъ народовъ... Переселяйтесь въ Ѳарсисъ, рыдайте, обитатели острова! Это-ли вашъ ликующій городъ, котораго начало отъ дней древнихъ? Ноги его несутъ его скитаться въ странѣ далекой. Кто опредѣлилъ это Тиру, который раздавалъ вѣнцы, котораго купцы были князья, торговцы—знаменитости земли? Господь Саваоѳъ опредѣлилъ это, чтобы посрамить надменность всякой славы, чтобъ унизить всѣ знаменитости земли. Онъ простеръ руку свою на море, потрясъ царства; Господь далъ повелѣніе о Ханаанѣ, разрушить крѣпости его, и сказалъ: Ты не будешь болѣе ликовать, посрамленная дѣвица, дочь Сидона! Вставай, иди въ Киттимъ (въ западныя страны, лежащія по берегамъ и на островахъ Средиземнаго моря), но и тамъ не будетъ тебѣ покоя". Запустѣніе Тира продолжится семьдесятъ лѣтъ, „мѣру дней одного царя"; а потомъ „съ Тиромъ будетъ тоже, что поютъ о блудницѣ: Возьми цитру, ходи по городу, забытая блудница! Играй складно, пой много пѣсенъ, чтобы вспомнили о тебѣ". И... Господь посѣтитъ Тиръ; и онъ снова начнетъ получать прибыль свою, и будетъ блудодѣйствовать со всѣми царствами земными по всей вселенной. Но торговля его и прибыль его будутъ посвящаемы Господу.... къ живущимъ предъ лицемъ Господа будетъ переходить прибыль отъ торговли его"...

Исаія не говоритъ о времени, когда послѣдуетъ опустѣніе Тира; онъ не называетъ по имени тотъ народъ, который произведетъ опустошеніе; объ ассиріянахъ онъ не упоминаетъ ни единымъ словомъ. Салманассаръ три года осаждалъ Тиръ; но, имѣя одни только сухопутныя силы, не могъ заставить сдаться городъ, важнѣйшая часть котораго находилась на укрѣпленномъ островѣ, получавшемъ жизненные припасы съ моря. Тиръ взятъ былъ позднѣе, сначала Навуходоносоромъ, потомъ Александромъ В. Послѣдній уничтожилъ и торговое значеніе Тира, основавъ Александрію, гдѣ съ тѣхъ поръ образовался важнѣйшій центръ торговли на берегахъ Средиземнаго моря.

Салманассаръ и Саргонъ овладѣли Самаріей и увели въ плѣнъ жителей израильскаго царства,—т.-е. смирили другого врага Іудеи. Саргонъ еще изъ Ниневіи послалъ своего полководца Тартана противъ филистимскаго города Азота, который и былъ взятъ ассиріянами. Куда направлены были замыслы ассирійскаго царя, когда онъ посылалъ отрядъ своего войска къ Азоту, объяснилъ пророкъ Исаія. Онъ сталъ ходить нагой и босой и говорилъ:

„Такъ поведетъ царь ассирійскій плѣнниковъ изъ Египта и переселенцевъ изъ Эѳіопіи, молодыхъ и старыхъ, нагими и босыми и съ обнаженными чреслами, въ посрамленіе Египту. Тогда ужаснутся и устыдятся изъ за Эѳіопіи, надежды своей, и изъ-за Египта, которымъ хвалились. И скажутъ въ тотъ день жители этой страны (Іудеи): вотъ каковы тѣ, на которыхъ мы надѣялись и къ которымъ прибѣгали за помощію, чтобы спастись отъ царя ассирійскаго! и какъ спаслись бы мы?“

Послѣднія слова пророка даютъ право думать, что изъ Іудеи въ то время стали обращать взоры къ Египту съ надеждой получить оттуда помощь противъ ассирійскаго царя. Въ самомъ дѣлѣ, въ столицѣ іудейской не могли не тяготиться вассальною зависимостью отъ Ассиріи и, не имѣя собственной достаточной силы, искали себѣ сильнаго союзника. Такимъ представлялся имъ Египетъ тѣмъ естественнѣе, что Египетъ и самъ искалъ оградить себя отъ возрастающей власти и притязательности ассирійскихъ царей какимъ-либо союзомъ по ту сторону Суэзскаго перешейка. Разобранные въ послѣднее время памятники ассирійскаго клинообразнаго письма подробно знакомятъ насъ съ отношеніями, установившимися въ то время между государствами, лежавшими на пути изъ Ассиріи въ Египетъ. Къ послѣднему, кромѣ Іудеи, примкнули финикійскій городъ Сидонъ и филистимскій Аскалонъ, между тѣмъ какъ народы— Амонъ, Моавъ и Эдомъ, филистимскіе города Азотъ и Газа и финикійскіе города Арвадъ и Библосъ держали сторону ассирійскаго царя.

Тогда Исаія провозглашалъ „горе тѣмъ, которые идутъ въ Египетъ за помощью, надѣются на коней, и полагаются на колесницы, потому что ихъ много, и

на всадниковъ, потому что они весьма сильны, а на святаго израилева не взираютъ, и къ Господу не прибѣгаютъ! Но премудръ онъ; и наведетъ бѣдствіе, и не отмѣнитъ словъ своихъ.... И Египтяне—люди, а не Богъ; и кони ихъ—плоть, а не духъ. И прострetъ руку свою Господь, и споткнется защитникъ и упадетъ защищаемый, и всѣ вмѣстѣ погибнутъ. Ибо такъ сказалъ мнѣ Господь: какъ левъ, какъ скименъ, ревущій надъ своею добычей, хотя бы множество пастуховъ кричало на него, отъ крика ихъ не содрогнется, и множеству ихъ не уступитъ: такъ Господь Саваоѳъ сойдетъ сразиться за гору Сіонъ и за холмъ его... И Ассуръ падетъ не отъ человѣческаго меча... Оставаясь на мѣстѣ и въ покоѣ, вы спаслись бы; въ тишинѣ и упованіи крѣпость ваша."

Мысль пророка состоитъ въ томъ, что, платя царю ассирійскому дань, установленную при Ахазѣ, іудеи пользовались бы спокойствіемъ; вдали отъ Ниневіи власть ассирійскихъ царей не чувствовалась бы особенно тяжело, потому что іудеи сохраняли бы всѣ свои народныя учрежденія. Ища покровительства и помощи у Египта, іудеи навлекали на себя гнѣвъ ассирійскихъ царей, которые не могли не употребить силы для возвращенія ихъ къ покорности. Изъ двухъ золъ нужно было избрать меньшее. Когда Езекія, преемникъ Ахаза на іерусалимскомъ престолѣ, пересталъ платить ассирійскому царю дань, то Сеннахеримъ немедленно двинулся прямо противъ главнаго изъ своихъ противниковъ, египетскаго фараона. Разгромивъ по пути Сидонъ и Аскалонъ, онъ основалъ свою главную квартиру въ Лахисѣ на западной границѣ іудина колѣна, на одной параллели съ Хевркомъ, между тѣмъ какъ войско его разсыпалось по Іудеѣ и грабило города ея. Езекія, видя бѣдствіе народа и переставъ ожидать помощи изъ Египта, изъявилъ покорность Сеннахериму. Когда фараонъ египетскій вышелъ на встрѣчу ассиріянамъ, то главныя силы послѣднихъ сосредоточены были сѣвернѣе Лахиса, на одной параллели съ Іерусалимомъ. Фараонъ былъ, правда, побѣжденъ, но въ тоже время такъ ослабилъ и побѣдителя, что тотъ не пошелъ далѣе, а повернулъ къ Іерусалиму, къ которому и предъявилъ высокомѣрно требованіе сдаться. Въ это время пророкъ Исаія именемъ Іеговы говорилъ къ Ассуру и объ Ассурѣ слѣдующее:

„О Ассуръ, жезлъ гнѣва моего! и бичъ въ рукѣ его мое негодованіе! Я пошлю его противъ народа нечестиваго, и противъ народа гнѣва моего, дамъ ему повелѣніе ограбить грабежомъ и добыть добычу и попирать его какъ грязь на улицахъ. Но онъ... скажетъ: не всѣ-ли цари князья мои? Халне не тоже-ли, что Кархамисъ? Эмаѳъ не тоже-ли, что Арпадъ? Самарія не тоже-ли, что Дамаскъ? Такъ какъ рука моя овладѣла царствами идольскими, въ которыхъ кумировъ болѣе, нежели въ Іерусалимѣ и Самаріи, то не сдѣлаю-ли того же съ Іерусалимомъ и изваяніями его, что сдѣлалъ съ Самаріей и идолами ея?... Величается ли сѣкира предъ тѣмъ, кто рубитъ ею? Пила гордится-ли предъ тѣмъ, кто двигаетъ ее? За то Господь, Господь Саваоѳъ пошлетъ чахлость на тучныхъ его, и между знаменитыми его возжетъ пламя, какъ пламя огня. Свѣтъ израиля будетъ

огнемъ и святый его пламенемъ, который пожретъ и сожжетъ терны его и волчцы его въ одинъ день... Оттого такъ говоритъ Господь, Господь Саваоѳъ: Народъ мой, живущій на Сіонѣ! не бойся Ассура.... Еще не много, очень не много, и пройдетъ мое негодованіе, и ярость моя обратится на истребленіе ихъ."

Пророкъ Исаія сталъ говорить теперь иначе объ отношеніяхъ іудеевъ къ ассиріянамъ. До сихъ поръ совѣтуя іудеямъ покорно платить дань ассиріянамъ, теперь, когда и по уплатѣ дани царь ассирійскій хочетъ обойтись съ іудеями жестоко, пророкъ грозитъ ему гнѣвомъ правосуднаго Іеговы. Теперь его упреки и угрозы обращены уже не къ іудеямъ. Послѣднихъ онъ хочетъ утѣшить и ободрить, напоминая имъ обѣтованія, данныя Давиду и Соломону:

Не только не пресѣчется родъ Давида, не только не погибнетъ „корень Іессея", но „отрасль отъ этого корня", преисполненная даровъ Духа Господня, „будетъ судить бѣдныхъ по правдѣ, и дѣла страдальцевъ земли рѣшать по истинѣ.... Тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ; и теленокъ, и молодой левъ, и волъ будутъ вмѣстѣ, и малое дитя будетъ водить ихъ. И корова будетъ пастись съ медвѣдицей, и дѣтеныши ихъ будутъ лежать вмѣстѣ, и левъ, какъ волъ, будетъ ѣсть солому. И младенецъ будетъ играть надъ норою аспида, и дитя протянетъ руку свою на гнѣздо змѣи. Не будутъ дѣлать зла и вреда на всей святой горѣ моей, потому что земля будетъ наполнена вѣдѣніемъ Господа, какъ воды наполняютъ море. И будетъ въ тотъ день: къ корню Іессееву, который станетъ, какъ знамя для народовъ, обратятся язычники,— и покой его будетъ слава".

Не одобряя союза Іудеи съ Египтомъ, пророкъ и этому послѣднему грозитъ бѣдою:

„Вотъ Господь возсѣдитъ на облакѣ легкомъ, и грядетъ въ Египетъ. И потрясутся отъ лица его идолы египетскіе, и сердце Египта растаетъ въ немъ. Я вооружу египтянъ противъ египтянъ; и будутъ сражаться братъ противъ брата и другъ противъ друга, городъ съ городомъ, царство съ царствомъ. И духъ Египта изнеможетъ въ немъ, и разрушу совѣтъ его... И предамъ египтянъ въ руки властителя жестокаго, и свирѣпый царь будетъ господствовать надъ ними, говоритъ Господь, Господь Саваоѳъ".

Царь египетскій, союза съ которымъ искали Іудеи противъ ассирійскихъ царей, принадлежалъ къ эѳіопской династіи. Господство эѳіоплянъ въ Египтѣ приходило, между тѣмъ, къ концу. За сверженіемъ иноземнаго ига въ Египтѣ послѣдовала междоусобная война, кончившаяся распаденіемъ государства на двѣнадцать независимыхъ одна отъ другой областей. Одинъ изъ двѣнадцати государей, вооруживъ противъ себя всѣхъ прочихъ, скоро съ помощью грековъ одержалъ надъ ними верхъ и воцарился въ Египтѣ единодержавнымъ властителемъ. Вотъ какія событія имѣетъ въ виду іудейскій пророкъ, угрожая державѣ, своимъ союзомъ соблазнявшей Іудею, тревожившей ея, единственно спасительный для нея, «покой». Но и угроза Египту, какъ пророческія рѣчи объ Ассиріи, заключается предсказаніемъ времени,

когда отношенія между іудеями, египтянами и ассиріянами примутъ дружественный характеръ во имя Бога израилева:

„Въ тотъ день жертвенникъ Господу будетъ посреди земли египетской, и памятникъ Господу у предѣловъ ея... И Господь явитъ себя въ Египтѣ; и египтяне въ тотъ день познаютъ Господа, и принесутъ жертвы и дары, и дадутъ обѣты Господу и исполнятъ... Въ тотъ день изъ Египта въ Ассирію будетъ большая дорога, и будетъ приходить Ассуръ въ Египетъ и египтяне въ Ассирію; и египтяне вмѣстѣ съ ассиріянами будутъ служить Господу. Въ тотъ день израиль будетъ третьимъ съ Египтомъ и Ассиріею; благословеніе будетъ посреди земли, которую благословитъ Господь Саваоѳъ, говоря: благословенъ народъ мой, египтяне, и дѣло рукъ моихъ—ассиріяне, и наслѣдіе мое—израиль".

Моавитяне, царь которыхъ встрѣтилъ Сеннахерима изъявленіемъ покорности въ то время, какъ Езекія сталъ на сторону Египта, врага Ассиріи, также обратили на себя вниманіе Исаіи. Старая вражда родственнаго народа къ іудеямъ, начавшаяся еще съ того времени, когда моавитяне при Моисеѣ встрѣтили израиля не какъ дружественный, но какъ враждебный народъ,—вражда эта обнаруживалась не одинъ разъ. Въ затруднительныхъ для израиля обстоятельствахъ Моавъ не упускалъ случая вредить ему. Сближеніе съ ассирійскимъ царемъ, врагомъ Іудеи, было не первымъ и не послѣднимъ проявленіемъ недружелюбія Моава къ евреямъ. То, что говоритъ Исаія о судьбѣ Моава, вмѣстѣ съ изреченіями о немъ, сохранившимися въ моисеевыхъ книгахъ, стало, такъ сказать, пророческимъ преданіемъ, почти буквально повторявшимся позднѣйшими пророками (напр. Іереміею). Пророкъ грозитъ нашествіемъ на моавитскую страну непріятеля, имѣющаго пройти по ней съ сѣвера на югъ:

Врагъ распространяетъ въ ней ужасъ и опустошеніе. Жители бѣгутъ отъ него съ воплемъ и слезами. Пустѣютъ не только города, но и плодоносныя поля. Роскошные виноградники не радуютъ больше ничьего взора, въ нихъ не поютъ, не ликуютъ, какъ, бывало, пѣли и ликовали во время сбора винограда; не слышно радостныхъ восклицаній, которыми, бывало, сопровождали свою работу топчущіе виноградъ въ точилѣ. Единственный лучъ свѣта, падающій на эту мрачную картину будущаго Моава, составляетъ подаваемая пророкомъ надежда, что придетъ время, когда и Моавъ соединится съ Іудою подъ скипетромъ царя изъ Давидова дома. „Посылайте агнцевъ владѣтелю земли изъ Селы въ пустынѣ на гору дочери Сіона" съ такою рѣчью: „Составь совѣтъ, постанови рѣшеніе; осѣни насъ среди полудня, какъ ночью, тѣнью твоею, укрой изгнанныхъ, не выдай скитающихся. Пусть поживутъ у тебя мои изгнанные моавитяне; будь имъ покровомъ отъ грабителя: ибо притѣснителя не станетъ, грабежъ прекратится, попирающіе исчезнутъ съ земли. И утвердится престолъ милостью, и возсядетъ на немъ въ истинѣ, въ шатрѣ Давидовомъ судья, ищущій правды и стремящійся къ правосудію."

Бѣдственное для іудеевъ вторженіе Сеннахерима окончилось, однакоже, неудачею для него. Въ то время, какъ онъ обложилъ Іерусалимъ, надменно требуя у Езекіи сдачи города и насмѣхаясь надъ

его надеждой на іудейскаго Бога, «вышелъ ангелъ Господень, и поразилъ въ станѣ ассирійскомъ сто восемьдесятъ пять тысячъ человѣкъ». Въ ассирійскомъ лагерѣ открылась чума, такъ опустошившая это войско, что Сеннахеримъ возвратился въ Ниневію, не видя возможности продолжать осаду.

Но отъ осаждавшихъ ассиріянъ смертоносная болѣзнь перешла и къ осажденнымъ. Самъ Езекія заболѣлъ ею; но болѣзнь поддалась леченію Исаіи: «пласть смоквъ», приложенный къ нарыву, имѣлъ благотворное дѣйствіе, и царь выздоровѣлъ. Изъ далекаго Вавилона царь Меродахъ Валаданъ прислалъ къ Езекіи письмо и дары, поздравляя его съ выздоровленіемъ. Посольство вавилонскаго царя не было простою вѣжливостью, но имѣло несомнѣнно и политическій смыслъ. Ассирійскіе цари были первоначально вассалами вавилонскихъ, и вся Ассирія была только вавилонскою колоніей. Послѣ того какъ ассиріяне свергли съ себя власть вавилонянъ (за 17 вѣковъ до Р. Хр.) и даже сами завоевали Вавилонъ (около 1270 г. до Р. Хр.), послѣдній не могъ забыть своего первоначальнаго могущества; а такъ какъ восточные завоеватели не имѣли обыкновенія уничтожать народныя учрежденія и подавлять народные обычаи покоренныхъ, то Вавилонъ, родственный при томъ Ассиріи, сохранилъ достаточно силы, чтобы жить своею жизнію и укрѣпляться въ то время, какъ ассирійскіе цари совершали свои завоевательные походы въ разныя страны. Во время Сеннахерима сила Вавилона была, вѣроятно, очень значительна, если царь вавилонскій, узнавъ о неудачѣ ассирійскаго царя, посылаетъ привѣтствіе Езекіи. Посольство Меродаха Валадана къ Езекіи было политическою демонстраціей, направленною противъ ассирійскихъ царей. Езекія хотя и боялся новаго нашествія ассиріянъ на Іудею, но радовался дружественнымъ сношеніямъ съ сильнымъ врагомъ Ассиріи, способнымъ задержать попытки ассирійскаго царя къ отмщенію. Пророкъ Исаія не раздѣляетъ радости Езекіи. Онъ находитъ лучшимъ для іудейскаго царя не вмѣшиваться въ борьбу сильныхъ царей. Онъ предупреждалъ Езекію, что дружба Вавилона будетъ стоить ему дорого:

„Вотъ придутъ дни, и все, что есть въ домѣ твоемъ, и что собрали отцы твои до сего дня, будетъ унесено въ Вавилонъ; ничего не останется, говоритъ Господь. И возьмутъ изъ сыновей твоихъ, которые произойдутъ отъ тебя, которыхъ ты родишь; и они будутъ евнухами во дворцѣ царя вавилонскаго.“

Для пророка Исаіи было ясно, что любезность сильнаго Вавилона къ Іудеѣ не можетъ продолжаться дольше паденія Ниневіи. Исаія ожидалъ, что то, чего не успѣлъ сдѣлать царь ассирійскій, сдѣлаетъ со временемъ царь вавилонскій. Въ послѣдніе дни своей жизни пророкъ былъ много занятъ мыслію о судьбѣ, которую готовитъ себѣ

народъ іудейскій, не «оставаясь на мѣстѣ, въ тишинѣ и упованіи» на помощь Іеговы, но ища союзовъ между сильными языческими государствами. Онъ преданъ мысли, что израиль есть избранный Іеговой народъ. Онъ убѣжденъ, что избранникъ, показывая въ себѣ недостатокъ упованія на Бога, преданности его волѣ, переставая быть «рабомъ божіимъ», заслуживаетъ стать рабомъ людей; но онъ исполненъ также увѣренности, что избраніе божіе по отношенію къ «рабу господню» не упразднится. Эти мысли составляютъ существенное содержаніе послѣднихъ 27 главъ книги пророка Исаіи:

„Израиль, рабъ мой,—говоритъ Іегова устами пророка,—Яковъ, котораго я избралъ, сѣмя Авраама, друга моего, ты, котораго я взялъ отъ концовъ земли, и призвалъ отъ краевъ ея, и сказалъ тебѣ: ты мой рабъ, я избралъ тебя"... Но этотъ избранникъ „видѣлъ многое, но не замѣчалъ; уши были открыты, но не слышалъ", „грѣхами своими затруднялъ" Господа, „беззаконіями своими отягощалъ" его. Наиболѣе тяжкимъ беззаконіемъ израиля было идолопоклонство. „Кузнецъ дѣлаетъ изъ желѣза топоръ, и работаетъ на угольяхъ, молотами обдѣлываетъ его, и трудится надъ нимъ сильною рукой своей до того, что становится голоденъ и безсиленъ, не пьетъ воды, и изнемогаетъ. Плотникъ (выбравъ дерево) протягиваетъ по немъ линію, остроконечнымъ орудіемъ дѣлаетъ на немъ очертаніе, потомъ обдѣлываетъ его рѣзцомъ, и округляетъ его, и выдѣлываетъ изъ него образъ человѣка красиваго вида, чтобы поставить его въ домѣ. Онъ рубитъ себѣ кедры, беретъ сосну и дубъ, которые выберетъ между деревьями въ лѣсу, садитъ ясень, и дождь возращаетъ его. И это служитъ человѣку топливомъ, и часть изъ этого употребляетъ онъ на то, чтобъ ему было тепло, и разводитъ огонь, печетъ хлѣбъ. И изъ того же дѣлаетъ бога, и покланяется ему, дѣлаетъ идола, и повергается предъ нимъ... и молится ему, и говоритъ: спаси меня, ибо ты богъ мой. Не знаютъ и не разумѣютъ они; онъ (Іегова) закрылъ глаза ихъ, чтобы не видѣли, и сердца ихъ, чтобы не разумѣли"... И вотъ, „онъ излилъ на нихъ ярость гнѣва своего, и лютость войны: она окружила ихъ пламенемъ со всѣхъ сторонъ, но они не примѣчали; и горѣла у нихъ, но они не уразумѣли этого сердцемъ". „Города святыни твоей (божіей) сдѣлались пустынею; пустынею сталъ Сіонъ; Іерусалимъ опустошенъ. Домъ освященія нашего и славы нашей, гдѣ отцы наши прославляли тебя, сожженъ огнемъ, и всѣ драгоцѣнности наши разграблены. Послѣ этого будешь ли еще удерживаться, Господи, будешь ли молчать и карать насъ безъ мѣры?" Однажды съ клятвою обѣщанное израилю благословеніе Божіе могло быть на время пріостановлено, но не могло совсѣмъ упраздниться. „Онъ ли скажетъ и не сдѣлаетъ; будетъ говорить, и не исполнитъ?" Богъ, наказавшій израиля опустошеніемъ его страны и выселеніемъ народа въ чужую землю,—онъ же станетъ и его „искупителемъ". Дочь Вавилона, которой въ руки преданъ былъ израиль, не будетъ болѣе называться „госпожею царствъ". Она должна „сойти и сѣсть въ прахъ, взять жернова и молоть муку", т.-е. изъ госпожи сама сдѣлаться рабою. Паденіе Вавилона будетъ освобожденіемъ томящагося въ плѣну израиля. „Утѣшайте, утѣшайте народъ мой, говоритъ Іегова. Говорите къ сердцу Іерусалима, и возвѣщайте ему, что исполнилось время борьбы его, что за неправды его сдѣлано удовлетвореніе, ибо онъ отъ руки Господней принялъ вдвое за всѣ грѣхи свои. Гласъ вопіющаго въ пустынѣ: приготовьте путь Господу, прямыми сдѣлайте въ степи стези Богу нашему. Всякій домъ да наполнится, и всякая гора и холмъ да понизится, кривизны выпрямятся и неровные пути сдѣлаются гладкими... Вотъ Господь Богъ грядетъ съ

силою, и мышца его со властію. Вотъ награда его съ нимъ, и воздаяніе Его предъ лицомъ Его. Какъ пастырь, будетъ онъ пасти стадо свое; агнцевъ будетъ брать на руки и носить на груди своей, и водить дойныхъ". Самъ Іегова ведетъ народъ свой изъ страны плѣна, окружая его самою нѣжною любовію, очищая и уравнивая путь, чтобы сдѣлать его наиболѣе безпечальнымъ для возвращающихся плѣнниковъ. „Господь утѣшитъ Сіонъ, утѣшитъ всѣ развалины его, и сдѣлаетъ пустыни его какъ рай, и степь его, какъ садъ Господа; радость и веселіе будутъ въ немъ, славословіе и пѣснопѣніе". Іегова возвратитъ свою любовь своему избранному народу; но это возвращеніе любви божіей для іудеевъ будетъ значить болѣе, чѣмъ возстановленіе ихъ политическаго существованія въ Палестинѣ. Событіе освобожденія народа изъ вавилонскаго плѣна въ сознаніи и рѣчи пророка принимаетъ характеръ событія высшаго порядка, нравственно-духовнаго освобожденія и обновленія народа. „Возстань, свѣтись (Іерусалимъ); ибо пришелъ свѣтъ твой, и слава господня взошла надъ тобою... Народъ твой весь будетъ праведный, навѣки наслѣдуетъ землю,—отрасль насажденія моего, дѣло рукъ моихъ, къ прославленію Моему". Это просвѣщеніе и оправданіе совершатся не силою самого согрѣшившаго народа, но силою одного святаго лица, которое заступитъ мѣсто народа и исполнитъ за него то назначеніе и призваніе, которыя соединялись для него съ именемъ „раба господня". Это лицо само называется рабомъ господнимъ. Это—говоритъ Іегова,—„отрокъ мой, котораго я держу за руку, избранный мой, къ которому благоволитъ душа моя. Положу духъ мой на него и возвѣститъ народамъ судъ... Не ослабѣетъ и не изнеможетъ, доколѣ на землѣ не утвердитъ суда, и на законъ его будутъ уповать острова". Торжества своего дѣла онъ достигнетъ не иначе, какъ путемъ глубочайшаго униженія и жестокихъ страданій. „Вотъ рабъ мой будетъ благоуспѣшенъ, возвысится и вознесется, и возвеличится. Какъ многіе изумлялись, смотря на тебя,— столько былъ обезображенъ паче всякаго человѣка ликъ его, и видъ его паче сыновъ человѣческихъ,—такъ многіе народы приведетъ онъ въ изумленіе; цари закроютъ предъ нимъ уста свои: потому что увидятъ то, о чемъ не было говорено имъ, и узнаютъ то, чего не слыхали. (Господи!) кто повѣритъ слышанному отъ насъ, и кому открылась мышца господня! Ибо онъ взошелъ предъ нимъ, какъ отпрыскъ и какъ ростокъ изъ сухой земли; нѣтъ въ немъ ни вида, ни величія; и мы видѣли его, и не было въ немъ вида, который привлекалъ бы насъ къ нему. Онъ былъ презрѣнъ и умаленъ предъ людьми, мужъ скорбей и извѣдавшій болѣзни, и мы отвращали отъ него лице свое; онъ былъ презираемъ, и мы ни во что ставили его. Но онъ взялъ на себя наши немощи, и понесъ наши болѣзни... Онъ изъязвленъ былъ за грѣхи наши, и мучимъ за беззаконія наши, наказаніе міра нашего было на немъ, и ранами его мы исцѣлились. Всѣ мы блуждали какъ овцы, совратились каждый на свою дорогу; и Іегова возложилъ на него грѣхи всѣхъ насъ. Онъ истязуемъ былъ, но страдалъ добровольно, и не открывалъ устъ своихъ; какъ овца, веденъ былъ онъ на закланіе, и какъ агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ—такъ онъ не отверзалъ устъ своихъ. Отъ узъ и суда онъ былъ взятъ; но родъ его кто изъяснитъ? Ибо онъ отторгнутъ отъ земли живыхъ; за преступленія народа моего претерпѣлъ казнь. Ему назначали гробъ съ злодѣями, но онъ погребенъ у богатаго, потому что не сдѣлалъ грѣха и не было лжи въ устахъ его. Но Іеговѣ угодно было поразить его, и онъ предалъ его мученію: когда же душа его принесетъ жертву умилостивленія, онъ узритъ потомство долговѣчное, и воля господня благоуспѣшно будетъ исполняться рукою его. На подвигъ души своей онъ будетъ смотрѣть съ довольствомъ; чрезъ познаніе его онъ, праведникъ, рабъ мой, оправдаетъ многихъ, и грѣхи ихъ на себѣ понесетъ. Потому я дамъ ему часть между великими, и съ сильными будетъ дѣ-

лить добычу, за то что предалъ душу свою на смерть, и къ злодѣямъ причтенъ былъ, тогда какъ онъ понесъ на себѣ грѣхъ многихъ, и за преступниковъ сдѣлался ходатаемъ.“

Итакъ, рабъ Господень совершитъ оправданіе грѣшныхъ умилостивительною жертвой, которую онъ самъ принесетъ, «предавъ душу свою на смерть». Каждому человѣку оправданіе, совершенное этимъ праведникомъ, можетъ быть, усвоено «чрезъ познаніе» т.-е. чрезъ признаніе, чрезъ исповѣданіе его—праведника; «потомство долговѣчное», которое онъ будетъ имѣть, есть церковь, которую составятъ не только іудеи, но и язычники. Представляя ее матерью вѣрующихъ, пророкъ говоритъ:

„Возвеселись, неплодная, не рождающая; воскликни и возгласи, не мучившаяся родами; потому что у оставленной гораздо болѣе дѣтей, нежели у имѣющей мужа, говоритъ Господь. Распространи мѣсто шатра твоего, расширь покровы жилищъ; не стѣсняйся, пусти длиннѣе верви твои, и утверди колья твои. Ибо ты распространишься на право и налѣво, и потомство твое завладѣетъ народами“... „И придутъ народы къ свѣту твоему, и цари къ восходящему надъ тобою сіянію. Возведи очи твои, и посмотри вокругъ: всѣ они собираются, идутъ къ тебѣ; сыновья твои издалека идутъ, и дочерей твоихъ на рукахъ несутъ. Кто это летятъ, какъ облака и какъ голуби къ голубятнямъ своимъ? Такъ, меня ждутъ острова, и впереди ихъ корабли ѳарсійскіе, чтобы перевести сыновъ твоихъ издалека, и съ ними серебро ихъ и золото ихъ, во имя Господа Бога твоего и святаго израилева, потому что онъ прославилъ тебя.“

Такими представленіями и надеждами утѣшалъ себя и другихъ пророкъ, предвидя униженіе іудеевъ между другими народами. Древнія обѣтованія должны исполниться. Если высокое призваніе «раба господня» не могло быть исполнено народомъ, порабощеннымъ людьми, то самъ Іегова возстанетъ для освобожденія народа и избавитъ его не только отъ временнаго рабства людямъ, но и главнымъ образомъ отъ грѣха, отъ зла нравственнаго. Оставшись только рабомъ господнимъ въ полномъ и исключительномъ смыслѣ слова, народъ привлечетъ къ исповѣданію истиннаго Бога и всѣ другіе народы. Исповѣданіе раба господня—праведника—будетъ общимъ мотивомъ, въ которомъ соединятся съ евреями всѣ народы.

VIII. Другіе пророки до Іереміи.

Младшій современникъ Исаіи, пророкъ Михей, пророчествовавшій также въ Іудеѣ, отчасти имѣлъ общіе въ Исаіей и мотивы проповѣди. Видимое участіе народа въ жертвоприношеніяхъ и молитвахъ, не сопровождавшееся участіемъ сердца, вызывало у пророка слѣдующее размышленіе:

„Съ чѣмъ предстать мнѣ предъ Господомъ, преклониться предъ Богомъ небеснымъ? Предстать-ли предъ нимъ со всесожженіемъ, съ тельцами однолѣтними?

Но можно-ли угодить Господу тысячами овновъ, или неисчетными потоками елея? Развѣ дамъ ему первенца моего за преступленіе мое и плодъ чрева моего за грѣхъ души моей? О человѣкъ! сказано тебѣ, что добро и чего требуетъ отъ тебя Господь: дѣйствовать справедливо, любить дѣла милосердія и смиренно—мудро ходить предъ Богомъ твоимъ".

Іудеи не переставали посѣщать храмъ; но о достоинствѣ этихъ посѣщеній можно было судить потому, что посѣтители изъ храма отправлялись въ долину сыновей Гиннома и проводили тамъ дѣтей своихъ чрезъ огонь. Это хроманіе на оба колѣна, это лицемѣріе передъ Іеговой, естественно, были порицаемы такими пророками, какъ Исаія и Михей. Но народъ говорилъ имъ: «не пророчествуйте пророки; не пророчествуйте имъ, чтобы не постигло васъ безчестіе». Угрожая этимъ пророкамъ, народъ за-то склоненъ внимать пророкамъ лживымъ:

„Если бы какой-либо вѣтренникъ выдумалъ ложь, и сказалъ: я буду проповѣдывать тебѣ о винѣ и сикерѣ, то онъ и былъ бы угоднымъ проповѣдникомъ для этого народа". Но такіе проповѣдники несомнѣнно „вводятъ народъ въ заблужденіе"; когда они „грызутъ зубами своими", то „проповѣдуютъ миръ, а кто ничего не кладетъ имъ въ ротъ, противъ того объявляютъ войну. Потому ночь будетъ вамъ вмѣсто видѣнія, — угрожаетъ пророкъ, — и тьма вмѣсто предвѣщаній; зайдетъ солнце надъ пророками, и потемнѣетъ день надъ ними. И устыдятся прозорливцы, и посрамлены будутъ гадатели, и закроютъ уста свои всѣ они, потому что не будетъ отвѣта отъ Бога. А я, — объявляетъ Михей, — преисполненъ силы духа господня, правоты и твердости, чтобы высказать Якову преступленіе его и израилю грѣхъ его. Слушайте же это, главы дома Яковлева и князья дома израилева, гнушающіеся правосудіемъ и искривляющіе все прямое, созидающіе Сіонъ кровью и Іерусалимъ—неправдой! Главы его судятъ за подарки, и священники его учатъ за плату, и пророки его предвѣщаютъ за деньги, а между тѣмъ опираются на Господа, говоря: не среди-ли насъ Господь? Не постигнетъ насъ бѣда! Оттого, за васъ Сіонъ распаханъ будетъ какъ поле, и Іерусалимъ сдѣлается грудой развалинъ, и гора этого дома будетъ лѣсистымъ холмомъ.... Страдай и мучься болями, дочь Сіона, какъ рождающая; ибо ты нынѣ выйдешь изъ города, и будешь жить въ полѣ, и дойдешь до Вавилона. Тамъ будешь спасена; тамъ искупитъ тебя Господь отъ руки враговъ твоихъ".

Пророкъ говоритъ эту рѣчь въ то время, когда противъ Іудеи собрались многіе народы, т.-е. вѣроятно, въ царствованіе Ахаза и Езекіи. Но какъ пророкъ Исаія въ это время страданій Іудеи отъ нашествій Израиля, Сиріи и Ассиріи обѣщалъ рожденіе Эммануила спасителя, такъ и Михей ждетъ избавленія и усиленія израиля отъ имѣющаго родиться:

„Онъ собралъ ихъ [народы многіе] какъ снопы на гумно. Встань и молоти, дочь Сіона; ибо я сдѣлаю рогъ твой желѣзнымъ, и копыта твои сдѣлаю мѣдными, и сокрушишь многіе народы, и посвятишь Господу стяжанія ихъ и богатства ихъ владыкѣ всей земли.... И ты, Виѳлеемъ-Ефраѳа, малъ-ли ты между тысячами Іудиными? Изъ тебя произойдетъ мнѣ тотъ, который долженъ быть вла-

дыкою въ израилѣ, и котораго происхожденіе изъ начала, отъ дней вѣчныхъ. Оттого онъ оставитъ ихъ до времени, доколѣ не родитъ имѣющая родить (мать Эммануила), тогда возвратятся къ сынамъ израиля и оставшіеся братья ихъ. И станетъ тотъ владыка, и будетъ пасти въ силѣ господней, въ величіи имени Господа Бога своего, и они будутъ жить безопасно; ибо тогда онъ будетъ великимъ до краевъ земли".

Ассирійская монархія, причинявшая такъ много зла іудѣ и погубившая израиля, приближалась къ своему концу. Сеннахеримъ погибъ отъ собственныхъ дѣтей (681 до Р. Хр.). Третій, не участвовавшій въ отцеубійствѣ, сынъ его Асаргаддонъ, вступилъ на престолъ ниневійскій и продолжалъ распространять власть ассиріянъ во всѣ стороны (681—668 до Р. Хр.). При его преемникѣ, Асурбанипалѣ (668—626 до Р. Хр.), Ассирія стала на такую высоту, какой еще не достигала никогда. Ея власть простиралась на югъ до Персидскаго залива, захватывая аравійскія племена и Вавилонію, на востокѣ оканчивалась за крайними предѣлами Элама, на сѣверѣ доходила до Арменіи, на западѣ не ограничивалась только берегомъ Средиземнаго моря, но простиралась и на островъ Кипръ, наконецъ, на юго-западѣ — переходила за Суэзскій перешеекъ, простираясь на Египетъ. Но время наибольшаго усиленія монархіи было и началомъ ея упадка. Восточные завоеватели, покоряя себѣ различныя страны, рѣдко умѣли поддержать въ цѣлости разнородные элементы своихъ монархій. Преемникъ Асурбанипала, называемый у грековъ Саракомъ, а въ ассирійскихъ клинообразныхъ надписяхъ Ассур-идиль-или, не имѣлъ способностей и энергіи Асурбанипала, и въ различныхъ концахъ его монархіи обнаружились центробѣжныя стремленія, которая быстро привели Ниневію къ паденію. Такую судьбу монархіи и ея столицы предвидѣлъ пророкъ Наумъ, можетъ быть одинъ изъ плѣнниковъ, выселенныхъ Саргономъ изъ израильскаго царства въ Ассирію. Вотъ какими чертами описываетъ Наумъ величіе Ассиріи:

„Купцовъ у тебя стало болѣе, нежели звѣздъ на небѣ... Князья твои какъ саранча, и военачальники твои какъ рои мошекъ, которыя во время холода гнѣздятся въ щеляхъ стѣнъ, а когда взойдетъ солнце, то разлетаются, и не узнаешь мѣста, гдѣ онѣ были". Но центръ и столица Ассиріи, Ниневія,—„городъ кровей; весь онъ полонъ обмана и убійства; не прекращается грабительство"; это — „развратница, пріятной наружности, искусная въ чародѣяніи, которая блудодѣяніями своими продаетъ народы и чарованіями своими — племена". Извѣстно, какъ коварно и жестоко обошлись ассиріяне съ Іудеей, приглашенные сначала помочь іудеямъ противъ израильтянъ и сиріянъ, принудившіе потомъ іудейскихъ царей платить постоянную дань, и наконецъ осадившіе Іерусалимъ даже послѣ того, какъ Езекія внесъ требуемую дань. „Что умышляете вы противъ Господа?" спрашиваетъ Наумъ. „Изъ тебя (Ассуръ) произошелъ умыслившій злое противъ Господа, составившій совѣтъ нечестивый". Но „Господь есть Богъ ревнитель и мститель; мститель Господь и страшенъ въ гнѣвѣ: мститъ Господь врагамъ своимъ

и не пощадитъ противниковъ своихъ". „Вотъ я на тебя, говоритъ Іегова" Ниневіи. „Поднимается на тебя разрушитель: охраняй твердыни, стереги дорогу, укрѣпи чресла, собирайся съ силами... Щитъ героевъ его красенъ; воины его въ одеждахъ багряныхъ; огнемъ сверкаютъ колесницы въ день приготовленія къ бою, и лѣсъ копьевъ волнуется. По улицамъ несутся колесницы, гремятъ на площадяхъ; блескъ отъ нихъ, какъ отъ огня; сверкаютъ какъ молнія. Онъ вызываетъ храбрыхъ своихъ, но они спотыкаются на ходу своемъ; поспѣшаютъ на стѣны города, но осада уже устроена. Рѣчныя ворота отворяются, и дворецъ разрушается".

Набополассаръ, бывшій намѣстникомъ Вавилона отъ имени ассирійскаго царя, одержавъ побѣду надъ скиѳами, соединился съ мидійскимъ царемъ Кіаксаромъ и, вмѣстѣ съ послѣднимъ объявивъ себя независимымъ, двинулся на Ниневію. Два года продолжалась осада укрѣпленнаго города. Наконецъ Тигръ вышелъ изъ береговъ и сдѣлалъ въ городской стѣнѣ большую брешь. Враги вошли въ городъ, и Ассур-идиль-или вмѣстѣ съ своими женами искалъ смерти въ пламени, обнявшемъ его дворецъ. «Расхищайте серебро, расхищайте золото! нѣтъ конца запасамъ всякой драгоцѣнной утвари. Разграблена, опустошена и разорена она; и таетъ сердце, колѣна трясутся; у всѣхъ въ чреслахъ сильная боль, и лица у всѣхъ потемнѣли».

Къ нѣсколько позднѣйшему времени относится происхожденіе книги пророка Софоніи, пророчествовавшаго—по надписанію самой книги—при іудейскомъ царѣ Іосіи († 611). Ниневія все еще существуетъ; но пророкъ говоритъ, что

Господь „обратитъ Ниневію въ развалины, въ мѣсто сухое, какъ пустыня. И покоиться будутъ среди нея стада и всякаго рода животныя; пеликанъ и ежъ будутъ ночевать въ рѣзныхъ украшеніяхъ ея; голосъ ихъ будетъ раздаваться въ окнахъ, разрушеніе обнаружится на дверныхъ столбахъ; ибо не станетъ на нихъ кедровой обшивки". И на Іудею Господь готовъ простереть руку свою. „Истреблю съ этого мѣста остатки Ваала, имя жрецовъ со священниками, и тѣхъ, которые на кровляхъ поклоняются воинству небесному, и тѣхъ поклоняющихся, которые клянутся Господомъ, и клянутся" Милькомомъ (божествомъ аммонитскимъ) „и тѣхъ, которые отступили отъ Господа, не искали Господа, и не вопрошали о немъ".

Съ 12-го года своего царствованія Іосія началъ очищать іерусалимскій храмъ и весь Іерусалимъ отъ тѣхъ идольскихъ жертвенниковъ, которыми они были переполнены въ царствованіе Манассіи и Амона. Но пристрастіе народа къ идолопоклонству не вдругъ уступило его мѣрамъ. Во многихъ мѣстахъ видны были еще «остатки Ваала», не переставали еще кланяться «воинству небесному», т.-е. свѣтиламъ небеснымъ. Вотъ за что

„близокъ день Господень, уже приготовилъ Господь жертвенное закланіе". „Господь праведенъ...; каждое утро являетъ судъ свой неизмѣнно"... И „горе городу нечестивому и оскверненному, притѣснителю! Не слушаетъ голоса, не при-

нимаетъ наставленія, на Господа не уповаетъ, къ Богу своему не приближается. Князья его посреди его — рыкающіе львы, судьи его — вечерніе волки, не оставляющіе до утра ни одной кости. Пророки его — люди легкомысленные, вѣроломные; священники его оскверняютъ святыню, попираютъ законъ". Но въ дальнѣйшемъ будущемъ—„ликуй, дочь Сіона! торжествуй, израиль! веселись и радуйся отъ всего сердца, дочь Іерусалима! Отмѣнилъ Господь приговоръ надъ тобою! прогналъ врага твоего; Господь, царь израилевъ, посреди тебя: уже болѣе не увидишь зла".

Послѣдніе дни царствованія Іосіи и все трехмѣсячное царствованіе Іоахаза были для іуды дѣйствительно днями «горя». Въ то время какъ Набополассаръ, вавилонскій намѣстникъ ассирійскаго царя, возмутившись противъ своего главы, въ союзѣ съ мидійскимъ царемъ Кіаксаромъ, воевалъ съ Ассур-идиль-или, египетскій фараонъ Нехао хотѣлъ воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ ассирійскаго царя и отнять у него Сирію. Въ Іудеѣ понимали, что, обладая Сиріей, фараонъ не можетъ не имѣть притязанія и на Палестину. Когда Нехао съ своими войсками высадился на берегу Средиземнаго моря, у подошвы горы Кармила, и двинулся по долинѣ рѣки Кисона, то у города Мегеддо его встрѣтилъ Іосія съ войскомъ, сравнительно съ египетской силою, до того незначительнымъ, что не только потерпѣлъ пораженіе, но и самъ погибъ въ битвѣ. Въ Іерусалимѣ народъ провозгласилъ царемъ сына Іосіи, Іоахаза, который отправился въ лагерь египетскаго фараона въ Ривлу (въ Сиріи) изъявить преданность побѣдителю своего отца. Но фараонъ задержалъ поставленнаго безъ его воли іудейскаго царя, наложилъ на Іудею дань и воцарилъ въ Іерусалимѣ Іоакима, другого, притомъ старшаго, сына Іосіи. Состоя въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Египту, Іудея въ тоже время не могла считать себя безопасной и со стороны Вавилона, могущество котораго быстро возрастало тогда. Побѣдитель и наслѣдникъ власти ассирійскихъ царей, Набополассаръ, не могъ позволить кому-либо другому безнаказанно захватить часть ассирійскаго наслѣдства. Фараонъ Нехао понималъ это и поспѣшилъ на встрѣчу своему сопернику. При Кархамисѣ, на берегу Ефрата, произошла рѣшительная битва, кончившаяся въ пользу халдеевъ, для которыхъ послѣ того открылась дорога не только въ Сирію, но и дальше къ югу до Египта.

Какое понятіе имѣли въ то время о халдеяхъ въ Іудеѣ, видно изъ книги Аввакума, пророчествовавшаго въ царствованіе Іоакима (609—599 до Р. Хр.). Это

„народъ жестокій и необузданный, который ходитъ по широтамъ земли, чтобы завладѣть непринадлежащими ему селеніями. Страшенъ и грозенъ онъ; отъ него самого происходятъ судъ и власть его. Быстрѣе барсовъ кони его и прытче вечернихъ волковъ; скачетъ въ разныя стороны конница его; издалека

приходятъ всадники его; прилетаютъ какъ орелъ, бросающійся на добычу. Весь онъ идетъ для грабежа; устремивъ лице свое впередъ, онъ забираетъ плѣнниковъ, какъ песокъ. И надъ царями онъ издѣвается, и князья служатъ ему посмѣшищемъ; надъ всякою крѣпостью онъ смѣется: насыплетъ осадный валъ, и беретъ ее. Тогда надмевается духъ его, и онъ ходитъ и буйствуетъ; сила его—богъ его".

Послѣ побѣды Навуходоносора надъ египетскимъ фараономъ, сила эта стала тѣмъ болѣе страшна и опасна для Іудеи, что іерусалимскій царь былъ посаженъ на престолъ фараономъ Нехао и въ своей политикѣ старался угождать своему покровителю. Приверженецъ фараона не могъ пользоваться благорасположеніемъ вавилонскаго царя. Въ 6 или 7-мъ году своего царствованія, Іоакимъ вынужденъ былъ платить дань вавилонскому царю, о которомъ послѣ того 4-я книга «Царствъ» замѣчаетъ, что онъ «взялъ все отъ потока египетскаго до рѣки Ефрата». Іудея сохраняла только свои народныя учрежденія и правительство; но царь вавилонскій считалъ уже іудейскаго царя обязаннымъ подчиняться видамъ халдейской политики. Не въ такомъ положеніи можно было израилю радоваться и торжествовать, къ чему приглашалъ его еще Софонія. Іегова все еще не отмѣнилъ своего приговора надъ іудой; зло все еще тяготѣло надъ «дочерью Сіона». Пророкъ Аввакумъ, близко принимая къ сердцу судьбу своего родного народа и помня обѣщанія божіи, ждалъ, когда-же наступитъ лучшее время.

„На стражу мою сталъ я и, стоя на башнѣ, наблюдалъ, чтобы узнать, что скажетъ онъ во мнѣ... И отвѣчалъ мнѣ Господь, и сказалъ:... „Видѣніе... хотя бы и замедлило, жди его; ибо непремѣнно сбудется, не отмѣнится". Замедленіе зависѣло отъ того, что „грабительство и насиліе" господствуютъ въ народѣ, „и востаетъ вражда и поднимается раздоръ. Отъ этого законъ потерялъ силу, и суда правильнаго нѣтъ; такъ какъ нечестивый одолѣваетъ праведнаго, то и судъ происходитъ превратный". То, что предусматриваетъ пророкъ, какъ возмездіе за эти неправды, наполняетъ душу пророка трепетомъ. „Во гнѣвѣ шествуешь ты по землѣ, и въ негодованіи попираешь народы... Я услышалъ, и вострепетала внутренность моя; при вѣсти объ этомъ, задрожали зубы мои, боль проникла въ кости мои, и колеблется мѣсто подо мною; а я долженъ быть спокоенъ въ день бѣдствія, когда придетъ на народъ мой грабитель его. Хотя бы не расцвѣла смоковница и не было плода на виноградныхъ лозахъ, и маслина измѣнила, и нива не дала пищи; хотя бы не стало овецъ въ загонѣ и рогатаго скота въ стойлахъ: но и тогда я буду радоваться о Господѣ и веселиться о Богѣ спасенія моего". „Праведный своею вѣрой живъ будетъ"; и эта вѣра съ теченіемъ времени распространится по всей землѣ: „земля наполнится познаніемъ славы Господа, какъ воды наполняютъ море".

Вотъ утѣшеніе, поддерживавшее пророка въ виду страшныхъ дней горя, которые онъ считалъ неизбѣжными для своего народа.

IX. Книга пророка Іеремін.—«Плачъ Іереміи».

Съ событіями послѣднихъ лѣтъ іудейскаго царства, съ образомъ дѣйствій различныхъ лицъ и партій, руководившихъ тогда судьбою царства и жизнію народа, съ тѣмъ вліяніемъ, какое имѣли на эту жизнь и судьбу пророки,—со всей этою внутренней исторіей послѣднихъ лѣтъ царства подробно знакомитъ насъ книга пророка Іереміи. Сынъ священника Хелкіи, изъ Анаѳоѳа—города, лежавшаго въ веніаминовомъ колѣнѣ, немного сѣвернѣе Іерусалима, Іеремія, еще юноша, былъ исполненъ сознаніемъ своей человѣческой слабости, когда Іегова призвалъ его къ пророческой дѣятельности «для народовъ»:

„Господи Боже! — говоритъ онъ. — „Я не умѣю говорить, ибо я еще молодъ". Но Господь отвѣчалъ: „Ко всѣмъ, къ кому пошлю тебя, пойдешь, и все, что повелю тебѣ, скажешь. Не бойся ихъ; ибо я съ тобою, чтобы избавлять тебя". И коснувшись устъ Іереміи, Господь прибавилъ: „Вотъ, я вложилъ слова Мои въ уста твои"... Препояшь чресла свои, и встань, и скажи имъ все, что я повелю тебѣ; не малодушествуй предъ ними, чтобы я не поразилъ тебя въ глазахъ ихъ. И вотъ, я поставилъ тебя нынѣ укрѣпленнымъ городомъ, и желѣзнымъ столбомъ, и мѣдною стѣною на всей этой землѣ, противъ царей іуды, противъ князей его, противъ священниковъ его и противъ народа этой земли. Они будутъ ратовать противъ тебя, но не превозмогутъ тебя; ибо я съ тобою, чтобы избавлять тебя". О вліяніи, какое имѣли эти слова и дѣйствія на пророка, онъ самъ потомъ говорилъ слѣдующее: „Ты влекъ меня, Господи, и я увлеченъ; ты сильнѣе меня и превозмогъ; и я каждый день въ посмѣяніи, всякій издѣвается надо мною... Слово господне обратилось въ поношеніе мнѣ и въ повседневнее посмѣяніе. И подумалъ я: не буду я напоминать о немъ, и не буду болѣе говорить во имя его; но было въ сердцѣ моемъ, какъ бы горящій огонь, заключенный въ костяхъ моихъ, и я истомился, удерживая его, и не могъ". Существенное содержаніе слова божія, такъ неудержимо увлекавшаго Іеремію и причинявшаго ему такъ много огорченій, выражено въ слѣдующихъ словахъ Іеговы къ пророку: „Смотри, я поставилъ тебя въ этотъ день надъ народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать... И было слово Господне ко мнѣ: что видишь ты, Іеремія? я сказалъ: вижу поддуваемый вѣтромъ кипящій котелъ, и лице его со стороны сѣвера. И сказалъ мнѣ Господь: отъ сѣвера откроется бѣдствіе на всѣхъ обитателей сей земли. Ибо, вотъ, Я призову всѣ племена царствъ сѣверныхъ, и прійдутъ они, и поставятъ каждый престолъ свой при входѣ въ ворота Іерусалима, и вокругъ всѣхъ стѣнъ его, и во всѣхъ городахъ іудейскихъ. И произнесу надъ ними суды Мои за всѣ беззаконія ихъ, за то, что они оставили Меня, и воскуряли ѳиміамъ чужеземнымъ богамъ, и поклонялись дѣламъ рукъ своихъ".

Паденіе іудейскаго царства было столько же послѣдствіемъ завоевательныхъ стремленій вавилонскаго царя, сколько и послѣдствіемъ развитія въ самомъ царствѣ внутреннихъ элементовъ разложенія. Съ этими послѣдними Іеремія вступилъ въ борьбу съ первыхъ же дней своей пророческой дѣятельности. Онъ началъ пророчествовать на

13-мъ году царствованія Іосіи, т.-е. спустя не болѣе года послѣ того, какъ Іосія началъ очищать іерусалимскій храмъ отъ идолослуженія, которое допущено было туда при его дѣдѣ Манассіи. Если изъ храма принадлежности идолослуженія могли быть вынесены скоро, то въ другихъ мѣстахъ Іерусалима, и особенно внѣ столицы, идолопоклонство долго не прекращалось. «Сколько улицъ въ Іерусалимѣ, столько вы наставили жертвенниковъ постыдному, жертвенниковъ для кажденія Ваалу». «На всякомъ высокомъ холмѣ и подъ всякимъ вѣтвистымъ деревомъ ты блудодѣйствовалъ»,—говорилъ въ это время Іеремія народу, разумѣя подъ блудомъ измѣну Іеговѣ и поклоненіе идоламъ. Даже и тѣ, на кого естественнѣе всего было бы возложить дѣло очищенія храма, относились къ нему или равнодушно, или враждебно:

„Священники не говорили: гдѣ Господь? и учители закона не знали меня, и пастыри отпали отъ меня, и пророки пророчествовали во имя Ваала, и ходили во слѣдъ тѣхъ, которые не помогаютъ", т.-е. во слѣдъ бездушныхъ и безсильныхъ идоловъ. Даже тѣ іудеи, которые стали посѣщать очищенный отъ идолослужебныхъ принадлежностей храмъ Іеговы, не переставали внѣ храма нарушать законъ божій. „Для чего мнѣ, — спрашиваетъ Іегова устами Іереміи, — ладанъ, который идетъ изъ Савы, и благовонный тростникъ изъ дальней страны? Всесожженія ваши неугодны, и жертвы ваши непріятны мнѣ". „Если хочешь обратиться, израиль, ко мнѣ обратись",—обратись всѣмъ сердцемъ, не по наружности только. „Обрѣжьте себя для Господа, и снимите крайнюю плоть съ сердца вашего, мужи іуды и жители Іерусалима". Внѣшнее богослуженіе въ храмѣ совершалось въ присутствіи и для назиданія тѣхъ же самыхъ лицъ, которыя внѣ храма „сторожили какъ птицеловы, припадали къ землѣ, ставили ловушки, и уловляли людей. Какъ клѣтка, наполненная птицами, домы ихъ наполнены обманомъ; черезъ это они и возвысились, и разбогатѣли. Сдѣлались тучны, жирны, переступили даже всякую мѣру во злѣ, не разбираютъ судебныхъ дѣлъ, дѣлъ сиротъ; благоденствуютъ, и справедливому дѣлу нищихъ не даютъ суда. Неужели я не накажу за это? говоритъ Іегова, и не отмститъ ли душа моя такому народу, какъ этотъ?" Наказаніе божіе, угрожающее народу, въ эти первые годы своей проповѣди, пророкъ Іеремія представляетъ въ видѣ нашествія на Іудею сѣверныхъ народовъ. Видя, какъ народъ болѣе и болѣе предается пороку, пророкъ представляетъ и врага болѣе и болѣе приближающимся къ сердцу Іудеи, — Іерусалиму: „Вотъ, поднимается онъ подобно облакамъ, и колесницы его какъ вихрь, кони его быстрѣе орловъ; горе намъ! ибо мы будемъ разорены. Смой злое съ сердца твоего, Іерусалимъ, чтобы спастись тебѣ: доколѣ будутъ гнѣздиться въ тебѣ злочестивыя мысли? Ибо уже несется голосъ отъ Дана (съ крайняго сѣвера Палестины) и гибельная вѣсть съ горы Ефремовой (изъ южной части бывшаго израильскаго царства): объявите народамъ, извѣстите Іерусалимъ, что идутъ изъ дальней страны осаждающіе, и криками своими оглашаютъ города Іудеи. Какъ сторожа полей, они обступаютъ его кругомъ; ибо онъ возмутился противъ меня, говоритъ Господь". Потомъ, когда „человѣка, соблюдающаго правду, ищущаго истины", трудно стало найти въ Іерусалимѣ, пророкъ представляетъ и этотъ самый Іерусалимъ не безопаснымъ отъ врага. „Бѣгите, дѣти веніаминовы, изъ среды Іерусалима, и въ Ѳекоѣ трубите трубою, и дайте знать въ Веѳкаремъ; ибо отъ сѣвера надвигаются

бѣда и великая гибель". Такими и подобными предостереженіями и угрозами пророкъ вразумлялъ Іерусалимъ, „чтобы душа господня не удалилась отъ него, чтобы Богъ не сдѣлалъ его пустыней, землей необитаемой". Но ложные пророки врачевали раны народа легкомысленно, говоря: „миръ! миръ!" а мира нѣтъ. „Пророки пророчествуютъ ложь, и священники господствуютъ при посредствѣ ихъ, и народъ мой любитъ это."

Корыстолюбіе священниковъ, изъ-за десятины позволявшихъ народу дѣлать, что́ онъ хочетъ, вступило въ союзъ съ ложною любовью къ отечеству, которая знала только обѣтованія Іеговы и не хотѣла видѣть грѣховъ народа.

Таковы были нравственная жизнь народа и ея руководительство въ послѣдніе годы царствованія Іосіи. Сынъ его Іоахазъ, избранный народомъ не по старшинству на мѣсто отца, отправившись на поклонъ къ фараону, былъ оставленъ въ плѣну, и Іеремія увѣрялъ, что «онъ уже не возвратится, и не увидитъ родной страны своей: горько плачьте объ отходящемъ въ плѣнъ». Народный избранникъ былъ, повидимому, любимцемъ народа, и не мудрено: онъ былъ представителемъ народной любви къ свободѣ и независимости. Повидимому, Іоахазъ былъ человѣкъ достойный народной любви; повидимому, онъ не былъ человѣкомъ жестокимъ, какимъ оказался преемникъ его Іоакимъ. По крайней мѣрѣ, приглашая народъ плакать по Іоахазѣ, пророкъ не обѣщаетъ Іоакиму даже приличнаго погребенія за его несправедливое, тиранское отношеніе къ народу:

„Горе тому, кто строитъ домъ свой неправдой и горницы свои беззаконіемъ, кто заставляетъ работать ближняго своего даромъ, и не отдаетъ ему платы его; кто говоритъ: построю себѣ домъ обширный и горницы просторныя, — и прорубаетъ себѣ окна, и обшиваетъ кедромъ, и краситъ красною краской. Думаешь ли ты быть царемъ, потому что заключилъ себя въ кедръ? Отецъ твой ѣлъ и пилъ, но производилъ судъ и правду, и потому ему было хорошо. Онъ разбиралъ дѣло бѣднаго... Но твои глаза и твое сердце обращены только къ твоей корысти и къ пролитію невинной крови, къ тому, чтобы дѣлать притѣсненіе и насиліе. Потому такъ говоритъ Господь объ Іоакимѣ, сынѣ Іосіи, царѣ іудейскомъ: Не будутъ оплакивать его: увы, братъ мой! и: увы, сестра! Не будутъ оплакивать его: увы, государь! и: увы, его величіе! Ослинымъ погребеніемъ будетъ онъ погребенъ вытащатъ его, и бросятъ далеко за ворота Іерусалима".

Не смотря на эту угрозу, произнесенную въ самомъ началѣ царствованія Іоакима, не только самъ царь, но и народъ «не производили вѣрно суда между человѣкомъ и соперникомъ его, притѣсняли иноземца, сироту и вдову, проливали невинную кровь, крали, прелюбодѣйствовали и кадили Ваалу и ходили во слѣдъ иныхъ боговъ». Въ одинъ изъ торжественныхъ праздниковъ, среди народнаго собранія во дворѣ Соломонова храма, Іеремія говорилъ: «Исправьте пути ваши и дѣянія ваши». Если же не такъ, то,—говоритъ Господь,— «я также поступлю съ этимъ домомъ (храмомъ), надъ которымъ на-

речено мое имя, на который вы надѣетесь, и съ мѣстомъ, которое Я далъ вамъ и отцамъ вашимъ, какъ поступилъ съ Силомомъ». Священники и ложные пророки, увѣрявшіе народъ, что все обстоитъ и будетъ и должно обстоять благополучно, полагавшіе, что Іегова ради храма своего пощадитъ и сохранитъ свой народъ и городъ Іерусалимъ,—они возстали противъ Іереміи, какъ проповѣдующаго недовѣріе къ божественнымъ обѣтованіямъ, какъ противъ богохульника. Привлекши на свою сторону народъ, они объявили пророка заслуживающимъ смерти. Но когда явились въ собраніе представители царя, высшей судебной инстанціи, безъ которой не могъ быть окончательно рѣшенъ смертный приговоръ, то они обратили вниманіе на настойчивое утвержденіе пророка, что угрозу свою онъ произнесъ по внушенію божію; они припомнили также законъ Моисея, по которому угроза, произносимая именемъ Бога, можетъ быть признана за богохульную ложь только въ томъ случаѣ, если она не исполнится. Слѣдовало, во всякомъ случаѣ, выждать: можетъ быть, слова Іереміи и сбудутся. Пророкъ былъ освобожденъ, и нѣкто Ахикамъ взялъ его подъ свою защиту.

Скоро послѣдовали событія, на которыя нужно было смотрѣть, какъ на начало исполненія угрозы Іереміи и оправданія его пророческаго достоинства. При Кархамисѣ, на берегу Евфрата, Навуходоносоръ побѣдилъ фараона Нехао (605—4 г. до Р. Хр.), на котораго Іоакимъ, вассалъ Египта, смотрѣлъ дотолѣ, какъ на свою опору. Различные моменты этой, несчастной для египтянъ, борьбы отражаются въ рѣчи пророка Іереміи, въ 46-й главѣ его книги:

„Готовьте щиты и копья, и вступайте въ сраженіе; сѣдлайте коней, и садитесь, всадники, и становитесь въ шлемахъ; точите копья, облекайтесь въ брони. Почему же, вижу я, они оробѣли и обратились назадъ? и сильные ихъ поражены, и бѣгутъ, не оглядываясь; отвсюду ужасъ, говоритъ Господь... День этотъ у Господа Бога Саваоѳа есть день отмщенія, чтобы отмстить врагамъ его; и мечъ будетъ пожирать, и насытится и упьется кровію ихъ; ибо это Господу Богу Саваоѳу будетъ жертвоприношеніе въ землѣ сѣверной, при рѣкѣ Евфратѣ... Египетъ — прекрасная телица; но погибель отъ сѣвера идетъ, идетъ... Посрамлена дочь Египта предана въ руки народа сѣвернаго.“

Пораженіе египтянъ сдѣлало положеніе іудейскаго царства критическимъ. Побѣдивъ сюзерена, вавилонскій царь могъ потребовать покорности и отъ вассала. Правда, послѣ битвы при Кархамисѣ, Навуходоносоръ немедленно долженъ былъ возвратиться въ Вавилонъ, чтобы принять въ свои руки власть по смерти его отца. Но вопросъ: быть или не быть подъ властью Вавилона?—для Іудеи только откладывался черезъ это на нѣкоторое время, но не устранялся совсѣмъ. Іеремія представлялъ себѣ и объявлялъ этотъ вопросъ уже тогда рѣ-

шеннымъ въ томъ смыслѣ, что Іудея и окрестные народы «будутъ служить царю вавилонскому семьдесятъ лѣтъ». Можетъ быть, за эти слова, за это предсказаніе пророкъ лишенъ былъ свободы. Не имѣя возможности являться и говорить предъ народомъ лично, онъ велитъ своему ученику Варуху написать все, что онъ говорилъ когда-нибудь народу, и прочитать, напомнить эти рѣчи народному собранію при храмѣ. Донесено было князьямъ о содержаніи книги, и они, не считая возможнымъ не донести царю объ этомъ содержаніи, посовѣтовали только Іереміи съ Варухомъ скрыться. Царь Іоакимъ, по мѣрѣ прочтенія книги, сжигалъ ея листы въ жаровнѣ, стоявшей въ его комнатѣ. Но Іеремія послѣ этого велѣлъ снова написать не только прежнія свои рѣчи, но и прибавить къ нимъ новыя.

Іеремія настойчиво повторялъ свое пророчество о рабствѣ Іудеи царю вавилонскому. Между тѣмъ Навуходоносоръ, утвердившись на вавилонскомъ престолѣ, прежде всего нашелъ необходимымъ нанести ударъ египетскому фараону въ его собственной странѣ. Съ мелкими государствами, лежавшими по дорогѣ въ Египетъ, онъ надѣялся покончить скоро. И въ самомъ дѣлѣ, эти государства не имѣли силы противиться напору великаго царя съ его многочисленнымъ войскомъ:

„Посрамлены, — восклицаетъ Іеремія, — Емаѳъ и Арпадъ (сирійскіе города), ибо, услышавъ скорбную вѣсть, они уныли... Оробѣлъ Дамаскъ и обратился въ бѣгство; страхъ овладѣлъ имъ; боль и муки схватили его, какъ женщину въ родахъ... И зажгу огонь въ стѣнахъ Дамаска, и истребитъ чертоги Венадада. О Кидарѣ и о царствахъ Асора... такъ говоритъ Господь: вставайте, выступайте противъ Кидара, и опустошайте сыновей востока! Шатры ихъ и овецъ ихъ возьмутъ себѣ, и покровы ихъ и всю утварь ихъ, и верблюдовъ ихъ возьмутъ... Бѣгите, уходите скорѣе, сокройтесь въ пропасти, жители Асора, говоритъ Господь... ибо Навуходоносоръ, царь вавилонскій, сдѣлалъ рѣшеніе о васъ, и составилъ противъ васъ замыслъ“.

Изъ сирійской пустыни завоеватель подвигается къ югу и вступаетъ въ область аммонитянъ.

„Вотъ наступаютъ дни, говоритъ Господь, когда въ Раввѣ сыновъ аммоновыхъ слышенъ будетъ крикъ брани, и сдѣлается она грудой развалинъ, и города ея будутъ сожжены огнемъ... Кричите, дочери Раввы, опояшьтесь вретищемъ, плачьте... ибо Малхомъ (божество аммонитянъ) пойдетъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ своими священниками и князьями.“

Еще южнѣе, на восточномъ берегу Мертваго моря, лежала страна моавитянъ:

„Вотъ, какъ орелъ, полетитъ онъ (царь вавилонскій) и распростретъ крылья свои надъ Моавомъ. Города будутъ взяты, и крѣпости завоеваны, и сердце храбрыхъ моавитянъ будетъ въ тотъ день какъ сердце женщины, мучимой родами... Ужасъ и яма и петля для тебя, житель Моава, сказалъ Господь. Кто убѣжитъ отъ ужаса, упадетъ въ яму; а кто выйдетъ изъ ямы, попадетъ въ петлю; ибо я наведу на него, на Моава, годину посѣщенія ихъ, говоритъ Господь.“

Къ югу отъ Мертваго моря, въ гористой мѣстности жилъ Эдомъ и считалъ себя внѣ опасности на своихъ неприступныхъ, отчасти укрѣпленныхъ, скалахъ. Но Іеремія обращается къ нему:

„Кто подобенъ мнѣ? и кто потребуетъ отвѣта отъ меня? и какой пастырь противостанетъ мнѣ? Итакъ, выслушайте опредѣленіе Господа, какое онъ постановилъ объ Эдомѣ, и намѣренія его, какія онъ имѣетъ о жителяхъ Ѳемана (одной изъ эдомитскихъ провинцій) ... отъ шума паденія ихъ потрясется земля, и отголосокъ крика ихъ слышенъ будетъ у Чермнаго моря". „Бѣгите, обратившп тылъ, скрывайтесь въ пещерахъ, жители Дедана (другой эдомитской области); ибо погибель Исава я наведу на него,—время посѣщенія моего."

Когда Навуходоносоръ вступилъ въ предѣлы Іудеи, царь Іоакимъ немедленно изъявилъ ему покорность. Царь египетскій, между тѣмъ, вышелъ самъ на встрѣчу вавилонскому царю. Борьба между двумя соперниками происходила во всякомъ случаѣ въ Азіи, а не въ Африкѣ. Къ концу царствованія Іоакима, «царь египетскій не выходилъ болѣе изъ своей земли, потому что царь вавилонскій взялъ все, отъ потока египетскаго до Евфрата рѣки, что принадлежало царю египетскому» (4 Цар. 24, 7). Но самый Египетъ остался нетронутымъ. Значитъ, вавилонскій царь въ борьбѣ съ египтянами былъ такъ ослабленъ, что не рѣшился двинуться за Суэзскій перешеекъ. Нѣкоторый успѣхъ египетскаго фараона въ борьбѣ съ Навуходоносоромъ ободрилъ и іудейскаго царя: Іоакимъ пересталъ платить дань халдеямъ. Утомившись войной съ фараономъ, Навуходоносоръ хотѣлъ вознаградить себя легкимъ успѣхомъ въ Іудеѣ. Онъ пошелъ противъ Іерусалима и надѣялся овладѣть городомъ тѣмъ скорѣе, что египетскій фараонъ уже не имѣлъ силы оказать іудеямъ помощь, которой они отъ него ожидали. Навуходоносоръ, притомъ, подготовилъ свой личный успѣхъ, выславъ противъ Іудеи остававшіяся ему вѣрными полчища сиріянъ, аммонитянъ и моавитянъ. Іоакимъ, іудейскій царь, погибъ, повидимому, еще въ борьбѣ съ этими полчищами. Новаго царя, сына Іоакима, Іехонію (599 до Р. Хр.), пророкъ Іеремія привѣтствовалъ краткимъ, но очень неутѣшительнымъ предвѣщаніемъ:

„Живу я, сказалъ Господь: еслибъ Іехонія, сынъ Іоакима, царь іудейскій, былъ перстнемъ на правой рукѣ моей, то и отсюда я сорву тебя, и отдамъ тебя въ руки ищущихъ души твоей, и въ руки тѣхъ, которыхъ ты боишься, въ руки Навуходоносора, царя вавилонскаго, и въ руки халдеевъ, и выброшу тебя и твою мать, которая родила тебя, въ чужую страну, гдѣ вы не родились, и тамъ умрете".

Дѣйствительно, когда Навуходоносоръ обложилъ Іерусалимъ, то Іехонія, не видя возможности защищаться, отдался въ руки халдейскаго царя вмѣстѣ съ своимъ семействомъ и знатнѣйшими сановниками государства. Всѣ они были выселены въ Вавилонъ, вмѣстѣ съ іудейскимъ войскомъ, съ плотниками и кузнецами. Послѣдніе реме-

сленники были уведены изъ Іудеи, потому что иначе въ маленькомъ государствѣ могла скоро организоваться новая вооруженная измѣна и новая вооруженная защита. Въ Іерусалимѣ оставленъ былъ царемъ дядя уведеннаго въ плѣнъ, братъ Іоакима, Матѳанія, переименованный Навуходоносоромъ въ Седекію. Новый царь, обязанный вавилонскому царю своимъ престоломъ, долженъ былъ считать себя и покорнымъ слугою, вассаломъ Навуходоносора. Но уже въ самомъ же началѣ царствованія Седекіи въ Іерусалимъ явились послы отъ царей эдомскаго, моавитскаго, аммонитскаго, тирскаго и сидонскаго, съ предложеніемъ принять участіе въ союзѣ, который они заключили между собой съ цѣлью свергнуть съ себя иго халдеевъ и объявить себя независимыми. Въ это время, какъ свидѣтельствуетъ Іеремія, Іегова повелѣлъ ему сдѣлать себѣ узы и ярмо, возложить ихъ себѣ на шею и послать такія же каждому изъ государей, послы которыхъ явились въ Іерусалимъ. Іеремія сказалъ при этомъ посламъ:

„Такъ скажите государямъ своимъ:... нынѣ я отдаю всѣ эти земли въ руку Навуходоносора, царя вавилонскаго, раба моего... И всѣ народы будутъ служить ему и сыну его и сыну сына его, доколѣ не придетъ время и его землѣ и ему самому... И если какой народъ и царство не захочетъ служить ему, и не подклонить выи своей подъ ярмо царя вавилонскаго,—этотъ народъ я накажу мечемъ, голодомъ и моровою язвой, говоритъ Господь, доколѣ не истреблю ихъ рукой его. И вы не слушайте своихъ пророковъ и своихъ гадателей, и своихъ сновидцевъ, и своихъ волшенниковъ, и своихъ звѣздочетовъ, которые говорятъ вамъ: не будете служить царю вавилонскому...“

Пророкъ говорилъ также самому Седекіи: «Подклоните выю свою подъ ярмо царя вавилонскаго, и служите ему и народу его, и будете живы». Но «въ тотъ же годъ» одинъ изъ ложныхъ пророковъ, Ананія, сынъ Азура, изъ Гаваона, говорилъ: «Такъ говоритъ Господь Саваоѳъ, Богъ израилевъ: сокрушу ярмо царя вавилонскаго». И «взялъ ярмо съ выи Іереміи пророка, и сокрушилъ его». Іеремія сказалъ Ананіи: «Ты сокрушилъ ярмо деревянное, и сдѣлаешь вмѣсто него ярмо желѣзное. Ибо такъ говоритъ Господь Саваоѳъ, Богъ израилевъ: желѣзное ярмо возложу на выю всѣхъ этихъ народовъ, чтобы они работали Навуходоносору, царю вавилонскому, и они будутъ служить ему». Совѣты и предсказанія пророка Іереміи въ сущности были согласны съ совѣтами и предсказаніями, съ которыми обращался пророкъ Исаія къ Іудеямъ, когда они искали дружбы Египта, чтобы освободиться отъ обязанности платить дань ассирійскому царю. Халдеи сохранили бы за іудеями довольно широкую свободу народной жизни, если бы только іудеи не переставали платить имъ дань и необнаруживали склонности къ вооруженнымъ возстаніямъ. Примыкая къ недовольнымъ, іудеи естественно вызывали со стороны халдеевъ мѣры строгости, увеличивали тяжесть лежав-

шаго на нихъ ига.—Между тѣмъ, и тѣхъ іудеевъ, которые были уведены въ Вавилонъ съ царемъ Іехоніей, возбуждали явившіеся и между ними пророки, внушая имъ надежду на скорое освобожденіе изъ плѣна и рабства. Іеремія понималъ, какая великая опасность могла бы угрожать плѣннымъ, если бы они имѣли нетерпѣніе такъ или иначе обнаружить свою надежду или даже сдѣлать попытку насильственнаго освобожденія. Онъ посылаетъ въ Вавилонъ плѣннымъ іудеямъ письмо, въ которомъ говоритъ между прочимъ:

„Стройте домы, и живите въ нихъ, и разводите сады, и ѣшьте плоды ихъ. Берите женъ, и рождайте сыновей и дочерей; и сыновьямъ своимъ берите женъ, и дочерей своихъ отдавайте въ замужство, чтобы они рождали сыновей и дочерей, и размножайтесь тамъ, а не умаляйтесь. И заботьтесь о благосостояніи города, въ который я переселилъ васъ, и молитесь за него Господу; ибо при благосостояніи его и вамъ будетъ миръ... Да не обольщаютъ васъ пророки ваши, которые среди васъ“... Предстоитъ не освобожденіе уже уведенныхъ въ плѣнъ, но выселеніе и тѣхъ, которые остаются еще въ Іудеѣ. „Господь показалъ мнѣ, и вотъ, двѣ корзины со смоквами поставлены предъ храмомъ господнимъ... Одна корзина была со смоквами весьма хорошими, каковы бываютъ смоквы раннія, а другая корзина со смоквами весьма худыми, которыхъ, по негодности ихъ, нельзя ѣсть... И было ко мнѣ слово господне: подобно этимъ смоквамъ хорошимъ я признаю хорошими переселенцевъ іудейскихъ, которыхъ я послалъ изъ этого мѣста въ землю халдейскую: и обращу на нихъ очи мои во благо имъ... А о худыхъ смоквахъ... такъ говоритъ Господь: такимъ я сдѣлаю Седекію, царя іудейскаго, и князей его, и прочихъ іерусалимлянъ, остающихся въ этой землѣ и живущихъ въ землѣ египетской; и отдамъ ихъ на озлобленіе и на злостраданіе во всѣхъ царствахъ земныхъ, въ поруганіе, въ притчу, въ посмѣяніе и проклятіе во всѣхъ мѣстахъ, куда я изгоню ихъ.“

Между тѣмъ Египетъ оправлялся отъ потерь, понесенныхъ имъ въ борьбѣ съ халдеями. Война съ Вавилономъ была неизбѣжна и потому, что халдейскій царь не могъ остановиться на полууспѣхѣ, почти неудачѣ предшествовавшей войны. Навуходоносора влекло по направленію къ Египту и то броженіе между палестинскими народностями, которое, правда, не выразилось пока открытымъ возстаніемъ, но которое могло осложнить борьбу съ Египтомъ. Такое положеніе дѣла требовало со стороны халдейскаго царя обширныхъ и продолжительныхъ приготовленій къ войнѣ. Мы видимъ Навуходоносора въ Палестинѣ только въ десятомъ году царствованія Седекіи. Существовалъ ли въ это время союзъ, котораго добивались у Седекіи цари эдомскій, моавитскій, аммонитскій, тирскій и сидонскій, трудно сказать. За-то, повидимому, іудейскій царь поддерживалъ дружественныя сношенія съ египетскимъ фараономъ. Тѣмъ вѣрнѣе навлекалъ онъ на себя гнѣвъ вавилонскаго царя, и Навуходоносоръ, явившись въ Іудею, наводнилъ страну своимъ войскомъ и обложилъ, наконецъ, Іерусалимъ. Іеремія въ первые же дни осады объявилъ

Седекіи: «Такъ говоритъ Господь: вотъ, я отдаю этотъ городъ въ руки царя вавилонскаго, и онъ сожжетъ его огнемъ. И ты непремѣнно будешь взятъ и преданъ въ руки его, и глаза твои увидятъ глаза царя вавилонскаго, и уста его будутъ говорить твоимъ устамъ, и пойдешь въ Вавилонъ... Впрочемъ... ты умрешь въ мирѣ»... Для народа, котораго такъ много и глубоко волновала любовь къ независимости, было больно слышать эту угрозу пророка. Онъ хотѣлъ какъ-нибудь предупредить ея исполненіе. Вспомнили законъ Моисея, остававшійся съ нѣкотораго время мертвою буквой,—законъ, по которому рабовъ-евреевъ слѣдовало освобождать въ седьмой годъ ихъ рабства. Рабовъ освободили, и именно въ то время царь вавилонскій, услышавъ, что египетскій фараонъ, Офра, вышелъ ему на встрѣчу, снялъ осаду. Іерусалимляне раскаялись въ своей кратковременной покорности закону и возвратили себѣ рабовъ. Тогда пророкъ объявилъ имъ отъ лица Іеговы: «Вы не послушались меня въ томъ, чтобы каждый объявилъ свободу брату своему и ближнему своему: за-то вотъ, я, говоритъ Господь, объявляю вамъ свободу подвергнуться мечу, моровой язвѣ и голоду»... Седекія послалъ просить пророка: «Помолись о насъ Господу, Богу нашему». И пророкъ отвѣчалъ: «Вотъ, войско фараоново, которое шло къ вамъ на помощь, возвратится въ землю свою въ Египетъ. А халдеи снова пріидутъ и будутъ воевать противъ этого города, и возьмутъ его, и сожгутъ его огнемъ.»

Скоро Іеремію схватили, когда онъ хотѣлъ выдти изъ Іерусалима, направляясь въ Анаѳоѳъ. Его заподозрили въ намѣреніи отдаться халдеямъ и, какъ измѣнника, бросили въ темный подвалъ, откуда онъ былъ переведенъ на дворъ стражи. Тутъ Іеремія имѣлъ возможность видѣться съ людьми, которымъ и объявилъ: «Кто останется въ этомъ городѣ, умретъ отъ меча, голода и моровой язвы; а кто выйдетъ къ халдеямъ, будетъ живъ, и душа его будетъ вмѣсто добычи...» Вельможи сказали послѣ этого, что Іеремія распространяетъ малодушіе въ войскѣ и народѣ, и потребовали выдачи пророка въ ихъ распоряженіе. Брошенный въ грязную яму, онъ былъ вытащенъ оттуда Авдемелехомъ эѳіопляниномъ и снова помѣщенъ на дворѣ стражи, гдѣ снова совѣтовалъ Седекіи сдаться халдеямъ, причемъ царь могъ испытать не больше, какъ плѣнъ въ чужой землѣ, подобно Іехоніи.

Седекія былъ человѣкъ, очевидно, слабаго характера. Вельможамъ онъ не можетъ отказать въ позволеніи поступить съ Іереміею, какъ имъ угодно. Являясь лично въ мѣсто заключенія пророка, онъ проситъ не сказывать вельможамъ о цѣли его посѣщенія. Трудно было ожидать, чтобы такой человѣкъ рѣшился, по одному довѣрію

къ пророку, предаться въ руки вавилонскаго царя вопреки желанію вельможъ, видѣвшихъ въ совѣтахъ пророка только измѣнническое намѣреніе распространять въ народѣ малодушіе. Для Іереміи несомнѣнно было, что городъ и государство постигнетъ самая жестокая судьба.

Надежда однако не покидала его. Въ то время какъ онъ сидѣлъ заключенный во дворѣ стражи, къ нему явился изъ Анаѳоѳа дядя его, Анамеилъ, съ предложеніемъ: „купи себѣ мое поле, которое въ Анаѳоѳѣ, потому что по праву родства тебѣ слѣдуетъ купить его". Іеремія принялъ предложеніе, совершилъ купчую и положилъ ее въ надежное мѣсто, чтобы она могла сохраниться тамъ „многіе дни". „Ибо такъ говоритъ Господь Саваоѳъ, Богъ израилевъ: домы и поля и виноградники будутъ снова покупаемы въ этой землѣ." Теперь городъ отдается въ руки халдеевъ: но „вотъ, я соберу ихъ изъ всѣхъ странъ, въ которыя изгналъ ихъ во гнѣвѣ моемъ, и въ ярости моей, и въ великомъ негодованіи, и возвращу ихъ на это мѣсто и дамъ имъ безопасное житье. Они будутъ моимъ народомъ, а я буду имъ Богомъ. И дамъ имъ новое *) сердце и новый *) путь, чтобы боялись меня во всѣ дни жизни, ко благу своему и благу дѣтей своихъ послѣ нихъ. И заключу съ ними вѣчный завѣтъ, по которому я не отвращусь отъ нихъ, чтобы благотворить имъ, и страхъ мой вложу въ сердца ихъ, чтобъ они не отступали отъ меня". Если въ близкомъ будущемъ предстоитъ разрушеніе Іерусалима и храма, то въ дальнѣйшемъ наступятъ дни, когда „не будутъ говорить болѣе: ковчегъ завѣта господня; онъ и на умъ не придетъ, и не вспомнятъ о немъ, и не будутъ приходить къ нему, и его уже не будетъ. Въ то время назовутъ Іерусалимъ престоломъ Господа; и всѣ народы ради имени Господа соберутся въ Іерусалимъ; и не будутъ болѣе поступать по упорству злаго сердца своего". Съ новымъ, незлобивымъ сердцемъ каждый вѣрующій будетъ обращаться къ Богу непосредственно. Храма, какъ мѣста, гдѣ только и благоволитъ Господь принимать молитвы своихъ рабовъ, не будетъ. Священниковъ, какъ посредниковъ между Богомъ и народомъ вѣрующихъ, не будетъ. Вѣрнѣе, всѣ вѣрующіе будутъ въ то же время и священники. „Какъ неисчислимо небесное воинство и неизмѣримъ песокъ морской, такъ размножу племя Давида, раба моего, и левитовъ, служащихъ мнѣ".

Надежды, которыми пророкъ утѣшалъ себя и народъ, составляли полную противоположность дѣйствительности. Войско халдейское снова обложило городъ Іерусалимъ, въ которомъ скоро насталъ голодъ. Стѣна городская скоро была проломлена, и осаждавшіе ворвались въ городъ. Почти въ тоже время Седекія сдѣлалъ попытку бѣжать чрезъ калитку, открывавшую выходъ изъ царскаго сада за стѣну на іерихонскія поля. На этихъ поляхъ онъ былъ схваченъ и отосланъ къ царю вавилонскому въ Ривлу (въ Сирію), гдѣ и былъ ослѣпленъ самъ, а сыновья его умерщвлены. Городъ и храмъ были сожжены и ограблены, а жители выселены. Оставшаяся въ отечествѣ незначительная часть подчинена была Годоліи, намѣстнику Навуходоносора. Когда

*) Такое чтеніе, принятое въ сирскомъ пешито, согласно по смыслу съ переводомъ 70 толковниковъ: иное сердце и иной путь. Въ нынѣшнемъ еврейскомъ текстѣ читается: одно сердце и одинъ путь.

этотъ Годолія былъ убитъ, то іудеи, опасавшіеся жестокаго наказанія за убійство, бѣжали въ Египетъ и увлекли съ собой Іеремію, вопреки его волѣ. Онъ совѣтовалъ оставаться въ Іудеѣ, подавалъ надежду на милость Навуходоносора. Въ Египтѣ, говорилъ онъ, постигнетъ васъ новая бѣда: придутъ и туда халдеи... Іеремію однако увлекли въ Египетъ и стали служить «инымъ богамъ». И Іеремія вынужденъ былъ провозглашать новое горе невѣрному народу. «Посѣщу живущихъ въ землѣ египетской, какъ я посѣтилъ Іерусалимъ, мечемъ, голодомъ и моровою язвою. И никто не избѣжитъ и не уцѣлѣетъ изъ остатка іудеевъ, пришедшихъ въ землю египетскую», говорилъ его устами Іегова.

Среди событій, имѣвшихъ для іудеевъ роковое значеніе, среди борьбы партій, Іеремія, искренно любившій свое отечество, много страдалъ и волновался. Его душа не знала покоя. Хотя и рѣдко и на короткое время, его однакоже утѣшала надежда, что израиль не погибнетъ, обновится. Нѣкоторыя главы его книги проникнуты этимъ кроткимъ и спокойнымъ утѣшеніемъ. Маленькая книга, извѣстная подъ именемъ «Плача Іереміи», есть произведеніе, возникшее, вѣроятно, въ тѣ, проникнутыя спокойствіемъ иного рода, минуты, которыя иногда наставали для Іереміи послѣ разрушенія Іерусалима и посвящены были тому же Іерусалиму и павшему государству. Это тихія слезы, среди которыхъ только изрѣдка звучитъ нота нетерпѣливаго желанія лучшихъ дней,—слезы, которыя проливалъ пророкъ, оставшись въ Массифѣ, подъ покровительствомъ Годоліи, и наслаждаясь въ этомъ положеніи нѣкоторымъ, хотя и непродолжительнымъ спокойствіемъ:

„Какъ одиноко сидитъ городъ, нѣкогда многолюдный! онъ сталъ какъ вдова; великій между народами, князь надъ областями, сдѣлался данникомъ. Горько плачетъ онъ ночью, и слезы его на ланитахъ его... Пути Сіона сѣтуютъ, потому что нѣтъ идущихъ на праздникъ; всѣ ворота его опустѣли; священники его воздыхаютъ, дѣвицы его печальны;... дѣти его пошли въ плѣнъ впереди врага... Погубилъ Господь всѣ жилища Якова, не пощадилъ, разрушилъ въ ярости своей укрѣпленія дочери Іудиной... разорилъ свое мѣсто собраній, заставилъ Господь забыть на Сіонѣ празднества и субботы; и въ негодованіи гнѣва своего отвергъ царя и священника. Отвергъ Господь жертвенникъ свой, отвратилъ сердце свое отъ святилища своего... Ты (Господи!) созвалъ отвсюду, какъ на праздникъ, ужасы мои (говоритъ пророкъ отъ лица дочери Сіоновой), и въ день гнѣва господня никто не спасся, никто не уцѣлѣлъ... Вспомни, Господи, что надъ нами совершилось; призри и посмотри на поруганіе наше. Наслѣдіе наше перешло къ чужимъ, домы наши къ иноплеменнымъ. Мы сдѣлались сиротами, безъ отца; матери наши, какъ вдовы. Воду свою пьемъ за серебро, дрова наши достаются намъ за деньги. Насъ погоняютъ въ шею, мы работаемъ и не имѣемъ отдыха. Рабы господствуютъ надъ нами, и некому избавить отъ руки ихъ... Женъ безчестятъ на Сіонѣ, дѣвицъ въ городахъ іудейскихъ. Князья повѣшены руками ихъ, лица старцевъ не уважены. Юношей берутъ къ жерновамъ (какъ рабынь) и отроки падаютъ подъ ношами

дровъ. Старцы уже не сидятъ у воротъ; юноши не поютъ. Прекратилась радость сердца нашего; хороводы наши обратились въ сѣтованіе. Упалъ вѣнецъ съ головы нашей; горе намъ, что мы согрѣшили! Господи! для чего совсѣмъ забываешь насъ, оставляешь насъ на долгое время? Обрати насъ къ тебѣ, Господи, и мы обратимся; обнови дни наши, какъ древле. Неужели ты совсѣмъ отвергъ насъ, прогнѣвался на насъ безмѣрно?“

X. «Мудрые» въ послѣднее время независимости іудейскаго царства.—Соломоновъ «Экклезіастъ».—Книга Іова.—Книга «Притчей» Соломона.

Пророкъ Іеремія говоритъ, между прочимъ, о своихъ современникахъ іудеяхъ, что они, не желая слушать его угрозъ, не вѣря этимъ угрозамъ, надѣялись слѣдовать руководству священниковъ, мудрыхъ и пророковъ: потому что не исчезли «законъ у священника, и совѣтъ у мудраго, и слово у пророка»,—говорили они (18, 18). Изъ этихъ словъ видно, что въ послѣдніе годы независимаго существованія іудейскаго государства, въ обществѣ іудейскомъ, рядомъ съ священниками и пророками, былъ еще третій классъ людей образованныхъ и потому вліятельныхъ, которыхъ называли мудрыми. 3-я книга «Царствъ» содержитъ въ себѣ свидѣтельство, что мудрые существовали и въ гораздо древнѣйшее время. Она говоритъ о Соломонѣ, что «онъ былъ мудрѣе Еѳана Езрахитянина, и Емана, и Халкола, и Дарды, сыновей Махола» (4, 31). Что между этими мудрецами—современниками Соломона, и мудрыми—современниками пророка Іереміи, была преемственная связь,—это можно предположить, имѣя въ виду слѣдующее обстоятельство. Въ книгѣ «Притчей» есть небольшой отдѣлъ, называемый «словами мудрыхъ». Мы увидимъ ниже, что этотъ отдѣлъ былъ составленъ раньше пророка Іереміи. Мы имѣемъ такимъ образомъ основаніе предположить непрерывный рядъ мудрыхъ, начинающійся во время Соломона, а можетъ быть и ранѣе, и продолжающійся до плѣна вавилонскаго и, вѣроятно, позднѣе. Гдѣ и какъ образовались эти мудрые, какими средствами поддерживалось между ними единообразное направленіе, въ точности неизвѣстно. Можетъ быть, они были учениками тѣхъ же пророческихъ училищъ, которыя были основаны Самуиломъ. По крайней мѣрѣ, и мудрые обращаются къ своимъ ученикамъ такими же словами: «сынъ мой!», какими, напр. пророкъ Елисей называетъ своихъ учениковъ. Учитель имѣлъ на ученика такое вліяніе, что въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ считался его отцомъ. Относительно характера и направленія мудрости, которую стремились усвоить себѣ мудрые и ихъ ученики, сохранились болѣе точныя свидѣтельства въ памятникахъ священной литературы, оставленныхъ мудрыми. По этимъ свидѣтельствамъ, «начало мудрости—страхъ господень» (Притч., 1, 7; Іов. 28, 28); «кто

нашелъ ее, тотъ нашелъ жизнь и получитъ благодать отъ Господа» (Притч., 8, 35). Характеръ этой мудрости—практически-религіозный; Богъ—начало и конецъ ея; начиная страхомъ божіимъ, мудрый оканчиваетъ достиженіемъ благодати отъ Бога. Происхожденіе міра и зла занимаетъ мудрыхъ лишь на столько, на сколько понятіе о немъ можетъ опредѣлить нравственныя обязанности человѣка. Притомъ это понятіе не выработано силами собственнаго разума мудрыхъ. Оно заимствуется изъ божественнаго откровенія. Нравственныя обязанности опредѣляются также примѣнительно къ правиламъ, даннымъ въ законѣ божественномъ. Основываясь на откровеніи, нравственно-религіозная мудрость даетъ положительный характеръ всему своему ученію и этимъ отличается отъ философіи, которая, по своему первоначальному направленію у древнихъ грековъ, была стремленіемъ разрѣшить задачу человѣческой жизни, установить правильныя отношенія между бытіемъ объективнымъ и субъективной мыслью человѣка. Мудрость, которою обладаютъ мудрые въ еврейскомъ народѣ, «произноситъ истину языкомъ своимъ; всѣ слова устъ ея справедливы; нѣтъ въ нихъ коварства и лукавства; всѣ они ясны для разумнаго и справедливы для пріобрѣтшихъ знаніе; она ходитъ по пути правды, по стезямъ правосудія» (Притч., 8, 7—9, 20).

Такъ, Соломономъ (1015—975 до Р. Хр.) рѣшается одинъ изъ существенныхъ вопросовъ нравственной философіи—вопросъ о цѣли человѣческой жизни на землѣ, о задачѣ нравственной жизни человѣка. Вѣроятно, подъ конецъ своей жизни, Соломонъ хочетъ передать народу уроки своего личнаго опыта и потому принимаетъ имя «проповѣдника»—экклезіаста. Рѣчь Соломона, направленная къ отрицанію нравственнаго достоинства различныхъ житейскихъ предметовъ, ведется на основаніи его собственнаго опыта и исполнена болѣе или менѣе глубокаго трагизма:

Ни чувственныя наслажденія, ни даже трудъ, направленный къ пріобрѣтенію мудрости, не имѣютъ того нравственнаго достоинства, которое могло бы оправдать исключительную преданность имъ человѣка. „Суета суетъ, сказалъ Экклезіастъ, суета суетъ,—все суета! Что пользы человѣку отъ всѣхъ трудовъ его, которыми трудится онъ подъ солнцемъ?... Что̀ было, то и будетъ; и что̀ дѣлалось, то и будетъ дѣлаться, и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ.... Я экклезіастъ, сталъ царемъ надъ израилемъ въ Іерусалимѣ. И предалъ я сердце мое тому, чтобы изслѣдовать и испытать мудростью все, что дѣлается подъ небомъ: это тяжелое занятіе далъ Богъ сынамъ человѣческимъ, чтобъ они упражнялись въ немъ. Видѣлъ я всѣ дѣла, какія дѣлаются подъ солнцемъ, и вотъ, все суета и томленіе духа!... Во многой мудрости много печали; и кто умножаетъ познанія, умножаетъ скорбь. Сказалъ я въ сердцѣ моемъ: дай, испытаю я тебя веселіемъ, и насладись добромъ: но и это суета!.. Сдѣлался я великимъ и богатымъ больше всѣхъ, бывшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ; и мудрость моя пребывала со мною. Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывалъ имъ; не возбранялъ сердцу

моему никакого веселія... И оглянулся я на всѣ дѣла мои, которыя сдѣлали руки мои, и на трудъ, которымъ трудился я, дѣлая ихъ: и вотъ все суета и томленіе духа, и нѣтъ отъ нихъ пользы подъ солнцемъ!... И сказалъ я въ сердцѣ своемъ: и меня постигнетъ таже участь, какъ и глупаго: къ чему же я сдѣлался очень мудрымъ?... И возненавидѣлъ я жизнь... и возненавидѣлъ весь трудъ мой, которымъ трудился подъ солнцемъ; потому что долженъ оставить его человѣку, который будетъ послѣ меня. И кто знаетъ, мудрый ли будетъ онъ, или глупый?... И обратился я, и увидѣлъ всякія угнетенія, какія дѣлаются подъ солнцемъ: и вотъ слезы угнетенныхъ, а утѣшителя у нихъ нѣтъ; и въ рукѣ угнетающихъ ихъ— сила, а утѣшителя у нихъ нѣтъ. И ублажилъ я мертвыхъ, которые давно умерли, болѣе живыхъ, которые живутъ доселѣ; а блаженнѣе ихъ обоихъ тотъ, кто еще не существовалъ, кто не видалъ злыхъ дѣлъ, какія дѣлаются подъ солнцемъ".

Книга, содержащая въ себѣ рѣчи экклезіаста, и потому называемая также «Экклезіастъ», т.-е. проповѣдникъ, показываетъ намъ, такимъ образомъ, оборотную сторону того царствованія, на передней, лицевой сторонѣ котораго значатся—могущество, блескъ, слава и миръ. Уже историческія книги ветхаго завѣта, всего больше говорящія о славномъ и мирномъ царствованіи Соломона, содержатъ въ себѣ нѣкоторыя и прямыя указанія и косвенные намеки въ томъ смыслѣ, что славѣ не соотвѣтствовала степень внутренняго благосостоянія государства, что миръ не былъ основанъ на дѣйствительной силѣ его. «Жили іуда и израиль спокойно, каждый подъ виноградникомъ своимъ и подъ смоковницею своею, отъ Дана до Вирсавіи, во всѣ дни Соломона» (3 Цар., 4, 25); но по смерти Соломона немедленно обнаружилось недовольство тѣми повинностями, которыя приходилось отбывать народу въ силу распоряженій покойнаго царя. У молодого наслѣдника потребовали: «отецъ твой наложилъ на насъ тяжкое иго, ты же облегчи намъ жестокую работу отца твоего и тяжкое иго, которое онъ наложилъ на насъ, и тогда мы будемъ служить тебѣ» (—12, 4). Отсюда видно, во что̀ обходилась подданнымъ Соломона слава его царствованія. Повинности отбывали, подати платили неохотно. Вѣроятно, чтобы пополнять свою казну, истощаемую содержаніемъ громаднаго гарема, обширными и роскошными постройками, содержаніемъ большого придворнаго штата, власть прибѣгала и къ мѣрамъ насилія. Роскоши придворной жизни нашлось, вѣроятно, не мало подражателей. Для людей придворныхъ такое подражаніе было даже необходимо. Слуги царя Соломона вмѣстѣ съ финикійцами ѣздили по морю въ далекія страны на востокъ и западъ «и привозили золото и серебро, слоновую кость и обезьянъ и павлиновъ» (2 Пар., 9, 21). Потребности, которымъ удовлетворялъ этотъ привозъ, вызывали на большія издержки, иногда превышавшія собственныя наличныя средства потребителей. Вліятельныя, но нуждавшіяся въ деньгахъ лица могли злоупотреблять своимъ вліяніемъ

для того, чтобы достать нужныя деньги. Несправедливости въ судахъ къ однимъ, лицепріятіе къ другимъ за взятки, притѣсненія незначительныхъ по общественному положенію людей лицами знатными и вліятельными стали дѣломъ обычнымъ. Народъ не могъ не видѣть, что іерусалимскій дворъ, іерусалимское правительство вообще, главнымъ образомъ, виновны въ бо́льшей части бѣдъ, происходящихъ не только отъ обременительныхъ налоговъ, но и отъ несправедливостей въ судахъ. Нѣкоторыя народности, подчиненныя власти израильскаго царя силою оружія, возстали противъ этой власти еще при жизни Соломона: Сирія и Идумея отложились отъ него. Требованіе, съ которымъ обратились израильтяне къ Ровоаму, сыну Соломона, могло быть удовлетворено, и тогда, какъ увѣряли молодого царя старшіе его совѣтники, израильтяне были бы его «рабами на всѣ дни». Но «онъ пренебрегъ совѣтъ старцевъ» и пригрозилъ народу удвоеніемъ тяжести ига. Соломонъ, какъ оказалось, имѣлъ причины недоумѣвать, «мудръ-ли, или глупъ, будетъ тотъ, кому достанется весь его трудъ». Ровоамъ не умѣлъ удержать въ своихъ рукахъ и половины доставшагося ему по наслѣдству царства. Неувѣренный въ своемъ наслѣдникѣ, видя уже своими глазами, какъ отъ царства его отпадаютъ нѣкоторыя части, могъ ли Соломонъ не разочароваться во всей своей мудрости, когда она не обезпечивала ему нераздѣльнаго царства,—могъ-ли не признать суетною всю свою роскошь, когда эта послѣдняя стала прямою причиной недовольства и распаденія государства?

„Все суета и томленіе духа“, если нѣтъ мысли о Богѣ. „Не во власти человѣка — ѣсть и пить и услаждать душу свою отъ труда своего. Я увидѣлъ, что и это отъ руки божіей: потому что кто можетъ ѣсть и кто можетъ наслаждаться безъ него? Ибо человѣку, который добръ предъ лицомъ его, онъ даетъ мудрость и знаніе и радость; а грѣшнику даетъ заботу“... (2, 24—26). „Если какому человѣку Богъ далъ богатство и имущество, и далъ ему власть пользоваться отъ нихъ и брать свою долю и наслаждаться отъ трудовъ своихъ, то это даръ божій“ (5, 18). „Не скоро совершается судъ надъ худыми дѣлами: отъ этого и не страшится сердце сыновъ человѣческихъ дѣлать зло. Хотя грѣшникъ сто разъ дѣлаетъ зло и коснѣетъ въ немъ; но я знаю, что благо будетъ боящимся Бога, которые благоговѣютъ предъ лицемъ его“ (8, 12—12). „Сущность всего: бойся Бога и заповѣди его соблюдай, потому что въ этомъ все для человѣка. Ибо всякое дѣло Богъ приведетъ на судъ, и все тайное, хорошо ли оно, или худо“ (12, 13, 14).

Блага міра могутъ приносить радость только богобоязненному человѣку; для грѣшника же они служатъ источникомъ тяжелыхъ заботъ и огорченій,—эта мысль изъ устъ Соломона звучитъ обличеніемъ ему самому, осужденіемъ его собственнаго образа жизни за то время, когда онъ не только позволилъ своимъ многочисленнымъ женамъ по-

строить капища их языческим божествам въ Іерусалимѣ, но и самъ сталъ покланяться этимъ божествамъ. Что Соломонъ подъ конецъ своей жизни раскаялся въ увлеченіяхъ и порокахъ блестящей поры своего царствованія,—это весьма вѣроятно. Замѣчательно въ самомъ дѣлѣ, что возстанія въ Сиріи и Идумеѣ не только не были подавлены Соломономъ, но послѣдній не дѣлалъ къ этому даже и попытки. Быть можетъ, онъ видѣлъ въ этихъ возстаніяхъ заслуженное себѣ наказаніе.

Въ числѣ наблюденій, сдѣланныхъ «проповѣдникомъ» надъ жизнію человѣческаго общества и отдѣльныхъ лицъ, была—по его словамъ—«такая суета на землѣ: праведникомъ постигаетъ то, чего заслуживали бы дѣла нечестивыхъ, а съ нечестивыми бываетъ то, чего заслуживали бы дѣла праведниковъ» (Экклез., 8, 14). Проповѣдникъ убѣжденъ, что «благо будетъ боящимся Бога, а нечестивому не будетъ добра», что «скоро совершается судъ надъ худыми дѣлами» въ здѣшней-ли, или въ будущей жизни. Но временное несоотвѣтстіе между нравственнымъ достоинствомъ человѣка и степенью его благополучія онъ называетъ суетой, вызывающей у него «томленіе духа». Объ этомъ томленіи онъ, впрочемъ, только вспоминаетъ, какъ о прошедшемъ состояніи своей души. Онъ спокоенъ въ то время, когда говоритъ о тяжеломъ опытѣ своей жизни.

Другая книга ветхаго завѣта, написанная, можетъ быть, нѣсколько позднѣе Соломона и принадлежащая къ произведеніямъ того же направленія, которое господствовало въ средѣ мудрыхъ, вводитъ насъ въ самый процессъ этого тяжелаго опыта. Книга Іова представляетъ намъ примѣръ богатаго и знатнаго человѣка, отца значительнаго семейства:

„Человѣкъ этотъ непороченъ, справедливъ и богобоязненъ и удалялся отъ зла". Но его постигло несчастіе: всѣ дѣти и весь скотъ, составлявшій все его богатство, погибли въ одинъ день. Наконецъ и самъ онъ пораженъ былъ страшнѣйшею проказой—„отъ подошвы ноги его по самое темя его. И взялъ онъ себѣ черепицу, чтобы скоблить себя ею, и сѣлъ въ пепелъ". Жена побуждала его роптать на Бога... Три друга, пришедши, не узнали его и, пораженные необычайною картиной страданій, сидѣли молча семь дней и семь ночей. Открываетъ уста Іовъ и держитъ рѣчь, содержаніе которой можно кратко выразить слѣдующими словами: „Лучше бы мнѣ не родиться на свѣтъ"... „Нѣтъ мнѣ мира, нѣтъ покоя, нѣтъ отрады: постигло несчастіе", — таковы послѣднія слова этой рѣчи. Почему или для чего „постигло несчастіе" праведнаго человѣка?—вотъ вопросъ, который разрѣшается въ книгѣ Іова. Три друга, каждый три раза, выражаютъ предъ Іовомъ свой взглядъ на его положеніе и каждому изъ нихъ каждый разъ отвѣчаетъ страдалецъ. Елифазъ Ѳеманитянинъ, отвѣчая на горькую жалобу Іова, говоритъ: „Человѣкъ праведнѣе ли Бога, и мужъ чище ли творца своего? Вотъ, онъ и слугамъ своимъ не довѣряетъ, и въ ангелахъ своихъ усматриваетъ недостатки: тѣмъ болѣе въ обитающихъ въ храминахъ изъ бренія, которыхъ основаніе прахъ, ко-

торые истребляются скорѣе моли“ (4, 17—19). „Онъ знаетъ людей живыхъ и видитъ беззаконіе, и оставитъ ли его безъ вниманія?“—прибавляетъ Софаръ Наамитянинъ (11, 11). Вилдадъ Савхеянинъ говоритъ: „Неужели Богъ извращаетъ судъ, и Вседержитель превращаетъ правду?... Если ты чистъ и правъ: то онъ нынѣ же встанетъ надъ тобою, и умиротворитъ жилище правды твоей“ (8, 3.6). Отвѣчая своимъ друзьямъ, Іовъ говоритъ, что онъ знаетъ, что никто не чистъ предъ Богомъ. „Кто родится чистымъ отъ нечистаго? ни одинъ“ (14, 4). Но онъ „желалъ бы только отстоять пути свои предъ лицемъ его. И это уже въ оправданіе мнѣ; потому что лицемѣръ не пойдетъ предъ лице его“ (13, 15.16). „Что ты ищешь порока во мнѣ, — обращается онъ къ самому Богу,—и допытываешься грѣха во мнѣ, хотя знаешь, что я не беззаконникъ, и что некому избавить меня отъ руки твоей“ (10, 6.7). Во второмъ рядѣ рѣчей (гл. 15—21) друзья говорятъ о грѣшникахъ, несущихъ кару за свои грѣхи. „Нечестивый мучитъ себя во всѣ дни свои... Звукъ ужасовъ въ ушахъ его; среди мира идетъ на него губитель. Онъ не надѣется спастись отъ тьмы; видитъ предъ собою мечъ. Онъ скитается за кускомъ хлѣба повсюду; знаетъ, что уже готовъ, въ рукахъ у него, день тьмы. Устрашаетъ его нужда и тѣснота“... (15, 20—24). Іовъ видитъ въ этихъ рѣчахъ намѣреніе друзей причислить и его къ нечестивымъ. Онъ отвѣчаетъ: „Нѣтъ хищенія въ рукахъ моихъ, и молитва моя чиста“ (16, 17). Если рѣчи друзей о судьбѣ нечестивыхъ вѣрны, то „почему беззаконные живутъ, достигаютъ старости, да и силами крѣпки?“ (21, 7). „Знаю я ваши мысли и ухищренія, какія вы противъ меня сплетаете... Развѣ вы не спрашивали у путешественниковъ, и не знакомы съ ихъ наблюденіями, что въ день погибели пощаженъ бываетъ злодѣй, въ день гнѣва отводится въ сторону?“ (27—30). Начиная третій рядъ рѣчей, Елифазъ прямо заявляетъ Іову: „Вѣрно, злоба твоя велика, и беззаконіямъ твоимъ нѣтъ конца. Вѣрно, ты бралъ залоги отъ братьевъ своихъ ни за что, и съ полунагихъ снималъ одежду. Утомленному жаждой не подавалъ напиться, и голодному отказывалъ въ хлѣбѣ... Вдовъ ты отсылалъ ни съ чѣмъ, и сиротъ оставлялъ съ пустыми руками. За-то вокругъ тебя петли, и возмутилъ тебя неожиданный ужасъ“... (22, 5 и сл.). Отвѣтъ Іова начинается новымъ исповѣданіемъ его невинности. „Пусть онъ (Господь) обратилъ бы вниманіе на меня. Тогда праведникъ могъ бы состязаться съ нимъ, — и я навсегда получилъ бы свободу отъ судіи моего“ (23, 6, 7). Сравнивая свое невыносимо тяжелое положеніе съ своей жизнію въ здоровомъ состояніи, исполненною дѣлъ милости къ ближнему, Іовъ хочетъ сказать, что къ нему не приложимо правило, обыкновенно считавшееся непреложнымъ въ то время, именно что страдаетъ въ этой жизни только грѣшникъ. Онъ указываетъ также примѣры благоденствующихъ грѣшниковъ. Онъ заявляетъ, правда, что благоденствіе грѣшника, конечно, непрочно. „Если онъ наберетъ кучи серебра, какъ праха, и наготовитъ одеждъ, какъ бреніе: то онъ наготовитъ, а одѣваться будетъ праведникъ, и серебро получитъ себѣ на долю безпорочный. Какъ воды, настигнутъ его ужасы; въ ночи похититъ его буря“ (27, 16, 17, 20). Но въ объясненіе своего положенія, близкаго къ смерти,—положенія, въ которомъ онъ пересталъ надѣяться на воздаяніе за свою праведность, онъ ссылается только на непостижимую премудрость божію. Онъ думалъ вмѣстѣ съ своими друзьями, что праведникъ долженъ получить на землѣ воздаяніе за свою праведность. Сознавая себя праведнымъ, онъ видѣлъ неизбѣжность близкой своей смерти, послѣ которой уже не ожидалъ себѣ ничего, кромѣ тьмы, гроба и червей. „Низшедшій въ преисподнюю не выйдетъ“ оттуда (7, 9). „Еслибъ я и сталъ ожидать, то преисподняя домъ мой; во тьмѣ постелю я постель мою; гробу скажу: ты отецъ мой, червю: ты мать моя и сестра моя. Гдѣ же послѣ этого на-

дежда моя? и ожидаемое мною кто увидитъ? Въ преисподнюю сойдетъ она, и будетъ покоиться со мною въ прахѣ“ (17, 15, 16). „Томленіе духа“ у Іова было тѣмъ сильнѣе, что онъ, праведникъ, самъ на себѣ испытывалъ страданія, которыхъ заслуживалъ бы грѣшникъ. Вопросъ: почему и для чего страдаетъ праведникъ? рѣшается въ рѣчи отчасти Еліуя (32—37), отчасти самого Іеговы (38—41). Еліуй, молодой другъ Іова, доселѣ не принимавшій участія въ бесѣдѣ, считаетъ страдальца неправымъ, если онъ говоритъ: „чистъ я, безъ порока“. „Богъ выше человѣка... Богъ говоритъ однажды и, если того не замѣтятъ, въ другой разъ: во снѣ, въ ночномъ видѣніи, когда сонъ находитъ на людей, во время дремоты на ложѣ. Тогда онъ открываетъ у человѣка ухо, и запечатлѣваетъ свое наставленіе, чтобъ отвести человѣка отъ какого-либо предпріятія и удалить отъ него гордость, чтобъ отвести душу его отъ пропасти и жизнь его отъ пораженія мечемъ. Или онъ вразумляется болѣзнію на ложѣ своемъ.... и душа его приближается къ могилѣ и жизнь его къ смерти. Если есть у него ангелъ-наставникъ, одинъ изъ тысячи, чтобы показать человѣку прямой путь его, Богъ умилосердится надъ нимъ и скажетъ: освободи его отъ могилы, я нашелъ умилостивленіе“ (33, 14 и сл.). Іегова изъ бурнаго облака, порицая первыя рѣчи Іова, сказалъ ему: „Ты хочешь ниспровергнуть судъ мой, обвинять меня, чтобъ оправдать себя? Такая ли у тебя мышца, какъ у Бога? И можешь ли возгремѣть голосомъ, какъ онъ?“ Указывая примѣры необыкновенной силы въ царствѣ животномъ и другія чудеса природы, Іегова даетъ понять Іову, что тѣмъ болѣе непостижимъ для человѣка порядокъ божественнаго управленія нравственнымъ міромъ. Мысль, къ которой приближался и Іовъ въ своихъ послѣднихъ отвѣтахъ друзьямъ, хотя онъ не могъ отрѣшиться отъ убѣжденія, раздѣляемаго имъ съ друзьями, будто праведникъ непремѣнно долженъ благоденствовать въ здѣшней жизни, а грѣшникъ испытывать несчастіе.

Въ концѣ книги, Іовъ представляется выздоровѣвшимъ отъ болѣзни и вознагражденнымъ за свою праведность. Проживъ еще сто-сорокъ лѣтъ, онъ имѣлъ утѣшеніе не только видѣть дѣтей и потомковъ до четвертаго рода, но и достигнуть вновь еще большаго сравнительно съ прежнимъ благоденствія. Сравнивая такое заключеніе книги съ ея началомъ, мы получаемъ тотъ отвѣтъ на вопросъ, занимающій Іова и друзей его во время бесѣды, что Іегова попускаетъ праведникамъ страдать для того, чтобы испытать ихъ праведность и въ случаѣ, если она выдержитъ испытаніе, вдвойнѣ вознаградить ихъ.

Позднѣе книги Іова получила свой нынѣшній видъ книга «Притчей Соломоновыхъ». Главная ея часть, давшая свое имя цѣлому, содержитъ притчи Соломона, отличающіяся всѣми признаками древности и по языку и по способу изложенія. Это древнѣйшая часть книги (10 — 22, 16). Въ «Притчахъ», т.-е. (по значенію ихъ еврейскаго названія) въ сравненіяхъ, въ краткихъ изреченіяхъ, по силѣ и мѣткости имѣющихъ значеніе пословицъ, поговорокъ, восхваляются важнѣйшія добродѣтели: цѣломудріе, трудъ, вѣрность, праведность, благочестіе, бережливость, мудрость, терпѣніе, скромность и т. под. Это произведеніе мудрости человѣка, наблюдавшаго надъ

человѣческою жизнію и преподающаго извлеченные изъ наблюденія уроки. Какъ составлены, такъ, вѣроятно, и написаны онѣ Соломономъ. Но Соломонъ не самъ записалъ всѣ свои притчи. «Мужи царя Езекіи» (725—696 до Р. Хр.) впослѣдствіи собрали не мало еще другихъ соломоновыхъ притчей, занимающихъ гл. 25 — 29 въ нашей книгѣ «Притчей». Это второе собраніе соломоновыхъ притчей сдѣлано уже послѣ того, какъ къ первому собранію, непосредственно за нимъ, присоединены два собранія, изъ которыхъ одно, начинающееся съ 22, 17, называется «словами мудрыхъ», а другое начинается (въ 24, 23) словами: «сказано также мудрыми». Притчи мудрыхъ отличаются отъ притчей соломоновыхъ частымъ обращеніемъ къ читателю во второмъ лицѣ, иногда съ воззваніемъ: «сынъ мой!» «Приклони ухо твое, и слушай слова мудрыхъ, и сердце твое обрати къ моему знанію, потому-что утѣшительно будетъ, если ты будешь хранить ихъ въ сердцѣ твоемъ, и они будутъ также въ устахъ твоихъ». Въ этомъ и подобныхъ обращеніяхъ мы узнаемъ тѣ отношенія учителя къ ученику, какъ отца къ сыну, которыя господствовали въ училищахъ мудрости и о которыхъ сказано выше. Въ притчахъ соломоновыхъ подобное обращеніе къ читателю гораздо рѣже.

Первыя девять главъ книги составляютъ введеніе къ двумъ собраніямъ притчей соломоновыхъ и двумъ же собраніямъ притчей мудрыхъ. Собиратель назвалъ всѣ эти сборники однимъ именемъ: «Притчи Соломоновы», хотя не скрылъ въ эпиграфѣ къ нимъ, что подъ общимъ именемъ онъ разумѣетъ, вмѣстѣ съ соломоновыми изреченіями, и изреченія мудрыхъ. «Притчи Соломона, сына Давидова, царя израильскаго, чтобы познать мудрость и наставленіе, понять изреченія разума, усвоить правила благоразумія, правосудія, суда и правоты; простымъ дать смышленость, юношѣ—знаніе и разсудительность; послушаетъ мудрый и умножитъ познанія, и разумный найдетъ мудрые совѣты; чтобы разумѣть притчу и замысловатую рѣчь, слова мудрецовъ и загадки ихъ». Таковы первые стихи этого введенія въ притчи Соломона и другихъ мудрецовъ. Притчи называются произведеніями мудрости, которая представляется «возглашающею на улицѣ, на площадяхъ возвышающею голосъ свой, въ главныхъ мѣстахъ собраній проповѣдующею, при входахъ въ городскія ворота говорящею рѣчь свою». Въ своей рѣчи она опредѣляетъ свое высокое достоинство и значеніе:

„Господь имѣлъ меня началомъ пути своего, прежде созданій своихъ, искони.... Когда онъ уготовлялъ небеса, я была тамъ“ При образованіи вселенной „я была при немъ художницею... У меня совѣтъ и правда; я разумъ, у меня сила“. „Премудрость построила себѣ домъ, вытесала семь столбовъ его, заколола жертву, растворила вино свое и приготовила у себя трапезу; послала слугъ своихъ про-

возгласить съ возвышенностей городскихъ: кто неразуменъ, обратись сюда! И скудоумному она сказала: идите, ѣшьте хлѣбъ мой и пейте вино, мною растворенное“...

Трапезу, предлагаемую мудростью, и составляютъ притчи Соломона и изреченія мудрыхъ, содержащіяся въ гл. 10 и сл. Въ противоположность мудрости вводится «женщина безразсудная, шумливая, глупая и ничего незнающая, садится у дверей дома своего на стулѣ, на возвышенныхъ мѣстахъ города, чтобы звать проходящихъ дорогой, идущихъ прямо своими путями: «кто глупъ, обратись сюда». «Да не уклоняется сердце твое на пути ея, не блуждай по стезямъ ея»,—убѣждаетъ читателя составитель введенія къ притчамъ Соломоновымъ. Къ читателю онъ обращается часто словами: «сынъ мой!» и въ этомъ отношеніи сходится съ составителемъ изреченій мудрецовъ, содержащихся въ 22, 17 и сл. Вѣроятно, вмѣстѣ съ тѣмъ составителемъ, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ же мудрецовъ, существованіе которыхъ мы предположили непрерывнымъ со времени Соломона до вавилонскаго плѣна. Во время царствованія Езекіи, не раньше, могло быть написано это введеніе въ притчи. Тогда же, или нѣсколько позднѣе, къ «Притчамъ Соломоновымъ, которыя собрали мужи Езекіи», прибавлены:

1) «Слова Агура, сына Якеева», изъ которыхъ иныя замѣчательны по своей формѣ:

„Три вещи непостижимы для меня, и четырехъ я не понимаю: пути орла на небѣ, пути змѣя на скалѣ, пути корабля среди моря, и пути мужчины къ дѣвицѣ. Таковъ путь и жены прелюбодѣйной: поѣла и обтерла ротъ свой, и говоритъ: я ничего худаго не сдѣлала. Отъ трехъ трясется земля, и четырехъ она не можетъ носить: раба, когда онъ дѣлается царемъ; глупаго, когда онъ досыта ѣстъ хлѣбъ; позорную женщину, когда она выходитъ замужъ, и служанку, когда она занимаетъ мѣсто госпожи своей“.

2) «Слова Лемуила царя». Подъ этимъ заглавіемъ предлагается «наставленіе, которое преподала» Лемуилу «мать его»—«не отдавать женщинамъ силъ своихъ» и не пить много вина, и похвала «добродѣтельной женѣ», составленная такъ, что начальныя буквы стиховъ слѣдуютъ порядку еврейскаго алфавита.

XI. Книги пророковъ Іезекіиля и Даніила.

Въ плѣну евреи не остались безъ пророковъ. Въ эти дни «смертнаго мрака», когда, лишенные свободы дѣйствій, іудеи, по выраженію пророка Исаіи, ходили какъ слѣпые ощупью, руководительство пророковъ было для нихъ особенно необходимо. Изъ этихъ пророковъ двое оставили намъ двѣ книги—два памятника ихъ пророческой дѣятельности. Одинъ жилъ и пророчествовалъ среди плѣнныхъ іудеевъ,

выселенныхъ съ Iехоніею и поселенныхъ на рѣкѣ Ховарѣ, одномъ изъ притоковъ Тигра, съ лѣвой стороны впадающемъ въ него—не много сѣвернѣе нынѣшняго Мосула. Iезекіиль, сынъ священника Вузія, имѣлъ тамъ собственный домъ и жилъ семейною жизнію. Онъ слѣдовалъ совѣтамъ пророка Iереміи—не надѣяться на скорое возвращеніе въ родную страну. Онъ зналъ и былъ призванъ обличить упорство «мятежнаго дома» израилева, все еще заслуживающаго кары, а не милости. Его призваніе къ пророческой дѣятельности сопровождалось «видѣніемъ подобія славы господней»:

На сводѣ, по виду своему подобномъ „изумительному кристаллу“, поддерживаемомъ четырьмя животными, лица которыхъ напоминали человѣка, льва, тельца и орла, но которыя всѣ одинаково имѣли по шести крыльевъ,—на этомъ сводѣ, двигавшемся на четырехъ колесахъ, по виду своему подобныхъ топазу, Iезекіиль видѣлъ „подобіе престола по виду какъ бы изъ камня сапфира, а надъ подобіемъ престола было какъ бы подобіе человѣка вверху на немъ“. Сидѣвшій на престолѣ, посылая Iезекіиля „къ сынамъ израилевымъ, къ людямъ непокорнымъ, съ огрубѣлымъ лицемъ и съ жестокимъ сердцемъ“, далъ ему съѣсть „книжный свитокъ“, на которомъ было написано извнутри и снаружи: „плачъ и стонъ и горе“. Въ странѣ плѣна истинный пророкъ не думаетъ, подобно пророкамъ ложнымъ, о близкой радости возвращенія въ отечество. Онъ занятъ больше мыслію о нравственномъ недостоинствѣ остающихся еще въ отечествѣ іудеевъ. Рука Iеговы ведетъ его въ одно тайное помѣщеніе въ стѣнахъ храма іерусалимскаго, и онъ видитъ тамъ „всякія изображенія пресмыкающихся и нечистыхъ животныхъ и всякіе идолы дома израилева, написанные по стѣнамъ кругомъ. И семьдесятъ мужей изъ старѣйшинъ дома израилева стоятъ передъ ними, и Iезанія, сынъ Сафановъ, среди нихъ; и у каждаго въ рукѣ свое кадило“... У входа въ сѣверныя ворота дома господня „сидятъ женщины, плачущія по Θаммузѣ“, языческомъ сирско-финикійскомъ божествѣ, соотвѣтствующемъ греческому Адонису. А во внутреннемъ дворѣ дома господня, „между притворомъ и жертвенникомъ, около двадцати-пяти мужей стоятъ спинами своими къ храму господню, а лицами своими на востокъ, и кланяются на востокъ солнцу... Вотъ, они вѣтви подносятъ къ носамъ своимъ“ (гл. 8). Внѣ храма господствуютъ пролитіе невинной крови, злословіе отцу и матери, обиды пришельцамъ, сиротамъ и вдовамъ, „наготу отца открываютъ, жену во время очищенія нечистотъ ея насилуютъ, иной дѣлаетъ мерзость съ женою ближняго своего, иной оскверняетъ сноху свою, иной насилуетъ сестру“... (гл. 22). „Горы израилевы, восклицаетъ пророкъ, такъ говоритъ Господь: вотъ, я наведу на васъ мечъ“... Различные моменты бѣдствія, ожидающаго Iудею и Iерусалимъ, показаны пророкомъ наглядно въ тѣхъ или другихъ его личныхъ дѣйствіяхъ. Онъ взялъ, напр., кирпичъ, начертилъ на немъ городъ Iерусалимъ, сдѣлалъ противъ него укрѣпленіе, насыпалъ валъ вокругъ него, расположилъ кругомъ него станъ, разставилъ вокругъ него стѣнобитныя машины. Городъ „будетъ въ осадѣ: это будетъ знаменіемъ дому израилеву“,—объяснилъ пророкъ. Онъ лежалъ на лѣвомъ боку 390 дней, по числу лѣтъ, которыя грѣшило израильское царство, и на правомъ боку 40 дней, по числу лѣтъ, которыя грѣшило царство іудейское, и ѣлъ все это время хлѣбъ изъ смѣси пшеницы, ячменя, бобовъ, чечевицы, пшена и полбы, притомъ ѣлъ съ вѣсу, по 20 сиклей въ день, пилъ воду также мѣрою по $^1/_6$ гина. Хлѣбы печь повелѣно ему было сначала на человѣческомъ калѣ, а потомъ, когда онъ выразилъ свое крайнее отвращеніе къ этому, на коровьемъ пометѣ. И сказалъ Iегова: Такъ сыны израилевы будутъ

ѣсть нечистый хлѣбъ свой среди тѣхъ народовъ, къ которымъ я изгоню ихъ... Вотъ я сокрушу въ Іерусалимѣ опору хлѣбную, и будутъ ѣсть хлѣбъ вѣсомъ и въ печали, и воду будутъ пить мѣрой и въ уныніи". Пророкъ стрижетъ съ головы и бороды своей волосы и, раздѣливъ ихъ на три равныя части, одну часть жжетъ въ огнѣ среди города, другую рубитъ ножомъ въ окрестностяхъ его, а третью часть развѣваетъ по вѣтру, и только небольшое количество завязываетъ себѣ въ полы, но и изъ этого небольшого количества часть бросаетъ въ огонь. Іегова говоритъ народу въ объясненіе этихъ дѣйствій пророка: „Вотъ я противъ тебя. Третья часть у тебя умретъ отъ язвы, и погибнетъ отъ голода среди тебя; третья часть падетъ отъ меча въ окрестностяхъ твоихъ; а третью часть развѣю по всѣмъ вѣтрамъ, и обнажу мечъ вслѣдъ за ними". Пророкъ наконецъ приготовляетъ все нужное для переселенія и переселяется изъ одного мѣста въ другое на глазахъ народа. Онъ объявляетъ при этомъ: „Я знаменіе для васъ; что дѣлаю я, то будетъ съ ними, въ переселеніе, въ плѣнъ пойдутъ они" (остающіеся еще въ Палестинѣ). Вавилонскаго царя, имѣющаго совершить это переселеніе, пророкъ представляетъ подъ образомъ орла, срывающаго съ кедровъ ливанскихъ молодые побѣги и насаждающаго ихъ въ хорошо орошаемомъ мѣстѣ. Развившись здѣсь, дерево стало простирать свои корни и вѣтви къ другому орлу, „чтобы онъ поливалъ ихъ изъ бороздъ разсадника своего". Будетъ ли ему успѣхъ? спрашиваетъ Іегова. Не вырвутъ ли корней его, и не оборвутъ ли плодовъ его, такъ что оно засохнетъ? По толкованію пророка, это значитъ, что царь вавилонскій поставилъ въ Іерусалимѣ царемъ Седекію; но если послѣдній посылаетъ въ Египетъ за помощью противъ халдеевъ, то „будетъ ли ему успѣхъ?"... „Царь вавилонскій остановился на распутіи, при началѣ двухъ дорогъ для гаданія; трясетъ стрѣлы, вопрошаетъ терафимы (идолы, имѣвшіе значеніе греческихъ оракуловъ), разсматриваетъ печень (жертвеннаго животнаго). Въ правой рукѣ у него гаданіе: въ Іерусалимъ, гдѣ должно поставить тараны,... насыпать валъ, построить осадныя башни... И ты, недостойный, преступный вождь израиля, котораго день наступитъ нынѣ.... сними съ себя діадему, и сложи вѣнецъ; этого уже не будетъ... Низложу, низложу, низложу!..." Когда Навуходоносоръ подошелъ къ Іерусалиму, то Іезекіиль разложилъ большой костеръ, развелъ огонь и, подбавляя дровъ, варилъ мясо, „пусть все сгустится, и кости перегорятъ". Когда котелъ опустѣлъ, его еще разъ раскалилъ пророкъ, „и расплавилась въ немъ нечистота его, и вся накипь его исчезла". Горе городу кровей!" восклицаетъ пророкъ отъ лица Іеговы въ объясненіе своего дѣйствія. „Въ нечистотѣ твоей такая мерзость, что сколько я ни чищу тебя, ты все нечистъ; отъ нечистоты твоей ты и впредь не очистишься, доколѣ ярости моей я не утолю надъ тобою. Я Господь, я говорю: это придетъ и я сдѣлаю; не отмѣню и не пощажу, и не помилую".

Іерусалимъ былъ взятъ, и царство іудейское пало. Сострадая погибшему городу и государству, пророкъ угрожаетъ мщеніемъ Іеговы сосѣднимъ народностямъ, которыя отнеслись злорадно къ несчастію Іудеи:

„Я сдѣлаю Равву стойломъ для верблюдовъ, — говоритъ Іегова, и сыновъ аммоновыхъ пастухами овецъ". „Открою бокъ Моава для сыновъ востока, и отдамъ его въ наслѣдіе имъ"... Простру руку мою на Эдома, и истреблю у него людей и скотъ, и сдѣлаю его пустыней". Простру руку мою на филистимлянъ, и истреблю критянъ и уничтожу остатокъ ихъ на берегу моря" (гл. 25).

Съ особенною силой и настойчивостью Іезекіиль грозитъ финикійскому союзу городовъ и Египту, считая торговлю первыхъ и политику послѣдняго главнѣйшими развратителями міра (гл. 26—32).

Послѣ разрушенія Іерусалима, общество плѣнныхъ евреевъ въ Вавилонѣ увеличилось, и нѣкоторая часть ихъ стала и въ плѣну служить идоламъ.

„Не оскверняете ли вы себя по примѣру отцовъ вашихъ, и не блудодѣйствуете ли вслѣдъ мерзостей ихъ? Принося дары ваши и проводя сыновей вашихъ чрезъ огонь, вы оскверняете себя всѣми идолами вашими до сего дня... Вы говорите: „будемъ какъ язычники, какъ племена иноземныя, служить дереву и камню".

Такъ обличаетъ пророкъ своихъ соплѣнниковъ. Только этимъ продолженіемъ идолопоклонства между евреями и въ плѣну можно объяснить, что передъ плѣнными евреями пророкъ жестоко укоряетъ Ефрема и Іуду, которые, какъ двѣ блудницы, забыли всякій стыдъ, уклонившись на путь идолопоклонства и всякаго разврата (гл. 16 и 23). Припоминая прежніе грѣхи, пророкъ укоряетъ тѣмъ самымъ и своихъ соплѣнниковъ:

„Я поступлю съ тобою, какъ поступила ты, презрѣвши клятву нарушеніемъ союза. Но, прибавляетъ Іегова въ утѣшеніе, я вспомню союзъ мой съ тобою во дни юности твоей, и возстановлю съ тобою вѣчный союзъ" (16, 60). „Вы, горы израилевы, распустите вѣтви свои, и будете приносить плоды ваши народу моему... Вы будете воздѣлываемы и засѣваемы. И пошлю на васъ множество людей, весь домъ израилевъ, и заселены будутъ города, и застроены развалины". Тогда Іегова дастъ народу „новое сердце и новый духъ", и они будутъ его народомъ, а онъ ихъ Богомъ (11, 19, 20; 36; 26—28). Тогда Іегова „поставитъ надъ ними одного пастыря, который будетъ пасти ихъ,—раба своего Давида" (34, 23).

Всего яснѣе мысль объ обновленіи народа подъ скипетромъ Давида выражена у Іезекіиля въ видѣніи, описанномъ въ гл. 37-й:

„Была на мнѣ рука господня, и Господь вывелъ меня духомъ, и поставилъ меня среди поля, и оно было полно костей. И сказалъ мнѣ: сынъ человѣческій! оживутъ ли эти кости? Я сказалъ: Господи Боже, ты знаешь это. И сказалъ мнѣ: Изреки пророчество на эти кости, и скажи имъ: „Кости сухія! Слушайте слово господне! Такъ говоритъ Господь Богъ этимъ костямъ: Вотъ, я введу духъ въ васъ, и оживете. И обложу васъ жилами, и выращу на васъ плоть, и покрою васъ кожею, и введу въ васъ духъ, и оживете, и узнаете, что я Господь... И когда я пророчествовалъ, произошелъ шумъ, и вотъ движеніе, и стали сближаться кости, кость съ костью своею. И видѣлъ я, и вотъ, жилы были на нихъ, и плоть выросла, и кожа покрыла ихъ сверху, а духа не было въ нихъ. Тогда, по повелѣнію господню, пророкъ сказалъ: „Отъ четырехъ вѣтровъ приди духъ, и дохни на этихъ убитыхъ, и они оживутъ. И вошелъ въ нихъ духъ, и они ожили, и стали на ноги свои, весьма, весьма великое полчище. И сказалъ онъ мнѣ: Сынъ человѣческій! эти кости весь домъ израилевъ. Вотъ они говорятъ: „изсохли кости наши, и погибла надежда наша, мы оторваны отъ корня". „Потому изреки пророчество и скажи имъ: такъ говоритъ Господь Богъ: вотъ, я открою гробы ваши, и выведу

васъ, народъ мой, изъ гробовъ вашихъ, и введу васъ въ землю израилеву. И узнаете, что я Господь... И вложу въ васъ духъ мой, и оживете".

Въ странѣ плѣна, томясь подъ игомъ языческаго владычества, іудеи не могли не сопоставлять въ недоумѣніи этого тяжелаго томленія съ тѣми обѣтованіями, въ силу которыхъ израиль долженъ былъ стать источникомъ благословенія для всѣхъ народовъ. «Свѣтъ для язычниковъ» долженъ-ли былъ померкнуть въ «странѣ смертнаго мрака»? И если израиль за свое отступничество, за свои пороки страдаетъ, погибаетъ, то почему пользуются высокою степенью благоденствія халдеи, никогда незнавшіе Іеговы? И израиль не возвратился-ли уже на путь точнаго исполненія закона божія? Молодое поколѣніе, неповинное въ грѣхахъ отцовъ, должно-ли страдать и послѣ того, какъ оно начало «творить судъ и правду», вразумленное испытаніемъ? Это молодое поколѣніе говорило: «Отцы ѣли кислый виноградъ, а у дѣтей на зубахъ оскомина».

Исправляя взглядъ плѣнниковъ, Іегова устами пророка Іезекіиля говоритъ: „Живу я! не будутъ впредь говорить пословицу эту во израилѣ. Ибо, вотъ, всѣ души мои, какъ душа отца, такъ и душа сына—мои; душа согрѣшающая, та умретъ. Если кто праведенъ, и творитъ судъ и правду.... то онъ праведникъ, онъ непремѣнно будетъ живъ, говоритъ Господь Богъ. Но если у него родился сынъ разбойникъ, проливающій кровь.... то будетъ ли онъ живъ? Нѣтъ, онъ не будетъ живъ... Но если у кого родился сынъ, который, видя всѣ грѣхи отца своего, какіе онъ дѣлаетъ, видитъ и не дѣлаетъ подобнаго имъ.... то этотъ не умретъ за беззаконія отца своего, онъ будетъ живъ. А отецъ его.... умретъ за свое беззаконіе... И беззаконникъ, если обратится отъ всѣхъ грѣховъ своихъ, какіе дѣлалъ, и будетъ соблюдать всѣ уставы мои, и поступать законно и праведно, живъ будетъ, не умретъ... Развѣ я хочу смерти беззаконника? говоритъ Господь Богъ. Не того ли, чтобы онъ обратился отъ путей своихъ и былъ живъ? И праведникъ, если отступитъ отъ правды своей и будетъ поступать неправедно.... будетъ ли онъ живъ?.. Но вы говорите: неправъ путь Господа. Послушайте, домъ израилевъ! Мой ли путь неправъ? не ваши ли пути неправы?" (гл. 18). Неотвѣтственъ праведникъ за грѣшника, но и грѣшниковъ не пощадитъ Господь ради праведниковъ. „Сынъ человѣческій! обращается Іегова къ Іезекіилю, — если бы какая земля согрѣшила предо мною... и я простеръ на нее руку мою..., и еслибы нашлись въ ней эти три мужа: Ной, Даніилъ и Іовъ, то они своей праведностью спасли бы только свои души"... (гл. 14). Единственное вліяніе, какое можетъ имѣть праведникъ на грѣшника,—на его судьбу,—это вразумленіе и предостереженіе грѣшниковъ. „Тебя, сынъ человѣческій,—обращается Іегова къ пророку,—я поставилъ стражемъ дому израилеву, и ты будешь слышать изъ устъ моихъ слово, и вразумлять ихъ отъ меня. Когда я скажу беззаконнику: „беззаконникъ! ты смертью умрешь"; а ты не будешь ничего говорить, чтобы предостеречь беззаконника отъ пути его, то беззаконникъ тотъ умретъ за грѣхъ свой, но кровь его взыщу отъ руки твоей".

Было нѣкогда время, когда Іегова обѣщалъ Аврааму помиловать многогрѣшный городъ за нѣсколькихъ праведниковъ, если-бы они нашлись въ томъ городѣ. Позднѣе, при Іереміи, онъ изъявляетъ готовность помиловать городъ Іерусалимъ за одного человѣка, «соблю-

дающаго правду, ищущаго истины» (Іер. 5, 1). Но городъ не пощаженъ: значитъ, не нашлось въ немъ ни одного праведника. Провозглашая теперь, что каждый за свою вину долженъ понести наказаніе, что нельзя надѣяться на праведность предковъ, получившихъ обѣтованія, пророкъ Іезекіиль даетъ каждому урокъ вниманія къ своей собственной личной нравственности, урокъ нравственнаго исправленія. Это нравственное исправленіе стало теперь насущною нуждою больше, чѣмъ когда-нибудь въ другое время. Подвергается опасности самое существованіе народа. А народъ долженъ существовать. Если онъ униженъ на-время, то долженъ возстать и—возстанетъ. Видѣніе поля, усѣяннаго человѣческими костями, оживающими по слову божію, ближайшимъ образомъ означаетъ это обновленіе народной жизни израиля. Но такъ какъ обновленіе израиля соединяется у пророка съ заключеніемъ новаго вѣчнаго союза между Богомъ и народомъ, а этотъ вѣчный союзъ осуществляется и можетъ осуществиться въ средѣ не израиля только, но и всего человѣчества, то воскресеніе костей въ дальнѣйшемъ смыслѣ значитъ вѣчную жизнь обновленнаго человѣчества.

Видѣніе новаго храма, описанное въ послѣднихъ девяти главахъ книги пророка Іезекіиля, въ ближайшемъ смыслѣ также представляетъ указаніе на будущее возобновленіе законнаго богослуженія въ израилѣ послѣ плѣна. Но пророкъ нѣсколькими словами даетъ понять, что его чаяніе простирается дальше и шире, чѣмъ на время существованія второго храма и на жертвенный культъ.

„Это мѣсто престола моего, — говоритъ Господь о новомъ храмѣ, — и мѣсто стопамъ ногъ моихъ, гдѣ я буду жить среди сыновъ израилевыхъ во вѣки; и домъ израилевъ не будетъ болѣе осквернять святаго имени моего"...

Другой пророкъ, бывшій въ странѣ плѣна представителемъ израиля между язычниками—его властителями, представлялъ его именно какъ лучшую часть человѣчества, былъ выразителемъ тѣхъ чаяній, которыя касались вѣчнаго спасенія человѣчества. Даніилъ хотя былъ воспитанъ при дворѣ вавилонскаго царя, но былъ одушевленъ тою вѣрой, которая успѣла укорениться въ немъ еще когда онъ отрокомъ былъ на родинѣ. Изучая халдейскія книги и языкъ, онъ не переставалъ заниматься и книгами евреевъ, памятниками ихъ исторіи, дѣятельности ихъ пророковъ. Но онъ былъ также первымъ министромъ сначала вавилонскихъ, потомъ персидскихъ царей. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ руководителей передне-азіатской политики того времени. Онъ не могъ не знать отношеній, существовавшихъ тогда между государствами и народами не только передней Азіи, но и всего побережья Средиземнаго моря. Естественно, что его занимали вопросы: что станетъ съ израилемъ, теперь томящимся въ рабствѣ? какъ выйдетъ онъ изъ

столкновеній между народами, принявшихъ въ то время такіе широкіе размѣры? Какъ сохранится, когда и гдѣ осуществится та идея, которая должна была вести къ спасенію человѣчества? Желаніе своему родному народу исполненія его всемірной миссіи, желаніе, чтобъ этотъ народъ сталъ источникомъ благословенія для всѣхъ народовъ, тѣмъ болѣе воспламеняло душу Даніила, чѣмъ менѣе дѣйствительность согласовалась съ исполненіемъ этого желанія. Даніилъ самъ себя называетъ «мужемъ желаній». Но такъ какъ онъ жилъ среди народа, которому желанія іудейскаго пророка не могли представляться сочувственными, такъ какъ онъ пророчествовалъ о паденіи и этого народа, то отвѣты на его желанія были облечены въ форму таинственныхъ видѣній, смыслъ которыхъ онъ иногда объясняетъ и самъ. Общее содержаніе этихъ видѣній, по ихъ существенному смыслу, составляютъ судьбы царствъ, которымъ предстояло смѣнить другъ друга на сценѣ всемірно-исторической жизни, начиная съ халдейской монархіи. Первое изъ видѣній, описанныхъ въ книгѣ Даніила, было показано еще Навуходоносору, разрушившему Іерусалимъ и храмъ Соломона, и только объяснено Даніиломъ:

Царь видѣлъ необыкновенной величины истукана, голова котораго была изъ чистаго золота, грудь и руки—изъ серебра, чрево и бедра—мѣдныя, голени—желѣзныя, а ноги—частію желѣзныя, частію глиняныя. И вотъ оторвался отъ скалы, невидимою силой, камень, ударилъ въ истукана, и все вмѣстѣ разбилось, слѣда не осталось; только „камень, разбившій истуканъ, сдѣлался великою горой и наполнилъ всю землю". „Ты — эта золотая голова", обратился пророкъ къ Навуходоносору. „Ты — царь царей, которому Богъ небесный даровалъ царство, власть, силу и славу. Послѣ тебя возстанетъ другое царство, ниже твоего, и еще третье царство, мѣдное, которое будетъ владычествовать надъ всею землей. А четвертое царство будетъ крѣпко, какъ желѣзо... оно будетъ раздроблять и сокрушать. А что̀ ты видѣлъ ноги и пальцы на ногахъ частью изъ глины горшечной, частью изъ желѣза, то будетъ царство раздѣленное, и въ немъ останется нѣсколько крѣпости желѣза,... царство будетъ частью крѣпкое, частью хрупкое... И во дни тѣхъ царствъ Богъ небесный воздвигнетъ царство, которое во вѣки не разрушится, и царство это не будетъ передано другому народу; оно сокрушитъ и разрушитъ всѣ царства, а само будетъ стоять вѣчно, такъ какъ ты видѣлъ, что камень отторгнутъ былъ отъ горы не руками, и раздробилъ желѣзо, мѣдь, глину, серебро и золото".

Паденіе халдейскаго царства возвѣщено Даніиломъ яснѣе другому вавилонскому царю, который въ пророческой книгѣ представляется сыномъ Навуходоносора и котораго поэтому нужно отожествлять съ Эвиль-меродахомъ, преемникомъ Новуходоносора на вавилонскомъ престолѣ, хотя имя «Валтасаръ», данное ему въ книгѣ, не приписывается Эвиль-меродаху никакими другими, доселѣ извѣстными историческими памятниками. Впрочемъ, характеръ царя Валтасара, какъ онъ опредѣляется въ книгѣ Даніила, подходитъ къ тому опре-

дѣленію, которое даетъ халдейскій историкъ Берозъ. Берозъ говоритъ объ Эвиль-меродахѣ, что онъ царствовалъ «беззаконно и высокомѣрно» и въ книгѣ Даніила главнѣйшимъ порокомъ Валтасара, за который Іегова рѣшаетъ судьбу его царства, представляется то, что онъ «не смирилъ своего сердца».

Валтасаръ, сдѣлавъ большой пиръ для вельможъ своихъ и разгорячившись виномъ, приказалъ принести „золотые сосуды, которые взяты были изъ святилища дома божія въ Іерусалимѣ; и пили изъ нихъ царь и вельможи его, жены его и наложницы его. Пили вино, и славили боговъ золотыхъ и серебряныхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ, деревянныхъ и каменныхъ. Въ тотъ самый часъ вышли персты руки человѣческой, и писали противъ лампады на извести стѣны царскаго чертога... Тогда царь измѣнился въ лицѣ; мысли смутили его, связи чреслъ его ослабѣли, и колѣна его стали биться одно о другое“. Призванные царемъ вавилонскіе мудрецы не могли ни прочитать, ни истолковать написаннаго таинственной рукой. Только Даніилъ объяснилъ эти письмена. „Вотъ что̀ начертано“,— сказалъ онъ: „*мене, мене, текел упарсин*“. *Мене*—исчислилъ Богъ царство твое, и положилъ конецъ ему; *текел*—ты взвѣшенъ на вѣсахъ, и найденъ очень легкимъ; *перес*—раздѣлено царство твое, и дано мидянамъ и персамъ“.

Послѣдовательность царствъ, наслѣдовавшихъ отъ Вавилона власть надъ міромъ, яснѣе, чѣмъ въ видѣніи Навуходоносора и въ толкованіи Даніила, представилась пророку въ двухъ видѣніяхъ, которыя онъ имѣлъ въ царствованіе того же Валтасара. Эти видѣнія описаны въ 7 и 8 главахъ книги Даніила. Ключъ къ объясненію обоихъ видѣній данъ въ гл. 8. Даніилъ видѣлъ:

„Вотъ одинъ овенъ стоитъ у рѣки; у него два рога, и рога высокіе; но одинъ выше другого, и высшій поднялся послѣ... этотъ овенъ бодалъ къ западу, и къ сѣверу, и къ югу, и никакой звѣрь не могъ устоять противъ него, и никто не могъ спасти отъ него; онъ дѣлалъ, что̀ хотѣлъ, и величался.... И вотъ съ запада шелъ козелъ по лицу всей земли; у этого козла былъ видный рогъ между его глазами... Онъ, приблизившись къ овну, разсвирѣпѣлъ на него, и поразилъ овна, и сломилъ у него оба рога... Тогда козелъ чрезвычайно возвеличился; но когда онъ усилился, то сломился большой рогъ, и на мѣсто его вышли „четыре, обращенные на четыре вѣтра небесныхъ“. Даніилу объяснено было, что овенъ съ двумя рогами—„это цари мидійскій и персидскій; а козелъ косматый — царь Греціи“. Видѣніе, описанное въ гл. 7, становится понятнымъ въ связи съ видѣніемъ гл. 8 и съ толкованіемъ, тамъ предложеннымъ. Даніилъ говоритъ здѣсь, что онъ видѣлъ четырехъ большихъ звѣрей, выходящихъ изъ моря, непохожихъ одинъ на другого: „первый какъ левъ, но у него крылья орлиныя..., второй похожій на медвѣдя.... и три клыка во рту у него между зубами его;... вотъ еще звѣрь, какъ барсъ: на спинѣ у него четыре птичьихъ крыла, и четыре головы были у этого звѣря, и власть дана была ему... И вотъ звѣрь четвертый, страшный и ужасный и весьма сильный... десять роговъ было у него... И вотъ вышелъ между ними еще небольшой рогъ, и три изъ прежнихъ роговъ съ корнемъ исторгнуты были передъ нимъ, и вотъ въ этомъ рогѣ были глаза, какъ глаза человѣческіе, и уста, говорящія высокомѣрно“. Какъ замѣчено въ объясненіи, послѣдовавшемъ за видѣніемъ, звѣри, видѣнные Даніиломъ, и въ этомъ случаѣ означаютъ царства, но какія? Третій звѣрь, барсъ, имѣющій четыре птичьихъ крыла и четыре головы,

означаетъ тоже царство, которое разумѣется въ видѣніи главы 8 подъ косматымъ козломъ, у котораго на мѣсто сломившагося большого рога выростаютъ четыре, т.-е. царство греческое. Если такъ, то второй звѣрь, медвѣдь съ тремя клыками, будетъ обозначать царство мидо-персидское, въ лицѣ Кира принявшее и Вавилонъ въ предѣлы своей власти. Первый звѣрь, левъ съ орлиными крыльями, будетъ въ такомъ случаѣ символомъ вавилонской державы, а послѣдній, безыменный, звѣрь — символомъ римскаго государства. Если десять роговъ, бывшихъ у этого звѣря, означали десять царей: то царей этихъ ищутъ между римскими императорами. Такимъ образомъ взоръ пророка достигаетъ первыхъ временъ христіанства. Торжество идеи, принесенной въ міръ Спасителемъ, также предусмотрѣно Даніиломъ. Въ то время, когда одинъ изъ роговъ четвертаго звѣря, послѣ того какъ передъ нимъ исторгнуты были три прежнихъ рога, сталъ говорить высокомѣрныя рѣчи, „поставлены были престолы, и возсѣлъ ветхій днями, одѣяніе на немъ было бѣло, какъ снѣгъ, и волосы главы его, какъ чистая волна; престолъ его какъ пламя огня, колеса его—пылающій огонь. Огненная рѣка выходила и проходила передъ нимъ; тысячи тысячъ служили ему, и тьмы темъ предстояли предъ нимъ; судьи сѣли, и раскрылись книги. Тогда за изреченіе высокомѣрныхъ словъ, какія говорилъ рогъ, звѣрь былъ убитъ... Вотъ, съ облаками небесными шелъ какъ бы сынъ человѣческій, дошелъ до ветхаго днями, и подведенъ былъ къ нему. И ему даны власть, слава и царство, чтобы всѣ народы, племена и языки служили ему; владычество его, владычество вѣчное, которое не пройдетъ, и царство его не разрушится“.

Вѣроятно, число «десять» для роговъ четвертаго звѣря есть только круглое число. По крайней мѣрѣ трудно къ этому числу свести римскихъ императоровъ за какой бы то ни было періодъ римской исторіи, признаки котораго исключительно подходили бы къ характеристикѣ четвертаго звѣря Даніилова видѣнія. Впрочемъ, и счетъ греческихъ царей—Селевкидовъ, сирійскихъ преемниковъ Александра В., тѣми богословами, которые подъ четвертымъ звѣремъ хотятъ разумѣть греческую монархію, также не можетъ быть сведенъ къ десяти. Во всякомъ случаѣ паденіе высокомѣрнаго рога представляется у пророка Даніила вмѣстѣ паденіемъ и самаго звѣря. Всего вѣроятнѣе, что этотъ звѣрь есть представитель языческой силы вообще, также какъ предыдущіе звѣри были представителями той же силы для своего времени, также какъ древнѣйшіе пророки разсматриваютъ другія народности, напр., Эдомъ (въ 34 гл. Исаіи), или Вавилонъ (у пророка Іереміи, 50 и 51 гл.), какъ представителей всего язычества въ его отношеніи къ народу божію. Язычество падаетъ, силу и власть получаетъ Сынъ человѣческій, т.-е. то сѣмя жены, черезъ которое, какъ обѣщано еще первой человѣческой четѣ, совершится побѣда надъ зломъ, посѣяннымъ въ мірѣ зміемъ-искусителемъ. «Ветхій днями», т.-е. вѣчный, тотъ, кто въ другихъ случаяхъ называется Іеговою, рѣшаетъ, что власть надъ міромъ съ тѣхъ поръ должна принадлежать Сыну человѣческому, побѣдителю зла. Рѣшается такимъ образомъ торжество истины, добра,

правды, способности человѣчества къ умственному и нравственному совершенствованію.

Болѣе частные моменты торжества «сына человѣческаго» надъ зломъ, господствующимъ въ человѣчествѣ, равно какъ и время, когда начнется это торжество, опредѣлены въ отвѣтѣ, который Даніилъ получилъ отъ Іеговы на свою молитву:

Онъ молился, да отвратится гнѣвъ отъ города Іерусалима и отъ святой горы Сіона. Онъ припоминалъ при этомъ пророчество Іереміи, что плѣнъ іудеевъ въ чужой землѣ продолжится только семьдесятъ лѣтъ. Онъ спрашивалъ, когда придетъ время исполненія этого пророчества? Отвѣтъ Іеговы обращаетъ вниманіе пророка не столько на временное освобожденіе народа отъ рабства человѣческаго, сколько на вѣчное оправданіе его отъ грѣха. Не семьдесятъ лѣтъ, но „семьдесятъ седминъ опредѣлены для твоего народа и святаго твоего города, чтобы покрыто было преступленіе, запечатаны были грѣхи, и заглажены беззаконія, и чтобы приведена была правда вѣчная, и запечатаны были видѣнія и пророкъ, и помазанъ былъ святой святыхъ. Итакъ, знай и разумѣй: съ того времени, какъ выйдетъ повелѣніе о возстановленіи Іерусалима, до Христа владыки семь седминъ и шестьдесятъ двѣ седмины; и возвратится народъ и обстроятся улицы и стѣны, но въ трудныя времена. И по истеченіи шестидесяти двухъ седминъ предаанъ будетъ смерти Христосъ, и не будетъ; а городъ и святилище разрушены будутъ народомъ вождя, который придетъ, и конецъ его будетъ какъ отъ новодненія, и до конца войны будутъ опустошенія. И утвердитъ завѣтъ для многихъ одна седмина, а въ половинѣ седмины прекратится жертва и приношеніе, и на крилѣ святилища будетъ мерзость запустѣнія, и окончательная предопредѣленная гибель постигнетъ опустошителя".

Повелѣніе, отъ изданія котораго считаются здѣсь семьдесятъ седминъ, есть, вѣроятно, указъ Артаксеркса I (465—424), съ которымъ отправился священникъ Эздра въ Іерусалимъ. Правда, текстъ этого указа, сохранившійся въ 1-й книгѣ Эздры, не заключаетъ въ себѣ ни слова о возстановленіи Іерусалима, но уполномочиваетъ Эздру главнымъ образомъ «обозрѣть Іудею и Іерусалимъ по закону Бога небеснаго», т.-е. исправить и направить жизнь іудеевъ по этому закону. Однакожъ нѣкоторыя выраженія указа расширяютъ полномочія до такой степени, что царскіе казнохранители обязаны давать ему все, чего онъ потребуетъ. Потомъ, спустя четырнадцать лѣтъ, когда въ Іерусалимъ отправился другой уполномоченный царя, Неемія, то ему даются только письма къ начальникамъ областей о содѣйствіи ему въ построеніи іерусалимскихъ стѣнъ. Самое построеніе этихъ стѣнъ разсматривается какъ дѣло, уже рѣшенное прежде. И если Эздра потомъ является рядомъ съ Нееміей при освященіи уже возстановленныхъ стѣнъ города, то это значитъ, что онъ дѣйствовалъ въ согласіи съ младшимъ и позднѣе явившимся царскимъ уполномоченнымъ и что ихъ полномочія были тожественны, вслѣдствіе чего послѣдній и не получилъ особеннаго, къ нему лично обращеннаго,

указа. Итакъ, указъ Артаксеркса I, данный Эздрѣ въ седьмой годъ царствованія этого царя, слѣдовательно въ 457 г. до Р. Хр., былъ, вѣроятно, повелѣніемъ о возстановленіи города Іерусалима, какъ крѣпости. По ученію церкви, отъ изданія этого указа должно начинать счетъ семидесяти седминъ. Чрезъ (7+62=) 69 седминъ, т.-е. чрезъ 483 года *), «будетъ преданъ смерти Христосъ»—помазанникъ. Эта смерть рѣшитъ участь города и святилища; но въ то время, какъ святилище опустѣетъ, жертвы и приношенія прекратятся,—въ то время, какъ упразднится значеніе этихъ символовъ ветхаго завѣта,—въ семидесятую седмину установится новый «завѣтъ для многихъ»,—завѣтъ, въ который могутъ вступить многочисленные, «какъ песокъ морской и какъ звѣзды небесныя», вѣрующіе, къ какому бы племени они ни принадлежали. Жертвы и приношенія прекратятся потому, что грѣхи загладятся, преступленія покроются милосердіемъ Іеговы; правдѣ божіей, оскорбленной грѣхами человѣчества, принесено будетъ достойное удовлетвореніе. То, о чемъ пророки говорили, какъ о будущемъ, спасеніе человѣчества—станетъ совершившимся событіемъ: «запечатаны» будутъ, т.-е. упразднятся, видѣніе и пророкъ. Начальникомъ, вождемъ, владыкой новаго завѣта будетъ святой святыхъ, т.-е. святѣйшій, притомъ помазанникъ, тотъ самый помазанникъ, который своей смертью положитъ конецъ жертвенному богослуженію ветхаго завѣта. Такъ, больше, чѣмъ удовлетворялось «желаніе» Даніила: не освобожденіе только изъ вавилонскаго плѣна, но оправданіе отъ грѣха, свободу отъ всякаго зла обѣщаетъ Іегова даровать не еврейскому только народу, но и всему человѣчеству.

XII. Синагоги.—Возвращеніе іудеевъ изъ плѣна.—Пророки Аггей и Захарія.—Еврейское представленіе объ ангелахъ.—Послѣдній ветхозавѣтный пророкъ.—«Пѣсни восхожденія».

Изъ среды іудеевъ, томившихся въ вавилонскомъ плѣну, до насъ сохранился другой голосъ, выражающій тоже желаніе освобожденія отъ тяжелыхъ условій слишкомъ затянувшейся жизни въ плѣну. Плѣнники, держась здѣсь обособленно, старались устроить свою жизнь по своимъ особымъ законамъ. Изъ книги пророка Іезекіиля мы видимъ, что къ пророку въ домъ собирались старѣйшины народа и простые іудеи, чтобы получить отъ него то или другое наставленіе. Что бесѣды пророка сопровождались чтеніемъ изъ древнихъ книгъ

*) Смерть Спасителя послѣдовала на 34 году его земной жизни, слѣдовательно, спустя 490 лѣтъ по изданіи указа Артаксерксова, т.-е. не черезъ 69, а черезъ всѣ 70 седминъ. Неточность совпаденія можетъ быть объяснена неточностью хронологическихъ указаній, какія даются историческими небиблейскими памятниками того времени.

Прим. автора.

пророческихъ, изъ моисеева закона, это весьма вѣроятно. Сынъ священника, Іезекіиль естественно могъ избрать, между прочимъ, и то средство вліянія на народъ, которое и закономъ было предоставлено священникамъ и левитамъ, именно чтеніе закона въ народныхъ собраніяхъ. Въ собраніяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя составлялись въ домѣ Іезекіиля, и для подобныхъ собраній между плѣнными евреями, особенно между священниками и левитами, подготовлялись тѣ «ученые», которые упоминаются въ книгѣ Эздры, къ которымъ принадлежалъ и самъ Эздра. Обычай подобныхъ собраній перешелъ потомъ и въ Палестину. Изъ книги Нееміи видно, что Эздра съ другими левитами читали и объясняли народу моисеевъ законъ въ торжественномъ собраніи на площади. Еще прежде, когда возвратившимися изъ плѣна съ Зоровавелемъ только-что было положено основаніе новому храму въ Іерусалимѣ, пѣли псалмы. Обычай псалмопѣнія при религіозныхъ собраніяхъ сохранился между плѣнниками. Словомъ, еще въ плѣну возникли и стали мало-по-малу развиваться синагоги. Въ то время, когда храмъ былъ разрушенъ, надо было такъ или иначе совершать то, для чего собирались въ храмѣ. Не совершалось жертвоприношеній, но читались священныя книги, пѣлись псалмы. Одинъ изъ такихъ псалмовъ свидѣтельствуетъ о томъ тяжкомъ положеніи, которое переживали плѣнные. Гоненія, примѣръ которыхъ мы видимъ изъ книги Эсѳирь даже во время персидскаго владычества, вообще болѣе или менѣе благосклоннаго къ евреямъ, плѣнные испытывали естественно въ большей мѣрѣ подъ халдейскимъ владычествомъ. Собраній, которыя, напоминая іудеямъ ихъ древнюю независимую жизнь, въ тоже время упрочивали ихъ обособленность въ странѣ плѣна,—этихъ собраній не могло поощрять вавилонское правительство. Въ отдѣльныхъ мѣстахъ поселенія плѣнниковъ могли быть приняты и карательныя мѣры противъ людей, стремившихся образовать государство въ государствѣ. И эти мѣры, естественно, могли только усилить въ преслѣдуемыхъ желаніе скораго освобожденія. А обычай псалмопѣнія давалъ возможность выражать и передъ Іеговой горькое чувство, овладѣвшее народомъ.

„Для чего, Боже, отринулъ насъ на всегда,—поетъ въ это время неизвѣстный псалмопѣвецъ,—возгорѣлъ гнѣвъ твой на овецъ пажити твоей? Вспомни сонмъ твой, который ты стяжалъ издревле, искупилъ въ жезлъ достоянія твоего... Подвигни стопы твои къ вѣковымъ развалинамъ: все разрушилъ врагъ въ святилищѣ! Рыкаютъ враги твои среди собратій твоихъ, поставили знаки свои вмѣсто знаменій нашихъ... Предали огню святилище твое; совсѣмъ осквернили жилище имени твоего. Сказали въ сердцѣ своемъ: разоримъ ихъ совсѣмъ, и сожгли всѣ мѣста собраній божіихъ на землѣ... Доколѣ, Боже, будетъ поносить врагъ? Вѣчно ли будетъ хулить противникъ имя твое? Для чего отклоняешь руку твою и десницу твою?"...

Въ тоже время, на развалинахъ Іерусалима, другой псалмопѣвецъ, изъ поколѣнія Асафа, молился:

„Боже, язычники пришли въ наслѣдіе твое; осквернили святой храмъ твой, Іерусалимъ превратили въ развалины; трупы рабовъ твоихъ отдали на снѣденіе птицамъ небеснымъ, тѣла святыхъ твоихъ звѣрямъ земнымъ... Мы сдѣлались посмѣшищемъ у сосѣдей нашихъ, поруганіемъ и посрамленіемъ у окружающихъ насъ. Доколѣ, Господи, будешь гнѣваться непрестанно, будетъ пылать ревность твоя, какъ огонь? Пролей гнѣвъ твой на народы, которые не знаютъ тебя, и на царства, которыя имени твоего не призываютъ. Ибо они пожрали Якова и жилище его опустошили. Не помяни намъ грѣховъ нашихъ предковъ, скоро да предварятъ насъ щедроты твои; потому что мы весьма истощены".

Отправляясь изъ страны плѣна въ отечество, іудеи намѣрены были прежде всего начать постройку новаго храма. Киръ, давая позволеніе плѣннымъ іудеямъ возвратиться въ ихъ отечество, въ своемъ особомъ указѣ не только велѣлъ имъ построить храмъ въ Іерусалимѣ, но и отдалъ имъ священные сосуды, унесенные изъ Соломонова храма при Навуходоносорѣ. Зоровавель, предводитель возвращавшихся въ отечество іудеевъ, построилъ сначала простой жертвенникъ для жертвоприношеній, а потомъ положилъ основаніе и новому храму. Постройка шла медленно и совсѣмъ даже прекращалась на продолжительное время. Строителямъ мѣшали ихъ сосѣди, жители прежняго израильскаго царства, смѣшавшіеся съ язычниками, переселенными туда изъ областей ассирійскаго государства Саргономъ. Эти, такъ-называемые съ тѣхъ поръ, самаряне хотѣли и сами принять участіе въ постройкѣ іерусалимскаго храма, желая потомъ участвовать и въ богослуженіи, которое будетъ тамъ совершаться. Возвратившіеся изъ плѣна іудеи находили для себя опаснымъ допустить это участіе самарянъ. Они знали, что израильтяне, живя вмѣстѣ съ язычниками, уже давно стали поклоняться и богамъ этихъ язычниковъ. Іудеи не хотѣли допустить ихъ къ религіозному общенію съ собою. Однажды такъ жестоко пострадавъ (въ плѣну) за утрату чистоты своего религіознаго образа мыслей и жизни, іудеи тѣмъ болѣе страшились новой кары, что освобожденіе отъ кары первой было дѣломъ столь недавнихъ дней. Итакъ, они не хотѣли дозволить самарянамъ помогать имъ въ постройкѣ новаго іерусалимскаго храма. Раздраженные отказомъ, самаряне стали клеветать на іудеевъ предъ персидскимъ правительствомъ, будто іудеи—всегда склонный къ возмущеніямъ народъ, и теперь хотятъ возобновить іерусалимскую крѣпость, чтобъ успѣшнѣе возстать и защищаться. Тогда работа была остановлена вооруженною силой. Остановка продолжалась дольше, чѣмъ сколько вынуждали это обстоятельства. При Камбизѣ, воевавшемъ съ Египтомъ и особенно внимательномъ къ настроенію народ-

ностей, лежавшихъ на пути изъ Персіи въ Египетъ, не трудно было убѣдить персидское правительство въ измѣнническихъ замыслахъ іудеевъ. Но Дарій Гистаспъ, послѣ окончательнаго покоренія Египта Камбизомъ, находилъ свою власть вполнѣ обезпеченною и съ этой стороны и былъ далекъ отъ мелкой подозрительности къ іудеямъ. При Даріи перестали существовать серьёзныя препятствія къ продолженію постройки. Народъ, между тѣмъ, устроивъ свою частную жизнь, сталъ равнодушнѣе относиться къ дѣлу общественно-религіозному. Оправдывали себя тѣмъ, что время для безпрепятственной постройки все еще будто бы не пришло, что направленіе правительственной политики все еще будто бы не измѣнилось. Въ странѣ, между тѣмъ, наступила засуха; жатва на поляхъ была скудная. Въ это время является среди іерусалимлянъ пророкъ Аггей (520 г. до Р. Хр.) и упрекаетъ народъ:

Вы говорите: „не пришло еще время строить домъ господень? А вамъ самимъ время жить въ домахъ вашихъ украшенныхъ, тогда какъ домъ этотъ (храмъ) въ запустѣніи?... Обратите сердце ваше на пути ваши. Вы сѣете много, а собираете мало; ѣдите, но не въ сытость; пьете, но не напиваетесь; одѣваетесь, а не согрѣваетесь; заробатывающій плату заробатываетъ для дыряваго кошелька... Обратите сердце ваше на пути ваши. Взойдите на гору, и носите дерева, и стройте храмъ, и я буду благоволить къ нему, и прославлюсь, говоритъ Господь.“

Народъ послѣдовалъ совѣту пророка и работа возобновилась. Постройка храма приходила къ концу. Но тѣ евреи, которые видѣли еще первый храмъ, находили этотъ второй слишкомъ малымъ и простымъ.

„Ободрись весь народъ земли, говоритъ Іегова устами Аггея, и производите работы... Завѣтъ мой, который я заключилъ съ вами при исшествіи вашемъ изъ Египта, и духъ мой пребываетъ среди васъ; не бойтесь!... Еще разъ, и это будетъ скоро, я потрясу небо и землю, море и сушу; и потрясу всѣ народы, и придетъ желаемый всѣми народами, и наполню этотъ домъ славой... Слава этого послѣдняго храма будетъ больше, нежели прежняго... и на мѣстѣ этомъ я дамъ имъ миръ, говоритъ Господь Саваоѳъ“.

Пророкъ вынужденъ обращаться съ жестокими упреками къ массѣ народа. Возобновленное богослуженіе не дѣлаетъ народа лучшимъ. Залогъ лучшаго будущаго въ настоящемъ представляетъ только одно лицо.

„Скажи Зоровавелю, правителю Іудеи: потрясу я небо и землю; и ниспровергну престолы царствъ, и истреблю силу царствъ языческихъ... Въ тотъ день, говоритъ Господь Саваоѳъ, я возьму тебя, Зоровавель, сынъ Салаѳіилевъ, рабъ мой, и буду держать тебя, какъ печать; ибо я избралъ тебя“...

Младшій современникъ Аггея, пророкъ Захарія, сынъ Адды, пророчествовалъ при обстоятельствахъ, существенно сходныхъ съ

тѣми, которыя имѣлъ въ виду и Аггей. Онъ продолжаетъ говорить о Зоровавелѣ въ томъ же духѣ, въ которомъ началъ о немъ рѣчь Аггей:

„Руки Зоровавеля положили основаніе этому дому (храму); его руки и окончатъ его... Кто можетъ считать этотъ день маловажнымъ, когда радостно смотрятъ на строительный отвѣсъ въ рукахъ Зоровавеля... очи Іеговы, которые объемлютъ всю землю". Онъ доводитъ мысль Аггея до конца; онъ объясняетъ, въ какомъ смыслѣ нужно понимать „избраніе" Іеговы по отношенію къ Зоровавелю, это „радостное смотрѣніе", благоволеніе къ его дѣлу. „Вотъ мужъ, имя ему Отрасль, онъ произрастетъ изъ своего корня, и создастъ храмъ господень. Онъ создастъ храмъ господень, и приметъ славу, и возсядетъ, и будетъ владычествовать на престолѣ своемъ; будетъ и священникомъ на престолѣ своемъ, и совѣтъ мира будетъ между тѣмъ и другимъ"... И самъ Зоровавель былъ „отраслью" того дома Давидова, которому было обѣщано вѣчное царство: но положеніе Іудеи, въ которой Зоровавелю приходилось быть только намѣстникомъ персидскаго царя, не могло удовлетворить ожидавшихъ славнаго царства. Вотъ почему пророкъ обращаетъ вниманіе на „отрасль", еще имѣющую произрасти. Та отрасль осуществитъ въ своемъ лицѣ вѣчное владычество рода Давидова. Миръ и слава, которые будутъ отличать это владычество, будутъ имѣть своимъ источникомъ не матеріальную силу государства, но нравственную чистоту народа. „Вотъ я привожу раба моего, Отрасль... И изглажу грѣхъ этой земли въ одинъ день".

Въ то время, когда пророчествовалъ Захарія, въ Іерусалимъ возвратилась только незначительная часть находившихся въ плѣну іудеевъ. Лишь немногіе воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ возвращенія, чтобы возобновить и гражданскую и религіозную жизнь по древнему закону. Большая часть, устроившись въ странѣ плѣна, не желала возвратиться въ Іудею, не надѣясь найти здѣсь лучшихъ условій жизни. Самаряне отчасти своими притязаніями, отчасти своими клеветами сдѣлали крайне тяжелою жизнь въ Іерусалимѣ и тѣхъ немногихъ, которые пришли сюда. Во второмъ году Дарія, въ томъ самомъ году, когда Аггей убѣждалъ іерусалимлянъ возобновить начатую постройку новаго храма, Захарія, въ свою очередь, говорилъ народу отъ имени Іеговы:

„Возревновалъ я о Іерусалимѣ и о Сіонѣ ревностью великой. И великимъ негодованіемъ негодую на народы, живущіе въ покоѣ; ибо когда я мало прогнѣвался, они усилили зло. Потому такъ говоритъ Іегова: я обращаюсь къ Іерусалиму съ милосердіемъ; въ немъ соорудится домъ мой, говоритъ Господь Саваоѳъ, и землемѣрная вервь протянется по Іерусалиму... Снова переполнятся города мои добромъ, и утѣшитъ Іегова Сіонъ, и снова изберетъ Іерусалимъ".

Въ пророчествахъ Захаріи значительное мѣсто занимаютъ ангелы, какъ вѣстники божественной воли, какъ посланники, исполняющіе волю божію въ мірѣ, какъ посредники между этимъ послѣднимъ и Іеговой. Замѣчательно, что пророкъ Захарія видѣлъ и сатану, противодѣйствующаго ангелу, служителю божію и охранителю

добра въ мірѣ. Нѣкоторые думаютъ, что это представленіе о добрыхъ и злыхъ духахъ-ангелахъ только теперь, по возвращеніи изъ вавилонскаго плѣна, распространяется между евреями, заимствовавшими это представленіе у персовъ. Но представленіе объ ангелахъ, внушающихъ людямъ не только добро, но и зло, заявлялось между евреями и прежде вавилонскаго плѣна. Уже въ исторіи похода израильскаго царя Ахава и іудейскаго Іосафата противъ галаадскаго города Рамоѳа упоминается объ одномъ пророкѣ, который видѣлъ, какъ самъ Іегова послалъ ангела внушить Ахаву походъ противъ Рамоѳа, имѣвшій окончиться смертью израильскаго царя. Добро и зло, по представленію іудеевъ и до плѣна вавилонскаго, имѣли своихъ представителей и служителей между духами. Это представленіе могло только болѣе уясниться во всѣхъ подробностяхъ вслѣдствіе соприкосновенія іудеевъ съ персами. Но и послѣ этого соприкосновенія оно сохранило ту характеристическую особенность, что добрые и злые духи не подчинены одни только своему главѣ,—и другіе только своему начальнику, что эти начальники не представляются совершенно независимыми существами, одаренными даже творческой силой, какъ у персовъ, но какъ добрые, такъ и злые духи одинаково покорны божественной силѣ.

Въ пророчествахъ Захаріи, замѣчательно это обиліе таинственныхъ видѣній, которыя поражаютъ своею загадочностью, непремѣнно нуждаются въ объясненіи и сопровождаются имъ.

Пророкъ видитъ, напр., мужа сидящаго между миртами на рыжемъ конѣ, а позади его кони рыжіе, пѣгіе и бѣлые. Это тѣ, которыхъ Господь послалъ обойти землю. Въ другой разъ онъ увидѣлъ четыре рога, и Господь показалъ ему въ тоже время четырехъ рабочихъ. „Эти роги разбросали іуду,... а эти пришли устрашить ихъ, сбить роги народовъ, поднявшихъ рогъ свой противъ земли Іуды, чтобы разсѣять ее“. Онъ видѣлъ также „свѣтильникъ весь изъ золота и чашечка для елея на верху его, и семь лампадъ на немъ, и по семи трубочекъ у лампадъ, которыя на верху его; и двѣ маслины на немъ, одна съ правой стороны чашечки, другая съ лѣвой стороны ея“. Тѣ семь лампадъ—„это очи Господа, которые объемлютъ взоромъ всю землю“, а двѣ маслины—„это два помазанные елеемъ, предстоящіе Господу всей земли“ (Іисусъ первосвященникъ и Зоровавель).

Эта склонность къ символу и аллегоріи, принимающая теперь болѣе широкіе, чѣмъ до плѣна, размѣры, была, вѣроятно, послѣдствіемъ знакомства іудеевъ съ вавилонянами. Примѣняясь къ складу и пріемамъ умственной дѣятельности народа, руководитель послѣдняго остается, однако же, вѣрнымъ тому направленію идей, которому положено основаніе прежними пророками.

Спустя лѣтъ пятьдесятъ послѣ Захаріи, въ Іерусалимѣ явился послѣдній изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, Малахія. То было время, когда однородность іудейскаго общества даже въ Іерусалимѣ съ

трудомъ могла быть поддерживаема. Какъ въ израильское царство, послѣ взятія Самаріи Саргономъ, переселены были многіе жители отдаленныхъ провинцій ассирійской монархіи, такъ и Іудея, по разрушеніи Іерусалима и выселеніи большинства жителей въ Вавилонъ, предоставлена была, вѣроятно для заселенія, отчасти сосѣднимъ народностямъ, по желанію послѣднихъ. Мы видимъ, въ самомъ дѣлѣ, изъ книгъ Эздры и Неемін, что даже въ Іерусалимѣ іудеи вступали въ брачные союзы съ иноплеменницами, даже оставляли женъ-іудеянокъ, чтобы вступать въ сожительство съ другими.

„Унизилъ Іуда святыню господню, которую любилъ, и женился на дочери чужаго бога", говоритъ пророкъ Малахія. Бросая женъ единоплеменныхъ, оставляя ихъ безпріютными, вы повергаете ихъ въ слезы, „заставляетс обливать слезами жертвенникъ Господа съ рыданіемъ и воплемъ.... Господь былъ свидѣтелемъ между тобою и женою юности твоей, противъ которой ты поступилъ вѣроломно, между тѣмъ какъ она твоя подруга и законная жена".

Жизнь въ плѣну и первые годы по возвращеніи въ отечество выдвинули между евреями впередъ старый и никогда не терявшій значенія вопросъ: зачѣмъ страдаютъ въ этомъ мірѣ люди добрые и благоденствуютъ злые? Въ плѣнъ пошли іудеи почти поголовно; халдеи не справлялись, кто между ними добрый, кто злой человѣкъ. По возвращеніи изъ плѣна, все общество іудейское, соединившееся въ дѣлѣ построенія новаго храма, испытало однакоже такъ много непріятностей именно изъ-за этого построенія. Въ частной и обыденной жизни всегда бывали случаи несчастій съ людьми нравственно-безупречными и благоденствія злодѣевъ. Особенно указанныя обстоятельства народной исторіи израиля смущали многихъ внимательныхъ къ нравственной жизни и отношенію къ ней божественнаго правосудія. Иные даже говорили: «Тщетно служеніе Іеговѣ, и что̀ пользы, что мы соблюдали постановленія его, и ходили въ печальной одеждѣ передъ лицомъ Господа Саваоѳа?» Видя надменныхъ счастливыми, говорили: «Лучше устраиваютъ себя дѣлающіе беззаконіе, и хотя искушаютъ Іегову, но остаются цѣлы». Сомнѣвались даже въ томъ, что Богъ хочетъ добра отъ человѣка, что онъ можетъ достойно наградить только добраго. Говорили: «Всякій, дѣлающій зло, хорошъ предъ очами Господа, и къ такимъ онъ благоволитъ, или: гдѣ Богъ правосудія?» Такъ рѣшали теперь этотъ вопросъ, составлявшій предметъ спора еще между Іовомъ и его друзьями. Іегова, явившійся Іову въ бурномъ облакѣ, говорилъ, что человѣку лучше не тревожиться вопросомъ: почему праведники страдаютъ, а грѣшники благоденствуютъ и безпрекословно, не смотря ни на что, исполнять волю божію. Іовъ въ заключеніи книги, посящей его имя, представленъ возстановленнымъ въ своемъ благополучіи, получившимъ свою награду на землѣ

и оправданнымъ отъ нареканій друзей. Пророкъ Малахія идетъ далѣе. Если бъ и не послѣдовало улучшенія участи страдающаго праведника здѣсь на землѣ, то все-таки между этимъ праведникомъ и благоденствующимъ грѣшникомъ различіе не только существуетъ, но и обнаружится съ теченіемъ времени въ послѣдній день суда:

„Внимаетъ Господь и слышитъ, и передъ лицемъ его пишется памятная книга о боящихся Господа и чтущихъ имя его. И они будутъ моими, говоритъ Господь Саваоѳъ, собственностью моею въ тотъ день, который я сдѣлаю, и буду миловать ихъ, какъ милуетъ человѣкъ сына своего... И тогда снова увидите различіе между праведникомъ и нечестивымъ... Ибо вотъ, придетъ день, пылающій какъ печь; тогда всѣ надменные и поступающіе нечестиво будутъ какъ солома, и попалитъ ихъ грядущій день, такъ что не оставитъ у нихъ ни корня, ни вѣтвей. А для васъ, благоговѣющіе предъ именемъ моимъ, взойдетъ солнце правды и исцѣленіе въ лучахъ его".

Пришествіе этого дня суда божія представляется у пророка совпадающимъ съ пришествіемъ того Мессіи, котораго предвѣщалъ Аггей, какъ «желаемаго всѣми народами».

Этотъ „великій и страшный день" будетъ приготовленъ пророкомъ, имѣющимъ явиться „въ духѣ и силѣ Иліи", и обратить сердца отцовъ къ дѣтямъ и сердца дѣтей къ отцамъ ихъ, чтобы я, — прибавляетъ Господь, — пришедши, не поразилъ земли проклятіемъ. Вотъ, я посылаю ангела моего, и онъ приготовитъ путь предо мною, и внезапно придетъ въ храмъ свой Господь, котораго вы ищете, и ангелъ завѣта, котораго вы желаете; вотъ, онъ идетъ, говоритъ Господь Саваоѳъ. И кто выдержитъ день пришествія его? Ибо онъ какъ огонь расплавляющій и какъ щелокъ очищающій"...

Съ возобновленіемъ богослуженія въ новоустроенномъ храмѣ, начали вновь раздаваться священныя пѣсни Давида, его современниковъ—левитовъ-псалмопѣвцевъ и ихъ потомковъ. Съ Зоровавелемъ возратились изъ плѣна въ Іерусалимъ, между прочимъ, 128 пѣвцовъ, потомковъ Асафа. Позднѣе, при освященіи возобновленныхъ подъ руководствомъ Неееміи іерусалимскихъ стѣнъ, являются раздѣленные на два хора, «сыновья пѣвцовъ», которые «поютъ громко» въ сопровожденіи игры на музыкальныхъ инструментахъ. Возвратившіеся изъ плѣна и начавшіе въ отечествѣ снова исполнять свои обязанности, пѣвцы какъ ревниво оберегали памятники древняго псалмопѣнія въ странѣ плѣна, такъ-же усердно предались своему дѣлу по возвращеніи въ отечество. Въ книгѣ псалмовъ сохранилась одна пѣснь, свидѣтельство изъ устъ левитовъ пѣвцовъ объ этомъ усердіи.

„На рѣкахъ Вавилона, тамъ сидѣли мы, и плакали, когда вспоминали о Сіонѣ. На вербахъ посреди его повѣсили мы наши арфы. Тамъ плѣнившіе насъ требовали отъ насъ словъ пѣсней, и притѣснители наши — веселія: пропойте намъ изъ пѣсней Сіонскихъ. Какъ намъ пѣть пѣснь Господню на землѣ чужой? Если я забуду тебя, Іерусалимъ, забудь меня десница моя. Прильпни языкъ мой къ

гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Іерусалима во главѣ веселія моего"...

Пророки, жившіе до плѣна, обѣщали, что народъ возвратится въ отечество, но только съ условіемъ, если онъ прежде взыщетъ Іегову всѣмъ сердцемъ. «Въ тѣ дни и въ то время,—говорилъ пророкъ Іеремія, — сыновья израилевы и сыновья іудины вмѣстѣ будутъ ходить и плакать и взыщутъ Господа Бога своего, будутъ спрашивать о пути къ Сіону и, обращая къ нему лица, говорить: идите и присоединитесь къ Господу союзомъ вѣчнымъ». Псалмы, съ которыми въ устахъ шли іудеи изъ плѣна въ отечество, свидѣтельствуютъ именно о такомъ настроеніи возвращавшихся. Ихъ, эту меньшую часть плѣнныхъ іудеевъ, влекла въ ихъ отечество совершенно безкорыстная преданность. Они были одушевлены однимъ безраздѣльнымъ желаніемъ служить Іеговѣ въ его наслѣдственномъ удѣлѣ, на развалинахъ его святыни. Когда вышелъ указъ Кира, позволявшій возвратиться въ Іудею, эти плѣнники, настрадавшіеся подъ владычествомъ неуважавшаго ихъ вѣрованій народа, говорили: «къ Господу воззвалъ я въ скорби моей, и онъ услышалъ меня. Господи! избавь душу мою отъ устъ лживыхъ, отъ языка лукаваго... Горе мнѣ, что я пребываю у Мосоха, живу у шатровъ кидарскихъ. Долго жила душа моя съ ненавидящими миръ». Двинувшись по направленію къ Іерусалиму, освобожденные волнуются различными мыслями и чувствами, между которыми особенно выдаются воспоминаніе о глубокомъ униженіи и опасностяхъ, испытанныхъ въ плѣну, и крѣпкое упованіе на помощь Іеговы въ будущемъ.

„Много тѣснили меня отъ юности моей, да скажетъ израиль, много тѣснили меня отъ юности моей, но не одолѣли меня. На хребтѣ моемъ орали оратаи, проводили длинныя борозды свои. Но Господь праведенъ: онъ разсѣкъ узы нечестивыхъ"... (Пс. 128). „Если бы не Господь былъ съ нами, да скажетъ израиль, если бы не Господь былъ съ нами, когда возстали на насъ люди; то живыхъ они поглотили бы насъ... Благословенъ Господь, который не далъ насъ въ добычу зубамъ ихъ! Душа наша избавилась, какъ птица, отъ сѣти ловящихъ; сѣть расторгнута, и мы избавились" (Пс. 123). „Возвожу очи мои къ горамъ, откуда придетъ помощь моя. Помощь моя отъ Господа, сотворившаго небо и землю. Не дастъ онъ поколебаться ногѣ твоей, не воздремлетъ хранящій израиля" (Пс. 120). „Надѣющійся на Господа, какъ гора Сіонъ, не подвигнется, пребываетъ во вѣкъ. Горы окрестъ Іерусалима, а Господь окрестъ народа своего отнынѣ и во вѣкъ"... (Пс. 124).

Когда возвратившіеся соединились съ оставшимися въ отечествѣ въ одно общество, восторги первыхъ дней выразились въ слѣдующей пѣснѣ:

„Какъ хорошо и какъ пріятно жить братьямъ вмѣстѣ. Это — какъ драгоцѣнный елей на головѣ, стекающій на бороду, бороду ааронову, стекающій на края

одежды его; какъ роса ермонская, сходящая на горы сіонскія. Ибо тамъ заповѣдалъ Господь благословеніе и жизнь на вѣки" (Пс. 132).

Всѣ, только-что указанные, псалмы называются въ ихъ надписаніяхъ «пѣснями восхожденія». Іудея—гористая страна, высоко лежащая надъ поверхностью моря. Идти по направленію къ ней изъ сѣверной части Палестины значило подниматься. Плѣнники, возвращавшіеся въ отечество изъ Вавилона обыкновенною дорогой черезъ Дамаскъ и Веѳсанъ на Іерихонъ и Іерусалимъ, «восходили» выше и выше надъ морскою поверхностью; и потому псалмы, которые они пѣли во время путешествія, названы «пѣснями восхожденія». Позднѣе эти пѣсни получили иное назначеніе. Послѣ плѣна вавилонскаго народъ сталъ гораздо внимательнѣе къ закону Моисея. До плѣна благочестивымъ царямъ Езекіи и Іосіи нужно было принимать обширныя мѣры, чтобы собрать народъ въ Іерусалимъ къ празднику пасхи;—послѣ плѣна предписанное Моисеемъ ежегодное троекратное путешествіе іудеевъ къ іерусалимской святынѣ въ праздники пасхи, пятидесятницы и кущей стало совершаться исправнѣе и охотнѣе. Со всѣхъ концовъ Палестины спѣшили евреи къ іерусалимскому храму торжествовать память событій давно прошедшихъ, но положившихъ неизгладимую печать на всю жизнь народа. И тѣ «пѣсни восхожденія», которыя въ первый разъ были исполнены возвращавшимися изъ плѣна, усвоены были евреями-пилигримами, ежегодно три раза «восходившими» въ Іерусалимъ на поклоненіе Іеговѣ. Съ теченіемъ времени, соотвѣтственно новымъ событіямъ, отчасти прибавлены были къ первоначальнымъ нѣкоторыя новыя пѣсни; древнѣйшимъ псалмамъ, составленнымъ еще до плѣна, отчасти дано новое примѣненіе.

XIII. Двѣ книги Хроники, или Паралипоменонъ.—Книги Эздры и Неемія.—Книга Эсѳирь.

Возвратившіеся въ отечество единственно изъ безкорыстной привязанности къ отечеству, къ свободѣ, къ святынѣ, евреи естественно обратили всего больше вниманія на то, какъ обезпечить за собою то и другое и третье. Рядомъ съ закономъ моисеевымъ и книгами пророковъ, опредѣлявшими обязанности народа, они хотѣли примѣнить уроки своей исторіи къ потребностямъ переживаемаго времени. Хотѣли найти въ ней указанія на то, какъ поступать въ данномъ положеніи. Исторіи, написанной пророками до вавилонскаго плѣна, было имъ недостаточно для этой цѣли. Тѣ писали еще когда государство существовало и даже болѣе или менѣе благоденствовало, сохраняя всѣ свои учрежденія. Теперь нужно было все созидать и устраивать вновь. Двѣ книги, извѣстныя подъ именемъ «Хроники», или «Паралипоменонъ», составленныя въ это послѣ-плѣн-

ное время, содержатъ въ себѣ исторію царей іудейскихъ со времени Давида до вавилонскаго плѣна. Отъ книгъ «Царствъ» онѣ отличаются тѣмъ, что не касаются совсѣмъ исторіи Саула и всѣхъ царей израильскихъ послѣ раздѣленія царствъ. И въ исторіи Давида, Соломона и царей іудейскихъ онѣ всего больше останавливаются на судьбѣ богослуженія въ іудейскомъ царствѣ, особенно на тѣхъ мѣрахъ, которыя принимались благочестивыми царями съ цѣлью поддержать и усилить народное вниманіе къ этому богослуженію. Вторая книга Паралипоменонъ подробно описываетъ торжество обновленія храма и совершенія праздника пасхи при Езекіи и Іосіи. Благочестивые цари возстановляли силу давидовыхъ уставовъ, но не надолго. Послѣ Іосіи царство іудейское существовало уже не долго. Не только цари «дѣлали неугодное въ очахъ Господа, Бога своего», но «и всѣ начальствующіе надъ священниками и надъ народомъ много грѣшили, подражая всѣмъ мерзостямъ язычниковъ, и сквернили домъ Господа, который онъ освятилъ въ Іерусалимѣ»: такъ говоритъ въ концѣ писатель книги, желая оправдать жестокую судьбу, постигшую государство. Понятно заключеніе, какое долженъ былъ вывести изъ этой книги возвратившійся изъ плѣна народъ, если онъ хотѣлъ не только предохранить себя отъ новаго плѣна, но и упрочить свое благоденствіе въ отечествѣ.

Первыя девять главъ первой книги Паралипоменонъ заняты родословными списками предковъ израиля отъ Адама и потомковъ того же израиля, въ нѣкоторыхъ линіяхъ даже до возвращенія изъ вавилонскаго плѣна. Сопоставляя эти главы съ нѣкоторыми рѣчами пророка Малахіи, а также съ нѣкоторыми главами книгъ Эздры и Нееміи, можно сказать съ увѣренностью, что эти родословные списки составлены съ цѣлью предохранить еврейское общество отъ смѣшенія съ иноплеменниками. Иноплеменники, оставленные жить среди израиля, были для него, какъ мы видѣли, «петлей и силкомъ», увлекали его къ идолопоклонству. Послѣ плѣна, возвратившіеся израильтяне нашли въ своемъ отечествѣ не мало иноплеменниковъ, переселившихся сюда изъ сосѣднихъ странъ, и, слѣдовательно, подвергались той же опасности, которой не избѣгли очень многіе изъ ихъ предковъ.

Вниманіе къ родословію израильтянъ и къ судьбѣ истиннаго богослуженія въ Іерусалимѣ составляетъ главную характеристическую черту книгъ «Паралипоменонъ»; и если прибавить еще вниманіе къ вліянію пророковъ на исторію израильтянъ, то будетъ исчерпана характеристика той точки зрѣнія, съ которой писатель книгъ дѣлалъ выборъ матеріала изъ бывшихъ у него подъ руками источниковъ. Такихъ источниковъ онъ самъ называетъ множество. Большая часть изъ нихъ составлена современниками событій—пророками. Но наи-

болѣе полнымъ источникомъ и для книгъ «Паралипоменонъ» послужили тѣже лѣтописи іудейскихъ и израильскихъ царей, которыми пользовался, какъ мы видѣли, составитель 3 и 4-й книгъ «Царствъ». Въ тѣхъ частяхъ, которыя посвящены судьбѣ богослуженія, отправлявшагося священниками и левитами, книги «Паралипоменонъ» составлены, вѣроятно, на основаніи преданій, а можетъ быть и записей, хранившихся въ средѣ самихъ левитовъ. Если, какъ гласитъ еврейское преданіе, составителемъ книги «Паралипоменонъ» былъ Эздра, то онъ былъ самъ изъ левитовъ и ему были хорошо извѣстны такого рода преданія или записи, онъ былъ и сильно заинтересованъ въ увѣковѣченіи ихъ для будущихъ поколѣній.

Какъ устраивали возвратившіеся изъ плѣна евреи свою жизнь, какъ возстановляли они свои древнія священныя учрежденія, какъ возстановляли въ своей средѣ силу закона,—обо всемъ этомъ говорится въ «Книгѣ Эздры» и «Книгѣ Неемін». Въ существенномъ согласіи съ книгами «Паралипоменонъ», эти книги заняты судьбою религіозныхъ учрежденій среди возвратившихся изъ плѣна. Зоровавель, стоявшій во главѣ первой партіи возвратившихся, принесъ съ собой священные сосуды перваго храма и началъ съ того, что построилъ жертвенникъ, на которомъ и начали приносить жертвы съ пѣніемъ священныхъ пѣсней. Торжественное освященіе построеннаго новаго храма сопровождалось съ участіемъ левитовъ такими же жертвоприношеніями и славословіями Іеговѣ. Дѣятельность Эздры, составляющая предметъ второй части книги, извѣстной подъ его именемъ, была направлена къ тому, чтобы «обозрѣть Іудею и Іерусалимъ, по закону Іеговы, находящемуся въ рукѣ его». Другими словами: онъ явился въ Іудеѣ учителемъ закона божія. Его учительство имѣло не только теоретическій, но и практическій характеръ. Съ закономъ моисеевымъ въ рукахъ, онъ беретъ съ народа клятву, что законъ этотъ не останется мертвою буквой. Когда затѣмъ ему стало извѣстно, что народъ израилевъ, не исключая священниковъ и левитовъ, «не отдѣлился отъ народовъ иноплеменныхъ съ мерзостями ихъ, потому-что взялъ дочерей ихъ за себя и за сыновей своихъ, и смѣшалось святое сѣмя съ народами иноплеменными», и что «притомъ рука знатнѣйшихъ и главнѣйшихъ была въ этомъ беззаконіи первою»: то онъ назначилъ день для торжественнаго покаянія и взялъ клятву съ вступившихъ въ преступныя и опасныя сожительства, что союзы эти будутъ расторгнуты. Дѣятельность Нееміи отчасти совпадала по времени съ дѣятельностью Эздры и шла съ нею рука объ руку. Торжественное чтеніе закона Эздрою въ праздникъ кущей происходило въ присутствіи Нееміи, и этотъ послѣдній всею силой своего вліянія, какъ намѣстникъ персидскихъ царей, содѣй-

ствовалъ тому, чтобы чтеніе закона имѣло на народъ надлежащее дѣйствіе. Онъ оказалъ также содѣйствіе мѣрамъ Эздры, направленнымъ къ расторженію супружескихъ союзовъ евреевъ съ иноплеменницами. Расторженіе, начавшееся по слову Эздры, происходило медленно. Неемія въ торжественномъ народномъ собраніи составилъ письменный актъ, которымъ народъ обязывался не только не допускать браковъ съ иноплеменницами, но и вообще «поступать по закону Іеговы, который данъ рукой Моисея раба божія». Актъ былъ подписанъ знатнѣйшими представителями народа. Послѣдній принималъ на себя, сверхъ того, обязательство заботиться о содержаніи левитовъ, исправно давать въ ихъ пользу установленную Моисеемъ десятину. Такъ помогалъ Неемія своимъ вліяніемъ Эздрѣ. Собственною же цѣлью его пребыванія въ Іерусалимѣ было возобновленіе стѣнъ города. Освященіе возобновленныхъ стѣнъ было торжествомъ и гражданскимъ, и религіознымъ: оно завершало собою мѣры, направленныя къ упроченію народной жизни въ родной странѣ и показало, въ полномъ ея составѣ, организацію священниковъ и левитовъ, возобновленную по уставу Давида. Въ лицѣ Эздры и подобныхъ ему ученыхъ священниковъ и левитовъ мы видимъ тѣхъ руководителей народа, которыхъ рядъ съ тѣхъ поръ не прекращается въ его средѣ. Это тѣ книжники, которые въ лицѣ Эздры и его помощниковъ начали великое дѣло собиранія всѣхъ священныхъ книгъ ветхаго завѣта, но съ теченіемъ времени, привязавшись къ буквѣ этихъ книгъ, потеряли изъ виду ихъ внутренній смыслъ и духъ, такъ что когда явился на землю обѣщанный пророками Мессія, то былъ вынужденъ строго осудить ихъ, и сами они не признали въ немъ того, о комъ говорили пророки.

Съ Зоровавелемъ и Эздрой возвратились въ Іудею далеко не всѣ израильтяне, выселенные въ чужія земли. Многіе изъ нихъ устроились въ плѣну такъ, что не хотѣли воспользоваться даннымъ отъ Кира позволеніемъ. Мы видѣли, что, судя по содержанію нѣкоторыхъ, написанныхъ во время плѣна, псалмовъ, плѣнные іудеи въ иныхъ мѣстахъ ихъ поселенія подвергались гоненіямъ. Эти гоненія изъ мѣстныхъ могли превратиться въ повсюдныя, коль-скоро лицо, ихъ возбуждавшее, имѣло вліяніе на дѣла всего государства. При деспотическомъ образѣ правленія такъ понятно господство временщиковъ, дѣлающихъ именемъ деспота все, что́ имъ угодно. Книга Эсѳирь, написанная несомнѣнно внѣ Палестины, въ средѣ евреевъ, находившихся «въ разсѣяніи», имѣетъ предметомъ спасеніе «разсѣяннаго» народа отъ смертной опасности, угрожавшей ему со стороны одного изъ временщиковъ персидскаго царя Ксеркса I. Аману, «возвеличенному» царемъ, не хотѣлъ кланяться до земли одинъ еврей,

по имени Мардохей, и Аманъ задумалъ истребить весь еврейскій народъ, какъ народъ, «не выполняющій законовъ царя». За царскою печатью были уже разосланы указы по всему государству, объявлявшіе смерть іудеямъ; но царицею была въ то время іудеянка Эсѳирь, и она успѣла представить царю Амана своимъ личнымъ врагомъ, замышлявшимъ погубить ее. Висѣлица, приготовленная для Мардохея, послужила орудіемъ казни самого Амана. И всѣмъ іудеямъ позволено «стать на защиту своей жизни, истребить, убить и погубить всѣхъ сильныхъ въ народѣ, которые во враждѣ съ ними». День своего спасенія іудеи стали праздновать «постомъ и воплями» и назвали его «пуримъ» (жребій), такъ какъ день этотъ назначенъ былъ Аманомъ по жребію.—Книга Эсѳирь смущала древнихъ раввиновъ отсутствіемъ въ еврейскомъ ея текстѣ имени божія. Что Богъ спасъ народъ свой отъ смертной опасности,—это утверждается только въ прибавленіяхъ, сдѣланныхъ къ тексту книги въ греческомъ ея переводѣ, но не вопреки смыслу всей книги. Не упоминая объ Іеговѣ, книга проповѣдуетъ его самымъ дѣломъ, говоря о спасеніи тѣмъ болѣе трудномъ, чѣмъ большая опасность угрожала народу.

XIV. Неканоническіе памятники еврейской писмености въ послѣднія четыре столѣтія до Р. Х.—Книга пророка Варуха и другія.—Дальнѣйшее развитіе понятія премудрости въ сознаніи еврейскихъ писателей.—Книга Юдиѳь и три книги Маккавеевъ.—Книга Товита.—Ожиданіе Мессіи.

Всѣ произведенія древне-еврейской писмености, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, у евреевъ признаны написанными по внушенію святого духа, того духа божія, который руководилъ ихъ къ ихъ цѣли, къ осуществленію ихъ историческаго призванія: ихъ отличали поэтому отъ другихъ книгъ, которыя являлись среди евреевъ послѣ пророка Малахіи, современника Неемія, виночерпія персидскаго царя Артаксеркса Лонгимана (465—424 до Р. Хр.) Между евреями установилось убѣжденіе, что съ пророкомъ Малахіей святой духъ былъ отъятъ отъ израиля. Книги, написанныя лицами, руководимыми этимъ духомъ, рѣшено было считать неизмѣнною основой ученія о вѣрѣ и нравственности, книгами каноническими. Книги, явившіяся послѣ пророка Малахіи, въ послѣдніе годы персидскаго и во время греческаго преобладанія въ передней Азіи и въ сѣверовосточной Африкѣ, эти книги, составленныя въ бо̀льшей или меньшей зависимости отъ древне-пророческихъ книгъ, въ болѣе или менѣе строгомъ соотвѣтствіи съ духомъ ученія древнихъ пророковъ, никогда не имѣли между евреями значенія, равнаго значенію древнѣйшихъ пророческихъ книгъ. Но и онѣ имѣютъ несомнѣнную важность, какъ памятники умственнаго и нравственнаго развитія евреевъ. Онѣ свидѣ-

тельствуютъ о томъ образѣ мыслей, которымъ жили евреи въ періодъ времени отъ послѣднихъ пророковъ ветхаго завѣта до явленія Спасителя, основателя новаго завѣта. Онѣ выражаютъ послѣднюю ступень въ развитіи сознанія ветхозавѣтныхъ евреевъ. Мы сдѣлаемъ болѣе или менѣе краткія указанія на нѣкоторыя, особенно важныя съ этой точки зрѣнія, книги еврейской неканонической писменности, имѣя въ виду особенно тѣ части ихъ содержанія, которыя болѣе или менѣе замѣтнымъ образомъ посредствовали между ученіемъ древнихъ еврейскихъ пророковъ и ученіемъ Спасителя и его апостоловъ.

Замѣтимъ прежде всего, что составители этихъ книгъ обнаруживаютъ склонность приписывать свои произведенія древнимъ пророкамъ, писателямъ каноническихъ книгъ. Умы были проникнуты глубокимъ уваженіемъ къ древнимъ учителямъ; и то или другое новое наставленіе, примѣнительно къ новымъ обстоятельствамъ жизни, новые писатели не рѣшались давать отъ своего имени, но усвоивали его тѣмъ же древнимъ учителямъ, какъ бы только за ними признавали право учительства.

Изъ неканоническихъ книгъ, написанныхъ евреями, мы назовемъ прежде всего книгу пророка Варуха. Послѣднее имя носилъ сынъ Нирін, сотрудникъ пророка Іереміи, записавшій рѣчи этого послѣдняго пророка. Но, вопреки книгѣ пророка Іереміи, по которой Варухъ является помощникомъ Іереміи во время послѣдней осады Іерусалима халдеями (ср. Іер. 32 гл.), а вскорѣ по разрушеніи Іерусалима вмѣстѣ съ Іереміей отправился въ Египетъ, гдѣ и оставался, очевидно, некороткое время (ср. Іер., гл. 42—44),—вопреки этому свидѣтельству, Варухъ представляется въ книгѣ, носящей его имя, находящимся въ Вавилонѣ «въ то время, когда халдеи взяли Іерусалимъ и сожгли его огнемъ». Въ тоже время первосвященникомъ іудейскимъ въ Іерусалимѣ называется Іоакимъ, сынъ Хелкіи, сына Саломова—вопреки свидѣтельству 1 Пар. 6, 15, по которому Іоседекъ (первосвященникъ) пошелъ въ плѣнъ, когда Іегова переселилъ іудеевъ и іерусалимлянъ рукой Навуходоносора. Помощникъ Іереміи не могъ давать невѣрныя показанія о себѣ и о такомъ высокопоставленномъ своемъ современникѣ, какъ первосвященникъ.

Книга Варуха написана первоначально на еврейскомъ языкѣ (хотя еврейскій оригиналъ ея и не сохранился), и написана еще во время персидскаго преобладанія въ передней Азіи. Вѣроятно, поводомъ къ ея написанію послужило возстаніе іудеевъ противъ царя Артаксеркса Оха (359—338 до Р. Хр.), можетъ быть, имѣвшее связь съ возстаніемъ противъ персидскаго владычества финикіянъ и кипрянъ въ 358—356 г. Писатель, думавшій объ отношеніяхъ евреевъ

26*

къ ихъ языческимъ властителямъ согласно съ пророкомъ Іереміей, убѣждаетъ не принимать насильственныхъ мѣръ къ освобожденію отъ иноземной и иноплеменной власти, и указываетъ средство къ улучшенію своей участи въ исполненіи воли Іеговы. Въ этомъ смыслѣ написано письмо, съ которымъ обращаются евреи, жившіе въ вавилонскомъ плѣну, къ евреямъ іерусалимскимъ, посылая при письмѣ дары во храмъ, и которое составляетъ первую часть книги (по 3, 8). Плѣнники выражаютъ сознаніе своей виновности предъ Іеговой, признаютъ, что плѣнъ ихъ есть заслуженное наказаніе:

„У Господа, Бога нашего, правда, а у насъ—стыдъ на лицахъ... отъ того, что мы согрѣшили предъ Господомъ, и не покорялись ему, и не слушали гласа Господа, Бога нашего... Да отвратится отъ насъ ярость твоя, ибо мало осталось насъ среди народовъ, между которыми ты разсѣялъ насъ. Услышь, Господи, молитву нашу... и дай намъ милость предъ лицемъ тѣхъ, которые переселили насъ... Ты говорилъ чрезъ рабовъ твоихъ, пророковъ: склоните плеча ваши, чтобы работать царю вавилонскому... Но мы не послушали гласа твоего... И вотъ,... Ты оставилъ домъ, на которомъ наречено имя твое... Господи вседержитель, Боже израиля! услышь молитву согрѣшившихъ предъ тобою... Ты для того вселилъ страхъ твой въ сердце наше, чтобы мы призывали имя твое, и мы будемъ прославлять тебя въ переселеніи нашемъ; ибо мы отринули отъ сердца нашего всякую неправду отцовъ нашихъ“...

Во второй части книги (съ 3, 9) писатель отъ своего имени начинаетъ такъ:

„Слушай, израиль, заповѣди жизни, внимайте, чтобы уразумѣть мудрость. Если бы ты ходилъ путемъ божіимъ, то жилъ бы въ мирѣ во вѣки. Познай, гдѣ находится мудрость, гдѣ сила, гдѣ знаніе, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ узнать, гдѣ находится долгоденствіе и жизнь, гдѣ находится свѣтъ очей и миръ“. Между тѣмъ какъ эта премудрость сокрыта отъ идолопоклонниковъ-язычниковъ, „израилю Іегова открылъ пути премудрости“. Богъ „нашелъ всѣ пути премудрости, и даровалъ ее рабу своему, Якову, и возлюбленному своему израилю... Вотъ книга заповѣдей божіихъ и законъ пребывающій во вѣки... Обратись, Яковъ, и возьми ее, ходи при сіяніи свѣта ея“.

Оставляя пока безъ объяснительныхъ замѣчаній первую часть книги, замѣтимъ относительно второй, что ученіе о премудрости является здѣсь съ одной новой чертой противъ ученія о томъ же предметѣ книги «Притчей» соломоновыхъ и книги Іова. Премудрость есть совокупность всего ученія, которое преподано черезъ ветхозавѣтныхъ пророковъ. Дальнѣйшую степень развитія ученія о премудрости представляютъ двѣ книги, однородныя по содержанію съ книгами Іова и Притчей Соломоновыхъ. Мы разумѣемъ: а) книгу Премудрости Іисуса, сына Сирахова, и б) книгу Премудрости Соломоновой. Первая изъ нихъ, по мѣсту рожденія и жизни ея писателя, принадлежитъ Палестинѣ и написана первоначально на еврейскомъ языкѣ. Вторая написана, несомнѣнно, въ Египтѣ и на греческомъ языкѣ, который

усвоили себѣ евреи, поселившіеся въ Египтѣ при Птолемеяхъ. Писатель первой жилъ, вѣроятно, не раньше Птоломея Филопатора (221 и сл. г. до Р. Хр.); писатель послѣдней книги—приблизительно въ тоже время или нѣсколько позднѣе. Одинъ извѣстенъ по крайней мѣрѣ по имени, если не по обстоятельствамъ жизни; другой ничѣмъ, кромѣ своей книги, неизвѣстенъ. Стоящее въ заглавіи книги имя Соломона указываетъ на этого послѣдняго, какъ на представителя мудрости въ идеальномъ смыслѣ слова, а не какъ на писателя книги въ реальномъ смыслѣ. Мудрецъ, о которомъ писатель книгъ «Царствъ» говорилъ, что онъ былъ мудрѣе всѣхъ сыновъ востока, считался первымъ и величайшимъ учителемъ мудрости, котораго позднѣйшіе еврейскіе мудрецы признавали себя только учениками. Ученикъ не выше своего учителя, думали они, и не ставили своего имени во главѣ произведеній, которыя возникли подъ вліяніемъ его уроковъ.

Мы знаемъ, какъ описывается премудрость въ книгѣ Притчей. Сущность ея, какъ качества, усвоиваемаго человѣкомъ, есть страхъ божій, привлекающій къ человѣку милость Іеговы. Но книга Притчей оставляетъ неяснымъ, есть-ли премудрость только присущее Іеговѣ свойство, не отдѣлимое отъ существа божія, или же она имѣетъ и свое независимое, самобытное существованіе. Книги Премудрости Іисуса, сына Сирахова, и Соломоновой рѣшаютъ этотъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ. По первой изъ этихъ книгъ, премудрость не только «вышла изъ устъ Всевышняго», не только «онъ прежде вѣка отъ начала произвелъ» ее; но «создатель всѣхъ повелѣлъ» ей «поселиться въ Яковѣ и принять наслѣдіе въ израилѣ», и она была здѣсь руководительницей «прославленнаго народа, наслѣдственнаго удѣла господня», т.-е. евреевъ. Говоря такимъ образомъ о премудрости, Іисусъ, сынъ Сираховъ, не только согласенъ съ писателемъ книги пророка Варуха, но и склоненъ признать за премудростью если не независимое существо, то самостоятельную дѣятельность. Еще опредѣленнѣе высказана эта мысль въ книгѣ Премудрости Соломоновой:

„Она (премудрость) есть духъ разумный, святой, единородный, многочастный, тонкій, ясный, невредимый, удобоподвижный, свѣтлый, чистый, благолюбивый, скорый, неудержимый, благодѣтельный, человѣколюбивый, твердый, непоколебимый, спокойный, безпечальный, всевидящій и проникающій всѣ умные, чистые, тончайшіе духи.... Она есть дыханіе силы божіей и чистое изліяніе славы Вседержителя.... Она есть отблескъ вѣчнаго свѣта и чистое зеркало дѣйствія божія и образъ благости его. Она одна, но можетъ все, и *пребывая въ самой себѣ*, все обновляетъ, и переходя изъ рода въ родъ въ святыя души, приготовляетъ друзей божіихъ и пророковъ“.

Еврейскіе богословы, размышляя на основаніи древнихъ священныхъ книгъ своего народа, становились, такимъ образомъ, на путь, который подготовлялъ людей къ принятію ученія о святомъ духѣ. Въ самомъ дѣлѣ, даже о «духѣ» божіемъ въ книгѣ Премудрости Соломоновой говорится, что онъ «пребываетъ во всемъ» (12, 1). О самостоятельномъ существованіи этого духа нѣтъ ясной и опредѣленной мысли; но открывается возможность говорить о дѣятельности этого духа въ человѣчествѣ, и возможность эта осуществляется позднѣе въ новозавѣтныхъ священныхъ книгахъ, гдѣ усвоиваются святому духу особыя спасительныя дѣйствія въ человѣчествѣ, вѣрующемъ въ Христа.

Въ книгѣ Премудрости Соломоновой вторая часть (10—19 гл.) представляетъ, въ формѣ разсмотрѣнія исторіи израильскаго народа, плоды мудрости и страха божія, осуществившихся въ жизни этого народа, между тѣмъ какъ нечестіе представляется развившимся между народами языческими, особенно между египтянами и хананеями. Народъ этотъ очень часто называется здѣсь не обыкновенными его именами: «еврей» или «сыны израиля», но «людьми преподобными», «сѣменемъ непорочнымъ» (10, 15), «людьми божіими» (16, 2), «сынами божіими» (10, 26) и т. п.—Отношенія этихъ праведныхъ людей къ нечестивымъ язычникамъ представляются какъ отношенія угнетенныхъ къ угнетателямъ. Особенно замѣчательно описаніе этихъ отношеній во 2 гл. книги. Народъ, руководящійся закономъ божіимъ, народъ праведный представляется единичнымъ лицомъ, которое подвергается гоненіямъ со стороны «умствующихъ неправо», т.-е. нечестивыхъ язычниковъ:

Они говорятъ: „устроимъ ковы праведнику, ибо онъ въ тягость намъ, и противится дѣламъ нашимъ, укоряетъ насъ въ грѣхахъ противъ закона, и поноситъ насъ за грѣхъ нашего воспитанія; объявляетъ себя имѣющимъ познаніе о Богѣ, и называетъ себя сыномъ Господа. Онъ предъ нами — обличеніе помысловъ нашихъ. Тяжело намъ и смотрѣть на него; ибо жизнь его не похожа на жизнь другихъ и отличны пути его. Онъ считаетъ насъ мерзостью..., и тщеславно называетъ отцомъ своимъ Бога. Увидимъ, истинны ли слова его, и испытаемъ, какой будетъ исходъ его; ибо если этотъ праведникъ есть сынъ божій, то Богъ защититъ его, и избавитъ его отъ руки враговъ. Испытаемъ его оскорбленіемъ и мученіемъ, дабы узнать смиреніе его и видѣть незлобіе его; осудимъ его на безчестную смерть, ибо, по словамъ его, о немъ попеченіе будетъ. Такъ они умствовали, и ошиблись“.

Рѣчь враговъ «праведнаго народа» до такой степени напоминаетъ рѣчи враговъ Спасителя, преслѣдовавшихъ его во всю его земную жизнь, что нѣкоторые предположили даже, будто книга Премудрости Соломоновой христіанскаго происхожденія. Но называющимъ Бога своимъ отцомъ представляется здѣсь тотъ народъ, о кото-

ромъ еще черезъ Моисея говорилъ Іегова: «Израиль есть сынъ мой, первенецъ мой» (Исх. 4, 22), и у пророка Осіи: «изъ Египта я вызвалъ сына моего». Сынъ божій, въ собирательномъ смыслѣ, есть въ настоящемъ случаѣ тотъ же самый народъ, который во второй части книги, какъ мы видѣли, называется «сынами божіими». «Сыномъ божіимъ» называется здѣсь онъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ пророкомъ Исаіей и нѣкоторыми другими пророками усвоено ему имя «раба божія». Но между тѣмъ какъ по представленію пророка Исаіи рабъ божій—народъ израильскій—испытываетъ бѣдствія плѣна въ чужой странѣ за то, что отступилъ отъ своего призванія,—книга Премудрости Соломоновой говоритъ, что Богъ «испытывалъ» израильтянъ, «какъ отецъ», а язычниковъ, враговъ израиля, «какъ гнѣвный царь, осуждая, истязалъ». Призваніе израиля быть рабомъ—сыномъ божіимъ—тѣмъ крѣпче напечатлѣвалось въ сознаніи народа, чѣмъ больше онъ страдалъ отъ своихъ сосѣдей. Во времена послѣднихъ Птолемеевъ (начиная съ послѣдней четверти III в. до Р. Хр.) евреи и въ Египтѣ, и въ Палестинѣ (подъ властью сирійскихъ преемниковъ Александра В.—Селевкидовъ) много страдали, не имѣя возможности угодить одинаково двумъ соперничавшимъ между собой государствамъ. Замѣчательно, что эти гоненія только поддерживали и укрѣпляли въ израильскомъ народѣ сознаніе, что онъ есть сынъ божій, что на немъ должно почивать благоволеніе отца небеснаго и что если язычники оскорбляютъ избранника божія, то Богъ накажетъ ихъ, сохраняя милость и благоволеніе къ своему народу. И въ самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ объ идолопоклонствѣ въ средѣ евреевъ, какъ палестинскихъ, такъ и египетскихъ, во время, о которомъ идетъ рѣчь, ничего неизвѣстно. Наученные опытомъ, они возвратились къ закону, данному отцамъ ихъ, и на его основаніи устраивали свою жизнь даже въ чужихъ государствахъ. Иноплеменники гнали ихъ уже за то, что «жизнь ихъ не похожа на жизнь другихъ», что они не хотѣли слѣдовать правиламъ языческой жизни.

Книга Премудрости Сомомоновой, говоря о печальномъ положеніи израильскаго народа подъ властью чужеземцевъ, не упоминаетъ о темныхъ сторонахъ нравственной жизни этого народа. Она имѣетъ въ виду, очевидно, лучшую часть израильскаго общества. На эту же лучшую часть іудейскаго общества обращено вниманіе Юдиѳи, подвигъ которой составляетъ предметъ особой книги, носящей и въ заглавіи имя этой *Юдиѳи* и написанной лѣтъ за 200 до Р. Хр. Участниками событія, здѣсь разсказываемаго, представлены такія лица, которыя по свидѣтельству подлинной исторіи не были современниками; вообще этому «событію трудно указать точное мѣсто въ порядкѣ другихъ, болѣе извѣстныхъ происшествій». Въ самомъ дѣлѣ, книга пред-

ставляетъ Навуходоносора царемъ ассирійскимъ, и въ царствованіе этого же царя вавилонскій плѣнъ называетъ уже прошедшимъ событіемъ и т. под. Съ нѣкоторою только вѣроятностью можно полагать, что исторической основой книги послужило событіе, случившееся во время похода, предпринятаго персидскимъ царемъ Артарксерксомъ Охомъ съ цѣлью подавить возстаніе іудеевъ и во время котораго взятъ, между прочимъ, Іерихонъ. Діодоръ Сицилійскій, разсказывая объ этомъ походѣ, упоминаетъ, въ самомъ дѣлѣ, о каппадокійскомъ принцѣ Олофернѣ, особенно отличившемся во время похода, упоминаетъ также и объ евнухѣ Вагоѣ, сопровождавшемъ персидское войско. Олофернъ и Вагой принадлежатъ къ лицамъ, принимающимъ участіе и въ событіи, послужившемъ предметомъ книги Іудиѳь. Но книга эта написана, очевидно, не столько для того, чтобы поучать исторіи, сколько для того, чтобы дать нравственное назиданіе народу. Главная мысль, которую писатель проповѣдуетъ устами и подвигомъ Іудиѳи, состоитъ въ томъ, что Іегова хранитъ свой народъ, какъ болѣе достойный, чѣмъ другіе народы. Самъ народъ, стѣсненный «войскомъ ассирійскимъ», не имѣя воды для питья, готовъ сдаться врагу, сознаваясь, что «Господь наказываетъ его за грѣхи его и за грѣхи отцовъ его». Но Іудиѳь явилась представительницей другого взгляда на положеніе и долгъ народа,—взгляда, который въ книгѣ представляется одержавшимъ верхъ:

„Господь имѣетъ власть защитить насъ въ какіе угодно ему дни, или поразить насъ предъ лицемъ враговъ нашихъ... Потому, ожидая отъ него спасенія, будемъ призывать его къ себѣ на помощь, и онъ услышитъ голосъ нашъ, если ему будетъ это угодно. Ибо не было въ родахъ нашихъ, и нѣтъ въ настоящее время ни колѣна, ни племени, ни народа, ни города у насъ, которые кланялись бы богамъ рукотвореннымъ, какъ было въ прежніе дни“.

Безъ сомнѣнія, Юдиѳь имѣла основаніе представлять народъ свой достойнымъ божіей помощи. Безъ сомнѣнія, народъ, переставъ кланяться идоламъ, усвоилъ себѣ и положительныя нравственныя качества.

О положительныхъ нравственныхъ качествахъ еврейскаго народа даетъ основаніе говорить и другая историческая книга, написанная первоначально на еврейскомъ языкѣ во время первосвященства Іоанна Гиркана († 107 по Р. Хр.). Она имѣетъ своимъ предметомъ событія маккавейскаго періода еврейской исторіи, совершавшіяся съ 137 по 177 г. эры Селевкидовъ (175—135 до Р. Хр.). То было время геройской борьбы евреевъ за ихъ свободу и особенно за ихъ религію, веденной подъ предводительствомъ братьевъ Маккавеевъ поэтому; книга, посвященная описанію событій этого времени, называется **Маккавейскою.** Греческая Библія содержитъ въ себѣ три Маккавей-

скія книги, изъ которыхъ послѣдняя имѣетъ своимъ предметомъ событія изъ жизни египетскихъ евреевъ и о Маккавеяхъ не говоритъ ни слова; вторая, въ большей части своей, говоритъ о тѣхъ же событіяхъ, которымъ посвящена и первая Маккавейская книга. Объ этой послѣдней и сказано выше, что она написана первоначально на еврейскомъ языкѣ. Она стоитъ несомнѣнно выше второй книги по своей исторической правдивости. Въ ней нѣтъ тѣхъ неточностей и преувеличеній, которыхъ не чужда вторая Маккавейская книга. Борьба, которую она описываетъ, предпринята была евреями за вѣру ихъ отцовъ,—за вѣру, преданность которой покушались поколебать въ евреяхъ греческіе цари Сиріи. Около маккавеевъ группировалась, можно сказать, горсть людей, восторженно преданныхъ своей вѣрѣ, и только благодаря такой преданности выдерживавшихъ борьбу съ гораздо сильнѣйшимъ врагомъ. Одно время они не хотятъ даже брать въ руки меча для спасенія своей жизни, боясь нарушить святость субботняго дня. Такое мужество въ борьбѣ за вѣру возможно только у людей, которые не внѣшнимъ только образомъ свыклись съ вѣрой, предметомъ своей вѣры признаютъ не обрядъ только, но идею, духовный элементъ, въ этомъ послѣднемъ ощущаютъ и находятъ пищу для души, такъ что безъ него не могутъ жить, за него готовы умереть. Но въ чемъ полагали тогда евреи сущность вѣры? Чтó считали они нужнымъ дѣлать для того, чтобы исполнить законъ?

Мы видѣли, какъ пророки (Исаія, Михей и др.) называли даже мерзостью въ очахъ Іеговы тѣ жертвоприношенія, которыя не сопровождаются вниманіемъ приносящихъ къ внутреннему значенію жертвъ. Говоря такимъ образомъ, пророки, впрочемъ, не хотѣли отрицать значеніе жертвъ вообще. Опустѣніе храма Соломонова, прекращеніе жертвоприношеній при нѣкоторыхъ іудейскихъ царяхъ писателемъ книгъ «Царствъ» ставится въ вину этимъ царямъ. Жертвоприношенія были необходимы, пока было для нихъ мѣсто, которое избралъ для этого самъ Богъ (Второз., 12 гл.). Но когда храмъ Соломоновъ былъ разрушенъ халдеями; когда множество евреевъ было выселено въ чужія земли, гдѣ не было указаннаго Іеговой мѣста для жертвоприношеній, то чѣмъ замѣнить эти жертвоприношенія? Что могло бы имѣть равносильное имъ нравственное значеніе? Этотъ вопросъ естественно возникалъ въ умахъ іудеевъ, оставшихся въ отечествѣ по разрушеніи Іерусалима халдеями; онъ не могъ не занимать іудеевъ, выселенныхъ Навуходоносоромъ въ предѣлы вавилонскаго государства; еще раньше должны были задать себѣ тотъ же вопросъ плѣнники ассирійскаго царя, выведенные изъ израильскаго царства и поселенные въ языческихъ странахъ. Недозволенное за-

кономъ Моисея и порицаемое пророками, богослуженіе на высотахъ не могло быть признано достойной замѣной богослуженія, совершавшагося на мѣстѣ, указанномъ Іеговой. Пророки указывали на это богослуженіе, какъ на одну изъ главныхъ причинъ паденія еврейскихъ государствъ.

Книга Товита (по греческой Библіи) или Товіи (по латинской Библіи) написана первоначально на греческомъ языкѣ и, слѣдовательно, не раньше того времени, когда вслѣдствіе завоеваній Александра Македонскаго, при его преемникахъ, греческій языкъ сталъ господствующимъ въ передней Азіи и сѣверо-восточной Африкѣ. Предметъ ея—событія изъ временъ ассирійскаго плѣна подданныхъ бывшаго израильскаго царства. Въ ней упоминается о зломъ духѣ Асмодеѣ, который любитъ, пылаетъ плотскою страстью къ Сарѣ до замужества ея съ Товіею. Чтобы прогнать этого духа, Товія не довольствуется молитвой къ Богу духовъ и всякой плоти, но сожигаетъ еще рыбью печень. Самое жизнеописаніе Товита представляетъ нѣкоторыя черты сходства съ исторіей Іова. Подобно послѣднему, Товитъ праведенъ предъ Богомъ и однакоже страдаетъ, потерявъ зрѣніе. Какъ жена Іова говорила ему: «Ты все еще твердъ въ непорочности своей! Похули Бога и умри»,—такъ и Товитъ, ослѣпшій, выслушиваетъ отъ своей жены такія слова: «Гдѣ же милостыни твои и праведныя дѣла? Вотъ какъ всѣ они обнаружились на тебѣ». Что существенно характеризуетъ книгу Товита, это проведенный въ ней взглядъ на праведность. Если жившимъ въ Палестинѣ, около храма, жертвоприношенія могли представляться существеннымъ, если не единственнымъ дѣломъ, котораго требуетъ Богъ отъ человѣка, то праведникъ, жившій внѣ Палестины, исполненъ живѣйшаго вниманія къ изреченію пророка Осіи, по которому Іегова «милости хочетъ, а не жертвы». По выселеніи изъ своего отечества, гдѣ онъ «часто ходилъ въ Іерусалимъ на праздники, какъ предписано всему израилю», Товитъ «дѣлалъ много благодѣяній своимъ братьямъ и народу, пришедшимъ вмѣстѣ съ нимъ въ страну ассирійскую», «алчущимъ давалъ хлѣбъ свой, нагимъ одежды свои и, если кого изъ племени своего видѣлъ умершимъ и выброшеннымъ за стѣну Ниневіи, погребалъ». Онъ и зрѣнія лишился потому, что неосторожно легъ подъ навѣсомъ дома, подъ гнѣздомъ птичьимъ, не считая возможнымъ войти въ домъ послѣ погребенія одного мертваго тѣла. Замѣчательны особенно слѣдующія слова въ рѣчи, которою напутствуетъ Товитъ сына своего, не надѣясь уже дожить до его возвращенія:

„Изъ имѣнія своего подавай милостыню, и да не жалѣетъ глазъ твой, когда будешь творить милостыню. Ни отъ какого нищаго не отвращай лица своего: тогда и отъ тебя не отвратится лице божіе. Когда у тебя будетъ много, твори

изъ того милостыню, и когда у тебя будетъ мало, не бойся творить милостыню и по немногу; ты запасешь себѣ богатое сокровище на день нужды: ибо милостыня избавляетъ отъ смерти и не попускаетъ сойти въ тьму. Милостыня есть богатая жертва всѣхъ, кто творитъ ее предъ Всевышнимъ... Что ненавистно тебѣ самому, того не дѣлай никому"... Потомъ, передъ смертью, тому же сыну своему, возвратившемуся женатымъ, Товитъ говорилъ между прочимъ: „Доброе дѣло молитва съ постомъ и милостыней и справедливостью.... Лучше творить милостыню, чѣмъ собирать золото. Ибо милостыня отъ смерти избавляетъ, и можетъ очищать всякій грѣхъ".

Конечно, для іудеевъ, жившихъ въ Палестинѣ, имѣвшихъ возможность болѣе или менѣе часто путешествовать къ іерусалимскому храму, не считалось и тогда безразличнымъ, приносятъ-ли или не приносятъ они жертвы единому Богу на мѣстѣ, ему посвященномъ, или даже не приносятъ-ли жертвъ какому либо другому Богу. Въ первой Маккавейской книгѣ разсказывается, какъ Маттаѳія, отецъ братьевъ Маккавеевъ, убилъ своими руками еврея, подошедшаго къ идольскому жертвеннику для принесенія на немъ жертвы. Обязательность жертвоприношеній истинному Богу для тѣхъ евреевъ, у кого была возможность совершать такія жертвоприношенія, подразумѣвалась сама собою.

Думали-ли евреи, что они достигли того идеала религіозно-нравственной жизни, за который готовы были положить и полагали свою душу? Достигли-ли они дѣйствительно этого идеала во время, о которомъ мы говоримъ, въ третьемъ и второмъ столѣтіяхъ до Р. Хр?

И первая Маккавейская книга упоминаетъ объ евреяхъ, измѣнившихъ вѣрѣ отеческой, приносившихъ жертвы на идольскомъ жертвенникѣ. Въ книгѣ Іудиѳь, какъ мы видѣли, самъ народъ не считаетъ себя безгрѣшнымъ; и Іудиѳь болѣе обращаетъ вниманіе народа на милость Іеговы, чѣмъ на собственную праведность народа. Наконецъ совѣты, уроки жизни, предлагаемые Іисусомъ, сыномъ Сираховымъ, въ его книгѣ косвенно даютъ право заключать, что нравственнаго совершенства, святости еврейское общество и тогда еще не достигло. И если въ обществѣ живо было и крѣпко сознаніе высокаго призванія народа, то въ немъ же долженъ былъ естественно совершаться процессъ мысли, который указанъ пророкомъ Исаіей во второй части его книги (начиная съ 40 гл.). Если израиль самъ по себѣ не могъ осуществить свое назначеніе — быть святымъ народомъ, народомъ по образу и подобію божію, «сыномъ божіимъ», то долженъ былъ явиться помощникъ, который сдѣлалъ бы для него эту цѣль достижимою. Ожиданіе Мессіи въ послѣднія три столѣтія предъ Рождествомъ Христовымъ усиливалось между евреями болѣе и болѣе.

Вслѣдствіе забвенія евреями того языка, на которомъ написаны

книги ихъ древнихъ пророковъ, послѣ вавилонскаго плѣна явилась необходимость перевести эти книги на употребительный въ то время между евреями языкъ халдейскій. Древнѣйшіе изъ этихъ переводовъ, такъ-называемыхъ таргумовъ, приближающіеся по своему характеру къ буквальнымъ переводамъ, написаны въ 1 в. до Р. Х. и въ 1-мъ в. по Р. Х. Это таргумы: *Онкелоса* на пятикнижіе Моисея и *Іоанаѳана* на пророковъ, т.-е. на такъ-называемыя у насъ историческія книги ветхаго завѣта и на пророческія въ собственномъ смыслѣ слова. Замѣчательно, что въ этихъ таргумахъ имя «Мессіи» очень часто употребляется въ тѣхъ именно случаяхъ, когда древніе пророки говорятъ или о «примирителѣ», имѣющемъ соединить подъ своимъ скипетромъ всѣ народы (Быт., 49, 10),—или о звѣздѣ, имѣющей возсіять отъ Якова (Числ., 24, 17) и т. п.

XV. Христіанство.—Четыре Евангелія.—Сущность новозавѣтнаго ученія.—Посланія апостоловъ.—Книга дѣяній апостольскихъ.—«Откровеніе Іоанна Богослова».—Заключеніе.

Христіанство явилось въ средѣ еврейскаго народа. Не только основатель его, по своему человѣчеству, и первые проповѣдники, апостолы, были евреи; но и тотъ и другіе прямо объявляли, что книги древнихъ еврейскихъ пророковъ своимъ вліяніемъ подготовляли народъ еврейскій къ принятію евангелія. Евреи были подготовляемы въ теченіи всего ветхозавѣтнаго періода къ явленію Христа, къ принятію проповѣди его апостоловъ. Къ евреямъ прежде всего и обращались съ своими рѣчами Христосъ и апостолы. Поэтому писанія апостольскія по справедливости можно разсматривать, какъ заключительное звено развитія еврейской писмености (хотя эти писанія первоначально и писаны, исключая, можетъ быть, евангелія Матѳея, на греческомъ, а не на еврейскомъ языкѣ). Правда, апостольская писменость положила начало существенно-новому религіозно-нравственному міросозерцанію; но начатки этого міросозерцанія даны были ужѣ въ книгахъ ветхозавѣтныхъ пророковъ. Мы укажемъ главнѣйшія и существеннѣйшія черты содержанія новозавѣтныхъ священныхъ книгъ, причемъ не будемъ терять изъ виду ихъ родственнаго отношенія къ ветхозавѣтнымъ идеямъ.

Между книгами новаго завѣта первое мѣсто, по значенію, принадлежитъ евангеліямъ, которыя своимъ предметомъ имѣютъ жизнь и ученіе Спасителя. Евангелія явились—первыя три въ шестидесятыхъ годахъ перваго столѣтія, а послѣднее—между 70 и 100 годомъ послѣ Р. Хр. Три первыя евангелія часто согласны между собою буквально. Имѣя между собою много общаго, эти евангелія различаются другъ отъ друга вслѣдствіе того, что написаны подъ различ-

ными вліяніями, для различныхъ цѣлей, для лицъ различнаго направленія. Матѳей написалъ свое евангеліе для христіанъ изъ іудеевъ, притомъ первоначально на арамейскомъ языкѣ, употреблявшемся между жителями Палестины во время земной жизни Спасителя. На греческій языкъ, на которомъ это евангеліе теперь извѣстно, переведено оно, вѣроятно, если не самимъ же Матѳеемъ, то подъ его наблюденіемъ. Второе евангеліе написано въ Римѣ для римскихъ христіанъ ученикомъ апостола Петра, Маркомъ. Третье евангеліе составлено Лукою, ученикомъ апостола Павла, для христіанъ изъ язычниковъ, изъ которыхъ одному — нѣкоему Ѳеофилу — и адресовано. При частомъ буквальномъ сходствѣ этихъ трехъ евангелій, каждое изъ нихъ, въ виду потребностей ихъ первоначальныхъ читателей, отличается нѣкоторыми особыми, ему одному свойственными чертами. Именно Матѳей описываетъ Спасителя, какъ послѣдняго и величайшаго пророка іудейскаго, какъ Мессію и царя іудеевъ, на которомъ исполнились предсказанія ветхозавѣтныхъ пророковъ. Маркъ въ краткихъ, но сильныхъ очеркахъ представляетъ Христа великимъ чудотворцемъ. Лука, помощникъ апостола для язычниковъ, показываетъ въ Христѣ врача тѣла и души, пастыря погибшихъ овецъ, спасителя грѣшниковъ, милосердаго друга всякому человѣку, сокрушителя преграды, раздѣлявшей язычника отъ іудея. Всѣ эти три евангелиста, начиная съ рожденія Іисуса отъ дѣвы Маріи, описываютъ его земную жизнь, исполненную чудесъ его божественной силы, страданій отъ людской несправедливости и злобы,—страданій, кончившихся смертью на крестѣ, за которою, однакожъ, послѣдовало воскресеніе и вознесеніе на небо, гдѣ онъ воспринялъ «всякую власть на небѣ и на землѣ». Эти три евангелиста, такимъ образомъ, слѣдятъ жизнь Спасителя отъ его униженнаго состоянія въ образѣ человѣка до воспріятія божественной силы по воскресеніи, изображаютъ человѣка, прославленнаго до божескаго достоинства. Въ отличіе отъ нихъ четвертый евангелистъ, Іоаннъ, описываетъ образъ Спасителя по преимуществу съ его божественной стороны, изображая его дѣла, характеризующія его какъ Бога вочеловѣчившагося. Онъ начинаетъ свое евангеліе прямо свидѣтельствомъ о божественномъ достоинствѣ лица, о дѣлахъ и ученіи котораго онъ хочетъ повѣствовать. О чудесныхъ дѣяніяхъ Христа Іоаннъ говоритъ значительно меньше, чѣмъ прочіе евангелисты; его евангеліе посвящено гораздо болѣе воспроизведенію рѣчей Спасителя, въ которыхъ онъ говоритъ о своемъ божественномъ достоинствѣ, о своемъ отношеніи къ Богу Отцу и о благодатныхъ отношеніяхъ своихъ, равно какъ и Бога Отца, къ людямъ. И все Іоанново евангеліе, по его собственнымъ словамъ, имѣетъ цѣлью—укрѣпить христіанъ въ вѣрѣ, что Іисусъ

есть сынъ божій и показать въ этой вѣрѣ путь къ вѣчной жизни. И первыя три евангелія сообщають немало рѣчей Спасителя, но эти рѣчи имѣють своимъ предметомъ внутреннее перерожденіе человѣка подъ вліяніемъ Христова ученія и благодати, развитіе идеи царствія божія, открывшагося на землѣ, въ человѣчествѣ, съ явленіемъ въ міръ Спасителя. При такомъ матеріальномъ различіи между рѣчами Спасителя въ трехъ первыхъ евангеліяхъ и въ четвертомъ, онѣ различаются между собою и въ формальномъ отношеніи. Въ первыхъ трехъ евангеліяхъ Христосъ излагаетъ свое ученіе въ формѣ или притчей, или краткихъ изреченій, простыхъ и доступныхъ для народнаго пониманія. Между тѣмъ рѣчи Христа въ четвертомъ евангеліи отличаются не только глубокомысленнымъ, но и высоко-таинственнымъ языкомъ, такъ что въ самомъ же этомъ евангеліи неоднократно замѣчено, что не только большинство его слушателей, но и приближенные его ученики въ недоумѣніи спрашивали разъясненія тѣхъ или другихъ его словъ. Объясненія послѣдней черты различія между рѣчами Христа въ первыхъ трехъ и послѣднемъ евангеліяхъ нужно искать не въ личныхъ способностяхъ и развитіи евангелистовъ, но въ томъ обстоятельствѣ, что евангеліе Іоанна занято по преимуществу обстоятельствами неоднократнаго пребыванія Христа въ Іерусалимѣ, гдѣ Спаситель велъ бесѣды съ образованными классами; первыя же три евангелія заняты большею частью обстоятельствами путешествій Христа по Галилеѣ, гдѣ онъ вращался по преимуществу среди простаго народа.

Первые три евангелиста, и между ними особенно Матѳей, въ различныхъ обстоятельствахъ жизни Спасителя видятъ и указываютъ исполненіе тѣхъ или другихъ предсказаній ветхозавѣтныхъ пророковъ. По евангелію Луки, ангелъ, возвѣщая дѣвѣ Маріи рожденіе отъ нея сына, говоритъ ей: «Родишь сына, и наречешь ему имя: Іисусъ. Онъ будетъ великъ, и наречется сыномъ Всевышняго, и дастъ ему Господь Богъ престолъ Давида, отца его; и будетъ царствовать надъ домомъ Якова во вѣки, и царству его не будетъ конца». Это благовѣстіе должно было напоминать дѣвѣ Маріи цѣлый рядъ обѣтованій, данныхъ Богомъ Давиду, по которымъ одному изъ потомковъ Давида усвояется имя сына божія (см. 2 Цар., 7 гл., и 1 Пар., 17 гл. Пс. 2) и царство Давида въ лицѣ этого потомка имѣло никогда не прекращаться (2 Цар. и 1 Пар. тамъ же, ср. Пс. 71). Іисусъ, какъ наслѣдникъ царскаго престола Давидова, явился въ качествѣ царя іудейскаго. Царя іудейскаго въ его лицѣ привѣтствовали волхвы, по евангелію Матѳея приходившіе съ востока поклониться новорожденному Іисусу. Самъ Іисусъ впослѣдствіи на вопросъ Пилата: «Ты царь іудейскій?» отвѣчаетъ утвердительно: «Ты говоришь» (Мѳ., 27, 1).

Но сынъ божій имѣлъ основать царство не отъ міра сего (Іоан., 18, 35), небесное. Іисусъ началъ свою проповѣдь словами: «Покайтесь; ибо приблизилось царство небесное» (Мѳ. 4, 17), по другому евангелисту—«царство божіе» (Мр. 1, 15). Такимъ образомъ, Іисусъ въ своемъ царствѣ имѣлъ осуществить тотъ идеалъ царя іудейскаго, который начертанъ еще въ законѣ моисеевомъ, который черезъ Самуила былъ указанъ первому израильскому царю Саулу и съ точки зрѣнія котораго смотрятъ на царей израильскихъ и іудейскихъ писатели книгъ «Царствъ». Этотъ идеалъ выражается въ требованіи исполнять волю божію. «Царство божіе, которому положилъ начало Іисусъ, есть царство, въ которомъ исполняется воля божія». «Въ царство небесное», по словамъ Спасителя, «войдетъ только исполняющій волю Отца небеснаго» (Мѳ., 7, 21).

Царя іудейскаго, сына Давидова, нѣкоторые изъ его послѣдователей хотѣли объявить царемъ въ земномъ, человѣческомъ смыслѣ этого слова (Іоан., 6, 15). Іисусъ уклонился отъ принятія царскаго сана, и, подтверждая свои слова о наступленіи царства божія на землѣ, говорилъ только: «Не пріидетъ царство божіе примѣтнымъ образомъ; и не скажутъ: вотъ оно здѣсь, или: вотъ, тамъ. Ибо царство божіе внутри васъ» (Лук., 17, 20, 21). «Тайны царства небеснаго,» или божія, Спаситель разъясняетъ въ цѣломъ рядѣ притчей. Притчею о сѣятелѣ. сѣявшемъ сѣмя на различной по качествамъ почвѣ, онъ учитъ, что сѣмя, зародышъ царства божія, есть слово божіе, полагаемое въ сердцѣ человѣческомъ рукою сына человѣческаго, какъ называлъ себя Спаситель. Это сѣмя есть, такимъ образомъ, ученіе Христово. Чѣмъ оно отличалось отъ ветхозавѣтнаго слова божія, отъ моисеевыхъ заповѣдей? Чтò должны были дѣлать ученики Христовы, чтобы исполнить законъ божій, чтобы быть членами царства божія? Отвѣтомъ на эти вопросы можетъ служить такъ-называемая нагорная проповѣдь Спасителя, въ наиболѣе полномъ видѣ воспроизведенная евангелистомъ Матѳеемъ (гл. 5—7). Христосъ объявляетъ, что онъ «пришелъ не нарушить законъ и пророковъ, но исполнить или восполнить». По нѣсколькимъ чертамъ, которыми онъ восполняетъ древній законъ, можно судить о духѣ этого восполненія. Сказано древнимъ: «не убивай; кто же убьетъ, тотъ подлежитъ суду». А Спаситель говоритъ: «всякій, гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду; кто же скажетъ брату своему ракà (пустой человѣкъ), подлежитъ синедріону; а кто скажетъ: безумный, подлежитъ гееннѣ огненной». Если древнимъ заповѣдано: «не прелюбодѣйствуй», то Спаситель называетъ прелюбодѣяніемъ уже одинъ нескромный взглядъ на женщину. Если древнимъ было сказано: «око за око, и зубъ за зубъ», то Христосъ учитъ: «Не противься злому.

Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую. И кто захочетъ судиться съ тобою, и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду. И кто принудитъ тебя идти съ нимъ одно поприще, иди съ нимъ два. Просящему у тебя дай, и отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся. Вы слышали, — продолжаетъ Христосъ,—что сказано: люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ.... Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный».

Всего короче существенная и основная черта нравственнаго ученія Спасителя, отличающая его отъ нравоученія ветхозавѣтнаго, выражена въ словахъ Спасителя, передаваемыхъ евангелистомъ Іоанномъ: «Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга; какъ я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга. Потому узнаютъ всѣ, что вы мои ученики, если будете имѣть любовь между собою». Заповѣдь о той-же любви, подражающей любви Спасителя, слышится, очевидно, и въ словахъ Христовыхъ, сообщаемыхъ евангелистами Матѳеемъ и Маркомъ: «Если кто хочетъ идти за мною, отвергнись себя, и возьми крестъ свой, и слѣдуй за мною» (Мѳ., 16, 24; Мр., 8, 34). Эти слова, въ извѣстномъ отношеніи, значатъ тоже, что и другія слова Спасителя, въ которыхъ онъ выражаетъ вторую изъ главныхъ заповѣдей закона (послѣ первой—о любви къ Богу): «возлюби ближняго твоего, какъ самого себя» (Мѳ., 22, 39; Мр., 12, 31). Любить ближняго, какъ самого себя, собственно значитъ любить его больше, чѣмъ себя, значитъ ограничивать свое самолюбіе, отвергаться себя, бороться съ своими страстями, нести крестъ. Вотъ какой любви требуетъ Спаситель своею новою заповѣдью; вотъ какую любовь онъ называетъ подражаніемъ его собственной любви, слѣдованіемъ за нимъ. Эта любовь болѣе послѣдовательна, болѣе всеобъемлюща, чѣмъ та любовь, идея которой замѣтна въ нѣкоторыхъ заповѣдяхъ Моисея, особенно въ книгѣ Второзаконія. И, вѣроятно, не случайностью нужно объяснить то обстоятельство, что ветхозавѣтный законъ, предписывая милосердіе къ ближнему въ извѣстныхъ случаяхъ, рѣдко произноситъ слово: «любовь» (см. Лев., 19, 18). Началу любви абсолютное значеніе дается только въ заповѣди Спасителя, сущность которой и заключается въ одномъ этомъ словѣ: «любовь» (ср. Римл., 13, 10).

Законъ не можетъ предписывать то, чего не въ силахъ сдѣлать подчиняемый закону. Если Спаситель заповѣдуетъ болѣе глубокую, болѣе послѣдовательную, менѣе условную любовь, чѣмъ какая заповѣдана въ законѣ Моисея, то что за перемѣна должна была совершиться въ человѣкѣ одновременно съ новымъ законодательствомъ?

Въ предсмертной бесѣдѣ своей съ учениками, воспроизведенной евангелистомъ Іоанномъ (13, 31-17 гл.), Спаситель сказалъ между прочимъ: «Вѣрьте мнѣ, что я въ отцѣ и отецъ во мнѣ.... Истинно, истинно говорю вамъ: вѣрующій въ меня, дѣла, которыя творю я, и онъ сотворитъ», т.-е. говоря словами, передаваемыми другимъ евангелистомъ, «послѣдуетъ за мною», будетъ любить ближняго тою же любовью, которою я возлюбилъ человѣка. Вѣра въ единеніе Спасителя съ Богомъ Отцемъ, какъ условіе послѣдованія за Христомъ, исполненія его заповѣдей, есть таже вѣра, которую исповѣдуетъ предъ Спасителемъ апостолъ Петръ, по свидѣтельству евангелиста Матѳея (16, 15 и сл.). Когда Іисусъ спросилъ учениковъ своихъ: «За кого вы почитаете меня?» то Симонъ Петръ отвѣчалъ: «Ты Христосъ, сынъ Бога живаго». Тогда Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: Блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ; потому что не плоть и кровь открыли тебѣ это, но Отецъ мой, сущій на небесахъ. И я говорю тебѣ: ты Петръ, и на семъ камнѣ я создамъ церковь мою, и врата ада не одолѣютъ ея». Церковью Христосъ называетъ здѣсь тоже, что въ другихъ случаяхъ разумѣетъ подъ царствомъ божіимъ, или небеснымъ *). И подъ этимъ камнемъ, на которомъ Господь хочетъ основать свою церковь, нужно разумѣть то исповѣданіе вѣры въ Іисуса, какъ сына божія, съ которымъ Петръ выступилъ отъ лица всѣхъ апостоловъ.

Процессъ животворнаго дѣйствія вѣры въ человѣкѣ особенно полно описывается апостоломъ Павломъ, преимущественно въ его посланіяхъ къ римлянамъ и къ галатамъ. Оба посланія написаны въ пятидесятыхъ годахъ послѣ Р. Хр., слѣдовательно раньше первыхъ трехъ евангелій.

Такъ какъ, впрочемъ, мы излагаемъ только сущность новозавѣтнаго ученія, не имѣя въ виду всѣхъ подробностей содержанія каждой новозавѣтной книги, то мы здѣсь же назовемъ и другія посланія апостольскія, изъ которыхъ и будемъ потомъ указывать различныя мѣста, относящіяся къ этому же, существенному въ христіанскомъ ученіи, предмету. Въ одно съ посланіями къ галатамъ и римлянамъ десятилѣтіе (въ 50-хъ годахъ I христ. в.) написаны тѣмъ же апостоломъ Павломъ два посланія къ ѳессалоникійцамъ, первое посланіе къ Тимоѳею, одно къ Титу, два къ коринѳянамъ и апостоломъ Яковомъ „къ двѣнадцати колѣнамъ, находящимся въ разсѣяніи“. Затѣмъ, въ 60-хъ годахъ I христ. вѣка явились: посланіе апостола Павла къ ефесеямъ, къ колоссянамъ, къ Филимону, къ филип-

*) Церковь обозначается въ евангеліи греческимъ словомъ ἐκκλησία, которое происходитъ отъ слова ἐκκαλέω—вызывать, призывать. Такое значеніе слова напоминаетъ притчу Спасителя (Мѳ. 22, 1—14), по которой „царство небесное“ подобно брачному торжеству, которое царь устроилъ для сына своего и на которое онъ „звалъ“ многихъ, но пришли немногіе, и изъ этихъ немногихъ не всѣ оказались достойными, „избранными“. Церковь Христова есть именно это „царство небесное“, составленное изъ тѣхъ званныхъ, которые оказываются и избранными.

пійцамъ, второе къ Тимоѳею, посланіе къ евреямъ, два посланія апостола Петра, вѣроятно также и посланіе Іуды. Наконецъ, три посланія Іоанна Богослова, какъ и его евангеліе, написаны уже послѣ 70-го года, въ послѣднюю четверть I вѣка. Посланіе къ римлянамъ посвящено главнымъ образомъ развитію мысли, выраженной въ словахъ: „благовѣствованіе Христово", т.-е. слово о Христѣ сынѣ божіемъ, есть сила божія ко спасенію всякому вѣрующему (1, 16); „правда божія черезъ вѣру въ Іисуса Христа, во всѣхъ и на всѣхъ вѣрующихъ" (3, 22). Въ этомъ пунктѣ ученіе апостола представляется существенно отличнымъ отъ ветхозавѣтнаго ученія, по которому человѣкъ, „исполнившій законъ, живъ будетъ имъ" (Лев., 18, 5). Апостолъ Павелъ доказываетъ, что вѣра спасающая древнѣе закона, за исполненіе котораго обѣщается жизнь. „Что говоритъ писаніе? Повѣрилъ Авраамъ Богу, и это вмѣнилось ему въ праведность (Быт., 15, 6)... Аврааму вѣра вмѣнилась въ праведность. Когда вмѣнилась?... Не по обрѣзаніи, а до обрѣзанія.... Не закономъ даровано Аврааму, или сѣмени его, обѣтованіе быть наслѣдникомъ міра, но праведностію вѣры" (Рим. 4 гл.). „Итакъ, — спрашиваетъ апостолъ,—мы уничтожаемъ законъ вѣрою? Никакъ; но законъ утверждаемъ" (3, 31). Объясненіемъ послѣднихъ словъ могутъ служить другія слова того же апостола въ посланіи къ галатамъ (5, 6): „во Христѣ Іисусѣ не имѣетъ силы ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, но вѣра, дѣйствующая любовью". Въ совершенномъ согласіи съ апостоломъ Павломъ, Яковъ въ своемъ посланіи говоритъ объ Авраамѣ: „Видишь ли, что вѣра содѣйствовала дѣламъ его, и дѣлами вѣра достигла совершенства?... Человѣкъ оправдывается дѣлами, а не вѣрою только". Но какъ оправдывается?

По апостолу Павлу (Римл. 5, 2), черезъ Спасителя получили мы доступъ къ благодати оправданія, возможность къ „обновленной жизни" (Римл., 6, 3.4). Законъ ветхозавѣтный только обнаруживалъ „страсти грѣховныя, дѣйствовавшія въ членахъ нашихъ". Состоя подъ закономъ, „мы жили по плоти", были „рабами грѣха"; и законъ только объявлялъ насъ преступниками, „связывалъ" насъ, такъ сказать—заключалъ насъ въ темницу, какъ приговоренныхъ къ смерти. Увѣровавъ въ Христа сына божія, мы „распяли плоть со страстями и похотями" (Гал., 5, 24). Мы „освободились отъ грѣха" (Римл., 6, 18). „Вѣрою Христосъ вселяется въ сердца наши" (Ефес. 3, 17) и пребываетъ тамъ какъ бы „въ насъ распятый" (Гал., 3, 1). Мы „сраспинаемся Христу. И уже не мы живемъ, но живетъ въ насъ Христосъ" (тамже, 2, 19, 20). Увѣренность, что съ нами и въ насъ Христосъ, побѣдитель грѣха и смерти (ср. 1 Кор. 15, 55, 56), освобождаетъ насъ отъ того закона, который называется „закономъ грѣха и смерти" (Римл., 8, 2), потому что, обвиняя насъ въ грѣхѣ, объявлялъ насъ достойными смерти. Если ветхозавѣтный законъ „связывалъ" человѣка, т.-е. карая его за преступленіе, не давалъ ему свободы дѣйствій, необходимой для исправленія, не давалъ силы для лучшаго образа жизни, если тотъ законъ только указывалъ и осуждалъ въ человѣкѣ преступника: то благодать, которую мы усвояемъ себѣ вѣрою во Христа, разрѣшаетъ наши нравственныя силы, дѣлая ихъ „орудіями праведности" (Римл. 6, 13). Въ этомъ смыслѣ Христосъ даровалъ намъ „свободу" (Гал. 5, 1). Но Христосъ не освободилъ насъ отъ того закона, который у апостола называется закономъ „духовнымъ" (Римл., 7, 14). Благодать, дѣлая наши члены „орудіями праведности", въ тоже время и тѣмъ самымъ дѣлаетъ и законъ „закономъ духа жизни во Христѣ Іисусѣ" (Римл., 8, 2). Въ самомъ дѣлѣ, если Спаситель говоритъ: „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный", то и черезъ Моисея Богъ говорилъ: „будьте святы, какъ святъ я, Господь Богъ вашъ". Моисеевъ законъ заключалъ въ себѣ много ограниченій этой величайшей заповѣди—„по жестокосердію" того народа, для котораго данъ былъ законъ (М. 19, 8), и только этимъ отли-

чался Моисеевъ законъ отъ закона Христова. Въ сущности заповѣдь Божія осталась неизмѣнною; но до Христа она была „буквою" не только мертвою, но и „смертоносною" (2 Кор. 3, 6, 7), Христосъ же сдѣлалъ ее „закономъ духа жизни" т.-е. дѣйствительно-духовною, потребностью духа человѣческаго, не требованіемъ, только извнѣ предъявляемымъ къ человѣку.

То, что заповѣдалъ Спаситель первымъ словомъ своей общественной проповѣди, именно словомъ: „покайтесь", это покаяніе, эта перемѣна образа мыслей, это осужденіе прежняго образа жизни и рѣшимость начать другую жизнь,—это и составляетъ первый моментъ зарожденія новаго человѣка. Слѣдующія слова Спасителя: „вѣруйте въ евангеліе" опредѣляютъ второй моментъ этого зарожденія. Вѣровать въ евангеліе значитъ вѣровать въ вѣсть о Спасителѣ, въ его жизни видѣть обязательный примѣръ для себя. На языкѣ апостольской проповѣди все возрожденіе опредѣляется словами: „отложить прежній образъ жизни ветхаго человѣка, истлѣвающаго въ обольстительныхъ похотяхъ, и обновиться духомъ ума нашего, и облечься въ новаго человѣка, созданнаго по Богу, въ праведности и святости жизни" (Ефес., 4, 22—24). Въ этихъ словахъ, такимъ образомъ, къ двумъ первымъ моментамъ возрожденія человѣка прибавляется освященіе, праведная жизнь. Такъ какъ заповѣдь о покаяніи произнесена въ первый разъ Христомъ, и примѣръ новой жизни поданъ тѣмъ же Христомъ, то апостолъ Павелъ и сказалъ: „Спаситель, Богъ нашъ, спасъ насъ не по дѣламъ праведности, которыя бы мы сотворили, а по своей милости" (Тит., 3, 5). Чтобы „произвести въ насъ и хотѣніе, и дѣйствіе" (Филип., 2, 13), онъ „изливаетъ на насъ обильно Святого Духа" (Тит., 3, 5, 6). Дѣйствіе въ насъ этого духа раздѣльнѣе представляется въ другихъ словахъ апостола Павла: мы „омылись, освятились, оправдались именемъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога нашего" (1 Кор., 6, 11).

Въ предсмертной бесѣдѣ своей съ учениками Спаситель представлялъ Святого Духа продолжателемъ собственнаго его дѣла:

„Я къ Отцу моему иду, говорилъ онъ. И я умолю отца, и дастъ вамъ другого утѣшителя, да пребудетъ съ вами во вѣкъ... Вы знаете его, ибо онъ съ вами пребываетъ и въ васъ будетъ... Утѣшитель, Духъ Святой, котораго пошлетъ отецъ во имя мое, научитъ васъ всему, и напомнитъ вамъ все, что я говорилъ вамъ" (Іоан., 14, 12. 16, 17, 26). „Когда придетъ утѣшитель, котораго я пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, который отъ Отца исходитъ; онъ будетъ свидѣтельствовать о мнѣ (Іоан., 15, 26).

Таковы существеннѣйшія черты содержанія новозавѣтныхъ книгъ.

Мы уже видѣли, что царство Божіе, которое основалъ на землѣ Спаситель, есть то самое царство, идея котораго лежала въ основѣ уже моисеева закона о царѣ израильскомъ, долженствующемъ руководиться закономъ божіимъ (Второз., 17, 18 псл.) Мы знаемъ также, что ветхозавѣтные пророки предсказывали соединеніе всѣхъ народовъ съ народомъ израильскимъ въ мысли о единомъ Богѣ. И Спаситель, посылая своихъ учениковъ на проповѣдь, говорилъ: «Идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча ихъ соблюдать все, что̀ я заповѣдалъ вамъ» (Мѳ., 28, 19, 20). Онъ говорилъ имъ также: «Утѣшитель, Духъ Святой, котораго пошлетъ Отецъ во имя мое, научитъ васъ всему, и напомнитъ вамъ все,

что̀ я говорилъ вамъ» (Іоан., 14, 26). Апостольская проповѣдь о Христѣ распятомъ, предуказанномъ ветхозавѣтными пророками, началась въ тотъ день, когда на апостоловъ сошелъ Святый Духъ (Дѣян., 2 гл.); и первые моменты этой проповѣди, ея первые успѣхи составляютъ предметъ первыхъ семи главъ книги Дѣяній апостольскихъ, написанной тѣмъ же Лукою, которымъ составлено и третье евангеліе. «Господь ежедневно прилагалъ спасаемыхъ къ церкви» (Дѣян., 2, 47); но эти спасаемые въ то время были исключительно іудеи. Продолжавшіяся нѣсколько вѣковъ (съ самаго плѣна вавилонскаго) болѣе или менѣе сильныя стѣсненія іудеевъ языческими народами, ихъ почти не прекращавшаяся со времени Навуходоносора бо̀льшая или меньшая зависимость отъ языческихъ народовъ способствовала развитію въ средѣ іудеевъ исключительнаго взгляда, что у нихъ не можетъ быть ничего общаго съ язычниками. Такой взглядъ трудно было согласить съ пророчественной идеей ветхаго завѣта объ имѣющемъ нѣкогда обнаружиться стремленіи всѣхъ народовъ на Сіонъ, къ Господу Богу израилеву, съ цѣлью научиться его закону. Но такой взглядъ имѣлъ на время свое доброе значеніе для іудеевъ, потому что отвлекалъ ихъ отъ идолопоклонства. Замѣчательно, что и Спаситель не простиралъ своей проповѣди за предѣлы еврейскаго населенія Палестины. Онъ объявлялъ прямо, что «посланъ только къ погибшимъ овцамъ дома израилева» (Мѳ., 15, 24). Когда языческая женщина просила его помощи, онъ даже сказалъ: «Не хорошо взять хлѣбъ у дѣтей, и бросить псамъ», разумѣя подъ «дѣтьми»—израильтянъ, а подъ «псами»—язычниковъ. Но когда въ отвѣтъ на эти слова язычница сказала: «Господи! но и псы ѣдятъ крохи, которыя падаютъ со стола господъ ихъ», то Іисусъ воскликнулъ: «О женщина! велика вѣра твоя; да будетъ тебѣ по желанію твоему» (Мѳ., 15, 26—28). Въ Капернаумѣ сотникъ римскаго войска, слѣдовательно язычникъ, просилъ Іисуса исцѣлить его слугу; но, когда Спаситель готовъ былъ направиться въ его домъ, сказалъ: «Господи! я недостоинъ, чтобъ ты вошелъ подъ кровъ мой; но скажи только слово, и выздоровѣетъ слуга мой... Іисусъ удивился, и сказалъ идущимъ за нимъ: Истинно говорю вамъ,—и въ израилѣ не нашелъ я такой вѣры». И, обращаясь къ сотнику, сказалъ: «Иди, и какъ ты вѣровалъ, да будетъ тебѣ» (Мѳ., 8, 5—10). Спаситель не отвергалъ, такимъ образомъ, вѣры и язычниковъ. И послѣ вознесенія Іисуса Христа на небо, апостолы только нѣкоторое время ограничивали свою проповѣдь іудейскимъ населеніемъ Палестины и сосѣднихъ странъ. Когда первый мученикъ за Христа, Стефанъ, палъ за ту мысль, что моисеевъ законъ можетъ и не имѣть полной силы въ средѣ вѣрующихъ во Христа, то это послужило началомъ великаго гоненія на христіанъ въ Іерусалимѣ.

«Апостоломъ язычниковъ» называетъ себя апостолъ Павелъ (Римл., 11, 13). Замѣчательно, что и онъ сначала обращался съ проповѣдью о Христѣ только къ іудеямъ. Поворотъ въ его дѣятельности совершился во время его перваго апостольскаго путешествія. Въ Антіохіи писидійской, когда «почти весь народъ собрался слушать слово божіе» изъ устъ Павла, «іудеи, увидѣвъ народъ, исполнились зависти и, противорѣча и злословя, сопротивлялись тому, что̀ говорилъ Павелъ. Тогда Павелъ и Варнава съ дерзновеніемъ сказали: Вамъ первымъ надлежало быть проповѣдану слову божію; но какъ вы отвергаете его, и сами себя дѣлаете недостойными вѣчной жизни; то, вотъ, мы обращаемся къ язычникамъ» (Дѣян., 13, 44—46). Ту мысль, что не іудеямъ только, но «и язычникамъ далъ Богъ покаяніе въ жизнь» (Дѣян., 11, 18), развиваетъ апостолъ Павелъ въ своемъ посланіи къ римлянамъ.

Большая часть апостольскихъ посланій имѣетъ цѣлью руководство вѣрующихъ въ подвигѣ борьбы со зломъ, съ ложью. Уклоненіе отъ истинъ, исповѣданіе которыхъ было обязательно для вѣрующихъ въ Христа, давало поводъ къ изложенію и разъясненію этихъ истинъ. Уклоненія отъ чистоты нравовъ, заповѣданныхъ Спасителемъ и его апостолами, также побуждали этихъ послѣднихъ наставлять уклоняющихся на путь истинно-нравственной жизни. И насколько посланія апостольскія имѣютъ въ виду именно эти уклонененія первыхъ христіанъ отъ истины и добра, они составляютъ памятники только одного момента или по бо̀льшей мѣрѣ одного періода борьбы истины съ ложью, добра со зломъ, возникшей среди человѣчества со времени явленія въ міръ Спасителя. Это борьба не кончилась съ апостольскимъ періодомъ церковно-христіанской жизни. Она продолжается и теперь.

Какой конецъ будетъ имѣть эта борьба? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ «Откровеніе Іоанна Богослова», единственная пророческая книга новаго завѣта. Въ формѣ посланія къ семи малоазіатскимъ церквамъ, оно написано апостоломъ изъ заточенія, въ которомъ онъ «за слово Божіе и за свидѣтельство Іисуса Христа» томился на островѣ Патмосѣ. Это было уже въ исходѣ 1-го христіанскаго вѣка, въ послѣдніе годы царствованія римскаго императора Домиціана (81—96 по Р. Х.). Начало посланія содержитъ въ себѣ, обращенныя къ отдѣльнымъ малоазіатскимъ церквамъ, увѣщанія, обличенія и утѣшенія. Въ этой части своей (2—3 гл.) «Откровеніе» имѣетъ, такимъ образомъ, сходство съ посланіями апостольскими. И если тѣ посланія, какъ сказано, имѣютъ цѣлью руководить вѣрующихъ въ ихъ борьбѣ со зломъ и ложью за добро и истину; то «Откровеніе» въ главахъ 2—3 можетъ быть признано, такъ сказать, по-

вѣркою духовно-нравственныхъ силъ христіанскаго общества Малой Азіи въ виду гоненія, воздвигнутаго на христіанъ Домиціаномъ. Этотъ императоръ, объявивъ себя богомъ, приказалъ ставить свои статуи на почетнѣйшемъ мѣстѣ храмовъ и закалать цѣлыя стада животныхъ въ жертву себѣ. Христіане, рѣшительно отказывавшіеся боготворить кого либо кромѣ единаго Бога, пославшаго въ міръ Сына Своего и Святаго Духа, христіане, естественно, должны были обратить на себя вниманіе высокомѣрнаго тирана. Онъ считалъ ихъ оскорбителями своего «величества», достойными величайшихъ наказаній. Христіанская кровь лилась по его волѣ широкими струями. Домиціаново гоненіе на церковь не было ни первымъ ни послѣднимъ, но оно было послѣднимъ изъ тѣхъ гоненій, которыя христіанамъ пришлось перенести при жизни апостоловъ. Іоаннъ Богословъ пережилъ всѣхъ прочихъ апостоловъ и, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ «столповъ» церкви (Гал. 2, 9), во время одного изъ жесточайшихъ гоненій на эту церковь, въ утѣшеніе ей, сообщилъ «откровеніе Іисуса Христа, которое далъ ему Богъ, чтобы показать рабамъ своимъ, чему надлежитъ быть вскорѣ».

Утѣшеніе, предлагаемое церкви въ откровеніи, составляетъ развитіе мысли, выраженной Спасителемъ въ притчѣ о пшеницѣ и плевелахъ, оставленныхъ владѣльцемъ поля рости до жатвы; а во время жатвы скажетъ онъ жнецамъ: «соберите прежде плевелы, и свяжите ихъ въ связки, чтобы сжечь ихъ; а пшеницу уберите въ житницу мою». Безъ притчи, ясно выражена таже мысль въ другихъ словахъ Спасителя: «Когда придетъ Сынъ человѣческій во славѣ своей, и всѣ святые ангелы съ нимъ: тогда сядетъ на престолѣ славы своей, и соберутся передъ нимъ всѣ народы; и отдѣлитъ однихъ отъ другихъ, какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ... И пойдутъ сіи въ муку вѣчную, а праведники въ жизнь вѣчную». Такимъ образомъ, если пророческія книги ветхаго завѣта особенное вниманіе посвящаютъ первому явленію въ міръ сына божія въ смиренномъ образѣ человѣка,—то пророческая книга новаго завѣта имѣетъ своимъ предметомъ будущее пришествіе сына человѣческаго въ силѣ и славѣ божественной.

Форма, въ которой Богъ «открылъ» тайны послѣдняго суда своего надъ человѣчествомъ, подобна формѣ откровеній, полученныхъ ветхозавѣтнымъ пророкомъ Даніиломъ. Она отличается обиліемъ возвышенныхъ образовъ и разнообразныхъ символовъ.

Апостолъ „былъ въ духѣ: и вотъ, престолъ стоялъ на небѣ, и на престолѣ былъ сидящій. И этотъ сидящій видомъ былъ подобенъ камню яспису и сардису; и радуга вокругъ престола, видомъ подобная смарагду. И вокругъ престола на 24 престолахъ 24 старца въ бѣлыхъ одеждахъ и золотыхъ вѣнцахъ. „Отъ престола

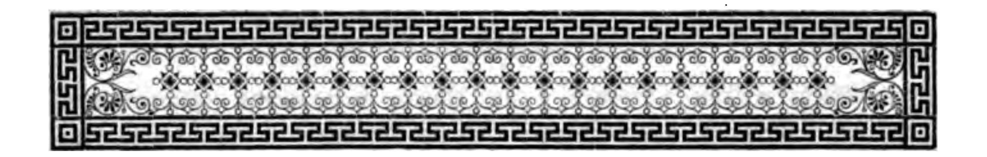
исходили молніи и громы и голоса и 7 свѣтильниковъ горѣли предъ престоломъ, которые суть 7 духовъ божіихъ... И посреди и вокругъ престола 4 животныхъ, исполненныхъ очей спереди и сзади. И первое животное подобно льву, и второе животное подобно тельцу, и третье животное имѣло лице, какъ человѣкъ, и четвертое животное подобно орлу летящему. И каждое животное имѣло по 6 крылъ вокругъ, а внутри исполнены очей; и ни днемъ, ни ночью не имѣютъ покоя, взывая: святъ, святъ, святъ Господь Богъ Вседержитель, который былъ, есть и грядетъ". При этихъ возгласахъ, старцы падаютъ предъ сидящимъ на престолѣ и полагаютъ вѣнцы свои предъ престоломъ, говоря: „достоинъ ты, Господи, пріять славу и честь и силу: ибо ты сотворилъ все, и все по твоей волѣ существуетъ". „Въ десницѣ у сидящаго" — книга, исписанная внутри и отвнѣ, запечатанная седмью печатями. „Раскрыть эту книгу и снять семь печатей ея" никто не могъ; „Левъ отъ колѣна Іудина, корень Давидовъ, побѣдилъ"... „Агнецъ, какъ бы закланный, имѣющій седмь роговъ и седмь очей, которыя суть семь духовъ божіихъ, посланныхъ во всю землю,—онъ пришелъ и взялъ книгу изъ десницы сидящаго на престолѣ". И „4 животныхъ и 24 старца пали предъ агнцемъ и поютъ новую пѣснь, говоря: достоинъ ты взять книгу и снять съ нея печати; ибо ты былъ закланъ, и кровью своею искупилъ насъ Богу изъ всякаго колѣна и языка и народа и племени; и сдѣлалъ насъ царями и священниками Богу нашему; и мы будемъ царствовать на землѣ". И ангелы вокругъ престола и старцевъ и животныхъ, и всякое созданіе на небѣ и на землѣ и подъ землею и на морѣ говорило: „сидящему на престолѣ и агнцу благословеніе и честь и слава и держава во вѣки вѣковъ". Въ то время, какъ агнцъ снимаетъ съ книги первыя четыре печати одну за другою, на землѣ на мѣсто мира наступаютъ убійственные раздоры; гибнетъ четвертая часть людей отъ меча, голода, моровой язвы и звѣрей земныхъ. Когда снята была пятая печать, апостолъ „увидѣлъ подъ жертвенникомъ души убитыхъ за слово божіе и за свидѣтельство, которое они имѣли". Онѣ вопіяли о мщеніи за кровь свою.... Со снятіемъ шестой печати, на землѣ наступилъ „день гнѣва агнца; и кто можетъ устоять?" Землетрясеніе, затмѣніе солнца и луны, исчезновеніе звѣздъ съ неба, — эти знаменія гнѣва божія наводятъ страхъ на жителей земли. Являются четыре ангела, „которымъ дано вредить землѣ и морю". Но имъ запрещается вредить, пока не будутъ положены печати на челахъ рабовъ божіихъ. Апостолъ видитъ въ тоже время: „великое множество людей, изъ всѣхъ колѣнъ и племенъ и народовъ и языковъ стояло передъ престоломъ и передъ агнцемъ въ бѣлыхъ одеждахъ и съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ". „Это тѣ, которые пришли отъ великой скорби; они омыли одежды свои, и убѣлили одежды свои кровью агнца. За это они пребываютъ передъ престоломъ Бога и служатъ ему день и ночь въ храмѣ его, и сидящій на престолѣ будетъ обитать въ нихъ. Они не будутъ уже ни алкать, ни жаждать, и не будетъ палить ихъ солнце и никакой зной: ибо агнецъ, который среди престола, будетъ пасти ихъ и водить ихъ на живые источники водъ; и отретъ Богъ всякую слезу съ очей ихъ". Со снятіемъ седьмой печати, явились семь ангеловъ съ трубами. Они трубили одинъ за другимъ, и трубный звукъ каждаго призывалъ на землю какое либо горе и бѣдствіе. Когда вострубилъ седьмой ангелъ, „раздались на небѣ громкіе голоса, говорящіе: „Царство міра сдѣлалось царствомъ Господа нашего и Христа его, и будетъ царствовать во вѣки вѣковъ"... „И явилось на небѣ великое знаменіе: жена облеченная въ солнце, подъ ногами ея луна, и на главѣ ея вѣнецъ изъ 12 звѣздъ. Она имѣла во чревѣ и кричала отъ болей и мукъ рожденія. И другое знаменіе: большой красный драконъ съ семью головами и десятью рогами, и на головахъ его семь діадимъ,—онъ сталъ передъ женою, чтобы,

когда она родитъ, пожрать ея младенца. И родила она младенца мужескаго пола, которому надлежитъ пасти всѣ народы жезломъ желѣзнымъ, и восхищено было дитя ея къ Богу... А жена убѣжала въ пустыню... И произошла на небѣ война. Михаилъ и ангелы его воевали противъ дракона... И низверженъ былъ великій драконъ, древній змѣй, называемый діаволомъ и сатаною, обольщающій всю вселенную"... Громкій голосъ говорилъ на небѣ: „Нынѣ настало спасеніе и сила и царство Бога нашего и власть Христа его; потому что низверженъ клеветникъ братій нашихъ, клеветущій на нихъ передъ Богомъ день и ночь. Они побѣдили его кровью агнца"... „И разсвирѣпѣлъ драконъ на жену, и пошелъ, чтобы вступить въ брань съ прочими отъ сѣмени ея, сохраняющими заповѣди божіи и имѣющими свидѣтельство Іисуса Христа". Драконъ даетъ силу свою и престолъ свой и великую власть звѣрю, выходящему изъ моря, которому „даны были уста, говорящія гордо и богохульно; и было ему дано вести войну съ святыми и побѣдить ихъ; и дана была ему власть надъ всякимъ колѣномъ и народомъ и языкомъ и племенемъ". Другой звѣрь, вышедшій изъ земли, заставляетъ всю землю и живущихъ на ней покланяться первому звѣрю... „И чудесами, которыя дано ему было творить передъ звѣремъ, онъ обольщаетъ живущихъ на землѣ". „Кто покланяется звѣрю и образу его, и принимаетъ начертаніе на чело свое или на руку свою, тотъ будетъ пить вино ярости божіей... и будетъ мучимъ въ огнѣ и сѣрѣ передъ святыми ангелами и передъ агнцемъ". Такъ объявляетъ одинъ ангелъ. Другой ангелъ восклицаетъ къ сидящему на облакѣ подобному сыну человѣческому, у котораго въ рукѣ серпъ острый: „пусти серпъ твой, и пожни... Иповергъ сидящій на облакѣ серпъ свой на землю и земля была пожата. Еще ангелъ съ острымъ серпомъ въ рукѣ, по повелѣнію другого ангела, „повергъ на землю серпъ свой, и обрѣзалъ виноградъ на землѣ, и бросилъ въ великое точило гнѣва божія". Явилось на небѣ иное знаменіе, великое и чудное: семь ангеловъ, имѣющихъ семь послѣднихъ язвъ, которыми оканчивалась ярость божія. Одинъ изъ этихъ же ангеловъ показываетъ судъ надъ блудницей, „виномъ блудодѣянія которой упивались живущіе на землѣ". „На челѣ ея написано имя: тайна, Вавилонъ великій, мать блудницамъ и мерзостямъ земнымъ". Другой ангелъ возглашаетъ: „Палъ, палъ Вавилонъ!... Веселись объ этомъ небо и святые апостолы и пророки; ибо совершилъ Богъ судъ вашъ надъ нимъ"... И голосъ отъ престола изшелъ говорящій: хвалите Бога нашего всѣ рабы его и боящіеся его, малые и великіе". И вотъ, слышится „какъ бы голосъ многочисленнаго народа, какъ бы шумъ водъ многихъ, какъ бы голосъ громовъ сильныхъ, говорящихъ: Аллилуіа! Ибо воцарился Господь Богъ Вседержитель. Возрадуемся и возвеселимся, и воздадимъ ему славу; ибо наступилъ бракъ агнца, и жена его приготовила себя. И дано было ей облечься въ виссонъ чистый и свѣтлый; виссонъ же есть праведность святыхъ. И сказалъ ангелъ: Напиши: блаженны званные на брачную вечерю агнца".

Такимъ образомъ, послѣ того какъ палъ «обольститель вселенной», откроется, станетъ вполнѣ явнымъ то царство божіе, которое непримѣтнымъ образомъ, «внутри насъ», наступило съ началомъ общественной дѣятельности Спасителя. И это открытіе царства божія представляется въ «Откровеніи» согласно съ евангельскими притчами «брачною вечерью», въ которой примутъ участіе «званные», оказавшіеся въ тоже время и «избранными», такъ какъ они «облечены въ висонъ чистый и свѣтлый», въ брачную одежду. Это святые, облеченные въ праведность, усвоившіе себѣ

тотъ образъ жизни, который у ап. Павла называется «обновленною жизнію», «новымъ человѣкомъ». Это тѣ званные и избранные, которые составляютъ единую святую церковь, почему и представляются женою или невѣстою, единымъ лицомъ. И представленіе о церкви, какъ о женѣ, и о ея отношеніяхъ къ Спасителю, къ «агнцу, взявшему на себя грѣхъ міра», какъ объ отношеніяхъ супружескихъ, ведетъ начало опять изъ ветхаго завѣта. Эта, наконецъ, побѣда агнца надъ зміемъ напоминаетъ тотъ первый грѣхъ человѣка, въ который онъ впалъ, обольщенный именно зміемъ. Тамъ, въ исторіи перваго грѣхопаденія людей, начало той борьбы добра со зломъ въ средѣ человѣчества, которая продолжалась весь періодъ ветхозавѣтной исторіи, не прекращается и по пришествіи въ міръ Спасителя. Побѣда надъ зміемъ, обольстителемъ человѣка, возвѣщаемая въ «Откровеніи», есть, очевидно, конецъ этой борьбы.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

В. П. Васильева.

I. Нѣсколько вступительныхъ соображеній.

Китайская литература не можетъ быть поставлена на ряду съ исчезнувшими литературами древняго міра. Она, правда уступаетъ по силѣ творческаго духа, образцовому и научному изложенію литературамъ греческой и римской; но, имѣя въ виду только то, что отъ нихъ сохранилось, позволительно сказать, что она, конечно, превосходитъ ихъ и по объему, и по разнообразію захваченныхъ ею предметовъ. Тоже самое можно сказать и о сравненіи ея съ литературами мусульманскаго міра или всего средневѣковаго періода всѣхъ западныхъ европейскихъ народовъ. Только въ примѣненіи къ одной новѣйшей литературѣ, въ которой наукѣ и критикѣ отведено такое почетное мѣсто, китайскую приходится ставить на ряду съ литературами, если такъ можно сказать, древняго строя, потому что она въ главныхъ чертахъ представляетъ собой лишь развитіе тѣхъ же началъ, которыя мы встрѣчаемъ еще до начала нашей эры. Нѣтъ сомнѣнія, что въ недалекой будущности китайская литература обогатится и освѣжится въ волнахъ европейской культуры и перенесетъ въ свои нѣдра всѣ изгибы европейской мысли, европейскаго знанія и духа. Но и въ такомъ случаѣ новый періодъ ея жизни не будетъ, какъ для другихъ народовъ, не европейскаго пошиба раздѣленъ глубокой пропастью съ ея прошлымъ, потому что новые взгляды, новыя требованія будутъ только продолженіемъ тѣхъ сторонъ, которыя или нѣкогда были уже затронуты, но очутились въ застоѣ, или разработывались неумѣло по недостатку запроса. Дѣло въ томъ, что, отвергая даже отдаленную древность китайской

литературы, мы имѣемъ передъ собой все-таки матеріалы неутомимой работы многочисленныхъ писателей въ продолженіи болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, работы не прекращенной и въ новѣйшее время, но уже обогащающейся приливомъ новыхъ знаній.

Для изложенія въ цѣлости этой литературы не встрѣтилось бы никакого затрудненія. Если бы понадобилось, можно написать цѣлые десятки томовъ. За источниками ходить недалеко — для этого у китайцевъ съ давняго времени (еще до начала нашей эры) вошло въ обычай составлять каталоги собранныхъ книгъ, излагать содержаніе менѣе извѣстныхъ и распространенныхъ, изслѣдовать—дѣйствительно ли авторъ то лицо, за которое онъ выдается, сообщать, если онъ неизвѣстенъ, свѣдѣнія объ его жизни, критически разбирать не только промахи автора, но даже типографскія ошибки изданія. Не говоря о прежнихъ каталогахъ, мы упомянемъ, что еще въ прошломъ столѣтіи изданъ былъ правительствомъ такой каталогъ въ 16 томовъ, по 8 книжекъ (у европейцевъ volumes) въ каждомъ; кромѣ того, есть множество спеціальныхъ обозрѣній какой нибудь части (напр. Цзинъ и као, 8 томовъ, разбирающихъ одну конфуціанскую литературу; Юе-цзанъ чжи-цзинь—огромный томъ, излагающій содержаніе всѣхъ буддійскихъ книгъ). Самая большая часть всѣхъ сочиненій, которыя входятъ въ эти каталоги, также хранится въ нашихъ библіотекахъ; слѣдовательно, за матеріаломъ дѣло не стало бы. Но вопросъ въ томъ, настроено ли въ настоящее время не только русское, но и все европейское вниманіе на столько, чтобъ нуждаться въ такомъ трудѣ? Со временемъ навѣрное появится и не одинъ такой трудъ; изслѣдованіе китайской литературы займетъ впослѣдствіи не одного ученаго; ихъ потребуются сотни. Придетъ время, когда и русскіе синологи примутъ участіе въ этой дѣятельности, невозможное теперь, при отсутствіи въ обширной Россіи китайскаго шрифта, которымъ обзавелись уже всѣ другія европейскія государства.

Приглашеніе дать небольшой и популярный очеркъ исторіи китайской литературы не могло не встрѣтить полнаго моего сочувствія. Но положеніе популяризатора въ данномъ случаѣ не можетъ быть одинаково для всѣхъ. Во всѣхъ другихъ отрасляхъ, популяризаціи предшествуютъ ученыя изысканія; за популяризацію можетъ взяться даже человѣкъ, незнающій языка (Аделунгъ: Митридатъ, Кеппенъ—Буддизмъ). Но не всякій, знающій языкъ и занимающійся въ области его учеными изысканіями, можетъ сдѣлать популярными свои знанія: тутъ требуется особый методъ изложенія,—нужно приноравливаться не столько къ тому, что даютъ собственныя знанія, сколько къ вопросамъ, на которые желаетъ получить отвѣтъ сама интеллигентная публика. Такъ, напримѣръ, мо-

гутъ потребовать, чтобъ мы въ нашемъ изложеніи китайской литературы говорили прежде всего и больше всего о такъ-называемой у насъ изящной словесности: познакомили бы съ поэмами, благо онѣ существуютъ у грековъ и индійцевъ, говорили бы больше о драмѣ, романѣ, повѣстяхъ, краснорѣчіи и т. п.

Но намъ кажется, что ученый, еслибъ онъ и могъ удовлетворить этимъ требованіямъ, не можетъ ставить на первомъ планѣ тѣ этюды, которые, составляя сущность одной литературы, въ другой являются, такъ сказать, придаточными. Развитіе всякаго самостоятельнаго народа начиналось съ своеобразной точки отправленія; тѣ первые памятники, которые были созданы еще, можетъ быть, до начала писмености и при первомъ ея появленіи были ею схвачены, имѣютъ главное и существенное вліяніе на развитіе народнаго генія, на обращеніе національнаго ума къ такимъ сторонамъ жизни и знанія, которыя не входятъ въ кругъ потребностей другихъ умовъ. И такъ какъ исторія литературы имѣетъ въ виду не предписывать что̀ долженъ произвести геній національности, а только обнять то, что онъ произвелъ, что̀ составляетъ матеріалъ этой литературы, то и необходимо не отступать отъ того порядка, того іерархическаго, такъ сказать, значенія, какое туземная литература приписываетъ своимъ книгамъ. И если, какъ мы видимъ, въ основу всей китайской цивилизаціи, всей обширной и разнородной китайской литературы легло конфуціанство, сдѣлавшее свой языкъ и образъ выраженій почти обязательнымъ для враждебныхъ мнѣній или для пренебрегаемыхъ ею произведеній (романъ), то можно ли начинать рѣчь о чемъ нибудь другомъ, помимо конфуціанства? А между тѣмъ конфуціанство, въ ряду ученій другихъ народовъ, можетъ показаться малозаслуживающимъ вниманія по отсутствію высшаго полета мышленія и фантазіи, и для насъ могутъ быть въ китайской литературѣ драгоцѣнны другіе памятники. Цѣлая половина азіатаго материка можетъ быть изучена и понята единственно благодаря памятникамъ этой литературы; не только Корея, Японія, Кохинхина пользуются китайскимъ языкомъ, но и свѣдѣній о центральной и сѣверной Азіи мы не имѣемъ безъ китайской писмености. Самая Индія сложила въ китайскую литературу тѣ документы, которые въ ней самой затерялись, но которые представляютъ драгоцѣнный матерьялъ для изученія ея быта (винаи, агамы); только благодаря китайцамъ мы можемъ опредѣлить хоть нѣкоторыя историческія эпохи этой ненавидѣвшей исторію страны.

Но когда главная цѣль — представить въ общемъ, небольшомъ очеркѣ идеи, руководившія и руководящія народомъ, тутъ уже не можетъ быть мѣста для разбора отдѣльныхъ, хотя бы и замѣчатель-

ныхъ сочиненій, важныхъ, напримѣръ, для исторіи, географіи, или быта чужеземныхъ народовъ: важнѣе всего подмѣтить и указать вліяніе этихъ идей на тотъ народъ, литературу котораго мы разбираемъ. Что же касается конфуціанства, то оно впиталось, можно сказать, въ плоть, кровь и даже кости китайцевъ. Не имѣя формы нашихъ религій, оно имѣло и имѣетъ болѣе сильное, чѣмъ другія религіи у другихъ народовъ, не исключая и магометанства, вліяніе на всѣ стороны китайской жизни: бытовую, экономическую, политическую, умственную и литературную.

Мы и сами въ свое время предпочитали изученіе другихъ отраслей китайской литературы, болѣе спеціальныхъ, бѣгло ознакомившись сначала съ памятниками конфуціанства. Мы видѣли, что оно не заключаетъ въ себѣ какого-нибудь ученія, соотвѣтствующаго высотѣ нынѣшнихъ понятій и взглядовъ. Но когда намъ пришлось заняться преподаваніемъ литературы въ стройномъ объемѣ, то мы не могли уже исключить конфуціанства, и если въ настоящее время съ охотой принялись за предложенную намъ задачу, то болѣе всего имѣли въ виду изложить наши взгляды, которые, надѣемся, не лишены нѣкоторой новизны и оригинальности. Намъ не хотѣлось, чтобъ эти взгляды, добытые путемъ научнаго труда, но невозможные для насъ въ научномъ изложеніи, пропали совсѣмъ безслѣдно; хотя бы они и оказались впослѣдствіи несостоятельными, при болѣе глубокомъ изученіи предмета бóльшими силами, все же они дадутъ пищу для разработки конфуціанства съ той стороны, въ которую до сихъ поръ не заглядывали.

Такимъ образомъ, въ нашемъ трудѣ, популяризація быть можетъ въ первый разъ не есть выводъ изъ предшествовавшихъ работъ, а скорѣе попытка проложить новый путь къ ученымъ трудамъ по исторіи китайской литературы.

Несмотря на то, что въ настоящемъ изданіи авторы другихъ его частей приняли за правило выставлять въ каждомъ отдѣлѣ источники и новѣйшія изслѣдованія, которыми они пользовались, я уклоняюсь отъ этого правила, потому что передаю въ моемъ обзорѣ не извлеченія изъ трудовъ другихъ европейскихъ ученыхъ, а сжатое сокращеніе собственныхъ статей и записокъ, приготовлявшихся и приготовляемыхъ для лекцій. Источниками для этихъ лекцій служили мнѣ преимущественно только китайскія книги; почти ни одно изъ тѣхъ сочиненій, о которыхъ я говорю, здѣсь, не миновало моихъ рукъ. На европейскихъ языкахъ полнаго очерка китайской литературы еще не появлялось; по крайней мѣрѣ, намъ извѣстно только одно сухое изложеніе Wylie, представляющее перечень книгъ, упоминаемыхъ въ сокращенномъ (цзянь-минъ, а не полномъ) каталогѣ Сы-ку-

цюань-шу. Отдѣльные разборы нѣкоторыхъ книгъ, сообщенія о томъ или другомъ китайскомъ авторѣ разбросаны, правда, во множествѣ, какъ въ знаменитыхъ трудахъ предшествовавшаго столѣтія (напр. «Mémoires sur les Chinois», «Description de la Chine» и проч.), такъ и въ трудахъ Ремюза̀, Клапрота, а еще болѣе во множествѣ издававшихся и издающихся нынѣ журналовъ («Journal Asiatique»), изъ которыхъ иные даже исключительно посвящены Китаю («The Phoenix», «The China Review», «Nort China Herold» и проч.); но приводить статьи, которыя сами нуждаются еще въ критикѣ и поясненіяхъ, дополненіяхъ или опроверженіяхъ, составило бы для насъ только лишній трудъ.

Какъ на единственный капитальный трудъ, который еще долго не потребуетъ передѣлки, мы можемъ указать только на «The Chinese Classics translated into english etc., by James Legge». Трудъ хотя еще неоконченный, но уже насчитывающій восемь огромныхъ фоліантовъ съ китайскими текстами, точными переводами, сколько они возможны на основаніи китайскихъ комментаторовъ, съ обширными примѣчаніями и еще болѣе замѣчательными введеніями (preliminary essays), въ которыя часто включены тексты и переводы другихъ цѣльныхъ сочиненій. Изданіе такого труда возможно было только для англичанъ, не жалѣющихъ издержекъ. Намъ случалось неоднократно просматривать многія мѣста этого изданія, и мы убѣдились лично, что авторъ воспользовался всѣми матеріалами, какіе только можно найти въ китайскихъ источникахъ. Но, по нашему мнѣнію, авторъ все еще слишкомъ увлекается довѣріемъ къ китайскимъ комментаторамъ, хотя и не всегда съ ними соглашается, не такъ, какъ прежніе европейскіе ученые, которые взявъ въ руководство китайскій учебникъ, издавали по частямъ конфуціанскихъ классиковъ и не думали, что есть много совершенно несогласныхъ съ этимъ учебникомъ комментаторовъ.

II. Языкъ и писмо китайцевъ.

Китайскій писменый языкъ отличается отъ египетскаго гіероглифическаго писма тѣмъ, что онъ дальше отъ своего разговорнаго языка, чѣмъ языкъ фараоновъ. Послѣдній выражался тѣми же словами въ писмѣ, какъ и въ устной рѣчи. Въ Китаѣ, наоборотъ, до сихъ поръ нѣтъ еще почти такой писанной или печатной книги, о которой можно было бы сказать, что слушая, когда она читается вслухъ, неграмотный китаецъ пойметъ, что̀ ему читаютъ, не потому, что сюжетъ недоступенъ пониманію слушающаго, а потому, что писавшій имѣлъ въ виду не слушателя, а зрителя: записывая, онъ

имѣлъ въ виду не слово, а грамоту, которая дошла до него съ древнихъ временъ, писанная по извѣстному шаблону.

Дѣло въ томъ, что на свѣтѣ не можетъ быть разговорнаго языка, котораго бы не понимали родные, близкіе, земляки говорящаго на этомъ языкѣ человѣка и потому заставляли бы послѣдняго прибѣгать къ письму, какъ глухонѣмаго. Нѣкоторые говорятъ это о китайцахъ, не понимая въ чемъ дѣло. Въ Китаѣ много нарѣчій и говоровъ. Кромѣ свойственныхъ каждому изъ нихъ, особенныхъ нѣкоторыхъ словъ и оборотовъ (въ Пекинѣ въ восточной части говорятъ *цюй,* а въ западной *кэ*—идти), извѣстныя названія, общія всѣмъ нарѣчіямъ, перемѣняются въ буквахъ: пекинецъ говоритъ *ши,* а ганьсусецъ *сы* (est), пекинецъ *цзиньбу-цюй,* а нанкинецъ: *гинь-бу-кюй* (не войдетъ); пекинецъ *жу-дань-цзы* (простыня), шаньдунецъ: *юдань-цзы* (для уха пекинца—клеенка). Въ такихъ случаяхъ для недогадливаго или непривыкшаго, разумѣется, приходится или разговаривать черезъ переводчика, или совсѣмъ отказаться отъ разговора, если оба не знаютъ писменаго языка. Понятно въ этомъ случаѣ объединительное значеніе писменаго языка для всего Китая. И напрасно обвиняютъ китайцевъ въ глупости, которая будто бы препятствуетъ имъ принять алфавитъ. Съ послѣднимъ они познакомились по крайней мѣрѣ не позже 4-го вѣка нашей эры, слѣд., могли бы оцѣнить его достоинства. Но какъ могъ бы писменый языкъ сдѣлаться тогда общимъ для всѣхъ?

Различіе писменаго языка отъ разговорнаго заключается въ томъ, что въ писменомъ одинъ, слышимый даже для самаго тонкаго китайскаго слуха (объ европейцахъ ужъ и говорить нечего) въ чтеніи моносиллабъ, состоящій или изъ одной гласной (э, у, ю, я, и проч.) или изъ гласной, предшествуемой какой нибудь согласной (ба, бу, бѣ), или сопутствуемой ею (банъ, бэнъ), или одной только согласной *нъ*, *нь* (бэнь, бань), почти всегда (за исключеніемъ передачи нѣкоторыхъ иностранныхъ складовъ въ ихъ словахъ) имѣетъ такое значеніе, какое доступно уже не слуху, а только глазу своимъ начертаніемъ. Извѣстно, напримѣръ, что китайскихъ гіероглифовъ, читаемыхъ нынѣ все однимъ моносиллабомъ *и*, насчитывается болѣе сотни. Каждый изъ нихъ имѣетъ особенное не только одно, но во фразахъ разнообразное даже значенье; возможно ли, чтобы китаецъ, сказавъ китайцу на словахъ *и*, предполагалъ, что тотъ пойметъ, что онъ хочетъ сказать *нѣтъ*. Въ разговорномъ языкѣ, значенія, заключающагося въ гіероглифахъ читаемыхъ *и*, вовсе не употребляютъ. Но если произносятъ его подъ различными удареніями (слѣдовательно, это совершенно различныя слова, смѣшиваемыя только нашимъ алфавитомъ и непривычнымъ ухомъ), то требуютъ пополненія или впереди или позади другого моносиллаба, и такимъ образомъ получаются слова: *и га*,

одинъ, *и-шанъ*, платье, *и-сы*, мысль, *цзао-и*, рано, *ли-и*, обрядъ, *со-и*, вотъ почему, и т. д.).

Но такъ какъ въ письмѣ каждый изъ этихъ *и* имѣетъ особое начертаніе, то смотрящій въ книгу пойметъ это значеніе его и въ томъ случаѣ, когда нѣтъ ни предшестующихъ, ни послѣдующихъ моносиллабовъ или гіероглифовъ, когда пишущій оставитъ одинъ складъ. Пояснимъ это другими случаями. Когда въ разговорѣ называютъ какое нибудь растеніе, камень, птицу, и т. п., то обыкновенно оно состоитъ изъ двухъ словъ—самаго названія (обыкновенно прилагательнаго), и прибавленія словъ: дерево, растеніе, птица и проч. Но пишущій довольствуется написаніемъ только того звука или моносиллаба, который относится къ значенію; чтобы не писать дерева, камня, животнаго отдѣльно, онъ приставляетъ знаки эти словъ къ самому значенію: такимъ образомъ получается въ письмѣ одинъ слогъ вмѣсто двухъ. Читающій очень ясно видитъ, что вотъ этотъ *чжанъ*, съ знакомъ дерева, значитъ *камфора*, этотъ съ знакомъ *яшмъ*-знакъ отличія, этотъ съ оленемъ — *кабаргу* и т. д. Такимъ образомъ изъ двухсложнаго слова образуется односложное (изъ прилагательнаго тѣ самыя существительныя, къ которымъ оно можетъ быть приложено).

Но, кромѣ того, мы не должны забывать, что моносиллабы суть корни древняго языка, которыхъ во всякомъ языкѣ небольшое количество; они также односложны, но въ другихъ языкахъ происшедшія отъ корня различныя значенія имѣютъ—приставки и надставки, прибавленія изъ другихъ корневыхъ словъ. Китайскій корень можетъ обойтись и безъ этого, когда дѣло идетъ о различныхъ этимологическихъ (умереть, уморить) и синтаксическихъ формахъ, а благодаря различной писмености сохраняетъ въ себѣ и появившіяся различныя значенія. Напримѣръ, примемъ корень *цзѣ*—въ первоначальномъ значеніи — отсѣкать, отсюда *цзѣ* — будетъ значить колѣнцо (въ бамбукѣ или въ пустоствольныхъ растеніяхъ, въ которыхъ это колѣнцо преграждаетъ дудку); затѣмъ понятно, почему *цзѣ* будетъ значить *граница*, запрещенье, заповѣдь, далѣе законъ, обязанность и т. д. Во всѣхъ этихъ значеніяхъ *цзѣ* пишется весьма различно, такъ что обѣта съ границей вы не смѣшаете, а устное чтеніе одно и тоже. Разнообразіе корневаго значенія такъ обширно, что иногда обнимаетъ совершенно противоположныя понятія: *тянь* или *ди*—значатъ и небо и земля (пить и напоить, встать и поднять—въ одномъ словѣ). Поянимъ это хоть однимъ словомъ. *Дуй*—значитъ и противоположный (враждебный) и соотвѣтствующій (pendant), но представимъ себѣ два предмета, поставленные одинъ противъ другаго (надписи по бокамъ двери), они могутъ быть названы и противоположными и соотвѣтствующими, такъ что *дуй* можетъ значить — и от-

вѣчать съ почтеніемъ, и возражать. Это уже показываетъ, что хотя въ одномъ начертаніи въ части корня должно заключаться только по одному опредѣленному значенію, но употребленіе, приложеніе, оборотъ могутъ дать тому же начертанію и разнообразное значеніе, напр. *дао*, дорога, значитъ и законъ, и руководство, и смыслъ, и отвлеченное начало или бытіе. Сверхъ того, если мы сказали, что писменый языкъ можетъ довольствоваться однимъ моносиллабомъ изъ двухъ (или и болѣе, какъ перифразъ), существующихъ въ разговорномъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ и самъ никогда не прибѣгалъ къ сочетаніямъ двухъ моносиллабовъ; напротивъ, это сочетаніе, не отвергая, судя по слогу, моносиллабичности, даже болѣе излюблено писменымъ языкомъ, чѣмъ разговорнымъ, но является въ такихъ двусложныхъ звукахъ, которые непонятны уху. Въ разговорномъ языкѣ, напримѣръ, радоваться выражается слогами: *си* (*хи*) *хуанъ*, но писменый можетъ и переставить ихъ (*хуанъ си*), затѣмъ являются слоги *си-синъ*, *синъ хуанъ*, *хуанъ синъ*, *синъ юе*, и другіе неупотребительные въ разговорномъ.

Вышеупомянутое различіе нарѣчій произвело то, что часто одно и тоже понятіе, произносимое различнымъ образомъ (*ши* и *си—есть*) въ различныхъ мѣстахъ, потребовало и различныхъ начертаній, которыя сдѣлались общимъ достояніемъ писменаго языка съ сохраненіемъ мѣстнаго произношенія (особенно въ древности, когда первая писменость развивалась въ различныхъ царствахъ, на которыя раздѣлялся тогда Китай *).

Такимъ образомъ понятно, что, кромѣ корневого значенія, заключающагося въ произносимомъ устно моносиллабѣ, въ него вошли видоизмѣненія другихъ корней, тогда какъ, съ другой стороны, значеніе одного и того же корня надобно извлекать изъ другихъ слоговъ. Вотъ почему на одинъ слогъ и приходится такъ много іероглифовъ.

Ошибочно предполагать, что моносиллабическіе языки не имѣли никакой внутренней жизни, т.-е. всегда были и донынѣ остались безъ всякаго видоизмѣненія, какъ скоро дѣло идетъ объ одномъ и томъ же нарѣчіи. Напротивъ, они видоизмѣняли самый моносиллабъ сообразно съ этимологическими требованіями; тибетскій языкъ, напримѣръ, и нынѣ указываетъ, что *чугъ* значитъ войди, положи, *чжагъ*, *чжогъ*—положилъ. Слѣдовательно, для обозначенія различныхъ временъ или наклоненій моносиллабъ мѣняетъ или гласную или согласную, или дѣлаетъ операцію надъ той и другой, т.-е. эта операція происходитъ чрезъ измѣненіе буквы на другую, родственную (глас-

*) Европейскіе синологи написали большіе синтаксисы для разъясненія различія или тонкости въ употребленіи такихъ мѣстныхъ словъ, вмѣсто того, чтобы предоставить это дѣло лексикографіи.

ныя въ древнихъ языкахъ были, должно быть, еще родственнѣе чѣмъ согласныя, вѣроятно отъ этого онѣ и опускались у семитовъ, какъ нынѣ у татаръ; въ китайскомъ и теперь не рѣшено, есть ли одно стоящее *а* дѣйствительно *а*, а не *о*, надобно ли писать *фынь* или *фунь*). Въ китайскомъ языкѣ не замѣтно такого видоизмѣненія по временамъ, за-то многіе корни видоизмѣняются смотря по смыслу: *чи*—ѣсть, *ши*—пища; *шань* кушанье, *сы*—кормить; *сы*—умереть, *ша*—убить, *ши*—трупъ, *сань*—трауръ по умершемъ, *цзань*—похоронить; *юе* (превратившееся нынѣ въ *шо*)—говорить, *янь*—слово, *инь*—звукъ; *шу* (*су*) щетъ, *суань*—считать и т. д.

Въ китайскомъ языкѣ господствуетъ еще одно, кажется, тоже никѣмъ еще неподмѣченное явленіе, объясняющее и дополняющее во многомъ все сказанное выше. Другіе языки переходили отъ односложныхъ звуковъ къ многосложнымъ по бо́льшей части приставками или надставками; но, не говоря уже о прямомъ сложеніи двухъ разнокоренныхъ словъ одной и той же рѣчи, и эти суффиксы и префиксы вѣдь такія же сложенія. Въ китайскомъ языкѣ поступлено совсѣмъ иначе. Такъ какъ мысль развивалась, а слово оставалось въ той же неподвижности, т.-е. не выработывалось болѣе новыхъ буквъ, а слѣдовательно и новыхъ слоговъ, то, чтобъ отличить одно понятіе отъ другого, прибѣгли не къ приставкамъ или надставкамъ, а просто къ повторенію или удвоенію того же слога. Такія повторенія мы то и дѣло встрѣчаемъ въ едва ли не первой китайской книгѣ «Ши-цзинѣ»—книгѣ стихотвореній, заимствованныхъ изъ народного языка. Первоначально такія повторенія, чисто звукоподражательныя (гуань гуань, танъ танъ и проч.), вошли въ употребленіе за неимѣніемъ подходящихъ словъ, но потомъ приняли опредѣленный смыслъ. *Цзъ-цзъ* — сестра, *шу-шу* — дядя, *нянь-нянь*—барыня, *цзоу-цзоу*—похаживать, *синь-синь* — звѣзды, *жень-жень* —всѣ люди, *тянь-тянь*—каждый день. Черезъ повтореніе, какъ видимъ, слагаются уже настоящія слова. За тѣмъ повторительная форма (вторая формація не всегда приставка, но иногда и надставка) нѣсколько измѣняется или въ согласныхъ, или въ гласныхъ, или въ окончаніяхъ, принимаетъ или отбрасываетъ предъ гласной другія согласныя: *гао-су* или *гао-дао*—говорить, *гэнь-бень* — корень, *гэнь-бянь* — измѣнять, *цю-ци*—просить, *тй-дао*—разбойникъ, *энь-дянь*—милость и т. д. Самое любимое превращеніе другой формы, это—перемѣна окончанія словъ, оканчивающихся на гласную, въ окончаніе съ единственной согласной стоящей въ концѣ: *н* (*нъ*, *нь*), или наоборотъ. Такъ мы имѣемъ: *сы-сянъ*—думать, *сы-сянь* — нить, *цинь-ци*—родственникъ, *чжоу-чуань*—лодка, *гоу* и *кюань* (*цюань*) собака, *гу-лунь*—колесо, *ку-лунъ*—дыра, *цяо* (или *кань*) *цзянь*—смотрѣть или, какъ приведенное выше *сихуань*—радоваться.

Это, какъ видимъ, уже не простое измѣненіе корня въ нарѣчіяхъ, не одно только составленіе слова изъ сочетанія двухъ нарѣчій. Такое явленіе понятно въ языкѣ писменомъ, имѣющемъ возможность или соединять въ одно двѣ (а ихъ можетъ быть и множество) формаціи одного и того же корня, безъ присутствія послѣдняго, или каждую формацію употреблять одну въ значеніи, зависящемъ отъ сочетанія ея съ другою. Такимъ образомъ *дао*, дорога, въ томъ же начертаніи получаетъ значеніе *гаодао*—говорить, гдѣ *дао*—есть только приставочная или повторительная формація; въ другомъ начертаніи *дао* есть уже *цзѣй-дао*—разбойникъ.

Такимъ образомъ понятно, что, кромѣ корневого значенія, заключающагося въ произносимомъ устно одномъ моносиллабѣ, въ него вошли видоизмѣненія иныхъ корней; съ другой стороны, одинъ и тотъ же корень скрывается въ другихъ слогахъ. Иногда и самое начертаніе не поможетъ, безъ этого, объясненію значенія словъ. Вотъ почему на одинъ слогъ приходится такъ много гіероглифовъ, и почему въ одномъ гіероглифѣ заключается нѣсколько неодинаковыхъ значеній, которыхъ нельзя вывести изъ той мысли, какая имѣлась въ виду при первоначальномъ появленіи гіероглифа. Въ послѣднемъ случаѣ, напр., какъ *дао*—говорить, гіероглифъ называется заимствованнымъ. Всѣ гіероглифы, которыми передается произношеніе какого нибудь иностраннаго слова, имѣютъ такое заимствованное значеніе: *фа*—въ *Фа-лан-си*—Францiя, *инъ*—въ *инъ-цзили* (англичане), очевидно, не значатъ первое—законъ, а второе—цвѣтущій, хотя и пишутся гіероглифами, означающими это. Мы видимъ, что видоизмѣненіе производится въ широкихъ размѣрахъ аллитераціи: *г* переходитъ въ *б*, *д*, *чж* и *цз*, послѣднее родственно съ *л*. Мы не не можемъ приводить всѣхъ безчисленныхъ примѣровъ, которые бы доказали нѣсомнѣнность такой аллитераціи, хотя они нами и подобраны (есть еще и другіе переходы буквъ); но для занимающихся или сколько-нибудь изучавшихъ китайскій языкъ напомнимъ, какой смыслъ имѣютъ такъназываемые фонетическіе знаки. Они должны служить указаніемъ, какъ должно читать слово; нѣкоторые дѣйствительно показываютъ почти только одно чтеніе (если не принимать въ соображеніе удареніе), но большая часть указываетъ на это чтеніе только приблизительно, т.-е. шанъ служитъ и для обозначенія чтенія *танъ, данъ, чанъ* и т. п. Извѣстное слово *сы*—судъ, кумирня, даетъ чтеніе *ши, чи, тэ, дай, дэнъ*. И на оборотъ: для выраженія одного и того же звука употребляются различные фонетическіе знаки.

Чтобы разобраться въ этой путаницѣ, происшедшей, съ одной стороны, отъ различія нарѣчій, съ другой — отъ видоизмѣненія удвоительныхъ слоговъ, нужно прежде всего имѣть въ виду ука-

занныя явленія, а это требуетъ совершенно особаго, новаго лексическаго труда, на который дали такъ мало указаній сами китайцы, или даютъ иногда самыя утрированныя. Какая жалость, что такой отличный въ другихъ отношеніяхъ трудъ, какъ «A Sillabic Dictionary of the Chinese language, by Wells Williams» (Changhai, 1874 г.), вовсе не касается этого предмета, а между тѣмъ, по нашему мнѣнію, это—главное дѣло силлабическаго лексикона. Тутъ подъ однимъ слогомъ всего легче сгруппировать и различные оттѣнки значеній корня, и вводные, и заимствованные элементы.

Прежде такого разбора, мы считаемъ поспѣшными всѣ заключенія о древнемъ чтеніи гіероглифовъ, а также погоню за накопленіемъ большого числа корней, отыскиваніемъ въ словахъ, подъ удареніемъ называемымъ краткимъ (жу-шэнъ), окончаній, неизвѣстныхъ главной массѣ народа, говорящаго китайскимъ языкомъ. Какимъ образомъ жаргоны провинцій Фу-цзян'я и Кантона, вошедшихъ въ составъ Китая гораздо позже, населенныхъ инородцами, считать оригиналомъ для подлиннаго китайскаго произношенія? Эти окончанія на *т*, *м*, *к*, *п*, и проч. (главный китайскій языкъ знаетъ, какъ мы уже сказали, одну конечную согласную *н*), должны быть, конечно, приняты въ соображеніе при разборѣ корней; но уже одно то обстоятельство, что въ одномъ жаргонѣ одинъ и тотъ же гіероглифъ читается, напримѣръ, *ликъ*, въ другомъ—*липъ*, въ третьемъ—*латъ*, показываетъ, что эти окончанія не входили въ корень, но только, что та гласная, на которую оканчивается въ общемъ и главномъ языкѣ слово, принявшее это окончаніе, произносилось иначе, чѣмъ въ другихъ корняхъ, не принявшихъ согласныхъ окончаній. При разборѣ скорѣе всего откроется, надѣемся, что и согласныя буквы въ словахъ не всѣ имѣютъ одинаковое произношеніе и происхожденіе. Въ настоящее время есть уже смѣлыя попытки показать родство китайскаго языка съ арійскими. Докторъ Шлегель въ Батавіи издалъ брошюру, подъ названіемъ: «Sinico-Ariaca», въ которой онъ указываетъ не только на сродство китайскихъ корней съ санскритскими, признаваемыми нормой или основой всѣхъ, такъ-называемыхъ, древне-европейскихъ языковъ, но и доказываетъ, что многія слова этихъ языковъ, не находящія объясненія въ значеніяхъ санскритскаго корня, получаютъ эта прямо изъ китайскихъ корней. Мнѣ кажется, что еслибъ былъ разработанъ предлагаемый нами лексиконъ, то, конечно, его теорія получила бы гораздо большее подтвержденія. Намъ не надобно долго рыться въ изслѣдованіяхъ этого родства: достаточно указать на то, что и корни санскрита точно также подвержены видоизмѣненіямъ: такъ, для нашего слова

«идти» санскритскій лексиконъ предлагаетъ и *и*, и *инъ*, *иджъ*, *иръ*, *ижъ* и проч. (въ китайскомъ—*и*, *ши*, *чжи* и т. д.).

Что касается до грамматики, то ходячее мнѣніе, что въ китайскомъ языкѣ нѣтъ ни склоненій, ни спряженій, можетъ приводить въ изумленіе только недумающихъ. Положимъ, что у всякаго народа составляются понятія въ извѣстной сферѣ, какихъ нѣтъ въ другомъ языкѣ. На китайскомъ языкѣ, дѣйствительно, трудно передать многія изъ нашихъ фразъ и выраженій; но точно также и многія китайскія понятія трудно передать на нашихъ языкахъ. Возможно ли однакожъ допустить, чтобъ какой-нибудь говорящій народъ не могъ выражать самыхъ обыденныхъ понятій или, выражая ихъ, не давалъ имъ такого же смысла, какъ и другіе люди? Можно ли допустить, что безъ склоненія нельзя сказать и понять слова: *домъ отца*, *люблю отца*, *скажу отцу* и проч., — даю, дамъ, далъ и т. д. Повѣрьте, что и китаецъ безъ склоненій и спряженій можетъ имѣть тѣ же понятія. У него найдутся и способы выразить наши глаголы: читать, прочитать, зачитать, вычитать, отчитать, дочитать и т. д. У него есть множество словъ какъ для выраженія падежей и временъ, такъ и производныхъ глаголовъ, и еслибъ я не сказалъ выше, что многія слова, повидимому различныя, суть видоизмѣненія одного и того же корня, то сказалъ бы теперь, что китайскій языкъ принадлежитъ къ самымъ богатымъ и, между тѣмъ, неиспорченнымъ языкамъ въ свѣтѣ. Вѣдь одни слова, означающія множественное число, могли бы подтвердить это богатство; чѣмъ большее число выставимъ мы знаковъ склоненія по падежамъ, временамъ и числамъ (лицамъ), тѣмъ богаче считается языкъ. Что эти слова стоятъ отдѣльно—это свидѣтельствуетъ только о древности языка и о томъ, что онъ сохранился до насъ въ цѣлости. Какъ произошли, въ самыхъ богатыхъ разнообразіемъ языкахъ, ихъ склоненія и спряженія? Безъ знакомства съ китайскимъ языкомъ, мы едва ли не приписали бы этого чуду или случаю, а теперь насильно должны увѣриться, что всѣ приставки и надставки въ склоненіяхъ и спряженіяхъ были нѣкогда, какъ еще теперь въ китайскомъ языкѣ, живыми словами, имѣли значеніе, которое потеряли, слившись съ самыми корнями и оттого измѣнились почти до неузнаваемости. Слѣдовательно, мы гордимся нашими языками за то, что мы ихъ испортили; ужели же порицать китайскій языкъ за то, что онъ сохранилъ для насъ пониманіе того, чтó значатъ наши приставки и надставки? Но только онъ употреблялъ ихъ бережно: онъ терпѣть не можетъ плеоназмовъ. Китаецъ думаетъ, что *фу цзя* — *отецъ домъ* и безъ знака родительнаго падежа (*фу чжи цзя*) значитъ — *домъ отца*, потому что слово предыдущее описываетъ послѣдующее, какъ, напримѣръ, *тѣ мао* — *желѣзо*

шапка, значитъ—*желѣзная шапка*, *ай фу* — *любить отецъ*—значитъ и безъ знака винительнаго падежа — *любить отца*, такъ какъ въ глаголѣ *любить* заключается управленіе слѣдующихъ падежей, какъ и въ словѣ *гэй-фу* глаголъ *гэй*, давать, показываетъ, что управляемое имѣетъ смыслъ нашего дательнаго падежа. Китаецъ разсуждаетъ также, что зачѣмъ прибавлять къ глаголу еще какой-нибудь суффиксъ для означенія лица, когда впереди стоитъ мѣстоименіе, показывающее это лицо (и число)—*во-ай*, я люблю, *ни-ай*—ты любишь, *та-ай*—онъ любитъ, *нина-ай*, вы любите и т. д. Вѣдь спряженія по лицамъ въ другихъ языкахъ образовались чрезъ прибавленіе личныхъ мѣстоименій, стоящихъ впереди глагола, еще и послѣ него. Если стоитъ число свыше одного или другой знакъ, показывающій множество, впереди существительнаго, то зачѣмъ приставлять еще послѣ другіе знаки множества: *у-ма*, пять лошадей, *ши-цзя*—десять домовъ, *му-цао-бу-шэнъ*—дерево (и) трава не ростутъ (*шэнъ*—просто рости). Если есть знакъ прошлаго или будущаго, то къ чему еще для глагола слова, показывающія прошедшее или будущее время: *цзо-цзянь*, вчера видѣть, очевидно значитъ, что видѣлъ; *минъ-жи-цзянь*—завтра видѣть—завтра погляжу. Точно также и въ синтаксисѣ: различныхъ оттѣнковъ періодовъ у китайцевъ, можетъ быть, насчитается больше, чѣмъ въ другихъ языкахъ, потому что смыслъ частицъ или фразъ, которыми начинается первая половина предложенія или періода, опредѣляется только различными фразами, начинающими вторую, и частицами, ее заключающими, а частицъ и фразъ въ китайскомъ языкѣ чрезвычайно много. Иногда писменость разсыпаетъ ихъ щедро, а иногда вы ихъ не видите, а понимаете, что тутъ смыслъ періода косвеннаго: *ли-цзы-мо-до-чжунъ-сань-жень-тай-будунъ*—(хотя) слово церемоніи не больно тяжело, (но) три человѣка не сдвинутъ, *тянь-цзы-чжи-цзунъ-бу-го-юй-ли*—(какъ ни) высокъ сынъ неба, (но) не выше церемоній. Если въ первой половинѣ предложенія ставится союзъ, то во второй можно пропустить соотвѣтствующее этому союзу слово: *жо-ао-хао-да-цзо-сяо*—ежели хочешь (чтобъ было) хорошо, (то изъ) большаго сдѣлай малое. Напротивъ, частица *то*, поставленная въ началѣ второго предложенія, не требуетъ уже союза *ежели* вначалѣ: къ чему говорить лишнее, когда уже есть хоть одинъ знакъ, предполагающій другой?

III. Вопросъ о древности китайской писмености и литературы.—Къ чему сводится китайское мнѣніе объ этой древности.

Китайцы принимаютъ, что еще самый первый ихъ правитель Фу-Си (за 2962 г. до Р. Хр.) положилъ основаніе китайской писмености

изобрѣтеніемъ восьми гуа, или слѣдующей перестановки линій на трехъ мѣстахъ:

0	1	2	3	4	5	6	7
— —	———	— —	———	— —	———	— —	———
— —	— —	———	———	— —	— —	———	———
— —	— —	— —	— —	———	———	———	———

Нѣкоторые замѣчаютъ, что здѣсь сохранилась двухчисленная система (на первомъ мѣстѣ стоятъ единицы, на второмъ—двойки, на третьемъ—четверки), когда люди не умѣли еще считать больше двухъ (санскритское—чатвари или другое какое, близкое къ этому, содержитъ видимое повтореніе: два-два). Нужно сознаться, что китайскія писмена (однакожъ не столько древнія, сколько новыя) представляются сплетеніемъ нѣсколькихъ чертъ, происшедшихъ изъ двухъ главныхъ: точки (╳) и прямой линіи (—). Китайцы принимаютъ также, что при Хуанди (2697 г.), нѣкто Цанъ-цзи изобрѣлъ уже и писменость, такъ-называемыя кэ-доу-цзы, или головастиковыя писмена, потому-что форма ихъ будто бы похожа на головастиковъ. Но это названіе едва ли не упоминается въ первый разъ въ легендѣ о томъ, что князь Лу, разламывая Конфуціевъ домъ, нашелъ будто бы въ стѣнѣ его спрятаннымъ (по нѣкоторымъ самимъ Конфуціемъ?!) «Шу-цзинъ», «Лунь-юй» (содержащій изреченія Конфуція, составленныя уже учениками) и другія книги, причемъ говорится, что, по крайней мѣрѣ, «Шу-цзинъ» былъ полный во 100 главахъ; но такъ какъ онъ былъ написанъ головастиковымъ писмомъ, котораго никто не могъ разобрать, то, имѣя подъ рукой уже извѣстныя главы, могли по нимъ разобрать еще нѣсколько главъ, а остальныхъ не могли. Это послѣднее обстоятельство само обличаетъ всю нелѣпость выдуманнаго разсказа; если съумѣли разобрать нѣсколько главъ, такъ уже навѣрно разобрали бы и остальныя. Очевидно, что такого открытія не было, а приписываемыя разбору главы были сочинены. Затѣмъ, будто бы уже при династіи Цзинь (263—420 по Р. Хр.) было открыто въ могилѣ Вэйскаго князя Сянь однимъ земледѣльцемъ множество книгъ на бамбуковыхъ дощечкахъ, писанныхъ лакомъ головастиковыми писменами. Но зачѣмъ было при Конфуціи и послѣ употреблять еще эти писмена, когда тѣже китайцы говорятъ, что уже при Сюань-ванѣ (827—780 до Р. Хр.) былъ изобрѣтенъ новый почеркъ, употребляемый и Конфуціемъ и, конечно, его учениками, называемый чжуань? Очевидно, что все это вымышлено. Однакожъ откуда взялся этотъ вымыселъ? Кэ-доу значитъ-ли непремѣнно головастикъ? Судя по тѣмъ образчикамъ этого писма, которые намъ даны, оно было труднѣе для ножа, чѣмъ чжуань, а кисть изобрѣтена послѣ; въ этомъ кэ-доу (ko-too)

не скрывается ли скорѣе иностранное слово, написанное китайскими гіероглифами, которые, разумѣется, что-нибудь да должны значить и кромѣ переписки. Въ такомъ случаѣ не передача ли это словъ: копты, Египетъ? Здѣсь являются два предположенія: или китайское писмо произошло изъ египетскаго, или, достигнувъ развитія писмености своеобразно, китайцы послѣ не могли все-таки не познакомиться съ Египтомъ, такъ какъ мы знаемъ, что хоть въ первые вѣка нашей эры они имѣли сношенія съ римской имперіей. Мы не можемъ высказаться въ пользу того или другого предположенія окончательно, такъ какъ и самый вопросъ о подразумѣваніи подъ кэ-доу Египта выставляется здѣсь только съ цѣлью обратить на это вниманіе. Въ пользу происхожденія китайскаго писма отъ египетскаго можетъ служить то обстоятельство, что мы не имѣемъ ни одного памятника, гдѣ бы какая-нибудь китайская буква (т.-е. гіероглифъ) представляла собою, какъ въ египетскомъ, не условное, а прямое изображеніе видимаго предмета. Хотя китайская писменость, можетъ быть еще болѣе чѣмъ египетская, произошла изъ фигуральныхъ изображеній, но уже въ чжуани, даже въ кэ-доу, это изображеніе условно, подсказано объясненіемъ, что это вотъ сокращеніе или остатки отъ черть, изображавшихъ нѣкогда человѣка, солнце, гору, лошадь, птицу и т. д. На счетъ возможности сношеній Китая съ западомъ въ болѣе отдаленныя времена не только моремъ, но и сухимъ путемъ, мы, конечно, не имѣемъ историческихъ указаній; однакожъ, нельзя отрицать поэтому, что египтяне, при которыхъ корабли обошли Африку, могли быть занесены и на отдаленный востокъ. Съ другой стороны почему же и въ китайцахъ отрицать стремленіе къ отысканію торговыхъ путей? Что̀ значатъ эти частыя упоминанія ихъ (хоть въ «Шицзинѣ») о четырехъ океанахъ? Какъ ни кажется затруднительно сообщеніе сухимъ путемъ, однако, если оно существовало послѣ, то почему не могло существовать и прежде, когда условія были, можетъ быть, даже благопріятнѣе, когда весь Туркестанъ почти вплоть до нынѣшняго собственнаго Китая былъ населенъ такъ-называемымъ арійскимъ племенемъ?

Мы менѣе другихъ наклонны говорить о разселеніи народовъ съ горы ли Араратъ, или изъ Бактріаны, но болѣе другихъ, однакожъ, видимъ сродство китайскихъ корней съ арійскими (санскритскими). Мы не станемъ поддерживать съ увѣренностью предположенія, что Хотанъ былъ нѣкоторое время стоянкой китайцевъ на пути къ востоку, что его интеллигентные колонисты происходятъ отъ разселенныхъ племенъ израильскихъ (скорѣе уже іудеи, называемые въ Китаѣ: чжухутъ, произошли отъ китайцевъ при династіи *Чжоу*, начавшейся тоже во времена Саула); но о сношеніяхъ съ западомъ въ отдаленныя времена сохранилось у китайцевъ болѣе легендъ,

чѣмъ о послѣдующихъ. Сюда относится легенда объ Юй'ѣ, при которомъ случился потопъ. Названія Яо и Шунь не напоминаютъ ли Ноя и Сима? Затѣмъ слѣдуетъ легенда о Муванѣ (1001 г. до Р. Х.), ѣздившемъ на быстромъ конѣ къ западной матери царей (Сиванъ-Му— не отыщетъ ли кто и тутъ передачи иностраннаго слова?) на гору Кунь-Лунь (Олимпъ), легенда о Лао-цзы, отправившемся на западъ, для просвѣщенія тамошнихъ странъ. Какъ скоро будетъ допущено несомнѣнно, что эта легенда родилась въ Китаѣ до открытія западнаго края (а до меня, кажется, никто еще и не возбуждалъ въ этомъ сомнѣнія), такъ она станетъ самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что Китай въ древнее время былъ меньше, чѣмъ нынѣ, заключенъ въ своей скорлупѣ. Какимъ бы образомъ могла родиться легенда, что Лао-цзы отправился на западъ, если бы не было совершаемо такихъ путешествій? Правда, нѣкоторые находятъ, что даосизмъ—ученіе Лао-цзы — само заимствовано съ запада; но тутъ вопросъ не въ томъ, кто отъ кого заимствовалъ, а въ томъ, что если было заимствованіе, то, значитъ, были и сношенія. Да и какъ могло ихъ не быть при самомъ западномъ удѣлѣ Цинь, который послѣ присоединилъ къ себѣ весь Китай? Какъ онъ могъ оставить безъ вниманія граничившій съ нимъ западъ, когда у него достало силъ проникнуть до самаго океана на востокъ? Стараніе прервать всякія связи Китая съ западомъ, изгладить изъ людской памяти даже всякія воспоминанія о западѣ принадлежитъ конфуціанству, опасавшемуся потерять, отъ прикосновенія двухъ половинъ стараго материка, пріобрѣтенное имъ въ одной изъ нихъ духовное и политическое владычество. Что открытіе или завоеваніе запада при У-ди (140—86 г. до Р. Х.) показано какъ небывалый до того фактъ въ исторіи Китая, это можно легко объяснить стремленіемъ всякой династіи помрачить славу другихъ предшествовавшихъ династій, чтобы дать больше простора собственной славѣ. Много ли мы знаемъ изъ китайскихъ источниковъ и о болѣе позднихъ свѣдѣніяхъ о западѣ? Суйскій дипломатъ написалъ подробное описаніе западныхъ странъ, а танская династія, вступившая вскорѣ, не сохранила ихъ, потому что она сама простерла свое владѣніе до самой Персіи, и ей, вѣроятно, хотѣлось показать, что никто не проникалъ такъ далеко. Массуди разсказываетъ, что у китайскихъ государей при этой династіи были не только подробныя свѣдѣнія о болѣе отдаленномъ западѣ, но даже хранились портреты и рисунки. Куда они дѣвались?— Юаньская династія составила самую неотчетливую исторію Киданей, можетъ быть не столько по недостатку источниковъ и отсутствію пытливости своихъ ученыхъ, сколько изъ желанія выставить ярче доблести своихъ монголовъ, которые, будто бы, первые проникли на

западъ. За-то и минская династія не сохранила не только исторіи, но и географіи своей предшественницы, состоявшихъ изъ 500 главъ, потому что сама она не выходила изъ предѣловъ собственнаго Китая. Нынѣшніе ученые тоже не смѣютъ сказать, что юаньскія владѣнія простирались дальше маньчжурскихъ, и потому Иранъ (Персію) они помѣщаютъ около Чугучака, Багдадъ видятъ въ горѣ Богдоула, въ Тяньшаньскомъ хребтѣ! Ханьская династія, пятымъ государемъ которой былъ Уди, владычествовала въ Китаѣ четыреста лѣтъ и потому могла еще удобнѣе уничтожить всѣ слѣды и воспоминанія о циньскомъ владычествѣ, хотя исторія и проговорилась, что циньская династія имѣла и свою исторію, и свои законы. Но ханьскіе писатели, вмѣсто исторіи, даютъ намъ басни, вмѣсто законодательства—сохранили чуть ли не единственный докладъ о сожженіи книгъ. А вѣдь по этому докладу уже видно, что циньскіе министры писали и дѣльно, и обстоятельно. А что касается до тощихъ свѣдѣній, предлагаемыхъ ханьской исторіей о западномъ краѣ, — такъ это очень явная продѣлка конфуціанцевъ. Исторія упоминаетъ, что Уди сталъ надѣвать иностранное платье, что во дворецъ его проникли кумиры запада: очевидно, что западъ произвелъ впечатлѣніе на китайцевъ (я приписываю это греческому образованію, занесенному въ Бактрію, слѣдовательно — тогда еще сохранившемуся); простые люди стали сравнивать съ нимъ свой Китай и отдавать западу предпочтеніе передъ своей страной; это должно было сильно напугать конфуціанцевъ, только что утвердившихся во власти, и они употребили всѣ интриги, стараясь не допускать распространенія свѣдѣній, а это было тѣмъ удобнѣе, что писменость была въ ихъ рукахъ. Тутъ же надо искать объясненія названію писменъ кэ-доу, если принять, что китайцы до ханьской династіи совсѣмъ не имѣли понятія о западѣ, что всѣ упомянутыя выше легенды родились уже при этой династіи. Въ такомъ случаѣ надо допустить, что свои или иностранные путешественники обратили вниманіе китайцевъ на особенный способъ писма, существующій у двухъ только народовъ, отличный отъ всѣхъ другихъ. Можетъ быть, этими путешественниками подмѣчено было и сходство, единство принципа, изъ котораго вышли тѣ и другіе писмена; къ этому присоединилось еще извѣстіе, что египетская писменость имѣетъ памятники гораздо болѣе древніе, чѣмъ китайскіе. Слѣдовательно, могли сказать китайцы, и наши, еслибъ сохранились, были бы такіе же. И вотъ, когда, совсѣмъ по другимъ причинамъ, понадобилось поддѣлывать древнія книги, ихъ стали писать вычурными буквами; когда надобно было увѣрять, что книги были, — опять стали увѣрять, что онѣ есть, да не при насъ писаны.

Во всякомъ случаѣ, наше замѣчаніе и о другихъ фактахъ, какъ, напримѣръ, утратѣ книгъ, да будетъ принято во вниманіе, такъ какъ мы не можемъ распространяться въ этомъ краткомъ очеркѣ о многихъ особенностяхъ китайской литературы.

По увѣренію китайцевъ, писмо кэ-доу-цзы, или головастиковое, будто бы потребовало только новаго усовершенствованія при Сюаньванѣ (827—780 г. до Р. Х.), когда исторіографъ Чжоу изобрѣлъ почеркъ, называемый чжуань *), который будто бы подвергся измѣненію только при династіи Цинь (221—206), соединившей весь Китай. При этой династіи упоминается уже вдругъ о трехъ изобрѣтателяхъ писменъ (Ли-сы, Чао-Гао съ Ху-му и Чэнъ-мао). Двое первыхъ будто бы сократили прежній чжуань и привели къ однообразію различныя формы писменъ, введенныя въ различныхъ царствахъ въ долгій періодъ существованія въ Китаѣ удѣльной системы. Напротивъ, третій (Чэнъ-мао) изобрѣлъ совершенно новое писмо, сохранившееся въ главныхъ чертахъ и понынѣ, какъ болѣе удобное. Оно носитъ названіе дѣловаго или подъяческаго, но названіе его *ли-шу*, хотя гіероглифъ *ли* и не тотъ, какимъ пишется въ имени Ли-сы, знаменитаго министра Цинь-Ши-Хуанди, которому собственно приписываютъ только сокращеніе большаго чжуаня, т.-е. выдумку малаго, заставляетъ подозрѣвать и здѣсь китайскую продѣлку. Китайцы объясняютъ въ названіи *ли-шу* (*шу* значитъ писмена) гіероглифъ *ли*, значащій больше чѣмъ подъячій, сержантъ или сторожъ суда, словомъ: тюремщикъ, и говорятъ, что такъ какъ при жестокомъ циньскомъ правленіи, тюрьмы были завалены заключенными и дѣлъ о нихъ было много, такъ что не успѣвали писать обыкновеннымъ почеркомъ, то тюремщики и прибѣгли къ сокращенному писму. Однакожъ, кромѣ того, что это говоритъ въ пользу циньскаго законодательства, которое, значитъ, не казнило всѣхъ безъ суда,—чтò это за образованные такіе тюремщики, которые могли усовершенствовать такое мудреное писмо, какъ китайское, такъ усовершенствовать, что вѣдь оно-то и удержалось съ того времени въ Китаѣ? Если оно назначалось для тюремъ, — то какъ распространилось оно оттуда по всему Китаю? Вѣдь нигдѣ не говорится, что съ паденіемъ циньской династіи и циньское письмо вышло изъ употребленія, а между тѣмъ если ли-шу употреблялось только въ тюрьмахъ, то правительственныя бумаги, значитъ, писались почеркомъ малаго чжуаня. Въ сохранившемся докладѣ Ли-сы по случаю сожженія книгъ говорится, чтобы тотъ, кто хочетъ изучать законы, бралъ въ учителя чиновниковъ,

*) Въ pendant къ головастиковому, можно бы сказать, что это писмо названо такъ потому, что напоминало, какъ *свиньи бродятъ* (фонетическая форма гіероглифа *чжуань* есть *туань* и значитъ: свиная походка).

дабы сожженію не подвергались книги медицинскія, лекарственныя, гадательныя и земледѣльческія. Ужели все это вдругъ стало писаться тюремными знаками? Но можно полагать, что при той же династіи, кромѣ законовъ, для другихъ книгъ также прибѣгли уже къ вновь усовершенствованному писму, и что оно названо было по имени главнаго министра (Ли-сы), а злившіеся конфуціанцы, изъ мести къ этому министру и изъ желанія угодить ханьской династіи, которой было бы непріятно сохранить воспоминаніе о славной для Китая эпохѣ, благопріятною стороною которой не упустила воспользоваться и она, окрестили новое писмо именемъ каторжнаго! Припомнимъ нелѣпый вымыселъ, что Цинь-ши-Хуанди былъ сынъ Люйбу-вэй'я,—китайцамъ лучше нравится допустить, что они не умѣютъ различить невинности отъ лишенной дѣвственности (Люй-бу-вэй'емъ матери Цинь-ши-Хуанди, купленной будто бы имъ наложницы и подаренной послѣ того законному его отцу, съ цѣлью имѣть свое потомство на престолѣ), что пользуются писмомъ тюремщиковъ, чѣмъ признать заслуги кратковременнаго единодержавія Цинь. Вѣроятно на этомъ основаніи названіе ли-шу замѣнено было вскорѣ еще названіемъ синъ-шу—ходячаго писма, нынѣ его называютъ чжэнъ-цзы—прямыя или правильныя буквы—вѣдь и нынѣ въ этихъ чжэнъ-цзы есть свои частныя названія (сунскія писмена, оу янъ-сю'евскій почеркъ и проч.) и отличія, которыя оправдываютъ наше принятіе всѣхъ этихъ ли-шу, синъ-шу и чжэнъ-цзы за одно и тоже писмо, видоизмѣнявшееся только во времени. Почеркъ же чжуань далеко разнится отъ этого писма; кромѣ трудности самаго писма, которое вырѣзывалось ножомъ на бамбуковыхъ дощечкахъ, онъ представляетъ и особенную форму и особенную группировку простыхъ формъ. Собственно говоря, мы не имѣемъ указанія, какіе гіероглифы именно принадлежатъ къ большому и какіе къ малому чжуаню.—Въ имѣющихся у насъ лексиконахъ предлагается часто на иной гіероглифъ чжэнъ-цзы по десяти и болѣе начертаній древняго писма, и между ними встрѣчаются иногда даже такія, которыя представляются болѣе упрощенными, чѣмъ нынѣшнія. Это только подтверждаетъ,—что впрочемъ и безъ того подразумѣвается, — что въ различныхъ царствахъ существовала различная форма и группировка формъ (навѣрное даже въ гораздо бо̀льшихъ размѣрахъ, чѣмъ предлагаемыя—но до насъ вѣдь не дошло ни одной дѣйствительно написанной въ свое время книги, а только Шо-вэнь далъ ихъ въ лексикографіи), что циньская династія, соединивъ всѣ царства, естественно приступила и къ объединенію писмености (о чемъ тоже говорится въ докладѣ Ли-сы). И мы полагаемъ, что составленный изъ Чао-Гао, Ху-му съ прочими комитетъ, предпринявъ прежде всего собрать всѣ гіероглифы, которые употреб-

лялись въ различныхъ царствахъ, естественно расположилъ ихъ въ тоническомъ порядкѣ, при чемъ на одно устное произношеніе пришлось по нѣскольку начертаній, изъ которыхъ одни выражали одну и туже мысль, другія въ одномъ словѣ, имѣвшемъ обширное и отвлеченное значеніе, выражали только какую-нибудь часть его. Все это сохранилось и до сихъ поръ въ писменомъ языкѣ и составляетъ отличительный геній китайскихъ гіероглифовъ. Но изъ этого же свода могло оказаться, что нельзя же оставить и группировку гіероглифовъ безъ всякаго единства; нужно было придумать упрощеніе, образчики котораго, какъ мы сказали, уже были и въ древнихъ писменахъ. Надо было отыскать или указать общія правила, и въ этомъ, по нашему мнѣнію, и состояла заслуга Ли-сы. Притомъ, принимая въ соображеніе нынѣшній обычай, мы готовы допустить, что этотъ министръ былъ только президентомъ комитета, и потому трудъ послѣдняго былъ названъ по его имени. Упрощеніе же заключалось именно въ биномическомъ распредѣленіи взятыхъ чертъ, чѣмъ какъ бы и оправдывается приведенное нами мнѣніе китайцевъ, что *гуа* Фу-си были и началомъ писмености, хотя это мнѣніе подрываетъ собой самую древность И—цзина, за которую мы вовсе и не стоимъ.

Является естественный вопросъ: если, какъ принимаютъ китайцы, писменость началась съ такого давняго времени, то какіе же древніе ея памятники? Вопросъ этотъ можетъ быть предложенъ тѣмъ съ бо̀льшимъ основаніемъ, что китайцы увѣряютъ, будто уже въ самыя отдаленныя времена, по крайней мѣрѣ начиная съ императора Яо (2357 г.), при дворахъ существовали исторіографы, которые записывали дѣянія и изреченія государей *). На это намъ отвѣчаютъ, что памятникомъ такой писмености является «Шу-цзинъ», содержащій древнюю исторію Китая, начиная именно съ Яо. По нѣкоторымъ выходитъ даже, что написанное тамъ принадлежитъ современникамъ. Не говоря уже о томъ, что большинство самихъ китайцевъ отказывается отъ такого увѣренія, и что въ этомъ «Шу-цзинѣ» намъ предлагается изъ древней исторіи всего нѣсколько страницъ, не столько историческихъ, сколько поучительныхъ, разглагольствующихъ, сто̀итъ только посмотрѣть на первыя строки первыхъ трехъ главъ «Шу-цзина», посвященныхъ первымъ тремъ императорамъ (Яо, Шунь и Юй) и которыя начинаются словами: Если разбирать древняго государя Яо

*) По Чжоули, трактующей однакожъ только объ устройствѣ династіи Чжоу (начавшейся за 1134 г.), были исторіографы: 1) великій, завѣдывавшій шестью родами уложеній, 2) внутренній записывалъ родословныя и изреченія, 3) внѣшній издавалъ императорскія приказанія и 4) административный завѣдывалъ картами государства и управленіемъ народа.

(-Шуня-Юй-я), то. . Ясно, что исторія написана была послѣ *). Думаемъ, позже даже самого Конфуція, которому приписываютъ обыкновенно составленіе этой книги. Притомъ, почему же только одинъ «Шу-цзинъ» дошелъ до насъ отъ глубокой древности? Китайцы и сами какъ будто прониклись этимъ вопросомъ, и потому, кромѣ другихъ побужденій, спѣшатъ отвѣчать, что первыми книгами были: Сань-фынъ (три великихъ), относящіяся къ первымъ по времени тремъ императорамъ Фу-си, Шень-нунъ, и Хуанди (2697). За ними должны слѣдовать У-дянь (пять непреложныхъ законовъ), относившіяся къ слѣдующимъ пяти императорамъ, изъ которыхъ послѣднимъ былъ Яо. Кромѣ того, были еще будто бы *Па-со*—восемь изслѣдованій о значеніи гуа Фу-си, и *Цзю-цю*—9 собраній или описаній девяти китайскихъ провинцій,—книги въ которыхъ будто бы разсуждалось о произведеніяхъ, температурѣ и проч. Но о такихъ фантазіяхъ нечего и говорить: онѣ явились изъ того же источника, который каждому древнему императору приписывалъ свои писмена, чины (драконы, птицы) и проч.

Затѣмъ разскащики китайской литературы дѣлаютъ огромный скачокъ на цѣлыя тысячелѣтія и начинаютъ насъ увѣрять, что при Чжоу-Гунѣ, братѣ У-вана (1134), основателѣ чжоу'ской династіи и регентѣ въ царствованіе его сына (Чэнъ-вана, 1115—1078), было составлено множество книгъ по всѣмъ частямъ. Но изъ нихъ будто бы дошли до насъ только *Чжоули*—учрежденія династіи Чжоу—и *И-ли*—обрядникъ. Между тѣмъ на повѣрку выходитъ, что и сами китайцы сознаютъ подложность этихъ книгъ, хотя все-таки въ тоже время щедро пользуются ссылками на нихъ и объясняютъ (особливо изъ Чжоу-ли), не задумываясь, все древнее устройство Китая. Чжоу-ли—сначала называвшаяся Чжоу-Гуань, однимъ именемъ съ главой «Шу-цзина» и потомъ переименованная такъ въ отличіе отъ нея Цзя-Гуномъ, толкователемъ на нее танскихъ временъ—есть не что иное, какъ перечень всѣхъ чиновъ, какіе будто бы существовали при династіи Чжоу въ первыя времена ея правленія (при Чжоу-Гунѣ). Она состоитъ, по числу главныхъ министерствъ или министровъ, изъ шести главныхъ отдѣловъ, называемыхъ въ книгѣ небеснымъ, земнымъ, весеннимъ, лѣтнимъ, осеннимъ и зимнимъ. Впрочемъ, послѣдній отдѣлъ будто бы затерянъ и вмѣсто него послѣ составили Као-Гунъ-цзи—замѣтки о работахъ (которыхъ главное производство должно падать на зиму, такъ какъ прочія времена года посвящены земледѣлію). Каж-

*) Впрочемъ, и тутъ нашлись китайцы, которые истолковываютъ эти слова слѣдующимъ образомъ: Что касается до изслѣдованія древности, то государь Яо...—то есть даютъ имъ тотъ смыслъ, что и до Яо уже существовала глубокая историческая древность. Точь въ точь какъ Набатеи, имѣвшіе подъ рукой авторовъ, которые писали за 10,000 лѣтъ; а послѣдніе пользовались источниками, составленными за 20,000 и за 30,000 лѣтъ!

дое отдѣленіе начинается фразой: «Ванъ, устроивая государство, различилъ страны, опредѣлилъ мѣста (для каждаго), раздѣлилъ государство, обозначилъ пустыни, поставилъ чины и далъ каждому отдѣльныя должности для того, чтобъ доставить народу возможное спокойствіе. Вслѣдствіе этого онъ поставилъ (небеснаго, земнаго. весенняго и т. д.) чиновника». Вслѣдъ затѣмъ перечисляются всевозможные чины, которые находились въ завѣдываніи каждаго изъ этихъ министровъ, не опуская поваровъ, красильщиковъ, портныхъ и т. д. (Всего главныхъ чиновъ считалось 360, съ подчиненными же 23,000, а по раздѣленію имперіи, по той же книгѣ, въ ней было будто бы всего 150,000 домовъ!).

Такъ какъ эти учрежденія находятся, по сознанію самихъ китайцевъ, въ противорѣчіи съ болѣе авторитетными, старшими по появленію, книгами; такъ какъ ни Конфуцій, ни Мэнъ-цзы совсѣмъ не упоминаютъ объ этой книгѣ (Вэнь-Сянь-Туно-као CLXXXI, л. 6), то доказывающіе ея несомнѣнность предполагаютъ, что хотя она и составлена была Чжоу-Гуномъ, но учрежденія собственно не были осуществлены, что ктоже, кромѣ святого мужа, могъ бы написать такую премудрость! Они (въ томъ числѣ и Сыку-цюань-шу) говорятъ, что о чжоускихъ дѣлахъ можно судить только со времени Чунь-цю, а объ отдаленныхъ перемѣнахъ ничего нельзя сказать, и потому очень немудрено, что эта книга была впослѣдствіи оставлена, какъ оказавшаяся негодною (святого-то мужа!) на практикѣ. Если бъ она была поддѣлана, то почему не поддѣланъ 6-й отдѣлъ, за отысканіе котораго будто бы предлагалось 1,000 ланъ золота! Но какимъ образомъ книга, заброшенная въ продолженіи 1000 лѣтъ, всплываетъ на свѣтъ божій только при Ванъ-Манѣ, около Р. Хр., когда другія книги, болѣе важныя, считаются потерянными? О ней не упоминается даже въ исторіи ханьской династіи, гдѣ въ главѣ: біографіи ученыхъ, показаны всѣ переходы книгъ изъ рукъ въ руки. Хотя защитники древности и говорятъ, что она была открыта еще современникомъ У-ди (140—86), хэцзяньскимъ ваномъ, открывшимъ многія книги, но эту исключительно въ какой-то пещерѣ (даже и не упоминаютъ о буквахъ кэдоу), дававшимъ сказанныя тысячу ланъ; но ученые, съ презрѣніемъ относящіеся къ грубой поддѣлкѣ, того мнѣнія, что она сочинена была Люсинемъ, разбиравшимъ книги по приказанію Ванъ-Мана, который, основывая новую династію, имѣлъ въ виду опереться и въ новомъ своемъ законодательствѣ на авторитетъ древности. Нѣкоторые (и это въ нашихъ глазахъ чрезвычайно важно, такъ какъ мы опредѣляемъ древность книгъ по слогу) находятъ, что языкъ Чжоу-ли чрезвычайно сходенъ съ Цзо-Чжуань, толкованіемъ Цзоцю-миня на Чуньцю. Вообще если даже не допустить, что Чжоу-ли было сочинено по тре-

бованію Ванъ-Мана, то эта книга есть плодъ частнаго мыслителя временъ ханьской династіи, который по собственному почину составилъ особое міросозерцаніе о томъ, какъ бы устроить имперію. Онъ взялъ за образецъ уже извѣстную до него главу «Шу-Цзина» Чжоу-Гуань и передѣлалъ ее. О такихъ мыслителяхъ намъ еще придется говорить ниже.

Что касается до И-ли, то хотя она и древнѣе Чжоу-ли, но и сами китайцы согласны, что она вышла изъ рукъ Дай-Шэна, составителя Ли-цзи, который обработывалъ въ послѣдней книгѣ дошедшія до него статьи о церемоніяхъ. Но если онъ и не самъ написалъ ключъ къ нимъ, то 17 статей И-ли должно считать такой же неполной работой предшественниковъ. Такъ, обряды, здѣсь описываемые, болѣе частные, нежели главные.

Вообще на убѣжденіе китайцевъ въ достовѣрности Чжоу-ли, какъ и И-ли, дѣйствуютъ изреченія болѣе авторитетныхъ книгъ, упоминающихъ о церемоніяхъ. Если были, дескать, церемоніи, то значитъ была и книга церемоній. Предполагаютъ, что такая была написана, по крайней мѣрѣ, хоть Конфуціемъ, но и ея не оказалось—и мы думаемъ, что если хоть не Конфуцій, а ученики его составили что-нибудь подобное, то книга пропала или потому, что показалось неудобнымъ выставлять ее на-показъ, когда конфуціанцы могли скомпрометтировать себя ею въ глазахъ ханьскаго двора, или она была до такой степени тривіальна, что съ развитіемъ церемоній сама собой уничтожилась. О такомъ явленіи мы говоримъ яснѣе ниже, останавливаясь на церемоніяхъ.

Такимъ образомъ выходитъ, что вся древняя китайская литература сводится къ нулю. Передъ нашими глазами находится, правда, списокъ съ надписи, сдѣланной самимъ императоромъ Юй'емъ (2205 г. до Р. Хр.), когда онъ еще проводилъ, послѣ потопа, китайскія рѣки въ океанъ! Этотъ памятникъ до сихъ поръ чрезвычайно занимаетъ европейскихъ ученыхъ синологовъ. Но стóитъ только припомнить всю исторію появленія этой надписи, чтобы судить объ ея вѣроятности. Надпись эта—т.-е. не надпись, а снимокъ съ нея—открыта была въ одной кумирнѣ провинціи, въ которую она была занесена тоже какъ снимокъ съ снимка, оставленнаго будто бы однимъ студентомъ, тоже въ кумирнѣ другой провинціи. Студентъ этотъ, странствуя, будто бы, по закоулкамъ провинціи Хунань, набрелъ въ горныхъ хребтахъ ея на гору Цзюй-Лоу, на скалѣ которой и была эта рѣдкая надпись! Все это случилось уже во времена династіи Сунъ (въ 1208 или 1212 г. по Р. Х.), т.-е. спустя болѣе трехъ тысячъ лѣтъ съ того времени, какъ она была сдѣлана! До того времени никто этой надписи не видалъ, хотя у даоскихъ фантазеровъ и встрѣчались намеки для убѣжденія невѣрующихъ

въ пресловутую древность безъ всякихъ документовъ, что не можетъ быть, чтобы великій Юй не начертилъ гдѣ-нибудь воспоминанія о своей дѣятельности, но они только еще не отысканы. Какъ ни нелѣпо показалось такое открытіе просвѣщеннымъ китайцамъ, однакожъ нѣкоторые изъ нихъ не побрезговали имъ и принялись всей душой за него ратовать. Но вообще, несмотря на разгулъ ученой оргіи, все-таки китайцы сами смѣются *) надъ такой пошлостью, въ которой, будто бы, даже духъ, хранитель надписи, показавъ ее студенту, сдѣлалъ ее опять невидимой для глазъ прочихъ смертныхъ; вѣрить въ надпись они предоставили добродушнымъ европейцамъ. Дѣло въ томъ, что если надпись на скалѣ сохранялась 3000 лѣтъ, — что бы ей ужъ подождать еще тысячу до полнаго, совершенно безслѣднаго исчезновенія! А китайцы именно въ эту тысячу лѣтъ оглядывали всѣ уголки и захолустья провинціи Хунань и нигдѣ не отыскали ни малѣйшаго слѣда; притомъ, какъ могла попасть надпись Юй'я въ провинцію Хунань, которая хотя, по легендѣ, и схоронила у себя этого государя, но при династіи Чжоу долго еще была недоступна китайцамъ, какъ и всѣ земли, лежащія на югъ отъ рѣки Цзянъ. Мы не задаемъ уже вопроса о томъ, какъ могъ разобрать надпись на скалѣ одинокій студентъ: вѣдь ему, вѣрно, понадобились бы подмостки (какъ для съемки надписей Ахеменидовъ) — духъ, что ли, носилъ его на себѣ? Не задаемъ вопроса и о томъ, въ какомъ видѣ была снята надпись гіероглифами: во всю величину или въ уменьшенномъ видѣ, но намъ неизбѣжнымъ представляется слѣдующее недоумѣніе. Хотя предлагаемые намъ гіероглифы и довольно вычурны, но они не отличаются особенно отъ обыкновенныхъ образцовъ курсивнаго писма (чжуань), существовавшаго во времена Конфуція. Немножко странно какъ-то убѣдиться, что въ теченіи почти двухъ тысячъ лѣтъ со времени Юй'я, это писмо нисколько не измѣнилось, тогда какъ чѣмъ древнѣе оно было, тѣмъ болѣе должно было бы приближаться къ изображенію видимыхъ предметовъ, — чего нѣтъ и въ головастиковомъ писмѣ.

Мы нарочно остановились на сказанной надписи, чтобы показать затруднительное положеніе автора при передачѣ его взглядовъ въ предпринятомъ краткомъ очеркѣ. Могутъ спросить, на чемъ онъ основываетъ свои мнѣнія, — а не подумаютъ о томъ, что мы не имѣемъ средствъ и возможности представить или издать болѣе подробные матеріалы **). Намъ, какъ видитъ читатель, приходится прежде

*) Стоитъ открыть только Цзинь ши лэй пянь — надписи на металлахъ и камняхъ.

**) Можетъ быть, нѣкоторые очень хорошо помнятъ, что одинъ критикъ, разбирая мою книгу: „Религіи востока" (Конфуціанство, Буддизмъ и Даосизмъ) [illegible]

всего, бороться на западѣ съ западными же оріенталистами, которые подчасъ plus orientalistes que les orientaux mêmes! Они готовы не только принимать на-слово все, что встрѣтятъ въ китайскихъ книгахъ, но даже защищать то, въ чемъ сомнѣваются сами интеллигентные китайцы. Между тѣмъ послѣдніе, несмотря на замѣчанія собственныхъ своихъ же писателей, даже соглашаясь съ ними, все-таки упорствуютъ въ отстаиваніи всѣхъ фантазій, вызванныхъ антикварскимъ желаніемъ придать своей странѣ возможно дальнюю древность и представить эту древность въ небываломъ благоустройствѣ, къ которому остается только стремиться, а не то, чтобы его можно было превзойти. На западѣ преданія знаетъ рай только моментальный, потерянный первымъ же человѣкомъ; на востокѣ же, въ древности только и существовало развитое человѣческое общество!

Дѣйствительность же, общечеловѣческій смыслъ подсказываютъ намъ совсѣмъ другое. Хотя бы человѣкъ и произошелъ по системѣ Дарвина, хотя бы онъ существовалъ и сотни тысячъ, и милліоны лѣтъ, замѣтимъ, что кромѣ развѣ Египта (а мнѣ и онъ очень подозрителенъ), ни одна часть свѣта не можетъ похвалиться существованіемъ какихъ-нибудь историческихъ (т.-е. писменныхъ,

---

за то, что я высказываю совершенно новые взгляды на буддизмъ, не приводя цитатъ, не подкрѣпляя ихъ пространными доводами. Книгу-то, назначенную для популярнаго чтенія, да наводнять цитатами! А между тѣмъ мой добрый критикъ очень хорошо зналъ, что у меня столько рукописныхъ работъ по части буддизма, что, слѣдовательно, я опирался же на чемъ-нибудь. Что же мнѣ дѣлать, если мнѣ заперты были всѣ пути къ изданію, а это, конечно, охладило и стремленіе къ ихъ отдѣлкѣ. Такъ точно при переходѣ въ с.-петербургскій университетъ, я имѣлъ честь представить академіи наукъ мой китайскій словарь, расположенный по совершенно новой и, что бы ни говорили, а только и единственно облегчающей изученіе китайскаго языка, системѣ. (Тамъ были и другія достоинства: въ первый разъ предлагалось пекинское произношеніе, въ первый разъ появлялся китайскій лексиконъ на русскомъ языкѣ). Цѣлью моей было побудить академію наукъ позаботиться о заведеніи китайскаго шрифта, давно уже употребляемаго въ другихъ, менѣе заинтересованныхъ востокомъ, европейскихъ государствахъ. Когда такъ холодно былъ принятъ мой трудъ, то, разумѣется, пропала охота и его обработывать. Не въ такомъ видѣ могъ бы онъ явиться чрезъ тѣ 12 лѣтъ, когда мнѣ представилась возможность издать его хоть литографированнымъ. Такимъ образомъ, мнѣ представляется возможнымъ только изданіе моихъ ученыхъ матеріаловъ (которые, конечно, не ограничиваются одной литературой) въ одной популярной формѣ. Мнѣ не хочется, чтобъ для моего отечества пропали тѣ выводы и тѣ установившіеся взгляды и направленіе, до которыхъ стоило добиваться великимъ трудомъ посреди того хаоса, который встрѣчается изучающему востокъ. Это вѣдь не классики, надъ которыми трудились столько вѣковъ и столько ученыхъ. Навѣрно изученіе востока не прекратится же у насъ совершенно, хотя имъ теперь и пренебрегаютъ; будутъ продолжатели моихъ трудовъ, имъ легче будетъ принимая въ соображеніе мои указанія, развивать, обработывать и повѣрять сказанное мной.

не археологическихъ—какъ, каменный, напримѣръ, періодъ) памятниковъ за тысячу лѣтъ до начала христіанской эры.

Что касается до Китая, то тѣ, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ характеромъ китайской писмености, сознаются, что отъ первыхъ попытокъ писменостн до литературныхъ памятниковъ, т.-е. до возможности передавать рѣчь или мысль хоть сколько-нибудь понятнымъ образомъ,—разстояніе необычайно большое. Положимъ, что еще при Хуанди умѣли ужъ писать слово: домъ *), но написать фразу:

*) Этотъ гіероглифъ представляетъ свинью подъ крышей, или, положимъ, въ загонѣ, изъ чего выводятъ, что онъ появился въ то время, когда люди жили въ первобытномъ состояніи, имѣли изъ домашнихъ животныхъ только одну свинью. Но вѣдь это уже комбинація, составленная изъ фигуральныхъ или животныхъ изображеній крыши и свиньи, а эти изображенія появились, слѣдовательно, еще ранѣе, т.-е. когда еще не было домовъ и не питались еще домашней свиньей (и теперь главной мясной пищей въ Китаѣ). Но до того ли въ такомъ состояніи было, чтобъ думать о писмѣ! Не знающимъ китайскаго писма мы скажемъ вкратцѣ: оно состоитъ изъ условнаго (теперь, но прежде вѣдь должно же было быть болѣе подходящимъ къ дѣйствительности) изображенія видимыхъ предметовъ: человѣка, глаза, солнца, лошади, свиньи и проч., какихъ изображеній, хотя бы въ уродливомъ, но не условномъ, какъ теперь, видѣ, мы однако уже не находимъ ни на камняхъ, ни даже на сосудахъ, болѣе гарантирующихъ фантастическія подделки. (Во всякомъ случаѣ замѣтимъ, что если живопись и писмо истекли изъ одного источника, то между тѣмъ, какъ китайская живопись до сихъ поръ представляетъ уродливыя фигуры, каллиграфія китайская—верхъ совершенства, недоступна европейцамъ и уважается въ Китаѣ наравнѣ съ живописью). Хотя бы весь человѣческій языкъ произошелъ изъ корней, выражающихъ впечатлѣніе на насъ видимыхъ предметовъ, т.-е. какъ будто изъ глаголовъ, но въ писмѣ видимые предметы, т.-е. изображеніе существительныхъ, должны были предшествовать глаголамъ. Слова: жарить, ходить и т. п. въ писмености появились тогда уже, когда появились изображенія мяса и огня (комбинація мяса на огнѣ составила: жарить), правой и лѣвой ноги. Мы полагаемъ, что всѣ корни языка состояли только изъ словъ, обозначавшихъ видимые предметы, и, потомъ, подмѣченныя движенія ихъ жизни. Такимъ представляется въ главныхъ чертахъ китайскій языкъ въ своихъ корняхъ — мысль человѣческая росла и придавала этимъ корнямъ, даже безъ суффиксовъ и префиксовъ, разнообразное значеніе. *Цзи*—горячность—стало значить и горячку, и быстроту, и стѣсненіе, и усиленіе и проч. Писменость, развивмаяся изъ изображенія видимыхъ предметовъ и потомъ изъ состоянія ихъ для выраженія жизни, дѣйствій (которое, какъ арабскія цифры, могли называться всякимъ по своему), воспользовались только теперь пріобрѣтенными знаками для передачи звука корня *цзи*, а для оттѣнка различныхъ значеній, образовавшихся изъ корня, прибѣгла къ приставкѣ, къ звуковому знаку, энциклопедическаго знака, заимствованнаго однакожъ изъ двухъ первыхъ категорій (это уже и сдѣлала писменость чисто-китайская). Понятно, что до всего этого можно было дойти только послѣ продолжительнаго времени. Но мы думаемъ, что много такихъ гіероглифовъ какъ *цзя*, домъ, даже умышленно придуманы китайскими усовершенствователями писма, чтобы похвалиться древностью. Гіероглифъ, изображающій свинью, читается *ши*, а мы имѣемъ *ши* въ значеніи комнаты—во многихъ гіероглифахъ мы замѣчаемъ стремленіе пооригинальничать, т.-е. вставить не тотъ гіероглифъ, который бы шелъ ближе (напр., знающіе пусть сравнятъ гіероглифъ *ша* стрѣлять, съ *гунъ* — самъ, тѣло, особа— чего бы лучше *ше*, стрѣлять, составить изъ лука и тѣла? — такъ нѣтъ: лукъ пошолъ на обозначеніе тѣла!).

я построилъ домъ, быть можетъ, стали умѣть только именно при вышеупомянутомъ Сюань-ванѣ; да и это мы дѣлаемъ только какъ уступку тѣмъ, которымъ непремѣнно нравится поддерживать китайскую древность. Что китайцы могли появиться на свѣтѣ не позже другихъ народовъ, этого, пожалуй, мы не будемъ оспоривать; мы даже готовы сказать болѣе—въ то время, когда началась ихъ дѣйствительная писменость, языкъ ихъ сохранялъ еще первобытныя формы, закрѣпленныя послѣ тою же писменостью. Но какъ скоро мы придемъ къ убѣжденію, что не только не сохранилось, хоть до того же Сюаньваня, но даже и не существовало никакихъ писменыхъ памятниковъ, то, спрашивается, на какомъ же основаніи мы можемъ вѣрить разсказамъ о событіяхъ, двухъ слишкомъ тысячъ лѣтъ, предшествовавшихъ этому, да и то сомнительному исторически, царю? Какія преданія могутъ служить оправданіемъ этого разсказа, передающаго, кромѣ интенціонныхъ разговоровъ, вылившихся изъ-подъ пера конфуціанцевъ, только перечень именъ? Вѣдь въ древней китайской исторіи видно постепенное наслоеніе вымышленныхъ эпохъ: чѣмъ позже слагали quasi-историческій разсказъ, тѣмъ съ болѣе древняго времени начинали исторію. «Чунь-цю» начинается съ 721 г. (до Р. Х.), «Ши-цзинъ» знаетъ уже Вэнь-вана и Увана, основателей династіи Чжоу, говоритъ о Юй'ѣ и Хоу-Цзи, какъ о первыхъ просвѣтителяхъ или введшихъ земледѣліе въ Китаѣ, упоминаетъ довольно темно о династіи Инь-шанъ и только одинъ разъ о династіи Ся, и то если это мѣсто не искажено или правильно истолковано. Какой богатый сюжетъ представлялся бы составителямъ пѣснопѣній, если бы въ то время, какъ слагался «Ши-цзинъ», слыхали о Яо и Шунѣ въ томъ духѣ, въ какомъ теперь восторгаются ими! Но Яо и Шунь являются уже только въ «Шу-Цзинѣ». Сыма-Цянь начинаетъ свою исторію уже съ Хуанди, а И-цзинъ знаетъ уже и Фу-си и Шэньнуня!

Мы думаемъ, что достаточно допустить начало китайской писмености во времена Сюань-вана, и то въ такомъ видѣ, что посредствомъ ея, вмѣсто нашихъ бирокъ, получившихъ начало въ Китаѣ *), стали записывать государственные доходы и расходы. По всему видно, что первая писменость получила свое начало въ правительственныхъ сферахъ, какъ необходимое орудіе въ государственной машинѣ; на это намекаетъ и приведенный нами выше перечень предполагаемыхъ первыхъ книгъ древности. Вѣроятно на эту тэму составлена была впослѣдствіи и извѣстная глава «Шу-цзина»: Дань Юй'я; ее можно бы было признать и за дѣйствитель-

*) Можетъ быть, и у западныхъ народовъ древности онѣ были въ употребленіи, но я не роюсь въ этихъ изысканіяхъ; однако думаю, что если нѣтъ, то китайцы упоминаютъ о нихъ прежде всѣхъ и что отъ нихъ распространились онѣ на западъ.

ный остатокъ древности, если бы не измѣняли слогъ и тенденціозность. Отъ временъ Сюань-вана (827—780) до начала «Чунь-цю» въ продолженіи ста лѣтъ, писменость могла сдѣлать только такіе успѣхи, что стали записывать даже историческія событія; но вѣдь кто читалъ эту лѣтопись хоть въ русскомъ переводѣ *), тотъ согласится, что для такого отрывистаго языка, потребовавшаго съ какой-нибудь десятокъ глаголовъ въ прибавокъ къ собственнымъ именамъ **), не представлялось большой трудности, и эти записи не доказываютъ еще, что, по крайней мѣрѣ при началѣ записыванія, могли уже отчетливо передавать въ писменомъ видѣ всякую рѣчь и мысль; притомъ вѣдь можно повѣрить китайцамъ, что Конфуцій передалъ эту лѣтопись не въ томъ видѣ, какъ ее нашелъ писменый языкъ, а привелъ къ большему (хотя и не полному) однообразію. Что китайцы и послѣ Конфуція плохо еще умѣли слагать фразы и періоды — доказательствомъ тому служитъ «Лунь-юй», собраніе изреченій Конфуція, записанныхъ будто бы его учениками, не смотря на то, что онъ переданъ намъ уже въ редакціи ханьскаго времени. При сравнительно болѣе усовершенствованномъ слогѣ, гораздо болѣе поздній Мэнъцзы все еще прибѣгаетъ къ отрывочнымъ параграфамъ. Такія же, если не бо̀льшія права на первенство въ китайской писмености могъ бы заявить «И-цзинъ», нынѣ тоже считающійся первой классической книгой. Дѣйствительно, если выбросить изъ него вставки, приставки, прибавленія и дополненія, составленіе которыхъ, по признанію самихъ китайцевъ, принадлежитъ Конфукцію, то, такъ какъ «И-цзинъ» принята въ семью конфуціанскихъ книгъ уже при ханьской династіи и слѣдовательно, какъ можно и должно предположить, составлена послѣ него, окажется, что мы имѣемъ дѣло уже просто съ отдѣльными словами (первоначальный, постоянный, полезный, истинный), поставленными противъ гуа и безсвязными фразами противъ каждой черты въ той гуа (каковы: драконъ въ небѣ, полезно видѣть вельможу и проч.). Если послѣднія и не причислять къ позднѣйшимъ — это только поддержало бы наше утвержденіе, что китайцы начали писать, не умѣя связывать словъ, но такъ какъ такой языкъ всего болѣе свойственъ гадательнымъ книгамъ, какое назначеніе и имѣлъ «И-цзинъ», то сейчасъ приведенное замѣчаніе, что онъ сдѣлался извѣстенъ конфуціанцамъ позже другихъ классическихъ книгъ, оставляетъ и допущенный текстъ въ сильномъ подозрѣніи.

А между тѣмъ, кромѣ «Чунь-цю» и «И-цзина», мы не можемъ

---

*) Конфуціева лѣтопись Чунь-цу, переводъ Н. Монастырева. 1876 г. Спб.

**) Самая главная трудность здѣсь, по нашему мнѣнію, заключается именно въ умѣньи составлять, т.-е. чертить собственныя имена царствъ и лицъ.

уже назвать ни одного сочиненія предшествующимъ времени Конфуція!

II. Первый періодъ конфуціанства.—Конфуцій и его дѣйствительныя заслуги.—Три старѣйшія книги конфуціанства: «Ши-цзинъ», какъ основаніе всего развитія китайскаго духа. «Чунь-цю» «Лунь-юй».

Но что же сдѣлалъ и самъ Конфуцій?—Біографія его очень не замысловата, хотя разсказанная Сы-ма Цянемъ, конечно, уже содержитъ много небывалаго. Родившись въ царствѣ Лу и исправляя сначала незначительныя должности, онъ пускается въ путешествіе по другимъ удѣламъ, и біографія его не говоритъ, что онъ отправился для расширенія своихъ познаній, а позднѣйшіе послѣдователи тѣмъ менѣе могли допустить это, что стали считать его мудрымъ или святымъ отъ рожденія. Да и мы думаемъ, что Конфуцій путешествовалъ главнымъ образомъ не для расширенія своихъ знаній, а для сниcканія карьеры. Такъ поступалъ въ то время не одинъ Конфуцій: люди интеллигентные, т.-е. чувствовавшіе въ чемъ-нибудь свое превосходство, переходили изъ мѣста въ мѣсто, предлагая свои услуги и совѣты правителямъ и государямъ, которые изъ примѣра Гуань-чжуна, возвысившаго удѣлъ Ци, понимали что̀ значитъ умный министръ, и старались отыскать себѣ такого между проходимцами. Впрочемъ мы не знаемъ, въ чемъ первоначально чувствовалъ себя превосходящимъ другихъ Конфуцій; идеи общаго отечества, общаго блага, любви и истины, которыя въ немъ предполагаются, развились въ конфуціанствѣ впослѣдствіи. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ своихъ странствованіяхъ Конфуцій могъ расширить горизонтъ своихъ свѣдѣній. Что же мы знаемъ и о нихъ?—Мы знаемъ только, что послѣ долгихъ странствованій онъ подъ старость лѣтъ возвращается на родину, даетъ писменый видъ сперва «Ши-цзину» и—положимъ—даже и «Шу-цзину», а послѣ, много черезъ два года, какъ принялся за эту работу, значитъ покончивъ ее,—принимается за новую, за составленіе «Чунь-цю», за которою вѣрно и застала его смерть, хотя біографы и говорятъ, что онъ переломилъ кисть (?) въ огорченіи отъ появленія Цилина и жилъ еще нѣсколько времени.

Хотя Конфуцію и приписываютъ еще книгу о музыкѣ, но это вѣрно для краснаго словца, чтобъ показать его способности, потому что такой книги не существовало.

Итакъ, въ чемъ же заключается заслуга Конфуція? Вѣдь сочиненія, имъ переданныя, представляются только трудомъ переписчика, потому что никто не говоритъ, что они имъ сочинены. Намъ говорятъ, что онъ былъ великій философъ, безупречный мыслитель; но вѣдь объ этомъ можно судить только по его изреченіямъ, не имъ самимъ

записанымъ, а которыя очевидно составлялись по вопросамъ, возникавшимъ въ конфуціанствѣ. Придаютъ великое значеніе «Чунь-цю», говорятъ, что встрѣчающіяся въ ней слова: скончался, умеръ, околѣлъ, погибъ, умерщвленъ, или: ушелъ, удалился, убѣжалъ, прогнанъ и т. п., равно какъ именованіе лицъ по кличкамъ, чину, званію, заключаютъ глубочайшій смыслъ, даютъ нравственную оцѣнку обозначеннымъ фактамъ и дѣятелямъ и такимъ образомъ заключаютъ руководство и предостереженіе для жизни потомковъ. Мэнъ-цзы отзывается даже объ этой книгѣ такъ: съ тѣхъ поръ, какъ написана была «Чунь-цю», государи вострепетали. Толкователи изъ школы новѣйшей философіи находятъ въ лѣтописи мистическій смыслъ, готовы, пожалуй, сравнять ее съ откровеніемъ; но на дѣлѣ оказывается, что все это утрированная до крайности натяжка со стороны комментаторовъ, и «Чунь-цю» не болѣе какъ тощая лѣтопись; нѣкоторые сомнѣваются даже, отдѣлывалъ ли ее Конфуцій, не сохранилъ ли онъ ее, какою нашелъ, и что даже слова: ушелъ, убѣжалъ и т. п., не были выраженіемъ нравственной оцѣнки, а сохраняютъ въ себѣ только языкъ той мѣстности, въ которой записано было происшествіе. «Чунь-цю» представляетъ главнымъ образомъ лѣтопись удѣла Лу, родины Конфуція; слѣдовательно онъ извлекъ ее изъ правительственныхъ архивовъ. Но такъ какъ ужъ очень много выхваляютъ Конфуція за эту книгу, то можно допустить, что онъ во время своихъ многочисленныхъ путешествій собралъ и даже провѣрилъ нѣкоторые факты и внесъ ихъ въ «Чунь-цю», являясь уже не простымъ переписчикомъ. Тѣмъ больше это говоритъ въ пользу главной нашей мысли, что тогда умѣли еще очень плохо сочинять.

«Ши-цзинъ», книга стихотвореній, подаетъ самимъ китайцамъ поводъ къ спору о томъ, наложилъ ли тутъ свою руку Конфуцій, или сохранилъ стихи такъ, какъ они дошли до него и отъ него до насъ. Одни говорятъ, что у Конфуція было подъ рукой три тысячи стихотвореній, и онъ выбралъ изъ нихъ только триста, да и въ нихъ выкидывалъ или передѣлывалъ—въ однихъ цѣлую строфу, цѣлый стихъ, въ другихъ фразу, слово. Поводомъ къ этому предположенію служатъ мѣста въ нѣкоторыхъ книгахъ, въ которыхъ приводятся стихи, не встрѣчающіеся въ настоящемъ «Ши-цзинѣ». Но другіе говорятъ, что какъ могло статься, чтобы Конфуцій осмѣлился измѣнять то, что̀ было сочинено или какъ бы одобрено прежними святыми. На этотъ счетъ всѣ китайскіе писатели согласно вѣрятъ, что, за исключеніемъ развѣ гимновъ удѣловъ Лу и царства Шанъ (удѣла Сунъ, откуда будто бы происходили предки Конфуція), нашъ великій учитель добылъ всѣ остальные стихи при дворѣ китайскихъ царей династіи Чжоу, что первый изъ четырехъ отдѣловъ, составляющихъ «Ши-Цзинъ»:—

Го-фынъ—нравы (буквально—вѣтеръ) царствъ, по просту—пѣсни, распѣвавшіяся, ну, положимъ, и слагавшіяся въ различныхъ удѣлахъ, отъ которыхъ представителями въ «Ши-цзинѣ» являются счетомъ пятнадцать, были доставлены изъ удѣловъ къ чжоускому двору по предписанію его, чтобъ судить о хорошемъ или дурномъ управленіи приставленныхъ князей, отъ котораго образуются и народные нравы. Какова мысль, приписываемая тѣмъ варварскимъ временамъ! Вѣдь если допустить ее, то надобно предполагать, что не только удѣльные князья, которымъ дано было такое предписаніе, были очень глупы, чтобъ представлять что-нибудь компрометтирующее ихъ при дворѣ, но, затѣмъ, что найдутся и такіе глупые люди, которые повѣрятъ, что въ то отдаленное время имѣли такое высокое мнѣніе (оно могло образоваться у конфуціанцевъ, не имѣвшихъ подъ рукой другого матеріяла) объ образовательномъ значеніи поэзіи. А между тѣмъ, вѣрятъ—вотъ до чего доводитъ слѣпое преклоненіе предъ авторитетомъ, желаніе послѣдователей возвеличеніемъ своего учителя и своихъ книгъ бросить отблески славы и на самихъ себя!

Два слѣдующіе отдѣла «Ши-цзина»: малыя и большія оды (Сяо-Я, Да-Я) распѣвались будто бы при дворѣ по случаю большихъ или меньшихъ торжественныхъ случаевъ (при пріемахъ или отправленіи гостей и пословъ и пр.), тогда какъ четвертый отдѣлъ—гимны (Чжоу-Сунъ и Шанъ-Сунъ), употреблялись въ храмахъ при жертвоприношеніяхъ, молитвахъ о ниспосланіи счастія или какъ благодареніе за оказанныя милости.

Такимъ образомъ и здѣсь (да даже и въ «Шу-цзинѣ»—о томъ, что мы не признаемъ его работой Конфуція, мы будемъ говорить ниже), Конфуцій является не болѣе какъ только много-много отдѣлывателемъ, если не простымъ переписчикомъ — какая же это великая заслуга? Вѣдь и книги не его, и мысли, въ нихъ заключающіяся, тоже не его. Если писменость существовала такое долгое время, какъ насъ хотятъ увѣрить, а слѣдовательно была и распространена, то чтò же за мудрость во всѣхъ трудахъ Конфуція! да и какіе это труды—вѣдь и самая отдѣлка могла быть дана уже до него, и мысли, заключающіяся въ книгахъ, уже были извѣстны. Слѣдовательно, онъ попалъ на готовый кормъ. Но спрашивается: какимъ же образомъ могли бы тогда образоваться конфуціанцы, составить какую-то школу, заявлявшую претензію на управленіе страною, котораго впослѣдствіи она и добилась? Съ тѣмъ, что извѣстно всѣмъ другимъ, нельзя выставляться передъ другими. Вотъ какъ подрываютъ собственное свое значеніе сами конфуціанцы, если принять въ соображеніе ихъ же увѣреніе, что Конфуцій не преподавалъ ничего новаго, что онъ объяснялъ только старое. Люди прогресса, постепеннаго развитія науки

(съ искусства писать), мысли и человѣческаго общества, они сами ослабляютъ и подрываютъ свой авторитетъ и свои услуги развитію, и кончаютъ тѣмъ, что останавливаютъ это развитіе, губятъ Китай своимъ увѣреніемъ, будто въ древности все было гораздо совершеннѣе, а ихъ учитель былъ только истолкователемъ этой древности. Но это уже вина толкователей, а не самого Конфуція, его учениковъ, которыхъ онъ благословилъ на дальнѣйшее развитіе китайской интеллигенціи, вручивъ имъ «Ши-цзинъ» и «Чунь-цю»!

Намъ кажется, что предыдущими сопоставленіями мы достаточно выяснили наше мнѣніе, что Конфуцій былъ первымъ китайцемъ, извлекшимъ изъ рукъ и архивовъ администраціи умѣнье писать, усовершенствовавшимъ это умѣнье и передавшимъ все это въ народъ *). До него не упоминается ни о какой народной школѣ, заботившейся объ образованіи народа. Вотъ его первая заслуга. Вторая заслуга, конечно, заключается въ томъ, что, несмотря на техническое несовершенство писма, заключавшагося въ неупрощенныхъ формахъ и вырѣзываніи гіероглифовъ на деревѣ, онъ научилъ писать всѣ слова, которыя явились въ китайскомъ языкѣ и даже въ различныхъ его нарѣчіяхъ **). Въ послѣднемъ случаѣ, первый упомянутый выше отдѣлъ «Ши-цзина», народныя пѣсни, представляетъ величайшій интересъ не только для спеціалистовъ, посвятившихъ себя изученію Китая, но и вообще для всѣхъ интересующихся изслѣдованіемъ всего древняго человѣческаго развитія. Вѣдь мы имѣемъ здѣсь пѣсни, которыя, сохраняя мѣстный геній, геній китайскаго народа, въ тоже время свидѣтельствуютъ, что и китайцы нѣкогда походили на прочихъ людей своими страстями и слабостями, что они были откровеннѣе, пока милые учителя не научили ихъ изъ ихъ же собственныхъ пѣсенъ сдѣлаться ипокритами. Мы видимъ тутъ и пѣсни любовныя, пѣсни дѣвицы, желающей выдти замужъ, пѣсни любовника, очарованнаго своей милой, назначеніе свиданія, жалобы покинутой жены, еще болѣе жалобы разлученныхъ супруговъ, любовниковъ, родственниковъ. Нельзя не обратить при этомъ вниманія, что въ такихъ жалобахъ отзываются общественныя и

---

*) Если предположить даже, что „Чунь-цю“ взято имъ изъ архивовъ Лу, а „Ши-цзинъ“ заимствованъ отъ Чжоу, то все-таки заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ выдалъ правительственные секреты.

**) Мы уже говорили, что первые гіероглифы были комбинаціями, заключавшими оттѣнокъ прямыхъ изображеній, что изъ нихъ потомъ вышли комбинаціи для означенія дѣйствій, что эти двѣ категоріи могли обнять всѣ звуки или склады устнаго слова. Конфуцій, можетъ быть, первый догадался передавать ими и тѣ склады, которые хотя и подходили по слуху къ складкѣ этихъ двухъ категорій, но имѣли уже другое значеніе. Онъ могъ не употреблять отчасти и энциклопедическихъ знаковъ (ключей), какъ мы часто видимъ это въ „Ши-цзинѣ“, потому что пѣснь была понятна въ своихъ звукахъ.

политическія обстоятельства. Жалоба жены или женщины въ то время была очень естественна, если мы представимъ себѣ, что тогда еще не установились понятія о бракѣ. Люди долго еще по изобрѣтеніи писма, какъ оно свидѣтельствуетъ, назывались именемъ или фамиліей матери; *фу-цзы*—почетное титло, съ которымъ обращались прежде къ уважаемымъ людямъ и потомъ принявшее значеніе философа (Кунъ-фу-цзы, Confucius)—значитъ собственно не болѣе какъ сынъ мужа (т.-е. супруга, а не мущины). Что касается до жалобъ на разлуку, то онѣ—естественное слѣдствіе безпрестанныхъ войнъ, усиленныхъ вооруженій, изнурявшихъ Китай какъ въ вѣка, предшествовавшіе Конфуцію, такъ и въ послѣдующіе. Но есть еще другой сюжетъ въ пѣсняхъ, который едва ли встрѣчается у другихъ народностей—на мѣсто жрецовъ и пророковъ тутъ воспѣваются еще ревностные чиновники или царскіе слуги, посланники: они говорятъ уже отъ себя, жалуются на множество дѣлъ, на непризнаніе ихъ достоинствъ; восхваляются и ретивые воеводы — сюжетъ этотъ еще болѣе развитъ въ обоихъ отдѣлахъ одъ, но намъ придется говорить о немъ ниже. Еще есть сюжетъ экономическій, земледѣльческій, хозяйственный, и даже въ одной пѣсни представленъ цѣлый народный календарь, но, не смотря на предлагаемыя усиленныя объясненія, ужъ черезъ-чуръ темный и сбивчивый. Намъ кажется, что это-то всего скорѣе доказываетъ его народное происхожденіе.

Этотъ краткій очеркъ уже одного перваго отдѣла показываетъ, какой высокій интересъ представляетъ «Ши-цзинъ» съ чисто обще-человѣческой стороны. Имѣемъ ли мы для такого отдаленнаго періода, хотя бы принять и вѣкъ Конфуція, у какого-нибудь другого народа такое живое и ясное выраженіе обыденныхъ чувствъ, всего того, что занимало народъ, эту такъ-называемую сермяжную братію *), въ ея обыденной жизни? А главное: интересъ народныхъ пѣсенъ состоитъ въ томъ, что почти всѣ онѣ представляются въ различныхъ царствахъ варьянтами однихъ и тѣхъ же сюжетовъ—замѣчаніе, совершенно упущенное комментаторами, а безъ него и выходитъ вся путаница толкованій.

Такъ какъ, полагаю, мой взглядъ совершенно новъ, то въ подтвержденіе его нахожу необходимымъ привести хотя нѣсколько выдержекъ изъ текста пѣсенъ, по царствамъ:

---

*) Очень интересно было бы, чтобъ кто-нибудь обратилъ вниманіе и на нынѣшнія народныя пѣсни китайцевъ. Кажется, ихъ до сихъ поръ никто еще, даже по печатнымъ источникамъ, не разработывалъ. Въ нашей библіотекѣ есть такой сборникъ, подъ названіемъ Ни-шанъ Сюй-пу. Но мы не ручаемся, чтобъ и сами могли съ нимъ справиться. Кромѣ того, не можетъ быть, чтобъ въ различныхъ частяхъ Китая не было своеобразныхъ пѣсенъ, свойственныхъ каждой мѣстности. На китайскихъ педантовъ полагаться нечего; имъ все ни почемъ, они не хотятъ знать народъ, а хотятъ, чтобъ народъ только учился по ихъ книгамъ!

Пѣсни свадебныя

(или лучше, по случаю свадьбы.—Цифра показываетъ которая пѣсня).

Чжоу Нань:

1. Скромная непорочная дѣвица,
Славная парочка для барича
...И во снѣ и на яву ищетъ,
...Ворочается съ боку на бокъ
...Увеселяется музыкой (что будто значитъ: выходитъ наконецъ замужъ).
6. ...Эта дѣвица, выходя замужъ,
Приличествуетъ дому...
9. ...При выдачѣ этой дѣвицы,
Хотѣлось бы кормить ея лошадь.
(Припѣвъ:) Рѣка Хань широка, нельзя перепырнуть!
Рѣка Цзянъ длинна, нельзя проплыть!

Шао-Нань.

1. При выдачѣ этой дѣвицы (замужъ)
Сто колесницъ провожаютъ.
9. ...Добивающіеся меня, молодцы,
Спѣшите договариваться (свататься).
11. ...Эта дѣвица, выходя замужъ,
Не нуждается во мнѣ,
Во мнѣ не нуждается—
Послѣ раскается!

Вэй.

3. При отъѣздѣ этой дѣвицы
...Мое сердце предалось печали.

Юнъ.

7. Дѣвица уходитъ
Отъ братьевъ, отца и матери.

Ци.

3. Поджидалъ меня въ храмѣ,
...Нанизки на ушахъ на шолковомъ снуркѣ
На нихъ камни Цюнъ.
3. Какъ сажаютъ пеньку?
..Поперегъ и вдоль (пашутъ) эту дѣлянку (му).
Какъ берутъ жену?
Непремѣнно сказываютъ отцу матери.
...Безъ свахи не получаютъ,
Когда сказано получаютъ
Чего еще доводить до крайности (сожалѣть).
7. ...Изорванныя сѣти въ садкѣ
А рыба: лещи, да бѣлуги (?).
Царская дѣва уходитъ
Свита ея многочисленна.
3. ...Какъ это брать жену?
...Непремѣнно изъ Ци (изъ фамиліи) Цзянъ
(...А изъ удѣла Сунъ по фамиліи Цзы).

Чэнь.

10. Есть красавица,
Величавая, рослая, бодрая
И во снѣ и на яву (ничего) не подѣлаешь,
Съ боку на бокъ ворочаясь, припадаешь къ подушкѣ.

Бинь.

5. (Если) рубить топорищемъ, чтобъ вырубить топорище,
(Такъ) форма его не будетъ далека (не похожа)
(Когда) я встрѣтилъ это дитя,
Были разставлены корзинки и плошки
(для жертвы по случаю свадьбы).
6. Въ девяти-мѣшковую сѣть
(Ловятъ) Тайменей да лещей,
Мною взятая жена
Въ драконовомъ кафтанѣ,
Въ узорчатой юбкѣ.

Любовныя.

а) *Женскія.*

Чжоу-Нань.

3. ...Вздохнувъ о моемъ зазнобушкѣ,
...Налью-ка этотъ золотой кубокъ,
...Чтобъ не длилась тоска.
10. ...Не видя милаго,
Чувствовала какъ бы сильный голодъ,
...Когда-жъ увидала,—
Меня не отбросилъ.

Шао-Нань.

3. ...Не видя сударика,
Сердце билось,
Когда-жъ увидала,
Когда повстрѣчала
Мое сердце опало (успокоилось).
8. ...Гремитъ громъ
У подошвы южныхъ горъ.
Зачѣмъ это онъ ушелъ отсюда!
Не улучилъ (времени) остановиться.
Благодушный, благородный мужъ,
Воротись, воротись!
(Раиса, бѣдная Раиса!).

Бэй.

8. ...О милый!
По истинѣ удручаешь мое сердце.
...Дорóга, говорятъ, дальняя,
Когда ему придти!!
11. ...Если бы не для тебя
Зачѣмъ (бы вязнуть) въ грязи
(м. б. и насмѣшливая).

12. ...Зачѣмъ зажился,
Непремѣнно есть связь;
Зачѣмъ такъ долго медлишь,
Непремѣнно есть причина...

Юнъ.

9. ...Этотъ красавецъ
Что-то скажетъ!

Вэй.

1. ...Есть деликатный баричъ
Какъ будто вырѣзанъ и выстроганъ
Какъ будто вырубленъ и вышлифованъ,
Здоровый, величавый,
Блестящій, видный
Есть деликатный баричъ,
(Котораго) никакъ нельзя забыть!
8. ...Съ тѣхъ поръ какъ ты отправился на востокъ,
...Какъ нѣтъ помады и мыла,
Но для кого украшаться!
9. Сердце безпокоится,
Этотъ господинъ безъ платья.

Ванъ.

8. Одинъ день не вижу,
Какъ будто три года.

Чжэнъ.

1. Черное платье просторно;
Износится, я еще сошью,
Пойду въ твой домъ
Еще принесу тебѣ кушанье
(м. б. и хозяйственная).
3. Дядя на охотѣ,
На улицѣ нѣтъ живыхъ людей.
Какъ нѣтъ живыхъ людей?
(Да все) не похожи на дядюшку
(Онъ) по-истинѣ милъ, любезенъ...
12. ...Этотъ каналья...
Не со мной говоритъ
Изъ-за тебя!
Заставляешь меня не ѣсть...
13. ...Если ты съ любовью думаешь обо мнѣ
Подниму юбку и перейду въ бродъ черезъ (рѣку) Чжень.
Ты не думаешь обо мнѣ:
Какъ нѣтъ другихъ людей!?
Сумасшедшій парень, сумасшедшій!
15. ...Этотъ домъ хоть близокъ,
Этотъ человѣкъ весьма далекъ.
...Какъ о тебѣ ни думаю—
Ты ко мнѣ не ходишь

16. ...Какъ увижу милаго.
Какъ не успокоиться!
(И далѣе...) какъ не выздоровѣть.
...Не обрадоваться!
17. ...Хотя и не хожу,
Ты отчего не приходишь?
...Какъ одинъ день не вижу (тебя),
Какъ будто три мѣсяца.
19. ...Не вѣрь чужимъ словамъ,
Люди, право, не заслуживаютъ вѣры.

Ци.

7. ...Не паши большой пашни,
Только плевелы одолѣютъ.
Не думай о далекомъ человѣкѣ,
Надсадишь сердце страданіями...

Вуй.

2. ...Того этого сынъ
Красивъ безъ мѣры,
Красивъ безъ мѣры!
Но куда какъ отличается отъ Гунъ-Лу?
(И далѣе: отъ Гунъ-Ханя, Гунъ-Цзу).

Танъ.

3. ...Когда вижу благороднаго мужа (милаго),
Къ чему печалиться!
7. ...Барашковая шубка съ барсовой оторочкой.
...Какъ нѣтъ другихъ людей,
Только съ тобой по старой связи!
11. ...Моего красавца нѣтъ здѣсь (погибъ),
Съ кѣмъ одна отдохну?
...Въ зимнія-ль ночи, въ лѣтніе-ль дни,
(Но хотя) чрезъ сто лѣтъ
Возвращусь въ его комнату... (могилу!)

Цинь.

4. Этотъ человѣкъ, о которомъ думаю,
Гдѣ-то на водѣ... (не можетъ отыскать).
7. ...Не видя милаго
Печалюсь, не радуюсь.
Какъ же, какъ же это!
Забылъ меня, право же, много!

Гуй.

1. Въ барашковой шубкѣ прогуливаешься,
Въ лисьей ходишь во дворецъ,
Какъ не думать о тебѣ,
Утружденное сердце мучается... (болѣе въ иронич. тонѣ).

в) *Мужскія.*

Бэй.

17. ...Деликатная дѣвица красавица
Подарила мнѣ красную дудочку,
Красная дудочка красна,
(Но больше) Радуюсь, что дѣвица прекрасна.
...Подарила осокинку
Не осокинка красна:
Красавицей подарена!

Юнъ.

3. ...Твои ясныя очи, красивыя брови,
Блестящіе виски!
По истинѣ такой человѣкъ
Есть красавица царства!
4. ...О комъ думать?
О красавицѣ Мэнъ-Цзянъ.
Назначила мнѣ свиданье въ Санъ-Чжунѣ (тутовой рощѣ),
Зазвала меня въ Шанъ-Гунъ (верхъ терема),
Проводила меня на рѣку Ци!

Вэй.

3. ...Руки какъ бѣлый ростокъ
Кожа застывшій жиръ,
Шея какъ у (червя) Цю-Ци,
Зубы какъ тыквенныя зернышки,
Голова жука, брови бабочки,
Привлекательная улыбка на устахъ,
Черные зрачки прекрасныхъ глазъ рѣзко выдѣляются изъ бѣлковъ...
9. Подарила мнѣ айву,
Отблагодарилъ яшмой,
Не отблагодарилъ,
А чтобъ на вѣкъ быть въ дружбѣ!

Чжэнъ.

9. Есть дѣвица въ одной телѣгѣ (со мной),
Красотой похожа на цвѣтокъ Шунь
Повернется, поворотится
Привѣшенныя яшмы Цюнъ и Цзюй (такъ и забренчатъ?).
Эта красавица старшая Цзянъ
Право же прекрасна и изящна!
19. ...За восточными воротами
Дѣвицъ туча,
Но хоть и туча
Не въ моихъ мысляхъ живутъ (онѣ),
Бѣлое платьице, черный чепчикъ
Гораздо лучше веселитъ меня!

Ци.

4. ...О, восточной стороны солнце,
Эта красавица въ моей комнатѣ!

Въ моей комнатѣ,
Слѣдуя за мной пришла!..

Танъ.

5. ...Нынѣшній вечеръ, какой вечеръ?
Вижу эту красавицу!
Милая, милая!
Такая красавица, какъ это?!

Чэнь.

4. ...Съ этой красавицей, непорочной дѣвицей
Можно съ толкомъ разговаривать.
8. ...Луна взошла ясная,
Красавица чудная,
Развяжи (облегчи) безпокойную думу
Измученное сердце рвется!

c) *Насмѣшливыя.*

Шао-Нань.

6. ...По дорогѣ мокрая роса,
А то бы и утромъ и вечеромъ (ходила къ тебѣ).
...Кто говоритъ, что ты безъ свадебныхъ подарковъ!
...Но хотя бы и довелъ меня до суда,
А за тобой не послѣдую.

Бэй.

18. ...Искали спокойствія,
А нашли Горбуна!..

Вэй.

6. ...Мальчишка привѣсилъ шило (въ знакъ возмужалости).
...Видъ-то, самохвальство-то!
Спущенный поясъ (какъ) волочится!

Ванъ.

9. ...Какъ не думать о тебѣ—
Боясь тебя (только), не бѣгаю (къ тебѣ).
...При жизни такъ порознь жить.
Умереть, такъ лежать въ одной могилѣ,
Скажешь: мнѣ не вѣришь,
(Но это) какъ свѣтлый день!

Чжэнъ.

10. ...На горахъ кустарникъ,
На болотѣ ненюфаръ;
Не видала красавца,
Увидала урода!

Ци.

7. ...Миловидный и нѣжный,
Собраны (волосы) въ рожки пучкомъ
Вскорѣ посмотришь
Вдругъ и въ шапкѣ!..

Гуй.

3. ...Миловидный, блестящій,
Услаждаюсь твоимъ незнаньемъ
...Твоимъ бездомовьемъ, безбрачьемъ!

Цао.

1. ...(Какъ) крылья (жучка) Фоу-ю,
Платье свѣженькое,
(Но) сердца безпокойство:
Возвращается ко мнѣ жить!

Бинь.

6. ...Волкъ то наткнется на зобъ,
То зацѣпитъ хвостомъ;
Князевъ внукъ большебрюхой
Въ красныхъ тюфляхъ самодоволенъ!
...Слава безъ ущербу.

d) *Анакреонтическія.*

Шао-Нань.

12. ...Есть дѣвица, возбужденная весной,
Счастливецъ заманиваетъ—
...Тише, помедли,
Не тронь моего платья
Не заставь собаку лаять!

Бэй.

9. ...У переправы глубоко
Глубоко такъ переплыть,
Мелко такъ въ бродъ.
(На учить ли тя, Ванюша, какъ ко мнѣ ходить?)
16. ...Милующій, любящій меня
Взявши за руку садится вмѣстѣ въ повозку
...Скорѣе, скорѣе!

Юнъ.

2. ...Домашнія слова нельзя читать (передавать?)
То, что можно читать,
Слова безчестныя!

Вэй.

4. ...Ахъ, дѣвица! Не забавляйся съ парнемъ—
Парню забаву
Еще можно простить,
Дѣвицѣ забаву
Нельзя простить!

Ванъ.

3. ...Господинъ доброй,
Въ лѣвой рукѣ держитъ дудку,
Правой вырываетъ меня изъ комнаты...
Вотъ наслажденье!..

Чжэнъ.

2. ...Прошу парня
Не перелѣзай чрезъ мой огородъ,
Не ломай мной посаженныхъ (деревъ) Тань;
Стала ли бы я жалѣть,
Боюсь люди станутъ много говорить!
Парня можно любить,
Людское многорѣчье
Также страшно!
7. ...Слѣдуя по большой дорогѣ
Схватила его за руку;
Не гнушайся мной
Не ускоряй (разрывъ) дружбы...
11. Засохло, засохло,
Вѣтеръ дуетъ на тебя.
Дядюшка, дядюшка,
Соблазняй меня, согласна съ тобой...
14. ...Дядюшка, батюшка,
Посади-ка меня, вмѣстѣ поѣду къ тебѣ.
20. ...Красивый одинъ человѣкъ,
Съ прелестными вѣками и бровями,
Къ неожиданному благополучью встрѣтился (со мной)—
Какъ разъ исполнилось мое желанье!
...Съ тобой соединилось удовольствіе!..
21. ...За рѣкой Вэй
Право же просторно и весело,
Только парни да дѣвицы
Другъ надъ другомъ издѣваются,
Дарятся піонами...

Чэнь.

2. ...Дубы на холмѣ Вань-цю
Цзы-чжунова дочка
Пляшетъ подъ ними.
...И на рынкѣ танцуетъ.
...Съ утра отправилась
Съ толпою гулять...
5. ...Назначенъ срокъ (свиданья) вечеромъ
(А ужъ) утренняя заря во всемъ блескѣ!

е) *Жалобныя.*

Бэй.

1. ...(Какъ) плаваетъ эта лодка...
...Не спится отъ безпокойства,
Пойти бы сказать (пожаловаться),
Встрѣтишь его гнѣвъ...
2. ...Сердца безпокойство
Какъ можно остановить!
(Но) думая о старомъ человѣкѣ (о старой связи)
Сдерживаю свое сердце.

4. ...А этотъ человѣкъ
...Куда какъ непостояненъ,
...Отблагодаряетъ меня дурно...
5. ...Увидавъ меня, насмѣхается
Шутитъ, издѣвается.
...Не спится,
Только и остается, что думать!
10. ...Веселясь съ своей новой женой,
Считаешь меня нечистой...

Юнъ.

1. ...Плаваетъ эта кипарисная лодка,
...Свисшіе эти два локона
Поистинѣ мои избранники (свидѣтели),
Клялась не измѣнять до смерти!
5. ...Человѣкъ дурной
А я считаю его благороднымъ!
7. ...И такой-то человѣкъ
Задумалъ свадьбу!
Сильно невѣренъ,
Не знаетъ судьбы!
8. ...Человѣкъ и безцеремонный (да и безнравственный)
Зачѣмъ же онъ не умретъ поскорѣе!

Ванъ.

1. ...Знающіе меня говорятъ,
Что я сердцемъ безпокоюсь;
Незнающіе меня говорятъ,
Чего я домогаюсь.
Увы!.. Престарѣлое небо!
Это что за человѣкъ!
5. ...Есть женщина оставленная всѣми,
Слезно плачетъ
Слезно плачетъ,
Къ чему поведетъ горе!
7. ...Удалившись отъ братьевъ
Называю чужого братцемъ,
...А онъ не обращаетъ на меня вниманія!

Вуй.

7. ...Уйду въ блаженную землю,
Блаженная земля, блаженная земля,
Тамъ получу мое пребыванье!

Танъ.

6. ...Вотъ одинокая яблоня
Листья у ней густые
(И я) хожу одинокій, безродный.
Развѣ нѣтъ другихъ людей!
Но не то что единокровные!
(Среди долины ровныя).

Чэнь.

6. ...Мужъ нехорошъ,
Горожане знаютъ.
...Пѣснями намекаютъ,
Не обращаетъ вниманія.
7. ...Кто обошелъ моего красавца,
Сердце-то какъ безпокоится!

Гуй.

2. ...Увидавъ бѣлую шапку,
Человѣка, бѣдой изнуреннаго,
Заботливымъ сердцемъ соболѣзную, мучаюсь.
4. ...Не вѣтеръ подымается,
Не колесница скачетъ
Смотря на дорогу въ Чжоу
Внутри сердца сокрушаюсь.
...Кто на западъ возвращается,
Унося добрую славу!

Цао.

2. ...Эти господа
Не соотвѣтствуютъ ихъ платью
...Нейдутъ къ этой любви.
...Миловидна, любезна,
(А все-таки) юная дѣва голодаетъ.

Бинь.

2. ...О, сова, сова,
Коли схватила моихъ птенцовъ,
Не раззоряй (хоть) моего гнѣзда.
...Мои крылья оборвались
Мой хвостъ износился,
Мой домъ (т. е. мое гнѣздо) отъ вѣтра и дождя шатается
Мои крики жалобны...

f) *Служебныя-чиновничьи.*

Шао-Нань.

2. ...Съ неподвижнымъ шиньономъ
И днемъ и ночью у князя.
7. ...Въ барашковой шубкѣ
...Съ боку на бокъ переваливаясь,
Возвращается ѣсть изъ дворца.
10. ...Бдительно ночное хожденье
Днемъ и ночью у князя.
Судьба по истинѣ неодинакова.

Бэй.

6. ...Я одинъ отправляюсь на югъ
Съ Сунь-цзы Чжуномъ
Привести въ согласье Чэнь и Сунъ.
...Увы, разлучились,
Я не буду въ живыхъ!..

13. ...Большой человѣкъ, рослый, разрослый,
Въ княжескомъ дворцѣ всячески фиглярничаетъ.
...Этотъ красивый человѣкъ,
Западной стороны человѣкъ!..
15. ...Правительственныя дѣла лежатъ на мнѣ кучей.
...Домашніе набрасываются на меня.
Перестань!
Небомъ такъ устроено,
Къ чему говорить!

Ци.

Юнъ.

6. ...Работаешь въ Чускомъ дворцѣ
...Садишь орѣхи, каштаны
...Чтобъ вырубить кимвалы и тимпаны.

Ванъ.

2. ...Господинъ (dominumque me vocavit) на службѣ
Не день, не мѣсяцъ—
Какъ-то встрѣтимся?
...Авось не голодаетъ, не томится отъ жажды!
4. ...Того этого сынъ,
Не со мной караулитъ Сюй.
Думается, думается,
Въ какой лунѣ ворочусь домой.

Чжэнъ.

6. ...Того этого сынъ
Пожертвуетъ жизнью, не измѣнитъ.
...Завѣдываетъ царствомъ прямо!
1. ...Пѣтухи ужъ поютъ
Во дворцѣ ужъ полно.—
Не пѣтухи поютъ
Это жужжанье мухъ.
...Сладко съ тобой спать
...Но какъ бы изъ-за меня съ тебя не взыскали!
5. ...На востокѣ еще не разсвѣло,
Платье переворочено
Перевороченое попадало;
Зовутъ изъ дворца...

Вуй.

3. ...Сердце безпокоится
Разъѣзжая по государству,
Незнающіе меня говорятъ, что я не обузданъ
Они правы.
Ты говоришь: какъ такъ?!
Сердечное безпокойство кто знаетъ,
Кто знаетъ!
Вѣдь и не подумаетъ!

4. ...Взойдя на эту голую гору,
Смотрю (вдаль не увижу ли) батюшку.
Батюшка говоритъ: ахъ!
Мой сынъ отбываетъ службу
Ни днемъ ни ночью не перестаетъ (не отдыхая)
Ахъ, кабы онъ былъ остороженъ,
Только бы пришелъ, не оставилъ!
(И далѣе ратникъ представляетъ, что̀ говорятъ мать, братья).

Танъ.

8. ...Царскія дѣла не ослабны (нельзя отложить),
Некогда сѣять чечевицы и проса.
Батюшкѣ, матушкѣ какая (во мнѣ) опора.
О, мрачное небо!
Когда этому будетъ конецъ!

Цинь.

8. ...Какъ сказать: (мы) безъ платья,
(У насъ) съ тобой общая юбка.
Царь подниметъ войско,
Исправитъ наши латы и оружіе,
Съ тобой вмѣстѣ отправимся
(Для наживы?).

Цао.

1. ...Ахъ, проснувшись вздыхаю
Думая о Чжоуской столицѣ
...Въ четырехъ царствахъ есть царь,
Сюньбо трудится...

Бинь.

3. ...Я отправился на востокъ
...Долго, долго не возвращался.
Я прибылъ съ востока.
...Мокрицы въ комнатахъ,
Пауки на дверяхъ,
На межахъ оленьи пастбища;
Блуждающіе огоньки мерцаютъ ночью:
Не надо бояться,
Но можно безпокоиться!
...Жена вздыхаетъ въ комнатѣ,
Мететъ, вспрыскиваетъ, затыкаетъ щели...
...Брошенная (мной при отправленіи) горлянка
Все еще виситъ на каштанѣ,
Съ тѣхъ поръ какъ я не видался
До сихъ поръ (прошло) три года!

g) *Хозяйственныя.*

Чжоу-Нань.

2. ...Пенька разрослась по долинѣ
...Брать да варить (мочить?),
Дѣлать батистъ да посконь,

8. ...Рвать (подорожникъ?) Фоу-и,
...Много (набрать), заткнувъ подолъ за поясъ.

Шао-Нань.

2. ...Рвать артемизью (которая будто бы употреблялась для кормленія шелковичныхъ червей прежде, чѣмъ распустится шелковица, слѣд. другое растеніе).
Чтобъ употреблять во дворцѣ князей.
4. ...Рвутъ пинь
...Варятъ въ таганахъ и котлахъ
...Приносятъ въ жертву
...Кто-жъ приноситъ (кому же приносятъ)?
Младшая дочь Ци'скаго князя.

Вэй.

1. ... Въ легкихъ прохладныхъ пеньковыхъ сапогахъ
Можно ходить и по инею;
Тонкіе дѣвичьи пальцы
Могутъ шить платье
Пришиваютъ поясъ, оторачивается воротникъ.
А хорошій человѣкъ носитъ
...Только онъ сердцемъ жжетъ,
Вотъ почему и колется (т.-е. здѣсь и осмѣивается?)
5. ...На десяти дѣлянкахъ (му)
Занимающійся шелководствомъ беззаботенъ (т.-е. въ достаткѣ).
Пойдемъ съ тобой—воротимся.
...Уйдемъ отсюда!
6. Не сѣешь, не жнешь,
Откуда же берется
Хлѣбъ съ трехъ-сотъ фермъ?
Не ловишь, не охотишься—
Какъ же вижу на твоемъ дворѣ
Повѣшеннаго барсука?
Этотъ славный человѣкъ
Не ѣстъ попусту!

Танъ.

1. ...Сверчокъ въ комнатѣ (избѣ?),
(Значитъ) годъ подходитъ къ вечеру (къ концу).
...Если мы нынѣ не повеселимся,
Дни и мѣсяцы пройдутъ.
Да не черезъ-чуръ ужъ веселиться
Надобно подумать и о заботахъ,
Веселясь безъ разнузданности—
(Вотъ какъ) честный мужъ отдыхаетъ!
2. ...У тебя есть платье,
Ты его не волочишь, не изнашиваешь,
У тебя есть колесницы и лошади
Ты въ нихъ (въ однихъ) не садишься, на нихъ (въ другихъ) не скачешь

Случится смерть:
Другой будетъ наслаждаться *).
10. ...Этотъ благородный мужъ
Намѣренъ придти ко мнѣ,
Внутри сердца поджидаю
Но чѣмъ накормить, напоить.
(м. б. и любовная).

Цинь.

8. ...Какъ сказать безъ платья...
(См. выше въ другомъ случаѣ).

9. ...У насъ (прежде)
За каждый обѣдъ по четыре блюда (по толкованью: каждаго кушанья?!);
Нынѣ же
За всякій (обѣдъ) не наѣдаешься,
Увы! (такъ) не укрѣпишь силъ!

Бинь. Здѣсь помѣщенъ въ стихахъ цѣлый календарь, послужившій основаніемъ Ли-цзи и даже Чжоули, но очень темный. Не передавая ихъ буквально, считаемъ очень важнымъ познакомить съ ихъ содержаніемъ.

1-я луна: раздаются (охотничьи) рога (по толкованію: холодный вѣтеръ).

2. Сильный холодъ—рубятъ ледъ.

3. За соху—кладутъ ледъ въ погреба.

4. Подымай ноги (на пашнѣ)! Съ моей женой и дѣтьми обѣдаю на южной пашнѣ (на дачѣ? въ деревнѣ—какъ у насъ?) *Тянь-цзюнь* (духъ земли, по другимъ—хозяинъ, или чиновникъ отъ правительства, завѣдывающій пашнями), радуется. Колосится *яо*.

5. Кричитъ кобылка, шевелитъ лапами.

---

*) Можемъ привести здѣсь замѣчаніе самихъ китайцевъ, что пѣсни „Ши-цзина" свидѣтельствуютъ, какъ природа дѣйствуетъ на человѣка. Подъ Танъ разумѣется земля Цзинь, нынѣ составляющая часть провинціи Шаньси, которая высылаетъ не только во всѣ провинціи, но и въ Маньчжурію, Монголію, Цзюнгарію, Туркестанъ, Тибетъ, а нынѣ и въ Россію (даже въ Казань—съ помощью, еще почище ихъ, нѣкоторыхъ русскихъ) своихъ жителей для эксплоатированія подъ видомъ торговли, т.-е. кулачества, покупки контрабанды, ростовщичества и вообще обиранія подъ различными предлогами труда простодушныхъ туземцевъ. Эти выходцы очень хорошо извѣстны въ нашей Кяхтѣ подъ именемъ Лаосировъ, люди грязные, скаредные, экономничающіе еще больше китайцевъ съ юга, заѣхавшихъ на острова Восточнаго океана, въ Австралію или Калифорнію. Такими сдѣлала ихъ природа, земля скудная, непроизводительная; доказательство—недавній голодъ, погубившій до 6 милліоновъ. Надобно ухитриться, чѣмъ жить. И вотъ тамъ заживаютъ богачи, считающіе въ своихъ кладовыхъ десятки милліоновъ, но не стыдящіеся носить затасканный плисовый кафтанъ, кожаные панталоны. Оказывается, что ихъ предки задолго даже до Р. Х. были ужъ такими скаредами.

6. Стрекоза подымаетъ крылья.—Ѣдятъ сливы и вишни.

7. Въ полѣ—ѣдятъ малву и горохъ—тыкву.

8. Запасаютъ камышъ—прядутъ—красятъ—созрѣваютъ хлѣба, обиваютъ жужубы—вырѣзываютъ горлянку.

9. Раздаютъ платье — поселяются въ домѣ (возвращаются съ дачи?)—собираютъ конопляное сѣмя--цикорій, бузину (?!)—приготовляютъ (для молотьбы) тока.

10. Листопадъ—сверчки залѣзаютъ въ домъ—затыкаютъ щели—выкуриваютъ мышей—собираютъ рисъ—дѣлаютъ вино для *бровенной* старости—убираютъ хлѣбъ, пеньку, горохъ, пшеницу. Когда свезутъ хлѣбъ, принимаются за работы во дворцѣ (по другимъ—просто дома).

11. Охотятся за енотами.

12. Облава.

Весной дѣвица отыскиваетъ тутовые листья (а пока ихъ нѣтъ) артемизію (ерань), которую будто бы давали шелковичнымъ червямъ.

Мы нисколько не настаиваемъ, чтобъ съумѣли всѣ пѣсни включить правильно въ тѣ отдѣлы, въ которые ихъ помѣстили,—очень многія дѣйствительно носятъ въ цѣломъ характеръ смѣшанный; свадебныя съ любовными, любовныя съ анакреонтическими, жалобными и ироническими, которыя сами въ свою очередь переходятъ взаимно одна въ другую. Затѣмъ служебныя находятся въ связи съ хвалебными, благопожелательными, хозяйственныя съ семейными. Но мы увѣрены, что изъ приведенныхъ выписокъ читатели убѣдятся сами, что въ пѣсняхъ различныхъ царствъ есть взаимная связь и по духу, и по языку, что онѣ взошли на однѣхъ и тѣхъ же дрожжахъ. Выводы изъ этого могутъ быть различные—прежде всего можно доказать, что элементъ пѣсенъ образовался прежде распаденія Китая на удѣлы, или, если эти удѣлы образовались выходцами изъ одного общаго ядра, то занесены сами собой въ новыя колоніи. Съ еще бо̀льшимъ, можетъ быть, правомъ убѣдятся, что расположеніе пѣсенъ перемѣшано произвольно или съ умысломъ. Мы видимъ, что нумера нѣкоторыхъ пѣсенъ сходны съ нумерами того же содержанія въ другомъ царствѣ, а въ однихъ содержаніе повторяется нѣсколько разъ, въ другихъ вовсе не встрѣчается. Могутъ доказывать, что едва ли большинство этихъ пѣсень не составилось послѣ Конфуція по образцу нѣкоторыхъ, дѣйствительно имъ подмѣченныхъ. Но одно убѣжденіе останется у всѣхъ—это то, что эти пѣсни указываютъ ясно на связь народа, хотя и раздѣленнаго, и, сдѣлавшись достояніемъ писмености, разнесенныя ею, повсюду возобновили и укрѣпили эту связь.

Въ примѣръ того, какъ объясняютъ ихъ толкователи, приведемъ хоть одну пѣсню.

Вотъ пѣснь 8-я:

Ванъ.

1. ...Онъ собираетъ коноплю:
Какъ одинъ день не вижу,
Какъ три мѣсяца (будто не видала, не видѣла).
2. ...Онъ, онъ собираетъ полынь:
Одинъ день не вижу,
Какъ три осени.
3. ...Онъ рветъ артемизію:
Одинъ день не вижу,
Какъ будто три года.

Тутъ можно еще спорить, кто и о комъ поетъ—мужчина-ли о женщинѣ, или наоборотъ. Но одни толкователи видятъ тутъ развратъ, для котораго и короткое время кажется длиннымъ, другіе—привязанность чиновника къ государю, котораго онъ не хочетъ оставить и на одинъ день; третьи—насмѣшку надъ лицомъ, которое такъ распинается въ своей привязанности!

Или:

X. ...На холмѣ есть пенька:
Тамъ остался Цзы-цзя,
Тамъ остался Цзы-цзя.
Авось придетъ потихоньку!
2. ...На холмѣ есть пшеница:
Тамъ остался Цзы-го,
Тамъ остался Цзы-Го,
Авось придетъ кушать!
На холмѣ есть слива
Тамъ остался тотъ парень,
Тамъ остался тотъ парень,
Авось дастъ мнѣ яшмовую привѣску!

По толкованію, подъ «тотъ парень» надобно разумѣть будто бы Цзы-цзя и Цзы-го. Но только новѣйшіе толкователи видятъ въ этой пѣснѣ женщину, поджидающую человѣка (а не троихъ?), находящагося съ ней въ связи; но подозрѣвающую, что его задержала другая въ пенькѣ, пшеницѣ, подъ сливой?! Но старые толкователи: Чженъ-канъ-чэнъ разумѣлъ подъ Цзы-цзя человѣка, прогнаннаго отъ двора, занимающаго съ отличіемъ хотя бы и низкую должность. По Чжанъ-ши, прогнанный уходитъ въ другое государство, но соотечественники говорятъ, что вотъ тамъ-то ему можно бы было укрыться, а не уходить. По Мао-чэню, Цзы-го есть даже отецъ Цзы-цзя, тоже отличившійся. По Оу-янъ-сю, такіе достойные люди не опредѣляются на службу, имъ трудно повыситься! Кунъ-инъ-да въ глаголѣ: остался—въ третьемъ стихѣ (лю), видитъ собственное имя и понимаетъ весь стихъ такъ: Этотъ сынъ Лю даетъ всѣмъ яшмовую привѣску въ томъ смыслѣ, что поющій пѣсню желаетъ видѣть этого сына Лю, отличающагося

достоинствами, для того, чтобъ воспользоваться его наставленіями на прекрасномъ пути, который здѣсь называется яшмовой привѣской.

Такія курьёзныя толкованія встрѣчаются постоянно при каждой пѣснѣ, но мы все-таки не надѣемся убѣдить нашихъ умниковъ, что можно и не увлекаться такими толкованіями!

Отрицая собираніе пѣсенъ по изложеннымъ выше мотивамъ, мы не можемъ рѣшить вопросъ, какъ же и кѣмъ онѣ были собраны: до Конфуція, или имъ самимъ? Этотъ вопросъ мы оставляемъ открытымъ. На этотъ разъ, насъ пока занимаетъ одно: почему Конфуцій обратился къ народнымъ пѣснямъ? И намъ кажется, что вопросъ этотъ разрѣшится самъ собой, когда мы сообразимъ сказанное нами выше, что до него не было (кромѣ развѣ «Чунь-цю») никакихъ литературныхъ памятниковъ, которыми бы онъ могъ поучать народъ писму. Но рѣчь народная раньше всѣхъ ученыхъ создаетъ эти памятники; греки навѣрно пѣли уже прежде Гомера, даже чопорные, какъ китайцы, египтяне тоже вѣрно пѣли до построенія своихъ пирамидъ, какъ и индійцы до появленія Ведъ. Чѣмъ отрывистѣе, пожалуй, даже безтолковѣе эти пѣсни, тѣмъ, значитъ, онѣ природнѣе, безъ заботы о красотѣ и отдѣлкѣ по даннымъ мастерскимъ образцамъ. Такимъ-то матеріаломъ, кромѣ того, что онъ какъ разъ удовлетворялъ требованію обобщенія и доступности писма для всѣхъ, и воспользовался Конфуцій или, по крайней мѣрѣ, воспользовались по проложенной имъ дорогѣ ближайшіе къ нему ученики, потому что можетъ возродиться вопросъ: если Конфуцій не нашелъ «Ши-цзина» въ Чжоу, то какимъ образомъ получилъ онъ пѣсни тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ не бывалъ, но въ которыя могли зайти его ученики, разносившіе грамоту?

Разсматривая внимательно содержаніе «Ши-цзина», мы никакъ не можемъ допустить одновременнаго его появленія въ томъ составѣ, въ которомъ онъ дошелъ до насъ. Прежде всего насъ поражаетъ, какимъ образомъ Конфуцій, если онъ хоть сколько нибудь его редактировалъ, могъ допустить въ одной и той же книгѣ различное чтеніе и различное значеніе одного и того же гіероглифа. Положимъ, что во многихъ случаяхъ это чтеніе и значеніе навязано послѣдующими комментаторами, но все же останется много случаевъ, въ которыхъ должно послѣдовать за комментаторами. Когда мы имѣемъ дѣло съ пѣснями царствъ, то очень рады видѣть варіанты одной и той же пѣсни въ различныхъ мѣстностяхъ; но какимъ образомъ тотъ же самой сюжетъ пѣсенъ часто воспѣвается, и тоже на разные лады, въ одахъ, о которыхъ говорится, что они составлены были для исключительнаго употребленія при дворѣ, а между тѣмъ въ большей части и комментаторы не могутъ оправдать, чтобъ всѣ онѣ были со-

браны при дворѣ. Какъ бы туда попали, напримѣръ, жалобы и обвиненія высшихъ государственныхъ лицъ, а подчасъ и любовныя пѣсни? Всего болѣе поражаетъ насъ то, что оды представляютъ главнымъ образомъ развитіе и даже какъ бы преднамѣренное толкованіе темныхъ мѣстъ гимновъ и пѣсенъ; такъ что невольно задаешься вопросомъ: не составлены ли уже эти оды послѣ, когда первые два отдѣла попали въ руки конфуціанцевъ? Вѣдь и языкъ ихъ уже отчетливѣе и совершеннѣе, чѣмъ въ первыхъ. Тутъ встрѣчается даже нѣсколько случаевъ, гдѣ авторъ оды самъ себя называетъ по имени *), или вставляетъ въ окончаніе слова: вотъ почему и сочинены эти стихи. Есть мѣста, которыя указываютъ даже на конечное паденіе чжоу'ской династіи. Во всякомъ случаѣ, что даже и пѣсни не могли быть составлены при началѣ династіи Чжоу—доказательствомъ тому служитъ упоминаніе о рѣкахъ: Хань и особенно Цзянь. Распространеніе въ этихъ мѣстностяхъ китайскаго владычества началось именно съ перваго паденія династіи Чжоу при Юванѣ (780—770). Тѣмъ болѣе въ одахъ, кромѣ этихъ рѣкъ, упоминается уже о походахъ на р. Гуай и заложеніи тамъ городовъ.

Дѣло въ томъ, что до насъ дошелъ «Ши-цзинъ» изъ рукъ нѣкоего Мао-Чэня, толковавшаго его при династіи Хань. Китайцы знаютъ, что прежде его были еще двѣ школы, преподававшія «Ши-цзинъ»:—лу'ская и ханьская *), но онѣ пали съ появленіемъ Мао-чэня, какъ лучшаго преподавателя и истолкователя, такъ что отъ тѣхъ школъ не дошло до насъ ничего, кромѣ предисловія ханьской школы. Китайцы предполагаютъ, что «Ши-цзинъ» былъ, у тѣхъ и другихъ, одинъ и тотъ же, а что разница вышла изъ за-толкованія. Первыя школы, говорятъ они, объясняли весь текстъ стиховъ въ примѣненіи къ эпохѣ Чунь-цю, а Мао-чэнь многіе относитъ ко времени по крайней мѣрѣ Чжоу-Гуна. Уже это упоминаніе для насъ очень важно, какъ свидѣтельство о болѣе позднемъ возвеличеніи древности и подстройкѣ ея придуманіемъ историческихъ фактовъ, чему могло помочь и натянутое толкованіе «Ши-цзина». Но, кромѣ того, почему предполагать непремѣнно, что самый текстъ «Ши-цзина» не подвергся измѣненіямъ, вставкамъ, передѣлкамъ, упущеніямъ? Не даромъ же дано ему просто

*) Замѣчательно, что одинъ изъ нихъ называетъ себя Мэнъ-цзы. — Разумѣется, комментаторы никакъ не предполагаютъ, что тутъ разумѣется извѣстный философъ; да и мы не предполагаемъ, потому что извѣстное сочиненіе, о которомъ мы будемъ говорить ниже, должно скорѣе принимать въ нарицательномъ смыслѣ (строгій философъ, въ pendant Чжуанъ цзы—крѣпкій философъ), да и здѣсь можетъ быть тоже. Но названіе сочиненія Менъ-цзы могло явиться именно какъ повтореніе здѣсь употребленнаго. Нечего слишкомъ полагаться на китайскую внимательность; составители не задумываясь дѣлали анахронизмы.

**) Хань здѣсь не имя династіи Хань.

названіе Мао Ши — Стихи Мао (Чэня), такъ что нельзя бы даже отвергнуть и догадки, не были ли нѣкоторые стихи сочинены имъ самимъ. Вѣдь если дать вѣру словамъ китайцевъ, что и «Ши-цзинъ» подвергся наравнѣ съ другими книгами сожженію, то нѣтъ ничего нелѣпѣе увѣренія ихъ же, что онъ не могъ погибнуть, какъ «Шу-цзинъ», потому что былъ въ изустной памяти у многихъ! И это говорятъ и этому вѣрятъ тѣ, которые до сихъ поръ затрудняются, какъ писать образовавшееся въ языкѣ, прежде писмености, новое слово! Если бъ это было такъ, то какой произволъ должны бы мы были видѣть въ гіероглифахъ новаго «Ши-цзина». А потомъ, кромѣ описокъ, сколько могло произойти искаженій словъ, мыслей, пропусковъ, если бы все это вносилось по памяти! Тогда нечего бы и задумываться надъ объясненіемъ того, отчего въ ссылкахъ встрѣчаются стихи, не помѣщенные въ настоящемъ «Ши-цзинѣ», какимъ образомъ въ него попали стихи, сочиненные только по образцу древняго сборника. Замѣтимъ, что вѣдь если Конфуцій сталъ на старости лѣтъ писать «Ши-цзинъ» (да еще и «Шу-цзинъ») и кончилъ эту работу въ два года, то зная трудность писма, да взявъ въ разсчетъ время, потребное на редакцію, этихъ лѣтъ окажется куда какъ мало на такую работу! Но для насъ достаточно припомнить, что форма писмености конфуціевой была различная отъ мао-чэневой. И какъ произошелъ этотъ переходъ изъ одной въ другую: по однимъ ли правиламъ совершенъ переводъ съ одного, можно сказать, писменаго языка на другой? На это мы не находимъ отвѣта. Мы должны упомянуть здѣсь объ обстоятельствѣ, которое для порядка должно было бы помѣстить ниже. Мы не можемъ указать ни на одинъ конфуціанскій трудъ, предшествовавшій ханьской династіи, который бы при этой династіи не подверся перередактированію. «Лунь-юй», изрѣченія Конфуція, былъ редактированъ, «Чунь-цю» получило новыя толкованія въ Цзо-Чжуань Цзо-цюмина; «Шу-цзинъ», «Ли-цзи» едва ли не цѣликомъ составлены при этой династіи. Почему же остался неприкосновеннымъ одинъ «Ши-цзинъ». При ханьской династіи конфуціанство, какъ мы скажемъ ниже, изъ демократическаго и революціоннаго ученія превратилось въ эластичное и податливое для того, чтобъ взять правительство въ руки. Почему же «Ши-цзинъ» одинъ могъ остаться неприкосновеннымъ! Почему не съ привѣтомъ встрѣтили текстъ, который предоставлялъ столько простора для деспотическаго повидимому монарха, а на дѣлѣ для конфуціанскаго правленія! Толкованія Мао-гэня, льстя народному самолюбію, требовавшему подтвержденія о древности своего происхожденія, поддерживали конфуціанство, которое оперлось теперь не на простого учителя писму, а какъ на продолжателя древнихъ святыхъ, между которыми въ «Ши-цзинѣ» фи-

гурируетъ Вэнь-Ванъ и У-ванъ безъ всякаго упоминанія о Чжоу-Гунѣ, родоначальникѣ лу'скихъ князей, который поэтому былъ превознесенъ послѣдователями Конфуція, подданнаго этихъ князей. Между тѣмъ, какъ мы уже упомянули, прежнія двѣ школы, толковавшія «Ши-цзинъ», относили всѣ его статьи къ временамъ Чунь-цю.

Но даже и безъ переработки «Ши-цзина» въ новой редакціи, мы, какъ уже упомянули выше, видимъ неодновременное появленіе его стиховъ. И если допустить, что Конфуцій нашелъ изъ нихъ не только готовыми, но и въ писменомъ видѣ, какіе нибудь въ столицѣ Чжоу, такъ это, конечно, только гимны этой династіи. Ихъ хотя и тридцать одинъ, но это по большей части акростихи, напоминающіе краткій перечень «Чунь-цю», по слогу и по мысли самые темные. Толкователи съ убѣжденіемъ увѣряютъ, что они были всѣ сочинены Чжоу-Гуномъ, не смотря на то, что тутъ не разъ упоминаются Чэнъ-ванъ и Канъ-ванъ, которые такъ могли быть названы только послѣ своей смерти, потому что это посмертные титулы, и притомъ въ этихъ гимнахъ не разъ упоминается: не теперь только такъ, съиздревле такъ, а гимны не знаютъ никого древнѣе Вэнь-вана. Толкователи говорятъ, что гимны распѣвались, разумѣется съ музыкой, въ храмахъ предковъ, при жертвоприношеніяхъ, даже будто одинъ гимнъ назначенъ былъ распѣваться при уборкѣ жертвенныхъ сосудовъ. Но все-таки, хотя бы нѣкоторые стихи дѣйствительно содержали молитвы и жертвоприношенія предкамъ, другіе могутъ быть подведены подъ эту категорію съ натяжкой; есть почти половина такихъ, которые вовсе не относятся къ жертвамъ. Это скорѣе прокламаціи, или гимны въ честь земледѣлія, наконецъ, какіе то акростихи, какъ будто написанные подъ картинками (нынѣ это то и дѣло практикуется въ виньеткахъ романовъ). Непонятно, напримѣръ, воспѣваніе горы *Чжи*, на которую Тай-ванъ будто бы еще началъ проводить дорогу, а Вэнь-ванъ окончилъ. Какъ удостоилось чести воспоминаніе о такомъ фактѣ?

Китайцы, не подозрѣвая даже возможности неодновременнаго появленія разныхъ стиховъ «Ши-цзина», согласны однакожъ хоть въ томъ, что едвали расположеніе гимновъ не произвольное, что теперь оно спутано. Такимъ образомъ выходитъ, что если и чжоускіе гимны сочинены или написаны были незадолго до Конфуція, то тѣмъ болѣе о лу'скихъ и шанскихъ есть прямое указаніе, что первые были сочинены послѣ Си-гуна, а вторые при Сянъ-гунѣ, князѣ удѣла Сунъ, который будто бы отведенъ былъ Чжоу-Гуномъ, потомкомъ Шанской династіи для того, чтобы не прекращались жертвы этой династіи *). Между

*) Что-то очень мудрено и по-конфуціански. Удѣлъ Сунъ одно время стоялъ во главѣ китайскихъ князей; въ немъ тогда могло проявиться желаніе доказать свои законныя права не суверенство, и потому онъ старался выдѣляться изъ кружка прочихъ кня-

тѣмъ эти послѣдніе гимны тоже темны, какъ и чжоускіе. Но спрашивается: какимъ образомъ Конфуцій могъ найти всего только четыре гимна въ своей родинѣ, удѣлѣ Лу—если до него такъ была распространена уже поэзія и писменость? Да и гимны-то это какіе! Два о лошадяхъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ просто перечень лошадиныхъ названій по мастямъ и примѣтамъ—какъ будто не гимнъ, а словарь; одинъ гимнъ—восхваленіе заслугъ Лу'скаго Гуна, покорившаго хуайскихъ варваровъ, на что претендуютъ, какъ выше сказано, и оды, но уже приписываютъ это покореніе войскамъ чжоускаго императора. Сунъ слѣдовало бы отнести къ пѣснямъ, такъ какъ только царствующій домъ долженъ имѣть право на особый отдѣлъ. Они объясняютъ такое размѣщеніе только тѣмъ, что Лу, какъ удѣлъ Чжоу-Гуна, пользовался особыми привилегіями передъ прочими удѣлами *): сунскіе князья будто бы не считались даже подданными, а гостями императора, когда являлись къ нему для представленія. Но всякому, просмотрѣвшему «Ши-цзинъ», ясно покажется, что гимны должны стоять во главѣ его, потому что даже самый первый сборникъ пѣсенъ, расположенныхъ по царствамъ, озаглавленъ словами Чжоу-нань, т.-е. (пѣсни) на югъ отъ Чжоу. Не можетъ также не броситься въ глаза, что названія прочихъ пѣсенъ также умышленны. Нѣкоторые изъ нихъ называются по именамъ небывалыхъ царствъ, для которыхъ надобно было комментатору, дѣлавшему заглавіе, тутъ же, можетъ быть, сочинять небывалую исторію.

Во всякомъ случаѣ мы должны допустить, что въ объясненіяхъ смысла и словъ «Ши-цзина» былъ нѣкоторый перерывъ, происходившій или оттого, что въ началѣ объясненія производились словесно подъ руководствомъ учителя, безъ котораго ученикъ не можетъ учиться одинъ и нынѣ **), или прежнія толкованія давали совсѣмъ

зей, считавшихъ себя родственниками Чжоу. Мы имѣемъ же указаніе, что князья удѣла Чу не хотѣли признавать себя обязанными подчиняться общимъ сеймовымъ постановленіямъ, которыя дѣлались, хоть по наружности, съ соизволенія дома Чжоу.

*) Вѣроятнѣе всего, что такое предпочтеніе составилось благодаря поклонникамъ Конфуція, которые слѣдовательно большею частью приходили тоже изъ Лу, а другое изъ уваженія къ его родинѣ. Вѣдь и „Чунь-цю" считается лѣтописью удѣла Лу.

**) Пока порядочно не изучатъ классическія книги, ученики весь день проводятъ въ школѣ, повторяя чтеніе со словъ учителя и запоминая ихъ смыслъ. Вѣдь китайской писмености нельзя учиться, какъ у насъ, запомнивъ алфавитъ. Какъ, напримѣръ, китайскій ученикъ припомнитъ, придя домой, чтеніе и значеніе гіероглифа, сказанное учителемъ; народамъ, пользующимся алфавитомъ, легче учиться китайскому языку (только ужъ очень лѣниво учатся), чѣмъ самимъ китайцамъ. Нашъ учащійся можетъ записать на своемъ алфавитѣ, какъ читается слово и что оно значитъ, и, придя домой, повторять и заучивать. Китаецъ же какъ запишетъ чтеніе и значеніе, какъ пойметъ опредѣленіе гіероглифа въ лексиконѣ? Вѣдь для этого надобно достаточно научиться китайскому языку, чтобъ подписать и чтеніе и значеніе гіероглифамъ.

другой смыслъ, не понравившійся Мао-Чэню [1]). Но положимъ, что отъ этого произошли различные взгляды и толкованія словъ, часто противоположные; но какимъ образомъ могло произойти различіе въ толкованіяхъ на невинные для тенденціознаго смысла предметы естественной исторіи, въ которыхъ расходятся не разъ комментаторы? Положимъ, что въ каждой мѣстности существовало различіе въ названіяхъ растеній, деревъ, хлѣбовъ или птицъ; положимъ, что, какъ объясняютъ, эти названія часто измѣнялись [2]); но если бы въ толкованіяхъ не было перерыва, то какимъ образомъ могло бы произойти противорѣчіе? Потомъ, въ «Ши-цзинѣ» встрѣчаются нерѣдко цѣлыя выраженія, которыхъ толкователи сами сознаютъ, что не знаютъ какъ объяснить ихъ [3]).

Благоговѣющіе передъ китайской эрудиціей, увѣренные, что кромѣ китайскихъ толкованій, ничего не остается обдумывать, конечно, съ изумленіемъ встрѣтятъ нашу смѣлую попытку разсматривать по своему «Ши-цзинъ».—Мы думаемъ, что здравый смыслъ нигдѣ не мѣшаетъ; но, кромѣ того, мы сошлемся въ этомъ случаѣ на самихъ китайскихъ комментаторовъ. Вмѣстѣ съ Ши-цзиномъ Мао-чэня, появился какъ конспектъ его, краткій обзоръ (Сюй) [4]) въ стихахъ съ обозначеніемъ, о комъ или о чемъ говорится въ каждомъ стихотвореніи (пѣснѣ, одѣ, гимнѣ). Чего же, казалось бы, лучше? Тутъ единственно, что оставалось бы, такъ развѣ развивать мысль Сюя по данному масштабу, какъ и дѣлали прежніе толкователи. И чтоже? Въ 13 вѣкѣ нашей эры вдругъ явился ученый, который нашелъ, что такое повидимому точное опредѣленіе ни изъ чего не слѣдуетъ, что въ извѣстномъ стихотвореніи нѣтъ никакого намека на историческое происшествіе, а Сюй даетъ ему историческое толкованіе. Однакожъ Чжу-цзы (да и другіе до него), позволившій себѣ такое дерзкое поползновеніе на святость древнихъ толкованій, не могъ стряхнуть съ себя вполнѣ предразсудковъ старины: ему все мерещился еще Чжоу-Гунъ съ которымъ послѣ и самого его сопоставили. Ему казалось многое несомнѣннымъ, что при-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, самая первая пѣснь въ Чжоу-нань, по замѣчанію, сохранившемуся въ предисловіи къ ханьскому толкованію, выражаетъ насмѣшку надъ дѣвицей, не выходящей замужъ; по принятію же Мао-Чэня и за нимъ безъ исключенія всѣхъ, тутъ воспѣвается жена Вянь-вана!

[2]) Такъ что даже тѣ названія, которыми объяснялись эти слова современными комментаторами ханьскихъ и болѣе позднихъ временъ, послѣ опять пришлось передавать болѣе новыми.

[3]) Нѣкоторыя фразы, впрочемъ, не хотятъ объяснить, именно *объяснить*, потому что такое объясненіе противорѣчило бы данной тенденціи.

[4]) На счетъ происхожденія этого Сюя много спорятъ, нѣкоторые даже приписываютъ его Цзы-ся, ученику Конфуція. Понятно изъ сказаннаго нами, что мы уже всего менѣе можемъ согласиться съ такой древностью.

ГІЕРАТИЧЕСКОЕ ПИСМО ДРЕВНИХЪ ЕГИПТЯНЪ.

(Объясненіе и транскрипцію см на оборотѣ.)

На оборотѣ приведены первыя десять строкъ изъ Эберсова папируса, писаннаго за 1550 лѣтъ до Р. Х. Заглавіе (начало 1-й строки) и начало новаго предложенія въ 4-й строкѣ написаны въ оригиналѣ красными чернилами. Переводъ начала помѣщенъ въ четвертой главѣ нашего очерка исторіи египетской литературы (стр. 224). Строки читаются отъ правой руки къ лѣвой.

ТРАНСКРИПЦІЯ.

1-я строка:	*Хá*	*см ре*	*сн*	*уах*		*ререт*	*херáт*
	Начало	книги	о	приготовленія		лекарствъ	и т. д.
	небт	ент	сс.	нерна	ем	Анну	Хенá
	серу	ну					
2-я строка:	Хат	áт	небу	мáкет		хаку	хех
	и т. д.						

ГІЕРОГЛИФИЧЕСКОЕ ПИСМО ДРЕВНИХЪ ЕГИПТЯНЪ.

Строки 10-я 9 я 8-я 7-я 6-я 5-я 4-я 3-я 2-я 1-я.

(Объясненіе и транскрипцію см. на оборотѣ.)

Предложенныя строки заимствованы изъ XV главы большой туринской «Книги мертвыхъ», положенной въ гробницу Ауфâнха, Сетхемова сына. Онѣ писаны за 600 лѣтъ до Р. Х. По рукописи ясно, что въ строкахъ 1-й и 6-й сверху имя покойнаго вписано позже. Строки слѣдуютъ отъ правой руки къ лѣвой, а отдѣльные гіероглифическіе знаки читаются сверху внизъ.

ТРАНСКРИПЦІЯ.

1-я строка:	*Осаръ*	*Ауфâнх*	*маâ*	*херу*	*цетеф*	*ем*	*с-уаш*
	Озирисъ	Ауфанхъ,	изрекающій	правду,	говоритъ	въ	обожаніи
	неб	*хех*	*а*	*нец*	*герек*	*Рâ*	*Гаремхути*
	Господа	вѣчности:	О,	благо	тебѣ	Ра	Гаремхути
	Хепера	*хепу*	*цесеф*		*Нофруи*	*убенек*	
	Хепера *),	творящій	самого себя!		Прекрасенъ	твой восходъ	
		ем	*хут*		*сехец*		
		на	горизонтѣ, (когда)		ты освѣщаешь		
Верхняя половина 2-й строки:	*тауи*	*ем*	*сатiук*	*неферу*	*небу*	*ем*	*хââ*
	обѣ земли **)	твоими	лучами.	Всѣ	боги	въ	радости,
	мââ сен	*сутен*	*ен пет*	*небт*	*уннут*	*мент*	*ем*
	когда они видятъ	царя	неба;	владычица	часа ***)	прикрѣплена	къ
			апек				
			головѣ твоей.				

Въ четвертой строкѣ читаемъ: «Я пришелъ къ тебѣ, я съ тобою, чтобы видѣть новый солнечный дискъ каждый день; ничто меня не удерживаетъ, ничто мнѣ не препятствуетъ. Члены мои молодѣютъ, созерцая твою красоту», и т. д.

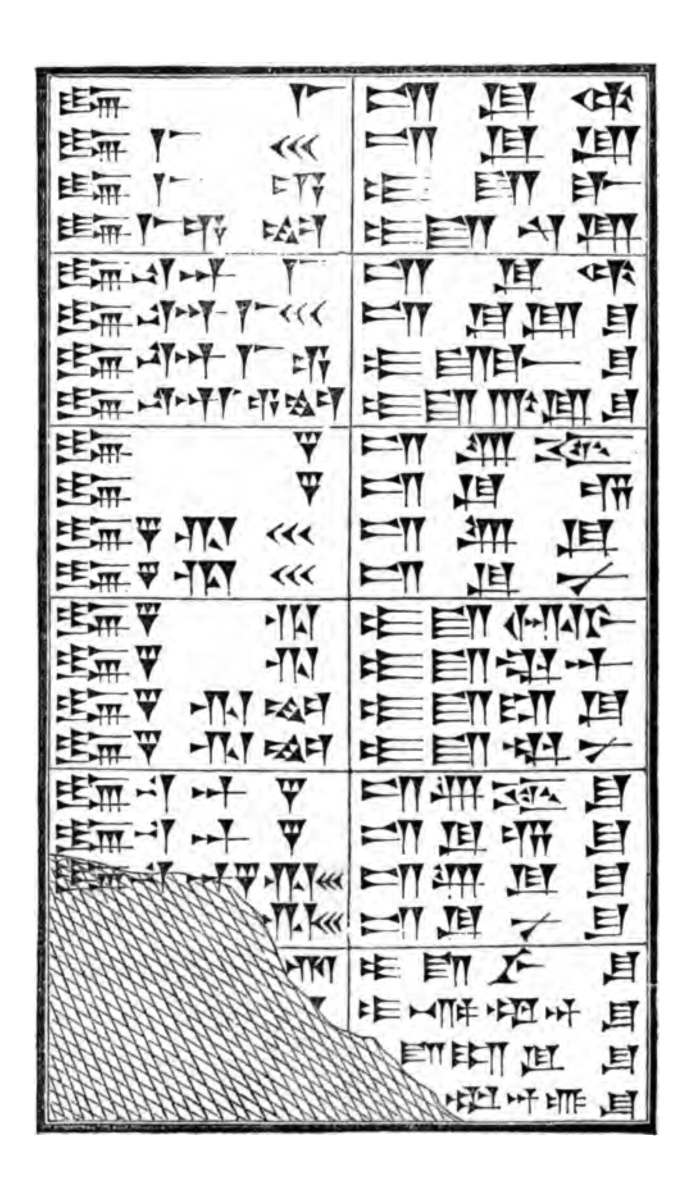
---

*) Имя бога солнца.

**) Т.-е. Верхній и Нижній Египетъ.

***) Прозваніе богини Тефнутъ, означающей солнечный дискъ. Символомъ ея была змѣя Уреусъ, помѣщавшаяся во всѣхъ изображеніяхъ царской короны и солнечнаго диска.

АССИРІЙСКО-ВАВИЛОНСКОЕ КЛИНООБРАЗНОЕ ПИСМО.

(Объясненіе и транскрипцію см. на оборотѣ.)

Предложенный отрывокъ снятъ съ глиняной дощечки, писанной около 650 г. до Р. Х. и хранившейся въ библіотекѣ Ассурбанипала. Она содержитъ образцы сумерійскаго и ассирійскаго глагола. Строки читаются отъ лѣвой руки къ правой. На лѣвой сторонѣ стоитъ сумерійская, на правой ассирійская форма.

ТРАНСКРИПЦІЯ.

Сумерійская форма.	*Ассирійская форма.*	*Переводъ.*
1. инлал	ишкул	онъ вѣситъ
2. инлалиш	ишкулу	они вѣсятъ
3 инлале	ишакал	онъ вѣситъ тщательно
4. инлалебил	ишаклу	они вѣсятъ тщательно
5. иннанлал	ишкул[шу] *)	онъ вѣситъ его
6. иннанлалиш	ишкулушу	они вѣсятъ его
7. иннанлале	ишакалшу	онъ вѣситъ его тщательно
8. иннанлалебил	ишакалушу	они вѣсятъ его тщательно
9. инша	ишрук	онъ исполняетъ
10. инша **)	ишкун	онъ дѣлаетъ
11. иншарибил	ишруку	они исполняютъ
12. иншарибил	ишкуну	они дѣлаютъ и т. д.

---

*) По спискѣ пропущенъ слогъ *шу*.

**) *Сумерійскій* глаголъ имѣетъ двоякое значеніе.

знавали всѣ. Могла ли ему придти въ голову даже мысль, что до Конфуція было еще такъ мало памятниковъ? Кто изъ китайцевъ съумѣлъ справиться съ своимъ языкомъ филологически?—Но намъ-то зачѣмъ же непремѣнно увлекаться и щадить китайскую тупость? Намъ кажется, что для насъ необязательны никакія толкованія, которыя могутъ скорѣе всего сбить съ толку; мы обязаны имѣть больше всего въ виду самый текстъ, стараться подойти къ нему какъ можно ближе и тогда уже принимать въ разсчетъ толкованія. Въ этомъ случаѣ оправданіемъ для насъ можетъ служить даже предисловіе къ маньчжурскому переводу, составленному подъ эгидой правительства, съ участіемъ, конечно, самыхъ лучшихъ ученыхъ китайцевъ. Оно говоритъ: толкованія на «Ши-цзинъ» такъ различны, что мы предпочитаемъ представить только переводъ текста. Конечно, для насъ голый переводъ сдѣлать гораздо труднѣе, чѣмъ маньчжурамъ; они могли смѣло ковать новыя слова въ pendant къ китайскимъ, потому что на классическихъ китайскихъ книгахъ они развили и создали свой языкъ, чуждый китайской полнотѣ и утонченности *); мы не имѣемъ такой свободы. Но—главное—маньчжуры, взявшись передать голый текстъ, при переводѣ сомнительныхъ мѣстъ все-таки слѣпо слѣдовали общепринятымъ китайскимъ толкованіямъ, и потому имъ легко было переводить; намъ же не возможно, не соглашаясь съ ними, въ тоже время обозначать съ увѣренностью смыслъ по возможности точнѣе **).

Все это говорится нами для того, чтобъ показать, какъ много предстоитъ еще работы будущимъ ученымъ даже только по вопросу объ одной книгѣ, а китайская литература такъ обширна. Мы говоримъ это

*) Мы, напримѣръ, встрѣчаемъ въ маньчжурскомъ словарѣ г. Захарова множество названій вещей, животныхъ, словъ, относящихся къ быту, жизненнымъ потребностямъ, обрядамъ, и думаемъ что, все это создалось у самихъ маньчжуровъ, а оказывается, что эти слова—переводъ китайскихъ, и встрѣчаемыя у г. Захарова объясненія внесены въ китайскіе лексиконы прямо изъ тѣхъ китайскихъ толкованій, которыя присоединены къ классическимъ книгамъ на китайскомъ языкѣ. За примѣромъ ходить недалеко. Мы встрѣчаемъ, напримѣръ, множество названій лошадей: казалось бы, ужъ тутъ-то должно быть чистымъ маньчжурскимъ словамъ; извѣстно, что азіатцы отличаютъ животныхъ чрезвычайно тонко, по возрасту, по масти—одного пятнышка на ногѣ или на лбу достаточно для новаго названія. И что же? всѣ описанія такихъ лошадей, встрѣчаемыя у г. Захарова, заимствованы изъ древнихъ китайскихъ толкователей по поводу упомянутаго выше луского гимна о лошадяхъ. Возможно ли ужъ по теоріи, чтобъ если это были чисто маньчжурскія слова, они какъ разъ подходили къ китайскимъ описаніямъ, хотя бы это и служило подтвержденіемъ нашего замѣчанія о вліяни китайскаго языка на средне-азіатскіе.

**) Это должно составить, по нашему мнѣнію, предметъ изысканій нашихъ будущихъ синологовъ. Мы совѣтуемъ имъ, съ одной стороны, сличить употребленіе словъ въ различныхъ текстахъ того же «Ши-цзина» и, если можно, хотя бы это совершенно измѣняло смыслъ всѣхъ стиховъ, подвести къ одному значенію. Съ другой стороны совѣтуемъ имъ не обращать вниманія на начертаніе слова, а обращаться къ смыслу, къ сравненію съ другими іероглифами, читающимися одинаково или даже только родственно.

и для того, чтобъ заохотить учащихся. Другіе языки и литературы не представляютъ такихъ затрудненій; главнѣйшіе разработываются тысячелѣтіями, привлекли массу ученыхъ; чтобы на поприщѣ ихъ изученія заслужить славу дѣйствительнаго ученаго, чтобы выработать какое-нибудь незначительное, но еще неимѣвшееся въ виду замѣчаніе, нужны усиленные, чрезвычайные труды; но китайскій языкъ, какъ видите, представляетъ еще обширное неразработанное поприще, въ немъ можно оказать услугу даже, какъ говорится, и лапти плетя!

Мы нарочно остановились долго на «Ши-цзинѣ», такъ какъ, по нашему мнѣнію, отъ хорошо выясненнаго начала становится яснѣе и продолженіе, хотя бы мы его и излагали кратко. Для желающихъ представить болѣе полное изложеніе китайской литературы будетъ уже легче послѣдовать нашей методѣ. Если въ ней откроются какіе недостатки или пропуски, то все же пусть остановятся на выставленныхъ нами воззрѣніяхъ, пусть разобьютъ ихъ въ пухъ и прахъ: тѣмъ тверже будетъ почва дальнѣйшихъ изслѣдователей, и это ужъ будетъ заслуга съ нашей стороны.

Сверхъ того «Ши-цзину», какъ видятъ, мы придаемъ особенное значеніе какъ въ китайской литературѣ, такъ и въ главномъ явленіи этой литературы—конфуціанствѣ. Это основаніе всего развитія китайскаго духа, *цзинъ* по преимуществу. Мы полагаемъ, что Конфуцій, хотя бы въ лицѣ его пришлось соединить и ближайшихъ къ нему учениковъ, передалъ имъ, кромѣ искусства писать, только двѣ книги: «Ши-цзинъ» и историческую «Чунь-цю», хотя бы послѣдняя и была старше по времени.

«Чунь-цю» (242 гг.) была будто бы написана на дощечкахъ въ 2 ф. 4 д., на каждой по 8 гіероглифовъ, заключала по однимъ нѣсколько десятковъ тысячъ, другой сосчиталъ 18,000, а при третьемъ недоставало и изъ этого 1400 слоговыхъ буквъ. О времени составленія этой книги тоже разногласіе. Конфуцій будто бы написалъ ее въ 9 мѣсяцевъ (больше 60 словъ въ сутки). Что толкователи приписываютъ Чунь-цю награду и осужденіе—это отвергаютъ многіе. Одни утверждаютъ, что онъ сочинилъ, другіе обсуждаютъ еще вопросъ, какъ онъ смѣлъ взяться за исторію, не будучи историкомъ, судить о царскихъ дѣлахъ! Вотъ какіе пустые вопросы занимаютъ китайскихъ ученыхъ. Между тѣмъ, гораздо важнѣе вопросъ, почему онъ начинаетъ съ Инь-Гуна. Если онъ имѣлъ въ виду одну только исторію Лу, то эта исторія началась не въ это время; если онъ пользовался источниками (какъ нѣкоторые насчитываютъ 120) другихъ царствъ и хотѣлъ представить исторію всего Китая, ему надобно было бы начать хотя съ переселенія Чжоу на востокъ. Мы не можемъ объяснить этого иначе, какъ тѣмъ, что только съ этого года онъ нашелъ писменые документы. Если онъ пользо-

вался этими документами только въ царствѣ Лу, то можно предположить, что запись происшествій хотя и началась въ царствѣ Лу только съ этого времени, но въ другихъ мѣстахъ она извѣстна была ранѣе. Удѣлъ Лу былъ сравнительно крайній восточный, слѣдовательно, писменость могла проникнуть въ него изъ столицы позже, чѣмъ въ другіе удѣлы. Можно предположить, что Конфуцій не нашелъ въ столицѣ Чжоу многочисленныхъ памятниковъ, потому что когда династія Чжоу бѣжала съ запада отъ разгрома Жуновъ, ей было не до того, чтобъ везти съ собой писменые документы; а на востокѣ она ослабѣла такъ, что ей тоже было не до литературы. Но Конфуцію въ «Лунь-юѣ» прямо приписывается замѣчаніе, что ни въ Сунѣ, ни въ Ци—удѣлахъ, почитавшихся преемниками двухъ предшествовавшихъ династій Ся и Шанъ, онъ не нашелъ нужныхъ документовъ; а эти удѣлы не подвергались разгрому непріятельскому. Если бы писменость существовала, не говоримъ уже при этихъ династіяхъ (которыхъ и подлинности мы не признаемъ), но хоть при У-ванѣ, основателѣ династіи Чжоу, который будто бы наградилъ потомковъ прежнихъ династій удѣлами, то какъ бы она не дошла до нихъ? Значитъ, и въ другихъ удѣлахъ писменыхъ памятниковъ было не болѣе (если не менѣе), чѣмъ въ Лу. Но едва-ли Конфуцій удовольствовался только лѣтописными замѣтками Лу; вѣдь если онъ дѣйствительно странствовалъ, какъ передаетъ исторія, то не могъ же онъ, хотя бы въ то время не думалъ еще сдѣлаться учителемъ писмености, оставить безъ вниманія способы и сюжеты существовавшихъ въ другихъ удѣлахъ памятниковъ: иначе какъ бы ему пришла охота сдѣлаться только переписчикомъ существовавшей до него лѣтописи? Сами китайцы предполагаютъ, что онъ въ эту лѣтопись могъ внести кое-что изъ найденныхъ имъ извѣстій въ другихъ удѣлахъ, думаютъ, что даже слова, которымъ теперь придаютъ нравственный смыслъ (околѣлъ, умеръ, скончался;—убѣжалъ, ушелъ и т. д.), были собственно не что иное, какъ варіанты нарѣчій, значившіе одно и тоже. Затѣмъ еще вопросы: просто-ли переписывалъ Конфуцій найденныя имъ замѣтки, или онъ исправлялъ гіероглифы, подводилъ ихъ къ единству—другими словами, въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ, въ которыя велась лѣтопись, оставались ли все тѣже гіероглифы, такъ ли совершенна была съ самаго начала веденія лѣтописи писменость, или Конфуцій передѣлывалъ старые гіероглифы, давалъ имъ единообразный видъ? Тутъ опять является еще новый вопросъ. Можетъ быть, подведеніе подъ одну форму гіероглифовъ совершалось до него, — вѣдь ни въ какомъ случаѣ также нельзя допустить, что до насъ дошла лѣтопись въ гіероглифахъ, которыми она писалась въ тотъ годъ, къ которому относится записан-

ное событіе. Такъ, по восшествіи на престолъ лу'скихъ князей, они называются уже не по имени, а по посмертному имени, слѣдовательно, Конфуцій-ли или кто-нибудь до него да измѣнялъ же слова лѣтописи. Но въ такомъ случаѣ, неужели Конфуцій былъ въ самомъ дѣлѣ только переписчикомъ?

Однакожъ заданные вопросы заставляютъ насъ снова обратиться къ первымъ временамъ изобрѣтенія писмености. Документы хотя и очень темные, но найденные Конфуціемъ въ столицѣ Чжоу, помѣщенные въ «Ши-цзинѣ» подъ именемъ чжоускихъ гимновъ, написанные самымъ темнымъ языкомъ, слѣдовательно, пожалуй древнѣе «Чунь-цю», свидѣтельствуютъ, что писменость изобрѣтена была дѣйствительно еще въ западной Чжоу. Можетъ быть, тамъ было ею воспроизведено многое, но по истребленіи столицы не сохранилось памяти объ этихъ документахъ, и до насъ только и могли дойти преданія, хотя бы искаженныя, переиначенныя на разные лады, о древнихъ временахъ. Если бы существовали дѣйствительные писменые памятники, то могли ли бы они быть цѣльнорѣчнѣе лѣтописи «Чунь-цю»? Но преданія («Шу-цзинъ»), записанныя уже гораздо позднѣе, конечно, могли сдѣлаться словообильнѣе.

Когда говорятъ о другихъ сочиненіяхъ Конфуція, то любятъ обыкновенно прибавлять, что у него подъ рукой было множество матеріаловъ, изъ которыхъ онъ дѣлалъ сокращеніе. Но первыя свѣдѣнія о «Чунь-цю» вовсе не упоминаютъ о такомъ обиліи; между тѣмъ «Шу-цзинъ» и «Ши-цзинъ» касаются болѣе отдаленныхъ временъ; слѣдовательно, ко времени «Чунь-цю» относилось бы еще болѣе памятниковъ. Кажется, чтобъ замаскировать этотъ недостатокъ, конфуціанцы, спохватившись, и вложили въ уста Мэнъ-цзы, что кромѣ «Чунь-цю», были еще и другія исторіи: въ удѣлѣ Цзинь—Чэнъ, а въ удѣлѣ Чу—Даоу; другіе, встрѣтивъ въ «Чунь-цю» упоминаніе о 120 удѣлахъ, стали намекать, что и исторій было столько же. Прибѣгли къ поздней легендѣ о нѣкоемъ Хань Сюань-цзы, что онъ еще до Конфуція, по прибытіи въ Лу, увидѣвъ «Чунь-цю», воскликнулъ: Теперь я понимаю величіе дома Чжоу! Но всѣ эти предположенія сами собой падаютъ отъ сличенія съ другими разсказами. Если бы существовали другіе памятники, и писменость была распространеннѣе, то «Чунь-цю» не къ чему бы было придавать большое значеніе. Но какъ скоро это былъ единственный памятникъ, то, разумѣется, имъ дорожили, какъ руководствомъ къ писму и какъ драгоцѣннымъ матеріаломъ, сохранившимъ 242-лѣтнюю исторію Китая. Отрывочныя свѣдѣнія «Чунь-цю» возбуждали, какъ по всему видно, различныя толкованія, для объясненія ихъ слагали факты, можетъ быть даже выдуманные или противорѣчивые. Однимъ словомъ, «Чунь-цю» дала не только толчокъ къ раз-

работкѣ упоминаемыхъ въ ней фактовъ, но и породила вопросъ о прошлыхъ временахъ. Вопросъ этотъ теперь уже касался не одной школы, а всей китайской націи, потому что писменость съ легкой руки Конфуція могла распространиться и не между одними его учениками, которыхъ еще нельзя назвать послѣдователями, такъ какъ конфуціянцы выдѣлились только тогда, когда стали толкователями содержащагося въ переданныхъ Конфуціемъ книгахъ съ извѣстной точки зрѣнія. Конфуціанцы могли гордиться, что они дали исторію своимъ соотечественникамъ, но вѣдь въ исторіи дѣйствовали не они, а участвовала вся нація—исторію не сочиняютъ, потому и явились разсказы, что при каждомъ дворѣ были историки (въ Чжоу во время Конфуція Лао-цзы, въ Лу будто бы Цзо-цю-минъ). Конфуціанцы взяли на себя только придавать фактамъ извѣстное направленіе; явившись первыми учителями народа, они въ немногочисленныхъ фактахъ, которыхъ не могли умножить, или въ легендахъ, которыя составлены были не ими (о Шунѣ говорится у Мэнъ-цзы прямо, что легенды о немъ сложились въ удѣлѣ Ци, и составителей ихъ онъ называетъ дикарями), толковали ихъ внутренній смыслъ, т.-е. образовательный, основанный на правилахъ нравственности и вѣжливости (церемоній). Вотъ въ чемъ состояло главное выдѣленіе конфуціанства, переходъ его въ школу. Дѣйствительно, первыми толкователями на книгу «Чунь-цю» являются такъ-называемые Гунъ-янъ и Гулянъ, и они имѣли въ виду только одно объясненіе смысла нравственнаго, строго придерживаясь текста Чунь-цю; не то встрѣчаемъ мы уже въ Цзо-Чжуани; въ это толкованіе вошли придѣлки годовъ (по циклическимъ знакамъ) и мѣсяцевъ, вставки событій, мнѣнія Цзы-Чаня, Янь-цзы и другихъ философовъ, разсуждавшихъ, какъ выражаются сами китайцы, вдоль и поперегъ (Цзунъ Хэнъ-цзя), гадательныя (бу) и предвѣщательныя (чжань) книги, сказки (сяо-шо), сатиры и проч. Хотя всему этому и придаютъ однакожъ конфуціанскій колоритъ, но эта смѣсь доказываетъ только послѣдующее расширеніе конфуціанства, которое по необходимости, чтобъ не казаться одностороннимъ и монотоннымъ, должно было усвоить себѣ то, что вырабатывалось на сторонѣ. И о толкованіи Цзо-чжуань конфуціанцы того мнѣнія, что нигдѣ не собрано столько и въ такой полнотѣ фактовъ и объясненій, какъ въ этой книгѣ, но что многіе факты, быть можетъ, придуманы. — Если это ужъ говорится о временахъ «Чунь-цю», то какъ же должны мы смотрѣть на болѣе отдаленную древность?

Обращаясь снова къ главному вопросу—о трудности писма, распространеннаго Конфуціемъ, и о ничтожности поэтому литературныхъ работъ до усовершенствованія, послѣдовавшаго при Цинь-ши-хуанди, мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ поразительнымъ фактомъ.

Въ томъ, что «Чунь-цю» вышла изъ рукъ Конфуція, что она вмѣстѣ съ «Ши-Цзиномъ» преподавалась его учениками, кажется, сомнѣваться нечего. Между тѣмъ никто ни разу не заподозрѣлъ, чтобы два толкованія «Гунъ-Янъ» и «Гулянъ» были написаны ранѣе времени ханьской династіи. Хотя какъ то, такъ и другое выдается за получившее начало еще при Цзы-ся, но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ увѣреніе, что эти толкованія передавались изъ рода въ родъ устно. Точно также хотя и говорится, что «Ши-цзинъ» появился при династіи Хань въ трехъ толкованіяхъ, но о томъ, что эти толкованія были записаны прежде ханьской династіи, тоже нѣтъ вѣрныхъ указаній. Другія конфуціанскія сочиненія, какъ «Ли-цзи» или «Сяо-цзинъ», равно какъ и «Лунь-юй», получили окончательную редакцію тоже при Ханьской династіи. Равнымъ образомъ и неконфуціанскія сочиненія, тоже претендующія на древность при самой довѣрчивой даже китайской критикѣ хотя бы и получили начало до династіи Цинь, все-таки не освобождены отъ вставокъ и передѣлокъ въ болѣе позднее время. Все это мы приписываемъ механической трудности писма. Для учащихся довольно было изучать и Чунь-цю съ Ши-цзиномъ; ихъ надобно было объяснять, но именно по трудности писма, объясненія приводились изустно, чтò было достаточно: китайскій школьникъ и нынѣ не можетъ учиться одинъ, а весь процессъ ученія происходитъ подъ руководствомъ и наблюденіемъ учителя. Очень понятно, что при такомъ устномъ объясненіи, учителя, разошедшіеся въ разныя стороны, не могли преподавать однообразно; начавшееся развитіе мысли, поднимавшіеся вопросы и задачи побудили къ удовлетворенію современныхъ требованій; такимъ образомъ составились различныя школы—и кто поручится намъ, что когда ханьскіе ученые, воспользовавшись усовершенствованіемъ писма, стали давать писменый видъ этимъ толкованіямъ, они сохранили вполнѣ хотя бы даже воззрѣнія тѣхъ школъ, которыхъ они явились представителями? Не должны ли были они сообразоваться съ требованіями новыхъ порядковъ? И если правительство допускало ученыхъ занимать первыя мѣста въ государствѣ, то могли ли они сохранять такія мнѣнія, за которыя подвергались гоненію при Цинь или Хуанди? Ошибочно предполагать, что ханьская династія такъ вотъ и раскрыла настежъ двери всѣмъ ученіямъ. Вѣдь хотя она и допускала клеветать на смѣненную ею династію, но въ сущности она не могла не подражать ей во всемъ, чтò содѣйствовало къ объединенію государства, къ удаленію опасныхъ для единодержавія воззрѣній. Такимъ образомъ, если она и поддѣлывалась къ конфуціанцамъ, то и послѣдніе должны были къ ней поддѣлываться. Если и дѣйствительно Цинь-ши-хуанди велѣлъ сжечь несогласныя съ

правительственными воззрѣніями книги, то вѣдь это случилось въ 213 году до Р. Х., а четыре года спустя по смерти Цинь-ши-хуанди, началось уже возстаніе, охватившее весь Китай; бунтовщикамъ было не до того, чтобъ продолжать гоненіе. Какимъ же образомъ въ такое короткое время могло быть забыто все, что выработало конфуціанство въ теченіе болѣе 250 лѣтъ по смерти (478 г.) Конфуція? Малдуань-линь, приводя весь указъ Цинь-ши-хуанди о сожженіи книгъ, замѣчаетъ, по поводу освобожденія этимъ указомъ отъ преслѣдованія книгъ медицинскаго, фармакологическаго, сельско-хозяйственнаго и гадательнаго содержанія, что эти книги тоже не уцѣлѣли; слѣдовательно, была другая причина, и мы полагаемъ что эта причина заключалась, съ одной стороны, въ небольшомъ объемѣ литературы, съ другой—въ ея несовершенствѣ, какъ внутреннемъ, такъ и наружномъ. Притомъ, можетъ быть, сожигались большею частью книги, написанныя при самомъ Цинь-ши-хуанди—вѣдь главной ссылкой на причины преслѣдованія было единодержавіе, которому не сочувствовали интеллигентные люди, а оно вѣдь и установилось-то всего съ Цинь-ши-хуанди, при которомъ введено и усовершенствованіе писмености (стали не вырѣзывать, а писать лакомъ на бамбукѣ). Что касается до конфуціанства, то такимъ, какимъ оно всплыло при ханьской династіи, оно отнюдь не могло подвергаться преслѣдованіямъ Цинь-ши-хуанди. Не оно ли учитъ жертвовать своей жизнію въ защиту династіи? За что же было его преслѣдовать? Но, кромѣ того, мы имѣемъ тоже «Чунь-цю», сочиненную циньскимъ ученымъ Люй-бу-вэй'емъ, первымъ министромъ Цинь-ши-хуанди и его дѣйствительнымъ будто бы отцомъ. Въ ней нѣтъ ничего историческаго, а между тѣмъ всѣ идеи этой философской книги дышатъ почти чистымъ конфуціанствомъ, по отзыву самихъ конфуціанцевъ. Конфуціанство не могло изчезнуть при Цинь-ши-хуанди уже потому, что при его династіи была учреждена должность бо-ши, академика для изученія конфуціанскихъ книгъ, и при немъ это мѣсто занималъ Шу-сунь-тунь, имѣвшій сто учениковъ, тотъ Шу-сунь-тунь, который при началѣ ханьской династіи участвовалъ въ составленіи церемоній и обрядовъ ханьскаго двора! Въ тоже время жилъ Лу-цзя. Когда при преемникѣ Цинь-ши начались возмущенія, дворъ призвалъ болѣе 30 ученыхъ послѣдователей Конфуція, чтобъ узнать отъ нихъ о причинахъ возстанія, и они приводили въ объясненіе мѣста изъ «Чунь-цю». Откуда бы они взялись? Критически относящіеся къ этимъ фактамъ, ученые сами укоряютъ позднѣйшихъ ученыхъ, что они, не понимая цзиновъ, стали ссылаться на гоненіе. Да кромѣ «Шу-цзина», о которомъ поговоримъ ниже, мы не находимъ упоминанія, чтобъ конфуціанцы указывали хоть на какую-нибудь книгу,

утраченную въ этомъ гоненіи. Для насъ гораздо важнѣе упоминаніе, что когда настало возмущеніе, то лучшіе ученые, между которыми былъ и Кунъ-фу, потомокъ Конфуція, явились къ одному изъ бунтовщиковъ (Чэнь-шэ-вану), съ сосудами для церемоній, что когда прибылъ въ Лу основатель ханьской династіи, конфуціанцы занимались толкованіемъ церемоній и упражненіемъ въ нихъ, распѣвали и играли на инструментахъ пѣсни, такъ что они въ этомъ видѣ представляются не столько учеными, сколько жрецами какой-то религіи. Изъ обрядовъ ихъ упоминаются Да-шэ и Сянъ-инь—кажется, первоначально имѣвшіе видъ новѣйшихъ сходокъ на западѣ. Если затѣмъ мы вникнемъ въ смыслъ разсказовъ о томъ, что каждая книга имѣла своихъ толкователей и была изучаема особо, то должны заключить, что конфуціанство не составляло одного цѣлаго, а распалось на различныя отрасли, соединить которыя привелось уже ученымъ ханьской династіи. Все это наводитъ на мысль, что нынѣ это ученіе преподается сквозь призму этой династіи. Хотя полное господство этого ученія началось только съ того времени, какъ Тянъ-фынъ, сдѣланный канцлеромъ въ 135 г., отдалъ ему предпочтеніе и пригласилъ на службу конфуціанцевъ, изъ которыхъ Гунъ-сунь-хунъ, преподаватель «Чунь-цю», былъ также канцлеромъ, но, конечно, и за время, предшествовавшее этому возвеличенію, могла уже начаться писменая, ученая дѣятельность. Литература китайская—и не одна конфуціанская—нашла поборниковъ въ двухъ братьяхъ императора Ву-ди; одинъ изъ нихъ, хэцзянь'скій князь, собиралъ конфуціанскія книги, которыя и представилъ будто бы ко двору, въ количествѣ 500 главъ; другой, хуайнань'скій князь, отдалъ предпочтеніе фантастическимъ сочиненіямъ. Очень немудрено, что это ихъ меценатство было большимъ подстреканіемъ къ поддѣлкѣ или явному составленію книгъ. Такъ что когда при Чэнъ-ди (32—7 г. до Р. Х.) отправленъ былъ по имперіи депутатъ Чэнь-нунъ, для собиранія книгъ, то комитетъ, ихъ разсматривавшій, подъ предсѣдательствомъ Лю-сяна и его сына Лю-синя, имѣлъ дѣло уже съ 33,090 (по другимъ 13,269) главъ, между которыми конфуціанскія составляли 3,113 *). Но при внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что всѣ эти книги, по своей редакціи, не восходятъ далѣе ханьской династіи, большая часть сочиненій не оригинальныя, а только представляютъ комментаріи. А вѣдь съ усовершенствованія писма до составленія перваго каталога книгъ (въ 6 г. до Р. Х.) прошло уже болѣе 200 лѣтъ. Въ такой промежутокъ можно было написать и болѣе, а за такое же время до усовершенствованія мы видимъ совсѣмъ другое.

*) Memoire sur l'antiquité de l'histoire et de la civilisation chinoises, par M· Pauthier, 1868 г.

Такъ какъ по причинамъ, о которыхъ будемъ говорить ниже, мы не признаёмъ «Шу-цзина» вышедшимъ изъ рукъ Конфуція, и даже относимъ его къ концу первоначальнаго развитія конфуціанства, то оказывается, что «Чунь-цю» и «Ши-цзинъ» были двумя единственными книгами, съ которыми выступили конфуціанцы, которыя они продолжали исключительно изучать долгое время, не сочиняя сами отъ себя, можетъ быть, ничего, кромѣ подражанія первымъ стихамъ. Единственная книга, начала которой можно искать въ ближайшихъ къ Конфуцію временахъ, это «Лунь-юй», но не тотъ «Лунь-юй», который мы имѣемъ передъ собой въ настоящее время. Эта книга имѣла, точно также какъ «Ши-цзинъ» и какъ «Чунь-цю», три редакціи или толкованія къ началу династіи Хань. Замѣтьте: только эти три книги—не болѣе (еслибъ былъ «Шу-цзинъ», то навѣрно и онъ имѣлъ бы столько же), такъ что мы можемъ сказать, что ими собственно и ограничивалась первоначальная дѣятельность конфуціанства. Для многихъ это покажется страннымъ и невѣроятнымъ, но вѣдь припомнимъ, что нами сказано было о трудности древняго конфуціева писма, о замѣтномъ отъ того затрудненіи выражать свою мысль. Притомъ вѣдь большинство могло учиться по этимъ книгамъ не для того, чтобъ изучать ихъ смыслъ и глубокія будто бы идеи, а для того, чтобъ умѣть писать и съ этимъ умѣньемъ находить себѣ выгодную службу: всеже и тутъ было извѣстное образованіе, котораго не имѣли другіе. Но время, конечно, брало свое—одного умѣнья писать, а пожалуй и сочинять стихи, было недостаточно. Тогда-то принялись отыскивать глубокій смыслъ въ «Ши-цзинѣ»: онъ, народная книга, сталъ источникомъ замѣчаній на жизненныя явленія, какъ наши поговорки. Уже въ «Лунь-юй'ѣ» мы находимъ ссылки на «Ши-цзинъ», ими пересыпаны «Сяо-цзинъ» и первыя позднѣйшія попытки конфуціанцевъ, помѣщенныя въ «Ли-цзи».

«Лунь-юй» выдается за замѣтки или записки, на бамбуковыхъ дощечкахъ (въ 8 дюймовъ, тогда какъ прочія классическія книги имѣли 1 ф. 2 дюйма), преподавательскихъ изреченій Конфуція, которыя ученики его будто бы носили съ собой всегда за пазухой. Эти изреченія представляютъ или общія правила (нравственныя или даже историческія, не обращенныя ни къ кому), или отвѣты на вопросы учениковъ, обсужденіе ихъ мнѣній, отзывы объ этихъ ученикахъ и проч. Но, кромѣ того, въ этой книгѣ являются и разговоры учениковъ между собой, а также и ихъ изреченія, ни къ кому не обращенныя. Упоминаются такія обстоятельства (какъ, напримѣръ, отправка въ званіи посланника), которыя не встрѣчались въ жизни Конфуція, изъ чего и заключаютъ, что тутъ выражена только мысль Конфуція (читай: конфуціанцевъ, какъ бы они вели себя въ этомъ

званіи, что могло создаться только гораздо позже). Наконецъ, часто являются уже не изреченія, а просто описанія какъ велъ себя или жилъ Конфуцій, какъ онъ держалъ руки, какой принималъ видъ, какъ одѣвался, смотря по обстоятельствамъ. А въ послѣдней (20-й) главѣ приведено даже изреченіе, начинающееся словами Яо, продолжаемыми будто бы Шунемъ, Юй'емъ, Танъ-ваномъ и У-ваномъ. Притомъ, такъ какъ сами конфуціанцы сознаются, что тѣ мѣста, въ которыхъ ученики Конфуція называются уже не по имени, а почетнымъ титуломъ *цзы* — философъ — сравнительно позднѣйшаго происхожденія, то значитъ «Лунь-юй» былъ написанъ, по крайней мѣрѣ, уже учениками (а можетъ быть и учениками учениковъ) этихъ философовъ, а не учениками самого Конфуція. Такъ какъ съ титуломъ *цзы* встрѣчаются *Ю-цзы* и *Цзэнъ-цзы*, то и полагаютъ, что «Лунь-юй» былъ составленъ весь учениками этихъ двухъ лицъ, но нѣкоторые притягиваютъ сюда еще Минь-цзы-цяня и Цзы-сы, у котораго будто были 64 ученика. Этотъ Цзы-ся, не фигурирующій въ «Лунь-юй'ѣ», играетъ важную роль у комментаторовъ. Ему приписывается и составленіе предисловія къ «Ши-цзину», сочиненіе Эръ-я и усвоеніе И-цзина и проч. Между тѣмъ у Мэнъ-цзы о Ю-цзы говорится, что по смерти Конфуція ученики хотѣли признать какъ бы преемникомъ его Ю-цзы, будто бы по сходству съ нимъ въ физіономіи, а не по идеямъ, но что другіе отвергли это и, слѣдовательно, какъ бы провозгласили право каждаго преподавать ученіе по-своему. Съ другой стороны, такъ какъ Цзэнъ-цзы былъ моложе Конфуція 46 годами и умеръ въ старости, то, значитъ, составленіе «Лунь-юй'я» произошло очень поздно (такъ что онъ могъ бы составиться во время Мэнъ-цзы, если бы послѣдній жилъ въ то время, которое ему отводятъ, т.-е. если считать его ученикомъ Цзы-сы, ученика Цзэнъ-цзы). Но мы думаемъ, что «Лунь-юй» въ настоящемъ видѣ составленъ гораздо позднѣе, и окончательная его редакція принадлежитъ даже не Кунъ-Ань-го, а Чжанъ-юй'ю, около 50 г. до Р. Хр. Дѣло въ томъ, что при началѣ ханьской династіи—являются въ преподаваніи уже двѣ различныхъ редакціи «Лунь-юй'я»—ци'ская и лу'ская; потомъ будто бы отысканъ въ стѣнѣ конфуціева дома и «Лунь-юй», написанный древнимъ почеркомъ и потому называемый иногда хэ-цзянь'скимъ, по имени князя, открывшаго будто бы много древнихъ книгъ. Китайцы не выясняютъ хорошенько, въ чемъ заключалось различіе этихъ трехъ нынѣ утраченныхъ редакцій. По нимъ, кромѣ различія нѣсколькихъ словъ (впрочемъ, въ древнемъ считали 400 слишкомъ), лу'скій «Лунь-юй» отличался будто бы только тѣмъ, что древній насчитывалъ 21 главу, раздѣливъ послѣднюю (всего-то въ двѣ страницы) на двѣ, а въ ци'скомъ были двѣ лишнія главы, которыя послѣ откинуты, какъ

не дѣйствительныя. Но мы не думаемъ, чтобъ все различіе только въ томъ и заключалось. «Лунь-юй» намъ кажется самою драгоцѣнною книгой для составленія себѣ понятія о судьбахъ древняго конфуціанства, о ходѣ и развитіи этого ученія. По немъ сами конфуціанцы составили только біографію одного Конфуція и передаютъ, кто были его ученики и чѣмъ занимались. Намъ же кажется, что и эта біографія, и мнѣнія учениковъ составились изъ внутренней борьбы школъ, образовавшихся въ различныхъ странахъ, въ которыя разошлись его ученики. Всякій объяснялъ по своему книги, полученныя отъ Конфуція; ученики ихъ должны были, конечно, объяснять опять по-своему представлявшіеся новые вопросы, и каждый стремился подтвердить свое толкованіе ссылкой на Конфуція или на того ученика, къ школѣ котораго онъ принадлежалъ; другіе же, несогласные, старались даже осрамить этого самаго ученика. Достаточно указать въ подтвержденіе этого хоть отзывы о Цзы-лу. Онъ дѣйствуетъ фальшиво (IX, § 11), не соглашается управлять по церемоніямъ (XI, § 25) и проч. Все это порицаніе. Не постыдится стать въ изодранномъ кафтанѣ подлѣ богато одѣтаго (IX, § 26)—однимъ словомъ освободить изъ тюрьмы (XII) и т. д. Это похвала. Высокоуважаемый Цзэнъ-цзы названъ черезъ-чуръ глупымъ (XI, § 17). Въ «Лунь-юйѣ» мы видимъ то повторенія безъ всякаго измѣненія, то повторенія нѣсколько измѣненныя. Кажется, чтобы сгладить эти противорѣчія, нѣкоторые параграфы уже нарочно помѣщаютъ ихъ вмѣстѣ, приводя оправданіе самого Конфуція, что онъ говоритъ различно, смотря по лицу. Кажется, для сглаженія подобныхъ раздоровъ между школами и прибѣгли къ сосредоточенію всѣхъ похвалъ на Янь-цзы, который умеръ прежде Конфуція, ничего не написалъ, ни чѣмъ не ознаменовалъ своей дѣятельности, но будто бы лучше всѣхъ понималъ Конфуція, высказывающаго неоднократно, что только этотъ одинъ ученикъ любилъ учиться. Все это приводитъ насъ къ заключенію, что едва-ли уже самыя три помянутыя редакціи не были каждая сводомъ ученія нѣсколькихъ школъ, и что изъ нихъ, при ханьской династіи вновь составили потомъ одну общую. Разумѣется, при послѣдней редакціи выбрасывали уже то, что слишкомъ противорѣчило тѣмъ взглядамъ, которые установились при этой династіи въ конфуціанствѣ, приноравливаясь къ услугамъ правительства, въ которомъ конфуціанцы же занимали первое мѣсто; оставлялись такія противорѣчія, которыя могли быть примирены комментаторомъ, хотя бы и съ натяжкой, и мнѣнія, которымъ можно было придать выгодный смыслъ. Здѣсь должно мимоходомъ замѣтить, что развѣ только за исключеніемъ текста «Чунь-цю» (но не толкованій), всѣ прочія конфуціанскія книги, не исключая и редакціи самого «Ши-цзина», прошли, вмѣстѣ съ

перепиской новымъ почеркомъ, сквозь призму взглядовъ ханьскихъ ученыхъ. Мы имѣемъ свѣдѣнія, что всѣ они неоднократно обсуждались, даже подъ предсѣдательствомъ самихъ императоровъ, сонмомъ ученыхъ. Мы не вѣримъ, чтобы что-нибудь могло пропасть дѣйствительно; можетъ быть, даже самая ссылка на сожженіе книгъ была выдумана въ угоду ханьскому двору, по крайней мѣрѣ, она очень подозрительна. Но многое погибло, какъ отброшенное или по дѣйствительной негодности, или по несогласію съ преобладающими мнѣніями; такъ и комментаріи на классическія книги не исчезали даромъ, а переносились въ другіе, улучшенные. Вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что «Лунь-юй» постоянно добавлялся въ различныхъ школахъ; онѣ обращались опять къ тѣмъ же вопросамъ и лицамъ и передавали разговоры въ другихъ видахъ.

За всѣмъ этимъ, вглядываясь пристальнѣе въ содержаніе «Лунь-юй'я», мы находимъ, что развитіе именно его идей и послужило содержаніемъ другихъ классическихъ книгъ.

До какой степени шатки были сначала историческія свѣдѣнія китайцевъ, какъ путались они въ древней исторіи, показываетъ помѣщенный въ «Лунь-юй'ѣ» (гл. XX, § 1) слѣдующій отрывокъ:

„Яо сказалъ: Эхъ ты, Шунь, небесный счетъ перехода (жребій) не остановился на тебѣ, честно держи его средину (или: назначеніе); четыре моря (т.-е. земля, въ серединѣ четырехъ морей) затруднены и удручены; небесное жалованье (для меня?) на вѣки кончилось! Шунь также повелѣлъ Юй'ю: Я, маленькій сынъ Ли (?отступи,—но пусть будетъ по толковатолямъ), осмѣливаюсь употребить (т.-е. принести въ жертву) черную корову съ призваніемъ и объявленіемъ величественному Хоу-Ди (государю богу). Имѣю вину, не смѣю (просить) прощеніе; божій рабъ не закрытъ въ божьемъ сердцѣ. (Если) я имѣю грѣхъ, (да) не (падаетъ онъ на) десять тысячъ странъ (а не царствъ?); (если) 10,000 странъ имѣютъ грѣхъ, вина (да) лежитъ на моемъ тѣлѣ. Чжоу имѣетъ великія раздачи (если повсюду или безпристрастно будутъ раздаваться большія награды, то значитъ) лучшіе люди (будутъ) богаты; хотя и есть чжоускіе (по толкователямъ многочисленные) родственники, но не то, что человѣколюбивые. Проступки всѣхъ ста фамилій на мнѣ одномъ человѣкѣ. Будь заботливъ о вѣсахъ и мѣрахъ, вникай въ законы, исправляй отставленныхъ чиновниковъ, и тогда управленіе четырехъ странъ пойдетъ въ ходъ. Если возстановить погасшія царства, продолжить прекратившіеся роды, поднять закинутый народъ, то народъ всей вселенной предастся (тебѣ) сердцемъ. Всего же важнѣе народное пропитаніе, похороны, жертвы. (Если будешь) великодушенъ, то привлечешь всѣхъ; (если будешь) вѣренъ въ словахъ (или честенъ), то народъ управится (т.-е. подчинится твоимъ распоряженіямъ). Если будешь искусенъ, (совершишь) подвиги безпристрастно, то обрадуются“.

Для объясненія этого отрывка, переведеннаго буквально, комментаторы должны были прибѣгнуть къ невѣроятнымъ вставкамъ. По ихъ мнѣнію, тамъ, гдѣ фраза начинается словами: я маленькій сынъ Ли, это уже рѣчь не Шуня (а что же онъ сказалъ?), а Танъ-

вана, основателя шанской династіи, наслѣдовавшей династіи Ся, при которой приносилась будто бы въ жертву черная корова (съ чего же шаньской-то!). За-тѣмъ слова: я имѣю грѣхъ, не смѣю прощенье, божій рабъ въ сердцѣ бога,—по ихъ мнѣнію значатъ: послѣдній императоръ династіи Ся-Цзѣ преступенъ, я не смѣю простить его, божьи рабы, т.-е. министры или всѣ добродѣтельные чиновники, избраны въ сердцѣ бога! Затѣмъ со словъ: Чжоу имѣетъ великія раздачи — все остальное относятъ къ У-вану (но уже не въ видѣ рѣчей), и притомъ со словъ: Если будешь великодушенъ, даже не знаютъ, принимать ли ихъ за продолженіе рѣчи У-вана, или за самостоятельное изложеніе общихъ правилъ для царей.

На чемъ основаны такія толкованія? Комментаторы имѣютъ передъ глазами «Шу-цзинъ«, по которому дѣйствительно первымъ государемъ былъ Яо, передавшій, какъ и здѣсь видно яснѣе даже чѣмъ въ «Шу-цзинѣ», вслѣдствіе народныхъ бѣдствій, престолъ Шун'ю, а этотъ—основателю династіи Ся, Юй'ю. Эту династію смѣнила Шань, а ее Чжоу. Итакъ, говорятъ комментаторы, въ приводимомъ отрывкѣ обозрѣвается вкратцѣ, хотя и другими словами *), почти все содержаніе «Шу-цзина». Однакожъ если мы зададимъ себѣ вопросъ: а что̀ если «Шу-цзинъ», по крайней мѣрѣ тотъ, который мы нынѣ имѣемъ передъ глазами, появился позднѣе «Лунь-юй'я»,—какъ въ такомъ случаѣ понимать этотъ отрывокъ? Очевидно, что и Яо и Шунь отказываются отъ престола вслѣдствіе неумѣнья справиться съ народными бѣдствіями, и Шунь даетъ совѣты Юй'ю, разумѣется, въ чисто конфуціанскихъ идеяхъ. Затрудненіе будетъ только, какъ принимать слово *Чжоу*—оно встрѣчается дважды на одной строкѣ. Комментаторы въ первый разъ принимаютъ его за собственное имя, а во второй уже за нарицательное: множество. Что-то ужъ очень хитро— если принимать въ обоихъ случаяхъ въ послѣднемъ значеніи, то текстъ будетъ еще яснѣе; но если нужно слово *Чжоу* принимать за названіе извѣстной династіи, то тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Выходитъ только предположеніе первыхъ историческихъ догадокъ, что Китай, съ самаго начала своего существованія, или назывался Чжоу, или управлялся династіей этого имени. Вѣдь въ «Ши-цзинѣ», который послужилъ закваской всѣмъ историческимъ предположеніямъ и изысканіямъ, прямо говорится, что предокъ этой династіи Хоу-цзи (не онъ ли здѣсь, и Хоу-ди?—Богъ вездѣ въ «Ши-цзинѣ» Шанъ-ди) былъ изъ первыхъ людей. Укажемъ, хотя безъ подробнаго изложенія историческихъ разсказовъ это и не будетъ очень ясно, на то, что двѣ предшествовавшія Чжоу династіи, кромѣ собственныхъ именъ

*) А это очень важно. Мы видимъ, что китайцы, если когда дѣлаютъ извлеченіе изъ самыхъ книгъ, то все-таки стараются удерживать слова текста.

царей, имѣли судьбу почти одинаковую съ Чжоу. Устроившись при основателяхъ, которые, кромѣ того, всегда имѣютъ по умному визирю, и возвысившись, онѣ скоро падаютъ, государя прогоняютъ или удаляютъ, на мѣсто его правитъ совѣтъ, потомъ снова вступаетъ на престолъ прежняя династія, это называется—временемъ вторичнаго возвышенія. Тоже самое повторяется и въ судьбахъ династіи западной Чжоу: она падаетъ при Ли-ванѣ (878—327); Шао-гунъ и Чжоу-гунъ,—лица подъ этимъ же титуломъ, правившіе и по смерти У-вана—устраиваютъ регентство (гунъ-хо—скорѣе совѣтъ—какъ у римлянъ два консула), а по смерти Ли-вана они же возводятъ на престолъ сына его, Сюань-вана. Всѣ три послѣдніе государя каждой изъ этихъ династій отличаются почти однообразными жестокостями—двое первыхъ заключаютъ въ тюрьму будущихъ основателей монархіи. Ю-ванъ (Чжоускій) лишаетъ престолонаслѣдія своего старшаго сына. Такимъ образомъ, какъ не предположить, что, за отсутствіемъ какихъ-либо документовъ, когда конфуціанцы, а за ними и другіе отыскиватели древности, стали обращаться къ преданіямъ, то, встрѣтивъ въ различныхъ удѣлахъ искаженные или варьированные разсказы объ одномъ и томъ же фактѣ изъ временъ чжоуской династіи, почли нужнымъ приписать эти редакціи различнымъ эпохамъ, а, слѣдовательно, и династіямъ. Притомъ искаженія могли быть сдѣланы и съ политической цѣлью. Удѣлъ Сунъ, одно время преобладавшій въ Китаѣ и можетъ быть претендовавшій соединить его въ своихъ рукахъ, сталъ утверждать, что онъ старше Чжоу, уже потерявшей власть—тогда-то и были сочинены шаньскіе гимны. А удѣлъ Цзинь, долгое время составлявшій центръ сѣвернаго Китая, поселилъ въ своихъ предѣлахъ Яо, который носилъ фамилію Танъ. Если не обращать вниманія на гіероглифы, а просто на ихъ чтеніе, то кромѣ того, что эта фамилія пишется даже одинаково съ названіемъ, подъ которымъ удѣлъ Цзинь извѣстенъ въ «Ши-цзинѣ», мы находимъ, что и основатель династіи Танъ называется также Танъванъ *); разница въ начертаніи могла составиться отъ различія въ писмѣ въ различныхъ мѣстностяхъ. Шунь носитъ фамилію Юй (Юйдянь—а не Ю-юй, по какому-то непонятному пока поводу относится въ «Шу-цзинѣ» и къ самому Яо); только не тотъ гіероглифъ, который находимъ въ имени основателя династіи Ся; но замѣчательно, что этотъ гіероглифъ фамиліи Шунь сохранился въ имени брата Чэнъвана, наслѣдовавшаго У-вану, пожалованнаго въ Танъ, будущій Цзинь. Гіероглифъ Танъ тутъ тотъ же, что и въ фамиліи Яо, и мы очень подозрѣваемъ, что Яо и Шунь въ первый разъ были сфабри-

*) Чэнь-Танъ.

кованы именно въ удѣлѣ Цзинь. И много, много, если подъ Яо и Шунемъ разумѣлись прежде именно Вэнь-ванъ и У-ванъ.

Впослѣдствіи, кажется, исторія перестала быть исключительнымъ достояніемъ конфуціанства. Съ распространеніемъ писмености и образованіемъ ученій, не совсѣмъ или вовсе не сочувствовавшихъ идеямъ конфуціанства, исторія сдѣлалась предметомъ изученія, или лучше догадокъ, выдумокъ и для другихъ ученыхъ. Хотя въ огромномъ сборникѣ древней исторіи, извѣстномъ подъ именемъ «И-ши» (свода исторіи), и приводятся для древнихъ временъ источники, которые большею частью едва ли могутъ быть названы хотя бы свертниками конфуціанскихъ толкованій на «Чунь-цю» (очень немудрено, что многое даже заимствовано чрезъ знакомство съ западомъ), но очень могло статься, что эти источники сами, кромѣ собственныхъ измышленій (о томъ, какъ произошли первые люди, какія когда были изобрѣтенія), пользовались болѣе древними выдумками. Естественно предположить, что какъ скоро сдѣлалась извѣстна «Чунь-цю», одни припоминали ближайшія, въ ней только кратко изложенныя, событія, другіе собирали преданія о болѣе древнихъ фактахъ или даже придумывали свои объясненія (напримѣръ, о китайскомъ Бисмаркѣ, Гуань-Чжунѣ). Пробужденный историческій духъ не могъ удовольствоваться такимъ ближайшимъ временемъ: захотѣлось заглянуть въ болѣе отдаленныя времена. Для этого у удѣльныхъ князей сейчасъ явились родословныя, свидѣтельствующія объ ихъ древности. Явились родословныя и у знатныхъ фамилій,—тѣ и другія стали приплетать къ собственнымъ именамъ различныя выдумки, такъ что впослѣдствіи само конфуціанство поневолѣ должно было допустить ихъ достовѣрность. Но всѣ эти надставки и причитанія до очевидности лишены фактическихъ основаній, и все-таки то, что говорится теперь, всего болѣе освѣщено не событіями, а мыслями, идеями, которыя принадлежатъ конфуціанству—измѣнившему факты и пользовавшемуся ими для созданія началъ нравственности и правительственнаго строя. Извѣстно, что первая исторія, составленная Сы-ма-цянемъ, котораго почему-то называютъ китайскимъ Геродотомъ, основана, кромѣ конфуціанскихъ книгъ и легендъ, еще на родословныхъ.

Не маловажно то замѣчательное явленіе, что первыми руководителями китайской мысли явились: книга, какова бы она ни была, но книга историческая («Чунь-цю»), и книга стихотвореній, бóльшею частію народныхъ, или касающихся народной и общественной жизни. Исторія и поэзія—это такіе воспитательные элементы, которыхъ, до настоящаго времени, не имѣютъ въ обученіи многіе народы; китайцы не уступаютъ въ этомъ случаѣ двумъ другимъ древнимъ народамъ: евре-

ямъ и грекамъ, которымъ такъ много обязано все новѣйшее образованіе Запада. Притомъ для первоначальнаго развитія древнихъ народовъ даже выгодно было небольшое количество книгъ, которыя имъ пришлось изучать: тѣмъ глубже они вникали въ ихъ смыслъ, умѣли ихъ примѣнять, развивать. Мы уже не разъ говорили выше, что комментаторы старались отыскать въ стихахъ «Ши-цзина» историческое значеніе; это, конечно, было вліяніе одновременнаго изученія книги «Чунь-цю», которая и сама могла обогатиться приноровленными къ ней объясненіями. Но, какъ мы тоже сказали, китайцамъ показалась позднею историческая жизнь по «Чунь-цю», и они обратились къ «Ши-цзину» за отысканіемъ этихъ историческихъ указаній. Тамъ нашли они упоминаніе о побѣдѣ Чжоу надъ Инь-шаномъ при Муѣ. Вэнь-ванъ, У-ванъ, Ченъ-ванъ и Канъ-ванъ тоже упоминаются. За-то о болѣе древнихъ временахъ очень мало сказано. Да ихъ и не полагали, кажется, далеко раньше Вэнь-вана.

Вотъ что говорится въ одѣ Дая III:

Людей начало рожденія
(Пошло) съ рѣкъ Цзюй и Ци.
Древній Гунъ-дань-фу,
Жилъ въ ямахъ и пещерахъ,—
Не было еще ни домовъ, ни комнатъ—
Проѣзжая по берегу западной рѣки,
Прибылъ къ подошвѣ горы Ци (Ки),
И встрѣтясь съ дѣвицей Цзянъ (юань? См. ниже),
Вмѣстѣ поселился.
Чжоуская равнина тучная,
(Тамъ и) цикорей и горчица (сладки) какъ сахаръ.
...Построилъ тутъ домъ
...Разрѣженные терновники и лѣса
Стало удобно проходить.
(Когда варвары) Кунь-и убѣжали,
Насилу переводя дыханіе,
(Когда владѣнія) Юй и Жу удостовѣрили въ покорности,
Вэнь-ванъ какъ разъ родился.

Изъ этого видно, что сначала древнія преданія возносились не такъ далеко, но потомъ кругъ исторической фантазіи сталъ расширяться.

На мѣсто Гунъ-дань-фу является уже отцомъ Вэнь-вана Ванъ-цзи, женатый на Инь-шаньской княжнѣ.

Правда, являются Юй и Хоу-цзи, изъ которыхъ послѣ сдѣлали современниковъ Яо и Шуня, не упоминаемыхъ въ «Ши-цзинѣ» ни полсловомъ. И Юй является вовсе не циклопическимъ геніемъ, проведшимъ послѣ потопа рѣки въ океанъ; ему приписывается только разработка (почему-то какихъ-то однихъ) южныхъ пашенъ.

Юй чуть ли не есть отождествленіе Хоу-цзи (вѣроятно, по преданію изъ другого источника *). О немъ говорится съ большой подробностью.

Дая XI.

При началѣ рожденія людей,
Была только Цзянъ-юань.
Какъ же родились люди?
...Наступила па слѣдъ пальца небеснаго владыки,
...Забеременила
...Этотъ и былъ Хоу-цзи,

который научилъ народъ, какъ сѣять хлѣбъ (что̀ приписываютъ и Шэнъ-нуну). Этому Хоу-цзи приносятся жертвы наравнѣ съ Шанъ-ди (богомъ), который принимаетъ ихъ потому, что первымъ началъ ихъ приносить Хоу-цзи, не знавшій ни вины, ни раскаянія!

V. Семейное начало, какъ основа конфуціанской нравственности.—«Сяо-цзинъ».—Трактаты о церемоніяхъ.—Религія и политика конфуціанства.—«Шу-цзинъ», какъ выраженіе правительственныхъ стремленій въ конфуціанскомъ духѣ.

Однакожъ историческія изысканія еще меньше чѣмъ писменость могли удовлетворить требованіямъ тогдашняго времени. Китай былъ раздираемъ междоусобными войнами, разорительными вооруженіями, причемъ, если вѣрить исторіи, съ каждой стороны выставлялись арміи въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ. Жалобы на это и на неизбѣжныя злоупотребленія при наборѣ сохранились какъ въ народныхъ пѣсняхъ, такъ и въ одахъ, жалобы отцовъ, любезной, самихъ новобранцевъ.

Конфуціанцы, какъ люди пера, не могли надѣяться перещеголять военныхъ, даже дипломатовъ, хотя и вступали въ соперничество съ послѣдними. Но за-то, какъ люди пера, кабинетные мыслители, свидѣтели событій и переворотовъ, они могли видѣть всю суетность дипломатіи и военныхъ ухищреній, они искали болѣе прочныхъ началъ, на которыхъ могло бы успокоиться человѣчество и устроиться правительство. Такой принципъ открывался только въ нравственности, и они основали ее на семейномъ началѣ. «Ши-цзинъ» указалъ имъ и въ этомъ случаѣ дорогу. И въ пѣсняхъ и въ одахъ охраняются бракъ, законная жена. Жена жалуется на покинувшаго ее мужа, на предпочтеніе, оказываемое имъ наложницѣ, наконецъ, на самое правительство, которое отрываетъ мужа отъ домашняго очага. Въ этихъ жалобахъ также сказываются и родственныя чувства: кто соберетъ кости погиб-

*) Намъ кажется, что легенда объ Юйѣ создалась въ удѣлѣ Сунъ, тенденціи котораго были высказаны выше. Изъ побѣды Чжоу надъ Инь-шаномъ, онъ создалъ и для себя легенду.

шихъ, какъ не братья? говорится въ одной одѣ. Блюдите родственныя начала, воспѣвается въ другой. Строится домъ для того, чтобы дѣти и внуки наслаждались мирнымъ житьемъ, говорится въ третьей, и т. д. Не забыта и родительская заботливость, проглядываетъ и сознаніе, какъ должна печалить родителей и братьевъ разлука съ своими. Семейное начало выработалось, наконецъ, въ отдѣльномъ сочиненіи, извѣстномъ подъ именемъ «Сяо-цзинъ» — книгѣ о почтеніи къ родителямъ, хотя, конечно, она и не появилась такъ рано *), какъ утверждаютъ китайцы, приписывающіе ее Цзэнъ-цзы.

Почтительность къ родителямъ, говорится здѣсь, есть основаніе добродѣтели (доброй жизни—нравственности?). Мы получили тѣло отъ родителей и потому не имѣемъ права его портить—вотъ (въ чемъ заключается) начало этой добродѣтели, прославить свое имя въ потомствѣ—вотъ конецъ ея. Почтительность къ родителямъ не заключается только въ прислуживаніи имъ, но и въ службѣ главѣ государства, въ сохраненіи самого себя. Для всякаго есть своя особенная сыновняя почтительность, одна для богдохана, другая для удѣльнаго князя, особая для вельможъ и иная для простого чиновника. Самъ императоръ имѣетъ высшихъ противъ себя, т.-е. предковъ, старшихъ братьевъ, поэтому и онъ долженъ стараться объ украшеніи своего тѣла (т.-е. о своемъ образованіи), объ осторожности въ поступкахъ, чтобъ не осрамить своихъ предковъ... Почтительность къ родителямъ трогаетъ даже духовъ... И такъ далѣе (всего 18 статей, изъ которыхъ послѣдняя говоритъ о траурѣ по родителямъ).

Еще позднѣе выработались различные трактаты о церемоніяхъ, собранные уже при ханьской династіи въ одно сочиненіе и бо̀льшая часть которыхъ, какъ выходитъ изъ словъ самихъ китайцевъ, сочинена была даже при этой династіи **).

Слово церемонія—*ли*—употребляется нами уже только по принятому обычаю—смыслъ его обширнѣе даже, чѣмъ смыслъ нашихъ словъ: религія, нравственность, законъ. «Церемоніи показываютъ связь неба съ землей, утверждаютъ порядокъ между людьми; онѣ прирождены человѣку, а не суть только искусственная внѣшность или прикраса въ выраженіи сердечныхъ влеченій. Онѣ основаны на различіи вещей по ихъ низшему или высшему достоинству, на разнообразіи въ природѣ. Вслѣдствіе этого введены учрежденія для платьевъ, браковъ, похоронъ, жертвъ, представленія ко двору, угощенія и почтенія къ старости, опредѣлено обращеніе между государемъ и чиновниками,

*) Это сейчасъ видно по слогу, который гораздо легче понимать, чѣмъ даже „Луньюй“; но сбивчивость въ изложеніи всей книги указываетъ на относительную древность.

**) Разумѣется, и тутъ есть много разногласія; но подробности могутъ быть интересны только для спеціалистовъ, и мы ихъ пропускаемъ.

отцами и дѣтьми, старшими и младшими, мужемъ и женой, другомъ и товарищами. Даже средства къ образованію самого себя, устроеніе дома, управленіе государствомъ, устроеніе вселенной не могутъ обойтись безъ церемоній». Вотъ какъ выражаются сами китайцы о своихъ *ли*. Мы не можемъ здѣсь пускаться въ разборъ всѣхъ этихъ вопросовъ, заключающихся въ церемоніяхъ; притомъ о нихъ уже все-таки больше всего, хотя и въ преданномъ осмѣянію видѣ, извѣстно на Западѣ: выраженіе—10000 церемоній—тѣсно связано съ нашими понятіями о Китаѣ *). Но мы скажемъ, что для древняго человѣка, особенно китайца, сына юга, по природѣ вспыльчиваго, увлекающагося страстями, церемоніи были тоже, что нынѣшняя фраза: время—деньги. Какъ скоро всѣмъ извѣстно, кàкъ съ кѣмъ говорить, какъ предъ кѣмъ себя держать, то никому не нужно и ломать себѣ больше голову надъ пустяками. Конечно, это лишаетъ человѣка свободы, но скорѣе свободы въ движеніяхъ, а не въ словѣ. Укоряютъ китайскія церемоніи въ униженіи человѣческаго достоинства (паденіе ницъ, колѣнопреклоненіе и проч.), но это просто обычай, удержавшійся отъ общихъ всѣмъ въ древности нравовъ, а не униженіе, какъ мы не полагаемъ униженіемъ для себя подписываться покорнымъ слугой. Не забудьте, что нигдѣ нѣтъ такой гуманности, какъ въ Китаѣ, нигдѣ въ самыхъ демократическихъ странахъ не возвышается такъ рѣзко и безнаказанно голосъ правды, нигдѣ низшіе не пользуются такой свободой участвовать въ разговорахъ и дѣлахъ высшаго. Низшій есть все-таки членъ семейства (слуга не имѣетъ права донести на своего господина, господинъ отвѣчаетъ за слугу, какъ за жену, за сына). Еще одно замѣчаніе: китайца въ европейскомъ обществѣ вы найдете страннымъ, положимъ, смѣшнымъ, но не презрѣннымъ; перенесите самаго лучшаго дипломата въ Китай, дайте ему полную способность говорить по-китайски, но потребуйте, чтобъ онъ держалъ себя и говорилъ, какъ онъ держитъ себя и говоритъ въ европейскомъ обществѣ: въ китайскомъ онъ непремѣнно покажется и гадкимъ и невѣжей!

Всего страннѣе то явленіе, что конфуціанство не хочетъ ничего знать о религіи въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ это слово. Оно не говоритъ ни о богѣ, ни о загробной жизни, не разрѣшаетъ вопроса объ управленіи міозданіемъ **). Конфуцій прямо говоритъ въ «Лунь-юй'ѣ»: «Ты еще не научился жить, а хочешь знать о смерти!»

*) Собственно у китайцевъ встрѣчается выраженіе: обрядовъ 3000, а правилъ 300. Но вѣдь если посчитать наши церемоніи при разныхъ торжественныхъ случаяхъ, то и у насъ ихъ не мало, и также скучно читать о нихъ, какъ и китайскіе церемоніалы.

**) Въ новѣйшемъ конфуціанствѣ, о которомъ придется говорить послѣ, и тамъ не говорится о Богѣ, а о матеріальномъ, хотя бы и безпризначномъ началѣ: Тай-цзи. Но за-

Въ другомъ мѣстѣ той же книги говорится: о чемъ всего менѣе любилъ говорить Конфуцій, такъ это о духахъ. Въ другомъ мѣстѣ, напротивъ, Конфуцій требуетъ, чтобы приносящіе жертвы духамъ представляли себѣ, что духи сами при этомъ присутствуютъ. Разумѣется, китайцы или стараются объяснить такія противорѣчія, или обходятъ ихъ молчаніемъ. Дѣло въ томъ, что, какъ мы сказали выше, нынѣшній «Лунь-юй» есть сводъ предшествовавшихъ ему сборниковъ, и еслибъ китайцы получше вникли, то увидѣли бы, что въ этой книгѣ сохранилась не жизнь Конфуція, а жизнь всего конфуціанства, что въ ней видна борьба партій, возникшихъ въ этомъ ученіи — одни требовали просто обученія, другіе ставили выше нравственность.

Между тѣмъ «Ши-цзинъ» какъ нельзя яснѣе сознаетъ существованіе высочайшаго существа, и его Шанъ-ди принимаетъ не меньшее участіе въ судьбахъ китайцевъ, чѣмъ Іегова въ судьбахъ евреевъ:

Дая, ода VII.

1. Грозенъ, грозенъ Шанди,
Смотритъ внизъ съ величіемъ,
Прозираетъ въ своемъ зерцалѣ всѣ четыре страны свѣта,
Изыскиваетъ мѣры для народа.
3. ...Небесный царь, разбирая эти горы,
....далъ всему назначеніе.
4. ..Небесный царь сказалъ Вэнь-вану: .
(Съ твоей стороны) нарушенія (моихъ законовъ) и потому расканія нѣтъ!
6. Небесный царь сказалъ Вэнь-вану:
Я плѣненъ твоими свѣтлыми доблестями.

Оказывается даже, что признавалось возможнымъ, чтобъ люди, вознесясь на небо, сидѣли подлѣ небеснаго владыки:

Дая, ода 1-я.

Вэнь-ванъ находится вверху!
Ай, свѣтитъ на небѣ.

то уже ясно выставляется ученіе о святыхъ мужахъ (шэнъ-жэнь). Чжоу-гунъ включаетъ въ себѣ духъ Яо и Шуня; Конфуцій такой же святой, какъ Чжоу-гунъ, духъ его перешелъ въ Мэнъ-цзы и т. д. Теперь у китайцевъ святыхъ, т.-е. пользующихся жертвами, больше, чѣмъ у насъ, но идеалъ „Ши-цзина“ далеко не шэнъ-жэнь, а цзюнь-цзы—сынъ государя, чтб у насъ принято переводить благороднымъ мужемъ (это тоже, что тай-цзы, мирза, угланъ), и только толкователи натягиваютъ при всякомъ случаѣ сдѣлать изъ этого Цзюнь-цзы—непремѣнно государя, историческое лицо. Такъ, въ первой же пѣснѣ, они подъ именемъ Цзюнь-цзы разумѣютъ Вэнь-вана. Но и имъ не всегда удается такая натяжка; а подъ Цзюнь-цзы развѣ только одинъ, два раза дѣйствительно разумѣется государь; въ другихъ случаяхъ—и любовница и жена разумѣютъ подъ этимъ именемъ любимаго человѣка. Въ „Луньюй'ѣ“ это значеніе представляется уже болѣе высшимъ. Это тотъ идеалъ, какой стремится образовать конфуціанство.

...Вэнь-ванъ восходитъ (на небо) и нисходитъ (на землю),
Находясь по лѣвую и по правую сторону бога.
Когда Инь (династія) еще не потеряла подданныхъ,
Ее можно было сопоставить съ Шанди.

Еще болѣе мы находимъ въ «Ши-цзинѣ» стиховъ касательно жертвоприношеній: приносили цари, приносили богатые зажиточные люди послѣ жатвы, надѣлавъ для жертвъ чистаго вина, убивъ отборную скотину (церемоніи разъяснили потомъ, какого цвѣта, съ какими рогами). Угощеніе, попойка были пріятны если не небу, такъ духамъ—ими пріобрѣталось счастіе и на будущее время. Тѣмъ больше значило для счастія жертвоприношеніе духамъ предковъ. Шаманъ объявляетъ, что духъ напился—ну, значитъ, есть чему радоваться.

Сформировавшееся конфуціанство, если и признало количество жертвоприношеній еще въ большемъ размѣрѣ, то предоставило ихъ отправленіе правительству, безъ участія народа. Подданные имѣютъ право дѣлать возліянія только на могилахъ предковъ, молиться—только въ конфуціанскихъ храмахъ.

Намъ кажется, что это отступничество невозможно объяснять иначе какъ общественнымъ и политическимъ состояніемъ Китая, при которомъ развивалось конфуціанство. Безпрерывныя войны, изнурявшія народъ, не давали простора думать о духовныхъ потребностяхъ, вытѣсняли ихъ изъ жизни, которая требовала насущнаго хлѣба. Нравственное паденіе шло на всѣхъ парахъ, дипломаты переходили со службы на службу, перекидывались на сторону того царства, которое хотѣли погубить своими совѣтами, государственная и княжеская власть потеряли уваженіе—мы видимъ появленіе кинжальщиковъ (цы-кэ) — троны захватывались узурпаторами. Когда тутъ было думать о религіи! Эта жизненная тревога произвела, можетъ быть подъ вліяніемъ того же конфуціанства, даже съ его участія, значительный переворотъ въ народныхъ воззрѣніяхъ. Западные ученые удивляются, какъ могъ Мэнъ-цзы отозваться съ такимъ восторгомъ объ обнародованіи Конфуціемъ «Чунь-цю»—такой голой, сухой лѣтописи: какъ могъ онъ сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ появилась «Чунь-цю», нанесенъ ударъ правителямъ. Но вѣдь и въ этомъ сухомъ перечнѣ народъ, для котораго конфуціанцы раскрыли эту книгу, могъ видѣть свидѣтельство постоянныхъ правительственныхъ дрязгъ и шатаній.

Мы знаемъ, что чѣмъ меньше книгъ у восточнаго человѣка, тѣмъ больше онъ углубляется въ нихъ, отыскивая въ нихъ то, что кажется намъ совершенно невозможнымъ. Если, какъ мы видѣли выше, книга «Чунь-цю» оказала вліяніе на истолкованіе «Ши-цзина», потребовавъ отъ него историческихъ сказаній, то теперь, съ своей стороны,

нравственность, зародившаяся по той же способности китайцевъ углубляться въ смыслъ каждаго стиха «Ши-цзина», охватила и самую «Чунь-цю». Въ ней открыли чудеса нравственности (впослѣдствіи, какъ увидимъ, даже какой-то мистическій смыслъ): не даромъ сказано было: тутъ вотъ убѣжалъ, тутъ ушелъ и т. д. Коротко, но за-то какъ мѣтко!

Тотъже Мэнъ-цзы говоритъ, что въ Китаѣ проявились такія мнѣнія, противъ которыхъ онъ возстаетъ со всей силой. Такъ, по ученію нѣкоего Чэнь-сяна *), «тэнскій правитель, хотя и добродѣтеленъ, но еще не знаетъ *пути*. Добродѣтельный, т.-е. знающій такой путь, долженъ пахать вмѣстѣ съ народомъ и управлять, приготовляя самъ себѣ обѣдъ и ужинъ (изъ своего хлѣба). А у тэнскаго князя есть житницы, анбары, кладовыя, казначейства, и выходитъ, что онъ прокармливаетъ себя, притѣсняя народъ. Гдѣ-жъ ему быть добродѣтельнымъ!» Другіе (по ученію Мо-цзы) требовали, чтобы всѣхъ людей любили одинаково, не различая дѣтей своего брата отъ дѣтей сосѣда.

Это показываетъ, что въ Китаѣ стала проявляться борьба мнѣній, вѣроятно не закончивавшаяся только этими двумя школами. Такъ мы знаемъ, что по крайней мѣрѣ до начала ханьской династіи получилъ свое начало даосизмъ. Да и въ самомъ конфуціанствѣ не разъ прорываются такія мнѣнія, отъ которыхъ ему пришлось отказаться впослѣдствіи. Такъ, еще Конфуцій по «Лунь-юй'ю» будто бы сказалъ: имѣть правителей, какъ у сѣверныхъ варваровъ, хуже, чѣмъ когда въ Китаѣ ихъ нѣтъ **).

Въ «Ли-цзи» (статья Ли-юнь—видоизмѣненіе церемоній) мы находимъ слѣдующее замѣчательное мѣсто:

„Когда великій путь (нравственность) былъ въ дѣйствіи, тогда вся вселенная была общая, тогда избирали умныхъ, употребляли способныхъ, уважали честность, дышали согласіемъ. Потому люди любили не однихъ только своихъ родныхъ, не считали дѣтьми только своихъ дѣтей, старики находили мѣсто гдѣ провести остатокъ дней, крѣпкіе (возмужалые) работали, а молодые совершенствовались (въ наукахъ); сирые, одинокіе и больные получали пропитаніе, мужчины получали свою долю, женщины имѣли пристанище. Богатствъ не прятали для себя, силъ не напрягали только для собственной пользы, потому не было и ухищреній, разбоевъ, воровства — двери не запирались. Это-то и называлось великой общностью (Датунъ). Нынѣ, когда великій путь скрылся, вселенная стала частнымъ домомъ, когда любятъ своихъ родныхъ, считаютъ дѣтьми только своихъ дѣтей, богатства

*) Пришедшаго съ юга и какъ будто инородца, потому что Мэнъ-цзы въ опроверженіи говоритъ: я слыхалъ, что, благодаря Китаю, измѣнились инородцы, но никогда еще не слыхалъ, чтобъ (китайцы) измѣнялись отъ инородцевъ.

**) Правда, нынѣ этой фразѣ придаютъ противоположный смыслъ: и у сѣверныхъ варваровъ есть правитель, а въ Срединномъ царствѣ нѣтъ. Но буквальный грамматическій смыслъ на сторонѣ нашего перевода.

и силы употребляютъ для себя, когда признаны права наслѣдства, укрѣпляютъ города и каналы, (потребовалось ввести) церемоніи и правду, чтобъ исправить государя и чиновниковъ, утвердить отношенія между отцомъ и сыномъ, примирить братьевъ, согласить супруговъ, постановлены законы, распредѣлены пашни, селенія, стали развивать мужество и знаніе, трудиться для себя. Отъ этого появились ухищренія, возникли войны!"

Такимъ образомъ конфуціанство готово было отказаться и отъ возлюбленнаго своего дѣтища—церемоній, чтобъ только достигнуть того же, къ чему стремились и другіе: первенства, почета, захвата власти въ государствѣ!

Мы сказали уже выше, что въ «Ши-цзинѣ» является оригинальный элементъ — бюрократическій; тамъ уже выставляется усердный чиновникъ, скачущій для исполненія порученій своего правителя. Самому Конфуцію влагается въ уста обѣщаніе, что если бы ему предоставили власть, то онъ въ три, два года, въ мѣсяцъ даже устроилъ бы государство. Таково было нетерпѣніе конфуціанства, вотъ къ чему они стали готовиться съ самаго начала своей школы, и вотъ какъ обозначается это стремленіе въ одной изъ статей «Ли-цзи» (Жу-синъ—дѣйствія ученыхъ):

„Лу'скій князь спрашиваетъ Конфуція: ты одѣтъ вѣдь какъ ученый? Конфуцій отвѣчалъ: Когда я въ малолѣтствѣ жилъ въ удѣлѣ Лу, то надѣвалъ платье съ широкими рукавами (т.-е. одѣвался какъ лу'сцы), когда же, выросши, жилъ въ удѣлѣ Сунъ, то носилъ шапку иньской династіи. Я слыхалъ, что благородный мужъ заботится о томъ, чтобъ какъ можно большему научиться, а платье его сообразно съ мѣстностію... Ученый, сидя на рогожкѣ, помѣщаетъ внутри себя верховныя правила, готовясь, что его пригласятъ (на службу), учится день и ночь; въ ожиданіи, что его спросятъ, воспитываетъ въ себѣ преданность и честность; надѣясь, что его повысятъ (!?), напрягаетъ всѣ силы, чтобъ быть способнымъ къ исполненію порученій. Такъ онъ приготовляетъ себя. Платье и шапка на немъ сидятъ какъ слѣдуетъ; въ усиленной вѣжливости онъ какъ будто небреженъ, въ слабой какъ будто шутитъ; въ важныхъ случаяхъ какъ будто сердится, въ маловажныхъ какъ будто стыдится. Онъ (какъ будто) съ трудомъ подвигается впередъ, но мало отступаетъ; смотритъ слабымъ, какъ будто (ни къ чему) неспособенъ. Таковъ онъ по наружности.. сядетъ ли, встанетъ ли—внимателенъ, заговоритъ ли—внушаетъ довѣріе... Онъ дорожитъ не драгоцѣнностями, а преданностью и честностью, не ищетъ обладанія землей, а (обладанія) истиной, собираетъ не богатства, а изящество... Не показывается не во-время (когда нельзя служить). Ставить впереди трудъ, а назади жалованье—не значитъ ли пренебрегать жалованьемъ?!.. Предъ выгодой не исказитъ правды; видя смерть, не измѣнитъ своему долгу... его можно умертвить, но не пристыдить... Ученый живетъ съ нынѣшними людьми, а изслѣдуетъ древнихъ, дѣйствуетъ въ настоящемъ, а думаетъ о будущемъ".

И тутъ, какъ видно, конфуціанецъ умѣлъ примѣняться къ обстоятельствамъ, соблюдая однакожъ выработанную имъ оригинальность. Но, конечно, конфуціанцы чувствовали, что умѣньемъ писать теперь уже никого не удивишь, потому что это умѣнье не сохранилось за ними

одними; изученіе «Ши-цзина» и «Чунь-цю» тоже не было приложимо; нравственность, хотя бы и очищенная отъ религіозныхъ заблужденій, мало могла пригодиться; въ такое время, можно было предлагать свои услуги въ извѣстныхъ реформахъ, которыя бы могли усилить данное владѣніе, доставить ему перевѣсъ надъ другими, водворить внутреннее устройство. Это пробовали, какъ видно, уже нѣкоторые законовѣды даже помимо конфуціанства. Такъ мы узнаёмъ, что одни видѣли все спасеніе въ строгости уголовныхъ законовъ (ужъ въ Китаѣ ли они и нынѣ не строги: тогда отсѣкали руки, носы, уши, скопили и проч.). И конфуціанцамъ представлялась единственная возможность завоевать себѣ власть не посредствомъ оружія, въ которомъ они не отличались, а посредствомъ внутреннихъ реформъ. Они старались вникать въ недостатки существовавшаго строя и обдумывали, какъ бы лучше устроить семейство, общество и государство. Разумѣется, послѣднее было ихъ цѣлью, чтобъ сдѣлаться правителями, но этого они могли достигнуть, развивая семейныя и общественныя начала. Рѣдко бывало еще, чтобы почитающій старшихъ возмущался противъ правительства, говоритъ «Лунь-юй». Но тамъ же Конфуція спрашивали: съ чего бы ты началъ, если бы тебѣ поручено было устройство управленія?—Съ исправленія именъ, говоритъ Конфуцій. Отвѣтъ, на первый взглядъ кажущійся чрезвычайно страннымъ, но намекающій на выработанную впослѣдствіи номенклатуру чиновъ. Разумѣется, сидя на рогожахъ до службы, всякій придумывалъ эту номенклатуру по-своему, и оттого даже въ фантазіяхъ, прошедшихъ сквозь призму ханьской редакціи, встрѣчаются противорѣчія, которыя стараются объяснить или тѣмъ, что сохранившіеся документы были написаны да не приведены въ дѣйствіе, или тѣмъ, что они относятся къ различнымъ династіямъ. Такъ чины «Шу-цзина» не сходны съ чинами въ «Ли-цзи». Такъ одни раздѣляли Китай на девять, другіе на двѣнадцать провинцій. Встрѣчается различіе въ перечисленіи выселковъ, деревень, селъ, волостей — при этомъ мирные конфуціанцы любятъ даже выставлять комментаріи (тоже разнорѣчивыя даже въ самомъ «Ши-цзинѣ»), какъ составлялась армія, сколько было у императоровъ и князей корпусовъ войскъ, пѣхоты, конницы и военныхъ колесницъ, при случаѣ объясняя и оружіе и одѣяніе. Но самою любимою и донынѣ приводящею китайцевъ въ восторгъ была система распредѣленія пахотныхъ полей, извѣстная подъ именемъ колодезной, такъ какъ предполагается, что пространство въ 900 му, или 9 циновъ (около 60 десятинъ—для древнихъ временъ куда какъ этого мало!) отводилось на 8 домовъ, которые обрабатывали на себя по 1 цину, а девятый, расположенный въ срединѣ, сообща для правительства. Они даже

высчитываютъ, сколько было такихъ участковъ во всей имперіи, которую представляютъ уже такою же большой, какою она была при Цинь-ши-хуанди, и даже не исключаютъ изъ своихъ квадратиковъ ни озеръ, ни рѣкъ, ни горъ! Каждая межа на пашнѣ орошалась канавкой, канавки соединялись въ канавы, эти въ рвы, эти въ рѣчки, и такъ далѣе. Не упускали также толковать и о жалованьи—низшій служащій чиновникъ получалъ столько же, сколько и земледѣлецъ,—затѣмъ жалованье увеличивалось пропорціонально (князь получилъ вдесятеро больше самаго высшаго сановника-цина).

И все это, разумѣется, существовало въ древнія времена, о нихъ-то разспрашивать, конечно, нужно было у конфуціанцевъ. Такъ легко тогда жилось народу, а нынѣ? Если бы обратились къ намъ, то мы съ умѣли бы облегчить народныя бѣдствія! Вотъ на что намекали конфуціанцы. Уже въ «Лунь-юй'ѣ» Конфуцій предлагалъ по случаю голода снять налоги [1]), но болѣе всего за облегченіе тягостей ратуетъ Мэнъ-цзы, о чемъ будетъ говорено послѣ.

Выраженіемъ правительственныхъ тенденцій конфуціанцевъ служатъ, главнымъ образомъ, двѣ книги. Одна изъ нихъ, небольшая, составляетъ не полную статью между статьями «Ли-цзи», но нынѣ, благодаря новой философіи, извлеченная оттуда дается первая ученику, приступающему къ изученію классическихъ книгъ. Это «Да-сё» (или іô,- франц. eu), великое ученіе [2]). Вотъ вкратцѣ его содержаніе:

„Путь (т.-е. предметъ?) великаго ученія заключается въ проявленіи свѣтлыхъ доблестей (добродѣтелей) [3]), въ обновленіи (!?) народа, въ достиженіи (приведеніи его?) къ крайнему совершенству. Когда будешь знать, куда вести, то будешь твердо дѣйствовать, когда будешь твердо дѣйствовать, то будешь невозмутимъ (когда будешь не возмутимъ и т. д.—вездѣ повтореніе предыдущаго,—то) будешь спокоенъ,—будешь умѣть разсуждать, и (тогда) достигнешь своей цѣли... Древніе, желая проявить свои доблести во вселенной, напередъ устрояли свое царство; чтобъ устроить царство, устраивали свой домъ, для этого исправляли свое сердце, для этого приводили въ состояніе искренности свои мысли, а для этого стремились къ достиженію самыхъ обширныхъ познаній, которыя заключаются въ познаніи вещей [4]). (Далѣе слѣдуетъ обратный силлогизмъ). Начиная отъ императора до

[1]) Хэбу-чэ.— Правда, толкователи утверждаютъ теперь, что это чэ значило только сокращеніе налоговъ на $^2/_{10}$, но почему не допустить, что составители имѣли въ виду собственный смыслъ слова? Вѣдь это еще привлекательнѣе...

[2]) Китайцы толкуютъ это названіе ученіемъ для взрослыхъ, но и самый сюжетъ, и маньчжурскій переводъ: амба таціхінь—заставляютъ предпочесть буквально нами переданное заглавіе. Въ этомъ случаѣ не можетъ намъ служить указаніемъ, что Сяо-сё — малое ученіе—дѣйствительно значитъ ученіе для малолѣтнихъ, потому что эта книга составлена была уже тогда, когда толкованіе на значеніе Дасё, какъ на ученіе для взрослыхъ, было признано всѣми.

[3]) Минъ-дэ — слово это взято изъ «Ши-цзина» и встрѣчается потомъ въ „Шу-цзинѣ".

[4]) Въ моей книгѣ о религіяхъ Востока, я уже замѣтилъ, что когда составителю

простолюдина, всѣ въ украшеніи (образованіи) себя должны полагать основаніе. Всѣ вещи (предметы) имѣютъ начало и конецъ... Если государъ почитаетъ стариковъ, то народъ возвысится въ почтительности къ родителямъ; если онъ уважаетъ старшихъ, то народъ предастся братской любви; если государь призираетъ сиротъ, то народъ не будетъ непокоренъ. Того, чего не любишь, чтобъ тебѣ дѣлали высшіе, не дѣлай низшимъ... Потому благородный мужъ (здѣсь государь) заботится прежде всего о добродѣтеляхъ; есть (будутъ) добродѣтели, есть и люди (подданные); есть люди, есть и земля, есть земля, есть и богатства, есть (что и) употреблять. Достоинства суть основаніе, богатства конецъ... Вотъ почему, если собирать богатства, то народъ разсѣется, если разсѣевать богатства, то народъ соберется (вокругъ правителя) — вотъ почему то, что незаконно вошло (добыто), незаконно (насильственнымъ образомъ) и выйдетъ... Только человѣколюбивый (правитель) можетъ (имѣетъ право) ссылать въ ссылку, только онъ можетъ любить и ненавидѣть людей! Видѣть добродѣтельнаго и не прославлять (рекомендовать), или: прославлять да поздно, это небрежность; не отдалять дурное значитъ преступаться... Любить то, что другіе ненавидятъ, ненавидѣть то, что другіе любятъ — это значитъ идти наперекоръ природѣ, и оттого злосчастье непремѣнно постигнетъ самого. Бладородный мужъ достигаетъ пути преданностью и честностью, теряетъ гордостью и расточительностью. Для произращенія богатствъ есть великій (главный--единственный) путь: чтобъ производителей было много, а потребителей мало, чтобъ производили скоро, потребляли медленно,—тогда богатства достанетъ на вѣки. Человѣколюбивый жертвуетъ богатствомъ для себя, нечеловѣколюбивый жертвуетъ собой для богатствъ... Государство не должно въ видахъ матеріальныхъ полагать свои выгоды, оно въ истинѣ (справедливости?) должно полагать свои выгоды"...

Но главнымъ выраженіемъ правительственныхъ стремленій въ духѣ конфуціанства, конечно, служитъ «Шу-цзинъ».

Сколько нибудь слыхавшіе даже только наименованіе пяти классическихъ книгъ, вѣроятно, давно уже съ недоумѣніемъ спрашивали себя, почему я не говорилъ до сихъ поръ объ этой книгѣ, такъ какъ по крайней мѣрѣ начало ея должно предшествовать и «Ши-цзину», хотя бы онъ былъ составленъ при Чжоу-Гунѣ, и «Чунь-цю»? «Шу-цзинъ»— это древняя исторія Китая, начинающаяся съ двухъ императоровъ (Яо и

Да-сё пришлось объяснять, въ чемъ заключается познаніе вещей (гэ-у)—такъ онъ осѣкся и не докончилъ своей статьи, а конфуціанцы утверждаютъ, что продолженіе было потеряно. Чжу-цзы, взявшійся за объясненіе недостающаго текста, можетъ быть, всего болѣе нанесъ этимъ объясненіемъ зла Китаю. Онъ говоритъ: вѣроятно, это мѣсто значитъ, что человѣкъ, обдумывающій глубоко все сказанное, вдругъ получитъ откровеніе и для него дѣлается яснымъ пониманіе всего. Это уже совершенно исказило, съ перваго шага новой философіи, все до того положительное конфуціанство. Составитель, конечно, имѣлъ въ виду науки и, разумѣется, сознавалъ невозможность для себя изложить ихъ. Кому придется толковать съ китайцами о необходимости для нихъ европейскаго образованія, тому совѣтуемъ обратить вниманіе на это мѣсто--сказать, что у насъ не думаютъ достигнуть гэ-у какимъ-то наитіемъ, а тщательнымъ изученіемъ природы и человѣка. И не одно только „Да-се“ оказалось неполнымъ по безсилію высказаться до конца: знаменитое „Чжоу-ли“ оказалось тоже неоконченнымъ, потому что въ главѣ: Дунъ-гуань—зимній чиновникъ—оно должно было толковать о ремеслахъ и другихъ работахъ. Конфуціанцы и тутъ говорятъ о пропажѣ!

Шуня), предшествовавшихъ двумъ династіямъ, послѣ которыхъ уже и стала править династія Чжоу, да и о началѣ этой династіи мы безъ «Шу-цзина» не имѣли бы достовѣрныхъ свѣдѣній. Это книга книгъ, книга по преимуществу (Шанъ-шу). Но мы позволимъ себѣ прежде всего сдѣлать замѣчаніе на послѣднее названіе. Маньчжуры, переведшіе классическія книги подъ руководствомъ высшихъ знатоковъ китайскаго языка и литературы, потому что переводъ дѣлался по порученію правительства, переводятъ названіе «Шу-цзина» не исторіей, а книгой правленія. Да и въ самомъ дѣлѣ, что̀ въ ней историческаго? Кромѣ собственныхъ именъ, нѣтъ фактовъ; но имена введены для разговора, въ которомъ идетъ рѣчь о томъ, въ чемъ могли находить интересъ только конфуціанцы. Уже ли мы согласимся съ китайцами, что это ихъ ученіе существовало съ незапамятныхъ временъ, что тогда уже господствовали такія возвышенныя идеи? Да и кто ихъ записалъ, какъ могли писать довольно обширные діалоги почти за двѣ тысячи лѣтъ до того времени, какъ начинается тощая лѣтопись? Повѣримъ на слово китайцамъ, что прежде въ «Шу-цзинѣ» было всего 100 главъ (а нынѣ только 58); допустимъ, что все пропавшее относилось именно къ этимъ двумъ тысячелѣтіямъ, даже къ полуторымъ тысячамъ лѣтъ до начала династіи Чжоу: какъ могло статься, чтобъ за все это время было написано все-таки такъ немного, когда, судя по началу, чѣмъ ближе къ намъ, тѣмъ рѣчь должна бы быть многословнѣе, факты полнѣе? А между тѣмъ Конфуцій говоритъ, что онъ радъ бы толковать о династіяхъ Ся и Шанъ, да документовъ нѣтъ!

На чемъ основано сказаніе, что Конфуцій составилъ «Шу-цзинъ»? Намъ кажется, что тутъ главную роль играютъ слова Сы-Ма-цяня, помѣстившаго біографію Конфуція въ своей «Ши-цзи» (собраніе исторій: замѣтьте, у него исторія названа ши, а не шу). Онъ говоритъ, что Конфуцій, по возвращеніи въ Лу, сталъ: *шань-ши-шу*. Китайцы при передачѣ какихъ-нибудь фактовъ любятъ всегда сохранять дошедшій до нихъ текстъ, потому и на эти слова можно смотрѣть, какъ на заимствованныя Сы-ма-цянемъ, даже если онъ, подъ вліяніемъ толкованія конфуціанцевъ, съ которыми хотя и не сходился, но которыхъ все-таки не игнорировалъ, разумѣлъ подъ этими словами, что Конфуцій обработывалъ «Ши-цзинъ» и «Шу-цзинъ» (слова *цзинъ* нѣтъ, а оно могло бы стоять хоть на концѣ). Но слова: *шань-ши-шу* вѣрнѣе перевести: обработывалъ писмена (шу) Ши (цзина), такъ какъ ши занимаетъ мѣсто родительнаго падежа. До истолкованія «Шу-цзина» въ смыслѣ исторіи гіероглифъ *шу* не встрѣчается въ этомъ значеніи (въ «Лунь-юй'ѣ» еще употребляются слова: вэнь-сянь—документы, цзи—реестры). Слѣдовательно, если до сожженія книгъ и существовалъ дѣйствительно какой нибудь «Шу-цзинъ», то это была книга писменъ,

принадлежащая Конфуцію или его ученикамъ, которые все приписывали славѣ своего учителя. Существованіе такой книги дѣйствительно возможно допустить, былъ ли то цѣлый лексиконъ, или собраніе какихъ-нибудь правилъ: трудно даже представить себѣ, что конфуціанцы, первые усовершенствователи и распространители писма, не составили для этого какого-нибудь руководства. Можетъ быть они, послѣ паденія династіи Цинь, и думали дѣйствительно возстановить свое древнее писмо; но такъ какъ видѣли невозможнымъ обратить писменность вспять, то и начали утверждать, что пропала ихъ древняя исторія. Положимъ, китайскіе ученые были такъ невзыскательны, что и тому, что находили въ «Шу-цзинѣ», давали силу, значеніе и смыслъ исторіи. Но она все-таки сочинена была если ужъ не во времена ханьской династіи, то въ позднѣйшее время, какъ почти конечное развитіе конфуціанскихъ идей. Чтó говоритъ, напримѣръ, первая глава «Шу-цзина» (Яо-дянь): а то, что *древній* императоръ Яо умѣлъ проявить святыя доблести, чтобы сроднить всѣхъ родственниковъ до 9 колѣна, а чрезъ это просвѣтить весь народъ (сто фамилій), а чрезъ это привести въ согласіе 10000 царствъ. Вѣдь хотя бы сейчасъ приведенное «Да-сё» и было написано уже тогда, когда былъ подъ руками «Шу-цзинъ», все-таки мысль изъ семейнаго устройства вести устройство вселенной, конечно, появилась только у конфуціанцевъ. Затѣмъ Яо совѣтуется съ министрами о назначеніи на свое мѣсто наслѣдника (хотя послѣ этого, оказывается, прожилъ 28 лѣтъ), и они указываютъ ему на Шуня. Что это значитъ, какъ не стремленіе конфуціанства поставить императорамъ въ обязанность непремѣнно совѣщаться съ министрами (разумѣется, изъ конфуціанцевъ) о такихъ дѣлахъ, какъ назначеніе преемника? «Шу-цзинъ» пошелъ еще далѣе: автору хотѣлось, кажется, ввести выборное начало и для императоровъ—вотъ почему онъ и поставилъ въ главѣ всѣхъ династій Яо и Шуня—какъ выбранныхъ, а не наслѣдственныхъ правителей. Кажется, съ этой же цѣлью—посондировать народное мнѣніе—и вводится потомъ эпизодъ изъ исторіи династіи, когда на мѣсто удаленнаго императора учреждается общій совѣтъ, т.-е. республика, какъ проговаривался выше Конфуцій (что лучше не имѣть государей). Мэнъ-цзы идетъ далѣе: онъ говоритъ, что близкіе родственники могутъ свести съ престола недостойнаго государя. Конечно, такія мысли не могли быть высказываемы конфуціанствомъ съ самаго начала, оно и отказалось отъ нихъ, когда увидѣло, что съ такими взглядами нельзя стать у кормила правленія *),—но надобно удивляться ихъ ловкости говорить такими намеками, чтобы въ случаѣ нужды можно было отъ нихъ и отказаться!

---

*) Не занесены ли эти идеи послѣ знакомства съ западомъ, какъ и астрономическія вычисленія?

Вторая глава: *Шунь-дянь*—царствованіе выборнаго Шуня, можетъ быть, еще тенденціознѣе. Яо испытываетъ Шуня три года и когда находитъ достойнымъ, то Шунь «перваго числа первой луны» [1]) принимаетъ (соправленіе?) въ храмѣ предковъ [2]), исправляетъ семь созвѣздій (т.-е. и онъ является тоже астрономомъ), приноситъ жертвы богу (Шанъ-ди), шести главнымъ горамъ и рѣкамъ, всѣмъ духамъ; окруженный четырьмя министрами (Ю-пикъ, Сопка—а послѣ выходитъ больше) и всѣми правителями (провинцій) Му, раздаетъ въ продолженіи мѣсяца знаки достоинства князьямъ. Во второй лунѣ отправляется на востокъ къ горѣ Дайшань, въ пятой на югъ, къ Нань-ю (южный пикъ), въ восьмой на западъ къ западному, въ одиннадцатой на сѣверъ, къ сѣверному пику [3]), всѣмъ этимъ горамъ приноситъ жертвы, равно какъ меньшія жертвы и другимъ горамъ и рѣкамъ [4]). Всюду къ нему собираются мѣстные князья [5]), которые приносятъ ему надлежащую дань [6]); онъ условливается съ ними о календарѣ, вводитъ одни законы, мѣры, исправляетъ пять церемоній (счастливыя, торжественныя, радостныя и пр.) и пять сосудовъ. По возвращеніи въ столицу приноситъ опять жертвы въ храмѣ предковъ [7]) причемъ убито одно животное. Чрезъ пять лѣтъ (т.-е. на пятый годъ) онъ всегда будетъ такъ осматривать имперію, а въ промежуточные четыре года будутъ являться къ нему князья [8]). Онъ позволяетъ *все ему высказывать*, отличаетъ заслуги и награждаетъ за нихъ привилегированными платьями и экипажами [9]). Раздѣляетъ Китай на 12 провинцій, и на каждую назначена гора [10]), прочищаетъ рѣку,

---

[1]) Законъ для будущихъ царей—считать свое царствованіе только съ слѣдующаго года, хотя бы предыдущій императоръ умеръ 2-го числа 1-й луны. Это соблюдается и до сихъ поръ.

[2]) Вэнь-цзу; но какіе же были у него предки? Изъ этого надо заключить, что понятіе о Вэнь-ванѣ было нарицательное. Притомъ проглядываетъ уже та мысль, что императоръ на старости лѣтъ долженъ отказаться отъ престола.

[3]) Разумѣется, это даетъ поводъ толкователямъ объяснять обширность владѣній.

[4]) Упоминаніе объ этихъ жертвахъ могло выдти изъ толкованій на „Ши-цзинъ“.

[5]) А какъ примирить съ существованіемъ князей одновременное существованіе и провинціальныхъ правителей! Но на первыхъ порахъ ханьской династіи дѣйствительно существовалъ такой порядокъ. И ниже еще намъ удастся сказать, что многое въ „Шу-цзинѣ“ внесено для оправданія фактовъ этой династіи.

[6]) Пять яшмъ, три куска матеріи, двухъ живыхъ и одно мертвое животное. Это ужъ, конечно, чтобъ показать великодушіе. Вѣдь и нынѣ монгольскіе князья приносятъ дань изъ девяти бѣлыхъ животныхъ, а получаютъ значительное жалованье.

[7]) Все это и нынѣ соблюдается въ случаѣ выѣзда и пріѣзда богдохана.

[8]) Разумѣется, въ одинъ годъ съ востока, въ другой съ юга и т.-д. Нынѣ для всѣхъ монгольскихъ, туркестанскихъ и тибетскихъ данниковъ есть тоже росписаніе, когда являться.

[9]) Въ Ши-цзинѣ“ тоже говорится не разъ о такихъ наградахъ шитьемъ и экипажами.

[10]) Для принесенія жертвъ, какъ и нынѣ.

постановляетъ уголовные законы: изгнаніе (или ссылка) назначено послѣ пяти родовъ смертной казни (удавить, отрубить голову, разорвать телѣгами, четвертовать, срѣзать съ живого мясо съ костей?), тѣлесное наказаніе плетью и бамбуками за меньшія преступленія, затѣмъ слѣдуютъ штрафъ, прощеніе (и за всѣмъ тѣмъ говорится, что онъ сказалъ: въ наказаніяхъ да будетъ милость). Когда черезъ 28 лѣтъ умираетъ Яо, народъ носитъ по немъ трауръ, какъ по своемъ родителѣ, въ продолженіи трехъ лѣтъ не слышно было ни пѣсенъ, ни музыки [1]).

Затѣмъ Шунь раздаетъ должности съ согласія чиновъ. Извѣстный Юй и Хоу-цзи должны—первый надзирать за водой и землей, второй за хлѣбопашествомъ; Сѣ (предокъ Шана) за просвѣщеніемъ, Гао Яо за юстиціей [2])—всего учреждено девять должностей [3]). И все это производство разсказывается въ формѣ діалога. Шунь спрашиваетъ сперва министровъ (да откуда же они взялись?—развѣ истолкуютъ Сы-ю [4]), въ такомъ случаѣ это не смѣнныя лица), кого бы назначить на такую-то должность—на кого они укажутъ. Шунь обращается къ тому-то и говоритъ: исполняй то-то, этотъ отговаривается, указываетъ на другихъ (китайская вѣжливость), которые его способнѣе, и Шунь рѣшаетъ: ты ступай, ты пригоденъ! Затѣмъ Шунь обращается ко всѣмъ 22 присутствующимъ чинамъ и говоритъ, что чрезъ три года должно производить разсмотрѣніе заслугъ [5]).

Понятно, что если бы мы пустились въ толкованіе одной этой главы, приводя мнѣнія китайцевъ, то не пришлось бы никогда добраться до конца.

Кромѣ упомянутыхъ здѣсь двухъ первыхъ главъ, китайцы придаютъ еще большое значеніе слѣдующимъ тремъ: Юй-гунъ, дань-Юй'ю—первый опытъ китайской географіи, на который до сихъ поръ еще являются охотники съ новыми

---

[1]) Китайская нравственность, какъ въ „Лунь-юй'ѣ“, такъ и въ Ли-цзи, прославляетъ трауръ, какъ особенность конфуціанскую. Мэнъ-цзы тоже его оправдываетъ.

[2]) Разумѣется, мнѣ могутъ сказать, что упоминаніе объ этихъ лицахъ въ „Ши-цзинѣ“ само заимствовано изъ Шу-цзина“; но вѣдь въ такомъ случаѣ надобно допустить, что во времена Шуня дѣйствительно умѣли писать и записывали такія подробности.

[3]) 5-й—смотритель за работами; 6-й—за скотоводствомъ; 7-й—церемоніймейстеръ; 8-й—капельмейстеръ; 9-й—пріемщикъ прошеній.

[4]) По другимъ Сы-ю—четыре сопки—есть одно лицо, потому что наблюдается всѣмъ чинамъ счетъ 22, т.-е. 9 министровъ, 12 правителей; на долю Сы-ю приходится только единица.

[5]) И европейцы вѣрятъ, что это были: des concours solennels ouverts pour faire des choix parmi les hommes du peuple! Да вѣдь это любимая мечта конфуціанская,—чтобъ не засиживались долго, чтобъ можно было столкнуть! И все это теперь принято. Мы должны замѣтить, что эта вторая глава „Шу-цзина“ принадлежитъ къ тѣмъ частямъ этой книги, которыя появились послѣ. Это ясно указываетъ на то, что при началѣ ханьской династіи конфуціанскіе вопросы не всѣ еще были разрѣшены, что разработка ихъ продолжалась и при ней.

толкованіями. Юй раздѣлилъ будто бы землю (т.-е. свою имперію) на провинціи по горамъ и просѣкамъ, назначивъ (границами) горы и большія рѣки. Затѣмъ сейчасъ же перечисляются эти провинціи въ количествѣ девяти, тогда какъ у его предшественника Шуня, какъ мы сейчасъ видѣли, ихъ было двѣнадцать. Можетъ быть, такое разногласіе даже умышленно, чтобъ доказать достовѣрность, а по нашему мнѣнію, главы „Шу-цзина“ могли, какъ и статьи „Ли-цзи“, составляться отдѣльно, не зная, что сказано впереди или назади. При каждой провинціи показаны ея границы (съ трехъ сторонъ—таже любезная колодезная система!). Затѣмъ говорится, какая въ ней почва, приподнявшаяся или низшая (бѣлая, чорная, и проч.), какія подати (высшія, среднія, низшія изъ высшихъ, среднія изъ низшихъ), произведенія. Далѣе излагается, какую дань приносятъ инородцы и гдѣ лежитъ ихъ путь. Намъ кажется, что лучшимъ доказательствомъ поздняго составленія этой главы служитъ упоминаніе о тонкой бумагѣ, которая по другимъ извѣстіямъ изобрѣтена была только при ханьской династіи. Вторая статья — Хунъ-фань—родъ нравственнаго лексикона (какъ въ „Лу“ для лошадей), въ девяти отдѣлахъ. Это большая чепуха, но, какъ увидимъ, не надъ ней одной трудятся китайцы. 1-й отдѣлъ: пять стихій: вода, огонь, дерево, металъ, земля... отсюда получаются вкусы: солончаковый, горькій, кислый, пряный и сладкій. 2-й отдѣлъ: пять дѣлъ: форма, слово, зрѣніе, слухъ и мысль, имъ соотвѣтствуютъ по порядку: почтительность, покорность, свѣтъ, мудрость и благоразуміе; отсюда происходятъ: строгость (къ себѣ), разборчивость (въ сужденіи), знаніе, умъ и святость. 3-й отдѣлъ: восемь отправленій: пища, богатство, жертвы, министры — земледѣлія, просвѣщенія, юстиціи, князья, войско и т. д. Третья глава — Чжоу-гуань: чины при династіи Чжоу.

Въ виду безчисленныхъ китайскихъ толкованій, намъ невозможно излагать здѣсь содержаніе всего «Шу-цзина». Мы должны ограничиться однимъ замѣчаніемъ относительно частей, входящихъ въ эту книгу. Хотя языкъ ея довольно теменъ и однообразенъ, что̀ доказываетъ если не умыселъ или искаженіе, то плохое умѣнье писать, но статьи, намъ предлагаемыя, какъ сейчасъ увидимъ, не были написаны одновременно и однимъ лицомъ. Тутъ, какъ и въ «Ли-цзи», собраніе нравственно-политическихъ опытовъ нѣсколькихъ лицъ. Статьи объ Яо и Шунѣ невольно наводятъ на раздумье: откуда взялись такія имена, совпадающія, какъ и наши Ной и Симъ, съ временемъ потопа? Мы не утверждаемъ, но считаемъ вопросъ о знакомствѣ съ Западомъ все еще открытымъ. Китайцы большіе мастера маскировать иностранное происхожденіе. Можетъ быть, къ такимъ легендамъ должно отнести и статью: *Цзю-гао*, которая предостерегаетъ отъ пьянства, такъ какъ большія и малыя государства погибли отъ вина... *Цзинь-тэнъ*—золотой ларчикъ, въ который Чжоу-гунъ кладетъ свои молитвы по случаю болѣзни брата своего У-вана о томъ, что онъ готовъ вмѣсто него идти на небо. Когда Чжоу-гунъ по подозрѣнію удалился отъ двора, то настала засуха, буря вырвала деревья, приклонила хлѣбъ. Чэнъ-ванъ, открывъ ларчикъ и найдя молитвы, понялъ, что бѣдствія ниспосланы небомъ за подозрѣнія

противъ Чжоу-гуна. Этотъ разсказъ напоминаетъ тоже легенды, ходящія на Западѣ.

Но кромѣ главъ о Яо и Шунѣ, прочія статьи также только quasi-историческія: нѣкоторые факты, очевидно, составлялись даже по соображенію съ обстоятельствами, случившимися при ханьской династіи, и это очень хорошо выясняетъ цѣли составителей. Конфуціанцамъ особенно не понутру пришлось сообщеніе съ Западомъ: оно подрывало ихъ значеніе и тѣ знанія, которыми они гордились *).

Итакъ, мы полагаемъ, что «Шу-цзинъ» есть такой же сборникъ или компиляція временъ ханьскихъ или незадолго имъ предшествовавшихъ, какъ и «Ли-цзи», какъ и самые «Ши-цзинъ» и «Лунь-юй». Мы далеки однакожъ отъ того, чтобы не видѣть глубокаго различія между этими книгами. Тогда какъ «Ши-цзинъ» высказывалъ нравственныя правила, проникшія и въ толкованія на «Чунь-цю», и служилъ имъ подкрѣпленіемъ, «Лунь-юй» отражаетъ борьбу этихъ началъ съ простымъ обученіемъ, «Ли-цзи» представляетъ смѣсь разнообразныхъ сюжетовъ и взглядовъ. «Шу-цзинъ» одинъ только преслѣдуетъ одну и туже цѣль — выставить на видъ конфуціанскія воззрѣнія и желанія при созиданіи государственнаго строя. Тутъ одна статья не подрываетъ другой, каждая есть отраженіе коренной идеи въ примѣненіи къ представившемуся вопросу. Потому-то эта книга и называется «шанъ-шу», книгой попреимуществу.

Хотя, какъ мы сказали, въ принципахъ «Шу-цзина» и высказывается стремленіе къ ограниченію императорской власти, но это стремленіе такъ замаскировано, что никогда не подавало повода къ сопротивленію со стороны какого бы то ни было правительства въ послѣднія 2000 лѣтъ (а вѣдь не всѣ же государи были приверженцы Конфуція). Поэтому страннымъ кажется утвержденіе конфуціанцевъ, что Цинь-ши-хуанди подвергъ эти книгу преслѣдованію, тогда какъ уцѣлѣлъ Мэнъ-цзы. Притомъ если взять сочиненіе циньскаго главнаго министра Афувлюй-бувей'я, подъ названіемъ тоже Чунь-цю, то мы найдемъ, что если въ немъ нѣтъ ничего историческаго, за-то оно вовсе не расходится съ конфуціанскими мнѣніями, такъ что мы должны похвалить «Шу-цзинъ» за его чинность и благовоспитанность, и вмѣстѣ съ тѣмъ придти къ вопросу: если всѣ разсматриваемыя нами книги прошли сквозь призму ханьской редакціи или ханьскихъ толкователей, то ужъ не имѣемъ ли мы дѣло съ перерожденнымъ или упрощеннымъ конфуціанствомъ, которому замазали ротъ допущеніемъ къ кормилу правленія, и которое отказалось отъ своихъ

*) Это продолжается донынѣ. И нынѣ, не смотря на явное превосходство Европы, китайскіе ученые только о томъ и думаютъ, какъ бы не проникло въ ихъ страну европейское образованіе.

революціонныхъ стремленій? И «Шу-цзинъ» сослужилъ въ этомъ главную службу. Все высказанное нами выше объ этой книгѣ заставляетъ подозрѣвать, что книга эта есть плодъ примиренія конфуціанства, начало его служебной или правительственной дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ говорятъ намъ сами китайцы о появленіи ея при ханьской династіи? Когда вступилъ на престолъ Вэнь-ди (179—157 до Р. Хр.), то ученый Цзао-цо, узнавъ, что въ провинціи Ци живъ еще нѣкто Фу-шэнъ, знавшій наизусть «Шу-цзинъ», отправился къ нему для того, чтобы записать эту книгу. Фу-шэну было въ то время уже 90 лѣтъ, онъ былъ беззубый, такъ что его понимала одна его девяти-лѣтняя внучка; она-то и служила переводчицей Цзао-цо, который былъ притомъ родомъ изъ провинціи Инъ-Чуань, весьма отличавшейся отъ Ци своимъ устнымъ діалектомъ. Хорошо же, должно быть, было пониманіе! Притомъ здѣсь дѣло идетъ о письменомъ языкѣ, котораго, конечно, не понимала дѣвочка, да хотя бы и понимала, такой языкъ невозможно возстановлять въ цѣлости и первобытномъ начертаніи всякому ученому. «Шу-цзинъ», если бы существовалъ до Цинь-ши-хуанди, былъ бы писанъ древнимъ почеркомъ, Цзао-цо же пользовался уже новымъ! Да и самъ разсказъ прибавляетъ, что Цзао-цо понималъ изъ десяти словъ дѣвочки двѣ или три части! Что же это за книга, больше ли въ ней достоинства и содержанія оттого, что Цзао-цо списалъ ее въ такомъ видѣ со словъ Фу-шэна, а не самъ сочинилъ. Вѣдь отъ этого нисколько не пострадали бы идеи конфуціанства. Мы сказали бы только, что принципы никогда не вырабатываются такъ скоро и въ новѣйшемъ человѣчествѣ, а два съ половиной слишкомъ вѣка не представляютъ большого промежутка для древняго міра!

Такое сказаніе о передачѣ «Шу-цзина» Фу-шэномъ не должно ли поставить на одну ступень съ сказаніемъ, что удѣльные князья представляли императору пѣсни своего народа для того, чтобъ онъ могъ судить о достоинствѣ ихъ управленія! Китайцы послѣ сами спохватились такой нелѣпости и стали утверждать, что Фу-шэнъ во время гоненія скрылъ бывшій у него «Шу-цзинъ» въ стѣнѣ своего дома, но послѣ нашелъ изъ 100 главъ всего 29, которыя и сталъ преподавать (90-то лѣтъ!) въ земляхъ Лу и Ци, ихъ-то и передалъ посланному къ нему отъ двора Цзао-цо. Но тутъ на первомъ мѣстѣ является вопросъ о письменахъ; во вторыхъ, какъ случилась пропажа 71 главы изъ непотревоженной стѣны; наконецъ, извѣстіе, что одна статья Тай-ши, состоящая изъ трехъ главъ, присоединена была къ фушэновскому (читай: Цзао-цо) уже при Уди (147—87)? Итакъ, даже допуская весь разсказъ о Фу-шэнѣ и древности «Шу-цзина», оказывается, что мы имѣемъ древнихъ главъ всего 26. Затѣмъ начи-

наются прибавленія, какъ Тай-ши, и нынѣ, наконецъ, «Шу-цзинъ» состоитъ изъ 58 статей (а съ предисловіемъ, которое тоже причисляютъ къ древности, изъ 59), ровно вдвое больше. Какимъ же образомъ появились эти добавочныя статьи? Да помогли все тѣже стѣны: подъ конецъ царствованія Уди, лу'скій князь, разламывая будто бы старый домъ Конфуція *), нашелъ въ стѣнѣ его дома «Шу-Цзинъ», «Лунь-юй», «Сяо-цзинъ» (по нѣкоторымъ и «Ли-цзи»), написанныя древними головастиковыми (кэ-доу) писменами. Легенда готова завраться даже до такой степени, что будто бы эти книги спрятаны были самимъ Конфуціемъ въ предвидѣніи гоненія. Какая предусмотрительность, достойная дѣйствительно святого мужа, какимъ стали считать Конфуція—да только какъ же это онъ могъ спрятать «Лунь-юй» и «Сяо-цзинъ», которыхъ при немъ еще не существовало? А потомъ, съ какой стати являются тутъ кэ-доу-цзы, которыхъ никто не могъ разобрать, тогда какъ — предполагается — книги, если были написаны послѣ Конфуція, писались для преподаванія, которое употребляло писмена чжуань **)! Съ какой стати было писать такими писменами хоть «Лунь-юй» и «Сяо-цзинъ»! Но посмотримъ, что говорятъ дальше. «Шу-цзинъ», написанный головастиковыми писменами, былъ весь цѣлехонекъ во 100 главахъ, но такъ какъ этихъ писменъ никто не могъ разобрать, то и прибѣгли къ «Шу-цзину» Фу-шена, по главамъ послѣдняго добрались и до прочаго текста, переписали древнія буквы новыми, здѣсь прямо названными ли-шу. Бѣда только въ томъ, что разобрали всего новыхъ 25 статей, а прочія остались навсегда погибшими, такъ какъ ихъ не умѣли разобрать! Но это еще большая чепуха, чѣмъ сказаніе о беззубомъ старцѣ, съ которымъ переговаривается Цзао-цо. Кто знаетъ свойство китайской писмености—да, думаемъ, какой угодно—того никакъ нельзя увѣрить, чтобы разобравъ половину книги, нельзя было разобрать остальную. Вѣдь должны же были повторяться уже знакомые гіероглифы, по нимъ не трудно было бы разложить и возстановить неизвѣстные. Очевидно, что новыя 25 главъ составляютъ подлогъ (какъ и первыя), но подлогъ, до такой степени щекочущій китайское самолюбіе, что китайцы сами сомнѣваются и сами вѣрятъ. Первые толкователи на «Шу-цзинъ»: Цзялу, Ма-жунъ, Чжэнъ-юань, не знаютъ еще прибавленій и разбираютъ только 29 статей,

---

*) Какъ будто китайскія зданія такъ долговѣчны!

**) Выше мы упомянули уже, что въ этомъ только преданіи сохранилось первое упоминаніе о кэ-доу-цзы. Но въ это время китайцы уже вступили въ сообщеніе съ Западомъ, слѣдовательно могли узнать о существованіи египетскихъ гіероглифовъ. Да притомъ, какъ видно, и самая легенда о кэ-доу могла явиться еще позже, когда прибавленныя главы показались на свѣтъ.

такъ что прибавленія эти, значитъ, сочинены были даже не въ указываемое время, а гораздо позже. «Шу-цзинъ» въ 59 статьяхъ является уже при цзиньской династіи. Говорятъ, что при У-ди разборъ 25 главъ открытаго «Шу-цзина» сдѣланъ былъ Кунъ-Ань-го, потомкомъ Конфуція, но онъ не могъ ихъ представить правительству У-ди, такъ какъ подъ конецъ его царствованія начались преслѣдованія (но вѣдь не конфуціанцевъ, а политическія), потому онъ и оставилъ этотъ разборъ въ своемъ семействѣ. И ни при обѣихъ ханьскихъ династіяхъ, ни даже при Сань-го (221—200), онѣ не были еще выпущены въ свѣтъ. Итакъ, мы еще очень снисходительны, когда говоримъ, что классическія книги прошли сквозь призму ханьскихъ ученыхъ. «Чжоу-ли» не была еще послѣдней книгой поддѣлокъ, только развѣ въ концѣ третьяго столѣтія нашей эры онѣ остановились окончательно, и то въ томъ смыслѣ, что уже не стали признаваться учеными за авторитетъ. Кунъ-инъ-да говоритъ, что появлялись поддѣльныя дополненія къ «Шу-цзину», которыя содержали будто бы остальныя неразобранныя Кунъ-Ань-го статьи этой книги.

Итакъ, на первыя времена ханьской династіи мы должны смотрѣть только какъ на эпоху, когда образовались главные принципы конфуціанства, съ которыми уже должны были сообразоваться и поддѣлки, до того времени пользовавшіяся большимъ просторомъ.

Нельзя отрицать, что во всѣхъ этихъ книгахъ вписано много прочувствованнаго и обдуманнаго. Видно, что ихъ писали люди, и сами подвергавшіеся страданіямъ, и бывшіе свидѣтелями людскихъ страданій. Не наобумъ говорили они о нравственныхъ началахъ въ отношеніи себя, семейства, общества. Не въ фантазіи проходила предъ ними панорама государственной распущенности, безтолковости, отзывавшаяся на народномъ благосостояніи. Конфуціанцы, явившись учителями народа, считали себя въ правѣ быть и учителями правительства; они сознавали, какую великую пользу могли бы они дѣйствительно принести, если бы къ нимъ обратились. Не все же были между ними пустые честолюбцы. Истинное честолюбіе ставитъ выше всего проведеніе своихъ идей; представьте себѣ положеніе человѣка (а тутъ былъ не одинъ), который обнимаетъ весь горизонтъ господствующихъ мнѣній и стремленій, видитъ всю ихъ узкость и непригодность, хочетъ вразумить, и вдругъ встрѣчаетъ наглое отрицаніе, пренебреженіе олигарха, какъ бы говорящаго: тебѣ ли понимать! И замѣтьте, это было еще въ первый разъ, по крайней мѣрѣ, въ уголкѣ того человѣческаго общества, которое развивало все изъ себя, которое, при видимомъ предпочтеніи исторіи, незнакомо было съ дѣйствительной исторіей человѣческой жизни, гдѣ не можетъ пропасть зародышъ ни одной идеи,

хотя бы на нее легла тысячелѣтняя пыль. Понятно, что́ долженъ былъ чувствовать такой человѣкъ, каково должно быть его нетерпѣніе, подогрѣваемое до фанатизма южнымъ климатомъ.

Представителемъ этого-то нетерпѣливаго озлобленія и является Мэнъ-цзы, вылившій всю накипѣвшую желчь, послѣднее слово древняго конфуціанства.

VI. Мэнъ-цзы.

Немногія литературы могутъ похвалиться, даже въ новѣйшее время, такимъ дѣйствительно замѣчательнымъ, если не сказать больше, привлекательнымъ, заманчивымъ сочиненіемъ, какъ «Мэнъ-цзы». Интересъ возбуждается еще болѣе при вопросѣ: какимъ образомъ эта книга терпима въ такомъ, по нашимъ понятіямъ, консервативномъ, деспотическомъ государствѣ, какъ Китай *), а въ Китаѣ по ней преподаютъ въ самыхъ первоначальныхъ народныхъ школахъ **). Намъ здѣсь не къ чему передавать китайское изслѣдованіе о томъ, когда жилъ Мэнъ-цзы, былъ ли онъ ученикъ учениковъ Конфуція, или клевещетъ на него сунскій бывшій государственный мужъ и ученый Сы-нагуанъ, говоря, что Мэнъ-цзы есть произведеніе ханьскихъ ученыхъ педантовъ и Донъ-Кихотовъ.

Нѣкоторые китайскіе писатели стали было увѣрять, что Мэнъ-цзы былъ ученикъ Цзы-сы, ученика Цзэнд-цзы, ученика Конфуція; но такъ какъ въ концѣ самой книги говорится, что со смерти Конфуція прошло сто лѣтъ, то находятъ, что когда родился Мэнъ-цзы, Цзы-сы не могъ уже быть въ живыхъ. Жизнь Мэнъ-цзы извѣстна лишь на столько, на сколько можно видѣть ее изъ самой его книги, т.-е., что онъ странствовалъ будто бы изъ царства въ царство, объясняя и проповѣдуя конфуціанскія идеи. Но и тутъ не знаютъ, какъ объяснить упоминаніе о такихъ князьяхъ (называемыхъ посмертными именами; другія лица, съ которыми разговариваетъ Мэнъ-цзы, совсѣмъ неизвѣстны въ исторіи), которые жили на такомъ далекомъ разстояніи

*) Ст. Жюльенъ издалъ ее въ латинскомъ переводѣ: Mencius, Sinarum philosophus и пр.

*) Минскій императоръ Хунъ-ву, вышедшій изъ монастырскихъ служекъ, познакомившись съ этой книгой на престолѣ, возмутился и приказалъ исключить ее изъ школъ. Но всѣ ученые возстали противъ такой обиды ихъ учителю, котораго они чтятъ наравнѣ съ Чжоу-гуномъ и Конфуціемъ. Послѣдовалъ протестъ за протестомъ; взбѣшенный императоръ, не хотѣвшій ничего слушать, приказалъ дворцовой стражѣ стрѣлять во всякаго, кто явится съ подобнымъ протестомъ. Но и это не устрашило, были и тутъ жертвы. Наконецъ, когда министръ пріѣхалъ къ дворцовымъ воротамъ съ протестомъ и гробомъ, въ который его должны были положить послѣ убіенія, Хунь-ву пришлось отказаться отъ преслѣдованія.

временъ другъ отъ друга, что Мэнъ-цзы не могъ видѣть одновременно и тѣхъ и другихъ. Допускаютъ, что такія посмертныя имена и вообще текстъ передѣланъ, потому что конфуціанскій этикетъ не позволялъ самимъ прибавлять къ своей фамиліи титулъ *цзы* (философъ), какъ это постоянно встрѣчается въ самой книгѣ, что они вставлены его учениками. Родина Мэнъ-цзы, Цзоу, находилась будто бы не подалеку отъ конфуціевой. Но, намъ кажется, нѣтъ необходимости принимать даже и слово *мэнъ* за фамильное названіе, такъ какъ оно значитъ: суровый, строгій, и книгу могъ составить какой нибудь скрывшійся подъ этимъ псевдонимомъ, даже изъ опасенія подвергнуться преслѣдованію, досужій писатель-мыслитель. Даже можно предположить, что названіе книги дано въ pendant даоскому Чжуанъ-цзы, который считается современникомъ Мэнъ-цзы, но, къ удивленію китайцевъ, съ нимъ не встрѣчается. У даосовъ особенно вошло въ обычай называть книги по именамъ философовъ—у конфуціанцевъ же это единичный примѣръ, по крайней мѣрѣ для древней литературы, если не обращать вниманія на то, что сочинитель упоминаемой нами оды тоже называетъ себя Мэнъ-цзы, но, какъ мы замѣтили, и тамъ это имя можетъ быть нарицательное. Что нибудь одно: или Чжуанъ-цзы или Мэнъ-цзы явились одинъ отъ другого. Но «Чжуань-цзы», какъ мы увидимъ, переполнено баснями для проведенія мыслей и сужденій; «Мэнъ-цзы» изрѣдка, но все-таки прибѣгаетъ къ этой манерѣ. Такъ какъ «Мэнъ-цзы» содержитъ въ себѣ страшныя нападки на правителей, предполагается—удѣльныхъ князей, то, казалось бы, должно дать вѣру, что эта книга хотя и сочинена такъ рано, но все-таки во времена удѣльной системы, когда конфуціанство не занимало еще почетнаго мѣста, слѣдовательно до Цинь-ши-хуанди. Китайцы объясняютъ даже, почему она не подверглась преслѣдованію: Мэнъ-цзы считался вначалѣ постороннимъ конфуціанству философомъ. Но этого нельзя допустить, потому что преслѣдованіе книгъ распространено было, можетъ быть, менѣе на конфуціанскія, чѣмъ на другія философскія, вѣроятно соціалистическія сочиненія. Хотя бы «Мэнъ-цзы» и былъ сочиненъ при ханьской династіи, тутъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, потому что такое сочиненіе могло быть произведеніемъ человѣка, перенесшагося въ недавнія, но тяжкія для народа времена и давшаго просторъ своей фантазіи въ изображеніи того, что̀, по его мнѣнію, сдѣлало бы невозможнымъ повтореніе такихъ ужасовъ. Тутъ, быть можетъ, даже скрыто тайное намѣреніе выразить недовольство самимъ ханьскимъ дворомъ, внушить ему страхъ. При нашемъ взглядѣ на китайскую литературу, мы необходимо должны признать «Мэнъ-цзы» за произведеніе возможно позднее. Эта книга ссылается уже на «Лунь-юй» и на «Шу-цзинъ» и даже на главу Тай-ши, которая

была присоединена къ главамъ Фу-шэна, какъ сказано, послѣ. Языкъ «Мэнъ-цзы», гораздо понятнѣе (слѣд. новѣе) языка не только «Шу-цзина», «Лунь-юй'я», но и главъ «Ли-цзи», такъ что его можно читать почти безъ комментаріевъ. Если бы жизнеописаніе Мэнъ-цзы не попало въ исторію Сы-ма-цяня, то можно бы подумать, что первый истолкователь его, Чжао-ци, который хвастался, что происходитъ отъ Чжуанъ-сю'я (за 2510 л. до Р. Х.) и показывалъ свою родословную съ того времени—обратите вниманіе на такую страсть прихвастнуть — былъ вмѣстѣ самъ и сочинителемъ «Мэнъ-цзы». Въ 154 г. нашей эры, онъ долженъ былъ скрываться отъ преслѣдованія министра Танъ-хэна, истребившаго все его семейство и родственниковъ. Найдя пріютъ въ Шань-дунѣ, онъ сочинилъ 23 пѣсни заключеннаго и комментарій на «Менъ-цзы»: очень немудрено, что онъ при этомъ покрайней мѣрѣ вставилъ въ «Мэнъ-цзы» многое и отъ себя, въ обезпеченіе чего онъ и опредѣляетъ количество гіероглифовъ «Мэнъ-цзы»—34,685; но нынѣ ихъ насчитывается 35,226, изъ чего должно заключить, что и эта книга не разъ передѣлывалась и дополнялась. Это подтверждается также ссылками, приводимыми изъ «Мэнъ-цзы» у философовъ Сюнь-цзы и Янъ-цзы, но мы напрасно ищемъ этихъ ссылокъ въ настоящей редакціи. Вплоть до суньской династіи (960—1268), Мэнъ-цзы не считался собственно конфуціанскимъ писателемъ, всю цѣну его набили ученые этой династіи (Су-ши, Чжу-си и проч.), но только съ 1315 г. онъ введенъ въ число школьныхъ или экзаминаціонныхъ предметовъ. Въ 1083 г. сунскій царь Шень-цзунъ далъ ему посмертный титулъ князя Цзоу (Цзоу-го-гунъ); затѣмъ его почтили въ храмѣ Конфуція подлѣ Янь-цзы. При юаньскомъ Вэнь-цзунѣ онъ былъ названъ равнымъ святому (т.-е. Конфуцію).

Что касается до исключенія Мэнъ-цзы изъ разряда собственныхъ конфуціанцевъ, взгляда на него какъ на особаго философа, то это дѣйствительно совершенно несправедливо. О чемъ и хлопочетъ только Мэнъ-цзы, какъ не о прославленіи Конфуція, какую истину онъ проповѣдуетъ, какъ не конфуціанскія идеи? Развѣ изъясненіе значенія Яо и Шуня, упоминаніе о древнихъ знаменитостяхъ (Бо-ли-си, И-инь, Лю-ся-гуй) не конфуціанскія созданія! Что онъ не пошелъ на компромиссъ консерваторовъ, выразивъ въ надлежащемъ видѣ, къ какимъ выводамъ приводитъ конфуціанство вслѣдствіе своего историческаго развитія, встрѣчи съ наводящими на тяжкую думу обстоятельствами,—развѣ это даетъ право на исключеніе его изъ конфуціанцевъ? Но онъ, конечно, составляетъ особую школу конфуціанства. Что касается до вопроса, составленъ ли «Мэнъ-цзы» одной рукой, или, какъ «Лунь-юй», есть сводъ записей

различныхъ учениковъ, то, кажется, должно согласиться съ китайскими критиками, которые стоятъ за первое мнѣніе; это доказываютъ и проводимые въ книгѣ принципы. При этомъ, правда, является недоумѣніе, почему одна и таже идея проводится въ различныхъ параграфахъ (съ измѣненіемъ только лицъ, съ которыми разговариваетъ Мэнъ-цзы); но это, кажется, есть неизбѣжное слѣдствіе или вліяніе всѣхъ предшествовавшихъ книгъ. Вѣдь и «Ши-цзинъ» содержитъ, какъ мы уже говорили, повтореніе одного и того же содержанія въ различныхъ отдѣлахъ. О «Лунь-юй'ѣ», какъ мы видѣли выше, это говорятъ тѣже китайцы; «Шу-цзинъ» тоже перебѣгаетъ отъ одной мысли къ другой, и тотчасъ возвращается къ старому.

Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, существовало ли лицо, называемое Мэнъ-цзы, или это книга, написанная однимъ какимъ-нибудь досужимъ человѣкомъ, или составленная, какъ и другія конфуціанскія книги, подъ редакціей нѣсколькихъ частныхъ лицъ, жившихъ даже въ разное время. Для насъ всего важнѣе знать, что̀ содержитъ въ себѣ эта книга, какой смыслъ, какое значеніе въ конфуціанствѣ имѣетъ ея содержаніе. Выше мы сказали, что «Шу-цзинъ» есть книга, выражающая понятія людей благовоспитанныхъ, такихъ, которые, достигши извѣстнаго значенія, хотятъ перемѣнить ту самую почву, съ которой они поднялись. Но всякое ученіе всегда выражается въ двухъ противоположныхъ партіяхъ: одни—если не консерваторы, такъ только прогрессисты, другіе—ярые радикалы. «Шу-цзинъ» есть представитель первыхъ, Мэнъ-цзы же—ярый радикалъ; онъ не хочетъ щадить ничего, онъ не оказываетъ снисхожденія никому. Безъ него мы не могли бы понять конфуціанства, его прежнихъ стремленій и стремленій упрощенныхъ, передѣланныхъ, примиренныхъ. Положимъ, что книга Мэнъ-цзы составлена даже при ханьской династіи, когда конфуціанство уже достигло своей цѣли и большинство очутилось на сторонѣ захватившихъ власть, слѣдовательно и ему обѣщавшихъ всевозможныя блага; но было и меньшинство, недовольное, по мнѣнію Менъ-цзы, измѣной ихъ ученію, искаженіемъ его—на этой сторонѣ и появляется Мэнъ-цзы. Носящая это названіе книга охватываетъ всѣ вопросы, которые, конечно, появились еще до нея, при разработкѣ конфуціанскаго ученія. Мы видѣли уже выше, какъ отозвался Менъ-цзы о «Чунь-цю»: у него есть свой особенный взглядъ и на «Ши-цзинъ», и на литературу вообще. По его словамъ, не должно впиваться въ поэтическія вольности, довѣрять имъ (какъ греки вѣрили богамъ «Иліады», индійцы — всему писанному, хотя бы иносказательно).

Китайскіе комментаторы Мэнъ-цзы находятъ, что онъ говоритъ о четырехъ предметахъ, которые до него не подвергались обсужденію:

о добротѣ человѣческой природы, о средствахъ воспитывать духъ, о мнѣніяхъ различныхъ сектантовъ и униженіи деспотовъ, которыхъ во своемъ «Чунь-цю» восхвалялъ самъ Конфуцій, ставя ихъ выше государей (ванъ).

Мэнъ-цзы. Гл. VI. 6. Гао-цзы утверждалъ, что природа человѣка ни добра, ни зла; другіе принимали, что природу можно сдѣлать доброй или злой. Но Мэнъ-цзы доказываетъ, что природа добра въ отношеніи своихъ склонностей (свойствъ, нравственности — цинъ), и если человѣкъ дѣлалъ зло, такъ это не вина его матеріала. Всѣ люди одарены состраданіемъ, стыдомъ, почтительностью, одобреніемъ или порицаніемъ, т.-е. чувствами гуманности, справедливости, вѣжливости, разума; онѣ не пришли къ намъ извнѣ, а въ насъ. Различіе происходитъ оттого, что не могутъ воспользоваться своимъ матеріаломъ. Изъ того, что народъ въ урожайный годъ нравственъ, а въ неурожайный свирѣпъ, изъ этого не слѣдуетъ заключать, что небо произвело различіе въ его природѣ. Ячмень все уродится ячменемъ, хотя и будетъ въ немъ различіе отъ почвы, погоды, ухода—если ужъ вещи такъ схожи, такъ ужели не допускать этого въ людяхъ? Нѣтъ, и святой мужъ со мной одинаковъ. (Неизвѣстный философъ) Лунъ-Цзы говоритъ-же: если кто дѣлаетъ башмакъ, хотя и безъ мѣрки, все-же сдѣлаетъ башмакъ, а не корзинку. Потому что ноги у всѣхъ похожи на ноги. Всѣ люди имѣютъ одинъ общій вкусъ... а лошади и собаки не сходны въ немъ съ нами. Всѣ люди взяли за образецъ музыку капельмейстера Гуаня, потому что уши у всѣхъ одинаковы; только безглазые не сознавали красоты Цзы-ду (Чженскаго, жившаго будто бы около 700 г. до Р. Х.). Итакъ, если вкусъ, слухъ, зрѣніе одинаковы, ужели сердце одно не одинаково? Въ чемъ же заключается эта одинаковость? Въ законѣ, въ справедливости, которые хотя и проповѣданы прежними святыми, но отысканы въ нашемъ сходномъ сердцѣ. Они радуютъ насъ такъ же, какъ овощи и мясо радуютъ нашъ ротъ.

§ 15. Люди всѣ равны: отчего же бываютъ великіе и малые?... Органы (гуань—чиновники въ смыслѣ органовъ *) больше у буддистовъ) глаза и уха не имѣютъ способности думать; органъ сердца думаетъ; думаетъ, и получаетъ (не думаетъ, такъ не получаетъ).

§ 1. Гао-цзы говорилъ, что природа человѣка похожа на ветлу, изъ которой дѣлаютъ чашки; такъ и изъ природы извлекаютъ гуманность и справедливость. Мэнъ-цзы возражаетъ: но вѣдь ветлу истязуютъ, чтобъ дѣлать чашки; поэтому выходитъ, что истязуютъ и человѣка, чтобы вызвать гуманность. Справедливо, что такія слова могутъ возбудить въ людяхъ только мнѣніе, что гуманность и истина вредны... И еще много другого.

Глава VI, 2-я, § 15.... Небо, приготовляя человѣка къ великому званію, непремѣнно напередъ укрѣпляетъ горестями его духъ и сердце, заставляетъ работать до изнуренія его жилы и кости, заставляетъ вытерпливать голодъ его мясо и кожу, подвергая лишенію всего, стираетъ и смѣшиваетъ все, что онъ (сначала) ни дѣлалъ — и все это для того, чтобъ напрячь его сердце, закалить природу, усилить способности. Человѣкъ исправляется только послѣ долгихъ ошибокъ,

*) Въ „Менъ-цзы" есть мѣста, заставляющія предполагать знакомство автора съ буддизмомъ. Напр., *сѣ*, цвѣтъ, у буддистовъ принимается въ смыслѣ сладострастія, гуань — чиновникъ — у Менъ-цзы есть органъ чувства, тоже едвали не отъ буддистовъ. Въ самомъ концѣ „Менъ-цзы" высчитываются 500-лѣтніе періоды конфуціанства, а извѣстно, что буддисты распредѣляли все прошлое и будущее своей вѣры на десять періодовъ, изъ которыхъ въ каждомъ пять-сотъ лѣтъ.

сперва мучается въ душѣ, борется въ мысляхъ и потомъ творитъ.... жизнь заключается въ безпокойствѣ и заботахъ, а смерть въ покоѣ и удовольствіяхъ!

Г. VII, § 1. Кто развилъ всѣ силы духа, проникъ въ свое сердце, тотъ знаетъ свою природу... знаетъ небо.—Сохранять свое сердце, питать свою природу—вотъ чѣмъ мы служимъ небу! Не раздвояться отъ мысли о долгой или короткой жизни, но украшать себя—вотъ чрезъ что устанавливается повелѣніе неба (судьбы)... Знающій повелѣнія не будетъ стоять подъ готовой обрушиться стѣной.

Отсюда видно, что подъ питаніемъ духа разумѣются и религіозныя понятія о связи съ небомъ, даже о загробной жизни, чего вовсе не говорили первые конфуціанцы.

Выше мы привели уже часть, къ несчастью, темно и кратко изложенныхъ мнѣній сектантовъ. Мэнъ-цзы опровергаетъ воззрѣнія Сюй-синя — распредѣленіемъ труда: никто, вѣдь и самъ Сюй-синъ, не дѣлалъ для себя всего; есть занятія маловажныя и болѣе важныя; не возможно, какъ добивается Сюй-синъ, на все установить равныя цѣны! Труды Яо, Шуня и Юй'я были такіе, что имъ некогда было поѣсть.

Гл. III, § 9. Если я спорю, то не по охотѣ, а по необходимости. Вселенная существуетъ уже давно и не разъ была то устроена, то возмущена (Разсказъ о потопѣ при Яо *) и о томъ, какъ вселенная была возстановлена Вэнь-ваномъ). Этотъ вѣкъ снова опустился, путь измельчалъ, появились ошибочныя воззрѣнія о жестокости, стало случаться, что подданный убивалъ своего государя, сынъ — отца. Испуганный Кунъ-цзы сочинилъ „Чунь-цю": „Чунь-цю", есть дѣло сына неба, вотъ почему (?!) Кунъ-цзы сказалъ: только „Чунь-цю" (т.-е. исторія?) меня знаетъ, только „Чунь-цю" можетъ меня обвинить" (если не сынъ неба, то Конфуцій вѣрно хочетъ сказать, какъ велика заслуга „Чунь-цю", и ниже: Конфуцій сочинилъ „Чунь-цю" и способные производить бунтъ подданные (министры), разбойники-дѣти (?! т.-е. подданные?) вострепетали!). Теперь, когда святые государи не являются, удѣльные князья предались самовольству, продажные ученые (философы) судятъ вдоль и поперекъ; изреченія Янъ-чжу **) и Мо-ди наполняютъ вселенную, такъ что чьи мнѣнія не принадлежатъ къ Янъ-чжу, такъ ужъ навѣрно къ Мо-ди. Янъ-чжу проповѣдуетъ *для себя* (свободу?), значитъ не признаетъ государя, Мо-ди—(общность), т.-е. не признаетъ отца. Безъ государя и отца значитъ быть птицей и звѣремъ.. Итакъ, если не останавливать ученій Янъ-чжу и Мо-ди, не выставлять на видъ ученія Конфуція, то заблужденія обуяютъ народъ и задавятъ правду и гуманность. Когда же истина и гуманность будутъ подавлены, то звѣрство нападетъ на людей, люди готовы будутъ поѣдать другъ друга. Вотъ чего я

*) Объ этомъ потопѣ едвали не подробнѣе говорится у Мэнъ-цзы, чѣмъ въ „Шу-цзинѣ". При Яо вода потекла вверхъ и залила Срединное государство; стали жить змѣи и драконы, народу не было гдѣ пріютиться: потому люди внизу(?!) подѣлали гнѣзда, вверху пещеры. Въ „Шу-цзинѣ" сказано: разлившіяся воды устрашаютъ меня (Яо). Эти разлившіяся воды и суть потопъ (Яо) велѣлъ Юй'ю устроить; Юй прокопалъ землю и спустилъ воды въ море—загналъ змѣй и драконовъ въ поросшія болота. Вода стала течь посреди (а не поверхъ земли). Это рр. Цзянъ, Хуеай-(Хуанъ-)Хэ и Хань. Когда удалены были опасности и препятствія, и уменьшился вредъ отъ звѣрей и *птицъ* (?), люди поселились на ровной землѣ". О ковчегѣ ни полслова.

**) Янъ-чжу, или Янъ-шу, еще Янъ-цзы-цзюй—былъ будто бы современникомъ Конфуція въ числѣ учениковъ Лао-цзы. Но Лао-цзы, какъ мы увѣрены, не былъ современникомъ Конфуція.

боюсь, вотъ почему я вступаюсь за путь (ученіе?) прежнихъ святыхъ, возстаю противъ Янъ-чжу и Мо-ди, вооружаюсь противъ развратныхъ словоизверженій, чтобы проповѣдники заблужденія не имѣли успѣха. Выходя изъ сердца, оно вредитъ дѣлу, вредя дѣлу, вредитъ управленію. Если бы и святые возстали (т.-е. ожили), такъ они не измѣнили бы (т.-е. не отказались бы отъ) моихъ словъ!.. Тотъ, кто можетъ опровергать Янъ-чжу и Мо-ди, есть послѣдователь святыхъ!

§ 10. Куанъ-чжанъ (повѣренный министра удѣла Ци) сказалъ: Какъ не назвать безкорыстнымъ мужемъ Чэнь-чжунъ-цзы? Онъ жилъ въ У-Линѣ три дня неѣвши, пересталъ (отъ голода) ухомъ слышать и глазами видѣть; (къ счастію) съ росшей надъ колодцемъ (у котораго онъ сидѣлъ?) сливы упала половина плода, съѣденнаго червями, Чэнь-чжунъ-цзы подползъ и, съѣвши три глотка, сталъ слышать и видѣть!.. Однакожъ Мэнъ-цзы возражаетъ: въ чемъ же его безкорыстіе? Послѣдовавъ его примѣру, можно сдѣлаться развѣ только землянымъ червемъ. Но червякъ питается сухой землей, пьетъ жолтую воду. Хижина же, въ которой поселился Чэнь-чжунъ-цзы, неизвѣстно, была ли построена (отшельникомъ) Бои или разбойникомъ Чжэ (братъ Лю-Сяхуй'я, современникъ Конфуція), также и хлѣбъ, который онъ ѣлъ, былъ ли посѣянъ Бои или тѣмъ же Чжэ—„Что за бѣда! онъ самъ плелъ лапти, жена пряла нитки, и это они промѣнивали. Мэнъ-цзы возразилъ: Чэнь-чжунъ-цзы происходилъ изъ знатнаго рода въ (удѣлѣ) Ци; за то, что старшій братъ его (Чэнь-дай) принялъ отъ Кай'я жалованье въ 10000 мѣръ (букв. колоколовъ), онъ, считая это жалованье несправедливымъ, не захотѣлъ пользоваться отъ него и, признавая и домъ братнинъ несправедливо нажитымъ, не захотѣлъ въ немъ жить и удалился отъ брата, разстался съ матерью и поселился въ У-линѣ. Можно ли послѣ этого одобрять подобныхъ? надобно сначала сдѣлаться червемъ, а потомъ уже принять ученіе Чэнь-чжунъ-цзы".

VII. § 26. Янъ-цзы принимаетъ (что надобно жить только) для себя и хотя бы кто, вырвавъ только одинъ волосокъ, могъ принести пользу для вселенной, не дѣлай (этого). Мо-цзы (проповѣдуетъ) соединенную (т.-е. неразличающую никого) любовь. (Хотя бы пришлось) гладя по головкѣ, выставляя пятки (—не написали: раскроить лобъ, отбить пятки) принести пользу вселенной, все-таки дѣлай. Цзы-мо *) держится средины; но держаться средины безъ (соображенія съ обстоятельствами) практичности все равно, что держаться одного. Въ односторонности гнусно то, что она разбойничаетъ надъ путемъ; поднимая одно, отбрасываетъ сто!

VII. Ч. 2-я, § 26. Бѣгущіе отъ Мо-цзы присоединяются къ Янъ-цзы, бѣгущіе отъ Янъ-цзы пристаютъ къ Конфуцію; сами пристаютъ, такъ *принимать* (?) и кончено; а нынѣ (?) вступающіе въ состязаніе съ послѣдователями Янъ-цзы и Мо-цзы походятъ на гоняющихся за кабаномъ. Забѣжатъ въ его камышъ, да ихъ же и отыскивай, выкликай!

Подъ именемъ *ба*, деспотъ, у китайцевъ разумѣются обыкновенно такія лица, которыя, не нося императорскаго титула (ванъ — нынѣ хуанъ-ди), пріобрѣтаютъ себѣ перевѣсъ, захватываютъ власть. Въ разсматриваемый періодъ, когда чжоуская власть лишилась всякаго авторитета, удѣльные князья дѣлали у себя, что хотѣли, воевали съ кѣмъ хотѣлось. Чтобъ избавиться отъ такого печальнаго положенія,

*) О такомъ философѣ болѣе нигдѣ не встрѣчается свѣдѣній, и едва ли вмѣсто *цзы* не должно читать *юй-я*, очень сходное по начертанію съ *цзы;* тогда смыслъ вышелъ бы такой: я не держусь средины, которая у конфуціанцевъ въ такомъ почетѣ по идеямъ Чжунъ-юна.

стали образовываться сеймы, въ которыхъ, разумѣется, кто нибудь одинъ былъ старшимъ, сильнымъ и которому, вмѣстѣ съ тѣмъ, приставшими къ нему на сеймѣ князьями поручалось полномочіе приводить положенія сейма въ дѣйствіе. Другая, противная партія тоже составляла свой сеймъ. Эти сеймовые начальники и названы у Мэнъ-цзы *ба*.

Гл. VI. Ч. 2-я, § 7. Пять *) ба оказываются преступниками въ отношеніи трехъ (династій) императоровъ (ванъ), а нынѣшніе удѣльные князья предъ пятью ба, нынѣшніе министры предъ нынѣшними князьями. Императоры приказывали наказывать и удѣльные князья исполняли ихъ приказанія. Ба же сами ходили съ удѣльными князьями наказывать другихъ удѣльныхъ князей. Изъ пяти ба Хуань-гунъ былъ самый знаменитый. На съѣздѣ въ Куй-цю **)... сказано было (князьямъ): всѣ мы, вмѣстѣ участвующіе въ сеймѣ, послѣ этого сейма должны обратиться къ дружбѣ. Итакъ, нынѣшніе князья виноваты передъ пятью ба (почему не живутъ дружно). Увеличивать дурное въ своемъ государѣ это еще малая вина, но встрѣчать (съ радостью?) дурное государя (и имъ пользоваться?)—это великая вина!? Вотъ почему нынѣшніе вельможи виновны передъ своими князьями!

Вотъ все, что говорится о ба, и, конечно, это не такъ значительно, чтобы составлять особый отдѣлъ; мы должны думать, что конфуціанцы замаскировали тутъ подъ этимъ отдѣломъ нападки Мэнъ-цзы на князей-властилелей вообще, гдѣ вовсе даже не видно, говоритъ ли онъ исключительно объ удѣльныхъ князьяхъ или о государяхъ вообще; еще серьезнѣе его заступничество за народъ, и до чрезвычайной утрировки доходитъ онъ, опредѣляя, какъ долженъ относиться властитель къ ученому (т.-е. конфуціанцу).

Т. VII, ч. 2, § 15. Святой есть учитель ста вѣковъ! Т. V, ч. 2, § 7. На какомъ основаніи можно не являться къ государю, хотя бы онъ и позвалъ? Если подданнаго посылаютъ на работу, то онъ долженъ отправиться, потому что это его обязанность, а являться на зовъ государя не есть обязанность. Если государь

*) Это: ци'скій Хуань (684—642), выдвинувшій въ первый разъ свой удѣлъ, до того не игравшій никакой роли и стоявшій ниже даже Лу, благодаря своему знаменитому министру Гуань-Чжуну, о которомъ „Лунь-юй“ отзывается въ одномъ мѣстѣ съ похвалой, а въ другомъ съ порицаніемъ; цзиньскій Вэнь (635—627), циньскій Му (659—620), сунскій Сянъ (650—636), чу'скій Чжуанъ (613—590).

**) Тутъ у Мэнъ-цзы перечисляются слѣдующія постановленія сейма: 1-е повелѣніе (т.-е. постановленіе): казнить непочтительныхъ къ родителямъ, не перемѣнять посаженныхъ (т.-е. назначенныхъ наслѣдниками, а можетъ быть и получившихъ удѣлъ) сыновей, не дѣлать наложницы женой; 2-е повелѣніе: уважать достойныхъ, поддерживать таланты для прославленія добродѣтели; 3-е: почитать старыхъ, любить малыхъ, не забывать путешествующихъ и странствующихъ; 4-е чины не должны быть наслѣдственны, должности не должно соединять въ одномъ лицѣ, выбирать чиновника непремѣнно годнаго, не казнить исключительно (т.-е. безъ суда) вельможъ; 5-е: не дѣлать (вредныхъ) запрудъ, не останавливать вывоза хлѣба, не возводить въ званія безъ объявленія (по толк., тутъ разумѣлись княжескія званія, въ которыхъ могъ будто бы утверждать одинъ императоръ). Намъ кажется, что всѣ эти постановленія едва ли не выдуманы Мэнъ-цзы. Больно ужъ пахнутъ они по-конфуціански!

хочетъ его видѣть, то спрашивается: изъ-за чего? Если изъ-за его много-наслышанности, учености или достоинствъ, такъ самъ императоръ, а не то, что князь, не призываетъ своего учителя, и еще неслыханное дѣло, чтобъ желая видѣть достойнѣйшаго (противъ себя), звали его къ себѣ, а не являлись къ нему. Му-Гунъ часто видѣлся съ Цзы-сы, но этотъ обидѣлся, когда тотъ спросилъ его: возможна ли дружба государя съ своимъ подданнымъ? Онъ имѣлъ право задать слѣдующій вопросъ: по положенью ты — государь, а я — подданный, какъ же смѣть дружиться съ государемъ? по достоинствамъ же — ты долженъ услуживать мнѣ, какъ же можешь со мной дружиться!? — § 6. Когда Му-Гунъ послалъ Цзы-сы мяса изъ своего котла, тотъ выпроводилъ посланнаго за ворота, сдѣлалъ поклоны, обратясь лицомъ къ сѣверу (т.-е. къ государю) и не принялъ, сказавъ, что государь кормитъ его какъ собаку или лошадь, потому что — признавать достоинства и не давать должности... значитъ ли это признаніе достоинствъ!

VIII, § 2. Жить въ обширномъ жилищѣ вселенной, занимать прямое (принадлежащее?) мѣсто во вселенной, при удачѣ руководствоваться (за-одно?) съ народомъ, при неудачѣ одному выполнять свой путь, не быть утомленнымъ отъ богатствъ и знатности, не отказываться по бѣдности и незнатности, не сгибаться ни передъ величіемъ, ни передъ силой — это значитъ быть великимъ мужемъ!

VII. 6, § 5. Древніе ставили заставы, чтобъ защититься отъ насилія, нынѣ ставятъ заставы (таможни), чтобъ производить насиліе. § 28. Драгоцѣнностей у князя три: земля, народъ и правленіе; считать драгоцѣнностями перлы и яшму, значитъ накликать себѣ бѣду. § 27. Есть поборъ холстомъ и шелкомъ, поборъ хлѣбомъ, поборъ натуральной повинностью. Государь, требуя одного, отсрочиваетъ два другіе; если же требуетъ двухъ, то будутъ павшіе отъ голода, а при всѣхъ трехъ разлучатся отецъ съ сыномъ. § 14. Народъ всего дороже, за нимъ слѣдуютъ духи земли (шэ-цзи), дальше уже только государь...

VII. а. § 23. Народъ не можетъ жить безъ огня и воды; постучитесь въ сумерки въ дверь и попросите того или другого, никто не откажетъ, потому что этого добра у всѣхъ довольно. Если святой человѣкъ, управляя вселенной, доведетъ до такого же обилія въ хлѣбѣ... какъ народъ будетъ недоволенъ! § 14. Хорошее управленіе не такъ привлекаетъ народъ, какъ доброе просвѣщеніе; хорошее правленіе только внушаетъ народу страхъ, доброе же просвѣщеніе народъ любитъ.

VI. а. § 9. Неудивительно, что властители неразумны; хотя бы въ поднебесной была самая легко растущая вещь, но если ее одинъ день парить, а десять дней морозить, такъ и та не можетъ рости. Когда я ухожу (отъ государя, подогрѣвъ его), къ нему являются охлаждающіе — что можетъ выдти изъ моихъ ростковъ? Шахматы требуютъ небольшого счета (искусства), но если не обращать вниманія, то не выиграешь...

V. 6. § 2. Бэй-Гунъ-и спрашивалъ, какъ династія Чжоу распредѣляла титулы и жалованья; Мэнъ-цзы отвѣчалъ: доподлинно неизвѣстно, потому что удѣльные князья, опасаясь, что это имъ повредитъ, уничтожили всѣ записи *). Однакожъ,

*) Вотъ самое лучшее доказательство, что Конфуцій не могъ найти никакихъ письменныхъ историческихъ памятниковъ и при дворѣ Чжоу, потому что, при все-таки еще сносномъ положеніи въ его время императорскаго двора, какъ могли бы удѣльные князья уничтожить эти памятники тамъ именно, гдѣ имъ и слѣдъ бы храниться? Очевидно, что взваливанье на удѣльныхъ князей еще неправдоподобнѣе, чѣмъ обвиненіе Цинь-ши-хуанди. „Мэнъ-цзы“, хотя бы и сочинялся послѣ (прежде его свидѣтельство было бы даже поразительно), но, конечно, авторъ долженъ былъ приноравливаться къ эпохѣ, въ которой, предполагается, живетъ его дѣйствующее лицо.

(я—Мэнъ-цзы—по кличкѣ) Кэ нѣкогда (?) слышалъ о главномъ: былъ одинъ сынъ неба, 1 гунъ, 1 хоу, 1 бо, цзы и нань вмѣстѣ одно званіе, всего пять степеней*). 1 цзюнь (владѣлецъ), 1 цинъ (1-й министръ), 1 дай-фу, 1 высшій (шанъ-), 1 средній (чжунъ-) и 1 низшій—чиновникъ—ши (ц-ши), всего 6 степеней. Подъ управленіемъ сына неба находилась земля, представлявшая квадратъ въ 1,000 ли (по сторонамъ) у гуна и хоу у всѣхъ (у обоихъ?) во 100, у бо въ 70, а у цзы и нань 50 ли (такъ что династіонной земли было всего 1370 ли?)—всего 4 степени. Не владѣвшій 50-ю ли не смѣлъ сноситься съ сыномъ неба, а причислялся (т.-е. подчинялся) подъ названіемъ фу-юнъ (приспѣшника—ленный владѣлецъ) къ удѣльнымъ князьямъ. — Первый министръ у сына неба получалъ землю въ равномъ количествѣ съ хоу; дай-фу наравнѣ съ бо, главный (здѣсь юань, а не шанъ-) ши наравнѣ съ цзы и нань. Въ большомъ удѣлѣ, состоявшемъ изъ квадрата во 100 ли, правитель — цзюнь — получалъ жалованье вдесятеро больше перваго министра, предполагается, своего же удѣла, а первый министръ вчетверо противъ дай-фу, этотъ вдвое больше, чѣмъ высшій ши, который самъ получалъ вдвое противъ средняго, а онъ вдвое противъ низшаго ши. Жалованье же низшаго ши равнялось жалованью простолюдина на казенной службѣ, достаточному замѣнить доходъ съ пашни (т.-е. равное доходу пахаря)**)... Пахарь получалъ 100 му, съ которыхъ, смотря по качеству, прокармливались 9, 8, 7, 6 и 5 человѣкъ!

III. § 3. Династія Ся брала дань съ 50, иньскіе люди платили вспомоществованье съ 70 **), а чжоускіе выдѣляли сто му—на дѣлѣ выходило, что сборъ въ по-

*) Толкователи, принимая цзы и нань за два различныхъ титула, исключаютъ изъ этого счета первую степень—званіе сына неба, но намъ кажется, что словами: цзы и нань, авторъ хотѣлъ только сказать, что послѣдняя, пятая степень называлась или цзы (сынъ), или нань (мужчина), какъ хотѣлось. Судя по тенденціямъ Мэнъ-цзы, онъ легко могъ поставить тянь-цзы, сына неба, во главѣ ряда княжескихъ степеней, какъ, дѣйствительно, поставилъ и ихъ землю. Всѣ эти названія извѣстны и въ „Чунь-цю“, но Мэнъ-цзы толкуетъ, что какъ будто во всей имперіи всего было только по одному такому званью, и, кажется, мысль та, что при императорѣ находились какъ бы соправители, еще 4 князя-родственника, имѣвшихъ удѣлы. Толкователи же говорятъ, что слово *одинъ* надобно понимать въ значеніи особо: т.-е. гунъ особо, хоу особо и т. д. Вообще же все и дальнѣйшее распланированье не сходно съ подобными же планами въ „Шу-цзинѣ“, „Ли-цзи“, тѣмъ болѣе въ „Чжоу-ли“.

**) Въ среднемъ удѣлѣ, имѣвшемъ въ квадратѣ 70 ли, и въ маломъ различіе жалованья заключалось въ жалованьи цина, который получалъ въ первомъ уже втрое, а во второмъ только вдвое противъ дай-фу, такъ что цзюнь получалъ уже не въ 320 разъ больше противъ низшаго чиновника или простого земледѣльца, а только въ среднемъ въ 240 и въ меньшемъ въ 160 разъ! Однакожъ, такой взглядъ Мэнъ-цзы, кромѣ, разумѣется, фантастической, небывалой и невозможной распланировки по пропорціональности, не такъ, можетъ быть, чуждъ дѣйствительно историческому устройству первыхъ временъ династіи. Воображать, что У-ванъ сразу всѣхъ завоевалъ да сразу же всѣхъ и надѣлилъ удѣлами, понадѣлалъ всѣхъ князьями — тоже нелѣпо. Очевидно, очень немудрено, что первые императоры ставили въ своихъ владѣніяхъ не князей, а воеводъ или правителей, цзюней, которыхъ могли смѣщать и перемѣщать, тогда какъ удѣлъ представляетъ нѣчто наслѣдственное; что цзюни только впослѣдствіи, при ослабленія власти Чжоу, съ усиленіемъ своей независимости стали уже пріобрѣтать и княжескіе титулы.

***) Этимъ какъ будто хотятъ сказать, что при Ся земледѣлецъ владѣлъ 50-ю, а инь 70-ю му, потому что, какъ видимъ, ниже говорится опредѣлительно, что при Чжоу надѣлъ доходилъ до 100 му.

датяхъ составлялъ (у всѣхъ) одну десятыхъ (дохода) [1]). Лучшее земельное устройство то, при которомъ принята система вспомоществованія; хороша и система дани. (Эта) податная система состояла въ сборѣ на основаніи средняго урожая нѣсколькихъ лѣтъ; въ урожайные годы хлѣба много, можно бы взять больше безъ притѣсненія, но берутъ мало; въ бѣдственный же годъ, когда и навозу на поля недостаточно, требуютъ сполна. Правитель, отецъ народа, заставляетъ народъ трудиться выпуча глаза цѣлый годъ и не мочь прокормить родителей, войдя въ долги, довести старыхъ и малыхъ до валянья (отъ голодной смерти) въ канавахъ и ямахъ, какой это отецъ!.. Человѣколюбивое правленіе должно непремѣнно начаться съ размежеванія (цзинъ-цзѣ—кадастра?); если оно неправильно, то и колодезныя пашни неправильны, а отъ этого и хлѣбное жалованье неровно... Въ волости при сходной колодцевой системѣ (при равномъ надѣлѣ) всѣ между собой друзья, всѣ помогаютъ взаимной охранѣ, поддерживаютъ другъ друга въ случаѣ болѣзни. Такимъ образомъ народъ и родствененъ и любящъ. Квадратъ въ 1 ли (1/2 версты) составляетъ колодезь, состоящій изъ 900 му (акровъ?); средина составляетъ казенную пашню изъ 8 домовъ; каждый имѣетъ въ частномъ пользованіи по 100 му и всѣ вмѣстѣ обработываютъ казенное поле, не смѣя приняться за свое дѣло прежде, чѣмъ исполнятъ казенныя обязанности.

1. § 3... Когда земледѣліе не будетъ задерживаться въ нужное время, то хлѣба не переѣсть; если въ пруды и озера не будутъ запускаться частыя сѣти, такъ рыбы и черепахи не переѣшь; если топоры не будутъ вноситься въ горные лѣса [2]), то лѣсу не переведешь. А какъ скоро хлѣба да рыбы съ черепахами не переѣшь, лѣсу и дровъ не переведешь, такъ народу можно будетъ безъ всякаго ропота кормить живыхъ и хоронить мертвыхъ [3]), а это составляетъ начало (основаніе) правленія. Если усадьба изъ 5 му будетъ усажена шелковицей, то пятидесятилѣтніе (хоть по крайней мѣрѣ старики) будутъ одѣваться въ шолкъ; если распложеніе курицъ, свиней, собакъ (ихъ ѣли и ѣдятъ) будетъ производиться во-время, то (хоть только) семидесятилѣтній станетъ ѣсть мясо. Если пашня во 100 му будетъ пахаться во-время, то семейство въ нѣсколько душъ будетъ сыто [4]).

Если обращать вниманіе на обученіе въ школахъ и училищахъ (сянъ-сюй), распространяя понятія о почтительности къ родителямъ и братской любви, то посѣдѣвшимъ не придется таскать тяжести на спинѣ или на головѣ по дорогамъ. Какъ скоро семидесятилѣтніе будутъ одѣваться въ шолкъ, ѣсть мясо, простой народъ не будетъ знать ни голоду, ни холоду, такъ не можетъ быть, чтобъ когда-нибудь властитель лишился своего званія! Но если не знать бережливости до того, что собаки и свиньи будутъ кормиться такой пищей, какую употребляетъ человѣкъ, не выпускать хлѣбъ изъ житницъ, когда голодные трупы будутъ валяться

[1]) Мэнъ-цзы, да и съ нимъ вообще всѣ увѣрены, что въ древности брали десятину и только такой поборъ считали справедливымъ.

[2]) Мэнъ-цзы принимаетъ, что всѣ горы покрыты были прежде лѣсомъ и только по невѣжеству думаютъ, что они съ испоконъ вѣковъ безлѣсны, но что отъ небрежности запустили скотъ, который поѣдалъ молодыя поросли.

[3]) Мэнъ-цзы, конечно, стоитъ за почитаніе мертвыхъ, такъ какъ это можетъ быть единственная оригинальная черта конфуціанства. Говоря: кормить живыхъ не то, что поминать мертвыхъ, онъ перефразируетъ „Лунь-юй“: быть тщательнымъ въ похоронахъ и въ поминкахъ значитъ усугубить народныя добродѣтели. Онъ разсказываетъ, какъ ученики справляли трауръ по Конфуцію, какъ вообще люди дожили до мысли о зарываніи труповъ.

[4]) Выше мы видѣли, что онъ опредѣляетъ возможность прокормить отъ 5 до 9 душъ; въ § 7 приводимой главы онъ опредѣляетъ 8 душъ.

по дорогамъ, и, когда кто умретъ, будутъ говорить: не отъ меня—время такое!—вѣдь это все равно, что, заколовъ человѣка, сказать: не я, а оружіе!

§ 4... Когда на кухнѣ сочныя мяса, на конюшнѣ жирныя лошади, а народъ имѣетъ изнуренный отъ голода видъ, по полямъ валяются трупы, павшіе отъ голоду—это не то ли же, что стать во главѣ дикихъ звѣрей на поѣданіе людей! Когда звѣри поѣдаютъ другъ друга, такъ и это ужъ людямъ отвратительно; когда же правитель, въ качествѣ отца народа, соединится съ звѣрьми на поѣданіе людей, какъ же онъ можетъ почитаться отцомъ народа!

§ 6... Нынѣ всѣ народные правители любятъ убивать народъ, (слѣдовательно) если явится нелюбящій, такъ всѣ народы будутъ простирать къ нему взоры съ вытянутой шеей, всѣ народы покорятся подобно водѣ, свойство которой течь внизъ никто не можетъ измѣнить!..

§ 5... Если ты (лянскій Гуй-ванъ), государь, даруешь народу гуманное правленіе, уменьшишь казни и взысканія, сбавишь подати и налоги, если (въ твоемъ царствѣ) будутъ пахать глубоко, выпалывая сорныя травы, взрослые въ свободное отъ трудовъ время будутъ руководиться почтительностью къ родителямъ, братской любовію, преданностью и честностью, услуживая дома отцу и старшимъ братьямъ, и внѣ дома старшимъ и высшимъ, то народъ съ (простыми) дубинками разобьетъ крѣпкія латы и отточенные мечи царствъ Цинь и Чу (которыя въ это время считались уже страшными). Если въ этихъ (царствахъ) будутъ отнимать у народа время, не давать ему досуга пахать и полоть на прокормленье своихъ родителей, которые будутъ умирать отъ голода и холода, если братья, жены, дѣти будутъ (въ нихъ) разлучены и народъ будетъ бросаться въ ямы и омуты, то когда ты, царь, пойдешь наказать (т.-е. освободить народъ отъ такого тиранства ихъ правителей), кто будетъ тебѣ врагомъ? Поэтому-то и говорю, что гуманный не можетъ имѣть враговъ—вѣрь мнѣ!..

§ 7. (Разговоръ съ ци'скимъ-Сюань-ваномъ, который выказалъ состраданіе къ веденному на закланіе животному)... В. Имѣю ли я возможность охранять народъ?.. О! еслибы кто сказалъ тебѣ, государь: у меня есть силы поднять сто пудовъ, но не могу поднять пера, вижу осеннія атомы, но не разгляжу телѣги съ дровами—повѣрилъ ли бы ты?.. Нѣтъ... Ну, такъ если у тебя есть настолько милосердія, чтобъ миловать животныхъ, то какъ же можно, чтобъ не могъ оказать благодѣяній народу? Какъ не поднять пера означало бы неупотребленіе силы, такъ и неохраненіе подданныхъ означало бы бездѣйствіе милосердія; потому если государь не властвуетъ, то отъ бездѣйствія, а не отъ невозможности. Чѣмъ отличается бездѣйствіе отъ невозможности? Сказать, что не могу, подхвативъ подъ мышку гору Тай-шань, перепрыгнуть съ нею чрезъ сѣверное море—это истинная невозможность. Но будучи взрослымъ (другіе толкуютъ: по приказанію старшаго!?) сказать, что не могу переломить прута—это не невозможность, а недѣятельность. Потому государь неправящій тоже, что не преломляющій прута. Если отъ уваженія собственныхъ (родныхъ) стариковъ (онъ) перейдетъ къ уваженію стариковъ народа, если любовь къ собственнымъ юношамъ перенесетъ на молодежь всего народа, то вся вселенная будетъ (у него) въ рукахъ... Потому расширяя милосердіе, можно охранить все заключающееся въ четырехъ моряхъ (всю вселенную), не расширяя—не охранишь и собственной жены и дѣтей!.. Если напрягать всѣ силы духа къ достиженію (несбыточныхъ) желаній, то непремѣнно выйдетъ бѣдствіе... Малый не можетъ противостоять большему... иначе это значило бы переворотить корень. Если ты, государь, даруя гуманное управленіе, возбудишь въ служащихъ во всей вселенной желаніе служить при твоемъ дворѣ, въ пахаряхъ (желанье) пахать на твоихъ поляхъ, въ купцахъ складывать (товары)

на твоихъ рынкахъ, въ путешественникахъ ѣздить по твоимъ дорогамъ, и всѣ недовольные своими государями захотятъ тебѣ жаловаться, въ такомъ случаѣ кто можетъ противиться!.. Только одни возвышенные (государственные) мужи могутъ, не имѣя обезпеченнаго состоянія, имѣть твердый духъ; народъ же безъ обезпеченной собственности не можетъ имѣть постоянства и потому готовъ предаваться разврату, заблужденіямъ (суевѣріямъ?) и необузданности. Наказывать его при такомъ положеніи за преступленія тоже, что разставлять сѣти; можетъ ли гуманный человѣкъ, сидя на престолѣ, разставлять сѣти своему народу?! Потому умный государь распредѣляетъ народную собственность такъ, чтобы народу было чѣмъ прокармливать родителей, содержать жену и дѣтей, чтобы въ благопріятный годъ ему было до сыта, а въ бѣдственный, чтобъ онъ могъ избѣжать голодной смерти. При такихъ условіяхъ можно требовать отъ народа, чтобъ онъ устремился къ добру, и онъ легко послѣдуетъ (исполнитъ это требованіе). Нынѣ же... досугъ ли ему заботиться объ образованіи и нравственности!..

Гл. II. § 1... У правителя здѣсь играетъ музыка; въ народѣ, услыхавъ звуки колоколовъ и барабановъ, тоны флейтъ и дудокъ, качая больной головой и наморщивъ брови, говорятъ другъ другу: Какъ нашъ правитель-то любитъ музыку! Зачѣмъ же онъ довелъ насъ до такой крайности! Отецъ не видится съ сыномъ, братья, жены, дѣти разсѣяны, въ разлукѣ!.. А если правитель будетъ наслаждаться музыкой съ народомъ, то народъ съ веселымъ видомъ скажетъ: значитъ, правитель здоровъ, а не то не играла бы музыка!.. § 2... Вэнь-вановъ паркъ содержалъ 70 ли, но въ него ходили собирать траву и топливо, (охотиться) за фазанами и зайцами; такъ какъ все было общее съ народомъ, то народъ и находилъ его (паркъ) малымъ!.. § 4... Не получивъ (чего), обвинять высшихъ несправедливо, но кто, ставъ выше народа, не вмѣстѣ съ нимъ наслаждается, также несправедливъ. Когда онъ радуется радостямъ народа, то и народъ радуется его радостямъ, если онъ печалится народными печалями, то и народъ печалится его печалью. Никогда еще не бывало, чтобъ тотъ, кто радуется и печалится со вселенной, не властвовалъ!.. Нынѣ не такъ: войско расхаживаетъ и поѣдаетъ запасы, голодному нечего ѣсть, трудящійся не имѣетъ отдыха... пища и питья льются... Кто удерживаетъ своего государя, тотъ, значитъ, его любитъ!

§ 6. Мэнъ-цзы сказалъ ци'скому Сюань-вану: если бы кто нибудь изъ чиновниковъ, поручивъ своихъ жену и дѣтей другому, отправился путешествовать, а по возвращеніи нашелъ ихъ голодными и иззябшими, что (имъ) дѣлать? Царь отвѣчалъ: бросить! Если глава чиновниковъ не справится съ подчиненными, что дѣлать? Уволить!.. А если внутри четырехъ предѣловъ (т.-е. царство) не устроено?.. Властитель посмотрѣлъ на право и на лѣво и завелъ рѣчь о другомъ...

§ 7. (Разговоръ съ ци'скимъ Сюань-ваномъ)... Подъ старымъ государствомъ не разумѣются высокія деревья, а родовые министры; у тебя же нѣтъ близкихъ министровъ; вчера возведенный не знаю гдѣ нынѣ!.. Государь возвышаетъ достойныхъ какъ бы изъ необходимости; возвышая низшаго на высшее мѣсто, ставя чужаго выше родного, можно ли не быть осторожнымъ? Когда окружающіе скажутъ: достоинъ, еще нельзя (назначить), когда всѣ чиновники скажутъ достоинъ, еще нельзя; только когда все государство скажетъ достоинъ, тогда, разсмотрѣвъ и найдя достойнымъ, назначай *)... Когда окружающіе скажутъ: должно казнить,— еще нельзя... (и т. п.). Только такъ можно сдѣлаться отцомъ народа.

*) Это мнѣніе и другія, ниже помѣщаемыя, кажутся какъ будто странными для конфуціанства; но не забудемъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ главной затаенной его цѣлью— ограничить деспотическую власть. Какъ при возведеніи на престолъ оно хотѣло ввести выборное начало, такъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ и назначеніяхъ отъ имени правителя,

Гл. II. § 9... Древніе государи ошибаясь исправлялись, нынѣшніе упрямствуютъ въ своихъ ошибкахъ... да еще придумываютъ оправданіе!

Гл. IV. § 1... Что нынѣ и при гуманныхъ чувствахъ и многихъ толкахъ о гуманности народъ не пользуется ея благодѣяніями, и нечего оставить на образецъ для будущихъ вѣковъ, — это происходитъ оттого, что не слѣдуютъ пути древнихъ царей... Поэтому-то и говорится: простое добро недостаточно еще для управленія, одни законы не могутъ сами дѣйствовать... Только гуманный долженъ быть въ высочайшемъ званіи (т.-е. государемъ), нечеловѣколюбивый же разбросаетъ зло между всѣми... Если благородные (т.-е. здѣсь—государственные) мужи будутъ нарушать справедливость, а подлые будутъ нарушать законы, то большое счастіе для государства, если оно сохранитъ свое существованіе. Поэтому и говорится: если крѣпости не готовы, оружія немного—это еще не бѣда для государства; если пашни не пашутся, богатства не собираются—это еще не вредно для царства; но если высшіе безнравственны, низшіе не учатся,—разбойникъ народъ возстанетъ, и погибель не замедлитъ... потому и говорится: приставать къ государю о преодолѣніи трудностей значитъ быть почтительнымъ, выставлять добро, заграждать заблужденія значитъ быть благоговѣйнымъ; но если мой властитель неспособенъ, то я могу назвать его разбойникомъ. § 8... Государство сперва само себя разрушаетъ, а потомъ уже разрушаютъ его другіе!

Гл. IV. Ч. 2, § 3... Если государь смотритъ на своихъ вельможъ, какъ на (свои) руки и ноги, то и вельможи будутъ смотрѣть на него какъ на (свое) брюхо и сердце; если онъ видитъ въ нихъ собакъ и лошадей (которыя только обязаны работать), то и вельможи будутъ смотрѣть на государя, какъ на посторонняго гражданина; если онъ будетъ смотрѣть (на нихъ), какъ на почву и траву, то и вельможи будутъ смотрѣть на него, какъ на разбойника и вора... Нынѣ не слушаютъ увѣщаній вельможъ, благодѣянія не ниспускаются на народъ; если вельможѣ понадобится отправиться въ другое царство, то государь хватаетъ его и держитъ... въ тотъ же день, какъ уйдетъ, отнимаетъ его поля и помѣстья — это значитъ быть разбойникомъ и врагомъ...

Гл. V. Ч. 2, § 4... Въ какомъ случаѣ должно отказываться отъ подарковъ и въ какомъ принимать? Если кто наблюдаетъ правила и помогаетъ съ вѣжливостью, отъ того можно принять. Но если это дѣлаетъ бандитъ? Что тутъ и толковать, онъ заслуживаетъ казни. Но нынѣшніе князья берутъ у народа какъ бандиты: можетъ ли же благородный мужъ принимать отъ нихъ дары, хотя бы и дарили по правиламъ церемоній!.. Думаешь ли ты, что еслибъ явился императоръ, такъ взялъ бы да и казнилъ всѣхъ нынѣшнихъ удѣльныхъ князей? Не казнилъ ли бы онъ ихъ тогда только, когда бы они не исправились отъ его наставленій?!. Называть всякаго, кто беретъ не свое, воромъ—это ужъ значило бы превышать справедливость!

§ 9. Ци'скій Сюань-гунъ спрашиваетъ Мэнъ-цзы о томъ, какой долженъ быть первый министръ (цинъ). Мэнъ-цзы спрашиваетъ: Ты о какомъ министрѣ говоришь? о происходящемъ ли изъ знатныхъ родственниковъ, или изъ посторонней

оно требуетъ участія всего народнаго голоса. Въ „Шу-цзинѣ" мы находимъ также правило, какъ правитель долженъ поступать въ сомнительныхъ случаяхъ. Онъ долженъ прислушиваться также не къ мнѣніямъ приближенныхъ, а къ общему голосу и, въ случаѣ разногласія, прибѣгать къ гаданію. Что касается до того, что здѣсь Мэнъ-цзы стоитъ за старые роды, за родственниковъ въ отправленіи должностей, то, во первыхъ, упоминаніе объ этомъ мы находимъ уже въ „Ши-цзинѣ"; затѣмъ припомнимъ, что именно за уничтоженіе удѣловъ и удаленіе отъ дѣлъ родственниковъ конфуціанцы упрекаютъ всего больше и Цинь-ши-хуанди. Притомъ, даже при ханьской династіи Вэнь-ди былъ возведенъ на престолъ по выбору вельможъ.

фамиліи? Если государь черезъ-чуръ проступится, то родственный министръ увѣщеваетъ, а если не слушается неоднократныхъ увѣщаній, то низводитъ съ престола *)... неродственный—самъ удаляется.

Гл. VI. Ч. 2, § 9. Нынѣ тѣ служащіе государю, которые говорятъ, что они могутъ расширить владѣнія своего государя, наполнить казначейства, считаются довѣренными министрами, а въ древности называли ихъ народными разбойниками. Если государь не стремится ни къ пути, ни къ гуманности, а ищетъ богатства, то это значитъ обогащается (новый) Цзѣ (послѣдній тиранъ иньской династіи). Тѣ, которые говорятъ, что они могутъ найти союзниковъ своему государю для одержанія побѣдъ, нынѣ считаются честными министрами, а въ древности ихъ называли народными разбойниками; если государь не стремится ни къ пути, ни къ гуманности, а ищетъ успѣха въ побѣдахъ, то это помощникъ (новаго) Цзѣ. При нынѣшнемъ пути (порядкѣ), безъ измѣненія нынѣшнихъ нравовъ, хотя бы дать (кому и всю) вселенную, не можетъ прожить и одного утра.

Гл. VII. Ч. 2. § 4. Тотъ, кто говоритъ: я искусенъ въ расположеніи войскъ, искусенъ сражаться, есть величайшій преступникъ; если государь любитъ гуманность, то не можетъ имѣть враговъ во вселенной!..

VII. Второй періодъ конфуціанства.

Итакъ, за основаніе первоначальнаго развитія конфуціанства мы принимаемъ только «Чунь-цю» и «Ши-цзинъ», къ которымъ впослѣдствіи присоединены «Лунь-юй«, «Ли-цзи», «Шу-цзинъ» (въ первой редакціи изъ 29 главъ) и наконецъ «Мэнъ-цзы». Эти книги можно назвать чисто конфуціанскими; но впослѣдствіи къ нимъ присоединили еще «И-цзинъ», книгу перемѣнъ, и конфуціанство, до того времени чисто гражданское ученіе, окрасилось примѣсью отвлеченнаго до странности философствованія, которое потомъ, какъ увидимъ, дошло до одухотворенія матеріи.

Мы уже говорили, что можно допустить отдаленную древность «И-цзина» въ той части, въ которой противъ чертъ (гуа) поставлены несвязныя выраженія. Но, кромѣ того, къ нимъ нынѣ еще прибавлены поясненія, существовавшія прежде отдѣльно, и, сверхъ того, при «И-цзинѣ» находятся, какъ неразрывныя части его, особыя прибавленія, и все это будто бы написано самимъ Конфуціемъ. Между тѣмъ у самихъ же конфуціанцевъ мы находимъ замѣчаніе, что «въ древности учили старымъ церемоніямъ и музыкѣ, а что касается до «И-цзина», то не было и слѣдовъ его; въ разговорахъ Кунъ-цзы и Мэнъ-цзы никогда не говорится объ «И-цзинѣ» («Цзинъ и као», IV, л. 9). За невозможностью долго распространяться объ этомъ,

*) Ученіе объ этомъ проводится усиленно въ конфуціанствѣ. У самого же Мэнъ-цзы разсказывается, какъ Тай-цзя былъ сосланъ И-Инемъ, который не былъ родственникомъ, въ Тунъ и возвращенъ за раскаяніе. Изъ чжоуской исторіи мы узнаемъ, что Ливанъ точно также былъ изгнанъ. Но намъ кажется, что это ученіе еще болѣе укрѣпилось при ханьской династіи, въ которой государи и удалялись, и избирались, и смѣщались.

скажемъ, что эта книга, по крайней мѣрѣ ея поясненія и прибавленія, вышли изъ рукъ даосовъ, или вообще изъ рукъ посторонних конфуціанству, но научившихся отъ него писать, потому что языкъ прибавленій, не смотря на загадочную выспренность, болѣе фразистъ и отдѣланъ, чѣмъ языкъ первыхъ конфуціанцевъ («Лунь-юй»). Первое толкованіе, вѣрнѣе—первая редакція «И-цзина» приписывается тоже не конфуціанцамъ, а Хуай-нань-цзы или брату императора Уди, занимавшемуся, съ помощью кружка фантазеровъ, собираніемъ или обработкой всякихъ диковинныхъ книгъ (тогда какъ другой братъ— хэ-цзяньскій князь—все собиралъ, т.-е. тоже поддѣлывалъ только конфуціанскія книги). Лишь послѣ Хуай-нань-цзы упоминается уже Тянь-хэ или Ванъ-тунъ, какъ первый конфуціанецъ, введшій «И-цзинъ» въ свою школу.

А теперь эта книга, несмотря на отрицаніе нѣкоторыхъ, что въ ней нѣтъ никакихъ святыхъ идей, считается первой изъ числа классическихъ, верхомъ премудрости; «всѣ законы неба, по словамъ одного ученаго, выражаются въ двухъ линіяхъ: цѣльной и ломаной; астрономія, географія, человѣческія дѣйствія, неодушевленные предметы, тайны судьбы, изящество видоизмѣненій, польза или вредъ, мягкое или жесткое, потеря и пріобрѣтеніе, остановка и удаленіе, говоръ и молчаніе—все находитъ тутъ соотвѣтствіе!» Вотъ образчикъ языка толкованій (объясняются слова, стоящія противъ первой формулы изъ шести цѣльныхъ линій: первоначальный, проницающій, полный, прямой):

„Первоначальное значитъ старѣйшее въ добрѣ, проницающій значитъ совокупность отличнаго, полезный—согласіе истины, прямой—стволъ дѣлъ! Благородный мужъ, сдѣлавъ тѣломъ (своимъ) человѣколюбіе, можетъ достаточно возрощать людей (?!); совокупности отличнаго достаточно для сообразованія церемоній, принесенія пользы тварямъ достаточно для согласія съ истиной, твердости въ прямотѣ достаточно для веденія дѣлъ. Благородный мужъ дѣйствуетъ въ этихъ четырехъ добродѣтеляхъ, потому и сказано: первоначальный, проницательный, полезный, прямой. Что значитъ (надпись противъ первой черты въ этой формулѣ) скрывшійся драконъ—не употребляй. Философъ сказалъ: Съ драконовыми достоинствами и скрывающійся не измѣнится отъ міра, не вершитъ (дѣйствуетъ?) для славы; бѣжитъ отъ міра безъ ропота, не ропщетъ что невидимъ; весело — такъ дѣйствуетъ, печально—такъ уклоняется, точенъ въ томъ, чего не можетъ вырвать“ (?!) *).

Такія напыщенныя толкованія на наборъ словъ всего болѣе подходятъ къ литературѣ даосовъ, о которой будетъ рѣчь ниже — и даосы съ своей стороны присвоиваютъ себѣ «И-цзинъ» и имѣютъ

*) Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что чѣмъ позже вводилась книга, тѣмъ больше отдавали ей первенство; такъ изъ 5 классическихъ книгъ „И-цзинъ“ считается первой, „Шу-цзинъ“ второй, „Ши-цзинъ“ третьей, а „Чунь-цю“ уже четвертой. Только „Ли-цзи“ уже не могли дать почетнаго мѣста, потому что ей никакъ нельзя было придать древности. За-то „И-ли“ и „Чжоу-ли“ тоже соперничаютъ съ „И-цзиномъ“.

своихъ комментаторовъ. Что конфуціанцы объявляютъ на эту книгу претензію, это объясняется ея значеніемъ, какъ книги гадательной; посреди суевѣрнаго народа — они не могли въ своей литературѣ отыскать ничего подобнаго, у нихъ такъ мало говорится о религіи, а суевѣріе замѣняетъ ее; конфуціанцы потому признали вмѣстѣ съ ней и существованіе перваго царя Фу-си, о которомъ въ первый разъ упоминается только въ «И-цзинѣ» (Сы-ма-цянь, хотя и даосъ, еще не знаетъ его въ своей исторіи), стали приписывать участіе въ поясненіяхъ какъ Вэнь-вану, Чжоу-гуну, такъ и Конфуцію. Вѣрованіе въ гаданія просвѣчиваетъ, хотя не ясно, и въ «Ши-цзинѣ», оно обстоятельно изложено въ добавочныхъ главахъ «Шу-цзина» (смотри статью Хунъ-Фань), о немъ упоминаетъ не разъ и толкованіе Цзо-чжуаня на «Чунь-цю». Но еще болѣе сходно съ «И-цзиномъ» по напыщенности языка знаменитое у китайцевъ сочиненіе: «Чжунъ-юнъ», обыкновенно переводимое: непремѣнная средина. Это собственно, какъ и Да-сё, одна изъ главъ «Ли-цзи», о которой мы говорили, что въ ней много статей, представляющихъ ученическіе опыты и философскія попытки; къ послѣднимъ принадлежитъ и «Чжунъ-юнъ»; статья эта (въ 48 параграфахъ), какъ водится, приписывается Цзы-сы, ученику Цзэнъ-цзы и внуку Конфуція, не смотря на то, что въ ней говорится: «Нынѣ вселенная имѣетъ одну колею (т.-е. одинаковыя разстоянія между колесами) у повозки, одни писмена, одинъ порядокъ» (§ 28), что̀ никакъ не могло быть сказано раньше соединенія Китая подъ одно владычество при Цинь-ши-хуанди. «Чжунъ-юнъ» конфуціанскій можетъ быть поставленъ въ параллель съ «Дао-дэ-цзиномъ» Лао-цзы, какъ Мэнъ-цзы съ даоскимъ «Чжуанъ-цзы».

«Путь, который называется путемъ, не есть путь; имя, которое можно наименовать, не есть имя»—вотъ какъ начннается «Дао-де-цзинъ». — «Дарованное небомъ называется природой, руководящее природой называется путемъ, управляющее путемъ называется ученіемъ. Отъ пути нельзя ни на минуту отдѣлиться; то, отъ чего можно отдѣлиться, не есть путь»—вотъ какъ начинается «Чжунъ-юнъ». И онъ хочетъ объяснить метафизическіе законы и духовную дѣятельность природы.

§ 18. Духи—какъ велики ихъ качества! Они не досягаемы ни зрѣніемъ, ни слухомъ, а ничто не можетъ существовать безъ нихъ; для нихъ-то люди постятся, очищаютъ себя, надѣваютъ богатое платье во время жертвоприношеній; они повсюду, какъ вверху, такъ и внизу, на лѣво и направо. Они сокровенны и вмѣстѣ ясны.

§ 20... Одни дѣлаются знающими отъ рожденія, другіе учась, третьи чрезъ большое напряженіе, но что касается до знанія, оно одно... 21. Искренность есть небесный путь; стараться быть искреннимъ есть путь человѣка. Тотъ, кто непри-

нужденно ходитъ въ срединѣ пути, есть святой мужъ... 22. Только самый искренній во вселенной можетъ выполнить свою природу; мочь выполнить свою природу значитъ выполнить природу человѣческую, природу всѣхъ тварей, мочь помогать небу, питать ихъ, т.-е. быть третьимъ послѣ неба и земли (!?) § 24. Посредствомъ совершенной искренности можно знать будущее; передъ возвышеніемъ и паденіемъ государства бываютъ добрыя или дурныя предзнаменованія; сверхъ того можно узнавать (будущее) по травѣ (ши—употребляемой въ гаданіи) и черепахѣ (у монголовъ по бараньей лопаткѣ, въ трещинахъ которой отыскиваются формулы „И-цзина")... § 26. Совершенная искренность непрерывна... продолжительна... вѣчна; вѣчна, такъ поэтому (?) земля толста и обширна, а отъ этого небо высоко и свѣтло (?!). § 27. Великъ путь святаго мужа, онъ производитъ и питаетъ всѣхъ тварей, такъ высокъ, что достигаетъ самаго неба...

Можно бы набрать въ этой книгѣ чепухи еще посильнѣе. Впрочемъ, и послѣ присоединенія къ конфуціанству «И-цзина» и при такой отвлеченной будто бы книгѣ, какъ «Чжунъ-юнъ», изученіе классическихъ книгъ, признанное необходимымъ для пріобрѣтенія ученыхъ степеней и должностей, продолжалось изолированно безъ всякаго соотношенія между ними, безъ требованія связать ихъ одною общей системой. Только при династіи Сунъ (960—1268) въ первый разъ сдѣланъ былъ опытъ поставить во главѣ конфуціанства одни общія начала, обобщить ихъ философскою системой, изъ нихъ же будто бы выведенной. Да было уже и пора—буддизмъ и даосизмъ процвѣтали и давно кололи глаза своимъ трансцендентальнымъ мышленіемъ. Надобно было подумать о томъ же и конфуціанству, и такимъ образомъ появилась на свѣтъ новая философія (синъ ли—законы природы и міра), основаніемъ которой и послужили именно «И-цзинъ» и «Чжунъ-юнъ». Основателемъ новой философіи считается Чжоу-цзы, жившій послѣ половины XI вѣка нашей-эры. Въ своемъ сочиненіи

„Тай-цзи-ту-шо" (изображеніе и объясненіе Тай-цзи, т.-е. самаго абстрактнаго), онъ представляетъ всю вселенную вылившейся изъ одного отвлеченнаго начала, названнаго имъ Тай-цзи (въ pendant буддійской пустотѣ). Изъ нея происходятъ двѣ силы: Инь и Янъ, которыя въ этомъ мірѣ раздѣлили Тай-цзи, такъ что тамъ, гдѣ въ одномъ субъектѣ недостаетъ, напримѣръ, нѣсколькихъ частей Янъ, сила Инь пополняетъ этотъ недостатокъ. Изъ Инь и Янъ рождаются пять стихій: вода, дерево, металлъ, огонь и земля, и пять воздуховъ, приходятъ въ движеніе времена года. Непорочность (?Тай-цзи, называемой еще) У-цзи и эссенція двухъ силъ и пяти стихій, слившись и окрѣпши, производятъ по пути (1-й формулы въ „И-цзинѣ") цянь—мужчину, а по пути (2-й формулы) кунь—женщину... Человѣкъ есть лучшее твореніе. Святой человѣкъ согласуетъ свои добродѣтели съ небомъ и землей, свой свѣтъ съ солнцемъ и луной, свой порядокъ съ четырьмя временами, счастіе и злополучіе съ духами (гуй-шэнь). Въ „И-цзинѣ" сказано: путь неба—это Инь и Янъ, путь земли мягкое и твердое, путь человѣка: любовь и истина. Великъ „И-цзинъ"!—въ этомъ заключается его самое высшее значеніе.

Въ другомъ своемъ сочиненіи: «Тунъ-шу» (анализъ?), Чжоу-цзы какъ бы поясняетъ идеи, высказанныя въ «Чжунъ-юнѣ», объ искренности и проч. въ связи съ «И-цзиномъ»:

„Двигаться и потомъ прямо называть путемъ, употреблять (дарованное небомъ) въ согласіи называется добродѣтелью: все, что не есть любовь (человѣколюбіе), истина, нравственность (церемоніи), мудрость и вѣрность,—все это заблужденіе. Природа мягка и тверда;.. если твердое хорошо, то отсюда происходятъ истина, прямота, рѣшительность, строгость, твердость; если дурна, то происходятъ жестокость и насиліе, если мягкость хороша, то происходятъ милосердіе и покорность, отъ дурной—трусость, нерѣшительность, увертливость... Поэтому средина есть гармонія, форма, это большая дорога вселенной.. Потому и отвѣчается на вопросъ, что́ такое добро въ мірѣ? Учитель... Небо посредствомъ силы Янъ родило всѣ твари—это его человѣколюбіе, посредствомъ Инь усовершило всѣ твари - это его истина".

Еще туманнѣе языкъ послѣдующихъ философовъ: Чжень-цзы въ своемъ трактатѣ «Си-минъ» (западная надпись) говоритъ, что (формулы «И-цзина»:) гань есть отецъ, а кунь—мать, а въ другомъ сочиненіи «Чжэнъ-Мэнъ» (прямое изложеніе?) природу неба и земли называетъ великой пустотой (въ замѣнъ Тай-цзи), но старается выгородить ее изъ буддизма и даосизма:

„Когда знаешь, что пустота есть воздухъ, то существованіе и несуществованіе, скрытое и проявленное, будутъ одно, не двоякое. Если, разсматривая собирающееся и разсѣвающееся, вхожденіе и выхожденіе, форму и безформенность, можешь добраться, откуда это происходитъ, то будешь глубокъ въ „И-цзинѣ". Если же скажешь, что пустота можетъ родить воздухъ, то такъ какъ пустота неистощима, а воздухъ имѣетъ границы: матеріалъ и приложеніе чрезвычайно различны, то этимъ впадаешь въ теорію даосизма, въ которой разсуждается, что существующее рождается изъ несуществующаго и не признается, что существующее и несуществующее сливаются въ одномъ вѣчномъ. Если же сказать, что всѣ формы суть предметы видимые внутри пустоты, то предметы и пустота не вспомогаютъ другъ другу, форма—сама по себѣ форма, природа (?!)—сама по себѣ природа. Такое принятіе, что форма и природа, небо и человѣкъ другъ друга не касаются, принадлежитъ буддизму, который говоритъ, что понятіе о горахъ, рѣкахъ и проч. есть болѣзненное проявленіе.

Шао-цзы, современникъ Сы-ма-гуана, въ своемъ «Гуань-у», говоритъ, что Тай-цзи раздѣляется на двѣ формы (движеніе и покой), онѣ на четыре образа (инь, янъ — мягкое и твердое), изъ которыхъ образуются восемь гуа, которымъ соотвѣтствуютъ: солнце, луна, звѣзды, планеты, вода, огонь, земля, камень. Тай-цзи явилась вмѣстѣ съ небомъ и землей и всѣмъ твореніемъ, и ни въ какомъ случаѣ ни прежде, ни послѣ, ни въ началѣ, ни въ концѣ ихъ... если есть одинъ, то уже есть два, три и т. д. безконечное число, время существуетъ съ древности донынѣ безъ прекращенія. По другой книгѣ того же писателя («Хуанъ-цзи-цзинъ-ши»), небо, заключая въ себѣ твари, имѣетъ четыре творца: весну, лѣто, осень и зиму; святой мужъ, заключая въ себѣ всѣхъ людей, имѣетъ тоже четыре творца: «И-цзинъ». «Шу-цзинъ», «Ши-цзинъ» и «Чунь-цю», одушевляемыя церемоніями.

Прочими фундаментальными сочиненіями новой философіи счи-

таются: «И-сё-цзы-мэнъ»—раскрытіе началъ «И-цзина», «Цзя-ли»—домашнія церемоніи, оба писанныя Чжу-цзы, и «Люй-Люй-синь-шу»—о музыкальныхъ тонахъ и метрахъ, Цай-юань-дина, современника и друга Чэнъ-цзы. Но, кромѣ того, уже Чэнъ-цзы, современникъ Чженъ-цзы, основалъ изъ новой философіи особую школу, которая дала рядъ знаменитостей, приложившихъ мистическія начала и къ прочимъ книгамъ. Одно перечисленіе именъ отличившихся на этомъ поприщѣ и ихъ сочиненій заняло бы насъ на долгое время; скажемъ только, что нынѣ всѣ классическія книги преподаются съ толкованіями новѣйшихъ философовъ, между которыми Чжу-цзы занимаетъ главное мѣсто. Только идеи и взгляды этихъ толкователей принимаются во всѣхъ задачахъ, представляемыхъ на соисканіе ученыхъ степеней. Новѣйшая же философія, придавъ особенное значеніе двухъ главамъ «Ли-цзи»: Да-сё и Чжунъ-юну, выставила ихъ первыми книгами раціональнаго преподаванія, и онѣ вмѣстѣ съ «Лунь-юй'емъ» и «Мэнъ-цзы», составили такъ-называемое Четверокнижіе (Сы-шу), изучаемое прежде пяти цзиновъ. Приводимъ ихъ въ принятомъ порядкѣ: «И-цзинъ», «Шу-цзинъ», «Ши-цзинъ», «Чунь-цю» и «Ли-цзи». Новое ученіе сначала встрѣтило даже преслѣдованіе, имена его приверженцевъ даже выставлены были на позорномъ столбѣ, но подъ конецъ сунской династіи оно восторжествовало, а утвердилось особенно (благодаря Сюй-хэну, нашедшему пріютъ у Хубилая) при юаньской династіи. Невѣжественныхъ монголовъ, разумѣется, легче было увлечь высокопарными фразами и мистическими терминами и взглядами. Еще въ послѣднее время сѣверной сунской династіи, нѣкто Сюнъ-цзы составилъ объясненіе всѣхъ книгъ, трактовавшихъ о законахъ природы: «Синь-ли цюнь-шу цзинъ-цзѣ», 23 главы; онъ взялъ въ основаніе сочиненія такъ-называемыхъ семи знаменитостей (Чжоу-цзы, два брата Чэнъ-цзы: Чэнъ-хао и Чэнъ-и, Шао-цзы, Чжанъ-цзы, Сы-ма-гуанъ и Янь-тунъ) и присоединилъ къ нимъ выборъ изъ трудовъ: Янь-ши, Ло-цунъ-яня, Фань-цзюнь'я, Люй Да-лин'я, Цай Юань-дина, Хуанъ-хань'я, Чжанъ-ши, Хухун'а и Чжэнь-дэ-сю. Жившіе уже при южной сунской династіи, Чжу-цзы и Люй-цзу-цянь составили подъ названіемъ «Цзинь-сы-лу» (выписки изъ ближайшихъ мыслителей?) также выборъ лучшихъ мѣстъ изъ Чжоу-цзы, Чэнъ-цзы и Чжанъ-цзы. Въ 1415 году, при минской династіи, въ царствованіе Юнъ-ло, ученый комитетъ подъ начальствомъ Ху-гуана, руководясь этими двумя сборниками, составилъ новый выборъ изъ всѣхъ сунскихъ ученыхъ, число которыхъ дошло до 120. Эта огромная компиляція (8 томовъ 70 главъ) извѣстна подъ именемъ «Синъ-Ли-да-цюань»—Полнаго собранія ученій о законахъ природы. Съ того времени всѣ ученые уже приняли въ руководство это сочиненіе. Только въ

1717 г., при Канъ-си, велѣно было Ли-гуанъ-ди сдѣлать сокращеніе, которое явилось подъ именемъ «Синъ-Ли-цзинъ-и»—Чистѣйшія идеи законовъ природы. Благодаря переводу этой книги и на маньчжурскій языкъ въ недавнее время, многіе нѣмецкіе ученые стяжали себѣ славу изданіемъ отрывковъ изъ этой книги. Кажется, и изъ нашего краткаго обозрѣнія можно понять всю чепуху этой философіи.

А между тѣмъ, если бы продолжать даже и въ такомъ сжатомъ видѣ исторію конфуціанства и его литературы, то далеко еще не предвидѣлось бы конца. Мы бы должны были сказать хоть по нѣсколько словъ о знаменитыхъ конфуціанскихъ комментаторахъ и ихъ сочиненіяхъ, а ихъ всѣхъ, перечисленныхъ въ «Цзинъ и Као», навѣрно болѣе десяти тысячъ. Достаточно сказать, что не вошедшее въ эту книгу собраніе сочиненій конфуціанскихъ писателей при одной нынѣшней династіи составляетъ 50 большихъ томовъ (350 книжекъ—180 названій). Оно издано Жуанъ-юнемъ въ 1829 г. подъ названіемъ «Хуанъ-цинъ-цзинъ-цзѣ» (писатели о классическихъ книгахъ при дайцинской династіи).

Слѣдовало бы упомянуть хоть о сотняхъ тѣхъ лицъ, которыя удостоены жертвоприношеній въ храмѣ Конфуція—вѣдь это своего рода святые конфуціанской церкви. Какъ не перечислить хотя учениковъ Конфуція, какъ можно обойти молчаніемъ прямыхъ его потомковъ—самой первой по древности аристократіи въ мірѣ! Нужно бы поговорить и о титулахъ и о почестяхъ, воздаваемыхъ великому учителю, о жертвахъ, храмахъ и т. п. Но все это мы проходимъ молчаніемъ не по недостатку матеріаловъ, а потому, что представляющимся вопросамъ не было бы конца.

Упомянемъ только, что помимо толкованій на классическія книги и трактатовъ, относящихся къ новой философіи, есть много другихъ сочиненій, высоко цѣнимыхъ конфуціанцами.

Таковы: 1) „Цзя-юй"—домашнія изрѣченія Конфуція, хотя китайцы подозрѣваютъ, что Ванъ-су, жившій при вэйской династіи и издавшій на нее толкованія, самъ поддѣлалъ эту книгу, взявъ факты изъ „Цзо-чжуаня", „Ли-цзи" и проч.; 2) „Го-юй"—легенды царствъ, сочиненіе Цзо-цю-мина; 3) „Кунъ-цунъ-цзы"—приписывается Кунъ-фу, потомку Конфуція въ восьмомъ колѣнѣ. Кунъ-фу былъ академикомъ (бо-ши) при Чэнь-шэ-ванѣ. Но Чжу-цзы говоритъ, что, судя по слогу, это сочиненіе нельзя даже отнести къ временамъ первой ханьской династіи; 4) „Синь-юй"—новыя изреченія—приписываются Лу-цзы или Лу-цзя, министру перваго ханьскаго императора (Гао-ди), написано будто бы имъ въ защиту учености (т.-е. конфуціанства) и объясняетъ отчего падаютъ и возвышаются царства—однакожъ и оно подозрѣвается въ подложности; 5) „Фа-янь"—слово закона, сочиненіе ханьскаго философа Янь-цзы (или Янъ-сюна), который въ свое время считался наравнѣ съ Мэнъ-цзы и Сюнъ-цзы, но сунскіе ученые: Чэнъ-цзы, Су-дунъ-по и Чжу-цзы, поколебали его славу. Онъ разсуждаетъ объ ученіи, о Конфуціи, объ украшеніи тѣла, о пути, о духѣ, разумѣ и проч. Вообще его сочиненіе имѣло цѣлью выставить конфуціанство въ

полномъ значеніи; 6) „Хань-ши-вей-чжунь“ — косвенное объясненіе хань'скаго „Ши-цзина“, о которомъ мы упоминали уже прежде—оно составлено Хань ин'омъ, который служилъ во время ханьскихъ императоровъ Вэнь-ди (179—157) и Цзинъ-ди (156—141). Тутъ въ каждой статьѣ разсуждается о чемъ нибудь, а потомъ и въ видѣ заключенія говорится: потому-то въ стихахъ „Ши-цзина“ и говорится такъ-то... Объясненія совсѣмъ несходны съ комментаріями, вышедшими изъ удѣловъ Ци и Лу. Есть и такія объясненія, которыя, по мнѣнію китайцевъ, носятъ отпечатокъ древности до-циньской; 7) „Чжунъ-цзинъ“—книга о преданности, составленная Мажун'омъ по образцу Сяо-цзина; 8) „Синь-сюй“—новое дополненіе, и 9) „Шо-юань“ —лѣсъ разсказовъ, составленные Лю-сяномъ, не задолго до Р. Х. (за 17 лѣтъ) изъ тѣхъ конфуціанскихъ сочиненій, которыя ему пришлось разбирать въ комитетѣ, составлявшемъ каталогъ и описаніе всѣхъ книгъ, собранныхъ по имперіи; 10) „Шэнь-цзянь“—зерцало мудрости, сочиненіе Сюнъ-цзы (Сюнь-юе), жившаго при Сянь-ди (190—220 по Р. Х.). Конфуціанцы говорятъ, что всѣ его разсужденія непогрѣшительны и глубоки, а онъ разсуждаетъ о томъ, что составляетъ сущность правленія и проч.; 11) „Янь-тѣ-лунь“—разсужденіе о соли и желѣзѣ, не объясняющее способовъ добыванія или количества соли и желѣза, а разсуждающее о томъ, что правительство не должно предаваться жадности, спорить съ народомъ о выгодахъ, налагать акцизъ и проч. Когда по смерти У-ди финансы имперіи найдены были въ упадкѣ и министръ Санъ-хунъ-янъ (предшественникъ Вань-ань-ши, Богъ знаетъ съ чего приравниваемаго къ русскимъ нигилистамъ) обложилъ сборами соль, желѣзо и вино, то созванные при Чжао-ди изъ всей имперіи депутаты дали такой отзывъ, чтобъ снять ихъ: ихъ-то мнѣнія и собраны и записаны въ этомъ сочиненіи нѣкіимъ Хуань-куан'емъ.

Но невозможно перечислить по порядку всѣ такія сочиненія, какъ бы сжато мы ни говорили. Необходимо только упомянуть о «Ди-фань», правилахъ для государя, сочиненныхъ танскимъ Тай-цзуномъ (627—649) для своего наслѣдника. Кажется, это сочиненіе распространилось даже въ заграничныхъ земляхъ и было принято во вниманіе при составленіи Чингисханомъ своего *Яса*. Точно такое же значеніе имѣютъ и изданныя при нынѣшней династіи «Шэнъ-юй-Гуанъ-Сюнь»,—шестнадцать поученій Канъ-си, переведенныя на монгольскій и маньчжурскій языки (въ Европѣ и у насъ тоже переведены). Всѣмъ уѣзднымъ начальникамъ приказано 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца преподавать и растолковывать это сочиненіе народу.

VIII. Чуждые конфуціанству философы. Даосизмъ.

Несмотря на преобладающее вліяніе конфуціанства, захватъ имъ всей умственной, нравственной и правительственной дѣятельности Китая, странно было бы даже и предполагать, чтобъ въ продолженіи тысячелѣтій не проявилось никакой попытки дать отпоръ его мнѣніямъ и взглядамъ. Мы видѣли уже, что Мэнъ-цзы упоминаетъ о Янъ-чжу и Мо-ди. Сохранилось будто бы и сочиненіе подъ именемъ этого философа (Мо-цзы), родившагося будто бы послѣ Конфуція, но въ удив-

ленію, не представляющее большого противорѣчія съ конфуціанствомъ, а какъ бы только его пополняющее; поэтому думаютъ, что Мэнъ-цзы подъ именемъ Мо-ди разумѣлъ вообще всѣ противныя школы, основанныя Чжуанъ-цзы, Шэнь-цзы, Шанъ-цзы, Су-цзы и Чжанъ-цзы, такъ какъ будто бы въ его время ученіе Мо-цзы было распространено всѣхъ болѣе. Это довольно странно, да и Мэнъ-цзы не говорилъ о сочиненіи, а объ ученіи. Вопросъ также, почему въ книгѣ самъ авторъ называетъ себя именемъ философа. Всего вѣроятнѣе бы предположить, что эта книга была передѣлана имъ по-конфуціански, или какой нибудь поддѣлыватель старины, узнавъ изъ «Мэнъ-цзы» о существованіи Мо-ди, сочинилъ самъ все отъ себя, но не могъ выдти изъ заколдованнаго круга конфуціанскихъ вопросовъ. Нынѣ сочиненіе это состоитъ изъ 63 довольно длинныхъ статей; въ немъ разсуждается о любви къ чиновникамъ, объ украшеніи тѣла, объ удаленіи семи безпокойствъ (неукрѣпленности городовъ, неполученія помощи отъ сосѣдей и т. п.) и проч. Мо-цзы неоднократно обращается къ древности и представляетъ измѣненія, происшедшія въ человѣческомъ обществѣ.

„Въ древности, когда только-что появился родъ человѣческій, не было старѣйшинъ—каждый имѣлъ свои собственныя истины; поэтому желая подчинить вселенную однимъ правиламъ, избрали добродѣтельнаго и поставили государемъ“; далѣе объясняется происхожденіе князей, вельможъ и проч. „Но нынѣ стоящій вверху не умѣетъ управлять низшими, низшіе не могутъ служить высшимъ, потому что ихъ правила неодинаковы“... „Святой мужъ непремѣнно знаетъ, отчего происходятъ возмущенія или потрясенія и потому можетъ управлять... Они происходятъ оттого, что чиновники непочтительны къ государю, дѣти къ родителямъ“. „Всѣ споры, неудовольствія и несчастія въ мірѣ происходятъ отъ недостатка взаимной любви... если на чужое государство смотрѣть какъ на свое, то не будетъ сраженій, похищеній и прочаго, знатный не будетъ гордиться предъ низкимъ, ловкій не станетъ обманывать глупаго“.

„Святые цари, управляя государствомъ, въ своихъ нарядахъ на работы щадили народныя богатства, одѣвались только для защиты отъ холода, строили зданія для защиты отъ вѣтра, холода, жара, дождя“...

Однакожъ, если внимательно присмотрѣться, то и изъ этихъ фразъ можно вывести наклонность Мо-цзы къ соціалическимъ идеямъ, противъ которыхъ могъ возставать Мэнъ-цзы. Что же касается того, что предметы обсужденія (правленіе народа) не у одного только Мо-цзы, какъ увидимъ, общіе съ конфуціанцами, то не надобно забывать, что и мнѣнія послѣднихъ не были въ началѣ вполнѣ выработаны, а вопросы возникали въ одной и той же политической обстановкѣ Китая и вызваны были общей народной потребностью. Не надобно также забывать, что главными запѣвалами въ поднятіи этихъ вопросовъ были все-таки конфуціанцы, какъ первые учителя народа.

Въ связи съ Мо-цзы находится Янь-цзы Чунь-цю—жизнеописаніе Янь-цзы (онъ же Янь-инъ и Янь-пинъ-чжунъ), который будто бы служилъ при трехъ цискихъ удѣльныхъ князьяхъ: Линъ-гунѣ, Чжуанъ-гунѣ и Цзинъ-гунѣ, отличался бережливостью и мудростью, не уклонялся дѣлать наставленія. Настоящее сочиненіе, хотя и небольшое, состоитъ изъ 8 отдѣловъ и было уже извѣстно Лю-сяну, который говоритъ, что въ первыхъ шести отдѣлахъ оно отличается краснорѣчіемъ, проникнутымъ истиной, и только два послѣдніе не согласны съ классическими книгами. Потому одни причисляютъ его къ послѣдователямъ Мо-цзы, другіе къ конфуціанпамъ. Однакоже Янь-цзы проповѣдуетъ бережливость въ похоронахъ, и въ книгѣ говорится, что Мо-цзы, жившій послѣ него, услыхавъ (а не прочитавъ) его ученіе, отозвался о немъ съ похвалой. Послѣднее обстоятельство показываетъ, что самое сочиненіе не относится ко времени, близкому жизни Янь-цзы. Такую же претензію на превосходство его ученія предъ конфуціанствомъ можно видѣть и въ слѣдующемъ разсказѣ:

„Когда Чжунъ-ни (такъ-называется не у конфуціанства Конфуцій) прибылъ въ удѣлъ Ци и представился Цзинъ-гуну, онъ не посѣтилъ Янь-цзы. Цзы-гунъ (ученикъ Конфуція) спросилъ, почему онъ, видѣвъ владѣтеля, не повидается съ завѣдывающимъ управленіемъ? — Конфуцій сказалъ: Я слышалъ, что Янь-цзы, служа тремъ государямъ, умѣлъ поладить: недоумѣваю, что онъ за человѣкъ. Янь-цзы, услыхавъ объ этомъ, отозвался: Если однимъ сердцемъ служить тремъ государямъ, то значитъ поладишь; если же тремя сердцами служить одному государю, то не поладишь: нынѣ же, не разбирая Яневыхъ поступковъ, обвинять его въ непокорности, порицать человѣка безъ всякаго повода—это все равно, что разбирать порокъ въ сѣкирѣ рыболова, или въ сѣтяхъ горца... Конфуцій, услыхавъ, сказалъ: Пословица говоритъ: слово, сказанное близко, нельзя остановить вдали. Я про себя разсуждалъ о Янь-цзы и ошибся... Я слыхалъ, что благородный мужъ дѣлаетъ другомъ того, кого онъ превосходитъ, и учителемъ, до кого онъ не доходитъ. ...Теперь я провинился предъ философомъ, значитъ это мой учитель, потому Конфуцій и послалъ Цзай-во извиниться.—Это показываетъ стремленіе (направленіе) убѣдить, что Конфуцій не былъ первымъ философомъ и учителемъ; значитъ, воспользовались стараніемъ его же учениковъ доказать, что конфуціанство существовало уже при Яо, Шунѣ, Вэнь-ванѣ и Чжоу-гунѣ. Послѣ этого и конфуціанцамъ не приходило въ голову сомнѣваться въ дѣйствительномъ существованіи постороннихъ философовъ, каковы, напримѣръ, этотъ Янь-цзы или Лао-цзы, Юй-цзы (Юй-сюнъ), встрѣтившійся съ Вань-ваномъ, когда ему было уже 90 лѣтъ; разумѣется, есть и сочиненіе подъ этимъ именемъ.

Философъ Сюнь-цзы (Сюнь-куань, жившій 50 лѣтъ послѣ Мэнъ-цзы), хотя и близокъ къ конфуціанству, говоритъ, что природа человѣческая зла, а церемоніи—ложная выдумка.

Шэнь-цзы учитъ, что все имѣетъ свой собственный законъ, который должно сохранять, не отыскивая ничего внѣ его, не раздвигая его границъ; отъ этого получается спокойствіе между высшими и низшими, достигается чистота. Но тамъ, гдѣ

законы недѣйствительны, тамъ возстановляется стройность посредствомъ наказаній.

Мы уже говорили, что сочиненіе «Люй-ши-Чунь-цю», приписываемое Люй-бу-вэй'ю, первому министру Цинь-ши-хуанди, признается самими конфуціанцами чище сочиненій всѣхъ другихъ сектантовъ. Въ немъ часто приводятся изреченія Конфуція и Цзэнъ-цзы, и только мѣстами попадаются идеи Лао-цзы и Мо-цзы.

Но главнымъ противникомъ конфуціанства является, конечно, даосизмъ: въ немъ собрались умственныя силы протестовавшихъ и недовольныхъ. Чтобы дать обстоятельное понятіе объ этомъ ученіи, мы должны бы были сказать болѣе того, что нами было уже сказано прежде въ нашей книгѣ «Религіи Востока». Этого не позволяетъ предположенный объемъ нашего обозрѣнія, а повторяться или дѣлать еще сокращенія, мы находимъ лишнимъ и потому отсылаемъ нашихъ читателей къ этой книгѣ. Здѣсь скажемъ только, что литература даосійская, сколько извѣстно, такъ же обширна, какъ и буддійская. Въ началѣ прошлаго столѣтія правительство напечатало собраніе даоскихъ книгъ (Дао-цзанъ) въ 550 томахъ, а мы имѣемъ только сокращеніе ихъ «Дао-цзанъ-цзи-яо» (и то не полное, 21 томъ вмѣсто 28). Вѣроятно и полное собраніе ограничивается только, какъ мы видимъ при правительственномъ же изданіи буддійскихъ книгъ, такъ-называемыми каноническими — и навѣрно существуютъ сочиненія и частныхъ лицъ, сюда не вошедшія. Мы знаемъ по опыту, какъ опрометчиво говорить о какомъ нибудь ученіи или о какой нибудь отрасли литературы, не ознакомившись съ ея объемомъ. Такъ было, напримѣръ съ буддизмомъ. Попалась въ руки одна книга, и сейчасъ, бывало, думаютъ, что вотъ ужъ знаютъ все, могутъ разсуждать о всемъ буддизмѣ. Академикъ Шмидтъ увидалъ «Алтанъ-гэрэлъ» (Суварна праб'аса—золотой лучъ) и рекомендовалъ его какъ самую главную книгу и квинтъ-эссенцію буддизма; на дѣлѣ оказалось, что съ этой книгой далеко не уѣдешь, также какъ и съ Пратимокшей. Говоря въ нашей книгѣ о даосизмѣ, мы сами пробѣжали такія сочиненія, какъ Лао-цзы'евъ «Дао-дэ-цзинъ» или Чжуанъ-цзы, но въ дальнѣйшемъ обозрѣніи опирались почти исключительно на одно рекомендуемое и правительственнымъ каталогомъ и общимъ мнѣніемъ даоское сочиненіе «Юнь-цзи-ци-цянь». Однакожъ вѣдь авторъ могъ принадлежать къ извѣстной школѣ и, вслѣдствіе этого, выставляя одно, затемнять другое, пропускать третье. Притомъ онъ жилъ уже давно; съ того времени и въ даосизмѣ могли произойти перемѣны, можетъ быть и навѣрно есть какая нибудь исторія даосизма, а исторію-то этого ученія мы всего менѣе знаемъ. Хотя, съ одной стороны, и очень желательно, чтобы кто нибудь серьозно и

исключительно занялся ознакомленіемъ со всей даоской литературой; но съ другой совѣстно, если окажется, что тамъ дѣйствительно только одна чушь, какъ мы предполагаемъ,—совѣстно рекомендовать занятіе, которому во всякомъ случаѣ должно предпочесть даже изученіе классическихъ языковъ. «Юнь-цзи-ци-цянь» сочинена сунскимъ Чжанъ-цзюнь-фаномъ, который получилъ докторскую (т. е. конфуціанскую) степень въ года Цзинъ-дэ (1004—1007 по Р. Х.), былъ цензоромъ и потомъ посланъ въ Нинъ-хай. Въ это время сунскій императоръ (998—1022) отдавая предпочтеніе даоской религіи, поручилъ пересмотръ и исправленіе ея книгъ, находящихся въ тайномъ кабинетѣ (т. е. въ императорской библіотекѣ), Би-Ци-луню и Чень-Яо-чен'ю, которые и рекомендовали Чжанъ-цзюнь-фана для занятія этимъ дѣломъ. Чжанъ-цзюнь-фанъ представилъ собраніе даоскихъ книгъ въ 4565 цзюаняхъ (главахъ или книжкахъ); сверхъ того, выбравъ изъ нихъ существенное, заключающееся болѣе чѣмъ въ 10000 отрывковъ, составилъ изъ нихъ настоящее сочиненіе, названное семью отдѣлами облачной коробки (коробъ—названіе, напоминающее буддійскія питаки), потому что даосы насчитываютъ въ своихъ книгахъ столько отдѣловъ (по-буддійски: яна). «Юнь-цзи-ци-цянь» составляетъ 122 главы, изъ которыхъ въ первыхъ 28 говорится вообще о главныхъ основаніяхъ религіи и сообщаются свѣдѣнія о лицахъ даосскаго ученія, каковы: безсмертные (сянь, риши) и праведники, затѣмъ до 86 главы говорится о практическихъ пріемахъ даосскаго ученія, о питаніи, упражненіи дыханія, пилюляхъ (философскій камень), рецептахъ, талисманахъ, охраненіи соковъ и распущеніи трупа. Далѣе до конца находятся различныя разсужденія, стихи, легенды, словомъ все, что касается даосизма. Чжанъ-цзюнь-фанъ постоянно выписываетъ только текстъ различныхъ книгъ, не прибавляя собственныхъ отзывовъ, но располагаетъ выписки такъ, что ясно видны связь и главное направленіе.

Но тутъ мы имѣемъ дѣло уже съ религіей, а не съ философскимъ ученіемъ, какимъ былъ даосизмъ вначалѣ; тутъ онъ, повидимому, оттого и оставляетъ въ покоѣ конфуціанство, тогда какъ въ началѣ вращался съ нимъ въ области однихъ и тѣхъ же вопросовъ. Кромѣ Лао-цзы и Чжуанъ-цзы, между даосскими философами считается еще Вэнь-цзы, котораго выдаютъ за современника Конфуція, и который посвятилъ себя всецѣло истолкованію идей Лао-цзы; но самое сочиненіе его принимаютъ за компиляцію изъ другихъ книгъ, появившуюся ранѣе 7-го столѣтія нашей эры. Болѣе претензій на древность имѣетъ Лѣ-цзы (по имени Юй-коу, уроженецъ удѣла Чжэнъ), жившій будто бы лѣтъ 50 послѣ Конфуція, что̀ опровергается тѣмъ, что тамъ упоминается о многихъ фактахъ, случившихся послѣ; но во всякомъ случаѣ замѣчательно, что въ «Чжуанъ-цзы» не разъ дѣлаются ссылки на него, а

Чжуанъ-цзы мы принимаемъ древнѣе Лао-цзы. Дѣло въ томъ, что мы не имѣемъ для руководства времени появленія не-конфуціанскихъ книгъ такихъ же изслѣдованій, о какихъ позаботились конфуціанцы для своихъ книгъ. Но если Чжуанъ-цзы былъ современникомъ Мэнъ-цзы, то мы говорили уже, что никакъ нельзя было ему жить раньше ханьской династіи, и при этомъ оставили еще не рѣшеннымъ вопросъ, кто въ отвѣтъ кому написанъ. Лѣ-цзы не есть чистый даосецъ; онъ сходенъ съ Лао-цзы только тѣмъ, что говоритъ о спокойствіи и удаленіи (отъ дѣлъ), но возвеличивалъ Конфуція, а иногда переходилъ въ сужденіи о любви къ себѣ и собственныхъ выгодахъ на сторону Янъ-чжу, противъ котораго такъ возсталъ Мэнъ-цзы и о которомъ только у Лѣ-цзы находимъ двѣ статьи.

„Янъ-чжу сказалъ: добро дѣлается не для славы и слава приходитъ, слава не условливается съ пользой, а польза присоединяется къ ней, польза не уговаривается со споромъ, а споръ является; потому благородный мужъ долженъ быть чрезвычайно остороженъ въ дѣланіи добра!“

Поэтому тѣмъ лучше, что Лѣ-цзы—не настоящій даосскій философъ: мы имѣемъ въ немъ руководство для оріентированія. Мы теперь можемъ понять, какъ отъ конфуціанства отдѣлялись нѣкоторые умы, не переходя въ открытую оппозицію, въ которую рѣшился вступить даосизмъ съ своимъ «Дао-дэ-цзиномъ» и легендой о свиданіи Конфуція съ Лао-цзы. Потому мы можемъ предполагать, что и миѳологическія легенды, которыми особенно отличается Чжуанъ-цзы, имѣли предшественницъ въ легендахъ и фабулахъ Лѣ-цзы.

„Небо и земля суть равно вещи, а въ вещахъ бываетъ недостатокъ; поэтому въ древности Нюй-ва растопила пятицвѣтный камень, чтобъ залить недостающее (въ небѣ и землѣ), отрубила ноги у черепахи Ао, чтобъ утвердить четыре страны свѣта (земля на черепахѣ!); впослѣдствіи Гунъ-гунъ, споря съ Жуй-сяномъ о царствѣ, толкнулъ въ гнѣвѣ ногой гору Бу-чжоу-шань, и тѣмъ переломилъ колонну, поддерживавшую небо, разорвалъ сѣть земли; оттого небо наклонилось къ СЗ, и солнце, луна и звѣзды стали туда скатываться; въ землѣ оказалась впадина на ЮВ. Потому туда текутъ всѣ воды“ (такая легенда могла образоваться только въ Китаѣ до знакомства съ остальнымъ міромъ, потому что въ Китаѣ всѣ рѣки дѣйствительно текутъ въ Восточный океанъ).

„Гора Лѣ-гушэ находится посреди острова Хай-хэ-чжоу; на ней живутъ духовные обитатели, которые дышатъ вѣтромъ, пьютъ росу, не ѣдятъ хлѣба; сердце ихъ похоже на пучину, форму имѣютъ дѣвичью... Они не знаютъ страха и гнѣва, не прибѣгаютъ къ подаянію и щедрости, а между тѣмъ всѣ живутъ въ довольствѣ, не собираютъ и нѣтъ преступленій; силы Инь и Янъ тамъ вѣчно гармонируютъ, солнце съ луной постоянно свѣтятъ, четыре времени года идутъ въ порядкѣ; вѣтръ и дождь пропорціональны“.

„Сила сказала судьбѣ: твои заслуги какъ могутъ сравниться съ моими! Судьба отвѣчала: Ты дѣйствуешь въ предметахъ, какъ же сравниваешься со мной! Сила сказала: Долгоденствіе и краткая жизнь, знатность и низость, богатство и бѣдность—все это отъ меня зависитъ. Судьба возразила: Умомъ Пынъ-цзу не прево-

сходилъ Яо и Шуня, а онъ жилъ 800 лѣтъ (сколько и Маѳусаилъ!!), способности Янь-юаня не уступали другимъ, а онъ жилъ только 18 лѣтъ, качества (достоинства) Чжунъ-ни (Конфуція) не были ниже княжескихъ, а онъ былъ стѣсненъ въ Чэнь и Цай (значитъ, и Лѣ-цзы знакомъ уже былъ съ „Лунь-юй'емъ")... Если это твоею силой, то почему одинъ жилъ долго, а другой коротко, мудрый находился въ стѣсненномъ положеніи, а презрѣнный возвышался... Сила отвѣчала: Это вовсе не мое дѣло, это тобой учреждено.—Судьба сказала: Когда говорить о судьбѣ, то какія тутъ учрежденія! Долгоденствіе, счастье, бѣдность приходятъ сами собой, я какъ могу знать!"

Вѣрнѣе можно опредѣлить вѣкъ Хуай-нань-цзы, т. е. родственника ханьскаго У-ди Лю-Аня, получившаго удѣлъ Хуай-нань. Въ то время какъ родной братъ того же императора, князь удѣла Хэ-цзянь, занялся отыскиваніемъ конфуціанскихъ сочиненій, Хуай-нань-цзы любилъ музыку, искусство, науки, приглашалъ къ себѣ ученыхъ и всѣхъ знающихъ тайныя средства людей, написалъ о томъ, какъ сдѣлаться духомъ и какъ дѣлать золото и серебро, и вообще собиралъ и составлялъ всякія фантастическія и чудесныя книги. У-ди сначала былъ весьма расположенъ къ нему, но впослѣдствіи онъ задумалъ взбунтоваться и умертвилъ себя.

Дошедшее до насъ подъ его именемъ сочиненіе, представляющее смѣсь мнѣній Ли-сао, Лѣ-цзы, Чжуанъ-цзы и Люй-бу-вэя (а не Лао-цзы), состоитъ изъ довольно длинныхъ статей, толкующихъ о первоначальномъ пути, о подлинномъ, о формѣ земли, временахъ года, объ энергіи, даже о войнѣ и проч. Въ его языкѣ весьма много поэзіи, и онъ постоянно старается объяснять свои мысли и идеи объ отвлеченныхъ предметахъ сравненіями съ земными образами:

„Путь (мы уже придерживаемся одного слова для перевода *дао*, хотя у всѣхъ писателей объемъ и значенье его различны—одинъ нѣмецъ переводитъ это слово даже: Vernunft) покрываетъ небо, поддерживая землю, включаетъ все пространство; высота его не можетъ быть достигнута, глубина измѣрена, содержитъ безформенное... даетъ не истощаясь, развивается во всемъ пространствѣ, свертывается въ пригоршнѣ, теменъ и можетъ освѣтить, слабъ и можетъ укрѣпить... отъ него горы высоки, бездны глубоки, животныя движутся, птицы летаютъ, свѣтила свѣтятъ"...

„Безформенность есть начало вещей, беззвучіе есть источникъ звука, свѣтъ есть ихъ сынъ, вода внукъ, и всѣ они родились въ безформенности; но свѣтъ можетъ быть видимъ и неуловимъ, вода можетъ быть преслѣдуема, но неразрушима (т.-е. сейчасъ сливается, какъ скоро исчезнетъ преграда?). Потому въ имѣющемъ формы главнѣе всѣхъ вода... потому чистота есть верхъ добродѣтели, а слабость —сущность пути... Безформенность есть единица; единица есть то, чему нѣтъ равнаго, къ чему ничто не прилагается во вселенной.

„Радость и гнѣвъ суть искаженія пути, состраданіе и огорченіе — недостатокъ добродѣтели, сожалѣніе (раскаяніе?)—порокъ сердца, страсти—отягченіе природы.

„Когда умретъ форма, духъ крѣпчаетъ; когда духъ истощится, то форма остается; духъ и форма вмѣстѣ не исчезаютъ". „Сердце есть владыка формы, духъ есть драгоцѣнность сердца; форма, когда утомится, не получая отдохновенія, преклоняется,

энергія (духъ?) отъ безпрестаннаго употребленія истощается. Потому святой мужъ, дорожа этимъ, не смѣетъ выходить изъ границъ".

„Праведный человѣкъ тотъ, котораго природа согласуется съ путемъ; существующее для него какъ будто не существующее; истинное какъ будто пустое; живя въ одномъ, не знаетъ другого; управляя внутреннимъ, не заботится о внѣшнемъ".

„Если не дорожить небомъ, то духъ не будетъ имѣть безпокойства; если не обращать вниманія на предметы, то сердце не впадетъ въ заблужденіе; если одинаково смотрѣть какъ на жизнь, такъ и на смерть, то мысли не будутъ удручены".

Все это показываетъ, что китайскіе философы, внѣ матеріальнаго конфуціанства, старались отыскать новыя начала, чувствовали въ сердцѣ потребность связи съ духовнымъ міромъ—создали о немъ свои оригинальныя воззрѣнія, но до того, чтобъ создать какое нибудь подобіе религіямъ—не только Запада, но и Индіи, еще было очень далеко. Мы уже показали (въ «Религіяхъ Востока»), что самый даосизмъ принялъ форму религіи, только научившись ея пріемамъ отъ буддизма.

IX. Буддизмъ.

Мы не будемъ распространяться здѣсь ни о томъ, въ чемъ заключается это ученіе, ни даже объ исторіи его распространенія въ самомъ Китаѣ, о создавшихся въ немъ самомъ оригинальныхъ школахъ. Буддизмомъ, по его неизвѣстности, съ прошлаго столѣтія заинтересовались, можно сказать, болѣе чѣмъ другими религіями. Написано уже очень много, а впереди предвидится еще болѣе. Писали не мало и мы сами («Буддизмъ, его догматы» и проч., ч. 1-я и 3-я, вторая не можетъ быть издана по недостатку шрифта; «Религіи Востока»). Но для желающихъ знать нашъ взглядъ, сообразно съ предположеннымъ здѣсь сжатымъ изложеніемъ, совѣтуемъ прочитать хоть наши статьи подъ словами: «Буддизмъ» и «Ламаизмъ» въ энциклопедическомъ лексиконѣ И. Н. Березина.

Здѣсь же не можемъ не обратить вниманія на тотъ важный фактъ, что отъ встрѣчи съ буддизмомъ не одно только конфуціанство, но и весь китайскій геній, вся его интеллигенція должна была разступиться, чтобъ дать мѣсто новой религіи; конфуціанство не то, чтобы было побѣждено, оно сохранило, пожалуй, свое первенство, такъ какъ оно все-таки хозяинъ, а буддизмъ только гость; но достаточно и того, что оно не нашло въ себѣ силъ, чтобъ прогнать этого непріятнаго гостя. Мы уже говорили о томъ, что конфуціанство представило сильный отпоръ, когда Китай, познакомившись при У-ди съ Западомъ, поразился его нравами и интеллигенціей; мы намекнули

также, что можетъ быть сношенія съ Западомъ были и гораздо ранѣе, но конфуціанство, если что и позаимствовало, то съумѣло припрятать концы, выдавъ все за свое, и только развѣ внѣ его непризнанные, не имѣвшіе вліянія писатели внесли нѣкоторыя легенды изъ легендъ Запада; да и превратившійся въ религію, по образцу буддизма, даосизмъ постарался изъ подражанія перейти къ передѣлкѣ на свой образецъ, а потомъ въ религіозномъ же духѣ обратился къ разработкѣ своихъ народныхъ повѣрій и суевѣрій (какъ достигнуть безсмертія, добыть философскій камень и проч.). Значитъ, отпоръ и нерасположеніе къ иностраннымъ ученіямъ чисто въ духѣ китайскаго генія. Почему же буддизмъ успѣлъ сдѣлать такой важный проломъ? Нѣтъ сомнѣнія, что ему не удалось бы пріобрѣсти такого права на водвореніе, еслибъ его не поддержала физическая сила. Онъ сталъ распространяться именно съ наплывомъ на Китай чужестранцевъ, которые съ начала 4-го до конца 6-го вѣка нашей эры распоряжались на сѣверѣ отъ Цзяна: подъ эгидой завоевателей онъ пустилъ уже такіе корни, которыхъ нельзя было послѣ вырвать. Правда, буддизмъ въ тоже время распространялся и на югѣ, гдѣ удержалась собственно китайская власть; туда онъ двигался моремъ, слѣдовательно, какъ бы добровольно, но по очень понятной причинѣ: китайцамъ было не до того, чтобъ еще бороться съ ученіемъ, когда ихъ политическая судьба была въ опасности *). Притомъ, сколько извѣстно, буддизмъ и до сего времени больше преобладаетъ на сѣверѣ: южные китайцы болѣе расположены къ даосизму — все-же это продуктъ китайской передѣлки...

Однакожъ, кромѣ внѣшней политической силы, были же въ буддизмѣ и свои внутреннія. Религіи Запада (чѣмъ западнѣе, тѣмъ сильнѣе) имѣютъ дѣло не столько съ разсудкомъ, сколько съ сердцемъ. Изъ всего предъидущаго обзора, кажется, можно было видѣть, что китайскій геній совершенно игнорировалъ это сердце или давалъ ему плохую пищу; конфуціанство исключило даже вопросъ о загробной жизни, заглушило вѣру въ Шанди; жертвоприношеній и обрядностей не достаточно для сердца, а мы не видимъ нигдѣ даже упоминанія о молитвѣ (гимнъ не есть молитва), сознаніе Промысла не можетъ родиться безъ признанія бытія божія, безъ вѣры въ безсмертіе души.

Разумѣется, самъ буддизмъ не слишкомъ-то далеко ушелъ въ ученіи объ этихъ вопросахъ; но для необразованныхъ народовъ многаго и не надо; мы видимъ, какъ онъ крѣпко держится и теперь въ

*) Югъ болѣе расположенъ къ принятію фанатическихъ бредней; мы уже говорили при разборѣ Мэнъ-цзы, что при немъ еще нѣкто Сюй-синъ пришелъ съ юга въ сѣверный Китай съ своими идеями; въ послѣднее время тай-пинги, предводитель которыхъ называлъ себя братомъ Іисуса Христа, тоже пришли съ юга.

Тибетѣ и Монголіи; но вѣдь простой классъ и въ Китаѣ тоже относится, а особливо въ то время относился, безучастно къ умствованіямъ ученыхъ педантовъ; его сердце проситъ пищи посильнѣе, чѣмъ у умствователя. Буддисты прямо заявляютъ, что ихъ религія распространилась благодаря ученію о воздаяніи, по которому при вѣрѣ въ перерожденіе ни одинъ шагъ, ни одна мысль не пропадаетъ безъ вліянія на рядъ безчисленныхъ жизней; страданія настоящей объясняются какъ слѣдствіе прежней, и это уже большое утѣшеніе. Чѣмъ взялъ въ Китаѣ буддизмъ, это всего лучше видно изъ того, что нынѣ на всѣхъ алтаряхъ Будды тамъ чтится «Сатдарма Пунд'арика» («Лянь-хуа-цзинъ—Бѣлый ненюфаръ», переведенный и на французскій языкъ), тогда какъ у непросвѣщенныхъ тибетцевъ и монголовъ чтится «Праджня парамита» (Юмъ)—выспренняя метафизика, которая, разумѣется, выше ихъ пониманія, потому и чтится. «Пундарика» же говоритъ о любви, о милосердіи божіемъ, о заботѣ Промысла, отзывѣ на каждую теплую молитву — вотъ чего недоставало Китаю.

Собственно говоря, большой пользы буддизмъ Китаю не принесъ; онъ покрылъ его монастырями, пирамидами; но, заставивъ много потратиться, господства не пріобрѣлъ; слабые умы и изъ интеллигентныхъ конфуціанцевъ, правда, и теперь къ нему привязаны, но это не обязательная религія, за которую крѣпко держится общество. Во время гоненій на буддизмъ мы не видимъ изъ исторіи, чтобъ народъ гдѣ-нибудь защищалъ его. Мы знаемъ, что христіанскіе миссіонеры при болѣе строгомъ преслѣдованіи находили возможнымъ укрываться у христіанскихъ прозелитовъ, разъѣзжали тайно по Китаю. О магометанахъ и говорить нечего: они не только не допускали какого бы то ни было преслѣдованія, но и сами не разъ возставали противъ правительства гяуровъ. И мы замѣтимъ мимоходомъ, что христіанство могло бы сдѣлаться въ Китаѣ господствующей религіей только съ помощью иностраннаго завоеванія; магометанство можетъ добиться этого собственными силами; христіанство внесетъ въ Китай науку, но само, какъ и буддизмъ, едва ли не ослабитъ еще болѣе энергію китайцевъ, тогда какъ магометанство воодушевляетъ ихъ; за-то конфуціанство еще могло бы ужиться съ христіанствомъ, но магометанство замѣнитъ его во всѣхъ отрасляхъ вліянія *).

---

*) Мы не намѣрены касаться здѣсь христіанской литературы на китайскомъ языкѣ, какъ переводной, такъ и туземной. Но извѣстно, что литература эта уже очень значительна. Между тѣмъ магометанство пустило болѣе глубокіе корни, и не можетъ быть, чтобъ не было множества магометанскихъ сочиненій на китайскомъ языкѣ. Однакожъ, не смотря на наше обращеніе къ ученому міру уже болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, собрано еще такъ мало. Мы имѣемъ только „Гуй-Гуй-юань-лё"—поэму, описывающую вве-

Сами китайцы чрезъ буддизмъ познакомились только съ возможностью обозначать чтеніе алфавитомъ. Одинъ хошанъ призналъ, что всѣ китайскія слова можно писать 6000 знаками,—но и это знакомство не произвело никакого вліянія. Китайцы плохо понимаютъ *цѣинь* (разсѣченіе звуковъ), которыми, напримѣръ, извѣстный лексиконъ Кан-си «Цзы-дянь» обозначаетъ чтеніе гіероглифовъ.

Нельзя не упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ: китайская литература, китайская цивилизація распространилась въ Кореѣ, въ Японіи и Кохинхинѣ только вмѣстѣ съ распространеніемъ въ этихъ странахъ буддизма изъ Китая.

Но странная вещь: неужели обо всѣхъ этихъ странахъ не осталось никакого сообщенія изъ буддійскихъ источниковъ? Между тѣмъ буддійскіе пилигриммы оставили драгоцѣнные и единственные для ученаго міра матеріалы о древнемъ бытѣ Индіи. Путешествія Фасяня *), Сунъ-юн'я, Сюань-цзана **) проливаютъ свѣтъ даже на политическій строй Индіи. Очень жаль, что до сихъ поръ не переведенъ Цзи-Гуй-нэй-фа Гао-сэнъ-чжуань—о бытовой сторонѣ буддистовъ въ Индіи и на островахъ. Еще многое можно узнать объ Индіи при изученіи Винаи. Кромѣ того, еще неизвѣстны, кажется, ученому міру два сочиненія: «Ши-цзя-фанъ-чжи» (замѣтка о буддійскихъ странахъ) и «Ши-цзя-пу» — исторія Шакія и его послѣдователей. Буддійская литература на китайскомъ языкѣ есть единственный тоже источникъ для изученія самаго буддизма. Напрасно мы будемъ надѣяться отыскать оригиналы тѣхъ книгъ, которыя сохранились въ переводахъ. Буддизмъ въ своемъ развитіи переходилъ отъ школы къ школѣ, отъ теоріи къ теоріи; то, что было кодексомъ одной школы, ея теоріей, какъ скоро одолѣвала другая, какъ бы стиралось съ лица земли; но китайцы, начавъ переводы по крайней мѣрѣ съ 4-го вѣка и продолжая ихъ до 14-го, притомъ не отдавая въ переводахъ предпочтенія одной школѣ предъ другой, успѣли сохранить для потомства самыя главныя сочиненія.

Мы имѣемъ на китайскомъ языкѣ «Сы-ши-эрлъ-чжанъ-цзинъ» (42 статьи), такое сочиненіе, которое захватываетъ буддизмъ гораздо раньше даже признаннаго всѣми за первое его появленіе въ ученіи Хунаяны (малая система) или древняго буддизма. Это ученіе, какъ намъ извѣстно, раздѣлилось на школы, которыя отличались аскетикой и догматикой—винаей и сутрами. Только на китайскомъ языкѣ находятся винаи пяти школъ, только тамъ сохранились сутры четырехъ

деніе магометанства въ Китаѣ (раньше бѣгства Магомета), и трактатъ, защищающій это ученіе.

*) Foe koe-ki.

**) Mémoires sur les contrées orientales etc. par St. Julien.

школъ, извѣстныя подъ именемъ агамъ. Напрасно вы будете отыскивать ихъ у тибетцевъ: и у послѣднихъ есть упоминаніе о философскихъ аналитическихъ сочиненіяхъ подъ названіемъ абид'армъ, но китайскій языкъ сохранилъ ихъ десятки, а въ тибетскомъ всего одна (Васупанды). И изъ такъ-называемаго махяническаго (большой системы) ученія, болѣе поздняго, многія книги переведены на тибетскій (Аватансака, Ратнакути и проч.) только съ китайскаго; на немъ полнѣе и парамиты. Сверхъ того, многаго недостаетъ (напр. сочиненія 17 земель); по китайскимъ книгамъ можно судить и объ апокрифическихъ трактатахъ, вошедшихъ въ тибетскій Даньчжуръ и послужившихъ различіемъ тибетскаго буддизма отъ китайскаго (сочиненія, приписываемыя Нагарчжунѣ; пять книгъ Майтреи тоже не тѣ, что у китайцевъ).

Всего на китайскомъ языкѣ считается 1476 названій, переведенныхъ съ санскритскаго (индійскаго?) языка. Правда, нѣкоторыя книги имѣютъ по нѣскольку переводовъ, но, можетъ быть, это дѣлаетъ ихъ еще драгоцѣннѣе. Можетъ быть, ревнивые буддологи откроютъ впослѣдствіи, что разница переводовъ произошла не столько оттого, что первые переводы были невѣрны, сколько отъ того, что редакціи одной и той же книги передѣлывались въ самой Индіи по преобладанію той или другой школы.

Буддійскія сочиненія, составленныя въ самомъ Китаѣ, тоже не лишены интереса; мы имѣемъ, кромѣ толкованій на винаи и сутры, словари (И-цѣ-цзинъ-инь-и) встрѣчающихся въ книгахъ санскритскихъ, искаженныхъ китайскими гіероглифами, словъ, объясненіе терминологіи (Сань-цзанъ-фа-шу). Очень важны также каталоги буддійскихъ книгъ, при которыхъ (Чу-сань-цзанъ-цзи) встрѣчаются нерѣдко свѣдѣнія о значеніи этихъ книгъ въ Индіи, о переводившихъ лицахъ, а главное—о времени появленія книги въ Китаѣ, чтобы судить, что она и въ Индіи появилась не задолго. Мы первые открыли существованіе Юе-цзанъ-чжи-цзиня—изложенія содержанія каждой буддійской книги (мной сдѣланъ и переводъ ея съ добавленіями). Китайскіе буддисты не похожи на своихъ индійскихъ братій; тѣ не заботились объ исторіи своей вѣры въ своей странѣ, но для исторіи буддизма въ Китаѣ находится множество замѣчательныхъ сочиненій: Фо-цзу-тунъ-цзи, Фо-цзу-ли-дай-тунъ-цзай, У-дэнъ-хой-юань и проч.

Для китайцевъ и небуддистовъ нѣкоторыя сочиненія (напр. «Цзунъ-цзинъ-лу», 3 тома) представляютъ верхъ краснорѣчія по выспреннимъ мыслямъ и отборному слогу. Такія сочиненія они читаютъ не для вѣры, а какъ памятники изящной литературы.

X. Научное развитіе китайцевъ. — Сочиненія по исторіи и географіи.

Мы уже говорили выше, что китайцы признаютъ собственно наукой только свое конфуціанство; оно одно фигурируетъ на экзаменахъ конкурренціи (Staats-examen) для полученія ученыхъ степеней (сю-цай—студентъ, цзюй жень—кандидатъ; цзинь-ши—баккалавръ, магистръ или докторъ, какъ хотите назовите) все изъ однихъ и тѣхъ же предметовъ, т.-е. нынѣ Сы-шу (четверокнижія) и У-цзинъ (классическихъ книгъ: «И-цзинъ», «Шу-цзинъ», «Ши-цзинъ», «Чунь-цю» и «Ли-цзи»); всѣ прочія знанія, въ томъ числѣ и стихотворство, считаются только побочными или дополнительными. Между тѣмъ, китайцамъ невозможно отказать въ разработкѣ, хотя для насъ и своеобразной, многихъ наукъ.

Исторія прежде всего; исторія, какъ мы видѣли, была первой путеводной нитью къ развитію китайской писмености и положена въ основаніе китайской образованности. Книга «Чунь-цю» возбудила въ китайцахъ охоту къ истолкованію ея сухого текста и дала толчокъ къ отыскиванію болѣе отдаленной древности, заставила ихъ, такъ сказать, сочинить ее. И это стало дѣломъ не одной только школы, не одного конфуціанства, но всей китайской интеллигенціи; въ исторіи заключался и интересъ политическій; съ помощію исторіи удѣлы думали подкрѣпить свои права и претензіи на преобладаніе; въ удѣлахъ сильные роды съ своей стороны старались исторіей, т.-е. родословными, поддержать свои аристократическія привилегіи. Такимъ образомъ исторія сдѣлалась не исключительной привилегіей конфуціанства, стремленіе къ ея изученію и ознакомленію съ нею выражали всѣ интеллигентные люди. Вотъ почему первымъ историкомъ считается Сы-ма-цянь, который не былъ конфуціанцемъ, а считается болѣе расположеннымъ къ даосизму, бывшему въ то время еще простою философской школой. Его обыкновенно называютъ китайскимъ Геродотомъ, отцомъ китайской исторіи. Какъ историкъ, по сообщенію фактовъ, онъ можетъ быть и выше Геродота, потому что старался отвѣтить на всѣ историческіе вопросы; но по изложенію онъ не представляетъ рѣшительно никакого сходства съ знаменитымъ греческимъ историкомъ. Тогда какъ у Геродота мы находимъ цѣлостный разсказъ, одинъ фактъ сливается съ другимъ, одно упоминаніе вызываетъ воспоминаніе о другомъ, Сы-ма-цянь создаетъ странную для насъ методу раздѣленія фактовъ, распредѣленія ихъ не въ скученномъ видѣ, не въ одномъ обозрѣніи; отводитъ имъ мѣсто по рангу того лица, которое въ нихъ участвовало, такъ что полное понятіе о цѣломъ фактѣ вы можете составить только изъ выборки сказаннаго о немъ въ различныхъ отдѣлахъ. Правда, это уже не лѣтопись «Чунь-цю»: Сы-ма-цянь, боясь уподобиться конфуціанцамъ, назвавшимъ древнюю исторію

«Шу-цзиномъ», назвалъ свою книгу даже не *Шу*, а «Ши-цзи», но до прагматическаго изложенія онъ не дошелъ, безъ сомнѣнія, благодаря все-таки вліянію отрывочнаго расположенія «Чунь-цю». Вообще метода китайскихъ историковъ намъ кажется нисколько неудовлетворительной; намъ трудно и передавать ее по той системѣ, къ которой мы привыкли; вѣдь только китайцамъ, не занимающимся ни изученіемъ иностранныхъ языковъ, ни какихъ-либо наукъ, возможно вызубрить съ комментаріями такую лѣтопись, какъ «Чунь-цю», изъ которой задаютъ темы и на экзаменахъ, такъ что дѣлающій отвѣтъ, всегда писменый, долженъ знать на память во всемъ объемѣ, что́ сказано о заданной темѣ хоть въ учебникѣ (т.-е. «Чунь-цю» съ толкованіями «Цзо-чжуань» и комментаріями на послѣднюю). Дальнѣйшая исторія не составляетъ предмета изученія; главное ея назначеніе какъ бы быть справочной книгой, какъ бы адрессъ-календаремъ. Но и то надобно замѣтить, что хорошее, т.-е. полное знаніе китайской исторіи (какъ и географіи) почти невозможно и для незабивающаго свою память множествомъ научныхъ предметовъ китайца. Въ китайскую исторію вписано множество фактовъ. Если древняя исторія, начинающаяся у Сы-ма-цзня съ Хуанъ-ди, и коротка, то со времени начала «Чунь-цю», т.-е. въ продолженіи 2500 лѣтъ, тѣмъ болѣе въ продолженіи двухъ тысячъ лѣтъ, ведется въ Китаѣ самая подробная исторія (разумѣется, чѣмъ ближе къ намъ, тѣмъ больше фактовъ) — извольте изучить хронологію, означаемую эрами, измѣнявшимися въ древнее время по нѣскольку разъ въ одно царствованіе, запомните и собственныя имена государей, и года ихъ правленія, и посмертныя имена (въ храмѣ предковъ особо, и предъ лицомъ исторіи тоже особо), а дѣло и этимъ не оканчивается.

Обращаемся къ содержанію «Ши-цзи». На первомъ мѣстѣ въ ней помѣщены біографіи императоровъ (отъ Хуанди до У-ди—140 г. до Р. Х.), затѣмъ слѣдуютъ генеалогическія и хронологическія таблицы (бяо). Далѣе начинаются отдѣлы (шу), обозрѣвающіе церемоніи, музыку, мѣры, вращеніе годовыхъ временъ, звѣздъ, жертвоприношенія, водныя работы, подати и деньги, всего 8 обозрѣній. Затѣмъ идутъ исторіи знаменитыхъ княжескихъ домовъ (ши-цзя— удѣльныхъ князей), къ которымъ причислены и многія знаменитыя лица, какъ, напримѣръ, Конфуцій (какъ пожалованный по смерти княжескимъ званіемъ?!). Потомъ идутъ біографіи (лѣ-чжуань) замѣчательныхъ лицъ: отличившихся на службѣ вельможъ и чиновниковъ, философовъ, воиновъ; тутъ же помѣщены и свѣдѣнія объ иностранныхъ государствахъ и народахъ. Подозрѣваютъ, что Сы-ма-цянь бралъ взятки съ потомковъ знаменитыхъ домовъ, чтобъ не

очернить ихъ предковъ, а выставить въ особомъ свѣтѣ, получить особое мѣсто въ историческомъ отдѣлѣ.

Послѣ Сы-ма-цяня, оффиціальную исторію (ханьской династіи, «Цянь-хань-шу») писалъ уже Бань-гу, главнымъ образомъ по той же методѣ, соединивъ въ одно нѣкоторыя обозрѣнія и введя новые уголовные законы, географію, науки и художества. Эти двѣ исторіи послужили образцомъ для всѣхъ, такъ-называемыхъ оффиціальныхъ исторій («Цзи-Чжуань»); онѣ составляются со времени Бань-гу, всегда только по окончаніи династіи, на основаніи ея оффиціальныхъ документовъ, приготовляемыхъ при каждомъ царствованіи особыми исторіографами или историческими комитетами. Равно и составленіе исторіи павшей династіи прежде поручалось одному лицу (Фань-хуа составилъ исторію второй, поздней, или восточной ханьской династіи, Чэнь-шоу — исторію троецарствія, Лю-сюнь— исторію танской и т. д.) или ученымъ комитетомъ (исторія династіи Цзинь, а съ сунской исторіи и постоянно). Всѣхъ династій, имѣющихъ оффиціальную исторію, не считая «Ши-цзи», Сы-ма-цяня, какъ обхватывающую двухтысячилѣтній періодъ, считается 19; но двѣ династіи имѣютъ по двѣ редакціи, а сверхъ того для семи династій, при которыхъ Китай былъ раздѣленъ на двѣ части, составлены общія исторіи, подъ названіемъ «Нань-ши» и «Бэй-ши» (сѣверная и южная). Такимъ образомъ въ полное собраніе оффиціальныхъ исторій входятъ 24 отдѣльныхъ сочиненія. Въ прежнее время, изъ числа ихъ были изданы (домомъ Цзи-гугэ) только первыя 17. При нынѣшней династіи два раза изданы были 23 исторіи (Нянь-сань-ши) безъ минской, которая была составлена и напечатана прежде, потому и не требовала повторенія; эти 24 исторіи составляютъ ровно сто томовъ большого формата, не менѣе 800 книжекъ. Но, помимо оффиціальныхъ исторій, еще болѣе частныхъ, обнимающихъ или цѣлую династію или одно царствованіе, одну эпоху, разсказанныхъ или записанныхъ при существованіи самой династіи; потому и исторія нынѣшней династіи не подъ спудомъ, какъ, можетъ быть, подумаютъ изъ этихъ словъ. Само правительство заботится о сохраненіи въ памяти своей славы: оно издало біографіи своихъ знаменитыхъ вельможъ («Минь-чэнь-чжуань»), манчжурскаго и монгольскаго происхожденія, біографіи вассальныхъ монгольскихъ и турецкихъ князей («Вай-фань-бяо-чжуань»), исторію покоренія Монголіи, Цзюнгаріи, усмиренія инородцевъ («Пинъ-мяо-цзилё») и бунтовщиковъ. Другія свѣдѣнія о ней можно получить какъ изъ ея законовъ, географическихъ изданій, указовъ, такъ и изъ трехъ энциклопедій, о которыхъ будетъ сейчасъ сказано. Частныя лица тоже не боятся писать и издавать. «Дунъ-хуа-лу»—исторія первыхъ временъ нынѣшней династіи

—не очень то къ ней расположена, «Шэнъ-ву-цзи (описаніе войнъ), написанная послѣ первой войны съ англичанами, обсуждаетъ причины пораженія и старается изыскать лучшія мѣры. (Это очень интересное сочиненіе, нисколько не похожее по изложенію на другія исторіи).

Изъ частныхъ исторій нельзя не упомянуть о такъ-называемой сводной исторіи («И-ши»).

Оффиціальныя исторіи послужили главнымъ основаніемъ для составленія трехъ знаменитыхъ энциклопедій (сань-тунъ), исторической (Тунъ-чжи), правительственной (Тунъ-дянь) и литературной (Вэнь-сянь-тунъ-као). Разумѣется, такъ мы переводимъ только приблизительно, потому что, какъ увидимъ, всѣ энциклопедіи имѣютъ въ виду множество общихъ имъ предметовъ.

Первой энциклопедіей по времени является «Тунъ-дянь», правительственная—сочиненіе Ду-ю, жившаго при танской династіи. Это исторія различныхъ постановленій касательно податей, производства въ чины, названія ихъ, обрядовъ, музыки, войскъ и уголовныхъ законовъ. Такое расположеніе статей по мысли автора не произвольно, но примѣнено къ требованіямъ управленія; прежде всего надобно, чтобы народъ жилъ въ довольствѣ и тогда можно имъ руководить; потому на первомъ планѣ и стоятъ финансы. Когда хочешь учить или править, для этого нужно выбирать чиновниковъ, давать имъ назначеніе по способностямъ—потому и поставлены двѣ слѣдующія статьи. Когда сдѣланъ выборъ, тогда только можно приступить къ обученію народа, а оно заключается въ церемоніяхъ и музыкѣ (?); когда же эти церемоніи и музыка падаютъ, то должно прибѣгнуть къ оружію и наказаніямъ, потому военныя распоряженія и уголовные законы разсматриваются за-одно. Для удобнаго хода правленія, государство раздѣляется на провинціи и уѣзды; сверхъ того, положеніе границъ требуетъ исключительныхъ мѣръ — это составляетъ заключеніе. «Тунъ-дянь» проводитъ нить происшествій до 742 года, иногда и далѣе. Въ немъ показаны по каждому предмету всѣ перемѣны и нововведенія—на какомъ основаніи, по чьему докладу; Ду-ю приводитъ при этомъ и свои взгляды, а равно сужденія другихъ. Онъ пользовался не однѣми только оффиціальными исторіями или толкованіями классическихъ книгъ, но имѣлъ подъ рукой сочиненія писателей, жившихъ до него со временъ ханьской династіи; многія изъ нихъ нынѣ потеряны, такъ что «Тунъ-дянь» остался и свидѣтелемъ древняго образованія и источникомъ для позднѣйшихъ писателей. Всякій сюжетъ излагается по порядку времени, отчетливо и безъ утомительнаго излишества, въ такой соразмѣрности, до которой не достигаютъ авторы двухъ слѣдующихъ энциклопедій, не смотря на то, что они взяли за образецъ «Тунъ-дянь» Ду-ю.

Историческая энциклопедія Чжэнъ-цяо, жившаго при сунской династіи—„Тунъ-чжи"—задалась размѣрами, превосходящими даже оффиціальныя исторіи, потому что составитель ввелъ множество обозрѣній (чжи), которыхъ мы не находимъ въ исторіи, почему такъ и названа его книга (Тунъ-чжи). За всѣмъ тѣмъ большая часть его книги наполнена біографіями, въ которыхъ онъ рѣдко дѣлаетъ прибавленія противъ оффиціальныхъ исторій, но только исправляетъ вкравшіяся ошибки и отбрасываетъ излишнеее. Изложивъ въ 20 первыхъ главахъ жизнеописанія всѣхъ императоровъ всѣхъ династій по порядку времени до танской династіи, онъ принимается за обозрѣнія, послѣ которыхъ опять продолжаетъ жизнеописанія и потомъ за ними біографіи императрицъ, затѣмъ министровъ и чиновниковъ, которыя изъ 200 главъ занимаютъ самую большую часть—отъ 78 до 200-й включительно. Изъ этихъ біографій (лѣ-чжуань) онъ дѣлаетъ слѣдующіе разряды: 1) удѣлы, существовавшіе при династіи Чжоу и происходившіе съ ней изъ одного дома (гл. 77); 2) біографіи принцевъ (гл. 78—85); 3) владѣтельные дома (ши-цзя), бывшіе при династіи Чжоу, но не родственные ей (86—87); 4) біографіи министровъ и чиновниковъ (лѣ-чжуань въ тѣсномъ смыслѣ, 88—166); 5) біографіи отличившихся въ почтительности къ родителямъ и дружбѣ; 6) біографіи самостоятельныхъ (дусинъ); 7) прославившихся скромностью; 8) строгостью и жестокостью; 9) біографіи ученыхъ (жулинь), т.-е. изучавшихъ и писавшихъ по предмету классическихъ книгъ; 10) писателей въ прозѣ и стихахъ; 11) біографіи скрывшихся, удалившихся отъ міра; 12) біографіи евнуховъ; 13) путешественниковъ; 14) искусниковъ: лекарей, гадителей и проч.; 15) біографіи любимцевъ; 16) знаменитыхъ женщинъ; 17) лѣтописи (цзай-цзи), т.-е. исторіи владѣтельныхъ домовъ, независѣвшихъ отъ главныхъ династій; 18) наконецъ, извѣстія объ иностранныхъ народахъ всѣхъ четырехъ странъ свѣта (сы и чжуань). Распредѣленье этихъ біографій не всегда сходится съ оффиціальными исторіями, но въ другихъ случаяхъ можно приблизительно видѣть общее направленіе. Къ историческому отдѣлу должно отнести также и хронологію (гл. 21—24). Передавая исторію, Чжэнъ-цяо, повидимому, смотрѣлъ на нее какъ на постороннее дѣло: онъ придавалъ всю цѣну только обозрѣніямъ, не смотря на то, что они составляютъ четвертую часть всего его труда. Этихъ обозрѣній онъ ввелъ двадцать: 1) фамиліи; 2) шесть категорій гіероглифовъ; 3) семь тоновъ въ приложеніи къ произношенію; 4) астрономія; 5) географія; 6) столица и разстояніе иностранныхъ владѣній отъ Чанъ-ан'я; 7) обряды; 8) посмертные титулы; 9) сосуды и одѣяніе; 10) музыка, при чемъ приложены пѣсни или оды на разные случаи; 11) чины: какія когда были названія чиновъ, къ которымъ классамъ они принадлежали, чѣмъ завѣдывали и проч.; 12) наборъ чиновниковъ: экзамены, рекомендаціи и проч.; 13) уголовные законы; 14) финансы, причемъ пашенныя учрежденія, подати, число душъ, поборы, монета, перевозка таможни, векселя и проч.; 15) литература: перечень всѣхъ извѣстныхъ сочиненій, которыя раздѣлены на отдѣлы: классическихъ книгъ, обрядовъ, музыки, педагогики, исторіи съ географіей, философіи (конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ), астрономіи и т. д. Въ этомъ раздѣленіи Чжэнъ-цяо отступаетъ уже отъ вышеупомянутаго распредѣленія литературы въ суйской исторіи; 16) Критика: доказательство, что науки не были прекращены при Цинь-ши-хуанди; 17) карты и рисунки: каталогъ имѣвшихся и затерянныхъ (сколько тогда было картъ иностранныхъ владѣній!); 18) надписи и памятники; 19) счастливыя и пагубныя предзнаменованія; 20) царства растительное и животное: травы, овощи, хлѣба, деревья, насѣкомыя, рыбы, птицы, звѣри... Въ этихъ обозрѣніяхъ Чжэнъ-цяо щеголяетъ введеніями, разсужденіями, приводитъ мнѣнія другихъ писателей. Конечно, нѣкоторыя обозрѣнія представляютъ сухую номенклатуру; но, во всякомъ случаѣ, его сочиненіе

остается огромнымъ и важнымъ сборникомъ, хотя китайцы и упрекаютъ его за то, что онъ взялся за многое: это выставка почти всего, что произвела китайская нація. Правда, Мадуань-линь отдѣлалъ нѣкоторыя части гораздо лучше' но онъ жилъ уже послѣ него. Иногда онъ не ограничивался избраннымъ періодомъ (до танскихъ временъ): такъ у него находимъ перечень не только картъ, составленныхъ при танской династіи, но и карты царствъ Ся (тангутовъ), Ляо (киданей) и Да-цзинь (чжурчженей). Обозрѣнія фамилій, шесть категорій пѣсень, интонацій и столицъ не встрѣчается въ оффиціальныхъ исторіяхъ, другія тоже излагаются своеобразно, но нѣкоторыя или переписаны цѣликомъ, или извлечены изъ „Тунъ-дянъ"Ду-ю, таковы: географія, надписи, уголовные законы.

Въ Европѣ всего болѣе изъ этихъ энциклопедій извѣстно сочиненіе Ма-дуань-лин'я, жившаго при юаньской династіи, но получившаго образованіе еще при сунской. Подъ словомъ *вэнь* (писмена), какъ онъ самъ говоритъ въ своемъ предисловіи, надобно разумѣть выписки изъ классическихъ книгъ и исторій, а подъ *сянь* (представлять)—присоединеніе къ нимъ докладовъ и поясненій государственныхъ мужей и разсужденій ученыхъ, жившихъ со временъ танской династіи (въ «Лунь-юй'ѣ» въ первый разъ встрѣчается фраза *вэнь-сянь* и значитъ просто историческіе документы). Это сочиненіе приняло для себя главнымъ руководствомъ «Тунъ-дянь» Ду-ю, обогативъ и добавивъ его приведеніемъ ссылокъ изъ другихъ писателей, такъ что оно проливаетъ яркій свѣтъ на каждый вопросъ и возбуждаетъ интересъ. Изъ двадцати-четырехъ обозрѣній (здѣсь называемыхъ као), девятнадцать разработаны и въ «Тунъ-дян'ѣ», какъ части его главныхъ отдѣловъ; только пять обозрѣній: литература, перечень императоровъ, возведеніе въ санъ, астрологія и чудеса (или странныя явленія), составляютъ прибавку, хотя и они, только не въ такомъ обширномъ обьемѣ, затронуты у Чжэнъ-цяо. Не возможно, чтобъ при такомъ огромномъ трудѣ не было промаховъ, и китайцы указываютъ на нихъ; однакожъ богатство матеріаловъ, обиліе вопросовъ, ихъ ясное обозначеніе на пространствѣ длиннаго періода времени ставятъ это сочиненіе выше всякаго порицанія. Особенной отдѣлкой отличается у автора періодъ временъ сунской династіи, составленный помимо оффиціальной исторіи, которой тогда еще не сочиняли.

При минской династіи было составлено и продолженіе этого труда ученымъ Ванъ-син'емъ, но нынѣшняя династія учредила ученый комитетъ, который въ 1767 г. составилъ продолженіе всѣхъ трехъ энциклопедій до конца минской династіи, разумѣется съ нѣкоторыми измѣненіями, сообразно времени, но не такъ учено и отчетливо, какъ труды первыхъ писателей, и точно также издалъ три энциклопедіи настоящей династіи. Какъ бы то ни было, эти девять сочиненій представляютъ объемъ, превосходящій оффиціальныя исторіи (124 тома, 872 книжки).

Но вѣдь это не по-конфуціански: развѣ въ цзинахъ такъ изложена исторія? Конфуцій передалъ «Чунь-цю», Цзо-цю-минъ написалъ на нее объясненіе,—гдѣ же продолженіе, развѣ его послѣдователи не могли проникнуться его духомъ? И вотъ при сунской династіи знаменитый Сы-ма-гуанъ (жившій въ срединѣ 11-го вѣка) беретъ на себя трудъ продолжать не «Чунь-цю»,—какъ можно сравнивать себя съ святымъ мужемъ!—а толкованіе Цзо-цю-мина и подъ именемъ «Цзы-чжи-тунъ-цзянь»—зерцало, помогающее управленію. Оно начинается 400 годомъ до Р. Х. и доводится до 959, т.-е. до начала сунской династіи. Это сочиненіе представляетъ туже лѣтопись, всѣ замѣчательныя происшествія представлены въ хронологическомъ порядкѣ, ходъ какой нибудь интриги или войны постоянно прерывается вставками то объ опредѣленіи кого на должность, то о засухѣ или наводненіи и т. п. Но Чжу-цзы нашелъ нужнымъ почтить этотъ великій трудъ заголовками (ганъ-му) надъ каждымъ отдѣльнымъ фактомъ, и теперь оба труда слились вмѣстѣ: явилось «Цзы-чжи тунъ-цзянь-ганъ-му»—заголовки печатаются крупнѣе, начинаются съ красной строки. Да и какъ имъ не отдать предпочтенія? Ганъ-му—это тоже, что «Чунь-цю»; тамъ еще спорный вопросъ—различными терминами дѣйствительно ли высказывалось равнодушіе, порицаніе или восхваленіе, здѣсь это несомнѣнно, потому что Чжу-цзы, проникшись тѣми толкованіями, которыя сдѣланы были до него или имъ на термины «Чунь-цю», употребляетъ ихъ въ опредѣленномъ заранѣе смыслѣ,—онъ является судьей лицъ и фактовъ. Впослѣдствіи къ этому «Тунъ-цзянь-ганъ-му» сдѣлали надставку (отъ Фу-си до 400 г. до Р. Х., трудъ сунскаго Цзинь-люй-сян'я) и продолженіе (труды сунскихъ, юаньскихъ и минскихъ ученыхъ—нынѣшняя династія издала въ томъ видѣ и лѣтопись минской династіи), но отдѣльно, а всей предыдущей лѣтописи далъ окончательную редакцію минскій ученый, Чэнь-жэнь-си.

И говоря вообще, ни одинъ ученый китаецъ не подумаетъ указать вамъ, когда его спросятъ, какъ бы изучить исторію, на какую нибудь другую книгу, кромѣ «Тунъ-цзянь-ганъ-му». Извольте же изучать четырехъ-тысяче-лѣтнюю лѣтопись и замѣчать факты. Другими исторіями занимаются только болѣе крупные ученые, писатели, роющіеся въ архивахъ, распланированныхъ по масштабу исторій (въ родѣ оффиціальныхъ). Руководствуясь этимъ «Тунъ-цзянь-ганъ-му» Майля, (Mailla) и написалъ свою 12-томную Histoire de la Chine, которая поэтому почти такъ же недоступна желающимъ узнать исторію Китая, какъ и китайскій языкъ. Главный недостатокъ этой, можно сказать фундаментальной для европейца, при изученіи Китая, исторіи тотъ, что она появилась прежде всякаго краткаго и существеннаго изложенія исторіи. Читателя вдругъ знакомятъ съ лѣтописью,

поясняемою ненужными мелочами, больше всего протестами, опроверженіями по вопросамъ спеціальнымъ, имѣющимъ интересъ для китайцевъ, погружаютъ въ омутъ интригъ, разглагольствованій, да и то въ разбросъ. Извольте оріентироваться.

Многіе образованные китайцы не знаютъ даже, что у нихъ существуетъ тоже «Тунъ-цзянь-ганъ-му», расположенное безъ всякаго измѣненія текста въ другомъ порядкѣ, т.-е. однородные факты, хотя бы тянущіеся нѣсколько лѣтъ, нѣсколько царствованій, сгруппированы вмѣстѣ. Это «Цзи ши бэнь-мӧ»—описаніе дѣлъ (т.-е. фактовъ), отъ начала до конца. Но ее трудно изучать: кромѣ обширности, ей много вредитъ именно то, что авторы (Юань-шу, Чэнь-шао-янь, Фынъ-ци, Чэнь-бань-чжанъ и Гу-инь-тай) перегрупировывали только «Тунъ-цзянь».

Для всей древней исторіи до ханьскихъ временъ, въ такомъ же систематическомъ изложеніи, мы имѣемъ такъ-называемую сводную исторію—«И-ши», составленную Ма-су, жившимъ въ началѣ настоящей династіи. Здѣсь при каждомъ лицѣ, при каждомъ фактѣ подобрано все, что̀ только можно было найти въ исторіи, классическихъ книгахъ, у философовъ, фабулистовъ. Разумѣется, возвыситься до правильной оцѣнки источниковъ китайскій авторъ не могъ, не могъ, напримѣръ, не привести въ исторіи Сюань-вана тѣхъ стиховъ «Шицзина», которые, по толкованію принятыхъ комментаторовъ, относятся будто бы къ времени этого государя. Вообще, разъ навсегда можно замѣтить, что китайскіе ученые—великіе компиляторы, опытные въ подбираніи фактовъ, но они, представивъ такой богатый матеріалъ, никогда не приступаютъ къ выводамъ, не произносятъ приговора, чему должно вѣрить, что̀ должно отвергнуть. Это они предоставляютъ на волю читающаго. Есть въ этомъ пріемѣ нѣкоторая выгода, которую рѣдко предоставляютъ западные ученые читателямъ, но всего чаще отъ набора фактовъ и цитатъ, безъ всякой критики и связи, является необъяснимая путаница.

Изъ «Тунъ-цзянь-ганъ-му» сдѣлано много сокращеній, но между ними особенно замѣчательно «Тунъ-цзянь-цзи-лань», составленное въ прошломъ столѣтіи по повелѣнію Цзянь-луна, который приказалъ исправить хронологическія ошибки, вкравшіяся въ «Тунъ-цзянь-ганъ-му», смягчить строгіе приговоры, произнесенные китайскимъ тщеславіемъ, выпустить минскія поясненія, опредѣлить гдѣ находятся и какъ называются нынѣ древнія географическія мѣстности; тутъ вошла и минская исторія. Оба послѣдніе пункта чрезвычайно важны и полезны. Въ особыхъ надписяхъ сверху дѣлаются замѣчанія очень курьозныя: такъ, напримѣръ, говорится, что народъ Гуликань, явившійся изъ нашей Сибири съ данью къ танскому

двору, сказывалъ, что у нихъ не успѣваютъ послѣ заката солнца сварить бараньей лопатки, какъ оно опять восходитъ; императоръ поэтому пускается доказывать астрономически, что этого быть не можетъ!

Мы не говоримъ о многихъ пособіяхъ, которыя имѣютъ китайцы для изученія исторіи, каковы, напримѣръ, хронологіи.

Начало китайской географіи относится къ временамъ составленія «Шу-цзина»; въ немъ глава Юй-гунъ до сихъ поръ еще служитъ предметомъ ученыхъ толкованій, и, конечно, обработка ея положила основаніе развитію въ китайцахъ охоты разработывать этотъ довольно скучный для древнихъ ученыхъ предметъ. Глава Юй-гунъ, несмотря на свою краткость, содержитъ въ себѣ зародышъ статистическихъ и этнографическихъ и даже технологическихъ свѣдѣній. Однакожъ собственно географія долгое время не была отдѣляема отъ исторіи и составляла какъ бы только особую главу въ династическихъ исторіяхъ, которыя никогда не упускаютъ изъ вида показать географическое дѣленіе и всѣ перемѣны, въ немъ происходившія при извѣстной династіи. Но отдѣльныя общія географическія сочиненія начались только со временъ танской династіи. Въ это время Ли-цзи-пу составилъ «Юань-хо-цзюнь-сянь-чжи» (40 томовъ), или описаніе провинцій и ихъ городовъ, въ годы правленія Юань-хо (806—820). Затѣмъ является географія времени сунской династіи, составленная Е-ши, вскорѣ послѣ ея начала подъ именемъ «Тай-пинъ-хуань-юй-цзи (193 цз.). Е-ши первый положилъ основаніе нынѣшняго рода географическимъ сочиненіямъ, въ которыя ввелъ упоминанія о знаменитыхъ лицахъ, древностяхъ и даже стихахъ, относящихся къ извѣстной мѣстности.

Наука понесла величайшую потерю въ утратѣ географіи юаньской династіи: эта географія имѣла до 1000 цзюаней. Ученый комитетъ при нынѣшней династіи видѣлъ ея отрывки въ Юнъ-ло-да-дянь, но отзывается, что по нимъ никакъ нельзя было надѣяться возстановить хоть приблизительно это древнее сочиненіе; нынѣ отъ него остались въ цѣлости всего только два цзюаня. Эта географія ввела первая слово: *и тунъ чжи*—для названія подобнаго рода сочиненій, обнимающихъ въ цѣлости всю китайскую имперію и составляемыхъ по порученію правительства.

Географіи нынѣшней династіи было нѣсколько редакцій. Въ 1848 году, «Пекинская Газета» извѣщала о составленіи новой географіи въ 550 цзюаней, но не извѣстно еще, явилась ли она изъ печати и понынѣ. До сихъ поръ мы имѣемъ только географію, составленную при Цянь-лунѣ, въ 1764 году (съ дополненіемъ 500 цз.).

„Дай-цинъ и тунъ-чжи“ расположена слѣдующимъ образомъ: берется отдѣльно каждая провинція; сперва приложена ея карта и таблица древнихъ названій, далѣе слѣдуютъ астрономическое положеніе въ отношеніи къ созвѣздіямъ, измѣненія въ древнихъ названіяхъ и раздѣленіи, опредѣленіе границъ, разборъ мѣстности, чины, народонаселеніе, подати, знаменитыя лица (сановники). Затѣмъ при каждомъ отдѣльномъ департаментѣ или области снова слѣдуетъ карта (бяо) зависящихъ уѣздовъ, затѣмъ слѣдуютъ опять описаніе географическихъ измѣненій, астрономическія положенія, границы, разборъ значенія мѣстностей (синъ-ши), описаніе нравовъ, городскихъ стѣнъ, училищъ, народонаселенія, податей, горъ и рѣкъ, древностей, проходовъ и тѣснинъ, переправъ и мостовъ, плотинъ, кладбищъ, кумирень, знаменитыхъ чиновниковъ, замѣчательныхъ личностей, честныхъ женщинъ, буддистовъ и даосовъ, произведеній. Послѣ описанія внутреннихъ китайскихъ провинцій, слѣдуютъ дополненія—описаніе вассальныхъ земель (Монголія, Цзюнгарія и Тибетъ) и земель, платящихъ дань.

Составленіе географическихъ описаній для отдѣльныхъ провинцій началось только со временъ сунской династіи и нынѣ расплодилось до такой степени, что и отдѣльные департаменты и уѣзды имѣютъ свои описанія.

Топографическія съемки составляютъ неотъемлемый апогей географической науки на Западѣ; китайцы, конечно, не могутъ похвалиться такими точными знаніями—но вотъ передъ нами: «Цзи-фу и цанъ-ту»—атласъ запасныхъ магазиновъ чжилійской провинціи; въ немъ помѣщена каждая незначительная деревушка, названа самая незначительная гора. Предъ нашими глазами 39,687 большихъ и малыхъ деревень, и это можетъ свидѣтельствовать, что китайцы сознаютъ все значеніе точныхъ наукъ, не только проявляютъ влеченіе къ нимъ, но и стараются по возможности осуществить его сообразно съ своими средствами. Явленіе этого атласа еще въ 1753 году, для пространства, равняющагося почти цѣлому европейскому государству, конечно, можетъ отклонить отъ китайцевъ упрекъ, что они мало сдѣлали для изученія своей страны. Къ сожалѣнію, мы должны сознаться что не можемъ сказать утвердительно, одна ли только провинція Чжи-ли положена такъ отчетливо на карту, или и всѣ другія провинціи равнымъ образомъ имѣютъ свои атласы, намъ неизвѣстные. Но мы имѣемъ нѣчто въ родѣ подобнаго же атласа для горныхъ мѣстностей на границахъ провинцій Шэнь-си, Сы-чуань и Ху-бэй (Сань-шэнъ-шань-нэй-фынъ-ту-цза-ши) и для такихъ же горъ на границахъ провинцій Ху-нань и Гуй-чжоу (Мяо-фанъ-бэйлань). Оба сочинены Янь-бинъ-вэн'емъ въ 1800 году. Въ нихъ положены на карту такія мѣста, которыя заняты горными народами, не всегда и не вполнѣ признающими власть китайскаго правительства.

Другія сочиненія, болѣе спеціальныя, почти оставляютъ въ сторонѣ людей и ихъ жилища и посвящены исключительно горамъ и рѣкамъ.

Китайцы очень хорошо понимают связь исторіи съ географіей. Передъ нами 12 томовъ (78 тетр., 130 главъ) «Ду-ши-фанъ-юй-цзи-яо», составленнаго при минской династіи; въ такомъ же родѣ географія находится въ сочетаніи съ стратегіей: «Цзюнь-го-ли-бинъ». Все это въ своемъ родѣ образцовыя сочиненія, какихъ мы желали бы и для своего отечества.

Извѣстно, какъ часто перемѣняются у китайцевъ географическія мѣстности; на пространствѣ нѣскольких тысячелѣтій одна номенклатура должна представлять огромный перечень названій—и вотъ является «Ли-дай-ди-ли-чжи-юнь-бянь», 1837 г. Это неоцѣнимое пособіе для науки; до этого сочиненія на каждомъ шагу нужно было опасаться, что встрѣтишь мѣстность, для отысканія которой придется прорыться въ книгахъ нѣсколько дней.

Путешествія не представляютъ въ глазахъ китайцевъ ученаго достоинства, особенно если они направлены къ тому, чтобъ высказать только собственныя впечатлѣнія, мелочныя событія, встрѣчающіяся съ путешественникомъ. Другого рода дѣло, если онъ передаетъ свои впечатлѣнія стихами, если онъ обращается къ историческимъ воспоминаніямъ тѣхъ странъ, которыя посѣщаетъ, описываетъ древности, зданія, передаетъ легенды. До насъ дошло нѣсколько путешествій еще со временъ династіи Сунъ; болѣе подробное, обнимающее почти весь Китай, принадлежитъ минскому путешественнику Сюй-хунъ-цзу, который издалъ свое описаніе подъ именемъ «Сюй-ся-ке-ю-цзи». Попадаются и нынѣ записки разныхъ путешественниковъ и, вѣроятно, этотъ родъ описаній весьма многочисленъ, только ихъ трудно собрать. Сюда же должно отнести и великолѣпныя изданія путешествій императоровъ нынѣшней династіи.

Китайцы не могутъ похвалиться отчетливымъ изученіемъ смежныхъ съ ними странъ; однакожъ, пока, какъ для древнихъ, такъ и новыхъ временъ, только ихъ записи и странствованія могутъ разъяснить исторію и географію всей восточной Азіи. Если мы знаемъ нынѣ Маньчжурію, Монголію, Тибетъ и западныя окраины Азіи, то обязаны этимъ не малочисленнымъ европейскимъ путешественникамъ, а китайскимъ географіямъ. Мы говорили уже о содержаніи Дай-цинъ и Тунъ-чжи, Шуй-дао-ти-гана, Си-юй-шуй-дао-цзи. Огромная географія Маньчжуріи Чэнъ-дэ-фускаго департамента, Си-юй-ту-чжи — вотъ другіе документы, поясняющіе центральную Азію; прибавимъ къ нимъ извѣстное по переводу о. Іоакинѳа путешествіе въ Тибетъ, и множество мелкихъ описаній западнаго края. Не забудемъ и записокъ Сюнъ-цзюня, знаменитаго министра, который перебывалъ въ Монголіи, Цзюнгаріи и Тибетѣ и тоже оставилъ свои описанія этихъ странъ. Есть также не мало новѣйшихъ описаній южныхъ остро-

вовъ и Индіи. Европейскіе миссіонеры первые познакомили китайцевъ съ географіей Европы *); въ новѣйшее время, послѣ войны съ англичанами, туземные писатели пустились переводить европейскія географіи и дѣлать даже къ нимъ примѣчанія. Между прочимъ, особенно замѣчательна географія Вэй-юан'я, подъ именемъ «Хай-го-ту-чжи».

Если мы обратимся къ древнимъ путешественникамъ, то буддійскіе монахи сохранили въ своихъ описаніяхъ ничѣмъ незамѣненныя драгоцѣнныя свѣдѣнія объ Индіи и о странахъ, лежащихъ на пути къ ней черезъ Туркестанъ и Кабулъ. Таковы: «Фо-го-цзи», Фа-сян'я, жившаго при династіи Лю-Сунъ еще въ 5-мъ вѣкѣ, и «Да-танъ-си-юй-цзи», знаменитаго Сюань-цзана. Европа уже вполнѣ оцѣнила значеніе этихъ двухъ книгъ. Путешественники сунской династіи не упускали случая записывать свои путешествія при всякомъ случаѣ; отъ нихъ осталось самое подробное донынѣ описаніе Кореи («Сюань-хо-фынъ-ши-гао-ли Ту-цзинъ» — 40 цз. въ сборн. «Чжи-бу-цзу-чжай»), они же описывали каждый шагъ, сдѣланный ими во владѣніяхъ киданей, чжурчженей и монголовъ. Китайцы любятъ составлять замѣтки о своихъ путешествіяхъ: это видно изъ описанія, въ стихахъ, Лондона и путешествія Тулишеня въ Россію.

XI. Законовѣдѣніе китайцевъ.

Трудно положить границы между исторіей и исторіей законодательства, когда въ самой исторіи на первомъ планѣ должны стоять отношенія правительства къ народу. Тѣмъ труднѣе указать въ китайской литературѣ ясное разграниченіе между этими двумя предметами; мало того, мы не можемъ даже строго разграничить здѣсь исторію, религію и законодательство. Мы видѣли выше, что исторія послужила основаніемъ религіи (конфуціанству), и религія дала законы правленію; точно также можно сказать, что и правленіе послужило краеугольнымъ камнемъ исторіи, изъ него же развилась и религія. «Шу-цзинъ» есть какъ бы первая историческая книга, но она же вмѣстѣ съ тѣмъ есть и книга правленія. Въ самомъ дѣлѣ, что такое всѣ эти прокламаціи, разговоры государей съ чиновниками, какъ не выраженіе идей, которыя должны служить закономъ для настоящихъ и будущихъ временъ? Не говоря уже о (главѣ «Шу-цзина») Чжоу-гуань, самая глава Юй-гунъ, послужившая главнѣйшимъ основаніемъ географіи, имѣетъ въ одно и тоже время характеръ правительственный. Такъ должно быть устроено государство, такъ тщательно государь долженъ распредѣлить подати, вникнуть

*) "Чжи-фанъ-вай-цзи"—сочиненіе миссіонера Ай-жу-ле.

въ почву земли; самыя границы требуютъ его соображеній, самыя рѣки должны быть *направлены* сообразно съ потребностями; не забудемъ, что одно изъ синонимичныхъ словъ, соотвѣтствующихъ на китайскомъ языкѣ слову *правленіе*, есть *чжи*, которое собственно относится къ направленію теченія рѣкъ.

Но если «Шу-цзинъ» есть книга исторіи, книга правленія, то тѣмъ болѣе она есть первая изъ конфуціанскихъ религіозныхъ книгъ; безъ нея, можно сказать, не было бы нынѣшняго конфуціанства. Мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, что конфуціанство, подобно другимъ школамъ, стремилось съ самаго начала принять участіе въ правленіи, дать ему законы; оно боролось съ другими только на счетъ разрѣшенія вопросовъ, какъ должно понимать правленіе. Конфуцій осуждаетъ (въ «Лунь-юй'ѣ») Гуань-чжун'а, возвысившаго царство Ци; но въ то же время хочетъ дать болѣе прочныя предписанія къ возвышенію царства. Мэнъ-цзы хвалится не разъ, что для него устроить правленіе такъ же легко, какъ поворотить ладонью, или, по-нашему выраженію, какъ написано на ладони. Не говоримъ уже о такомъ сочиненіи, каково «Чжоу-ли», гдѣ показанъ весь составъ государственныхъ чиновъ и опредѣлены ихъ должности; весь сюжетъ «Ли-цзи» держится также на правленіи. Церемоніи—религія гражданская; это слово проникаетъ въ мозгъ и кости царей и правителей; одна изъ главъ «Ли-цзы»—Да-сё (великое ученіе)—есть первая изъ книгъ, которая дается въ руки начинающимъ учиться, а между тѣмъ съ начала до конца въ ней поддерживается ученіе о правленіи, о качествахъ, требуемыхъ отъ государя и чиновника; не забыты даже финансовые вопросы.

Тѣсная связь между литературой исторіи и законодательства продолжается и далѣе. Мы видимъ въ оффиціальныхъ или династическихъ исторіяхъ рядъ главъ, касающихся учрежденій извѣстной эпохи; не только церемоніи, чины, но и уголовные законы, водныя работы, подати и пр. нашли себѣ здѣсь мѣсто. Подъ именемъ литературы законодательства мы не разумѣемъ только сухой перечень уложеній и указовъ: гораздо высшее значеніе пріобрѣтаютъ такого рода трактаты, въ которыхъ обсуждаются самые эти законы, вникается въ ихъ идею, объясняются причины происхожденія той или другой статьи, приводятся мнѣнія различныхъ писателей о томъ или другомъ узаконеніи. Такого рода сочиненія вовсе не составляютъ рѣдкости для Китая и начались съ давняго времени. Не одни конфуціанцы, но и не принадлежавшіе къ ихъ школѣ философы не только понимали великое значеніе законодательства, но и полагали, что оно-то именно и должно составлять главный предметъ образованія. Первымъ трактатомъ о законодательствѣ считается «Гу-

ань-цзы», сочиненіе будто бы Гуань-чжуна—министра, возвысившаго въ свое время удѣлъ Ци; но это сочиненіе признается подложнымъ. Затѣмъ имѣется Хань-фэй-цзы, современникъ Ли-сы, родственникъ удѣла Хань, написавшій будто бы такое сочиненіе, объясняющее ошибки и достоинства, что цинь'скій князь, увидавъ его и боясь, чтобъ удѣлъ Хань не воспользовался этимъ государственнымъ мужемъ, напалъ на Хань и потребовалъ его выдачи, и что когда онъ попался въ руки Цинь, то Ли-сы, боясь его вліянія, оклеветалъ его; Хань-фэй-цзы, посаженный въ темницу, самъ себя умертвилъ. Дэнъ-синь-цзы, современникъ будто бы Цзы-чаня, родомъ изъ удѣла Чжэнъ, первый выдумалъ наказаніе бамбукомъ; идеи его совершенно противоположны конфуціанскимъ. Онъ съ первой строки говоритъ, что небо не можетъ почитаться милостивымъ, потому что даже вредныя заразы истребляютъ родъ человѣческій; что государь, казнящій преступника, который по бѣдности ограбилъ кого, также не можетъ назваться великодушнымъ; онъ отвергалъ даже возможность истинной любви въ родителяхъ и братьяхъ. Славѣ и силѣ цинь'скаго царства много способствовалъ Шанъ-янъ, и подъ его именемъ издано также юридическое сочиненіе. Даже Шэнь-цзы, пропитанный даосійскими идеями, видитъ спасеніе въ уголовныхъ законахъ.

Но первое мѣсто между сочиненіями по законодательству принадлежитъ, конечно, великому произведенію Ду-ю: «Тунъ-дянь» и его продолженіямъ, о которыхъ мы уже упомянули выше; китайцы говорятъ, что невозможно изложеніе болѣе ясное, сжатое и въ тоже время полное. Не такъ общирны, какъ «Тунъ-дянь» Ду-ю, но столь же замѣчательны по своему отчетливому и ясному изложенію сочиненія, названныя «Хой-яо», которымъ положилъ основаніе Вэнъ-бо, составившій «Танъ-Хой-яо» (100 главъ): тутъ обозрѣваются обряды, музыка, платья, училища, лѣтосчисленіе, астрономическія перемѣны, знаменія, чины, выборъ въ нихъ, управленіе народомъ, финансы, войско, уголовные законы, мѣстности и вассалы: это сводъ разбросанныхъ въ исторіи свѣдѣній.

Еще большей подробностью, какъ мы уже говорили, отличается сочиненіе Мадуань-лин'я «Вэнъ-сянь-тунъ-као» (348 гл.): сюда вошло много статей, которыхъ не коснулся еще Ду-ю, и дано большое развитіе статьямъ, которыя уже были разобраны Ду-ю.

Но всѣ этого рода сочиненія мы предпочли отнести прямо къ исторіи. При тѣсной связи между всѣми частями китайской литературы, мы могли бы, избравъ одинъ видъ литературы, разсматривать со стороны его всѣ прочіе. Подъ именемъ законодательства въ тѣсномъ смыслѣ мы будемъ разсматривать здѣсь только сочиненія, относящіяся къ уложеніямъ или законамъ, дѣйствующимъ въ извѣст-

ное время, не обращая вниманія на то, какія идеи служили ихъ основаніемъ. Такого рода сочиненія, какъ и по географіи, будутъ общія и частныя. Между первыми въ главѣ стоитъ «Танъ-лю-дянь» (шесть уложеній танскихъ). За нимъ слѣдуютъ уложенія юаньской династіи: «Юань-дянь-чжанъ». Нынѣ сводъ всѣхъ уложеній, дѣйствующихъ въ имперіи, обыкновенно называется «хой-дянь»; это названіе является со времени минской династіи, когда въ 15-мъ году Хунъ-чжи (1488—1505), сводъ былъ составленъ ученымъ комитетомъ, на основаніи 12 сочиненій, большею частью принадлежавшимъ временамъ Хунъ-ву; даже нынѣшняя династія, которая соперничаетъ во всемъ съ минской, отдала должную похвалу этому сочиненію; оно обнимало 180 гл., изъ которыхъ первая посвящена княжескому приказу Цзунъ-жень-фу; слѣдующія 162 главы посвящены министерствамъ, всѣ остальныя гражданскимъ и военнымъ чинамъ.

Нынѣшняя династія неоднократно предпринимала редакцію своего хой-дянь'я. Послѣдняя его редакція составляла при Цзя-цинѣ (1796—1820)—«Хой-дянь времени-Цянь-луна»—обнимаетъ сто главъ. Этотъ сводъ обозрѣваетъ учрежденія, касающіяся не однихъ только министерствъ, но и прочихъ присутственныхъ мѣстъ. Кромѣ того, въ одно время съ этимъ хой-дян'емъ изданъ еще «Хой-дянь-цзѣ-ли» (180), гдѣ обозрѣвается въ историческомъ порядкѣ весь ходъ законодательства при нынѣшней династіи, какіе когда издавались указы и по какому случаю. Это нѣчто въ родѣ нашего *Полнаго Собранія Законовъ*, и, конечно, китайская литература по части законодательства превосходитъ своимъ объемомъ литературы всѣхъ народовъ, хотя, конечно, и не всѣ частныя изданія дошли до насъ. Китайцы обработываютъ даже и понынѣ узаконенія древнихъ династій. Третью часть уложеній настоящей династіи составляютъ карты или рисунки, служащіе объясненіемъ къ хой-дянь'ю.

Впрочемъ, независимо отъ свода всѣхъ уложеній, должно упомянуть, что нынѣшняя династія приняла себѣ за правило издавать по смерти каждаго государя отдѣльно собраніе всѣхъ указовъ, послѣдовавшихъ во время его царствованія. — Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ настоящее время собраніе всѣхъ указовъ, начиная отъ маньчжурскаго Тай-цзу Нурхаци до Тунъ-чжи (или по 1875 г.) включительно. Указы эти издаются какъ на китайскомъ, такъ и на маньчжурскомъ языкахъ, въ одно время.—Въ нихъ не соблюдается однакожъ порядокъ ихъ появленія: они расположены систематически. Это-то и составляетъ ихъ отличіе отъ «Пекинской Газеты»—Цзинъ-бао. Эта газета чисто правительственная; въ ней не встрѣчаются вовсе частныя извѣстія. Она выходитъ ежедневно и разносится. Полный составъ ея слѣдующій: а) замѣтки о томъ, кто представ-

лялся ко двору, какое присутственное мѣсто докладывало и иногда какое платье надѣвалъ императоръ; b) высочайшіе указы, въ которыхъ находятся то распоряженія правительственныя, то простыя перемѣщенія и производства чиновниковъ, которыя всегда бываютъ вслѣдствіе богдоханскаго приказа; c) доклады министерствъ, департаментовъ, цензоровъ, генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и прочихъ лицъ. Впрочемъ, пекинскій правительственный органъ не можетъ сообщать всѣхъ указовъ и докладовъ, такъ какъ объемъ его ограниченный и притомъ не все возможно тотчасъ же обнародовать.

Эти указы императоровъ служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и замѣной исторіи настоящей династіи, которая, какъ мы говорили выше, можетъ быть составлена только по концѣ династіи. Въ указахъ мы видимъ всю гражданскую, политическую жизнь—конечно, дѣло исторіи добавить эти указанія частными записками, но не всегда оффиціальная исторія пользуется этими свидѣтельствами.—Мы должны прибавить здѣсь, что изданіе указовъ первыхъ двухъ императоровъ Тай-цзу и Тай-цзун'а, царствовавшихъ въ Маньчжуріи, послѣдовало только въ 26 г. правленія Канъ-си—и они не очень обширны.

Можетъ быть, опытъ отдѣльнаго изданія императорскихъ указовъ существовалъ и при прежнихъ династіяхъ, но въ каталогѣ книгъ, дошедшихъ до нашего времени, мы не встрѣчаемъ упоминанія объ этомъ. Мы видимъ однакожъ, что въ этомъ родѣ были сдѣланы попытки сунскими учеными: изъ нихъ одинъ (Сунъ-минь-цю) собралъ указы танской династіи («Танъ-да-чжао-линъ», 130 цз.), другіе два составили въ такомъ же родѣ собраніе указовъ двухъ ханьскихъ династій («Лянъ-хань-чжао-линъ», 23 цз.). — Но ужъ самыя эти названія показываютъ, что эти указы расположены болѣе систематично, такъ какъ дѣло идетъ не объ одномъ царствованіи, а о цѣлой династіи.

Замѣтимъ еще одно обстоятельство: указы императоровъ носятъ въ той редакціи, о которой мы говоримъ, названіе священныхъ наставленій или поученій (шэнъ-сюнь). Императоръ представляется здѣсь не повелителемъ, а учителемъ народа, и вообще этотъ образъ выраженій общій всѣмъ династіямъ. Чиновники въ своихъ докладахъ испрашиваютъ также не приказаній, а инструкцій или наставленій. Извѣстно, что не очень рѣдко случается встрѣтить спеціальныя наставленія императора къ народу. Въ этомъ, кромѣ прошлыхъ временъ, уже минскій Тай-цзу, который не отличался однакожъ высшимъ образованіемъ, такъ какъ происходилъ изъ низкаго званія, сдѣлался образцомъ для государей настоящей династіи. Говоря о конфуціанскихъ сочиненіяхъ независимо отъ классическихъ книгъ, мы уже упомянули, что нынѣ въ большомъ ходу поученія императора Канъ-си, которыя обращены къ народу и войску, и проповѣдуютъ

воздержаніе, любовь къ родственникамъ, удаленіе отъ тяжбъ и тому подобное. Это, конечно, не указы, если принимать въ смыслѣ послѣднихъ только предписанія, относящіяся къ лицу, мѣсту или случаю, но оцѣнка и смыслъ ихъ въ глазахъ китайцевъ одни и тѣже. Такъ тѣсно связано въ Китаѣ законодательство съ моральными наставленіями. Это и проповѣди, и ораторскія рѣчи, и вмѣстѣ высшія произведенія слога. Наставленія, о которыхъ мы говоримъ, написаны самымъ отборнымъ слогомъ—это *вэнь-чжанъ*, или хрія, то-есть, такого рода сочиненіе, выше котораго въ глазахъ китайцевъ не можетъ быть ничего.—Надъ обработкой слога богдоханскихъ наставленій трудятся самые первоклассные ученые; конечно, мысли тоже не всегда принадлежатъ тому, кому онѣ приписаны—мало того: говорятъ, что и самый почеркъ императорскій принадлежитъ кисти лучшихъ каллиграфовъ. Богдоханы стараются щеголять своими сочиненіями въ прозѣ и стихахъ, они читаютъ лекціи въ Би-юн'ѣ, залѣ Конфуціева храма, они воздвигаютъ монументы въ прославленіе великихъ событій своего царствованія или доблестей знатнаго вельможи—все это указъ или наставленіе въ обширномъ смыслѣ.

Обратная сторона: есть богдоханскіе указы, слѣдовательно есть и доклады чиновниковъ. Эти доклады по слогу принадлежатъ къ литературѣ, и потому неудивительно, что почти вся огромнѣйшая китайская хрестоматія: Зерцало древней словесности — «Гу-вэнь-юань-цзянь» — составлена изъ такихъ докладовъ. По мыслямъ, въ нихъ заключающимся, это не болѣе какъ развитіе философскихъ идей конфуціанства, но потомъ они не менѣе принадлежатъ сюда по цѣли — эта цѣль правительственная, законодательная, и потому мы должны отнести ихъ сюда. Китайская исторія болѣе чѣмъ на половину набита докладами или изустными мнѣніями и представленіями чиновниковъ: отъ того простой переводъ ея покажется такъ безвкуснымъ европейскому читателю. Но еслибъ мы взглянули пристальнѣе, если бы глубже вникли въ духъ и жизнь китайской націи, то сколько жизни, борьбы идей открылось бы предъ нами въ этой исторіи—такъ тѣсно связаны здѣсь всѣ отрасли литературы!

Есть два вида докладовъ по дѣламъ и вопросамъ правленія и законодательства: частный и общій, т.-е. мы имѣемъ предъ глазами или собраніе докладовъ одного какого-нибудь лица, или собраніе докладовъ нѣсколькихъ лицъ. Въ первомъ родѣ доклады одного лица могутъ легко составить его біографію. Съ большими комментаріями, они, какъ и указы одного императора, могутъ служить почти выраженіемъ его эпохи; потому что чиновникъ переходитъ съ мѣста на мѣсто, отъ должности къ должности, отъ одной мѣры къ другой, встрѣчается съ событіями всѣхъ видовъ, съ дѣлами всѣхъ родовъ—

потому и доклады его могутъ быть разнообразны. Мало того: еслибы Китай не такъ строго придерживался своихъ общепринятыхъ воззрѣній, служащихъ ему мѣриломъ для критики другихъ, то доклады иного чиновника могли бы даже дать зародышъ новой школѣ—это философъ своего рода, это послѣдователь извѣстныхъ началъ, которыя не могутъ не быть хоть сколько-нибудь своеобразны. Что̀ такое, напримѣръ, былъ Мэнъ-цзы, какъ не тотъ же докладчикъ древнихъ царей, что̀ такое былъ самъ Конфуцій, какъ не докладчикъ націи?

Собраніе докладовъ различныхъ чиновниковъ въ особой редакціи принадлежитъ также временамъ сунской династіи. Таковы доклады Фань-чжунъ-ян'я, Бао-чжэна и многихъ другихъ. Династіи минская и настоящая цинская, конечно, еще болѣе выставляютъ сочиненій по этой части. Для всякаго чиновника его доклады, разумѣется, имѣютъ интересъ, тѣмъ болѣе для его дѣтей. Вотъ почему литература этого рода все болѣе и болѣе расплождается. Конечно, знаменитыхъ докладовъ не упуститъ изъ виду исторія, и потому они принадлежатъ ей по праву, вмѣстѣ съ біографіями самихъ сочинителей. Такъ какъ для насъ еще не настало время подробнѣйшаго изученія Китая, такъ какъ мы при всѣхъ, повидимому, глубокихъ изысканіяхъ касаемся только поверхности китайской жизни, то останавливаться надъ подобнаго рода сочиненіями было бы уже дѣломъ роскоши. Но какъ могутъ быть интересны подобнаго рода доклады, легко понять изъ собранія, напримѣръ, докладовъ На-вэнь-чэна, внука Агуева, жившаго въ настоящемъ столѣтіи до 30-го года. Это не былъ слишкомъ важный сановникъ, одна слава дѣда скорѣе доставила ему средства сдѣлаться извѣстнымъ; но сколько любопытныхъ свѣденій имѣемъ мы передъ глазами въ этомъ собраніи, напримѣръ, касательно усмиренія горныхъ тибетцевъ въ Амдо или возстанія Чжангэра въ Кашгарѣ и столкновенія съ коканцами? Можно сказать, что такія собранія не всегда имѣютъ наивную цѣль: можетъ быть, составители не прочь отъ задней мысли выставить на показъ неблагодарность правительства къ его служителю, проходившему такъ достославно, какъ видно изъ докладовъ На-вэнь-чэна, поприще своего служенія. Китайскому чиновнику не трудно вдругъ сойти съ поприща служебной дѣятельности: не одни интриги, но часто и неумолимые законы, безстрастный приговоръ богдохана полагаютъ конецъ не только службѣ, но даже свободѣ и жизни человѣка, ставшаго на высшія ступени. Чиновникъ, можетъ быть, и не совсѣмъ виноватъ. Часто природа, люди, обстоятельства сильнѣе его. Каковъ бы ни былъ главноуправляющій путями сообщенія, но если вода прорвала плотины, онъ уже отвѣчаетъ за это, его водятъ по улицамъ съ барабаннымъ боемъ, съ кангой на шеѣ. Генералъ могъ отличаться побѣдами, но вотъ

являются новые враги (англичане), разбиваютъ его, и ему отрубаютъ голову. Чиновникъ принимаетъ всѣ мѣры благоразумія съ цѣлью устроить пограничный край, но вдругъ дѣлается непредвидѣнное вторженіе, и его смѣняютъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы въ Китаѣ менѣе чѣмъ гдѣ нибудь оказывали вниманіе къ услугамъ: мы говоримъ только, что въ Китаѣ законы не смотрятъ на лицо; для знаменитостей есть, правда, особыя извинительныя положенія, но много ли дѣйствительныхъ знаменитостей? Китайцы не такъ расточаютъ это титулъ, и оттого часто самые канцлеры, эти государевы учители, перелетаютъ на званія сторожей—такова судьба чиновника. На-вэнь-чэнъ кончилъ свою карьеру ссылкой—вотъ почему, можетъ быть, собраніе его докладовъ такъ поспѣшно обнародовано; въ нихъ не къ чему придраться, нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на ошибку государя.

Независимо отъ собранія частныхъ докладовъ, знаменитѣйшіе изъ нихъ собраны въ одно цѣлое въ различныхъ редакціяхъ. На первомъ планѣ, какъ мы уже сказали, должно стоять «Гу-вянь юань-цзянь»—въ которомъ собраны всѣ доклады до временъ сунской династіи. При этой династіи нѣкто Чао-жу-юй составилъ доклады чиновниковъ сѣверной сунской и начала южной династіи. При минской династіи, въ 14-й годъ правленія Юнъ-ло, ученый комитетъ составилъ еще огромную компиляцію въ этомъ родѣ подъ именемъ: Доклады знаменитыхъ чиновниковъ всѣхъ династій («Ли-дай Минь Чэнь-цзоу», 350 цз). Здѣсь собрано все лучшее со временъ чжоуской до юаньской династіи включительно; изъ этихъ докладовъ вы видите ясно какъ различныя правительственныя мѣры при извѣстной династіи, такъ и ихъ недостатки, предъ вами открываются слова добродѣтельныхъ и негодяевъ. Въ такомъ же родѣ, въ 46-мъ году Цзянь-лун'а, составлены: Доклады минскихъ чиновниковъ («Минь-чэнь-цзоу», 20 цз). Для нынѣшной династіи, конечно, нечего еще требовать подобнаго сборника—мы видѣли однакожъ, что частные доклады обнародываются въ газетахъ, помѣщаются въ указахъ богдохановъ, и въ біографіяхъ самихъ чиновниковъ. Но кромѣ этого можно сказать, что мы имѣемъ сводъ всѣхъ лучшихъ докладовъ при настоящей династіи въ «Хуанъ-чао Цзинъ ши вэнь-бянь», гдѣ разбираются именно тѣ идеи, которыми руководится настоящая династія во всѣхъ многоразличныхъ вопросахъ гражданскаго управленія.

Говорятъ, что Китай—страна безжизненная, что въ немъ нѣтъ никакого умственнаго броженія, что онъ не переходитъ отъ прогресса къ прогрессу, отъ изобрѣтенія къ изобрѣтенію. Но, смотря на три послѣднія сочиненія, неужели мы можемъ сказать, что мысль, однажды утвердившаяся въ Китаѣ, оставалась нисколько не разработанною,

не возбуждала столкновеній, не получила новаго развитія и направленія?

XII. Языкознаніе.—Критика.—Древности.

Нельзя также сказать о китайцахъ, чтобъ они не старались объ изученіи своего языка. Мы говорили уже, что первымъ своимъ лексикономъ они считаютъ подозрительный Эрлъ-я, который включенъ ими даже въ число классическихъ книгъ; но первымъ, по крайней мѣрѣ по появленію въ свѣтъ, все-таки былъ «Шо-вэнь», ханьскаго Сюйшэнь'я, который и теперь еще, не смотря на то, что число іероглифовъ разрослось, долженъ быть настольной книгой по своей отчетливости. Познакомившись съ санскритскимъ языкомъ, китайцы пробовали примѣнить по-своему буквенный алфавитъ, т.-е. стали располагать слова не по начальнымъ буквамъ, а по ихъ окончаніямъ, расположеннымъ сообразно удареніямъ. Этого требовало ихъ пристрастіе писать стихи, которые еще въ «Ши-цзинѣ» являются съ риѳмами, и такъ какъ многіе іероглифы употребляются только въ книгахъ, то авторы стиховъ могли и не знать, къ какому ударенію они принадлежатъ (а нѣтъ ударенія, значитъ нѣтъ и риѳмы). Сверхъ того, стихотворецъ, роясь въ такомъ словарѣ, могъ и для будущаго стиха подобрать готовое слово. Еще болѣе сдѣлались необходимы риѳмическіе словари для пониманія и объясненія фразъ поэтовъ, всегда любящихъ высказывать намеками свои познанія въ исторіи, миѳологіи или легендахъ. Такимъ образомъ и при нынѣшней династіи самый большой лексиконъ—риѳмическій: это «Пэй-вэнь-юнь-фу»—двадцать томовъ самой убористой печати! Между тѣмъ, еще при минской династіи въ расположеніи лексикографіи обратились къ ключевой методѣ Сюй-шэн'я, сокративъ ее до 213 знаковъ—и самымъ лучшимъ лексиконовъ считается нынѣ словарь, составленный ученымъ комитетомъ, тоже при Канъ-си. «Канъ-си-цзы-дянь»—извѣстенъ всякому синологу.

Китайскій языкъ труденъ не столько потому, что употребляется іероглифическое (по-моему—комбинаціонное) писмо, котораго чтеніе и значеніе трудно запоминать; не смотря на огромное, доходящее до 40 тысячъ, количество іероглифовъ, собранныхъ въ лексиконахъ, въ употребленіи не обращается ихъ и 15 тысячъ, а то достаточно и 6000. Но трудно понимать книгу безъ изученія китайской литературы, безъ знанія классиковъ, исторіи, легендъ и т. п. Вотъ почему китайцы составили энциклопедіи, въ которыхъ излагаютъ общія понятія, начиная небомъ и оканчивая землей, о каждомъ предметѣ и приводятъ и лексическія фразы, къ нему относящіяся. Таковы огромныя энциклопедіи «Юань-цзянь лэй-хань», «Пянь-цзы-лэй-бянь», изданныя тоже

при нынѣшней династіи, но расширившія только кругъ прежнихъ. Изъ этого уже очерка видно, что и сами китайцы разбросали свои лексикографическія сообщенія по разнымъ книгамъ, и если плохая надежда на нихъ въ пониманіи филологическихъ требованій, то сколько работы предвидится для нашихъ будущихъ синологовъ, чтобы составить полный и точный лексиконъ!

Китайцы, какъ мы видѣли уже изъ разбора не только конфуціанства, но и другихъ отраслей литературы, не принимаютъ всякаго разсказа на слово, а глубокимъ изученіемъ и сличеніемъ умѣютъ отыскивать правду. Если мы отрицаемъ древность ихъ литературы, то все-таки на основаніи ихъ же собственныхъ указаній. Если европейскіе теологи разбираютъ и доказываютъ неодновременность появленія книгъ Библіи, то изъ этого не слѣдуетъ, что набожный въ состояніи изъ этихъ изъясненій сдѣлаться невѣрующимъ. Вѣра въ древность въ глазахъ китайца есть тоже, что на Западѣ религія: и не вѣрится да вѣрится.

Первыя критическія сочиненія начинаются по крайней мѣрѣ съ перваго вѣка нашей эры. Мы знаемъ, что уже въ 51-мъ г. по Р. Х. императоръ Сюань-ди созывалъ ученыхъ въ залѣ Ши-цюй-гэ; въ 79 г. при Чжанъ-ди былъ устроенъ такой же съѣздъ во дворцѣ, въ зданіи Бо-ху-гуань, на которомъ разсуждалось о противорѣчіяхъ въ классическихъ книгахъ, и знаменитый Бань-гу излагаетъ разсужденія съѣзда въ своемъ сочиненіи «Бо-ху-тунъ-инъ» (разсужденія въ зданіи Бо-ху-гуань). Другой ученый (Инъ-шао) составилъ сочиненіе: «Фынъ-су-тунъ» — зерцало нравовъ, вэйскій Лю-шао въ сочиненіи «Жень-у-чжи» (о людяхъ) разсуждаетъ о человѣческихъ способностяхъ, цзинскій Цуй-бяо пишетъ «Гу-цзинь-чжу» — изслѣдованія о древнихъ и новыхъ предметахъ. Эпоха Ванъ-ань-ши, котораго нынѣ ни съ того, ни съ сего стали считать соціалистомъ, вызвала множество новыхъ взглядовъ. Сочиненіе сунскаго У-цзяна (Мань-лу) наполнено изслѣдованіями о географіи, стихахъ, происшествіяхъ, музыкѣ, духахъ и проч. «Сё-линь»—лѣсъ учености (соч. сунскаго Ванъ-гуань-го) занимается указаніемъ различій въ гіероглифахъ и въ ихъ смыслѣ, погрѣшностями въ различныхъ объясненіяхъ и толкованіяхъ. Юань-вэнь, тоже сунскій ученый, разсуждаетъ о классическихъ книгахъ, исторіи, астрономіи, географіи, школьномъ обученіи (сяо-сё), стихахъ, письменахъ, живописи, платьѣ, кушаньѣ и сосудахъ, о буддизмѣ, даосизмѣ, фокусничествѣ, произведеніяхъ природы и чудесахъ.

Такого рода разборы продолжаются и до новѣйшаго времени.

Китайцы любятъ собираніе и описаніе древнихъ предметовъ. Но трудно повѣрить, чтобъ и въ этомъ случаѣ они не подвергались такой же мистификаціи, какъ это случилось съ памятникомъ Юй'я.

Они вѣрятъ, что обладаютъ жертвенными вещами (вазами, треножниками и проч.) еще временъ шанской династіи, что уцѣлѣли значки и монеты (въ формѣ ножей—по нашему мнѣнію, развѣ нефритовые каменнаго вѣка могли разнестись по свѣту прежде знакомства съ металлами). Описаніе древностей началось уже давно, но болѣе знаменито «Бо-гу-ту»—временъ сунской династіи. При настоящей династіи издано роскошное изданіе снимковъ, находящихся во дворцѣ, въ кабинетѣ Си-цинъ, потому и называемое «Си-цинъ Гу-цзянь». Два огромныхъ фоліанта съ рисунками на каждой страницѣ самой лучшей китайской рѣзьбы. Не будучи сами знатоками, мы обратили на это изданіе вниманіе г. Стасова, который въ послѣднее время исключительно занимается сличеніемъ рисунковъ Востока и Запада. Но если говорить о живописи или изданіяхъ съ рисунками, то прежде всего надобно было говорить о «Тушу-цзи-чэнѣ», огромнѣйшемъ сборникѣ и изданіи богдохана Канъ-си; но это богатѣйшее изданіе, изъ 500 томовъ, по 10 книжекъ въ каждомъ, только въ недавнее время пріобрѣтено въ первый разъ въ Европѣ, для Лондоскаго Музея. Мы видѣли одинъ только отдѣлъ этого собранія: естественную исторію, изъ 16 томовъ, въ которыхъ что листъ то изображеніе растенія (принадлежитъ нынѣ или Академіи Наукъ, или Ботаническому Саду). Это изданіе, кажется, въ первый разъ въ Китаѣ было напечатано металлическими (мѣдными) литерами, перелитыми послѣ Цянь-луномъ.

Нельзя не упомянуть также, что китайцы чрезвычайно интересуются собраніемъ каллиграфическихъ прописей и древнихъ картинъ. Китайцы дорожатъ даже болѣе первыми, чѣмъ послѣдними. Въ одномъ только кабинетѣ (Пэй-вэнь-чжай) Канъ-си нашлось столько такихъ рѣдкостей, что онѣ доставили (безъ рисунковъ) матеріалу на шесть большихъ томовъ (48 книжекъ)—это «Шу-хуа-пу».

Спеціальныя сочиненія посвящены также снимкамъ или описаніямъ надписей на камняхъ (большею частью на могилахъ знаменитыхъ лицъ и въ храмахъ).

XIII. Сельско-хозяйственная литература китайцевъ.—Ихъ естествознаніе и военная литература.

Нація, развившая все отъ себя, земля, въ которой поэтому практика естественно должна опережать теорію, конечно не могла произвести той отчетливой науки, которая родилась на Западѣ отъ изученія химическихъ и физическихъ законовъ, подъ вліяніемъ непрестаннаго соревнованія и духа изобрѣтательности; но нельзя отказать китайцамъ въ доведеніи земледѣльческаго искусства до высшей степени практическаго совершенства, которое постоянно вызываетъ похвалы всѣхъ путешественниковъ. Можно сказать, что

китайцы вполнѣ изучили всѣ подручныя средства, извлекли ими, съ помощію благословеннаго климата, благодѣтельно отзывающагося и на почвѣ, всѣ силы земли; не надобно забывать при этомъ и образа жизни и потребностей страны, которыя имѣютъ большое вліяніе на разнообразіе во взглядахъ. Поэтому если китайскія сочиненія по части сельскаго хозяйства и не могутъ удовлетворить насъ своей ученой обработкой, при всемъ томъ они не могутъ почитаться незаслуживающими вниманія. Высокій авторитетъ ихъ не подверженъ сомнѣнію уже по тому пріему, какой оказываютъ на Западѣ всякому переводу китайскихъ трактатовъ. По всему видно, что китайцы здѣсь, какъ и во всѣхъ искусствахъ, берутъ верхъ многолѣтней практикой; но кромѣ того, многое приводитъ насъ къ заключенію, что они не чужды здѣсь многоразличныхъ опытовъ и попытокъ, свидѣтельствующихъ о своеобразномъ стремленіи ума къ творчеству. Впрочемъ, для того, чтобы сказать болѣе по этой части, надо самому быть хорошимъ сельскимъ хозяиномъ, и потому намъ остается только ограничиться перечисленіемъ главнѣйшихъ сочиненій по части сельскаго хозяйства. Какъ нарочно, и здѣсь мы находимъ начало этой части литературы въ классическихъ книгахъ: глава Юе-линъ въ «Ли-цзи» содержитъ въ себѣ часть календарныхъ замѣтокъ, статья Као-Гунъ-цзи также толкуетъ о близкомъ къ земледѣлію ремесленномъ и прочемъ дѣлѣ; Ли-цзи усѣялъ свою книгу замѣчаніями о средствахъ къ народному продовольствію; однакожъ мы не будемъ пускаться въ такую даль.

Нѣтъ сомнѣнія, что особая литература по части земледѣлія существовала съ давняго времени; мы видѣли по случаю запрещенія, наложеннаго на книги Цинь-ши-хуандіемъ, что оно не распространялось, между прочимъ, на книги по части земледѣлія, слѣдовательно, онѣ уже существовали въ то время. Что такого рода сочиненія легко могли затеряться—это не удивительно; мы должны смотрѣть на нихъ, какъ на учебникъ, а всякій учебникъ исчезаетъ, какъ скоро появляется другой, болѣе удовлетворительный — или, лучше сказать, старый учебникъ не исчезаетъ, а только поглощается новымъ, который пользуется предшествовавшими руководствами. Какъ китайская практика не могла создаться или преобразиться вдругъ, но была постепеннымъ, послѣдовательнымъ развитіемъ, такъ точно и на записывающую ее литературу должно смотрѣть, какъ на постепенную отдѣлку предшествовавшихъ матеріаловъ.

Какъ бы то ни было, первая, самая древняя книга по части земледѣлія, дошедшая до насъ, принадлежитъ временамъ поздней вэйской династіи (Хоу-вэй). Это „Цзи-минь-Яо-шу“ (Главнѣйшія средства къ продовольствію народа), 12 цз. Она заключается въ 92-хъ статьяхъ, относящихся къ земледѣлію, огородничеству,

одѣянію и пищѣ... Китайцы отзываются о ней съ величайшей похвалой, говоря, что всѣ другія книги не могутъ быть выше ея. Изъ этого и должно заключить, что сочинитель ея руководствовался предшествовавшими ему сочиненіями.

За этой книгой слѣдуетъ „Нунъ-шу"—книга земледѣлія, соч. сунскаго Чэнь-фу; здѣсь въ одной главѣ трактуется о земледѣліи, въ другой о воспитаніи рогатаго скота (коровъ) и въ третьей о питаніи шелковичныхъ червей.

„Нунъ-санъ-цзи-яо"—собраніе главнѣйшихъ правилъ, касающихся земледѣлія и шелководства (7 цз.), составленное ученымъ комитетомъ при юаньской династіи, при Хубилаѣ, въ 10-мъ году правленія. „Чжи-юань" есть не что иное, какъ передѣлка вышесказанной „Цзи-минь-яо-шу" съ сокращеніемъ повтореній и сбивчивыхъ мѣстъ, а также съ пропускомъ древнихъ средствъ, которыя въ то время уже вышли изъ употребленія. Календарныя замѣтки, находящіяся въ этой книгѣ (Нунъ-санъ-цзи-яо), отдѣланы съ большимъ тщаніемъ юаньскимъ Лу-минъ-шаніемъ въ сочиненіяхъ Нунъ-санъ и ши-цо-Яо (2 цз.). Болѣе подробное сочиненіе другаго юаньскаго ученаго, Ванъ-Чжень'я: „Нунъ-шу" (22 цз.) обнимаетъ земледѣліе и шелководство, правила для различныхъ хлѣбныхъ растеній (гу-пу), изображеніе земледѣльческихъ инструментовъ. Оно вводитъ уже въ свое описаніе и стихи, которые нынѣ нашли доступъ всюду.

„Цзю-хуанъ-бэнь-цао" (2 цз.)—естественная исторія, предохраняющая отъ голода, сост. Чжоу-дин'омъ, сочиненіе минскаго времени, показываетъ на растенія, которыя могутъ быть употребляемы въ пищу въ голодное время (всего 424 растенія). Въ томъ же родѣ есть и другое сочиненіе, въ которомъ хотя и показано меньшее количество растеній, за-то, говорятъ, они были перепробованы самимъ авторомъ. Во время же минской династіи является описаніе западной системы орошенія „Тай-си Шуй-фа" (6 цз.), соч. европейца Сюй-сань-ба. Замѣчаніе китайскаго каталога, что изъ всѣхъ сочиненій, изданныхъ въ Китаѣ европейцами, исключая математическихъ книгъ, ни одно не имѣетъ такого дѣйствительнаго приложенія, потому что въ немъ трактуется о снарядахъ, дѣйствующихъ съ удивительною скоростью и искусствомъ,—одно это замѣчаніе, конечно, должно бы разсѣять наше предубѣжденіе противъ китайскаго отчужденія отъ всѣхъ дѣйствительно полезныхъ изобрѣтеній новѣйшаго времени, хотя бы они не были сдѣланы ими.

Но главнѣйшими произведеніями по части земледѣлія должно почесть два сочиненія, изъ которыхъ одно принадлежитъ минскому ученому Сюй-Гуанъ-цзы, а другое ученому комитету нынѣшней династіи. Первое называется: „Земледѣльческое правленіе, „Нунъ-чженъ" (60 цз.), потому что кромѣ предметовъ, касающихся собственнаго земледѣлія, излагаетъ и узаконенія, сюда относящіяся. Содержаніе всей книги слѣдующее: земледѣліе собственно, устройство пашень, земледѣльческія работы, система орошенія (шуй-ли), земледѣльческіе снаряды, садоводство (шу-си), шелководство, о сѣяніи и сажаніи, о скотоводствѣ и тканьѣ (по одной главѣ), мѣры правительства во время голода (Хуанъ-Чженъ, 18 цз).

Сочиненіе нынѣшней династіи носитъ названіе „Шоу-ши-тунъ-као" (78 цз.) и, кромѣ богдоханскаго предисловія, содержитъ слѣдующее: 1) календарныя замѣтки или о времени вообще; 2) о способностяхъ почвы; 3) сорты хлѣбныхъ растеній; 4) работы; 5) увѣщанія къ занятіямъ; 6) о запасахъ бережливости; 7) о времени, остающемся за окончаніемъ земледѣлія и шелководства.

Изъ этого краткаго очерка мы видимъ однакожъ, что во всѣхъ сочиненіяхъ, относящихся до сельскаго хозяйства, наравнѣ съ земледѣліемъ китайцы ставятъ шелководство: это предпочтеніе основано на томъ важномъ интересѣ, какой представляетъ это часть

хозяйства въ Китаѣ, гдѣ шолкъ почти тоже, что у насъ ленъ. Но въ новое время чай пріобрѣлъ перевѣсъ даже передъ шолкомъ. Первая книга о чаѣ, дошедшая до насъ, написана еще при танской династіи: это «Ча-цзинъ» (3 цз.), сочиненіе Лу-юй'я; онъ говоритъ въ ней о происхожденіи чая, о срываніи и приготовленіи, пробѣ, вареніи, питіи, дѣйствіи, мѣстахъ добыванія чая и проч. Мы находимъ не только спеціальныя книги, которыя особо толкуютъ о различіи высшихъ и низшихъ сортовъ чая, но даже такія сочиненія, въ которыхъ разбирается только, какая вода для него приличнѣе, т.-е. разбираются ея свойства.

Есть сочиненія, трактующія о приготовленіи вина, о сахарѣ, (который—доказывается—существуетъ съ давняго времени, хотя формально извѣстенъ только съ танской династіи).

Отъ этихъ полезныхъ предметовъ, входящихъ въ жизненныя потребности человѣка, можно перейти къ предметамъ, тоже не чуждымъ сельскаго хозяйства, хотя имѣющимъ цѣлью болѣе удовольствіе. Такова литература *цвѣтоводства*, которой не чуждались знаменитые писатели. Такъ сунскій ученый Оу-Янъ-сю составилъ описаніе цвѣтка мудань (paeonia moutan), другіе трактаты толкуютъ спеціально о разведеніи піоновъ, розъ, астръ (нѣсколько сочиненій — въ одномъ изъ нихъ насчитывается до 133 сортовъ), померанцевъ, о бамбукѣ, его росткахъ, о шампиньонахъ. Замѣчательно, что почти всѣ эти трактаты принадлежатъ исключительно временамъ еще сунской династіи. Изъ новѣйшихъ сочиненій болѣе замѣчательно «Гуанъ-цюнь фанъ-ну» (составл. въ 47-мъ г. правленія Канъ-си), которое выдается уже по своей громадности (100 цз.) Пожалуй, это чисто беллетристическое произведеніе, потому что каждое растеніе занимаетъ не столько мѣста своимъ описаніемъ, сколько стихами, къ нему относящимися.

Въ Китаѣ не одни цвѣты составляютъ предметъ удовольствія— рыбы раздѣляютъ эту честь: поэтому мы находимъ въ литературѣ особые трактаты о рѣдкихъ рыбахъ съ ихъ изображеніями. Раки и тѣ нашли себѣ особое мѣсто еще во времена сунской династіи.

Есть особая книга о пѣвчихъ птицахъ.

Такимъ образомъ, сельское хозяйство могло, какъ видимъ, послужить основаніемъ къ изученію естественной исторіи, потому что науки, которыя нынѣ, наоборотъ, считаются у китайцевъ независимыми и служатъ основаніемъ другихъ знаній и занятій, въ естественномъ своемъ развитіи имѣли совершенно противоположное происхожденіе. Мы видѣли уже выше, между книгами сельскаго хозяйства, такія, которыя трактуютъ о растеніяхъ, служащихъ въ пищу. Но естественная исторія, кромѣ этого, еще болѣе обязана своимъ происхожденіемъ медицинѣ, которая почерпаетъ единственно здѣсь

всѣ свои матеріалы. Такимъ образомъ, естественная исторія представляетъ тѣсную связь сельскаго хозяйства съ медициной. Появилось множество переводныхъ или передѣланныхъ европейскихъ сочиненій по этимъ отраслямъ. Будущности предоставлено судить о степени ихъ вліянія, и мы заканчиваемъ только напоминаніемъ, что лучшею книгой по естествознанію считается «Бэнь-цао-ганъ-му», а первою книгой медицинской «Хуанди-нэй-цзинъ Су-вэнь».

Китайская литература не исключаетъ изъ своей среды и военныхъ писателей; мало того: она причисляетъ ихъ не шутя къ философамъ, потому что древніе писатели по этой части выставляютъ не одни только практическія правила, но обращаются къ значенію войны въ видахъ человѣколюбія и правды; толкуя о дисциплинѣ и тактикѣ, они стараются согласить ихъ съ ученіемъ о силахъ Инь и Янъ; въ различныхъ строяхъ видятъ соотвѣтствіе съ пятью стихіями, и подобно тому, какъ одна стихія преобладаетъ надъ другой, учатъ, чтобъ и противъ извѣстнаго непріятельскаго строя былъ поставленъ извѣстный, другіе устраиваютъ войско на манеръ вѣтра, облаковъ и проч. Военное искусство не должно, по ихъ мнѣнію, пренебрегать и гаданьемъ, должно руководиться календаремъ, который указываетъ счастливые и несчастливые дни. Еще въ прошломъ столѣтіи былъ изданъ въ Европѣ переводъ лучшихъ писателей Китая по военной части въ древности: «L'art militaire des Chinois», и говорятъ, что онъ тогда обратилъ вниманіе тактиковъ, между прочимъ, даже Фридриха Великаго.

Впрочемъ, хотя и утверждаютъ, что уже во времена періода браней (послѣ «Чунь-цю») появились сочиненія по военной части, но и самими китайцы признаютъ подложными всѣ эти сочиненія, выдаваемыя нынѣ за древнія. Говорятъ, что при началѣ ханьской династіи Чжанъ-лянъ и Хань-синь—оба знаменитые полководцы того времени—имѣли въ рукахъ 82 сочиненія, и выбрали изъ нихъ 35 лучшихъ, но они будто бы погибли, когда императрица Люй захватила власть въ свои руки; что при У-ди уже не могли ихъ отыскать, а при Чэнъ-ди, когда въ 26 г. до Р. X. собраны были книги со всей имперіи (Чэнь-нуномъ) и стали ихъ разбирать, то Жэнь-хунъ имѣлъ въ рукахъ всего четыре такихъ сочиненія для разбора.

Мысль, что непремѣнно были военныя книги въ древности, основана, конечно, на томъ, что во времена удѣловъ, тѣмъ болѣе періода браней, было столько знаменитыхъ полководцевъ, слѣдовательно они учились военному искусству изъ книгъ. Между тѣмъ мы знаемъ, что самъ основатель ханьской династіи былъ сначала деревенскимъ старостой. Потому впослѣдствіи и стали выдавать подложныя сочиненія. Такъ, за самую древнюю и первую книгу выдаютъ «Во-ци-цзинъ»

(обладаніе чудесными силами), приписываемую Фынъ-хоу, и ставятъ ее въ главѣ военнаго искусства, а между тѣмъ оказывается, что она писана на основаніи танской тактики (слѣдовательно, послѣ 7-го вѣка нашей эры). — Затѣмъ считаютъ семь классическихъ книгъ, и о первой изъ нихъ «Лю-тао» — шесть хитростей—говорятъ, что она была сочинена Люй-ван'омъ или Тай-гуномъ, отцомъ Вэнь-вана, а на дѣлѣ согласны, что она все-таки написана не раньше 7-го вѣка по Р. Х. — Таковы же сочиненія Сунь-цзы и У-цзы, величаемыхъ философами, какъ видно изъ самыхъ этихъ названій. Хитрости Сы-ма (фа) Бань-гу относятся даже не къ военному отдѣлу, а къ церемоніямъ. Сань-лё приписывается даже даосскому святому, вручившему отрывокъ изъ нея Чжанъ-ляну. Разговоры Ли-вэй-гуна («Вэнь-дуй»), конечно, несомнѣнны, да только они уже принадлежатъ танскимъ временамъ, въ которыя являются и другіе писатели, какъ, разумѣется, и при династіяхъ Сунъ и Минъ. Нынѣшняя династія притворяется, что у нея есть своя тактика, которую она держитъ въ секретѣ.

XIV. Изящная словесность китайцевъ.

Съ этимъ названіемъ, такъ всѣмъ знакомымъ, мы вступаемъ однакожъ въ совершенно новый для насъ міръ, который, можетъ быть, еще болѣе и долѣе не поддастся изученію европейскихъ ученыхъ. Мы уже говорили по поводу буддизма и даосизма, что нельзя быть опрометчивымъ въ сужденіи или думать, что, изучивъ одну, нѣсколько только книгъ, имѣешь право выдавать полученныя свѣдѣнія за цѣльное изученіе предмета. Для изученія изящной литературы китайцевъ такъ, какъ у насъ понимаютъ это изученіе, надо исключительно посвятить ей всю свою жизнь, чтобы представить полный и отчетливый обзоръ ея въ общемъ видѣ, и все-таки предоставить еще будущимъ поколѣніямъ дальнѣйшую разработку. Конечно, легко сказать: не стоитъ, но тяжко добиться, чтобъ имѣть дѣйствительно право сказать—не стоитъ; нужно напередъ все прочитать, во все вникнуть, и тогда нашъ приговоръ будетъ честенъ.

Потому мы можемъ говорить объ этомъ предметѣ только поверхностно. Китайцы почитаютъ изящную литературу, можетъ быть, гораздо болѣе, чѣмъ мы; въ ней они видятъ верхъ человѣческаго усовершенствованія, выраженіе не только интеллекуальнаго объема человѣка, но и какъ бы всей его моральной стороны. Слово—дѣло. Чѣмъ короче статья, но чѣмъ больше въ ней выражено, тѣмъ она лучше. Чтò требуется отъ ищущаго ученой степени, открывающей доступъ въ правительственный міръ, къ почестямъ и богатствамъ? —Написать всего только хрію (вэнь-чжанъ) на заданную тему (ти-му).

Кажется, ничего нѣтъ легче; хріи положенъ опредѣленный счетъ словъ (отъ 500 до 700), но для того, чтобъ написать ее, иные учатся съ дѣтства до старости (на экзамены являются даже девяносто-лѣтніе старики), и все-таки ихъ хрія выходитъ неудачна. Вы удивляетесь, находите это смѣшнымъ, но китайцы разсуждаютъ не такъ. Во-первыхъ, темы никто не знаетъ напередъ — ее распечатываютъ только тогда, когда всѣ экзаменующіеся войдутъ въ экзаменаціонный дворъ и безъ всякихъ пособій разсядутся по конурамъ; каждый долженъ знать то мѣсто, которое занимаетъ въ книгѣ заданная ему тема, что о ней тамъ говорится у комментаторовъ, и еще лучше, чтобъ припомнилъ, какъ толкуютъ и другіе, несогласные. Шутка ли удержать въ памяти весь наборъ отрывочныхъ статей и изреченій, въ четырехъ книгахъ (Сы-шу) и пяти классикахъ (У-цзинъ). Извольте запомнить, напримѣръ, каждое слово лѣтописи «Чунь-цю»! Конечно, для нашихъ учащихся легче было бы выучить всю Библію, потому что въ ней есть связь. Но китайцы разсуждаютъ совершенно такъ же, какъ и наши защитники лже-классицизма: ученье не заключается только въ пріобрѣтеніи нужныхъ свѣдѣній—гораздо нужнѣе учиться тому, чего требуютъ. А китайцы, по своему міросозерцанію, не имѣютъ понятія о другихъ знаніяхъ и увѣрены, что нѣтъ науки болѣе необходимой для человѣка, чѣмъ цзины. Потому въ продолжительномъ и твердомъ изученіи ихъ видятъ то моральное дѣйствіе, которое производитъ трудъ; выучившій цзины долженъ сдѣлаться человѣкомъ сосредоточеннымъ, сосредоточенное знаніе имѣетъ вліяніе и на развитіе мышленія, и на изящество языка. Мы никакъ не можемъ понять, какъ это китайскій интеллигентный міръ интересуется, послѣ всякаго новаго экзамена (въ три года), хріей перваго доктора (чжуанъ-юан'я), читаетъ ее на расхватъ и, конечно, восторгается ея красотами, потому что, разумѣется, это сочиненіе оцѣнено по достоинству, лучше его не было, судьями были первые ученые, и навѣрное знанія и требованія прочихъ знатоковъ не подмѣтятъ ни одной ошибки, не придумаютъ ничего лучшаго. Это геніальное произведеніе, потому что изъ пятнадцати или болѣе, можетъ быть, тысячъ явившихся въ столицу баккалавровъ, только сочиненіе одного даетъ степень чжуанъ-юан'я; и дѣйствительно, экзаменующіеся имѣютъ своего бога (Вэнь-чжанъ-ди-цзюнь), которому молятся предъ экзаменами, ставятъ благодарственныя доски за успѣшное ихъ окончаніе, приписываемое тайному покровительству свыше!

Мысль и твердое знаніе языка дѣлаютъ поэта и изъ ученаго. На экзаменахъ задается тема и на стихи; даютъ извѣстный гіероглифъ и поручаютъ составить стихотвореніе изъ извѣстнаго числа

словъ въ стихѣ, разумѣется, съ риѳмами, и, кромѣ того, чтобы гіеро глифъ пришелся на извѣстномъ мѣстѣ, подъ такимъ-то удареніемъ. Предлагая выше очеркъ китайской лексикографіи, мы упоминали, что у китайцевъ существуютъ риѳмическіе словари, расположенные подъ извѣстными удареніями; такъ какъ эти гіероглифы не принадлежатъ всѣ къ разговорному языку, то и зная ихъ значеніе, нельзя еще знать, подъ какимъ удареніемъ они числятся; слѣдовательно, стихотворцу нужно держать твердо въ памяти лексикографію. Кромѣ того, удовлетворяя правильности стихосложенія, пьеса, разумѣется, должна также отличаться и мыслію, представлять какой-нибудь новый, нетривіальный взглядъ на избранный предметъ. Задаютъ нарочно написать на какой-нибудь самый незначительный предметъ, для того, чтобъ показать умѣнье представить и его въ новомъ свѣтѣ. Поэтъ пишетъ на слово *тѣнь:*

Этажами другъ на другѣ (разстилаетъ предо мною свою тѣнь) эта высокая башня,
Но дотрогиваешься и не можешь смести ее,
И только что солнце (съ заходомъ) уберетъ ее—
Смотришь: свѣтлая луна уже снова послала!

Въ прозѣ авторъ долженъ вложить свою мысль въ слова, въ стихахъ онъ ставитъ мысль какъ бы подлѣ слова, ее еще надобно отыскивать на сторонѣ, потому что достаточно одного слова, чтобы у васъ возобновилась въ памяти цѣлая исторія изъ миѳологическаго, историческаго, семейнаго и прочаго быта. Вотъ въ чемъ заключается для насъ трудность китайской поэзіи.

Въ началѣ нашей статьи мы уже сказали, отчего происходитъ различіе писменаго языка отъ разговорнаго. Поддержка этого различія и составляетъ дѣло изящной литературы; трудно, не вдаваясь въ подробности и не пускаясь въ грамматическія толкованія, передать это различіе незнакомому съ писменымъ китайскимъ языкомъ, но кто хоть нѣсколько занимался имъ, тотъ признаетъ, что превосходство всегда лежитъ на сторонѣ писмености, что дѣйствительно въ китайскомъ языкѣ существуетъ такъ-называемый изящный слогъ. Звуки словъ тѣже, что и въ разговорномъ языкѣ, но сочетаніе ихъ и значеніе совершенно особенныя; китайскій языкъ не могъ создать ораторской рѣчи (и ея не существуетъ), едва ли имъ можно вести и ученые диспуты (потому ихъ и нѣтъ, впрочемъ о государственныхъ дѣлахъ разсуждаютъ же, но протоколы, конечно, не стенографическая запись). Писменый языкъ можетъ употребить одно слово тамъ, гдѣ въ разговорномъ ихъ два или цѣлый перифразъ, да притомъ и это одно слово можетъ быть не взято изъ перифраза; съ другой стороны писменый языкъ можетъ щеголять несвойственными разговор-

ному языку сочетаніями и для выраженія одного понятія у него найдется всегда такой запасъ этихъ сочетаній, что онъ можетъ въ самой прозѣ поддерживать стихотворный метръ. Дѣйствительно, часто случается, что одна половина предложенія или періода равна по числу словъ другой, такъ что только это одно и руководитъ къ опредѣленію смысла всего періода, начала и конца его; китайцы и въ обыкновенныхъ изданіяхъ рѣдко прибѣгаютъ къ единственному у нихъ знаку препинанія (кружку или точкѣ), а въ изящныхъ нѣтъ о нихъ и помина. Этотъ параллелизмъ свойственъ какъ стихамъ, такъ и прозѣ—каждый гіероглифъ одной половины предложенія или двустишія (дуй-цзы) долженъ соотвѣтствовать гіероглифу въ другой, т.-е. если онъ употребленъ въ значеніи глагола, имени, частицы и проч., то хотя они и могутъ быть аналогичны или противоположны, слова и въ другой половинѣ имѣютъ тотъ же смыслъ. Благодаря особенно параллелизму, писменый языкъ можетъ игнорировать всѣ т': частицы и союзы, которыми показываются связь словъ и различные виды періодовъ (впрочемъ и безъ параллелизма видимъ тоже). За-то онъ же, гдѣ ему нравится, можетъ выпустить богатый арсеналъ всякихъ частицъ, вступительныхъ, соединительныхъ, заключительныхъ въ періодахъ, суффиксовъ и префиксовъ въ этимологіи и синтаксисѣ.

Все это придаетъ силу и обаяніе писменому языку. Извѣстная отдѣлка его въ этомъ направленіи и составляетъ изящный слогъ, изящную литературу по китайскимъ понятіямъ. Но именно вслѣдствіе этого вышло такъ, что подъ изящной литературой китайцы вовсе не разумѣютъ то, чему мы придаемъ это значеніе. У нихъ всякое мелкое разсужденіе, поученіе, замѣтка, указъ, докладъ, адресъ, дипломъ, писмо, предисловіе къ книгѣ, надпись на монументѣ, читаемая надъ гробомъ рѣчь, такая же, читаемая при жертвоприношеніи, эпитафія — вотъ что составляетъ изящную литературу въ прозѣ. И этотъ родъ литературы (кромѣ хрій, появившихся позже) ведетъ свое начало покрайней мѣрѣ со временъ ханьской династіи. Всѣ эти мелкіе отрывки тщательно собираются, составляютъ огромное количество томовъ, изъ которыхъ потомъ извлекаются въ христоматіи. Первой христоматіей считается «Вэнь-сюань»—составленная лянскимъ наслѣднымъ принцемъ Чжао-минъ-тай-цзы—въ 6-мъ вѣкѣ; еще болѣе извѣстна составленная при нынѣшней династіи «Юань-цзянь-лэй-хань». До какой степени обширны цѣльныя собранія, мы можемъ судить по 50 томамъ, относящимся къ временамъ династій Танъ и Удай (620—670). Въ продолженіи десятилѣтняго пребыванія въ Пекинѣ, мы не встрѣтили ни разу въ продажѣ сборника изящной литературы (Вэнь-инъ) нынѣшней династіи и должны были удо-

вольствоваться продолженіемъ его, обнимавшимъ періодъ съ 1744 по 1810 г., въ 16 томахъ (96 книжекъ).

Послѣ этого спрашивается: есть ли возможность излагать въ краткомъ обзорѣ эту изящную литературу? Есть ли возможность перечислить имена самыхъ извѣстныхъ литераторовъ, дать ихъ біографіи, указать хоть на нѣсколько лучшихъ, по мнѣнію китайцевъ, ихъ статей? Матеріалу достанетъ хоть на нѣсколько томовъ, но кто будетъ читать ихъ?

Все это также относится и къ стихотвореніямъ, которыя во многихъ сборникахъ и помѣщаются вмѣстѣ съ прозой; но если прозаическіе morceaux наполняютъ иногда все-таки по нѣскольку страницъ, то стихи, особливо стихи собственно, состоящіе изъ 5 или 7 гіероглифовъ съ риѳмами и извѣстными метрическими условіями, часто заключаются только въ четырехъ строкахъ и рѣдко переходятъ страницу. Тѣмъ болѣе невозможно перечислить ихъ, какъ и передать имена и біографіи поэтовъ. Вся бѣда въ томъ, что если мы знаемъ и высоко цѣнимъ мелкія стихотворенія Пушкина, Некрасова, Кольцова, то у китайцевъ поэты являлись на пространствѣ двухъ тысячъ лѣтъ; ихъ были тысячи. Конечно, можно бы было удовольствоваться именами такихъ поэтовъ, какъ Сы-ма-Сянъ-жу, Ду-фу, Ли-тай-бо, Су-дунъ-по и проч., но чтобы сдѣлать выборъ и изъ нихъ, не основываясь на чужихъ словахъ, надобно углубиться въ болѣе подробное и спеціальное изученіе, котораго мы не могли на себя принять. Свѣдѣнія объ этихъ поэтахъ и ихъ стихахъ можно найти въ изданіяхъ европейскихъ ученыхъ, но мы уже сказали, что не намѣрены приводить здѣсь выписки и ссылаться на другихъ.

Есть особый родъ стихотвореній, которыя принято называть поэмами (фу); главное ихъ отличіе отъ стиховъ заключается въ томъ, что онѝ, имѣя своеобразный метръ, могутъ не стѣсняться риѳмами и не всегда строго соблюдаютъ равное количество словъ, обыкновенно четныхъ въ каждомъ стихѣ; это какъ бы наши бѣлые стихи; при множествѣ мелкихъ, какъ и стихи, отрывковъ въ этомъ родѣ, находится и множество крупныхъ. Стихи—какъ бы внутреннее выраженіе понятія о предметѣ; поэма, напротивъ, выраженіе впечатлѣнія отъ внѣшнихъ предметовъ. Однимъ изъ первыхъ произведеній въ этомъ родѣ считается поэма о двухъ столицахъ («Лянъ-ду-фу»), знаменитаго Бань-гу. Тутъ описывается споръ о томъ, которая столица превосходнѣе: старая (Чанъ-ань—западная), или новая (восточная). Каждый выставляетъ на видъ произведенія, положеніе, выгоды защищаемой ихъ стороны. Изъ этого одного уже видно, что поэма имѣетъ дидактическое или описательное значеніе. Таково и изданное въ Европѣ описаніе Мукденя, манчжурской столицы («Шэнъ-цзинъ-

фу»), принадлежащее императору Цянь-луну, въ прошломъ столѣтіи, или описаніе разрушеннаго англо-французскихъ войсковъ Юань-минъ-юаня, загороднаго пекинскаго дворца. Есть множество другихъ въ этомъ родѣ описаній, путешествій или даже дипломатическихъ сношеній съ иностранцами (напр. «Суй-фу-цзи-лё», Суна), хотя они и не носятъ опредѣленнаго названія фу. Есть даже романы, писанные стихами («Цзинь-шанъ-хуа»—цвѣтокъ на парчѣ; «Дзай-шэнъ-юань»—исторія перерожденія; «Лай-шэнъ-фу»—принесенное съ рожденіемъ счастіе и проч.), но игнорируемые китайскими учеными не только за сюжетъ, но и за тривіальный языкъ. Но, кромѣ того, въ поэмахъ этого рода воспѣваются еще и жертвоприношенія въ храмахъ, и пашни (поля?), охота, походы, путешествія (прогулки), дворцы, рѣки, океаны, животныя, выпаденіе снѣга, печаль, уединеніе, сочиненія, ораторіи, чувство, и проч. Слѣдоватально, это тоже и лирика. Впрочемъ дидактическая поэзія встрѣчается иногда и въ стихахъ, или, лучше сказать, есть многіе учебники, излагаемые стихами неопредѣленнаго названія —таковъ очень извѣстный и переведенный почти на всѣ языки «Сань-цзы-цзинъ»—трехбуквенный цзинъ--коротенькая энциклопедія, первая книга, даваемая начинающимъ учиться. Такова же и слѣдующая за «Сань-цзы-цзиномъ» въ школѣ книга «Цянь-цзы-вэнь» — литературный фортель, въ которомъ тысяча ни разу не повторяющихся гіероглифовъ поставлены въ такой связи, что имѣютъ тоже энциклопедическій смыслъ. Уже первое предисловіе къ «Ши-цзину» въ толкованіяхъ Мао-чэня, также написано стихами.

Замѣтимъ еще объ одной особенности поэмъ фу: онѣ почти всегда имѣютъ въ виду предисловіе, написанное слогомъ, отличнымъ отъ самой пьесы, слогомъ мѣрной прозы, гдѣ объясняется поводъ къ составленію пьесы или даже предпосылается краткое изложеніе ея содержанія. Такое предисловіе мы находимъ и въ мелкихъ пьесахъ, какъ, напримѣръ, въ поэмѣ «Юань-минъ-юань», состоящей изъ описанія отдѣльныхъ мѣстностей, видовъ, зданій, прудовъ и проч.; передъ каждой пьесой находится объясненіе.

Да и вообще стихи и поэмы рѣдко издаются безъ примѣчаній и толкованій, какъ на слова, такъ и на мысли или намеки на исторію, миѳологію и проч. Часто авторы и сами озабочиваются составленіемъ такихъ комментаріевъ; да и какъ же иначе! Императоръ Цянь-лунъ, напримѣръ, начинаетъ свое стихотвореніе словами: Са-на; кто же понялъ бы, что онъ хочетъ сказать: Амурсана (извѣстный цзюнгарскій князь), еслибъ онъ не потрудился объяснить.

XV. Народная литература.—Драма, повѣсть и романъ.

Мы доходимъ, наконецъ, до той отрасли литературы, которая у насъ всего болѣе изъявляетъ притязанія на названіе изящной литературы и, увы! находится въ полномъ пренебреженіи у китайцевъ, такъ что всѣ такія книги и сочиненія не находятъ себѣ даже мѣста въ ученыхъ каталогахъ, и потому трудно опредѣлять какъ ихъ происхожденіе, такъ и авторовъ. Хотя имена многихъ изъ послѣднихъ и извѣстны, но иногда вымышленныя, потому что авторъ стыдится даже признаться, что онъ занимается такими, по мнѣнію китайскихъ педантовъ, пошлостями. Біографіи другихъ тоже трудно отыскать. Китайскій ученый съ трудомъ сознается даже, что онъ читалъ извѣстныя драмы или романы, хотя и навѣрно читалъ, потому что нельзя же, живя среди народа (въ Китаѣ аристократія не имѣетъ значенія), не сочувствовать тому, что его интересуетъ. Только классическій педантизмъ развиваетъ подобное выдѣленіе интеллигенціи изъ народа, несочувствіе къ его радостямъ и горю. Китайскій педантъ опирается на тривіальность языка, на нелѣпость сюжета; но въ этомъ случаѣ ему-то именно и слѣдовало-бы позаботиться о томъ, чтобы возвысить народную литературу и чрезъ нее народную жизнь. Между тѣмъ правительство поддерживаетъ такое разъединеніе; чиновникъ, появившійся въ народномъ театрѣ, подвергается преслѣдованію закона даже болѣе чѣмъ въ домѣ проституціи. Такимъ образомъ народная литература остается безъ поддержки, безъ улучшенія. А народъ, между тѣмъ, съ жадностью посѣщаетъ театры; почти каждая сколько-нибудь значительная деревня приглашаетъ хотя разъ въ году труппу (въ Пекинѣ въ наше время было 13 театровъ, а труппъ актеровъ до 150; онѣ поддерживаются именно переходомъ изъ мѣста въ мѣсто),—театры тоже не имѣютъ исключительныхъ труппъ, а сегодня играетъ одна, завтра другая.

Этотъ антагонизмъ станетъ понятнымъ, если мы обратимъ вниманіе на то, какъ ревниво оберегаетъ конфуціанство захваченную имъ власть надъ умами; оно какъ будто не религія, а между тѣмъ никакая религія не съумѣла показать и доказать, что можно держать народъ двѣ тысячи лѣтъ въ замкнутомъ кругу извѣстныхъ идей. Въ классическихъ книгахъ нѣтъ ни драмъ, ни романовъ (въ толкованіяхъ на «Чунь-цю» Цзо-цю-мина однакожъ много легендарнаго), слѣдовательно это пустая, безнравственная литература (и они сдѣлали ее дѣйствительно безнравственной). Но кромѣ того, надобно отыскивать въ этомъ случаѣ болѣе сокровенныхъ, безсознательно даже, но враждебно дѣйствующихъ пружинъ. Какъ конфуціанцы, гдѣ ужъ нельзя бороться (потому что театръ есть и у богдохана), такъ и защит-

ники драмы, чтобъ укрѣпиться, равно полагаютъ, что театръ есть продолженіе и развитіе классическихъ временъ и нравовъ. Въ «Ши-цзинѣ» неоднократно говорится о пантомимахъ, «Лунь-юй» далъ поводъ его толкователямъ объяснить ихъ устройство въ подробности—намъ кажется, что это были вовсе не пантомимы съ какими-то алебардами и крыльями, а просто такъ свойственныя всѣмъ первобытнымъ народамъ пляски. Китайцы вѣдь не понимаютъ ѣзды тройкой, четверкой или шестерней, какъ упоминается въ «Ши-цзинѣ». Но отъ танцевъ до театральныхъ представленій еще довольно далеко, и ничто не указываетъ, что настоящій театръ былъ извѣстенъ въ древности. Появленіе его приписывается только или концу династіи Суй, или танскимъ временамъ; во всякомъ случаѣ, значитъ, не ранѣе конца второй половины шестого вѣка нашей эры. Но въ это время Китай вошелъ въ тѣсное знакомство съ Западомъ, и такъ какъ только о царствованіи Сюань-цзуна (въ 720 г.) говорится, что онъ ввелъ музыку и пѣніе, распространенныя въ нынѣшнемъ Туркестанѣ и Индіи, то можно предположить, что всѣ такъ-называемыя драматическія пьесы, состоящія изъ речитатива и пѣсни, распространялись со временъ суйской династіи въ народѣ. Правительство всегда узнаётъ позже о томъ, что̀ изобрѣтаетъ народъ; мы знаемъ, что книгопечатаніе принято было правительствомъ только въ десятомъ вѣкѣ, а въ народѣ уже давно ходили печатныя книги. Слѣдовательно, если даже не допускать прямаго знакомства съ греческимъ образованіемъ и греческой славой, воспоминаніе о которыхъ даже донынѣ сохранилось въ Туркестанѣ, мелкіе владѣтели котораго производятъ себя отъ Александра Македонскаго, то все-таки знакомство съ драмой пришло черезъ Индію, которая уже воздѣйствовала на Туркестанъ. Но конфуціанство именно всего болѣе оказывалось враждебнымъ всякому иностранному вліянію. Разъ оно почти совсѣмъ смогло отъ него освободиться. Это при первомъ завоеваніи западныхъ странъ во времена ханьской династіи; но затѣмъ оно принуждено было уступить преобладанію буддизма; теперь западное вліяніе является въ болѣе невинной формѣ—въ видѣ забавы, но можетъ быть пострашнѣе буддизма, потому что тотъ привлекаетъ только недѣлимыхъ, а театръ всѣхъ (посмотримъ, какъ-то конфуціанство съумѣетъ устранить европейскую науку, а что оно пока не хочетъ признать ее наукой—это вѣрно).

Можетъ быть и романъ, выработавшійся изъ повѣсти, которая въ свою очередь развилась изъ легенды, тоже отдаленно родственъ или одолженъ своимъ происхожденіемъ внѣшнему импульсу. Мы говорили уже, что, съ открытіемъ западнаго края, появилось въ даосизмѣ много легендъ о чужихъ странахъ. Но, съ другой стороны, какъ въ драмѣ, такъ и романѣ китайцы не были простыми подра-

жателями; въ націи по сю пору не погибъ духъ самостоятельности; на все чуждое и пришлое она смотритъ своими глазами, все перерабатываетъ по-своему—вотъ почему сюжетъ драмъ и романа является въ китайскомъ духѣ, выражаетъ китайское міросозерцаніе. Въ повѣсти «Морской рынокъ» (изъ Ляо-чжай), студентъ попадается на островъ, обитаемый драконами; царь ихъ восторгается его хріей, его пѣніемъ, выдаетъ за него свою дочь. Развѣ это не выраженіе китайской самоувѣренности, что китаецъ вездѣ долженъ быть чествуемъ? Танскій Сюань-цзанъ путешествуетъ по западнымъ странамъ для собиранія буддійскихъ книгъ—романъ сейчасъ дѣлаетъ его героемъ, наполняя его путешествіе чудесными разсказами.

Впрочемъ ученые китайцы оказываютъ свое снисходительное вниманіе тѣмъ народнымъ піесамъ, которыя отличаются хорошимъ языкомъ. Такъ изъ драмъ у нихъ всего болѣе уважается «Си-сянъ-цзи», исторія западнаго флигеля *). Да если сличить, кромѣ языка, сюжетъ и ходъ дѣйствія съ нашими лучшими операми, текстъ и самыя пѣсни—объ исполненіи со стороны музыкальной и голосовой мы не говоримъ, на то у китайцевъ свой вкусъ—едва ли найдется и въ Европѣ много такъ обработанныхъ піесъ.

Вдова министра, по смерти его, возвращается съ его гробомъ на родину въ сопровожденіи своей дочери; по дорогѣ останавливаются въ одной изъ кумирень, которыя всегда служатъ лучшимъ, чѣмъ гостинницы, пріютомъ путешественникамъ; для пріема гостей въ монастырѣ всегда есть особенныя комнаты. Наша вдова занимаетъ западную часть. Въ это время молодой баккалавръ тоже приходитъ въ кумирню для прогулки, и смотря случайно сквозь двери, видитъ проходящую дочь, поражается ея красотой, рѣшается самъ поселиться въ кумирнѣ, за стѣной сада, принадлежащаго къ помѣщенію красавицы. Вдругъ сильный разбойникъ, узнавъ о проѣздѣ вдовы, ея богатствѣ и красотѣ дочери, окружаетъ монастырь и требуетъ выдачи послѣдней за него замужъ. Вдова въ отчаяніи объявляетъ, что если кто спасетъ ихъ, то она выдастъ за того дочь свою замужъ тотчасъ. Вызывается нашъ баккалавръ: у него въ окрестностяхъ есть другъ, командующій правительственными войсками, онъ посылаетъ къ нему записку (сцена монаха, взявшагося передать эту записку въ лагерѣ разбойниковъ, ведется съ большимъ искусствомъ), тотъ является и освобождаетъ. Но теперь вдова раскаявается въ своемъ обѣщаніи, она представляетъ баккалавра своей дочери не какъ жениха, а какъ брата (также точно поступаетъ госпожа Хань въ другой пьесѣ Чоу-мѣй-сянъ-сы, см. Théâtre Chinois, par. Bazin, съ Бэй-минь-чжоуномъ, хотя еще мужъ ея выбралъ его женихомъ). Но тутъ-то и разыгрывается драма: оба влюбленные сперва страдаютъ, поютъ, а потомъ находятъ средство видаться. Тогда мать поневолѣ уже соглашается, и слава Богу, что драма оканчивается только изъявленіемъ согласія, не изображаетъ, какъ баккалавръ получаетъ въ столицѣ званіе доктора, вѣрно чжуанъ-юань'я, какъ сыграна свадьба. А между тѣмъ многіе китайцы считаютъ эту пьесу неоконченной, для нихъ не худо бы, еслибъ на сцену вышли дѣтки и внучки (какъ, напр., въ „Хэ-хань-шань“ — Сличенной рубашкѣ, la Tunique confrontée, въ томъ же Théâtre Chinois).

*) Она переведена Ст. Жюльеномъ.

Въ Европѣ переведено уже не мало китайскихъ пьесъ, хотя запасъ ихъ далеко не исчерпанъ, да и пьесы въ Китаѣ продолжаютъ появляться новыя. Какъ и въ Европѣ, въ Китаѣ умѣютъ также изъ исторіи и романа составлять драму. Такъ передѣланы и «Сань-Гочжи» —исторія троецарствія, и «Хунъ-лоу Мэнъ»—Сонъ въ красномъ теремѣ.

Составленіе повѣстей началось въ давнее время. Уже Лю-сян'у, разбиравшему классическія книги предъ началомъ нашего вѣка, приписывается исторія знаменитыхъ святыхъ («Лѣ-сянь-чжуань»), въ началѣ 4-го вѣка является «Соу-шэнь-цзи», исторія духовъ, родъ миѳологіи. Во времена династіи Сунъ появляется огромный сборникъ («Тай-пинъ Гуанъ-цзи»), извлеченный изъ существовавшихъ уже книгъ о духахъ, чертяхъ, кудесникахъ и проч. Но большимъ уваженіемъ по изяществу языка и сжатости изложенія пользуются удивительныя повѣсти, составленныя въ домѣ Ляо-чжай («Ляо-чжай-чжи»). Мы уже упомянули о «Морскомъ рынкѣ», помѣщенномъ въ этомъ сборникѣ (пять другихъ разсказовъ помѣщены въ 1-мъ томѣ моей хрестоматіи). Замѣчательно, что между различными вѣрованіями китайцевъ особенное мѣсто занимаетъ вѣра въ оборотня. Онъ является въ видѣ красивой женщины (а иногда и красавицы) и вступаетъ въ связь съ человѣкомъ; развязка не всегда одинакова. Но главное: этотъ оборотень—кто бы выдумали?—наша куроворовка лиса; такъ изъ эзоповыхъ басенъ она повысилась въ рангѣ на востокѣ, и по заслугамъ! она вѣдь живетъ въ легендахъ міра такъ давно. Китайцы приписываютъ свойства оборотня именно старой лисѣ.

Повѣсти переходятъ въ романъ. «Шуй-ху-чжуань» наполненъ еще чудесами и разбойниками, но и самый лучшій романъ «Хунъ-лоу-мэнъ»—Сонъ въ красномъ теремѣ,—произведеніе прошлаго столѣтія, приписываемое даже будто бы одному изъ пекинскихъ княжескихъ дворцовъ, основанъ на подкладкѣ чудеснаго.

Бао-юй, герой романа, красавецъ, и то умный, то взбалмошный, то добрый, то злой, есть не кто другой, какъ тотъ лишній камень, который не пошелъ въ дѣло у Нюй-ва (см. выше, стр. 542), когда она подпирала обрушившійся сводъ неба. Обиженный предпочтеніемъ другимъ, теперь онъ и странствуетъ по различнымъ перерожденіямъ и много за него пролито слезъ, много онъ надѣлалъ горя. Бао-юй родится съ камнемъ во рту, въ богатомъ, благоустроенномъ домѣ, населенномъ многочисленнымъ родствомъ; тутъ живетъ и назначенная ему невѣста, умная, сдержанная Ванъ, но онъ больше расположенъ къ болѣзненной своей кузинѣ Линь, болѣе симпатичной и также къ нему неравнодушной; однакожъ дѣло оканчивается такъ, что Бао-юй бросаетъ свой талисманъ, тотъ камешекъ, который его оберегаетъ, и впадаетъ въ безуміе. Издали показываются хошанъ (буддійскій монахъ) и даосъ, представители двухъ враждебныхъ религій, но въ народныхъ понятіяхъ, какъ показываетъ и романъ, соединенныхъ неразрывной связью, потому что какъ та, такъ и другая указываютъ на невѣдомый міръ. Хошанъ и даосъ—не простыя существа, они знаютъ, что дѣлаютъ, и увлекаютъ Бао-юй'я, который такимъ образомъ исчезаетъ.

Вотъ главная канва романа. Но если вы хотите познакомиться съ китайской жизнію, до сихъ поръ поръ для насъ замкнутою въ высшихъ сферахъ, то только и можете получить свѣдѣнія изъ романа, и притомъ въ родѣ настоящаго. Вы узнаете простую мирную жизнь, какъ сходятся кружки знакомыхъ, какъ они разговариваютъ или угощаются, напримѣръ, встрѣчаютъ первый снѣгъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такія сцены, напримѣръ, какъ наказаніе Бао-юй'я отцомъ, заставившее весь домъ трепетать и укрощенное только появленіемъ бабушки, передъ которой смиряется разсвирѣпѣвшій отецъ, описаніе приготовленія къ принятію визита отъ одной изъ женъ богдохана, которая не болѣе какъ сестра Бао-юй'я, но для которой теперь нарочно строятся и дворцы и сады, которую и отецъ встрѣчаетъ колѣнопреклоненно—такія сцены не легко изглаживаются изъ памяти.

Языкъ этого романа если и не такой изысканный, какъ языкъ Ляо-чжай'я, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нетривільный, какъ въ другихъ романахъ: это очищенный до изысканности разговорный языкъ, конечно, не всегда понятный для слуха, но и не совсѣмъ ему чуждый. Говорятъ, что когда появился этотъ романъ въ рукописи, списки съ него продавались за дорогую цѣну; потомъ въ печати появилось нѣсколько изданій, и первое является въ такомъ красивомъ изданіи, какого не удостоиваются другія книги, печатаемыя для народа. И притомъ лучшей рекомендаціей впечатлѣнія, произведеннаго этимъ романомъ, можетъ служить то, что на него явились особые подражанія подъ названіемъ: пополненія, продолженія, надбавки, разгадки, надставки на «Сонъ въ красномъ теремѣ».

Какъ на самый безправственный романъ, китайцы указываютъ на «Цзинь-пинъ-мѣй»—Роза въ золотомъ кувшинѣ — названіе, составленное изъ гіероглифовъ въ именахъ трехъ женщинъ, дѣйствующихъ въ романѣ: Пань-цзинь-лянь, Ли-пинъ-эръ и Чунь-мѣй. Педанты только качаютъ головой при этомъ названіи романа, но вѣроятно ни одинъ не пропустилъ случая съ нимъ познакомиться; для насъ онъ также раскрываетъ внутреннюю жизнь китайца, ту чувственную и грязную сторону, которая вызвала ихъ составлять такъ-называемыя весеннія картинки, имѣть которыя не прочь и европейскіе старички, читавшіе въ свое время Фоблаза, нынѣ восхищающіяся Золà.

Съ веселой пирушки, на которой не мало было отпущено остротъ даже на счетъ кумировъ, возвращается Си-мынь-цинъ, зажиточный буржуа въ Шань-дунѣ, къ себѣ домой. По дорогѣ его щелкаетъ по носу дверная занавѣска, онъ осматривается и видитъ красавицу Пань-цзинь-лянь, жену продавца шао-биновъ (булки, посыпанныя кунжучнымъ сѣменемъ), не очень-то нравящагося своей женѣ, которая разъ уже пробовала было соблазнить его брата. Си-мынь-цинъ употребляетъ всѣ средства съ ней познакомиться; отыскивается помощница, разумѣется, не даромъ. Она устраиваетъ свиданіе у себя на квартирѣ, приглашаетъ обѣдать и, по ея наущенію, Си-мынь-цинъ роняетъ подъ столъ палочки, которыми ѣлъ, бросается поднимать, но въ это время жметъ маленькія ножки красавицы; неудовольствія

не изъявлено, и дѣло пошло на ладъ. Весь городъ уже знаетъ, кромѣ, какъ и у насъ водится, мужа, но въ Китаѣ на этотъ разъ существуютъ уличные мальчишки: они распѣваютъ пѣсенки, насмѣхаются надъ мужемъ, тотъ открываетъ глаза, бросается дома на Си-мынь-цина, но тотъ даетъ ему такого пинка, что онъ отдаетъ Богу душу. Приходится отплачиваться отъ у-цзо, свидѣтельствующихъ трупы умершихъ, чтобъ узнать, умерли ли они своей смертью. Не лишена юмора сцена, когда отпѣваютъ покойника хошаны и является неутѣшная вдова, которая приводитъ въ смущеніе отказавшихся отъ міра отшельниковъ; они перевираютъ слова, а молодой хошанъ, вмѣсто того, чтобъ ударить въ тактъ по колотушкѣ, бьетъ по лысинѣ своего настоятеля. Наконецъ, Пань-цзинь-лянь стала женой Си-мынь-цина, у котораго первая жена уже умерла, но есть вторая, старше новой, послѣ будутъ еще двѣ. Какъ-то они уживутся; у всякой будетъ своя прислуга, свое помѣщеніе, у каждой и свое имущество на свои частные расходы. Китайцы не осуждаютъ многоженства; впрочемъ, нѣкоторыя повѣсти и романы восхваляютъ удерживающихся; въ хорошо устроенномъ домѣ всѣ живутъ согласно, собираются вмѣстѣ, чтобъ коротать скуку; нужно только, чтобъ мужъ не отдавалъ предпочтенія одной предъ другою, поочередно переходилъ отъ одной къ другой...

Но Си-мынь-цинъ вскорѣ завязываетъ новую интригу: онъ видитъ жену своего друга, который испиваетъ; это облегчаетъ ему доступъ. Но вдругъ ему угрожаетъ напасть. Дѣйствіе происходитъ въ началѣ 12-го вѣка. Визирь Цай-цзинъ, къ которому прежде ѣздилъ на поклонъ Си-мынь-цинъ съ богатыми, нарочно заказанными лучшимъ мѣстнымъ мастерамъ, подарками, чтобъ заручиться его расположеніемъ, вдругъ подвергается опалѣ. Цензоръ, указавшій на его злоупотребленія, поименовываетъ, въ числѣ его креатуръ, и Си-мынь-цина. Тутъ не до любовныхъ интригъ, нашъ герой съеживается, ведетъ себя тише воды, ниже травы. Но и на этотъ разъ бѣда миновала; Си-мынь-цинъ снова оживаетъ; и вдругъ къ крайней досадѣ узнаётъ, что овдовѣвшая за это время Ли-пинъ-эръ, видя, что о ней не вспоминаетъ Си-мынь-цинъ, вступаетъ въ связь съ однимъ фармацевтомъ, даетъ ему деньги на заведеніе аптеки. Си-мынь-цинъ отправляется въ отдаленную часть города, гдѣ проживаютъ своего рода banditti—по-китайски свѣтлыя палки, по нашему мѣдные лбы. И вотъ двое изъ нихъ являются въ лавку фармацевта, здороваются, какъ старинные пріятели, хотя онъ ихъ и въ глаза не видывалъ; одинъ напоминаетъ, что пора бы отдать старый должокъ, фармацевтъ выпучиваетъ глаза. Вотъ какъ! Теперь разбогатѣлъ, такъ и знать насъ не хочешь, забылъ благодѣяніе. Слово за слово, начинается потасовка, идутъ въ судъ. У мнимаго кредитора есть свидѣтель; безпристрастный судья рѣшаетъ по совѣсти, что бѣдный сѣрый кафтанъ въ обидѣ, и приговариваетъ фармацевта къ уплатѣ и къ наказанію на память бамбукомъ. Послѣ этого Ли-пинъ-эръ не хочетъ уже болѣе имѣть дѣла съ такимъ срамникомъ и переходитъ къ Си-мынь-цину. Далѣе продолжать не будемъ, но укажемъ еще на сцену, представляющую описаніе знаменитаго фонарнаго праздника. Си-мынь-цинъ умираетъ отъ истощенія, когда у него выходятъ всѣ пилюли, данныя нѣкогда однимъ хошаномъ—и то хорошо, вотъ чѣмъ занимаются духовные!

Но есть романы еще погрязнѣе «Цзинь-пинъ-мѣй'я». Напримѣръ, хотя бы «Пинь-хуа-бао-цзянь»—драгоцѣнное зеркало, взвѣшивающее цвѣты. Сюжетъ его, относящійся къ извѣстнымъ азіятскихъ нравамъ, которые впрочемъ извѣстны изъ нашихъ классическихъ книгъ и нашимъ юношамъ (смотри хоть жизнеописаніе Алкивіада у Корнелія Непота), конечно, не можетъ быть разсказанъ, но тамъ много еще

болѣе интересныхъ сторонъ китайской жизни; тамъ, кромѣ богатыхъ палатъ, мы знакомимся и съ самыми бѣдными хижинами, съ грязными лавчонками и нравами, чувствами, стремленіями ихъ обитателей.

Вообще намъ кажется, что дѣйствительную жизнь и настоящій взглядъ на нее китайцевъ можно узнать не по собственнымъ наблюденіямъ—до этого еще далеко, потому что европейцу не возможно заглянуть во всѣ ея уголки – не по конфуціанскимъ книгамъ, которыя развѣшиваютъ жизнь человѣка по часамъ и днямъ. Только романъ, даже не драма, потому что она не можетъ дать тѣхъ же подробностей, знакомитъ насъ вполнѣ съ этой жизнью. Изъ этой презираемой китайцами литературы мы можемъ смѣло внести выписки въ свои учебники (разумѣется, будущіе) о Китаѣ.

Въ Европѣ переведено не мало китайскихъ романовъ: «The forfortunate union» («Хао-цю-чжуань»—исторія славной четы), «Les deux Cousines» («Юй-ця-оли»), «Blanche et Bleu»—и проч. Но едва ли эти романы, до-нельзя вычурные, выражаютъ собой дѣйствительную китайскую жизнь.

Китайцы имѣютъ и историческій романъ; почти вся исторія Китая, вплоть до минской династіи, представлена въ различныхъ книгахъ. «Кай-пи-янь-и» обнимаетъ время отъ сотворенія міра до династіи Чжоу; «Лѣ-го» и «Циго-янь-и», «Чжань-го»—обнимаютъ исторію послѣдней и т. д. Всѣ эти исторіи, основанныя въ главныхъ чертахъ на дѣйствительной, только сглаживаются дополненіями фантазіи тамъ, гдѣ не достаетъ фактовъ, и болѣе понятнымъ изложеніемъ. Болѣе всѣхъ изъ нихъ однакожъ знаменита исторія троецарствія («Сань-го-чжи»—соч. Мао-шэнь-тай'я), единогласно уважаемая за искусство разсказа и красоту слога. И не мудрено, что она привлекательна, потому что китайцу кажется, что она выражаетъ весь его геній—выше всего онъ ставитъ искусство, хитрость, соединенныя съ мудростью, а тутъ является Чжу-гэ-лянъ, котораго, благодаря можетъ быть этому роману, никто еще не превосходилъ.

Нашъ бѣглый очеркъ китайской литературы представляется въ нашихъ собственныхъ глазахъ и исповѣдью и отповѣдью тѣмъ болѣе, что, можетъ быть, это послѣдній нашъ трудъ, появляющійся въ печати. Мы желали бы сказать, и думаемъ, что могли бы сказать гораздо болѣе, если бы заранѣе ожидали запроса на нашъ трудъ... Теперь пришлось передавать торопливо, что нашлось у насъ подъ руками, прибѣгать даже къ ставшей уже измѣнять памяти. Но тѣхъ, которые никогда ничѣмъ не бываютъ довольны въ своей критикѣ, не задумывающейся ни передъ какими трудами, мы просимъ обратиться къ написанному

здѣсь нами и пробѣжать мысленно то огромное море китайской литературы, котораго границы мы хоть нѣсколько начертили. Возможно ли единичной силѣ, закинутой въ совершенно несочувственный міръ, работать безъ средствъ и надежды, что трудъ не пропадетъ, не останется въ рукописи, которая по смерти автора достанется макулатурѣ? Притомъ насъ занимала въ жизни не одна только литература....

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ДРЕВНЕЙ АРМЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

К. П. Патканова.

Къ ближайшему ознакомленію съ армянской писменостью вообще могутъ служить приводимыя ниже изданія, между которыми первое мѣсто, какъ по времени, такъ и по достоинству, занимаетъ:

Quadro della Storia letteraria di Armenia, estesa da Monsign. Placido Sukias Somal, Arcivescovo di Siounia ed abbate generale della Congregazione dei monaci armeni Mechitaristi di St. Lazzaro. Venezia, 1829.

Versuch einer Geschichte der armenischen Literatur, nach den Werken der Mechitaristen frei bearbeitet von C. F. Neumann. Leipzig, 1836.

Бѣглый взглядъ на исторію гайканской литературы до конца XIII столѣтія, ст. Назарьянца (въ „Ученыхъ Запискахъ Казанск. Университета" за 1844 г., стр. 46—95).

Обозрѣніе гайканской писмености въ новѣйшія времена, ст. Назарьянца („Учен. Зап. Казанск. Университета" за 1846 г., кн. II, стр. 1—158).

Beiträge zur Armenischen Literatur von C. F. Neumann. I. Lieferung. München, 1849.

Исторія армянской литературы (на армянскомъ языкѣ), I. Катырджіана Вѣна. 1851.

Catalogue of all works known to exist in the Armenian language of a da te earlier than the seventeenth century, by Rev. H. G. Dwight (въ „Journal of American oriental Society", III Vol. Numb. II. New-York, MDCCCLIII).

Catalogue de la littérature arménienne depuis le commencement du IV-e siècle jusque vers le milieu du XVII-e, par M. K. Patkanian (1860. „Bullet. de l'Acad. de St.-Pétersb.", t. II, 44—91).

Исторія древней армянской литературы (на армянскомъ языкѣ), Гарегина З. Венеція, 1865.

Того-же автора и также на армянскомъ языкѣ: Исторія новой армянской литературы. Венеція, 1878.

Report on Armenian, by Prof. Hübschmann (въ годовомъ отчетѣ Филологическаго Общества, читанномъ г. Свитомъ (H. Sweet Esq.). См. Transactions of the Philol. Society, 1877—1879, London).

Bibliographia Causasica et Transcaucasica. Составилъ М. Міансаровъ. С.-Петербургъ. 1874—1876. Стр. 424—561.

Большая часть перечисленныхъ нами изданій составляетъ болѣе или менѣе удачную передѣлку перваго изъ названныхъ нами трудовъ—арх. Сомала, писавшаго за 50 лѣтъ, когда еще интересъ къ армянскому языку и его литературѣ, за малымъ исключеніемъ, не былъ возбужденъ въ ученомъ мірѣ. Съ тѣхъ поръ область изученія армянскаго языка значительно расширилась. Успѣхи, сдѣланные въ послѣднее время сравнительнымъ языкознаніемъ, не остались безъ вліянія на судьбу армянскаго языка, изслѣдователями котораго въ лингвистическомъ отношеніи явились исключительно нѣмецкіе ученые. Разборъ лексическаго состава и флексій доказалъ, что армянскій языкъ въ кругу индо-европейскихъ занимаетъ среднее мѣсто между группами иранскою и славяно-литовскою. Меньше вниманія было обращено въ Германіи на историческую литературу армянъ. При всемъ томъ, труды Неймана, Петермана, Вельте, Лауера, Гудшмита доказываютъ, что и въ Германіи существуетъ нѣкоторый интересъ къ армянской исторической литературѣ.

Изъ природныхъ русскихъ никто спеціально не занимался армянскимъ языкомъ, и существующіе 11-ть переводовъ армянскихъ историковъ на русскій языкъ сдѣланы исключительно армянами. Въ Россіи читающая публика относится съ особеннымъ равнодушіемъ ко всему, что̀ касается языка, исторіи и литературы армянъ. Довольно естественно, если такъ-называемая большая публика мало обращаетъ вниманія на спеціальныя изслѣдованія въ области литературы, не имѣвшей всемірно-историческаго значенія; но въ каждомъ государствѣ существуетъ извѣстный кругъ публики съ болѣе обширнымъ образованіемъ, для котораго изученіе быта, исторіи, литературы малоизвѣстныхъ народовъ имѣетъ своего рода занимательность. Къ сожалѣнію, этотъ кругъ у насъ не особенно обширенъ. Даже люди науки и спеціалисты, отъ которыхъ, по роду ихъ занятій, можно бы было ожидать бо̀льшей любознательности, относятся съ такимъ безучастіемъ къ этимъ изслѣдованіямъ, что много силы воли, много любви къ труду требуется отъ русскаго армениста, чтобы не охладѣть къ предмету своихъ занятій...

Больше чѣмъ гдѣ нибудь посчастливилось историкамъ армянскимъ во Франціи, гдѣ, съ начала столѣтія и до настоящаго времени, не прерывался цѣлый рядъ знатоковъ армянскаго языка, между которыми особенными заслугами, оказанными армянской литературѣ, отличались покойный Сенъ-Мартенъ и членъ французскаго Института, профессоръ Дюлорье. Извѣстный уже многими критическими статьями по литературѣ и древностямъ армянскимъ, Дюлорье въ 1856 году заявилъ о новомъ своемъ предпріятіи, состоявшемъ въ изданіи переводовъ всѣхъ армянскихъ историковъ по опредѣленно-

му плану и подъ общимъ заглавіемъ: ,,Bibliothèque historique arménienne, ou choix des principaux historiens arméniens, traduits en Français et accompagnés de notes historiques et géographiques—collection destinée à servir de complément aux chroniqueurs byzantins et slavons''. Но этой библіотекѣ не суждено было осуществиться. Напечатавъ, по предначертанному плану, исторію Матѳея Эдесскаго (1858) и армянскую Техническую Хронологію, Дюлорье прекратилъ свое изданіе по неизвѣстной причинѣ. Между тѣмъ Академія поручила ему изданіе въ свѣтъ части документовъ, относящихся до исторіи крестовыхъ походовъ, и Дюлорье посвятилъ много лѣтъ приготовленію къ печати громаднаго фоліанта, который появился въ 1869 году подъ заглавіемъ: Recueil des historiens des Croisades. Documents arméniens, t. I. Въ этомъ громадномъ томѣ (860 стр.) приведены въ текстѣ и въ переводѣ, въ большихъ размѣрахъ, отрывки 19 армянскихъ авторовъ; изъ нихъ нѣкоторые впервые являлись въ печати.

Однако мысль Дюлорье объ изданіи свода армянскихъ историковъ во французскомъ переводѣ не была окончательно покинута. Другой французскій арменистъ, Викторъ Ланглуа, рѣшился осуществить ее, и въ 1867 и 1869 годахъ издалъ, съ помощью другихъ арменистовъ, два большихъ тома переводовъ армянскихъ историковъ подъ общимъ заглавіемъ: Collection des Historiens anciens et modernes de l'Arménie. Каждый переводъ снабженъ отдѣльнымъ предисловіемъ, въ которомъ собрано все касающееся автора и его труда, а также многими объяснительными примѣчаніями. Конечно, не всѣ переводы, помѣщенные въ этомъ изданіи, отличаются вѣрной передачей смысла подлинника и ученою добросовѣстностью. Ланглуа предполагалъ издать еще три тома, всего до тридцати авторовъ въ хронологическомъ порядкѣ. Денежная поддержка, какъ и для первыхъ двухъ томовъ, была ему обезпечена со стороны Нубара-паши, бывшаго въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ у египетскаго хедива. Но третій томъ такъ и не появился. Ланглуа умеръ вскорѣ по изданіи втораго. Тогда Нубаръ-паша и Фирменъ Дидô, для продолженія начатаго предпріятія, остановили свой выборъ на другомъ арменистѣ, Эваристѣ Прюдомѣ, извѣстномъ уже многими переводами съ армянскаго и русскаго языковъ. Дѣло нѣсколько затянулось, а въ 1870 году, въ самый разгаръ франко-прусской войны, скончался и Прюдомъ. Такимъ образомъ хорошо начатое и полезное дѣло прекратилось само собою. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ.

Извѣстный академикъ Броссѐ рѣшился продолжать дѣло, начатое французскими арменистами, но по нѣсколько измѣненному плану. То, чтó его предшественники едва могли, и то только на половину, исполнить съ помощью сотрудниковъ, онъ взялся совершить

одинъ, полагаясь на свое неутомимое трудолюбіе, на любовь и привычку къ подобнымъ занятіямъ. Въ теченіе 1874—1876 годовъ появились два объемистыхъ тома его Collection d'historiens arméniens, въ которыхъ, за исключеніемъ Исторіи Тома Арцруни, X вѣка, и Хронологіи Самуэля Анеци, XII вѣка, помѣщенъ переводъ пяти новѣйшихъ историковъ, послѣдовательно описавшихъ событія 136 лѣтъ, отъ 1600 до 1736 года. Къ сожалѣнію, изданіе Броссè во всѣхъ отношеніяхъ уступаетъ подобнымъ же изданіямъ Дюлорье и покойнаго Ланглуа. Къ числу главныхъ недостатковъ его принадлежитъ неточная передача оригинала и малое знакомство съ новыми армянскими діалектами, выражающееся весьма часто въ недостаточномъ пониманіи словъ простонароднаго языка и выраженій, заимствованныхъ у мусульманъ. Непонятно также, какъ попали подъ обертку Collection d'historiens arméniens записки русскаго офицера, путешествовавшаго по Абхазіи и Кавказу въ 1835 году.

Нѣкоторые изъ армянскихъ историковъ переведены на французскій и итальянскій языки самими армянами, постоянно выказывающими особую страсть знакомить всѣхъ съ своей литературой—черта свойственная народамъ, утратившимъ политическую самостоятельность...

1. Древнѣйшіе остатки армянской письменности. — Первоначальныя сказанія и пѣсни армянъ.

Принадлежа по своему языку къ великой семьѣ арійскихъ народовъ, армяне считаютъ свое историческое существованіе тысячелѣтіями. Даже подъ чуждымъ для нихъ именемъ *армянъ* (сами себя они называютъ байями, а свою страну — Гайастаномъ), они уже извѣстны болѣе 2400 лѣтъ, такъ какъ имя армянъ въ первый разъ встрѣчается въ клинообразныхъ надписяхъ Дарія Гистаспа въ VI вѣкѣ до Р. Х. Нѣтъ сомнѣнія, что они появляются въ исторіи гораздо ранѣе: ассирійскіе памятники говорятъ о жителяхъ Арменіи, *Напри* и *Урарти*, уже въ XII и IX вѣкахъ до Р. Х. Такимъ образомъ они составляютъ одинъ изъ древнѣйшихъ историческихъ народовъ передней Азіи.

На восточномъ берегу Ванскаго озера, въ окрестностяхъ города Вана, въ 1828 году открыты и описаны были Шульцемъ клинообразныя надписи, высѣченныя на скалахъ и камняхъ. Эти надписи не подходятъ ни подъ одинъ изъ видовъ извѣстныхъ до сихъ поръ клинописныхъ системъ, и такъ какъ при нихъ не найдено еще переводовъ на другія системы, то точное содержаніе и смыслъ ихъ пока не опредѣлены. Попытки прочитать ихъ на основаніи сходства многихъ знаковъ съ ассирійскими не увѣнчались особеннымъ

успѣхомъ, хотя и выяснилось, что они высѣчены тѣми царями Урарти и Напри, о которыхъ говорятъ ассирійцы, какъ о властителяхъ Арменіи до VII вѣка до Р. Х. Такихъ царей въ ванскихъ надписяхъ оказалось нѣсколько, и имена ихъ пока читаются такъ: Лутибри, Белитдурисъ, Избуинисъ, Менуасъ, Аргистисъ и др. Надписей ванской системы найдено въ другихъ мѣстахъ Арменіи болѣе 30, такъ что всѣхъ ихъ наберется болѣе 60. До тѣхъ поръ, пока точное чтеніе не опредѣлитъ, на какомъ языкѣ составлены ванскія надписи, ихъ смѣло можно назвать древнѣйшими писмеными памятниками Арменіи. Съ VII столѣтія до Р. Х. и до IV по Р. Х., въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія, мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о томъ, существовали ли въ Арменіи писмо и какія-нибудь записанныя литературныя произведенія.

Первые извѣстные намъ писменые памятники армянской литературы восходятъ только до IV—V столѣтій послѣ Р. Х., когда, подъ вліяніемъ недавняго обращенія въ христіанство, армяне изобрѣли національную азбуку, чтобъ читать св. писаніе на своемъ языкѣ. Но существуютъ достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что и до того времени у армянъ существовала писменость, а въ употребленіи была азбука персидская, иногда греческая и сирійская.

Устная же литература процвѣтала въ древней Арменіи въ значительныхъ размѣрахъ. Вся ея исторія до принятія христіанства заключалась въ историческихъ и религіозныхъ сказаніяхъ и пѣсняхъ, передаваемыхъ изъ рода въ родъ въ теченіе, по крайней мѣрѣ, тысячелѣтія. Это мы видимъ изъ сказаній о царѣ Тигранѣ, слышанныхъ уже Ксенофонтомъ въ Арменіи и дошедшихъ до V столѣтія послѣ Р. Х.

Только небольшіе отрывки этихъ сказаній и пѣсенъ въ первоначальномъ видѣ дошли до насъ въ исторіи М. Хоренскаго. Приведемъ изъ нихъ два-три образчика. Первый отрывокъ касается рожденія Вагагна, сына Тигранова, современника Кира и Астіага:

Въ мукахъ находились небо и земля,
Въ мукахъ находилось и пурпурное море,
И красненькій тростникъ въ морѣ былъ одержимъ муками.
Изъ трубочки тростника выходилъ дымъ,
Изъ трубочки тростника выходило пламя,
А въ пламени бѣгалъ юноша.
У него волосы были огненные,
У него борода была изъ пламени,
А глаза—(два) солнца.

Очевидно, Хоренскій смѣшалъ здѣсь миѳическое изображеніе Веретрагны (Вахагна), утренней зари, съ историческимъ лицомъ, носившимъ тоже имя.

Перенесемся ко II вѣку по Р. Х. Въ это время царствовалъ въ Арменіи Артатесъ, своими административными и военными подвигами стяжавшій народную любовь. А потому еще во времена Хоренскаго, т. е. въ V вѣкѣ, въ народныхъ пѣсняхъ воспѣвались всѣ подвиги его долголѣтняго царствованія. Къ сожалѣнію, Хоренскій извлекъ изъ нихъ одно сухое содержаніе, а въ подлинныхъ словахъ приводитъ только краткіе отрывки, заключающіе въ себѣ разсказъ о побѣдѣ Артатеса надъ аланами и о бракѣ его съ аланскою царевной. Разсказывается, что во время битвы царевичъ аланскій попался къ армянамъ въ плѣнъ. Отецъ его предлагаетъ Артатесу назначить за него выкупъ, и когда тотъ не соглашается взять выкупъ, приходитъ сестра юноши на берегъ Куры, раздѣлявшей два непріятельскихъ лагеря, и съ возвышенія, черезъ переводчика, говоритъ громко Артатесу: «Къ тебѣ рѣчь моя, храбрый мужъ Артатесъ, побѣдитель храбраго народа аланскаго. Согласись возвратить юношу мнѣ, прекрасной дочери алановъ. Не слѣдуетъ героямъ отнимать жизнь у дѣтей другихъ героевъ изъ-за одной мести, или держать ихъ въ качествѣ рабовъ и тѣмъ поддерживать вѣчную вражду между двумя храбрыми народами». Услыша мудрыя рѣчи, Артатесъ подошелъ къ рѣкѣ и, увидавъ красавицу, пожелалъ владѣть ею. Затѣмъ говорится въ пѣснѣ:

Сѣлъ доблестный царь Артатесъ на красиваго вѣрнаго коня,
И, взявъ арканъ изъ красной кожи съ золотымъ кольцомъ,
Орломъ быстрокрылымъ пронесся черезъ рѣку.
Онъ бросилъ арканъ изъ красной кожи съ золотымъ кольцомъ
И обхватилъ станъ дѣвы аланской.
И причинилъ сильную боль стану нѣжной дѣвы,
Увлекая ее быстро въ свой лагерь.
На свадьбѣ Артатеса золото сыпалось дождемъ,
Жемчужный дождь лился на свадьбѣ Сатиники.

Послѣ сороколѣтняго царствованія, Артатесъ умираетъ. Обожавшіе его люди изъ народа, не желая пережить его, говоритъ пѣвецъ, обрекали себя смерти и умерщвляли себя на его могилѣ. Сынъ и наслѣдникъ Артатеса, Арталездъ, видя такое самоистребленіе людей, будто бы обратился къ умершему своему отцу съ упрекомъ:

Уходя, ты унесъ съ собой всю землю (населеніе):
Какъ же мнѣ царствовать надъ развалинами?

и будто Артатесъ, въ гнѣвѣ на жадность и зависть сына, проклялъ его словами:

Когда ты поѣдешь на охоту вверхъ на вольный Масисъ *),
Тебя захватятъ каджи (духи), и увлекутъ тебя вверхъ на вольный Масисъ,
Тамъ будешь ты жить и не увидишь больше свѣта.

*) Масисъ—армянское названіе горы Б. Араратъ.

Есть еще нѣсколько отрывковъ въ такомъ родѣ, которые, впрочемъ, мало прибавляютъ къ нашимъ свѣдѣніямъ объ армянскихъ пѣсняхъ.

II. Географическія особенности Арменіи. — Ея историческія судьбы. — Церковно-христіанскій народной жизни и литературы.

Чтобы вполнѣ понять характеръ армянской литературы, необходимо слегка коснуться географическаго положенія Арменіи и главныхъ моментовъ ея исторіи.

Къ западу отъ Каспійскаго моря, по направленію къ Малой-Азіи, тянется обширная сплошная возвышенность съ равнинами отъ 600—2000 метровъ надъ поверхностью моря, перерѣзанная въ разныхъ направленіяхъ отрогами Кавказскихъ и Таврскихъ горъ. Круто подымаясь къ Черному морю, границы ея образуютъ болѣе или менѣе замѣтные склоны по направленію къ Каспійскому морю и къ Малой Азіи, а въ Месопотаміи окончательно понижаются и сглаживаются. Вслѣдствіе столь возвышеннаго положенія Арменіи, климатъ ея суровъ, зимы продолжительны. Не смотря на то, плодородныя долины, производящія всѣ сорта овощей и плодовъ, не исключая и южныхъ, и изобиліе текущихъ по всѣмъ направленіямъ водъ, дѣлаютъ ее способною къ высшей культурѣ. На высокихъ равнинахъ получаются богатые урожаи хлѣба, а на склонахъ тучныя пастбища питаютъ многочисленныя стада домашняго скота лучшихъ породъ. Въ древности большая часть горъ покрыта была лѣсомъ, а лѣса изобиловали дичью всякаго рода. Изобильные дожди и снѣга, покрывающіе ея горы, даютъ начало четыремъ величайшимъ рѣкамъ передней Азіи, текущимъ попарно по направленію двухъ главныхъ склоновъ: Кура и Араксъ въ Каспійское море, Тигръ и Евфратъ въ Персидскій заливъ. Три большихъ озера: Ванъ, Урмія, Реванъ, и множество мелкихъ озеръ служили къ облегченію взаимныхъ сношеній между сосѣдними мѣстностями этой гористой страны.

Дошедшія до насъ свѣдѣнія о древнѣйшемъ періодѣ исторіи Арменіи весьма скудны. Мы знаемъ только, что вся территорія была раздѣлена на множество крупныхъ и мелкихъ княжествъ, число которыхъ, по разнымъ извѣстіямъ, доходило до 250—400. Этой раздробленности не мало способствовалъ физическій характеръ страны. Горы, прорѣзывающія ее въ разныхъ направленіяхъ, образуютъ множество отдѣльныхъ кантоновъ, изъ которыхъ въ каждомъ жилъ самостоятельный владѣтельный князь, *нахараръ*. Эти нахарары только на время внѣшнихъ войнъ подчинялись избраннымъ изъ среды своей военнымъ вождямъ или предводителямъ. Первоначально они группи-

ровались около двухъ центровъ. На сѣверѣ центръ тяжести лежалъ въ Араратской области по среднему теченію Аракса; на югѣ вокругъ Ванскаго озера и у истоковъ Мурадъ-чая. Ассирійцы называли предводителей сѣверныхъ армянъ царями Урартійскими (Араратъ), а предводителей южныхъ царями Маина (Ванъ). Въ своихъ памятникахъ они говорятъ о многовѣковой упорной борьбѣ съ армянами, кончившейся тѣмъ, что мидійцы въ союзѣ съ князьями Маина овладѣли Ниневіей въ концѣ VII вѣка до Р. Х., и тѣмъ положили конецъ могуществу ассирійцевъ. Мы уже говорили о надписяхъ, оставленныхъ этими царями въ окрестностяхъ Вана и въ другихъ мѣстахъ Арменіи.

Послѣ паденія Ассиріи, армяне въ политическомъ отношеніи подпали вліянію Мидіи, сохранивъ неприкосновенность своего внутренняго устройства и право выбирать общаго предводителя. Затѣмъ, при персахъ, армяне образуютъ отдѣльную сатрапію Даріевой монархіи, выставляя вспомогательное войско и платя персамъ дань. Такъ продолжалось до завоеванія Персіи Александромъ Великимъ и до пареянской династіи.

Какъ до, такъ и послѣ Александра В., Арменія, находясь въ центрѣ образованныхъ народовъ древняго міра, была мѣстомъ, гдѣ до послѣдняго времени происходили столкновенія Востока съ Западомъ. Не смотря на то, Арменія, какъ государство, не играла выдающейся роли въ исторіи человѣчества, и имя ея въ бо́льшей части случаевъ было только географическимъ названіемъ страны, въ которой рѣшали свои споры сильные сосѣды, начиная съ ассирійцевъ и мидянъ и кончая турками и русскими...

Занимая почти столько-же пространства, какъ современная Франція, пользуясь счастливымъ географическимъ положеніемъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями, отъ которыхъ она отдѣлялась лишь узкою полосою земли, Арменія во всѣ времена представляла страну, богатую произведеніями природы. Казалось бы, горы могли вполнѣ оградить ее отъ непріятельскихъ вторженій. Тигръ и Евфратъ служили легкимъ путемъ сообщенія съ Месопотаміей и Персидскимъ заливомъ. Значительная часть индійской торговли до послѣдняго времени шла разными путями черезъ Арменію къ Понту. И при всѣхъ этихъ выгодахъ, при всемъ счастливомъ положеніи, какимъ не пользовалась ни одна страна въ передней Азіи, Арменія, сколько извѣстно, не была родиною самобытной культуры, а жители ея тоже никогда небыли не только завоевательнымъ, но даже надолго и вполнѣ самостоятельнымъ народомъ. Искать причины такого явленія въ перевѣсѣ политическаго могущества сосѣдей не совсѣмъ основательно, такъ какъ эти сильные сосѣди были сначала весьма несильны и сдѣ-

лались могущественными на глазахъ и даже съ помощью армянъ. Почему же сами армяне не могли образовать сильнаго политическаго тѣла, вмѣсто того, чтобъ быть въ вѣчной зависимости отъ сильныхъ сосѣдей и въ подчиненіи у чужеземцевъ? Причина такого явленія лежала главнымъ образомъ въ политическомъ устройствѣ страны и въ характерѣ ея жителей. Было бы несправедливостью утверждать, что армяне лишены были тѣхъ обыкновенныхъ качествъ, которыя встрѣчались у другихъ, болѣе счастливыхъ народовъ. Напротивъ, у нихъ не было недостатка ни въ мужествѣ, ни въ мѣстномъ патріотизмѣ. Но всѣ эти качества съ избыткомъ затемнялись завистью другъ къ другу, отсутствіемъ единодушія и истиннаго патріотизма. По роковой случайности, въ теченіе долгаго историческаго существованія армянъ не явилось той внѣшней связующей силы, которая у другихъ народовъ выражается въ созданіи сильной центральной власти. Вполнѣ лишенные политическаго воспитанія, при которомъ сознаніе высшей государственной цѣли могло бы побудить ихъ поступиться своими частными интересами въ пользу общихъ, господствующій классъ страны, армянскіе князья, сами не были способны вступить между собою въ соглашеніе для достиженія высшихъ политическихъ и гражданскихъ цѣлей... А при такихъ условіяхъ, зависимость Арменіи отъ сосѣдей, организовавшихся въ сильныя государственныя тѣла, была неминуема.

Занявъ мѣсто ахеменидовъ, персидскіе арзакиды должны были вовлечь въ сферу своей политики и Арменію. Чтобъ не имѣть дѣла отдѣльно съ каждымъ, болѣе или менѣе сильнымъ, княжескимъ родомъ, они рѣшились образовать изъ Арменіи особое царство и держать ее въ своемъ подчиненіи посредствомъ вліянія на личность царя. Послѣ долгихъ переговоровъ, они успѣли убѣдить сильнѣйшихъ армянскихъ князей признать своимъ царемъ одного изъ арзакидскихъ принцевъ крови. И такимъ царемъ былъ избранъ, по увѣренію Хоренскаго, Валарсакъ, братъ персидскаго царя, за 150 до Р. X. Въ такомъ видѣ царство армянское должно было находиться въ вассальномъ отношеніи къ персидскому, а царь армянскій считаться вторымъ лицомъ въ персидскомъ государствѣ. Кровное родство правителей двухъ странъ должно было ручаться за общность ихъ интересовъ въ дѣлахъ противъ внѣшнихъ непріятелей, главнымъ образомъ противъ начинавшагося внѣшательства Рима въ дѣла Азіи. Но разсчеты пароянъ оказались не совсѣмъ вѣрными. Созданная ими царская власть была не въ нравахъ тогдашнихъ армянъ и никогда не пользовалась популярностью. Аристократическій элементъ былъ въ Арменіи слишкомъ силенъ, чтобъ дать въ ней утвердиться сильной царской власти.

Первый царь новой династіи, согласно принятымъ имъ условіямъ, утвердилъ за князьями всѣ ихъ права и преимущества. Съ цѣлью привязать ихъ къ себѣ и своему новому для армянъ сану, онъ учредилъ пышный дворъ по образцу персидскаго, и распредѣлилъ почетныя придворныя должности между вліятельнѣйшими изъ князей. Нахарары должны были являться, каждый съ своей дружиной, по первому зову царя и идти на войну въ ту или другую окраину государства.

Въ эту эпоху впервые опредѣлились границы государства, въ составъ котораго, кромѣ земель, населенныхъ племенами армянскаго происхожденія, входили нѣкоторыя грузинскія области на сѣверѣ и весь Курдистанъ на югѣ.

Отношенія между короной и нахарарами въ первыя сто лѣтъ существованія царской власти были довольно нормальны. Договорныя условія, при которыхъ возникла верховная власть, по всей вѣроятности были въ большинствѣ случаевъ соблюдаемы съ обѣихъ сторонъ. По крайней мѣрѣ, нѣтъ свѣдѣній о столкновеніяхъ между ними. Царство армянское представляло въ это время для сосѣдей внушительную силу и не надолго подчинило своему вліянію даже Сирію и Палестину. Извѣстно, какое значительное участіе въ войнѣ Митридата съ Римомъ принималъ родственникъ его Тигранъ, царь армянскій, и въ эту пору дѣла Митридата шли блистательно. Лишившись поддержки Тиграна, царь понтійскій утратилъ большую часть своего могущества. Но такое ослабленіе Митридата имѣло для Арменіи роковыя послѣдствія. Какъ для персовъ, такъ и для Митридата, одинаково важно было поддерживать царскую власть въ Арменіи, хотя и по разнымъ причинамъ. Когда, съ удаленіемъ со сцены Митридата, Арменія вступила въ непосредственное столкновеніе съ Римомъ, слабая сторона царской власти въ Арменіи выказалась въ яркомъ свѣтѣ. Римлянамъ ничего не стоило подкупомъ, интригами, обѣщаніемъ отвлечь князей отъ нелюбимаго царя и тѣмъ сразу обезсилить его. Иначе нельзя себѣ объяснить легкость побѣдъ Лукулла и Помпея и баснословно малыя ихъ потери въ битвахъ съ армянами.

Одинаковая по названію, верховная власть въ Персіи и Арменіи была въ сущности совершенно различна. Въ Персіи она покоилась на внутреннемъ убѣжденіи всей массы населенія, пріученнаго предшествовавшими династіями къ абсолютной покорности и ви ѣвшаго въ царѣ естественнаго защитника отъ злоупотребленій должностныхъ лицъ. Кромѣ того, въ Персіи не было стараго дворянства. Въ Арменіи, напротивъ, за незначительностью городского населенія, главная масса жителей состояла изъ поселянъ, находившихся въ полной

зависимости отъ своихъ князей и, повидимому, довольныхъ своимъ положеніемъ. Такимъ образомъ центральная власть становилась въ этой странѣ лицомъ къ лицу не ко всему народу, а только къ князьямъ. Мелкіе владѣтели, особенно въ Араратской области, мѣстопребываніи царя, пользовавшіеся милостями двора и его защитой противъ сильныхъ князей, оставались вѣрны коронѣ; но болѣе могущественные и гордые роды мало-по-малу стали удаляться отъ вліянія двора и считали для себя выгоднѣе вступать въ тайныя соглашенія съ сосѣдями на случай сопротивленія царю. Не будучи въ состояніи опереться ни на поселянъ, ни на горожанъ, цари принуждены были создать новое дворянство изъ людей, преданныхъ двору. Въ Араратской области мелкіе участки раздавались служилому люду, изъ котораго набирались придворная гвардія и то войско, непосредственнымъ начальникомъ котораго былъ самъ царь (востаникъ). Кромѣ того, мятежные вассалы часто истреблялись вѣроломно, имѣнія ихъ конфисковались и передавались вождямъ пришлыхъ дружинъ. Изъ нихъ предполагалось образовать преданное двору дворянство. Но интриги, господствовавшія при дворѣ, тайные доносы, жестокости и произволъ легкомысленныхъ царей сдѣлали то, что и эти новые князья вступили въ родственныя связи съ старыми родами и вскорѣ прониклись ихъ духомъ.

Послѣ пораженія Тиграна, Арменія сдѣлалась яблокомъ раздора между пареянами и римлянами, которые возводили и низводили царей до тѣхъ поръ, пока младшая линія армянскихъ арзакидовъ въ лицѣ Артатеса снова возсоединила Арменію въ одно государство. Изъ преемниковъ его замѣчателенъ Хосровъ Великій, царствовавшій въ первой половинѣ III вѣка. Въ это время въ Персіи совершился переворотъ, поставившій во главѣ государства новую династію съ опредѣленными политическими стремленіями. То была династія сассанидовъ.

Пареянскія династіи, господствовавшія въ Персіи и Арменіи въ теченіе болѣе 500 лѣтъ, были одинаково чужды населенію обѣихъ странъ, какъ по языку, такъ и по религіи. Хотя политическія столкновенія между ними были нерѣдки, онѣ однако никогда не забывали общности своихъ династическихъ интересовъ. Кромѣ того, персидскіе арсакиды никогда не дѣлали даже попытокъ окончательно завладѣть Арменіей, на которую смотрѣли какъ на оплотъ противъ римскихъ вторженій. Не то было теперь. Новая династія, обратившись къ національной религіи, вытѣсненной арсакидами, рѣшилась возстановить персидскую монархію въ предѣлахъ, завѣщанныхъ традиціями ахеменидовъ.

Первымъ дѣломъ ихъ было завладѣть Арменіей, съ цѣлью пре-

кратить въ ней династію арзакидовъ, могущую претендовать на персидскій престолъ по праву родства съ падшею династіей. Арменія и была на время ими занята, но династія спаслась и успѣла продержаться еще сто лѣтъ. Армянскій вопросъ въ теченіе этого времени усложнился для Персіи новымъ обстоятельствомъ: армяне всенародно приняли христіанскую вѣру.

Излагая нѣсколько пространно историческія судьбы Арменіи, мы имѣли въ виду культурную сторону вопроса. Въ странѣ, хотя и объединенной политически, но объединенной только внѣшнею связью, безъ высшихъ интересовъ, общихъ для всего народа, не могъ выработаться общенародный литературный языкъ, а безъ такого литературнаго языка не могла существовать цвѣтущая литература. При дворѣ былъ въ употребленіи сначала греческій языкъ, впослѣдствіи персидскій, и только въ концѣ существованія династіи—армянскій. Мы уже говорили, что въ дѣлахъ управленія и другихъ употреблялись писмена греческія, персидскія и сирійскія. Персы всѣми силами препятствовали распространенію въ Арменіи греческаго писма и нѣсколько разъ истребляли всѣ книги, писанныя на греческомъ языкѣ или греческими буквами, предлагая замѣнить ихъ персидскими или сирійскими. Но чужія письмена не были достаточны для выраженія всѣхъ звуковъ армянскаго языка, а о собственной національной азбукѣ не было еще рѣчи. При такихъ обстоятельствахъ, т.-е. при отсутствіи подходящей азбуки и литературнаго языка, возможна была лишь литература устная, которая, какъ мы уже видѣли, существовала у разныхъ племенъ армянскаго народа. Она всего долѣе сохранилась въ области Гаитецъ на Араксѣ. То были историческія пѣсни и сказанія о временахъ давно прошедшихъ, въ родѣ средневѣковыхъ балладъ. Эпопеи же въ родѣ «Шахъ-намэ», явившейся даже и у персовъ гораздо позже, у армянъ нельзя предполагать. Еслибъ такая народная поэма, какъ думаютъ нѣкоторые, существовала, то мы знали бы о ней хотя по названію, и М. Хоренскій, часто ссылающійся на народныя пѣсни, навѣрно упомянулъ бы о ней; но онъ этого не дѣлаетъ.

Помимо слабой политической связи, у армянъ не было и религіознаго единства. То, чтò говорится въ армянскихъ клинописныхъ памятникахъ о древней религіи жителей Арменіи, для насъ еще мало доступно. Мы принуждены ограничиться тѣми свѣдѣніями, которыя дошли до насъ у историковъ IV и V вѣковъ по Р. Х., а мы видимъ изъ нихъ, что въ разныхъ мѣстахъ Арменіи богослужебный культъ заимствованъ былъ отъ различныхъ религіозныхъ системъ. Въ армянскомъ пантеонѣ, рядомъ съ именами мѣстныхъ боговъ, встрѣчаются имена боговъ персидскихъ, греческихъ, семитическихъ. Въ

индифферентную въ религіозномъ отношеніи эпоху арзакидовъ, даже самыя имена боговъ не служатъ доказательствомъ существованія присущаго имъ культа. Напр., армянскіе боги, очевидно персидскаго происхожденія, вовсе не имѣли въ армянскомъ богослуженіи того значенія, какое связано было съ именами ихъ въ Персіи. Когда впослѣдствіи сассаниды рѣшились обратить армянъ въ религію Зороастра, армяне не считали этой религіи за вѣру своихъ отцовъ, а смотрѣли на нее какъ на новую, дѣлая различіе между своимъ *Арамаздомъ* и персидскимъ *Ормуздомъ*, хотя и то и другое имя происходило отъ первоначальнаго *Арамазда*. Не мало подтверждаетъ наше мнѣніе и отсутствіе Аримана между армянскими богами. Какъ-бы то ни было, армяне и въ этомъ отношеніи не успѣли выработать себѣ самобытной системы.

Между тѣмъ, уже со II вѣка, христіанство стало быстро распространяться въ Арменіи, а въ концѣ III вѣка Тиридатъ всенародно принялъ крещеніе отъ св. Григорія, просвѣтителя Арменіи. Слѣдствіемъ этого акта было то, что симпатіи армянскаго народа всецѣло перенеслись на сторону Византіи, гдѣ христіанство вскорѣ получило господствующее положеніе. Это обстоятельство нанесло сильный ударъ стремленіямъ сассанидовъ, которымъ приходилось теперь бороться въ Арменіи и противъ династіи, и противъ христіанства, сближавшаго жителей Арменіи съ греками. Впрочемъ, это не лишало ихъ энергіи, и они продолжали дѣло борьбы съ армянами, пользуясь всѣми представлявшимися средствами. Въ первой четверти V столѣтія, они успѣли свергнуть съ престола ненавистную имъ династію; но когда, съ цѣлью ниспровергнуть христіанство, они насильственно захотѣли обратить армянъ въ огнепоклонство, возгорѣлась жестокая религіозная война, изъ которой армяне хотя вышли побѣжденными, но навсегда уже отстояли свою религію. Такимъ образомъ пріобрѣтено было недостававшее имъ религіозное единство, за которымъ уже быстро послѣдовало изобрѣтеніе національной азбуки и одновременно созданіе богатой и цвѣтущей литературы.

Сирійскій языкъ, господствовавшій нѣкоторое время при богослуженіи, былъ, конечно, непонятенъ большинству народа. Повсемѣстно стала чувствоваться необходимость книгъ на родномъ языкѣ. Тогда одинъ изъ армянскихъ архимандритовъ, св. Месропъ, дополнивъ и усовершенствовавъ древнюю армянскую азбуку, создалъ общеупотребительныя и нынѣ армянскія писмена и тѣмъ положилъ начало армянской писмености. Нѣсколько ранѣе, при патріархѣ Нерсесѣ, церковь армянская освободилась изъ подъ вліянія греческой и стала выбирать своего католикоса, безъ посвященія отъ архіепископа кесарійскаго. Сынъ Нерсеса, католикосъ Саакъ, праправнукъ Григо-

рія Просвѣтителя, съ особенной ревностью принялся за переводъ св. писанія и богослужебныхъ книгъ на армянскій языкъ. Но видя, что такое важное и трудное дѣло требуетъ большихъ силъ, наукой къ тому подготовленныхъ, онъ отправилъ болѣе 60 молодыхъ людей въ извѣстныя школы Египта и Греціи, куда еще задолго до обращенія въ христіанство странствовали армянскіе юноши. Многіе изъ посланныхъ уже въ Греціи занялись переложеніемъ св. книгъ на свой языкъ, другіе по возвращеніи на родину. Литературнымъ языкомъ фактически признанъ былъ придворный языкъ того времени. Между тѣмъ династія арсакидовъ перестала существовать, и Арменія подпала власти персидскихъ марзпановъ (правителей).

Такимъ образомъ, по странному стеченію обстоятельствъ, все, чего лишены были армяне на долгіе вѣка своей самостоятельности— общеупотребительная азбука, литературный языкъ, единство религіи— все это явилось въ моментъ утраты независимости, и возможность общенародной литературы была создана. Феодальное устройство Арменіи продолжало существовать и послѣ прекращенія царской власти. Но въ это время появилась новая сила, одинаково признаваемая всѣми сословіями народа, не исключая и князей. То была духовная сила католикосовъ, избираемыхъ всею націей и признаваемыхъ ею безъ всякаго принужденія. Въ санѣ католикоса народъ видѣлъ олицетвореніе своего единства, представителя своихъ духовныхъ интересовъ и весьма часто защитника угнетенныхъ и миротворца.

Одновременно съ переводомъ священныхъ книгъ, были основаны по всей странѣ школы и монастыри, въ которыхъ, по примѣру средневѣковыхъ монастырей западной Европы, вскорѣ сосредоточилось дѣло обученія. Такихъ монастырей существовало въ Арменіи въ разныя времена болѣе 250.

Съ принятіемъ христіанства армяне, такъ-сказать, прервали всякую связь съ своимъ прошлымъ, съ до-христіанскимъ періодомъ своего существованія, и съ усердіемъ неофитовъ предались новому ученію. Всѣ уцѣлѣвшіе литературные памятники, состоявшіе изъ сборниковъ пѣсенъ и храмовыхъ книгъ, были истреблены, съ цѣлью предохранить будущія поколѣнія отъ возможности возвратиться къ первобытнымъ вѣрованіямъ. Поэтому едва-ли у какого другого народа литература имѣетъ такой исключительный характеръ, какъ у армянъ. Возникшая при такихъ обстоятельствахъ литература естественно должна была проникнуться строго христіанскимъ духомъ и аскетическимъ направленіемъ. Вслѣдствіе этого односторонность церковнаго вліянія на народную жизнь не замедлила выразиться вполнѣ. Веселое препровожденіе времени, пѣсни свѣтскаго содержанія, народныя празднества языческой эпохи,—все было изгнано изъ жизни, какъ недостойное христіанина. Веселые пиры замѣнилъ строгій постъ (бо-

лѣе 200 дней въ году, безъ разрѣшенія употреблять въ пищу рыбное и молочное), а церковные гимны вытѣснили пѣсню. Неблагопріятныя политическія обстоятельства, безпрерывныя бѣдствія, выподавшія на долю народа, укрѣпили его въ мысли, что жизнь дана не для наслажденія, а для перенесенія бѣдствій и притѣсненій во имя Христа, что наслажденіе ожидаетъ человѣка лишь за предѣлами жизни. Данное разъ направленіе, при одинаковыхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, удержалось въ литературѣ до послѣдняго времени.

III. Армянская литература до нашествія арабовъ.

Начиная съ IV вѣка и до нашего времени идетъ непрерывный рядъ писателей, оставившихъ намъ образцы во всѣхъ родахъ литературныхъ произведеній, кромѣ драматическаго.

Отсутствіе послѣдняго объясняется съ одной стороны степенью народнаго образованія, съ другой—христіанскимъ характеромъ эпохи, не допускавшей никакихъ сценическихъ представленій, за исключеніемъ мистерій, слѣды которыхъ и до сихъ поръ сохранились во торжественныхъ обрядахъ армянъ.

Поэтическія произведенія грековъ, какъ заключающія въ себѣ языческое міровоззрѣніе на природу и судьбу, съ самаго начала не получили доступа въ армянскую литературу, и если были переведены кой-кѣмъ, то не удержались въ ней и вскорѣ утратились.

Помимо указанныхъ нами выше отрывковъ, не сохранилось другихъ слѣдовъ древней народной поэзіи армянъ. Въ этомъ не столько слѣдуетъ винить самъ народъ, сколько его образованныхъ представителей, считавшихъ своею обязанностью игнорировать все, что не заключало въ себѣ серьознаго, главнымъ образомъ религіознаго содержанія. Весь поэтическій талантъ націи потраченъ былъ на составленіе религіозныхъ гимновъ, написанныхъ, по мнѣнію знатоковъ церковной поэзіи, съ высокимъ вдохновеніемъ. Всѣ эти гимны переведены на русскій языкъ г. Эминымъ (Шараканъ, богослужебные каноны и пѣсни, перевелъ Н. Эминъ, Москва, 1879). Чтобы познакомить читателя съ сущностью ихъ, приведемъ нѣкоторые отрывки, хотя извѣстно, что прозаическіе переводы поэтическихъ произведеній едва ли могутъ дать понятіе о красотѣ подлинника.

Канонъ на Благовѣщеніе Богородицы, стр. 18.

Неизреченная тайна, сокрытая для народовъ и вѣковъ, нынѣ открылась черезъ сошествіе архангела къ святой дѣвѣ Маріи, которую имѣемъ предстательницей нашей передъ Господомъ.

Внѣ-временное безплотное рожденіе изъ отчихъ нѣдръ нынѣ черезъ благовѣстіе Гавріила облекается плотью отъ святой Дѣвы, которую и т. д.

Невмѣстимый во всей вселенной, вмѣщающій въ себѣ все сущее, нынѣ движимый человѣколюбіемъ, заключается въ чревѣ Дѣвы, которую и т. д.

Образъ невидимой славы отца, не измѣняясь, нисходитъ до образа раба въ утробѣ Дѣвы, которую и т. д.

Безпредѣльный въ своей сущности, осуществляющій все ограниченное, нынѣ выше разумѣнія ограничивается во чревѣ святой Дѣвы, которую и т. д.

Радость скорбнаго нашего естества — радующаяся дѣва Марія, съ благословеніемъ принявшая и носившая въ себѣ подателя закона привѣтствія, — будь всегда передъ нимъ нашей предстательницей.

Одинъ изъ гимновъ, воспѣваемыхъ въ дни великаго поста, 101.

Я расточилъ нетлѣнное духовное сокровище въ тлѣнномъ этомъ мірѣ: взываю къ тебѣ одному, Спаситель благой, пощади меня, согрѣшившаго раба.

Ограду души моей я разорилъ, и сталъ я лозой, лишенной вѣтвей: взываю къ тебѣ одному, и пр.

Стою я какъ пальма съ оборванными вѣтвями, какъ маслина, лишенная плодовъ: взываю къ тебѣ и пр.

Изъ канона св. Григорію просвѣтителю, 116.

Въ этотъ день радостно ликуетъ церковь--древо, насажденное Богомъ и покрытое цвѣтами, отъ котораго дана намъ безсмертная отрасль -владыка Григорій, плодами своими наполнившій всю землю.

Вѣтвь, обремененная гроздьями истинной виноградной лозы, насажденной десницею Бога-отца! Отъ тебя нацѣдилась скорбному нашему народу чаша, приносящая радость: ею упоенные, мы возрадовались духовною радостью.

Весеннее дуновеніе южнаго вѣтра, согрѣтаго огнемъ божественнаго духа, отъ котораго (огня) растаялъ ледъ идолослуженія народовъ, обитающихъ на сѣверѣ, расцвѣтшихъ богопознаніемъ.

Владыка Григорій! Ты, новый усладительный рай, насажденный въ странѣ армянской, стоившій пота и трудовъ многихъ; ты, орошенный потокомъ слова истины, далъ отъ себя дивно прекрасные отпрыски, покрытые множествомъ цвѣтовъ·

Ты показался на землѣ небеснымъ свѣтомъ, получившимъ свой блескъ отъ солнца жизни; ты разсѣялъ густой мракъ съ армянскаго народа, и онъ увидѣлъ свѣтъ благодати святаго духа.

Сонмы огненныхъ безтѣлесныхъ воинствъ, сорадуясь, ликуютъ съ бреннымъ нашимъ естествомъ, давшимъ Богу владыку Григорія, черезъ котораго отроки православной вѣры посвящаются въ (небесную) славу... и т. д.

Изъ канона по усопшимъ, 407.

Боже безначальный, начало творчества! Ты изъ земли создалъ перваго человѣка (поселилъ его въ саду эдемскомъ), чтобы воздѣлывать его и хранить къ неизреченнной жизни; но когда онъ преступилъ заповѣдь твою, Господи, ты произнесъ надъ нимъ смертный приговоръ: прахъ ты и въ прахъ возратишься. И нынѣ молимъ тебя, создателя всего, прими и упокой отшедшія души въ свѣтозарной свѣтовой скиніи, гдѣ сонмъ святыхъ праведниковъ смиренной душой въ мірѣ (наслаждаются) небесными благами.

Я, бывшій (нѣкогда) золотомъ, сталъ безполезной вещью; изящное зданіе моего тѣла разрушилось; я (нѣкогда) мудрый, нынѣ обезумѣлъ отъ волнъ грѣховъ, въ которыя погрузился. И нынѣ молимъ и пр.

Зовущій отъ вышняго призывающаго пришелъ: страшенъ призывающій, ужа-

сенъ зовущій; судья нелицепріятенъ, судъ праведенъ,—ангелы безжалостно судятъ грѣшныхъ. И нынѣ молимъ и пр.

Великъ и страшенъ день суда; трепетъ (наводитъ) судилище, когда раздается трубный звукъ, когда слышно горѣніе ужаснаго огня.

Земля колеблется; дрожатъ твари; раздается звукъ трубы Гавріиловой по вселенной; души облекаются въ нетлѣнную плоть.

Съ востока является крестъ въ блескѣ, семикратно превосходящемъ (сіяніе) солнца; праведнымъ сіяніе, и грѣшники (навсегда) лишаются чистѣйшаго свѣта; и лучи святаго креста, предшествуя тебѣ, очищаютъ тебѣ мѣсто возсѣданія: въ тотъ страшный день помилуй души нашихъ усопшихъ.

Съ X вѣка вошло у армянъ въ обыкновеніе писать длинныя стихи, оканчивающіеся на одну и туже риѳму. Такими стихами написано множество молитвъ, гимновъ и элегій. Послѣднія, обыкновенно историческаго содержанія, писались по поводу какого-либо несчастнаго для христіанъ событія, напр., на взятіе Эдессы Эммида... номъ въ 1144 году; на взятіе Іерусалима Саладиномъ; на взятіе Константинополя и пр.

Главную массу произведеній армянской литературы состав...ютъ трактаты религіознаго содержанія, слова на праздники, пропо...ѣди, молитвы, полемическія статьи, толкованія св. писанія, жизнеописанія святыхъ, а также математическія, географическія, фил...софскія и медицинскія сочиненія. Но особенное вниманіе обра...ютъ на себя въ армянской литературѣ отдѣлы переводный и историческій.

Вмѣстѣ съ превосходнымъ переводомъ Библіи, армяне перел...жили на свой языкъ почти всѣ сочиненія знаменитыхъ отцовъ церк... и сохранили такимъ образомъ множество драгоцѣнныхъ памятник... греческой и сирійской литературы. Можно съ достовѣр...ью утв...ждать, что по крайней мѣрѣ третья часть литературн... прои...ній грековъ была переведена на армянскій языкъ въ первые ...обращенія въ христіанство. И до сихъ поръ существуютъ во ...жествѣ экземпляровъ переводы твореній Северіана, Филона, Д...сія Ѳракійскаго, Аристотеля, Игнатія Антіохійскаго, Григорія, ...а-насія, Василія Великаго, Кирилла Александрійскаго, Златоу... и многихъ другихъ. Къ числу ихъ слѣдуетъ отнести переводъ ...ра-ченной хроники Евсевія, съ котораго издано нынѣ три отдѣл...ыхъ латинскихъ перевода; переводъ лже-каллисѳеновой исторіи А...ек...дра Великаго; переводъ утраченной исторіи Михаила, патріарха ...рійскаго, и пр.

Одновременно съ другими родами литературныхъ про...веденій, писались также историческія сочиненія, непрерывный р...ь которыхъ тянется отъ IV и по XVIII столѣтіе. До сихъ поръ ...вѣстны около 60 историческихъ сочиненій, въ которыхъ пе...ются событія, волновавшія въ разное время Арменію. Армянск... историки, большинство которыхъ вѣрнѣе бы было назвать лѣто...цами,

не ограничиваясь судьбами своей родины, сообщають и о другихъ народахъ массу интересныхъ извѣстій, которыя не только пополняють наши свѣдѣнія, но и проливають новый свѣтъ на исторію ближайшихъ народовъ: на всѣ эпохи исторіи Персіи, начиная съ арзакидовъ, на исторію аравитянъ, Византіи сельчуковъ, Грузіи, монголовъ, крестовыхъ походовъ и др.

Изложеніе армянскихъ писателей вообще отличается простотою и ясностью; но древнѣйшіе авторы больше обращають вниманіе на тщательную отдѣлку стиля. Такъ какъ всѣ почти армянскіе лѣтописцы принадлежали къ духовному сословію, то и въ изложеніи ихъ бо́льшею частью замѣчается односторонній взглядъ средневѣковаго христіанскаго монаха, который одинаково приписываетъ и удачу и бѣдствіе своего народа попущенію божію, рѣдко стараясь объяснить тотъ или другой фактъ какъ слѣдствіе извѣстныхъ условій времени или настроенія умовъ. Главное достоинство армянскихъ лѣтописцевъ —достоинство, которое ставитъ ихъ выше другихъ азіатскихъ лѣтописцевъ,—строгая правдивость и безпристрастіе. Знакомые съ армянскою литературой знаютъ, съ какимъ религіознымъ благоговѣніемъ приступаетъ армянскій лѣтописецъ къ изложенію своего предмета, и какъ высоко онъ цѣнитъ, даже въ непріятелѣ, исполненіе нравственнаго долга. Во всемъ изложеніи читатель постоянно замѣчаетъ тихую, сдержанную грусть при передачѣ подробностей той или другой катастрофы. А катастрофы — чуть ли не вся исторія Арменіи. Нерѣдко въ концѣ своего сочиненія авторъ обращается къ читателю съ просьбой послѣдовать его примѣру, и налагаетъ проклятіе на того переписчика, который дерзнулъ бы исказить его трудъ, или навязать автору то, чего онъ не говорилъ.

Оригинальныхъ историческихъ сочиненій, писанныхъ отъ IV до XVIII столѣтія, открыто до сихъ поръ 56. Списокъ ихъ, съ подробнымъ обозначеніемъ изданій и переводовъ приведенъ въ моей статьѣ: «Библіографическій очеркъ исторической армянской литературы», помѣщенной въ I-мъ томѣ «Мемуаровъ петербургскаго международнаго конгресса оріенталистовъ».

До сихъ поръ еще не приведено въ ясность, сколько отдѣльныхъ сочиненій древне-армянской литературы сохранилось до нашего времени. Приблизительно извѣстно только число рукописныхъ томовъ, хранящихся въ разныхъ книгохранилащахъ Европы и русской Арменіи. Ихъ около 4500 сборниковъ, часто заключающихъ въ себѣ по нѣскольку отдѣльныхъ статей и сочиненій. Здѣсь не принято въ разсчетъ количество манускриптовъ, находящихся въ Іерусалимѣ, Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ европейской и азіатской Турціи, гдѣ по меньшей мѣрѣ слѣдуетъ предполагать около половины приведеннаго нами числа. Едва-ли третья часть всей этой массы ру-

кописей приведена въ извѣстность. Обыкновенно особымъ вниманіемъ пользовались до сихъ поръ историческія сочиненія, и въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ текущаго столѣтія ихъ открыто и сдѣлано доступнымъ для ученыхъ 14 сочиненій, считавшихся утраченными. Такимъ образомъ мы не имѣемъ и теперь точнаго понятія о богатствѣ древней армянской литературы.

Древнѣйшимъ писателемъ армянскимъ считается *Агаѳангелъ*, описавшій подвижничество св. Григорія и обращеніе армянъ въ христіанскую вѣру при царѣ Тиридатѣ, въ концѣ III и въ началѣ IV вѣка.

Продолжателемъ его до 390 г. былъ *Фаустъ Византійскій*, одинъ изъ замѣчательныхъ армянскихъ писателей по языку и живости изложенія. Нѣкоторыя важныя извѣстія о древне-армянскомъ языческомъ культѣ встрѣчаются въ лѣтописи *Зенаба Глака*, настоятеля перваго въ Арменіи монастыря Іоанна Крестителя, въ Мушѣ.

Въ V вѣкѣ, называемомъ обыкновенно золотымъ вѣкомъ армянской литературы, дѣйствуютъ уже на поприщѣ армянской писмености ученики католикоса Саака и Месропа, воротившіеся изъ греческихъ школъ Византіи, Аѳинъ и Египта, куда они были отправлены для полученія высшаго въ то время образованія. Подъ ихъ перомъ армянскій языкъ получаетъ гибкость и развитіе классическаго языка, и дѣлается способнымъ къ тонкой передачѣ отвлеченныхъ идей. Въ короткое время не только всѣ книги ветхаго и новаго завѣтовъ, но почти всѣ творенія св. отцовъ и апокрифы, извѣстные въ то время, были переложены на армянскій языкъ. Изъ писателей этого вѣка мы назовемъ философа *Давида*, прозваннаго Непобѣдимымъ. Кромѣ перевода бо̀льшей части твореній Аристотеля, Порфирія и другихъ, онъ оставилъ нѣсколько самостоятельныхъ сочиненій, изъ которыхъ назовемъ «Книгу опредѣленій, или начала философіи». Въ этомъ трактатѣ, доставившемъ Давиду значительный авторитетъ между современными ему греческими философами, онъ развиваетъ самостоятельную систему философіи. Греческіе переводы нѣкоторыхъ статей Давида хранятся въ разныхъ библіотекахъ Европы.

Въ первой четверти того же столѣтія, вскорѣ послѣ изобрѣтенія армянскихъ буквъ, пало армянское царство, а въ 449 году возгорѣлась религіозная война между персами, стремившимися распространить въ Арменіи огнепоклонство, и армянами, отстаивавшими недавно принятую ими христіанскую вѣру. Эта богатая событіями эпоха вполнѣ отразилась въ историческихъ сочиненіяхъ V вѣка. Одинъ изъ болѣе извѣстныхъ армянскихъ писателей, Моисей Хоренскій, первый написалъ полную исторію Арменіи въ трехъ книгахъ. Черпая въ народныхъ сказаніяхъ и пѣсняхъ матеріалы для первой книги, посвященной первобытнымъ временамъ Арменіи, онъ въ остальныхъ двухъ книгахъ пользовался современными источниками и раз-

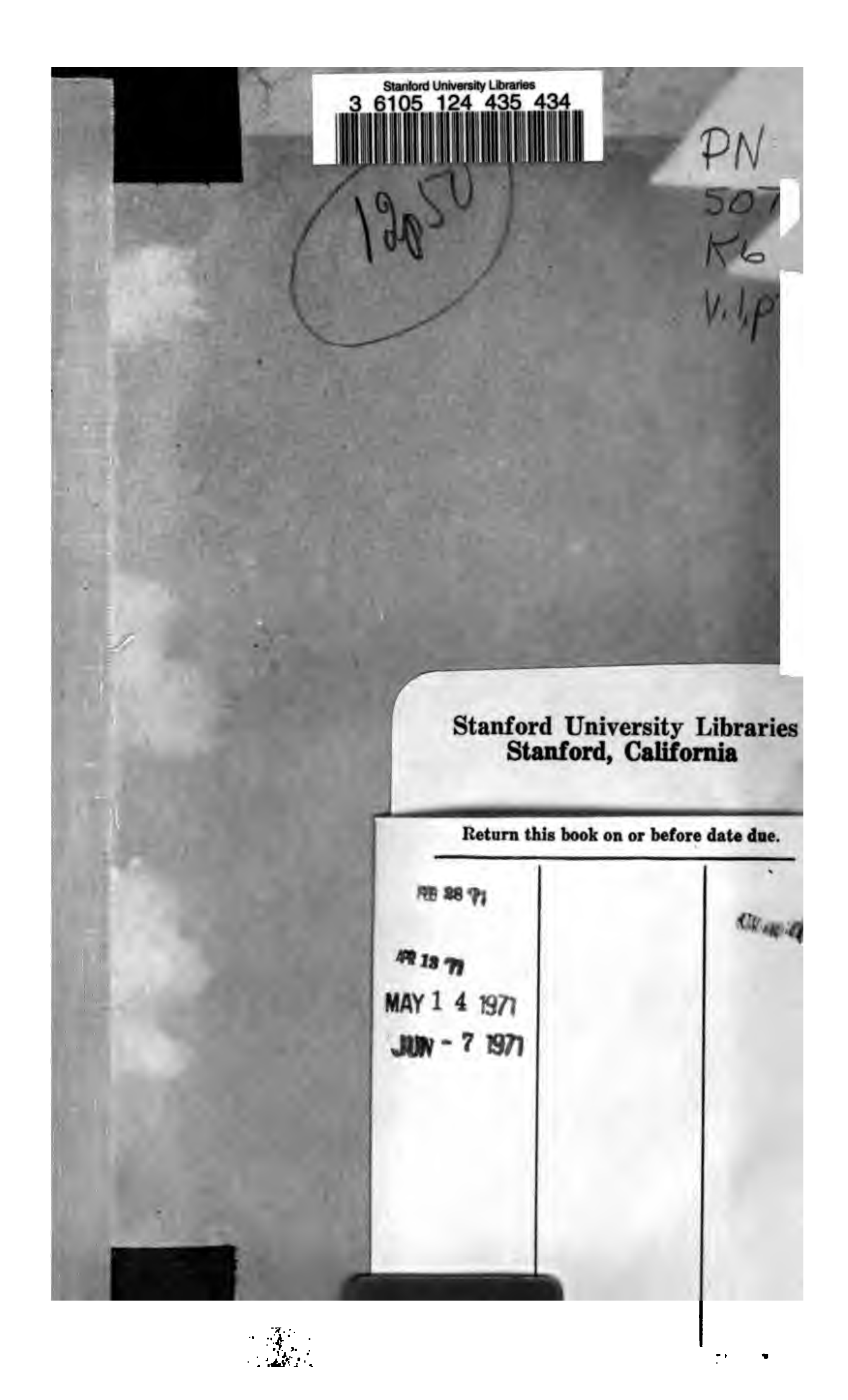
сказами очевидцевъ паденія самостоятельности своей родины. Существуютъ девять переводовъ этой исторіи на разные европейскіе языки, въ томъ числѣ два перевода на русскій языкъ.

Религіозная война имѣла двухъ историковъ, изъ которыхъ первый, *Лазарь Парпеци*, начинаетъ свой разсказъ съ того мѣста, гдѣ остановился Фаустъ Византійскій, и доводитъ его до 485 года. Современникъ его, *Эгише* (Елисей), ограничился описаніемъ первой половины войны, въ теченіе которой пали армянскій предводитель князь Варданъ Мамиконьянъ и его сподвижники, въ кровопролитной битвѣ на поляхъ аварайрскихъ. Мастерское изображеніе обстоятельствъ и хода войны, живость разсказа, ясный и общедоступный языкъ сдѣлали сочиненіе Эгише весьма популярнымъ между его соплеменниками. День смерти Вардана въ битвѣ при Аварайрѣ исключительно обязанъ его превосходному описанію тѣмъ, что не забытъ народомъ, и въ настоящее время чествуется какъ народный праздникъ во всѣхъ странахъ, обитаемыхъ армянами.

Одновременно съ упомянутыми историками жилъ *Эзникъ*, который посвятилъ свои труды опроверженію ересей. Главное мѣсто въ его книгѣ принадлежитъ строгой критикѣ ученія Зороастра, которое персы водворяли въ то время въ Арменіи. Въ томъ же вѣкѣ писали *Карьюнъ*, *Мамбре*, *Гютъ* и другіе.

Подчинивъ себѣ Арменію, персы незначительно измѣнили внутреннее ея устройство, замѣнивъ туземныхъ царей въ административномъ отношеніи своими *марзпанами*, или воеводами. Вся же территорія, съ нѣкоторыми исключеніями, продолжала принадлежать *нахарарамъ*, управлявшимъ своими участками согласно стародавнимъ обычаямъ. Со смертью лицъ, получившихъ образованіе въ византійскихъ владѣніяхъ, и со времени прекращенія сношеній съ Византіей подъ давленіемъ марзпановъ, ощущается въ армянахъ упадокъ умственнаго движенія, ознаменовавшаго предшествовавшій вѣкъ. Оттого VI вѣкъ довольно бѣденъ писмеными памятниками. Изъ замѣчательныхъ событій этого вѣка слѣдуетъ обратить вниманіе на установленіе армянской эры (552 г.) и на отдѣленіе грузинской церкви отъ армянской. До насъ дошла переписка, происходившая по этому поводу между армянскими патріархами, Моисеемъ и Абраамомъ,—съ одной стороны, и Ксаріаномъ, епископомъ грузинскимъ—съ другой.

Въ VII вѣкѣ Арменія подверглась новымъ жестокимъ опустошеніямъ со стороны арабовъ, огнемъ и мечомъ распространявшихъ свое вѣроученіе. Но объ этой порѣ и о послѣдующихъ явленіяхъ армянской литературы мы будемъ говорить впослѣдствіи.

Stanford University Libraries
3 6105 124 435 434
PN
507
K6
V.1,p
12050
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.
MAY 1 4 1971
JUN - 7 1971

